Istoriia Rossii

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Ilovaiskii, D. I

Соч. Д. Иловайскаго.

t. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКІЙ ПЕРІОДЪ

или

СОБИРАТЕЛИ РУСИ.

Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1896.

ИСТОРІИ РОССІИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВѢКА XIV и XV.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

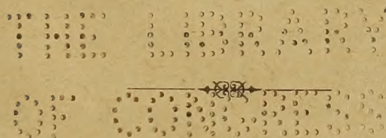
ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКІЙ ПЕРІОДЪ

или

СОБИРАТЕЛИ РУСИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.



МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утв. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская улица, собственный домъ.

1896.

I.

МОСКВА И ТВЕРЬ. КАЛИТА И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Легенды объ основаніи Москвы. — Историческое ея происхожденіе. — Даніилъ Александровичъ первоначальникъ собиранія Руси.— Юрій Даниловичъ. — Начало Тверского княженія.—Михаилъ Тверской.—Митрополитъ Петръ.—Ханъ Узбекъ.— Соперничество Твери и Москвы изъ-за Новгорода и великаго княженія Владимірскаго.—Мученическая смерть Михаила.—Гибель Юрія.—Александръ Михайловичъ и избіеніе Татаръ въ Твери.—Иванъ Калита и судьба Александра.—Политика Калиты и его примыслы.—Дружба съ Петромъ митрополитомъ и водвореніе митрополитовъ въ Москвѣ. — Постройки Калиты и его духовныя грамоты. — Симеонъ Гордый. — Извѣстіе Батуты о Золотой Ордѣ. — Москва при Симеонѣ. — Черная Смерть.—Рязань и Муромъ.—Тверь.—Начало Нижегородскаго княженія.—Иванъ II Красный.—Алексѣй митрополитъ.—Московскіе тысяцкіе.—Причины возвышенія Москвы.

Почти въ самой срединѣ Восточноевропейской равнины, въ одной изъ наиболѣе возвышенныхъ мѣстностей Алаунскаго пространства, въ отлогой котловинѣ лежитъ городъ Москва, съ именемъ которой неразрывно связано понятіе о средоточіи Великорусскаго племени и Русской государственности по преимуществу. Подобно и другимъ древнимъ средоточіямъ государственной жизни, происхожденіе города Москвы сдѣлалось достояніемъ легенды и разныхъ домысловъ, которые не замедлили изукрасить ея начальную исторію. Извѣстно, что этотъ городъ впервые упоминается подъ 1147 годомъ, когда Суздальскій князь Юрій Долгорукій принималъ здѣсь и угощалъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, своего союзника въ борьбѣ съ племянникомъ Изяславомъ II Кіевскимъ. Въ лѣтописяхъ Москва называется иначе Кучковымъ. У сына Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго, какъ мы знаемъ, были бояре Кучковичи, два брата съ своимъ зятемъ. Великій князь казнилъ одного изъ братьевъ; а другой братъ и зять составили заговоръ, и убили самого Андрея. Этихъ именъ и обстоя-

тельствъ было вполнѣ достаточно, чтобы потомъ сложилась извѣстная легенда.

Сущность ея слѣдующая:

Былъ когда-то богатый и знатный бояринъ, по имени Степанъ Кучко, который владѣлъ нѣсколькими „красными“ селами на берегахъ рѣки Москвы. Разъ онъ прогнѣвалъ князя Юрія Долгорукаго тѣмъ, что не воздалъ ему надлежащей чести; князь велѣлъ его казнить; а двухъ сыновей и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ своему сыну Андрею. Сей послѣдній женился потомъ на Улитѣ, а братьевъ ея сдѣлалъ своими близкими боярами. Между тѣмъ села Кучковы князь Юрій присвоилъ себѣ; ихъ красивое мѣстоположеніе очень понравилось князю, и онъ построилъ тутъ городъ, который отъ рѣки названъ Москвою.

Это первоначальное сказаніе, какъ обыкновенно бываетъ, впослѣдствіи подверглось еще разнымъ прибавкамъ и передѣлкамъ, такъ что явилось какъ бы нѣсколько сказаній. По одному изъ нихъ, Юрій Долгорукій любилъ жену своего тысяцкаго Кучка и казнилъ его за намѣреніе перейти на сторону Изяслава Кіевскаго. По другому, болѣе позднему, сказанію, уже не Юрій Долгорукій казнитъ Степана Кучка и строитъ городъ Москву, а сынъ Александра Невскаго—Андрей, который мстилъ боярину и его сыновьямъ за убійство своего брата Данила Александровича. Наконецъ, еще болѣе поздніе книжники сочинили сказку о построеніи Москвы княземъ Даниломъ, который, посреди болотъ и лѣсовъ, нашелъ здѣсь хижину пустынника Букала, и на мѣстѣ этой хижины возникъ впослѣдствіи велико-княжескій дворъ. Очевидно, названія московскихъ мѣстностей и урочищъ, каковы Кучково (село), Кучково поле, Букалово и т. п., давали поводъ къ различнымъ домысламъ, которые связывались съ именами разныхъ князей, имѣвшихъ дѣйствительное участіе въ исторіи Москвы ([1]).

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ старшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Тамъ Москва, если и упоминается впервые подъ 1147 годомъ, какъ мѣсто встрѣчи Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ, то является по смыслу этого извѣстія уже однимъ изъ существовавшихъ городовъ Суздальскаго Залѣсья.

Около средины своего теченія (ближе къ устью) извилистая рѣка Москва въ одномъ изъ своихъ изгибовъ преграждается небольшимъ каменистымъ порогомъ. Вода съ шумомъ бѣжитъ по этому порогу и только въ полую воду покрываетъ его на значительную глубину.

Этотъ-то небольшой порогъ (нынѣ подлѣ храма Спасителя, подъ бывшимъ Каменнымъ мостомъ) и послужилъ первоначальною причиною къ возникновенію знаменитаго города. Выше порога рѣка по своему мелководью только сплавная, а ниже его она судоходна. Извѣстно, что въ древней Россіи важнѣйшимъ средствомъ сообщенія служили судоходныя рѣки. Главный путь изъ Южной Руси въ Сѣверовосточную или изъ Черниговo-Кіевской въ Суздальскую шелъ вверхъ по Деснѣ, по всей вѣроятности, до Брянска, а отсюда небольшимъ волокомъ или сухопутьемъ—въ Оку (можетъ быть сухопутье шло, собственно, до Козельска, т.-е. до нижней Жиздры, лѣваго притока Оки). Далѣе Окою суда спускались до устья Москвы, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ и доходили до помянутаго порога. Здѣсь путники опять покидали суда и сухопутьемъ отправлялись въ стольные города Ростовъ, Суздаль и Владиміръ Залѣсскій. Въ томъ же пунктѣ съ этимъ путемъ перекрещивался другой, который шелъ изъ Юго-восточной Руси въ Сѣверозападную, изъ Муромо-Рязанской земли въ Новогородскую и Смоленскую, къ верхней Волгѣ и верхнему Днѣпру. Такое положеніе, на границѣ нѣсколькихъ волоковъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ водяныхъ путей, очень рано сдѣлало Москву узломъ перекрещивающихся торныхъ дорогъ, по которымъ ходили и русскіе князья съ своими дружинами, и русскіе торговцы съ своими товарами.

Найденные въ недавнее время остатки языческихъ кладбищъ и разные предметы доисторическаго быта свидѣтельствуютъ, что на берегахъ рѣки Москвы, около устьевъ Яузы и Неглинной, существовали поселенія уже въ глубокой древности. Слѣдовательно, при распространеніи Русскаго владычества въ Залѣсскомъ краѣ посреди Финскаго народца Мери, князья не могли не оцѣнить такого выдающагося пункта; а потому естественнымъ является построеніе городка на Боровицкомъ холмѣ или на возвышенномъ мысу, при впаденіи болотистой рѣчки Неглинной въ Москву рѣку. Холмъ сей, какъ показываетъ его названіе, былъ прежде покрытъ густымъ боромъ. Это построеніе деревяннаго Кремля и занятіе его отрядомъ русскихъ дружинниковъ относятся ко времени никакъ не позднѣе первой половины XI вѣка, которая была эпохою утвержденія христіанства и русской народности въ Залѣсьѣ.

Мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ, еще въ молодости своей, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Ростовскій край и, вѣроятно, отъ его вниманія не ускользнула Москва съ ея выгоднымъ положеніемъ. Когда

же Залѣсскій край сталъ выдѣляться изъ общаго состава Русскихъ областей, то этотъ городъ пріобрѣлъ еще большую важность для Суздальскихъ князей: онъ очутился на пограничьѣ Суздаля съ владѣніями Рязанскими, Черниговскими и Смоленскими. Первый самостоятельный Суздальскій князь Юрій Долгорукій, вѣроятно, расширилъ и еще болѣе укрѣпилъ Москву. Поэтому неудивительно, что съ его именемъ связаны первое лѣтописное о ней извѣстіе и затѣмъ помянутыя легенды о ея основаніи.

При своемъ выгодномъ положеніи, торговомъ и промышленномъ, естественно, Москва рано сдѣлалась и средоточіемъ особаго удѣльнаго княжества; можетъ быть уже при Юріи Долгорукомъ нѣкоторое время здѣсь сидѣлъ одинъ изъ его сыновей (Ростиславъ). Потомъ встрѣчаемъ удѣльнымъ Московскимъ княземъ одного изъ сыновей Всеволода III (Владиміра), затѣмъ одного изъ сыновей Юрія II (также Владиміра). Во время Батыева нашествія Москва была первымъ Суздальскимъ городомъ, который сдѣлался добычею Татаръ, такъ какъ послѣдніе двигались съ юговостока, со стороны Рязани. Извѣстно, что при взятіи Москвы молодой князь Владиміръ Юрьевичъ попалъ въ плѣнъ, а главный его воевода (или пѣстунъ княжича, или Московскій тысяцкій) Филиппъ Нянька палъ въ битвѣ. Лѣтопись говоритъ, что Татары избили жителей, сожгли городъ, церкви, монастыри, села и взяли „много имѣнія". Отсюда мы въ правѣ заключить, что Москва въ то время была уже значительнымъ городомъ, который, по русскому обычаю, состоялъ изъ кремля или внутренней крѣпости и посада или внѣшняго города, расположеннаго по сосѣднимъ холмамъ и также укрѣпленнаго валами и стѣнами; въ городѣ были не только церкви, но и монастыри; а около посада и по другую сторону рѣки Москвы существовали разныя села и деревни.

Слѣдующимъ удѣльнымъ княземъ Московскимъ является младшій братъ Александра Невскаго Михаилъ, по прозванію „Хоробритъ", и настолько сильнымъ, что онъ захватилъ великое княженіе Владимірское (у дяди своего Святослава). Впрочемъ, онъ вскорѣ палъ въ битвѣ съ Литовцами (1248 г.). Затѣмъ мы видимъ удѣльнымъ княземъ на Москвѣ самаго младшаго изъ сыновей Александра Невскаго, Даніила, съ котораго и начинается непрерывное и довольно быстрое возвышеніе Московскаго княженія надъ всѣми другими. Этотъ умный, дѣятельный князь, ребенкомъ оставшійся послѣ своего отца, выросъ и возмужалъ въ печальное для Россіи время, посреди такихъ бурныхъ событій, каковы татарскіе погромы и междоусобныя

брани, поднятыя его старшими братьями изъ-за Владимірскаго стола, въ которыхъ волей - неволей онъ долженъ былъ принимать участіе. Потомъ, въ союзѣ съ другими князьями, онъ боролся противъ утвердившагося на великомъ столѣ брата Андрея Городецкаго по поводу его попытокъ къ захвату нѣкоторыхъ земель. Трудное время обыкновенно вырабатываетъ характеры, замѣчательные по своей энергіи, изворотливости и настойчивости въ достиженіи цѣлей; таковыми явились Даніилъ Александровичъ и сынъ его Иванъ Калита. При жизни своихъ дядей и старшихъ братьевъ Даніилъ не могъ имѣть законныхъ притязаній на великое княженіе Владимірское—эту общую цѣль всѣхъ наиболѣе сильныхъ князей того времени. За то всю свою энергію онъ употребилъ на увеличеніе и округленіе собственнаго Московскаго удѣла, въ чемъ имѣлъ успѣхъ при помощи оружія и ловкой политики; потому и можетъ быть названъ „первоначальникомъ“ собиранія Русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы. Онъ сдѣлалъ такіе два важныхъ примысла къ своему удѣлу, какъ Коломна и Переяславль-Залѣсскій.

Еще прежде Суздальскіе князья стремились отрѣзать отъ Рязанской области ея пограничный городъ Коломну, который по своему положенію на лѣвой сторонѣ Оки тянулъ болѣе къ Суздальской землѣ. Для Московскихъ князей Коломна получила еще большую важность: она запирала устье рѣки Москвы и была, можно сказать, необходима для округленія ихъ владѣній. Даніилъ воспользовался смутнымъ состояніемъ Рязани, т.-е. ея княжескими усобицами, затѣялъ войну съ великимъ Рязанскимъ княземъ Константиномъ Романовичемъ, захватилъ Коломну, разбилъ противника подъ стольнымъ Переяславлемъ Рязанскимъ, и какою-то хитростію взялъ въ плѣнъ самого Константина (1301 г.). Въ то же время главныхъ сѣверно-русскихъ князей не мало волновалъ вопросъ о томъ, кому перейдетъ въ наслѣдство Переяславль-Залѣсскій послѣ смерти его князя, больного, бездѣтнаго Ивана Дмитріевича (внукъ Невскаго). Къ этому наслѣдству стремились и родные его дяди Андрей съ Даніиломъ, и двоюродный Михаилъ Тверской. Но Даніилъ Московскій съумѣлъ привлечь племянника на свою сторону и, послѣ его смерти (1302 г.), по духовному завѣщанію, наслѣдовалъ Переяславль съ весьма значительною по тому времени волостью.

Этотъ замѣчательный князь, увеличивая свои владѣнія, по всѣмъ признакамъ, былъ домовитымъ хозяиномъ и много заботился также объ устроеніи и укрѣпленіи своего стольнаго города. Несмотря на

татарскія разоренія (особенно при нашествіи Дюденя въ 1293 г.), Москва, очевидно, успѣвала оправиться и обстроиться, такъ что послѣ Даніила она является сравнительно цвѣтущимъ и весьма крѣпкимъ городомъ. Памятникомъ сего князя, между прочимъ, служитъ основанный имъ за Москвой рѣкой Даниловъ монастырь (съ храмомъ во имя Даніила Столпника). Даніилъ Александровичъ скончался въ 1304 г. (по другому извѣстію въ 1303 г.), еще въ порѣ мужества; ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Передъ смертью, по обычаю благочестивыхъ людей, онъ постригся и принялъ схиму. Погребенъ онъ былъ въ томъ же Даниловомъ монастырѣ (2).

У Даніила Александровича осталось пять сыновей, между которыми, конечно, и была подѣлена его волость. Старшій изъ нихъ, Юрій, сидѣлъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, когда пришло туда извѣстіе о кончинѣ отца. Любопытно, что Переяславцы при этомъ извѣстіи не пустили Юрія въ Москву на отцовское погребеніе. Вѣроятно жители опасались захвата со стороны его дядей, Михаила Тверского или Андрея Городецкаго. А можетъ быть въ этомъ случаѣ сказалось желаніе стараго города, чтобы княжескій столъ былъ утвержденъ въ немъ, а не въ Москвѣ, которая считалась сравнительно младшимъ городомъ. Какъ бы то ни было, Юрій занялъ столъ Московскій; а Переяславль передалъ слѣдующему за нимъ брату Ивану (Калитѣ); слѣдовательно, этотъ городъ долженъ былъ удовольствоваться вторымъ мѣстомъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что жители его уже сами тянули къ Москвѣ и предпочитали ея князей другимъ сосѣднимъ князьямъ. Такъ рано сказывается тяготѣніе къ Москвѣ въ окрестныхъ русскихъ областяхъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній Юрія Даниловича, какъ Московскаго князя, было отнятіе Можайскаго удѣла отъ сосѣдней Смоленской области. Уже въ годъ смерти отца, онъ съ своими братьями предпринялъ походъ на Можайскъ и взялъ его, а удѣльнаго Можайскаго князя Святослава (Глѣбовича) плѣнникомъ привелъ въ Москву. Пріобрѣтеніе Можайской волости было третьимъ важнымъ примысломъ послѣ Коломны и Переяславля: оно округляло Московскія владѣнія съ запада. Можайскъ лежитъ на верховьяхъ Москвы; слѣдовательно, все теченіе этой рѣки находилось теперь въ рукахъ Московскихъ князей. Такимъ образомъ Юрій Даниловичъ сдѣлался едва ли не сильнѣйшимъ княземъ сѣверо-восточной Руси. Но уже въ самомъ началѣ своего княженія онъ заявляетъ не одну энергію, а также жестокость своего характера и крайнюю неразборчивость въ средствахъ. Такъ,

онъ велѣлъ убить помянутаго выше Рязанскаго князя Константина Романовича, захваченнаго въ плѣнъ Даніиломъ и вѣроятно несоглашавшагося на какой-нибудь постыдный для себя договоръ. Почти въ то же время умеръ дядя Юрія Андрей Городецкій, и честолюбивый племянникъ немедленно началъ добиваться великаго княженія Владимірскаго, хотя отецъ его никогда не сидѣлъ на этомъ княженіи. Но тутъ онъ встрѣтилъ соперника себѣ въ Тверскомъ князѣ, который приходился ему двоюроднымъ дядею, и имѣлъ за собою всѣ права на старшинство. Тогда то началась исполненная трагическихъ событій борьба Москвы съ Тверью.

Почти въ одно время съ Московскимъ начало выдѣляться и Тверское княженіе изъ состава Суздальскихъ волостей. Хотя городъ Тверь впервые упоминается въ лѣтописи въ началѣ XIII вѣка (въ 1209 г.), однако, нѣтъ сомнѣнія, что онъ существовалъ гораздо ранѣе. Такой пунктъ, какъ впаденіе рѣки Тверцы въ Волгу, лежавшій на водномъ пути изъ Новгорода въ Низовыя земли, не могъ оставаться безъ судовой пристани, какъ только усилилось движеніе по этому пути, торговое и военное. Построеніе или, скорѣе, обновленіе и лучшее укрѣпленіе Тверского кремля, по всей вѣроятности, было дѣломъ Всеволода III, оцѣнившаго всю важность этого пункта при частыхъ столкновеніяхъ Суздальцевъ съ Новогородцами: въ виду пограничнаго новогородскаго пригорода Торжка, лежащаго на Тверцѣ, необходимо было укрѣпить ея устье со стороны Суздаля. Первымъ удѣльнымъ княземъ Тверскимъ является внукъ Всеволода Ярославъ Ярославичъ, одинъ изъ младшихъ братьевъ Александра Невскаго. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что онъ былъ преемникомъ Невскаго на великомъ княженіи Владимірскомъ и жилъ большею частію не во Владимірѣ, а въ своемъ наслѣдственномъ городѣ Твери. Онъ старался воспользоваться достоинствомъ великаго князя для увеличенія своего удѣла, между прочимъ на счетъ своихъ сосѣдей Новогородцевъ, и, кажется, не безъ успѣха, хотя и встрѣтилъ съ ихъ стороны мужественное сопротивленіе. Во всякомъ случаѣ, Ярославъ Ярославичъ оставилъ своимъ преемникамъ довольно сильное и округленное княжество. Оно не было велико по объему, но заключало въ себѣ значительные по тому времени торговые верхне-волжскіе города, каковы, кромѣ Твери: Ржевъ (спорный съ сосѣдними Смольнянами), Зубцовъ, Старица (или Новый Городокъ), Кснятинъ; кромѣ приволжскихъ, замѣчательны еще Тверскіе города: Кашинъ, Микулинъ, Холмъ и др.

Послѣ непродолжительнаго княженія старшаго Ярославова сына Святослава, тверскимъ княземъ является младшій его сынъ Михаилъ, рожденный отъ второй супруги Ярослава Ярославича новогородской боярыни Ксеніи. Въ началѣ своего княженія юный Михаилъ Ярославичъ, очевидно, находился подъ опекою своей матери Ксеніи и опытныхъ отцовскихъ бояръ. Возмужавъ, онъ является дѣятельнымъ, предпріимчивымъ княземъ. При жизни своего двоюроднаго брата Андрея Городецкаго, Михаилъ дѣйствуетъ противъ его самовластія въ союзѣ съ другимъ двоюроднымъ братомъ Даніиломъ Московскимъ. Но смерть Андрея влечетъ за собою коренную перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ Твери и Москвы.

Оба князя, Тверской и Московскій, отправились въ Орду хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Въ Ордѣ ханъ и его вельможи не столько обращали вниманіе на старшинство, сколько на дани и подарки. Кто дороже заплатилъ, кто обязался вносить бо̀льшую дань, тотъ и получалъ ярлыкъ. На первый разъ верхъ остался за Михаиломъ Тверскимъ. Но еще прежде, нежели соперники успѣли вернуться изъ Орды, ихъ намѣстники и бояре уже открыли междоусобную брань. По смерти Андрея Городецкаго часть его бояръ не захотѣла оставаться на службѣ его сына Михаила, князя Суздальско-Нижегородскаго, и *отъѣхала* въ Тверь къ Михаилу Ярославичу, предпочитая, конечно, служить болѣе сильному и богатому князю, наслѣднику великаго стола Владимірскаго. Знатнѣйшимъ изъ этихъ отъѣхавшихъ бояръ былъ какой-то Акинѳъ. Онъ явился во главѣ тверской рати, которая пошла на Переяславль-Залѣсскій: Тверичи думали воспользоваться отсутствіемъ Юрія и отнять у него спорный Переяславль. Кажется, они имѣли доброхотовъ между переяславскими боярами. Но тутъ начальствовалъ братъ Юрія, знаменитый въ послѣдствіи Иванъ Калита. Вовремя предупрежденный объ опасности, онъ успѣлъ призвать помощь изъ Москвы; укрѣпилъ присягою переяславскихъ бояръ; потомъ выступилъ навстрѣчу Тверичамъ и разбилъ ихъ на голову. Въ этой битвѣ погибъ и самъ бояринъ Акинѳъ.

Вообще около того времени замѣтно въ нѣкоторыхъ суздальскихъ городахъ какое-то столкновеніе между боярами и черными людьми. Такъ, въ годъ смерти великаго князя Андрея Александровича, въ Костромѣ народъ цѣлымъ вѣчемъ поднялся на главныхъ бояръ, при чемъ двое изъ нихъ умерщвлены чернью. Въ слѣдующемъ году такое же возстаніе произошло въ Нижнемъ-Новгородѣ; тамъ чернь избила нѣсколькихъ бояръ. Вѣроятно причиною мятежа были притѣс-

ненія и вымогательства княжихъ намѣстниковъ и чиновниковъ, а можетъ быть бояре затѣяли какую-нибудь крамолу или измѣну. Смуты эти случались въ отсутствіе князей, которые должны были часто ѣздить въ Орду за ярлыками и по другимъ дѣламъ, и вообще по долгу тамъ проживали. По крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что сынъ и преемникъ Андрея Городецкаго въ его Суздальско-Нижегородскомъ удѣлѣ Михаилъ Андреевичъ, воротясь изъ Орды въ Нижній-Новгородъ, казнилъ многихъ вѣчниковъ, виновныхъ въ самовольной расправѣ съ боярами. Вскорѣ потомъ Михаилъ Андреевичъ и братъ его Василій скончались; остались малолѣтные сыновья послѣдняго, Александръ и Константинъ. Великій князь Михаилъ Ярославовичъ, усердно хлопотавшій объ увеличеніи своего наслѣдственнаго княженія, послѣ неудачи съ Переяславлемъ-Залѣсскимъ, захотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и своимъ великокняжескимъ достоинствомъ. Онъ вздумалъ захватить такой важный пунктъ, какъ Нижній-Новгородъ, и послалъ туда войско съ своимъ сыномъ, юнымъ Димитріемъ. Мы видѣли, что часть суздальско-нижегородскихъ бояръ отъѣхала въ Тверь. Вѣроятно и оставшіеся бояре тянули туда же. (Можетъ быть помянутый мятежъ вѣчниковъ былъ въ связи съ какою-либо боярскою крамолою въ этомъ смыслѣ). Но тутъ великій князь встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны духовной власти. Когда тверское войско достигло Владиміра, митрополитъ Петръ наложилъ церковный запретъ на дальнѣйшій походъ. Три недѣли простоялъ здѣсь Димитрій Михайловичъ, пока добился, чтобы митрополитъ его „разрѣшилъ" (т.-е. вѣроятно снялъ отлученіе отъ церкви); юный княжичъ затѣмъ вернулся домой, распустивъ рать (3).

Итакъ, духовная власть, дотолѣ стоявшая обыкновенно на сторонѣ старѣйшихъ или великихъ князей, тутъ поступила наоборотъ. Слѣдовательно, съ самаго начала соперничества Твери съ Москвою церковный авторитетъ препятствуетъ усиленію первой, т.-е. дѣйствуетъ въ видахъ будущей собирательницы Руси. Разумѣется, такое отношеніе къ соперникамъ со стороны митрополита Петра не было простою случайностью. Дѣятельность этого святителя тѣсно связана съ возвышеніемъ Москвы и заслуживаетъ особаго вниманія исторіи.

Житіе Петра (составленное его младшимъ современникомъ Прохоромъ, епископомъ Ростовскимъ, впослѣдствіи распространенное и украшенное митрополитомъ Кипріаномъ) не богато біографическими данными. Мы узнаемъ только, что онъ родился на Волыни, семи лѣтъ былъ отданъ въ книжное ученіе; сначала учился плохо, а по-

томъ послѣ одного чудеснаго видѣнія во снѣ сталъ оказывать необыкновенные успѣхи. Двѣнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ монастырь, гдѣ съ великимъ смиреніемъ прислуживалъ братіи. Тутъ же онъ научился иконописному искусству. Достигши степени діакона, а потомъ священника, Петръ удалился въ одно пустынное мѣсто на берегахъ рѣчки Рата, построилъ тамъ церковь, основалъ собственную обитель и сдѣлался ея игуменомъ, при чемъ продолжалъ заниматься своимъ любимымъ искусствомъ, т.-е. иконописаніемъ. Подобно тому, что видимъ и въ другихъ житіяхъ знаменитыхъ древнерусскихъ игуменовъ, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго, слава о подвигахъ Петра распространилась; князья и вельможи начали оказывать ему особый почетъ. Случилось митрополиту Максиму во время своего послѣдняго объѣзда русскихъ областей побывать въ той сторонѣ. Игуменъ Петръ съ своей братіей представился митрополиту, чтобы взять у него благословеніе, при чемъ поднесъ ему икону Богородицы собственнаго письма.

Вскорѣ потомъ митрополитъ Максимъ скончался (1305 г.); онъ былъ погребенъ уже не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ соборномъ Успенскомъ храмѣ. Нѣкто игуменъ Геронтій, вѣроятно съ согласія великаго князя Михаила Ярославича, завладѣлъ митрополичьей каѳедрой и утварью и отправился въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты. Въ то же время Юрій Львовичъ, князь Галича и Волыни, задумалъ по смерти Максима исполнить давнее желаніе галицкихъ князей, т.-е. устроить особую Галицко-Волынскую митрополію. Съ конечнымъ упадкомъ Кіева и явнымъ стремленіемъ митрополитовъ основаться на сѣверо-востокѣ, въ Суздальской землѣ, естественно усилилось въ Галичѣ желаніе имѣть для юго-западной Руси своего отдѣльнаго іерарха или, по крайней мѣрѣ, утвердить въ ней мѣстопребываніе всероссійскаго митрополита. Юрій убѣдилъ ратскаго игумена Петра отправиться въ Царьградъ съ галицкимъ посольствомъ и съ княжею грамотою къ патріарху Аѳанасію. Судьба устроила такъ, что Геронтія противные вѣтры долго задержали въ морѣ, а плаваніе Петра было скорое и благополучное, и онъ успѣлъ ранѣе своего соперника прибыть въ Константинополь. Аѳанасій и византійскій дворъ благосклонно приняли просьбу галицкаго князя, и Петръ былъ рукоположенъ въ митрополиты. Но патріархъ на этотъ разъ, какъ и прежде, неодобрительно отнесся къ мысли о раздѣленіи русской митрополіи: Петръ при поставленіи своемъ получилъ обычный титулъ митрополита „Кіевскаго и

всея Руси". Когда вслѣдъ затѣмъ прибылъ Геронтій, патріархъ отказалъ ему въ посвященіи, отобралъ у него всѣ священныя принадлежности архипастырскаго достоинства и передалъ Петру; въ числѣ этихъ священныхъ предметовъ находилась и та икона Богородицы, которая была написана Петромъ и поднесена Максиму (1308 г.).

Новопоставленный митрополитъ, подобно своему предшественнику, хотя первое время пробылъ въ Кіевѣ, однако, потомъ утвердилъ свое пребываніе не здѣсь и не въ Галицкой землѣ, а въ Суздальской во Владимірѣ на Клязьмѣ, т.-е. въ сосѣдствѣ съ великимъ княземъ. Отсюда, изъ Владиміра, онъ совершалъ многотрудныя странствованія или объѣзды по русскимъ областямъ для устроенія церковнаго порядка, при чемъ старался водворять вообще внутренній миръ и воздерживать безпокойныхъ князей отъ ихъ нескончаемыхъ распрей за волости. Распри эти сопровождались великимъ разореньемъ, ибо соперники обыкновенно искали помощи у Татаръ и сами приводили отряды этихъ хищниковъ въ русскія области.

Въ сѣверной Руси, однако, часть духовенства, повидимому, была недовольна возведеніемъ на митрополичій престолъ галицкаго кандидата. Главнымъ противникомъ ему явился тверской епископъ Андрей, сынъ полоцко-литовскаго князя Герденя, вѣроятно на основаніи своего знатнаго происхожденія питавшій честолюбивую надежду самому занять митрополичью каѳедру и теперь снѣдаемый завистью. Къ патріарху византійскому отправленъ былъ какой-то доносъ на Петра, и настолько важный, что патріархъ прислалъ ученаго клирика для разбора дѣла въ совокупности съ русскимъ духовенствомъ. По этому дѣлу съѣхался церковный соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Когда прочтена была обвинительная грамота и поднялись на соборѣ пренія и шумъ, Петръ сказалъ: „братія и чада о Христѣ, я не лучше Іоны пророка; если изъ-за меня такое великое волненіе, то извергните меня, и да утихнетъ молва". Дѣло, однако, кончилось обличеніемъ клеветниковъ, и Андрей вѣроятно раскаялся; по крайней мѣрѣ Петръ простилъ его и сказалъ: „миръ ти о Христѣ чадо, не ты сотворилъ сіе, но изначальный завистникъ рода человѣческаго, діаволъ". Въ какой-то связи съ этимъ соборомъ находилось также обличеніе возникшей около того времени ереси, зачинщикомъ которой явился одинъ новогородскій протопопъ: онъ училъ о погибели земного рая и хулилъ монашество, такъ что, увлеченные имъ, многіе иноки покинули монастырь и вступили въ бракъ. На соборѣ Переяславскомъ, кромѣ Ростовскаго и Тверского епископовъ, многихъ игуменовъ и священни-

ковъ, присутствовали и нѣкоторые князья съ своими боярами, именно тверскіе княжичи Димитрій и Александръ; а главное, тутъ находился Иванъ Даниловичъ Калита, сидѣвшій тогда на Переяславскомъ удѣлѣ. По всѣмъ признакамъ онъ держалъ сторону митрополита, тогда какъ во главѣ противниковъ послѣдняго стоялъ тверской епископъ, и вѣроятно не безъ поддержки своего князя. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь завязались тѣсныя, дружескія отношенія Петра митрополита съ Иваномъ Калитой, которыя впослѣдствіи не мало способствовали возвышенію Москвы. Когда же вскорѣ затѣмъ великій князь Михаилъ Ярославичъ вздумалъ отнять Нижній-Новгородъ у потомковъ Андрея Городецкаго, то митрополитъ Петръ, какъ мы видѣли, воспрепятствовалъ дальнѣйшему походу Тверской рати. (4).

Около того времени возстановилось единство Татарской Орды, нарушенное въ особенности ханомъ Ногаемъ, который долгое время самостоятельно властвовалъ въ степяхъ Черноморскихъ. Поставленный съ его же помощью въ Золотой или Волжской Ордѣ, ханъ Тохта пошелъ на него войною. Престарѣлый Ногай потерялъ битву на берегахъ южнаго Буга и въ бѣгствѣ былъ смертельно раненъ какимъ-то *русскимъ* всадникомъ изъ войска Тохты (1299), послѣ чего Ногаева Орда возсоединилась съ Волжскою. Объединеніе, а слѣдовательно и усиленіе Орды, конечно, отозвалось и новымъ отягченіемъ татарскаго ига надъ Россіей. Тяжесть его почувствовалась еще болѣе при новомъ ханѣ Узбекѣ, который былъ племянникъ и преемникъ Тохты (1313 г.). Этотъ молодой ханъ, воспитанный въ магометанской религіи, возобновилъ и укрѣпилъ въ Золотой Ордѣ мусульманство, упавшее въ царствованіе его дяди, который воротился къ вѣрѣ своихъ предковъ. Умный и энергичный Узбекъ снова возвелъ Кипчакское царство на ту же степень могущества и возвратилъ ему тѣ же предѣлы, которые оно имѣло при первыхъ своихъ ханахъ, Батыѣ и Берке.

По установившемуся обычаю, при воцареніи новаго хана, къ нему на поклонъ являлись подчиненные владѣтели, и хлопотали о новыхъ для себя ярлыкахъ или грамотахъ. Въ томъ числѣ пріѣхали и русскіе князья съ Михаиломъ Тверскимъ во главѣ. Узбекъ утвердилъ за Михаиломъ великое княженіе Владимірское, однако продержалъ его въ Ордѣ болѣе года прежде чѣмъ отпустилъ въ Русь. Съ Михаиломъ ѣздилъ въ Орду и митрополитъ Петръ, также согласно съ установившимся обычаемъ, чтобы хлопотать о подтвержденіи тѣхъ льготъ, которыя были даны русскому духовенству первыми татарскими ханами. Несмотря на свое усердіе къ мусульманству, Узбекъ

остался вѣренъ Чингисъ-хановымъ правиламъ вѣротерпимости, и приказалъ выдать митрополиту новый ярлыкъ. Симъ ярлыкомъ запрещалось баскакамъ, таможникамъ, даньщикамъ и всякимъ татарскимъ чиновникамъ производить какіе-либо поборы съ имущества церкви и всего духовенства, а митрополиту вмѣнялось въ обязанность только молиться за хана, его семью и его царство (5).

Но въ то именно время, когда Михаилъ Тверской считалъ обезпеченнымъ за собою великое княженіе, онъ принужденъ былъ вступить въ смертельную борьбу съ Юріемъ Московскимъ. Поводомъ къ ней послужили отношенія Новгородскія.

Уже со временъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III всѣ великіе князья Владимірскіе стремились подчинить себѣ Новгородъ и держать его посредствомъ своихъ намѣстниковъ. Но, благодаря взаимному соперничеству и междоусобіямъ потомковъ Всеволода, Новгородцы всегда находили себѣ союзниковъ въ средѣ самихъ Суздальскихъ князей и пока успѣшно отстаивали свою самобытность.

Михаилъ Тверской, получивъ великое княженіе, посадилъ своихъ намѣстниковъ и въ Великомъ Новгородѣ. Разныя вымогательства и самовластные поступки этихъ намѣстниковъ не замедлили разссорить Новгородцевъ съ Михаиломъ. А послѣдній при первомъ же столкновеніи употребилъ обычныя мѣры: онъ захватилъ сосѣдній пригородъ Торжокъ съ нѣкоторыми другими волостями и заперъ Волжскій путь, т.-е. прекратилъ подвозъ хлѣба съ Низовыхъ областей. Новгородцы смирились, заплатили значительную сумму денегъ (1,500 гривенъ серебра) и возобновили старые договоры, опредѣлявшіе права и дани великокняжескія въ ихъ землѣ. Но поведеніе намѣстниковъ и послѣ того не измѣнилось; договоры постоянно нарушались. Тогда Новгородцы также прибѣгли къ обычному средству: противъ Тверского князя, который былъ для нихъ тяжелъ въ особенности по своему близкому сосѣдству, они призвали его соперника, князя Московскаго; для чего воспользовались отсутствіемъ Михаила, когда онъ былъ въ Ордѣ Узбековой. Юрій изгналъ тверскихъ намѣстниковъ и самъ сѣлъ на столѣ Новгородскомъ. Но вскорѣ затѣмъ Московскій князь долженъ былъ также отправиться въ Орду, по требованію Узбека. Онъ оставилъ въ Новгородѣ своими намѣстниками брата Аѳанасія и князя Ѳедора Ржевскаго. Между тѣмъ, воротился изъ Орды Михаилъ Ярославичъ въ сопровожденіи ханскихъ пословъ, по обычаю окруженныхъ большою толпою Татаръ. Онъ немедленно пошелъ на Новгородцевъ, разбилъ ихъ ополченіе

подъ Торжкомъ, захватилъ въ плѣнъ Аѳанасія и Ѳедора Ржевскаго со многими новгородскими боярами, взялъ съ Новгорода окупа 5,000 серебряныхъ гривенъ, принудилъ его заключить новый выгодный для себя договоръ и снова посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ (1315 г.).

И на этотъ разъ миръ съ Тверью продолжался недолго. Уже въ слѣдующемъ году произошли волненія въ Новгородѣ и сильное движеніе противъ тверской партіи, при чемъ двое гражданъ, заподозрѣнные въ перевѣтѣ, были умерщвлены (какой-то Игнатъ Бѣско и Данило Писцовъ). Тверскіе намѣстники вновь были изгнаны. Михаилъ съ сильною Низовскою ратью пошелъ къ самому Новгороду. Но граждане приготовились къ энергичному отпору, укрѣпили городъ новымъ острогомъ; Псковичи, Рушане, Корѣла, Ижора и Вожане пришли къ нимъ на помощь. Михаилъ не рѣшился на битву и отступилъ. На обратномъ пути его рать заблудилась въ лѣсахъ, озерахъ и болотахъ и сильно терпѣла отъ голода; часть коней пала, остальныхъ съѣли; даже жевали кожу со щитовъ и голенища отъ сапогъ. Много воиновъ погибло въ этомъ походѣ; оставшіеся въ живыхъ едва добрались до дому пѣшіе, побросавъ оружіе.

Юрій Даниловичъ пробылъ въ Ордѣ почти два года и съумѣлъ войти въ милость къ хану Узбеку. Будучи вдовымъ, онъ женился на ханской сестрѣ Кончакѣ, принявшей въ крещеніи имя Агафіи, и затѣмъ получилъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Домогательства его поддерживали послы новгородскіе, которые принесли многія жалобы на Михаила, и жалобы эти, конечно, подкрѣпили денежными подачками приближеннымъ хана. Юрій воротился въ Русь и тотчасъ затѣялъ войну съ Тверскимъ княземъ. Собравъ большія силы, онъ вошелъ въ Тверскую землю. Въ его ополченіи находились нѣкоторые Суздальскіе князья и татарскіе послы съ своимъ отрядомъ; въ числѣ пословъ первое мѣсто занималъ Кавгадый, человѣкъ близкій къ хану. Война шла, повидимому, не изъ-за великаго стола, отъ котораго Михаилъ уже отказался, а изъ-за того, кому держать богатый Новгородъ. Михаилъ сначала колебался выступить рѣшительно противъ Юрія и Кавгадыя, конечно изъ опасенія раздражить Узбека. Но когда враги, опустошивъ правую сторону Волги, готовились перейти и на лѣвую, Тверской князь, посовѣтавшись съ боярами и взявъ благословеніе у епископа, пошелъ на Юрія и встрѣтилъ его при селѣ Бортеневѣ, въ сорока верстахъ отъ Твери. Послѣ упорной битвы,

Тверичи, озлобленные опустошеніемъ своей земли, поразили на голову Москвичей и Татаръ; отбили множество плѣнныхъ, и захватили многихъ бояръ московскихъ; вмѣстѣ съ послѣдними попала въ тверской плѣнъ и супруга Юрія, Кончака-Агафія. Въ этой битвѣ отличился особенно самъ Михаилъ, обладавшій высокимъ ростомъ, крѣпкими мышцами и храбростью. Хотя доспѣхъ его былъ весь изсѣченъ, однако на тѣлѣ не оказалось ни единой раны.

Но сія побѣда имѣла для него гибельныя послѣдствія. Напрасно онъ старался задобрить Кавгадыя: послѣ битвы привелъ его съ татарскою дружиною въ Тверь; затѣмъ одарилъ и отпустилъ съ большою честію. Коварный татаринъ говорилъ ему льстивыя слова, а въ душѣ своей затаилъ жажду мести: вѣроятно, по татарскимъ понятіямъ о чести, онъ въ особенности питалъ злобу за отнятіе у его Татаръ многочисленныхъ тверскихъ плѣнниковъ, которыхъ тѣ считали своею неотъемлемою добычею, своими рабами.

Посредникомъ между Юріемъ и Михаиломъ на этотъ разъ явился Новгородъ, куда ушелъ Московскій князь послѣ своего пораженія. Посольство Новогородское съ владыкою Давыдомъ во главѣ заключило новую договорную грамоту съ Тверскимъ княземъ о своихъ границахъ, о свободномъ пропускѣ хлѣба и пр. При чемъ условлено было, чтобы оба соперника снова отправились въ Орду и отдали свои споры на рѣшеніе хана. Михаилъ обязался освободить изъ плѣна жену Юрія и его брата. Къ несчастію Тверского князя, Кончака въ это время умерла въ Твери, и его враги распустили слухъ, будто она была отравлена. Михаилъ отправилъ въ Москву своего боярина Марковича, вѣроятно по поводу той же кончины. Юрій, не уважая обычаевъ, убилъ посла, а затѣмъ поѣхалъ въ Орду вмѣстѣ съ Кавгадыемъ. Послѣдній принялся вооружать Узбека противъ Михаила, взводилъ на него разныя клеветы, между прочимъ обвинялъ въ утайкѣ даней. Юрія и Кавгадыя поддерживали своими жалобами на Тверского князя и послы новогородскіе. Между тѣмъ, Михаилъ прислалъ въ Орду юнаго сына Константина, а самъ пока медлилъ своимъ пріѣздомъ. И этимъ обстоятельствомъ воспользовались его враги, указывая на его непокорность хану.

Наконецъ, въ августѣ 1318 года, Михаилъ Ярославичъ выѣхалъ изъ Твери, напутствуемый благословеніями епископа Варсонофія и слезами своей семьи. Супруга его Анна Дмитріевна (дочь Ростовскаго князя) и сыновья провожали его часть пути. Во Владимірѣ онъ встрѣтилъ ханскаго посла Ахмыла, который сказалъ ему: „зоветъ тебя

царь, поѣзжай скорѣе; если не поспѣешь черезъ мѣсяцъ, то уже назначена рать на тебя и на твои города. Кавгадый оболгалъ тебя передъ царемъ, говоря, что ты не пріѣдешь въ Орду". Слова эти смутили близкихъ князю людей. Бояре стали совѣтовать ему, чтобы онъ обождалъ, пока минетъ ханскій гнѣвъ, и послалъ бы вмѣсто себя одного изъ старшихъ сыновей, Димитрія или Александра, которые сопровождали отца до Владиміра. Но Михаилъ отвергъ этотъ совѣтъ, чтобы не навлечь новаго татарскаго разоренія на свою землю. Онъ написалъ рядную грамоту, по которой раздѣлилъ свои волости между дѣтьми, и отпустилъ сыновей домой; а самъ съ нѣсколькими боярами и слугами поѣхалъ въ Низовскъ сопровождаемый своимъ духовнымъ отцомъ, игуменомъ Александромъ, двумя священниками и дьякономъ.

6 сентября князь достигъ Орды, которая тогда кочевала около устьевъ Дона. Онъ, по обычаю, роздалъ подарки ханскимъ вельможамъ и женамъ; поднесъ дары самому хану, и сначала оставался въ покоѣ. Но Кавгадый, пользовавшійся особою милостію Узбека, не переставалъ дѣйствовать, и, спустя полтора мѣсяца, ханъ велѣлъ своимъ вельможамъ разобрать дѣло Михаила Тверского съ Юріемъ Московскимъ. Судьи собрались въ шатрѣ, недалеко отъ ханской ставки, и позвали Михаила. Прежде всего ему объявлены были грамоты Суздальскихъ князей, взводившихъ на него слѣдующее обвиненіе: „многія дани бралъ въ городахъ нашихъ, а царю ихъ не отдалъ". Князь доказывалъ несправедливость обвиненія и ссылался на записи всего того, что онъ роздалъ хану и князьямъ ордынскимъ. Черезъ недѣлю Михаила привели опять на судъ, на этотъ разъ уже связаннымъ. Къ первому обвиненію прибавили еще два: „бился противъ царскаго посла и уморилъ супругу великаго князя Юрія". Напрасно Михаилъ оправдывался, говоря, что посла встрѣтилъ во брани и потомъ съ честію отпустилъ его; клялся, что неповиненъ въ смерти Агафіи. Судьи не слушали его оправданій, а внимали обвинительнымъ рѣчамъ Юрія и Кавгадыя. Хану донесли, что Михаилъ повиненъ смерти. Узбекъ согласился на этотъ приговоръ, но медлилъ его исполненіемъ. Между тѣмъ, къ Михаилу приставили стражу и стали гнать отъ него бояръ и слугъ. На шею ему надѣли деревянную колодку, такъ что онъ не могъ лечь и проводилъ безсонныя ночи, во время которыхъ находилъ утѣшеніе въ чтеніи псалтыря. Такъ какъ и руки его были связаны, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы рукописи. Орда двинулась далѣе на югъ, къ Кавказскимъ горамъ; впереди ея ѣхалъ ханъ со своимъ

дворомъ и забавлялся охотою. Однажды Кавгадый велѣлъ вывести узника на торгъ, и разными способами наругался надъ нимъ въ присутствіи многочисленной разноплеменной толпы, которая съ любопытствомъ смотрѣла на такое униженіе прежде сильнаго и славнаго русскаго князя. Вѣрные слуги предлагали князю спасти себя бѣгствомъ въ горы; говорили ему, что уже готовы и кони, и проводники. Но Михаилъ отвергъ это предложеніе, чтобы не подвергнуть избіенію своихъ бояръ, слугъ, своего сына и другихъ Тверичей, пребывавшихъ въ Ордѣ. Онъ могъ также опасаться, чтобы раздраженный ханъ и весь его родъ не лишилъ наслѣдственной волости и не отдалъ бы ее другому князю.

Прошло около четырехъ недѣль со вр[illegible]овора. Орда перешла уже рѣку Терекъ и расположилась под[illegible]родомъ Тетяковымъ, близъ Желѣзныхъ воротъ (Дербента). Отогнавши отъ князя бояръ и большую часть слугъ, Татары, по обычной своей вѣротерпимости, оставили при немъ игумена и священниковъ и не мѣшали имъ совершать божественныя службы въ княжемъ шатрѣ. 22 ноября 1318 года, въ среду, Михаилъ велѣлъ имъ очень рано отпѣть заутреню и часы; потомъ самъ прочелъ причастное правило, исповѣдалъ свои грѣхи духовному отцу и причастился. Князь, вѣроятно, былъ извѣщенъ своими доброхотами, что въ этотъ день должна совершиться его казнь. Онъ подозвалъ къ себѣ сына Константина и передалъ ему свои послѣднія распоряженія о раздѣлѣ вотчины, о своей супругѣ и боярахъ; поручилъ ему беречь тѣхъ, которые были съ нимъ въ Ордѣ. Затѣмъ онъ снова сталъ облегчать свою скорбь чтеніемъ псалтыря и молитвами.

Во время этихъ благочестивыхъ занятій въ его шатеръ вбѣжалъ отрокъ, весь блѣдный, и упавшимъ голосомъ объявилъ:

„Господине княже! Идутъ уже отъ Орды Кавкадый и великій князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ".

„Вѣдаю на что идутъ, на убіеніе мое", — сказалъ со вздохомъ князь, и отослалъ поскорѣе сына Константина къ главной ханшѣ, подъ ея покровительство.

Кавгадый и Юрій остановились на торгу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вежи Михаила и сошли съ коней, а къ нему отрядили толпу убійцъ. Сіи послѣдніе, въ числѣ которыхъ были и русскіе отступники, бросились на его вежу какъ дикіе звѣри и разогнали всѣхъ служившихъ ему. Князь стоялъ и молился; сначала схватили за деревянную колодку, надѣтую на его шею, и такъ сильно ударили объ стѣну

шатра, что она проломилась. Князь вскочилъ на ноги; но его снова повергли на землю и принялись бить нещадно пятами. Наконецъ, какой-то извергъ, по имени Романецъ, вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Убійцы разграбили все, что было въ княжемъ шатрѣ, сняли съ князя и самую одежду; потомъ воротились на торгъ и объявили объ исполненіи своего дѣла. Кавгадый и Юрій подъѣхали къ шатру. „Развѣ онъ не дядя тебѣ; зачѣмъ же тѣло его такъ брошено нагое?“ — злобно замѣтилъ Кавгадый Юрію. Великій князь велѣлъ своимъ слугамъ прикрыть мученика, и одинъ изъ нихъ набросилъ на него свою котыгу (верхную одежду). Тѣло Михаила привязали къ доскѣ, положили на телѣгу и повезли на Русь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ и слугъ Юрія. Когда они пріѣхали въ Маджары, довольно большой и торговый городъ на берегахъ рѣки Кумы, бывшіе тамъ русскіе гости, знавшіе Михаила, хотѣли прикрыть его останки дорогими тканями и поставить ихъ къ церкви. Но жестокосердые Московскіе бояре не допустили до этого, а поставили тѣло за сторожами въ какомъ-то хлевѣ. Тоже самое повторили они и въ другомъ торговомъ городѣ, Бездѣжѣ. Наконецъ, тѣло привезли въ Москву и здѣсь схоронили.

На слѣдующее лѣто Юрій воротился на Русь, ведя съ собою изъ Орды плѣнниками Михаилова сына Константина, его бояръ и слугъ. Тогда только Тверичи узнали достовѣрно о судьбѣ своего князя. Супруга его Анна и его старшій сынъ и преемникъ Димитрій отправили во Владиміръ посольство, со вторымъ его сыномъ Александромъ во главѣ, просить великаго князя, чтобы онъ отпустилъ тѣло Михаила въ Тверь. Едва умолили Юрія отпустить тѣло, и то уже послѣ заключенія мира между Москвой и Тверью. Тверскіе бояре съ игумнами и священниками отправились въ Москву и привезли оттуда останки своего князя, которые и были погребены въ Тверскомъ Спасскомъ соборѣ, имъ самимъ построенномъ. Подобно своему соименнику Михаилу Черниговскому, также замученному въ Ордѣ, Михаилъ Тверской причисленъ къ лику русскихъ святыхъ. Его вдовая княгиня Анна Дмитріевна постриглась въ инокини; она почти на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ пережила своего супруга и скончалась въ Кашинѣ, удѣльномъ городѣ своего меньшаго сына Василія (6).

Казалось бы, Москва взяла рѣшительный верхъ надъ Тверью и послѣдняя должна была на всегда смириться. Но борьба еще далеко не кончилась: измѣнчивое расположеніе ордынскаго властителя вскорѣ

повернуло отношенія соперниковъ въ обратную сторону. Юрій Московскій взялъ съ Димитрія Михайловича Тверского 2,000 руб. такъ называемаго „выходнаго серебра", т.-е. назначеннаго для выхода или дани въ Орду, но эти деньги пока удержалъ у себя, и отправился княжить въ Новгородѣ. Димитрій поѣхалъ въ Орду, донесъ хану о присвоеніи Юріемъ выходнаго серебра и вообще такъ его очернилъ, что Узбекъ разгнѣвался на Московскаго князя, далъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское Димитрію Михайловичу, по прозванію „Грозныя Очи", и отпустилъ его на Русь съ большимъ татарскимъ посломъ. Когда Юрій отправился въ Орду, чтобы оправдаться передъ ханомъ, Димитрій, опасаясь новой перемѣны, поспѣшилъ туда же. Неизвѣстно, что именно побудило Тверского князя къ убійству своего соперника; можетъ быть его, волновала жажда мести за своего отца и онъ далъ волю своему пылкому нраву; не даромъ же онъ имѣлъ прозваніе Грозныя Очи. Можетъ быть, онъ слишкомъ понадѣялся на ханскую къ себѣ милость. Извѣстно только одно: разъ при встрѣчѣ съ Юріемъ Димитрій собственноручно его убилъ (1324). Московскіе бояре отвезли тѣло своего князя въ Москву, гдѣ онъ и былъ погребенъ въ храмѣ св. Михаила Архангела. Преемникъ его и братъ, Иванъ Даниловичъ Калита, занялъ Московскій столъ еще при жизни Юрія, который послѣдніе свои годы проводилъ преимущественно въ Новгородѣ. Переживъ всѣхъ братьевъ, онъ теперь соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ Московскія волости.

Между тѣмъ, Узбекъ сильно разгнѣвался на самоуправство Тверского князя; однако, долго медлилъ своимъ рѣшеніемъ. Наконецъ, около восьми мѣсяцевъ спустя, онъ велѣлъ убить самого Димитрія. Но и послѣ того онъ далъ ярлыкъ на Владимірское княженіе не брату Юрія Ивану Калитѣ, а брату Димитрія Александру Михайловичу. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Александръ весьма щедро раздавалъ въ Ордѣ подарки и подкупалъ ханскихъ любимцевъ такъ усердно, что вошелъ въ большіе долги. Но это торжество Твери надъ Москвой было кратковременное. Слѣдующее неожиданное событіе снова перевернуло ихъ отношенія къ Ордѣ и другъ къ другу

Татарскіе послы, сопровождаемые болѣе или менѣе многочисленными отрядами, часто пріѣзжали на Русь по разнымъ дѣламъ, напримѣръ, для полученія выхода или дани, для посаженія на столъ князя, вновь пожалованнаго ханскимъ ярлыкомъ, и пр. Тяжки были для жителей эти посольскіе пріѣзды, такъ какъ они сопровождались наглымъ грабежомъ и разореніемъ. Жители обязаны были доставлять

кормъ и все нужное для посольской свиты и ея коней, причемъ Татары позволяли себѣ всевозможныя обиды и насилія; вообще они смотрѣли на Русскихъ, какъ на своихъ рабовъ, и обходились съ ними крайне грубо и презрительно. Несмотря на свою обычную терпѣливость, Русскій народъ иногда не выносилъ этихъ обидъ; мѣстами происходили бурныя вспышки и даже избіеніе ненавистныхъ варваровъ. Мы видѣли еще при Александрѣ Невскомъ народные мятежи въ сѣверно-русскихъ городахъ, поднятые противъ жестокихъ откупщиковъ и сборщиковъ татарскихъ даней. Такіе мятежи, повидимому, послужили къ перемѣнѣ самой системы этихъ сборовъ. По крайней мѣрѣ въ слѣдующую эпоху, мы уже не встрѣчаемъ въ сѣверной Руси бесерменскихъ откупщиковъ и непосредственные сборы съ населенія. Вмѣсто того, сами князья собираютъ дань съ своихъ владѣній и отвозятъ ее въ Орду или вручаютъ ханскимъ посламъ. Это было уже значительнымъ облегченіемъ для Русскихъ областей. Но, какъ мы сказали, обиды и насилія отъ ордынскихъ баскаковъ и пословъ продолжали вызывать кровавыя столкновенія жителей съ Татарами въ сѣверныхъ городахъ. Напримѣръ, подобное столкновеніе произошло въ 1320 году въ Ростовѣ; причемъ жители собрались противъ „злыхъ“ Татаръ и выгнали ихъ изъ своего города.

Въ 1327 году къ великому князю Александру прибылъ съ большою свитою знатный ордынскій посолъ Чолханъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именами Щелкана и Шевкала, сынъ того воеводы Дюденя, который жестоко разорилъ Сѣверную Русь при сыновьяхъ Александра Невскаго. Онъ занялъ въ Твери старый княжій дворъ, устроенный отцомъ Александра Михаиломъ, и держалъ себя съ великою гордостію; а его Татары творили разныя обиды и насилія жителямъ, что не замедлило произвести въ послѣднихъ озлобленіе противъ ненавистныхъ гостей. Въ народѣ стали ходить слухи о намѣреніи Чолхана самому сѣсть на Тверскомъ княженіи, чему могло подать поводъ его пребываніе на княжемъ дворѣ. Къ этимъ слухамъ присоединились обычные толки объ опасности для православной вѣры, которую Татары хотятъ истребить. Наконецъ, ничтожный случай послужилъ поводомъ къ кровавому событію. Какой-то дьяконъ, прозвищемъ Дюдко, повелъ свою молодую, тучную кобылу поить на Волгу. Нѣкоторымъ Татарамъ понравилась кобыла, и они захотѣли отнять ее. Это случилось утромъ 15 августа въ праздникъ Успенія, и былъ торговый или базарный день. Дьяконъ завопилъ народу: „О, мужи Тверстіи, не выдавайте!“ Многіе бросились ему на помощь. Татары обнажили сабли

и начали рубить противниковъ. Но число послѣднихъ возростало, а къ Татарамъ мало-по-малу пристали и всѣ ихъ товарищи. Кто-то ударилъ въ набатный колоколъ; народъ собрался, всѣмъ вѣчемъ пошелъ на Татаръ и началъ ихъ избивать. Остатокъ ихъ заперся было съ Чолханомъ на княжемъ дворѣ, но разъяренная чернь не пощадила его, и зажгла. Все татарское посольство погибло; избиты были и находившіеся въ городѣ ордынскіе купцы. Только татарскіе табунщики, пасшіе коней за городомъ въ полѣ, успѣли сѣсть на лучшихъ скакуновъ и бѣжать въ Москву, а оттуда дали вѣсть въ Орду о гибели своихъ.

Надобно полагать, что Иванъ Калита не мало обрадовался такому случаю погубить своего соперника. Узбеку, повидимому, донесли, что народное возстаніе было поднято самимъ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, хотя нѣтъ точныхъ указаній на его личное участіе въ этомъ событіи. Прежде нежели Александръ могъ придумать, какимъ образомъ умилостивить разгнѣваннаго хана, 50,000 Татаръ, предводимые пятью темниками, уже соединились съ Московскимъ княземъ, которому ханъ поручилъ наказать мятежниковъ. Это войско нагрянуло на Тверскую область и жестоко ее опустошило; Татары набрали въ ней огромное количество полону и всякой добычи. Города, въ томъ числѣ сама Тверь, были разорены; жители спасались бѣгствомъ въ лѣса и дебри, какъ въ Батыево нашествіе. Александръ Михайловичъ и не пытался прибѣгнуть къ оборонѣ. Въ виду грознаго нашествія, онъ со своимъ семействомъ бѣжалъ въ Новгородъ, но не былъ тамъ принятъ изъ страха передъ Татарами, и удалился во Псковъ.

Послѣ того (въ 1328 г.) Иванъ Калита отправился въ Орду, гдѣ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. А Тверское княженіе ханъ отдалъ брату Александра Михайловича Константину, который вызвалъ жителей изъ лѣсовъ, возстановилъ разоренные города и вообще успѣлъ нѣсколько изгладить слѣды татарскаго погрома. Между тѣмъ, Узбекъ велѣлъ русскимъ князьямъ „искать“ Александра. Калита и другіе князья собрались въ Новгородъ и отсюда посылали въ Псковъ склонить бывшаго Тверского князя къ поѣздкѣ въ Орду. Но Псковичи не пустили Александра, обѣщая умереть за него въ случаѣ нужды. Дѣло въ томъ, что они были рады видѣть у себя на столѣ такого знаменитаго князя: имѣть своихъ собственныхъ князей и сдѣлаться независимыми отъ Новгорода составляло ихъ давнее желаніе. Калита съ товарищами и Новгородцами

пошелъ было на Псковъ войною; но, узнавъ о рѣшимости и приготовленіяхъ Псковичей къ оборонѣ, придумалъ такую мѣру: по его просьбѣ, митрополитъ Ѳеогностъ послалъ проклятіе и отлученіе отъ церкви Александру и всему Пскову, если требованіе князей не будетъ исполнено. „Братья и друзья!“—сказалъ Александръ Псковичамъ,—да не будетъ на васъ проклятія меня ради“, и уѣхалъ въ Литву. Князья удовольствовались тѣмъ, и оставили Псковичей въ покоѣ. Спустя короткое время, Александръ воротился въ Псковъ подъ покровительствомъ Гедимина, и спокойно княжилъ тамъ еще нѣсколько лѣтъ. Однако онъ скучалъ о своей вотчинѣ и дѣдинѣ, о Твери; а главное, его мучила мысль, что дѣти его и все потомство будутъ лишены княженія въ Тверской землѣ; Псковъ же не могъ сдѣлаться наслѣдственнымъ столомъ въ его родѣ. Сначала Александръ отправилъ къ Узбеку сына Ѳеодора, чтобы расположить хана къ милости, а потомъ и самъ отправился въ Орду съ повинною, и, конечно, свое смиреніе подкрѣпилъ великими дарами ханскимъ любимцамъ. Узбекъ простилъ его и возвратилъ ему Тверское княженіе. Но такой оборотъ дѣла не былъ по вкусу Московскому князю: вмѣсто смирнаго и послушнаго Константина, ему снова пришлось вѣдаться съ такимъ гордымъ и строптивымъ сосѣдомъ, каковъ былъ Александръ. Ихъ соперничество возобновилось. Нѣкоторые Тверскіе бояре также были недовольны возвращеніемъ безпокойнаго Александра: предвидя новыя смуты, они покинули Тверь и перешли на службу къ болѣе сильному князю, т.-е. въ Москву.

Калита съ своими сыновьями отправился въ Орду и усердно старался очернить предъ ханомъ Тверского князя. Его хлопоты увѣнчались успѣхомъ: Узбекъ потребовалъ къ себѣ Александра. Сей послѣдній отправилъ напередъ сына Ѳеодора, а потомъ поѣхалъ и самъ. Онъ уже получилъ недобрыя вѣсти отъ сына и чуялъ бѣду; но также, какъ отецъ его, на этотъ разъ предпочелъ лучше самому погибнуть, нежели новымъ бѣгствомъ лишить своихъ дѣтей наслѣдственнаго княженія. Когда, со слезами провожаемый своей семьей, епископомъ и духовенствомъ, боярами и гражданами, князь сѣлъ въ ладью, то поднялся сильный вѣтеръ; гребцы долго не могли справиться съ нимъ, и ладью все относило назадъ. Это обстоятельство было сочтено худымъ знаменіемъ.

Въ Ордѣ отъ своихъ доброхотовъ Александръ узналъ, что ханъ очень на него гнѣвенъ и опредѣлилъ ему смертную казнь; узналъ потомъ, что назначенъ и самый день казни, именно 29 октября (1339 г.).

Въ этотъ день онъ всталъ рано и велѣлъ бывшимъ съ нимъ священникамъ отслужить заутреню. Потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ собирать вѣсти о своей участи; послалъ за тѣмъ же къ главной ханшѣ. Всѣ вѣсти подтвердили, что смертный часъ близокъ. Воротясь въ ставку, Александръ исповѣдался у своего духовнаго отца и принялъ св. дары; то же сдѣлали сынъ его Ѳеодоръ и бывшіе съ нимъ бояре; никто не чаялъ остаться въ живыхъ. Вскорѣ прибѣжали княжіе отроки и съ плачемъ возвѣстили, что уже идутъ Черкасы и Татары, посланные на убіеніе. Князь самъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Варвары схватили его, сорвали съ него одежды, и нагого подвели къ сидѣвшему на конѣ и окруженному большою свитою вельможѣ Товлубію, который распоряжался казнью. „Убейте", крикнулъ Товлубій. Убійцы тотчасъ пронзили Александра и сына его Ѳеодора, и когда тѣ упали на землю, отрубили имъ головы. Бояре и слуги большею частію въ ужасѣ разбѣжались въ разныя стороны. Нѣкоторые изъ нихъ однако остались; взяли тѣла своихъ князей и отвезли ихъ въ Тверь, гдѣ они и были погребены въ Спасскомъ соборѣ. На Тверскомъ столѣ снова сѣлъ смирный, осторожный Константинъ Михайловичъ. Побѣда Москвы надъ Тверью выразилась, между прочимъ, въ томъ, что Калита велѣлъ снять колоколъ у Тверского Спасскаго собора и привести его въ Москву (7).

Иванъ Даниловичъ, по прозванью *Калита* (т.-е. денежный мѣшокъ или кошель, въ переносномъ смыслѣ—скопидомъ), съ одной стороны, является передъ лицомъ исторіи съ непривлядными чертами человѣка жестокаго и пронырливаго, который раболѣпствовалъ въ Ордѣ, чтобы снискать милость хана, и прибѣгалъ ко всякимъ кознямъ, чтобы погубить своего соперника. Съ другой стороны, мы видимъ умнаго, заботливаго хозяина своей земли, водворившаго въ ней спокойствіе и безопасность отъ татарскихъ разореній. „Сѣде на великое княженіе Иванъ Даниловичъ—говорятъ лѣтописцы, — и бысть тишина христіаномъ на многа лѣта, и престаша Татарове воевати Русскую землю". Таковы обыкновенно бывали и въ другихъ странахъ основатели государственнаго могущества, собиратели какой либо раздробленной народности, дѣйствовавшіе въ условіяхъ, въ духѣ своего времени и не всегда затруднявшіеся въ выборѣ средствъ для достиженія главныхъ цѣлей. Хотя бы къ этимъ цѣлямъ таковой дѣятель стремился эгоистично, т.-е. имѣя въ виду прежде всего возвышеніе собственное и своего рода, тѣмъ не менѣе, потомство, пользующееся плодами его политики, обыкновенно вспоминаетъ о немъ съ уваженіемъ и призна-

тельностію. Въ отношеніи къ первымъ Московскимъ князьямъ народное уваженіе и признательность еще увеличиваются въ виду того, что, начавъ собирать разрозненныя части Русской земли и полагая основаніе нашему національному единству, они тѣмъ самымъ приготовляли постепенное, вѣрное избавленіе Руси отъ варварскаго ига и ея будущее полное торжество надъ темными силами Азіи.

Какъ истый хозяинъ и скопидомъ, Иванъ Даниловичъ Калита хотя значительно увеличилъ собственное Московское княженіе, но совершилъ это увеличеніе не оружіемъ и кровопролитіемъ, а денежною куплею. Онъ „примыслилъ" отъ сосѣднихъ княженій нѣсколько городовъ и волостей съ большимъ количествомъ селъ и слободъ, которыя покупалъ у обѣднявшихъ князей, бояръ и монастырей. При немъ Московская земля, во-первыхъ, заключала въ себѣ все теченіе рѣки Москвы съ городами: Можайскомъ, Звенигородомъ, Москвою и Коломною; далѣе, на юго-западъ она простиралась отъ Коломны вверхъ по Окѣ, съ городками Каширою и Серпуховымъ; а на сѣверо-востокѣ владѣнія Московскія охватывали уже часть Поволжья, заключая въ себѣ волжскіе города Угличъ и Кострому. Они перешли далеко и на сѣверную сторону Волги: Калита купилъ у обѣднявшихъ мѣстныхъ князей (потомковъ Константина Всеволодовича Ростовскаго) не только Угличъ, но также Галичъ Мерскій и Бѣлозерскъ; впрочемъ пока оставилъ ихъ во владѣніи наслѣдственныхъ князей, довольствуясь полною покорностію послѣднихъ. Для подчиненія себѣ удѣльныхъ Ростовскихъ князей онъ пользовался также семейными связями. Такъ онъ выдалъ двухъ своихъ дочерей за Василія Давыдовича Ярославскаго (внукъ Ѳедора Чернаго) и Константина Васильевича Ростовскаго. Послѣдній изъ нихъ, т.-е. Константинъ Ростовскій, находился въ совершенномъ повиновеніи у тестя: Московскіе бояре распоряжались въ его стольномъ городѣ. Въ 1330 году прибылъ въ Ростовъ московскій намѣстникъ Василій Кочева съ товарищемъ своимъ Миняемъ, и учинилъ великія притѣсненія гражданамъ, вымогая отъ нихъ деньги (вѣроятно для татарскаго выхода). Старшаго ростовскаго боярина Аверкія они подвергли побоямъ и поруганію, на время повѣсивъ его внизъ головою. Тогда многіе мѣстные бояре отъ такого насилія переѣхали въ другія земли. Древній славный городъ Ростовъ, еще недавно изгнавшій отъ себя Татаръ, подвергся окончательному уничиженію. Другой же зять Калиты Василій Ярославскій (подобно Димитрію Тверскому, носившій прозваніе „Грозныя Очи"), наоборотъ, не только не хотѣлъ подчиниться своему тестю, но даже по родовымъ отношеніямъ считалъ себя старше Мо-

сковскаго князя, и вступилъ противъ него въ союзъ съ его врагомъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ. Эти союзы слабѣйшихъ князей по временамъ не мало сдерживали честолюбивыя стремленія и захваты Москвы, заставляя ее дѣйствовать осторожно и выжидать случаевъ къ ихъ разъединенію.

Не дешево стоили Калитѣ его земельные примыслы. Еще болѣе того приходилось ему тратить на свои частыя поѣздки въ Орду, на татарскія дани, на подарки и подкупы ордынскихъ царевичей и вельможъ. Необходимыя на то средства онъ пріобрѣталъ, конечно, главнымъ образомъ доходами съ собственныхъ земель и своею бережливостью. Благодаря наставшему въ его время сравнительно большему спокойствію, внутреннему и внѣшнему, Московскія волости стали скоро оправляться отъ прежнихъ разореній; земледѣліе, торговля и промыслы оживились, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли и княжіе доходы. (Есть извѣстіе, что Калита строго преслѣдовалъ въ своей землѣ татей и разбойниковъ). Другимъ источникомъ сдѣлался сборъ татарской дани. Калита, въ качествѣ великаго князя Владимірскаго, повидимому, добился отъ хана позволенія самому взимать эти дани или выходы съ областей Сѣверной Руси и доставлять ихъ въ ханскую казну. Разумѣется, отъ сихъ сборовъ не малая доля оставалась въ рукахъ великаго князя. А такъ какъ это взиманіе всегда могло опираться на татарскую помощь, то и подчиненіе удѣльныхъ князей Москвѣ пошло успѣшнѣе. Надобно полагать, что и самые примыслы Калиты или пріобрѣтеніе волостей большею частію находились въ связи съ несостоятельностію нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, разоренныхъ преимущественно татарскими данями и весьма убыточными поѣздками въ Орду. Особенно важнымъ источникомъ великокняжескихъ доходовъ служилъ богатый торговый Новгородъ. Кромѣ обычныхъ даней и сборовъ на князя и его намѣстниковъ, Калита, при удобномъ случаѣ, старался прижать Новгородцевъ, чтобы возможно болѣе получать съ нихъ на татарскіе выходы. Въ 1332 году онъ потребовалъ себѣ такъ называемаго „серебра закамскаго“, т.-е. даней, которыя они взимали съ чудскихъ Пріуральскихъ народцевъ. Новгородцы отказали; Калита пошелъ на нихъ ратью, захватилъ ихъ пригороды Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ, и началъ опустошать сосѣднія Новогородскія волости. Но соперникъ его Александръ Тверской въ то время сидѣлъ въ Псковѣ подручникомъ Гедимина Литовскаго. Новгородцы; вошли въ сношеніе съ Александромъ и Гедиминомъ и призвали къ себѣ Гедиминова сына Наримонта; Калита перемѣнилъ тонъ и помирился съ

Новгородомъ. Въ концѣ своего княженія онъ снова потребовалъ отъ Новогородцевъ большую сумму денегъ, ссылаясь на лишнія требованія выхода со стороны хана. Новогородцы опять уперлись. Калита отозвалъ своихъ намѣстниковъ. Вскорѣ онъ умеръ, и распря окончилась уже при его сынѣ.

Относительная большая тишина, безопасность и зажиточность, которыми начала пользоваться Московская область, сравнительно съ другими русскими землями, естественно привлекали сюда переселенцевъ изъ этихъ другихъ земель, и населеніе замѣтно стало умножаться. Многіе бояре отъ удѣльныхъ князей стали переходить на службу къ „великому князю всея Руси", какъ сталъ именовать себя Иванъ Даниловичъ. (Просто „великими князьями" назывались тогда почти всѣ сколько-нибудь значительные владѣтели областные и даже удѣльные). Въ Москву пріѣзжали бояре изъ Твери, Чернигова, Кіева, Волыни и т. д.; даже изъ Орды стали выѣзжать въ Москву знатные люди, которые принимали крещеніе, вступали въ Московскую службу, получали помѣстья и жалованье. Изъ нихъ извѣстенъ татарскій мурза Четъ, въ крещеніи Захарія (предокъ Бориса Годунова). А изъ русскихъ пріѣзжихъ бояръ наиболѣе извѣстенъ Родіонъ Нестеровичъ, который прибылъ изъ Кіева съ многочисленнымъ дворомъ, т.-е. съ большимъ количествомъ своихъ отроковъ и слугъ. Знатнѣйшіе изъ этихъ пріѣзжихъ бояръ иногда становились выше собственныхъ московскихъ думцевъ и близкихъ людей; отсюда уже въ тѣ времена начались между ними споры о мѣстахъ или такъ называемое „мѣстничество".

Забота о возвышеніи своего отчиннаго города надъ всѣми другими и смѣтливость Калиты особенно выразились въ отношеніяхъ его къ церковной власти. Оказывая глубокое уваженіе митрополиту Петру и защищая отъ соперниковъ, онъ сумѣлъ не только сдѣлать его своимъ другомъ, но и побудилъ его постепенно оставить стольный Владиміръ и переселиться на жительство въ Москву. Митрополиты русскіе имѣли обычай пребывать всегда вблизи великаго князя; слѣдовательно, Петръ охотно покидалъ Владиміръ, который въ дѣйствительности уже пересталъ быть стольнымъ городомъ, хотя и продолжалъ именоваться великимъ княженіемъ. Замѣчательно, что переселеніе это совершилось еще въ то время, когда споръ за первенство между Москвою и Тверью находился въ полномъ разгарѣ и еще трудно было предвидѣть его рѣшеніе. Но уже самое пребываніе митрополита въ Москвѣ, сообщая ей значеніе церковной столицы, тѣмъ самымъ

способствовало и ея перевѣсу надъ соперницей, такъ какъ привлекало на ея сторону сочувствіе народное.

Формальнаго или торжественнаго переселенія собственно не было; а просто во время своихъ частыхъ объѣздовъ русскихъ областей митрополитъ все рѣже и рѣже возвращался во Владиміръ, все долѣе и долѣе гостилъ въ Москвѣ. Достигнувъ глубокой старости, онъ началъ думать о томъ, гдѣ будутъ положены его кости. Предшественникъ его Максимъ, первый кіевскій митрополитъ переселившійся на сѣверъ, былъ погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, и этотъ соборъ, послѣ Кіевософійскаго, сдѣлался, такъ сказать, митрополитальнымъ. Если Петръ желалъ утвердить митрополію въ Москвѣ, то надобно было позаботиться о сооруженіи въ ней достойнаго соборнаго храма, въ которомъ также онъ могъ бы найти себѣ успокоеніе. По словамъ его житія, Петръ началъ просить Ивана Калиту (тогда еще не получившаго ярлыкъ на великое княженіе) воздвигнуть въ Москвѣ такой же каменный соборъ во имя Успенія Богородицы, какой былъ во Владимірѣ. Позднѣйшій распространитель житія, митрополитъ Кипріанъ, при этомъ влагаетъ въ уста Петру такое пророчество: „если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и весь родъ твой, и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители будутъ обитать въ немъ и руки его взыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ“. Калита поспѣшилъ исполнить его желаніе и заложилъ каменный Успенскій храмъ въ Московскомъ Кремлѣ, близъ своего двора, лѣтомъ 1326 г. Но едва выведено было основаніе и едва Петръ успѣлъ приготовить въ стѣнѣ нишу съ каменною гробницею для себя, какъ онъ скончался въ декабрѣ того же года, и былъ погребенъ въ этой гробницѣ. Такимъ образомъ, св. Петръ началъ собою рядъ московскихъ іерарховъ-угодниковъ, столь много содѣйствовавшихъ прославленію Москвы у Русскаго народа. На слѣдующій годъ Успенскій храмъ былъ оконченъ и освященъ Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ (авторомъ первоначальнаго краткаго житія Петрова). Но этотъ Успенскій соборъ ни размѣрами своими, ни украшеніями далеко не могъ равняться съ изящнымъ созданіемъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Московскій князь, владѣвшій пока только частью Суздальской земли и бывшій смиреннымъ данникомъ Золотой Орды, конечно, является беднѣе помянутыхъ своихъ предковъ. При томъ, художество русское, достигшее замѣчательнаго развитія въ первой половинѣ XIII вѣка, было задавлено варварскимъ игомъ и пока еще не успѣло возродиться къ новой жизни.

Послѣднее пребываніе и погребеніе въ Москвѣ митрополита Петра хотя въ значительной степени подвинуло въ ея пользу вопросъ о перенесеніи митрополіи, однако, окончательное рѣшеніе зависѣло отъ его преемника. Константинопольскій патріархъ на этотъ разъ снова поставилъ грека, по имени Ѳеогноста. Но когда Ѳеогностъ прибылъ въ Кіевъ, а оттуда во Владиміръ на Клязьмѣ (1328 г.), споръ между Тверью и Москвой уже рѣшился въ пользу послѣдней; Александръ Михайловичъ находился въ изгнаніи, а Калита получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Естественно, что новый митрополитъ скоро уступилъ вліянію послѣдняго и переѣхалъ на житье въ Москву, въ сосѣдство великаго князя, къ неудовольствію и зависти русскихъ князей, понимавшихъ значеніе этого шага. Ѳеогностъ сдѣлался такимъ же преданнымъ пособникомъ Калиты, какимъ былъ Петръ. Мы видѣли, какъ ловко Московскій князь употребилъ духовное оружіе противъ своего соперника, заставивъ Ѳеогноста погрозить отлученіемъ Псковичамъ, если они не изгонятъ отъ себя Александра Тверского.

Кромѣ Успенскаго собора, Калита украсилъ Московскій Кремль еще нѣсколькими каменными храмами. На Боровицкомъ холму, на самомъ великокняжескомъ дворѣ была деревянная церковь Спаса Преображенія. Калита построилъ, вмѣсто деревянной, каменную и устроилъ при ней монастырь; „мнихолюбивый“ князь перевелъ сюда часть иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря, подчинивъ его Спасо-Преображенскому. (Сей послѣдній послужилъ усыпальницею древнихъ Московскихъ княгинь). Около того же времени онъ построилъ, вѣроятно въ честь своего ангела, каменную церковь Іоанна Лѣствичника, „что подъ колоколами“, какъ выражается лѣтопись (на мѣстѣ позднѣйшей колокольни Ивана Великаго). На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела (можетъ быть основанная помянутымъ Московскимъ княземъ Михаиломъ Хоробритомъ). Въ ней покоились останки Юрія, брата Калиты. Онъ воздвигъ на ея мѣстѣ каменный храмъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства. (Но гробъ брата, при разборкѣ деревяннаго храма вынесенный въ Успенскій соборъ, послѣ не былъ возвращенъ на прежнее мѣсто). Всѣ эти каменные храмы были малыхъ размѣровъ и не отличались большимъ изяществомъ. Нагляднымъ ихъ образцомъ для насъ служитъ помянутый Спасо-Преображенскій храмъ, отчасти уцѣлѣвшій въ прежнемъ своемъ объемѣ и болѣе извѣстный въ народѣ подъ именемъ „Спаса на Бору“. (Означенные четыре каменные храма,

т.-е. Успенія, Спаса, Іоанна и Михаила, построенные Калитой, были расписаны иконными фресками при его сынѣ Симеонѣ Гордомъ). Что касается до храмовъ деревянныхъ, то Москва уже обиловала ими въ то время; по крайней мѣрѣ лѣтопись по поводу одного пожара сообщаетъ, что сгорѣло при этомъ 18 церквей. Сіе бѣдствіе, столь часто опустошавшее наши древніе города, однажды истребило и самыя кремлевскія стѣны. Иванъ Даниловичъ послѣ выстроилъ новыя стѣны изъ дубоваго лѣсу—слѣдовательно болѣе крѣпкія чѣмъ прежде, но, все-таки, деревянныя.

Послѣднимъ событіемъ княженія Калиты былъ походъ противъ Смоленскаго князя Ивана Александровича. Этотъ князь, повидимому вступившій въ союзъ съ Гедиминомъ Литовскимъ, оказался непокорнымъ хану данникомъ, и Узбекъ послалъ на Смоленскъ татарское войско съ воеводою Товлубіемъ, приказавъ соединиться съ нимъ сѣверо-восточнымъ Русскимъ князьямъ. Дѣйствительно, князья Рязанскій, Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій и нѣкоторые другіе привели свои отряды; но Калита не пошелъ самъ, а послалъ Московскую рать съ двумя воеводами. Соединенное ополченіе ограничилось опустошеніемъ окрестностей Смоленска и, не взявъ города, воротилось назадъ. Калита, очевидно, не такъ усердствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ противъ своего соперника Александра Тверского. А можетъ быть, онъ не пошелъ лично въ походъ по причинѣ тяжкой болѣзни. Вслѣдъ затѣмъ онъ скончался (31 марта 1341 года), принявъ передъ смертью постриженіе и схиму; его погребли въ созданномъ имъ храмѣ Михаила Архангела.

Отъ Ивана Калиты дошло до насъ два духовныхъ завѣщанія, впрочемъ по времени относящіяся не къ концу, а къ началу его двѣнадцатилѣтняго великаго княженія. Таковыя завѣщанія, повидимому, составлялись имъ передъ каждою поѣздкою въ Орду; ибо эти поѣздки, кромѣ долгаго пути, исполненнаго всякихъ лишеній, представляли опасности и отъ измѣнчиваго расположенія хановъ, такъ что ни одинъ русскій князь не могъ быть увѣренъ въ своемъ благополучномъ возвращеніи. Въ помянутыхъ завѣщаніяхъ Калита дѣлитъ свою землю между тремя сыновьями: Сименомъ, Иваномъ и Андреемъ. Старшему онъ отказываетъ лучшую часть земли съ наиболѣе значительными городами, Можайскомъ и Коломною, Ивану — Звенигородъ и Рузу съ волостями, Андрею—Серпуховъ и Лопасну, также съ волостями, и еще нѣкоторыя волости супругѣ своей Еленѣ съ меньшими дѣтьми (дѣвочками); но она скончалась восемью годами прежде него. Кромѣ

волостей и доходовъ, великій князь дѣлитъ между ними и свои одежды, утварь и украшенія, какъ-то: золотыя цѣпи, пояса, унизанные жемчугомъ и дорогими каменьями, золотые чаши и ковши, серебряныя блюда и чарки, шубы изъ дорогихъ тканей съ соболиною подкладкою, съ жемчужными наплечниками и съ нашитыми металлическими бармами, шапки съ золотымъ верхомъ, мониста, кольца, ожерелья и проч. Не забываетъ завѣщатель и о церквахъ, которымъ приказываетъ роздать сто рублей и часть рухляди священникамъ; при чемъ Владимірскому Успенскому собору отказываетъ какое-то „блюдо великое о четыре кольца". Три сельца онъ отказываетъ на церковь въ „поминанье" о своей душѣ.

Грамоты бросаютъ свѣтъ и на государственныя понятія, и на домашнее хозяйство Московскаго князя, котораго уже ближайшее потомство стало называть „собирателемъ Русской земли". Съ одной стороны, мы видимъ какъ бы все ту же удѣльную систему, все то же дробленіе земли между сыновьями. Но, всматриваясь ближе, замѣчаемъ уже значительную разницу съ прежнею системою. Во-первыхъ, младшихъ сыновей, жену и дочерей великій князь *приказываетъ* старшему сыну, чтобы онъ былъ имъ *печальникъ,* т.-е. отдаетъ ихъ подъ его покровительство. Во-вторыхъ, самый раздѣлъ земли устроенъ такъ, что младшимъ братьямъ трудно выдти изъ повиновенія у старшаго. Ихъ удѣлы не представляютъ особыхъ, сколько-нибудь округленныхъ владѣній; ихъ волости отчасти окружены владѣніями старшаго брата, отчасти перемѣшаны съ ними. Наконецъ, удѣлы ихъ довольно незначительны въ сравненіи съ его частью. При томъ они назначены только изъ собственныхъ, наслѣдственныхъ волостей. Городъ Москва хотя и отказанъ въ общее владѣніе всѣхъ трехъ братьевъ, но конечно, государемъ его былъ старшій изъ нихъ, а младшіе пользовались каждый своею „третью", т.-е. третьей частью извѣстныхъ доходовъ. Затѣмъ къ старшему должны были перейти вся область Переяславля-Залѣсскаго и всѣ дальнія пріобрѣтенія въ Поволжьѣ; ему же предоставлялось добыть себѣ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Слѣдовательно, въ Московскомъ княжествѣ того времени уже начинается замѣтный переходъ къ единодержавію. Въ томъ же завѣщаніи находимъ любопытное указаніе на отношенія бояръ къ князьямъ. Калита упоминаетъ объ одномъ бояринѣ (Бориско Ворковъ), которому пожаловалъ село, купленное въ Ростовскомъ уѣздѣ, и дѣлаетъ такое распоряженіе: если бояринъ останется служить кому-либо изъ его сыновей, то село оставить за нимъ; а если

не останется, то село у него отнять. Слѣдовательно, бояре попрежнему были вольны въ своей службѣ; но князь жалуетъ имъ земли только подъ условіемъ этой службы ([8]).

*

Послѣ кончины Ивана Калиты сыновья его, а также князья Тверской, Суздальскій, Ярославскій и другіе владѣтели Сѣверовосточной Руси отправились въ Орду. Нѣкоторые изъ нихъ стали было хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское; но расположеніе Узбека къ покойному Московскому князю, подкрѣпленное богатыми дарами хану и его любимцамъ, рѣшило вопросъ въ пользу старшаго сына Калиты — Симеона, прозваннаго *Гордымъ;* по выраженію лѣтописи, ханомъ „даны подъ руцѣ его всѣ князи русскіе". Воротясь въ Русь, онъ торжественно сѣлъ на великокняжескомъ столѣ во Владимірѣ, т.-е. вѣнчался въ соборномъ храмѣ со всѣми установившимися обрядами. Рѣшеніе вопроса въ пользу Симеона было послѣднею услугою Узбека Московскому княжему дому. Осенью или зимою того же 1341 года умеръ этотъ ханъ, съ именемъ котораго связана высшая степень могущества Золотой Орды и утвержденіе въ ней ислама. Особенно онъ былъ памятенъ Русскимъ князьямъ: при немъ до десяти князей сложили свои головы въ Ордѣ. Но замѣчательно, что, будучи усерднымъ мусульманиномъ, онъ не измѣнялъ обычной вѣротерпимости татарскихъ хановъ. Кромѣ льготныхъ ярлыковъ, которые получили отъ него русскіе митрополиты Петръ и Ѳеогностъ, о томъ свидѣтельствуютъ его дружескія сношенія съ папою Венедиктомъ XII: по его просьбѣ, ханъ дозволялъ латинскимъ миссіонерамъ водворять католичество въ нѣкоторыхъ подвластныхъ Татарамъ земляхъ Черноморскихъ и Кавказскихъ, напримѣръ въ странѣ Ясовъ или Аланъ. Но самъ Узбекъ остался равнодушенъ ко всѣмъ увѣщаніямъ папы принять христіанскую вѣру. Византійскіе императоры изъ дома Палеологовъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, тѣснившихъ имперію на востокѣ и на западѣ, заискивали расположеніе татарскихъ хановъ и не затруднялись посылать въ ихъ гаремы своихъ собственныхъ дочерей. Примѣръ тому подалъ основатель этой династіи Михаилъ Палеологъ, который одну свою дочь, Марію, послалъ хану Гулагу въ Персію, а другую, Евфросинію,—извѣстному хану Ногаю. (Впрочемъ, та и другая были побочныя дочери). Узбекъ также имѣлъ въ числѣ своихъ главныхъ женъ дочь императора Андроника III.

Знаменитый арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута оставилъ намъ любопытное извѣстіе о посѣщеніи имъ столицы Узбековой и о поѣздкѣ ханской супруги, помянутой византійской царевны, къ ея отцу въ Константинополь (около 1333 г.).

Изъ Синопа Ибнъ-Батута приплылъ въ Корсунь; отсюда на мѣстной телѣгѣ (арбѣ) проѣхалъ въ Кафу (Ѳеодосію), которая причислялась уже къ владѣніямъ Узбека. Затѣмъ онъ посѣтилъ городъ Крымъ и отсюда отправился по Черноморскимъ и Донскимъ степямъ въ столицу Кипчакскаго царства Сарай. Въ степяхъ онъ видѣлъ многочисленныя стада всякаго скота, особенно овецъ, которыя паслись безъ присмотра, охраняемыя единственно строгостью татарскихъ законовъ противъ воровства. По этимъ законамъ укравшій скотину долженъ былъ воротить ее съ придачею своихъ девяти штукъ такой же стоимости; если онъ оказывался несостоятельнымъ, то отдавалъ собственныхъ дѣтей; если же не имѣлъ дѣтей, то его самого предавали смерти.

„Послѣ многихъ дней пути — говоритъ Батута, — я прибылъ въ Азакъ (Азовъ), небольшой городъ, расположенный на морскомъ берегу. Въ немъ пребываетъ эмиръ, поставленный султаномъ Могамедъ-Узбекъ-ханомъ; онъ оказалъ намъ почетъ и гостепріимство. Отсюда мы проѣхали въ Маджаръ, значительный, красивый городъ. Татарскія женщины въ тѣхъ краяхъ пользуются большимъ уваженіемъ, въ особенности вдовы вельможъ и хановъ. Женщины эти благочестивы, а также щедры на милостыню и другія добрыя дѣла. Онѣ ходятъ безъ покрывалъ съ совершенно открытыми лицами (очевидно, мусульманскій гаремный бытъ еще не успѣлъ наложить свою печать на Кипчакскихъ татаръ).

Я отправился въ султанскій лагерь, который тогда находился въ области, известной подъ именемъ Бишъ-Тагъ (Бештау) или Пятигорье; мы прибыли на мѣсто, гдѣ султанъ только что расположился со своимъ дворомъ. Въ этотъ лагерь, называющійся „урду“ (Орда), мы пріѣхали въ первый день мѣсяца Рамадана. Тутъ мы увидали подвижный городъ съ его улицами, мечетями и кухнями, дымъ отъ которыхъ поднимался по мѣрѣ ихъ движенія. Но, когда былъ данъ знакъ остановиться, все это сдѣлалось неподвижно. Султанъ Могамедъ-Узбекъ очень могущественъ, пользуется обширною властію и есть повелитель невѣрныхъ (т.-е. не мусульманъ). Онъ принадлежитъ къ семи великимъ царямъ свѣта, каковы суть государи Запада (Фецъ-Мароко), Египта и Сиріи, обоихъ Ираковъ (Персіи), Кипчака, Туркестана, Индіи и Китая“.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе ханскаго церемоніала, напоминающее извѣстіе Плано Карпини о Батыѣ.

У Могамеда-Узбека былъ обычай каждую пятницу послѣ молитвы сидѣть подъ такъ называемымъ „золотымъ шатромъ", который очень богато украшенъ: посреди его ставился возвышенный тронъ (собственно ложе), обитый серебряными позолоченными листами съ дорогими каменьями. Ханъ возсѣдалъ на тронѣ; его четыре жены сидѣли рядомъ съ нимъ, двѣ по правую и двѣ по лѣвую сторону. Подлѣ трона стояли его два сына, также одинъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой; впереди трона сидѣла его дочь. Когда входила какая-либо изъ этихъ женъ, Узбекъ вставалъ и, взявъ ее за руку, отводилъ на ея мѣсто. Онѣ были безъ всякаго покрывала. Потомъ пришли великіе эмиры, для которыхъ были приготовлены сидѣнья по лѣвую и по правую сторону отъ трона. Передъ ханомъ стояли царевичи, его племянники и другіе родичи. Ближе къ двери, но лицомъ къ трону, помѣщались сыновья эмировъ, а за ними и другіе войсковые чиновники. Каждый входившій кланялся хану и потомъ занималъ свое мѣстѣ. Послѣ вечерней молитвы главная жена или ханша возвращалась къ себѣ; за нею слѣдовали остальныя, каждая въ сопровожденіи своихъ красивыхъ рабынь.

Ханъ принялъ арабскаго путешественника очень благосклонно; потомъ прислалъ ему въ подарокъ барановъ, коня и кожаный сосудъ съ любимымъ татарскимъ напиткомъ, т.-е. съ кумысомъ. Ибнъ Батута особое вниманіе обратилъ на тотъ почетъ, которымъ были окружены ханскія жены. Всякая изъ нихъ имѣла свое отдѣльное помѣщеніе, свой особый штатъ слугъ и служанокъ; во время пути передъ ея кибиткою ѣхалъ отрядъ татарскихъ всадниковъ, а за нею слѣдовали красивые Мамлюки. По обычаю татарской вѣжливости, арабскій гость, прежде чѣмъ удостоиться ханскаго пріема, посѣтилъ главныхъ ханскихъ женъ.

Съ позволенія Узбека, Ибнъ Батута отсюда отправился на сѣверъ въ городъ Булгаръ, чтобы удовлетворить своему любопытству, которое особенно было затронуто разсказами прежнихъ арабскихъ путешественниковъ (напримѣръ, Ибнъ Фадлана) о чрезвычайной краткости ночей въ это время года. Дѣйствительно, по словамъ Батуты, едва онъ кончалъ вечернюю молитву по закатѣ солнца, какъ долженъ былъ начинать утреннюю передъ солнечнымъ восходомъ. Въ Булгарѣ онъ слышалъ о какой-то странѣ мрака, лежащей за совершенной пустыней, на разстояніи 40 дней пути, куда можно было ѣздить толь-

ко на собакахъ. Въ эту страну отправляются обыкновенно торговцы и мѣняютъ тамъ свои товары туземцамъ на дорогіе мѣха. Рѣчь, конечно, шла о торговлѣ съ Самоѣдами, Остяками и Вогулами. Батута сильно желалъ посѣтить таинственную страну мрака, но долгота пути и сопряженныя съ нимъ опасности отклонили его отъ этого намѣренія. Пробывъ въ Булгарѣ три дня, онъ воротился къ хану и послѣдовалъ за нимъ въ городъ Астрахань, лежавшій на берегахъ Ателя (Волги), одной изъ величайшихъ рѣкъ цѣлаго свѣта. Здѣсь ханъ проводилъ самое холодное время, когда рѣка покрыта была льдомъ. Въ это время одна изъ женъ Узбека, дочь Византійскаго императора, выпросила у него позволеніе съѣздить въ Константинополь и посѣтить своего отца. Батута, тоже желавшій посѣтить Константинополь, добился разрѣшенія сопровождать на этомъ пути ханшу или „байлунь" („баялынь" русской лѣтописи). Ее сопровождалъ пятитысячный военный отрядъ, кромѣ многочисленной свиты слугъ и рабынь. На разстояніи десяти дней пути отъ Сарая они достигли города Укака. А на разстояніи одного дня отъ этого мѣста лежали какія-то „горы Русскихъ", народа „исповѣдующаго христіанство, рыжеволосаго и голубоглазаго, некрасиваго (по понятію араба) и вѣроломнаго". Въ тѣхъ горахъ находились серебряныя руды, и потому у Русскихъ была въ ходу какая-то серебряная монета въ пять унцій вѣсомъ. (Рѣчь идетъ, вѣроятно, о Тмутраканскихъ Руссахъ). Затѣмъ путники прибыли въ Судакъ, а потомъ чрезъ Баба-Салтунъ (Бабадагъ) достигли Византіи.

Батута болѣе мѣсяца пробылъ въ Константинополѣ и былъ отпущенъ назадъ царевною, пожелавшею остаться у своего отца. Онъ воротился въ Астрахань, но уже не засталъ тамъ Узбека, который со своимъ дворомъ переѣхалъ въ Сарай. По словамъ Батуты, это былъ красивый и обширный городъ; въ немъ пребывалъ ученый имамъ, которому ханъ оказывалъ великое уваженіе. Отдавъ хану отчетъ въ путешествіи ханши и получивъ отъ него большіе подарки, Батута отправился въ телѣгѣ, запряженной верблюдами, въ Ховарезмъ, отстоявшій на 40 дней пути отъ Сарая. Послѣ десятидневнаго путешествія онъ достигъ татарскаго города Сарайчика, лежащаго на берегахъ широкой рѣки Улусу (Уралъ); берега эти были соединены мостомъ. Затѣмъ онъ достигъ города Ховарезма, который тогда принадлежалъ къ Кипчакскому царству и управлялся эмиромъ или намѣстникомъ Узбека. Этотъ городъ очень понравился ему благочестіемъ жителей, т.-е. ихъ ревностью къ исламу ([9]).

По смерти Узбека его второй сынъ Джанебекъ убилъ своего старшаго брата (Тинибека) и младшаго (Хыдыбека), и, подобно отцу, сдѣлался единодержавнымъ властителемъ Кипчакскаго царства. Почти всѣ русскіе Сѣверовосточные князья по установившемуся обычаю отправились въ Орду на поклонъ новому хану, везя многіе дары какъ ему самому, такъ его любимцамъ и женамъ, чтобы получить новые ярлыки на свои удѣлы. Поѣхали также Симеонъ Гордый и митрополитъ Ѳеогностъ; послѣдній хлопоталъ о подтвержденіи льготныхъ ханскихъ ярлыковъ русскому духовенству. Джанибекъ утвердилъ Симеона на великомъ княженіи и милостиво его отпустилъ, а Ѳеогноста задержалъ. Какіе-то русскіе клеветники донесли хану, что митрополитъ пользуется большими доходами, такъ что стяжалъ себѣ много золота, серебра и всякихъ богатствъ. Ханъ потребовалъ отъ него ежегодныхъ даней и за отказъ въ нихъ велѣлъ держать его въ тѣснотѣ. Митрополитъ роздалъ до 600 рублей на подарки хану, ханшамъ и ордынскимъ князьямъ, и едва добился, чтобы его отпустили на Русь. Однако, онъ получилъ новый ярлыкъ отъ Джанибека и ханши Тайдулы, которымъ подтверждались прежнія льготы православному духовенству.

Послѣ того Симеонъ Ивановичъ вмѣстѣ съ своими братьями нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду, и сумѣлъ до конца удержать за собою благоволеніе и покровительство Джанибека. Благодаря этому расположенію хана, мы въ княженіе Симеона почти не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстій ни о татарскихъ разореніяхъ въ Сѣверной Руси, ни о баскакахъ или великихъ ханскихъ послахъ, которыхъ посѣщеніе иногда равнялось цѣлому набѣгу. При такомъ внѣшнемъ затишьѣ Московское княжество пользовалось и внутреннимъ миромъ, благодаря ничѣмъ ненарушенному согласію и дружбѣ всѣхъ трехъ братьевъ или скорѣе полному послушанію, которое младшіе братья сохраняли въ отношеніи къ старшему. Отношенія эти Симеонъ вслѣдъ за своимъ вокняженіемъ скрѣпилъ особымъ договоромъ, по которому братья, утвердясь на отцовскомъ раздѣлѣ, обязались быть всѣмъ „за одинъ", почитать старшаго брата „во отцево мѣсто", имѣть съ нимъ общихъ друзей и недруговъ. Старшій братъ, котораго они называютъ „господинъ великій князь", въ свою очередь, обязался не обижать младшихъ относительно ихъ удѣловъ и безъ нихъ не „доканчивать ни съ кѣмъ". Этотъ договоръ былъ скрѣпленъ взаимною клятвою и цѣлованіемъ креста у отцовскаго гроба, т.-е. въ Архангельскомъ храмѣ. Согласію Московскихъ князей вѣроятно не мало способствовало то

обстоятельство, что младшіе братья, получивъ себѣ части въ самомъ городѣ Москвѣ, повидимому, остались въ ней на житье, а не пребывали въ своихъ удѣльныхъ городахъ; такимъ образомъ, они находились въ тѣсномъ сосѣдствѣ и единеніи, или, точнѣе сказать, въ полной зависимости у великаго князя. Симеонъ, очевидно, хорошо воспользовался умнымъ распоряженіемъ Калиты относительно раздѣла столицы на трети.

Когда Москва взяла верхъ надъ Тверью, Новгородцы не долго могли радоваться униженію своего ближайшаго сосѣда и скоро почувствовали на себѣ тяжелую руку Московскихъ князей. Вслѣдъ за утвержденіемъ Симеона на великомъ столѣ Владимірскомъ, въ Торжокъ прибыли московскіе намѣстники и сборщики дани (вѣроятно татарской), при чемъ не обошлось безъ разныхъ притѣсненій. Новоторы обратились съ жалобою въ Великій Новгородъ. Тотъ прислалъ нѣсколько бояръ съ вооруженнымъ отрядомъ; Московскихъ намѣстниковъ схватили и заключили въ оковы; а Симеону послали сказать: „ты еще не сѣлъ у насъ на княженіе, а уже бояре твои насильничаютъ“. Но чернь Новоторская, услыхавъ о сборахъ великаго князя въ походъ и тщетно ожидая войска изъ Новгорода, возмутилась противъ бояръ и освободила московскихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ Новоторскихъ бояръ (Семенъ Внучекъ) былъ убитъ на вѣчѣ; другіе успѣли бѣжать въ Новгородъ; нѣкоторые боярскіе дома и ближнія села были разграблены чернью во время этого мятежа. Между тѣмъ великій князь собралъ большую низовую рать и вмѣстѣ съ князьями Суздальскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, двинулся къ Торжку. Новгородцы, съ своей стороны, начали готовиться къ оборонѣ, а въ то же время отправили къ великому князю владыку и тысяцкаго съ боярами бить челомъ о мирѣ. Симеонъ согласился заключить миръ по старымъ грамотамъ, но съ тѣмъ, чтобы Новгородцы уплатили *Черный боръ* со всѣхъ своихъ волостей, и кромѣ того, тысячу рублей съ Торжка. Есть извѣстіе, что великій князь подвергъ при этомъ Новгородцевъ слѣдующему униженію: онъ потребовалъ, чтобы тысяцкій и бывшіе съ нимъ въ посольствѣ бояре явились къ нему босые, и на колѣняхъ, въ присутствіи князей, просили прощенія. Такое извѣстіе до нѣкоторой степени вѣроятно: не даромъ же Симеону дано прозваніе *Гордаго*. Къ тому же онъ сердился на Новгородцевъ еще за грабежи ихъ повольниковъ въ нѣкоторыхъ его волостяхъ. Послѣ Торжковскаго мира Симеонъ послалъ въ Новгородъ своего намѣстника; а спустя нѣсколько лѣтъ, по просьбѣ пріѣзжавшаго въ Москву владыки Василія, онъ самъ ѣз-

дилъ въ Новгородъ, былъ тамъ торжественно посаженъ на столъ и пробылъ три недѣли.

Все время Симеонова княженія мы не видимъ никакихъ столкновеній его съ удѣльными князьями Суздальской Руси; очевидно, онъ умѣлъ ихъ держать почти въ такомъ же послушаніи какъ своихъ младшихъ братьевъ. Сосѣднія княженія, Тверь и Рязань, также присмирѣли. Только разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ извѣстіе о какомъ-то размирьѣ съ Смоленскимъ княземъ и о походѣ Симеона на Смоленскъ (1351 г.); но и тутъ смоленскіе послы встрѣтили его на рѣкѣ Угрѣ и заключили съ нимъ миръ. Конечно, въ связи съ Смоленскими отношеніями, явились къ нему на томъ же походѣ послы Ольгерда Литовскаго и также заключили миръ. Оба великіе князя состояли въ двойномъ свойствѣ. Отецъ Ольгерда Гедиминъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ отцомъ Симеона Иваномъ Калитою и выдалъ одну изъ своихъ дочерей за Симеона Ивановича. Хотя при Ольгердѣ, когда Москва и Литва, каждая объединяя свою часть Руси, сблизились своими предѣлами, начинаются уже нѣкоторыя враждебныя столкновенія; но дѣло пока не доходитъ до рѣшительной борьбы. Самъ Ольгердъ, незадолго до помянутаго Смоленскаго похода, женился на свояченицѣ Симеона, тверской княжнѣ Ульянѣ Александровнѣ.

Симеонъ Ивановичъ былъ женатъ три раза. Первая его супруга Айгуста Гедиминовна, въ крещеніи Анастасія, рано скончалась; она постриглась въ черницы передъ смертію и была погребена въ Кремлевскомъ монастырѣ Спаса Преображенья (1345 г.). Въ томъ году Симеонъ женился на Евпраксіи, дочери Ѳедора Святославича, одного изъ мелкихъ Смоленскихъ князей, котораго онъ перезвалъ къ себѣ, давъ ему въ управленіе Волокъ Ламскій. Но уже въ слѣдующемъ году великій князь отослалъ Евпраксію къ отцу, приказавъ выдать ее замужъ за другого, и тотъ дѣйствительно выдалъ ее за князя Ѳедора Ѳоминскаго, также изъ рода Смоленскихъ. Нѣкоторые источники сообщаютъ намъ слѣдующую странную причину этого развода: „великую княгиню на свадьбѣ испортили; ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ“. Хотя тутъ еще не было законной причины для развода, однако, Симеонъ послѣ того женился въ третій разъ, именно на тверской княжнѣ Марьѣ, дочери бывшаго соперника Калиты, т.-е. казненнаго въ Ордѣ Александра Михайловича. Митрополитъ Ѳеогностъ, конечно исполняя волю великаго князя, давалъ разрѣшеніе на новые браки его собственный и его бывшей жены. Точно также, по желанію великаго князя, онъ разрѣшилъ Ольгерду Ли-

товскому и брату его Любарту жениться на двухъ родственницахъ Симеона: Любарту на его племянницѣ, а Ольгерду, какъ сказано, на его свояченицѣ.

Нѣсколько значительныхъ пожаровъ посѣтили Москву при Симеонѣ и, слѣдовательно, давали обильную пищу его строительной дѣятельности. Что же касается до украшенія стольнаго города, то онъ усердно продолжалъ начинанія своего отца. Именно почти всѣ каменные Московскіе храмы, построенные Калитою, были расписаны внутри фресковою живописью. Это расписаніе стоило обыкновенно не мало трудовъ и издержекъ, такъ какъ по обычаю того времени всѣ внутреннія стѣны сверху до низу покрывались иконнымъ письмомъ. Любопытно при семъ извѣстіе лѣтописей о томъ, что Успенскій соборъ расписывали Греки, иконописцы митрополита Ѳеогноста, и окончили его въ одно лѣто (1344 г.); Архангельскій же соборъ расписывали русскіе писцы, Захарія, Іосифъ и Николай съ своею „дружиною"; но въ то лѣто не успѣли окончить и половины церкви, ради ея обширности. Затѣмъ расписаны были Иванъ Лѣствичникъ и монастырскій Спасъ Преображенье. Этотъ придворнокняжескій монастырь пользовался особою щедростью великой княгини Анастасіи Гедиминовны; она же на свою казну наняла „дружину" мастеровъ расписывать церковь Спаса; начальники дружины были родомъ Русскіе, но ученики Грековъ, по имени: Гойтанъ, Семенъ и Иванъ, а дружина ихъ состояла уже большею частію изъ ихъ учениковъ. Первый, т.-е. Гойтанъ, судя по имени, едва ли не былъ выходецъ изъ юго-западной Руси, можетъ быть, привезенный или вызванный оттуда тою же литовско-русскою княжною, первою супругою Симеона. Возможно также, что еще первый Московскій митрополитъ Петръ, родомъ Волынецъ, самъ искусный въ иконномъ письмѣ, покровительствовалъ развитію этого искусства въ Москвѣ и призыву мастеровъ изъ юго-западной Руси. Великій князь и его младшіе братья, повидимому, сообща участвовали въ расходахъ на украшеніе Кремлевскихъ храмовъ. По крайней мѣрѣ есть лѣтописное извѣстіе, что въ одно время съ ихъ расписаніемъ на общее иждивеніе братьевъ были слиты пять колоколовъ, три большіе и два меньшіе (вѣроятно для звонницы надъ церковью Ивана Лѣствичника); „а лилъ ихъ мастеръ Бориско".

Въ 1352 году страшное бѣдствіе посѣтило Россію: Моровая язва, извѣстная подъ именемъ Черной Смерти. Говорятъ, она была принесена изъ Китая и Индіи въ Сирію на берега Средиземнаго моря; оттуда на корабляхъ завезена въ Южную Европу; обошла Францію,

Англію, Германію, Скандинавію, вездѣ опустошая населеніе; а наконецъ кораблями же завезена черезъ Балтійское море въ Псковскую и Новогородскую земли. Эта чрезвычайно заразительная болѣзнь обнаруживалась кровохарканіемъ (слѣдовательно, происходило сильное пораженіе легкихъ и начиналось разложеніе крови); послѣ чего на третій день слѣдовала смерть. Кожа умирающихъ сплошь покрывалась темными пятнами, отчего произошло и самое названіе язвы Черною Смертью. Лѣтопись Русская говоритъ, что священники не успѣвали отпѣвать покойниковъ отдѣльно; каждое утро они находили въ своихъ церквахъ по двадцати и тридцати мертвецовъ; творили надъ ними общую молитву, и затѣмъ въ одну могилу опускали по пяти и по десяти труповъ. Замѣтивъ прилипчивость язвы, многіе, конечно, стали убѣгать отъ умирающихъ, хотя бы и самыхъ близкихъ людей; но было довольно и такихъ, которые, наоборотъ, показывали свое мужество и страхъ Божій и служили больнымъ до конца. Церкви и монастыри въ это время обогатились великими вкладами и земельными имуществами; ибо многіе богатые люди, ожидая смертнаго часа, спѣшили отказывать свое имѣніе на вѣчное поминовиновеніе о своей душѣ. Язва постепенно распространилась почти на всю Россію, именно на земли Смоленскую, Кіевскую, Черниговскую и Суздальскую. Какъ примѣръ ея опустошительности, лѣтопись прибавляетъ, будто въ городахъ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни единаго человѣка: всѣ перемерли.

Эта Черная Смерть посѣтила и Москву. Въ мартѣ 1353 года скончался митрополитъ Ѳеогностъ и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ (въ придѣлѣ Покланія веригъ апостола Петра, „объ едину стѣну съ митрополитомъ Петромъ чудотворцемъ"). Едва минули ему „сорочины, т.-е. шесть недѣль, какъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (36-ти) скончался великій князь Симеонъ Ивановичъ, успѣвъ передъ смертью постричься подъ именемъ Сазонта и составить духовное завѣщаніе, которое дошло до насъ. Всѣ его дѣти умерли еще прежде отца. Поэтому свои наслѣдственныя и купленныя имъ самимъ волости или собственно доходы съ нихъ, а также собственное золото и серебро онъ отказалъ своей любимой третьей супругѣ Марьѣ Александровнѣ. Братьямъ своимъ онъ приказывалъ жить за одинъ и слушать владыку Алексѣя, равно и старыхъ бояръ, которые служили еще отцу ихъ Ивану Калитѣ. Вслѣдъ за Симеономъ скончался его младшій братъ Андрей и также погребенъ въ Архангельскомъ храмѣ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ его смерти, родился сынъ его Владиміръ (впослѣдствіи

прозванный *Храбрымъ*). Главою княжескаго семейства и преемникомъ Симеона остался средній братъ Иванъ Ивановичъ; онъ получилъ волости старшаго брата по кончинѣ его супруги и, такимъ образомъ, соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ Московскія владѣнія, за исключеніемъ части брата Андрея, перешедшей къ его сыну Владиміру; но этотъ сынъ былъ еще ребенкомъ и, конечно, находился въ полной опекѣ у своего дяди ([10]).

Если посмотримъ на сосѣднія съ Москвою важнѣйшія княжества того времени, то увидимъ, что ихъ внутреннія смуты и внѣшнія отношенія не мало способствовали рѣшительному возвышенію надъ ними и быстрому возрастанію Московской силы.

Рязанская область, во-первыхъ, уже по самому географическому своему положенію находилось подъ болѣе сильнымъ давленіемъ варварскаго ига, нежели Московская. Она постоянно терпѣла разоренія отъ татарскихъ грабежей и отъ баскаковъ. Во-вторыхъ, изъ состава Рязанскихъ волостей попрежнему продолжалъ выдѣляться удѣлъ Пронскій, переходившій обыкновенно во владѣніе младшей вѣтви княжаго рода. Пронскіе князья стремятся или при случаѣ завладѣть старшимъ, Рязанскимъ столомъ, или поставить себя въ болѣе самостоятельныя отношенія къ старшей вѣтви. Отсюда нерѣдкія усобицы, которыми не упускали воспользоваться Московскіе князья, входя въ союзъ съ младшими, т.-е. съ Пронскою вѣтвію. Извѣстно, что уже Даніилъ Александровичъ отнялъ у Рязанцевъ Коломну и захватилъ въ плѣнъ рязанскаго князя Константина; а Георгій Александровичъ потомъ велѣлъ умертвить плѣнника и навсегда утвердилъ за Москвою Коломну со всѣми ея волостями. Сынъ и преемникъ Константина Василій былъ убитъ въ Ордѣ (1308 г.). Рязанскій столъ перешелъ къ племяннику Константина Ивану Ярославичу Пронскому; но и онъ впослѣдствіи также гибнетъ въ Ордѣ, казненный тамъ по повелѣнію хана Узбека (1327 г.). Очень вѣроятно, что оба эти князя погибли не безъ участія Московскихъ сосѣдей, т.-е. Юрія и Ивана Калиты. При послѣднемъ Рязань, повидимому, подпала даже нѣкоторой зависимости отъ Москвы. Сынъ и преемникъ Ивана Ярославича Ивана *Коротополый* затѣялъ вражду съ двоюроднымъ братомъ своимъ Александромъ Михайловичемъ Пронскимъ; однажды перехватилъ его на дорогѣ, когда тотъ отправлялся съ выходомъ въ Орду; ограбилъ, привелъ плѣнниковъ въ Переяславль Рязанскій и тамъ велѣлъ убить (1340 г.). Очевидно, старшіе князья препятствовали подобнымъ сно-

шеніямъ младшихъ съ ханомъ, и хотѣли одни знать Орду, т.-е. собирать дань и отвозить ее къ хану. Тогда одинъ изъ сыновей Александра Пронскаго выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на Рязанскій столъ, и съ помощью Татаръ отнялъ его у Коротопола, который вскорѣ гдѣ-то погибъ. Такимъ образомъ, Рязанское княженіе вновь перешло къ младшей вѣтви, и она на этотъ разъ окончательно раздѣлилась на Рязанскую и Пронскую. Около 1350 года на Рязанскомъ столѣ встрѣчается юный внукъ Александра Михайловича Олегъ Ивановичъ, впослѣдствіи знаменитый соперникъ Димитрія Донского и обновитель Рязанской самобытности.

Несмотря на разныя смуты и угнетенія отъ Татаръ, Рязанское княжество въ эпоху Татарскаго ига успѣло значительно расширить свои предѣлы. Во-первыхъ, на юго-востокѣ эти предѣлы перешли рѣку Воронежъ и углубились въ опустѣвшія послѣ разгрома Половцевъ Придонскія степи до самаго Хопра. По крайней мѣрѣ, это мы видимъ изъ спора между епископами Сарайскими и Рязанскими за границу ихъ эпархій. Грамотами митрополитовъ Максима, Петра и Ѳеогноста такой границей была признана именно рѣка Хоперъ съ ея притокомъ Великой Вороной. Точно также Татарскій погромъ Чернигово-Сѣверской области, повлекшій за собой ея упадокъ и дробленіе, помогъ Рязанцамъ распространить свои предѣлы на западѣ на счетъ этой области. Но потомъ часть сихъ пріобрѣтеній, именно сѣверо-западная, была отнята у Рязанцевъ Московскими князьями; сюда принадлежали волости по рѣкѣ Лопаснѣ, Кашира, Боровскъ, Верея и пр.

Любопытны относящіяся ко времени Симеона Гордаго извѣстія лѣтописи о глухомъ Муромскомъ краѣ. Послѣ неоднократныхъ Татарскихъ разореній городъ Муромъ сильно запустѣлъ. Обновителемъ его явился мѣстный князь Юрій Ярославичъ. Въ 1351 г. князь первый поставилъ въ городѣ свой дворъ; примѣру его послѣдовали бояре; за ними начали строиться купцы и черные люди. Обновили также церкви, украсили ихъ иконами и снабдили книгами. Но Юрій недолго пользовался плодами своихъ трудовъ. Спустя два года, является ему соперникомъ какой-то Ѳедоръ Глѣбовичъ, вѣроятно его родственникъ; выгоняетъ его изъ Мурома и самъ садится на его мѣсто. Неизвѣстно почему, Муромцы были ему рады, и многіе граждане отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Орду хлопотать за него у хана. Черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда Юрій воротился въ Муромъ, собралъ остальныхъ гражданъ и пошелъ въ Орду судиться съ Ѳедо-

ромъ. Долго судили ихъ Ордынскіе вельможи и, наконецъ, утвердили Муромское княжество за послѣднимъ. Юрій былъ выданъ своему сопернику, подвергся тяжкому заключенію и умеръ въ великой нуждѣ.

Муромское и Рязанское княжества, хотя давно уже обособились другъ отъ друга въ политическомъ отношеніи,—въ церковномъ продолжали еще составлять одну епархію. Муромо-рязанскіе епископы имѣли свое пребываніе то въ Рязани, то въ Муромѣ. Ко времени помянутаго Юрія Ярославича относится окончательное ихъ перемѣщеніе въ Рязань, если вѣрить одной мѣстной легендѣ. Эта легенда повѣствуетъ, что епископъ Василій, призванный въ Муромъ княземъ Юріемъ, былъ оскорбленъ Муромскимъ народомъ, который возмутился противъ него, ослѣпленный наглою клеветой, и хотѣлъ даже его умертвить. Епископъ, послѣ горячей молитвы въ храмѣ Благовѣщенія, взялъ изъ него икону Богородицы, сошелъ на берегъ Оки, простеръ свою мантію по водѣ и, ступивъ на нее, въ виду народной толпы, быстро поплылъ противъ теченія. Василій былъ принесенъ въ Рязань, гдѣ князь Олегъ и духовенство съ крестами встрѣтили св. епископа ([11]).

Въ *Твери* преемникомъ погибшаго въ Ордѣ Александра Михайловича былъ извѣстный уже намъ его братъ Константинъ, постоянный союзникъ Ивана Калиты и сына его Симеона. Цѣлыя семнадцать лѣтъ онъ княжилъ спокойно, находясь въ мирѣ съ младшими родичами; но подъ конецъ, неизвѣстно почему, разссорился съ своимъ племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ, удѣльнымъ княземъ Холмскимъ, и матерью послѣдняго Анастасіей. Отсюда начался рядъ смутъ и неурядицъ въ Тверскомъ княженіи. Дядя и племянникъ, для рѣшенія своей распри, отправились въ Орду къ хану Чанибеку. Тамъ Константинъ Михайловичъ умеръ (1345). Всеволодъ Александровичъ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на старшій Тверской столъ. Но этимъ онъ нарушилъ родовое право старшинства, которое еще продолжало господствовать на Руси. Былъ еще живъ одинъ изъ его дядей, младшій изъ сыновей Михаила Ярославича, Василій Кашинскій. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Орду за ярлыкомъ; но такъ какъ туда нельзя было явиться съ пустыми руками, то Василій собралъ дани съ Тверской области, въ томъ числѣ и съ Холмскихъ волостей своего племянника. Всеволодъ уже возвращался изъ Орды съ ханскимъ посломъ, когда въ городѣ Бездежѣ встрѣтилъ ѣдущаго къ хану своего дядю. Племянникъ напалъ на Василія и ограбилъ его, такъ что послѣдній вернулся ни съ чѣмъ. Въ Тверской землѣ, вслѣдствіе этой распри, произошли сильныя смуты и народное волненіе; многіе жители начали

покидать свои мѣста и переселяться въ другія княженія. Наконецъ, тверскому епископу Θеодору удалось помирить обѣ стороны, при чемъ племянникъ уступилъ дядѣ старшій столъ. Василій добился также и ханскаго ярлыка на Тверское княженіе. Распря, однако, вскорѣ возобновилась изъ-за *третей*: дядя не хотѣлъ отдать племянникамъ треть въ самомъ городѣ Твери, т.-е. третью часть Тверскихъ доходовъ. (Подобное раздѣленіе на трети мы видѣли въ Москвѣ). Послѣ долгихъ споровъ Василій, наконецъ, уступилъ и отдалъ племянникамъ ихъ треть (1359).

Въ этихъ Тверскихъ смутахъ любопытно, во-первыхъ, то обстоятельство, что онѣ не сопровождались такимъ кровопролитіемъ, какъ въ другихъ княженіяхъ: Тверскіе князья воздерживались отъ междоусобныхъ войнъ. Во-вторыхъ, замѣчательно отношеніе къ нимъ сильнѣйшихъ сосѣдей. Великій князь Симеонъ Гордый, хотя и женатый на родной сестрѣ Всеволода Александровича, въ его распрѣ съ дядею принялъ сторону послѣдняго, которому, очевидно, и помогъ утвердиться на Тверскомъ столѣ, въ особенности своимъ вліяніемъ въ Ордѣ. Впрочемъ, во время этой распри Василій Михайловичъ самъ вступилъ въ близкія родственныя связи съ Симеономъ, женивъ на его дочери одного изъ своихъ сыновей. Племянникъ же нашелъ себѣ союзника въ другомъ своякѣ, именно въ Ольгердѣ Литовскомъ, также женатомъ на его родной сестрѣ, у котораго не разъ искалъ пріюта и помощи, тѣснимый своимъ дядею. Окончательное примиреніе Василія съ племянниками и уступка имъ Тверской трети, вѣроятно, состоялись подъ угрозою военнаго вмѣшательства со стороны сильнаго Литовскаго князя, который не преминулъ воспользоваться обстоятельствами и захватилъ себѣ городъ Ржевъ. Такимъ образомъ, въ эту эпоху обозначилось дальнѣйшее положеніе Твери между двумя соперницами и собирательницами Руси, т.-е. между Литвою и Москвою.

Изъ числа удѣльныхъ княжествъ, на которыя распалась земля Ростовско-Суздальская между потомками Всеволода Большое Гнѣздо, около того же времени (т.-е. половины XIV вѣка) усилилось и начало играть нѣкоторую роль княжество ***Нижегородское***. Оно занимало самый восточный край Ростовско-Суздальской земли. Основателемъ этого княжества былъ сынъ Александра Невскаго Андрей, который послѣднее время своей жизни, какъ извѣстно, владѣлъ великокняжескимъ Владимирскимъ столомъ. Собственный его удѣлъ составляла область Суздальская въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. имѣвшая своимъ стольнымъ городомъ древній Суздаль. Но князь жилъ обыкно-

венно не въ Суздалѣ, а въ Городцѣ (Радиловѣ) на Волгѣ, отчего онъ обыкновенно въ исторіи называется Андреемъ *Городецкимъ*. Къ его же удѣлу принадлежалъ и Нижній Новгородъ. Мы знаемъ, что по смерти его сыновей, Михаила и Василія, остались малолѣтніе внуки, Александръ и Константинъ Васильевичи; въ ихъ малолѣтство Тверь пыталась захватить Нижній Новгородъ, но встрѣтила противодѣйствіе со стороны Москвы. Послѣ того Суздальское княжество, повидимому, находилось подъ непосредственнымъ Московскимъ верховенствомъ. Когда же по смерти старшаго брата своего Александра Суздальскаго, не оставившаго сыновей, Константинъ Васильевичъ Нижегородскій наслѣдовалъ его удѣлъ (съ изволенія хана Узбека) и соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ волости дѣда своего Андрея Городецкаго, то онъ явился однимъ изъ сильнѣйшихъ князей Сѣверовосточной Руси. Лѣтопись выражается о немъ, что онъ „княжилъ честно и грозно, боронилъ вотчину свою отъ сильныхъ князей и отъ Татаръ“. Эти слова означаютъ, что Константинъ, съ одной стороны, умѣлъ пріобрѣсти расположеніе хана Чанибека и отстранять отъ своей земли Татарскія разоренія, а съ другой—держалъ себя довольно самостоятельно по отношенію къ великому князю Симеону Гордому, хотя признавалъ его старшинство. Мы видѣли, что онъ въ числѣ другихъ удѣльныхъ князей участвовалъ въ походѣ Симеона на Торжокъ, т.-е. на Новгородцевъ.

Столицу своего княжества Константинъ утвердилъ не въ древнемъ Суздалѣ, а въ Нижнемъ Новгородѣ, гораздо болѣе отдаленномъ отъ Москвы и Московскаго вліянія. Этотъ городъ вообще занималъ очень важное политическое и стратегическое положеніе. Онъ господствовалъ надъ окрестнымъ Мордовскимъ краемъ и надъ узломъ широкихъ водныхъ путей, будучи расположенъ на сліяніи Оки съ Волгою, на высокихъ береговыхъ холмахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Дятловыхъ горъ“. Мѣстное Нижегородское преданіе не преминуло осмыслить это названіе легендою о какомъ-то чародѣѣ Дятлѣ, который будто бы жилъ тутъ въ одномъ ущельѣ и предрекъ сосѣдней Мордвѣ приходъ Русскихъ и построеніе ими крѣпкаго каменнаго города. Константинъ Васильевичъ не мало сдѣлалъ для укрѣпленія и украшенія своей столицы. Между прочимъ, онъ перестроилъ и расширилъ главную святыню его—каменный Спасопреображенскій соборъ. Онъ распространилъ свои владѣнія еще далѣе на востокъ въ глубь Мордовскихъ земель, и закрѣплялъ за Русью этотъ глухой край новыми русскими городками и поселками, выводя поселенцевъ изъ своей Суздальской вотчины и при-

зывая ихъ изъ другихъ русскихъ земель. Княженіе его обнимало все правое Поволжье между Юрьевцомъ и устьемъ Суры ([12]).

Этотъ Константинъ Васильевичъ Суздальскій или Нижегородскій по смерти Симеона Гордаго явился соискателемъ брата его Ивана на великій Владимірскій престолъ. Онъ вспомнилъ, что принадлежалъ къ старшей вѣтви въ потомствѣ Александра Невскаго сравнительно съ Московскими князьями, ибо дѣдъ его Андрей Городецкій былъ старшій братъ Даніила Александровича, дѣда Симеона и Ивана; при томъ Андрей умеръ великимъ княземъ, тогда какъ Даніилъ совсѣмъ не занималъ Владимірскаго престола. Князья-соперники отправились рѣшать свой споръ въ Орду. Здѣсь Константина Суздальскаго поддержало Новгородское посольство, вѣроятно, помогавшее ему и деньгами на раздачу подарковъ: Новгородцы уже убѣдились въ той опасности, которая начала угрожать ихъ самостоятельности со стороны Москвы и искали опоры противъ нея въ Суздальско-Нижегородскомъ князѣ; по своей отдаленности отъ Новгорода послѣдній считался ими болѣе безопаснымъ. Но Москвичи превозмогли; ханъ Чанибекъ остался вѣренъ своему расположенію къ потомству Калиты и далъ ярлыкъ на Владимірскій столъ Ивану Ивановичу Московскому.

Иванъ II, прозваніемъ ***Красный*** (т.-е. Красивый), политическимъ искусствомъ и твердостью характера далеко не походилъ на отца и старшаго брата. Лѣтопись называетъ его „кроткимъ, тихимъ и милостивымъ". Сосѣди не замедлили воспользоваться такою перемѣною на Москвѣ. Рязанцы вслѣдъ за смертью Симеона Гордаго, пользуясь отъѣздомъ его преемника въ Орду, внезапно напали на Лопасну и отняли у Москвитянъ эту спорную волость, а намѣстника лопасненскаго Михаила Александровича взяли въ плѣнъ и держали его въ тѣсномъ заключеніи, пока не получили за него выкупа. Ни Новгородцы, ни Константинъ Суздальскій, несмотря на ханскій ярлыкъ, не хотѣли признать Ивана великимъ княземъ. Суздальскій князь только въ слѣдующемъ году, передъ смертью, помирился съ нимъ (1354); тогда и Новгородцы также заключили миръ съ Иваномъ. Не только князья Тверскіе, но и Муромскіе, прежде столь послушные великому князю Владимірскому, теперь въ своихъ междоусобныхъ распряхъ, какъ мы видѣли, мало обращаютъ вниманія на Москву. Въ особенности усилилась въ то время для Восточной Руси опасность со стороны Литвы. Ольгердъ воспользовался обстоятельствами; началъ тѣснить Смоленское княжество; вмѣшался въ Тверскія смуты и, какъ извѣстно, захватилъ значительный приволжскій городъ Ржеву. Еще болѣе воспользовался

зовался онъ смутами въ восточныхъ удѣлахъ Черниговосѣверской земли и завладѣлъ Брянскою областью.

Къ опасностямъ внѣшнимъ присоединилась еще и церковная распря.

При возведеніи св. Петра на митрополичій престолъ мы видѣли попытку Галицкаго князя основать особую митрополію для юго-западной Руси, по крайней мѣрѣ, утвердить въ своихъ владѣніяхъ его мѣстопребываніе. Попытка эта въ то время окончилась неудачею. Но она непремѣнно должна была повторяться все настойчивѣй по мѣрѣ болѣе и болѣе утверждавшагося политическаго раздѣленія Руси на восточную и западную, съ двумя особыми средоточіями. Въ сороковыхъ годахъ XIV вѣка, когда въ Константинопольской церкви происходили сильныя богословскія распри (по вопросу о свѣтѣ Ѳаворскомъ), въ Галичѣ, съ дозволенія духовнаго Константинопольскаго собора, открыта была особая митрополичья каѳедра, которой подчинены были всѣ епархіи Галицкія и Волынскія (Владимірская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская). Это церковное отдѣленіе юго-западной Руси сильно огорчало митрополита Ѳеогноста и великаго князя Симеона Ивановича, и они обратились въ Константинополь съ жалобами на то къ патріарху. Имъ помогла перемѣна въ лицахъ. Въ 1347 году на Византійскомъ престолѣ сѣлъ Іоаннъ Кантакузенъ; тогда же перемѣнился и патріархъ, который былъ противникомъ своего предшественника. По желанію императора и патріарха, состоялось новое соборное постановленіе, которымъ отмѣнена особая Галицкая митрополія и всѣ ея епархіи снова подчинены Ѳеогносту, митрополиту Кіевскому и всея Россіи. Но онъ успокоился не надолго. Политическая рознь обѣихъ половинъ Руси продолжала дѣйствовать въ этомъ вопросѣ. Ольгердъ Литовскій, владѣя большею частію западно-русскихъ областей и самимъ Кіевомъ, вскорѣ возобновилъ попытку или отдѣлить ихъ отъ церковнаго подчиненія митрополиту, жившему въ Москвѣ, или снова утвердить мѣстопребываніе его въ Кіевѣ. Сначала онъ выставилъ соперникомъ Ѳеогносту какого-то инока Ѳеодорита. Сей послѣдній, потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, уѣхалъ оттуда въ Терновъ и здѣсь болгарскимъ патріархомъ былъ рукоположенъ въ русскаго митрополита; затѣмъ прибылъ въ Кіевъ и сталъ требовать себѣ подчиненія отъ русскихъ епархій. Но тогда Цареградскій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ осудилъ его, на основаніи каноновъ, и отрѣшилъ; о чемъ увѣдомилъ русскихъ епископовъ (1352 г.). Это рѣшеніе, повидимому, подѣйствовало; по крайней мѣрѣ источники потомъ

молчать о Өеодоритѣ. Но послѣдовавшая вскорѣ кончина Өеогноста подала поводъ Ольдегерду снова выставить своего кандидата на митрополичью каөедру; что доставило много хлопотъ и огорченій Өеогностову преемнику, знаменитому Алексѣю митрополиту.

Москва, какъ мы знаемъ, очень рано стала привлекать изъ другихъ русскихъ областей знатныхъ и незнатныхъ переселенцевъ, находившихъ здѣсь болѣе спокойствія и безопасности. Особенно стремились сюда выходцы изъ Южной Руси, съ одной стороны, угнетаемой Татарами, съ другой тѣснимой Литвою. Въ концѣ XIII вѣка изъ разореннаго Татарами Чернигова выѣхалъ въ Москву бояринъ Өедоръ Бяконтъ (родоначальникъ Плещеевыхъ) и вступилъ въ службу Даніила Александровича. Бояринъ Өедоръ, очевидно, пользовался княжескимъ расположеніемъ, такъ что воспреемникомъ его старшаго сына Елевөерія былъ Иванъ Даниловичъ Калита, тогда еще юноша (около 1300 года). Отрокъ Елевөерій обнаружилъ большую охоту къ ученію книжному, а потомъ полюбилъ постъ и молитву, сдѣлался молчаливъ и мечталъ о поступленіи въ монастырь; что не мало печалило его родителей. На двадцатомъ году Елевөерій, наконецъ, исполнилъ свое желаніе: вступилъ въ Московскій Богоявленскій монастырь и постригся подъ именемъ Алексѣя. Здѣсь онъ сдружился съ инокомъ Стефаномъ (старшимъ братомъ знаменитаго впослѣдствіи подвижника Сергія Радонежскаго). Оба инока обратили на себя вниманіе митрополита Өеогноста и великаго князя Симеона Гордаго, такъ что, по желанію послѣдняго, Стефанъ былъ поставленъ Богоявленскимъ игуменомъ и затѣмъ сдѣлался духовникомъ великокняжескимъ. Алексѣя же, послѣ двадцатилѣтняго его пребыванія въ монастырѣ, Өеогностъ взялъ къ себѣ и возвелъ его въ санъ митрополичьяго намѣстника, т.-е. поручилъ ему вѣдать церковные суды и управлять церковными имуществами. Впослѣдствіи, съ соизволенія великаго князя, престарѣлый Өеогностъ поставилъ Алексѣя епископомъ въ стольный Владиміръ и назначилъ его своимъ преемникомъ на митрополичью каөедру. Но надобно было обезпечить это назначеніе согласіемъ Константинопольскаго патріархата. Отъ Симеона и Өеогноста отправлено было посольство въ Царьградъ къ императору Іоанну Кантакузену и патріарху Филоөею съ просьбою по смерти митрополита никого другого не назначать его преемникомъ кромѣ епископа Алексѣя. Когда посольство воротилось въ Москву съ грамотами отъ императора и патріарха, которыя призывали Алексѣя въ Царьградъ для поставленія, Симеона и Өеогноста уже не было въ живыхъ. По изволенію новаго великаго князя Ивана

Ивановича и всего священнаго собора, Алексѣй предпринялъ далекое и трудное путешествіе въ Царьградъ, гдѣ пробылъ около года, и былъ поставленъ на митрополію Кіевскую и всея Руси. Имѣя въ виду примѣръ Ѳеодорита, предусмотрительный святитель воспользовался своимъ долгимъ пребываніемъ въ Царьградѣ и выхлопоталъ соборную грамоту, по которой русскимъ митрополитамъ, вслѣдствіе бѣдственнаго состоянія Кіева, разрѣшалось жить во Владимірѣ Суздальскомъ; сей послѣдній признанъ второю послѣ Кіева митрополитальной каѳедрой. Такимъ образомъ, только въ 1354 году, т.-е. спустя болѣе пятидесяти лѣтъ послѣ перенесенія русской церковной столицы на сѣверъ, это перенесеніе получило нѣкоторую санкцію со стороны Цареградскаго патріарха. Но сребролюбіе послѣдняго не замедлило нарушить его собственную санкцію.

Не успѣлъ еще Алексѣй покинуть Царьградъ, какъ туда прибылъ нѣкто Романъ, родственникъ супруги Ольгерда Юліаніи Тверской; Ольгердъ прислалъ съ просьбою поставить его митрополитомъ для православныхъ областей, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества. Напрасно Алексѣй старался воспрепятствовать этому раздѣленію; щедрые литовскіе подкупы превозмогли, и тотъ же цареградскій патріархъ Филоѳей поставилъ Романа на особую Литовскую митрополію. По возвращеніи обоихъ митрополитовъ въ Россію, между ними начались постоянныя столкновенія, ибо Романъ не хотѣлъ ограничиться назначенными ему предѣлами, но старался присвоить своей каѳедрѣ Кіевъ и вторгался въ предѣлы Владимірской митрополіи, требуя себѣ отъ мѣстнаго духовенства усвоенныхъ митрополиту поборовъ. Спустя два года, Алексѣй и Романъ, для рѣшенія своихъ споровъ, снова ѣздили въ Константинополь, гдѣ духовный соборъ подтвердилъ, чтобы вѣдѣнію Романа подлежали только западно-русскія епархіи. Но и послѣ того онъ не оставилъ своихъ притязаній на всѣ тѣ области, куда простирались завоеванія Ольгерда (напримѣръ Брянская), или его политическое вліяніе (Тверь), или гдѣ духовенство не охотно подчинялось Московскому верховенству (Новгородъ). Только смерть Романа (1361 г.) прекратила эти распри и на время возстановила церковное единство Западной Руси съ Восточною.

Дѣятельность Алексѣя митрополита имѣла важное политическое значеніе для того порядка вещей, который тогда складывался въ сѣверо-восточной Россіи. Какъ умный, усердный русскій патріотъ, онъ гораздо болѣе своего предшественника Грека способствовалъ укрѣпленію и усиленію возникавшаго Московскаго могущества всѣми

церковными средствами, которыя находились въ его власти. Симеонъ Гордый не даромъ хлопоталъ о его избраніи и въ завѣщаніи своемъ приказывалъ братьямъ слушать ихъ отца—владыку Алексѣя. Новый митрополитъ дѣйствительно сдѣлался не только главнымъ совѣтникомъ, но и руководителемъ мягкаго характеромъ Ивана Ивановича въ дѣлахъ политическихъ. Между прочимъ, важны его заслуги въ поддержаніи мирныхъ, дружественныхъ отношеній къ Ордѣ. Алексѣй, по установившемуся обычаю, предпринималъ туда путешествіе для оказанія почтенія хану и для полученія льготнаго ярлыка русскому духовенству. Житіе его повѣствуетъ о необыкновенномъ уваженіи, которое онъ умѣлъ внушить къ себѣ при ханскомъ дворѣ. Когда мать Джанибека Тайдула сильно заболѣла глазами, то ханъ написалъ великому князю въ такомъ смыслѣ: „Слышалъ я, что Богъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; пусть пріѣдетъ и помолится о моей царицѣ". Алексѣй отправился въ Орду, и по словамъ житія, чудеснымъ образомъ исцѣлилъ Тайдулу. Вскорѣ потомъ добродушный Джанибекъ былъ умерщвленъ собственнымъ своимъ сыномъ Бердибекомъ и соумышленниками его, князьями ордынскими, во главѣ которыхъ стоялъ темникъ Товлубій (1357 г.). Бердибекъ захватилъ престолъ, при чемъ избилъ до 12-ти своихъ братьевъ. Когда въ Москву пріѣхалъ татарскій вельможа Кошакъ посломъ съ разными требованіями отъ этого свирѣпаго и жаднаго хана, Алексѣй, по просьбѣ великаго князя, снова отправился въ Орду; умѣлъ смягчить Бердибека и (вѣроятно не безъ содѣйствія той же Тайдулы) получилъ даже отъ него новый ярлыкъ, подтверждавшій привилегіи Русской церкви и духовенства. Кромѣ помянутыхъ путешествій въ Царьградъ и Орду, дѣятельный Алексѣй совершалъ неоднократные объѣзды подчиненныхъ епархій; рукополагалъ новыхъ епископовъ, смирялъ непокорныхъ и вообще усердно заботился о поддержаніи мира и согласія въ Русской церкви посреди разныхъ смутъ и внѣшнихъ опасностей того времени ([13]).

При такомъ мягкосердечномъ князѣ, какимъ былъ Иванъ Ивановичъ, легко подчинявшійся вліянію болѣе сильныхъ характеровъ, весьма естественно увеличивается значеніе княжескихъ думцевъ, т.-е. боярства. Хотя основное его право, служить какому угодно князю, или иначе, право отъѣзда существовало еще въ полной силѣ и постоянно подтверждалось княжескими договорами; но съ образованіемъ мѣстныхъ княжескихъ династій, т.-е. съ осѣдлостью князей, естественно возрастаетъ и осѣдлость ихъ бояръ, которые все болѣе и

болѣе получаютъ значеніе земское. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было возрасти значеніе тысяцкихъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ округѣ завѣдывалъ и ратными, и земскими дѣлами. А тысяцкій главнаго города, т.-е. Москвы, конечно стоялъ во главѣ всего боярства и былъ ближайшимъ совѣтникомъ князя. При Симеонѣ Гордомъ, Московскимъ тысяцкимъ мы видимъ знатнаго боярина Василія Протасьевича Вельяминова, который происходилъ отъ варяжскаго выходца Шимона и его сына Георгія, бывшаго тысяцкимъ въ Ростовѣ при Владимірѣ Мономахѣ. Другой знатный бояринъ, Алексѣй Петровичъ прозваніемъ Хвостъ, завелъ какую-то крамолу противъ великаго князя; судя по послѣдующимъ обстоятельствамъ, очень возможно, что онъ былъ соперникомъ Вельяминова въ притязаніи на санъ тысяцкаго и считалъ себя обиженнымъ. Симеонъ отобралъ у него недвижимое имущество и изгналъ изъ своего княженія, и въ договорной грамотѣ съ братьями обязалъ ихъ не принимать къ себѣ на службу этого мятежнаго боярина; а брата Ивана заставилъ поклясться, что онъ не отдастъ обратно боярину полученную часть его имущества. Очевидно, Симеонъ Гордый не даромъ поставилъ такое условіе; вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду какія-либо ихъ личныя отношенія. И дѣйствительно, сдѣлавшись великимъ княземъ, Иванъ не только воротилъ Алексѣя Петровича, но и далъ ему санъ Московскаго тысяцкаго. Это предпочтеніе, соединенное съ гордымъ характеромъ Алексѣя, очень не понравилось другимъ большимъ боярамъ, и въ особенности многочисленной сильной семьѣ Вельяминовыхъ. Взаимная вражда кончилась тѣмъ, что 3-го февраля 1356 года, рано поутру, когда благовѣстили къ заутрени, на городской площади нашли тѣло убитаго Алексѣя Петровича. Подозрѣніе въ убійствѣ тотчасъ пало на противныхъ ему бояръ. Повидимому, покойный тысяцкій имѣлъ многихъ сторонниковъ между Московскими обывателями, такъ какъ возникли въ народѣ волненія и даже мятежъ. Вслѣдствіе чего два большихъ боярина, Михаилъ Александровичъ и зять его Василій Васильевичъ Вельяминовъ (сынъ помянутаго выше тысяцкаго Василія Протасьевича), съ женами и дѣтьми, воспользовавшись послѣднимъ зимнимъ путемъ, отъѣхали въ Рязань. (Михаилъ Александровичъ могъ быть тѣмъ самымъ Лопасненскимъ намѣстникомъ, который побывалъ въ плѣну у Рязанцевъ и, слѣдовательно, имѣлъ случай близко ознакомиться съ ихъ молодымъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ). Однако, отъѣздъ этихъ бояръ, имѣвшихъ за себя значительную боярскую партію, повидимому, былъ очень непріятенъ Московскому князю, и въ слѣдующемъ году онъ снова

перезвалъ ихъ въ свою службу. Потомъ семьѣ Вельяминовыхъ удалось опять завладѣть саномъ тысяцкаго, въ лицѣ того же Василія Васильевича.

Изъ числа многихъ Московскихъ бояръ того времени, называемыхъ источниками, обратимъ вниманіе на перваго извѣстнаго по имени предка династіи Романовыхъ, Андрея Кобылу. (По словамъ позднѣйшаго домысла, онъ будто бы происходилъ отъ одного знатнаго выходца изъ Прусской земли). Лѣтописи упоминаютъ объ Андреѣ въ 1347 г. по слѣдующему поводу. Когда Симеонъ Гордый женился на тверской княжнѣ Марьѣ Александровнѣ, то за невѣстою ѣздили въ Тверь бояре Андрей Кобыла и Алексѣй Босоволоковъ.

Въ 1359 году 13 ноября скончался Иванъ II Красный, подобно брату Симеону еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей, Димитрія и Ивана, и племянника Владиміра Андреевича, также малолѣтняго. По его духовному завѣщанію повторился почти тотъ же раздѣлъ Московскаго княжества на три части, который произошелъ между сыновьями Калиты. За племянникомъ утвержденъ бывшій удѣлъ его отца Андрея; Димитрій, какъ старшій, получилъ Можайскъ и Коломну съ волостями (т.-е. бывшій удѣлъ Симеона Гордаго), а младшій сынъ Иванъ — Звенигородъ и Рузу (т.-е. бывшій удѣлъ его отца Ивана Краснаго). Въ этихъ удѣлахъ разсѣяны были волости вдовствующихъ княгинь: Марьи, жены Симеона Гордаго, и Ульяны, вдовы Ивана Калиты. Особыя волости Иванъ II назначилъ и супругѣ своей Александрѣ (дочери Димитрія Брянскаго). Москва также осталась въ общемъ владѣніи князей, т.-е. доходы съ нея раздѣлены на трети. Иванъ Красный, подобно отцу и старшему брату, перечисляетъ въ своемъ завѣщаніи дорогую утварь, какъ-то иконы съ золотыми окладами, золотые или золотомъ и жемчугомъ украшенные цѣпи, пояса, шапки, ковши, бармы и пр. Точно также отпускаетъ на волю своихъ чиновныхъ слугъ, именно, казначеевъ, тіуновъ и посельскихъ, со всѣми ихъ семьями и родственниками.

Иваномъ Краснымъ закончился начальный рядъ Московскихъ князей-собирателей Руси. Осѣдлая, хозяйственная дѣятельность, стремленіе увеличить свою вотчину и дѣдину всякаго рода примыслами, воздержаніе отъ дальнихъ рискованныхъ предпріятій — вотъ ихъ отличительныя стороны, на основаніи которыхъ можно назвать ихъ князьями - вотчинниками по преимуществу. Напрасно было бы оты-

скивать въ ихъ дѣятельности какія-либо рѣзкія черты нововводителей, измѣнявшихъ прежнимъ княжескимъ обычаямъ и преданіямъ. Мы видимъ по наружности тѣ же родовыя отношенія въ княжеской семьѣ, т.-е. старшему князю наслѣдуетъ его братъ (если таковой на лицо) и каждый членъ семьи получаетъ свой удѣлъ изъ общаго ея достоянія. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ членовъ совершается важная перемѣна сравнительно съ прежнимъ временемъ. Старшій или великій князь пользуется вполнѣ отеческою властію надъ своими братьями и племянниками. Видна какая-то крѣпость семьи, какое-то согласіе и единодушіе, которыя въ такой степени давно уже не встрѣчались въ междукняжескихъ отношеніяхъ древней Руси. Конечно, не мало способствовало этому согласію и отсутствію всякихъ серьёзныхъ распрей та счастливая случайность, что княжеская семья въ теченіе довольно долгаго періода оставалась малочисленною, такъ что самое большее дробленіе волостей не превышало трехъ мужскихъ удѣловъ (начиная съ Ивана Калиты до Димитрія Донского включительно). А совмѣстное пребыванія членовъ семьи въ стольной Москвѣ и нѣкоторая черезполостность ихъ владѣній уничтожала вредное вліяніе и этого небольшаго дробленія на общій ходъ дѣлъ. Затѣмъ рѣшительное преобладаніе старшаго или великаго князя надъ младшими обусловливалось тѣми сравнительно бо́льшими средствами, которыя доставляло ему обладаніе великимъ княженіемъ Владимірскимъ. Тою же малочисленностью княжеской семьи и недолговѣчностью ея членовъ обусловливался преобладающій порядокъ наслѣдства отъ отца къ сыну; изъ этого порядка встрѣчаемъ только два исключенія, когда наслѣдство переходитъ къ младшимъ братьямъ (Ивану I и Ивану II); но при этомъ случайно старшіе братья не оставили мужескаго потомства. Слѣдовательно, обстоятельства сложились такъ, что, когда княжеское семейство размножилось, власть великаго князя успѣла окрѣпнуть и усилиться; прямой переходъ наслѣдства отъ отца къ сыну уже пріобрѣлъ свойство преданія, привычки; а что особенно важно, населеніе успѣло оцѣнить выгоды такого перехода и было рѣшительно на его сторонѣ.

Несомнѣнно, что и самое географическое положеніе вліяло на усиленіе и возрастаніе Москвы, на ея роль собирательницы Руси. Она лежала почти въ центрѣ русскихъ областей, со всѣхъ сторонъ была загорожена ими отъ внѣшнихъ враговъ; на нее не падали ихъ непосредственные разрушительные удары. Сѣверская и Рязанская обла-

сти отдѣляли ее отъ Татарской Орды, и на эти украйны налегала главная тяжесть варварскаго сосѣдства. Однако Москва не настолько была отдалена отъ степныхъ варваровъ, чтобы одно географическое положеніе спасало ее отъ погромовъ. Вотъ тутъ и сказалось политическое искусство Московскихъ князей. Тверь лежала еще дальше отъ Татаръ, имѣла географическое положеніе не менѣе, если не болѣе выгодное, и въ началѣ явилась счастливою соперницею Москвы въ соисканіи великаго княжества Владимірскаго. И все-таки ея князья не поддержали ни внутренняго согласія, ни расположенія хановъ, и навлекали на свои области татарскіе погромы. Между тѣмъ, Московскіе князья сумѣли пріобрѣсти и упрочить за собою продолжительное благоволеніе и даже покровительство со стороны Золотой Орды; чѣмъ ловко пользовались для борьбы со своими соперниками, для нарушенія, такъ сказать, политическаго равновѣсія въ системѣ русскихъ княженій. Мы видѣли, что въ прежнее время каждое усилившееся княжество или, собственно, княжая вѣтвь обыкновенно вызывала противъ себя соединенныя силы (коалицію) другихъ князей. И въ данномъ періодѣ находимъ нѣкоторыя попытки подобныхъ коалицій противъ Москвы; но Московскіе князья ловко умѣли разстроивать такія попытки, при чемъ особенно опирались на ханскіе ярлыки и даже на открытую Татарскую помощь.

Рядъ Московскихъ князей, предшественниковъ Димитрія Донского, чуждъ какого-либо однообразія; они являютъ намъ далеко не одинаковые характеры и даже довольно разнообразные типы, каковы: весьма подвижной и предпріимчивый Юрій Даниловичъ, спокойный, разсудительный Иванъ Калита, умный и рѣшительный Симеонъ Гордый, смирный, нерѣшительный Иванъ Красный. Но по отношенію къ Ордѣ всѣ они дѣйствуютъ почти одинаковымъ образомъ, всѣ они съ виду равно покорны и угодливы передъ ханами, а въ сущности ловко обращаютъ ихъ въ орудіе своего возвышенія и усиленія. Но въ этомъ случаѣ они не были изобрѣтателями какой-либо особой коварной политики. Они только умно и настойчиво слѣдовали тому образу дѣйствія, который былъ намѣченъ ихъ знаменитымъ родоначальникомъ Александромъ Невскимъ, и вызывался тогда самими обстоятельствами. И другіе князья, напримѣръ Тверскіе, пытались слѣдовать той же системѣ дѣйствія, но не съ такимъ умѣньемъ и послѣдовательностію.

Успѣху Московской политики также не мало способствовалъ тотъ періодъ единовластія и спокойствія, въ которомъ находилась Орда

при Узбекѣ и Джанибекѣ, когда ловкая политика Москвы, примѣняясь къ извѣстнымъ характерамъ и обстоятельствамъ, имѣла достаточно времени, такъ сказать, наладить свое дѣло.

Соображая всѣ обстоятельства, нельзя не придти къ тому заключенію, что самымъ сильнымъ двигателемъ сравнительно быстраго возвышенія Москвы было внѣшнее давленіе, постоянная внѣшняя опасность отъ Татаръ, ихъ варварское иго. Русскій народъ, конечно, не могъ примириться съ этимъ игомъ; народный инстинктъ постоянно искалъ выхода изъ такого унизительнаго, рабскаго положенія, постоянно искалъ надежнаго средоточія. И едва только семья Даніила Александровича Московскаго начала выдѣляться изъ среды русскихъ князей своей умной политикой и хозяйственной дѣятельностью, народъ какъ бы увидалъ лучъ свѣта въ той непроглядной тьмѣ, которая его окружала. Сюда устремились вниманіе и ожиданіе всѣхъ сословій. Духовенство въ лицѣ своихъ митрополитовъ, поселившихся въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Московскими князьями, наглядно и безповоротно отдало имъ свое сочувствіе и содѣйствіе для собиранія Руси. Боярство стало покидать и сосѣднія, и отдаленныя области, и переходить на болѣе почетную, болѣе обезпеченную Московскую службу. Простонародье оставляло безпокойныя мѣста и переселялось въ сравнительно тихіе Московскіе предѣлы. Нѣкоторое время народное сочувствіе колебалось еще между Москвою и Тверью въ виду отважныхъ, симпатичныхъ характеровъ Михаила Ярославича и его сына Александра Михайловича. Но когда ловкіе Московскіе политики сумѣли привлечь на свою сторону самихъ Татаръ, а съ ихъ помощью взяли верхъ надъ Тверью, народныя симпатіи Восточной Руси съ неудержимою силою устремились на Москву: давно искомое средоточіе было найдено, а вмѣстѣ съ нимъ найдена возможность воротить утраченную самобытность, о которой вздыхало столько поколѣній.

Въ то же время въ Западной половинѣ Руси совершались освобожденіе ея отъ ига и политическое объединеніе дѣятельностію Литовскихъ князей. Приближалось время, когда эти князья, сдѣлавшись могущественными владѣтелями, потѣснятъ и самую Русь Сѣверовосточную. Но къ тому времени Московская сила успѣла достаточно окрѣпнуть. Слѣдовательно, и съ этой стороны большой опасности уже не предстояло ([14]).

II.

ГЕДИМИНЪ, ОЛЬГЕРДЪ И СУДЬБА ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Начало Гедиминовой династіи. — Отношенія Гедимина къ Руси и къ Нѣмцамъ.— Мнимое намѣреніе креститься. — Легенда объ основаніи Вильны. — Ожесточенная борьба Литвы съ Нѣмцами.—Ольгердъ и Кейстутъ. —Рейзы Крестоносцевъ и войны съ ними Кейстута.—Отношенія Ольгерда къ Новгороду и Смоленску.—Подчиненіе Сѣверщины, Брянска, Кіева и Подолья.—Волынь и Галичъ.—Юрій I и Юрій II— Болеславъ Тройденовичъ.—Вопросъ о Галицко-Волынскомъ наслѣдствѣ.—Захваты Казиміра и борьба его съ Любартомъ Гедиминовичемъ. — Постепенное обрусеніе Гедиминовой династіи.—Христіанскіе мученики въ Вильнѣ.—Православіе Ольгерда.

Въ южной части Жмуди (теперь Ковенскаго уѣзда), на правомъ берегу Дубиссы, есть мѣстечко Эйрагола. Въ XIII вѣкѣ тутъ возвышался небольшой деревянный замокъ, гдѣ жилъ одинъ изъ мѣстныхъ Литовскихъ державцевъ. Это укрѣпленное поселеніе, по словамъ преданія, и было колыбелью того княжескаго рода, которому суждено объединить Литву и Западную Русь и возвести Литовско-Русское княжество на степень сильнаго европейскаго государства. Но начало и возвышеніе Гедиминовой династіи окружено густымъ туманомъ, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Перваго значительнаго князя этой династіи, *Лютувера* или *Лютовора*, мы знаемъ только по имени. Онъ, повидимому, соединилъ подъ свою власть часть сѣверной Литвы и Жмуди въ то время, когда на Новгородскомъ великомъ столѣ (въ Черной Руси) сидѣлъ Тройденъ; а по смерти послѣдняго Лютоворъ, или сынъ его *Витенъ*, завладѣлъ и самимъ великимъ Литовско-Русскимъ княженіемъ. Уже при жизни отца Витенъ, кажется, владѣлъ Полоцкимъ удѣломъ и, предводительствуя литовско-русскими дружинами, отличился своею борьбою съ западными сосѣдями Литвы, т.-е. Поляками и Крестоносцами. По смерти Лютовора (около 1293 года) Витенъ удачно продолжалъ и эту борьбу съ

напиравшими на Литву сосѣдями, и дѣло объединенія литовско-русскихъ земель. Истиннымъ же основателемъ новаго могущества почитается *Гедиминъ* (съ 1316 года), приходившійся Витену или братомъ, или сыномъ ([15]).

Въ это время великое княженіе Литовское во внутреннемъ устройствѣ, очевидно, подпадаетъ рѣшительному вліянію своихъ русскихъ областей, т.-е. вліянію русской гражданственности. Оно особенно отразилось на характерѣ военнаго дѣла. Безпорядочныя древнелитовскія ополченія смѣнились болѣе стройными многочисленными полками, которые не ограничиваются прежними набѣгами и грабежомъ, а совершаютъ болѣе или менѣе продолжительные и отдаленные походы на Поляковъ и Крестоносцевъ; осаждаютъ и берутъ города, при чемъ дѣйствуютъ стѣнобитными машинами и устраиваютъ правильные лагери. Великіе князья Литовскіе не полагаются на одну естественную защиту своей земли, т.-е. на болота и озера, а ограждаютъ свои границы рядомъ новыхъ зáмковъ и вновь укрѣпленныхъ городовъ; при чемъ мѣстные жители обязываются выставлять очередныхъ людей для содержанія гарнизоновъ. Значительную часть литовскихъ войскъ составляютъ чисто русскіе полки, которыхъ вооруженіе и устройство были весьма близки къ западнымъ народамъ, и во главѣ этихъ войскъ нерѣдко стоятъ русскіе вожди, преимущественно изъ мѣстныхъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ. Самое видное мѣсто между такими предводителями занималъ Давидъ, князь и староста Гродненскій, женатый на дочери Гедимина, неоднократный побѣдитель Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей.

Гродно, Новгородокъ, Слонимъ и Волковыйскъ, какъ извѣстно, принадлежали такъ наз. Черной Руси, которая составляла первую русскую область, вошедшую въ составъ великаго княженія Литовскаго еще въ первой половинѣ XIII вѣка. Слѣдующая затѣмъ русская область, подчинившаяся Литвѣ при Миндовгѣ, была земля Полоцкая. Она, впрочемъ, еще долгое время составляла особый удѣлъ. Послѣ Герденя, владѣвшаго ею независимо отъ великаго княженія при Войшелгѣ и Тройденѣ, здѣсь мы находимъ Витена. А по смерти его, между тѣмъ какъ княженіе Литовское перешло къ Гедимину, Полоцкій удѣлъ достался младшему брату сего послѣдняго, Воину. Гедиминъ значительно увеличилъ количество русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Нѣкоторые удѣльные князья Югозападной Руси, которые были слишкомъ слабы для независимаго существованія, въ прежнее время тяготѣли отчасти къ Кіеву, отчасти

къ Владиміру-Волынскому или къ Полоцку. Съ упадкомъ или ослабленіемъ этихъ средоточій они неизбѣжно должны были подчиниться сильному Литовскому государю. Таковы были князья Минскіе, Туровскіе и Пинскіе, которыхъ мы видимъ подручниками Гедимина; а потомъ ихъ удѣлы были уже просто присоединены къ Литвѣ. Такимъ присоединеніямъ много помогало стремленіе русскихъ областей избавиться отъ Татарскаго ига, которому онѣ предпочитали сравнительно болѣе легкое Литовское господство. Какъ искусный политикъ, Гедиминъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе этихъ областей своимъ умнымъ управленіемъ, а главное—явнымъ покровительствомъ и даже предпочтеніемъ, которое онъ оказывалъ русскимъ людямъ и вообще русскому началу въ своемъ государствѣ. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что и самая Кіевская область при Гедиминѣ уже колебалась между зависимостью Татарскою и Литовскою.

Свое политическое искусство Гедиминъ особенно проявилъ въ цѣломъ рядѣ родственныхъ связей, посредствомъ которыхъ онъ или подготовилъ присоединеніе къ Литвѣ новыхъ русскихъ областей, или пріобрѣлъ важныхъ союзниковъ. Оставаясь язычникомъ, онъ какъ самъ имѣлъ русскихъ православныхъ женъ (Ольгу и Еву), такъ и дѣтямъ своимъ нетолько устраивалъ христіанскіе браки, но и не препятствовалъ имъ принимать крещеніе. Одного изъ своихъ сыновей, Ольгерда, Гедиминъ женилъ на Марьѣ Ярославнѣ, дочери Витебскаго князя, не имѣвшаго мужескаго потомства; а потому, по смерти своего тестя, Ольгердъ наслѣдовалъ Витебскій удѣлъ (въ 1320 г.). Другого сына, Любарта, онъ женилъ на дочери одного изъ двухъ послѣднихъ Волынскихъ князей, по смерти которыхъ Волынь досталась Любарту (1325 г.). Далѣе, одну дочь свою, Айгусту, онъ выдалъ за сына московскаго князя Ивана Калиты (т.-е. Симеона Ивановича); другую, Марію, за его соперника, тверскаго князя Димитрія Михайловича; третью, Альдону,—за Казиміра, сына польскаго короля Владислава Локетка, а четвертую—за мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича. Особенно оказались выгодны для Литвы два послѣдніе брака: вмѣсто прежнихъ враговъ, Гедиминъ имѣлъ теперь въ Полякахъ надежныхъ союзниковъ противъ ихъ общаго непріятеля, т.-е. противъ нѣмецкихъ Крестоносцевъ ([16]). Въ борьбѣ съ ними соединенныя ополченія Литвы и Польши перешли къ болѣе наступательному образу военныхъ дѣйствій и нанесли Тевтонскому Ордену цѣлый рядъ чувствительныхъ потерь; наиболѣе важное пораженіе потерпѣлъ онъ отъ Поляковъ въ битвѣ подъ Пловцами (1331 г.).

Въ отношеніи къ другому нѣмецкому Ордену, Ливонскому, Гедиминъ воспользовался тою междоусобною враждою, которая кипѣла между этимъ Орденомъ, съ одной стороны, и городомъ Ригою и Рижскимъ архіепископомъ — съ другой. Еще предшественникъ Гедимина, Витенъ вступилъ въ союзъ съ Ригою и подавалъ ей военную помощь противъ рыцарей. Архіепископы Рижскіе постоянно приносили папѣ жалобы на поведеніе рыцарей, которые своею алчностью къ добычѣ, къ захвату земель и всякаго рода несправедливостями побудили Миндовга къ отреченію отъ христіанства; они отвращаютъ Литовцевъ отъ крещенія, слѣдовательно, поступаютъ вопреки прямому своему назначенію. Орденъ, съ своей стороны, жаловался на архіепископа и Рижскій магистратъ, которые не стыдятся заключать союзы съ Литовцами и тѣмъ поддерживаютъ ихъ упорство въ сохраненіи язычества. Въ виду такихъ противурѣчивыхъ жалобъ, папы то принимали сторону архіепископа, то склонялись въ пользу Ордена. Посреди этихъ пререкательствъ, вдругъ въ 1323 году Рижскій магистратъ сообщаетъ въ Авиньонъ, тогдашнюю папскую резиденцію, посланіе Гедимина къ папѣ Іоанну XXII: великій князь Литовскій изъявлялъ готовность принять крещеніе и подтверждалъ, что дѣйствительно интриги и жестокости Ордена до сихъ поръ отвращали Литовцевъ отъ христіанства и препятствовали прямымъ сношеніямъ великаго князя съ папою. Кромѣ этого посланія, Рижскій магистратъ разослалъ еще, отъ имени Гедимина, три грамоты: двѣ къ Орденамъ Доминиканскому и Францисканскому съ просьбою прислать въ Литву священниковъ, знающихъ Литовскій языкъ, и одну — къ нѣмецкимъ прибалтійскимъ городамъ (Любеку, Ростоку и др.) съ предложеніемъ пользоваться правомъ свободной торговли въ земляхъ великаго княжества Литовскаго и прислать колонистовъ всѣхъ сословій для поселенія ихъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Обрадованный папа отправилъ Крестоносцамъ предписаніе немедленно прекратить военныя дѣйствія противъ Литвы, въ виду ея предстоящаго крещенія. Рижскій архіепископъ, епископы Эзельскій, Дерптскій и Ревельскій поспѣшили въ томъ же 1323 году заключить съ Гедиминомъ мирный договоръ, къ которому поневолѣ долженъ былъ присоединиться и Ливонскій Орденъ. Въ слѣдующемъ 1324 году прибыли въ Ригу папскіе легаты; отъ имени папы они утвердили договоръ Ливонскихъ властей съ Гедиминомъ, а затѣмъ отправили къ нему въ Вильну посольство, чтобы условиться о мѣрахъ относительно главной своей задачи: введенія христіанства въ Литву. Но тутъ ихъ ожидало

самое непріятное разочарованіе. Въ Вильнѣ уже существовали два католическихъ монастыря, Францисканскій и Доминиканскій. Въ случаяхъ дипломатическихъ сношеній съ западными народами, Гедиминъ пользовался католическими монахами для перевода своихъ грамотъ на латинскій языкъ. Неизвѣстно въ точности, какъ это произошло; но въ данномъ случаѣ, исполнявшіе роль его секретарей францисканскіе монахи, Бертольдъ и Генрихъ, невѣрно передали по-латыни смыслъ упомянутыхъ Гедиминовыхъ посланій. Вмѣсто употребленныхъ имъ почтительныхъ выраженій въ отношеніи папы и вмѣсто обѣщанія полной вѣротерпимости для христіанъ и покровительства христіанскимъ миссіонерамъ, секретари придали этимъ выраженіямъ такой смыслъ, будто Гедиминъ проситъ папу о принятіи его въ лоно католической церкви. Кто былъ главнымъ виновникомъ мистификаціи—собственное усердіе секретарей, или внушенное Рижскимъ магистратомъ, или, наконецъ, не совсѣмъ искренній образъ дѣйствій самого Гедимина—доселѣ осталось неразъясненнымъ.

Въ ноябрѣ 1324 года, при торжественномъ пріемѣ, послы спросили великаго князя: пребываетъ ли онъ въ своемъ намѣреніи принять святое крещеніе. Гедиминъ потребовалъ, чтобы ему повторили содержаніе его посланія къ папѣ.

„Я этого не приказывалъ писать,—сказалъ онъ.—Если же братъ Бертольдъ написалъ, то пусть отвѣтственность падетъ на его голову. Если когда-либо имѣлъ я намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ, и папу, и Рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ люблю какъ братьевъ, тѣхъ же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, Русинамъ по ихъ обычаю и Полякамъ по своему; сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. Всѣ мы вѣдь почитаемъ одного Бога“.

Послѣ такого отвѣта послы поспѣшили воротиться въ Ригу, и папскіе легаты покинули этотъ городъ, потерпѣвъ полную неудачу въ своей миссіи. Тѣмъ не менѣе, граждане Риги считали утвержденный папою мирный договоръ 1323 года вполнѣ дѣйствительнымъ. Но Крестоносцы немедленно возобновили военныя дѣйствія, за что Рижскій архіепископъ отлучилъ ихъ отъ церкви, какъ не подчиняющихся папскому авторитету. Въ Ливоніи также возобновилась междоусобная

война, въ которой епископы и городскія общины опирались на свой союзъ съ Гедиминомъ. Въ этой войнѣ Орденъ истощилъ свои силы и принужденъ былъ заключить невыгодный для себя договоръ съ архіепископомъ и городомъ Ригою (1330 г.) (17).

Собиратель Западнорусскихъ земель, Гедиминъ былъ современникомъ Ивана Калиты, собирателя Восточной Руси. Рано или поздно Литовскій и Московскій великіе князья должны были встрѣтиться на этомъ пути собиранія. Но при Гедиминѣ серьезной встрѣчи еще не могло произойти. Ихъ раздѣляла еще цѣлая полоса самостоятельныхъ областей, Тверскихъ, Смоленскихъ и Черниговосѣверскихъ. При томъ всякое движеніе въ эту сторону приводило Литву въ столкновеніе съ сильною при Узбекѣ Золотою Ордою, взимавшею дань съ помянутыхъ областей и явною покровительницею Москвы. А Гедиминъ избѣгалъ рѣшительныхъ войнъ съ Татарами, и мы имѣемъ извѣстія только о двухъ татарскихъ походахъ на Литву; при чемъ на одномъ походѣ съ Татарами, по приказу Узбека, соединились и восточнорусскіе князья; но походы эти, кромѣ грабежа и полону, не имѣли другихъ важныхъ послѣдствій. Въ своей борьбѣ съ Крестоносцами Гедиминъ, повидимому, даже пользовался татарскими наемными отрядами. Эта борьба болѣе всего поглощала его силы и отвлекала его вниманіе отъ Восточной Руси. Но если не вооруженное столкновеніе, то явное соперничество съ Москвою обнаружилось уже при Гедиминѣ по поводу ихъ отношеній къ сѣвернымъ вѣчевымъ общинамъ, Новгороду и Пскову, гдѣ Литовское вліяніе выступало, при случаѣ, противовѣсомъ болѣе сильному и болѣе постоянному вліянію Московскому.

Заботы Гедимина о населеніи пустынныхъ земель и водвореніи европейской промышленности въ Литовской части своего государства сказались не только приглашеніемъ западныхъ колонистовъ и дарованіемъ имъ разныхъ льготъ, но также и основаніемъ новыхъ городовъ. Кромѣ нѣсколькихъ крѣпкихъ замковъ, выстроенныхъ на сѣверной и западной границахъ Литвы и Жмуди, Гедимину приписываютъ построеніе двухъ важныхъ городовъ въ собственной Литвѣ, именно Трокъ, близъ озера Гальве, и Вильны на берегу рѣки Виліи, праваго притока Нѣмана. Оба эти города поочереди были мѣстопребываніемъ Гедимина, пока онъ не утвердилъ окончательно столицу великаго княжества въ Вильнѣ, расположенной въ живописной котловинѣ, которую съ востока, юга и запада окружаютъ песчаные холмы, изрѣзанные глубокими оврагами и отчасти покрытые зелеными рощами. Объ основаніи Вильны сложилась особая поэтическая легенда.

Однажды Гедиминъ поѣхалъ изъ древней литовской столицы Кернова на охоту на другую (лѣвую) сторону Виліи. Здѣсь, посреди глухихъ пущъ, понравилось ему одно мѣсто; онъ заложилъ городъ, назвалъ его Троки и перенесъ сюда свою столицу. Но, немного времени спустя, случилось ему охотиться на берегу Виліи. Тутъ, на одной горѣ, возвышающейся при впаденіи рѣчки Вильны въ Вилію, онъ убилъ большого тура. Наступила ночь; было уже поздно возвращаться въ Троки, и великій князь расположился съ своею свитою на ночлегъ у подошвы той же *Турьей горы* на самой лукѣ, образуемой впаденіемъ Вильны, въ такъ-называемой долинѣ Свинторога, гдѣ со времени князя этого имени устроено было языческое святилище и сожигались тѣла Литовскихъ князей при ихъ погребеніи. Ночью Гедимину приснился странный сонъ: на вершинѣ Турьей горы стоялъ желѣзный волкъ и издавалъ такой ревъ, какъ будто въ немъ выло сто волковъ. Поутру онъ призвалъ верховнаго жреца и гадателя Лиздейко и просилъ его истолковать сонъ. Самъ этотъ Лиздейко младенцемъ былъ найденъ въ орлиномъ гнѣздѣ великимъ княземъ Витеномъ, также во время его охоты, отданъ на воспитаніе кривитамъ, и сдѣлался потомъ верховнымъ жрецомъ или Криве-Кривейтомъ. Онъ истолковалъ сонъ такимъ образомъ: желѣзный волкъ означаетъ знаменитый столичный городъ, который долженъ возникнуть на томъ мѣстѣ; а сто ревущихъ волковъ предвѣщаютъ его будущую всемірную славу. Гедиминъ поспѣшилъ исполнить это толкованіе и немедленно заложилъ тутъ, на Турьей или Лысой горѣ, верхній городъ, а внизу, въ Свинтогоровой долинѣ—нижній, и перенесъ сюда свою столицу, которую назвалъ *Вильною*, по имени текущей здѣсь рѣчки.

Въ этомъ баснословномъ преданіи есть одна частица историческаго основанія, именно связь новой столицы съ древнимъ языческимъ святилищемъ и съ жилищемъ верховнаго жреца или Криве-Кривейта. Дѣло въ томъ, что главное Литовское святилище или такъ-называемое Ромово, существовало когда-то въ Пруссіи, но, разоренное въ началѣ XI вѣка Поляками, было перенесено вмѣстѣ съ резиденціей Криве-Кривейто въ собственную или Принѣманскую Литву, на устье рѣки Дубиссы. Съ утвержденіемъ въ Пруссіи крестоносцевъ, это святилище подверглось новымъ опасностямъ и должно было передвигаться все далѣе на востокъ; нѣкоторое время оно пребывало въ Керновѣ, на Виліи, а окончательно основалось въ помянутой долинѣ Свинторога при впаденіи рѣчки Вильны въ ту же рѣку Нерисъ (по-литовски), которая по-славянски называлась Вилія или Велія (т.-е. Вели-

кая). По всей вѣроятности, здѣсь уже прежде существовало небольшое поселеніе съ мѣстнымъ святилищемъ, а теперь тутъ водворился Криве-Кривейто, и передъ идоломъ Перкуна зажженъ былъ неугасимый огонь изъ дубовыхъ вѣтвей или такъ-называемый „Зничъ". По всѣмъ признакамъ, реакція или борьба національной Литовской религіи противъ вторгавшагося со всѣхъ сторонъ христіанства, принудившая Миндовга отступиться отъ новой религіи и возвратиться къ старой, эта реакція продолжалась и при Гедиминѣ; ее подкрѣпляла ненависть противъ Прусскихъ и Ливонскихъ крестоносцевъ, вводившихъ крещеніе силою меча, опустошеній и захватовъ земли. Жреческое сословіе получило новую силу и, разумѣется, усердно поддерживало эту реакцію. При такомъ настроеніи народа Гедиминъ, какъ умный политикъ, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и пользовался этимъ настроеніемъ и вліяніемъ жрецовъ какъ для успѣшной защиты Литовской независимости отъ западныхъ сосѣдей, такъ и для упроченія своей собственной власти. Естественно поэтому, что онъ старался всегда жить въ ладу съ Криве-Кривейто и имѣть его подъ рукою, а свою столицу нераздѣльною съ главнымъ народнымъ святилищемъ. Съ своей стороны, и Криве-Кривейто, конечно, желалъ мѣсту главнаго святилища и своего пребыванія придать болѣе блеска и обратить его въ средоточіе Литвы не только религіозное, но и политическое. По другому, болѣе вѣроятному преданію, даже не самъ Гедиминъ видѣлъ помянутый выше сонъ о желѣзномъ чудовищѣ, а этотъ сонъ разсказалъ ему Лиздейко, чтобы склонить великаго князя къ перенесенію своей столицы на устье рѣчки Вильны (или Вилейки).

Будучи великимъ княземъ Литвы и Жмуди, Гедиминъ въ то же время носилъ титулъ великаго князя Русскаго; русскія области, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходили объемомъ земли собственно Литовскія; дружина великаго князя состояла въ значительной части изъ русскихъ людей. Отсюда, естественно, новая столица съ самаго начала является въ значительной степени городомъ русскимъ, и уже при Гедиминѣ здѣсь существовалъ православный храмъ св. Николая. Великій князь не только не стѣснялъ своихъ русскихъ подданныхъ въ исповѣданіи ихъ религіи, но такую же вѣротерпимость онъ показывалъ и въ отношеніи католическихъ миссіонеровъ и колонистовъ. Выше мы видѣли, что при немъ въ Вильнѣ существовали два католическихъ монастыря, Францисканскій и Доминиканскій. Однако, сосѣдство этихъ монастырей и доступъ католическихъ монаховъ ко двору великаго князя, очевидно, были непріятны какъ литовскимъ

жрецамъ Ромова, такъ и православнымъ русскимъ жителямъ. Самый отказъ Гедимина отъ намѣренія креститься, выраженнаго въ помянутыхъ выше грамотахъ, католическіе послы въ своемъ донесеніи объясняли народнымъ неудовольствіемъ. По ихъ словамъ, Жмудскіе язычники нѣсколько разъ приходили къ великому князю, грозили возстаніемъ, низверженіемъ съ престола и истребленіемъ всего его рода, если онъ приметъ вѣру ненавистныхъ имъ Нѣмцевъ; подобныя же угрозы высказывали и русскіе православные, опасавшіеся потерять свободу своего исповѣданія. Отсюда понятно то затруднительное положеніе, какое испытывалъ Гедиминъ посреди трехъ непріязненныхъ другъ другу религій: язычества, православія и католичества. Близко знакомый съ христіанствомъ, имѣя дѣтей, женатыхъ на православныхъ русскихъ княжнахъ, Гедиминъ, конечно, не могъ питать большого благоговѣнія передъ огнемъ Перкуна, священными ужами и другими суевѣріями Литовскаго язычества. Родственныя связи и большинство подданныхъ влекло его къ православію; но въ такомъ случаѣ усиливалась поднимаемая папою вражда западныхъ сосѣдей къ Литвѣ, т.-е. Нѣмцевъ и Поляковъ. А принявъ католичество, Гедиминъ хотя и получалъ папскую защиту отъ Нѣмцевъ, но, какъ мы видѣли, вооружалъ противъ себя Жмудиновъ и Русскихъ. Такимъ образомъ онъ до конца жизни остался язычникомъ.

Между тѣмъ кипѣла ожесточенная борьба Литвы съ обоими Нѣмецкими орденами, Прусскимъ и Ливонскимъ. О степени этого ожесточенія можетъ свидѣтельствовать слѣдующее событіе.

Въ тѣ времена еще продолжались путешествія знатныхъ европейскихъ рыцарей въ Пруссію съ благочестивою цѣлью принимать участіе въ войнѣ или, такъ-сказать, въ истребленіи Литовскихъ язычниковъ. Въ 1336 году прибыло изъ Германіи до двухъ сотъ князей, графовъ и простыхъ рыцарей. Гохмейстеръ устроилъ, ради дорогихъ гостей, родъ большой охоты на язычниковъ. Сильный Тевтонскій отрядъ вторгся въ предѣлы Жмуди и осадилъ замокъ Пиллене, въ которомъ заперлись 4000 Литовцевъ, собравшіеся сюда изъ окрестныхъ селъ съ ихъ женами, дѣтьми и наиболѣе цѣннымъ имуществомъ, подъ начальствомъ мѣстнаго князька или державца Маргера. Напрасно Нѣмцы заваливали рвы землею, разбивали бревенчатыя стѣны своими осадными машинами и дѣлали приступы; Литовцы защищались отчаянно и отражали эти приступы. Тогда одному рыцарю пришло въ голову зажечь деревянный зàмокъ посредствомъ стрѣлъ, обмакнутыхъ въ горючій составъ. Это средство удалось; зàмокъ запылалъ во многихъ

мѣстахъ. Когда осажденные увидали, что нѣтъ болѣе спасенія отъ Нѣмцевъ, они предпочли умереть всѣ до единаго. Сложили огромный костеръ и предварительно сожгли на немъ свое имущество; потомъ начали избивать отцы своихъ дѣтей, мужья своихъ женъ и бросать въ тотъ же костеръ. Затѣмъ литовскіе мужи раздѣлились попарно и одинъ другому вонзили мечи прямо въ грудь. Остававшіеся еще въ живыхъ протягивали свои шеи подъ топоръ одной старой жрицы; исполнивъ свое дѣло, она сама бросилась въ пламя. Все это совершилось подъ наблюденіемъ Маргера; когда избіеніе окончилось, онъ закололъ собственную жену, скрытую имъ въ подземельѣ зȧмка, а затѣмъ поразилъ себя. Ворвавшіеся въ зȧмокъ рыцари были поражены представившеюся имъ картиною дикаго геройства и любви къ родинѣ со стороны неукротимыхъ Литовскихъ язычниковъ.

Въ той же борьбѣ со своими злѣйшими врагами, Прусско-Тевтонскими рыцарями, погибъ и Гедиминъ послѣ славнаго двадцатипятилѣтняго княженія.

Неподалеку отъ западныхъ границъ Литвы и Жмуди, на правомъ берегу Нѣмана, былъ воздвигнутъ крѣпкій литовскій зȧмокъ Велона для защиты со стороны Тевтонскаго Ордена. Не могши взять его силою, Нѣмцы, чтобы принудить къ сдачѣ продолжительною осадою и голодомъ безъ большой потери съ своей стороны, построили вблизи два небольшихъ зȧмка. Тогда Гедиминъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сыновей, явился съ войскомъ для освобожденія Велоны и, въ свою очередь, осадилъ нѣмецкіе зȧмки. Но гарнизоны ихъ были снабжены нѣсколькими огнестрѣльными орудіями, которыя только что входили въ употребленіе въ Западной Европѣ и впервые появились въ войскѣ Тевтонскаго Ордена. Еще неизвѣстные Литовцамъ, эти огнестрѣльные снаряды казались имъ громовыми стрѣлами бога Перкуна. Здѣсь-то Гедиминъ нашелъ себѣ смерть, пораженный пулею изъ неуклюжаго, первобытнаго ружья. Сыновья отвезли его тѣло въ Вильну, и тамъ оно было сожжено на огромномъ кострѣ въ такъ-называемой Кривой долинѣ Свинторога, по древнелитовскому обычаю, въ парадной одеждѣ и вооруженіи, вмѣстѣ съ любимымъ конемъ и слугою, съ частью непріятельской добычи и тремя плѣнными Нѣмцами (1341) ([18]).

Извѣстно, что въ Литовской землѣ, какъ въ Русской и Польской, существовалъ обычай дѣленія областей между членами княжескаго семейства. Гедиминъ еще при жизни раздавалъ сыновьямъ свои об-

ласти, въ особенности вновь присоединенныя, на правахъ удѣльныхъ князей. Послѣ него осталось семь сыновей: Монвидъ, Наримунтъ, Коріатъ, Ольгердъ, Кейстутъ, Любартъ и Явнутъ. Они подѣлили Литовско-Русскія земли на семь удѣловъ, а восьмой, Полоцкій, принадлежалъ племяннику Гедимина, Любку (сыну Воина). Кромѣ того, еще существовали многіе мелкіе удѣльные князья изъ потомковъ Владиміра Великаго. Гедиминъ погибъ такъ внезапно, что, повидимому, не успѣлъ распорядиться великимъ княженіемъ, т.-е. назначить себѣ преемника, у котораго удѣльные князья должны были находиться въ полномъ подчиненіи. Неизвѣстно въ точности, случайно или съ соизволенія отца, младшій изъ братьевъ, Явнутъ, является княземъ стольнаго города Вильны съ нѣкоторыми большими пригородами. Но, очевидно, онъ не пользовался правами старшаго князя и не могъ имѣть никакой власти надъ братьями. Слѣдствіемъ такого неопредѣленнаго отношенія Литовскихъ князей между собою, съ одной стороны вновь основанное государство находилось въ опасности разложиться на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, а съ другой сосѣдямъ представлялся удобный случай воспользоваться этимъ разъединеніемъ для захвата ближнихъ областей. И дѣйствительно, Польскій король незамедлилъ объявить притязанія на Волынь; а на сѣверо-западѣ постоянная опасность грозила отъ двухъ Нѣмецкихъ Орденовъ.

Къ счастью, для Литвы это смутное время продолжалось не болѣе пяти лѣтъ. Конецъ ему положили соединенными силами два самыхъ видныхъ и даровитыхъ князя изъ сыновей Гедимина; то были Ольгердъ и Кейстутъ, рожденные отъ одной матери и связанные взаимною неразрывною дружбою. Удѣлъ Кейстута, имѣвшій столицею Троки, составляли Жмудь и часть Черной Руси съ городами Гродно и Берестье. А Ольгердъ владѣлъ частью собственной Литвы съ городомъ Крево и Витебскимъ удѣломъ, доставшимся ему послѣ смерти тестя. Его удѣлъ увеличился еще цѣлою Полоцкою областью, послѣ того какъ его двоюродный братъ Любко Воиновичъ погибъ въ походѣ съ нимъ на помощь Пскову противъ Нѣмцевъ (1341 г.). Такимъ образомъ, Ольгердъ соединилъ въ своихъ рукахъ большую часть Кривской Руси. По общему свидѣтельству современниковъ, онъ всѣхъ своихъ братьевъ превосходилъ умомъ, политическою дальновидностью и чрезвычайно дѣятельнымъ характеромъ. Кромѣ того, у него была еще черта весьма рѣдкая для князей того времени—это великая трезвость, т.-е. совершенное воздержаніе отъ всякихъ хмѣльныхъ напитковъ, вина, пива и меда. Хитрость его выражалась особенно въ томъ,

что обыкновенно онъ никому изъ приближенныхъ не открывалъ заранѣе своихъ плановъ, и когда собиралъ рать, никто не зналъ въ какую сторону эта рать направится. Осторожный, скрытный характеръ Ольгерда какъ нельзя лучше дополнялся характеромъ его друга и брата Кейстута, который, напротивъ, отличался добродушнымъ нравомъ и крайнею отвагою, хотя и не былъ чуждъ нѣкотораго коварства. Между тѣмъ какъ Ольгердъ, женатый на русской княжнѣ и долго пребывавшій въ своемъ Русскомъ удѣлѣ, усвоилъ себѣ русскую народность и даже втайнѣ исповѣдывалъ православіе, Кейстутъ, наоборотъ, оставался чистымъ литвиномъ, навсегда сохранилъ преданность старой языческой религіи предковъ и былъ очень популяренъ среди Литовцевъ и Жмудиновъ. По самому географическому положенію удѣловъ, ихъ вниманіе и дѣятельность были направлены въ разныя стороны: Ольгерда занимали болѣе всего отношенія къ Восточной Руси, къ Новгороду и Пскову, а Кейстутъ стоялъ на стражѣ Литвы отъ Тевтонскихъ рыцарей. Отсюда, изъ Пруссіи и явился главный толчокъ къ скорѣйшему возстановленію потрясеннаго единства великаго Литовско-Русскаго княженія.

Зимою 1345 года въ Литвѣ получены были извѣстія о приготовленіяхъ Ордена къ большому походу: изъ Германіи, Голландіи, Бургундіи, Венгріи и Западнославянскихъ земель прибыли сильные отряды военныхъ гостей съ королями Венгерскимъ и Чешскимъ во главѣ. Необходимо было принять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Ольгердъ и Кейстутъ условились въ одинъ заранѣе назначенный день внезапно явиться подъ Вильною и захватить столицу вмѣстѣ съ Явнутомъ. Но Ольгердъ и тутъ показалъ осторожность: двинувшись изъ Витебска, онъ остановился въ Крево и тамъ ожидалъ развязки. А Кейстутъ, напротивъ, въ условленный день быстрымъ переходомъ изъ Трокъ достигъ Вильны и ночью на разсвѣтѣ захватилъ оба Виленскіе замка; Явнутъ попался въ плѣнъ. Послѣ того прибылъ Ольгердъ и былъ торжественно возведенъ на великокняжескій престолъ. Оба брата скрѣпили свой союзъ и перемѣны въ распредѣленіи удѣловъ клятвеннымъ договоромъ. Остальные братья волею-неволею должны были признать переворотъ 1345 года. Явнутъ, недовольный полученнымъ имъ небольшимъ удѣломъ (Заславль Литовскій), убѣжалъ въ Москву и тамъ крестился; но потомъ помирился съ братьями и воротился въ свой удѣлъ. Совершивъ этотъ переворотъ, Ольгердъ и Кейстутъ успѣли съ своей стороны приготовить достаточныя силы для обороны отъ внѣшнихъ непріятелей; а потомъ, когда крестонос-

цы вторглись въ Литву, братья внезапнымъ нападеніемъ на Ливонію развлекли вниманіе Нѣмцевъ. Послѣдніе, къ тому же, попали въ пустынныя топкія мѣста, изъ которыхъ они поспѣшно воротились назадъ, и весь ихъ грозный походъ окончился полною неудачею.

Послѣ того крестоносцы измѣнили нѣсколько свой образъ дѣйствія по отношенію къ Литвѣ. Вмѣсто большихъ походовъ они предпринимаютъ частыя и мелкія вторженія (такъ называемыя у лѣтописцевъ Ордена *рейзы*), т.-е. внезапно врываются въ ту или другую пограничную область; жгутъ селенія и гумна, истребляютъ часть жителей; а остальныхъ угоняютъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ захваченными конями, быками и другимъ скотомъ, если только жители не успѣвали вовремя узнать объ опасности и укрыться со скотомъ и имуществомъ въ глухія лѣсныя и болотистыя трущобы. Иногда въ одинъ годъ было по нѣскольку такихъ вторженій, такъ что, въ теченіе великаго княженія Ольгердова (1345—1377 г.), по лѣтописямъ Ордена, насчитывается около сотни походовъ на Литву со стороны Пруссіи и Ливоніи. Иногда подобные разбойничьи набѣги предпринимались даже помимо собственно орденскихъ начальниковъ, простыми рыцарями съ отрядами охотниковъ; при чемъ не обращалось вниманія на перемиріе, время отъ времени заключаемое между Орденомъ и Литвою. Одновременно съ такою почти непрерывной мелкой войною магистры Тевтонскаго Ордена возводятъ многочисленные крѣпкіе замки вдоль Литовскихъ границъ, чтобы обезопасить свои земли отъ нападеній Литвы и дать опорные пункты для нѣмецкихъ вторженій. Въ тѣхъ же видахъ, Орденъ всѣми силами препятствовалъ Литовцамъ укрѣпить ихъ границу и старался немедленно разрушать всѣ вновь возводимыя ими крѣпости или взять уже прежде существовавшія. Особенно усилія Нѣмцевъ обратились на городъ Ковну, который по своему важному положенію при впаденіи Виліи въ Нѣманъ служилъ главною оградою Литвы съ запада, потому былъ сильно укрѣпленъ каменными стѣнами и имѣлъ еще внутренній замокъ съ крѣпкими каменными башнями. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній овладѣть имъ, наконецъ, магистръ Тевтонскаго Ордена Винрихъ фонъ Книпроде собралъ всѣ свои силы, призвалъ на помощь Ливонскихъ рыцарей и многочисленныхъ гостей изъ Европы, и предпринялъ правильную осаду со стѣнобитными машинами. Послѣ двухмѣсячной осады ему удалось разрушить стѣны и овладѣть развалинами города вмѣстѣ съ небольшимъ остаткомъ храбраго гарнизона (1362 г.). Но Литовцы вско-

рѣ потомъ рядомъ съ этими развалинами выстроили новую Ковну и точно также обратили ее въ сильную крѣпость.

Въ своей борьбѣ съ Нѣмцами Литовцы слѣдовали тому же образу дѣйствій. Они также предпринимали внезапныя вторженія въ пограничныя Орденскія земли, но не столь мелкими отрядами, ибо таковые легко могли подвергнуться истребленію посреди многочисленныхъ нѣмецкихъ замковъ, соединенныхъ другъ съ другомъ и съ внутреннею страною хорошими дорогами. Поэтому Литовскія вторженія не были такъ часты, какъ Нѣмецкія; Литовцы точно также жгли селенія и предмѣстья городовъ, угоняли скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Въ случаѣ удачнаго похода, они сожигали въ жертву богамъ часть захваченной добычи вмѣстѣ съ однимъ изъ плѣнныхъ рыцарей. Въ теченіе этого болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго періода лѣтописцы упоминаютъ только двѣ значительныя битвы, въ которыхъ Литовскіе князья понесли пораженіе отъ крестоносцевъ: на берегахъ рѣчки Стравы, впадающей въ Нѣманъ, въ 1348 году, и у прусскаго замка Рудавы, въ 1370 г. Очевидно, сила и энергія той и другой стороны приблизительно были равныя, и потому рѣшительнаго перевѣса не оказалось ни на той, ни на другой. Несмотря на всѣ усилія крестоносцевъ, имъ не удалось раздвинуть свои предѣлы въ глубь Литовскихъ земель, и границы остались тѣ же, которыя были намѣчены въ предыдущемъ столѣтіи. Объединенная Литва остановила совокупный напоръ Прусскихъ и Ливонскихъ Нѣмцевъ и отстояла свою самобытность.

Героемъ такой долгой, непрерывной борьбы съ Нѣмцами явился Кейстутъ Гедиминовичъ, князь пограничныхъ съ ними Литовскихъ областей. Исторія этой борьбы украшена его личными подвигами и даже чудесными приключеніями. Такъ, однажды Кейстутъ попалъ въ засаду и былъ взятъ въ плѣнъ. Его съ торжествомъ привезли въ Маріенбургъ и заключили въ замкѣ (1361 г.). Но тутъ приставленнымъ къ нему слугою оказался крещеный литвинъ Альфъ. Въ послѣднемъ, при видѣ Литовскаго героя и въ разговорахъ съ нимъ, пробудилась любовь къ родинѣ, и онъ помогъ бѣгству плѣнника. Замѣтивъ въ стѣнѣ своей камеры какое-то отверстіе, Кейстутъ постарался его расширить; повѣшенный на стѣнѣ коверъ скрывалъ это отверстіе отъ глазъ постороннихъ, а куски камня и штукатурки слуга тщательно выносилъ вонъ. Однажды ночью Альфъ принесъ Кейстуту бѣлый рыцарскій плащъ съ нашитымъ на немъ чернымъ крестомъ. Они пролѣзли въ отверстіе, спустились со стѣны, сѣли на лошадей самого

великаго командора, и, никѣмъ не остановленные, выѣхали изъ замка. Дорогою повстрѣчался имъ одинъ рыцарь; не узнавъ Кейстута, онъ обмѣнялся съ нимъ обычнымъ между Орденскими братьями привѣтствіемъ. Затѣмъ Кейстутъ, бросивъ коней, пробирался только по ночамъ, а днемъ укрывался въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Такъ онъ достигъ Мазовіи, гдѣ отдохнулъ у своего зятя, князя Януша, и потомъ благополучно воротился на родину. Вскорѣ затѣмъ, Кейстутъ, во время одной битвы, снова попалъ въ плѣнъ, но ему удалось какъ-то немедленно ускользнуть изъ непріятельскаго лагеря.

Самый бракъ Литовскаго героя съ любимѣйшею его женою Бирутою преданіе украшаетъ романтическими обстоятельствами. На песчаномъ холмѣ морского берега (близъ гавани Полонги) въ сосновомъ бору находилось святилище богини Прауримы, въ которомъ пылалъ огонь, постоянно поддерживаемый дѣвственными жрицами или вайделотками. Въ числѣ этихъ жрицъ была дочь одного знатнаго Жмудина, красавица Бирута. Услыхавъ о ней, Кейстутъ пожелалъ ее видѣть и, однажды, возвращаясь изъ похода въ Пруссію, заѣхалъ въ Полонгу. Плѣненный красотою и разумомъ Бируты, онъ вознамѣрился вступить съ нею въ бракъ. Но жрица отказала, ссылаясь на свой обѣтъ дѣвства. Тогда Кейстутъ насильно увезъ ее къ себѣ въ Троки и женился на ней. Въ числѣ дѣтей, рожденныхъ ему Бирутою, былъ знаменитый впослѣдствіи Витовтъ ([19]).

Неустанная борьба Кейстута на сѣверѣ и западѣ противъ крестоносцевъ хотя и требовала иногда присутствія и помощи со стороны его брата великаго князя Ольгерда, но вообще она оставляла послѣднему свободныя руки для дѣятельности на востокѣ и югѣ, чтобы продолжать дѣло подчиненія сосѣднихъ русскихъ земель Литовскому верховенству. Если при Гедиминѣ на этомъ поприщѣ Литва еще могла избѣжать столкновенія съ Москвою, то при Ольгердѣ, идя въ томъ же направленіи, она неизбѣжно должна была встрѣтиться съ своей соперницей по собиранію Руси. Прежде всего поводъ къ этому соперничеству подавалъ Новгородъ Великій, который еще при Гедиминѣ началъ искать союза съ Литвою въ отпоръ властолюбивымъ и корыстолюбивымъ притязаніямъ Московскихъ князей. Симеонъ Гордый, какъ мы видѣли, заставилъ Новгородцевъ смириться передъ Москвою (1345 г.). Послѣ того Ольгердъ идетъ войной на Новгородъ, подъ маловажнымъ предлогомъ, что посадникъ (Остафій Дворянинцевъ) обругалъ его псомъ. Походъ этотъ повлекъ опустошеніе нѣкоторыхъ Новгородскихъ волостей и окончился миромъ, ко-

торый, вѣроятно, снова возстановилъ въ Новгородѣ униженную Литовскую партію. Болѣе вліянія Ольгердъ оказывалъ на ближайшую къ себѣ Псковскую область, благодаря стремленію Псковитянъ обособиться отъ Новгорода и ихъ нуждѣ въ помощи противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ; вслѣдствіе чего Псковичи нерѣдко принимаютъ къ себѣ князя или намѣстника изъ Литвы. Такъ Ольгердъ далъ имъ въ князья своего сына Андрея, удѣльнаго князя Полоцкаго, крещенаго по православному обряду.

Еще большее вліяніе возымѣлъ Ольгердъ на другую сосѣднюю русскую область, Смоленскую.

Когда-то лежавшее въ срединѣ Русскихъ земель и наименѣе подверженное внѣшнимъ опасностямъ, Смоленское княженіе очутилось теперь въ самомъ невыгодномъ положеніи между двумя соперницами по собиранію Руси. Не имѣя достаточно силъ отстоять свою самобытность, оно поневолѣ должно было выбирать между тою или другою зависимостью, хотя и пыталось противуставить ихъ другъ другу. Прежде всего Смоленское княженіе испытало на себѣ тяжелую руку Москвы: въ княженіе Александра Глѣбовича (племянника Ѳедора Ростиславича Чернаго) Московскій князь Юрій Даниловичъ отнялъ у Смольнянъ Можайскій уѣздъ. Это обстоятельство повлекло за собою сближеніе Смоленскихъ князей съ Литовскими. Гедиминъ былъ ихъ союзникомъ, хотя еще не рѣшительнымъ; а Ольгердъ уже явно выступилъ ихъ защитникомъ противъ дальнѣйшихъ Московскихъ захватовъ, и, какъ мы видѣли, одними переговорами ему удалось въ 1352 г. остановить походъ Симеона Гордаго на Смоленскъ. Но подобныя услуги оказывались, конечно, не даромъ: онѣ ставили Смоленскъ въ прямую зависимость отъ Литвы; чтобы упрочить эту зависимость, Ольгердъ захватилъ смоленскій пригородъ на Волгѣ Ржеву, важный по своему положенію на границѣ съ владѣніями Московскими и Тверскими (1355 г.). Тогда Смоленскій великій князь Иванъ Александровичъ (сынъ Александра Глѣбовича) попытался было освободиться отъ Литовской зависимости въ союзѣ съ Москвою и Тверью. Но Симеона Гордаго уже не было въ живыхъ, а преемникъ его Иванъ Ивановичъ не отличался рѣшительнымъ характеромъ. Ольгердъ отнялъ у Смольнянъ еще нѣкоторыя пригороды (Бѣлую, Мстиславль) и заставилъ ихъ смириться. Преемникъ Ивана Александровича, смоленскій князь Святославъ Ивановичъ (1359 — 1386), уже является подручникомъ великаго князя Литовскаго, такъ что соединяется съ нимъ въ походахъ на Москву и посылаетъ свои дружины ему на помощь противъ

крестоносцевъ. Такимъ образомъ, въ соперничествѣ между Москвою и Литвою, какъ мы видимъ, Новгородъ съ самаго начала клонится болѣе на сторону Московской зависимости, а Смоленскъ—на сторону Литовской. Послѣднему обстоятельству не мало способствовали естественное тяготѣніе и промышленныя условія, именно тѣсныя, исконныя связи Смоленскихъ Кривичей съ Витебскими и Полоцкими и одинъ общій торговый путь съ верхняго Днѣпра волокомъ и Западной Двиною къ Нѣмецкимъ и Варяжскимъ городамъ. А этотъ путь со всѣми Двинскими Кривичами уже находился во власти Литовско-Полоцкихъ князей.

Если великое княженіе Смоленское еще успѣло на время отсрочить потерю своей самобытности, то земля Чернигово-Сѣверская уже при Ольгердѣ вошла въ составъ западной собирательницы Руси, т.-е. Литвы. Извѣстно, что эта земля во время Татарскаго ига раздробилась на мелкіе удѣлы между потомками Михаила Всеволодовича; ихъ ожесточенныя взаимныя распри за волости и сосѣдство хищныхъ Татарскихъ Ордъ совершенно обезсилили Чернигово-Сѣверскую землю. Уже въ XIII вѣкѣ она подвергается Литовскимъ набѣгамъ, а Смоленскіе князья пытаются захватить въ свои руки ея сосѣднія волости. Изъ среды Чернигово-Сѣверскихъ удѣловъ въ то время наиболѣе значительнымъ является Брянскъ, лежавшій на границахъ Сѣверянской земли съ Вятичами. Доблестный брянскій князь Романъ Михайловичъ былъ послѣднимъ достойнымъ представителемъ энергическаго племени Черниговскихъ Ольговичей. Послѣ него Смоленскимъ князьямъ удалось дѣйствительно завладѣть Брянскимъ удѣломъ, конечно, съ соизволенія Золотой Орды. Затѣмъ отрывочныя извѣстія русскихъ лѣтописей указываютъ намъ на частыя смуты: новые князья отнимаютъ Брянскъ другъ у друга; городское вѣче иногда поднимаетъ мятежъ. Такъ, въ 1341 году брянскіе вѣчники убили своего князя Глѣба Святославича (двоюродный братъ Ивана Александровича Смоленскаго). Лѣтъ пятнадцать спустя, лѣтописи упоминаютъ о кончинѣ брянскаго князя Василія и послѣдовавшихъ за нею великихъ смутахъ отъ лихихъ людей („замятня велія и опустѣніе града"). Этими неурядицами ловко воспользовался Ольгердъ, уже давно сторожившій добычу и еще прежде нападавшій на Брянскъ; на этотъ разъ, захватъ Брянской волости, вѣроятно, обошелся ему безъ особаго усилія. Затѣмъ ему уже легко было завладѣть другими болѣе мелкими удѣлами Чернигово-Сѣверскими. Важнѣйшіе города онъ роздалъ въ удѣлы своимъ сыновьямъ, а именно: Черниговъ и Трубчевскъ—Дмитрію, Брянскъ и

Новгородъ-Сѣверскій—Корибуту; а племяннику Патрикію Наримонтовичу, повидимому, предоставилъ Стародубъ-Сѣверскій. Но города, принадлежавшіе собственно землѣ Вятичей, оставались пока въ рукахъ мѣстныхъ русскихъ князей, Козельскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Тарусскихъ, Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Елецкихъ и пр. Эти мелкіе князья, конечно, должны были выбирать между Московскою и Литовскою зависимостью и находились пока между ними въ неопредѣленномъ положеніи; но они очевидно болѣе тянули къ Восточной Руси, т.-е. къ Москвѣ. Самая Брянская область, по нѣкоторымъ признакамъ, тянула туда же; только благодаря ранней кончинѣ Симеона Гордаго и нерѣшительности его преемника, а также смутамъ, наступившимъ въ Ордѣ по смерти Джанибека, удалось Ольгерду безпрепятственно завладѣть Сѣверіей и Брянскимъ удѣломъ ([20]).

Открытое столкновеніе двухъ соперницъ-собирателей Руси сдѣлалось неизбѣжно, когда на Московскомъ столѣ явился энергическій дѣятель, въ лицѣ возмужавшаго великаго князя Димитрія Ивановича. Поводомъ къ такому столкновенію послужила борьба Твери съ Москвою; при чемъ Ольгердъ, женатый во второмъ бракѣ на тверской княжнѣ Юліанѣ Александровнѣ, явился союзникомъ Тверскихъ князей. Война Ольгерда съ Дмитріемъ однако не имѣла рѣшительнаго характера и только на время поддержала Тверскую самобытность (объ этихъ отношеніяхъ скажемъ послѣ).

Вся Сѣверная Русь съ самаго начала оказывала явное тяготѣніе къ Москвѣ. Между тѣмъ, Русь Южная, угнетаемая непосредственно Татарскими Ордами, легко склонялась къ Литовскому господству. Почти одновременно съ Чернигово-Сѣверскою украйною на лѣвой сторонѣ Днѣпра, Ольгердъ завладѣлъ Кіево-Подольскою украйною на правой его сторонѣ, также отнявъ ее у Татаръ. Уже при Гедиминѣ Кіевская область, повидимому, находилась въ полузависимости отъ Литвы. Ольгердъ въ началѣ своего княженія дѣйствовалъ осторожно со стороны Татаръ, избѣгалъ рѣшительныхъ столкновеній съ Золотою Ордою и даже предлагалъ Джанибеку свой союзъ въ 1349 г. Но Симеонъ Гордый сумѣлъ разстроить заключеніе этого направленнаго противъ Москвы союза, такъ что Джанибекъ даже выдалъ ему Литовскихъ пословъ. Послѣ Джанибека, когда наступилъ смутный періодъ въ Золотой Ордѣ, Ольгердъ началъ дѣйствовать рѣшительно; онъ окончательно присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Кіевское княженіе и отдалъ Кіевъ въ удѣлъ одному изъ своихъ сыновей (Владиміру). Въ то же время онъ покорилъ земли между Бугомъ и Днѣпромъ. Сѣверная часть этихъ

земель принадлежала прежде Галицко-Волынскимъ князьямъ и называлась Понизьемъ, а теперь сдѣлалась извѣстна подъ именемъ *Подолья* (въ тѣсномъ смыслѣ). Здѣсь собирали дани татарскіе баскаки и темники, властвовавшіе въ сосѣднихъ Днѣпровско-Бугскихъ степяхъ. Въ Подольѣ было много селеній и нѣсколько городовъ (Бакота, Ушица, Каменецъ и др.), разоренныя укрѣпленія которыхъ Татары не позволяли возобновлять. Страна эта во время Монгольскаго ига не подчинялась никакому Русскому княжескому роду, а была раздѣлена на мелкія волости; во главѣ ихъ были поставлены *атаманы*, которые, между прочимъ, занимались сборомъ дани для Татаръ. И прежде сосѣдніе съ Подольемъ Татарскіе темники и князья нерѣдко играли роль особыхъ хановъ, благодаря своему отдаленному отъ Сарая положенію; а теперь, во время неурядицъ и раздробленія Золотой Орды, они были предоставлены собственнымъ силамъ. Ольгердъ нерѣдко вступалъ съ ними въ отдѣльные союзы и нанималъ у нихъ вспомогательныя войска для своихъ походовъ на Поляковъ и крестоносцевъ. Но такъ какъ это были ненадежные союзники, переходившіе иногда на сторону его враговъ, то великій князь Литовскій воспользовался помянутымъ смутнымъ временемъ въ Золотой Ордѣ, когда за-Днѣпровскіе улусы не могли ожидать никакой помощи съ Волги. Онъ началъ съ ними успѣшную войну; одержалъ большую побѣду на Синихъ водахъ (притокъ Буга) надъ тремя Татарскими князьями, Кутлубеемъ, Хаджибеемъ и какимъ-то, повидимому, крещенымъ Дмитріемъ (около 1362 г.), а затѣмъ очистилъ отъ ихъ господства всю Подолію и сосѣднія южныя степи между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Остатки разбитой Орды удалились отчасти на нижній Дунай въ Добруджу, а отчасти въ Крымъ. Такъ легко обошлось ему покореніе этой обширной страны. Подольскую область онъ предоставилъ въ удѣлъ своимъ племянникамъ, сыновьямъ Коріата Гедиминовича; первою ихъ заботою была постройка крѣпкихъ замковъ и возобновленіе старыхъ городскихъ укрѣпленій, чтобы обезопасить страну отъ будущихъ татарскихъ нападеній. Предосторожность вполнѣ разумная, ибо Золотоордынскіе ханы нисколько не думали отказываться отъ своихъ притязаній на Подолье и за-Днѣпровскія степи ([21]).

Не такъ легка для Литовскихъ князей была борьба съ Поляками за Галицко-Волынское наслѣдство.

*

Выше мы видѣли, что внукъ знаменитаго Даніила Романовича Юрій Львовичъ въ началѣ XIV вѣка, по праву наслѣдства, соединилъ въ своихъ рукахъ княжества Галицкое и Волынское, слѣдовательно почти всю Югозападную Русь. То, что въ Сѣверовосточной Руси явилось плодомъ долгихъ усилій цѣлаго рода князей Московскаго дома, т.-е. собраніе разрозненныхъ Русскихъ земель, здѣсь, на Югозападѣ, совершилось какъ бы само собою и не одинъ разъ. Можно было надѣяться, что дѣло князя Романа и его сына короля Даніила—созданіе сильнаго Галицко-Волынскаго государства—наконецъ увѣнчается успѣхомъ: одновременно съ Владиміромъ Клязьменскимъ и Москвою разовьется другое, чисто русское, средоточіе въ противуположномъ углу Руси, т.-е. во Владимірѣ Волынскомъ или во Львовѣ Галицкомъ. Однако этого не случилось: ни люди, ни обстоятельства не соотвѣтствовали подобной задачѣ. Извнѣ Югозападная Русь окружена была со всѣхъ сторонъ враждебными сосѣдями, каковы Угры, Поляки, Литва и Татары, что при ея открытыхъ, доступныхъ границахъ представляло большую трудность для обороны. Внутри эта Русь не имѣла хорошо сплоченнаго и вполнѣ однороднаго населенія. Главные города ея уже тогда изобиловали разными иноплеменниками, особенно Нѣмцами и Евреями, захватившими въ свои руки значительную часть промышленности и торговли. Послѣ татарскихъ погромовъ Галицко-Волынскіе князья слишкомъ усердно и неразборчиво вызывали въ свою землю колонистовъ изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ. Эти колонисты, конечно, оставались чужды русскому патріотизму. Что касается до боярскаго сословія, то хотя мы не видимъ въ Галиціи повторенія тѣхъ крамолъ, какія тамъ происходили въ первой половинѣ XIII вѣка, а на Волыни бояре даже отличались преданностью своимъ князьямъ, однако, по всѣмъ признакамъ, притязанія и привычки этого сословія недалеко ушли отъ того времени и значительно стѣсняли княжескую власть.

Благодаря единенію братьевъ Романовичей, Даніила и Василька,—единенію, болѣе или менѣе продолжавшемуся при ихъ ближайшихъ потомкахъ, Татарское иго никогда не могло прочно утвердиться въ Югозападной Руси; чему способствовали и самая отдаленность ея отъ Золотой Орды, а также потребность Татаръ въ русской помощи противъ возраставшей силы Литвы. Послѣ Льва Даниловича и Владиміра Васильковича Волынь и Галичъ, повидимому, ограничивались легкою данью и болѣе номинальною, нежели дѣйствительною зависимостью отъ Татаръ. Но вмѣсто сихъ послѣднихъ на сѣверныхъ предѣлахъ Во-

лынско-Галицкой Руси возникало Литовско-Русское государство съ энергическимъ и предпріимчивымъ родомъ во главѣ. А на западѣ трудами Локетка возстановлены были единство и сила Польши. При такихъ обстоятельствахъ Югозападная Русь требовала, съ своей стороны, цѣлаго ряда даровитыхъ, энергическихъ князей, подобныхъ Роману и Даніилу. Вмѣсто нихъ, наоборотъ, мы видимъ во главѣ ея личности, ничѣмъ невыдающіяся. А потомъ самый родъ Даніила внезапно прекращается и оставляетъ Югозападную Русь, такъ сказать, на жертву ея сосѣдямъ.

Источники не даютъ намъ почти никакихъ подробностей о Юріѣ I, послѣ того какъ онъ сдѣлался королемъ Галиціи и княземъ Волыни. Знаемъ только, что въ первый же годъ его правленія Ляхи отняли назадъ завоеванный его отцомъ городъ Люблинъ. По всему видно, что Юрій отличался миролюбіемъ, и если имѣлъ какія столкновенія съ сосѣдями, то весьма незначительныя, такъ какъ достовѣрные источники о нихъ не упоминаютъ. Знаемъ еще, что, по примѣру своего дѣда, онъ держался въ особенности союза съ Тевтонскимъ Орденомъ противу великихъ князей Литовскихъ. Юрій Львовичъ, какъ мы видѣли выше, не остался равнодушенъ къ тому, что глава Русской церкви покинулъ Южную Русь и переселился на сѣверъ. Галицко-Волынскій князь попытался поставить на общерусскую митрополію своего собственнаго кандидата въ лицѣ игумена Петра или, по крайней мѣрѣ, получить въ его лицѣ особаго митрополита для Югозападной Руси. Но эта попытка, какъ извѣстно, не имѣла успѣха; митрополитъ Петръ не только послѣдовалъ примѣру предшественника, т.-е. предпочелъ Сѣверную Русь, но и поселился въ самой Москвѣ. Очевидно, были серьезныя причины для такого предпочтенія; новый митрополитъ, хотя и южанинъ родомъ, понялъ, или точнѣе, почувствовалъ, что не на югѣ возникалъ тогда прочный политическій порядокъ, способный доставить Русской церкви надежное и достойное обезпеченіе.

На печатяхъ своихъ Юрій Львовичъ изображается возсѣдающимъ на тронѣ съ короною на головѣ и скипетромъ въ рукѣ, съ латинскою надписью вокругъ: Domini Georgi regis Russiae; на оборотной сторонѣ виденъ всадникъ со щитомъ и знаменемъ, съ надписью: Domini Georgi principis Lodimeriae. Онъ скончался въ 1316 году, оставивъ двухъ сыновей, Андрея и Льва, между которыми снова раздѣлилась его держава: Галиція и Володимерія (т.-е. большая часть Волыни, съ городомъ Владиміромъ) достались старшему Андрею, а Луцкій удѣлъ

младшему Льву. Неизвѣстно въ точности, съ кѣмъ изъ нихъ воевалъ Гедиминъ, съ отцомъ Юріемъ I или съ названными сейчасъ его сыновьями. Дѣло заключается въ томъ, что Литовскій князь, по нѣкоторымъ признакамъ, именно въ 1316 году, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, отнятую у Галицко-Волынскихъ князей, Берестейскую область съ частью бывшей Ятвяжской земли (впослѣдствіи такъ называемую Подляхію). Но затѣмъ мы видимъ Андрея и Льва въ мирныхъ и даже дружескихъ отношеніяхъ не только съ магистромъ Прусско-Тевтонскаго Ордена, но и со своими сосѣдями, государями Польши и Литвы. Владиславъ Локетекъ въ письмѣ своемъ къ папѣ Іоанну XXII, въ 1324 году, съ прискорбіемъ извѣщаетъ о смерти обоихъ русскихъ князей-братьевъ, которые при жизни своей служили для Польши защитою отъ татарскихъ нападеній. Родственныя связи еще болѣе скрѣпили эти дружескія отношенія къ сосѣдямъ.

Со смертію Андрея и Льва прекратилось прямое мужское потомство Даніила Романовича. Ближайшимъ претендентомъ на ихъ наслѣдіе выступилъ потомокъ его по женской линіи, именно юный Болеславъ Тройденовичъ, сынъ мазовецкаго князя Тройдена и Маріи, дочери Юрія Львовича, слѣдовательно внукъ сего послѣдняго. Кажется, онъ уже владѣлъ какимъ-то сосѣднимъ русскимъ удѣломъ. Опасаясь смутъ и раздѣла земли между другими претендентами, бояре Червонорусскіе согласились призвать на Галицко-Волынскій престолъ Болеслава, но, какъ надобно полагать, подъ условіемъ принять восточный обрядъ. Дѣйствительно, онъ является въ Галиціи уже православнымъ и носитъ имя своего дѣда Юрія. Однако, повидимому, не вдругъ, а постепенно признали его Галицкіе и Волынскіе города. Такъ есть извѣстіе, что граждане Львова впустили его съ дружиной въ городъ только послѣ того, какъ онъ присягнулъ соблюдать ихъ старые права и обычаи и не расхищать сокровищъ, хранившихся въ княжихъ замкахъ.

Отъ Юрія II дошло до насъ нѣсколько грамотъ, подтверждающихъ старые дружественные договоры съ Прусскими магистрами и сохранившихся на латинскомъ языкѣ. Онѣ подписаны то во Львовѣ, то въ стольномъ Владимірѣ (Lodomiria). Въ нихъ Юрій титулуетъ себя „Божіею милостію", „прирожденнымъ" княземъ или просто Россіи или *всея Малыя Россіи*. Но повидимому, бояре, призвавшіе его на столъ, заставили его поступиться частію княжеской власти въ ихъ пользу, и онъ княжилъ какъ бы подъ опекою высшаго боярскаго совѣта или думы; по крайней мѣрѣ, означенныя грамоты писаны отъ имени князя и

этихъ вельможъ (barones). Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ видимъ однажды Θеодора епископа Галицкаго; потомъ упоминаются: Димитрій Дядько (т.-е. пѣстунъ князя), Хотько Яроміровичъ и Василько Кудриновичъ, дворскіе тіуны; Михаилъ Елизаровичъ, воевода Бельзскій; Бориско Кракула, воевода Львовскій; Грицко Коссаковичъ, воевода Перемышльскій; Θедоръ Отекъ, воевода Луцкій, Юрій Лысый и Александръ Молдавичъ. Любопытно, что при Юріѣ II возобновилась попытка имѣть для Югозападной Руси особаго митрополита, каковымъ, съ соизволенія Константинопольскаго патріарха и синода, на время явился названный выше галицкій епископъ Θеодоръ. Но изъ исторіи Москвы мы знаемъ, что потомъ патріархъ отмѣнилъ особую Галицкую митрополію.

Вступивъ въ бракъ съ одной изъ дочерей Гедимина, возмужавъ и утвердясь на Галицкомъ престолѣ, Юрій II, по всѣмъ признакамъ, пытался освободить себя отъ боярской опеки и дѣйствовать самовластно. Польское происхожденіе и католическое воспитаніе незамедлили сказаться и въ его измѣнѣ православію. По настояніямъ своего старшаго родственника Владислава Локетка (дѣйствовавшаго по внушеніямъ римскаго папы), легкомысленный Юрій—Болеславъ возвратился въ католичество. Онъ сталъ унижать русскихъ вельможъ, окружать себя Нѣмцами, Поляками и Чехами, которымъ раздавалъ высшіе и наиболѣе доходные уряды, оказывалъ пренебреженіе къ Русской церкви, къ народнымъ обычаямъ и мѣстнымъ законамъ. Кромѣ того онъ возбудилъ противъ себя негодованіе высокими поборами и налогами, а также своею крайнею распущенностью и насиліемъ надъ женщинами; причемъ не давалъ пощады женамъ и дочерямъ самихъ бояръ. Не таковы были Галицкіе бояре, чтобы терпѣливо переносить какъ измѣну православія, такъ и подобныя оскорбленія. Въ ихъ средѣ снова закипѣла крамола и составился заговоръ на жизнь князя. Въ виду окружавшей его иноземной дружины, они не посмѣли напасть на него открыто, а воспользовались однимъ пиромъ, на которомъ поднесли Болеславу отравленный напитокъ. Говорятъ, отрава была такъ сильна, что тѣло несчастнаго князя разнесло на куски (въ мартѣ 1340 г.) ([22]).

Тогда-то во всей силѣ выступилъ на историческую сцену вопросъ о Галицко-Волынскомъ наслѣдствѣ.

Тутъ обнаружилась предусмотрительность Гедимина въ дѣлѣ родственныхъ союзовъ. Одинъ изъ его сыновей, Любартъ, былъ женатъ на внучкѣ Юрія I (по однимъ дочери Андрея, а по другимъ Льва Юрьевича) и уже при Юріѣ II, повидимому, владѣлъ Луцкимъ удѣ-

ломъ. Этотъ Любартъ и выступилъ теперь ближайшимъ претендентомъ на помянутое наслѣдство, по крайней мѣрѣ на Волынскія земли. Но онъ встрѣтилъ себѣ сильнаго, искуснаго соперника въ своемъ зятѣ (мужѣ своей сестры) польскомъ королѣ Казимірѣ Великомъ, сынѣ и преемникѣ Владислава Локетка. Былъ и еще одинъ важный претендентъ, король Угорскій. Извѣстно, что Угры предъявляли свои притязанія на Галицію еще по пресѣченіи потомства Володаря Ростиславича, и королевичи ихъ не одинъ разъ сидѣли на Галицкомъ столѣ (Андрей и Коломанъ). Но Казиміръ въ этомъ случаѣ воспользовался родственными связями съ королемъ угорскимъ Карломъ Робертомъ, который былъ женатъ на его сестрѣ (Елизаветѣ). Польскій король отъ своей супруги Анны Гедиминовны не имѣлъ дѣтей, и съ нимъ прекращалось мужеское потомство Пястовъ. Съ согласія своихъ вельможъ, Казиміръ призналъ наслѣдникомъ Польской короны своего племянника Людовика, т.-е. сына своей сестры Елизаветы и Карла Роберта. Этимъ самымъ устранялось соперничество Угровъ въ вопросѣ о Галицкомъ наслѣдствѣ; ибо по смерти Казиміра вся Польша, а слѣдовательно, и вновь присоединенныя къ ней земли должны были перейти къ Людовику Венгерскому.

Существовавшее издавна стремленіе Поляковъ къ захвату сосѣднихъ Русскихъ земель въ данную эпоху получило особую силу, съ одной стороны вслѣдствіе потери Балтійскаго поморья, которое было отторгнуто у нихъ Тевтонскимъ Орденомъ, а съ другой — вслѣдствіе отчужденія Силезіи, которая также дѣлалась добычею германизаціи. Сокращенные въ своихъ предѣлахъ, тѣснимые Прусскимъ Орденомъ, Поляки естественно искали вознагражденія и расширенія съ другой стороны, т.-е. со стороны благодатныхъ земель Галицкой и Волынской Руси, въ дѣла которой они давно уже привыкли вмѣшиваться.

Если вѣрить польскимъ бытописателямъ, польскій захватъ начался слѣдующимъ образомъ: какъ только въ Краковѣ была получена вѣсть о смерти Болеслава-Юрія, Казиміръ, желая предупредить Литовскихъ князей, немедленно, т.-е. раннею весною 1340 года, выступилъ въ походъ съ одною придворною конною дружиной и нѣкоторой частью наскоро собраннаго войска. Опасаясь задержекъ и разсчитывая на внезапность своего появленія, онъ обходилъ лежавшіе на его пути крѣпкіе замки и большіе города, а пробирался лѣсами и окольными дорогами. Дѣйствительно, ему удалось застать врасплохъ стольный городъ Галиціи Львовъ. Сначала онъ ворвался въ предмѣстье св. Юрія и произвелъ избіеніе его жителей, пытавшихся обо-

роняться, чѣмъ навелъ страхъ на самихъ горожанъ. Неприготовленные къ долгой оборонѣ, не имѣя для того ни достаточныхъ припасовъ, ни военныхъ средствъ, жители Львова, спустя нѣсколько дней, сдались Казиміру, на условіяхъ, обезпечивающихъ имъ жизнь, имущество и вѣру. Король привелъ гражданъ къ присягѣ на подданство и завладѣлъ тѣми княжними сокровищами, которыя хранились въ двухъ городскихъ замкахъ, верхнемъ и нижнемъ. На первый разъ онъ не оставилъ здѣсь гарнизона, потому что имѣлъ съ собою слишкомъ мало войска. Чтобы оборонять эти два обширные деревянные замка въ случаѣ народнаго возмущенія, требовалась значительная сила. Поэтому король велѣлъ сжечь ихъ стѣны и, прежде, нежели народъ опомнился отъ нашествія и отъ пажара, Казиміръ съ своею дружиною покинулъ городъ, увозя съ собою захваченныя сокровища, заключавшія много золота, серебра, въ томъ числѣ драгоцѣнные кресты, короны, сосуды, княжія одежды, жемчужныя украшенія и проч. Но онъ удалился для того, чтобы тѣмъ же лѣтомъ воротиться въ Галицію уже съ большимъ войскомъ. Тогда онъ занялъ своими гарнизонами, кромѣ Львова, и нѣкоторые другіе значительные города, которые или сдались ему добровольно, или покорены силою оружія (Перемышль, Любачевъ, Галичъ, Теребовль и др.). Такимъ образомъ, король захватилъ часть Галиціи и Волыни. Источники упоминаютъ при этомъ и о нѣкоторыхъ вѣроломныхъ дѣйствіяхъ со стороны Поляковъ. Такъ, будто бы польскіе вельможи, заманивъ Перемышльскихъ бояръ на свиданіе подъ предлогомъ переговоровъ, измѣннически напали на нихъ и перебили, послѣ чего захватили и самый Перемышль.

Казиміру при этомъ захватѣ Русскихъ земель помогли болѣе всего наступившее въ нихъ безначаліе, отсутствіе какого-либо общаго правительства и быстрота нападенія. Но то, что далось такъ легко при первомъ натискѣ, пришлось ему потомъ отстаивать съ большими усиліями и кровопролитіемъ. Со стороны Литовско-Русскихъ князей въ началѣ не видно энергическаго сопротивленія Польскому захвату; вѣроятно, тому помѣшали случившаяся вскорѣ смерть Гедимина и происшедшее въ Литвѣ разъединеніе между его сыновьями. Но тутъ выступили на сцену нѣкоторые Галицкіе бояре и подняли возстаніе. Несоблюденіе условій, на которыхъ Русскіе города сдавались королю, и его стараніе разными почестями и льготами привлекать Русскихъ людей къ переходу въ католичество скоро возбудили въ народѣ негодованіе противъ Поляковъ. Во главѣ возстанія стали два знатныхъ боярина: одинъ изъ мелкихъ удѣльныхъ князей, владѣтель города

Острога на Волыни, Данило (потомокъ удѣльныхъ Туровскихъ князей и родоначальникъ князей Острожскихъ) и помянутый выше пѣстунъ Болеслава Юрія, Димитрій Дѣдко, который по смерти этого князя владѣлъ Перемышлемъ (можетъ быть полученнымъ отъ Болеслава Тройденовича, которому онъ помогъ вокняжиться на Руси). Они призвали на помощь Татаръ; послѣдніе все еще не покидали своихъ притязаній на Галицко-Волынскую землю, какъ на свою данницу, и съ неудовольствіемъ смотрѣли на ея захватъ Поляками. Соединеннымъ силамъ Русскихъ и Татаръ удалось вытѣснить Поляковъ изъ нѣкоторыхъ Галицкихъ городовъ и распространить свои нападенія въ глубь самой Польши. Но когда Татары съ награбленною добычею ушли назадъ, возставшіе русскіе бояре заключили съ Казиміромъ новый договоръ, въ силу котораго они, повидимому, признали нѣкоторую зависимость Галицкой земли отъ Польскаго короля, подъ условіемъ сохранить имъ собственное управленіе этой землею. По крайней мѣрѣ, Димитрій Дѣдко послѣ того называетъ себя „княземъ" и „намѣстникомъ земли Русской", выдаетъ отъ своего имени грамоты, обезпечивающія разныя привилегіи Нѣмецкимъ купцамъ въ городѣ Львовѣ.

Въ то же время притязанія короля на Галицко-Волынское наслѣдство вызвали войну его съ Литовскими князьями Гедеминовичами. Первое столкновеніе съ ними окончилось перемиріемъ, заключеннымъ около 1345 года. По этому перемирію за королемъ признавалось владѣніе только Львовскою землею; тогда какъ земля Владимірская, удѣлы Луцкій, Бѣльзскій, Холмскій, Берестейскій и даже Кременецъ остались въ рукахъ Литовскихъ князей. Слѣдовательно, перевѣсъ въ борьбѣ оказался на сторонѣ послѣднихъ. Но вотъ въ 1348 году Литовскіе князья потерпѣли пораженіе отъ крестоносцевъ на берегахъ Стравы. Вскорѣ потомъ Казиміръ возобновилъ войну, и быстрымъ нашествіемъ во главѣ сильнаго войска захватилъ Владиміръ, Луцкъ, Берестье и нѣкоторые другіе важнѣйшіе города Волыни, и предложилъ Любарту довольствоваться Луцкимъ удѣломъ подъ верховною зависимостью отъ Польскаго короля. Однако, такая удача продолжалась недолго: Литовскіе князья соединились и не только изгнали Поляковъ изъ Волыни, но и произвели опустошенія въ коренныхъ Польскихъ областяхъ. Тогда папа Климентъ IV назначилъ Казиміру десятую часть церковныхъ доходовъ съ Польши для войны съ Литовскими язычниками и велѣлъ польскимъ епископамъ проповѣдывать крестовый походъ. Въ то же время Казиміръ получилъ помощь отъ

своего племянника и наслѣдника своей короны, угорскаго короля Людовика. Но Ольгердъ, съ своей стороны, заключилъ союзъ съ татарскими ханами Подолья. Война съ перемѣннымъ успѣхомъ тянулась еще около пяти лѣтъ (до 1356 года), и обѣ стороны, повидимому, остались при прежнихъ владѣніяхъ. Спустя десять лѣтъ, (въ 1366 году) война за Галицко-Волынское наслѣдство возобновилась въ третій разъ и была въ началѣ также удачна для Казиміра. Но этотъ король умеръ, не докончивъ спора (въ 1370 г.). Пользуясь временемъ междуцарствія въ Польшѣ, Литовскіе князья снова успѣли отвоевать Волынь. Наконецъ, уже въ 1377 г., т.-е. незадолго до своей смерти Ольгердъ заключилъ миръ съ польско-угорскимъ королемъ Людовикомъ. По этому миру Волынь, т.-е. Владимірскій и Луцкій удѣлы, а также Берестейская область отошли къ Литвѣ, а Галиція, съ присоединеніемъ удѣловъ Холмскаго и Бельзскаго, осталась за Польшею. Король Людовикъ предоставилъ управленіе Галиціей одному изъ силезскихъ князей, Владиславу Опольскому, на правахъ удѣльнаго князя ([23]).

Такъ, послѣ многаго кровопролитія и взаимныхъ разореній, рѣшенъ былъ этотъ долгій споръ за Галицко-Волынское наслѣдство. Но, въ виду воспослѣдовавшаго вскорѣ соединенія Литвы съ Польшею, и самое это кровопролитіе въ сущности оказалось безполезнымъ для той и другой стороны.

Тѣсныя отношенія Литовской династіи къ Западнорусскимъ областямъ не могли не оказывать вліянія на самую эту династію: она все болѣе и болѣе русѣла и крестилась по православному обряду. Если уже семейство Гедимина состояло отчасти изъ православныхъ членовъ, то семейство Ольгерда почти сплошь было православное. Обѣ его супруги, первая княжна витебская Марія и вторая княжна тверская Юліанія, воспитывали своихъ дѣтей въ православіи и, живя въ Вильнѣ, открыто исповѣдывали свою религію, имѣли при себѣ православныхъ священниковъ и воздвигали здѣсь храмы. Преданіе приписываетъ Маріи построеніе въ Вильнѣ Пятницкой церкви (гдѣ она была потомъ погребена), а Юліаніи сооруженіе каменной соборной церкви св. Николая. Самъ Ольгердъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ также окрещенъ въ своей молодости. По крайней мѣрѣ, онъ былъ уже православнымъ въ то время, когда находился въ бракѣ съ витебской княжной и занималъ Витебское княженіе. О томъ Русская лѣтопись свидѣтельствуетъ по слѣдующему поводу. Въ 1342 году, по просьбѣ Псковичей, Ольгердъ ходилъ къ нимъ на помощь противъ Нѣмцевъ

и, когда Нѣмцы были прогнаны, Псковичи просили Ольгерда креститься и сѣсть у нихъ на княженіе. Ольгердъ отвѣчалъ: „Я уже крещенъ и есмь христіанинъ, а въ другой разъ креститься не хочу". Вмѣсто себя онъ предложилъ юнаго сына своего Вингольда, который, дѣйствительно, былъ немедленно окрещенъ въ Псковѣ подъ именемъ Андрея и посаженъ тамъ княземъ. Очевидно, безъ того всегда осторожный и скрытный, Ольгердъ, изъ политическихъ видовъ, скрывалъ онъ народа свою принадлежность къ христіанству; особенно онъ это дѣлалъ въ Вильнѣ, чтобы не возбудить противъ себя Литовскихъ язычниковъ, или собственно языческихъ жрецовъ, еще сохранявшихъ свое вліяніе на народъ.

Жрецы съ неудовольствіемъ смотрѣли на появленіе христіанскихъ храмовъ въ Нижнемъ городѣ, рядомъ съ святилищемъ Перкуна, и на великую княгиню, окруженную православнымъ духовенствомъ, которое не только отправляло богослуженіе, но и занималось обращеніемъ язычниковъ въ христіанство. Между прочимъ духовникъ великой княгини Маріи, монахъ Несторъ, успѣлъ склонить къ принятію крещенія двухъ знатныхъ Литвиновъ изъ свиты великаго князя. Это сильно раздражило жрецовъ, и они обратились къ Ольгерду съ требованіемъ наказать отступниковъ. Ольгердъ, недавно сѣвшій на Виленскомъ столѣ и еще недостаточно укрѣпившійся на немъ, опасался народнаго возмущенія. Онъ уступилъ требованію жрецовъ: Кумецъ и Нежило, въ крещеніи Іоаннъ и Антоній, были заключены въ темницу, гдѣ оставались цѣлый годъ. Несмотря на всѣ угрозы и истязанія, они пребыли вѣрными своей новой религіи и примѣромъ своей твердости обращали къ ней другихъ язычниковъ, за что и были наконецъ преданы мученической смерти. Вскорѣ за ними такой же смерти былъ преданъ ихъ родственникъ Круглецъ, принявшій крещеніе подъ именемъ Евстафія. Это мученичество трехъ православныхъ Литвиновъ совершилось въ 1347 году. По всей вѣроятности, торжеству языческой партіи въ Вильнѣ въ то время способствовала также и кончина великой княгини Маріи, умершей въ предыдущемъ году.

Въ 1349 году Ольгердъ вновь женился на православной княжнѣ, Юліаніи Тверской, и дворъ великой княгини вновь сдѣлался средоточіемъ православія въ Литовской столицѣ. Одинъ изъ Нѣмецкихъ рыцарей или пословъ, посѣтившихъ Вильну при Ольгердѣ, говоритъ, что при частыхъ отсутствіяхъ мужа великая княгиня Ульяна Александровна рѣдко выѣзжала изъ Виленскаго зàмка, вполнѣ посвящая свое время воспитанію своихъ дѣтей и разнымъ женскимъ работамъ.

При ней находилось большое число дѣвицъ, которыя подъ ея надзоромъ ткали, вышивали и вмѣстѣ съ нею ходили на церковную службу. „Были мы въ придворной церкви во время обѣдни, — пишетъ Нѣмецъ; — придворныя женщины находились на верхней галлереѣ (на церковныхъ палатяхъ или хорахъ), завѣшенной зеленой сѣткой, такъ что можно было видѣть только ихъ тѣни". На томъ мѣстѣ, гдѣ были преданы смерти три помянутые выше мученика, великая княгиня Ульяна заложила храмъ во имя св. Троицы, и здѣсь потомъ нѣкоторое время покоились тѣла этихъ мучениковъ, признанныхъ святыми православною церковью. Ольгердъ, подобно Галицкимъ князьямъ, хлопоталъ, какъ мы видѣли, получить особаго митрополита для Западной Россіи, чтобы разъединить ее съ Москвою въ церковномъ отношеніи. Хлопоты эти при немъ еще не увѣнчались успѣхомъ. Преданіе говоритъ, что митрополитъ Алексѣй во время своихъ объѣздовъ по русскимъ областямъ посѣтилъ также Вильну и здѣсь лично освятилъ вновь построенный храмъ Пресвятыя Дѣвы (впослѣдствіи Пречистенскій соборъ).

За исключеніемъ помянутыхъ трехъ мучениковъ, сдѣлавшихся жертвою собственно Виленскихъ жрецовъ, не видно, чтобы православіе подвергалось гоненію отъ Литвы, и оно мирно, постепенно распространялось въ княжеской семьѣ и дружинѣ. Но рядомъ съ Русскимъ православіемъ уже давно вторгалось въ Литву Римское католичество, со стороны Польши и двухъ Нѣмецкихъ Орденовъ. А такъ какъ послѣдніе распространяли его мечомъ и огнемъ, порабощеніемъ и разореніемъ туземцевъ, то католичество слыло на Литвѣ подъ именемъ „Нѣмецкой вѣры" и было ненавистно народу. Возбужденію противъ католичества, вѣроятно, способствовало отчасти и распространявшееся на Литву вліяніе Русской гражданственности съ ея нерасположеніемъ къ папизму. Однако усилія Римской куріи и католическихъ сосѣдей, особенно Поляковъ, не оставались безплодны. И великіе князья Литовскіе, давая льготы многимъ нѣмецкимъ переселенцамъ, тѣмъ самымъ способствовали водворенію католичества въ своихъ городахъ, а иногда изъ политическихъ видовъ прямо ему покровительствовали, и даже въ минуты опасности отъ Нѣмцевъ принимали хотя на время католическую религію (Миндовгъ) или манили папскихъ агентовъ обѣщаніемъ принять ее (Гедиминъ и Кейстутъ). Въ Вильнѣ еще при Гединимѣ мы видѣли существованіе двухъ католическихъ монастырей; дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна; но въ началѣ Ольгердова княженія они, кажется, уже не существовали. Во вторую половину его

княженія католическіе монахи водворились здѣсь вновь, съ помощью одного изъ любимцевъ великаго князя, по имени Гаштольда.

Сей послѣдній, послѣ завоеванія Подоліи, былъ поставленъ старостою или намѣстникомъ въ Каменцѣ. Влюбленный въ дочь одного польскаго пана (Бучацкаго), онъ получилъ ея руку подъ условіемъ принятія христіанства по католическому обряду, и въ крещеніи названъ Петромъ. Потомъ Ольгердъ поставилъ его воеводою въ городѣ Вильнѣ. Петръ Гаштольдъ, сдѣлавшійся ревностнымъ католикомъ, призвалъ въ Вильну четырнадцать Францисканскихъ монаховъ и, съ дозволенія Ольгерда, заложилъ для нихъ монастырь Богородицы на своемъ дворѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ стоялъ дворецъ католическихъ епископовъ (нынѣ генералъ-губернаторскій), около 1365 года. Присутствіе этихъ монаховъ, занимавшихся, конечно, насажденіемъ католичества въ Литовской столицѣ, одновременно съ жестокими войнами противъ Нѣмцевъ, возбудило сильное неудовольствіе въ языческой толпѣ. Она воспользовалась однажды отсутствіемъ Ольгерда и Гаштольда, отправившихся въ походъ на Москву (въ 1368 г.), напала на монастырь и сожгла его. Семь монаховъ были убиты на мѣстѣ, а другіе семеро привязаны къ деревяннымъ крестамъ и пущены внизъ по Виліи, съ словами: „вы пришли къ намъ съ заката солнечнаго, — на западъ и ступайте“. По возвращеніи изъ похода, по жалобѣ Гаштольда, великій князь жестоко наказалъ гражданъ Вильны за возмущеніе и убійство монаховъ; говорятъ, было казнено тогда до пятисотъ человѣкъ. Очевидно, Ольгердъ на этотъ разъ чувствовалъ себя такъ крѣпко на престолѣ, что не опасался неудовольствія язычниковъ. Послѣ того Гаштольдъ опять призвалъ въ Вильну Францисканскихъ монаховъ; но построилъ имъ вновь монастырь Богородицы не на прежнемъ мѣстѣ, въ центрѣ Нижняго города, а на окраинѣ его, „на пескахъ“, гдѣ у него также былъ дворъ.

Самъ Ольгердъ умеръ не только въ православной вѣрѣ, но и принялъ передъ смертью схиму, по увѣщанію своей супруги Юліаніи и ея духовника печерскаго архимандрита Давида. Онъ былъ погребенъ въ помянутомъ выше храмѣ Пречистенскомъ, который, по словамъ Русской лѣтописи, былъ имъ самимъ построенъ. Несмотря на это христіанское погребеніе, если вѣрить другому извѣстію, Литовскіе язычники, съ своей стороны, справляли похороны великаго князя по своимъ старымъ обычаямъ; при чемъ сожгли на кострѣ много лошадей съ разными дорогими вещами.

Указанная выше записка неизвѣстнаго намъ Нѣмецкаго крестонос-

ца, посѣтившаго Вильну при Ольгердѣ во вторую половину его княженія, такъ описываетъ его наружность: „Князь имѣетъ величавый видъ, румяное, продолговатое лицо, большой носъ, глаза голубые и выразительные, брови густыя, свѣтлыя, бороду длинную, свѣтлорусую, съ просѣдью, такого же цвѣта волосы на головѣ, спереди уже выпавшіе, чело высокое. Онъ выше средняго роста, ни толстъ, ни худощавъ; говоритъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, отлично сидитъ на конѣ, но ходитъ немного прихрамывая на правую ногу, почему опирается на трость или на отрока. По-нѣмецки хорошо понимаетъ и можетъ объясняться, но въ бесѣдахъ съ нами всегда имѣетъ при себѣ переводчика". По словамъ той же записки, когда Ольгердъ не былъ въ походахъ, которые обыкновенно предпринималъ въ началѣ каждой весны, то лѣто проводилъ въ замкѣ Мѣдники, лежавшемъ на востокъ отъ Вильны (24).

Ольгердъ, несомнѣнно, въ высокой степени обладалъ тѣми качествами, которыми отличаются основатели и распространители какой-либо новой политической силы, новаго государства, выступавшаго на историческую сцену. Вмѣстѣ искусный, осторожный политикъ и неутомимый ратный вождь, умный организаторъ и ловкій дипломатъ, онъ является непосредственнымъ продолжателемъ Гедимина и, несмотря на многія препятствія, на необходимость одновременно вести борьбу съ сосѣдями въ разныхъ сторонахъ, успѣлъ почти докончить собраніе Западной Руси подъ Литовскою династіей и раздвинуть предѣлы Литовско-Русскаго государства отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Западнаго Буга до верхней Оки.

III.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ И НАЧАЛО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Смуты въ Ордѣ и вокняженіе Димитрія Ивановича.—Михаилъ Александровичъ Тверской.—Борьба Димитрія съ Михаиломъ Тверскимъ, Ольгердомъ Литовскимъ и Олегомъ Разанскимъ. — Кончина Алексѣя митрополита. — Сергѣй Радонежскій и основаніе Троицкой Лавры.—Митяй, Кипріанъ и другіе соискатели митрополичьяго престола.—Союзъ Сѣверовосточныхъ князей.—Пораженіе на Пьянѣ и побѣда на Вожѣ.—Дѣйствія Мамая.—Рѣшимость Димитрія и благословеніе его Сергіемъ.—Походъ Московскаго ополченія къ Дону. — Военный совѣтъ. — Волынскій Боброкъ и Владиміръ Храбрый.—Куликовская битва и ея значеніе.—Поведеніе князей Рязанскаго и Суздальскаго.—Тохтамышево нашествіе и вѣроломное разореніе Москвы.—Примиреніе съ Олегомъ Рязанскимъ и походъ Новгородскій.—Завѣщаніе и кончина Димитрія.—Его бояре.

Почти въ одно время съ кончиною Ивана II Московскаго произошла перемѣна въ Золотой Ордѣ. Свирѣпый отцеубійца Бердибекъ, въ свою очередь, палъ отъ руки заговорщиковъ вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ темникомъ Товлубіемъ (собственно Тоглубегомъ). Это убійство было началомъ „великой замятни" (по выраженію нашихъ лѣтописей), т.-е. цѣлаго ряда кровавыхъ переворотовъ: ханы, одинъ за другимъ, вступаютъ на престолъ черезъ трупы своихъ предшественниковъ. Въ это время могущество Золотой Орды, конечно, пошатнулось и стало клониться къ упадку. Послѣ Бердибека ордынскіе князья посадили на престолъ хана *Кулпу*; но, спустя шесть мѣсяцевъ, онъ уже былъ сверженъ и убитъ новымъ ханомъ *Неврусомъ*. Нѣкоторые Русскіе князья, по своей обязанности являться на поклонъ каждому новому хану и за новыми ярлыками, успѣли прибыть въ Орду при Кулпѣ и были свидѣтелями его сверженія. Другіе прибыли уже при Неврусѣ. Этому хану и пришлось рѣшать вопросъ о томъ, кому дол-

жно достаться великое княженіе Владимірское. Въ Ордѣ съѣхались князья Тверскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Суздальскіе и пр. Димитрій Ивановичъ Московскій, по своему малолѣтству, не явился лично, а прислалъ своихъ бояръ просить хана о ярлыкѣ на великое княженіе.

Какъ по смерти Симеона Гордаго соперникомъ его брату Ивану явился суздальскій князь Константинъ, такъ теперь соперникомъ Димитрію Московскому выступилъ сынъ Суздальскаго князя Димитрій Константиновичъ. Послѣ Константина его княженіе раздѣлилось между сыновьями: старшій Андрей взялъ Нижній Новгородъ, второй Димитрій получилъ Суздаль, а третьему Борису достался Городецъ. Но не старшій братъ Андрей Константиновичъ явился соискателемъ великаго княженія, а второй—Димитрій. Если вѣрить нѣкоторымъ нашимъ лѣтописцамъ, ханъ, недовольный отсутствіемъ Димитрія Московскаго, предложилъ это княженіе Андрею Константиновичу. Но тотъ по своему смирному характеру, не желая ссориться съ сильною Москвою, отказался и ограничился ярлыкомъ на собственное княженіе. Тогда честолюбивый братъ его Димитрій Нижегородскій началъ сильно хлопотать въ свою пользу, раздавая дары ханшѣ и ордынскимъ князьямъ. Въ этомъ случаѣ ему помогли Новгородцы, уже съ опасеніемъ смотрѣвшіе на возвышеніе Москвы. Ханъ склонился на его просьбу и далъ ему великое княженіе. Димитрій Константиновичъ прибылъ во Владиміръ, сопровождаемый ханскимъ посломъ, и сѣлъ на великомъ столѣ „не по отчинѣ и не по дѣдинѣ“, какъ выражается лѣтопись. Отсюда онъ послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ (1360). Но торжество его было непродолжительно.

Въ томъ же 1360 году на Волжскую или Сарайскую Орду пришелъ ханъ Синей или Заяицкой Орды Хидырь-бегъ; Неврусъ, преданный своими мурзами, былъ побѣжденъ и убитъ. Пришлось Русскимъ князьямъ опять ѣхать въ Орду на поклонъ хану *Хидырю;* въ числѣ ихъ на этотъ разъ былъ и Димитрій Московскій. Онъ успѣлъ благополучно выбраться въ обратный путь; но другіе князья Сѣверовосточной Руси были застигнуты въ Ордѣ новымъ кровавымъ переворотомъ: Хидырь-хана свергъ съ престола и убилъ собственный его сынъ *Темирхоза* (1361). Прошелъ еще съ небольшимъ мѣсяцъ, и новый отцеубійца былъ уже низверженъ. Начальникъ Донской орды темникъ Мамай выставилъ хана *Абдула.* Но у послѣдняго явилось нѣсколько соперниковъ; главнымъ изъ нихъ былъ братъ Хидырь-бега *Амуратъ*, котораго признали Сарайскіе мурзы и Волжская Орда. Русскіе князья

также склонились на сторону сего послѣдняго. Къ нему обратились оба Димитрія, Суздальскій и Московскій, за ярлыками на великое княженіе Владимірское. Амуратъ рѣшилъ дѣло въ пользу Москвы. Димитрій Ивановичъ собралъ войско, выгналъ Димитрія Константиновича изъ Переяславля и Владиміра и торжественно, т.-е. съ обычными обрядами, сѣлъ на великомъ Владимірскомъ столѣ (1362). Когда же къ нему въ Москву пріѣхалъ посолъ изъ Мамаевой Орды отъ хана Абдула и также привезъ ему ярлыкъ на великое княженіе, князь принялъ посла съ почетомъ и одарилъ. Узнавъ о томъ, Амуратъ сильно разгнѣвался и послалъ ярлыкъ Димитрію Константиновичу. Суздальскій князь снова поспѣшилъ занять Владимірскій столъ. На этотъ разъ онъ пробылъ во Владимірѣ только одну недѣлю. Явился Димитрій Московскій съ большимъ войскомъ, и не только изгналъ соперника изъ Владиміра, но послѣдовалъ за нимъ и осадилъ самый Суздаль. Димитрій Константиновичъ просилъ мира, и получилъ его, отказавшись навсегда отъ своихъ притязаній на великое княженіе (1363). Послѣ того и другіе князья Суздальской Руси снова признали верховенство Москвы (въ томъ числѣ Константинъ Ростовскій). А мелкихъ удѣльныхъ князей, Галицкаго Димитрія и Стародубскаго Ивана, великій князь за что-то выгналъ изъ ихъ удѣловъ, и тѣ удалились въ Нижній Новгородъ къ Андрею Константиновичу.

Въ слѣдующемъ 1364 году съ нижней Волги и Каспійскаго прибрежья Волжскимъ судовымъ путемъ занесена была въ Ростовско-Суздальскій край сильная моровая язва. Она выражалась у однихъ кровохарканіемъ, у другихъ пораженіемъ какихъ-либо железъ на тѣлѣ, послѣ чего на другой или на третій день человѣкъ умиралъ. Язва сначала появилась въ Нижнемъ Новгородѣ, а отсюда проникла въ земли Рязанскую, Московскую и Тверскую; повторилось почти такое же опустошеніе, какое, десять лѣтъ назадъ, причинила Черная Смерть. Много князей умерло во время этого повѣтрія. Въ числѣ ихъ находились младшій братъ Димитрія Московскаго Иванъ и Нижегородскій князь Андрей. Удѣлъ Ивана достался великому князю Димитрію; а Нижній Новгородъ сдѣлался предметомъ распри между Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ и младшимъ его братомъ Борисомъ Городецкимъ. Честолюбивый Борисъ, женатый на дочери Ольгерда Литовскаго, успѣлъ было захватить Нижній и выхлопотать ярлыкъ изъ Орды. Но тамъ продолжалась быстрая смѣна хановъ, и подобные ярлыки потеряли свою рѣшающую силу. Димитрій Константиновичъ, тоже доставшій себѣ ярлыкъ, обратился къ бывшему своему сопернику

Димитрію Московскому, уже какъ къ великому князю, и просилъ его помощи. Великій князь потребовалъ отъ Бориса, чтобы онъ уступилъ Нижній старшему брату. Борисъ упорствовалъ. Димитрій, руководимый митрополитомъ Алексѣемъ, прибѣгъ къ оружію духовному: изъ Троицкаго монастыря былъ вызванъ знаменитый игуменъ Сергій и отправленъ звать Бориса въ Москву для того, чтобы великій князь разсудилъ его споръ съ братомъ. Но Борисъ продолжалъ упорствовать. Тогда игуменъ Сергій, имѣя полномочіе отъ митрополита, затворилъ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ и прекратилъ богослуженіе. Между тѣмъ, митрополитъ заранѣе отчислилъ Нижній Новгородъ и Городецъ отъ епархіи суздальскаго владыки Алексѣя, который повидимому держалъ сторону младшаго брата. Наконецъ, Димитрій Московскій двинулъ свою рать на помощь Димитрію Константиновичу. Борисъ смирился, уступилъ Нижній брату и удалился въ свой Городецъ.

Въ слѣдующемъ 1366 году союзъ Московскаго князя съ Суздальскимъ былъ скрѣпленъ бракомъ пятнадцатилѣтняго Димитрія Ивановича съ младшею дочерью Димитрія Константиновича Евдокіею; свадьба была сыграна въ январѣ мѣсяцѣ въ городѣ Коломнѣ. А старшая ея сестра Марія была выдана за Николая Васильевича Вельяминова, одного изъ сыновей Московскаго тысяцкаго. Воротясь въ Москву, великій князь занялся возобновленіемъ своей столицы.

Около того времени страшный пожаръ опустошилъ Москву. Пожары случались въ ней довольно часто; но „Всесвятскій“ пожаръ, происшедшій лѣтомъ 1365 года, былъ самый ужасный. Онъ названъ такъ потому, что начался около церкви Всѣхъ Святыхъ. Стояла очень сухая, знойная погода; вдругъ поднялась буря съ сильнымъ вихремъ и разметала головни по всему городу; въ одномъ мѣстѣ гасили, а въ десяти загоралось, такъ что не успѣвали ничего спасти изъ имущества; погибло много людей. Въ два часа времени выгорѣлъ весь городъ, т.-е. всѣ три его части: Кремль, Посадъ и Зарѣчье. При возобновленіи Москвы, Димитрій и его двоюрный братъ Владиміръ Андреевичъ рѣшили, вмѣсто прежнихъ дубовыхъ стѣнъ Кремля, построить каменныя; для чего въ теченіе зимы заготовленъ былъ камень, а весною начали ставить стѣны и башни. Вскорѣ этимъ каменнымъ стѣнамъ пришлось сослужить свою службу.

Неустройства въ Ордѣ и междоусобія за ханскій престолъ продолжались. Пользуясь ими, нѣкоторые татарскіе вельможи и царевичи начали отдѣляться отъ Золотой Орды и основывать свои особыя владѣнія. Такъ, мурза Тагай основалъ особое татарское владѣніе въ Мор-

довской землѣ и сдѣлалъ своей столицей городъ Наровчатъ. Онъ производилъ нападенія и грабежи въ сосѣднихъ предѣлахъ Рязанскихъ; въ 1365 г. съ Татарами и Мордвою напалъ на самый Переяславль Рязанскій, взялъ его, сжегъ и разграбилъ; но на обратномъ пути потерпѣлъ пораженіе отъ князей Олега Рязанскаго и Владиміра Пронскаго. Въ странѣ Камскихъ Болгаръ утвердился ордынскій князь Булатъ Темиръ, который началъ грабить сосѣдніе предѣлы Суздальской земли; но (въ 1367 г.) потерпѣлъ пораженіе отъ соединенныхъ силъ Димитрія Константиновича и брата его Бориса на берегахъ рѣки Пьяны и бѣжалъ въ Золотую Орду, гдѣ былъ умерщвленъ по приказу хана *Азиса* (преемника Амуратова). На мѣсто Булатъ Темира въ странѣ Болгаръ утвердился было новый ханъ Гасанъ; но Суздальскіе князья, въ сопровожденіи посла Азисова, ходили на Гасана; свергли его и поставили княземъ той страны другого татарскаго царевича (1370). Такимъ образомъ, благодаря Ордынскимъ междоусобіямъ, Русскіе начали мало-по-малу безнаказано бить самихъ Татаръ, вмѣшиваться въ ихъ взаимныя отношенія и подготовлять способы къ сверженію ига ([25]).

Но прежде нежели дошла очередь до открытой борьбы съ Ордою, Москвѣ вновь пришлось возобновить упорную борьбу съ своей старой соперницей Тверью, а отчасти и съ другою сосѣдкой, съ Рязанью.

Въ Тверской землѣ около того времени выступилъ замѣчательный князь въ лицѣ Михаила Алаксандровича, одного изъ сыновей казненнаго въ Ордѣ Александра Михайловича. Этотъ Михаилъ Александровичъ родился въ ту пору, когда отецъ его проживалъ изгнанникомъ въ Псковѣ, и его воспріемникомъ отъ купели былъ новгородскій архіепископъ Василій, пріѣзжавшій тогда во Псковъ по своимъ дѣламъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ Михаилъ осиротѣлъ; мать отправила его на воспитаніе въ Новгородъ къ крестному отцу, владыкѣ Василію, подъ руководствомъ котораго мальчикъ выучился грамотѣ, полюбилъ чтеніе книгъ и благочестіе. Пребываніе въ Новгородѣ, по всей вѣроятности, имѣло и другое вліяніе на юнаго княжича: близкое знакомство съ бытомъ и складомъ бойкой гражданской жизни вольнолюбиваго города подѣйствовало на его впечатлительную, даровитую природу и способствовало развитію его политическаго смысла. Недаромъ впослѣдствіи онъ явился достойнымъ соперникомъ Димитрія Донского и умѣлъ пріобрѣсти такую привязанность своихъ Тверитянъ.

Михаилъ Александровичъ получилъ въ удѣлъ городъ Микулинъ и, пока живъ былъ его старшій братъ Всеволодъ Холмскій, конечно, дѣйствовалъ съ нимъ за одно противъ ихъ дяди Василія Кашинскаго,

владѣвшаго великимъ столомъ Тверскимъ. Помянутая выше моровая язва 1364 года произвела большое опустошенiе и въ средѣ Тверского княжескаго дома. Кромѣ матери Михаила, вдовой великой княгини Настасьи, отъ нея умерли три его родные брата, въ томъ числѣ Всеволодъ Холмскiй, и еще двоюродный Семенъ Константиновичъ. Важно то, что этотъ Семенъ Константиновичъ, помимо родного брата Еремѣя, отказалъ свой Дорогобужскiй удѣлъ двоюродному брату Михаилу Александровичу Микулинскому; ему же „приказалъ“ и свою княгиню (т.-е. поручилъ его попеченiю). Еремѣй изъявилъ притязанiя на Дорогобужскiй удѣлъ; его сторону принялъ и старшiй въ семьѣ дядя Василiй, великiй князь Тверской (прежде Кашинскiй). За рѣшенiемъ спора обратились въ Москву къ третейскому суду митрополита Алексѣя. „По митрополичью благословенiю“, дѣло разбиралъ тверской владыка Василiй и рѣшилъ его въ пользу Михаила. Еремѣй и дядя Василiй обратились въ Москву съ жалобой на неправильное рѣшенiе и просили помощи противъ усилившагося Микулинскаго князя, который имѣлъ опору въ своемъ шуринѣ Ольгердѣ Литовскомъ. Любопытно, что жители самой Твери приняли сторону Михаила и, повидимому, хотѣли посадить его у себя вмѣсто Василiя Кашинскаго. Москва воспользовалась случаемъ дѣятельно вмѣшаться въ дѣла Тверского княженiя, чтобы рѣшительно подчинить его своему влiянiю.

Великiй князь юный Димитрiй и митрополитъ Алексѣй позвали Михаила Александровича въ Москву на третейскiй судъ съ его двоюроднымъ братомъ Еремѣемъ. Михаилъ прiѣхалъ. Но здѣсь, когда онъ не хотѣлъ отступиться отъ спорнаго удѣла, его схватили и заключили подъ стражу вмѣстѣ съ его боярами. Хотя, спустя немного времени, по случаю прiѣзда Ордынскихъ пословъ, Михаила отпустили изъ Москвы, но причиненное насилiе, очевидно, зажгло въ немъ сильную къ ней вражду. Вскорѣ потомъ, по смерти дяди Василiя (1368), Михаилъ наслѣдовалъ великiй столъ Тверской, и отсюда началась его упорная борьба съ Димитрiемъ Московскимъ. Даже соединивъ въ своихъ рукахъ большую часть Тверской земли, Михаилъ не былъ въ состоянiи бороться съ Москвою безъ посторонней помощи. Онъ обратился за нею къ своему шурину Ольгерду Литовскому. Склоненный сестрою его, а своею супругою Ульяною, тотъ не отказалъ ему, и отсюда произошло первое военное столкновенiе между двумя собирательницами Руси.

Ольгердъ, сообща съ Михаиломъ, предпринималъ три похода на Москву. По своему обычаю, онъ старался дѣйствовать быстротою и неожиданностью. Въ первый свой походъ Литовскiй великiй князь,

явясь внезапно въ Московскихъ предѣлахъ, разбилъ сторожевой полкъ на рѣкѣ Тростнѣ (Рузскаго уѣзда), и затѣмъ двинулся на самую Москву. Димитрій затворился въ Кремлѣ и предварительно велѣлъ сжечь посадъ, чтобы въ немъ не укрѣпился непріятель. Незадолго выстроенныя, каменныя стѣны Кремля оказали надежную защиту, и Ольгердъ, постоявъ дня три подъ Москвою, ушелъ назадъ, ограничившись грабежомъ и разореніемъ окрестныхъ селъ и монастырей. Это было первое непріятельское нашествіе въ глубь Московской земли со времени вокняженія Ивана Калиты; уже болѣе сорока лѣтъ Москва пользовалась отдыхомъ отъ подобныхъ разореній. Московскій князь послѣ того отступился было отъ вмѣшательства въ споры между Михаиломъ и нѣкоторыми Тверскими удѣльными князьями; но не надолго. Спустя года два, Димитрій напалъ на Тверское княжество и отплатилъ ему разореніемъ нѣкоторыхъ городовъ. Михаилъ ушелъ опять въ Литву, и опять при содѣйствіи сестры упросилъ Ольгерда о помощи. Съ Литовскимъ княземъ, какъ и въ первый разъ, кромѣ Тверичей пошла и Смоленская рать. Опять союзники осадили Москву, но не могли взять города, а только пожгли посады и опустошили окрестности. Услыхавъ, что двоюродный братъ Димитрія Владиміръ Андреевичъ стоитъ въ Перемышлѣ и собираетъ рать, осторожный Ольгердъ поспѣшно заключилъ перемиріе и ушелъ домой (1370). Въ слѣдующемъ году это перемиріе было скрѣплено бракомъ Владиміра Андреевича съ дочерью Ольгерда Еленою.

Ободренный успѣхомъ, Михаилъ Тверской отправился въ орду Мамаеву и тамъ испросилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское; такимъ образомъ онъ возобновилъ старыя притязанія Твери на старшинство. Но въ Москвѣ уже не обращали большого вниманія на ханскіе ярлыки; когда Михаилъ съ ордынскимъ посломъ Сарыхожею прибылъ къ Владиміру, граждане не впустили его въ городъ, и онъ со стыдомъ долженъ былъ удалиться въ Тверь. А Сарыхожу Димитрій пригласилъ въ Москву и дарами склонилъ его на свою сторону. Затѣмъ Димитрій самъ отправился въ Орду, гдѣ не щадилъ денегъ, и Мамай, довольный его покорностью, снова утвердилъ за нимъ великое княженіе Владимірское. Хотя хлопоты въ Ордѣ дорого обошлись Димитрію и онъ вошелъ въ большіе долги, однако, ясно было, что Москва богаче Твери и легче могла покупать нужные ярлыки. Мало того, Димитрій при этомъ выкупилъ сына Михаилова Ивана, который задолжалъ въ Ордѣ 10.000 рублей, отстаивая передъ ханомъ старшинство своего отца. Московскій князь взялъ съ собою Ивана Михаиловича въ

Москву и держалъ подъ стражею, пока отецъ не заплатилъ долга. Въ происшедшей затѣмъ новой войнѣ Михаила съ Димитріемъ дѣятельное участіе приняли и Новгородцы: они начали теперь опасаться вновь возраставшаго усиленія Тверского князя, который хотѣлъ посадить въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ и возобновилъ притязанія на нѣкоторыя сосѣднія Новгородскія земли. На сторонѣ Москвы оказался и удѣльный князь Кашинскій. Но на помощь Михаилу въ третій разъ явился Ольгердъ. Они соединились и опять пошли на Москву. На этотъ разъ имъ не удалось застать Димитрія врасплохъ. Молодой Московскій князь, очевидно, уже пріобрѣлъ опытность и началъ обнаруживать свои военныя способности. Димитрій Ивановичъ вышелъ имъ навстрѣчу и разбилъ сторожевой литовскій полкъ. Ольгердъ поспѣшно отступилъ и остановился за однимъ крутымъ оврагомъ. Тутъ нѣсколько дней противники стояли въ виду другъ друга; потомъ снова помирились и разошлись (1372).

Борьба Михаила съ Димитріемъ однако не кончилась. Московскій князь снова вмѣшался въ Тверскія дѣла по поводу распри Михаила съ его двоюроднымъ племянникомъ княземъ Кашинскимъ. Вражду подожгли, кромѣ того, два московскихъ перебѣжчика. Въ сентябрѣ 1374 года скончался въ Москвѣ „послѣдній" тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ; передъ смертью онъ постригся и погребенъ въ монастырѣ Богоявленія. Великій князь не назначилъ ему преемника, конечно находя этотъ древній санъ, возбуждавшій зависть и интриги бояръ, болѣе ненужнымъ и неудобнымъ для своей столицы. Одинъ изъ сыновей покойнаго, Иванъ Васильевичъ, вѣроятно обманувшійся въ своей надеждѣ наслѣдовать дѣдовскій и отцовскій санъ, отъѣхалъ въ Тверь, за нимъ послѣдовалъ нѣкто Некоматъ *Сурожанинъ*, т.-е. одинъ изъ купцовъ, торговавшихъ южными товарами, приходившими изъ Черноморья. Эти переметчики взялись выхлопотать Михаилу въ Ордѣ новый ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, и Некоматъ лѣтомъ 1375 года дѣйствительно привезъ ярлыкъ отъ Мамая съ обѣщаніемъ прислать на помощь татарское войско. Въ надеждѣ на Татаръ и Литву, Михаилъ опять объявилъ войну Димитрію и двинулъ свою рать на Угличъ. Понимая опасность, Димитрій сталъ дѣйствовать съ замѣчательною быстротою. Онъ собралъ подручныхъ себѣ князей, числомъ болѣе двадцати, и, не теряя времени на осаду другихъ городовъ, прямо пошелъ на Тверь, которую обложилъ на обоихъ берегахъ Волги, построивъ черезъ нее два моста. На помощь ему приспѣли и Новгородцы, озлобленные на Тверского князя за жестокое разореніе Торжка въ пред-

шествующую войну. Начались усердные приступы. Но тутъ Михаилъ Александровичъ также обнаружилъ замѣчательную энергію: онъ отбилъ всѣ приступы и дѣлалъ удачныя вылазки. Преданные ему Тверитяне мужественно отстаивали своего князя и собственную самобытность отъ своей соперницы Москвы. Цѣлый мѣсяцъ Тверь уже находилась въ жестокой осадѣ, а помощь не являлась ни отъ Орды, ни отъ Литвы; городу грозилъ неизбѣжный голодъ. Михаилъ смирился и ударилъ челомъ Димитрію о мирѣ, который и получилъ. По заключенной между ними договорной грамотѣ, Тверской князь призналъ себя младшимъ братомъ Московскаго, равнымъ удѣльному князю Владиміру Андреевичу; обязался давать военную помощь Димитрію и отказался отъ всякихъ притязаній на великое княженіе Владимірское и Новгородъ Великій. Кашинскій князь по этой грамотѣ признанъ независимымъ отъ Тверского. Послѣдній отказывался также отъ союза съ Литвою. Въ случаѣ какого порубежнаго спора между Тверскимъ и Московскимъ княземъ, обѣ стороны признавали своимъ третейскимъ судьею великаго князя рязанскаго Олега Ивановича.

Такъ окончилась достопамятная борьба Михаила Тверского съ Димитріемъ Московскимъ побѣдою послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, Михаилъ сумѣлъ отстоять цѣлость и самостоятельность своего княженія; вскорѣ онъ снова воротилъ подъ свою руку и Кашинскій удѣлъ ([26]).

Другимъ достойнымъ соперникомъ Димитрію Московскому явился Олегъ Рязанскій, который своими талантами, энергіей и умѣньемъ привязать къ себѣ населеніе не уступалъ Михаилу Тверскому. Онъ также выступилъ усерднымъ бойцомъ за самобытность своего родового княжества, т.-е. за независимость его отъ сильной Москвы. Но въ первые годы княженія Димитрія мы видимъ Олега въ числѣ его союзниковъ. Такъ, въ 1379 году, во время второго нашествія Ольгерда на Москву, Рязанскіе и Пронскіе полки отправлены были ей на помощь; впрочемъ они не пошли далѣе своихъ границъ и дѣйствительной помощи не оказали. Вслѣдъ за тѣмъ (а можетъ быть и вслѣдствіе того) союзники разссорились, и Димитрій Московскій послалъ на Олега войско подъ начальствомъ боярина Димитрія Михаиловича Волынскаго. Олегъ бодро выступилъ ему навстрѣчу.

Рязанцы уже успѣли позабыть неудачи прежнихъ войнъ съ Москвитянами; первыя двадцать лѣтъ Олегова княженія пробудили въ нихъ сознаніе собственныхъ силъ и они заранѣе обнаружили увѣренность въ побѣдѣ. По словамъ непріязненнаго имъ сѣвернаго лѣтописца, „Рязанцы, свирѣпые и гордые люди, до того вознеслись умомъ, что въ

безуміи своемъ начали говорить другъ другу: не берите съ собою доспѣховъ и оружія, а возьмите только ремни и веревки, чѣмъ было бы вязать робкихъ и слабыхъ Москвичей. Послѣдніе, напротивъ, шли со смиреніемъ и воздыханіемъ, призывая Бога на помощь. И Господь, видя ихъ смиреніе, Москвичей вознесъ, а гордость Рязанцевъ унизилъ". Рѣшительная битва произошла недалеко отъ Переяславля-Рязанскаго, на мѣстѣ, называвшемся Скорнищево (1371 г.). „Тщетно махали Рязанцы веревочными и ременными петлями, — продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ;—они падали какъ снопы и были убиваемы какъ свиньи". Москвичи одолѣли, и Олегъ Ивановичъ едва убѣжалъ съ малою дружиною. Ременныя и веревочныя петли, о которыхъ здѣсь упоминается, вѣроятно были не что иное, какъ арканы, употребляемые Рязанцами по примѣру ихъ степныхъ сосѣдей. Они-то, конечно, и подали лѣтописцу поводъ говорить о легкомысліи Рязанцевъ, будто бы не хотѣвшихъ брать съ собою оружія и собиравшихся прямо вязать Москвитянъ веревками.

Послѣ того Москвичи посадили на Рязанскомъ столѣ двоюроднаго брата Олегова Владиміра Дмитріевича, удѣльнаго князя Пронскаго. Очевидно, Москва воспользовалась старыми неладами между Рязанью и Пронскомъ, и Пронскій князь занялъ Рязанскій столъ какъ подручникъ великаго князя Московскаго. Но Олегъ вскорѣ изгналъ Владиміра изъ Переяславля-Рязанскаго и воротилъ себѣ старшій столъ. Вниманіе Димитрія въ то время было занято возобновившеюся борьбою съ Михаиломъ Тверскимъ и Ольгердомъ Литовскимъ. При томъ и Ордынскія отношенія близились къ развязкѣ. Димитрій нуждался въ союзникахъ; поэтому онъ примирился съ Олегомъ, и даже вошелъ съ нимъ въ дружескія связи. Выше мы видѣли, что договорная грамота 1375 года признаетъ великаго князя Рязанскаго Олега третейскимъ судьею въ спорныхъ дѣлахъ между Москвою и Тверью ([27]).

Спустя около двухъ лѣтъ по замиреніи Москвы съ Тверью, сошелъ въ могилу великій князь Литовскій и Западнорусскій Ольгердъ (1377); его смерть повлекла за собою важныя перемѣны и событія. Великимъ княженіемъ Литовскимъ завладѣлъ средній его сынъ Ягелло. Обиженный послѣднимъ, старшій сынъ Андрей, княжившій дотолѣ въ Полоцкѣ, ушелъ во Псковъ, жители котораго и посадили его на своемъ столѣ; при чемъ Андрей призналъ себя подручникомъ Димитрія Ивановича. Московскій князь спѣшилъ воспользоваться наступившими въ Литвѣ смутами, чтобы отнять у нея нѣкоторыя волости въ Сѣверской землѣ. Московское войско, предводимое Владиміромъ Андрееви-

чемъ Серпуховскимъ, Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ и тѣмъ же Андреемъ Ольгердовичемъ, завоевало города Трубчевскъ и Стародубъ (1379); при чемъ другой сынъ Ольгерда, Димитрій Трубчевскій, не только не оказалъ сопротивленія, но, по примѣру брата Андрея, съ своимъ семействомъ и дружиною вступилъ въ службу великаго князя Димитрія и получилъ отъ него въ намѣстничество Переяславль-Залѣсскій.

На слѣдующій годъ послѣ Ольгерда скончался знаменитый митрополитъ и великій подвижникъ русскій Алексѣй. Его руководство Московскою политикою при великомъ князѣ Иванѣ Красномъ и въ малолѣтство Димитрія Ивановича, его усердная патріотическая дѣятельность въ пользу объединенія Сѣверовосточной Руси подъ верховенствомъ Москвы сообщаютъ ему въ Русской исторіи значеніе подобное тому, какое имѣетъ во Французской знаменитый кардиналъ Ришельё. Во-первыхъ, онъ строго наблюдалъ за сохраненіемъ мира и согласія въ самомъ княжескомъ семействѣ; такъ мы видимъ нѣсколько договорныхъ грамотъ, заключенныхъ при его посредствѣ между Димитріемъ Ивановичемъ и двоюроднымъ братомъ послѣдняго Владиміромъ Андреевичемъ. Этими грамотами улаживались возникавшіе вопросы о волостяхъ и скрѣплялись новыми клятвами дружба и согласіе князей; при чемъ Владиміръ постоянно обязывается повиновеніемъ великому князю, котораго имѣетъ себѣ „въ отца мѣсто". Во-вторыхъ, при столкновеніяхъ Московскаго князя съ другими русскими князьями Алексѣй не только рѣшительно принималъ сторону перваго, но иногда противъ его соперниковъ употреблялъ церковное оружіе и всю силу своей духовной власти. Мы видѣли, что во время спора двухъ братьевъ Константиновичей, онъ посылалъ игумена Сергія въ Нижній-Новгородъ съ полномочіемъ затворить тамъ церкви и прекратить богослуженіе, а изъ вѣдѣнія епископа Суздальскаго отписалъ при этомъ Нижегородскую область за то, что онъ держалъ сторону, противную Москвѣ. Мы видѣли, какъ усердіе свое къ сей послѣдней св. Алексѣй простеръ до того, что допустилъ взятіе подъ стражу тверского князя Михаила, положившагося на третейскій судъ митрополита и лично прибывшаго въ Москву. А когда вслѣдъ затѣмъ (въ 1368 г.) возникла война съ Ольгердомъ и смоленскій князь Святославъ явился въ ней соратникомъ Литовскаго князя, вопреки предшествовавшему клятвенному договору своему съ Димитріемъ, то митрополитъ предалъ Святослава церковному отлученію. Такъ же поступилъ онъ и съ нѣкоторыми другими князьями, измѣнившими подобному договору.

Понятно, что противники Москвы, въ свою очередь, возненавидѣли Алексѣя, особенно Ольгердъ Литовскій и Михаилъ Тверской. Они неоднократно обращаются съ жалобами на него въ Константинополь къ патріарху. „Донынѣ не было такого митрополита, каковъ сей митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови! — писалъ Ольгердъ патріарху Филоѳею въ 1371 г.—И ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе?... Подобало митрополиту благословлять Москвитянъ, чтобы намъ помогали, такъ какъ мы ратуемъ за нихъ съ Нѣмцами. А мы зовемъ митрополита къ себѣ, и онъ нейдетъ къ намъ". Въ силу такого поведенія Алексѣя, Ольгердъ проситъ патріарха назначить отдѣльнаго митрополита для Русскихъ областей, подвластныхъ Литвѣ, также и для тѣхъ, гдѣ сидѣли шуринъ его (Михаилъ Тверской) и его зятья (Борисъ Суздальскій и Иванъ Новосильскій).

Еще прежде Ольгерда польскій король Казиміръ, завладѣвшій Галичемъ, требовалъ у того же патріарха назначить особаго митрополита для *Малой Россіи*, грозя, въ противномъ случаѣ, обратить подвластную себѣ Русь въ латинство. Въ виду такой угрозы, патріархъ дѣйствительно поставилъ нѣкоего епископа Антонія особымъ митрополитомъ въ Галичъ съ подчиненіемъ ему епархій Холмской, Туровской, Перемышльской и Владиміро-Волынской. Этотъ примѣръ, конечно, поощрялъ и Ольгерда въ его стремленіи получить особаго митрополита. Но Византійскія власти, свѣтская и духовная, медлили исполнить его просьбу: хотя они писали въ Москву о его жалобахъ, но, очевидно, старались поддержать единство Русской церкви, и не желали оскорбить митрополита Алексѣя и великаго князя Димитрія, отъ которыхъ приходили въ Царьградъ посольства съ отвѣтными грамотами и богатыми дарами. Наконецъ (въ 1373 г.), патріархъ Филоѳей отправилъ въ Россію своимъ посломъ инока Кипріана, родомъ Серба, чтобы онъ, разобравъ взаимныя жалобы Ольгерда и митрополита Алексѣя, постарался ихъ примирить. Но хитрый, честолюбивый Кипріанъ воспользовался этимъ посольствомъ, чтобы себѣ самому проложить дорогу къ Русскому митрополичьему престолу. Онъ сумѣлъ сначала войти въ довѣріе къ Алексѣю и успокоить его разными обѣщаніями, а потомъ отправился въ Литву и подольстился къ Ольгерду. Кипріанъ воротился въ Царьградъ съ грамотами (неизвѣстно, подлинными или подложными), въ которыхъ Литовскіе князья настоятельно просили поставить

его митрополитомъ. Патріархъ на этотъ разъ уступилъ, и рукоположилъ Кипріана въ митрополита Кіевскаго и Литовскаго съ правомъ распространить свою власть и на Восточную Россію по смерти Алексѣя. Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, и тутъ выжидалъ кончины Московскаго святителя. Такимъ образомъ, въ Русской церкви оказалось тогда три митрополита въ одно время.

Святитель Алексѣй, достигшій глубокой старости, въ виду приближавшейся кончины, желалъ имѣть своимъ преемникомъ, подобнаго себѣ русскаго подвижника и патріота, игумена Сергія Радонежскаго. Но пора намъ разсказать, хотя вкратцѣ, происхожденіе и жизнь этого игумена. Если политическую дѣятельность митрополита Алексѣя мы сравнили съ Ришельё, то патріотическія заслуги Сергія Радонежскаго даютъ ему значеніе русскаго аббата Сугерія.

Жилъ въ Ростовской области нѣкто бояринъ Кириллъ съ своею супругою Маріею. Прежде они были знатны и богаты, а потомъ обѣднялн вслѣдствіе татарскихъ разореній и тяжкихъ даней въ Орду, а также неурожаевъ и другихъ несчастій. Когда же Ростовская область подверглась притѣсненіямъ отъ воеводъ, присланныхъ Иваномъ Калитою, Кириллъ и Марія покинули прежнее мѣстожительство и переселились въ городокъ Радонежъ, лежавшій въ Московской области, въ удѣлѣ младшаго сына Калиты Андрея. Вмѣстѣ съ ними сюда переселились и нѣкоторыя другія ростовскія семьи, привлекаемыя разными льготами и добрымъ управленіемъ намѣстника Терентія Ртища. У Кирилла и Маріи было три сына: Стефанъ, Варфоломей и Петръ. Средній изъ нихъ, Варфоломей (будущій игуменъ Сергій), родился около 1320 года; въ дѣтствѣ своемъ онъ не отличался большими способностями и, когда настало время учиться грамотѣ, отставалъ отъ своихъ братьевъ. Но потомъ терпѣніемъ и трудомъ (а по словамъ житія, молитвою одного старца-инока) развилъ свой смыслъ и полюбилъ чтеніе священныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ благочестіемъ у него возрастала охота къ иноческой жизни. Братья его женились; Варфоломей же просилъ родителей отпустить его въ монастырь. Не получая на то согласія, онъ только послѣ ихъ кончины исполнилъ свое завѣтное желаніе. Между тѣмъ, старшій братъ Стефанъ, овдовѣвъ, сдѣлался монахомъ Хотькова Покровскаго монастыря. Варфоломей передалъ младшему брату Петру все оставшееся послѣ родителей имѣніе, и ушелъ къ брату Стефану въ Хотьковъ монастырь, лежавшій неподалеку отъ Радонежа. Въ этомъ монастырѣ были погребены ихъ родители Кириллъ и Марія, передъ смертью принявшіе иноческій чинъ.

Варфоломей, жаждавшій молитвеннаго уединенія, упросилъ брата Стефана поискать съ нимъ такое мѣсто, гдѣ можно было бы основать пустынножительство. Послѣ разныхъ поисковъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, они нашли удобное мѣсто неподалеку отъ Хотькова, верстахъ въ 10 или 12 отъ Радонежа, на овражистыхъ берегахъ рѣчки Кончуры, посреди глухаго бора. Здѣсь они срубили келію и маленькую церковь, которая, съ соизволенія митрополита Ѳеогноста, и была освящена во имя Живоначальной Троицы. Это происходило въ началѣ княженія Симеона Гордаго. Въ такомъ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ братья терпѣли крайній недостатокъ въ пропитаніи и прочихъ предметахъ жизни. Старшій, Стефанъ, недолго оставался тутъ и отправился въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Богоявленскій монастырь, что на Большомъ посадѣ (въ Китай-городѣ). Тутъ онъ сдружился съ инокомъ Алексѣемъ, впослѣдствіи знаменитымъ митрополитомъ, вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣлъ благоволеніе Ѳеогноста и былъ потомъ поставленъ игумномъ Богоявленскаго монастыря. Великій князь Симеонъ Ивановичъ сдѣлалъ Стефана своимъ духовникомъ; а примѣру великаго князя послѣдовали его ближніе бояре Василій Протасьевичъ Вельяминовъ съ братомъ Ѳеодоромъ и другіе. Это придворное значеніе Стефана, конечно, не осталось безъ вліянія на судьбу основанной имъ съ братомъ отдаленной Троицкой обители и на будущія дружескія отношенія Алексѣя митрополита съ Сергіемъ Радонежскимъ.

Варфоломей оставался непоколебимъ въ своемъ лѣсномъ уединеніи. Онъ принялъ иноческое постриженіе съ именемъ Сергія; изнурялъ свою плоть постомъ и непрерывными трудами, съ терпѣніемъ переносилъ всѣ лишенія и опасности отъ хищныхъ звѣрей, ибо въ томъ же лѣсу обитали многіе волки и медвѣди. Одного медвѣдя подвижникъ даже приручилъ къ себѣ, раздѣляя съ нимъ свою скудную пищу; для него онъ ежедневно отлагалъ хлѣбъ на извѣстномъ пнѣ. Когда былъ недостатокъ въ пищѣ, святой самъ терпѣлъ голодъ, но кормилъ медвѣдя, который за то показывалъ ему привязанность. Прошло года два или три въ такомъ уединеніи. Слухъ о пустынномъ подвижникѣ сталъ распространяться. Къ нему начали приходить иноки и проситься въ сожительство. Волей-неволей онъ долженъ былъ согласиться на ихъ просьбу. Собравшаяся братія построила себѣ келліи и начала отправлять ежедневную службу въ церкви, но не литургію, такъ какъ не было священника. Наконецъ, по усиленной просьбѣ братіи, Сергій согласился принять на себя

санъ священника и игумна. Для посвященія онъ отправился въ Переяславль къ епископу Аѳанасію Волынскому, который въ то время управлялъ церковными дѣлами за отсутствіемъ митрополита Алексѣя, ѣздившаго въ Царьградъ. Епископъ совершилъ посвященіе Сергія. Какъ настоятель обители Сергій сильно напоминалъ св. Ѳеодосія Печерскаго, котораго житіе, безъ сомнѣнія, было ему извѣстно и послужило для него образцомъ. Онъ, въ свою очередь, также служилъ братіи примѣромъ строгаго воздержанія и неутотимаго труда; также исполнялъ самъ всѣ монастырскія работы, т.-е. рубилъ дрова, носилъ воду, мололъ жито, сѣялъ муку, пекъ просфоры, варилъ кутью; носилъ бѣдную одежду, покрытую заплатами; также строго наблюдалъ въ обители благочестіе, для чего ночью обходилъ келліи, и, если слышалъ веселые разговоры и смѣхъ, то на утро призывалъ къ себѣ провинившихся и увѣщевалъ ихъ, но обыкновенно безъ гнѣва и суровости, а тихими, кроткими словами. Хотя Сергій не отвергалъ никого изъ приходящихъ къ нему, но всегда медлилъ постриженіемъ, давая послушнику время испытать себя и привыкнуть къ монастырскому житію.

Между тѣмъ, начались приношенія и вклады отъ разныхъ христолюбцевъ; нѣкоторые приходящіе иноки отдавали въ монастырь свое имущество. Обитель украсилась новымъ, болѣе просторнымъ, храмомъ и разными постройками. Въ окрестностяхъ ея стали селиться многіе крестьяне и обрабатывать землю. Изъ Москвы богомольцами, торговыми и служилыми людьми проложенъ былъ въ Троицкую обитель торный путь, который отсюда направился и далѣе въ старые сѣверные города, Переяславль и Ростовъ. Слухъ о св. подвижникѣ и его монастырѣ достигъ Царьграда, и патріархъ Филоѳей прислалъ Сергію крестъ и схиму съ грамотой, въ которой совѣтовалъ ему устроить въ своей обители общежитіе. Игуменъ, съ благословенія митрополита Алексѣя, исполнилъ желаніе патріарха. Все монастырское имущество составляло собственность братіи; никто не могъ имѣть своего отдѣльнаго достоянія. Учреждены были должности келаря, подкеларника, уставщика; распредѣлены обязанности трапезниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, служителей больнымъ. Кромѣ того, Сергій устроилъ при монастырѣ странноиріимство, гдѣ получали пристанище нищіе и убогіе богомольцы. Въ это время, т.-е. въ княженіе Димитрія Ивановича, св. игуменъ уже пользовался большимъ уваженіемъ при великокняжескомъ дворѣ и особымъ расположеніемъ митрополита Алексѣя. Они совокупно заботились о распространеніи и процвѣтаніи въ Рос-

сіи монашескаго чина, и Троицкая обитель сдѣлалась тогда митрополіей или разсадникомъ значительнаго числа сѣверорусскихъ монастырей.

Упомянемъ только важнѣйшіе изъ нихъ.

Старшій братъ Сергія, Стефанъ, оставилъ свое игуменство въ столичномъ Богоявленскомъ монастырѣ и удалился въ Троицкую обитель къ меньшому брату. Но, кажется, Стефанъ не отличался кротостію и смиреніемъ и неохотно подчинялся настоятельству меньшого брата въ монастырѣ, которому основаніе они положили вмѣстѣ. По крайней мѣрѣ, однажды за вечерней, стоя на клиросѣ, Стефанъ по какому-то поводу спросилъ канонарха (уставщика): «Кто тебѣ велѣлъ взять эту книгу?"—„Игуменъ Сергій", отвѣчалъ монахъ.—„Кто тутъ игуменъ? Не я ли первый сѣлъ на этомъ мѣстѣ и церковь воздвигъ?"—возразилъ Стефанъ и прибавилъ къ тому еще нѣсколько запальчивыхъ словъ. Преподобный Сергій въ то время священнодѣйствовалъ въ алтарѣ и слышалъ эти слова. Послѣ вечерни, когда братія собралась въ трапезу на ужинъ, онъ, не сказавъ никому ни слова, ушелъ изъ монастыря. Обходивъ разныя пустыни, Сергій остановился на рѣкѣ Киржачѣ и тамъ, съ помощью своихъ почитателей, основалъ новую обитель во имя Благовѣщенія. Но потомъ, уступая просьбамъ Троицкой братіи и убѣжденіямъ митрополита Алексѣя, воротился въ свой монастырь, а управленіе Киржачскимъ поручилъ одному изъ своихъ учениковъ.

Въ числѣ учениковъ Сергія находился его родной племянникъ Ѳеодоръ, сынъ того же старшаго брата Стефана. Этотъ Ѳеодоръ съ юныхъ лѣтъ пристрастился къ иноческому житію и, воспитанный подъ руководствомъ дяди, подобно ему, пожелалъ основать собственный общежительный монастырь. Сергій не противился такому желанію и отпустилъ племянника съ нѣсколькими изъ своей братіи. Они выбрали въ окрестностяхъ столицы красивое мѣсто на возвышенномъ берегу рѣки Москвы, называемое *Симоново;* съ благословенія Сергія, построили здѣсь церковь во имя Рождества Богородицы, и при ней учредили монастырь, котораго настоятелемъ сдѣлался Ѳеодоръ (около 1370 г.). Потомъ онъ пріобрѣлъ такое уваженіе, что, подобно отцу своему, бывшему когда-то духовникомъ великаго князя Симеона, назначенъ въ духовники великому князю Димитрію Ивановичу. Посланный однажды великимъ княземъ по церковнымъ дѣламъ въ Царьградъ, онъ такъ понравился патріарху, что былъ имъ возведенъ въ санъ архимандрита, а его

монастырь объявленъ патріаршей ставропигіей (т.-е. изъятъ изъ вѣдѣнія епархіальнаго архіерея). Впослѣдствіи онъ былъ поставленъ епископомъ на Ростовскую каѳедру.

Далѣе, по просьбѣ князя Владиміра Андреевича, св. Сергій ходилъ въ его удѣльный городъ Серпуховъ, въ окрестностяхъ котораго и основалъ (въ 1374 г.) Зачатейскій монастырь, прозванный по своему мѣстоположенію *Высотскимъ*. Настоятелемъ его онъ поставилъ также одного изъ своихъ учениковъ. Вновь основанные монастыри Сергій обыкновенно посѣщалъ лично, благословлялъ и наставлялъ иноковъ, и всѣ подобныя путешествія совершалъ пѣшкомъ; по замѣчанію его житія, онъ до глубокой старости никогда не ѣздилъ на конѣ. Самъ митрополитъ Алексѣй обратился къ пособію преподобнаго, когда устроивалъ новую обитель въ исполненіе своего обѣта. Однажды, во время плаванія въ Царьградъ, святитель испыталъ на морѣ страшную бурю. Въ виду крайней опасности, онъ далъ обѣтъ основать церковь и монастырь во имя того праздника, въ который достигнетъ пристани. Корабль присталъ къ берегу 16 августа, т.-е. въ праздникъ нерукотвореннаго Спасова образа. По просьбѣ святителя, Сергій далъ ему достойнѣйшаго изъ своихъ учениковъ Андроника, и сей послѣдній сдѣланъ былъ настоятелемъ основаннаго митрополитомъ на берегу Яузы монастыря, который сталъ извѣстенъ подъ именемъ *Спасо-Андроникова*. Но наибольшими попеченіями митрополита Алексѣя пользовался другой основанный имъ общежительный монастырь, *Чудовъ*, построенный въ самомъ Кремлѣ близъ Успенскаго собора (въ 1365). Названіе свое онъ получилъ отъ каменнаго храма въ честь чуда Михаила Архангела. Въ число первоначальной его братіи также переведены были нѣкоторые старцы изъ Троицкой Лавры. Святитель возвелъ этотъ монастырь въ достоинство архимандріи и щедро надѣлилъ его селами и разными угодьями ([23]).

Тщетно престарѣлый святитель предлагалъ Троицкому игумну быть ему преемникомъ на Русской митрополіи, для чего хотѣлъ предварительно возвести его въ санъ епископа. Преподобный Сергій рѣшительно отказался отъ этой великой чести, главнымъ образомъ по своему смиренію и любви къ пустынному житію, а отчасти вѣроятно и потому, что хорошо зналъ о желаніи великаго князя возвести на митрополичью каѳедру своего любимца Митяя. Этотъ Митяй родомъ былъ съ Рязанскаго прибрежья Оки изъ города Тѣшилова, сынъ священника, и нѣкоторое время служилъ священникомъ

въ городѣ Коломнѣ. Тутъ онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе великаго князя Димитрія. Митяй отличался высокимъ ростомъ, окладистою бородою и вообще сановитою, красивою наружностію. Будучи надѣленъ отъ природы прекрасною памятью, громкимъ, чистымъ голосомъ, даромъ слова и обладая начитанностью въ Священномъ писаніи, онъ умѣлъ плѣнить великаго князя какъ пріятностію своего церковно-служенія, такъ и сладкою, поучительною бесѣдою. Димитрій взялъ его къ себѣ духовникомъ и печатникомъ, т.-е. поручилъ ему хранить и прикладывать къ грамотамъ великокняжескую печать. Многіе бояре, по обычаю, подражали государю, и также поступили въ число духовныхъ дѣтей попа Митяя. Онъ все болѣе входилъ въ честь и славу; вмѣстѣ съ тѣмъ, росли его властолюбіе и надменность; онъ сталъ щеголять дорогими свѣтлыми одеждами и многочисленною прислугою. Когда умеръ Иванъ Непеица, архимандритъ придворнаго Спасскаго монастыря, великій князь велѣлъ поставить на его мѣсто своего любимца. Чудовской архимандритъ Елисей, прозваніемъ Чечетка, совершилъ постриженіе Митяя, нарекши его Михаиломъ (1476). „Еще до обѣдни былъ мірской попъ, а послѣ обѣдни архимандритъ",—говорили современники о такомъ быстромъ возвышеніи. Но Спасская архимандрія служила только ступенью къ самому высшему духовному сану, который назначалъ ему великій князь. Митрополитъ Алексѣй приближался къ своей кончинѣ, и Димитрій неоднократно просилъ его благословить въ свои преемники архимандрита Михаила. Алексѣй ссылался на то, что Митяй еще новичекъ въ монашествѣ и что ему прежде нужно искуситься въ подвигахъ иноческихъ. То лично, то чрезъ брата Владиміра Андреевича или ближнихъ бояръ Димитрій повторялъ свою просьбу о благословеніи. Алексѣй, наконецъ, согласился преподать Митяю благословеніе, сказавъ при этомъ: „если будетъ на то воля Господня и Пречистой Богородицы, преосвященнаго патріарха и вселенскаго собора, то и я благословляю его".

Вскорѣ потомъ осьмидесятилѣтній Святитель отошелъ въ вѣчность, и, согласно съ его желаніемъ, былъ погребенъ не въ Успенскомъ соборѣ, а въ своемъ любимомъ Чудовомъ монастырѣ. Митяй немедленно переселился на митрополичій дворъ и принялъ въ свое вѣдѣніе дѣла церковныя. Въ это время цареградскій патріархъ Макарій, желая угодить сильному русскому князю, прислалъ Митяю грамоты, въ которыхъ признавалъ его преемникомъ Алексѣя и звалъ въ Константинополь для рукоположенія. Вслѣдствіе того, Митяй

счелъ себя въ правѣ, еще не будучи поставленъ, возлагать на себя бѣлый клобукъ и митрополичью мантію, возсѣдать во время богослуженія въ алтарѣ на митрополичьемъ мѣстѣ, вообще окружить себя всѣмъ блескомъ этого сана; ему служили и сопровождали его при выходахъ многочисленные митрополичьи бояре и отроки. Онъ чинилъ церковные суды и собиралъ въ свою казну митрополичьи доходы. Съ духовенствомъ обходился гордо и строго, а провинившихся и непокорныхъ сурово наказывалъ, при чемъ многихъ сажалъ въ темницу и смирялъ желѣзными веригами. Его гордость и суровость не замедлили возбудить противъ него великое неудовольствіе въ русскомъ духовенствѣ.

Во главѣ недовольныхъ стояли епископъ Суздальскій Діонисій и два извѣстныхъ игумена, преподобный Сергій Троицкій съ своимъ племянникомъ Ѳеодоромъ Симоновскимъ; они вошли въ сношенія съ помянутымъ выше сербомъ Кипріаномъ, который проживалъ въ Кіевѣ и управлялъ церковными дѣлами Западной Руси. Онъ съ большою свитою отправился въ Москву, чтобы предъявить свои права на митрополичій престолъ всея Руси. Великій князь видѣлъ въ немъ не только соперника своему любимцу, но также избранника и сторонника враждебной Литвы. А потому, едва Кипріанъ явился въ Москву, какъ его схватили и заключили подъ стражу; у его свиты отняли коней и все имущество; а на другой день выпроводили его съ безчестьемъ изъ Москвы. Въ этомъ случаѣ Московскій князь поступилъ съ Кипріаномъ точно такъ же, какъ однажды Ольгердъ обошелся съ митрополитомъ Алексѣемъ, когда тотъ посѣтилъ свою паству въ Югозападной Руси. Кипріанъ прислалъ съ дороги скорбное посланіе къ игумнамъ Сергію и Ѳеодору, гдѣ описалъ причиненное ему оскорбленіе. Онъ отправился съ своими жалобами въ Византію. Между тѣмъ, Митяй вздумалъ было избавить себя отъ путешествія въ Царьградъ, гдѣ сторонникъ его патріархъ Макарій былъ сверженъ духовнымъ соборомъ. Онъ склонилъ великаго князя созвать соборъ русскихъ епископовъ, который поставилъ бы его, Митяя, въ митрополиты, слѣдуя нѣкоторымъ прежнимъ примѣрамъ на Руси (митрополитовъ Иларіона и Климента). Но противъ такого поставленія, несогласнаго съ установившимся преданіемъ, возсталъ Діонисій Суздальскій, который притомъ не хотѣлъ явиться къ Митяю съ поклономъ и за благословеніемъ, какъ то сдѣлали другіе, собравшіеся въ Москву, епископы. На укоръ Митяя по сему поводу Діонисій отвѣчалъ: „Тебѣ слѣдовало придти ко мнѣ за благословеніемъ; ибо

я епископъ, а ты попъ". По просьбѣ Митяя, великій князь велѣлъ задержать Діонисія, когда тотъ собрался было ѣхать въ Константинополь. Діонисій далъ слово не ѣздить туда безъ воли великаго князя, въ чемъ представилъ поручителемъ за себя Сергія Радонежскаго. Но, получивъ свободу, нарушилъ слово и изъ Нижняго Новгорода Волгою поѣхалъ въ Грецію. Раздраженный Митяй обратилъ свой гнѣвъ на преподобнаго Сергія, грозилъ разорить его монастырь и разогнать иноковъ. Онъ уже давно питалъ неудовольствіе на Троицкаго игумна, считая его виновникомъ тому, что святитель Алексѣй не хотѣлъ благословить его, Митяя, своимъ преемникомъ.

Въ виду возникшихъ несогласій, Митяй, по желанію великаго князя, отправился наконецъ въ Царьградъ на поставленіе, въ сопровожденіи большой свиты, въ составъ которой входили три архимандрита, нѣсколько игумновъ, протоіереевъ и почти весь клиръ соборной Владимірской церкви. Кромѣ митрополичьихъ бояръ, при этой свитѣ находился великокняжескій посолъ, большой московскій бояринъ Василій Кочевинъ-Олешинскій. Самъ великій князь съ дѣтьми и боярами провожалъ своего любимца нѣсколько переходовъ отъ столицы. Онъ не только снабдилъ его денежною казною, но еще далъ ему нѣсколько чистыхъ грамотъ за своею печатью (бланки), чтобы, въ случаѣ надобности, онъ могъ въ Царьградѣ занимать деньги подъ великокняжескую *кабалу* (вексель). Митяй отправился чрезъ Рязанскую землю и Донскія степи; въ послѣднихъ онъ былъ задержанъ Татарами Мамаевой Орды, но вскорѣ съ честію отпущенъ самимъ Мамаемъ. Въ генуэзскомъ городѣ Кафѣ (Ѳеодосіи) онъ сѣлъ на корабль и поплылъ въ Константинополь. Но на морѣ Митяй разболѣлся, и умеръ въ виду самаго Царьграда. Его погребли въ константинопольскомъ предмѣстьи Галатѣ.

Сіе путешествіе разрѣшилось еще болѣе неожиданнымъ образомъ, когда спутники Митяя самовольно вздумали, вмѣсто умершаго, выбрать новаго митрополита изъ своей среды. При этомъ голоса раздѣлились: одни желали Ивана, архимандрита московскаго Петровскаго монастыря, а другіе Пимена, архимандрита Переяславскаго. Послѣ многихъ споровъ одержала верхъ сторона послѣдняго, къ которому пристали великокняжескій посолъ и бояре. Завладѣвъ казною Митяя, Пименъ воспользовался чистыми грамотами за княжескими печатями и на одной изъ нихъ написалъ отъ имени Димитрія посланіе къ императору Іоанну Палеологу и патріарху Нилу съ просьбою поставить его, Пимена, Русскимъ митрополитомъ. Когда же

встрѣтились препятствія и сомнѣнія со стороны Цареградскаго духовнаго собора, передъ которымъ уже хлопоталъ о своихъ правахъ Кипріанъ, Пименъ и его пособники воспользовались другими чистыми грамотами, и на имя великаго князя заняли большія суммы подъ высокіе проценты у итальянскихъ и другихъ купцовъ. Съ помощію богатыхъ даровъ и посуловъ, ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ: въ іюлѣ 1380 года состоялось соборное постановленіе, въ силу котораго Кипріанъ поставленъ митрополитомъ Литвы и Малой Россіи, а Пименъ рукоположенъ въ митрополита Кіева и Великой Россіи. Но когда послѣдній прибылъ въ Сѣверную Русь и приближался къ Москвѣ, великій князь Димитрій велѣлъ его схватить, снять съ него бѣлый клобукъ и послать на заточеніе въ Чухлому. Въ Москвѣ приняли на митрополію Кипріана ([29]).

Прежде нежели рѣшился этотъ споръ между Кипріаномъ и Пименомъ, въ Сѣверовосточной Руси совершились великія политическія событія: началась открытая освободительная борьба Москвы съ Золотою Ордою.

*

Неурядицы, продолжавшіяся въ Ордѣ, и ея раздробленіе между нѣсколькими ханами-соперниками служили очевиднымъ поощреніемъ въ попыткахъ Русскихъ князей къ сверженію ненавистнаго ига. Мы видимъ, что Сѣверовосточные князья въ это время начинаютъ довольно сильно дѣйствовать противъ Татаръ въ явномъ союзѣ другъ съ другомъ. Душою этого, естественнымъ путемъ слагавшагося, союза конечно является Москва, т.-е. великій князь Димитрій Ивановичъ и его умные бояре. Къ Московскому князю непосредственно примыкаютъ его ближайшіе подручники или младшіе удѣльные князья Суздальской земли, каковы Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе и пр. Затѣмъ въ тѣсномъ союзѣ съ Москвою мы видимъ старшаго Суздальско-Нижегородскаго князя и тестя великому князю Димитрія Константиновича съ братомъ Борисомъ Городецкимъ. Только тверской князь Михаилъ Александровичъ выдѣлялся изъ этого союза Суздальскихъ или Великорусскихъ владѣтелей, и продолжалъ упорствовать въ своей враждѣ съ Москвою. Но за то великій князь умѣлъ привлечь въ союзъ противъ Татаръ старую соперницу Москвы съ юговосточной стороны, т.-е. Рязань, въ лицѣ ея главнаго князя Олега Ивановича, не говоря уже о послушныхъ Москвѣ князьяхъ Муромскихъ и Пронскихъ. Союзъ съ Рязанью былъ особенно важенъ, потому что она загораживала собою Москов-

ское княженіе отъ татарскихъ нашествій, а въ противномъ случаѣ открывала Татарамъ путь въ самое сердце Великой Руси. Наконецъ, къ Москвѣ, какъ мы знаемъ, тянули удѣльные князья земли Вятичей (потомки св. Михаила Черниговскаго), каковы Карачевскіе, Козельскіе, Новосильскіе, Тарусскіе и др., тѣснимые съ одной стороны Литвою, съ другой—разоряемые Татарами. При Димитріи Ивановичѣ они являются усердными его союзниками. Огражденная отъ непосредственнаго сосѣдства съ Татарами широкимъ полукругомъ союзныхъ земель Нижегородской, Муромо-Рязанской и Сѣверской, Москва могла постепенно и своевременно развивать и подготовлять свои силы для рѣшительной борьбы съ Ордою. Изъ своего средоточія она могла направлять помощь въ ту или другую сторону для отпора кочевымъ варварамъ. Къ сожалѣнію, помощь эта не всегда поспѣвала вовремя, чтобы предупредить разрушительный набѣгъ степныхъ наѣздниковъ на союзную область, и это обстоятельство значительно ослабляло крѣпость самаго союза. Такъ, въ 1373 году, по свидѣтельству лѣтописи, Татары изъ Мамаевой Орды напали на рязанскаго князя Олега Ивановича, разорили и пожгли нѣкоторые его города и увели въ плѣнъ много народу; великій князь Димитрій съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ пришелъ на помощь слишкомъ поздно; онъ ограничился тѣмъ, что сталъ на берегу Оки и не пустилъ Татаръ перейти на сѣверную сторону. Почти въ то же время видимъ смѣлое дѣйствіе противъ Татаръ въ Нижнемъ Новгородѣ. Граждане подняли мятежъ противъ Мамаевыхъ пословъ и ихъ грабительской дружины; причемъ избили до тысячи Татаръ, а остальную ихъ дружину, вмѣстѣ съ главнымъ посломъ Сарайкой, заперли подъ стражу. Въ слѣдующемъ 1375 году, когда князь Димитрій Константиновичъ велѣлъ развести плѣнную татарскую дружину по разнымъ городамъ, Сарайко убѣжалъ на владыченъ дворъ, поджегъ его и сталъ тамъ защищаться. Одна татарская стрѣла при этомъ едва не попала въ епископа Діонисія и коснулась его мантіи. Разсвирѣпѣвшій народъ избилъ всѣхъ Татаръ вмѣстѣ съ Сарайкою. И это избіеніе, подобное Тверскому 1327 года, на первое время осталось пока безнаказаннымъ для жителей Нижняго. Присланное Мамаемъ вслѣдъ затѣмъ войско ограничилось опустошеніемъ Запьянья, т.-е. области за рѣкою Пьяною или восточнаго порубежья Нижегородскаго княженія.

Въ это-то время закончилась упорная борьба Димитрія Московскаго съ Михаиломъ Тверскимъ. Мирный договоръ 1375 года раз-

вязалъ руки Димитрію для болѣе рѣшительныхъ дѣйствій на юго-востокѣ. И уже въ слѣдующемъ году мы видимъ зимній походъ соединеннаго Московско-Суздальскаго войска въ Камскую Болгарію на мѣстныхъ татарскихъ владѣтелей. Князья, конечно, пользовались тѣмъ, что эти владѣтели, какъ и нѣкоторые другіе, старались отдѣлиться отъ Золотой Орды и основать независимое ханство. Въ этомъ походѣ Суздальскою ратью начальствовали сыновья Димитрія Константиновича Василій и Иванъ, а Московскою—служилый князь Димитрій Михайловичъ Волынскій Боброкъ. 16 марта, въ понедѣльникъ, на шестой недѣлѣ великаго поста соединенная рать подступила къ городу *Казани* (впервые тутъ упоминающейся), гдѣ основалъ свою резиденцію болгаро-татарскій ханъ Асанъ. Туземцы вышли навстрѣчу Русскимъ и начали осыпать ихъ стрѣлами изъ луковъ и самострѣловъ; въ то же время съ городскихъ стѣнъ на нихъ „пускали" какой-то *громъ*, чтобы напугать воиновъ; а нѣкоторые выѣхали на верблюдахъ, стараясь всполошить ихъ коней. Но Русь бодро ударила на непріятелей и вогнала ихъ обратно въ городъ. Затѣмъ она принялась опустошать окрестную сторону, забирала плѣнниковъ, пожгла ихъ суда на Окѣ, села и зимовники. Казанскій ханъ Асанъ и царевичъ (салтанъ) Махметъ ударили челомъ о мирѣ и получили его, заплативъ окупу три тысячи рублей на воеводъ и войско, да по тысячѣ рублей великому князю и его тестю Димитрію Константиновичу. Кромѣ того, Русь посадила въ Казани своего *дорогу* съ таможенными сборщиками. Слѣдовательно, туземные владѣтели признали себя въ зависимости отъ Русскаго великаго князя. Ободряемые подобными успѣхами, Русскіе князья и въ другихъ областяхъ начинаютъ отважно выступать на борьбу съ Татарами. Такъ, на Сѣверской украйнѣ въ это время отличился своими воинскими подвигами одинъ изъ карачевскихъ князей Ѳедоръ Андреяновичъ Звенигородскій, по словамъ лѣтописи, богатырь ростомъ и силою.

Неустройства Золотой Орды, жестокій моръ и другіе сосѣди отвлекали вниманіе Татаръ отъ Руси. Однако, темникъ Мамай, распоряжавшійся въ Ордѣ именемъ послушныхъ ему хановъ, замыслилъ рядомъ рѣшительныхъ ударовъ одного за другимъ смирить непокорныхъ Русскихъ князей. Въ то время къ нему перешелъ изъ Заяицкой или Синей Орды царевичъ Арапша (Арабъ-шахъ), малый тѣломъ, но искусный и свирѣпый воитель. Мамай далъ ему войско и послалъ на Суздальско-Нижегородское княжество весною 1377 года. Извѣщенный о томъ своимъ тестемъ, Димитрій Московскій самъ пришелъ къ

нему на помощь съ сильною ратью. Побывъ нѣкоторое время въ Нижнемъ и не получая вѣстей объ Арапшѣ, великій князь воротился въ Москву, оставивъ своему тестю значительную часть рати. Соединясь съ Суздальскимъ ополченіемъ, эта рать пошла отыскивать Татаръ и перешла за рѣку Пьяну (притокъ Суры) въ Мордовскій край. Главное начальство было вручено сыну Димитрія Константиновича Ивану. Тутъ получилась ложная вѣсть, что Арапша остановился гдѣ-то далеко на Волчьихъ водахъ и что онъ страшится встрѣчи съ Русью.

Полагаясь на подобныя вѣсти, воеводы предались безпечности. Стояла жаркая іюльская погода. Воины сложили на телѣги свои брони, щиты и шлемы и расхаживали въ охабняхъ и сарафанахъ; всадники, разстегнувъ петли, ѣздили на распашку и даже спускали съ плечъ кафтаны. Рогатины, сулицы и копья сложены были въ кучи, а иные даже не были еще насажены. Захвативъ гдѣ-нибудь у жителей пиво и медъ, напивались до пьяна, и въ такомъ видѣ предавались безмѣрному хвастовству; каждый хвалился одинъ выдти на сто татариновъ; „кто можетъ противъ насъ стати?“ —восклицали ратники. Бояре и воеводы сами подавали примѣръ распущенности, и, забывъ о мѣрахъ воинской предосторожности, потѣшались охотою на звѣрей, какъ будто находились у себя дома посреди глубокаго мира. Очевидно, нѣсколько успѣшныхъ дѣйствій противъ Татаръ до такой степени ободрили Русскихъ, что они быстро перешли къ пренебреженію относительно своихъ поработителей. Наказаніе за такое легкомысліе не замедлило. Арапша былъ недалеко и зналъ, что дѣлается въ Русскомъ станѣ. Мстительные Мордовскіе старшины подвели его скрытыми дорогами. Царевичъ раздѣлилъ свое войско на пять полковъ, которые 2 августа внезапно, съ разныхъ сторонъ, ударили на Русскую рать. Застигнутая врасплохъ, она потерпѣла полное пораженіе. Значительная ея часть, бросившаяся бѣжать обратно за Пьяну, потонула въ этой рѣкѣ. Много бояръ и воеводъ погибло въ тотъ день; въ числѣ погибшихъ былъ и главный начальникъ ополченія, молодой князь Иванъ Дмитріевичъ, который вслѣдъ за другими хотѣлъ на конѣ переплыть рѣку, но утонулъ. Арапша послѣ этой побѣды поспѣшилъ къ Нижнему Новгороду. При его приближеніи князь Димитрій Константиновичъ, лишившись своего войска, не думалъ болѣе о сопротивленіи и ускакалъ въ Суздаль; а часть гражданъ бросилась на суда и спаслась Волгою въ Городецъ. Татары ворвались въ беззащитный Нижній Новгородъ, захватили оставшихся людей, разграбили городъ, церкви, монастыри, и, зажегши ихъ, ушли

съ огромнымъ полономъ и всякаго рода добычею. Примѣру Татаръ послѣдовала и Мордва; она собралась, внезапно ударила на область Нижегородскую и разграбила то, что осталось отъ погрома Арапши. Когда Димитрій Константиновичъ успѣлъ возстановить нѣкоторый порядокъ въ своемъ княженіи и собралъ новую рать, то первымъ дѣломъ Русскихъ князей была месть коварной Мордвѣ. Суздальская рать, подъ начальствомъ Бориса Константиновича Городецкаго и Семена, одного изъ сыновей Димитрія Константиновича, соединилась съ московскимъ воеводою Ѳедоромъ Андреевичемъ Свибломъ, и слѣдующею зимою жестоко повоевала Мордовскія волости; причемъ ограбила и пожгла ихъ села и зимницы, и увела въ плѣнъ большое количество женщинъ и дѣтей. Многіе Мордвины, приведенные живыми въ Нижній, были подвергнуты разнымъ казнямъ; между прочимъ ихъ влачили по льду на Волгѣ и травили псами. (Утонувшій въ Пьянѣ княжичъ Иванъ былъ вынутъ изъ воды и погребенъ въ Нижегородскомъ Спасскомъ соборѣ еще въ августѣ, т.-е. вскорѣ по уходѣ Арапши).

Мамай спѣшилъ воспользоваться ударомъ, нанесеннымъ главному союзнику Московскаго князя, и готовилъ такой же ударъ какъ ему самому, такъ и другому его союзнику Олегу Рязанскому. Уже Арапша послѣ похода въ Суздальскую землю, тою же осенью, изгономъ (набѣгомъ) ходилъ на Рязанскую землю и часть ея поплѣнилъ и пограбилъ. Захваченный врасплохъ, Олегъ Ивановичъ попался было въ плѣнъ, но вырвался и убѣжалъ, весь израненный татарскими стрѣлами. Лѣтомъ слѣдующаго 1378 года Мамай отправилъ на Рязань и Москву большое войско подъ начальствомъ мурзы Бѣгича. Димитрій Ивановичъ понялъ грозившую опасность и на этотъ разъ не опоздалъ своею помощью; онъ лично приспѣлъ съ своею ратью на южную сторону Оки и встрѣтилъ Татаръ на берегахъ ея праваго притока Вожи, верстахъ въ 15 отъ Переяслава-Рязанскаго. Нѣсколько дней оба войска стояли другъ противъ друга на разныхъ берегахъ. 11 августа Татары первые перешли рѣчку и вступили въ бой. Но Димитрій уже изготовилъ свою рать. Однимъ ея крыломъ начальствовалъ князь Даніилъ Пронскій, другимъ—московскій окольничій Тимоѳей Вельяминовъ. Самъ великій князь ударилъ на враговъ съ главнымъ полкомъ. Татары недолго выдерживали бой и побѣжали обратно за Вожу. При этомъ много ихъ было побито и перетонуло въ рѣкѣ. Въ числѣ павшихъ находился самъ Бѣгичъ и нѣкоторые знатнѣйшіе мурзы, какъ-то: Хази-

бей, Коверга, Карбулукъ, Кастрокъ. Наступившая ночь помѣшала преслѣдованію со стороны Русскихъ. На слѣдующее утро былъ густой туманъ. Только когда онъ разсѣялся, Димитрій перешелъ черезъ рѣку и погнался за Татарами. Нагнать ихъ было уже невозможно; но за то Русь собрала большую добычу, потому что враги въ поспѣшномъ бѣгствѣ побросали свои шатры и телѣги, наполненные разнымъ добромъ. (Памятниками Вожинской битвы служатъ высокіе курганы, подъ которыми погребены павшіе воины).

Доселѣ Димитрій сохранялъ еще даннически отношенія къ Ордѣ, хотя платилъ дани гораздо уменьшенныя въ сравненіи съ своими предшественниками. На Вожѣ была одержана первая большая побѣда Руси надъ своими поработителями. Это уже было открытое и рѣшительное возстаніе великаго Московскаго князя противъ Золотой Орды. Можно представить себѣ ярость Мамая и золотоордынскихъ мурзъ, когда бѣглецы принесли имъ вѣсть о своемъ пораженіи. Прежде всего онъ спѣшилъ выместить свою досаду на Рязанской области. Собравъ остатки разбитой рати, онъ бросился на Рязань. Не ожидая такого скораго возвращенія Татаръ послѣ ихъ пораженія, Олегъ Рязанскій оказался неготовымъ къ оборонѣ и удалился на лѣвую лѣсную сторону Оки. Татары пожгли его стольный Переяславль и нѣкоторые другіе города, разорили множество селъ и увели большое количество плѣнниковъ. Это внезапное нападеніе должно было послужить предвѣстіемъ болѣе страшной бури, т.-е. опустошенія самаго Московскаго княженія. Но, испытавъ его могущество, Мамай рѣшилъ приготовить прежде большія силы, чтобы напомнить Руси Батыево нашествіе. Приготовленія его совершались тѣмъ успѣшнѣе, что Мамаю удалось возстановить единовластіе въ Золотой Ордѣ. Онъ велѣлъ убить молодого хана Могамеда и самому себѣ присвоилъ ханскій титулъ, хотя и не принадлежалъ къ царскому роду Джучидовъ.

Во время описанныхъ событій въ Ордѣ проживалъ помянутый выше московскій крамольникъ, сынъ тысяцкаго Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ. На Вожѣ послѣ пораженія Татаръ Русскіе захватили въ ихъ станѣ одного попа съ мѣшкомъ какихъ-то травъ или зелій. Въ немъ заподозрили лазутчика или злоумышленника, подосланнаго Вельяминовымъ; подвергли его пыткѣ, а потомъ сослали на озеро Лаче („идеже бѣ Данило Заточенникъ“,—прибавляетъ лѣтопись). А въ слѣдующемъ 1379 году самъ Иванъ Вельяминовъ, отважившійся явиться на Руси, съ помощью какой-то хитрости былъ схваченъ въ Серпуховѣ и привезенъ въ Москву. Семья Вельяминовыхъ была тогда

еще въ силѣ. Тимоѳей Васильевичъ, дядя Ивана, состоялъ окольничимъ и большимъ бояриномъ; а Николай Васильевичъ, братъ Ивана, находился въ свойствѣ съ великимъ княземъ (имѣя женой его свояченицу). Однако, не помогли Ивану ни извѣстная боярская вольность, ни знатная родня: Димитрій изрекъ надъ нимъ смертный приговоръ. Утромъ, 20 августа, за стѣнами столицы, на Кучковѣ полѣ, въ присутствіи многочисленной народной толпы, Вельяминову мечомъ отрубили голову. Эта публичная казнь знатнаго боярина, судя по словамъ лѣтописи, у многихъ вызвала слезы и вообще произвела на народъ сильное впечатлѣніе. Очевидно, молодой Димитрій Московскій мужественно справляясь съ внѣшними врагами, и дома у себя держал власть твердою рукою. Сообщникъ Ивана Вельяминова, сурожанинъ Некоматъ, спустя нѣсколько лѣтъ, также былъ казненъ въ Москвѣ ([30]).

Не успѣлъ великій князь Димитрій Ивановичъ съ своими боярами и дружиною отдохнуть отъ недавнихъ походовъ противъ Татаръ и Литвы, какъ лѣтомъ 1380 года въ Москву пришла грозная вѣсть: Мамай поднялся со всей своей ордой и идетъ на Русь. Не довольствуясь тѣмъ, что собралъ всю силу Татарскую и Половецкую, старый ханъ нанялъ еще въ свою службу отряды Бесерменъ (закаспійскихъ мусульманъ), Аланъ, Черкесъ и крымскихъ Фряговъ (Генуэзцевъ). Мало того, онъ заключилъ союзъ съ недругомъ Москвы великимъ княземъ литовскимъ Ягелломъ Ольгердовичемъ, который обѣщалъ соединиться съ нимъ, чтобы вмѣстѣ разгромить Московскую землю. Вѣсти добавляли, что Мамай исполнился великой ярости противъ Русскихъ князей за пораженіе татарскаго войска на рѣкѣ Вожѣ, что онъ хочетъ ихъ совершенно истребить, а вмѣсто нихъ посадить на Руси своихъ баскаковъ; грозитъ даже искоренить самую православную вѣру и въ замѣнъ ея ввести свою бусурманскую (т.-е. мусульманскую). Въ подтвержденіе этихъ вѣстей прискакалъ гонецъ отъ великаго князя рязанскаго Олега Ивановича. Сей послѣдній, бывшій передъ тѣмъ временемъ въ единеніи и пріязни съ Московскимъ княземъ, извѣщалъ, что Мамай уже перешелъ на правую сторону Дона и прикочевалъ къ устью рѣки Воронежа или къ предѣламъ Рязанской земли.

Опечалился Димитрій Ивановичъ при видѣ такой черной тучи, надвигавшейся на Русь, и прежде всего, по обычаю благочестивыхъ Русскихъ князей, прибѣгъ къ молитвѣ и покаянію. А затѣмъ, ободрясь духомъ и не теряя времени, послалъ гонцовъ во всѣ концы

своей земли съ повелѣніемъ, чтобы намѣстники его и воеводы спѣшили съ ратными людьми въ Москву. Разослалъ также грамоты къ подручнымъ себѣ и сосѣднимъ князьямъ Русскимъ, убѣдительно прося ихъ какъ можно скорѣе идти къ нему на помощь со своими дружинами; прежде же всѣхъ послалъ за своимъ двоюроднымъ братомъ и другомъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. Послѣдній не замедлилъ явиться на этотъ призывъ. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали собираться въ Москву ратные люди. Начали прибывать и подручные князья.

Межъ тѣмъ пріѣхали послы отъ самого Мамая и потребовали у великаго князя того же выхода (дани), который Русь платила Ордѣ при ханѣ Узбекѣ, и той же покорности, какая была при старыхъ ханахъ. Димитрій собралъ на совѣтъ своихъ бояръ и подручныхъ князей. На совѣтѣ присутствовали и духовныя лица. Духовенство говорило, что подобаетъ утолить ярость Мамаеву великою данью и дарами, чтобы не пролилась кровь христіанская и не были разрушены святые храмы отъ невѣрныхъ. Эти совѣты уважены. Великій князь одарилъ татарское посольство и отпустилъ его назадъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ къ хану со многими дарами и съ мирными предложеніями собственнаго посла Захарія Тютчева, которому даны были два толмача, умѣющихъ говорить по-татарски. Плохая однако была надежда умилостивить дарами злого Татарина, и военныя приготовленія дѣятельно продолжались. По мѣрѣ того какъ увеличивалось собиравшееся въ Москву Русское ополченіе, росло въ Русскихъ людяхъ воинственное одушевленіе, росла охота помѣряться силами съ Татарскою Ордою въ открытомъ полѣ и уничтожить въ конецъ ненавистное иго. Недавняя побѣда на Вожѣ была у всѣхъ въ свѣжей памяти. Воспрянула древняя отвага въ русскомъ сердцѣ, воскресалъ духъ русской удали и молодечества, на время придавленный тяжелою судьбою. Вновь росло сознаніе Русскаго народнаго единства и Русской силы.

Бодрость духа сказывалась также въ обычныхъ пирахъ и попойкахъ, которыми сопровождались сборы на войну. Великій князь и его бояре усердно угощали областныхъ князей и воеводъ, прибывавшихъ со своими дружинами.

Былъ пиръ у боярина Николая Васильевича Вельяминова, который держалъ Коломенскую тысячу (былъ Коломенскимъ воеводою). На пиру въ числѣ другихъ князей присутствовалъ и Димитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Вдругъ прискакалъ гонецъ отъ Захарія Тютчева съ новыми недобрыми вѣстями.

Тютчевъ, достигнувъ Рязанскихъ предѣловъ, узналъ, что Мамай неотложно идетъ на Московскую землю и что къ нему присталъ не только Ягелло Литовскій, но и Олегъ Рязанскій. Послѣдній измѣнилъ Димитрію и теперь сносится грамотами съ ханомъ и съ Ягайломъ. Олегъ приглашаетъ Ягайла подѣлить между собою Московскія волости; онъ же увѣряетъ Мамая, что Димитрій не отважится выдти противъ Татаръ и убѣжитъ на сѣверъ въ самыя дальнія мѣста. Ханъ условился съ Ягайломъ и Олегомъ сойтись на берегахъ Оки на Семеновъ день, т.-е. перваго сентября, чтобы отсюда всѣмъ вступить въ Московскую землю.

Вѣсть объ измѣнѣ Олега Рязанскаго наполнила еще большею скорбію сердце великаго князя. Однако, она нисколько не поколебала его рѣшимости и бодрости. На общемъ совѣтѣ положили ускорить приготовленія къ войнѣ, идти навстрѣчу Мамаю въ самыя степи, не дожидаясь его прихода въ Московскую землю, и, если можно, предупредить его соединеніе съ Ягайломъ и Олегомъ. Тѣмъ князьямъ и воеводамъ, которые не успѣли еще придти въ Москву или которымъ не по дорогѣ было заходить въ нее, Димитрій послалъ гонцовъ съ грамотами, чтобы шли прямо къ Коломнѣ: этотъ городъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ Русскихъ ополченій. А, между тѣмъ, великій князь снарядилъ крѣпкую сторожу, т.-е. конный развѣдочный отрядъ, подъ начальствомъ трехъ надежныхъ дружинниковъ: Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Тупика. Они должны были ѣхать въ придонскую степь на Быструю Сосну подъ самую Орду Мамаеву, чтобы „добыть языка", т.-е. захватить плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы въ точности узнать о положеніи дѣлъ и намѣреніяхъ непріятеля.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ великій князь вѣстей отъ этихъ развѣдчиковъ. Недождавшись ихъ, онъ снарядилъ вторую сторожу подъ начальствомъ Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григорія Судока, и приказалъ имъ возвращаться какъ можно скорѣе. Дорогою эта вторая сторожа повстрѣчала Василія Тупика, который отряженъ былъ отъ первой сторожи напередъ съ добытымъ языкомъ или съ вѣстями. Развѣдчики пріѣхали въ Москву и донесли князю, что Мамай, несомнѣнно, идетъ на Русь со всею своею Ордою, что великіе князья Литовскій и Рязанскій дѣйствительно съ нимъ въ союзѣ, но что ханъ не спѣшитъ: съ одной стороны, онъ поджидаетъ на помощь Ягайла съ Литвою, а съ другой—ждетъ осени, когда на Руси поля будутъ убраны и Орда можетъ воспользоваться готовыми

запасами. Молва прибавляла, что, уже собираясь на Русь, ханъ разослалъ по своимъ улусамъ такой наказъ: „не пашите землю и не заботьтесь о хлѣбѣ; будьте готовы на русскіе хлѣбы".

Димитрій Ивановичъ повелѣлъ областнымъ полкамъ спѣшить подъ Коломну къ 15 августа, т.-е. къ Успеньеву дню. Но прежде нежели выступить въ дальній походъ, благочестивый вождь поѣхалъ взять благословеніе у святого мужа въ обитель Живоначальной Троицы. Она въ тѣ времена еще не отличалась ни каменными величественными строеніями, ни позлащенными главами богатыхъ храмовъ, ни многочисленною братіей; но уже была знаменита подвигами своего основателя и игумена Сергія Радонежскаго. Слава его суровой аскетической жизни и духовной прозорливости была уже такъ велика, что князья и бояре нерѣдко просили его молитвъ и благословенія; сами епископы и митрополиты (напр. Алексѣй и Кипріанъ) обращались къ нему за совѣтами и помощію.

Въ эту достославную обитель 15 августа, въ день св. Фрола и Лавра, пріѣхалъ Димитрій Ивановичъ Московскій, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ князей, бояръ и многихъ своихъ отроковъ или *дворянъ*, дабы, по выраженію лѣтописи, „Живоначальной Троицѣ помолиться и у игумена Сергія благословиться". Надѣялся онъ, конечно, услышать отъ святого мужа и какое-либо пророческое слово. Отстоявъ обѣдню въ Троицкомъ храмѣ и принявъ игуменское благословеніе, великій князь хотѣлъ ѣхать въ обратный путь, ибо время было дорого. Но Преподобный упросилъ его остаться еще немного и вмѣстѣ съ своими спутниками раздѣлить скромную монастырскую трапезу.

Послѣ трапезы игуменъ сказалъ великому князю:

„Почти дарами и воздай честь нечестивому Мамаю; да видѣвъ твое смиреніе, Господь Богъ вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложитъ".

„Я уже сіе сотворилъ, отче,—отвѣчалъ Димитрій.—Но онъ наипаче съ великою гордостію возносится".

„Если такъ,—молвилъ Преподобный,—то его ждетъ конечное погубленіе и запустѣніе; а тебѣ отъ Господа Бога и Пречистыя Богородицы и святыхъ его будетъ помощь, и милость, и слава".

Изъ числа монастырской братіи выдавались два инока своимъ высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеніемъ и мужественнымъ лицомъ. Йхъ звали Пересвѣтъ и Ослябя; до поступленія въ монастырь они слыли богатырями, умѣли строить полки къ битвѣ и отличались рат-

ными подвигами. Пересвѣтъ, въ міру носившій имя Александра, былъ знатнаго рода: онъ происходилъ изъ Брянскихъ бояръ.

„Дай мнѣ сихъ двухъ воиновъ отъ твоего полку чернеческаго",— сказалъ великій князь Сергію.

Преподобный ничего не возразилъ и велѣлъ обоимъ братьямъ, немедля, изготовиться къ ратному дѣлу. Послушные иноки съ охотою исполнили повелѣніе игумена и тотчасъ облеклись въ оружіе. Сергій далъ еще каждому изъ нихъ схиму съ нашитымъ на нее крестомъ для того, чтобы возлагать поверхъ шлемовъ.

„Миръ вамъ, братія моя, возлюбленная о Христѣ, Пересвѣте и Ослябя, постраждите яко добліи воины Христовы; понеже пришло ваше время". — И, обратясь къ Димитрію, прибавилъ: „вотъ тебѣ, княже, мои оружники, а твои извольники".

Отпуская гостей, игуменъ осѣнилъ крестомъ великаго князя и его спутниковъ, окропилъ освященною водою и вновь сказалъ пророческимъ голосомъ:

„Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ; Онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя".

Преподобный Сергій, хотя и строгій, отрекшійся отъ міра подвижникъ, былъ, однако, пламенный русскій патріотъ. Онъ горячо любилъ родину и никому не уступалъ въ ревности къ ея освобожденію отъ постыднаго ига. Вѣщія слова преподобнаго наполнили радостію и надеждою сердце великаго князя. Возвратясь въ Москву, онъ не медлилъ долѣе своимъ выступленіемъ.

Если мы вернемся съ небольшимъ за полтораста лѣтъ назадъ и припомнимъ сборы южнорусскихъ князей въ походъ противъ Татаръ, тогда еще невѣдомыхъ враговъ, только что появившихся на предѣлахъ Руси, то увидимъ великую разницу. Въ то время наши князья, Мстиславъ Удалой Галицкій, Мстиславъ Кіевскій и другіе, гордые своими славными предками и своими храбрыми дружинами, привыкшіе къ побѣдамъ Руси надъ степными варварами, отправлялись въ степи шумно и весело; соперничали другъ съ другомъ и спорили о томъ, кто старше; а нѣкоторые думали, какъ бы напасть на врага прежде другихъ, чтобы не раздѣлять съ ними побѣды и добычи. Гордость и строптивость ихъ была наказана жестокимъ пораженіемъ на берегахъ рѣчки Калки. Теперь не то. Наученные горькимъ опытомъ и смиренные тяжкимъ игомъ, Сѣвернорусскіе князья, собравшіеся вокругъ Димитрія Московскаго, покорно и единодушно идутъ за своимъ вождемъ; они понимаютъ, что въ ихъ единеніи заключается

главная сила Русской земли. Самъ великій князь приготовляется къ дѣлу обдуманно и осторожно; призываетъ часто на совѣтъ князей и бояръ, неоднократно посылаетъ развѣдывать о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля; а главное, предпринимаетъ все не иначе какъ съ молитвою и съ благословеніемъ церкви.

*

20 августа, яснымъ утромъ Московская рать выступала въ походъ. Димитрій Ивановичъ съ князьями и воеводами сначала горячо молился въ соборномъ Успенскомъ храмѣ; припадалъ здѣсь ко гробу св. Петра митрополита и просилъ его о помощи противъ враговъ. Заступавшій митрополита епископъ служилъ напутственный молебенъ; осѣнилъ крестомъ великаго князя и его спутниковъ и окропилъ ихъ освященною водою. Изъ Успенскаго собора Димитрій перешелъ въ ближній храмъ архангела Михаила и тамъ поклонился гробамъ своего отца и дѣда. Затѣмъ онъ простился съ супругою и дѣтьми (Василіемъ и Юріемъ), сѣлъ на своего любимаго коня и выѣхалъ изъ Кремля къ войску. Оно запрудило всѣ улицы и площади, прилегавшія къ Кремлю. Отборная часть его выстроилась на главной (Красной) площади тыломъ къ Большому посаду (нынѣ Китай городъ), а лицомъ къ тремъ кремлевскимъ воротамъ, именно: Никольскимъ, Фроловскимъ (нынѣ Спасскимъ) и Константино-Еленскимъ (ближнія къ Москвѣ-рѣкѣ). Посланные изъ Кремля священники и діаконы съ хоругвями, иконами и освященною водою обходили площадь, осѣняли крестами и кропили ратниковъ.

Полки представляли величественное зрѣлище. Воины и кони ихъ имѣли бодрый видъ; доспѣхи и оружіе ярко блистали на утреннемъ солнцѣ. Кольчатыя желѣзныя брони или стальныя калантыри (панцырь изъ бляхъ), шлемы съ остроконечными верхушками (яловицами), продолговатые щиты, окрашенные въ любимый красный цвѣтъ, тугіе луки и колчаны со стрѣлами, острыя копья, частью кривыя булатныя сабли, частью прямые мечи—вотъ въ чемъ состояли доспѣхи и оружіе русскихъ воиновъ того времени. Надъ войскомъ во множествѣ развѣвались знамена на высокихъ древкахъ или такъ называемые „стяги"; а поднятыя вверхъ копья имѣли подобіе цѣлаго лѣса. Наиболѣе нарядными, большею частію позолоченными доспѣхами и также яркими, сверху наброшенными плащами или приволоками отличались предводители русской рати, т.-е. князья и воеводы. Изъ среды ихъ особенно выдавался самъ Димитрій Ивано-

вичъ какъ своимъ великокняжескимъ облаченіемъ, такъ и мужественной, сановитой наружностью. Это былъ высокій, плотный мужчина, темноволосый, съ окладистой бородою и большими, умными глазами. Онъ находился еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья; ему было не болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Рядомъ съ нимъ выѣхалъ изъ Кремля его любимый двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ, который былъ еще моложе Димитрія. Вокругъ нихъ ѣхала свита изъ собравшихся въ Москву подручныхъ князей, каковы: Бѣлозерскіе Ѳеодоръ Романовичъ и Семенъ Михайловичъ, Андрей Кемскій, Глѣбъ Каргопольскій и Кубенскій, удѣльные князья Ростовскіе, Ярославскіе, Устюжскіе, Андрей и Романъ Прозоровскіе, Левъ Курбскій, Андрей Муромскій, Юрій Мещерскій, Ѳедоръ Елецкій и другіе.

Все Московское населеніе высыпало на проводы ополченія. Женщины голосили, разставаясь съ своими мужьями, братьями и родственниками. Великая княгиня Евдокія Дмитріевна съ супругою Владиміра Андреевича Еленою Ольгердовною и другими княгинями и съ боярынями московскими у Кремлевскихъ воротъ дѣлали послѣдніе проводы отъѣзжающимъ. Въ слезахъ Евдокія не могла и слова вымолвить. Великій князь, смотря на нее, самъ едва не заплакалъ; однако удержался, чтобы не подать примѣра слабости для воиновъ, и только кроткими словами утѣшалъ супругу.

Остановясь передъ ратью, онъ сказалъ громко окружающимъ его: „Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую, за святыя церкви и за землю Русскую!“

„Готовы сложить свои головы за вѣру Христову и за тебя, Государь великій князь!“—отвѣчали голоса изъ толпы.

Затѣмъ ударили въ бубны, затрубили въ трубы, и войско двинулось въ походъ. Во избѣжаніе тѣсноты, рать раздѣлилась и пошла на Коломну тремя дорогами: одну ея часть съ Владиміромъ Андреевичемъ великій князь отпустилъ на Брашево (Бронницы), другую съ Бѣлозерскими князьями послалъ Болванскою дорогою, а третью самъ повелъ на Котелъ. Евдокія, княгини и боярыни взошли на высокій великокняжескій теремъ и, сидя въ „набережныхъ сѣняхъ“, долго еще сквозь слезы смотрѣли въ южныя окна черезъ Москву-рѣку и Замоскворѣчье на удаляющееся ополченіе, которое безконечной змѣей растянулось по дорогамъ. За войскомъ слѣдовалъ длинный обозъ съ съѣстными запасами и всякой походной рухлядью. Кромѣ того, воины, по обычаю русскихъ походовъ, сло-

жили на телѣги болѣе тяжелыя части своего вооруженія, т.-е. брони, щиты и т. п. А князья и бояре имѣли при себѣ еще особые обозы и многочисленныхъ слугъ.

Семейство свое и городъ Москву великій князь на время отсутствія поручилъ воеводѣ Ѳедору Андреевичу Кобылину (сынъ помянутаго выше Андрея Кобылы). Онъ взялъ съ собою въ походъ изъ Москвы десять гостей—сурожанъ, т.-е. русскихъ купцовъ, ѣздившихъ по торговымъ дѣламъ въ Кафу, Сурожъ (Судакъ) и другіе крымскіе города, а также посѣщавшихъ и самую Золотую Орду. Эти бывалые люди хорошо знали южные пути, пограничные города и селенія, степные зимовники и кочевья Татаръ; они могли служить войску какъ надежными проводниками, такъ и опытными людьми для закупки и отысканія продовольствія и всякихъ другихъ потребныхъ вещей (родъ провіантской артели). Надобно полагать, что сіи русскіе люди оправдали довѣріе великаго князя и хорошо служили войску, такъ какъ лѣтописи сохранили намъ всѣ ихъ имена: Василій Капица, Сидоръ Ельѳерьевъ, Константинъ Волковъ, Козьма Коверя, Семенъ Кортоносъ, Михайло Самаревъ, Тимоѳей Весяковъ, Димитрій Черный, Дементій Сараевъ, Иванъ Шихъ.

24 августа великій князь достигъ города Коломны. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, на рѣчкѣ Сиверкѣ, при ея впаденіи въ Москву рѣку, встрѣтили великаго князя воеводы уже собравшихся здѣсь полковъ. Въ городскихъ воротахъ Димитрія ожидали коломенскій епископъ Герасимъ и священники съ крестами и иконами. На другой день послѣ заутрени происходилъ великокняжескій смотръ всему войску подъ Коломной на широкомъ лугу или такъ называемомъ Дѣвичьемъ полѣ, причемъ собственно Московская дружина съ великокняжескимъ знаменемъ стояла въ какомъ-то саду Памфиловѣ. При звукѣ воинскихъ трубъ и бубновъ Димитрій съ Владиміромъ Храбрымъ объѣзжалъ ряды войска, и сердце его радовалось, смотря на эту многочисленную, бодрую рать. Тутъ онъ раздѣлилъ все ополченіе на обычные четыре походные полка и каждому назначилъ предводителей. Главный или великій полкъ онъ оставилъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ; въ свой полкъ помѣстилъ и удалыхъ князей Бѣлозерскихъ. Кромѣ собственной Московской дружины, въ этомъ главномъ полку находились мѣстные воеводы, начальствовавшіе слѣдующими дружинами: Коломенскою тысяцкій Николай Васильевичъ Вельяминовъ, Владимірскою князь Романъ Прозоровскій, Юрьевскою бояринъ Тимоѳей Валуевичъ, Ко-

стромскою Иванъ Родіоновичъ Квашня, Переяславскою Андрей Серкизовичъ. Полкъ правой руки великій князь поручилъ двоюродному брату Владиміру Андреевичу Серпуховскому и придалъ ему князей Ярославскихъ; подъ Владиміромъ воеводами были: бояре Данило Бѣлоусъ и Константинъ Кононовичъ, князья Өедоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и Андрей Муромскій. Лѣвая рука ввѣрена князю Глѣбу Брянскому, а передовой полкъ двумъ князьямъ, Димитрію и Владиміру Всеволодовичамъ (Друцкимъ?).

Надобно полагать, что здѣсь великій князь окончательно убѣдился въ измѣнѣ Олега Рязанскаго, который до сей минуты хитрилъ и продолжалъ дружески сноситься съ Димитріемъ. Вѣроятно это обстоятельство и побудило сего послѣдняго, вмѣсто того, чтобы перейти Оку подъ Коломной и вступить во внутренніе предѣлы Рязанской земли, уклониться нѣсколько къ западу, чтобы ихъ миновать. Можетъ быть, принимая это направленіе, онъ также давалъ время присоединиться къ нему тѣмъ московскимъ отрядамъ, которые еще не успѣли собраться.

На слѣдующее утро послѣ помянутаго смотра князья и бояре отстояли обѣдню въ соборномъ Коломенскомъ храмѣ, благословились у владыки Герасима и выступили въ дальнѣйшій походъ лѣвымъ прибрежьемъ Оки. Достигнувъ устьевъ рѣки Лопасны, войско остановилось. Тутъ присоединился къ нему воевода Тимоөей Васильевичъ Вельяминовъ; онъ привелъ тѣхъ ратниковъ, которые собрались въ Москвѣ уже послѣ выступленія великаго князя. Димитрій выслушалъ новыя вѣсти о положеніи своихъ непріятелей и повелѣлъ войску въ этомъ мѣстѣ перевозиться за Оку. Когда окончилась переправа, онъ вновь сдѣлалъ смотръ всему ополченію, и вновь велѣлъ его сосчитать. Лѣтописцы наши, очевидно, преувеличиваютъ число русскаго войска, говоря, что насчитали болѣе 200,000 ратниковъ. Мы будемъ ближе къ истинѣ, если по нѣкоторымъ соображеніямъ предположимъ, что ихъ было слишкомъ *сто тысячъ*. Во всякомъ случаѣ лѣтописцы совершенно вѣрно замѣчаютъ, что такой великой рати еще никогда не выставляла Русская земля. А, между тѣмъ, эта рать собрана была далеко не со всей Русской земли, но только во владѣніяхъ Московскаго великаго князя и подручныхъ ему мелкихъ удѣльныхъ князей Сѣверовосточной Руси.

Ни одинъ изъ областныхъ князей того времени не принялъ участія въ столь славномъ предпріятіи, хотя Димитрій всюду посылалъ

гонцовъ съ грамотами. Князья эти или боялись Татаръ, или завидовали Москвѣ и не желали помогать усиленію своего соперника. Не говоря уже объ Олегѣ Рязанскомъ, великій князь тверской Михаилъ Александровичъ также не пришелъ на помощь Москвитянамъ. Даже собственный тесть Московскаго князя Димитрій Константиновичъ Нижегородскій не только самъ не явился, но и совсѣмъ не прислалъ своихъ дружинъ зятю. Не явились также Смольняне и Новгородцы. А Черниговцы, Кіевляне и Волынцы въ то время находились уже подъ властію Литовскою. Димитрій Ивановичъ однако не смущался безучастіемъ другихъ областей. Онъ только жалѣлъ, что у него мало пѣшей рати, которая при скоромъ походѣ не могла всегда поспѣвать за конницею. Поэтому онъ оставилъ у Лопасны помянутаго воеводу Тимоѳея Васильевича Вельяминова, чтобы тотъ собралъ всѣ отставшіе или разсыпавшіеся отряды и въ порядкѣ привелъ бы ихъ въ главную рать. По всѣмъ признакамъ, воевода успѣшно исполнилъ это порученіе.

Отъ Лопасны войско двинулось прямо къ верхнему Дону, направляясь вдоль западныхъ рязанскихъ предѣловъ или собственно по древней землѣ Вятичей. Великій князь строго наказалъ, чтобы ратники на походѣ не обижали жителей, не грабили и не убивали ихъ. Онъ, очевидно, избѣгалъ всякаго повода раздражать противъ себя Рязанцевъ, чтобы они не вздумали враждебно дѣйствовать у него въ тылу. И дѣйствительно, благодаря разумнымъ распоряженіямъ вождей, весь этотъ переходъ совершился довольно скоро и благополучно. Притомъ и самая погода благопріятствовала походу: хотя осень уже начиналась, но стояли ясные, теплые дни, и почва была сухая.

Во время этого похода Димитрій Ивановичъ получилъ еще помощь. Къ нему приспѣли съ своими дружинами два Ольгердовича, Андрей Полоцкій, княжившій тогда во Псковѣ, и Димитрій Корибутъ Брянскій. Сей послѣдній (особый отъ помянутаго выше Димитрія Трубчевскаго) подобно брату Андрею, поссорившись съ Ягелломъ, временно вступилъ въ число подручниковъ великаго князя Московскаго. Димитрій Ивановичъ обрадовался приходу двухъ Ольгердовичей въ особенности потому, что они славились своею воинскою опытностью, а также могли быть полезны на случай войны съ ихъ братомъ Ягелломъ.

Слѣдуя на всемъ этомъ походѣ правиламъ осторожности и предусмотрительности, великій князь постоянно собиралъ вѣсти о положеніи, силахъ и намѣреніяхъ своихъ непріятелей. Между прочимъ,

онъ отрядилъ впередъ расторопнаго боярина Семена Мелика съ отборной конницей; въ ея числѣ находились московскіе дворяне Кренинъ, Тынинъ, Горскій, Чириковъ, Карпъ Александровичъ и другіе, извѣстные своимъ удальствомъ и смѣтливостью. Имъ дано порученіе ѣхать подъ самую татарскую сторожу, наблюдать за непріятелемъ и сообщать о немъ вѣрныя свѣдѣнія. Очевидно, развѣдочная часть (то что мы называемъ рекогносцировкой)—это необходимое условіе успѣха на войнѣ—составляла особую заботу главнаго предводителя Русской рати и его умныхъ совѣтниковъ.

Приблизясь къ Дону, Димитрій Ивановичъ остановилъ полки и расположился на мѣстѣ, называвшемся Березой, гдѣ и подождалъ отставшую пѣшую рать. Тутъ явились къ нему дворяне Петръ Горскій и Карпъ Александровичъ, присланные бояриномъ Меликомъ съ добытымъ языкомъ, т.-е. съ захваченнымъ въ плѣнъ татариномъ, который оказался изъ свиты самого Мамая. Подъ угрозой жестокой пытки начали допрашивать его и узнали слѣдующее: Мамай стоитъ уже на Кузьминой гати; подвигается впередъ медленно, ибо все ожидаетъ Олега Рязанскаго и Ягелла Литовскаго; о близости Димитрія Московскаго онъ пока не вѣдаетъ, полагаясь на грамоты Олега, который увѣрялъ его, что Московскій князь не отважится выдти навстрѣчу. Однако можно было думать, что дня черезъ три Мамай перейдетъ на лѣвую сторону Дона. Въ то же время пришли вѣсти и съ другой стороны: Ягелло, выступившій на соединеніе съ Мамаемъ, стоялъ уже на берегахъ Упы у Одоева.

Димитрій Ивановичъ началъ совѣщаться съ князьями и воеводами.

„Гдѣ давать битву? — спрашивалъ онъ.—Дожидать ли Татаръ на сей сторонѣ Дона или перевозиться на ту сторону?“

Мнѣнія раздѣлились. Нѣкоторые голоса склонялись къ тому, чтобы не переходить рѣку и не оставлять у себя въ тылу Литву и Рязанцевъ; въ случаѣ неудачи легче будетъ отступить и уйти въ свою землю. Но другіе были противнаго мнѣнія, въ томъ числѣ и братья Ольгердовичи, которые съ особою убѣдительностью настаивали на немедленной переправѣ за Донъ.

„Если останемся здѣсь,—разсуждали они,—то дадимъ мѣсто малодушію. А если перевеземся на ту сторону Дона, то крѣпкій духъ будетъ въ воинствѣ твоемъ. Зная, что отступить и бѣжать некуда, что остается только побѣдить или лечь костьми, воины будутъ сражаться мужественно. А что языки (вѣсти) страшатъ насъ несмѣтною

татарскою силою, то не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ". Приводили также Димитрію извѣстные по лѣтописямъ примѣры его славныхъ предковъ: такъ, Ярославъ, переправясь за Днѣпръ, побѣдилъ окаяннаго Святополка; Александръ Невскій, перейдя рѣку, поразилъ Шведовъ. Напоминали и необходимость предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ.

Великій князь рѣшительно принялъ мнѣніе Ольгердовичей и поощрялъ болѣе осторожныхъ воеводъ такими словами:

„Любезные друзья и братья! Вѣдайте, что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или рѣку Донъ стеречь, но дабы Русскую землю отъ плѣненія и разоренія избавить или голову свою за всѣхъ положить; честная смерть лучше плохого живота. Лучше было бы мнѣ нейти противъ безбожныхъ Татаръ, нежели, пришедъ и ничтоже сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ и все отъ гибели сохранимъ, или сложимъ свои головы за святыя церкви, за православную вѣру и за братью нашихъ христіанъ".

На рѣшимость Димитрія не мало подѣйствовала и полученная передъ тѣмъ грамота отъ игумена Сергія. Посылаемые отъ великаго князя на Москву гонцы извѣщали его супругу, духовенство и оставшихся бояръ о походѣ Русской рати. Преподобный игуменъ справлялся о ней съ горячимъ участіемъ и прислалъ великому князю грамоту, въ которой вновь благословилъ его на подвигъ, побуждалъ биться съ Татарами и обѣщалъ побѣду. „Чтобы еси, господине, таки пошелъ — писалъ онъ.—А поможетъ ти Богъ и Пречистая Богородица". Съ грамотою Сергій прислалъ Димитрію и освященный хлѣбецъ или просфору.

7 сентября, въ пятницу, наканунѣ праздника Рождества Богородицы, Русское войско придвинулось къ самому Дону. Великій князь велѣлъ нарубить деревьевъ и хворосту въ сосѣднихъ дубравахъ и наводить мосты для пѣхоты, а для конницы искать бродовъ; что не представляло большихъ трудностей, такъ какъ Донъ въ тѣхъ мѣстахъ еще близокъ къ своимъ верховьямъ и не отличается ни шириною, ни глубиною своего теченія.

Распоряженія эти оказались вполнѣ благоразумны, и болѣе нельзя было терять ни одной минуты. Къ великому князю прискакалъ сэ своей сторожей Семенъ Меликъ и доложилъ, что онъ уже бился съ передовыми татарскими наѣздниками и что они гнались за нимъ до большой Русской рати; что самъ Мамай уже на Гусиномъ броду;

онъ теперь знаетъ о приходѣ Димитрія и спѣшитъ къ Дону, чтобы загородить Русскимъ переправу до прибытія Ягайла. О послѣднемъ также получилось извѣстіе, что онъ уже двинулся отъ Одоева навстрѣчу Мамаю.

Къ ночи Русская рать успѣла переправиться за Донъ и расположилась на лѣсистыхъ холмахъ при впаденіи въ него рѣки Непрядвы. За этими холмами лежало широкое десятиверстное поле, называвшееся *Куликовымъ*; посреди его протекала рѣчка Смолка, къ верховьямъ которой съ обѣихъ сторонъ шли отлогіе спуски. За этой-то рѣчкой, на противуположныхъ возвышеніяхъ разбила свой станъ орда Мамая, который пришелъ сюда въ то же время, но ужъ къ ночи, и такимъ образомъ не успѣлъ помѣшать русской переправѣ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ поля, на такъ называемомъ Красномъ холмѣ, поставленъ былъ шатеръ самого хана, а около него располагались ставки его ближнихъ воеводъ или темниковъ. Окрестности Куликова поля представляли пересѣченную овражистую мѣстность, были покрыты кустарникомъ и рощами, а отчасти дебрями, т.-е. лѣсными зарослями на влажнымъ мѣстахъ.

Въ числѣ главныхъ воеводъ у Димитрія Ивановича находился Димитрій Михайловичъ Боброкъ, Волынскій бояринъ. Въ тѣ времена Москва, какъ мы знаемъ, привлекала къ себѣ большое количество выходцевъ изъ другихъ русскихъ земель. Особенно приходили многіе бояре и дворяне изъ Сѣверской и Черниговской земли, а также изъ земли Волынской. Это были люди большею частію предпріимчивые, опытные и усердные. Къ такимъ-то выходцамъ принадлежалъ и одинъ изъ безъудѣльныхъ князей Волынскихъ, Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ Боброкъ. Онъ вступилъ въ службу Московскаго князя и даже породнился съ нимъ, получивъ руку его сестры Анны. Боброкъ уже успѣлъ отличиться нѣсколькими побѣдами, предводительствуя полками великаго князя Московскаго въ его войнахъ съ сосѣдями. Вообще онъ слылъ человѣкомъ очень искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ, даже знахаремъ. Онъ умѣлъ гадать по разнымъ знаменіямъ, и вызвался показать великому князю примѣты, по которымъ можно узнать судьбу предстоявшаго сраженія.

Лѣтописное сказаніе передаетъ такимъ образомъ это гаданіе:

Ночь была теплая и тихая. Великій князь и Димитрій Боброкъ сѣли на коней, выѣхали на Куликово поле, стали между обѣихъ ратей и, обратясь лицомъ къ Татарамъ, начали прислушиваться. До

нихъ доносились великій кличъ и стукъ, какъ будто происходило шумное торжище или городъ строили и въ трубы звучали. Позади татарскаго стана слышались завыванія волковъ; на лѣвой сторонѣ, носясь въ воздухѣ, клектали орлы и граяли вороны; а на правой сторонѣ, надъ рѣкою Непрядвою, вились стаи гусей, лебедей и утокъ и трепетно плескали крыльями, какъ бы передъ страшною бурей.

„Что слышалъ еси, господине княже?"—спросилъ Волынецъ.

„Слышалъ, брате, страхъ и грозу велію",—отвѣчалъ Димитрій.

„Обратись, княже, на полки русскіе".

Димитрій повернулъ коня. На русской сторонѣ была тишина великая.

„Что, господине, слышишь?"—переспросилъ Боброкъ.

„Ничего не слышу,—замѣтилъ великій князь;—только видѣлъ я будто зарево, исходящее отъ многихъ огней".

„Господине княже, благодари Бога, Пречистую Богородицу, великаго чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ,—молвилъ Боброкъ:—огни суть доброе знаменіе. Призывай Господа Бога на помощь и не оскудѣвай вѣрою".

„Есть у меня еще примѣта"—сказалъ онъ, сошелъ съ коня и припалъ къ землѣ правымъ ухомъ. Долго прислушивался, потомъ всталъ и понурилъ голову.

„Что же, брате, повѣдай мнѣ, какова примѣта?"—спросилъ Димитрій.

Воевода не отвѣчалъ ни слова и былъ печаленъ, даже заплакалъ. Слезы эти смутили великаго князя, и онъ усильно просилъ разсказать примѣту. Боброкъ наконецъ заговорилъ:

„Господине княже, скажу тебѣ единому; ты же никому не повѣдай. То двѣ примѣты: одна тебѣ на велію радость, а другая на велію скорбь. Слышалъ я землю горько и страшно плачущую надвое: на одной сторонѣ будто женщина кричитъ татарскимъ голосомъ о чадахъ своихъ и бьется, проливая токи слезъ; а на другой сторонѣ будто дѣвица плачетъ и вопитъ свирѣльнымъ голосомъ въ великой скорби и печали. Много я тѣхъ примѣтъ испыталъ и во многихъ битвахъ бывалъ. Уповай на милость Божію: ты одолѣешь поганыхъ Татаръ; но воинства твоего христіанскаго падетъ многое множество".

Димитрій, въ свою очередь, прослезился при этихъ словахъ и сказалъ: „Да будетъ воля Господня". Онъ обѣщалъ никому не говорить о знаменіяхъ, чтобы не смутить сердца воиновъ.

Дѣйствительно, въ эту ночь, если вѣрить сказанію, волки страшно выли, и было ихъ такое множество, какъ будто сбѣжались со всей вселенной. Всю ночь также слышались граянія вороновъ и клектанье орловъ. Хищные звѣри и птицы какъ бы чуяли близкое кровопролитіе и запахъ многочисленныхъ труповъ.

Утро 8 сентября было очень туманно: густая мгла мѣшала видѣть движеніе полковъ; только на обѣихъ сторонахъ поля раздавался звукъ воинскихъ трубъ. Но часу въ 9-мъ туманъ началъ разсѣяваться, и солнце освѣтило русскіе полки, строившіеся въ боевой порядокъ. Полки эти уже выдвинулись впередъ и заняли такое положеніе, что правымъ бокомъ они упирались въ овраги и дебри рѣчки Нижняго Дубика, впадающей въ Непрядву, а лѣвымъ въ крутоярье Смолки, тамъ, гдѣ она дѣлаетъ сѣверный заворотъ. На правомъ крылѣ Димитрій поставилъ братьевъ Ольгердовичей, а князей Бѣлозерскихъ помѣстилъ на лѣвомъ. Пѣхота большею частію была выставлена въ передовой полкъ. Этимъ полкомъ попрежнему начальствовали братья Всеволодовичи; къ нему же присоединились бояринъ Николай Васильевичъ Вельяминовъ съ Коломенцами и Семенъ Меликъ съ своимъ сторожевымъ отрядомъ. Въ большомъ или середнемъ полку подъ самимъ великимъ княземъ воеводствовали Глѣбъ Брянскій и великій московскій бояринъ Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ. Кромѣ того, Димитрій отрядилъ еще запасный или засадный полкъ (что теперь называется „главный резервъ"), который поручилъ брату Владиміру Андреевичу и помянутому Волынскому боярину Димитрію Михайловичу Боброку. Этотъ конный полкъ сталъ въ засаду за лѣвымъ крыломъ въ густой дубравѣ надъ рѣкою Смолкою, такъ что онъ былъ совершенно скрытъ отъ взоровъ непріятеля. Выборъ сего мѣста обнаруживалъ весьма проницательный воинскій взглядъ. Полкъ былъ помѣщенъ такимъ образомъ, что могъ легко подкрѣпить сражающихся, а кромѣ того прикрывалъ обозы и сообщеніе съ мостами, наведенными на Донў, т.-е. единственный путь отступленія въ случаѣ неудачи.

Устроивъ полки, великій князь на своемъ борзомъ конѣ объѣзжалъ ряды воиновъ и говорилъ имъ: „Возлюбленные отцы и братія, Господа ради и Пречистыя Богородицы и своего ради спасенія подвизайтеся за православную вѣру и за братію нашу". Бодрость и мужество свѣтились на лицахъ русскихъ ратниковъ; воинственные клики слышались въ отвѣтъ на этотъ призывъ.

На челѣ великаго или главнаго полку стояла собственная дру-

жина великаго князя и развѣвалось его большое черное знамя съ вышитымъ на немъ ликомъ Спасителя. Димитрій сошелъ съ богато-убраннаго коня, снялъ съ себя златотканый плащъ или великокняжую приволоку; возложилъ ее на любимца своего боярина Михаила Андреевича Бренка, посадилъ его на своего коня, и велѣлъ носить передъ нимъ большое черное знамя. А самъ покрылся сверхъ брони простымъ плащемъ и пересѣлъ на другого коня. Онъ вынулъ изъ-за пазухи крестъ съ заключенною въ немъ частицею Животворящаго древа, приложился къ нему, вкусилъ освященную просфору игумена Сергія и, творя молитву, поѣхалъ въ сторожевой полкъ, чтобы впереди его собственноручно ударить на враговъ.

Тщетно князья и воеводы удерживали его. „Тебѣ подобаетъ стоять особо отъ битвы,—говорили они, и смотрѣть на сражающихся, а потомъ честить и жаловать оставшихся въ живыхъ и творить память по убіеннымъ. Если же тебя, Государя, лишимся, то уподобимся стаду овецъ безъ пастыря; придутъ волки и распугаютъ насъ“.

„Братія моя милая,—отвѣчалъ Димитрій,—добрыя ваши рѣчи и похвалы достойныя. Но если я вамъ глава, то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду—вмѣстѣ съ вами“.

Часовъ въ одиннадцать утра съ противуположныхъ холмовъ двинулась татарская рать навстрѣчу русской. Оба воинства стали спускаться къ лощинѣ, откуда брала свое начало рѣчка Смолка, т.-е. къ серединѣ Куликова поля. Страшно было смотрѣть на эти двѣ грозныя силы, шедшія другъ на друга. Видъ ихъ былъ неодинаковъ. Русское воинство отличалось червлеными щитами и свѣтлыми доспѣхами, сіявшими на солнцѣ; а татарское отъ своихъ темныхъ щитовъ и сѣрыхъ кафтановъ издали походило на черную тучу. Передній татарскій полкъ въ средней своей части, также какъ и русскій, состоялъ изъ пѣхоты (можетъ быть, наемные генуэзскіе кондотьеры). Она двигалась густою колонною, причемъ задніе ряды клали свои копья на плеча переднихъ; у послѣднихъ они были короче, а у заднихъ длиннѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга обѣ рати вдругъ остановились. Тутъ съ татарской стороны выѣхалъ воинъ огромнаго роста, подобный древнему Голіафу, чтобы по обычаю тѣхъ временъ начать битву единоборствомъ и своимъ примѣромъ поощрить войско. Онъ былъ изъ знатныхъ людей и назывался Чели-бей (по другимъ Темиръ-мурза).

Увидѣлъ его инокъ Пересвѣтъ, вмѣстѣ съ Ослябемъ шедшій также въ передовомъ полку, и сказалъ воеводамъ: „Сей человѣкъ себѣ подобнаго ищетъ; я хочу съ нимъ видѣться". „Отцы и братія,—воскликнулъ онъ, — простите меня грѣшнаго; брате Ослябе, моли за меня Бога! Преподобный отецъ игуменъ Сергій, помоги мнѣ молитвою своею". И затѣмъ съ копьемъ въ рукѣ поскакалъ на врага, имѣя на шлемѣ Сергіеву схиму съ крестомъ. Завидѣвъ его, Татаринъ, понесся ему навстрѣчу. Противники ударили другъ на друга съ такою силою, что кони ихъ упали на колѣна, а сами они мертвыми поверглись на землю.

Тогда обѣ рати двинулись въ битву: Русскіе, призывая на помощь Господа и Богородицу, а Татары—Аллаха и Магомета. Димитрій показалъ примѣръ мужества и воинской отваги. Онъ перемѣнилъ нѣсколько коней, сражаясь въ передовомъ полку; когда же обѣ передовыя рати смѣшались, отъѣхалъ къ великому полку. Но дошелъ чередъ до сего послѣдняго, и онъ опять принялъ личное участіе въ битвѣ. А противникъ его ханъ Мамай съ своими ближними темниками и тѣлохранителями наблюдалъ сраженіе съ вершины Краснаго холма.

Скоро мѣсто, гдѣ сошлись обѣ рати, сдѣлалось до того тѣснымъ, что ратники задыхались въ густой свалкѣ. Разступиться въ сторону было некуда; съ обоихъ боковъ препятствовало тому свойство мѣстности. Такой страшной битвы никто изъ Русскихъ и не помнилъ. По выраженію нашихъ лѣтописей, „копья ломались какъ солома, стрѣлы падали дождемъ, пыль закрывала солнечные лучи, мечи сверкали молніями, а люди падали какъ трава подъ косою, кровь лилась какъ вода и текла ручьями". Битва была по преимуществу рукопашная, слѣдовательно самая кровопролитная. Въ тѣснотѣ воины схватывали противника лѣвою рукою, а правою рубили его или кололи. Многіе умирали подъ конскими копытами. Но и кони едва могли двигаться отъ множества труповъ, которыми въ самое короткое время покрылось поле битвы. Полки смѣшались другъ съ другомъ: въ одномъ мѣстѣ одолѣвали Татары, въ другомъ Русскіе. Ржаніе и топотъ коней, клики сражавшихся, трескъ оружія и стоны раненыхъ производили такой шумъ, что воеводы передней рати тщетно пытались водворить порядокъ; никто ихъ не слышалъ; да и сами они большею частію скоро пали геройскою смертью.

Пѣшая русская рать уже полегла костьми. Пользуясь своимъ превосходствомъ въ числѣ и смертью многихъ русскихъ вождей, Татары разстроили наши передніе полки и стали теперь напирать

на главную рать, т.-е. на полки Московскій, Владимірскій и Суздальскій. Тутъ нѣкоторые молодые, неопытные Москвичи подались назадъ и произвели замѣшательство, такъ что толпа Татаръ прорвалась къ большому знамени, подрубила у него древко и убила боярина Бренка, принявъ его за великаго князя. Но Глѣбъ Брянскій, Тимоѳей Васильевичъ и другіе воеводы успѣли возстановить порядокъ и опять сомкнуть большой полкъ. Между тѣмъ на правой рукѣ Андрей Ольгердовичъ одолѣвалъ Татаръ; но онъ не дерзалъ гнаться за непріятелемъ, чтобы не отдаляться отъ большого полку, который не подвигался впередъ. На послѣдній навалило сильное Татарское полчище и пыталось его прорвать, но тщетно; хотя и тутъ многіе воеводы, старавшіеся служить примѣромъ для воиновъ, уже были убиты.

Мы видѣли, что Димитрій и его опытные помощники, знакомые съ татарскою тактикой и очевидно хорошо освѣдомленные о мѣстности, поставили полки такимъ образомъ, что Татары не могли ихъ охватить ни съ какой стороны. Слѣдовательно имъ оставалось только одно: гдѣ-либо прорвать русскій строй и тогда уже ударить ему въ тылъ. Видя неудачу въ центрѣ, они съ особою яростью устремились на лѣвое наше крыло, куда ихъ начальники и направили свои подкрѣпленія. Здѣсь нѣкоторое время кипѣлъ самый ожесточенный бой. Наконецъ, когда начальствовавшіе лѣвымъ полкомъ князья Бѣлозерскіе всѣ пали смертью героевъ, этотъ полкъ замѣшался и сталъ все болѣе и болѣе подаваться назадъ подъ напоромъ враговъ. Теперь большому полку угрожала опасность быть обойденнымъ съ боку и съ тыла; все Русское войско такимъ образомъ было бы отрѣзано отъ Донского пути, приперто къ Непрядвѣ и подверглось бы истребленію. Недаромъ Татары устремили главныя свои усилія на лѣвое наше крыло, а не на правое. Ихъ воеводы конечно знали, въ какой сторонѣ находилось самое чувствительное мѣсто Русскаго войска. Уже раздавались неистовое гиканье и побѣдные клики Татаръ. Но тутъ-то и сказалась замѣчательная предусмотрительность въ приготовленіи и расположеніи нашего засаднаго полка.

Уже давно князь Владиміръ Андреевичъ и воевода Димитрій Волынецъ изъ своей засады съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за битвою (съ помощью нѣсколькихъ воиновъ, взобравшихся на деревья). Сердце горѣло у молодого князя, и онъ рвался въ бой, особенно когда видѣлъ, что Татары въ какомъ-либо мѣстѣ начинали одолѣвать Русскихъ. Нетерпѣніе его раздѣляли и многіе другіе пылкіе юноши. Но опытный воевода сдерживалъ ихъ пылкость.

„Какая польза отъ нашего стоянія? Кому мы будемъ помогать послѣ, когда уже будетъ поздно?“ — наконецъ стали ворчать болѣе нетерпѣливые, особенно при извѣстіи, что Татары начали тѣснить наше лѣвое крыло.

„Подождите еще немного, несносные вы Русскіе дѣти,—бранилъ ихъ Боброкъ.—Будетъ еще вамъ съ кѣмъ тѣшиться, пить и веселиться“.

Жестокая битва длилась уже часа два, и дѣйствительно, требовалось большое терпѣніе смотрѣть на нее и оставаться въ бездѣйствіи, не летѣть на помощь своимъ. Доселѣ Татарамъ помогало еще то обстоятельство, что солнечный свѣтъ ударялъ Русскимъ прямо въ очи, и вѣтеръ дулъ имъ въ лицо. Но вотъ мало-по-малу солнце зашло сбоку, а вѣтеръ вдругъ потянулъ въ другую сторону. Въ то же время уходившее въ безпорядкѣ лѣвое русское крыло и гнавшая его татарская рать поравнялись съ той самой дубравой, гдѣ стоялъ засадный полкъ.

„Теперь и нашъ часъ приспѣлъ!—воскликнулъ Волынецъ Боброкъ.—Дерзайте братія и други. Во имя Отца и Сына и Святого Духа“!

„Какъ соколы на журавлиное стадо“, такъ устремилась русская засадная дружина на Татаръ, и ударила имъ въ бокъ и въ тылъ. Это неожиданное нападеніе свѣжаго войска сильно смутило враговъ, утомленныхъ долгою битвою и потерявшихъ свой воинскій строй. Они скоро были совершенно разбиты и разсѣяны.

Между тѣмъ, Димитрій Ольгердовичъ, предусмотрительно помѣщенный съ своимъ отрядомъ за большимъ полкомъ (т.-е. въ резервѣ), поспѣшилъ закрыть его бокъ, открывшійся съ отступленіемъ лѣваго крыла, и такимъ образомъ главная татарская сила, продолжавшая напирать на большой русскій полкъ, не успѣла его разстроить. Теперь же, когда значительная часть непріятельскаго войска была разсѣяна и засадная дружина подоспѣла на помощь главной рати, послѣдняя двинулась впередъ. Русская стойкость и здѣсь взяла верхъ. Татары, горячо нападавшіе въ началѣ боя, успѣли уже утомиться; а пораженіе ихъ праваго крыла и появленіе свѣжаго русскаго полка окончательно лишили ихъ бодрости. Главная ихъ рать дрогнула и стала отходить назадъ. На спускѣ Краснаго Холма, подкрѣпленные послѣдними ханскими силами, Татары около своихъ таборовъ пріостановились и вновь вступили въ бой. Но не надолго. Русскіе неудержимо ломили впередъ и охватывали враговъ со всѣхъ сторонъ. Все татарское полчище обратилось наконецъ въ дикое бѣгство. Самъ Мамай и его ближніе мурзы на свѣжихъ, быстрыхъ коняхъ

поскакали въ степь, оставивъ свой станъ со множествомъ всякаго добра въ добычу побѣдителямъ. Русскіе конные отряды, посланные въ погоню за Татарами, гнали ихъ и били до самой рѣки Мечи, слѣдовательно на разстояніи приблизительно сорока верстъ; при чемъ захватили множество верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ имуществомъ, а также цѣлыя стада рогатаго и мелкаго скота; въ этихъ стадахъ, какъ извѣстно, заключалось главное богатство кочеваго Татарскаго народа.

„Но гдѣ же великій князь? Гдѣ первоначальникъ нашей славы?"— спрашивали другъ друга, оставшіеся въ живыхъ, князья и воеводы.

Особенно безпокоился братъ и другъ Димитрія, Владиміръ Андреевичъ. Онъ „сталъ на костяхъ", т.-е. на полѣ битвы, подъ большимъ чернымъ знаменемъ, и велѣлъ трубить сборъ. Когда воинство сошлось около него, Владиміръ началъ распрашивать, кто послѣдній видѣлъ великаго князя. Нѣкоторые говорили, что видѣли его сильно раненаго и что, вѣроятно, онъ лежитъ гдѣ-нибудь между трупами; кто-то сообщилъ, что встрѣтилъ его крѣпко оборонявшагося отъ четырехъ Татаръ и уходившаго отъ нихъ. Князь Стефанъ Новосильскій разсказывалъ, какъ видѣлъ Димитрія пѣшаго и отъ ранъ его едва идущаго съ побоища, но не могъ помочь ему, потому что самъ въ это время отбивался отъ трехъ Татаръ. Всѣ эти разсказы не объясняли главнаго: куда же дѣвался великій князь? Тогда Владиміръ Андреевичъ во всѣ стороны разослалъ дружинниковъ искать его и обѣщалъ большую награду тому, кто найдетъ его живымъ.

Воины разсыпались по Куликову полю и начали прилежно осматривать лежавшія повсюду кучи труповъ. Нѣкоторые увидали на убитомъ великокняжескую приволоку и думали, что нашли Димитрія; но это оказался бояринъ Бренкъ; другіе за великаго князя приняли было Ѳеодора Семеновича Бѣлозерскаго, который былъ похожъ на него; третьи нашли павшаго коня и нѣсколькихъ слугъ Димитрія; но самого его не было видно. Наконецъ, два Костромича, по имени Ѳеодоръ Сабуръ и Григорій Хлопищевъ, уклонясь нѣсколько на правую сторону поля, къ какой-то дубравѣ, усмотрѣли великаго князя, лежащаго подъ вѣтвями вновь срубленнаго дерева; они соскочили, съ коней, подошли къ нему и убѣдились, что онъ живъ. Хлопищевъ остался при немъ, а Сабуровъ поскакалъ съ радостною вѣстью къ Владиміру Андреевичу. Всѣ князья и бояре поспѣшили на указанное мѣсто, сошли съ коней и поклонились до земли великому князю.

„Братъ мой милый, великій княже Димитрій Ивановичъ, слава

Господу Богу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери! Молитвами и помощью угодниковъ божіихъ мы побѣдили своихъ супостатовъ!“

„Кто глаголетъ сія?“—проговорилъ Димитрій, открывая глаза.

„Это я, братъ твой Владиміръ; возвѣщаю тебѣ, что Богъ явилъ тебѣ милость, даровавъ побѣду надъ врагами“.

Обрадованный Димитрій съ трудомъ всталъ на ноги, и то при помощи другихъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены; когда ихъ сняли, то не нашли у великаго князя никакой смертельной раны, ибо крѣпкіе доспѣхи защитили его отъ острія мечей и копій. Но тѣло его было покрыто язвами и ушибами. Имѣя въ виду значительную тучность Димитрія, мы поймемъ, до какой степени онъ былъ утружденъ продолжительною битвою и какъ былъ оглушенъ ударами, большая часть которыхъ пришлась по головѣ, плечамъ и животу, особенно когда онъ лишился коня и пѣшій отбивался отъ враговъ. Надобно еще удивляться тому, что онъ, будучи отрѣзанъ отъ своихъ, имѣлъ довольно силы добраться до срубленнаго дерева, прежде нежели упалъ безъ чувствъ подъ его вѣтвями. Отвага Димитрія Ивановича и желаніе его лично начать битву съ врагами, подобно удалымъ древнерусскимъ князьямъ, которые обыкновенно бились на челѣ своихъ дружинъ, — эта отвага едва не стоила ему жизни и едва не обратила радость отъ побѣды въ скорбь и печаль. А если отсутствіе великаго князя въ послѣднія критическія минуты боя не помѣшало нашей побѣдѣ, то этимъ Русь была обязана, во-первыхъ, тому же Димитрію Ивановичу, который своими умными мѣрами и распоряженіями, особенно устройствомъ засаднаго полка, приготовилъ торжество русскаго оружія. Во-вторыхъ, побѣда досталась намъ потому, что большая часть русскихъ воиновъ, отъ князей и бояръ до простыхъ ратниковъ, свято исполнила свой долгъ и не только поддержала древнюю славу русскаго имени, но и грядущимъ поколѣніямъ оставила высокій примѣръ доблести и любви къ родинѣ.

Наступала уже ночь. Димитрія Ивановича посадили на коня и отвезли въ его шатеръ. Владиміръ Андреевичъ приказалъ весело трубить въ трубы, чтобы все воинство узнало и возрадовалось о сохраненіи великаго князя.

Слѣдующій день былъ воскресный. Димитрій прежде всего помолился Богу и возблагодарилъ Его за побѣду; потомъ выѣхалъ къ воинству, хвалилъ его подвиги и обѣщалъ каждаго наградить по заслугамъ. Затѣмъ съ князьями и боярами онъ началъ объѣзжать Кули-

ково поле и осматривать побоище. Печально и ужасно было зрѣлище поля, покрытаго кучами труповъ и лужами запекшейся крови. Христіане и Татары лежали, смѣшавшись другъ съ другомъ. Димитрій безъ слезъ не могъ смотрѣть на павшихъ своихъ воиновъ. Особенно плакалъ онъ, когда наѣзжалъ на трупы княжескіе и боярскіе. Князья Бѣлозерскіе Ѳедоръ Романовичъ, сынъ его Иванъ и племянникъ Семенъ Михайловичъ, лежали вкупѣ съ нѣкоторыми своими родичами и многими дружинниками; видно было, какъ крѣпко стояли они другъ за друга и какъ всѣ пали героями. Считая съ Бѣлозерскими, вообще пало до пятнадцати русскихъ князей и княжатъ, въ томъ числѣ два брата князья Тарусскіе и Димитрій Монастыревъ.

Проливалъ слезы великій князь надъ трупами своего любимца Михаила Андреевича Бренка и большого боярина Николая Васильевича Вельяминова. Въ числѣ убитыхъ находились также: Семенъ Меликъ, Валуй Окатьевичъ, Иванъ и Михаилъ Акинфовичи, Андрей Серкизовъ, Андрей Шуба, Иванъ Александровичъ, Левъ Морозовъ, Тарасъ Шатневъ, Димитрій Мининъ и многіе другіе бояре и дворяне великаго князя.

Проѣзжая мимо тѣлъ Пересвѣта и его противника татарскаго богатыря, великій князь сказалъ окружающимъ:

„Видите, братіе, начальника битвы; онъ побѣдилъ подобнаго себѣ, отъ котораго многимъ пришлось бы пить чашу смертную“.

Инокъ Ослябя также былъ въ числѣ павшихъ.

Смотря на великое множество убитыхъ христіанъ и еще большее количество Татаръ, Димитрій Ивановичъ обратился къ Волынцу Боброку со словами:

„Брате Димитрій, воистину разумливъ еси, и не ложна примѣта твоя! Подобаетъ тебѣ всегда быти воеводою“.

Великій князь велѣлъ воинамъ отдѣлять по возможности христіанскія тѣла отъ татарскихъ и первыхъ предавать землѣ священникамъ съ обычными молитвами. Восемь дней оставался онъ еще близъ мѣста битвы, давая время войску погребсти своихъ братій, отдохнуть и придти въ порядокъ. Между прочимъ, онъ приказалъ сосчитать число оставшейся рати. Сосчитали, и нашли налицо только сорокъ тысячъ человѣкъ; слѣдовательно гораздо болѣе половины выступившей въ походъ рати пришлось на долю убитыхъ, раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и малодушныхъ, покинувшихъ свои знамена.

Межъ тѣмъ, Ягайло Литовскій 8 сентября только на одинъ день пути находился отъ мѣста битвы. Когда же до него достигла вѣсть

о побѣдѣ Димитрія Ивановича Московскаго, то онъ пошелъ назадъ такъ поспѣшно, какъ будто за нимъ кто-нибудь гнался, хотя Димитрій и не думалъ его преслѣдовать. Тутъ только Ягайло догадался, что позволилъ себя обмануть своему мнимому другу Олегу Рязанскому, который сообщалъ ему невѣрныя свѣдѣнія о Димитріи Московскомъ. „Никогда Литва не была учима отъ Рязани,—говорилъ Ягайло;—зачѣмъ же я нынѣ впалъ въ такое безуміе?“

Наконецъ, войско изготовилось къ походу. Надъ великими братскими могилами православныхъ воиновъ священники отслужили панихиду и провозгласили имъ вѣчную память. Русская рать переправилась на лѣвый берегъ Дона и выступила въ обратный походъ. Обозъ ея увеличился множествомъ захваченныхъ у Татаръ кибитокъ, нагруженныхъ одеждами, оружіемъ и всякимъ добромъ; за войскомъ гнали отбитые табуны и стада коней, верблюдовъ, буйволовъ, барановъ. Кромѣ того, Русскіе везли на родину многихъ тяжко раненыхъ; увозили съ собою также тѣла знатныхъ воиновъ въ колодахъ, которыя состояли изъ распиленнаго вдоль отрубка съ выдолбленною серединою. Въ числѣ этихъ воиновъ находились иноки Пересвѣтъ и Ослябя. Проходя опять вдоль западныхъ Рязанскихъ предѣловъ, великій князь вновь запретилъ войску обижать и грабить жителей. Но, кажется, на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ враждебныхъ столкновеній съ Рязанцами со стороны отдѣльныхъ московскихъ отрядовъ. Когда Димитрій, оставивъ позади главное войско, съ легкой конницей прибылъ въ Коломну (21 сентября), то у городскихъ воротъ его встрѣтилъ тотъ же епископъ Герасимъ, въ сопровожденіи духовенства со крестами и иконами; проводилъ въ соборную церковь и совершилъ литургію съ благодарственнымъ молебномъ. Побывъ въ Коломнѣ дня четыре и не успѣвъ еще отдохнуть отъ сильнаго утомленія, великій князь поспѣшилъ въ свой стольный городъ.

Гонцы, отправленные тотчасъ послѣ Куликовой битвы въ главные города Московскаго княженія, уже давно извѣстили жителей о славной побѣдѣ, и настало народное ликованіе. 28 сентября Димитрій съ братомъ Владиміромъ торжественно вступилъ въ Москву. Его встрѣчали радостная супруга съ дѣтьми, множество народа, духовенство со крестами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Литургія и благодарственный молебенъ были совершены въ соборномъ Успенскомъ храмѣ. Такіе же молебны пѣлись по всему городу; молились о здравіи великаго князя, всѣхъ князей и всего христолюбиваго воинства. Затѣмъ Димитрій раздавалъ многія милостыни по церквамъ и монастырямъ,

одѣлялъ убогихъ и нищихъ, а въ особенности вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убіенныхъ воиновъ. Ратники, собранные изъ областей и уцѣлѣвшіе отъ побоища, не доходя до Москвы, уже были распущены по своимъ домамъ.

Изъ Москвы великій князь съ боярами вскорѣ отправился въ монастырь Троицы, чтобы и тамъ возблагодарить Бога и принять благословеніе у игумена Сергія.

„Отче, твоими святыми молитвами я побѣдилъ невѣрныхъ,—говорилъ Димитрій;—твой послушникъ инокъ Пересвѣтъ убилъ богатыря татарскаго. Но Божьимъ попущеніемъ, за многіе грѣхи наши, избито великое множество воинства христіанскаго; отслужи, отче, обѣдню и пой панихиду по всѣмъ избіеннымъ".

Послѣ панихиды великій князь щедро одарилъ монастырь и братію. Онъ переночевалъ у Троицы и на другой день воротился въ Москву.

Тѣла иноковъ Пересвѣта и Ослябя были погребены подъ Москвою въ Рождественской церкви Симонова монастыря, основателемъ и первымъ игуменомъ котораго, какъ извѣстно, былъ родной племянникъ и постриженникъ Сергія Радонежскаго, Ѳедоръ, въ то время духовникъ великаго князя Димитрія. Тогда же были основаны многіе храмы въ честь Рождества Богородицы, такъ какъ побѣда совершилась въ день этого праздника. Кромѣ того, Русская церковь установила ежегодно праздновать память по убіеннымъ на Куликовомъ полѣ въ такъ называемую субботу Дмитровскую, ибо 8 сентября 1380 года пришлось въ субботу.

Московскій народъ радовался великой побѣдѣ и прославлялъ Димитрія съ братомъ его Владиміромъ, давъ первому прозваніе *Донского*, а второму *Храбраго*. Русскіе надѣялись, что Орда повержена во прахъ и ярмо татарское сброшено навсегда. Но этой надеждѣ не было суждено сбыться такъ скоро.

При извѣстной набожности Димитрія Ивановича Московскаго и горячемъ участіи въ его предпріятіи противъ Мамая со стороны такихъ пастырей Русской церкви какъ Сергій Радонежскій, естественно, сказанія о Куликовской побѣдѣ тогда же были украшены разными благочестивыми легендами о видѣніяхъ и чудесахъ. Вообще это было въ обычаѣ древняго русскаго благочестія: знаменитыя побѣды своего оружія приписывать явной небесной помощи. Но ни одна русская побѣда не украсилась столькими знаменіями и видѣніями какъ Куликовская.

Чѣмъ ближе знакомимся мы съ описаннымъ подвигомъ, тѣмъ болѣе

убѣждаемся въ его величіи и въ томъ, что онъ дѣйствительно долженъ составлять нашу національную гордость во всѣхъ отношеніяхъ. Главный виновникъ его, великій князь Московскій Димитрій является передъ нами и замѣчательнымъ политикомъ, и превосходнымъ стратегомъ, и, наконецъ, доблестнымъ воиномъ. Въ настоящее время, при нашемъ могуществѣ и неизмѣримой территоріи, намъ не легко представить себѣ, какихъ трудовъ и усилій стоило пятьсотъ лѣтъ назадъ Московскому великому князю (котораго владѣнія обнимали какихъ-нибудь три, четыре настоящихъ губерніи) собрать, вооружить и вывести въ поле полтораста тысячъ человѣкъ! И не только собрать ихъ, но и сплотить довольно разнообразныя части этого ополченія въ одно цѣльное воинство, одушевленное однимъ духомъ, одною идеею. Слава Куликовской побѣды ярко озарила Московскихъ собирателей Руси и усилила народное къ нимъ сочувствіе, а слѣдовательно въ свою очередь не мало способствовала дѣлу государственнаго объединенія ([31]).

Мы видѣли, что союзъ самыхъ крупныхъ Восточнорусскихъ княженій, съ Москвою во главѣ, оказался непроченъ и распался въ тотъ самый моментъ, когда онъ болѣе всего былъ нуженъ. Татарскіе погромы, предшествовавшіе Куликовской битвѣ, сдѣлали свое дѣло, т.-е. разъединили союзниковъ, и Дмитрію пришлось принять рѣшительную борьбу только съ силами собственнаго княженія и ближайшихъ или мелкихъ своихъ подручниковъ. Не говоря уже о Новогородцахъ и Тверичахъ, которые не желали помогать усиленію Москвы, собственный тесть Московскаго князя Дмитрій Константиновичъ Суздальскій не пришелъ къ нему на помощь: онъ еще не опомнился послѣ пораженія на Пьянѣ и погрома, произведеннаго въ его области царевичемъ Арапшею. Другой союзникъ Дмитрія Ивановича Московскаго, Олегъ Рязанскій, также не соединился съ нимъ въ рѣшительную минуту и по тѣмъ же причинамъ. Сѣвернорусскія лѣтописи, умалчивая о поведеніи Нижегородскаго князя, съ особою силою напали на князя Рязанскаго и безпощадно очернили его какъ гнуснаго измѣнника. А между тѣмъ поведеніе Олега, если не вполнѣ оправдывается, то объясняется его труднымъ положеніемъ между Татарскою грозою съ одной стороны и усиливающимся Московскимъ княженіемъ— съ другой. Подобно Твери, Рязань, какъ отдѣльное самостоятельное княженіе, не могла сочувствовать возраставшему усиленію Москвы, которое явно грозило ихъ самостоятельности. Въ то же время близкое сосѣдство со степью подвергало Рязанцевъ неминуемому разоренію, въ случаѣ ханскаго гнѣва. Восемь лѣтъ Олегъ былъ вѣрнымъ

союзникомъ Дмитрія, и въ это время его земля испытала четыре татарскихъ нашествія. Собственными силами Рязанцы не могли защитить себя отъ подобныхъ нашествій, всегда болѣе или менѣе неожиданныхъ; а Москвитяне подавали помощь слишкомъ поздно. Борьба Москвы съ Ордою во всякомъ случаѣ была невыгодна для Рязанцевъ, потому что на ихъ поляхъ происходили кровавыя встрѣчи соперниковъ; самая побѣда союзника влекла за собою только новыя бѣдствія, какъ напримѣръ Вожинская битва, за которую поплатилась все та же Рязанская земля; между тѣмъ какъ жители Московскихъ волостей спокойно предавались своимъ мирнымъ занятіямъ, защищенные Окою, которую обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ спѣшили прикрыть московскіе сторожевые отряды.

Устрашенный слухами о великихъ вооруженіяхъ Мамая и его союзѣ съ Литвою, Олегъ, въ сущности, хотѣлъ остаться нейтральнымъ и по возможности удалить театръ войны отъ внутреннихъ областей своего княжества. Для этого онъ вступилъ въ сношенія съ Мамаемъ и Ягайломъ и обѣщалъ соединиться съ ними противъ Дмитрія. Переговоры эти производились посредствомъ одного изъ рязанскихъ бояръ, Епифана Кареева, довольно скрытно отъ Москвитянъ; по наружности, Рязанскій князь продолжалъ дружить съ Димитріемъ и послалъ предостеречь его объ опасности. Въ дѣйствительности Олегъ не только не соединился съ Татарами и Литвою, а напротивъ, какъ надо полагать, ложными вѣстями о Москвитянахъ и хитрыми переговорами задержалъ движеніе союзниковъ въ свою землю. Иначе, съ какой же стати Мамай такъ долго медлилъ въ Придонскихъ степяхъ, а Ягайло потерялъ время у Одоева? Почему они не спѣшили къ берегамъ Оки, гдѣ по условію должны были соединиться съ Олегомъ 1 сентября? Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ коварная политика Рязанскаго князя была направлена исключительно въ интересахъ его княженія, и эта политика, повидимому, удалась: грозныя силы Мамая уничтожены, Рязанская область спаслась отъ нашествія трехъ большихъ ратей, собственная дружина осталась цѣла; а, между тѣмъ, могущественный сосѣдъ, несмотря на побѣду, былъ настолько ослабленъ, что сдѣлался менѣе опаснымъ чѣмъ прежде.

Какъ бы то ни было, Дмитрій Ивановичъ обнаружилъ сильное неудовольствіе на Олега за его отступленіе отъ союза и двусмысленное поведеніе въ эпоху Куликовской битвы. Однако, на этотъ разъ до войны не дошло; новымъ договоромъ съ Москвою (1381 г.) Олегъ уступилъ ей нѣкоторыя пограничныя мѣста и обязался имѣть съ Ди-

митріемъ общихъ враговъ и друзей; слѣдовательно, принужденъ былъ признавать себя въ нѣкоторой отъ него зависимости. Но подобныя условія въ тѣ времена рѣдко исполнялись добросовѣстно (32).

Межъ тѣмъ, въ Ордѣ совершались событія и перемѣны, имѣвшія важныя слѣдствія для Руси.

Несмотря на страшное пораженіе, Мамай успѣлъ собрать новыя силы и, злобствуя на великаго князя Московскаго, намѣренъ былъ отомстить ему внезапнымъ набѣгомъ на его землю. Но соперникомъ ему явился ханъ Заяицкой или Синей Орды, по имени Тохтамышъ. Сей послѣдній въ юности, спасаясь отъ преслѣдованія своего родственника (Урусъ-хана), нашелъ убѣжище у властителя Джагатайскихъ Татаръ, знаменитаго Тамерлана, и впослѣдствіи съ его помощью сѣлъ на престолъ Синей Орды. Также какъ и ханы Кипчакской или Золотой Орды, Тохтамышъ происходилъ изъ рода Джучидовъ, именно отъ старшаго Батыева брата. Естественно онъ не хотѣлъ признавать Сарайскимъ ханомъ Мамая, завладѣвшаго престоломъ не по праву, и воспользовался его пораженіемъ на Дону, чтобы самому сѣсть въ Сараѣ. Собранныя противъ Дмитрія силы Мамай долженъ былъ обратить на Тохтамыша. Счастье и тутъ ему измѣнило: у Азовскаго моря на берегахъ Калки, когда-то видѣвшей первое пораженіе Русскихъ отъ Татаръ, Мамай былъ разбитъ соперникомъ. Царевичи и темники Золотоордынскіе покинули побѣжденнаго хана и передались Тохтамышу. Спасаясь отъ погони, Мамай съ немногими людьми укрылся въ таврическій городъ Кафу или Ѳеодосію, къ своимъ прежнимъ союзникамъ Генуэзцамъ; но жители Кафы вѣроломно его убили, чтобы воспользоваться остававшимися у него сокровищами.

Возстановивъ единство и могущество Джучіева улуса, соединивъ подъ своею властію обѣ Орды, Золотую и Синюю или Волжскую и Заяицкую, энергичный Тохтамышъ естественно хотѣлъ получать дани со всѣхъ тѣхъ земель, которыя повиновались Батыю и Узбеку, и немедленно извѣстилъ Русскихъ князей о своемъ воцареніи въ Сараѣ. Князья съ честью приняли и проводили его пословъ, а вслѣдъ за ними отправили своихъ бояръ съ подарками къ хану, его женамъ и вельможамъ. Тохтамышъ конечно понялъ, что великій князь Московскій послѣ Куликовской побѣды считаетъ себя какъ бы независимымъ отъ Татаръ и намѣренъ ограничиться одними посольскими отношеніями и подарками. Ханъ попробовалъ по прежнему обычаю отправить

на Русь большого посла, по имени Акхозю, съ отрядомъ Татаръ. Онъ дошелъ до Нижняго; но въ Москву ѣхать не рѣшился; послалъ туда нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, и тѣ не осмѣлились войти въ самый городъ. Очевидно, послѣ Куликовской битвы Русскіе, особенно Москвичи, враждебно и самоувѣренно стали относиться къ самимъ Золотоордынскимъ Татарамъ; а послѣдніе, наоборотъ, сдѣлались боязливы. Тогда Тохтамышъ задумалъ нанести внезапный и сильный ударъ, чтобы возстановить прежнія отношенія. Но и самъ онъ, вѣроятно, находился подъ общимъ впечатлѣніемъ Куликова поля и потому употребилъ всѣ мѣры, чтобы не дать Димитрію времени собрать полки, а застать его врасплохъ. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ внезапно захватить Русскихъ гостей, особенно въ Болгарахъ, и товары ихъ пограбить; гостей захватили главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы они не дали знать въ Москву о приготовленіяхъ хана къ походу. Потомъ Тохтамышъ переправилъ свою рать на правую сторону Волги и быстро пошелъ на Русь. Въ Нижнемъ, однако, узнали объ этомъ походѣ; тесть Димитрія Донского, Димитрій Константиновичъ, на этотъ разъ также измѣнилъ зятю и общерусскому дѣлу, какъ и во время Куликовской битвы. Онъ отправилъ двухъ сыновей своихъ, Василія и Семена, съ изъявленіемъ покорности. Ханъ шелъ такъ скоро, что Суздальскіе князья едва нагнали его уже близъ Рязанскихъ предѣловъ. Подобно Димитрію Суздальскому, Олегъ Рязанскій, несмотря на недавній договоръ съ Москвою, думалъ только о спасеніи собственной области отъ новаго разоренія; встрѣтилъ съ дарами Тохтамыша, упросилъ его не воевать Рязанской земли, и, обведя около ея предѣловъ, указалъ ему броды на Окѣ и далъ проводниковъ. А въ Москву на сей разъ онъ не послалъ и вѣсти о татарскомъ нашествіи.

Однако, у Московскаго великаго князя въ ордынскихъ предѣлахъ были устроены „доброхоты“, какъ выражается лѣтопись, т.-е. между самими Татарами находились люди, получавшіе отъ князя подарки и за то извѣщавшіе его о томъ, что дѣлалось въ Ордѣ. Отъ нихъ, а также изъ Нижняго-Новгорода, Димитрій успѣлъ получить вѣсти; онъ началъ собирать войско и вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ уже двинулся было къ Коломнѣ навстрѣчу Татарамъ, разославъ гонцовъ къ подручнымъ князьямъ, чтобы спѣшили къ нему на помощь. Но тутъ оказались послѣдствія того страшнаго напряженія, которое Сѣверная Русь сдѣлала въ эпоху Куликовской битвы. Послѣ испытанныхъ въ ней огромныхъ потерь, Русь, по выраженію лѣтописи, „оскудѣла“

ратными людьми. Требовался довольно продолжительный отдыхъ для возстановленія силъ и для новаго возбужденія воинственныхъ инстинктовъ въ народѣ. Удѣльные князья, также истощенные потерями и, можетъ быть, не совсѣмъ довольные усилившеюся Московскою зависимостью, на этотъ разъ не обнаружили ревности къ борьбѣ съ Татарами. Никто не спѣшилъ на помощь Димитрію.

Въ средѣ его собственныхъ воеводъ повидимому возникло разномысліе. Напрасно кто-то изъ тысяцкихъ предлагалъ идти къ Окѣ, стать на переправахъ и оттуда послать къ хану посольство съ дарами и съ мольбою укротить свою ярость; если же просьбы и дары не подѣйствуютъ, то, отступая, всѣми средствами задерживать Татаръ на ихъ пути и тѣмъ дать время для сбора рати. Донской герой не принялъ этого совѣта и не рѣшился ждать Татаръ съ тѣми малыми силами, какія у него были подъ рукою. Онъ отступилъ къ Переяславлю, а оттуда мимо Ростова прошелъ въ Кострому; брата Владиміра Андреевича отрядилъ къ Волоку (Ламскому), чтобы тамъ онъ ожидалъ помощи отъ Новогородцевъ и отъ Тверского князя, къ которымъ отправлены были гонцы. Въ Москву Димитрій послалъ приказъ готовиться къ оборонѣ; княгинѣ же своей велѣлъ съ дѣтьми спѣшить къ себѣ въ Кострому.

Тохтамышъ безпрепятственно перешелъ Оку; взялъ и сжегъ Серпуховъ, и затѣмъ двинулся прямо на Москву, плѣня и разоряя все на своемъ пути.

Въ покинутой великимъ княземъ столицѣ вѣсть о приближеніи Татаръ произвела большое смятеніе. По выраженію лѣтописца народъ въ эту минуту походилъ на овецъ безъ пастыря. Съ одной стороны изъ окрестностей многіе жители съ своей рухлядью спѣшили укрыться въ Москву; съ другой—богатые граждане спѣшили съ имуществомъ и семьями выѣхать изъ города, чтобы бѣжать въ дальнія мѣста; но чернь подняла мятежъ, и, если отпускала ихъ, то предварительно ограбивши. Мятежники звонили въ колокола и собирались на шумныя вѣча; рѣшено было занять всѣ ворота стражею и не выпускать никого изъ города. Бояръ перестали слушаться. Высшимъ лицомъ въ городѣ оставался митрополитъ Купріанъ, котораго въ предыдущемъ году великій князь призвалъ въ Москву и торжественно принялъ на митрополію. Но онъ первый потерялъ голову; думалъ только о своей личной безопасности, и рѣшилъ уѣхать вмѣстѣ съ великою княгиней Евдокіей и ея дѣтьми. Чернь едва согласилась выпустить ихъ изъ города. Въ это время въ Москву прибылъ, вѣро-

ятно назначенный отъ великаго князя воеводою, одинъ изъ православныхъ Литовскихъ княжичей, внукъ Ольгерда, прозваніемъ Остей (можетъ быть сынъ Андрея Ольгердовича Полоцкаго). Онъ принялъ начальство, возстановилъ нѣкоторый порядокъ въ городѣ и приготовилъ его къ осадѣ. Выстроенныя Димитріемъ каменныя стѣны представляли надежную защиту; жители вооружились, въ томъ числѣ сурожане, суконники и другіе купцы, и вмѣстѣ со множествомъ гражданъ и крестьянъ, сбѣжавшихся изъ ближнихъ городовъ и волостей, составили значительную рать. Скоро отъ страха и смятенія они перешли къ противуположной крайности, т.-е. къ излишней самоувѣренности и пренебреженію непріятелемъ.

23 августа 1381 года передовые татарскіе отряды появились подъ Москвою. Стража съ городскихъ воротъ, увидавъ ихъ, затрубила въ трубы. Татары остановились за два или за три перестрѣла отъ города. Толпа непріятелей подъѣхала къ стѣнамъ и спрашивала о великомъ князѣ. Имъ отвѣчали, что онъ отсутствуетъ. Татары начали ѣздить вокругъ города, осматривая его рвы, забрала, ворота, башни. Кругомъ все было чисто; такъ какъ граждане пожгли всѣ посады и даже загородные монастыри; не оставили ни одного тына или бревна, изъ опасенія примета къ городу. Между тѣмъ какъ добрые люди молились, постились и причащались въ ожиданіи горькой смерти, буйная часть гражданъ предавалась пьянству и грабежу тѣхъ домовъ, хозяева которыхъ бѣжали изъ города; особенно опустошались запасы меду и вина, находимые въ ихъ погребахъ; причемъ много было пограблено кубковъ серебряныхъ и стеклянныхъ. Разгулявшіеся буяны, шатаясь, ходили по городу и хвастались своею будущею побѣдою надъ врагами; нѣкоторые влѣзали на стѣны, оттуда сквернословили, плевали на Татаръ и вообще дѣлали противъ нихъ разныя безстыдныя выходки. Въ отвѣтъ на это Татары грозили обнаженными саблями и знаками показывали, какъ они будутъ рубить головы. Граждане ошиблись, думая, что передъ ними вся татарская рать; на слѣдующее утро пришелъ самъ Тохтамышъ съ главными силами, и темныя тучи варваровъ облегли городъ со всѣхъ сторонъ. Осажденные первые начали бросать стрѣлы въ непріятеля; въ отвѣтъ на это Татары открыли частую и мѣткую стрѣльбу; стрѣлы ихъ сыпались какъ сильный дождь и омрачали воздухъ; многіе граждане падали мертвыми на забралахъ. Были у Татаръ и такіе искусные люди, которые стрѣляли безъ промаха съ коней на всемъ скаку, направо и налѣво, впередъ и назадъ. Во

время этой перестрѣлки часть варваровъ приставила лѣстницы и полѣзла на стѣны. Москвичи обливали ихъ кипящею въ котлахъ водою и отразили приступъ. Онъ возобновлялся три дня сряду, но безуспѣшно: башни и забрала были снабжены самострѣлами и камнеметательными орудіями, каковы: *пороки*, *тюфяки* и даже *пушки*, тутъ впервые упоминаемыя. Были и въ числѣ Москвичей искусные стрѣлки; такъ нѣкій суконникъ, по имени Адамъ, съ башни надъ Фроловскими воротами поразилъ изъ самострѣла прямо въ сердце одного изъ первыхъ ордынскихъ князей, чѣмъ причинилъ большую печаль самому хану.

Видя, что городъ нельзя скоро взять открытою силою и опасаясь пришествія великокняжеской рати, варваръ употребилъ коварство.

На четвертый день къ стѣнамъ *по опасу* (парламентерами) подъѣхали знатные татарскіе вельможи съ такими рѣчами: „Царь васъ своихъ людей и своего улуса хочетъ жаловать; вы не виноваты; не на васъ онъ гнѣвается, а на великаго князя Димитрія. Отъ васъ же онъ ничего другого не требуетъ, а только то, чтобы вышли къ нему съ честію и дарами купно съ вашимъ воеводою; царь хочетъ только видѣть вашъ городъ и побывать въ немъ". Такое предложеніе конечно было сдѣлано слишкомъ не искусно и подозрительно, чтобы ввести въ заблужденіе сколько ни будь осторожныхъ людей. Но въ числѣ ханскихъ посланцевъ находились два Суздальскіе князя, помянутые Василій и Семенъ Дмитріевичи. Застращенные Тохтамышемъ или сами повѣрившіе его лживой клятвѣ, они на крестѣ присягнули, что ханъ говоритъ искренно и что онъ не сдѣлаетъ никакого зла гражданамъ, если тѣ послушаются его. Ихъ присяга показалась многимъ Москвичамъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы повѣрить хану и смириться передъ нимъ. Напрасно князь Остей и нѣкоторые воеводы пытались убѣждать гражданъ, чтобы они повременили еще немного, пока Димитрій и Владиміръ Андреевичъ соберутся съ силами и придутъ на помощь. Толпа зашумѣла и настояла на своемъ. Отворились Кремлевскія ворота, и Остей въ сопровожденіи бояръ вынесъ дары хану; за нимъ слѣдовали архимандриты, игумены и священники со крестами; потомъ шли черные люди. Тутъ, по данному знаку, одни Татары бросились на эту процессію и произвели избіеніе; другіе устремились въ отворенныя ворота и ворвались въ городъ; третьи влѣзли на стѣны по приставленнымъ лѣстницамъ. Начались страшныя сцены убійствъ и грабежа; граждане, застигнутые врасплохъ, метались

во всѣ стороны, и болѣе не думали о сопротивленіи. Избіеніе прекратилось тогда, когда руки Татаръ утомились и сабли ихъ притупились. Многіе искали спасенія въ каменныхъ церквахъ; но Татары разбивали ихъ двери, и, посѣкши христіанъ, расхищали церковную утварь, или обдирали дорогія украшенія съ иконъ и книгъ. Кромѣ храмовъ варвары разграбили богатства, десятилѣтіями накопленныя въ боярскихъ дворахъ, и склады товаровъ въ домахъ сурожанъ, суконниковъ и другихъ купцовъ. Насытившись грабежемъ, убійствомъ и захвативъ огромный полонъ, состоявшій преимущественно изъ здоровыхъ мужчинъ, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, варвары зажгли городъ и тѣмъ произвели его окончательное разореніе. „Дотолѣ,— говоритъ лѣтописецъ,—городъ Москва былъ великъ и люденъ; онъ кипѣлъ многолюдствомъ и богатствомъ; славою и честію превзошелъ всѣ грады Русской земли; въ немъ обитали князья и святители. А въ сіе время отошла слава его, и вся честь въ единый часъ измѣнилась, когда онъ былъ взятъ и пожженъ". Это бѣдствіе случилось 26 августа 1381 года. Въ особенности невозвратима была потеря сгорѣвшаго въ соборныхъ храмахъ великаго множества книгъ; кромѣ собственныхъ рукописей, въ нихъ снесены были на храненіе книги изъ всѣхъ окрестныхъ монастырей и посадскихъ церквей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ пожарѣ погибли и многіе памятники отечественнаго бытописанія. Не одна Москва пострадала въ это нашествіе. Когда была взята столица, Тохтамышъ разослалъ отряды опустошать волости и другіе города Московскаго княженія. Татары разграбили тогда и пожгли Владиміръ, Звенигородъ, Можайскъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Боровскъ, Рузу и Переяславль-Залѣсскій. Въ семъ послѣднемъ многіе граждане спаслись тѣмъ, что сѣли на суда и отплыли на средину озера.

Во время этого разоренія одинъ татарскій загонъ, подошедши къ Волоку, наткнулся на стоявшаго тамъ Владиміра Андреевича; послѣдній ударилъ на Татаръ и поразилъ ихъ. Бѣглецы принесли о томъ вѣсть Тохтамышу. Этой небольшой побѣды было достаточно, чтобы напугать хана: таково было впечатлѣніе Куликовской битвы. Опасаясь прибытія великокняжеской рати, боясь потерять добычу и бесчисленный полонъ, ханъ стянулъ свои загоны и сталъ поспѣшно уходить. На обратномъ пути однако Татары успѣли взять Коломну, а потомъ пограбить и поплѣнить землю Рязанскую. Такимъ образомъ и Олегъ Ивановичъ былъ достойно наказанъ за свое малодушіе и близорукую, эгоистичную политику. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, и въ этомъ слу-

чаѣ поведеніе двухъ Суздальскихъ князей, сопровождавшихъ хана, было позорное: по своимъ личнымъ разсчетамъ и непріязни къ Олегу, они не удерживали, а еще натравливали Татаръ на разореніе Рязанской земли. Въ награду за то, ханъ послалъ въ Нижній къ Димитрію Константиновичу своего шурина Шихомата и князя Семена Димитріевича съ ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское; а другого Димитріева сына, Василія, взялъ съ собою въ Орду въ качествѣ заложника.

Когда Димитрій Ивановичъ съ братомъ Владиміромъ и боярами воротился въ столицу, то проливалъ горкія слезы, смотря на московское пепелище. Вездѣ лежали кучи труповъ и стояли обгорѣлыя развалины. Онъ немедленно принялся созывать изъ лѣсовъ разбѣжавшихся жителей, возобновлять городъ и очищать его отъ труповъ; причемъ велѣлъ давать по рублю за восемьдесятъ тѣлъ людямъ, занимавшимся погребеніемъ ихъ. Роздано было 300 рублей; слѣдовательно, число погребенныхъ простиралось до 24.000; да кромѣ того, много народу сгорѣло во время пожара или потонуло въ рѣкѣ, куда бросались отъ страха передъ варварами. А если опредѣлимъ число уведенныхъ въ неволю Москвитянъ хотя въ двадцать или двадцать пять тысячъ, то городъ Москва и ея окрестности лишились въ это нашествіе по меньшей мѣрѣ отъ 50 до 60 тысячъ своего населенія.

Конечно, намъ легко было бы теперь обвинять Димитрія въ этомъ бѣдствіи, осуждать его за нерѣшительность и оставленіе Москвы на жертву варварамъ. Но мы не должны забывать о томъ, какихъ усилій и сколько времени требовалось тогда, чтобы собрать и вооружить ополченіе въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ; особенно послѣ Куликовскихъ потерь. Нѣтъ сомнѣнія, что въ народѣ увѣренность въ освобожденіе отъ ига смѣнилась на время горькимъ разочарованіемъ, когда онъ увидалъ свѣжія полчища варваровъ, разорявшихъ его землю, и это разочарованіе отразилось въ нерѣшительномъ образѣ дѣйствія самихъ вождей. Затѣмъ, если мы у самого Димитрія не находимъ той бодрости, предусмотрительности и воинскаго пыла, которые онъ обнаружилъ въ эпоху Вожи и Куликова поля, то имѣемъ основаніе предполагать, что его здоровье и энергія были надломлены чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ въ достопамятный день 8 сентября 1380 года. Принимая въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, не можемъ однако освободить его отъ упрека въ недостаткѣ распорядительности и заботливости о своей столицѣ въ эпоху Тохтамышева нашествія. Если бы она была вовремя поручена надежнымъ воеводамъ и не была такъ

предоставлена на волю случая и мятежной толпы, то могла бы продержаться столько времени, сколько было нужно для поданія помощи. Можетъ быть, великій князь слишкомъ понадѣялся на присутствіе митрополита Кипріана для поддержанія порядка въ столицѣ. Этотъ ученый Сербъ не могъ замѣнить такого патріотичнаго пастыря какъ св. Алексѣй, и въ минуту бѣдствія думалъ только о своей личной безопасности. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Димитрій гнѣвался на Кипріана за то, что онъ покинулъ Москву и удалился именно къ старому сопернику Московскаго князя, Михаилу Тверскому, который отправилъ къ Тохтамышу посла съ дарами и съ мольбою не воевать Тверского княженія, и получилъ отъ хана милостивый ярлыкъ. Вскорѣ по возвращеніи Кипріана въ столицу, Димитрій изгналъ его изъ Москвы, и тотъ снова воротился въ Кіевъ. А на Владимірскую или Восточнорусскую митрополію великій князь вызвалъ изъ заточенія опальнаго Пимена.

Послѣ Тохтамышева нашествія Московскому князю волею-неволею приходилось снова признать себя данникомъ Золотой Орды. Съ одной стороны, надобно было предупредить дальнѣйшія нашествія, а съ другой—къ тому же побуждала измѣна общерусскому дѣлу и соперничество съ Москвою большихъ сосѣднихъ княженій, т.-е. Рязанскаго, Суздальско-Нижегородскаго и Тверского. Тотчасъ послѣ нашествія, въ Орду на поклонъ къ Тохтамышу отправились сынъ Димитрія Константиновича Семенъ, братъ Борисъ Городецкій и Михаилъ Александровичъ Тверской съ сыномъ. Тверской князь не замедлилъ воспользоваться бѣдствіемъ Москвы и возобновилъ въ Ордѣ свои домогательства о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Надобно было помѣшать его домогательствамъ. Димитрій однако самъ не поѣхалъ, а отправилъ въ Орду своего старшаго сына Василія (1383 годъ). Ханъ остался доволенъ изъявленіемъ покорности со стороны сильнаго Московскаго князя и оставилъ за нимъ великій Владимірскій столъ; однако, молодого Василія удержалъ при себѣ, требуя за него 8,000 руб. окупа. Если тесть великаго князя Димитрій Константиновичъ Нижегородскій не спѣшилъ лично явиться передъ ханомъ, тому препятствовало его болѣзненное состояніе; въ томъ же 1383 году онъ скончался. Этотъ князь омрачилъ конецъ своей жизни измѣною собственному зятю и раболѣпіемъ передъ Татарами. Но, судя по мѣстнымъ свидѣтельствамъ и преданіямъ, онъ пользовался уваженіемъ своихъ Нижегородцевъ. Димитрій Константиновичъ памятенъ еще въ Русской исторіи тѣмъ, что при немъ монахъ одного нижегородскаго монастыря, Лаврентій, переписалъ лѣтопись или составилъ лѣтописный сводъ (такъ назы-

ваемый Лаврентьевскій). Сыновья и братъ Димитрія Константиновича, бывшіе въ Ордѣ, немедленно подняли распрю о Нижегородскомъ столѣ, какъ старшемъ въ ихъ семьѣ. Ханъ рѣшилъ споръ въ пользу дяди, т.-е. Бориса Константиновича.

Первое время послѣ Тохтамышева нашествія было очень трудно для Московскаго княженія: пришлось заплатить большую дань, потому что ханъ вѣроятно потребовалъ платежа и за предыдущіе годы. На это собирались деньги со всякой деревни по полтинѣ (а деревней назывались тогда небольшіе поселки въ нѣсколько дворовъ); „тогда же и золотомъ давали въ Орду", прибавляетъ лѣтописецъ. А во Владимірѣ, по его словамъ, пребывалъ въ то время лютый или хищный ханскій посолъ, по имени Адашъ. Но это тяжелое время продолжалось недолго. Спустя два года, молодому князю Василію Димитріевичу удалось убѣжать изъ Орды въ Подолію, откуда онъ ушелъ въ землю Волошскую къ воеводѣ Петру, а потомъ пробрался въ Германію. Во владѣніяхъ Прусскаго Ордена онъ встрѣтился съ Витовтомъ Литовскимъ. Витовтъ, по возвращеніи на родину, помолвилъ за него свою дочь Софью и съ честью отпустилъ его въ Москву въ сопровожденіи Польскихъ и Литовскихъ бояръ. Въ этихъ странствіяхъ Василій провелъ около двухъ лѣтъ, пока наконецъ воротился къ отцу. Не видно, чтобы его бѣгство изъ Орды навлекло на Москву какое-либо наказаніе отъ хана. Вообще въ послѣдніе годы своего княженія Димитрій Ивановичъ снова перестадъ унижаться передъ Татарами и, кажется, ограничивался только легкою данью. Куликовская побѣда все-таки оказала свое дѣйствіе на отношенія Руси къ Ордѣ. А такіе внезапные, и потому удачные, набѣги на Москву, какъ Тохтамышевъ 1382 года, не всегда могли повторяться (33).

Въ эти послѣдніе годы удалось Димитрію покончить возникшую изъ-за Татаръ вражду съ Олегомъ Рязанскимъ.

Въ первое время послѣ Тохтамышева нашествія великій князь, очевидно, былъ сильно возмущенъ тѣмъ пособничествомъ, которое вѣроломный Олегъ оказалъ хану противъ Москвы, несмотря на ихъ недавній договоръ. Пользуясь силами, собранными противъ Татаръ, Димитрій послалъ на Рязанскую землю свои полки, которые и надѣлали ей зла болѣе Тохтамыша. Олегъ затаилъ желаніе мести и три года не обнаруживалъ никакихъ признаковъ вражды, собираясь съ силами и дожидаясь удобнаго случая. Въ 1385 году онъ вдругъ появился подъ Коломною; 25 марта, въ день Благовѣщенія, городъ былъ взятъ и разграбленъ; а коломенскій намѣстникъ Александръ

Андреевичъ Остей вмѣстѣ со многими боярами и лучшими людьми отведенъ въ плѣнъ. Возникшая отсюда новая война не была удачна для Москвы, хотя Димитрій послалъ на Рязань многочисленную рать подъ начальствомъ Владиміра Храбраго. Въ рѣшительной битвѣ Москвитяне потеряли многихъ бояръ, въ томъ числѣ Ольгердова внука Михаила Андреевича, и должны были отступить. Димитрій предложилъ миръ; Олегъ потребовалъ слишкомъ большихъ уступокъ. Нѣсколько разъ посылалъ къ нему своихъ бояръ великій князь, но Олегъ оставался непреклоненъ.

Въ сентябрѣ 1386 года Димитрій Ивановичъ вновь посѣтилъ Троицкій монастырь и его знаменитаго основателя. Набожный князь велѣлъ отслужить молебенъ, накормилъ братію, роздалъ милостыню; а потомъ обратился къ Сергію съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посольство въ Рязань и уговорилъ бы Олега къ вѣчному миру. Лучшаго посредника невозможно было выбрать. Роль миротворца въ тѣ времена княжескихъ междоусобій была одною изъ главныхъ заслугъ духовенства. И кто же могъ сильнѣе всѣхъ подѣйствовать на упрямаго Рязанца своими увѣщаніями какъ не Сергій, о святости котораго уже давно разглашала народная молва? Тою же осенью онъ отправился въ путь, сопровождаемый нѣсколькими старшими боярами великаго князя. Прибывъ въ Переяславль Рязанскій и вступивъ въ княжій теремъ, по словамъ лѣтописи, чудный старецъ долго бесѣдовалъ съ княземъ о пользѣ душевной, о мирѣ и о любви. Его тихія и кроткія рѣчи произвели такое впечатлѣніе на суровое сердце Олега, что онъ умилился душею, забылъ свою вражду и заключилъ съ Димитріемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ. Съ великою честію и славою послѣ того воротился въ Москву преподобный Сергій. Въ слѣдующемъ году политическій союзъ былъ скрѣпленъ родственными отношеніями: сынъ Олега Ѳедоръ женился на Софьѣ, дочери Донского. Миръ 1386 года въ дѣйствительности оправдалъ свое названіе „вѣчнаго"; съ того времени не было ни одной войны не только между Олегомъ и Димитріемъ, но и между ихъ потомками.

Въ то же самое время удалось Московскому князю смирить строптивыхъ Новгородцевъ.

Причиною ссоры съ ними были разбои новгородской вольницы, которая на своихъ ушкуяхъ ходила по Волгѣ и Камѣ и грабила ихъ прибрежныя волости, а иногда нападала на значительные города, какъ русскіе, такъ и болгарскіе, напримѣръ Ярославль, Кострому, Нижній, Жукотинъ, Великіе Болгары и проч. Разграбленіе

послѣднихъ городовъ, принадлежавшихъ тогда Татарамъ, навлекало гнѣвъ Золотоордынскихъ хановъ. Димитрій не разъ грозилъ Новогородцамъ и требовалъ, чтобы они уняли свою вольницу; но тщетно. Постоянно отвлекаемый болѣе важными дѣлами съ Тверью, Литвою, Рязанью и Татарами, онъ принужденъ былъ долгое время оставлять новогородскіе разбои безнаказанными. Между тѣмъ, дерзость ихъ возрастала: въ 1375 году, во время послѣдней войны Димитрія съ Михаиломъ Тверскимъ, новогородскіе ушкуйники, въ числѣ 1500 человѣкъ, явились подъ Костромою. Мѣстный воевода Плещеевъ (какъ говорятъ, братъ Алексѣя митрополита) вышелъ противъ нихъ съ 5000-й ратью. Одна часть Новогородцевъ встрѣтила Плещеева, а другая спряталась въ лѣсу, въ засадѣ, и, выждавъ минуту, ударила въ тылъ Костромичамъ. Послѣдніе были разбиты; послѣ того разбойники взяли городъ и грабили его цѣлую недѣлю. Забравъ съ собою болѣе цѣнное имущество и множество плѣненныхъ жителей, они поплыли далѣе; разграбили и сожгли Нижній. Потомъ разбойничали на Камѣ; въ Болгарахъ продали плѣнныхъ женъ и дѣвицъ мусульманамъ, а сами отправились внизъ по Волгѣ, грабя гостей христіанскихъ и бесерменскихъ. Такимъ образомъ, разбойники достигли Астрахани; но здѣсь получили себѣ достойное возмездіе: князь Астраханскій захватилъ ихъ обманомъ и велѣлъ избить всѣхъ до единаго; награбленная ими добыча вся досталась бесерменамъ.

Такой погромъ Костромы и Нижняго сильно разгнѣвалъ великаго князя; но онъ все еще не находилъ удобнаго времени наказать Новогородцевъ. Наконецъ, къ разбоямъ присоединилась еще распря Новгорода съ Москвою въ 1385 году, по поводу такъ называемаго „чернаго бора“, т.-е. подати, которую собирали бояре великаго князя съ новгородскихъ волостей. Эта распря ускорила разрывъ. Въ слѣдующемъ году, помирившись съ Олегомъ Рязанскимъ, Димитрій Ивановичъ лично отправился противъ Новгорода съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми подручными князьями. Новгородскіе послы встрѣтили его на пути съ челобитьемъ о мирѣ. Димитрій не далъ мира и продолжалъ походъ. Онъ остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода. Сюда явился посломъ самъ новгородскій владыка Алексѣй съ тою же мольбою о мирѣ и съ предложеніемъ внести великому князю 8000 рублей за виновныхъ гражданъ. Но Димитрій былъ такъ разгнѣванъ на Новгородъ, что владыку отпустилъ безъ мира. Въ виду близкой опасности, Новгородцы проявили рѣшительность и энергію: они вооружились, укрѣпили городъ новымъ ос-

трогомъ, пожгли монастыри и всѣ строенія внѣ городского рва и рѣшили обороняться до послѣдней крайности. Эта рѣшимость вѣроятно подѣйствовала на великаго князя, который не желалъ довести дѣло до большого кровопролитія, и, когда къ нему явилось третье посольство, состоявшее изъ одного архимандрита, семи священниковъ и пяти житьихъ людей, отъ каждаго конца по человѣку, Димитрій смягчился и согласился на миръ. Новгородцы взяли 3000 рублей у св. Софьи съ полатей, т.-е. изъ своей общественной казны, и внесли немедленно великому князю; остальные 5000 рублей рѣшено было доправить съ Заволочья, такъ какъ и Заволочане участвовали въ волжскихъ разбояхъ. Великій князь воротился въ Москву, пославъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и черноборцевъ.

Любопытно, что какъ ни велики были дружба и согласіе Димитрія Ивановича съ его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, однако и между ними подъ конецъ княженія не обошлось дѣло безъ маленькой ссоры. Виновниками ея, повидимому, были бояре младшаго брата, чѣмъ-то недовольные. Не знаемъ, изъ-за чего собственно возникло неудовольствіе; вѣроятно изъ-за какихъ-либо селъ и деревень; извѣстно только, что въ 1388 году великій князь велѣлъ взять подъ стражу нѣкоторыхъ бояръ Владиміра и заточить ихъ по разнымъ городамъ. Владиміръ, съ своей стороны, захватилъ нѣсколько деревень великаго князя. Однако, ссора быстро кончилась, и примиреніе было скрѣплено новою договорною грамотою, которая опредѣляла взаимныя отношенія братьевъ. Эта грамота ясно свидѣтельствуетъ о постепенномъ возрастаніи великокняжеской власти въ отношеніи къ младшимъ родственникамъ. Димитрій здѣсь уже называетъ себя „отцомъ" Владиміра; а сынъ Димитрія Василій именуется „старшимъ братомъ" своего дяди. Владиміръ обязывается держать „честно и грозно" великое княженіе подъ Димитріемъ и его сыномъ Василіемъ и служить великому князю „безъ ослушанья". Димитрій только подтверждаетъ за Владиміромъ его наслѣдственный третной удѣлъ и треть московскихъ доходовъ. Любопытно слѣдующее выраженіе грамоты: „А оже ны Богъ избавитъ, ослабонитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть". Въ этихъ словахъ ясно видно сознаніе Димитрія, что окончательное сверженіе ига есть только дѣло времени, что можетъ быть оно очень близко. Тутъ же опредѣлена приблизительно и самая ордынская дань въ пять тысячъ рублей, изъ которыхъ на долю Владиміра приходилось триста двадцать рублей. Въ этой грамотѣ видно вообще стараніе великаго князя опредѣлить и обезпечить

присягою подчиненныя отношенія своего двоюроднаго брата къ своему сыну и преемнику Василію. Димитрій какъ бы предчувствуетъ собственную близкую кончину ([34]).

Отъ природы своей Димитрій Ивановичъ, по всѣмъ даннымъ, отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и цвѣтущимъ здоровьемъ. Лѣтописцы особенно хвалятъ его умѣренность въ образѣ жизни, его цѣломудріе до брака и послѣ брака. Казалось бы, его ожидала долгая жизнь и глубокая старость. Но судьба рѣшила наоборотъ. Мы имѣемъ полное право предположить, что чрезвычайное напряженіе и сильные ушибы, понесенные имъ въ походѣ 1380 года и въ самой Куликовской битвѣ, надломили его здоровье. Дотолѣ дѣятельный и всегда готовый сѣсть на коня, чтобы лично встрѣтить непріятеля, послѣ того онъ какъ бы уклоняется отъ личнаго участія въ войнѣ, и мы видимъ его только одинъ разъ во главѣ ополченія, именно въ походѣ 1386 г. на Новгородъ—въ походѣ, окончившемся безъ битвы.

Весною 1389 года великій князь опасно занемогъ. Первой его заботою было составить новое духовное завѣщаніе; ибо послѣ составленія перваго (въ 1370 годахъ) нѣкоторыя обстоятельства уже измѣнились и прибавилось число сыновей: теперь ихъ было пятеро, да его супруга Евдокія находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности. Въ завѣщаніи своемъ Димитрій раздѣлилъ города Московскаго княженія между четырьмя сыновьями: Василію далъ Коломну, Юрію Звенигородъ, Андрею Можайскъ, Петру Дмитровъ (пятому, хилому Ивану, вскорѣ потомъ умершему, назначилъ нѣсколько селъ). Свои двѣ трети города Москвы онъ раздѣлилъ такимъ образомъ: половину далъ старшему сыну Василію, а другую половину тремъ остальнымъ сыновьямъ. Но главное, чѣмъ онъ обезпечилъ рѣшительное преобладаніе старшаго надъ его братьями, это—передача ему великаго княженія Владимірскаго: „а се благословляю сына своего князя Василія своею отчиною великимъ княженіемъ“. Димитрій это княженіе называетъ уже своею *отчиною* и не допускаетъ мысли о переходѣ его въ какой-либо другой княжескій родъ. Онъ не только не разсчитываетъ въ этомъ отношеніи на будущіе ханскіе ярлыки, но вновь выражаетъ надежду на полное избавленіе отъ ига; очевидно, сознаніе, что Куликовская побѣда не пропала даромъ, не покидало великаго князя и на смертномъ одрѣ. „А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода, и который сынъ мой возьметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть“—говорится въ духовной по поводу рас-

предѣленія между братьями 1.000 рублей дани, назначавшейся съ волостей собственно Московскаго княженія. Василій получилъ также удѣлъ Переяславскій и Кострому, которые причислялись къ великому княженію Владимірскому. А „куплю“ своего дѣда Ивана Калиты, города Галичъ, Бѣлоозеро и Углече-Поле, Димитрій раздѣлилъ между тремя другими сыновьями. Онъ надѣлилъ также свою супругу многими селами и доходами; поручилъ сыновьямъ во всемъ слушать свою мать, и особенно подчиняться ея рѣшенію при раздѣлѣ волостей (въ случаѣ смерти кого-либо изъ братьевъ). Свидѣтелями при составленіи духовной записаны два игумена, Севастьянъ и знаменитый Сергій, и десять знатнѣйшихъ бояръ.

На нѣкоторое время великому князю сдѣлалось было легче, и семья его возрадовалась. Великая княгиня разрѣшилась сыномъ (Константиномъ). Но вдругъ болѣзнь приняла острый оборотъ. Димитрій призвалъ къ своей постели еще слабую супругу, сыновей и бояръ своихъ и простился съ ними. Сыновьямъ онъ вновь и настоятельно приказывалъ имѣть любовь между собою и во всемъ слушаться своей матери. Конечно, зная по опыту, какъ русскія княжескія семьи страдали отъ распрей и междоусобій, онъ надѣялся, что власть матери поддержитъ миръ и согласіе между его дѣтьми. Затѣмъ, умирающій обратился къ боярамъ, напомнилъ ихъ вѣрную службу, какъ онъ родился передъ ними, воевалъ враговъ, и землю Русскую держалъ вмѣстѣ съ ними, любилъ ихъ самихъ и дѣтей ихъ, съ ними веселился и скорбѣлъ. „Вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей“—говорилъ онъ, и увѣщевалъ ихъ также вѣрно служить его княгинѣ и сыновьямъ. 19 мая Димитрій скончался, имѣя 39 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. А на другой день, по обычаю того времени, его уже погребли въ Архангельскомъ соборѣ рядомъ съ отцомъ и дѣдомъ. Митрополитъ Пименъ на ту пору отсутствовалъ изъ Москвы и пребывалъ въ Царьградѣ; печальный обрядъ совершилъ гостившій въ Москвѣ трапезунтскій митрополитъ Ѳеогностъ съ нѣкоторыми русскими епископами и игумнами, въ томъ числѣ преподобнымъ Сергіемъ.

Неизвѣстный авторъ „житія и кончины“ Димитрія, прославляя его качества, упоминаетъ, между прочимъ, что онъ „книгамъ неученъ бяше добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше“. Мы знаемъ, что, оставшись малолѣтнимъ послѣ отца посреди трудныхъ обстоятельствъ, окруженный враждебными сосѣдями и соперниками, Димитрій не могъ посвятить много времени книжному ученію и очень

рано выступилъ на поприще дѣйствія. Его умъ и природныя дарованія развились подъ непосредственнымъ вліяніемъ людей и обстоятельствъ. И то, что онъ успѣлъ совершить въ теченіе своей недолгой жизни, вполнѣ упрочило за нимъ благодарную память Россіи до самаго отдаленнаго потомства. Новѣйшіе историки говорятъ, что онъ собственно воспользовался тѣми силами, которыя его предшественники собирали кропотливо, безъ шуму, и что громъ его битвъ затмилъ скромныя дѣянія первыхъ собирателей Руси. Это вѣрно, но въ то же время и совершенно естественно. Было бы грѣхомъ съ его стороны не воспользоваться этими силами для сверженія постыднаго ига. Рѣшительная, открытая борьба за народную независимость и самобытность всегда будетъ высоко цѣниться, пока есть на землѣ мужество и любовь къ родинѣ.

Если спросятъ, къ кому, къ какимъ боярамъ Димитрій обращался передъ своею кончиною, кому онъ поручалъ великое княженіе и своего юнаго преемника, то прежде всего укажемъ на тѣ десять боярскихъ именъ, которыя записаны въ концѣ его духовной грамоты. Тутъ на первомъ мѣстѣ мы видимъ Димитрія Михайловича Боброка-Волынскаго, зятя и главнаго воеводу великокняжескаго, славнаго походами на Рязань, Казань, Литву и особенно отличившагося на Куликовомъ полѣ. За нимъ слѣдуетъ старый окольничій и воевода Тимоѳей Васильевичъ, братъ послѣдняго тысяцкаго и едва ли не послѣдній извѣстный намъ представитель знатной семьи Вельяминовыхъ, послѣ того какъ старшій сынъ тысяцкаго сложилъ голову на плахѣ, а младшій, Николай, палъ на Куликовомъ полѣ. Но еще была жива ихъ мать вдова тысяцкаго Марья; по свидѣтельству лѣтописи, она вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ великаго князя Василіемъ крестила послѣдняго его сына Константина, который родился за три или за четыре дня до отцовской кончины. Далѣе идутъ: Иванъ Родіоновичъ, прозваніемъ *Квашня* (сынъ Родіона Нестеровича, который выѣхалъ изъ Кіева въ Москву при Калитѣ), Александръ Андреевичъ *Остей* (внукъ Ольгерда), старый бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ, прозваніемъ *Кошка* (сынъ Андрея Кобылы и предокъ Романовыхъ), сынъ его Иванъ Ѳедоровичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, прозваніемъ *Свиблъ* (потомокъ извѣстнаго боярина Акинѳа) и проч. Нѣкоторые другіе бояре и воеводы московскіе времени Димитрія названы нами выше въ числѣ героевъ Куликова поля ([33]).

———————

IV.

ЯГАЙЛО И НАЧАЛО ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ УНІИ.

Сыновья Ольгерда.—Старшинство Кейстута.—Интриги Нѣмецкаго Ордена.—Вѣроломство Ягайла и гибель Кейстута.—Выступленіе на сцену Витовта.—Вопросъ о Польскомъ наслѣдствѣ.—Ядвига.—Соглашеніе Поляковъ съ Ягайломъ.—Австрійскій принцъ Вильгельмъ.—Переходъ Ягайла изъ православія въ католицизмъ, бракъ съ Ядвигою и вступленіе на Польскій престолъ.—Новыя интриги Ордена.—Крещеніе Литвы.—Возсоединеніе Галиціи съ Польшею.—Скиргелло намѣстникъ въ Литвѣ.—Вѣроломный союзъ Витовта съ Орденомъ противъ Ягайла.—Утвержденіе Витовта на Литовскомъ престолѣ.—Захватъ Смоленска.—Загадочный дневникъ Кибурга.—Кончина Ядвиги.

Отъ своихъ двухъ женъ Ольгердъ имѣлъ большое потомство: по разнымъ источникамъ, насчитывается двѣнадцать сыновей и пять дочерей. Наиболѣе извѣстные его сыновья отъ Маріи Витебской: Андрей-Вингольдъ Полоцкій, Владиміръ Кіевскій, Димитрій-Корибутъ Брянскій и Димитрій Трубчевскій; отъ Юліаніи Тверской: Яковъ-Ягелло, Симеонъ-Лугвень, Коригелло, Скиргелло и Свидригелло. Въ Литовскомъ великомъ княженіи пока въ полной силѣ господствовала та же система, какъ и въ древней Руси. Но порядокъ въ наслѣдованіи великимъ столомъ, очевидно, еще не успѣлъ получить опредѣленный видъ. Какъ послѣ Гедимина, такъ и теперь послѣ Ольгерда, мы видимъ вопросъ о старшинствѣ спорнымъ. Старшимъ въ цѣломъ родѣ Гедиминовичей оставался Кейстутъ; но, уступая желанію своего брата Ольгерда, волю котораго онъ привыкъ уважать въ теченіе столь долгаго времени, престарѣлый литовскій герой призналъ надъ собою старшинство племянника, т.-е. одного изъ Ольгердовичей, и остался попрежнему удѣльнымъ княземъ Трокскимъ. Выборъ Ольгерда палъ не на самаго старшаго изъ своихъ сыновей, Андрея Полоцкаго, а на старшаго сына отъ второго брака, на Ягелло или Ягайла. На этотъ

выборъ несомнѣнно повліяла мать сего послѣдняго Юліанія, которая употребила всѣ усилія, чтобы доставить великій Виленскій столъ своему любимцу Ягеллу. Но также, какъ и по смерти Гедимина, согласіе въ княжеской семьѣ скоро нарушилось.

Не только самое достоинство великаго князя служило предметомъ соперничества и распрей, но и лицо, захватившее это достоинство въ свои руки, обыкновенно старается обуздать самостоятельныя дѣйствія удѣльныхъ князей, уменьшить ихъ силу и вполнѣ подчинить ихъ своей верховной власти. Стремленіе это конечно имѣло государственный характеръ, и на его сторонѣ находился естественный, обычный ходъ исторіи. Нигдѣ побѣда верховной власти и государственнаго единства надъ удѣльнымъ порядкомъ не совершалась безъ борьбы, болѣе или менѣе упорной, и безъ кровопролитія. Таковъ общій смыслъ событій, послѣдовавшихъ въ Литвѣ и Западной Руси за смертію Ольгерда.

Княженіе Ягайла началось междоусобіемъ съ его старшимъ братомъ Андреемъ Полоцкимъ: послѣдній не захотѣлъ уступить своего старшинства младшему брату. Не имѣя достаточно силъ бороться съ Ягелломъ, котораго поддерживалъ дядя Кейстутъ, Андрей удалился въ сосѣдній Псковъ, гдѣ онъ былъ княземъ еще въ своемъ дѣтствѣ и гдѣ его теперь также приняли на княженіе. Затѣмъ онъ отдался подъ покровительство великаго московскаго князя Димитрія Ивановича, и вмѣстѣ съ его воеводами ходилъ на Сѣверскую украйну въ 1379 году. Москвитяне, какъ мы видѣли выше, воспользовались распрями въ семьѣ Ольгерда и отняли у Литвы нѣкоторые города, въ томъ числѣ Стародубъ и Трубчевскъ; причемъ князь Трубчевскій Димитрій Ольгердовичъ, подобно брату Андрею, сдѣлался московскимъ подручникомъ и получилъ удѣлъ въ Суздальской области. Въ слѣдующемъ 1380 году Андрей и другой его братъ Димитрій-Корибутъ Брянскій съ своими дружинами принимали славное участіе въ Куликовской побѣдѣ; между тѣмъ какъ соперникъ ихъ великій князь Литовскій Ягелло явился союзникомъ Мамая, и безславно воротился съ похода, услыхавъ о пораженіи Татаръ. Чтобы наказать Андрея, Ягелло объявилъ его лишеннымъ Полоцкаго удѣла и передалъ этотъ удѣлъ своему единоутробному брату Скиргеллу. Когда сей послѣдній прибылъ въ Полоцкъ, граждане, издавна имѣвшіе славу строптивыхъ вѣчниковъ, вмѣсто того, чтобы посадить его на своемъ столѣ, посадили на старую клячу и съ ругательствами выгнали изъ города. Тогда Ягелло послалъ для наказанія ихъ русско-литовское войско подъ начальствомъ того же Скиргелла. Но во время осады пришла вѣсть о во-

княженіи Кейстута на Виленскомъ столѣ; осаждавшее войско покинуло Скиргелла и ушло къ Кейстуту.

Хотя Ягайло своимъ великокняжескимъ столомъ болѣе всего былъ обязанъ великодушію дяди Кейстута и его уваженію къ памяти Ольгерда, однако молодой государь скоро началъ тяготиться отношеніями къ дядѣ. Несмотря на свои старые годы, Кейстутъ оставался такимъ же, какъ и прежде, дѣятельнымъ, мужественнымъ бойцомъ за Литовскую независимость со стороны двухъ Нѣмецкихъ Орденовъ, и кромѣ того принималъ непосредственное участіе въ управленіи всѣмъ великимъ княженіемъ; для чего онъ часто ѣздилъ изъ своихъ Трокъ въ стольную Вильну. Племянникъ видѣлъ, что при жизни дяди, столь любимаго Литовскимъ народомъ, ему приходится играть второстепенную роль. Между боярами Виленскими также нашлись люди, которые изъ личныхъ видовъ постарались возбудить неудовольствіе или подозрительность Ягайла. Между ними особенно извѣстенъ его любимецъ Войдылло, который, будучи простого происхожденія, достигъ высшихъ ступеней при дворѣ Ольгерда, а теперь породнился съ самимъ великимъ княземъ: онъ женился на родной сестрѣ Ягайла, Маріи, оставшейся вдовою отъ перваго своего мужа, князя Давида. Кейстуту этотъ бракъ сильно не понравился, и онъ громко выражалъ свое неудовольствіе на родство съ холопомъ. Войдылло, пользуясь своею близостью къ Ягайлу, началъ вооружать его противъ дяди. Въ томъ же духѣ, повидимому, стала дѣйствовать собственная мать Ягайла, вдовствующая великая княгиня Юліанія. Такими отношеніями между дядею и племянникомъ не замедлилъ воспользоваться сосѣдъ и непримиримый врагъ Литвы, Тевтонскій Орденъ.

Война Литвы съ Орденомъ шла почти непрерывно; между тѣмъ какъ Кейстутъ бодро выдерживалъ тяжесть этой войны, Ягайло дѣйствовалъ вяло, и слабо поддерживалъ дядю. Въ 1379 году удалось заключить между Литвою и Орденомъ десятилѣтнее перемиріе, но довольно странное: оно относилось не ко всѣмъ землямъ, а только къ нѣкоторымъ пограничнымъ областямъ съ той и другой стороны. Это перемиріе заключилъ Ягайло сообща съ Кейстутомъ. Вслѣдъ за тѣмъ со стороны Ордена начались коварныя внушенія Ягайлу противъ его дяди. Такъ, великій командоръ (Гельфенштейнъ) дружески извѣщалъ Юліанію о замыслахъ Кейстута, который будто бы намѣренъ отнять у племянника всѣ его владѣнія. Между Ягайломъ и Орденомъ завязались тайные переговоры; они велись главнымъ образомъ чрезъ помянутаго Войдылла. Послѣдствіемъ ихъ сношеній

былъ новый и притомъ таинственный договоръ Ягайла съ Орденомъ, договоръ, который не распространялся на Кейстута и его владѣнія. Чтобы скрѣпить этотъ трактатъ личнымъ свиданіемъ великаго князя съ торжественнымъ орденскимъ посольствомъ, устроена была въ 1380 году ихъ встрѣча въ полѣ подъ Давидишками подъ видомъ общей охоты, сопровождавшейся пирами и празднествами. Въ блестящей свитѣ Ягайла находился связанный съ нимъ тѣсною дружбою молодой Витовтъ Кейстутьевичъ; но заключеніе договора совершилось при этомъ въ такой тайнѣ, что онъ веселился, ничего не подозрѣвая. Послѣдствія не замедлили выразиться въ усиленныхъ нападеніяхъ Ордена на удѣлъ Кейстута и въ страшныхъ разореніяхъ его земель, особенно Жмуди. Полное бездѣйствіе Ягайла и пощада, которую рыцари оказывали его собственнымъ владѣніямъ, возбудили подозрѣнія въ душѣ стараго героя. Всѣ его нападенія на рыцарей терпѣли неудачу, какъ будто кто то ихъ заранѣе предупреждалъ о его намѣреніяхъ. Кейстутъ осадилъ замокъ Байербургъ, и потребовалъ помощи отъ племянника. Ягайло не пошелъ самъ, а послалъ брата Корибута съ малочисленнымъ отрядомъ. Осада затянулась; орденское войско успѣло придти на помощь гарнизону, и заставило Кейстута отступить. Теперь, когда у него явилось сильное неудовольствіе на племянника, Орденъ поспѣшилъ подлить масла въ огонь. Одинъ изъ командоровъ (фонъ Либштейнъ), приходившійся кумомъ Кейстуту (потому что крестилъ его дочь Дануту, при выходѣ ея замужъ за Мазовецкаго князя), подъ видомъ дружбы и свойства увѣдомилъ Трокскаго князя о тайномъ договорѣ Ягайла съ Орденомъ. Юный Витовтъ старался защитить своего друга отъ такого обвиненія, и считалъ его невѣроятнымъ. Но Кейстутъ рѣшился дѣйствовать. Значительная часть великокняжескаго войска тогда находилась въ отсутствіи: она подъ начальствомъ Скиргелла, какъ мы видѣли, осаждала Полоцкъ. Кейстутъ внезапно напалъ на Вильну и захватилъ Ягайла врасплохъ со всѣмъ его дворомъ. Тутъ, въ великокняжеской канцеляріи, между разными бумагами, онъ нашелъ и самый текстъ тайнаго договора съ Орденомъ. Улика была на лицо. Витовтъ не могъ долѣе оправдывать своего друга; однако постарался сдѣлать все для смягченія своего отца. Кейстутъ поступилъ великодушно съ племянникомъ: спустя немного времени, онъ освободилъ его изъ подъ стражи, и далъ ему въ удѣлъ Крево и Витебскъ, т.-е. предоставилъ ему тѣ же земли, которыми владѣлъ его отецъ Ольгердъ до своего княженія въ Вильнѣ. Великій Виленскій столъ занялъ теперь самъ Кейстутъ. Единствен-

ная кровавая расправа, которую онъ учинилъ, постигла Войдылла, уличеннаго въ измѣннических сношеніяхъ съ Орденомъ: Войдылло былъ повѣшенъ.

Получивъ свободу и значительный удѣлъ въ свое распоряженіе, Ягайло воспользовался ими только для того, чтобы низвергнуть своего великодушнаго дядю. Онъ немедленно возобновилъ тайныя сношенія съ Орденомъ, прося у него помощи противъ Кейстута, которую Орденъ охотно обѣщалъ. Затѣмъ, не безъ соглашенія съ Ягайломъ, братъ его Димитрій Корибутъ, получившій въ удѣлъ Сѣверскую землю, отказался признать Кейстута великимъ княземъ. Поручивъ Вильно и Троки сыну Витовту, Кейстутъ лично отправился подъ Новгородъ Сѣверскій противъ Димитрія Корибута, и велѣлъ Ягайлу спѣшить туда же съ своимъ войскомъ. Сей послѣдній дѣйствительно выступилъ въ походъ, но не на помощь дядѣ; онъ внезапно явился подъ Вильною, и, благодаря измѣнѣ начальника гарнизона Ганулона, овладѣлъ стольнымъ городомъ. Отсюда онъ двинулся на Троки; дорогою съ нимъ соединились Тевтонскіе рыцари, и они общими силами взяли Троки, гдѣ хранились богатства Кейстута. Витовтъ съ своею матерью Бирутою убѣжалъ въ Гродно. Извѣщенный объ этомъ событіи, Кейстутъ снялъ осаду Новгорода Сѣверскаго, и также отправился въ Гродно, а отсюда въ Берестье, расположенное на границѣ съ владѣніями его зятя Януша Мазовецкаго, къ которому онъ обратился за помощью. Но Ягайло уже вошелъ въ сношенія съ Янушемъ; послѣдній воспользовался затруднительными обстоятельствами тестя, и, едва тотъ уѣхалъ въ родную Жмудь, какъ напалъ на его Прибужскія владѣнія и захватилъ города Дрогичинъ и Мельникъ. Престарѣлый герой однако не терялъ мужества; собралъ новое войско на Жмуди, и, соединясь съ сыномъ Витовтомъ, двинулся къ Трокамъ. Недалеко отъ этого города встрѣтилъ его Ягайло съ своими нѣмецкими союзниками, и, не отваживаясь на рѣшительную битву, прибѣгъ къ вѣроломству. Онъ обратился къ Витовту какъ къ своему прежнему другу и просилъ помирить его съ дядею. Витовтъ, все еще питавшій расположеніе къ двоюродному брату, склонился на его убѣжденія и уговорилъ отца поѣхать въ лагерь Ягайла на личное съ нимъ свиданіе. Они удовольствовались тѣмъ, что къ нимъ прибылъ Скиргелло и именемъ Ягайла поклялся въ ихъ безопасности. Какой-то злой рокъ толкалъ стараго героя въ пропасть, и онъ довѣрчиво шелъ навстрѣчу своей гибели. Едва Кейстутъ и Витовтъ явились въ лагерѣ Ягайла, какъ

ихъ окружили и сказали имъ, что здѣсь, въ полѣ, неудобно вести переговоры, и что для этого надобно отправиться въ Вильну. А ихъ войску послали приказъ разойтись, объявивъ, что князья поѣхали въ столицу для заключенія мира. Въ Вильнѣ на Кейстута наложили оковы и отослали его въ Кревскій замокъ.

На широкой, безлѣсной и каменистой равнинѣ, при впаденіи ручья Шляхтянки въ рѣчку Кревку, принадлежащую къ системѣ правыхъ притоковъ Нѣмана, находятся развалины древняго Кревскаго замка съ близьлежащимъ бѣднымъ жидовскимъ мѣстечкомъ. (Нынѣ Ошмян. уѣзда, Вилен. губ.). Стѣны замка, построенныя изъ камня и краснаго кирпича, образуютъ неправильный четыреугольникъ; онѣ имѣли 20 аршинъ вышины и 150 шаговъ протяженія и были окружены широкимъ рвомъ, который наполнялся водою изъ Шляхтянки и Кревки. Ворота съ подъемнымъ мостомъ вели въ замокъ, среди котораго находился маленькій прудъ, образовавшійся изъ бившихъ здѣсь ключей. На сѣверномъ углу возвышалась квадратная башня, раздѣлявшаяся на четыре этажа, въ которыхъ были устроены жилыя помѣщенія; до сихъ поръ еще видны ихъ готическія окна. Подъ ними помѣщался еще подвальный этажъ обложенный большими камнями, съ маленькимъ окошкомъ вверху. Въ эту тѣсную и смрадную подземную темницу былъ брошенъ престарѣлый литовскій герой. Четверо сутокъ томился онъ здѣсь въ оковахъ, а на пятую ночь пришли „коморники великаго князя Ягайлы“ Прокша, Лисица Жибентяй, Кучукъ и нѣкоторые другіе, и удавили Кейстута золотымъ шнуркомъ отъ его собственной ферязи. Бывшій съ нимъ вѣрный его слуга русинъ Григорій Омуличъ пытался защищать своего господина и былъ также умерщвленъ. Въ народѣ пущенъ былъ слухъ, будто Кейстутъ самъ лишилъ себя жизни. Затѣмъ тѣло его привезли въ Вильну и предали торжественному погребенію по литовскому языческому обряду. Возлѣ главнаго святилища на долинѣ Свинтогора вырыли яму въ полтора человѣка глубиною; надъ нею склали огромный костеръ, на который положили трупъ Литовскаго богатыря, одѣтый въ его лучшее платье, и съ его вооруженіемъ; вмѣстѣ съ нимъ возвели на костеръ его любимаго слугу и лучшаго коня, также по парѣ гончихъ и борзыхъ собакъ, положили рысьи и медвѣжьи когти и охотничій рогъ. Затѣмъ жрецы совершили обычныя жертвоприношенія и молитвы, и зажгли костеръ (1382 г.).

Любимая супруга Кейстута Бирута по однимъ извѣстіямъ была утоплена его врагами, а по другимъ она умерла гораздо позднѣе.

Ея дядя Видимундъ былъ посаженъ на колъ; казнямъ или жестокимъ гоненіямъ подверглись и еще нѣкоторые знатные Жмудины, приходившіеся ей родственниками. Сынъ ея Витовтъ, содержавшійся въ Вильнѣ, узнавъ объ участи отца, разразился горькими упреками противъ вѣроломнаго Ягайла и впалъ въ горячку. Великій князь велѣлъ больного узника перевести въ тотъ же Кревскій замокъ, гдѣ, повидимому, готовилъ ему ту же участь. Но его спасла преданность и находчивость его второй супруги Анны, княжны Смоленской. Она выпросила позволеніе вмѣстѣ съ двумя служанками навѣщать мужа. Во время одного изъ своихъ посѣщеній она переодѣла Витовта въ платье служанки, которая заняла его мѣсто. Невысокій ростъ и женоподобное лицо молодого Витовта помогли обмануть стражу. Вышедши изъ башни, супруги направились въ уединенный уголъ замка; Витовтъ перелѣзъ стѣну, за которой ждалъ его проводникъ съ конями. Онъ бѣжалъ сначала къ мужу своей сестры Янушу Мазовецкому: но, не чувствуя себя здѣсь безопаснымъ отъ козней Ягайла, отправился въ столицу Пруссіи Маріенбургъ къ магистру Тевтонскаго Ордена, Конраду Цольнеру, и нашелъ у него радушный пріемъ.

Нѣмецкій Орденъ помогалъ Ягайлу погубить Кейстута; но теперь, когда эта цѣль была достигнута, отношенія рыцарей къ своему союзнику измѣнились. Водвореніе въ Литвѣ единодержавія совсѣмъ не было въ ихъ интересахъ. Напротивъ, постоянною ихъ цѣлью было поддерживать въ ней смуты и междоусобія. Вотъ почему они охотно взяли подъ свое покровительство Витовта, чтобы теперь противупоставить его Ягайлу. Точно также они помогли деньгами Янушу Мазовецкому въ войнѣ съ Ягайломъ, который хотѣлъ воротить захваченные Янушемъ русскіе города по Бугу. Въ то же время возникла для юговосточныхъ литовско-русскихъ владѣній новая опасность со стороны Золотой Орды, обновитель которой ханъ Тохтамышъ сдѣлалъ тогда удачное нашествіе на Восточную Русь и сжегъ Москву. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Ягайло употреблялъ всѣ усилія отвлечь Орденъ отъ помощи Витовту. Но напрасно онъ заключалъ съ нимъ новые договоры и устраивалъ свиданія на островѣ рѣки Дубиссы; причемъ уступалъ рыцарямъ западную половину Жмуди, предлагалъ оборонительный и наступательный союзъ на 4 года и обѣщалъ въ теченіе этого срока принять католическую вѣру со своимъ народомъ. Орденъ хотѣлъ, чтобы Ягайло отдалъ Витовту его отцовскій удѣлъ, т.-е. Трокское княжество, и рѣшилъ добиться оружіемъ этой уступки. Витовтъ обязался принять сіе

княжество отъ рыцарей на ленныхъ правахъ, т.-е. заранѣе признавалъ себя въ зависимости отъ Ордена. Чтобы скрѣпить свою дружбу съ Нѣмцами, онъ, по ихъ убѣжденію, крестился въ католическую вѣру. Ягайло обѣщалъ уступить Ордену часть Жмуди, а Витовтъ уступалъ всю Жмудь.

Военныя дѣйствія, открытыя Витовтомъ съ помощію рыцарей, сначала были удачны; союзники завоевали Троки и сожгли Вильну. Но на этотъ разъ Ягайло обнаружилъ необычную для него воинскую дѣятельность. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ Скиргелломъ онъ вновь отнялъ Троки (въ 1383 г.); а въ слѣдующемъ году они истребили значительный рыцарскій отрядъ, неосторожно углубившійся въ Литву и занявшійся опустошеніемъ края. Такимъ образомъ война затянулась. Съ своей стороны, Ягайло, убѣдясь, что въ своемъ бывшемъ другѣ онъ нашелъ дѣятельнаго и опаснаго врага, сторону котораго приняли многіе Литвины и почти вся Жмудь, рѣшилъ помириться съ нимъ, и чрезъ тайныхъ пословъ обязался возвратить ему отцовское княжество, если онъ отстанетъ отъ союза съ Орденомъ. Тяготившійся этимъ союзомъ и принятыми на себя обязательствами, особенно уступкою Жмуди, Витовтъ не долго колебался и покинулъ рыцарей. Мало того: еще не объявляя о своей измѣнѣ союзу, онъ коварнымъ образомъ захватилъ нѣкоторые рыцарскіе замки и истребилъ ихъ гарнизоны. Но и тутъ Ягайло не преминулъ хотя отчасти обмануть Витовта. Послѣдній получилъ русскія владѣнія своего отца, т.-е. Брестъ, Дрогичинъ, Гродно, Мельникъ, Каменецъ и проч., но не Троки, которыми владѣлъ теперь родной братъ Ягайло Скиргелло. Витовтъ однако до времени скрылъ свое неудовольствіе, и принялся усердно помогать Ягайлу какъ въ продолжавшейся его войнѣ съ Орденомъ, такъ и въ открывшихся тогда его видахъ на Польскую корону ([36]).

Въ 1370 году скончался король Казиміръ Великій, послѣдній Пястовичъ на Польскомъ престолѣ. Еще существовали мужскіе представители нѣкоторыхъ линій этого дома, напримѣръ Силезской (Владиславъ Опольскій), Мазовецкой (братья Янушъ и Семовитъ), и даже въ старшей Куявской линіи, къ которой принадлежали Владиславъ Локетекъ и Казиміръ Великій, еще не угасло мужское потомство (Владиславъ Бѣлый). Но то были родственники болѣе или менѣе дальніе, и Казиміръ, какъ извѣстно, при жизни своей укрѣпилъ наслѣдство за женской линіей собственнаго рода, именно за сыномъ своей сестры Елизаветы, королемъ Венгерскимъ Людовикомъ. Въ теченіе

двѣнадцатилѣтняго обладанія Польскимъ королевствомъ Людовикъ остался совершенно чуждъ Польскому народу. Тотчасъ послѣ коронованія онъ уѣхалъ обратно въ Венгрію; причемъ имѣлъ предосторожность увезти съ собою корону и другія королевскія регаліи, изъ опасенія, чтобы Поляки въ его отсутствіе не короновали кого-нибудь другого. Управленіе Польшей онъ поручилъ своей матери Елизаветѣ, слѣдовательно природной Полькѣ. А затѣмъ всѣ его заботы относительно этой страны ограничивались собираніемъ королевскихъ доходовъ и стараніемъ обезпечить ея корону за одной изъ своихъ дочерей, такъ какъ послѣ него, подобно Казиміру, не оставалось дѣтей мужскаго пола. Сначала онъ хлопоталъ о старшей своей дочери Екатеринѣ. Послѣ многихъ переговоровъ, подкуповъ и разныхъ уступокъ польской шляхтѣ ловкая Елизавета склонила Поляковъ на Кошицкомъ сеймѣ отмѣнить заключенный (въ 1355 г.) съ Людовикомъ договоръ, по которому его дочери устранялись отъ наслѣдства Польской короны, и признать Екатерину наслѣдницей. Но какъ нарочно Екатерина въ это время умерла. У Людовика оставались еще двѣ дочери: Марія и Ядвига. Пришлось вновь начать ту же работу.

Главнымъ помощникомъ правительницы Елизаветы былъ Краковскій канцлеръ и архидіаконъ (впослѣдствіи епископъ) Завиша, сынъ краковскаго воеводы Добѣслава. Ему удалось склонить на сторону короля аристократическое сословіе Малой Польши; но сопротивленіе оказывала демократически настроенная, мелкопомѣстная великопольская шляхта, крѣпче державшаяся старыхъ обычаевъ и нерасположенная къ женскому правленію. Наконецъ и это препятствіе было сломлено, и на новомъ сеймѣ въ Кошицахъ (1374 г.) Поляки согласились признать своей будущей королевой одну изъ дочерей Людовика, по выбору ихъ отца, матери или бабки. Дорого обошлось Польскому государству это наслѣдованіе. Уже и прежде Польская шляхта мало-по-малу освободилась отъ разныхъ государственныхъ податей и повинностей; а теперь король согласился избавить ее окончательно отъ всѣхъ податей, оставивъ только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ королевскую или такъ называемую *кролевщизну*, иначе łanowe (по два гроша съ каждаго лана земли); а военную повинность отнынѣ она несла обязательно и на свой счетъ только въ случаѣ непріятельскаго вторженія; во внѣшнихъ же походахъ должна была сопровождать только самого короля, и притомъ получать вознагражденіе. Такимъ образомъ ограниченіе королевской власти и шляхетскія

привилегіи, ко вреду Польскаго государства, сдѣлали большой шагъ впередъ въ царствованіе Людовика.

Такъ какъ Поляки не были довольны управленіемъ Елизаветы, то она уѣхала въ Венгрію, и на ея мѣсто король назначилъ галицкаго намѣстника Владислава, князя Опольскаго. Но онъ принадлежалъ къ линіи Силезскихъ Пястовъ, которая успѣла уже онѣмечиться и была поэтому нелюбима въ коренной Польшѣ. Вскорѣ Владиславъ былъ также отозванъ, и замѣненъ тріумвиратомъ Добѣслава, его сына Завиши и калишскаго воеводы Сендзивоя. При сихъ правителяхъ дѣла пошли еще хуже; безпорядки увеличились, вельможи обижали людей бѣдныхъ и незнатныхъ; правосудія, за отсутствіемъ короля, искать было негдѣ. Въ это время умираетъ король Людовикъ (1382). Передъ смертью онъ завѣщалъ Польскую корону дочери Маріи, обрученной съ Бранденбургскимъ маркграфомъ Сигизмундомъ, сыномъ императора Карла IV; а Венгерскую корону отказалъ младшей своей дочери Ядвигѣ, помолвленной за Вильгельма, герцога Австрійскаго. Молодой Сигизмундъ явился было въ Польшу въ качествѣ намѣстника и будущаго короля; но своимъ гордымъ поведеніемъ онъ вооружилъ противъ себя многихъ Поляковъ, которые уже не любили его какъ нѣмца. Онъ долженъ былъ удалиться. Въ то же время Венгры не признали распоряженія покойнаго короля, и, находя двѣнадцатилѣтнюю Ядвигу слишкомъ молодою, провозгласили своей королевой Марію. Тогда Поляки, нежелавшіе составлять провинцію Мадьярскаго королевства, на сеймѣ Вислицкомъ объявили посламъ королевы-матери (по имени также Елизаветы), что они признаютъ своей королевой ту изъ ея дочерей, которая обяжется жить въ Польшѣ. Часть Великополянъ, съ генеральнымъ старостой Доматомъ во главѣ, продолжала стоять за Сигизмунда и Марію. Мазуры выставили кандидатуру своего князя Семка, т.-е. Семовита. Между этими партіями начались кровавыя столкновенія; особенно свирѣпствовалъ Доматъ, съ наемными нѣмецкими отрядами разорявшій земли его противниковъ.

Королева-мать Елизавета наконецъ назначила наслѣдницей своего мужа на Польскомъ престолѣ младшую дочь Ядвигу. Общее желаніе прекратить наставшее смутное время было такъ сильно, что большинство Поляковъ единодушно признало это назначеніе (1383). Однако смуты продолжались почти до конца слѣдующаго года, когда Елизавета рѣшилась наконецъ разстаться съ юною дочерью и отпустила ее въ Польшу. 15 октября въ Краковѣ совершилось коронованіе четырнадцатилѣтней Ядвиги. Но тутъ возникъ новый и весьма важный вопросъ: кому быть супругомъ Польской королевы?

Еще въ дѣтствѣ Ядвига сдѣлалась невѣстою ровесника своего, австрійскаго принца Вильгельма. Ихъ отцы рѣшили этотъ бракъ, чтобы соединить Венгрію и Австрію въ одно могущественное государство. Въ 1378 г., когда женихъ и невѣста достигли семилѣтняго возраста, надъ ними совершенъ былъ брачный обрядъ въ австрійскомъ городѣ Гаймбургѣ. Затѣмъ ихъ разлучили съ тѣмъ, чтобы по прошествіи пяти лѣтъ соединить уже дѣйствительнымъ бракомъ. Въ теченіе этого срока Ядвига воспитывалась въ Вѣнѣ, а Вильгельмъ въ Будахъ, чтобы заранѣе привыкнуть къ мѣстному языку, обычаямъ и знатнымъ лицамъ. Но Людовикъ Венгерскій умеръ до истеченія срока; а его вдова королева Елизавета, какъ славянская (Сербская) принцесса, нерасположенная къ Австрійскому дому и вообще къ Нѣмцамъ, медлила заключеніемъ дѣйствительнаго брака. Межъ тѣмъ обстоятельства измѣнились: Венгерскую корону получила старшая дочь Марія, а младшая Ядвига, какъ мы видѣли, избрана на Польскій престолъ. Юная, прекрасная королева, отличавшаяся благочестіемъ, считала себя законною супругою принца Вильгельма; такъ какъ союзъ съ нимъ былъ освященъ церковнымъ обрядомъ, хотя и совершеннымъ въ дѣтствѣ. Но иначе смотрѣли на этотъ бракъ польскіе паны. Вильгельмъ какъ Нѣмецъ, съ его отдаленнымъ отъ нихъ и небольшимъ государствомъ, имъ положительно не нравился, и они желали для своей королевы болѣе выгоднаго брака. Поэтому поводу возникло нѣсколько партій, каждая съ своимъ кандидатомъ. Часть Великопольской шляхты стояла за Семовита Мазовецкаго, какъ природнаго Пяста; но вельможи Малой Польши выставили своимъ претендентомъ Ягайла Литовскаго, и его сторона оказалась самая сильная и вліятельная.

Съ тѣхъ поръ какъ Западная Русь объединилась подъ властью Гедиминова дома, Русско-Литовское государство сдѣлалось сильнымъ и опаснымъ сосѣдомъ для Польши. При всякомъ столкновеніи предпріимчивые Литовскіе князья производили вторженія и варварскія опустошенія въ Польскихъ земляхъ. Столкновенія эти особенно ожесточились съ той поры, когда возникъ вопросъ о Галицко-Волынскомъ наслѣдствѣ. Мы видѣли, что онъ повлекъ за собою рядъ упорныхъ войнъ при Казимірѣ Великомъ и Людовикѣ Венгерскомъ; въ концѣ концовъ Галиція осталась за Польскою короною, Волынь за Литвою. Людовикъ Венгерскій сначала управленіе Галиціей предоставилъ Владиславу Опольскому на правахъ удѣльнаго князя. Но Владиславъ не поладилъ съ русскими боярами и духовенствомъ: будучи ревностнымъ католикомъ, онъ хотѣлъ продолжать дѣло Казиміра Вели-

каго и всѣми средствами пытался распространять въ Галиціи католицизмъ, склоняя туземцевъ къ перемѣнѣ религіи разными льготами и оказывая во всемъ предпочтеніе католикамъ, которыми себя окружалъ. Видя, что Владиславъ не умѣлъ ни успокоить Червонную Русь, ни защитить ее отъ сосѣднихъ Литовскихъ князей, на сторону которыхъ стало тянуть русское населеніе, Людовикъ вознаградилъ Владислава Опольскаго другими владѣніями, а Червонную Русь присоединилъ непосредственно къ Венгріи и занялъ галицкіе города угорскими гарнизонами. Разумѣется, такое распоряженіе сильно не понравилось Полякамъ, смотрѣвшимъ на Червонную Русь какъ на собственное пріобрѣтеніе. Ихъ неудовольствіе усилилось еще болѣе по смерти Людовика, когда поставленные имъ старосты, считая Червонную Русь чуждою для себя землею, начали продавать сосѣднему владѣтелю, Любарту Владиміро-Волынскому, пограничныя села и даже значительные города (Кременецъ, Перемышль, Снятинъ и друг.). Къ довершенію смутъ, возникшихъ во время вопроса о наслѣдницѣ Польской короны, Ягайло, одолѣвшій Януша Мазовецкаго и отобравшій обратно захваченные имъ города, не ограничился Мазовіей, а сдѣлалъ въ 1384 году вторженіе въ Малую Польшу и сильно разорилъ ее; причемъ доходилъ до Вислицы, расположенной въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кракова.

Естественно поэтому, что Малопольскіе паны, которыхъ земли постоянно страдали отъ литовскихъ разореній, съ великимъ усердіемъ схватились за мысль о бракѣ своей юной королевы съ великимъ княземъ Литовскимъ. Съ помощью этого брака они не только избавлялись отъ опасности со стороны сосѣда, но и дѣлали его своимъ неразрывнымъ союзникомъ: открывалась полная надежда на соединеніе обѣихъ странъ въ одно могущественное Польско-Литовское государство, страшное для всѣхъ своихъ сосѣдей, въ томъ числѣ и для Прусско-Ливонскихъ Нѣмцевъ, которые тѣснили и Литву, и Польшу, стараясь поддерживать ихъ взаимную вражду.

Соединеніе съ Литвою было для Поляковъ гораздо привлекательнѣе, чѣмъ соединеніе съ Венгріей. Они уже испытали на дѣлѣ, что связь съ послѣднею не представляла большихъ выгодъ: она не защитила ихъ отъ Литвы и Нѣмцевъ; король оставался въ Венгріи и пренебрегалъ Польшею; гордые мадьярскіе вельможи и не допустили бы его дѣйствовать иначе; однимъ словомъ, Польша въ этой связи должна была играть роль второстепенную и даже подчиненную, быть только провинціей Мадьярскаго королевства. Совсѣмъ другого для

себя могли ожидать Поляки отъ призванія на свой престолъ полуварварской, полуязыческой династіи, которая неизбѣжно подчинилась бы вліянію Польской гражданственности и открыла бы Полякамъ пользованіе своими обширными и плодородными владѣніями въ Юго-западной Руси. Ревностнымъ пособникомъ Малопольскихъ магнатовъ при исполненіи этого плана явилось высшее польское духовенство, такъ какъ бракъ съ Ядвигою могъ быть предложенъ Ягайлу только подъ условіемъ его перехода въ католичество и съ нимъ крещенія всего его народа въ ту же вѣру.

Источники не сохранили намъ подробностей о предварительныхъ сношеніяхъ и переговорахъ между Поляками и великимъ княземъ Литовскимъ. Мы видимъ только, что предложенный бракъ съ юною, прелестною королевою и польская корона обаятельно подѣйствовали на Ягайла: онъ согласился на всѣ условія, которыхъ отъ него потребовали, т.-е.: на перемѣну собственной православной религіи, крещеніе своего народа, соединеніе Литвы съ Польшею въ одно государство, и сверхъ того обязался возвратить Полякамъ не только всѣхъ плѣнныхъ, но и отвоевать назадъ нѣкоторыя земли, отнятыя у нихъ сосѣдями. Литовскіе вельможи, имѣя во главѣ князя Скиргелла, пріѣхали въ Краковъ въ качествѣ сватовъ отъ своего государя. Но Поляки не позаботились заранѣе расположить Ядвигу къ этому браку. Противъ ихъ настойчивыхъ предложеній она попыталась найти защиту у своей матери. Тогда соединенное польско-литовское посольство изъ Кракова отправилось въ Венгрію къ Елизаветѣ, и привезло ея согласіе на бракъ съ Ягайломъ. Послѣ чего созванный въ Краковѣ сеймъ рѣшилъ вопросъ о супругѣ королевы также въ пользу великаго князя Литовскаго. Торжественное польское посольство прибыло къ нему въ городъ Крево, и получило отъ него письменное подтвержденіе всѣхъ его обѣщаній. Ягайлу оставалось только пріѣхать въ Краковъ для исполненія обряда, какъ вдругъ рѣшительность его соперника едва не испортила все дѣло.

Услыхавъ о намѣреніи польскихъ пановъ выдать Ядвигу за Литовскаго князя, Вильгельмъ вздумалъ помѣшать этому намѣренію внезапнымъ прибытіемъ въ Краковъ и соединеніемъ съ своею нареченною супругою. Польскіе вельможи сначала дѣйствительно были озадачены его неожиданнымъ появленіемъ; однако, съ своей стороны, тоже рѣшились во что бы ни стало воспрепятствовать намѣреніямъ принца. Краковскій каштелянъ заперъ передъ нимъ ворота королевскаго замка и запретилъ его впускать, такъ что Вильгельмъ

принужденъ былъ съ своею свитою остановиться въ предмѣстьи. Но юная королева, продолжавшая считать его своимъ законнымъ супругомъ, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ стала отправляться на свиданія съ принцемъ. Эти свиданія устраивались въ одномъ францисканскомъ монастырѣ; причемъ молодые кавалеры и дамы, составлявшіе свиту, услаждали себя музыкою и танцами. Между статнымъ Вильгельмомъ и красавицей Ядвигой не замедлила возникнуть горячая сердечная привязанность, и они рѣшили на самомъ дѣлѣ исполнить заключенный въ дѣтствѣ брачный союзъ. Принцъ тайкомъ прокрался въ королевскій замокъ, и нѣкоторое время скрывался въ покояхъ королевы, сдѣлавшись дѣйствительнымъ ея супругомъ. Когда краковскіе вельможи узнали о его поступкѣ, они не обратили вниманія на послѣднее обстоятельство, а съ позоромъ выгнали принца изъ замка и отдали приказъ стражѣ не выпускать королеву за его ворота. Ядвига снова отправилась было въ предмѣстье на свиданіе съ мужемъ; когда же ворота остались передъ нею запертыми, она схватила топоръ и принялась сбивать тяжелые замки. Но, конечно, руки ея были для этого слишкомъ слабы; а одинъ изъ вельможъ, именно преданный ей краковскій подскарбій Димитрій изъ Горая, успѣлъ наконецъ убѣдить королеву въ томъ, что ей не оставалось ничего болѣе какъ покориться своей участи. Послѣ того Вильгельмъ, видя, что дальнѣйшее его пребываніе въ Польшѣ становится опаснымъ, поспѣшилъ уѣхать; ибо Ягайло съ многочисленною свитою уже находился на пути въ Краковъ.

Окруженная суровыми, непреклонными панами, покинутая собственной матерью, юная королева все еще продолжала отказываться отъ брака съ Литовскимъ княземъ, котораго воображеніе и доходившіе до нея слухи рисовали ей въ видѣ свирѣпаго, звѣрообразнаго язычника, умертвившаго собственнаго дядю. А главное, ея набожность и скромность возмущались мыслію о новомъ бракѣ послѣ только что совершившагося, дѣйствительнаго супружества. Но духовенство постаралось успокоить всѣ ея сомнѣнія на этотъ счетъ; дѣйствуя на ея благочестіе, оно указывало на великую заслугу обратить въ христіанство цѣлый языческій народъ и, слѣдовательно, столько душъ спасти отъ вѣчной муки. Магнаты, въ свою очередь, указывали ей на смутное положеніе страны и внѣшнія опасности, изъ которыхъ представлялся только одинъ выходъ: тѣсное единеніе съ сосѣднимъ Русско-Литовскимъ государствомъ. Наконецъ, утомленная долгою борьбою, Ядвига уступила, и, желая собрать болѣе точныя свѣдѣнія

о наружности и характерѣ своего новаго жениха, съ этимъ порученіемъ отправила навстрѣчу къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Завишу Олесницкаго. Ягайло принялъ посла очень ласково, и, зная о его тайномъ порученіи, пригласилъ его съ собою въ баню, чтобы показать ему всѣ свои тѣлесныя качества. Воротясь въ Краковъ, Завиша успокоилъ Ядвигу, описавъ ей привлекательными чертами наружность, характеръ и обхожденіе Ягайла.

Ягайло считалъ въ это время уже за тридцать лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, худощавъ, имѣлъ небольшую голову клиномъ, покрытую рѣдкими волосами, продолговатое лицо съ узкимъ подбородкомъ и маленькіе черные глаза съ бѣгающимъ, безпокойнымъ взглядомъ; брилъ бороду и носилъ длинные, тонкіе усы. Бывшій въ молодости любимцемъ и баловнемъ своихъ родителей, онъ отличался неровнымъ характеромъ и распущенностію. Лѣнивый на всякій другой трудъ, физическій или умственный, онъ до страсти любилъ охоту, которой ежегодно по нѣскольку мѣсяцевъ безъ устали предавался въ литовскихъ пущахъ. Между тѣмъ какъ двоюродный братъ его Витовтъ получилъ порядочное образованіе, зналъ языки нѣмецкій и отчасти латинскій, благодаря своему воспитателю, одному плѣнному тевтонскому рыцарю; Ягайло даже не выучился ни читать, ни писать и, кромѣ литовскаго и русскаго, не зналъ никакихъ языковъ. Непосредственное вліяніе женственнаго воспитанія, кромѣ развитой чувственности, отражалось во множествѣ суевѣрій и разныхъ примѣтъ, которыми былъ одержимъ Ягайло, а также въ его непрерывномъ опасеніи разныхъ козней и цѣломъ рядѣ предосторожностей, которыми онъ себя окружалъ. Постоянно стараясь всѣхъ задабривать и привязывать къ себѣ, онъ отличался большою расточительностью въ раздачѣ земель и всякихъ подарковъ своимъ вельможамъ. Но при всей наружной мягкости и даже слабости характера, Ягайло нерѣдко раздражался до бѣшенства, а изъ эгоистическихъ разсчетовъ былъ способенъ на большую и обдуманную жестокость, какъ это показала судьба его дяди Кейстута. Когда обстоятельства настоятельно требовали, онъ покидалъ обычную лѣнь, и на время являлся дѣятельнымъ политикомъ. Многіе и важные его успѣхи въ политическихъ дѣлахъ историки объясняютъ обыкновенно его замѣчательнымъ счастьемъ и удачею, которыя дѣйствовали, такъ сказать, помимо его собственныхъ усилій. Это не совсѣмъ вѣрно: Ягайло, несомнѣнно, былъ одаренъ отъ природы недюжиннымъ умомъ, былъ хитеръ и дальновиденъ, и, если бы получилъ надлежащее воспитаніе, то вѣроятно

явился бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей своего времени. Польскіе магнаты конечно хорошо освѣдомились, съ кѣмъ имѣли дѣло; они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ на увеличеніе собственныхъ привилегій и на разныя подачки изъ королевскихъ имуществъ, благодаря щедрости будущаго короля, обязаннаго имъ польскою короною.

*

Въ февралѣ 1386 года Ягайло прибылъ въ Краковъ. 15 числа произошелъ формальный его переходъ изъ православія въ католичество, и вмѣсто Якова онъ назвался Владиславомъ. Заодно съ нимъ перешли изъ православія въ католицизмъ нѣкоторые сопровождавшіе его братья и родственники, въ томъ числѣ Коригелло и Витовтъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, во время пребыванія своего въ Пруссіи, крестился изъ язычества въ католическую вѣру. Потомъ во время княженія своего въ Западной Руси онъ принялъ православіе, а теперь изъ угожденія Ягайлу вновь перешелъ въ католицизмъ и получилъ имя Александра. Тогда же и многіе литовскіе бояре изъ свиты великаго князя крестились въ католическую вѣру. 18 февраля совершился торжественный бракъ Ягайла съ Ядвигою. Въ тотъ же день на радостяхъ онъ выдалъ грамоту, которою еще болѣе расширялись права и привилегіи, дарованныя польскимъ панамъ и шляхтѣ королемъ Людовикомъ на Кошицкомъ сеймѣ 1374 года. А вскорѣ затѣмъ, 4 марта, послѣдовало коронованіе Ягайла польскою короною. Оно сопровождалось шумнымъ весельемъ въ Краковѣ: пиры, танцы, рыцарскіе турниры, пѣвцы и скоморохи поочередно смѣняли другъ друга ([37]).

За празднествами послѣдовало торжественное путешествіе новобрачной королевской четы въ Великую Польшу для успокоенія этой страны, въ которой еще продолжались смуты и усобицы, вызванныя междуцарствіемъ. Въ то же время обѣщанное Ягайломъ соединеніе Литвы съ Польшею подверглось вопросу. Противъ новаго короля составилась цѣлая коалиція; душою ея былъ Прусско-Тевтонскій Орденъ. Хотя главною задачею Ордена была борьба съ язычниками и распространеніе католичества на востокѣ, однако рыцари весьма непріятно отнеслись къ событіямъ въ Краковѣ. Во-первыхъ, переходъ Ягайла въ католичество и предстоявшее крещеніе языческой Литвы, лишая Орденъ нравственнаго повода къ дальнѣйшимъ захватамъ съ этой стороны, естественно, должны были окончательно уменьшить и безъ того ослабѣвшее рвеніе западныхъ крестоносцевъ приходить на помощь Ордену. Во-вторыхъ, и это еще важнѣе, соединеніе Литвы

съ Польшею совершенно измѣняло взаимное отношеніе силъ и грозило опасностями не только владѣніямъ, но самому существованію Ордена. Поэтому рыцари сначала всѣми способами старались помѣшать браку Ягайла съ Ядвигою и приняли сторону Вильгельма Австрійскаго. Когда же это не удалось, они очень охотно поддержали замыслы извѣстнаго Андрея Ольгердовича Полоцкаго.

Еще прежде, въ борьбѣ своей съ Ягайломъ и Скиргайломъ, Андрей отдался подъ покровительство Ордена и призналъ себя его ленникомъ. Теперь же онъ хотѣлъ воспользоваться неудовольствіемъ русскаго населенія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на переходъ Ягайла въ католичество, и вздумалъ отнять у него русскую часть великаго княжества. Къ союзу Андрея съ Нѣмцами приступилъ и князь смоленскій Святославъ Ивановичъ, желавшій воротить нѣкоторые города, отнятые у Смоленскихъ князей Ольгердомъ, въ особенности Мстиславль. Межъ тѣмъ какъ онъ осадилъ сей городъ, Андрей и Нѣмцы вторглись въ великое княжество съ сѣвера. Извѣстія объ этихъ вторженіяхъ застали Ягайла еще въ Краковѣ. Онъ немедленно отправилъ въ Литву нѣкоторыхъ своихъ братьевъ, которые находились заложниками у Поляковъ, какъ поручители въ исполненіи данныхъ Ягайломъ обѣщаній. Въ виду серьезныхъ обстоятельствъ, польскіе паны отпустили Литовскихъ князей съ условіемъ воротиться по первому требованію. 29 апрѣля 1386 года большое литовское войско, имѣя во главѣ Скиргелла съ братьями Димитріемъ Корибутомъ и Симеономъ Лугвенемъ, приблизилось къ Мстиславлю. Святославъ Ивановичъ отступилъ отъ города и неподалеку отъ него на берегахъ рѣчки Вехры (правый притокъ Сожи) принялъ сраженіе. Смоляне были разбиты на голову; самъ Святославъ палъ, пронзенный копьемъ; оба сына его Юрій и Глѣбъ попали въ плѣнъ. Скиргелло по женѣ оказался въ родствѣ съ Юріемъ Святославичемъ; поэтому не только вылѣчилъ его отъ ранъ, но и посадилъ на Смоленскомъ столѣ; а Глѣбъ нѣкоторое время оставался въ плѣну. Избавившись такимъ образомъ отъ одного непріятеля, въ слѣдующемъ году самъ Ягайло вмѣстѣ съ Скиргайломъ обратился противъ Андрея Полоцкаго; послѣдній былъ также побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ одинъ польскій замокъ (Хенцинскій), гдѣ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ. Въ награду за свою храбрость и вѣрную службу Скиргелло былъ назначенъ намѣстникомъ короля въ Литву, и съ обычными церемоніями вѣнчанъ на великокняжескій столъ въ Вильнѣ.

Во время этихъ событій совершилось крещеніе литовскихъ язычниковъ и апостольскіе труды Владислава-Ягайла.

Въ началѣ 1387 года въ Вильнѣ былъ созванъ сеймъ. Сюда прибылъ король Владиславъ, въ сопровожденіи королевы Ядвиги и блестящей свиты изъ польскихъ магнатовъ и нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ; здѣсь собрались его братья (Скиргелло Трокскій, Владиміръ Кіевскій, Димитрій Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій, Витовтъ Гродненскій) и другіе удѣльные Литовскіе князья со многими литовскими боярами. На этомъ сеймѣ рѣшено было крестить въ католическую всѣхъ природныхъ Литовцевъ обоего пола и всякаго званія. Чтобы облегчить дѣло крещенія, Ягайло поступился частью своей великокняжеской власти. Доселѣ многочисленное литовское боярство находилось въ такомъ подчиненіи у князя, что оно не могло безъ его соизволенія ни распорядиться своимъ имуществомъ, ни даже выдать замужъ своихъ дочерей по собственному усмотрѣнію. Теперь подобныя права даровались всѣмъ тѣмъ боярамъ, которые примутъ крещеніе. За ними оставлена только обязанность строить княжіе замки и отправлять военную службу на собственный счетъ. Такимъ образомъ литовское боярство или военнослужилое сословіе отнынѣ въ своихъ правахъ и вольностяхъ стало постепенно приравниваться къ польскому дворянству или шляхтѣ. Далѣе, Виленскимъ горожанамъ, послѣ принятія католичества, обѣщано введеніе у нихъ нѣмецкаго городового устава или такъ-называемаго Магдебургскаго права. А простолюдиновъ заохочивали къ крещенію бѣлыми суконными свитами, большой запасъ которыхъ Ягайло привезъ съ собою.

Зничъ или священный огонь, горѣвшій въ нижнемъ Виленскомъ замкѣ передъ идоломъ Перкуна, былъ погашенъ; росшіе кругомъ священные дубы вырублены и священные ужи перебиты. Какъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, народъ былъ смущенъ безсиліемъ своихъ боговъ, неоказавшихъ никакой защиты святилищу, и послѣ того легче склонился на убѣжденія католическихъ проповѣдниковъ. Воспитанные въ великомъ послушаніи и даже благоговѣніи къ княжеской власти, виленскіе Литвины почти безъ сопротивленія послѣдовали примѣру своего государя. А бѣдныхъ людей, дотолѣ носившихъ только грубый холстъ или бараньи шкуры, не мало привлекали бѣлыя суконныя свиты. Крещеніе простого народа въ Вильнѣ напоминало то, что мы видѣли когда-то въ Кіевѣ. Въ назначенные дни, по распоряженію князя, собирались язычники къ рѣкѣ Виліи; ихъ раздѣляли на группы, мужчинъ и женщинъ отдѣльно; священники окропляли святою

водою, читали молитвы, и цѣлымъ группамъ давали какое-либо одно христіанское имя. Самъ Ягайло принималъ усердное участіе въ дѣлѣ крещенія, и такъ какъ было еще мало священниковъ, владѣвшихъ Литовскимъ языкомъ, то онъ лично являлся имъ на помощь и объяснялъ народу правила новой вѣры. Окончивъ крещеніе виленскихъ Литвиновъ, онъ предпринялъ для той же цѣли поѣздки въ другія мѣста Виленской и Трокской областей. Всего, какъ говорятъ, онъ окрестилъ такимъ образомъ до 30,000 литовскихъ язычниковъ. Жмудь пока сохранила еще свою старую религію. Оставлена пока неприкосновенною и греческая религія, которую исповѣдывало русское населеніе Вильны и другихъ литовскихъ городовъ. Нѣкоторые литовскіе бояре и князья, успѣвшіе прежде принять крещеніе по восточному обряду, остались ему вѣрны, въ томъ числѣ Скиргелло, любимый братъ и главный сподвижникъ Ягайла. Однако со стороны сего послѣдняго, очевидно, были принудительныя мѣры по отношенію къ нѣкоторымъ боярамъ, такъ какъ дѣло не обошлось безъ мучениковъ православія. Русская лѣтопись говоритъ, что король велѣлъ казнить двухъ изъ своихъ литовскихъ вельможъ, нехотѣвшихъ перемѣнить восточное православіе на „латинскую вѣру“.

Въ томъ же 1387 году на мѣстѣ Перкунова святилища въ Вильнѣ былъ заложенъ каѳедральный соборъ во имя св. мученика Станислава, освященный потомъ гнѣзненскимъ архіепископомъ Бодзантою. А затѣмъ начали воздвигаться въ Литвѣ и другіе католическіе храмы. На содержаніе храмовъ и духовенства король отдѣлилъ многія села и деревни съ ихъ доходами и сдѣлалъ щедрые вклады. Имущества духовнаго сословія были освобождены отъ налоговъ и повинностей. Главою Литовской католической церкви или первымъ Виленскимъ епископомъ является нѣкто Андрей Васило, родомъ полякъ, бывшій сначала однимъ изъ францисканскихъ монаховъ въ Вильнѣ, потомъ секретаремъ венгерской королевы Елизаветы и Серетскимъ епископомъ въ Молдавіи. Этотъ Андрей Васило, какъ полагаютъ, служилъ едва ли не самымъ дѣятельнымъ посредникомъ между Ягайломъ и польскими магнатами во время переговоровъ о бракѣ съ Ядвигою и Польской коронѣ. Подобно ему, большинство первыхъ священниковъ въ новокрещенной Литовской странѣ было также изъ Поляковъ, и только отчасти они были набраны изъ Нѣмцевъ.

Переходъ великаго князя Литовскаго въ католичество и вступленіе его на польскій престолъ рѣшили издавна происходившую здѣсь борьбу между западнымъ и восточнымъ обрядомъ не въ пользу по-

слѣдняго, и именно въ то время, когда Литва находилась подъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ православно-русской гражданственности. Отнынѣ съ этимъ вліяніемъ входила въ столкновеніе гражданственность латино-польская, вооруженная авторитетомъ власти, свѣтской и церковной. Бракъ Ягайла съ Ядвигою получилъ всемірно-историческое значеніе и въ томъ смыслѣ, что онъ повелъ къ политическому соединенію трехъ сосѣднихъ народовъ, т.-е. Поляковъ, Литовцевъ и Западноруссовъ. Польская народность, дотолѣ сравнительно небольшая и неигравшая значительной роли въ Европейской исторіи, соединясь съ обширнымъ Русско-Литовскимъ государствомъ, быстро возвысилась на степень могущественной державы въ восточной половинѣ Европы и пріобрѣла важное вліяніе на ея дальнѣйшія судьбы.

Не вдругъ, однако, совершилось государственное объединеніе Литвы и Западной Руси съ Польшею; оно должно было пройти еще разныя ступени и подвергнуться нѣкоторымъ колебаніямъ.

Одною изъ первыхъ заботъ королевской четы было возсоединеніе съ Польской короною Галицкой земли, которую Людовикъ присоединилъ къ Венгріи. Въ то время, когда въ Краковѣ происходили сватовство и потомъ бракъ Ягайла съ Ядвигою, въ Венгріи разыгралась кровавая драма съ матерью сей послѣдней. Неудовольствіе противъ королевы—правительницы Елизаветы и ея любимца Николая Гара вызвало возмущеніе, которое однако было подавлено. Противная ей партія выставила претендентомъ на Венгерскую корону родственнаго ея мужу Карла Неаполитанскаго; но онъ былъ вѣроломно завлеченъ въ засаду въ самыхъ покояхъ королевы, брошенъ въ тюрьму и тамъ умерщвленъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Елизавета сдѣлалась жертвою мщенія со стороны приверженцевъ убитаго Карла. Во время поѣздки въ югозападныя области королевства, она въ свою очередь попала въ засаду и была захвачена въ плѣнъ толпою Кроатовъ, подъ начальствомъ Іоанна Хорвати. Ея любимецъ умерщвленъ немедленно; а королева вмѣстѣ съ дочерью Маріей, наслѣдницей Венгерской короны, заключена въ одинъ замокъ на берегу Адріатическаго залива. Когда союзные Венеціане хотѣли освободить королеву и приступили къ замку, Хорвати бросилъ имъ черезъ стѣну трупъ задушенной Елизаветы и угрожалъ то же сдѣлать съ Маріей, если непріятели не отступятъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, пока Мадьярамъ и Венеціанамъ удалось склонить хорватскаго вельможу къ освобожденію Маріи. Послѣ десятимѣсячнаго плѣна

юная королева наконецъ соединилась съ своимъ супругомъ Сигизмундомъ, который между тѣмъ былъ возведенъ на Мадьярскій престолъ. Именно этимъ смутнымъ временемъ, наступившимъ въ Венгріи за умерщвленіемъ Елизаветы, Ядвига воспользовалась для возвращенія Галиціи. Пока ея супругъ занимался крещеніемъ Литвиновъ, она стала во главѣ военнаго отряда и, въ сопровожденіи многихъ польскихъ магнатовъ, отправилась въ Червонную Русь. Нѣкоторые города поддались ей безъ сопротивленія. Столица этой Руси, Львовъ вступилъ съ нею въ переговоры и, получивъ подтвержденіе разныхъ городскихъ привилегій, отворилъ ей ворота. Угорскіе гарнизоны удалились въ Венгрію. Только начальникъ замка въ Галичѣ, по имени Бенедиктъ, оказалъ упорное сопротивленіе. Но потомъ, когда изъ Литвы король двинулъ въ Галицію значительное войско съ Витовтомъ и другими подручными князьями, Бенедиктъ наконецъ сдалъ Галичъ. Возсоединеніе Червонной Руси съ Польскою короною Ягайло ознаменовалъ щедрымъ пожалованіемъ русскихъ земель многимъ польскимъ магнатамъ, каковы особонно: Яско Тарновскій, Спытекъ Мельштынскій, Гнѣвошъ изъ Далевицъ, Петръ Кмита, Добѣславъ и его сынъ Креславъ Курожвенки, Димитрій Горай и др. Это были именно тѣ магнаты, которые играли видную роль въ предыдущихъ событіяхъ и оказали услуги Ягайлу. Даже Семовитъ Мазовецкій, женившійся на сестрѣ Ягайла Александрѣ, получилъ въ приданое за ней городъ Бельзъ съ его округомъ.

Обстоятельства ясно показывали, что Ягайло не въ силахъ былъ немедленно исполнить свое главное обѣщаніе Полякамъ, т.-е. соединить великое княжество Литовское съ Польскою короною. Слишкомъ буквальное исполненіе его грозило мятежами и смутами, ибо въ Русско-Литовскихъ областяхъ еще господствовала удѣльная система, которая могла быть отмѣнена только постепенно. Всякій обиженный братъ, дядя или племянникъ верховнаго государя, легко могъ найти поддержку и въ собственной землѣ, и у сосѣдей. Наиболѣе крупными удѣльными князьями изъ потомковъ Гедимина въ то время были: Ѳедоръ Любартовичъ, владѣвшій Владиміромъ Волынскимъ, Владиміръ Ольгердовичъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, Александръ Наримунтовичъ въ Пинской области, братья Коріатовичи на Подольѣ, Витовтъ въ Берестейской, Гродненской и Луцкой землѣ, Димитрій Корибутъ въ Новгородъ-Сѣверской, Михаилъ Явнутовичъ въ Заславскомъ удѣлѣ, Вигантъ въ Керновскомъ; Симеонъ Лугвень Ольгердовичъ

былъ тогда княземъ въ Великомъ Новгородѣ, и т. д. Кромѣ того на Волыни и въ Полѣсьѣ оставалось еще много мелкихъ удѣльныхъ князей изъ потомковъ Владиміра Великаго, каковы князья Бельзскіе, Пинскіе, Слуцкіе, Острожскіе и др. Общимъ намѣстникомъ королевскимъ въ Литовско-Русскихъ областяхъ, какъ мы видѣли, сдѣланъ былъ любимый братъ Ягелла Скиргелло, сидѣвшій въ Трокскомъ удѣлѣ. Но этотъ Трокскій удѣлъ и послужилъ причиною послѣдующихъ важныхъ событій. Витовтъ имѣлъ притязаніе на него, какъ на свое отцовское наслѣдіе, и питалъ большое неудовольствіе за то, что Троки были отданы Скиргеллу. Сіе неудовольствіе еще увеличилось, когда Скиргелло былъ возведенъ въ достоинство великаго князя съ оставленіемъ за нимъ Трокскаго удѣла. Въ это именно время (въ 1387) старшій сынъ великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича Василій, бѣжавшій изъ Орды, посѣтилъ Витовта въ Луцкѣ, гдѣ и былъ помолвленъ съ его дочерью Софьею.

Вскорѣ потомъ непріязненныя отношенія между Витовтомъ и Скиргелломъ перешли въ открытую, упорную борьбу. По характеру своему соперники составляли рѣзкую противуположность другъ другу. Скиргелло при своей храбрости и отвагѣ былъ вспыльчивъ и грубъ, преданъ пьянству, и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ часто позволялъ себѣ буйство и жестокіе поступки. Иногда товарищи его пировъ и попоекъ платились за нихъ ранами и увѣчьями отъ пьянаго князя. Скиргелло гордился знаніемъ лѣкарственныхъ средствъ, и нерѣдко, протрезвившись, онъ принимался самъ лѣчить пострадавшихъ отъ его рукъ. Межъ тѣмъ Витовтъ уже не былъ тѣмъ довѣрчивымъ, безпечнымъ, неопытнымъ юношею, какимъ онъ явился въ эпоху борьбы Ягайла съ Кейстутомъ. Школа разныхъ испытаній и превратностей воспитала его государственный умъ и закалила его характеръ. Безстрастный и властолюбивый, разсчетливый, энергичный и неутомимый въ достиженіи своихъ цѣлей, воздержный въ образѣ жизни—вотъ съ какими чертами является онъ въ послѣдующей своей дѣятельности.

Витовтъ былъ усерднымъ помощникомъ Ягайла въ достиженіи Польской короны. Онъ конечно надѣялся, что, съ переселеніемъ послѣдняго въ Краковъ, будетъ вознагражденъ цѣлымъ Трокскимъ удѣломъ своего отца, а можетъ быть и достоинствомъ великаго князя Литовскаго. Ягайло же не только предоставилъ все это Скиргеллу, но въ добавокъ обидѣлъ Витовта тѣмъ, что отобралъ назадъ данную ему часть Волыни, т.-е. Луцкій удѣлъ. Послѣ помолвки

Софьи Витовтовны съ сыномъ Димитрія Донского, Ягайло и Скиргелло стали относиться еще подозрительнѣе къ Витовту, запретили ему сношенія съ Пруссіею и Москвою, окружали его шпіонами, преслѣдовали его родственниковъ и друзей, брали съ него новыя обязательства въ вѣрности и т. п. Все это вызвало наконецъ Витовта на новую борьбу. Въ концѣ 1389 года онъ вошелъ въ заговоръ съ нѣкоторыми виленскими жителями, недовольными правленіемъ Скиргелла, и попытался захватить Виленскій замокъ посредствомъ вооруженныхъ воиновъ, которые были скрыты въ возахъ, будто бы нагруженныхъ съѣстными припасами. Но эта военная хитрость не удалась; заговоръ былъ открытъ, и виленскіе сторонники Витовта брошены въ темницы. Тогда ему ничего не оставалось болѣе какъ бѣжать къ сосѣдямъ, что онъ и сдѣлалъ. Снабдивъ сильными гарнизонами свои важнѣйшія крѣпости (Гродно, Брестъ, Каменецъ и пр.), самъ Витовтъ съ ближними родственниками и боярами вновь удалился въ Пруссію, гдѣ заключилъ съ Орденомъ союзъ противъ Ягайла и Скиргелла. Хотя Орденъ не забылъ недавней измѣны Витовта, однако онъ былъ радъ случаю внести новое междоусобіе въ сосѣднюю страну и помѣшать соединенію Литвы съ Польшею. Кромѣ Гродненско-Берестейскаго удѣла на сторонѣ Витовта вскорѣ оказалась почти вся Жмудь и часть православнаго литовско-русскаго населенія въ другихъ областяхъ, недовольная переходомъ Ягайла въ католичество.

Происшедшая затѣмъ трехлѣтняя война была упорна и кровопролитна. Главный ея интересъ сосредоточился на Вильнѣ, которая подвергалась двукратной, но безуспѣшной осадѣ. Въ первый разъ, въ 1390 г., ее обложило большое ополченіе, состоявшее изъ войскъ Ордена и литовско-русскихъ отрядовъ Витовта. Многіе заграничные гости участвовали въ этомъ ополченіи; тутъ были рыцари нѣмецкіе, французскіе и англійскіе; въ числѣ послѣднихъ находился графъ Генрихъ Дерби, впослѣдствіи король Генрихъ IV. Но оказалось, что Гедиминъ зналъ гдѣ выбрать мѣсто для своей столицы: Вильна занимала весьма крѣпкое и удобное для обороны положеніе. Нижній или Кривой замокъ, куда укрылось населеніе города, удалось взять только помощью измѣны: многіе жители держали сторону Витовта и во время приступа зажгли городъ; стѣны этого замка были деревянныя, и потому пожаръ быстро распространился. Множество народа погибло отъ меча и пламени; въ числѣ убитыхъ находился и братъ Ягайла Коригелло, главный начальникъ гарнизона. Но верх-

ній замокъ, укрѣпленный каменными стѣнами, устоялъ, несмотря на то, что Нѣмцы имѣли у себя пушки, которыми громили стѣны. Надобно замѣтить, что король велъ эту войну собственно силами великаго Литовско-Русскаго княжества; а Польша не принимала въ ней непосредственнаго участія. Только гарнизонъ Верхняго замка состоялъ исключительно изъ Поляковъ, подъ начальствомъ коронного вицеканцлера Климента изъ Москажова. Во избѣжаніе измѣны, онъ выслалъ изъ замка всѣхъ Литовцевъ и Русскихъ, и затѣмъ геройски отбилъ всѣ приступы. Этой оборонѣ впрочемъ много помогалъ частыми вылазками Скиргелло, несмотря на тяжелую головную рану, которую онъ получилъ во время попытки остановить движеніе непріятеля къ Вильнѣ. Онъ занималъ третій замокъ, на ту пору временно выстроенный между Верхнимъ и Нижнимъ. Наступилъ октябрь съ его холодами, и крестоносное войско послѣ пятинедѣльной безъуспѣшной осады воротилось въ Пруссію.

Въ это время умеръ великій магистръ Тевтонскаго Ордена Конрадъ Цольнеръ, и мѣсто его заступилъ Конрадъ Валленродъ, который рѣшился энергически продолжать дѣло Витовта въ Литвѣ, и сталъ собирать силы для второго похода. Между первымъ и вторымъ походомъ на Вильну, прибыло въ Маріенбургъ торжественное посольство отъ молодого великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича за его невѣстою. Витовтъ отпустилъ свою дочь съ большою свитою, во главѣ которой былъ поставленъ его подручникъ князь Иванъ Ольгимунтовичъ Ольшанскій; невѣста отправилась изъ Данцига моремъ, а потомъ чрезъ Ливонію достигла предѣловъ Сѣверной Руси. Значеніе Витовта послѣ этого союза еще болѣе возрасло въ глазахъ Ордена; ибо Москва, и безъ того внушавшая опасенія сосѣдямъ Руси, послѣ Куликовской побѣды значительно выросла въ ихъ глазахъ.

Когда въ слѣдующемъ 1391 году вновь собрались иностранные гости изъ Германіи, Франціи, Англіи и Шотландіи, Конрадъ Валленродъ поспѣшилъ выступить въ походъ, такъ что онъ не успѣлъ справить въ Пруссіи обычный пиръ передъ походомъ, или такъ наз. „почетный столъ“, въ честь гостей. Этотъ романтическій обычай, сопровождавшійся нерѣдко богатыми подарками гостямъ, самъ по себѣ производилъ большое впечатлѣніе на европейское рыцарство, и одно торжественное возвѣщеніе о такомъ почетномъ столѣ привлекало въ Пруссію многихъ воиновъ изъ отдаленныхъ странъ. На сей разъ угощеніе гостямъ устроено было уже въ Литовской землѣ подъ стѣнами Ковны; по своей роскоши, дорогимъ подаркамъ и

вообще по огромнымъ издержкамъ этотъ почетный столъ превзошелъ все бывшее прежде. Отсюда огромное ополченіе вновь двинулось на Вильну. Но литовскіе и польскіе воеводы приняли теперь опустошительную систему обороны. Они сами жгли Троки, а потомъ выжгли всѣ окрестности Вильны, такъ что страна представляла пустыню, въ которой большое непріятельское войско не находило средствъ продовольствія. Виленскій замокъ предварительно былъ снабженъ обильными запасами, и его польскій гарнизонъ, предводительствуемый Яско Олесницкимъ, приготовился выдержать продолжительную осаду. Поэтому соединенное ополченіе принуждено было опять безъ успѣха уйти отъ Вильны; оно раздѣлилось на отряды и занялось покореніемъ менѣе значительныхъ крѣпостей. Переходъ нѣсколькихъ городовъ въ руки Витовта, вслѣдствіе измѣны жителей, показалъ, что сочувствіе литовско-русскаго населенія въ этой борьбѣ не было на сторонѣ Ягайла. А такъ какъ Поляки не хотѣли оказать ему дѣятельной помощи, то король рѣшился наконецъ помириться съ своимъ сильнымъ соперникомъ и прибѣгъ къ переговорамъ.

Сводный братъ мазовецкихъ князей (Януша и Семка) молодой Генрихъ, еще въ дѣтствѣ нареченный Плоцкимъ епископомъ, прибылъ въ замокъ Риттерсвердеръ, построенный рыцарями близъ Ковны и назначенный для мѣстопребыванія Витовта. Генрихъ объявилъ пограничнымъ орденскимъ комтурамъ, что онъ присланъ съ мирными предложеніями, и не возбудилъ съ ихъ стороны никакихъ особыхъ подозрѣній. Въ дѣйствительности онъ имѣлъ отъ Ягайла порученіе вступить въ тайное соглашеніе съ Витовтомъ объ условіяхъ ихъ примиренія. Здѣсь, живя нѣсколько недѣль въ Риттерсвердерѣ, юный нареченный епископъ влюбился въ сестру Витовта Рингаллу, и, несмотря на свое духовное назначеніе, вступилъ съ нею въ бракъ. Убѣжденія влюбленнаго подѣйствовали на Витовта тѣмъ сильнѣе, что онъ уже самъ тяготился своею зависимостью отъ Ордена; ему наскучило служить орудіемъ въ рукахъ Нѣмцевъ для достиженія ихъ эгоистическихъ цѣлей. Витовтъ рѣшился вторично измѣнить своимъ договорамъ съ Нѣмцами и поступить съ ними самымъ вѣроломнымъ образомъ.

Наученные опытомъ первой измѣны, рыцари на этотъ разъ держали заложниками по разнымъ замкамъ родственниковъ и бояръ Витовта. Въ началѣ 1392 года большая часть родственниковъ была освобождена и отпущена къ нему; супруга его Анна также соединилась съ мужемъ. Въ рукахъ рыцарей оставались еще братъ его

Конрадъ и два малолѣтнихъ сына. Но честолюбіе уже настолько овладѣло Витовтомъ, что онъ не затруднился пожертвовать собственными дѣтьми. Въ концѣ іюня онъ вдругъ сбросилъ съ себя личину: внезапно захватилъ гарнизонъ Риттерсвердера и сжегъ замокъ; потомъ также разорилъ еще нѣсколько замковъ, построенныхъ рыцарями на Литовской землѣ; затѣмъ отправился въ Вильну, гдѣ былъ съ почестями принятъ Яско Олесницкимъ. Вѣсть объ этой измѣнѣ привела Орденъ въ ярость; князь Конрадъ и остававшіеся въ Марьенбургѣ литовскіе бояре были закованы въ цѣпи; а сыновья Витовта вскорѣ потомъ умерли отравленные. Межъ тѣмъ, Ягайло и Ядвига лично прибыли въ Литву для примиренія, которое и было утверждено договорною грамотою 4 августа 1392 года. Витовтъ получилъ достоинство великаго князя Литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя; онъ обѣщаетъ польскому королю только свое содѣйствіе и помощь въ случаяхъ нужды. Ягайлу пришлось даже примирить Витовта со Скиргелломъ. Послѣдній получилъ Кіевское княжество съ титуломъ „великаго князя Русскаго“; спустя года три, онъ скончался въ Кіевѣ, и, оставшись до конца вѣрнымъ православію, погребенъ въ Печерской Лаврѣ. Нѣкоторые родные братья Ягайла однако были недовольны такимъ возвышеніемъ надъ ними Витовта и происшедшими тогда перемѣнами въ удѣлахъ, въ особенности Владиміръ, силою лишенный Кіева, Корибутъ Сѣверскій и Свидригайло Витебскій. Послѣдній завладѣлъ Витебскомъ по смерти своей и Ягайловой матери Юліаны, которая скончалась въ 1392 или 93 году. Но ихъ попытки къ сопротивленію окончились полною неудачею, и дали Витовту возможность сдѣлать важный шагъ къ уничтоженію удѣльной системы и объединенію Литовскорусскаго государства. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Сѣверскій и Витебскій удѣлы. Также неудачно окончилось новое нашествіе Прусскотевтонскихъ рыцарей, которые хотѣли отомстить Витовту за его измѣну, и воспользовались его борьбою съ удѣльными князьями, изъ которыхъ Свидригайло Витебскій бѣжалъ въ Пруссію и отдался подъ покровительство Ордена. Но орденскія войска и осадныя орудія вновь оказались не въ силахъ одолѣть Виленскія твердыни и принуждены были отступить, заключивъ перемиріе съ Витовтомъ (1394). Послѣ того онъ съ неослабною энергіей продолжалъ объединеніе западно-русскихъ земель подъ своею властію и уничтоженіе крупныхъ удѣловъ. Такъ смерть Скиргелла отдала въ его руки Кіевское княженіе; около того же времени онъ завладѣлъ частью Волыни (отданною Владиміру Ольгердовичу взамѣнъ

Кіева) и Подольемъ, которое отнялъ у Ѳеодора Коріатовича, самаго младшаго изъ братьевъ, еще остававшагося въ живыхъ. Братья Коріатовичи успѣли привести въ нѣкоторый порядокъ и отчасти вновь заселить этотъ край, запустѣвшій отъ татарскихъ разореній (38).

Все это были русскія земли, пріобрѣтенныя для Литовскаго княжескаго рода уже предшественниками Витовта. Самъ онъ умножилъ ихъ новымъ и весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ: ему удалось отнять у потомковъ Владиміра Великаго одну изъ коренныхъ рускихъ областей, именно Смоленское княженіе.

Смоленскъ уже находился въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Мы видѣли, что на старшемъ Смоленскомъ столѣ Скиргелло посадилъ Юрія Святославича. Но Юрій долженъ былъ подѣлиться землею съ своимъ братомъ Глѣбомъ и другими родственниками. Отсюда возникли неизбѣжные споры и междоусобія. Конечно не безъ связи съ подобными распрями произошелъ отъѣздъ Юрія, который отправился къ своему тестю Олегу Рязанскому и вѣроятно хлопоталъ о его помощи противъ своихъ родичей. Этими обстоятельствами воспользовался Витовтъ. Въ то время было нашествіе Тамерлана. Подъ предлогомъ похода на Татаръ, на помощь своему зятю великому князю Московскому, Витовтъ какъ бы случайно явился около Смоленска. Глѣбъ Святославичъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу. Витовтъ принялъ его ласково, одарилъ и отпустилъ; причемъ предложилъ быть третейскимъ судьею для Смоленскихъ князей въ ихъ распряхъ, и обѣщалъ оборонить ихъ отъ Юрія и Олега Рязанскаго. Князья повѣрили его расположенію и дѣйствительно пріѣхали къ нему въ станъ съ своими боярами. Но тутъ Витовтъ сбросилъ маску: онъ велѣлъ схватить князей и ихъ свиту, а городъ, оставшійся безъ предводителей и никѣмъ не обороняемый, былъ застигнутъ врасплохъ и взятъ. Въ Смоленскѣ были посажены Витовтовы намѣстники и оставленъ литовскій гарнизонъ (1395).

Но еще оставался на свободѣ Юрій Святославичъ. Его тесть Олегъ Рязанскій вступился за его права, и тѣмъ охотнѣе, что Литовское господство переступило уже на правый берегъ Оки: надобно было подумать о защитѣ собственныхъ границъ. Въ происшедшей затѣмъ войнѣ обѣ стороны вторгались въ предѣлы сосѣда и опустошали ихъ; но перевѣсъ борьбы явно склонялся въ пользу Литвы. Въ этой борьбѣ сторону Витовта держалъ и самъ великій князь Московскій. Въ 1396 году онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ лично пріѣзжалъ въ Смоленскъ на свиданье со своимъ тестемъ и праздно-

валъ съ нимъ Пасху. Онъ даже посылалъ потомъ отговаривать Олега отъ похода на Литву и обѣщалъ помирить его съ Витовтомъ. А осенью того же года Витовтъ съ большими силами напалъ на Рязанскую землю и предалъ ее опустошенію; при чемъ „Литовцы сажали людей улицами и сѣкли ихъ мечами". По выраженію лѣтописца, Витовтъ „пролилъ Рязанскую кровь какъ воду". Послѣ этихъ подвиговъ прямо изъ Рязанской земли онъ заѣхалъ къ своему Московскому зятю въ Коломну, гдѣ пировалъ съ нимъ нѣсколько дней.

Около того времени извѣстный ханъ Тохтамышъ, побитый Тамерланомъ, а потомъ изгнанный изъ Золотой Орды своимъ соперникомъ Темиръ-Кутлуемъ, нашелъ убѣжище съ женами, дѣтьми и съ большимъ количествомъ своихъ Татаръ у Витовта. Послѣдній водворилъ его въ Лидскомъ замкѣ. Люди, пришедшіе съ Тохтамышемъ, умножили число поселившихся въ Литвѣ и Западной Руси Татаръ; послѣдніе отчасти состояли изъ плѣнниковъ, взятыхъ въ предыдущихъ войнахъ, а отчасти сами приходили сюда вслѣдствіе собственныхъ междоусобій. Съ того времени татарскія колоніи встрѣчаются въ Вильнѣ и во многихъ литовско-русскихъ городахъ и селахъ. Эти поселенные въ Литвѣ и Руси Татары сохраняли свободу религіи и обычаевъ и были обязаны только военною службою ([39]).

Витовтъ былъ теперь однимъ изъ могущественныхъ государей Европы. Но его стремленія къ славѣ и къ новымъ пріобрѣтеніямъ, повидимому, не имѣли предѣловъ.

Къ этой эпохѣ (къ 1397 году) относятся любопытныя записки, извѣстныя подъ названіемъ „Дневникъ графа Конрада Кибурга". Графъ Кибургъ, начальникъ госпиталей Тевтонскаго Ордена, отправленный въ Литву съ какимъ-то порученіемъ къ великому князю, будто бы оставилъ дневникъ своего путешествія и пребыванія въ Вильнѣ.

Приводимъ сущность этого загадочнаго дневника, хотя нѣкоторыя его части, очевидно, дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а съ разными прибавками и украшеніями.

Нѣмецкое посольство на судахъ по Нѣману приплыло въ Ковну, было радушно принято начальникомъ замка, русскимъ бояриномъ по имени Иваномъ Ѳедоровичемъ, и нѣсколько дней дожидалось здѣсь, пока отправленный бояриномъ гонецъ извѣстилъ великаго князя и пока получились отъ него приказанія. Укрѣпленія Ковенскаго замка, построеннаго изъ камня, въ то время носили слѣды разрушенія отъ

нѣмецкихъ осадъ и были снабжены пушками. Гарнизонъ его составляли нѣсколько тысячъ Литовцевъ и Жмудиновъ. Но посольству не дозволили близко осмотрѣть замокъ и поселили его въ предмѣстьи. Изъ своихъ оконъ посолъ могъ наблюдать разбитый на другомъ берегу лагерь конницы, которая состояла изъ нѣсколькихъ отрядовъ, весьма разнообразно одѣтыхъ и вооруженныхъ: тяжелая кавалерія была закована въ желѣзо по образцу польской, а легкая вооружена только „палками“ (конечно копьями) и сидѣла на своихъ тощихъ коняхъ. Былъ еще отрядъ изъ людей пожилыхъ съ длинными бородами, въ темносѣрыхъ верхнихъ плащахъ, съ остроконечными капишонами, которые издали дѣлали ихъ похожими на братьевъ миноритовъ, и только разноцвѣтные нижніе кафтаны отличали ихъ отъ францисканцевъ. Какой-то князь Юрій (вѣроятно Пинскій или Бельзскій) въ тотъ день производилъ ученье этой конницѣ.

22 іюня посольство, сопровождаемое приставленнымъ къ нему литовскимъ чиновникомъ, по имени Оттокаромъ Остыковичемъ, бѣгло говорившимъ по-нѣмецки, верхомъ на коняхъ достигло стольнаго города Вильны. У городскихъ воротъ встрѣтили его военные и городскіе чиновники, съ намѣстникомъ Монивидомъ во главѣ. Францисканскіе монахи прежде всего пригласили Нѣмцевъ заѣхать въ ихъ монастырь и помолиться въ церкви Дѣвы Маріи „на Пескахъ“. У воротъ Виленскаго нижняго замка ихъ привѣтствовали великокняжескіе дворяне съ хлѣбомъ-солью и кубкомъ пива на золотомъ блюдѣ; затѣмъ послы вошли помолиться въ каѳедральный соборъ, гдѣ духовенство встрѣтило ихъ съ кадилами и св. водою. Ихъ помѣстили на берегу Виліи въ деревянномъ, но хорошо укрѣпленномъ, посольскомъ домѣ, гдѣ они нашли разныя удобства, пріятное отдохновеніе послѣ дороги, и вообще остались весьма довольны радушіемъ и гостепріимствомъ Литовцевъ. Великаго князя пока не было въ столицѣ, и послы имѣли достаточно времени наблюдать главныя лица и разнообразное населеніе Вильны. Въ особенности графъ Кибургъ распространяется въ похвалахъ первому католическому епископу Литвы, Андрею Васило, который принялъ пословъ въ своемъ домѣ и угостилъ ихъ обѣдомъ. Это былъ бодрый, высокаго роста, благообразный старецъ, съ пріятными манерами, бойко говорившій по-латыни и по-нѣмецки. Онъ увѣрялъ пословъ, будто новообращенная Литва отличается особымъ усердіемъ къ христіанству и покорностію папскимъ велѣніямъ и находится на пути къ принятію западно-европейской культуры.

Въ тотъ же день вечеромъ послы, по приглашенію епископа, осматривали каѳедральный соборъ въ сопровожденіи стараго священника, члена капитулы, родомъ Нѣмца. Зданіе, какъ извѣстно, было воздвигнуто на мѣстѣ языческаго капища, котораго стѣны остались нетронутыми, за исключеніемъ передней или алтарной части. По причинѣ чрезвычайной ширины этого зданія (во время язычества бывшаго открытымъ сверху), внутренность его при передѣлкѣ въ храмъ была раздѣлена тремя рядами массивныхъ столбовъ, на которыхъ утверждена двускатная кровля. По угламъ его возвышались четыре башенки, да еще три на ребрѣ кровли. По бокамъ храма устроены отдѣленныя рѣшетками мѣста или каплицы и разные придѣлы съ особыми алтарями; а главный алтарь стоялъ тамъ, гдѣ прежде горѣлъ неугасаемый огонь Перкуна. Украшенія храма не отличались изяществомъ; но повсюду блестѣли отлитые изъ дорогихъ металловъ канделябры и разные стоячіе или висячіе свѣтильники. Полумракъ, господствовавшій въ храмѣ, и однообразный напѣвъ псалмовъ навѣвали меланхолическое настроеніе. Вдругъ въ придѣлѣ Іоанна Крестителя показалось яркое освѣщеніе отъ зажженныхъ на его алтарѣ свѣчей, и около него столпился народъ, дотолѣ почти незамѣтный въ огромномъ зданіи. Здѣсь священникъ началъ служить вечерню; голосъ его вскорѣ смѣнилъ пѣвческій хоръ, а послѣдняго потомъ заглушила музыка, загремѣвшая на верхней галлереѣ. Трубы, гобои, бубны, огромные котлы издавали могучіе звуки; они стихли постепенно и нѣжно, когда послышалось мужественное пѣніе „Gloria Patri et Filio“. Очевидно, такое богослуженіе было разсчитано на то, чтобы производить сильное впечатлѣніе на недавнихъ язычниковъ, и дѣйствительно, при первыхъ звукахъ этого пѣнія, народъ падалъ на землю. А когда запѣли „Magnificat“, раздался звонъ колоколовъ, висящихъ въ переднихъ окнахъ собора.

Кибургъ описываетъ потомъ ночное пиршество, устроенное въ честь пословъ намѣстникомъ Монивидомъ въ его лѣтнемъ мѣстопребываніи, въ предмѣстьи Лукишкахъ. Пиръ сопровождался музыкой и пѣніемъ и происходилъ въ просторной комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами, за большимъ овальнымъ столомъ. Кибургъ обратилъ вниманіе на то, что тутъ не было опредѣленныхъ мѣстъ по чинамъ, а каждый сѣлъ гдѣ хотѣлъ, и отсюда вывелъ заключеніе, будто бы у Литовцевъ всѣ равны.

По словамъ Кибурга, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ его были прежде разсѣяны языческія капища, иногда ка-

менныя, посвященныя различнымъ божествамъ; а теперь на ихъ мѣстахъ большею частью воздвигнуты христіанскіе храмы. Между прочимъ въ предмѣстьи Антокольскомъ находились заповѣдная роща, посвященная всѣмъ богамъ, и деревянное капище. За этимъ предмѣстьемъ начинался большой лѣсъ, въ которомъ разбросаны были звѣринцы виленскихъ бояръ и ихъ охотничьи дома, окруженные тыномъ.

Такъ какъ день Іоанна Крестителя совпадалъ съ народнымъ праздникомъ Купала, общимъ у Русскихъ и Литвиновъ, то послы вечеромъ, въ сопровожденіи своего пристава Оттокара, ѣздили за городъ въ сосѣднія рощи и долины, гдѣ происходило это народное празднество. Тутъ они увидѣли множество шалашей, наметовъ и разведенныхъ огней; стонъ стоялъ отъ говора и пѣсней толпившагося простонародья; молодежь предавалась пляскамъ, пожилые люди бражничали. Въ особой и весьма живописной долинѣ горѣлъ огромный костеръ, вокругъ котораго ходили или сидѣли на травѣ, покрытой коврами, люди высшихъ сословій, мужчины отдѣльно отъ женщинъ. Нѣкоторые закусывали подлѣ низкихъ столовъ; другіе слушали пѣніе старцевъ; слуги свѣтили восковыми факелами. На двухъ дальнихъ пригоркахъ поочередно играла музыка, а кругомъ на холмахъ пылали смоляныя бочки и смолистыя деревья.

Кибургъ весьма хвалитъ положеніе города; онъ очень хорошо укрѣпленъ, и сосѣднія возвышенности, ущелья, овраги и лѣса представляли всѣ удобства для обороны отъ непріятеля; въ лѣсахъ легко укрывались жители предмѣстій въ случаѣ нападенія. Нѣмецъ подтверждаетъ, что не сонъ о желѣзномъ волкѣ подалъ Гедимину мысль основать здѣсь свою столицу, а выгоды мѣстоположенія и существовавшія здѣсь поселенія съ святилищемъ Перкуна. Эти поселенія онъ превратилъ въ городъ; причемъ Русинамъ назначилъ извѣстную его часть, Нѣмцевъ и Поляковъ также помѣстилъ отдѣльно отъ Литовцевъ. Все населеніе города простиралось теперь до 25.000 человѣкъ, а гарнизонъ его до 6.000. Въ своихъ замѣчаніяхъ о двухъ главныхъ народностяхъ края, т.-е. Литвинахъ и Русскихъ, Кибургъ благосклоннѣе относится къ первымъ, а ко вторымъ показываетъ нерасположеніе; тутъ отразились конечно его собственныя антипатіи къ православію и разсказы епископа Андрея Василo, отъ котораго онъ, повидимому, главнымъ образомъ заимствовалъ свои этнографическія свѣдѣнія. Такъ, Литовцевъ онъ описываетъ народомъ высокаго роста, темноволосымъ, честнымъ и весьма способ-

нымъ къ военному дѣлу; а Русины, по его словамъ, менѣе ростомъ, рыжеволосы и вообще несимпатичны. Русскія женщины некрасивы и притомъ еще портятъ себя безобразными головными уборами; а Литвинки и сами красивы, и головы убираютъ со вкусомъ; деревенскія же дѣвушки ходятъ простоволосыя, имѣя искусно причесанные, хорошіе волосы. Но за то Литвинки отличаются болѣе свободными нравами, а Русинки содержатся въ строгости; Литвины лѣнивы и очень привержены къ крѣпкимъ напиткамъ и потому менѣе зажиточны, чѣмъ Русины. При дворахъ Литовскихъ князей и въ ихъ дипломатіи употреблялся языкъ Русскій, и письменность въ ихъ канцеляріяхъ была исключительно Русская. Чтенію и письму молодые люди обыкновенно учились въ русскихъ монастырскихъ школахъ. Многіе ученые Русины во времена Татарскаго ига съ восточной стороны Днѣпра ушли въ Литву и принесли сюда свои познанія. Объ этомъ господствѣ русской письменности и русской образованности въ Литвѣ епископъ Андрей сообщилъ Кибургу съ великимъ сожалѣніемъ. Вслѣдъ за епископомъ и Кибургъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что, обращая Литовцевъ въ католическую вѣру, оставляютъ въ покоѣ Русиновъ, которыхъ вѣра, по его словамъ, „есть не что иное, какъ ересь и манихейство". Изъ этихъ разсужденій ревностныхъ католиковъ, уже въ концѣ XIV вѣка можно было предвидѣть будущія гоненія на Русскую церковь въ Польско-Литовскомъ государствѣ.

Витовта орденскій посолъ изображаетъ весьма дѣятельнымъ и умнымъ государемъ. Онъ въ короткое время своего единодержавія успѣлъ уже возстановить полный порядокъ, нарушенный предыдущими смутами и междоусобіями, и пополнить опустѣвшую великокняжескую казну. Онъ самъ объѣзжаетъ провинціи, надзираетъ за хозяйствомъ коронныхъ имѣній, посѣщаетъ вассальныхъ князей и такимъ образомъ собираетъ большіе доходы. Когда же не ѣздитъ по волостямъ, то живетъ или въ Новыхъ Трокахъ, гдѣ имѣетъ великолѣпный каменный замокъ на островѣ озера, или въ Старыхъ Трокахъ въ деревянномъ дворцѣ. Въ Вильнѣ Витовтъ бываетъ рѣдкимъ гостемъ, и тогда поселяется въ прекрасномъ, но небольшомъ, деревянномъ домѣ на берегу Виліи. За недостаткомъ помѣщенія дворъ его располагается здѣсь военнымъ лагеремъ. Онъ не любитъ ни охоты, ни шумныхъ пировъ; очень умѣренъ въ пищѣ и питьѣ, въ обращеніи весьма сдержанъ и даже холоденъ, мало смѣется, всякое извѣстіе хорошее или дурное выслушиваетъ съ лицомъ безстраст-

нымъ; но для своего народа очень доступенъ. Великая княгиня Анна часто сопровождаетъ мужа въ его поѣздкахъ по краю и вообще имѣетъ на него большое вліяніе.

Когда Витовтъ прибылъ въ Вильну, то онъ принялъ орденское посольство при весьма торжественной обстановкѣ съ обычными придворными церемоніями. У входа во дворецъ оно нашло богато одѣтыхъ слугъ и толпу комнатныхъ дворянъ. Двери аудіенцъ-залы охраняли восемь огромныхъ стражниковъ съ большими усами и бритыми подбородками, съ бердышами изъ серебра и полированной стали, въ высокихъ черныхъ мѣховыхъ шапкахъ, обвитыхъ спирально золотыми цѣпями, которыхъ кисти падали на плечи; на подбородкѣ эти шапки застегивались золотистой чешуей. Великій князь сидѣлъ на тронѣ, т.-е. на богато украшенныхъ креслахъ; по сторонамъ его стояли по два пажа въ бѣлыхъ одеждахъ; далѣе на стульяхъ помѣщались его вельможи и секретари. Эта публичная аудіенція ограничилась взаимными поклонами и врученіемъ письма отъ великаго магистра и спросомъ о его здоровьѣ. Послѣ того начались частныя аудіенціи, которыя происходили въ дипломатической канцеляріи, помѣщавшейся въ просторной комнатѣ, обитой роскошными восточными коврами. Большой столъ былъ также покрытъ дорогимъ ковромъ; на немъ находились вызолоченное распятіе, великокняжеская митра, мечъ и родъ золотого скипетра. На передней стѣнѣ утверждено было изображеніе Богородицы, отлитое изъ золота и серебра; передъ нимъ горѣла хрустальная лампада, висящая на золотой цѣпочкѣ. На головѣ великаго князя была шляпа, походившая на „испанское сомбреро“ (?); одѣтъ онъ былъ въ желтый шелковый камзолъ, застегнутый до горла золотыми пуговицами на золотыхъ петлицахъ, въ розовые порты и красные кожаные сапоги съ золотыми шпорами. Изъ-за шитаго золотомъ пояса выглядывала рукоять кинжала, осыпанная дорогими каменьями; сверхъ камзола былъ накинутъ короткій кафтанъ гранатнаго цвѣта и литовскаго покроя. Витовтъ не дурно говорилъ по-нѣмецки и иногда примѣшивалъ латинскія фразы, такъ какъ онъ былъ воспитанъ плѣннымъ орденскимъ рыцаремъ. При своей полнотѣ великій князь казался не совсѣмъ здоровымъ; впрочемъ, его лицо было моложаво, а въ его взглядѣ заключалось что-то весьма привлекательное—черта, которую онъ наслѣдовалъ отъ своей матери (40).

Хотя Дневникъ не говоритъ о цѣли орденскаго посольства; но вѣроятно оно имѣло задачею поддержать довѣріе Витовта къ Ягайлу

и привлечь великаго князя къ союзу съ Орденомъ, т.-е. по возможности воспрепятствовать столь опасному для Ордена соединенію Литвы съ Польшею. Обстоятельства вскорѣ помогли Нѣмцамъ въ этомъ дѣлѣ.

Новымъ поводомъ къ раздору между Витовтомъ и польскою королевскою четою послужилъ вопросъ о раздѣлѣ Подолья. Хотя Витовтъ уступилъ часть этого края Ягеллу, и сей послѣдній сдѣлалъ тамъ своимъ намѣстникомъ краковскаго воеводу Спытка изъ Мельштина; но Спытекъ скоро попалъ въ зависимость отъ Витовта и былъ собственно ленникомъ литовскимъ, а не польскимъ. Вельможи польскіе были недовольны. Они считали Подолье принадлежащимъ Галицко-Волынской Руси, слѣдовательно владѣніемъ Польской короны, такъ какъ со времени Казиміра Великаго Галиція и часть Волыни были присоединены къ Польшѣ. Магнаты сумѣли въ этомъ духѣ настроить Ядвигу какъ наслѣдницу Казиміра Великаго и Людовика Венгерскаго, и Ядвига вдругъ потребовала отъ Витовта, чтобы онъ, влядѣя Подольемъ какъ леномъ Польской короны, въ качествѣ ленника платилъ бы ей извѣстную ежегодную дань.

Подобное требованіе весьма раздражило Витовта, который очень ревниво относился къ своему достоинству такого же независимаго литовско-русскаго государя, какимъ были его славные предшественники Гедиминъ и Ольгердъ. Онъ созвалъ въ Вильну русскихъ и литовскихъ бояръ и спросилъ ихъ, считаютъ ли они себя подданными Польской короны, обязанными платить ей дань. Разумѣется, отвѣтъ былъ отрицательный. Въ то же время великій князь Литовскій предложилъ великому магистру Тевтонскому Конраду Юнгингену съѣхаться съ нимъ на обычномъ мѣстѣ, т.-е. на островѣ рѣки Дубиссы. Осенью 1398 года этотъ отъѣздъ состоялся съ великимъ торжествомъ и въ присутствіи блестящей свиты съ той и другой стороны. Тутъ былъ заключенъ отдѣльный отъ Польши литовско-прусскій союзный договоръ, по которому Витовтъ сдѣлалъ важныя уступки Ордену со стороны Жмуди и, между прочимъ, согласился на подчиненіе ему Пскова; а Орденъ обѣщалъ съ своей стороны помочь Витовту въ завоеваніи Новгорода Великаго. На пирахъ, которыми сопровождался съѣздъ, литовскіе и русскіе бояре, зная горячее желаніе Витовта, провозглашали тосты за его здоровье, какъ „короля“ Литвы и Руси.

Извѣстіе объ этомъ союзномъ договорѣ Литвы съ Пруссіей было тяжелымъ ударомъ для Ядвиги. Принесенная въ жертву политическимъ разсчетамъ и не нашедшая семейнаго счастья въ бракѣ съ

Ягайломъ, она искала утѣшенія въ благочестіи. При ея надломленномъ организмѣ надъ нею тяготѣлъ еще упрекъ въ безплодіи; чтобы упрочить новую династію на Польскомъ престолѣ, нуженъ былъ наслѣдникъ, а королевская чета послѣ двѣнадцатилѣтняго брака еще не имѣла дѣтей. Наконецъ мелькнулъ лучъ утѣшенія. Обрадованный Владиславъ Ягайло пригласилъ самого папу назваться крестнымъ отцомъ будущаго ребенка, и дѣлалъ приготовленія къ большимъ празднествамъ. Но въ іюнѣ 1399 года Ядвига разрѣшилась отъ бремени дочерью, которая прожила только недѣли три; а вслѣдъ за нею скончалась и сама Ядвига. Имѣя въ виду, что съ ея смертью ослабляются права ея супруга на Польскую корону, она на смертномъ одрѣ завѣщала ему вступить въ бракъ съ Анною, дочерью графа Цилли и внучкою Казиміра Великаго; чѣмъ вновь укрѣплялись его права на Польскій престолъ. Ягайло потомъ исполнилъ ея завѣщаніе ([41]).

V.

ВАСИЛІЙ МОСКОВСКІЙ И ВИТОВТЪ ЛИТОВСКІЙ.

Бракъ Василія съ Софьею Витовтовной. — Присоединеніе Нижняго-Новгорода и войны съ его князьями. —Борьба Тохматыша съ Тамерланомъ.—Нашествіе послѣдняго на Русь и внезапное возвращеніе.—Пораженіе Витовта на Ворсклѣ.— Юрій Смоленскій и борьба Василія съ Витовтомъ. — Нашествіе Эдигея на Москву.—Борьба Литвы и Польши съ Тевтонскимъ Орденомъ.—Гринвальдская битва.— Городельская унія.—Крещеніе Жмуди.—Отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской.—Новое разореніе Кіева Татарами и бѣгство Свидригайла.—Хлопоты Витовта о королевской коронѣ и Збигнѣвъ Олесницкій. — Съѣздъ государей въ Луцкѣ.—Неудача и смерть Витовта.

Въ самомъ началѣ княженія юнаго Василія Димитріевича у него вышла какая-то размолвка съ дядей Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ. Сей послѣдній покинулъ Москву, и съ своими старшими боярами уѣхалъ къ себѣ въ Серпуховъ, а оттуда въ Торжокъ. Но спустя немного времени, внутренній миръ былъ возстановленъ и скрѣпленъ новымъ договоромъ, по которому дядя вновь призналъ себя подручникомъ великаго князя, т.-е. своего племянника, а Василій придалъ къ удѣлу Владиміра два города (Волокъ и Ржеву, которые потомъ перемѣнилъ на Городецъ, Угличъ и др.). Затѣмъ великій князь вступилъ въ бракъ съ Софіею, дочерью Витовта Кейстутьевича. Помолвка съ нею совершена была уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія Василія въ Западной Россіи. Была ли эта помолвка непріятна Димитрію Ивановичу или по какой другой причинѣ, только бракъ состоялся уже послѣ его смерти. Бояре великокняжескіе, ѣздившіе за невѣстою въ столицу Прусскаго Ордена Маріенбургъ, проводили ее Балтійскимъ моремъ и чрезъ Новгородъ въ Москву. Здѣсь (въ 1390 г.) вѣнчаніе новобрачной четы было совершено митрополитомъ Кипріаномъ, который послѣ кончины Димитрія и сво-

его соперника Пимена, умершаго въ Царьградѣ, снова воротился на сѣверную митрополію. Родственныя связи Московскихъ князей съ домомъ Гедимина Литовскаго начались еще прежде и доселѣ не влекли за собою какихъ-либо важныхъ послѣдствій. Новый бракъ сначала тоже не предвѣщалъ ничего особаго. Отецъ Софіи находился тогда въ удаленіи отъ отечества, будучи обиженъ отъ своего двоюроднаго брата Ягайла, короля Польско-Литовскаго. Можно было только надѣяться, что Витовтъ явится союзникомъ противъ враждебнаго Москвѣ Ягайла, и едва ли кто предполагалъ, что не этотъ государь, а именно Витовтъ окажется самымъ опаснымъ сосѣдомъ для Москвы, что онъ широко воспользуется родственными къ ней отношеніями въ свою пользу и во вредъ Восточной Руси.

Если Димитрій Донской успѣлъ укрѣпить за Москвою волости непосредственно принадлежавшія великому княженію Владимірскому, то сынъ его Василій сдѣлалъ еще важный шагъ на пути земельнаго пріобрѣтенія и собиранія Сѣверовосточной Руси. Въ слѣдующемъ 1391 году онъ поѣхалъ въ Орду на поклонъ къ хану Тохтамышу, и не только былъ утвержденъ имъ въ достоинствѣ великаго князя, но и началъ хлопотать о ярлыкѣ на княженіе Нижегородское и нѣкоторые другіе удѣлы. Въ Нижнемъ-Новгородѣ сидѣлъ Борисъ Константиновичъ, только что утвержденный здѣсь самимъ Тохтамышемъ. Послѣдній очевидно колебался и не вдругъ согласился на ходатайство Василія. Но Московскій князь пріѣхалъ въ Орду съ большимъ запасомъ золота и серебра. Онъ поднесъ великіе дары хану, и, по выраженію лѣтописи, *умздилъ* царскихъ совѣтниковъ, чтобы тѣ просили за него хана. Тохтамышъ уступилъ, и выдалъ Василію ярлыкъ на Нижній-Новгородъ и Городецъ, а также на Муромъ, Мещеру и Тарусу. При возвращеніи въ Русь великаго князя сопровождалъ царскій посолъ съ татарскимъ отрядомъ: онъ долженъ былъ, такъ сказать, ввести Василія во владѣніе тѣмъ, что ему было пожаловано въ ярлыкѣ. Но ханское пожалованіе въ этомъ случаѣ имѣло значеніе только формальнаго согласія на перемѣну владѣтеля и нѣкоторой помощи сильнѣйшему противъ слабѣйшаго. Русскіе князья въ то время уже не настолько зависѣли отъ хановъ, чтобы по приказу послѣднихъ покорно уступать свои наслѣдственные удѣлы соперникамъ. Привести въ исполненіе помянутый ханскій ярлыкъ предоставлялось самому Василію. Но онъ заранѣе принялъ возможныя мѣры для обезпеченія успѣха: Московскій князь уже приготовилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ сильную боярскую партію въ

свою пользу какъ деньгами, такъ и обѣщаніями великихъ милостей. Будучи по матери внукомъ Димитрія Константиновича, Василій въ глазахъ Нижегородцевъ могъ имѣть значеніе родственнаго, близкаго имъ князя. Да и самое обособленіе этой области отъ великаго княженія Владимірскаго еще не успѣло пустить глубокихъ корней въ народѣ и въ мѣстномъ служиломъ сословіи; еще свѣжа была память объ Александрѣ Невскомъ, родоначальникѣ князей Московскихъ и Нижегородскихъ. При такомъ условіи значительная часть дружинно-боярскаго сословія естественно предпочитала служить болѣе богатому и сильному Московскому князю; а населеніе надѣялось подъ его защитою получить болѣе спокойствія со стороны сосѣднихъ Татаръ, Мордвы и со стороны собственныхъ князей: ибо Нижегородскій столъ служилъ тогда предметомъ распри между Борисомъ Константиновичемъ и его двумя племянниками.

Изъ Коломны Василій поѣхалъ прямо въ Москву, а въ Нижній отправилъ ханскаго посла съ нѣкоторыми своими боярами. Услыхавъ о томъ, Борисъ Константиновичъ собралъ своихъ бояръ и дружину, и со слезами напоминалъ объ ихъ недавней ему присягѣ. Старшій бояринъ Василій Румянецъ успокоивалъ князя и увѣрялъ, что всѣ они готовы положить за него головы. А между тѣмъ этотъ Румянецъ уже измѣнилъ ему, передался на сторону Василія и только старался какъ бы искуснѣе обмануть Бориса. Когда ханскій посолъ съ московскими боярами подъѣхалъ къ Нижнему, Борисъ не хотѣлъ ихъ впускать въ городъ; но Румянецъ выставилъ ихъ послами, пришедшими подкрѣпить миръ и любовь, убѣдилъ князя положиться на вѣрность своей дружины и принять посольство. Едва Татары и Москвитяне вступили въ городъ, какъ начали звонить въ колокола. Граждане стеклись на вѣче, и тутъ послы объявили имъ, что городъ переходитъ во власть великаго князя Московскаго. Напрасно Борисъ звалъ къ себѣ своихъ бояръ и дружину и умолялъ не выдавать его врагамъ. „Господине княже, не надѣйся на насъ; мы уже не твои!"—сказалъ ему Румянецъ. Борисъ и его немногіе доброхоты изъ бояръ были взяты подъ стражу и разосланы по московскимъ городамъ. Василій пріѣхалъ въ Нижній и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ. Такимъ образомъ присоединеніе цѣлаго большого удѣла на первое время не стоило Москвѣ ни капли крови; столь искусно подготовлена была здѣсь почва. Вмѣстѣ съ Нижнимъ перешелъ къ Москвѣ и прежній удѣлъ Бориса—Городецъ на Волгѣ. Во владѣніи Нижегородской княжей вѣтви еще оставался Суздаль, куда и былъ

отпущенъ Борисъ. Спустя два года онъ скончался, и погребенъ, какъ выражается лѣтопись, „въ своей вотчинѣ“ въ Суздалѣ. Но племянники его, сыновья Димитрія Константиновича Василій Кирдяпа и Симеонъ, съ оружіемъ въ рукахъ упорно отстаивали свои наслѣдственныя права на Нижній Новгородъ. Естественно, они не могли удовлетвориться однимъ Суздальскимъ удѣломъ, который должны были дѣлить еще съ своими двоюродными братьями, сыновьями Бориса Константиновича.

Василій и Семенъ по смерти дяди ушли въ Орду, чтобы хлопотать о ярлыкахъ и о помощи у Тохтамыша. Но онъ самъ вскорѣ потерялъ свое царство: въ Золотой Ордѣ возобновились перемѣны и смуты. Тогда Суздальскіе князья стали искать помощи противъ Москвы у сосѣднихъ татарскихъ владѣтелей въ Камской Болгаріи. Однажды Семенъ Дмитріевичъ напалъ на Нижній вмѣстѣ съ какимъ-то царевичемъ Ейтякомъ, у котораго была тысяча Татаръ. Сидѣвшіе тутъ Московскіе воеводы, повидимому, имѣли мало войска; три дня отбивались они отъ осаждавшихъ. Сіи послѣдніе потомъ заключили миръ, и утвердили его присягою; но, воспользовавшись этимъ договоромъ, вѣроломно ворвались въ городъ и предали его разграбленію. Семенъ Дмитріевичъ, точно также своею ложною клятвою вмѣстѣ съ братомъ помогшій прежде Тохтамышу захватить Москву, оправдывался тѣмъ, что не онъ нарушилъ присягу, а Татары. Однако болѣе двухъ недѣль онъ не могъ держаться въ Нижнемъ, и бѣжалъ отсюда, какъ скоро услыхалъ о походѣ большой Московской рати, которую великій князь послалъ подъ начальствомъ брата своего Юрія Дмитріевича и старѣйшихъ бояръ. Эта рать послѣдовала за союзниками Семена въ ихъ землю, и разграбленіе Нижняго отомстила погромомъ ихъ собственныхъ городовъ, каковы: Великіе Болгары, Жукотинъ, Казань, Керменчукъ и другіе. Три мѣсяца воевала она Камскую Болгарію и воротилась съ большою добычею (1399 г.). Года два спустя, Московскіе воеводы захватили жену и дѣтей Семена Дмитріевича, укрывавшихся въ Мордовской землѣ. Чтобы выручить свою семью, Семенъ пересталъ бѣгать по татарскимъ мѣстамъ, помирился съ великимъ княземъ и послѣ того удалился въ Вятку, гдѣ вскорѣ и умеръ. „Сей князь—замѣчаетъ лѣтописецъ—много претерпѣлъ напастей и истомы въ Ордѣ и на Руси, добиваясь своей отчины; восемь лѣтъ сряду онъ служилъ четыремъ ханамъ, поднимая рать на великаго князя Московскаго; но ничего не успѣлъ и всуе трудился“. Братъ его Кирдяпа помирился съ ве-

ликимъ княземъ и временно получилъ отъ него Городецъ, гдѣ и умеръ.

Со смертью этихъ князей однако не окончилась борьба за Нижній-Новгородъ: ее продолжали ихъ двоюродные братья, сыновья Бориса Константиновича, и продолжали съ помощью тѣхъ же союзниковъ, т.-е. татарскихъ владѣтелей Камской Болгаріи. По временамъ имъ удавалось наносить немалый вредъ Московскому княженію. Такъ однажды они вмѣстѣ съ князьями Болгарскими и Жукотинскимъ разбили великокняжескаго брата Петра Дмитріевича близъ извѣстнаго приволжскаго села Лыскова (1411 г.). Около того же времени наиболѣе безпокойный изъ этихъ братьевъ, Даніилъ Борисовичъ, послалъ изгономъ на Владиміръ Залѣсскій боярина своего Семена Карамышева и какого-то татарскаго царевича Талыча; у нихъ было полтораста Татаръ и столько же Руси. Владиміръ тогда былъ плохо укрѣпленъ, а великокняжій намѣстникъ Юрій Щока находился въ отсутствіи. И вотъ въ полдень, когда граждане по обычаю предавались сну, Татары, подкравшись лѣсомъ, внезапно появились изъ-за Клязьмы. Сначала они захватили городское стадо, пасущееся въ полѣ; потомъ разграбили посадъ, а затѣмъ ворвались внутрь города и бросились на соборный Успенскій храмъ Богородицы, чтобы захватить его драгоцѣнности. Успенскій ключарь, попъ Патрикій, родомъ Грекъ, заперъ двери; взялъ золотые и серебряные сосуды и прочую дорогую утварь, сколько успѣлъ собрать, и скрылъ все это въ верхнихъ потайныхъ каморахъ за церковными полатями; затѣмъ сошелъ внизъ, отнялъ лѣстницы и началъ со слезами молиться передъ образомъ Богородицы. Враги выломали двери, ободрали ризы съ иконъ и ограбили все, что было можно; а попа Патрикія начали мучить, допрашивая, гдѣ спрятаны остальныя сокровища. Тотъ молчалъ. Его ставили на раскаленную сковороду, забивали щепы за ногти, сдирали кожу. Наконецъ прорѣзали ему ноги, продѣли въ нихъ веревку и привязали къ хвосту коня; но мужественный Патрикій претерпѣлъ всѣ муки и скончался, не открывъ потайного хода. Ограбивши всѣ церкви и весь городъ, враги предали его пламени и ушли съ большимъ полономъ и добычею. Бывшіе у нихъ плѣнниками потомъ разсказывали, будто татарскіе и русскіе грабители захватили во Владимірѣ столько добычи, что многія одежды и вещи, не могши увезти съ собою, они складывали въ копны и сожигали, а золота и серебра взяли такъ много, что деньги дѣлили между собою мѣрками.

Итакъ, безкровное въ началѣ пріобрѣтеніе Нижняго-Новгорода

потомъ обошлось Москвѣ не дешево. Вражда и безпокойства отъ Суздальскихъ князей продолжались почти до конца Васильева княженія. Эти князья удержали за собой пока Суздаль и, кажется, Городецъ. Василій, повидимому, оставлялъ до времени мѣстныхъ князей также въ Муромѣ и Тарусѣ. Только Нижній Новгородъ онъ считалъ столь важнымъ пунктомъ, что не допускалъ для него вассальныхъ отношеній, а держалъ тамъ непосредственно своихъ намѣстниковъ. Съ этими пріобрѣтеніями предѣлы Московскаго княженія раздвинулись на сѣверовостокъ по Волгѣ до впаденія въ нее съ одной стороны Суры, съ другой Ветлуги, а на югозападъ по Окѣ до ея притока Угры ([42]).

Смуты и междоусобія, происходившія тогда въ Золотой Ордѣ, немало помогли успѣхамъ Москвы и Литвы на поприщѣ собиранія Руси.

Тохтамышъ былъ послѣднимъ ханомъ, успѣвшимъ возстановить единство и могущество Кипчакскаго царства и сдѣлать его страшнымъ для своихъ сосѣдей. Послѣ Батыя и Узбека онъ является третьимъ знаменитѣйшимъ властителемъ Золотой Орды. Но его собственное высокое мнѣніе о своемъ могуществѣ, безъ сомнѣнія, внушило ему несчастную для него мысль вступить въ борьбу съ тѣмъ самымъ Тамерланомъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ воцареніемъ на Сарайскомъ престолѣ. Главною причиною его вражды вѣроятно была династическая ревность. Какъ прямой потомокъ Чингизъ-хана, Тохтамышъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на главенство Тамерлана (собственно Тимуръ-Ленга), который происходилъ отъ мѣстныхъ князей Джагатайской Орды и не имѣлъ законнаго права на верховную власть. Тимуръ самъ сознавалъ за собою недостатокъ этого права и потому держалъ при себѣ кого-либо изъ потомковъ Чингизовыхъ, которому предоставлялъ достоинство верховнаго хана, конечно номинальное. Тохтамышъ видѣлъ въ Тимурѣ второго Мамая и надѣялся вѣроятно точно также низвергнуть его владычество надъ Чингизидами. Поводомъ къ столкновенію послужило, повидимому, отнятіе у Кипчакскаго царства нѣкоторыхъ Закаспійскихъ областей, и между прочимъ важнаго города Ургенча, на Аму-Дарьѣ. Тохтамышъ открылъ непріязненныя дѣйствія нападеніемъ на пограничные съ его царствомъ Джагатайскіе улусы. Тимуръ, выступивъ изъ своей столицы Самарканда, перезимовалъ въ окрестностяхъ Ташкента, куда собралась его огромная рать, и въ 1392 году двинулся прямо на сѣверъ къ рѣкѣ Тоболу. Отсюда онъ свернулъ на западъ, переправился черезъ Яикъ тамъ, гдѣ Тохтамышъ его не ожидалъ, и

затѣмъ гдѣ-то въ Приволжскихъ степяхъ далъ великую битву Золотоордынскому хану, который также успѣлъ собрать большія силы: въ числѣ его войскъ находились отряды Камскихъ Болгаръ, Черкесъ, Аланъ, Башкиръ и даже Русскихъ. Сраженіе было упорное. Но военное искусство, введенное у Татаръ Чингизомъ и значительно усовершенствованное Тимуромъ, а также неизмѣнное счастье послѣдняго одержали верхъ. Разбитый Тохтамышъ спасся на правую сторону Волги, а его разсѣянныя орды, преслѣдуемыя непріятелемъ, устлали степь своими трупами на разстояніи цѣлыхъ 200 верстъ. Но Тамерланъ ограничился только разграбленіемъ Золотой Орды и ушелъ назадъ, обремененный громадною добычею, состоявшею изъ плѣнниковъ, скота и всякаго имущества. Послѣ его удаленія Тохтамышъ продолжалъ властвовать въ Кипчакскомъ царствѣ и скоро оправился отъ своего пораженія.

Прошло три года. Тимуръ стоялъ лагеремъ у подножія Кавказа, на берегу Куры, когда узналъ, что Тохтамышъ готовится къ новой противъ него войнѣ. Тогда онъ Дербентскимъ проходомъ перешелъ на сѣверную сторону Кавказа и встрѣтился съ Тохтамышемъ около береговъ Терека. Эта вторая ихъ исполинская битва также показала, что Тохтамышъ имѣлъ не особенно преувеличенное мнѣніе о своемъ могуществѣ и былъ почти достойнымъ противникомъ Тимуру. Кипчаки уже разстроили лѣвое крыло непріятельской арміи, потѣснили ея центръ и проникли до самого Тимура. Послѣдній едва спасся отъ смерти или плѣна. Воины лѣваго крыла бросились на колѣна, выставили передъ собою щиты и изъ этой ограды осыпали стрѣлами нападавшихъ Кипчаковъ. Когда же нѣкоторымъ Тимуровымъ воеводамъ удалось зайти въ тылъ непріятелю, часть Кипчакскаго войска подалась назадъ. Еще побѣда далеко не была рѣшенною; но Тохтамышъ не обладалъ желѣзной энергіей своего противника и, утомясь битвой, отчаявшись въ успѣхѣ, обратился въ бѣгство съ своими приближенными беками и мурзами. Тогда его войско упало духомъ и было окончательно разбито. Тимуръ торжественно принималъ поздравленія съ побѣдой отъ окружавшихъ его хановъ и отъ своихъ сыновей, которые при семъ, по татарскому обычаю, сыпали ему на голову горсти драгоцѣнныхъ камней.

На сей разъ побѣдитель не оставилъ въ покоѣ своего побѣжденнаго противника. Онъ преслѣдовалъ его далеко на сѣверъ и принялся жестоко разорять Кипчакское царство, посылая сильные отряды на востокъ до Волги, на западъ до Днѣпра. Во время этого похода

часть его орды вступила въ южные предѣлы Рязанскаго княжества; несчастный городъ Елецъ со своимъ удѣльнымъ княземъ Ѳедоромъ и со всѣмъ населеніемъ сдѣлался жертвою нашествія. Отсюда Темиръ Аксакъ или Желѣзный Хромецъ — какъ называютъ его наши лѣтописи—двинулся на сѣверъ, разоряя селенія по обоимъ берегамъ Дона.

Извѣстіе о новомъ страшномъ нашествіи привело въ ужасъ и смятеніе Сѣверную Россію. Но тутъ молодой Московскій князь обнаружилъ бодрость духа и распорядительность. Василій Димитріевичъ поспѣшилъ собрать сѣверное ополченіе и, поручивъ Москву своему дядѣ Владиміру Андреевичу Храброму, самъ сталъ во главѣ ополченія и расположилъ его подъ Коломною на берегу Оки, готовясь умереть или отразить нашествіе. Въ храмахъ столицы межъ тѣмъ духовенство и народъ усердно молились объ отвращеніи бѣдствія. По желанію великаго князя, митрополитъ Кипріанъ послалъ во Владиміръ за иконою Богоматери, принесенною когда-то Андреемъ Боголюбскимъ изъ Кіева. Митрополитъ съ духовенствомъ и Владиміръ Андреевичъ съ боярами и народомъ торжественно встрѣтили эту драгоцѣнную святыню за городскими стѣнами на такъ называемомъ Кучковомъ полѣ; потомъ поставили ее въ соборномъ Успенскомъ храмѣ. Заступничеству Богоматери и было приписано совершившееся въ то время отступленіе Татаръ. По возвращеніи въ Москву великій князь, въ память этого избавленія, построилъ въ честь Богородицы храмъ на Кучковомъ полѣ и при немъ основалъ монастырь (Срѣтенскій); съ тѣхъ поръ Русская церковь уставила праздникъ Срѣтенія 26 августа, т.-е. въ день принесенія иконы въ Москву.

Наступившіе осенніе холода и непогоды, а также бѣдность страны, столько разъ разоряемой Татарами, конечно не мало повліяли на рѣшеніе Желѣзнаго Хромца оставить дальнѣйшій походъ на сѣверъ и повернуть на югъ къ Азовскому морю. Тамъ онъ разорилъ богатый городъ Азовъ, складочное мѣсто генуэзскихъ и венеціанскихъ товаровъ; потомъ разгромилъ Черкесовъ и Аланъ и направился въ Грузію; но, услыхавъ о мятежѣ Астраханскихъ татаръ, онъ посреди зимы, несмотря на глубокіе снѣга, явился передъ Астраханью. Тщетно жители усилили свои укрѣпленія вновь сооруженными ледяными стѣнами: городъ былъ взятъ и разоренъ. Въ тотъ же походъ Тамерланъ разграбилъ и разорилъ Золотоордынскую столицу Сарай и затѣмъ ушелъ назадъ въ Азію ([43]).

Ударъ, нанесенный Кипчакскому царству этимъ Татарскимъ завоевателемъ, былъ столь жестокъ и силенъ, что послѣ того оно уже

не могло достаточно оправиться. Въ Сараѣ всегда проживало много русскихъ плѣнниковъ, торговцевъ, пословъ и даже князей. Они были свидѣтелями Тимурова погрома, и, конечно, вся Русь скоро о немъ узнала. Естественно, явилось убѣжденіе, что наступилъ конецъ Татарскому игу. Однако событія вскорѣ показали, что Орда все еще не такъ безсильна, какъ о ней думали. Первому пришлось испытать на себѣ эту силу гордому государю Литвы и Западной Руси.

Тамерланъ отдалъ Золотую Орду одному изъ сыновей Урусъ-Хана, бывшаго Тохтамышева соперника. Но по уходѣ завоевателя въ Сараѣ возвысился старый хитрый мурза Эдигей, служившій нѣкоторое время у Тамерлана; онъ сталъ играть роль Мамая, т.-е. свергать и возводить хановъ и управлять ихъ именемъ. Онъ посадилъ на престолъ одного изъ царевичей ордынскихъ, Тимуръ Кутлуя. Межъ тѣмъ Тохтамышъ нашелъ убѣжище во владѣніяхъ Витовта. Сей послѣдній вздумалъ воспользоваться низверженнымъ ханомъ для того, чтобы подчинить своему вліянію самую Золотую Орду, и съ ея помощью расширить предѣлы своего государства на счетъ сосѣдей, особенно со стороны Сѣверной и Восточной Россіи. Для этихъ цѣлей надобно было прежде всего воротить престолъ бѣглецу, и, когда изъ Орды прибыло посольство въ Литву съ требованіемъ о выдачѣ Тохтамыша, Витовтъ отвѣчалъ: „иду на Кутлуя“. Походъ, предпринятый Литовскорусскимъ государемъ противъ Татаръ, имѣлъ характеръ крестоваго похода. Папа Бонифацій IX особою буллою къ духовенству Польши и Литвы велѣлъ проповѣдывать таковой походъ противъ нечестивыхъ мусульманъ и давалъ разрѣшеніе отъ грѣховъ всѣмъ участникамъ его. Витовтъ собралъ большую рать; съ нимъ соединилось до пятидесяти подручныхъ ему мелкихъ удѣльныхъ князей Литвы и Югозападной Руси. Многіе польскіе паны съ своими дружинами приняли участіе въ походѣ; изъ ихъ среды особенно выдавался Спытко изъ Мельштина, владѣвшій частью Подолья на правахъ литовскаго вассала. Въ составъ Витовтовой рати вошелъ и значительный татарскій отрядъ, предводимый Тохтамышемъ. Даже Тевтонскіе рыцари пришли къ нему на помощь съ нѣсколькими стами панцерныхъ всадниковъ. При войскѣ, кромѣ самострѣловъ, находились и огнестрѣльныя орудія, т.-е. пушки и пищали. Польская королева Ядвига была еще жива и, томимая тяжелымъ предчувствіемъ, не одобряла этого предпріятія. Но Витовтъ, надменный своимъ могуществомъ, не хотѣлъ слушать предостереженій и въ іюлѣ 1399 года торжественно выступилъ въ походъ. По всѣмъ признакамъ,

громъ Куликовской битвы возбуждалъ его соревнованіе, и онъ надѣялся собственною великою побѣдою затмить славу Димитрія Донского.

Семидесятитысячное христіанское войско благополучно перешло за Днѣпръ около Кіева и углубилось въ степи. Миновавъ Сулу, Хоролъ, Пселъ, оно остановилось на берегу Ворсклы; на другомъ берегу ея появилась татарская орда, предводимая ханомъ Тимуръ Кутлуемъ. Сей послѣдній, видя превосходство въ силахъ на сторонѣ противника, вступилъ съ нимъ въ переговоры, чтобы выиграть время: онъ поджидалъ къ себѣ на помощь Эдигея съ другою татарскою ордою. „Зачѣмъ ты идешь на меня, когда я не нападалъ на твои предѣлы?“ — велѣлъ спросить Кутлуй. „Господь далъ мнѣ владычество надъ міромъ; плати мнѣ дань и будь моимъ сыномъ“—гордо отвѣчалъ Витовтъ. Ханъ обѣщалъ платить дань; только на одно требованіе онъ не соглашался: чтобы на татарскихъ монетахъ значились имя и печать Витовта. По этому поводу Татаринъ просилъ три дня сроку на размышленіе, а между тѣмъ осыпалъ великаго князя подарками и занималъ его своими посольствами. Но вотъ подоспѣлъ Эдигей съ новыми силами. Онъ попросилъ Витовта выдти на берегъ рѣки для личнаго свиданія. „Храбрый князь,—сказалъ онъ—если Тимуръ Кутлуй хочетъ быть твоимъ сыномъ, такъ какъ онъ моложе тебя, то, въ свою очередь, будь ты моимъ сыномъ; я старше тебя; поэтому плати мнѣ дань и вели изображать мою печать на литовскихъ монетахъ“. Раздраженный такою насмѣшкою, Витовтъ приказалъ войску покинуть свой лагерь, огороженный телѣгами съ желѣзными цѣпями, затѣмъ перейти рѣку Ворсклу и начать бой. Благоразумный Спытко Мельштинскій пытался предостеречь великаго князя и совѣтовалъ ему заключить миръ въ виду большого превосходста Татаръ (число которыхъ простиралось будто бы до 200,000). Но его совѣты возбудили ропотъ среди легкомысленной молодежи. Особенно горячился одинъ польскій панъ, по имени Павелъ Щуковскій. „Если тебѣ жаль разстаться съ твоей красивой женой и твоими большими богатствами,—воскликнулъ онъ—то не смущай по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не страшатся умереть на полѣ битвы!“ „Сегодня же я паду честною смертію, а ты трусомъ убѣжишь отъ непріятеля“,—будто бы отвѣчалъ на это Спытко.

Сраженіе возгорѣлось 12 августа, во вторникъ, уже позднимъ временемъ, т.-е. далеко за полдень. Поднятая страшная пыль скрывала движенія Татаръ. Варвары успѣли окружить христіанскихъ рыцарей, перебили у нихъ коней и заставили ихъ защищаться пѣшими. Надежда

на пушки оказалась обманчива; эти неуклюжія, неповоротливыя орудія мало вредили легкой татарской конницѣ, которая то разсыпалась, то соединялась въ массу, смотря по ходу боя. Однако Витовтъ успѣлъ было потѣснить стоявшаго передъ нимъ Эдигея. Но Тимуръ Кутлуй зашелъ въ тылъ христіанскому войску и рѣшилъ побѣду. Первый обратился въ бѣгство Тохтамышъ съ своими Татарами; а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и Витовтъ съ своими боярами и братомъ Сигизмундомъ. Наступившая ночь покровительствовала ихъ бѣгству. Много Литовско-русскихъ князей и вельможъ полегло на полѣ битвы или попало въ плѣнъ. Въ числѣ павшихъ находились двое Ольгердовичей, Андрей Полоцкій и Димитрій Корибутъ Брянскій (столь успѣшно предводительствовавшіе на Куликовомъ полѣ), далѣе Глѣбъ Святославичъ Смоленскій, Иванъ Юрьевичъ Бельзскій и другіе. Спытко Мельштинскій также остался на мѣстѣ; а хвастливый панъ Шуковскій дѣйствительно спасся бѣгствомъ. Весь лагерь со всѣми запасами и пушками достался въ добычу непріятелямъ. Очевидно, Витовтъ, соревнуя Димитрію Донскому, на сей разъ не сравнялся съ нимъ быстротою дѣйствія, умными предосторожностями и выборомъ мѣста для битвы. На открытомъ ровномъ полѣ, неогражденномъ ни съ какой стороны естественною защитою, тяжелое или малоподвижное христіанское войско подверглось всѣмъ невыгодамъ своего положенія въ виду обычной татарской тактики. Татары преслѣдовали бѣгущихъ до Кіева. Тимуръ Кутлуй взялъ большой окупъ съ этого города (будто бы 3,000 руб., да еще съ Печерскаго монастыря 30 руб.). Варвары опустошили Кіевскую и Волынскую области до самаго Луцка, и затѣмъ воротились въ свои степи, обремененные огромною добычей и плѣнниками. Тимуръ Кутлуй вскорѣ послѣ этого похода умеръ; Эдигей возвелъ на престолъ Кутлуева брата Шадибека. Нѣсколько лѣтъ спустя, Тохтамышъ погибъ въ южной Сибири; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ палъ отъ руки самого Эдигея ([44]).

Пораженіе Витовта на Ворсклѣ имѣло немаловажныя послѣдствія для восточной Европы. Ославивъ, хотя и временно, великое княжество Литовское, оно нанесло ударъ замысламъ Витовта на Сѣверную и Восточную Россію и задержало расширенія его предѣловъ съ этой стороны. Въ Москвѣ не безъ тайнаго удовольствія смотрѣли на ожесточенную борьбу двухъ своихъ главныхъ враговъ: Орды и Литвы. Пораженіе сей послѣдней немедленно отразилось на судьбѣ Смоленскаго княженія.

Смольняне, тяготившіеся литовскимъ владычествомъ, вошли въ

сношеніе съ своимъ прирожденнымъ княземъ Юріемъ Святославичемъ, жившимъ въ Рязани у своего тестя Олега. Въ 1400 году Юрій со слезами началъ просить тестя: „Прислали ко мнѣ смоленскіе доброхоты съ извѣстіемъ, что многіе хотятъ меня видѣть на моей отчинѣ и дѣдинѣ; сдѣлай милость, помоги мнѣ сѣсть на великомъ княженіи Смоленскомъ.“ Олегъ исполнилъ его просьбу. Въ слѣдующемъ 1404 году Рязанскій князь явился подъ Смоленскомъ и объявилъ гражданамъ, что, если они не примутъ къ себѣ Юрія, то онъ не уйдетъ до тѣхъ поръ, пока не возьметъ города и не предастъ его огню и мечу. Въ городѣ произошла распря: одни стояли за Витовта, другіе за Юрія. Послѣдняя сторона пересилила, и въ августѣ мѣсяцѣ Смольняне отворили ворота. Юрій далъ волю своему жестокому нраву и отпраздновалъ свое возвращеніе убійствомъ намѣстника и главныхъ сторонниковъ Витовта. Въ происшедшей затѣмъ войнѣ Литвы съ Рязанцами и Смольнянами Витовтъ сначала потерпѣлъ неудачу. Олегъ думалъ, что настала пора отнять у Литвы нѣкоторыя ея захваты въ области Сѣверянъ и Вятичей и отправилъ своего сына Родослава для завоеванія Брянскаго княженія. Но счастье опять измѣнило ему и перешло на сторону противника. Витовтъ послалъ противъ Рязанцевъ войско подъ начальствомъ искуснаго вождя Симеона Лугвеня Ольгердовича, съ которымъ соединился Александръ Патрикіевичъ, удѣльный князь Стародубскій. Возлѣ городка Любутска (на Окѣ) Рязанцы понесли жестокое пораженіе (1402). Самъ Родославъ попался въ плѣнъ и былъ заключенъ въ темницу, гдѣ томился цѣлые три года, пока не былъ выкупленъ. Престарѣлый Олегъ не перенесъ этого тяжкаго удара и вслѣдъ за тѣмъ скончался.

Тогда измѣнилось и положеніе Юрія Смоленскаго.

Хотя весною 1404 года Витовтъ тщетно осаждалъ Смоленскъ и громилъ пушками его крѣпкія стѣны, но и послѣ своего отступленія онъ обнаруживалъ твердое намѣреніе овладѣть городомъ. Притомъ многіе бояре и граждане, возмущенные жестокостями Юрія, дружили Литовскому государю. Не имѣя болѣе никакой помощи извнѣ, Юрій обратился къ Московскому великому князю. Онъ лично прибылъ въ Москву и умолялъ Василія Димитріевича оборонить его отъ Литвы, обѣщаясь быть ему вѣрнымъ подручникомъ. Василій хотя и не отказывался помочь Юрію, но медлилъ и очевидно колебался поднять оружіе противъ своего тестя. Вѣроятно вліяніе энергичной Софьи Витовтовны не мало участвовало въ этомъ колебаніи. А между тѣмъ Витовтъ воспользовался отсутствіемъ Юрія, снова подступилъ къ Смо-

ленску, и бояре сдали ему городъ лѣтомъ того же 1404 года. Онъ также отчасти казнилъ, отчасти изгналъ многихъ своихъ противниковъ; но, какъ ловкій политикъ, постарался привлечь къ себѣ жителей разными льготами и отвратить ихъ отъ Юрія. Вѣсть о взятіи Смоленска возбудила въ Москвѣ сильное негодованіе, которое обрушилось на Юрія; онъ поспѣшилъ уѣхать въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ радушно и получилъ въ управленіе нѣсколько городовъ.

Теперь сдѣлалось ясно, что Витовтъ, оправившись отъ пораженія на Ворсклѣ, возобновилъ свои притязанія на земли Новгородско-Псковскія. Уже въ слѣдующемъ 1405 году онъ напалъ на Псковскую область, взялъ городъ Коложе, избилъ и плѣнилъ много народу. Новгородцы по обыкновенію или не поспѣвали вовремя со своею помощью, или совсѣмъ отказывали въ ней. Тогда Псковичи обратились съ просьбою о защитѣ къ великому князю Московскому. Онъ наконецъ понялъ всю опасность, грозившую отъ Литвы, рѣшился разорвать миръ съ своимъ тестемъ и послалъ свои полки воевать сопредѣльныя литовскія земли. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1406—1408) война между тестемъ и зятемъ возобновлялась ежегодно. Три раза Василій и Витовтъ выступали другъ на друга съ большимъ войскомъ; но каждый разъ они уклонялись отъ рѣшительной битвы и расходились, заключивъ перемиріе. Очевидно на эту нерѣшительность вліяли и родственныя отношенія, и обоюдная осторожность въ виду сильнаго противника. Послѣдняя ихъ встрѣча произошла въ сентябрѣ 1408 года на рѣкѣ Угрѣ, составляющей границу ихъ владѣній. Постоявъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ этой рѣки, оба великіе князя заключили миръ, по которому каждый остался при томъ, что имѣлъ. Витовтъ послѣ того не предпринималъ болѣе серьезныхъ попытокъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова; слѣдовательно этою войною Москва удержала Витовта отъ дальнѣйшихъ захватовъ на сѣверѣ и востокѣ Руси.

Та же война имѣла и другія слѣдствія. Многіе знатные Русскіе и Литвины, по тому или другому поводу недоволные Витовтомъ, воспользовались его разрывомъ съ Москвою, и искали въ ней убѣжища. Особенно много было выходцевъ изъ ближайшихъ южнорусскихъ областей, Черниговской и Сѣверской. Въ числѣ ихъ явился (въ 1408 г.) родной братъ польскаго короля, удѣльный Сѣверскій князь Свидригелло Ольгердовичъ, который не хотѣлъ быть подручнымъ Витовта, имѣя самъ притязанія занимать великокняжескій Литовскій столъ. Василій очень обрадовался такому выходцу, и далъ Свидригеллу въ

кормленіе нѣсколько важнѣйшихъ городовъ, а именно Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ и половину Коломны. Такая щедрость къ иноплеменнику возбудила неудовольствіе Сѣверноруссовъ, которое отразилось и въ ихъ лѣтописяхъ, и тѣмъ болѣе, что Свидригайло во время происшедшаго затѣмъ нашествія Эдигея, вмѣсто ожидаемой отъ него храброй обороны, постыдно бѣжалъ назадъ въ Литву съ своею многочисленною свитою, ограбивъ на дорогѣ городъ Серпуховъ. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ съ помощью Василія свергнуть Витовта или раздѣлить съ нимъ Литовско-Русскія земли, и, обманувшись въ этихъ разсчетахъ, обнаружилъ теперь свое неудовольствіе на Московскаго князя. Но и въ Литвѣ ему не посчастливилось: онъ былъ схваченъ и заключенъ подъ стражу въ городѣ Кременцѣ.

Замѣчательна судьба послѣдняго Смоленскаго князя.

Юрій Святославичъ не долго побылъ въ Новгородѣ, и, когда произошелъ разрывъ Василія съ Витовтомъ, вновь явился въ Москвѣ вмѣстѣ съ бывшимъ удѣльнымъ княземъ Вяземскимъ Семеномъ. Великій князь далъ имъ въ кормленіе городъ Торжокъ. Тутъ буйный нравъ бывшаго Смоленскаго князя, соединенный съ наклонностью къ разгулу, довелъ его до гнуснаго преступленія. Онъ воспылалъ страстью къ прекрасной Юліаніи, супругѣ своего товарища и подручника князя Семена Вяземскаго. Встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе со стороны добродѣтельной Юліаніи, хотѣлъ употребить насиліе, и, когда она стала защищаться ножомъ, убилъ ее. Въ то же время убилъ и ея супруга. Какъ ни грубы еще были нравы того времени и какъ ни много позволяли себѣ князья, однако такое вѣроломное нарушеніе всѣхъ правилъ человѣческихъ и христіанскихъ возбудило общее негодованіе противъ Юрія. Изгнанный Василіемъ или самъ поспѣшившій покинуть Торжокъ, Юрій ушелъ въ Орду. Но ненашедши нигдѣ пріюта, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ скитанія, онъ, больной и съ удрученнымъ духомъ, укрылся въ одинъ изъ рязанскихъ монастырей къ нѣкоему игумену Петру, и тутъ вскорѣ окончилъ свою жизнь (45).

Продолжавшіяся смуты и нестроенія въ Золотой Ордѣ поощряли великаго князя Московскаго къ достиженію полной независимости. Честя небольшими дарами пословъ татарскихъ, онъ почти прекратилъ уплату даней, подъ предлогомъ народной бѣдности, и совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Сарай. Онъ не былъ тамъ ни при Темиръ Кутлуѣ, ни во все осмилѣтнее царствованіе Шадибека. А между тѣмъ во время своей войны съ Витовтомъ Московскій князь получилъ отъ послѣд-

няго хана войско на помощь. Уже и Шадибекъ былъ сверженъ, и на мѣсто его Эдигей возвелъ Кутлуева сына Булатъ-бея. Василій Дмитріевичъ не только не ѣхалъ на поклонъ къ новому хану, но еще далъ убѣжище у себя соперникамъ его, двумъ сыновьямъ Тохтамыша, конечно съ явнымъ желаніемъ поддерживать смуты и междоусобія ордынскія. Эта болѣе смѣлая и рѣшительная политика въ отношеніи къ Золотой Ордѣ находилась въ связи съ перемѣною вліятельныхъ лицъ при Московскомъ дворѣ. Старые бояре, совѣтники и сподвижники Димитрія Донского, большею частію умерли или утратили свое вліяніе; Василій окружилъ себя болѣе молодыми и менѣе опытными боярами, которые выросли при другихъ впечатлѣніяхъ. Они съ дѣтства были напитаны славою Куликовской побѣды, стыдились мусульманскаго ига и пренебрегали татарскою силою. Во главѣ этой партіи молодыхъ бояръ стоялъ любимцемъ Василія, Иванъ Ѳедоровичъ, сынъ Ѳедора Андреевича Кошки.

Золотоордынскіе ханы, несмотря на упадокъ Кипчакскаго царства, отнюдь не думали покинуть своихъ притязаній на Русскія земли, которыя они привыкли считать своимъ улусомъ, и тѣмъ болѣе, что другіе князья Восточной Руси, Тверскіе, Рязанскіе, Суздальскіе, все-таки продолжали ѣздить въ Орду и хлопотать тамъ о ярлыкахъ на свои удѣлы. Эдигей не даромъ помогалъ Василію противъ Витовта; онъ даже старался разжигать ихъ временную вражду, чтобы ослаблять силы обоихъ соперниковъ. Когда же они все-таки помирились, Татаринъ задумалъ сокрушительнымъ ударомъ напомнить Москвѣ ея зависимость отъ Орды. Но Куликовская битва была постоянно въ памяти у Русскихъ и Татаръ. Подобно Тохтамышу, Эдигей рѣшилъ дѣйствовать внезапнымъ, неожиданнымъ набѣгомъ. Зная, что Москва, наученная опытомъ Тохтамышева нашествія, въ самой Ордѣ имѣетъ подкупленныхъ доброхотовъ, которые немедленно извѣстятъ ее о приготовленіяхъ къ походу, Эдигей употребилъ слѣдующую хитрость. Онъ воспользовался еще неостывшею враждою между Василіемъ и зятемъ его Витовтомъ, и объявилъ, что собирается воевать Литву. Онъ послалъ гонца къ Василію Димитріевичу съ грамотою, въ которой извѣщалъ, что ханъ Булатъ со всѣми силами идетъ на Витовта мстить ему за обиды, причиненныя Москвѣ; отъ Василія грамота требовала только прислать къ хану кого-либо изъ братьевъ или знатныхъ бояръ съ изъявленіемъ почтенія. Великій князь отправилъ нѣкоего боярина Юрія, который встрѣтилъ Эдигея на походѣ и тотчасъ взятъ былъ подъ стражу, такъ что не могъ ни о чемъ извѣстить

Василія. Это происходило зимою 1408 года. Татары уже приближались къ Москвѣ, когда тамъ узнали наконецъ въ чемъ дѣло. Собирать земскую рать уже не было времени, и Василій Дмитріевичъ поступилъ такъ же, какъ отецъ его въ подобномъ случаѣ. Онъ съ супругою и дѣтьми поспѣшилъ уѣхать на сѣверъ и укрылся въ Кострому; а столицу поручилъ дядѣ Владиміру Андреевичу Храброму и двумъ своимъ братьямъ, Андрею и Петру. Чтобы затруднить осаду, власти тотчасъ распорядились жечь посады, находившіеся внѣ городскихъ стѣнъ. Въ городѣ произошло при этомъ сильное смятеніе. Многіе граждане, бросивъ заботу объ имуществѣ, думали только о собственномъ спасеніи. Изъ посадовъ и окрестныхъ селъ одна часть жителей разсѣялась въ бѣгствѣ, другая толпилась у городскихъ воротъ, ища убѣжища въ городскихъ стѣнахъ. Чернь, по обычаю, воспользовалась безпорядкомъ и предалась грабежу.

1 декабря появилась татарская рать. Видя, что хитрость вполнѣ удалась и что Москвитяне не готовы дать какое-либо сопротивленіе въ открытомъ полѣ, Эдигей распустилъ отряды во всѣ стороны жечь и грабить Московскіе города и волости. Тогда были взяты и разорены Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній и Городецъ. Татары рыскали по Московской землѣ какъ хищные волки и брали въ плѣнъ тысячами, такъ что, по словамъ русской лѣтописи, иногда одинъ Татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ плѣнныхъ, связанныхъ на свору какъ псовъ. Захваченное врасплохъ населеніе было объято паническимъ ужасомъ. Въ погоню за великимъ княземъ Эдигей отрядилъ царевича Бегибердея съ тридцатитысячнымъ войскомъ. Но оно не успѣло догнать Василія и воротилось безъ успѣха. Межъ тѣмъ престарѣлому сподвижнику Донского, Владиміру Храброму, удалось возстановить порядокъ въ столицѣ и устроить оборону. Твердыя стѣны, снабженныя какъ новоизобрѣтенными орудіями, т.-е. пушками и пищалями, такъ и старыми самострѣлами и камнеметательными машинами или пороками, представляли надежную защиту противъ степной конницы. Эти стѣны оборонялись многочисленными ратниками, ибо ихъ число увеличилось сбѣжавшимся изъ окрестностей народомъ. Въ такую тяжкую пору многіе жители забыли житейскія суеты и предались благочестію. Духовенство, старики и женщины усердно молились въ храмахъ о Божьей помощи.

Самъ Эдигей расположился въ селѣ Коломенскомъ и оттуда руководилъ осадою. Онъ послалъ къ князю Ивану Михайловичу Тверскому приказъ спѣшить къ нему съ своимъ ополченіемъ, пушками и

всякими градобитными орудіями. Но Тверской князь на этотъ разъ не захотѣлъ служить варварамъ противъ Москвы и поступилъ довольно ловко. Онъ выступилъ въ походъ съ небольшою дружиною, шелъ медленно, дошелъ до Клина, и отсюда, подъ предлогомъ болѣзни, воротился назадъ; такимъ образомъ не возбудилъ противъ себя ни Эдигея, ни великаго князя. Зная, что въ столицѣ не было заготовлено съѣстного припасу на долгое время и что тамъ неминуемо наступитъ голодъ, Эдигей требовалъ сдачи и объявилъ, что будетъ стоять хотя всю зиму. Но судьба отвратила окончательное бѣдствіе. Вдругъ изъ Сарая прискакалъ гонецъ отъ хана Булата, который просилъ Эдигея какъ можно скорѣе спѣшить въ Орду, гдѣ онъ едва не былъ свергнутъ однимъ изъ своихъ соперниковъ. Очевидно, Кипчакское ханство уже такъ оскудѣло силами, что, по уходѣ Орды на Москву, некѣмъ было защитить Сарай отъ какого-то мятежнаго царевича. Съ другой стороны и великій князь конечно не бездѣйствовалъ и собиралъ сѣверную рать на помощь своей столицѣ. Эдигей нашелся: онъ потребовалъ отъ Москвичей 3.000 рублей денежнаго окупа за свое отступленіе. Въ Москвѣ ничего не знали о его собственныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и охотно уплатили требуемую сумму. Тогда Эдигей поспѣшно ушелъ изъ Россіи, обремененный огромнымъ полономъ и добычею. Дорого стоило Сѣверовосточной Руси это нашествіе: отъ самаго Дона до Бѣлоозера и Галича страна была разорена. Множество жителей, спасшихся отъ татарскаго плѣна въ лѣсахъ и дебряхъ, погибло тамъ отъ голода и стужи.

Послѣ своего нашествія, поощренный удачею, Эдигей прислалъ великому князю грамоту съ исчисленіемъ винъ, за которыя тотъ понесъ наказаніе. Вотъ эти вины: принятіе къ себѣ сыновей Тохтамыша; насмѣшки надъ царскими послами и ордынскими купцами; отказы лично являться въ Орду и даже присылать туда своихъ родственниковъ или старшихъ бояръ. „Прежде — пишетъ Эдигей — былъ у тебя добрый къ Ордѣ человѣкъ бояринъ Ѳедоръ (Кошка); а нынѣ у тебя любимецъ и казначей сынъ его Иванъ. И ты бы молодыхъ людей не слушалъ, а слушалъ бы старѣйшихъ бояръ и старцевъ земскихъ, и тогда не разорилась бы твоя держава отъ твоей гордости. — Когда тебѣ отъ кого обида, отъ князей Русскихъ или отъ Литвы, ты къ намъ шлешь жалобныя грамоты, помощи у насъ просишь и покою намъ не даешь. А про улусъ свой писалъ, что онъ обнищалъ и выхода взять нечего. И это все ты лгалъ. Слышали мы, что ты сбираешь по рублю съ двухъ сохъ. И все то серебро куда дѣваешь? Если бы все было

по старому и по правдѣ, то не учинилось бы того зла твоему улусу, и христіане твои остались бы цѣлы".

Но и послѣ Эдигеева нашествія Василій Дмитріевичъ не спѣшилъ признать себя татарскимъ данникомъ, въ виду продолжавшихся смутъ въ Золотой Ордѣ и частой перемѣны хановъ. Только когда самъ Эдигей былъ изгнанъ изъ Сарая и тамъ воцарился сынъ Тохтамыша Джелалэдинъ Султанъ, союзникъ Витовта и покровитель Суздальскихъ князей, враждовавшихъ съ Василіемъ, сей послѣдній рѣшился лично отправиться въ Орду съ дарами и покорностію. Во время его тамъ пребыванія Джелалэдинъ былъ сверженъ и убитъ собственнымъ братомъ Керимбердеемъ (1414 г.), который явился, напротивъ, врагомъ Витовта и другомъ Василія. (Можетъ быть, онъ принадлежалъ къ царевичамъ, нашедшимъ убѣжище у Московскаго князя). Такимъ образомъ данническія отношенія Москвы къ Золотой Ордѣ опять возобновились; хотя Керимбердей въ свою очередь былъ вскорѣ сверженъ также собственнымъ братомъ, и смуты ордынскія почти не прекращались ([46]).

*

Однимъ изъ главныхъ послѣдствій пораженія Витовта на Ворсклѣ было подкрѣплсніе связи великаго княжества Литовско-Русскаго съ Польскимъ королевствомъ. Ослабленный этимъ пораженіемъ, Витовтъ долженъ былъ смягчить свой высокомѣрный тонъ ни отъ кого независимаго государя и искать у своего двоюроднаго брата Ягайла поддержки противъ сильныхъ сосѣдей, т.-е. Сѣверовосточной Руси, Золотой Орды и двухъ Нѣмецкихъ Орденовъ. Въ январѣ 1401 года состоялся съѣздъ двоюродныхъ братьевъ въ Вильнѣ. На этомъ съѣздѣ Литовскорусскіе князья и бояре торжественнымъ актомъ обязались всѣми силами оказыватъ всякую помощь Польскому королю и по смерти Витовта никого не имѣть своимъ великимъ княземъ кромѣ Владислава-Ягайла. Съ своей стороны польскіе чины обязались въ случаѣ смерти Владислава никого не избирать на свой престолъ безъ согласія Витовта. Такимъ формальнымъ актомъ подтверждена была политическая унія Литвы съ Польшею, обѣщанная Ягайломъ при его коронованіи, и великій князь Витовтъ признавался только его пожизненнымъ намѣстникомъ въ Литвѣ и Руси. Но при семъ не было болѣе рѣчи о ежегодной дани, которую требовала съ великаго князя покойная королева Ядвига. Благодаря этой уніи, т.-е. поддержкѣ Поляковъ, Витовтъ, какъ мы видѣли, скоро оправился отъ пораженія и возобновилъ наступательное движеніе на Сѣверную и Во-

сточную Русь. Но особенно тяжкій ударъ Польско-Литовская унія нанесла ближайшему своему сосѣду, безпощадному врагу Славянъ и Литвы, т.-е. Нѣмецкому или Тевтонскому Ордену.

Главнымъ поводомъ къ ихъ взаимному столкновенію служила Жмудь, которую Витовтъ во время борьбы съ Ягайломъ отдалъ своимъ союзникамъ, Тевтонскимъ рыцарямъ, и которая оставалась языческою страною и послѣ крещенія собственной Литвы. Нѣмцы начали вводить тамъ христіанство, по своему обычаю, огнемъ и мечомъ, для чего предпринимали туда опустошительные походы съ двухъ сторонъ, изъ Пруссіи и Ливоніи. Несчастные Жмудины платили возстаніями противъ своихъ притѣснителей и обращались съ просьбою о помощи къ своему прирожденному князю, т.-е. къ Витовту. Сей послѣдній пока избѣгалъ разрыва съ Орденомъ и даже иногда помогалъ ему въ усмиреніи Жмуди; но ждалъ только удобнаго случая воротить себѣ эту наслѣдственную землю. Въ то же время возникли неудовольствія между Орденомъ и Ягайломъ вслѣдствіе того, что король Венгерскій Сигизмундъ заложилъ Ордену часть своего Бранденбургскаго маркграфства, именно такъ называемый Неймаркъ или Новую Мархію, границы которой съ Польшей были очень неопредѣленны и спорны. Поляки не могли также простить Тевтонамъ потерю своего Балтійскаго поморья. Всегда тлѣвшая подъ пепломъ, искра племенной вражды между Славянами и Нѣмцами готова была вспыхнуть при первомъ дуновеніи вѣтра.

Пока былъ живъ великій магистръ Конрадъ фонъ-Юнгингенъ (1393—1407), отличавшійся миролюбіемъ, набожностью и мягкостью характера, онъ умѣлъ устранять всякое рѣшительное столкновеніе съ сосѣдями. Это миролюбіе его наконецъ наскучило безпокойной орденской братіи и вызвало реакцію въ другую сторону; по смерти Конрада рыцари преемникомъ ему выбрали его близкаго родственника Ульриха фонъ-Юнгингенъ, который былъ извѣстенъ совсѣмъ противуположнымъ характеромъ, т.-е. отличался рѣшительностію и военною отвагою.

Въ 1408 году въ Литвѣ случился неурожай. Польскій король послалъ ей изъ своихъ Куявскихъ земель 20 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ. Когда этому рѣчному каравану пришлось плыть въ предѣлахъ Пруссіи, Тевтонскіе рыцари, разсчитывавшіе продавать свои хлѣбные запасы въ Литву по дорогой цѣнѣ, захватили караванъ подъ предлогомъ, что въ немъ скрыто оружіе. Напрасно Поляки требовали вознагражденія за такой наглый захватъ. Ихъ отношенія къ

Ордену становились болѣе и болѣе натянутыми. Между тѣмъ на Жмуди возобновились возстанія противъ Нѣмцевъ, искусно подстрекаемыя Витовтомъ. Въ 1409 году съ обѣихъ сторонъ производились большія военныя приготовленія. Явившіеся посредниками въ этихъ распряхъ, король Чешскій Венцель, задолжавшій Нѣмцамъ значительную сумму денегъ, и его братъ король Венгерскій Сигизмундъ (вскорѣ Германскій императоръ) обнаружили явное пристрастіе въ пользу Ордена, и потому успѣли только водворить короткое перемиріе, которымъ та и другая сторона воспользовалась для окончанія своихъ приготовленій и сосредоточенія большихъ военныхъ силъ. По истеченіи этого перемирія, обѣ непріятельскія арміи сошлись на предѣлахъ Пруссіи и Польши при деревняхъ Грюнвальдѣ и Таненбергѣ, гдѣ и произошла знаменитая битва 15 іюля 1410 года.

Въ сказаніяхъ лѣтописцевъ количество соединеннаго польско-литовско-русскаго войска исчисляется свыше полутораста тысячъ человѣкъ; въ томъ числѣ у Витовта было до 30.000 легкой татарской конницы, предводимой его союзникомъ султаномъ Саладиномъ, однимъ изъ сыновей Тохтамыша, а у Ягайла до 20.000 коннаго войска, набраннаго въ Чехіи и другихъ западно-славянскихъ земляхъ. Число орденской арміи будто бы простиралось до 90.000; изъ нихъ болѣе 30.000 заключали наемные отряды, набранные преимущественно въ Германіи. Но всѣ эти цифры преувеличены и, если уменьшимъ ихъ на-половину, то будемъ ближе къ истинѣ. Если превосходство въ силахъ было на сторонѣ Славянъ и Литвы, то лучшее воинское устройство и лучшее вооруженіе оставались на сторонѣ Ордена, у котораго была также болѣе многочисленная артиллерія. Правое или Витовтово крыло въ началѣ не выдержало натиска рыцарей и подалось назадъ; но тутъ полкъ Смоленскій остановилъ стремленіе Нѣмцевъ; а тѣмъ временемъ лѣвое, т.-е. польское, крыло потѣснило непріятелей. Битва была очень упорная и кровопролитная и окончилась совершеннымъ пораженіемъ Нѣмцевъ. До половины ихъ числа пало на полѣ вмѣстѣ съ великимъ магистромъ и 200 орденскими рыцарями; множество плѣнниковъ со всѣмъ лагеремъ и военными орудіями достались въ добычу побѣдителямъ. Витовтъ принималъ личное участіе въ битвѣ. Общимъ предводителемъ считался Польскій король; но онъ мало распоряжался, а большую часть времени провелъ въ теплыхъ молитвахъ, стоя на холмѣ позади войскъ, окруженный большою свитою. Такимъ образомъ эту битву выигралъ не какой-либо полководецъ; побѣда была одержана народнымъ славянскимъ ополченіемъ. Изъ русскихъ обла-

стей въ ней участвовали полки галицко-волынскіе, кіево-сѣверскіе, полоцко-витебскіе, смоленскіе и проч. Изъ нихъ своимъ мужествомъ въ этотъ день отличились особенно Смоляне; но главную честь побѣды стяжали несомнѣнно Поляки. Дотолѣ занимавшая скромное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, Польша, благодаря тѣсному единенію съ Литвой и Западной Русью, послѣ этой битвы высоко поднялась во мнѣніи цѣлой Европы.

Это была одна изъ тѣхъ битвъ, которыми рѣшалась участь цѣлыхъ государствъ. И дѣйствительно, въ первые дни послѣ нея казалось, что все зданіе съ такими трудами созданнаго Прусско-Нѣмецкаго государства готово рушиться и сдѣлаться добычею побѣдителя. Король во всѣ стороны разослалъ требованія покорности; города и области Пруссіи начали сдаваться ему одинъ за другимъ; при этомъ выступили наружу вся ненависть туземнаго прусскаго населенія къ завоевателямъ Нѣмцамъ и даже нелюбовь самихъ нѣмецкихъ горожанъ и сельскихъ дворянъ къ рыцарямъ-монахамъ. Но съ другой стороны не замедлила обнаружиться неспособность главнаго предводителя и недостатокъ единодушія въ славянскомъ лагерѣ. Король слишкомъ долго медлилъ и величался своими лаврами на мѣстѣ побѣды. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ ударить на самое средоточіе Орденскаго государства, на его столицу Маріенбургъ, Ягайло только на десятый день явился подъ ся стѣнами. Тѣмъ временемъ одинъ изъ орденскихъ комтуровъ, энергичный Генрихъ фонъ-Плауенъ, успѣлъ стянуть сюда остатки военной орденской силы, запастись провіантомъ и принять всѣ мѣры, необходимыя для упорной обороны. Осада Маріенбурга затянулась. Въ польско-литовскомъ войскѣ открылись болѣзни. На помощь Ордену шли подкрѣпленія изъ Ливоніи и Германіи; Сигизмундъ, новоизбранный Германскій императоръ, угрожалъ королю открытою войною. Первый покинулъ осаду Витовтъ; говорятъ, на него повліяли коварныя внушенія Нѣмцевъ насчетъ слишкомъ усилившагося польскаго могущества, угрожавшаго Витовтовой самостоятельности. Потомъ ушли Мазовецкіе князья, Семовитъ и Янушъ. А наконецъ и самъ Ягайло снялъ осаду. Прусскіе города между тѣмъ стали снова переходить въ руки Нѣмцевъ. Война тянулась до слѣдующаго 1411 года, и окончилась миромъ въ Торунѣ, по которому Орденъ удержалъ за собой почти всѣ владѣнія; только Жмудь отошла къ великому княжеству Литовскому, а земля Добрынская къ Польской коронѣ. Слѣдовательно, не велики были матеріальныя выгоды побѣдителей въ сравненіи съ тѣмъ, что могла имъ

дать побѣда при Грюнвальдѣ. Зато моральныя послѣдствія побѣды все-таки были огромныя. Въ этомъ отношеніи Грюнвальдскую битву можно сравнить съ битвой Куликовской ([47]).

Болѣе тѣсное сближеніе великаго княжества Литовскаго съ Польской короной продолжалось и послѣ того, подъ давленіемъ той же общей опасности, угрожавшей со стороны Нѣмцевъ: оправившійся отъ пораженія Орденъ, въ лицѣ своего новаго магистра, помянутаго фонъ-Плауена, уже задумывалъ воротить свои потери; причемъ опирался на сочувствіе и помощь Германіи, гдѣ новый императоръ Сигизмундъ, хотя и принадлежалъ къ Чешскому королевскому дому, однако былъ усерднымъ поборникомъ германизма и противникомъ славянства. Для Ордена была чувствительна утрата Жмуди; ибо эта область служила звеномъ, соединявшимъ Тевтонскихъ Нѣмцевъ съ Ливонскими, и въ будущемъ могла повести къ ихъ полному сліянію. Вошедши въ составъ Славяно-Литовскаго государства, она навсегда разрывала земельную связь между двумя Нѣмецкими Орденами.

Однимъ изъ главныхъ проявленій усиленія Польши и дальнѣйшаго сближенія съ нею Литвы, была такъ называемая *Унія Городельская.*

Въ 1413 году въ октябрѣ мѣсяцѣ съѣхались на берегахъ Западнаго Буга, въ русскомъ мѣстечкѣ Городло, съ одной стороны Ягайло и польскіе вельможи, съ другой Витовтъ и литовскіе бояре. На этомъ сеймѣ составленъ былъ новый торжественный актъ уніи Литвы съ Польшею. Въ немъ повторялось условіе 1401 года относительно общаго избранія преемниковъ какъ Витовту, такъ и Ягайлу. Далѣе, на будущее время должны были въ вопросахъ, касавшихся обѣихъ странъ, собираться общіе сеймы, преимущественно въ Люблинѣ или Парчовѣ, по образцу Городельскаго. Наконецъ, для вящаго ихъ объединенія Литовское боярство получило не только владѣльческія права и привилегіи Польской шляхты, но и самые польскіе гербы. Для этого знатные литовскіе роды были распредѣлены или точнѣе пріобщены къ польскимъ родамъ, имѣвшимъ свои знаки или гербы по образцу западно-европейскаго рыцарства. Такъ, воевода Виленскій Монивидъ пріобщенъ къ польскому гербу Леливы, воевода Трокскій Явнъ—къ гербу Задора, каштелянъ Виленскій Мингайло—къ гербу Равичъ и т. д. Этимъ приравненіемъ литовскихъ бояръ къ польскимъ и распространеніемъ духовно-шляхетскихъ сеймовъ на Литву сдѣланъ дальнѣйшій шагъ впередъ въ смыслѣ вліянія польско-шляхетскаго направленія на литовскую государственность, т.-е. на ослабленіе власти великаго князя Литовскаго, прежде почти неограниченной. Глав-

ный же шагъ впередъ Городельская унія сдѣлала въ смыслѣ вліянія собственно польско-католическаго; такъ какъ одинаковыя съ польской шляхтой права и привилегіи получали литовскіе бояре только католическаго исповѣданія. Они могли давать въ приданое дочерямъ части изъ своихъ земель, но только въ томъ случаѣ, если дочери выходили за католиковъ. Въ Литвѣ были установлены высшія должности (уряды) и достоинства по образцу Польши, напримѣръ, воеводы и каштеляны; но на эти уряды должны были избираться только католики.

Такимъ образомъ, благодаря католической ревности литовскихъ государей, перешедшихъ изъ православія, т.-е. Ягайла и Витовта, собственно Литовское населеніе великаго княжества окончательно было закрѣплено Католической церкви и польскому вліянію. Очевидно, помянутыя исключительныя статьи были направлены противъ Грекорусской церкви, которой еще держалась часть потомковъ Гедимина и ихъ боярства.

Хотя опасный врагъ Польши и Литвы, Генрихъ фонъ-Плауенъ, около того времени былъ низверженъ Орденскими рыцарями и лишенъ магистерскаго достоинства за свои самовластныя стремленія, однако притязанія Нѣмцевъ на Жмудь не прекращались. Чтобы тѣснѣе сплотить ее съ великимъ княжествомъ, Ягайло и Витовтъ рѣшили докончить начатое Нѣмцами истребленіе язычества и вполнѣ водворить тамъ католическую церковь. Съ этой цѣлью послѣ Городельскаго сейма они отправились въ Жмудскую землю и лично принялись крестить язычниковъ. Какъ прирожденнымъ Литовскимъ князьямъ, дѣйствовавшимъ то строгостью, то ласкою и дарами, имъ удалось легче совершить это дѣло, чѣмъ ненавистнымъ для туземцевъ жестокимъ и жаднымъ иноплеменникамъ. Ягайло самъ переводилъ молитвы и поученія для народа и нерѣдко самъ толковалъ ему правила вѣры на его родномъ языкѣ. Очевидно, къ миссіонерской дѣятельности онъ былъ болѣе склоненъ, чѣмъ къ дѣятельности военной. Вмѣстѣ съ крещеніемъ народа король и великій князь строили въ важнѣйшихъ жмудскихъ поселеніяхъ храмы парафіальные (приходскіе); каѳедральный же храмъ возведенъ былъ въ городѣ Мѣдникахъ, который сдѣланъ мѣстопребываніемъ особаго Жмудскаго епископа. А высшимъ гражданскимъ сановникомъ здѣсь поставленъ былъ особый Жмудскій староста. Это крещеніе Жмуди впрочемъ не обошлось потомъ безъ кровопролитія. Спустя нѣсколько лѣтъ тамъ произошли мятежи новообращенныхъ, подстрекаемыхъ старыми язы-

ческими кривитами и вайделотами. Мятежники убивали или изгоняли христіанскихъ священниковъ, разрушали церкви. Къ религіознымъ причинамъ мятежа присоединились и сословныя; такъ какъ знатные роды, обольщенные шляхетскими привилегіями, держали сторону правительственную и церковную, то простой народъ жегъ и грабилъ ихъ дворы и имущества. Мятежи эти Витовтъ усмирилъ оружіемъ и многими казнями ([48]).

По отношенію къ своимъ православнымъ или русскимъ областямъ, Витовтъ еще болѣе энергически проводилъ политику, начатую его предшественниками, т.-е. противодѣйствіе ихъ церковному подчиненію Москвѣ. Мы видѣли, что ни галицко-волынскіе короли и ихъ польскіе преемники, ни великіе князья литовско-русскіе не мирились съ перенесеніемъ митрополичьей столицы изъ Кіева въ Москву; а потому или старались возвратить митрополита въ Кіевъ, или имѣть для своихъ областей отдѣльнаго митрополита. Отсюда въ теченіе XIV вѣка не разъ повторялось совмѣстное явленіе двухъ русскихъ митрополитовъ, одного въ Москвѣ, другого въ Кіевѣ, при существованіи третьяго, Галицкаго. Мы видѣли, что Кипріану, сначала митрополиту Литовско-Русскому, удалось пережить своихъ Московскихъ соперниковъ (Митяя и Пимена) и снова соединить церковь восточно и западно-русскую. Хотя онъ, подобно своимъ предшественникамъ, пребывалъ также въ Москвѣ, но умѣлъ сохранить за собою расположеніе великаго князя Витовта и даже короля Ягайла. Кипріанъ нерѣдко посѣщалъ западнорусскую паству, оставался тамъ подолгу, ѣздилъ на свиданіе съ Витовтомъ и Ягайломъ и вообще искусно поддерживалъ единство русской митрополіи (за исключеніемъ епархій Галицкой и Перемышльской, на которыя однако имѣлъ нѣкоторое вліяніе). Послѣднее время своей жизни этотъ ученый іерархъ проводилъ преимущественно въ митрополичьемъ подмосковномъ селѣ Голенищевѣ, гдѣ въ тихомъ уединеніи предавался своимъ любимымъ книжнымъ занятіямъ, т.-е. переводамъ и сочиненіямъ. Здѣсь онъ и скончался, достигнувъ весьма преклонныхъ лѣтъ, 16 сентября 1406 года. До конца вѣрный своимъ литературнымъ наклонностямъ, онъ передъ смертью написалъ прощальную грамоту къ своей паствѣ, и эта грамота, согласно его завѣщанію, была торжественно прочтена народу въ Успенскомъ соборѣ надъ гробомъ почившаго святителя.

Въ то время уже открылись враждебныя дѣйствія между Василіемъ

Димитріевичемъ и его тестемъ Витовтомъ; послѣдній тѣмъ ревностнѣе сталъ хлопотать въ Константинополѣ объ отдѣльной Литовско-Русской митрополіи и предложилъ кандидатомъ на Кіевскую каѳедру полоцкаго епископа Ѳеодосія. Патріархъ отклонилъ это предложеніе и назначилъ преемникомъ Кипріану морейскаго грека Фотія (въ 1408 г.). Сей послѣдній не былъ столь же искуснымъ дипломатомъ какъ его предшественникъ. Онъ только въ 1410 г. прибылъ въ Москву, и тутъ большое вниманіе посвятилъ устройству собственнаго митрополичьяго дома, котораго имущества, а именно многія села и угодья, были отчасти разорены во время Эдигеева нашествія, отчасти захвачены боярами и другими лицами. Ревностными заботами о возвращеніи расхищеннаго онъ нажилъ себѣ недоброжелателей въ самой Москвѣ; а во время своихъ поѣздокъ въ Западную Русь онъ и тамъ многихъ возстановилъ противъ себя поборами съ духовенства и церковныхъ земель. Кромѣ политическихъ соображеній, Витовтъ непріязненно смотрѣлъ на то, что митрополичьи доходы, собираемые съ Западной или Литовской Руси, идутъ на усиленіе и обогащеніе ея соперницы Москвы. Потому онъ рѣшилъ воспользоваться неудовольствіемъ западно-русскаго духовенства на Фотія и учредить у себя отдѣльную митрополію, т.-е. докончить дѣло, начатое его предшественниками.

Выборъ Витовта палъ на Григорія Самвлака (собственно Семивлаха), прибывшаго изъ Болгаріи или Молдо-Влахіи, монаха, отличавшагося ученостью и книжностью подобно Кипріану (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, приходившагося даже племянникомъ сему послѣднему). Императоръ и патріархъ Византійскіе вновь отказались утвердить раздѣленіе Русской митрополіи. Этотъ отказъ Византійскаго двора тѣмъ понятнѣе, что онъ около того времени вступилъ въ родственныя связи съ домомъ Калиты: именно, сынъ и соправитель императора Мануила Палеолога, Іоаннъ, женился на Аннѣ Васильевнѣ, дочери великаго князя Московскаго. Не добившись согласія отъ Византіи, Витовтъ поступилъ по примѣру древне-русскихъ великихъ князей, Ярослава I и Изяслава II, а также по примѣру Сербовъ и Болгаръ: онъ собралъ въ Новогородкѣ Литовскомъ синодъ западно-русскихъ епископовъ (полоцкаго, черниговскаго, луцкаго, владимірскаго, холмскаго, туровскаго, смоленскаго), и отчасти ласкою, отчасти угрозами склонилъ ихъ соборнѣ поставить Григорія на Кіевско-Литовскую митрополію, въ 1416 году. Въ своей грамотѣ къ епископамъ Витовтъ жаловался на то, что императоръ и патріархъ „на мздѣ“ поставляютъ

русскихъ митрополитовъ; говорилъ о церковныхъ неустройствахъ и хищеніяхъ Фотія, и прибавлялъ, что, будучи самъ иной вѣры, онъ не желаетъ навлекать на себя упрековъ въ небреженіи о Кіевской церкви. Епископы съ своей стороны издали соборную грамоту, въ которой оправдывали отпаденіе отъ Фотія, хотя и подтверждали свое единеніе съ церковью Греческою. На этотъ шагъ Фотій отвѣчалъ пространнымъ окружнымъ посланіемъ къ своей паствѣ, гдѣ, на основаніи церковныхъ каноновъ, рѣшительно протестовалъ противъ раздѣленія Русской церкви и поставленія Григорія. А въ Кіевъ и Псковъ (который Литва склоняла на свою сторону) онъ написалъ особыя посланія, въ которыхъ грозилъ отлученіемъ всякому, кто приметъ благословеніе отъ „мятежника“ Григорія. Въ Кіевѣ эти протесты пока остались безъ послѣдствія.

По нѣкоторымъ соображеніямъ можно заключить, что Витовтъ при избраніи Самвлака и отдѣленіи митрополіи имѣлъ еще заднюю мысль: какъ католикъ онъ желалъ угодить папѣ и положить начало церковной уніи Западнорусской церкви съ Римскою. Въ это именно время происходилъ знаменитый Константскій соборъ, и Витовтъ отправилъ туда Самвлака съ нѣкоторыми русскими епископами и боярами, чтобы они сообща съ польскими духовными и свѣтскими вельможами приняли участіе въ соборѣ. Но Григорій Самвлакъ оказался ревностнымъ поборникомъ восточнаго православія. По разсказу лѣтописей, онъ даже однажды обратился къ Витовту съ вопросомъ: „зачѣмъ ты, князь, держишься вѣры Латинской, а не православной, Греческой?“ Витовтъ будто бы отвѣчалъ: „если ты хочешь не только меня, но и всѣхъ людей моей земли видѣть въ Греческой вѣрѣ, то иди въ Римъ состязаться съ папою и его мудрецами. Когда ты побѣдишь, то мы примемъ Греческій законъ, а въ противномъ случаѣ я всѣхъ своихъ подданныхъ обращу къ Латинской вѣрѣ“. И затѣмъ послалъ его на Константскій соборъ. Хотя бы этотъ разсказъ и не отличался достовѣрностью, тѣмъ не менѣе западно-русскій митрополитъ не обнаружилъ никакого стремленія къ церковной уніи съ Римомъ. Вѣроятно, съ одной стороны вслѣдствіе его ревности къ православію, а съ другой—неудовольствія православныхъ бояръ и духовенства на раздѣленіе Русской церкви, Самвлакъ вскорѣ принужденъ былъ покинуть Западнорусскую митрополію, именно въ 1419 г. Послѣ того Витовтъ не хлопоталъ уже о выборѣ ему преемника, а помирился съ Фотіемъ, и единство Русской церкви снова возстановилось, хотя и временно ([49]).

При Самвлакѣ сама древне-русская митрополія подверглась новому великому бѣдствію. Извѣстный мурза Эдигей, вслѣдствіе золотоордынскихъ переворотовъ принужденный покинуть Сарай, захватилъ власть надъ Татарами Крымскими и Черноморскими и сталъ здѣсь во главѣ особаго ханства. Въ 1416 году онъ сдѣлалъ внезапный набѣгъ на Южную Русь, перешелъ Днѣпръ, и бросился на Кіевъ. Только Кіевскій замокъ, обороняемый польско-литовскимъ гарнизономъ, не былъ взятъ Татарами; но самый городъ былъ ими страшно разоренъ и разграбленъ; особенно пострадали отъ грабежа и пламени храмы и монастыри, въ томъ числѣ Печерскій. Такимъ образомъ, древняя столица Руси, едва успѣвшая нѣсколько оправиться отъ Батыева погрома, теперь вновь покрылась развалинами. Этотъ набѣгъ, предшественникъ послѣдующихъ крымскихъ набѣговъ на Россію, какъ думаютъ, произошелъ не безъ подстрекательствъ со стороны Прусскихъ Нѣмцевъ. Нужно замѣтить, что послѣ Гринвальдской битвы враждебныя дѣйствія ихъ противъ Польши и Литвы, съ малыми перерывами, не прекращались почти 12 лѣтъ, и окончились только миромъ на озерѣ Мельно (въ 1422 г.). Но извѣстно, что Витовтъ покровительствовалъ недовольнымъ ханамъ и мурзамъ въ Золотой и Крымской Ордѣ, давалъ имъ у себя убѣжище и помогалъ иногда войскомъ, чѣмъ поддерживалъ ордынскія смуты; къ тому же въ Литовско-Русскихъ предѣлахъ жило много Татаръ, признававшихъ себя подданными великаго князя и нерѣдко сражавшихся подъ его знаменами противъ своихъ соплеменниковъ. Поэтому хитрый старикъ Эдигей, чувствуя себя и свое потомство непрочнымъ на ханствѣ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего набѣга, прислалъ Витовту въ подарокъ коней и верблюдовъ, нагруженныхъ разными драгоцѣнностями, и просилъ его о мирѣ. „Знаменитый князь,—писалъ онъ,—мы оба дожили до сѣдой старости; отдадимъ покою остатокъ нашей жизни; кровь, которую мы проливали въ битвахъ, уже высохла, бранныя слова, которыми мы осыпали другъ друга, развѣялъ вѣтеръ; пламень войны очистилъ наше сердце отъ гнѣва и самъ угасъ отъ времени“. Миръ былъ дѣйствительно заключенъ; но, кажется, Эдигей призналъ себя при этомъ какъ бы подручникомъ Витовта (1419).

Княженіе Витовта, долго ненарушаемое никакимъ соперникомъ, въ то время было нѣсколько обезпокоено Свидригайломъ. Уже около десяти лѣтъ сидѣлъ онъ въ заключеніи въ волынскомъ замкѣ Кременцѣ. Комендантъ замка родомъ изъ Пруссіи, Конрадъ Франкенбергъ, обходился съ узникомъ почтительно и не препятствовалъ на-

вѣщать его разнымъ гостямъ. Во время происходившихъ тогда пограничныхъ дѣйствій противъ Татаръ военные отряды нерѣдко двигались мимо этого города или въ его окрестностяхъ. Сторонникъ Свидригайла Даніилъ или Дашко, сынъ князя Острожскаго Θеодора, воспользовался обстоятельствами, чтобы, не возбуждая подозрѣній, прибыть въ эту сторону во главѣ значительной дружины и войти въ тайныя сношенія съ заключеннымъ Ольгердовичемъ. Двое изъ довѣренныхъ лицъ Дашка, по имени Димитрій и Илья, въ 1418 году, въ великій четвергъ явились въ Кременецъ подъ видомъ людей, потерявшихъ все свое имущество въ походѣ противъ Татаръ и лишенныхъ средствъ воротиться на родину. По ихъ просьбѣ Франкенбергъ зачислилъ ихъ въ составъ своего гарнизона. Въ ночь на самое Свѣтлое Воскресенье Дашко Острожскій и его соумышленникъ Александръ Носъ, одинъ изъ князей Пинскихъ, съ своимъ отрядомъ тихо подъѣхали къ воротамъ замка. По заранѣе условленному знаку, Димитрій и Илья отворили ворота и спустили подъемный мостъ. Заговорщики ворвались въ замокъ, перебили стражу и освободили узника. Конрадъ Франкенбергъ, услыхавъ шумъ, выбѣжалъ съ мечомъ въ рукахъ, храбро вступилъ въ бой и палъ мертвымъ. Свидригайло съ своими освободителями поскакалъ въ Луцкъ, гдѣ былъ дворъ Витовтовъ, наполненный всякаго рода имуществомъ. Потомъ онъ удалился въ Молдавію, а оттуда въ Венгрію къ королю Сигизмунду. Послѣдній взялся быть посредникомъ для примиренія его съ братьями. Владиславъ-Ягайло, вообще весьма привязанный къ своей роднѣ, не только самъ помирился съ Свидригайломъ (входившимъ въ союзъ съ Нѣмецкими рыцарями противъ Литвы и Польши), но и помогъ ему войти въ соглашеніе съ Витовтомъ. Вслѣдствіе этого соглашенія Свидригайло получилъ себѣ въ удѣлъ Брянскъ и Новгородъ Сѣверскій, гдѣ и оставался спокойно до конца Витовтова княженія. Князья Острожскій и Пинскій, освободившіе его изъ заточенія, ясно показываютъ, что въ областяхъ собственно русскихъ между удѣльными князьями были противники стремленіямъ Витовта къ водворенію единодержавія и распространенію католичества въ Западной Руси. ([50]).

Къ двадцатымъ годамъ XV столѣтія Витовтъ достигъ вершины своего могущества и своей славы. Его владѣнія раскинулись отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Западнаго Бута до Оки; вліяніе же его простиралось и далѣе на Русь Сѣверную и Восточную. Великій князь Московскій въ своемъ завѣщаніи поручалъ его защитѣ

и опекѣ своего юнаго сына; а по смерти Василія Дмитріевича князья Рязанскій и Тверской попали въ нѣкоторую зависимость отъ Витовта. Псковъ и Новгородъ въ то же время испытали на себѣ тяжесть Витовтова оружія, и деньгами покупали у него миръ. Татары Крымскіе и Черноморскіе оказывали почтеніе и страхъ передъ его именемъ. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ бургундскій рыцарь Жильберъ де-Ланнуа въ запискахъ о своемъ путешествіи на востокъ. Въ 1421 году, въ качествѣ посланца англійскаго короля Генриха V, Ланнуа посѣтилъ владѣнія Витовта. Онъ нашелъ великаго князя и его супругу въ городѣ Кременцѣ, окруженными многочисленною свитою, въ которой находились князья и княгини, бояре и татарскіе вельможи, а также послы отъ Пскова и Великаго Новгорода. Витовтъ щедро одарилъ гостя, снабдилъ его грамотами и проводниками; такъ какъ Ланнуа отправился далѣе чрезъ Валахію, Турцію и Византію въ Сирію и Египетъ. Войны и смуты, свирѣпствовавшія тогда на Балканскомъ полуостровѣ, побудили его изъ Валахіи ѣхать кругомъ Чернаго моря на Кафу, и здѣсь онъ имѣлъ случай, при столкновеніи съ Татарами, убѣдиться въ томъ уваженіи, которымъ пользовалось между ними имя Витовта.

Но самую важную сторону Витовтовой политики составляли конечно его отношенія къ Польшѣ. Тѣсный союзъ Литвы и Руси съ Поляками, скрѣпленный кровью на Грюнвальдскомъ полѣ и подтвержденный Городельскою уніей, послѣ того ничѣмъ не нарушался и служилъ главною ихъ опорою противъ внѣшнихъ непріятелей. Союзъ этотъ поддерживался непрерывною взаимною дружбою двоюродныхъ братьевъ-государей. Владиславъ-Ягайло подъ старость обнаруживалъ особую привязанность къ родной Литвѣ и часто посѣщалъ ее, подолгу предаваясь здѣсь любимому своему занятію, т.-е. охотѣ за дикими животными. Братья нерѣдко устраивали съѣзды, на которыхъ рядомъ съ пирами и удовольствіями происходили обыкновенно ихъ совѣщанія о политическихъ вопросахъ. Какъ менѣе сильный характеромъ, Ягайло въ этихъ вопросахъ готовъ былъ подчиняться энергичному, настойчивому Витовту. Сей послѣдній былъ бы полнымъ его руководителемъ, если бы слишкомъ часто не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія со стороны королевской канцеляріи и пановъ радныхъ, т.-е. польскихъ вельможъ. Во главѣ коронной канцеляріи стоялъ Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, на Грюнвальдскомъ полѣ онъ находился въ свитѣ короля, и тутъ имѣлъ случай спасти его, когда Нѣмцы съ отчаяннымъ натискомъ

прорвались до самой королевской свиты и едва не убили Ягайла. Съ тѣхъ поръ началось быстрое возвышеніе Збигнѣва Олесницкаго. Это былъ даровитый и дѣятельный представитель національныхъ польскихъ стремленій тамъ, гдѣ дѣло касалось Польско-Литовской уніи. Какъ руководитель королевской дипломатичской канцеляріи и какъ видный членъ вельможныхъ сеймовъ, Збигнѣвъ постоянно оказывалъ противодѣйствіе тѣмъ начинаніямъ Витовта, которыя не согласовались съ чисто-польскими интересами.

Витовтъ, привыкшій, подобно своимъ предшественникамъ, самовластно распоряжаться въ собственномъ государствѣ, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дѣйствія канцеляріи и на возраставшее значеніе шляхетскихъ сеймовъ, которые, благодаря слабому характеру Владислава-Ягайла, все болѣе и болѣе ограничивали королевскую власть. Лично Витовтъ тяготился своими вассальными отношеніями къ Польской коронѣ: хотя фактически онъ былъ самостоятельнымъ государемъ, но юридически на основаніи договоровъ, напримѣръ Городельскаго, не могъ отрицать этихъ отношеній, и тѣмъ болѣе, что польскіе вельможи при удобныхъ случаяхъ напоминали ему, будто онъ только намѣстникъ ихъ короля. Витовтъ печалился о будущей судьбѣ своей родной Литвы. Онъ не предвидѣлъ большого добра отъ ея уніи съ такимъ государствомъ, въ которомъ утверждалось правленіе вельможъ. Эта унія привлекала его тѣмъ менѣе, что Литовско-Русское княжество очевидно должно было занять въ ней положеніе не только второстепенное, но и подчиненное. Онъ понималъ, что Поляки смотрѣли на Литву и Западную Русь какъ на земли ими пріобрѣтенныя, какъ на свою добычу. Такимъ его настроеніемъ ловко воспользовались тѣ сосѣди, для которыхъ соединеніе Литвы съ Польшею было крайне нежелательно; ибо оно давало политическій перевѣсъ надъ ними соединенному государству, а нѣкоторымъ грозило потерею самостоятельности, напримѣръ, Прусскимъ Нѣмцамъ. Естественно поэтому, что Тевтонскіе магистры постоянно старались разстроить унію. Усерднымъ ихъ союзникомъ въ этомъ отношеніи явился императоръ Германскій и король Венгерскій Сигизмундъ. Онъ имѣлъ притомъ еще особый интересъ: отвлечь Витовта отъ союза съ своими мятежными Чешскими подданными, т.-е. Гусситами, которые получали поддержку изъ Западной Руси и даже предлагали Витовту Чешскую корону. Великій князь пока отклонилъ ихъ предложеніе и послалъ на помощь Чехамъ одного изъ внуковъ Ольгерда, Жигмунда Корибутовича, со значительнымъ отрядомъ. Послѣ того императоръ

Сигизмундъ дѣятельно началъ поощрять Витовта къ тому, чтобы упрочить за его государствомъ полную политическую самостоятельность и, какъ на главное средство, указалъ на пріобрѣтеніе королевскаго достоинства. Витовтъ имѣлъ уже около 80 лѣтъ отъ роду; онъ не оставлялъ послѣ себя мужскаго потомства; такъ какъ оба сына его отъ Анны Смоленской погибли, будучи заложниками у Тевтонскихъ рыцарей, а поздній бракъ его съ третьей женой, Юліаной княжной Ольшанской, былъ бездѣтенъ. Между тѣмъ Ягайло, будучи вдовцомъ, по желанію того же Витовта, вступилъ въ четвертый бракъ съ русскою княжною Софьею, юною племянницею Юліаны Ольшанской; причемъ Софья отреклась отъ православія въ пользу католицизма (1422). Спустя два года, она родила семидесятишестилѣтнему королю сына Владислава, а потомъ произвела на свѣтъ другого сына, по имени Казиміра. На Брестскомъ сеймѣ 1425 года шляхта и духовенство признали новорожденнаго Владислава наслѣдникомъ короны Ягайла, за что и получили отъ него расширеніе своихъ льготъ.

Несмотря на свою старость и бездѣтность, Витовтъ съ жаромъ ухватился за мысль о королевскомъ вѣнцѣ. Съ этою цѣлью онъ устроилъ въ 1429 году съѣздъ государей въ волынскомъ городѣ Луцкѣ, который служилъ однимъ изъ любимыхъ его мѣстопребываній. Сюда пріѣхалъ король Ягайло, въ сопровожденіи блестящей свиты своихъ вельможъ и со многими духовными особами, во главѣ которыхъ находились архіепископъ Гнѣзненскій Ястрембецъ и епископъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій. Сюда прибыли молодой Василій Васильевичъ Московскій, внукъ Витовта, въ сопровожденіи митрополита Фотія, а также князья Тверской и Рязанскій. Тутъ же находились ханъ Перекопской Орды, магистры Тевтонскій и Ливонскій, папскій легатъ, византійскій посолъ. Здѣсь собрались многіе удѣльные князья Литвы и Западной Руси, подчиненные Витовту. Императоръ Сигизмундъ по обыкновенію заставилъ себя ждать: вмѣсто 6-го онъ прибылъ 22-го января, съ своею супругою Варварою, со свитою вельможъ угорскихъ, чешскихъ и нѣмецкихъ. Ягайло и Витовтъ съ своими боярами и со множествомъ народа выѣхали за городъ къ нему навстрѣчу; въ числѣ встрѣчающихъ были мѣстные епископы Русскій, Латинскій и Армянскій съ своимъ духовенствомъ и хоругвями, а также и еврейскіе раввины. Императоръ благоговѣйно поклонился реликвіямъ, которыя держалъ латинскій епископъ, а на представителей другихъ религій не обратилъ вниманія. Затѣмъ, при звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавръ, онъ въѣхалъ въ городъ. Го-

ворятъ, собралось до 15,000 гостей, которые не могли всѣ размѣститься въ Луцкѣ, а наполнили также окрестныя села и деревни.

Предметы открытыхъ дипломатическихъ совѣщаній на этомъ съѣздѣ были слѣдующіе. Во-первыхъ, Сигизмундъ предложилъ Ягайлу лишить Молдавію самостоятельности и раздѣлить ее между Польшею и Венгріей подъ тѣмъ предлогомъ, что Молдавскій воевода не оказалъ помощи въ войнѣ съ Турками. Но этому предложенію воспротивились польскіе паны, такъ какъ Молдавскій воевода признавалъ себя вассаломъ Польши. Во-вторыхъ, императоръ, какъ глава христіанскаго міра, по поводу Гусситскихъ войнъ, обратилъ вниманіе съѣхавшихся государей и вельможъ на церковныя распри и нестроенія; онъ приглашалъ ихъ содѣйствовать взаимному примиренію и единенію обѣихъ церквей, Западной и Восточной, обѣщая для этой цѣли собственною властію настоять на созваніи новаго вселенскаго собора. По словамъ польскаго хрониста (Длугоша), онъ позволилъ себѣ даже выразить по этому поводу нѣкоторое свободомысліе. Греческая церковь, по его словамъ, святостію своихъ догматовъ не уступаетъ Латинской, а православные священники отличаются отъ католическихъ только бородою и брачными узами; но первые довольствуются одною женою, тогда какъ вторые имѣютъ ихъ десятокъ и болѣе. Такія рѣчи весьма польстили Русскому духовенству, присутствовавшему на съѣздѣ; но не понравились Полякамъ. Въ-третьихъ, Сигизмундъ приглашалъ съѣхавшихся государей предпринять общую борьбу противъ Турокъ и оказать дѣятельную помощь утѣсненной отъ нихъ Византійской имперіи. Но и это предложеніе Поляки отклонили подъ разными предлогами.

По почину того же Сигизмунда, завязались дружескіе переговоры съ Ягайломъ о принятіи Витовтомъ королевскаго достоинства. Ягайло не противорѣчилъ, но и не соглашался сдѣлать какой-либо шагъ къ тому безъ соизволенія польскихъ пановъ. А когда этотъ вопросъ былъ переданъ на ихъ обсужденіе, то возникли оживленныя пренія, и тутъ Збигнѣвъ Олесницкій въ пламенной рѣчи возражалъ противъ такого проекта, какъ явно нарушающаго всѣ договоры и клятвы, которыми утверждена унія Литвы съ Польшею. Возбужденные Олесницкимъ, паны поступили рѣшительно: чтобы положить предѣлъ дальнѣйшимъ разговорамъ о короновавіи Витовта, они внезапно уѣхали изъ Луцка; устрашенный ихъ угрозами, Ягайло послѣдовалъ за ними, даже не простясь съ хозяиномъ. Этотъ поступокъ смутилъ и разстроилъ съѣздъ. Сигизмундъ также вскорѣ уѣхалъ, условившись съ Витовтомъ о но-

вомъ съѣздѣ, на которомъ во что бы ни стало должно было состояться коронованіе послѣдняго. Разъѣхались и прочіе гости, тоже приглашенные вновь собраться въ Вильнѣ на торжество Витовтова коронованія. Луцкій съѣздъ продолжался около семи недѣль и стоилъ великому князю огромныхъ расходовъ. Каждую недѣлю на продовольствіе гостей, по словамъ лѣтописцевъ, выходило 700 бочекъ сыченаго меду, кромѣ винъ мускатнаго, мальвазійскаго и другихъ напитковъ, 700 яловицъ, 700 барановъ и вепрей, по 60 зубровъ, по 100 лосей, кромѣ разныхъ другихъ мясъ и всякой дичи.

Препятствія только раздражили Витовта, и онъ упорно сталъ хлопотать объ ихъ устраненіи; чтобы сломить противодѣйствіе польскихъ сенаторовъ, великій князь прибѣгъ къ подкупу, и ему дѣйствительно удалось набрать между ними значительную партію въ пользу своего намѣренія; только Збигнѣва Олесницкаго онъ ничѣмъ не могъ склонить на свою сторону. Напрасно папа Мартинъ V, принявшій сторону Поляковъ, не только не далъ своего согласія на коронованіе Витовта, но и увѣщевалъ его оставить это намѣреніе. Напрасно Ягайло предлагалъ сложить съ себя собственную корону въ пользу Витовта; послѣдній не поддавался подобнымъ польскимъ хитростямъ. Съ другой стороны и Поляки не хотѣли слушать увѣреній, будто его королевское достоинство нисколько не нарушитъ Польско-Литовской уніи. Упорство Витовта, по всей вѣроятности, кромѣ Сигизмунда, не мало поддерживалось вельможами западнорусскими, которые неодобрительно смотрѣли на унію съ католическою Польшею. Существованіе этой православной партіи, схизматической по понятіямъ католиковъ, и сношенія Витовта съ Гусситами вѣроятно болѣе всего склонили папу на сторону Поляковъ въ данномъ вопросѣ.

Въ сентябрѣ слѣдующаго 1430 года собрался съѣздъ князей въ литовской столицѣ, Вильнѣ, приблизительно въ томъ же составѣ и съ тѣмъ же блескомъ какъ и Луцкій съѣздъ. По особой усердной просьбѣ Витовта, Ягайло также прибылъ на съѣздъ, опять въ сопровожденіи многихъ пановъ и Збигнѣва Олесницкаго. Подкупленная часть пановъ не противилась намѣренію Витовта; но Олесницкій оставался непреклоненъ. Межъ тѣмъ, уже все было готово для совершенія коронаціи; ожидали только торжественнаго императорскаго посольства, которое долженствовало привезти корону и прочія королевскія регаліи. Но посольство не являлось. Дѣло въ томъ, что императоръ отправилъ напередъ въ Литву одно довѣренное лицо съ письмами и проектомъ коронаціоннаго церемоніала; но это лицо по-

пало въ руки Поляковъ; а изъ захваченныхъ у него бумагъ они узнали весь планъ дѣйствія своихъ противниковъ. Пользуясь такимъ открытіемъ, Поляки разставили вооруженные отряды въ надлежащихъ пограничныхъ мѣстахъ и заслонили императорскому посольству дорогу чрезъ Великую Польшу. Не будучи въ силахъ открыть себѣ путь вооруженною рукою, посольство остановилось въ Бранденбургіи и стало ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Послѣ напраснаго и долгаго ожиданія коронаціи, Виленскій съѣздъ самъ собою началъ постепенно разъѣзжаться. Тяжкое огорченіе отъ этой неудачи разрушительно подѣйствовало на здоровье престарѣлаго Витовта. Онъ заболѣлъ какимъ-то вередомъ между плечами (карбункулъ?), и переѣхалъ со своимъ дворомъ изъ Вильны въ Трокскій замокъ. Дорогой отъ слабости онъ упалъ съ коня, что еще усилило его болѣзнь. Спустя двѣ недѣли, 27 октября 1430 года, знаменитый Витовтъ скончался. Онъ былъ торжественно погребенъ въ Виленскомъ соборѣ св. Станислава. Сильное впечатлѣніе, произведенное на современниковъ смертью грознаго и могущественнаго Литовско-Русскаго государя, отразилось по обычаю въ разныхъ знаменіяхъ, которыя, по понятіямъ народа, предвѣщали эту кончину. Такъ, по словамъ лѣтописцевъ, въ тотъ годъ въ Смоленскѣ явился голый, безшерстый волкъ и много пожралъ людей, а Трокское озеро въ теченіе семи дней казалось покрытымъ кровью [51]).

Послѣ Гедимина и Ольгерда, Витовтъ былъ третьимъ и послѣднимъ въ ряду главныхъ объединителей Литвы и Западной Руси, вознесшій Литовско-Русское государство на высшую степень могущества и величія. Онъ еще болѣе, чѣмъ его предшественники, подвинулъ впередъ собственно внутреннее объединеніе разныхъ областей этого государства совершеннымъ ослабленіемъ удѣльной системы. Удѣльныхъ князей Литовскихъ и Русскихъ онъ держалъ въ строгомъ подчиненіи, нерѣдко перемѣщалъ ихъ изъ одной области въ другую; а нѣкоторыхъ Русскихъ князей и совсѣмъ устранялъ отъ ихъ удѣловъ и замѣнялъ своими намѣстниками и воеводами. Но ослабляя княжескій элементъ въ Западной Руси и тѣснѣе сплачивая ее съ католическою Литвою, онъ тѣмъ самымъ облегчалъ здѣсь будущіе успѣхи Польско-Литовской уніи, противъ которой боролся въ послѣдніе годы своей жизни. Самъ нѣсколько разъ перемѣнивъ исповѣданіе, Витовтъ естественно отличался вѣротерпимостью: будучи католикомъ, онъ не притѣснялъ православія въ своихъ Русскихъ областяхъ и вообще подчинялъ вопросы церковные своимъ политическимъ видамъ. Стремясь

возвести Литовско-Русское княжество на степень самостоятельнаго королевства, онъ какъ бы предвидѣлъ, какія бѣды впослѣдствіи произойдутъ изъ подчиненныхъ отношеній этого княжества къ Польшѣ съ ея католическою нетерпимостью. Но созиданіе имъ литовско-русской государственной самостоятельности не могло быть прочно при данныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, оно требовало цѣлаго преемственнаго ряда государей, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи, а Витовтъ не оставилъ по себѣ прямого престоло-наслѣдника, и отсюда должны были возникнуть новые споры и смуты. Во-вторыхъ, переходъ коренной Литвы изъ-подъ вліянія православно-русской гражданственности къ подчиненію гражданственности польско-католической неизбѣжно велъ за собою ея разъединеніе и раздоръ съ Русскою народностью, т.-е. съ огромнымъ большинствомъ населенія. Въ-третьихъ, наконецъ, Литовско-русское государство въ эту эпоху не имѣло настоящаго, плотнаго ядра или средоточія для своего политическаго и національнаго развитія и представляло какую-то неорганическую смѣсь разнообразныхъ народностей и различныхъ классовъ населенія. При существованіи сильныхъ притязательныхъ сосѣдей, такія государства обыкновенно недолго сохраняютъ свою самостоятельность.

VI.

ВАСИЛІЙ ТЕМНЫЙ И РУСЬ ВОСТОЧНАЯ.

Великокняжее семейство.—Притязанія дяди Юрія.—Его неудачная тяжба съ племянникомъ въ Золотой Ордѣ.—Бояринъ Всеволожскій.—Золотой поясъ.—Междоусобіе.—Ослѣпленіе Василія Косаго.—Кончина Фотія.—Митрополитъ Исидоръ и Флорентійская унія.—Ханъ Улу-Магометъ.—Плѣненіе Василія Московскаго Татарами и большой выкупъ.—Вѣроломный захватъ и ослѣпленіе его.—Димитрій Шемяка великій князь.—Возстановленіе Василія на престолѣ.—Судьба Шемяки.—Успѣхи Московскаго единодержавія.—Митрополитъ Іона и окончательное отдѣленіе Западнорусской іерархіи.—Михаилъ Тверской и его преемники.—Олегъ Рязанскій и его преемники.—Основаніе царства Казанскаго.—Начало Касимовскаго ханства.

При Василіи Дмитріевичѣ постепенно сошли въ могилу слѣдующіе члены великокняжескаго семейства, оставившіе по себѣ ту или другую память въ исторіи Москвы. Въ годъ вокняженія Василія умерла его тетка Марья, нареченная въ инокиняхъ Мароа, мать Владиміра Андреевича Храбраго. Памятникомъ ея доселѣ остается Рождественская женская обитель, которую она основала и въ которой была погребена (на Посадѣ или въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ, по лѣтописи „монастырь у Рождества на рвѣ"). Мать великаго князя Евдокія провела послѣдніе годы своей жизни ревностной монахиней - подвижницей и также основала свой собственный монастырь, во имя Вознесенія, въ Кремлѣ. Нареченная въ монашествѣ Евфросинія, она скончалась въ 1407 году и погребена въ этомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а не въ придворномъ Спасскомъ, гдѣ дотолѣ погребались московскія княгини и княжны. Спустя три года, умеръ и двоюродный дядя Василія Владиміръ Андреевичъ Храбрый. Этотъ вѣрный сподвижникъ Донского ознаменовалъ себя также и вѣрнымъ служеніемъ своему племяннику Василію; чѣмъ не мало способствовалъ водворенію на Москвѣ прямого пре-

столонаслѣдія отъ отца къ сыну, а не къ брату или старшему въ княжемъ родѣ. Онъ оставилъ послѣ себя пять сыновей, между которыми и раздѣлилъ свой удѣлъ; а супругу Елену Ольгердовну надѣлилъ многими селами и угодьями. Все семейство свое онъ въ завѣщаніи поручаетъ попеченію великаго князя. При такомъ дробленіи его удѣла, естественно, сыновья Владиміра Храбраго являются покорными слугами великаго князя.

Но прежде нежели окончательно утвердился порядокъ престолонаслѣдія по прямой нисходящей линіи, ему пришлось еще разъ подвергнутся испытанію и вступить въ рѣшительную борьбу съ древнеславянскими понятіями о естественномъ старшинствѣ дяди надъ племянникомъ. Василій Дмитріевичъ оставлялъ послѣ себя только одного сына Василія; такъ какъ другіе сыновья умерли ранѣе отца, то ему не пришлосъ дѣлить между ними свои земли, что было благопріятнымъ условіемъ для возникающаго единсдержавія. Но у Василія I оставались еще четыре брата (Юрій, Андрей, Петръ и Константинъ). Старшій изъ этихъ четырехъ братьевъ, Юрій Звенигородскій, еще при жизни великаго князя не хотѣлъ признать старшинства надъ собою своего племянника. (Нѣкоторое время ему слѣдовалъ и младшій братъ Константинъ, за что подвергался опалѣ). Поэтому въ духовной своей грамотѣ Василій Дмитріевичъ, отказывая великое княженіе сыну, поручаетъ его попечительству своего тестя Витовта и другихъ братьевъ, но не упоминаетъ о Юріѣ. Василію Васильевичу было только десять лѣтъ, когда скончался его отецъ. Митрополитъ Фотій немедленно послалъ въ Звенигородъ звать Юрія въ Москву, чтобы присутствовалъ при вокняженіи его юнаго племянника. Но Юрій, наоборотъ, рѣшилъ воспользоваться малолѣтствомъ послѣдняго для собственныхъ притязаній на великое княженіе, и поспѣшилъ уѣхать въ отдаленный городъ своего удѣла, Галичъ Мерскій, чтобы тамъ безъ помѣхи собрать силы, и вслѣдъ затѣмъ началъ враждебныя дѣйствія. Кромѣ стараго обычнаго порядка наслѣдованія, Юрій въ своихъ притязаніяхъ ссылался на духовное завѣщаніе своего отца Димитрія Донского, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Василья, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ". Но конечно о переходѣ удѣла къ слѣдующему сыну здѣсь сказано на случай ранней или бездѣтной кончины Василія. Иначе трудно объяснить себѣ это мѣсто завѣщанія, написаннаго въ то время, когда Василій Дмитріевичъ еще не вступалъ въ бракъ, а остальные сыновья Донского были очень юны.

Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, мать великаго князя Софья и его другіе дядья, посовѣтовавшись съ митрополитомъ, боярами и даже съ его дѣдомъ Витовтомъ, отправили митрополита Фотія въ Галичъ уговаривать Юрія къ миру. Узнавъ о томъ, Юрій приготовилъ ему торжественную встрѣчу: чтобы поразить его великимъ числомъ своего народа, а слѣдовательно и своей рати, онъ собралъ городскую чернь и крестьянъ изъ ближнихъ волостей, и выставилъ ихъ на горѣ подлѣ города, а самъ встрѣтилъ его съ своими дѣтьми и боярами. Митрополитъ прежде всего вступилъ въ церковь Преображенія, стоявшую на Посадѣ или въ нижней части города подлѣ озера, и совершилъ молебствіе. Потомъ, вышедъ изъ церкви, онъ сказалъ князю Юрію, указывая на чернь, покрывавшую гору: „Сыну, никогда я не видалъ столько народа въ овечьей шерсти"; чѣмъ далъ понять, что хитрость князя не удалась и что отъ крестьянскихъ серьмягъ еще далеко до ратныхъ доспѣховъ. Юрій не соглашался на миръ, а хотѣлъ только перемирія. Разгнѣванный его отказомъ, митрополитъ, не благословивъ князя, уѣхалъ изъ города. По словамъ лѣтописи, въ городѣ тотчасъ открылся моръ на людей. Тогда князь сѣлъ на коня, догналъ митрополита за озеромъ въ селѣ Пасынковѣ, и едва умолилъ его воротиться въ городъ, чтобы благословить какъ княжеское семейство, такъ и весь народъ. Послѣ того, если вѣрить лѣтописцу, моръ немедленно прекратился; князь съ честію отпустилъ митрополита, а вслѣдъ за нимъ послалъ въ Москву двухъ бояръ, для заключенія мира. Юрій обязался не искать собственною силою великаго княженія и отдать дѣло на рѣшеніе Сарайскаго хана. Но пока никто не спѣшилъ ѣхать въ Орду, и самый споръ на время затихъ. Уступчивость Юрія на этотъ разъ объясняется не столько гнѣвомъ митрополита, сколько опасеніемъ могущественнаго Витовта, который вѣроятно объявилъ, что не дастъ въ обиду своего внука.

Между тѣмъ, посѣтившая Россію моровая язва произвела большое опустошеніе какъ въ Новгородской и Тверской областяхъ, такъ и въ Московской. Во время этой язвы, продолжавшейся болѣе двухъ лѣтъ, умерло нѣсколько членовъ княжаго семейства, въ томъ числѣ четыре сына Владиміра Андреевича Храбраго; потомъ вскорѣ сошли въ могилу два родныхъ дяди великаго князя (Петръ и Андрей) и митрополитъ Фотій. А главное, въ 1430 г. скончался Витовтъ; мѣсто его въ Литвѣ и Западной Руси заступилъ Свидригайло Ольгердовичъ, своякъ и пріятель Юрія Дмитріевича Галицкаго. Тогда сей послѣдній возобновилъ свои притязанія на великое княженіе. Послѣ разныхъ

переговоровъ и сборовъ, лѣтомъ 1430 года, Василій, помолясь въ Успенскомъ соборѣ и раздавъ обильную милостыню по всѣмъ церкамъ и монастырямъ, отправился въ Орду. За нимъ поѣхалъ туда же, на ханское судьбище, и Юрій Дмитріевичъ. Такимъ образомъ ослабѣвшая зависимость Восточной Руси отъ Золотой Орды вновь была подкрѣплена на сей разъ братоубійственною враждою самихъ потомковъ Димитрія Донского.

Оба соперника пріобрѣли себѣ пособниковъ въ Золотой Ордѣ. Сторону Василія держалъ Минбулатъ, московскій дорога (собственно даруга, т.-е. татарскій чиновникъ, вѣдавшій сборомъ дани съ Московскихъ областей); онъ пріютилъ великаго князя въ своемъ улусѣ. А за Юрія стоялъ вліятельный мурза Ширинъ-Тягиня, который взялъ его на зиму въ свое крымское кочевье, похваляясь, что непремѣнно доставитъ ему великое княженіе. Въ числѣ бояръ, сопровождавшихъ Василія, первое мѣсто занималъ опытный, хитрый Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, служившій еще отцу и дѣду великаго князя. Онъ воспользовался отсутствіемъ Юрія и Тягини, и похвальбу сего послѣдняго сумѣлъ представить ордынскимъ вельможамъ въ такомъ видѣ, что если она исполнится, то стало быть царь во всемъ слушается Тягини и всѣ вельможи находятся у него въ подчиненіи. Уязвленные подобными ядовитыми рѣчами, они, въ свою очередь, такъ настроили хана Улу-Махмета, что онъ обѣщалъ казнить Тягиню, если тотъ вздумаетъ хотя слово молвить за Юрія. Такимъ образомъ ханъ уже былъ предрасположенъ въ пользу Василія. Въ его расположеніи конечно не малую роль играли и щедро раздававшіеся въ Ордѣ московскіе подарки.

Весною 1432 года Тягиня воротился съ Юріемъ изъ Крыма и, предупрежденный о ханской угрозѣ, не смѣлъ ничего говорить противъ Василія. Улу-Махметъ назначилъ торжественное судилище о великомъ княженіи, собравъ въ своей ставкѣ ордынскихъ вельможъ и обѣ противныя стороны. Тутъ произошли великія пререканія: Василій опирался на прямое наслѣдованіе послѣ отца и дѣда; а Юрій ссылался на обычаи, засвидѣтельствованные лѣтописями, и на духовную своего отца Димитрія Донского.

Тогда выступилъ впередъ бояринъ Иванъ Дмитріевичъ; поклонясь хану и вельможамъ его, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мнѣ, холопу великаго князя. Мой государь великій князь Василій ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улуса, по твоему царскому жалова-

нію, и по твоимъ девтерямъ (записямъ) и ярлыкамъ; а господинъ князь Юрій Дмитріевичъ хочетъ взять великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоей жалованной грамотѣ вольнаго царя, по которой государь нашъ князь великій Василій Дмитріевичъ далъ великое княженіе сыну своему Василію; а уже которой годъ онъ сидитъ на столѣ своемъ, по твоему жалованью, о томъ, господинъ, самому тебѣ вѣдомо".

Эта льстивая дипломатическая рѣчь боярина, разумѣется, очень понравилась Улу-Махмету, и безъ того расположенному въ пользу Василія. Онъ присудилъ великое княженіе племяннику, и даже, по азіатскому обычаю, велѣлъ Василію сѣсть на коня, а Юрію вести его за поводъ. Но Василій не захотѣлъ безчестить своего дядю. Такъ какъ въ это время возникло междоусобіе Улу-Махмета съ Кучукъ Махметомъ (Большого съ Малымъ), то, опасаясь измѣны мурзы Тегиня, ханъ, по его просьбѣ, увеличилъ удѣлъ Юрія городомъ Дмитровымъ, который принадлежалъ умершему незадолго его брату Петру. (Но Василій вскорѣ потомъ и этотъ городъ взялъ себѣ). Въ Москву вмѣстѣ съ Василіемъ прибылъ ханскій посолъ Мансуръ-Уланъ-Царевичъ, и, по выраженію лѣтописи, „садилъ его на великое княженіе у Пречистыя у Золотыхъ дверей", т.-е. присутствовалъ при торжественномъ вѣнчаніи Василія великимъ княземъ. Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ первое извѣстіе о великокняжескомъ вѣнчаніи уже не во Владимірскомъ, а въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Присуждая великое княженіе племяннику, ханъ подтверждалъ въ Москвѣ порядокъ прямого престолонаслѣдія, которое способствовало водворенію Московскаго единодержавія и самодержавія, а тѣмъ самымъ подготовляло сверженіе Татарскаго ига. Слѣдовательно, недальновидные ханы дѣйствовали противъ Татарскихъ интересовъ вообще. Но имъ въ то время часто приходилось бороться уже за свою личную власть и безопасность. Такъ и теперь, вновь возникшіе ордынскіе смуты и мятежи дали возможность Юрію снова оружіемъ отыскивать великое княженіе, не обращая вниманія на ханскій приговоръ.

Главнымъ подстрекателемъ Юрія при возобновленіи междоусобія явился тотъ самый бояринъ Всеволожскій, который такъ ловко устроилъ торжество Василія въ Ордѣ.

Бояринъ не безкорыстно усердствовалъ великому князю: онъ желалъ выдать за юнаго Василія свою дочь, и взялъ съ него обѣщаніе въ этомъ смыслѣ. Такое желаніе не заключало въ себѣ ничего осо-

баго, потому что въ то время князья нерѣдко женились на боярскихъ дочеряхъ или выдавали собственныхъ дочерей за бояръ. А Всеволожскій самъ происходилъ изъ рода княжескаго (Смоленскаго), и старшая его дочь уже была замужемъ за однимъ изъ сыновей Владиміра Храбраго (Андреемъ). Но мать великаго князя, гордая Софья Витовтовна, воспротивилась обѣщанному ея сыномъ браку, и обручила его съ княжной Марьей Ярославной, внучкою Владиміра Храбраго. Иванъ Дмитріевичъ сильно оскорбился; онъ перешелъ (или, по выраженію того времени, „отъѣхалъ") въ Галичъ Мерскій, на службу къ Юрію, и сталъ возбуждать сего послѣдняго къ отысканію великаго стола. Межъ тѣмъ какъ Юрій собирался вновь выступить противъ племянника, въ Москвѣ произошло столкновеніе, которое ускорило открытіе враждебныхъ дѣйствій.

Сыновья Галицкаго князя, Василій Косой и Димитрій Шемяка, присутствовали на свадебномъ пиру у великаго князя (1433). На Василіи Косомъ былъ золотой поясъ, осыпанный дорогими каменьями. Вдругъ одинъ изъ старыхъ московскихъ бояръ призналъ этотъ поясъ и сообщилъ его исторію Софьѣ Витовтовнѣ. Оказалось, что онъ былъ полученъ Димитріемъ Донскимъ отъ князя Суздальскаго въ приданое за дочерью послѣдняго Евдокіей; но тысяцкій Василій Вельяминовъ во время свадьбы Донского подмѣнилъ этотъ поясъ инымъ, менѣе цѣннымъ, а настоящій передалъ сыну своему Николаю, женатому на другой дочери того же Суздальскаго князя. Николай Вельяминовъ (павшій на Куликовомъ полѣ) въ свою очередь далъ тотъ же поясъ въ приданое за дочерью, которая вышла замужъ за Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Сей послѣдній потомъ этотъ поясъ также далъ въ приданое за дочерью князю Андрею, сыну Владиміра Храбраго; по смерти Андрея онъ обручилъ его дочь, а свою внучку за Василія Косого, и передалъ ему драгоцѣнный поясъ. Софья Витовтовна, узнавъ всѣ эти обстоятельства, тотчасъ велѣла снять поясъ съ гостя. Трудно повѣрить лѣтописи, чтобъ она рѣшилась такъ жестоко оскорбить его, имѣя въ виду почти семидесятилѣтнюю давность подмѣна пояса, если бы таковая и дѣйствительно произошла. Вѣроятно, тутъ примѣшались какія-либо иныя причины вражды, а поясъ послужилъ только придиркою. Какъ бы то ни было, Косой и Шемяка тотчасъ уѣхали съ пира, пылая мщеніемъ къ великому князю и его матери [52]).

Захваченный почти врасплохъ нападеніемъ Юрія, великій князь не успѣлъ собрать достаточно силъ, былъ разбитъ и потомъ попалъ

въ плѣнъ. Юрій сѣлъ на Московскомъ великомъ княженіи. Но за плѣннаго князя явился ходатаемъ любимый бояринъ и главный совѣтникъ Юрія Семенъ Морозовъ, или подкупленный стороною Василія, или недовольный возраставшимъ вліяніемъ Всеволожскаго. Онъ уговорилъ своего князя отдать племяннику въ удѣлъ городъ Коломну. Но едва Василій прибылъ въ этотъ городъ, какъ къ нему стали собираться московскіе бояре и дворяне, отказываясь служить Юрію. Такимъ образомъ сильно выступала наружу преданность служилыхъ людей прямому престолонаслѣдію, которое обезпечивало имъ спокойное пользованіе землею, имуществомъ и всѣми своими правами; тогда какъ князья, съ младшихъ удѣловъ переходившіе на старшій, приводили съ собою толпу собственныхъ бояръ и дворянъ, которые неизбѣжно тѣснили туземныхъ. Этотъ оборотъ дѣла сильно раздражилъ помянутыхъ Юрьевичей противъ виновника его, т.-е. противъ боярина Морозова. Василій Косой и Димитрій Шемяка собственноручно убили отцовскаго любимца въ дворцовыхъ сѣняхъ, а затѣмъ уѣхали изъ Москвы. Тогда и Юрій, видя себя почти всѣми оставленнымъ, уѣхалъ въ Галичъ. Василій воротился въ Москву. По новому договору дядя призналъ надъ собою старшинство племянника. Есть извѣстіе, что при этомъ старый бояринъ Всеволожскій жестоко поплатился за свою измѣну: онъ былъ схваченъ и ослѣпленъ по приказу Василія, а его села отобраны въ казну великокняжую.

Такъ какъ Василій Косой и Димитрій Шемяка не приступили къ договору и продолжали войну, то Юрій скоро нарушилъ этотъ договоръ, вновь соединился съ своими сыновьями противъ племянника, опять изгналъ его изъ Москвы и вторично сѣлъ на великомъ княженіи (1434). Но вслѣдъ затѣмъ онъ умеръ скоропостижно. Старшій его сынъ Василій Косой хотѣлъ было занять великій столъ; но собственные его братья, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный, отказались признать его великимъ княземъ и добровольно призвали въ Москву Василія. Косой однако не оставилъ своихъ притязаній и продолжалъ борьбу. Въ этомъ междоусобіи видную роль играло безпокойное, воинственное населеніе новгородской колоніи Вятки, сосѣдней съ Галицкимъ удѣломъ; Галицкіе князья пополняли свои полки наемными дружинами Вятчанъ, которые, при своихъ одичавшихъ нравахъ, не мало усиливали жестокій характеръ междоусобной войны. Послѣ разныхъ опустошительныхъ нападеній Косого на сѣверныя великокняжія волости, Бѣжецкій Верхъ, Вологду, Устюгъ и пр., онъ встрѣтился съ великимъ княземъ въ Ростовской области

(при селѣ Скоротинѣ). Видя превосходныя силы противника, Косой вздумалъ прибѣгнуть къ вѣроломству и заключилъ съ нимъ перемиріе до слѣдующаго утра. Едва Василій, въ надеждѣ на перемиріе, распустилъ свои полки для сбора продовольствія, какъ Косой двинулся на станъ великаго князя. Василій не растерялся: онъ немедленно послалъ гонцовъ во всѣ стороны, а самъ схватилъ военную трубу и началъ трубить. Быстро собрались его полки и одержали рѣшительную побѣду. Въ этой битвѣ отличился перешедшій на московскую службу изъ Литовско-Русскаго княжества воевода Иванъ Баба, потомокъ князей Друцкихъ. Лѣтопись говоритъ, что онъ „изрядилъ по литовски“ свой полкъ, вооруженный копьями. Василій Косой былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву (1436). Вслѣдъ затѣмъ союзники его Вятчане совершили отчаянный поступокъ. Великокняжескій намѣстникъ въ Ярославлѣ, князь Брюхатый, стоялъ съ войскомъ подъ этимъ городомъ на берегу Волги, при впаденіи въ нее Которосли. Нѣсколько десятковъ Вятчанъ однажды ночью подплыли къ стану и на зарѣ прокрались въ самую палатку воеводы, ползуясь утреннимъ туманомъ; они схватили князя Брюхатаго, его жену и бросились въ лодки. Произошла тревога; разбойники, поднявъ топоры надъ головами плѣнниковъ, остановили преслѣдованіе и успѣли достичь другого берега. Затѣмъ похитители взяли 400 рублей выкупу за князя и княгиню, но удержали ихъ въ плѣну и отвели въ Вятку. За такое вѣроломство поплатился Василій Косой: великій князь велѣлъ его ослѣпить ([53]).

Сія жестокость въ свою очередь вызвала подобное же возмездіе съ противной стороны. Но пока московское междоусобіе затихло на нѣкоторое время, уступивъ мѣсто другимъ событіямъ.

Въ 1431 году скончался митрополитъ Фотій. По примѣру своего предшественника Купріана, передъ смертію онъ написалъ къ русской паствѣ прощальную грамоту, въ которой вспоминаетъ о разныхъ превратностяхъ своей жизни и скорбяхъ, претерпѣнныхъ имъ, говоритъ о благоустроенныхъ и умноженныхъ имъ церковныхъ имуществахъ, которыя проситъ великаго князя и великую княгиню соблюсти, и преподаетъ свое благословеніе Русскимъ князьямъ съ боярами и со всѣмъ народомъ. Преемникомъ его на митрополіи явился Іона. Сей послѣдній былъ родомъ изъ Сѣверной Руси, именно изъ Солигалицкаго края, и свое иноческое поприще проходилъ въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ. Житіе его повѣствуетъ, что митро-

политъ Фотій, посѣтивъ однажды этотъ монастырь, въ пекарнѣ его увидѣлъ спавшаго глубокимъ сномъ Іону, который въ то время исполнялъ наложенное на него послушаніе и трудился надъ печеніемъ хлѣбовъ. Митрополитъ не велѣлъ будить хлѣбопека и предсказалъ братіи будущее его возвышеніе. Потомъ самъ Фотій возвелъ Іону въ санъ епископа Рязанскаго и Муромскаго. Въ этой епархіи еще значительная часть Финскаго населенія коснѣла въ язычествѣ; Іона ревностно заботился объ ея обращеніи, и ему удалось окрестить многія селенія Мордвы, Муромы и Мещеры. Великій князь Московскій пожелалъ видѣть его на митрополичьей каѳедрѣ по смерти Фотія. Оставалось только отправить Іону въ Царьградъ на поставленіе. Наступившее затѣмъ междоусобіе дяди съ племянникомъ надолго помѣшало этому поставленію. Пользуясь московскимъ междоусобіемъ, въ Литовской Руси выбрали своего митрополита, именно смоленскаго епископа Герасима, который въ Царьградѣ былъ поставленъ на митрополію Руси Западной и Восточной. Но этотъ митрополитъ вскорѣ подвергся весьма трагической кончинѣ: за тайныя сношенія съ своимъ соперникомъ Сигизмундомъ князь Свидригайло схватилъ Герасима, и велѣлъ его сжечь (1435). Тогда Василій Васильевичъ, съ согласія великаго князя Литовскаго, отправилъ Іону въ Царьградъ на поставленіе. Но когда онъ прибылъ туда, императоръ Іоаннъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ уже успѣли возвести на Русскую митрополію нѣкоего грека, по имени Исидора.

Императоръ Іоаннъ VI извѣстенъ своими дѣятельными сношеніями съ Римской куріей по вопросу о соединеніи церквей: со всѣхъ сторонъ тѣснимый Турками, онъ искалъ спасенія въ церковной уніи, надѣясь чрезъ посредство папы получить помощь отъ Западной Европы. Вопросъ сей обсуждался на извѣстномъ Базельскомъ соборѣ, куда Іоаннъ VI (въ 1434 году) прислалъ трехъ уполномоченныхъ, которые и заключили здѣсь предварительныя условія для соединенія Греческой церкви съ Латинскою. Однимъ изъ сихъ уполномоченныхъ и наиболѣе усерднымъ къ дѣлу соединенія былъ Исидоръ, игуменъ цареградскаго монастыря св. Димитрія. Желая и Русскій народъ увлечь за собою въ церковную унію съ Римомъ, императоръ и патріархъ поставили на Кіевскую митрополію именно сего Исидора, который и прибылъ въ Москву въ сопровожденіи епископа Іоны и его свиты. Великій князь былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла; но, ничего не зная о цареградскихъ видахъ, принялъ новаго митрополита, потому что не хотѣлъ производить разрыва съ константинополь-

скимъ патріархомъ и уважалъ императора Іоанна какъ свойственника (женатаго на сестрѣ Василія Аннѣ, впрочемъ тогда уже умершей). Къ еще большему неудовольствію Василія Васильевича, не успѣлъ Исидоръ торжественно водвориться на своей архипастырской каѳедрѣ, какъ началъ проситься въ Италію на соборъ латинскаго и греческаго духовенства, который имѣлъ притязаніе быть осьмымъ вселенскимъ соборомъ и который собрался теперь въ Феррарѣ, чтобы окончить дѣло соединенія церквей (1437 г.). Очень неохотно великій князь согласился отпустить митрополита на этотъ соборъ; причемъ взялъ съ него обѣщаніе въ чистотѣ сохранить древнее православіе. Исидоръ отправился съ большою свитой, среди которой находились епископъ суздальскій Авраамій, архимандритъ Вассіанъ, суздальскій іеромонахъ Симеонъ (описавшій потомъ это путешествіе) и приближенный къ Исидору монахъ Григорій. Въ Твери князь Борисъ Александровичъ съ великими почестями принималъ митрополита и его свиту, къ которой присоединилъ и своихъ пословъ, съ бояриномъ Ѳомою Михайловичемъ во главѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ его принимали также торжественно и въ честь его устраивали пиры. Большой почетъ оказывали ему и въ Ливонскихъ городахъ, особенно въ Юрьевѣ и Ригѣ. Но тутъ уже начались нѣкоторыя уклоненія въ поведеніи митрополита: когда навстрѣчу ему изъ Юрьева вышли со крестами Нѣмцы и Русскіе обитатели города, Исидоръ прежде подошелъ и приложился къ латинскому кресту, потомъ къ православному, а затѣмъ вмѣстѣ съ Нѣмцами отправился въ ихъ храмъ, чѣмъ произвелъ большое недоумѣніе въ своей свитѣ. Въ Ригѣ посольство пробыло нѣсколько недѣль; послѣ чего моремъ поплыло въ Любекъ, а оттуда чрезъ Германію и Альпы достигло Феррары. Сюда же прибылъ византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ съ своимъ братомъ Димитріемъ, константинопольскимъ патріархомъ Іосифомъ, съ митрополитами, епископами, игумнами и многими вельможами.

Въ апрѣлѣ 1438 года открылись торжественныя засѣданія собора подъ предсѣдательствомъ папы Евгенія IV. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вслѣдствіе моровой язвы и другихъ неудобствъ, соборъ переѣхалъ изъ Феррары на ту сторону Аппенинъ въ городъ Флоренцію, которая тогда была временною резиденціей папы Евгенія. Среди греческихъ членовъ собора боролись два теченія или двѣ партіи: одна стремилась къ уніи съ Римомъ, въ надеждѣ получить помощь противъ Турокъ; а другая не хотѣла жертвовать церковными интересами ради мірскихъ цѣлей и признать главенство папы, filioque, чистилище,

опрѣсноки и т. д. Душою сей послѣдней былъ Маркъ, митрополитъ Эфесскій. Но во главѣ первой, болѣе многочисленной, находились самъ императоръ и патріархъ; а краснорѣчивымъ представителемъ этой партіи на соборныхъ засѣданіяхъ явился ученый никейскій митрополитъ Виссаріонъ; связанный съ нимъ давнею пріязнію, Исидоръ всецѣло примкнулъ къ партіи, стоявшей за унію, и не мало содѣйствовалъ ея временному успѣху. Въ іюлѣ 1439 года въ флорентійскомъ соборномъ храмѣ совершено было торжественное провозглашеніе уніи; причемъ одинъ изъ кардиналовъ прочелъ латинскій текстъ буллы, заключавшей опредѣленіе собора, а Виссаріонъ греческій ея переводъ. Въ числѣ подписавшихся двадцати митрополитовъ находится имя Исидора. Только немногіе изъ Грековъ, съ Маркомъ Эфесскимъ во главѣ, отказались подписать эту буллу. Евгеній IV назначилъ Исидора папскимъ легатомъ для Ливоніи, Западной и Восточной Россіи. Съ этимъ титуломъ Исидоръ въ октябрѣ покинулъ Флоренцію, и чрезъ Венецію, Венгрію и Польшу прибылъ въ Западную Россію. Здѣсь первымъ его дѣломъ было обнародованіе акта Флорентійской уніи, которое, повидимому, не встрѣтило немедленнаго противодѣйствія, можетъ-быть по своей неожиданности и естественному недоумѣнію. Не то было въ Москвѣ.

Латинскій крестъ съ распятіемъ и три серебряныя палицы, которые несли передъ митрополитомъ при его же въѣздѣ въ столицу, не мало смутили народъ. На богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ онъ помянулъ папу прежде вселенскихъ патріарховъ; а по окончаніи службы приказалъ торжественно съ амвона прочесть грамоту о соединеніи церквей: въ ней говорилось, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, что опрѣсноки могутъ также превратиться въ Тѣло Христово какъ и квасной хлѣбъ, что усопшихъ ожидаетъ чистилище и пр. Всѣ эти нововведенія, составлявшія, по русскимъ понятіямъ, главныя заблужденія *Латинской ереси*, произвели большой соблазнъ въ духовенствѣ и народѣ. Великій князь назвалъ Исидора не пастыремъ и учителемъ, а волкомъ; велѣлъ свести его съ митрополичьяго стола и заключить въ Чудовѣ монастырѣ; послѣ чего собралъ епископовъ, чтобы обсудить его преступленіе (1440 г.). Но Исидоръ не сталъ дожидаться рѣшенія своей участи: такъ какъ очевидно его стерегли не особенно строго, то вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, монахомъ Григоріемъ, онъ бѣжалъ сначала въ Тверь, откуда пробрался въ Литву; а потомъ отправился въ Римъ. Василій Васильевичъ не послалъ за нимъ погони и, повидимому, былъ доволенъ такою простою развязкой дѣла.

Въ самомъ Константинополѣ, какъ извѣстно, Флорентійская унія встрѣтила такое неудовольствіе среди населенія, возбужденнаго преимущественно монахами, что императоръ и патріархъ не рѣшились пока на торжественное провозглашеніе сей уніи въ Софійскомъ соборѣ. Новопоставленный патріархъ Григорій Мамма, ревностный приверженецъ уніи, принужденъ былъ покинуть свою каѳедру. Онъ удалился въ Римъ, гдѣ и жилъ на папскомъ иждивеніи. Событія подтвердили всю тщету надежды на обѣщанный папою крестовый походъ противъ Турокъ. Возбужденный имъ, польско-угорскій король Владиславъ Ягайловичъ отважно двинулся на Балканскій полуостровъ; но при Варнѣ онъ палъ, и христіанское войско потерпѣло полное пораженіе отъ Мурада II (1444). Остатокъ Византійской имперіи послѣ того не могъ уже получить никакой серьезной помощи отъ Запада. Межъ тѣмъ любопытна судьба Исидора. По прибытіи въ Римъ онъ былъ принятъ Евгеніемъ IV съ распростертыми объятіями и возведенъ въ санъ кардинала, подобно своему другу Виссаріону; при чемъ продолжалъ именовать себя русскимъ митрополитомъ. Послѣ Евгенія IV Исидоръ пользовался также расположеніемъ его преемника Николая V, продолжалъ служить едва ли не главнымъ посредникомъ между Римскою куріей и Византіей, получилъ въ свое вѣдѣніе епископію Сабинскую въ Италіи и каѳедральный храмъ въ генуэзской части Константинополя, т.-е. въ Галатѣ. Во время турецкой осады Исидоръ принялъ дѣятельное участіе въ оборонѣ Царьграда, привелъ изъ Италіи снаряженный имъ самимъ небольшой военный отрядъ и начальствовалъ даже частію приморской стѣны. При взятіи города онъ однако сумѣлъ спастись бѣгствомъ въ Италію (1453 г.). Онъ жилъ послѣ того еще десять лѣтъ. По смерти Григорія Маммы, папа назначилъ кардинала Исидора ему преемникомъ, т.-е. патріархомъ Константинопольскимъ, но конечно только титулярнымъ.

Теперь уже не было болѣе препятствій для утвержденія въ санѣ нареченнаго на митрополію епископа Рязанскаго Іоны. Великій князь отправилъ къ Царьградскому патріарху грамоту съ изложеніемъ Исидоровыхъ ересей и съ просьбою о разрѣшеніи собору русскихъ епископовъ поставить новаго митрополита. Но пришло извѣстіе (повидимому, отъ аѳонскихъ старцевъ), что сами императоръ и патріархъ приступили къ уніи съ латинствомъ. Поэтому московское посольство было возвращено съ дороги. Нареченному митрополиту Іонѣ послѣ бѣгства Исидора пришлось еще цѣлыя восемь лѣтъ ожидать своего

поставленія. А, между тѣмъ, всѣ эти церковныя замѣшательства и неимѣніе настоящаго архипастыря на Руси имѣли значительное вліяніе на политическія событія того времени. Отсутствіе высшей церковной власти, обыкновенно дѣйствовавшей въ примирительномъ духѣ, не мало содѣйствовало широкому развитію московскаго междоусобія и жестокостямъ, его сопровождавшимъ (54).

Около того времени случилось слѣдующее событіе, повлекшее за собою возобновленіе этого междоусобія.

Осенью 1438 года въ Русскихъ предѣлахъ появился съ толпою Татаръ ханъ Улу-Магометъ, изгнанный изъ Золотой Орды своимъ соперникомъ Кучукъ-Магометомъ. Улу-Магометъ захватилъ городъ Бѣлевъ, лежавшій тогда на порубежьи Литовскихъ владѣній съ Московскими и, повидимому, надѣялся воротить себѣ престолъ съ помощью Василія, обязаннаго ему великимъ княженіемъ. Но Василій Васильевичъ, желая избавить свои земли отъ грабежей Магометовыхъ Татаръ или не желая ссориться съ его счастливымъ соперникомъ, обладателемъ Сарайскаго престола, послалъ на Улу-Магомета своихъ воеводъ, съ которыми соединились и его двоюродные братья Юрьевичи, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный. Они осадили Татаръ въ Бѣлевѣ. Напрасно ханъ просилъ мира, обѣщалъ стеречь Русскую землю отъ другихъ Татаръ и никогда не требовать съ нея дани. Русскіе воеводы не согласились ни на какія условія. Но вмѣстѣ съ ними подъ Бѣлевымъ стоялъ мценскій воевода Григорій Протасьевъ, повидимому, присланный великимъ княземъ Литовскимъ на помощь Москвитянамъ. Этотъ Протасьевъ измѣнилъ своимъ союзникамъ, передался на сторону хана, и помогъ ему нанести сильное пораженіе московскимъ полкамъ. Послѣ того Улу-Магометъ удалился на сѣверо-востокъ и остановился около Нижняго Новгорода. Здѣсь вокругъ него собралось много Татаръ, и ханъ сталъ дѣлать нашествія на русскія области; однажды онъ нѣсколько дней держалъ въ осадѣ самую Москву.

Весною 1445 года къ великому князю пришла вѣсть, что Улу-Магометъ послалъ на него двухъ своихъ сыновей, Махмутека и Ягупа. Василій Васильевичъ лично выступилъ для отраженія Татаръ, призвавъ къ себѣ на помощь нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей; они пришли наскоро, съ малымъ числомъ ратниковъ. 6 іюля Русскіе расположили свои станы на берегу рѣчки Каменки, подлѣ города Суздаля. Въ тотъ же день произошла тревога; князья облеклись въ доспѣхи, подняли знамена и вышли въ поле; но тревога оказалась

ложною. Возвратясь въ станъ, великій князь весело поужиналъ въ своей палаткѣ съ князьями и боярами, и бражничалъ съ ними до глубокой ночи. На слѣдующее утро въ среду, 7 іюля, онъ всталъ, когда уже взошло солнце, и велѣлъ служить заутреню. Послѣ заутрени Василій хотѣлъ опять лечь и соснуть; вдругъ пришла вѣсть, что Татары уже переходятъ въ бродъ рѣчку Нерль. Василій тотчасъ разослалъ слугъ по всѣмъ станамъ; а самъ облекся въ доспѣхи и, распустивъ знамена, выступилъ съ князьями въ поле. Но всѣхъ воиновъ оказалось у нихъ только полторы тысячи. Нѣкоторые князья еще не успѣли съ нимъ соединиться; какой-то находившійся въ его службѣ татарскій царевичъ Бердидатъ, шедшій къ нему на помощь, на ту пору заночевалъ въ сосѣднемъ городѣ Юрьевѣ; а князь Димитрій Шемяка ни самъ не пришелъ, ни полка своего не прислалъ.

Встрѣча съ непріятелемъ произошла подлѣ Евфиміева монастыря. Татары были многочисленнѣе Русскихъ; по словамъ лѣтописи, число ихъ простиралось до 3.500. Русскіе мужественно ударили на враговъ, и послѣ короткой сѣчи обратили ихъ въ бѣгство. Но во время преслѣдованія наши разсѣялись въ безпорядкѣ, а частью принялись грабить павшихъ непріятелей. Этимъ моментомъ воспользовались Татары и употребили свою обычную тактику; внезапно они повернули коней и дружно напали на Русскихъ со всѣхъ сторонъ. Послѣдніе не устояли и въ свою очередь обратились въ бѣгство. Многіе бояре и нѣкоторые князья захвачены въ плѣнъ; въ числѣ ихъ находился самъ великій князь; онъ мужественно отбивался отъ враговъ, но получилъ многія раны и ушибы; только благодаря крѣпкому шлему и панцырю, раны его оказались неопасны. Вообще Василій Васильевичъ воинскою отвагою напоминалъ своего знаменитаго дѣда Димитрія Донского; подобно древнимъ русскимъ князьямъ, онъ любилъ собственноручно рубиться съ непріятелемъ на челѣ своей дружины; но очевидно ему не доставало той трезвой предусмотрительности и того предводительскаго таланта, которыми былъ одаренъ его дѣдъ. Димитрій Ивановичъ въ тридцать лѣтъ выигралъ у Татаръ великую Куликовскую битву, а Василій Васильевичъ въ этотъ возрастъ самъ попалъ въ руки Татаръ послѣ незначительной схватки. Впрочемъ, та же Куликовская побѣда, какъ извѣстно, породила у Русскихъ излишнюю самоувѣренность и даже пренебреженіе къ Татарамъ. Татарскіе царевичи сняли съ великаго князя кресты-тѣльники и отослали въ Москву къ его женѣ и матери, а его самого отвели къ

своему отцу въ Нижній-Новгородъ; но прежде того успѣли поплѣнить и пограбить области Владиміра и Мурома.

Плачъ и рыданія поднялись въ Москвѣ, когда пришло туда извѣстіе о плѣнѣ великаго князя. Переполохъ увеличился опасеніемъ внезапнаго нашествія Татаръ; окрестные жители искали убѣжища внутри стѣнъ. Къ довершенію смятенія страшный пожаръ опустошилъ столицу; послѣ чего семейство великаго князя со многими боярами уѣхало въ Ростовъ. Тогда чернь стала укрѣплять ворота и готовить городъ къ осадѣ, причемъ била и грабила зажиточныхъ гражданъ, которые хотѣли бѣжать изъ города. Но Татары не явились, и смятеніе мало-по-малу утихло. Къ тому же, и плѣнъ великаго князя продолжался недолго.

Изъ Нижняго-Новгорода Улу-Махметъ съ своею ордою и плѣнниками ушелъ далѣе на востокъ, въ городъ Курмышъ на Сурѣ, т.-е. на самый край Московскихъ владѣній. Отсюда онъ послалъ мурзу Бѣгича къ Димитрію Шемякѣ, вѣроятно съ лестными предложеніями. Шемяка весьма обрадовался несчастію Василія, и въ свою очередь отправилъ къ хану посла съ просьбою не отпускать плѣнника. Но случилось недоразумѣніе. Не получая долго отвѣта отъ Шемяки, ханъ счелъ его своимъ врагомъ, склонился на мольбы великаго князя и отпустилъ его изъ плѣна, обязавъ клятвою заплатить огромный выкупъ. Вмѣсѣ съ Василіемъ, осенью того же 1445 года, пріѣхали въ Москву нѣкоторые ордынскіе князья и мурзы съ толпою Татаръ, для полученія означеннаго выкупа; часть ихъ, впрочемъ, осталась въ Россіи въ качествѣ московскихъ подручниковъ. Надобно замѣтить, что Василій, пользуясь ордынскими раздорами и соперничествомъ, старался привлекать къ себѣ царевичей и мурзъ, принималъ ихъ въ свою службу и раздавалъ на ихъ содержаніе цѣлыя волости, т.-е. передавалъ имъ право собирать въ свою пользу доходы съ этихъ волостей. Такіе подручные татарскіе князья обязывались при первомъ требованіи являться съ своими отрядами на помощь великокняжескимъ полкамъ даже и противъ собственныхъ соплеменниковъ. Многимъ Русскимъ людямъ, однако, не нравилась такая раздача христіанскихъ городовъ и селъ въ управленіе ненавистныхъ варваровъ. А когда великій князь наложилъ тяжкія подати, чтобы собрать сумму, нужную для выкупа, то неудовольствіе въ народѣ усилилось и проникло въ самую столицу. Этими обстоятельствами поспѣшилъ воспользоваться Димитрій Шемяка, не перестававшій мечтать о великомъ княженіи. Галицкій князь склонилъ на свою сторону другого двоюроднаго Васи-

ліева брата, Ивана Андреевича Можайскаго. Послѣдній храбро дрался въ Суздальскомъ бою, былъ раненъ, сбитъ съ коня, но успѣлъ пересѣсть на другого и ускакать. Онъ, повидимому, былъ недоволенъ своимъ малымъ удѣломъ, и надѣялся раздѣлить съ Шемякою великокняжескія области. Князья эти вошли въ тайныя сношенія съ Московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были многіе бояре и гости, и даже монахи. Во главѣ крамольниковъ сталъ бояринъ Иванъ Старковъ.

Шемяка и Можайскій съѣхались въ Рузѣ и отсюда ежедневно пересылались съ крамольными Москвичами, умышляя противъ великаго князя. Недолго пришлось имъ ждать удобнаго случая для открытаго дѣйствія. Ничего не подозрѣвая, Василій выѣхалъ на богомолье въ Троицкую Лавру съ двумя малолѣтними сыновьями, Иваномъ и Юріемъ, въ сопровожденіи небольшого числа бояръ и слугъ. Это было въ февралѣ 1446 г. Московскіе заговорщики немедленно дали знать о томъ обоимъ князьямъ въ Рузу. Князья, не теряя времени, поспѣшили къ столицѣ и захватили ее ночью врасплохъ, конечно, съ помощью своихъ соумышленниковъ, которые отворили имъ городскія ворота. Мать великаго князя Софья и супруга его Марья были взяты въ плѣнъ; казна великокняжеская разграблена; вѣрные бояре также схвачены и ограблены; грабежу подверглись и многіе зажиточные граждане. Въ ту же ночь, съ 12 на 13 февраля, Шемяка отрядилъ Ивана Можайскаго въ Троицкую Лавру, чтобы захватить самого Василія. Великій князь слушалъ обѣдню, когда къ нему прискакалъ рязанецъ Бунко съ извѣстіемъ о приближеніи враговъ. Бунко прежде служилъ великому князю, а незадолго до того отъѣхалъ отъ него къ Димитрію Шемякѣ. Василій не повѣрилъ егу, заподозривъ (нерѣдкій въ тѣ времена) умыселъ поссорить его съ двоюродными братьями, съ которыми недавно заключилъ клятвенный договоръ. Онъ велѣлъ даже прогнать Бунка изъ монастыря; впрочемъ, на всякій случай выслалъ сторожей на Радонежскую гору. Ратники Ивана Можайскаго усмотрѣли этихъ сторожей издалека и сообщили о нихъ своему князю. Онъ велѣлъ изготовить цѣлый обозъ изъ саней, въ которыя помѣстили по два вооруженныхъ человѣка, закрывъ ихъ рогожами и полостями; а за каждыми санями шелъ третій человѣкъ, какъ бы за возомъ. Безпечная стража пропустила мимо себя передніе возы; вдругъ обозъ остановился; выскочили ратные люди, и, окруживъ сторожей, всѣхъ ихъ забрали. Глубокій снѣгъ, лежавшій по сторонамъ проторенной дороги, помѣшалъ кому-нибудь изъ нихъ

убѣжать и дать знать въ монастырь. Только когда всадники Можайскаго скакали съ горы къ ближайшему селу Клементьеву, ихъ увидали изъ монастыря, и тамъ произошло страшное смятеніе. Великій князь бросился на конюшню, но тутъ не было приготовлено ни одного коня; всѣ старцы оторопѣли и впали въ уныніе. Есть впрочемъ извѣстіе, что Троицкіе монахи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, держали тогда сторону противниковъ Василія. Онъ поспѣшилъ назадъ и думалъ найти убѣжище въ каменномъ храмѣ св. Троицы. Понамарь заперъ за нимъ церковныя двери, а самъ ушелъ и гдѣ-то спрятался.

По словамъ лѣтописи, передовые всадники какъ „свирѣпые волки" ворвались въ монастырь и подскакали къ Троицкому храму; начальникъ ихъ, бояринъ Никита Константиновичъ, вскочилъ на конѣ на лѣстницу къ самымъ церковнымъ дверямъ; но слѣзая съ коня, упалъ и больно ушибся о камень. Потомъ подъѣхалъ Иванъ Можайскій съ главнымъ отрядомъ и началъ спрашивать: „гдѣ великій князь?" Услыхавъ его голосъ, Василій самъ отперъ ему южныя двери, и, взявъ въ руки икону съ гроба св. Сергія, началъ молить его о пощадѣ своего зрѣнія, обѣщая постричься въ томъ же Троицкомъ монастырѣ. (Стало быть, враги уже прежде грозили ему ослѣпленіемъ). Онъ напомнилъ брату, какъ надъ гробомъ Святого они вмѣстѣ цѣловали крестъ и эту самую икону, и клялись не мыслить никакого лиха другъ на друга. Князь Иванъ въ смущеніи отвѣчалъ, что никакого лиха онъ не замышляетъ, а что все это дѣлается ради Татаръ, пришедшихъ въ Москву: видя Василія въ бѣдѣ, они уменьшатъ его выкупъ и тѣмъ облегчатъ народъ. Поставивъ икону на мѣсто, Василій упалъ у гроба Сергія, рыдая и обливаясь слезами. Иванъ вышелъ изъ церкви, сказавъ боярину Никитѣ: „возьми его". Когда Василій приподнялся съ пола, Никита взялъ его за плечи со словами: „пойманъ еси великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ". „Воля Божія да будетъ!"—смиренно отвѣчалъ плѣнникъ. Его посадили въ простыя сани вмѣстѣ съ однимъ монахомъ и отвезли въ Москву; бывшихъ съ нимъ бояръ схватили, а прочихъ слугъ ограбили.

Второпяхъ враги забыли о двухъ маленькихъ сыновьяхъ Василія, Иванѣ и Юріѣ, которые успѣли спрятаться; а когда тѣ уѣхали изъ монастыря, мальчики съ оставшимися при нихъ людьми убѣжали къ князю Ивану Ряполовскому въ его село Боярково, находившееся подъ Юрьевымъ. Взявъ обоихъ княжичей, Ряполовскій съ братьями, Семеномъ и Дмитріемъ, и со всѣми своими людьми ушелъ въ Му-

ромъ, и заперся въ этомъ городѣ, гдѣ около него собралась значительная дружина.

14 февраля великаго князя привезли въ Москву и посадили на Шемякиномъ дворѣ. Спустя три дня, враги ослѣпили его, причемъ выставили ему слѣдующія вины: „Зачѣмъ привелъ Татаръ на Русскую землю и надавалъ имъ города и волости въ кормленіе? Татаръ и рѣчь ихъ любишь безъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; злато, серебро и имѣніе раздаешь Татарамъ. Зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?“ Послѣ того Василія съ его супругою послали на заточеніе въ городъ Углече Поле, а мать Софью въ Чухлому. Самъ Шемяка сѣлъ въ Москвѣ на великомъ княженіи. Но ему, также какъ отцу его Юрію, недолго пришлось сидѣть на немъ. И его попытка только вновь воочію показала, что прямой порядокъ престолонаслѣдія уже пустилъ глубокіе корни въ Московской Руси.

Во-первыхъ, не признали Димитрія князья Ряполовскіе (потомки князей Сѣверскихъ), запершіеся въ Муромѣ съ дѣтьми Василія. Не призналъ его также своякъ послѣдняго, т.-е. братъ его жены князь Василій Ярославичъ Серпуховской; онъ съ княземъ Семеномъ Оболенскимъ, въ сопровожденіи своей дружины, ушелъ въ Западную Россію къ Польско-Литовскому королю Казиміру, который далъ ему въ удѣлъ города Дебрянскъ, Гомій, Стародубъ, Мстиславль и нѣкоторые другіе. Въ Москвѣ Димитрію Шемякѣ присягнули бояре и дѣти боярскіе, но не всѣ. Ѳедоръ Басенокъ, отказавшійся дать присягу, былъ заключенъ въ оковы; но успѣлъ убѣжать въ Коломну, и тамъ, подговоривъ многихъ служилыхъ людей, ушелъ съ ними въ Западную Русь къ Василію Ярославичу. Въ самой Москвѣ скоро обнаружились ропотъ и негодованіе на Шемяку. Можетъ быть, его галицкіе бояре и дворяне своими захватами доходныхъ должностей и имуществъ и своими притязаніями возстановили противъ него московское служилое сословіе; можетъ быть, народъ страдалъ отъ ихъ неправыхъ судовъ, вслѣдствіе чего сложилось преданіе о „Шемякинѣ судѣ“. Населеніе не могло быть довольно и тѣмъ, что Шемяка началъ дробить Московскую землю, собранную великими трудами предшествовавшихъ князей; такъ, Суздальское княженіе онъ отдалъ было своему союзнику Ивану Можайскому. Какъ бы то ни было, Шемяка почувствовалъ свою непрочность и прежде всего постарался получить въ свои руки сыновей Василія. По его просьбѣ владыка Рязанскій, нареченный митрополитъ Іона, отправился въ Муромъ, и уговорилъ Ряполовскихъ отдать ему княжичей, которыхъ принялъ въ Муромскомъ соборномъ

храмѣ Рождества Богородицы „изъ пелены у Пречистыя на свою епитрахиль"; причемъ именемъ Димитрія обѣщалъ свободу слѣпому Василію. Шемяка наградилъ Іону тѣмъ, что велѣлъ ему сѣсть на митрополичьемъ дворѣ; но Василія не только не освободилъ, а еще и дѣтей его вмѣстѣ съ нимъ заключилъ въ Угличѣ.

Тогда поднялось большое движеніе по Московской землѣ. Нѣкоторые бояре и многіе дѣти боярскіе стали сговариваться, какъ бы освободить плѣннаго Василія. Во главѣ этого движенія стали князья Ряполовскіе и Иванъ Стрига Оболенскій (потомокъ Михаила Черниговскаго). Уговорились съ разныхъ сторонъ, разными отрядами, въ извѣстный день сойтись всѣмъ подъ Угличемъ, овладѣть городомъ и освободить плѣнника. Часть людей дѣйствительно явилась сюда въ назначенное время; но Ряполовскихъ задержало войско, высланное на нихъ Шемякою. Они побили это войско, а потомъ вмѣстѣ со Стригою Оболенскимъ ушли въ Литву къ Василію Ярославичу, и стали побуждать его къ общему походу на выручку великаго князя. Видя, что московскіе служилые люди все болѣе и болѣе покидаютъ его, Шемяка послушался, наконецъ, увѣщаній владыки Іоны, который не переставалъ сѣтовать на то, что сдѣлался орудіемъ его обмана, взявъ Василіевыхъ дѣтей изъ Мурома. „Что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпецъ?— говорилъ епископъ.—А дѣти его еще малы; укрѣпи его крестнымъ цѣлованіемъ и нашею братіей владыками". Димитрій Шемяка отправился въ Угличъ съ игумнами, боярами, епископами, и выпустилъ изъ заточенія Василія, прося у нето прощенія. Слѣпецъ показалъ при этомъ великое смиреніе, самъ обвинялъ себя и говорилъ, что пострадалъ за собственные грѣхи. Шемяка укрѣпился съ нимъ новымъ клятвеннымъ договоромъ, послѣ чего задалъ большой пиръ въ знакъ примиренія, и затѣмъ отпустилъ Василія съ семьей на житье въ дальній городъ Вологду.

Едва Василій Васильевичъ очутился на свободѣ, какъ роли немедленно перемѣнились, и новыя клятвы вновь преданы забвенію. Изъ Вологды Василій, подъ предлогомъ богомолья, отправился въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Сюда собрались къ нему многіе бояре и дѣти боярскіе, покинувшіе Димитрія Шемяку и Ивана Можайскаго. Игуменъ этого монастыря Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ „проклятыхъ" (т.-е. клятвенныхъ) грамотъ, которыя тотъ далъ Шемякѣ, и грѣхъ клятвопреступленія взялъ на себя. Отсюда Василій уже не вернулся въ Вологду, а отправился въ Тверь. Князь Тверской Борисъ Александровичъ вступилъ съ Василіемъ въ союзъ

противъ Шемяки; причемъ обручилъ свою дочь Марью за старшаго Васильева сына Ивана.

Межъ тѣмъ Василій Ярославичъ, князья Ряполовскіе, Оболенскіе и Ѳедоръ Басенокъ забрали всѣхъ своихъ людей и шли изъ Литвы въ Московскую землю на освобожденіе Василія, не зная того, что онъ уже на свободѣ. На дорогѣ они получили извѣстіе о случившемся. Въ одномъ мѣстѣ имъ повстрѣчался татарскій отрядъ; завязалась перестрѣлка.—„Кто вы такіе?“ спросили Татары.—„Москвичи,—отвѣчали имъ—а идемъ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ искать своего государя великаго князя Василія Васильевича“.—„Да мы—отозвались Татары—съ двумя царевичами Касимомъ и Ягупомъ, братьями Махмутека, также пошли искать великаго князя за его къ намъ добро и хлѣбъ; слышали мы, что братья учинили надъ нимъ злодѣяніе“. Тогда оба отряда соединились и вмѣстѣ двинулись на помощь къ Василію. Димитрій Шемяка и Иванъ Можайскій съ своею ратью стояли у Волока Ламскаго, заслонивъ Василію путь изъ Твери въ Москву. Василій отрядилъ туда бoярина Плещеева съ небольшою дружиною; такъ что бояринъ незамѣтно прошелъ мимо непріятельской рати и внезапно явился подъ Москвою, въ самую заутреню на Рождество Христово. Случилось такъ, что княгиня Юліанія, вдова одного изъ сыновей Владиміра Храбраго, поѣхала съ Посада къ заутрени въ Успенскій соборъ, и для нея отворили Никольскія ворота. Въ эти отворенныя ворота въѣхалъ Плещеевъ съ своимъ отрядомъ и захватилъ Кремль. Намѣстникъ Шемяки, галицкій бояринъ Ѳедоръ, былъ на ту пору у заутрени въ Успенскомъ соборѣ, но ему удалось бѣжать; намѣстникъ Ивана Можайскаго, прозваніемъ Чешиха, также поскакалъ изъ города; но истопникъ великой княгини, прозваніемъ Растопча, схватилъ его и воротилъ назадъ. Бояре и слуги князей Галицкаго и Можайскаго были перевязаны и по обычаю ограблены; Москвичи вновь приведены къ присягѣ на вѣрность великому князю Василію, и воеводы его принялись укрѣплять столицу на случай осады (1447).

Видя, что съ одной стороны съ Тверской ратью идетъ самъ Василій, а изъ Литвы приближается его своякъ Василій Ярославичъ, и столица уже взята, Шемяка и князь Можайскій ушли въ Каргополь. Отсюда они, по просьбѣ великаго князя, отпустили изъ плѣна его мать Софью, которую отправили въ сопровожденіи боярина Михаила Сабурова и нѣсколькихъ боярскихъ дѣтей. Любопытно, что Сабуровъ и его товарищи не воротились къ Шемякѣ, а остались служить великому князю.

Шемяка и Можайскій попросили мира, который и получили. Но безпокойный Галицкій князь не исполнилъ заключенныхъ съ нимъ условій, и, владѣя въ Москвѣ жребіемъ своего отца, т.-е. частью города, пользовался тѣмъ, чтобы посредствомъ своихъ московскихъ тіуновъ подговаривать гражданъ противъ великаго князя. Получивъ въ свои руки несомнѣнныя улики такого вѣроломства, Василій отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе духовныхъ особъ. Тогда отъ лица всего русскаго духовенства написано было Шемякѣ укорительное посланіе, подъ которымъ подписались пять владыкъ: Ростовскій, Суздальскій, Рязанскій (Іона), Коломенскій и Пермскій. Посланіе вспоминаетъ грѣхъ отца Шемяки Юрія, потомъ переходитъ къ поступкамъ самаго Шемяки, сравниваетъ его съ Каиномъ и Святополкомъ; упрекаетъ его въ измѣнѣ, разбойничьемъ нападеніи на великаго князя и ослѣпленіи послѣдняго, и оправдываетъ покровительство Василія Татарамъ вѣроломствомъ самого Галицкаго князя, который не помогалъ великому князю въ его борьбѣ съ Ордою. Въ заключеніе посланіе убѣждало Шемяку исполнить мирный договоръ; въ противномъ случаѣ отлучало его отъ церкви и предавало проклятію.

Угрожаемый не однимъ проклятіемъ, но и полками великаго князя, Шемяка вновь подтвердилъ присягою мирный договоръ. Но вскорѣ опять измѣнилъ ему и возобновилъ междоусобіе. Оно длилось еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ рать великаго князя, предводимая однимъ изъ князей Оболенскихъ, пришла подъ самый Галичъ, который Шемяка сильно укрѣпилъ и вооружилъ пушками; а пѣшую рать свою онъ выставилъ на горѣ внѣ городскихъ стѣнъ. Послѣ упорной сѣчи Шемяка былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Галичъ потомъ сдался самому Василію, и граждане присягнули на вѣрность великому князю (1450). Сраженіе подъ Галичемъ было послѣднею значительною битвою княжескихъ междоусобій на Руси. Послѣ того Шемяка дѣлалъ еще нѣсколько попытокъ, ходилъ на Устюгъ и Вологду; но все ограничивалось только безсмысленнымъ разореніемъ русскихъ областей. Наконецъ, въ Москвѣ сочли нужнымъ прибѣгнуть къ подкупу приближенныхъ Шемякѣ лицъ, чтобы отдѣлаться отъ упрямаго и безпокойнаго врага. Говорятъ, онъ умеръ въ Новгородѣ, поѣвши курицы, отравленной собственнымъ его поваромъ (1453). Съ вѣстью о его смерти изъ Новгорода прискакалъ въ Москву подьячій Василій Бѣда; за что и былъ пожалованъ въ дьяки ([55]).

Такъ окончилось это продолжительное, почти двадцатилѣтнее, междоусобіе, единственное въ потомствѣ Калиты. Оно дорого стоило

Московскому населенію и на время отсрочило окончательное сверженіе Татарскаго ига; оно имѣло и свои важныя послѣдствія въ смыслѣ развивавшагося единодержавія. Это междоусобіе наглядно показало, какіе глубокіе корни пустилъ прямой порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну вмѣсто древнихъ родовыхъ счетовъ о старшинствѣ. Онъ доставлялъ странѣ болѣе спокойствія и избавлялъ ее отъ безконечныхъ междукняжескихъ распрей. Поэтому всѣ сословія явно стали на его сторону и помогли его побѣдѣ. Вмѣстѣ съ побѣдою этого порядка неизбѣжно усиливались единодержавіе и самодержавіе великаго князя Московскаго; такъ что и самыя междоусобія княжескія на будущее время сдѣлались мало возможны.

При жизни Димитрія Шемяки Василій Темный замѣтно щадилъ другихъ удѣльныхъ князей, которые могли бы соединиться съ его соперникомъ. Но когда не стало послѣдняго крупнаго бойца за отжившія княжескія притязанія, Василій обнаружилъ неумолимую строгость противъ всякихъ крамольныхъ покушеній, и безъ пощады отнималъ удѣлы. Такъ, его двоюродный братъ Иванъ Андреевичъ Можайскій, нѣсколько разъ измѣнявшій великому князю и даже пытавшійся вмѣшать Казиміра Литовскаго въ Московскія междоусобія, вскорѣ по смерти Шемяки былъ изгнанъ изъ Можайска, и удалился въ Литву, а его удѣлъ присоединенъ къ великому княженію. Даже заслуженный подручникъ и своякъ великаго князя, Василій Ярославичъ Серпуховской, потомъ за какую-то крамолу былъ схваченъ и умеръ въ заточеніи. Сынъ этого князя (Иванъ) ушелъ туда же, куда бѣжали сынъ Шемяки (тоже Иванъ) и изгнанный князь Можайскій, т.-е. во владѣнія великаго князя Литовскаго. Тамъ изгнанники мечтали о возвращеніи своихъ наслѣдственныхъ областей, и составляли безплодные планы противъ Московскаго государя. Подъ конецъ Васильева княженія уничтожились почти всѣ Московскіе удѣлы, существовавшіе въ потомствѣ Калиты; оставался пока только одинъ Верейскій, котораго князь (Михаилъ Андреевичъ, родной братъ Ивана Можайскаго) былъ всегда вѣрнымъ подручникомъ Василія и не подавалъ ни малѣйшаго повода къ опалѣ. Съ какою суровостью Темный преслѣдовалъ теперь всякую политическую крамолу въ Московскомъ княжествѣ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Незадолго до его смерти открытъ былъ заговоръ дѣтей боярскихъ, находившихся прежде въ службѣ Василія Ярославича: они сговорились нечаянно явиться подъ Угличемъ, освободить содержавшагося тамъ въ заточеніи ихъ бывшаго князя и бѣжать съ нимъ за Московскіе пре-

дѣлы. Василій наказалъ ихъ очень строго: ихъ били кнутомъ, отсѣкали руки и ноги, отрѣзывали носы, а нѣкоторымъ отрубили головы.

Уничтожая удѣлы въ Московскомъ княжествѣ, Василій успѣлъ подвинуть далѣе вліяніе Москвы на сосѣднія княжества, Тверское и Рязанское. Кромѣ того онъ предпринялъ большой походъ на Новгородъ и утвердилъ его зависимость отъ Москвы. При немъ московскіе воеводы покорили Вятку, это гнѣздо безпокойной и хищной вольницы.

Въ развитіи Московскаго единодержавія и самодержавія самымъ виднымъ сотрудникомъ Василія Темнаго явился митрополитъ Іона, достойный послѣдователь своихъ знаменитыхъ предшественниковъ XIV вѣка, т.-е. свв. Петра и Алексѣя.

Когда Василій Темный утвердился окончательно на великокняжескомъ престолѣ, онъ рѣшился возвести Іону на митрополію посредствомъ собора русскихъ епископовъ, ибо обращаться за этимъ въ Царьградъ было затруднительно. Бѣжавшій изъ Москвы въ Римъ Исидоръ, получивъ здѣсь достоинство кардинала, не только продолжалъ именовать себя русскимъ митрополитомъ, но и былъ признаваемъ въ этомъ санѣ самимъ Царьградомъ, т.-е. императоромъ и патріархомъ. По призыву великаго князя, въ Москву собрались епископы Сѣверовосточной Руси, Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій и Пермскій; а владыки Новгородскій и Тверской прислали грамоты съ изъявленіемъ своего согласія на поставленіе Іоны. Совѣщанія епископовъ, архимандритовъ, игумновъ и прочаго духовенства происходили въ Архангельскомъ соборѣ. Обратились къ правиламъ апостоловъ и древнихъ церковныхъ соборовъ, вспомнили примѣры Иларіона и Климента, и наконецъ 5 декабря 1448 года, во время торжественной литургіи, возложили на Іону митрополичій омофоръ и дали ему въ руки великій митрополичій посохъ. Такъ былъ поставленъ въ Москвѣ первый чисто русскій митрополитъ независимо отъ Византіи. Однако на Руси понимали всю важность этого шага и всѣми способами старались доказать его законность. Іона написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ, еще особое посланіе въ Кіевъ, потомъ неоднократныя посланія въ Западную Русь: въ своихъ грамотахъ онъ оправдывалъ свое поставленіе настоятельными нуждами Русской церкви. Старанія эти были далеко не лишнія; ибо и въ самой Москвѣ встрѣчались видныя духовныя лица, которыя неодобрительно отнес-

лись къ нарушенію исконныхъ преданій. Такъ, игуменъ Пафнутій Боровскій не велѣлъ въ своей обители называть Іону митрополитомъ и не хотѣлъ исполнять его распоряженій. Услыхавъ о томъ, Іона пожаловался великому князю; вызвалъ Пафнутія къ себѣ, собственноручно наказалъ его своимъ жезломъ за непочтительныя слова и заключилъ въ оковы. Только посидѣвъ довольно времени въ темницѣ, Пафнутій смирился, покаялся и, получивъ благословеніе, былъ отпущенъ въ свой монастырь.

Когда въ Москву пришла вѣсть, что на византійскомъ престолѣ вмѣсто Іоанна Палеолога, поборника Флорентійской уніи, сѣлъ братъ его Константинъ (1449), то великій князь велѣлъ приготовить ему привѣтственную грамоту, въ которой излагался весь ходъ дѣла какъ Исидора, такъ и Іоны, и испрашивалось послѣднему благословеніе великой Цареградской церкви, относительно которой Русская церковь навсегда сохраняетъ единеніе и повиновеніе. Но сношенія съ Константинополемъ въ тѣ времена сдѣлались очень затруднительны какъ по опасностямъ отъ Татаръ и всякихъ разбойничьихъ шаекъ, свирѣпствовавшихъ по дорогамъ къ Черному морю, такъ и по смутамъ въ самой Византійской имперіи, которая находилась, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи. Наконецъ, пришла вѣсть о взятіи Константинополя Турками и гибели Константина Палеолога (29 мая 1453 г.). Это печальное для православнаго Востока событіе способствовало почти полному освобожденію Русской церкви отъ цареградской зависимости. И прежде изъ Византіи нерѣдко пріѣзжали духовныя лица въ Россію для сбора пожертвованій въ пользу бѣдствующей Греческой церкви, тѣснимой Турками; а теперь эти пріѣзды участились. Нуждаясь постоянно въ матеріальныхъ пособіяхъ со стороны Москвы, греческіе патріархи или молчаніемъ, или прямымъ согласіемъ подтверждали то самостоятельное, независимое положеніе, въ которое стала теперь Московская митрополія.

Если Іона былъ усерднымъ сторонникомъ Василія Васильевича въ его борьбѣ съ соперниками, еще нося званіе нареченнаго митрополита, то, возведенный на первосвятительскую каѳедру, онъ воспользовался всею силою своей духовной власти, чтобы поддержать объединительныя и самовластныя стремленія великаго князя Московскаго. Такъ въ помянутомъ окружномъ посланіи къ своей паствѣ, когда еще длилась борьба съ Шемякою, онъ съ особою настойчивостью увѣщеваетъ всѣхъ быть вѣрными, послушными своему „государю“ великому князю; жестоко порицаетъ Шемяку за его клятво-

преступленія и за пролитіе христіанской крови, и грозитъ церковнымъ отлученіемъ тѣмъ, кто не покорится и не добьетъ челомъ своему господарю. Потомъ онъ писалъ посланіе въ Новгородъ и Вятку, стараясь отвлечь ихъ отъ союза съ Шемякою. Точно также митрополитъ вооружался на главнаго союзника Шемяки, т.-е. на Ивана Андреевича Можайскаго, и, когда тотъ бѣжалъ въ Литву, писалъ о его преступленіяхъ противъ своего брата „господаря" великаго князя къ Смоленскому епископу; этимъ письмомъ Іона давалъ понять, что надобно всячески отклонять литовскія власти отъ оказанія какой либо помощи Ивану Можайскому противъ Москвы ([56]).

Уже во время Кіевскаго періода русскіе митрополиты, вѣрные преданіямъ Византійской церкви, не пытались стать въ какія-либо независимыя отношенія къ свѣтской власти, даже во время очевиднаго упадка сей послѣдней; еще менѣе были бы умѣстны такія попытки въ Москвѣ, при ея твердой государственной политикѣ. Напротивъ, въ эпоху Московскаго объединенія сѣверо-восточной Руси высшая духовная власть естественно сдѣлалась главнымъ его пособникомъ, ибо вмѣстѣ съ политическимъ единствомъ упрочивалось и единство церковное. Куда простиралось вліяніе великаго князя Московскаго, тамъ неоспоримо признавался и духовный авторитетъ Московскаго митрополита; чѣмъ богаче и сильнѣе становился Московскій государь, тѣмъ болѣе возвышался въ моральномъ и матеріальномъ отношеніяхъ высшій Московскій іерархъ. Мы видѣли, что самые митрополиты изъ Грековъ были усердными сторонниками Москвы въ дѣлѣ объединенія Руси; тѣмъ болѣе усердными поборниками этого дѣла являлись митрополиты изъ Русскихъ людей, у которыхъ скорбѣло сердце, смотря на бѣдствія Руси, вызываемыя ея дробленіемъ, и на ея угнетеніе отъ мусульманскихъ варваровъ. Петръ, Алексѣй, Іона были не только замѣчательные церковные іерархи, но и великіе русскіе патріоты.

Тѣсныя связи митрополичьяго престола съ престоломъ великокняжескимъ и съ объединительными стремленіями Москвы неизбѣжно вызывали разладъ между Московской митрополіей и великими князьями Литовскими, какъ политическими соперниками Московскихъ, особенно послѣ окатоличенія первыхъ. Отсюда мы видѣли рядъ попытокъ получить отдѣльнаго митрополита для Западной Россіи. И наконецъ во время Іоны, несмотря на всѣ его старанія сохранить церковное единство, совершилось окончательное іерархическое раздѣленіе Русской церкви на двѣ половины: на Кіевскую митрополію былъ постав-

ленъ Григорій, ученикъ бывшаго русскаго митрополита Исидора (1458). Это событіе сильно огорчило престарѣлаго Іону. Тщетно онъ писалъ посланія къ западно-русскимъ епископамъ, а также къ князьямъ, боярамъ и всему Западнорусскому народу, и увѣщевалъ ихъ крѣпко стоять за православіе и не принимать къ себѣ Григорія, на котораго соборъ епископовъ, созванный въ Москвѣ Іоною, произнесъ отлученіе отъ церкви. Спустя три года послѣ того, Іона скончался посреди заботъ и огорченій, причиненныхъ этимъ раздѣленіемъ. Преемникъ его, архіепископъ Ростовскій Ѳеодосій, былъ, по его примѣру, поставленъ соборомъ сѣверно-русскихъ епископовъ. Такимъ образомъ этотъ новый обычай поставленія навсегда утвердился въ Москвѣ.

Въ слѣдующемъ 1462 году 27 марта за Іоною послѣдовалъ въ могилу и самъ великій князь Василій, не достигши еще и пятидесятилѣтняго возраста. Его смерть была, повидимому, слѣдствіемъ неудачнаго лѣченія. Захворавши, онъ вообразилъ, что у него сухотная болѣзнь; а обычное въ то время лѣченіе этой болѣзни состояло въ томъ, что прижигали горящимъ трутомъ разныя части тѣла. Но происшедшія отъ того раны начали гнить, и повели за собою смертельный исходъ болѣзни великаго князя.

Вообще во вторую половину своего княженія Василій II или Темный является уже не тѣмъ подвижнымъ, довольно простосердечнымъ и даже нѣсколько легкомысленнымъ юношею, какимъ мы видѣли его прежде. Не столько годы, сколько тяжелый опытъ, постигшія его превратности судьбы и особенно насильственная потеря зрѣнія развили въ немъ значительную политическую ловкость, соединенную съ суровостью и упорствомъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Эти послѣднія качества являются, впрочемъ, какъ бы наслѣдственными въ ряду московскихъ собирателей Руси. Но, вѣрный старымъ княжескимъ обычаямъ раздѣла, Темный уничтожалъ удѣлы въ Московской землѣ какъ бы для того единственно, чтобы вновь раздѣлить ее между своими сыновьями, которыхъ осталось послѣ него пять: Иванъ, Юрій, Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой. Очевидно, въ его время у Московскихъ князей все еще не было яснаго понятія объ ихъ землѣ, какъ о единомъ нераздѣльномъ государствѣ. Понятіе это вырабатывалось не единоличными взглядами, а такъ сказать временемъ, совокупностію всѣхъ обстоятельствъ, однимъ словомъ—исторіей. Въ духовномъ же завѣщаніи Василія Темнаго оно выразилось сравнительно съ предшествующими завѣщаніями дальнѣйшимъ шагомъ въ

матеріальномъ преобладаніи старшаго сына надъ младшими. Иванъ Васильевичъ вмѣстѣ съ титуломъ великаго князя получилъ и всѣ важнѣйшіе города, а именно: треть Москвы, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Коломну, Нижній, Галичъ, Устюгъ, Кострому и проч. Его братьямъ назначено по нѣскольку городовъ и волостей второстепеннаго значенія; напримѣръ, Юрію Дмитровъ, Можайскъ и Серпуховъ, Андрею Большому Угличъ, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ, Борису Волокъ Ламскій, Ржевъ и Руза, Андрею Меньшому Вологда и Заозерье. Ихъ матери великой княгинѣ Марьѣ Ярославнѣ отказаны доходы съ Ростова и многія села. Но важно то, что всѣ удѣлы братьевъ, сложенные вмѣстѣ, далеко не равнялись части ихъ старшаго брата и великаго князя. А если возьмемъ въ разсчетъ существовавшую тогда крѣпость семейнаго быта, обычай повиноваться старшему брату, какъ отцу, значительно укрѣпившееся великокняжеское самовластіе, все болѣе укоренявшуюся въ населеніи привычку смотрѣть на Москву, какъ на свою руководительницу, а на ея князя, какъ на своего государя, то убѣдимся, что раздѣлъ, произведенный Темнымъ, не представлялъ большой опасности дальнѣйшему развитію государственнаго единства ([37]).

Василій Темный сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти всѣ Московскіе удѣлы и значительно подвинулъ впередъ дѣло объединенія Сѣверовосточной Руси, окончаніе котораго досталось на долю его ближайшимъ преемникамъ. При его смерти эта Русь заключала въ себѣ, кромѣ великаго княжества Московскаго, еще четыре самостоятельныя земли, именно: двѣ вѣчевыя общины, Новгородъ и Псковъ, и два особыхъ княжества, Тверское и Рязанское. О вѣчевыхъ общинахъ будемъ говорить особо, а теперь бросимъ взглядъ на судьбы Твери и Рязани во времена двухъ московскихъ Василіевъ.

Знаменитый противникъ Димитрія Донского, великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ, послѣ примиренія съ Димитріемъ (въ 1375 г.), княжилъ еще цѣлыхъ 24 года, въ теченіе которыхъ Тверская земля пользовалась внѣшнимъ и внутреннимъ миромъ. Намъ извѣстны только два обстоятельства, которыя слегка нарушили этотъ миръ. Послѣ Тохтамышева погрома Михаилъ вздумалъ было воспользоваться разореніемъ Москвы и отправился въ Орду вновь хлопотать объ ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Но эта попытка не имѣла успѣха. Димитрій, какъ извѣстно, отправилъ туда же своего старшаго сына Василія, и Тохтамышъ склонился на сто-

рону Москвы. Не видно, впрочемъ, чтобы такая попытка вызвала какія-либо враждебныя дѣйствія между Тверью и Москвою. По смерти Димитрія Донскаго Михаилъ жилъ въ мирѣ и дружбѣ какъ съ Василіемъ Дмитріевичемъ Московскимъ, такъ и съ Витовтомъ Литовскимъ. Второе обстоятельство, нарушившее спокойствіе Тверичей, была ссора ихъ великаго князя съ Тверскимъ епископомъ Евфиміемъ Висленемъ. Неизвѣстно, изъ-за чего она возникла, но можно полагать, что поводомъ послужили притязанія епископа на расширеніе церковнаго суда, т.-е. на умноженіе своихъ доходовъ. Въ этомъ столкновеніи духовной власти съ княжескою Евфимій показалъ упорный, неуступчивый характеръ. Князь однако не рѣшился прибѣгнуть къ насилію, а обратился къ высшему церковному авторитету, т.-е. къ духовному собору. По его просьбѣ митрополитъ Кипріанъ съ нѣсколькими епископами прибылъ въ Тверь и, собравъ здѣсь мѣстное духовенство, судилъ Евфимія по „правиламъ свв. Апостолъ и свв. Отецъ". Евфимій былъ отставленъ отъ епископства и посланъ на житье въ Московскій Чудовъ монастырь, а на его мѣсто митрополитъ поставилъ въ Твери своего протодьякона Арсенія, родомъ Тверитянина (1390 г.).

По словамъ лѣтописей, Михаилъ много занимался внутреннимъ устройствомъ своей земли и былъ строгъ въ исполненіи правосудія, такъ что въ его время будто бы „истребились разбойники, тати, ябедники, корчемники, мытари и злыя торговыя тамги, всякое насилованіе и грабленіе". Вообще эти отзывы о его внутренней дѣятельности повторяютъ почти тѣ же черты, какими изображалось княженіе Ивана Калиты. Уваженіе къ нему современниковъ и ближайшаго потомства выразилось и въ особомъ лѣтописномъ сказаніи о кончинѣ сего князя.

Лѣтомъ 1399 года въ Тверь воротились Михаиловы послы, два года тому назадъ отправленные имъ въ Константинополь съ милостынею для храма св. Софіи. Съ ними прибылъ и одинъ архимандритъ, котораго патріархъ прислалъ съ благословеніемъ для князя Михаила, съ иконою Страшнаго суда, мощами святыхъ, честнымъ мνромъ и съ своею грамотою. Князь въ это время сильно хворалъ. Узнавъ о приближеніи пословъ съ цареградскими святынями, онъ рѣшилъ немедленно сложить съ себя мірскую власть и принять иноческій санъ. Когда на слѣдующее утро по обыкновенію въ его теремъ собрались сыновья, служебные князья, бояре и прочіе люди, участвовавшіе въ его думѣ или правительственномъ совѣтѣ, онъ никого къ себѣ не

принялъ, а позвалъ епископа Арсенія. Князь объявилъ епископу о своемъ намѣреніи постричься, но запретилъ пока о семъ говорить, чтобы супруга и дѣти не вздумали отклонить его отъ этого намѣренія. Однако слухъ о томъ скоро распространился по городу и произвелъ смущеніе; но никто не осмѣливался что-либо сказать самому князю, потому что всѣ знали его строгій, пылкій нравъ и боялись его. Межъ тѣмъ епископъ, въ сопровожденіи духовенства и народа, торжественно съ зажженными свѣчами и кадильницами встрѣтилъ святую икону и прочіе дары патріарха. Самъ князь всталъ съ ложа и помолился иконѣ на своемъ дворѣ у церкви св. Михаила. Послѣ молебствія онъ устроилъ пиръ для духовенства, нищихъ и убогихъ; много роздалъ имъ отъ своего имѣнія; самъ подавалъ имъ чашу съ виномъ, и говорилъ: „простите меня и благословите". По окончаніи пира онъ простился съ дѣтьми, боярами и слугами, и заповѣдалъ сыновьямъ слушать старѣйшаго брата. Затѣмъ отправился съ иконою въ соборный храмъ св. Спаса, и тамъ поставилъ ее въ алтарѣ на правой сторонѣ. Вышедъ на паперть, князь поклонился столпившемуся у храма народу, простился съ нимъ и объявилъ, что оставляетъ ему на свое мѣсто старшаго сына Ивана. Отсюда онъ уже не вернулся въ свой теремъ, а пошелъ въ находившійся подлѣ соборной церкви монастырь св. Аѳанасія, гдѣ былъ постриженъ епископомъ Арсеніемъ и нареченъ Матѳеемъ. Спустя нѣсколько времени князь-инокъ, чувствуя приближеніе кончины, созвалъ тверскихъ игумновъ, роздалъ имъ серебро на сорокоусты и приказалъ въ своемъ присутствіи записать свое имя въ поминанья. Михаилъ скончался 16 августа, 66 лѣтъ отъ роду.

Отправляясь въ монастырь, онъ раздѣлилъ Тверское княжество между сыновьями: второй сынъ Василій получилъ Кашинъ, третій, Ѳедоръ, Микулинъ, а старшій Иванъ—всѣ остальныя земли съ великимъ Тверскимъ столомъ. Кромѣ Кашинскаго и Микулинскаго удѣловъ, въ Тверской землѣ существовали еще другіе болѣе мелкіе удѣлы, принадлежавшіе боковымъ линіямъ (Холмскій, Дорогобужскій и пр.). Въ этой землѣ повторялся почти тотъ же ходъ исторіи: старшій сынъ или великій князь получилъ столько, что былъ сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ князей вмѣстѣ взятыхъ; онъ также стремился совершенно подчинить ихъ своей волѣ и даже просто отнималъ у нихъ удѣлы. Слѣдовательно, въ Твери, хотя и не въ такой степени какъ въ Москвѣ, но очевидно существовало то же стремленіе къ водворенію едино- и само-державія. Но удѣльные Тверскіе князья находятъ поддержку въ

Москвѣ, куда удаляются въ случаѣ притѣсненій отъ старшаго князя, и Москва нерѣдко беретъ ихъ сторону; ибо въ ея интересахъ мѣшать усиленію этого князя. Такъ, преемникъ Михаила Иванъ Михайловичъ нѣсколько разъ оружіемъ смирялъ непослушныхъ ему князей, родного брата Василія Кашинскаго и двоюроднаго Юрія Холмскаго. Несмотря однако на то, что эти князья находили убѣжище въ Москвѣ и даже получали помощь отъ Татаръ, оба они были изгнаны изъ Тверской земли.

Княженіе Ивана Михайловича представляетъ образчикъ обычной тверской политики и въ другомъ отношеніи. Это была политика постояннаго колебанія между союзомъ Московскимъ и Литовскимъ, между Витовтомъ и Василіемъ Дмитріевичемъ; видно также стараніе по возможности жить въ мирѣ и дружбѣ съ тѣмъ и другимъ сильнымъ сосѣдомъ, какъ это свойственно слабѣйшему владѣтелю. Однако въ этомъ колебаніи все-таки исторія ясно очерчиваетъ московское преобладаніе, т.-е. болѣе замѣтно тяготѣніе къ Москвѣ, чѣмъ къ Литвѣ. Иванъ Михайловичъ былъ женатъ на сестрѣ Витовта и первое время находился съ нимъ въ дружбѣ. Но по смерти своей супруги, послѣ окончательнаго захвата Витовтомъ Смоленска, когда возникла открытая борьба между Витовтомъ и Василіемъ, Тверской князь сталъ на сторону Московскаго и помогалъ ему войскомъ. Иванъ Михайловичъ былъ покорнымъ данникомъ Золотой Орды, когда во главѣ ея стоялъ Эдигей; однако во время его нашествія на Русь, какъ извѣстно, Тверской князь не исполнилъ ханскаго требованія прислать свои пушки и людей для осады Москвы, и съ дороги воротился назадъ; за что Татары опустошили часть Тверского княжества, именно Клинскую волость. Далѣе, великіе князья Тверскіе, чтобы имѣть въ Москвѣ сторонниковъ и ходатаевъ, иногда вступаютъ въ родственныя связи съ вліятельнѣйшими изъ московскихъ бояръ; такъ, Михаилъ Александровичъ женилъ одного изъ своихъ сыновей (Ѳедора) на дочери главнаго совѣтника Василія Дмитріевича—Ѳедора Андреевича Кошки; а Иванъ Михайловичъ точно также своего младшаго сына (Юрія) женилъ на дочери извѣстнаго боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Впрочемъ, послѣ примиренія Василія Дмитріевича съ Витовтомъ Иванъ Михайловичъ снова является въ союзѣ съ послѣднимъ, и даже посылалъ ему свое войско на помощь противъ Тевтонскихъ рыцарей.

Иванъ Михайловичъ Тверской скончался въ одинъ годъ съ Василіемъ Дмитріевичемъ Московскимъ. Послѣ короткаго промежутка

въ томъ же 1425 году на Тверскомъ столѣ утвердился его внукъ Борисъ Александровичъ. Его княженіе точно также представляло колебаніе Твери между Москвою и Литвою. Сначала Борисъ является союзникомъ и даже подручникомъ Витовту и преемнику послѣдняго Свидригайлу. Во время наступившаго затѣмъ междоусобія Василія Васильевича Московскаго съ дядею и двоюродными братьями Тверской князь держитъ себя нейтрально: Василій и соперники его въ случаѣ неудачи находятъ иногда убѣжище въ Твери. Но когда Московское княжество явно потянуло на сторону Василія Темнаго, то Борисъ Александровичъ, какъ мы видѣли, принялъ его послѣ бѣгства изъ Вологды, обручилъ за его сына Ивана свою дочь Марію, далъ ему свое войско на помощь противъ Шемяки и Ивана Можайскаго, хотя самъ былъ женатъ на сестрѣ послѣдняго, Анастасіи. На походѣ изъ Твери въ Москву Василія задержала осада Углича; Тверской князь прислалъ свои пушки, и городъ сдался. Утвердясь въ Москвѣ, Василій вознаградилъ Бориса уступкою ему города Ржева, издавна спорнаго между Москвою, Тверью и Литвою. Вопреки междукняжескому договору, жители Ржева отказались сдать свой городъ Тверскому князю-любопытный примѣръ тѣхъ пограничныхъ волостей, населеніе которыхъ явно тянуло къ Москвѣ, предпочитая входить въ составъ наиболѣе сильнаго княжества, гдѣ внутренній порядокъ и внѣшняя оборона представлялись болѣе обезпеченными и куда, вѣроятно, привлекали также выгоды торговыя и промышленныя. Борисъ долженъ былъ лично предпринять осаду Ржева и три недѣли громилъ его стѣны пушками; послѣ чего городъ сдался. Помянутая выше просьба Эдигея о присылкѣ пушекъ изъ Твери, а также дѣйствіе ихъ подъ Угличемъ и Ржевомъ заставляютъ предположить, что Тверскіе князья имѣли у себя значительную артиллерію уже въ тѣ времена, когда огнестрѣльныя орудія только еще заводились въ европейскихъ государствахъ.

Борисъ Александровичъ послѣ того заключалъ союзные договоры и съ Казиміромъ Литовскимъ, и съ Василіемъ Темнымъ; договоры эти опять показываютъ его колебаніе между Москвою и Литвою, и опять съ явнымъ перевѣсомъ въ пользу первой. Да иначе не могло и быть: географическимъ положеніемъ, единоплеменностью и единовѣріемъ Тверь была тѣснѣе связана съ Москвою. Митрополитъ Іона называлъ Тверского князя такимъ же своимъ духовнымъ сыномъ, какъ и Московскаго, и посредствомъ подчиненнаго себѣ мѣстнаго духовенства вліялъ на политическія отношенія Тверского княженія. Борисъ умеръ въ

1461 году, оставивъ своимъ преемникомъ малолѣтняго сына Михаила, рожденнаго отъ второго брака (съ Анастасіей) [38].

Замѣчательную аналогію съ отношеніями Тверского княжества къ Москвѣ въ XIV и XV вв. представляетъ исторія княжества Рязанскаго. Современникъ Димитрія Ивановича Московскаго и Михаила Александровича Тверского, Олегъ Ивановичъ, великій князь Рязанскій, также успѣлъ соединить въ своихъ рукахъ почти всѣ части древней Рязанской земли и держалъ въ повиновеніи ея удѣльныхъ князей; не только Пронскій князь, но и Муромскій, находившійся подъ сильнымъ давленіемъ Москвы, былъ подручникомъ Олега. Онъ также подчинилъ себѣ на западѣ сосѣднихъ князей Елецкихъ и Козельскихъ (потомковъ Михаила Черниговскаго). А на востокѣ, въ области Мокши и Цны, онъ увеличилъ свои владѣнія, пріобрѣвъ куплею или оружіемъ разныя земли у Мещеры, Мордвы и Татаръ. На обширную строительную дѣятельность Олега указываютъ имена многихъ городовъ, которые являются въ договорныхъ грамотахъ съ конца XIV вѣка, и о которыхъ до того времени не было слышно. Самое живое воспоминаніе о немъ встрѣчается въ древнемъ Переяславлѣ Рязанскомъ и его окрестностяхъ (нынѣ губерн. городъ Рязань). Этотъ городъ, украшенный постройками храмовъ, княжескихъ, епископскихъ и боярскихъ палатъ, при немъ окончательно сдѣлался столицею княжества вмѣсто древней или *Старой* Рязани, разоренной во время Батыева нашествія. Народное преданіе указываетъ здѣсь на бывшій Олеговъ теремъ, возвышавшійся внутри города или кремля на крутомъ берегу окскаго рукава Трубежа (нынѣ каменный архіерейскій домъ). Тутъ же на княжемъ дворѣ воздвигнуты были два придворныхъ храма, Успенскій и Архангельскій; изъ нихъ первый послужилъ усыпальницею для преемниковъ Олега. Мѣстопребываніе же рязанскихъ епископовъ утвердилось не во внутреннемъ городѣ или кремлѣ, а на главномъ посадѣ или такъ наз. „Острогѣ“, который, одною стороною примыкая къ городу, вытянулся по тому же крутому берегу Трубежа и, подобно городу, былъ окруженъ валами и деревянными стѣнами. Здѣсь находился каѳедральный Борисоглѣбскій соборъ, а подлѣ него дворъ Рязанскаго владыки.

Укрѣпляя городами границы своей земли на сѣверозападѣ, Рязанскій великій князь не могъ съ такимъ же успѣхомъ обезопасить ея юговосточные предѣлы, которые терялись въ степяхъ, разстилавшихся по ту и по другую сторону верхняго Дона, постоянно подверженныхъ татарскимъ опустошеніямъ и потому представлявшихъ

дикія пустынныя пространства. Недостатокъ естественныхъ границъ и укрѣпленій съ этой стороны онъ старался восполнить отрядами сторожевыхъ ратниковъ, разставленными по разнымъ степнымъ притонамъ. Послѣ Тохтамышева нашествія Олегъ, подобно Димитрію Донскому, снова началъ платить выходы въ Золотую Орду. Но подчиненныя отношенія къ ея властителямъ не мѣшали ему при случаѣ вступать въ бой съ татарскими хищниками, производившими частые набѣги на Рязанскія украйны, и иногда наносить имъ жестокія пораженія.

Любопытную, хотя и отрывочную, картину Рязанскаго княжества во времена Олега сообщаетъ намъ слѣдующее мѣсто изъ записокъ о путешествіи митрополита Пимена въ Царьградъ 1389 года:

„Въ Свѣтлое Воскресенье мы поѣхали (изъ Коломны) къ Рязани по рѣкѣ Окѣ. У Перевитска привѣтствовалъ насъ епископъ Рязанскій Еремей Гречинъ; а когда мы приблизились къ городу Переяславлю, то выѣхали къ намъ сыновья великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго; потомъ встрѣтилъ насъ самъ великій князь съ дѣтьми и боярами; а возлѣ города ожидали со крестами (духовенство и народъ). Отслуживъ молебенъ въ соборномъ храмѣ, митрополитъ отправился къ великому князю на пиръ. Князь и епископъ Еремей угощали насъ очень часто. Когда же мы отправились отсюда, самъ Олегъ, его дѣти и бояре проводили насъ съ великою честію и любовію.

„Поцѣловавшись на прощанье, мы поѣхали далѣе, а онъ возвратился въ городъ, отпустивъ съ нами довольно значительную дружину и боярина Станислава, которому велѣлъ проводить насъ до рѣки Дона съ большимъ береженіемъ отъ разбоевъ.

„Изъ Переяславля Рязанскаго мы выѣхали въ Ѳомино воскресенье; за нами везли на колесахъ три струга и одинъ насадъ. Въ четвергъ мы достигли рѣки Дона и спустили на него суда. На второй день пришли къ (урочищу) Киръ Михайловымъ,—такъ называется одно мѣсто, на которомъ прежде былъ городъ. Здѣсь простились съ нами епископы, архимандриты, игумны, священники, иноки и бояре великаго князя Рязанскаго, и воротились восвояси. Мы же въ день святыхъ Мироносицъ съ митрополитомъ Пименомъ, Михаиломъ епископомъ Смоленскимъ, Сергіемъ Спасскимъ архимандритомъ, съ протопопами, дьяконами, иноками и слугами сѣли на суда и поплыли внизъ по рѣкѣ Дону.

„Путешествіе сіе было печально и уныло; повсюду совершенная

пустыня; не видно ни городовъ, ни селъ; тамъ, гдѣ прежде были красивые и цвѣтущіе города, теперь только пустыя и безлюдныя мѣста. Нигдѣ не видно человѣка; только дикія животныя: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и пр. во множествѣ встрѣчаются въ этой пустынѣ.

„На второй день рѣчного плаванія миновали двѣ рѣки, Мечу и Сосну; въ третій прошли Острую Луку, въ четвертый Кривой Боръ, въ шестой достигли устья Воронежа. На слѣдующее утро, въ день св. чуд. Николая пришелъ къ намъ князь Юрій Елецкій съ своими боярами и большою свитою: Олегъ Ивановичъ Рязанскій послалъ къ нему вѣстника; онъ же исполнилъ его приказаніе, оказалъ намъ великую честь и очень насъ обрадовалъ. Оттуда приплыли къ Тихой Соснѣ; здѣсь увидали бѣлые каменные столбы, которые стоятъ рядомъ и очень красиво подобно небольшимъ стогамъ возвышаются надъ рѣкою Сосною. Потомъ миновали рѣки Червленый Яръ, Битюгъ и Хоперъ“ и т. д.

Память и уваженіе, которыя до позднѣйшаго времени сохранялись въ рязанскомъ населеніи относительно Олега Ивановича, краснорѣчиво говорятъ о его заслугахъ своему краю. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ на себѣ важнѣйшія черты извѣстной эпохи или извѣстной народности. Въ лицѣ этого князя ярко обозначились главныя стороны рязанскаго характера: жесткій, упрямый нравъ и безпокойная энергія—качества, которыя у Олега смягчались несомнѣнною гибкостью ума и стремленіями, не лишенными нѣкоторой величавости. Кромѣ мѣстнаго, рязанскаго характера на Олегѣ ясно отразились и современныя ему великокняжескія стремленія къ собиранію волостей. Видя, какъ два главные центра притягиваютъ къ себѣ сосѣднія волости, онъ хочетъ уничтожить эту силу тяготѣнія въ собственной землѣ и стремится создать на берегахъ Оки третье средоточіе, около котораго могли бы собраться юговосточныя области. Но послѣдующія событія подтвердили извѣстную истину, что отдѣльная, хотя бы и сильная личность не можетъ построить что-либо крѣпкое, живучее тамъ, гдѣ не достаетъ твердой исторической почвы. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы дѣло Олега кончилось вмѣстѣ съ его жизнію и не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи. Онъ настолько оживилъ и укрѣпилъ духъ самостоятельности въ Рязанскомъ княжествѣ, что оно просуществовало послѣ него болѣе столѣтія и пережило всѣ великіе удѣлы.

Мы видѣли, что дѣятельное участіе Олега въ судьбѣ своего зятя

Юрія Святославича Смоленскаго привело его къ ожесточенной войнѣ съ Витовтомъ. Рязанское войско, предводимое сыномъ Олега Родославомъ, понесло тяжкое пораженіе подъ Любутскомъ и самъ Родославъ попался въ плѣнъ. Престарѣлый Олегъ только нѣсколькими днями пережилъ это пораженіе (1402 г.). Еще прежде того князь принялъ иноческое званіе съ именемъ Іоны, а передъ смертью онъ посхимился. Олегъ погребенъ въ Покровскомъ Солотченскомъ монастырѣ, который былъ основанъ имъ самимъ верстахъ въ 15 отъ стольнаго города на лѣвомъ берегу Оки, при впаденіи въ нее Солотчи, посреди зеленыхъ рощъ.

Послѣ Любутскаго пораженія нѣкоторые Сѣверскіе князья, зависимые отъ Олега, сдѣлались подручниками Витовта. Вмѣстѣ со смертію Олега рушилось и единеніе Рязанскихъ удѣловъ. Въ Муромѣ водворились намѣстники великаго князя Московскаго, а Пронскъ возобновилъ свое старое соперничество съ Рязанью. Тогда Рязань, подобно Твери, должна была примкнуть къ тому или другому сильному сосѣду. И тутъ мы видимъ тоже колебаніе между Москвою и Литвою. Старшій сынъ и преемникъ Олега, Ѳеодоръ, женатый на Софьѣ, дочери Димитрія Донского, сначала призналъ себя подручникомъ, или какъ выражались грамоты, младшимъ братомъ своего шурина Василія Дмитріевича Московскаго, и только съ его помощью отстоялъ свой наслѣдственный столъ отъ притязаній Пронскаго князя (Ивана Владиміровича). Но по смерти Ѳедора Ольговича (около 1427 года), сынъ и преемникъ его Иванъ Ѳедоровичъ въ малолѣтство великаго князя Московскаго Василія II, судя по договорнымъ грамотамъ, призналъ себя не только подручникомъ, но и слугою Витовта. По смерти сего послѣдняго, во время наступившихъ въ Литвѣ смутъ, Рязань освободилась отъ Литовской зависимости. Въ то же время возникшее въ Москвѣ междоусобіе Василія II съ дядею Юріемъ и его сыновьями, казалось, давало Рязанскому князю возможность воротить себѣ независимость и съ другой стороны. Однако этого не случилось. И Рязань и Пронскъ, въ качествѣ подручниковъ, примыкаютъ то къ Василію, то къ Юрію, смотря по тому, кто владѣлъ Москвою. Впрочемъ незамѣтно, чтобы Рязанцы принимали дѣятельное участіе въ этомъ междоусобіи. Когда же Василій Темный окончательно утвердился на Московскомъ столѣ, то онъ укрѣпилъ Ивана Ѳедоровича новымъ договоромъ (1447 г.). Любопытно, что по этому договору Рязанскій князь признаетъ Василія своимъ старшимъ братомъ, Ивана Андреевича Можайскаго равнымъ,

а Михаила Андреевича Верейскаго и Василія Ярославича Боровскаго младшими. Зависимость отъ Москвы, главнымъ образомъ, выражалась обязательствомъ подавать военную помощь и вообще относительно сосѣдей дѣйствовать по думѣ съ великимъ княземъ Московскимъ.

Подчиненіе Москвѣ Иванъ Ѳедоровичъ выразилъ весьма наглядно тѣмъ, что при смерти своей (1456) онъ завѣщалъ Василію Темному на соблюденіе Рязанское княжество вмѣстѣ съ осьмилѣтнимъ сыномъ Василіемъ, конечно, по малолѣтству сего послѣдняго. Великій князь взялъ мальчика на воспитаніе къ себѣ въ Москву, а въ Рязанскіе города и волости послалъ своихъ намѣстниковъ.

Хотя нѣкоторое колебаніе Рязани между Литовскою и Московскою зависимостью напоминаетъ Тверь, но съ тою разницею, что здѣсь еще сильнѣе обнаружилось преобладаніе Московскаго тяготѣнія надъ Литовскимъ. Кромѣ общихъ причинъ, единоплеменности, единовѣрія и вліянія митрополитовъ, такому преобладанію способствовали также постоянныя столкновенія въ Сѣверскомъ краѣ на западныхъ Рязанскихъ границахъ, мало опредѣленныхъ и нерѣдко мѣнявшихся; эти столкновенія питали сильныя неудовольствія между Рязанью и Литвою. Была и еще одна важная черта отличія между Тверью и Рязанью,— это разныя отношенія къ Татарамъ, обусловленныя неодинаковымъ географическимъ положеніемъ того и другого княжества. Между тѣмъ какъ Тверское княжество имѣло сравнительно небольшой объемъ, лежало довольно глубоко на сѣверъ, со всѣхъ сторонъ было окружено русскими областями, и со второй половины XIV вѣка почти не знало татарскихъ разореній, Рязанская земля на своихъ обширныхъ юговосточныхъ предѣлахъ была совершенно открыта нападеніямъ степныхъ кочевниковъ. Дань, платимая Рязанскими князьями въ Орду, не мѣшала этимъ кочевникамъ время отъ времени совершать губительные набѣги на ихъ землю, жечь, грабить и выводить изъ нея толпы плѣнниковъ. Изъ цѣлаго ряда такихъ нападеній, приводимыхъ лѣтописями, остановимъ вниманіе на слѣдующемъ.

Въ 1444 году пришелъ на Рязань ордынскій царевичъ Мустафа съ татарскою ратью, пограбилъ волости и села и, остановившись въ степи, послалъ сказать Рязанцамъ, что они могутъ выкупать у него плѣнниковъ. Тѣ дѣйствительно ихъ выкупили. Вскорѣ Мустафа опять пришелъ въ Рязань, но уже съ миромъ и съ намѣреніемъ провести въ ней зиму, потому что въ степи оставаться было невозможно; осенью она вся погорѣла пожаромъ; зима настала самая жестокая, съ глубокими снѣгами и сильными выогами; лошади татарскія попадали

отъ безкормицы, а всадники мерзли отъ холода. Мустафа, неизвѣстно почему, былъ впущенъ въ Переяславль Рязанскій безъ сопротивленія; Татары его расположились отчасти въ городѣ, отчасти въ окрестностяхъ. Когда узнали о томъ въ Москвѣ, Василій Темный послалъ на Мустафу воеводъ Василія Оболенскаго и Андрея Ѳедоровича Голтяева съ своею дружиною, къ которой присоединился отрядъ Мордвы на лыжахъ. Рязанцы выслали царевича изъ Переяславля, и онъ, коекакъ укрѣпившись на берегу Листани, верстахъ въ десяти отъ города, приготовился къ отчаянной оборонѣ. Нападеніе произведено было съ двухъ сторонъ: съ одной—московская пѣхота, вооруженная ослопами, топорами и рогатинами; съ другой—Мордва и *Рязанскіе казаки* на лыжахъ съ копьями, рогатинами и саблями. Сопротивленіе, оказанное Татарами, достойно было лучшихъ временъ ихъ славы. Цѣпенѣя отъ холода, лишенные возможности бросать свои мѣткія стрѣлы, они защищались рукопашнымъ боемъ, рѣзались крѣпко и не сдавались въ плѣнъ; наконецъ, подавленные числомъ, непріятели большею частію были перебиты, и самъ Мустафа палъ въ сѣчѣ со многими мурзами. Это извѣстіе лѣтописей о приходѣ Мустафы любопытно еще потому, что здѣсь онѣ впервые упоминаютъ о „казакахъ“. По всѣмъ признакамъ, то было легкое войско, которое противополагалось пѣшей тяжелой рати. Вѣроятно, такое войско первоначально образовалось именно изъ тѣхъ сторожевыхъ поселеній (станицъ), которыя устраивались въ степныхъ мѣстахъ для обороны предѣловъ и для наблюденія за Татарами. Во всякомъ случаѣ, помянутые Рязанскіе казаки принадлежали къ такъ называемому служилому сословію. А ихъ имя, конечно, одного происхожденія съ Татарскими казаками или *кайсаками*, какъ называлась въ Ордѣ наиболѣе бѣдная часть кочевниковъ (59).

—

Ко времени Василія II относится начало особаго царства Казанскаго, которое болѣе ста лѣтъ было безпокойнымъ сосѣдомъ Россіи.

Осенью того же 1445 года, въ которомъ великій князь былъ въ плѣну у царя Улу-Махмета, орда сего послѣдняго изъ Курмыша двинулась далѣе на востокъ. Въ это именно время, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Улу-Махметъ съ однимъ изъ своихъ сыновей, Юсупомъ, палъ отъ руки старшаго сына Махмутека, который вслѣдъ затѣмъ является ханомъ въ *Казани*. То былъ старый болгарскій городокъ, расположенный на лѣвой сторонѣ Волги. Онъ упоминается въ числѣ городовъ, взятыхъ войскомъ Василія Дмитріевича въ походъ 1399 г.

Теперь имъ владѣлъ какой-то татарскій князь, котораго русская лѣтопись называетъ Либей (Али-бекъ?). Махмутекъ убилъ Либея и самъ утвердился въ Казани. Вскорѣ этотъ свирѣпый энергическій ханъ успѣлъ скопить вокругъ себя большую орду и завоевать многія окрестныя области. Казань сдѣлалась средоточіемъ значительнаго ханства, которое окончательно отложилось отъ Золотой Орды и стало жить особою, самостоятельною жизнію. Предѣлы его приблизительно совпадали съ предѣлами древняго Болгарскаго царства. Очевидно, сіе царство до нѣкоторой степени сохранило свои преданія и внутреннія связи даже и послѣ Татарскаго завоеванія; а потому, какъ скоро нашло себѣ новое средоточіе вмѣсто разореннаго Булгара, то легко возобновило свое отдѣльное политическое существованіе; чему попытки мы видѣли уже въ XIV вѣкѣ, когда начались смуты въ Золотой Ордѣ. Торговый, промышленный духъ Волжской Болгаріи снова ожилъ въ Казани; этотъ городъ вскорѣ заново обстроился, наполнился большимъ числомъ жителей, пріобрѣлъ важное торговое значеніе и сдѣлался однимъ изъ видныхъ центровъ мусульманской гражданственности.

Но уже съ самаго своего основанія Казанское царство стало во враждебныя отношенія къ Москвѣ; ибо ханы его питали старыя татарскія притязанія на дань и безнаказанные грабежи русскихъ предѣловъ. Тогда Василій II усилилъ систему служебныхъ Москвѣ татарскихъ князей и царевичей, которыхъ старался противупоставить ханамъ Казани и Золотой Орды. Водворенію этой системы помогали въ особенности смуты и междоусобія въ самой Ордѣ; такъ какъ побѣжденные или обиженные царевичи и мурзы нерѣдко искали покровительства и убѣжища у Русскихъ великихъ князей. Образцомъ такихъ служебныхъ или вассальныхъ княжествъ явилось ханство Касимовское.

Выше мы видѣли, что въ 1447 г. на помощь Василію въ его борьбѣ съ Шемякою явились два татарскіе царевича Касимъ и Ягупъ, братья Махмутека. По всей вѣроятности они съ своею дружиною ушли изъ Болгаро-Казанской земли отъ преслѣдованій старшаго брата, избѣгая той же участи, которой подвергся ихъ отецъ Улу-Махметъ съ младшимъ сыномъ своимъ Юсупомъ. Касимъ и Ягупъ послѣ того не одинъ разъ упоминаются въ числѣ вѣрныхъ подручниковъ и слугъ великаго князя, какъ во время его войнъ съ Шемякою, такъ и при нашествіи на Русь разныхъ татарскихъ полчищъ. Напримѣръ, въ 1449 г. Татары хана Сеидъ Ахмета внезапно напали на Московскіе предѣлы; царевичъ Касимъ выступилъ противъ нихъ изъ Звенигорода,

разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ русскій полонъ. А въ 1452, при извѣстіи о приближеніи хищной толпы Татаръ съ Малбердей-Уланомъ, Василій, бывшій тогда въ Коломнѣ, отрядилъ противъ него Касима съ его Татарами и воеводу Александра Беззубцева съ Коломенцами; они догнали и побили Малбердея на рѣкѣ Битюгѣ.

Когда окончилась борьба съ Шемякою, а между тѣмъ усилились враждебныя отношенія со стороны новаго Казанскаго царства, Василій пожаловалъ во владѣніе царевичу Касиму разоренный Татарами Мещерскій Городокъ, лежавшій на сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Рязанской области, на лѣвомъ берегу Оки. Возобновленный подъ именемъ Новаго Низоваго Городка (вблизи разореннаго), онъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Касимова*. Выборъ этого мѣста для пожалованія Татарамъ объясняется обстоятельствами. Во-первыхъ, оно находилось въ области инородцевъ-язычниковъ Мордвы и Мещеры, и этихъ туземцевъ легче было подчинить Татарину и мусульманину, нежели русское и православное населеніе. А во-вторыхъ, отсюда служебные Татары одинаково могли быть обращаемы и противъ Золотоордынскихъ своихъ соплеменниковъ. Кромѣ того Московское правительство въ лицѣ Касимовскихъ хановъ имѣло всегда готовыхъ претендентовъ на престолъ Казанскій или Сарайскій, такъ какъ эти ханы принадлежали къ семьѣ Чингизидовъ, и дѣйствительно оно не разъ пользовалось ими для того, что бы водворять свое вліяніе въ Казани. Извѣстія лѣтописей о царевичѣ Касимѣ прекращаются около 1470 года. Съ именемъ его мѣстное татарское преданіе связываетъ построеніе каменной мечети и перваго ханскаго дворца въ Касимовѣ. Но нынѣ существующая мечеть выстроена заново въ XVIII вѣкѣ; при ней сохранился только старинный минаретъ. А отъ каменнаго ханскаго дворца теперь ничего не осталось. Преемникомъ Касима былъ сынъ его Даньяръ. Но затѣмъ мы не видимъ постояннаго преемства въ одной линіи: ханами Касимовскими, по волѣ Московскихъ государей, являются иногда татарскіе царевичи и другихъ линій. Это вассальное ханство существовало около 200 лѣтъ (60).

VII.

СВИДРИГАЙЛО И КАЗИМІРЪ IV. НАЧАЛО КРЫМСКАГО ЦАРСТВА.

Свидригайло великій князь.—Захватъ Поляками Подолья.—Ихъ неудачная попытка на Волынь.—Личность Свидригайла и его борьба съ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ.—Кончина Ягайла.—Торжество Сигизмунда и его убіеніе.—Выборъ Казиміра Ягайловича на Литовско-Русскій престолъ.—Заговоръ Михаила Сигизмундовича и мятежъ Смольнянъ.—Вступленіе Казиміра на Польскій престолъ.—Возобновленіе уніи.—Сеймовые споры Поляковъ и Литво-Руссовъ.—Вліяніе Гаштольда и Збигнѣва Олесницкаго.—Кончина Свидригайла.—Пріобрѣтеніе Западной Пруссіи.—Кіевское удѣльное княжество и Олельковичи.—Неудачный заговоръ князей и паденіе удѣльной системы въ Литовской Руси.—Кіевская митрополія.—Сыновья Казиміра.—Крымская Орда при Эдигеѣ.—Итальянскія колоніи Кафа и Тана.—Записки Ланнуа и Барбаро.—Династія Гиреевъ.—Менгли-Гирей.

Бездѣтная кончина Витовта влекла за собой важный вопросъ о его преемникѣ на великокняжескомъ престолѣ Литвы и Руси и о дальнѣйшей судьбѣ Польско-Литовской уніи. Правда, еще былъ живъ прежній великій князь, а теперь король польскій Владиславъ-Ягайло Ольгердовичъ. На основаніи наслѣдственныхъ правъ и предшествовавшихъ договоровъ, онъ могъ прямо соединить на своей головѣ короны Польши и Литвы; но тому помѣшали его нерѣшительный характеръ и сопротивленіе, которое онъ по всей вѣроятности встрѣтилъ бы со стороны литовско-русскихъ бояръ, привыкшихъ въ школѣ Витовта дорожить сомостоятельностію своего государства и опасавшихся его поглощенія Польшею. Кромѣ польскаго короля оставались еще въ живыхъ два внука Гедимина: Болеславъ—Свидригайло, младшій братъ Ягайла, и Сигизмундъ, младшій братъ Витовта. Существовали еще племянники Ягайла, внуки Ольгерда, удѣльные князья Корибутовичи, Лугвеневичи, Владиміровичи и др.; но они были греческой вѣры,

слѣдовательно не желательны Полякамъ и Литвинамъ католикамъ. По родственному чувству, Ягайло естественно отдалъ предпочтеніе своему родному брату Болеславу—Свидригайлу, въ то время удѣльному князю Новгородъ-Сѣверска и Брянска, и возвелъ его на престолъ Литвы и Руси. Торжественно, по обычаю предковъ, Свидригайло былъ вѣнчанъ великокняжескою короной въ каѳедральномъ Виленскомъ соборѣ, въ присутствіи съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ литовскихъ и русскихъ князей и бояръ. Но Польскій король ошибся, разсчитывая найти въ младшемъ братѣ покорнаго подручника или просто своего намѣстника.

Хотя Свидригелло или Свидригайло, подъ вліяніемъ Ягайла, подобно нѣкоторымъ своимъ братьямъ, и перешелъ когда-то изъ православія въ католицизмъ, но не сдѣлался ревностнымъ католикомъ и показывалъ болѣе сочувствія своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, т.-е. Русинамъ. Бывъ попеременно удѣльнымъ княземъ въ русскихъ земляхъ, Полоцкой и Витебской, на Подольѣ, на Волыни и въ Сѣверщинѣ, по языку, привычкамъ и родственнымъ связямъ онъ вполнѣ сроднился съ Русскою народностію и сдѣлался усерднымъ ея сторонникомъ. Вотъ почему его возвышеніе на великокняжескій престолъ въ особенности привѣтствовало русское населеніе, ожидая найти въ немъ защиту противъ вторгавшагося съ запада католицизма и полонизма. Самъ Свидригайло не только не считалъ себя ленникомъ или присяжникомъ польскаго короля, но смотрѣлъ на великокняжескую корону какъ на свое неотъемлемое наслѣдіе. Онъ, очевидно, хотѣлъ утвердить самостоятельность и независимость Литовско-Русскаго княжества отъ Польши, блюсти цѣлость его предѣловъ съ этой стороны и даже хлопотать о королевской коронѣ, однимъ словомъ продолжать политику Витовта.

Польскіе вельможи были весьма недовольны тѣмъ, что король дозволилъ брату сѣсть на Виленскій престолъ, не связавъ его никакими ленными договорами и клятвами и не выговоривъ у него уступки областей, а именно Подолья и Волыни, которыя издавна составляли предметъ польскихъ притязаній и служили причиною многихъ войнъ между Польшею и Литвой въ XIV вѣкѣ. Галиція, включенная въ составъ Польши при Казимірѣ III, послужила первымъ и удачнымъ опытомъ для раздачи бывшихъ княжескихъ имуществъ польскимъ дворянамъ и духовнымъ и даже для насильственнаго перехода многихъ имѣній отъ мѣстныхъ, т.-е. русскихъ, владѣльцевъ въ польскія руки. Изъ Галиціи эта система распространилась на сосѣднее Подолье, часть

котораго Ягайло также присоединилъ къ Польшѣ. Здѣсь еще быстрѣе стали распространяться польское землевладѣніе и польская колонизація, благодаря тому, что эта страна, не задолго отнятая Литовско-Русскими князьями у Татаръ, была довольно пустынна и нуждалась какъ въ населеніи, такъ и въ укрѣпленныхъ замкахъ. Поселившіеся тутъ польскіе шляхтичи получили въ свое владѣніе богатыя земли съ обязанностью выѣзжать въ поле съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ людей. Вмѣстѣ съ водвореніемъ польской шляхты здѣсь основалось и католическое епископство, именно въ городѣ Каменцѣ. Но въ правленіе Витовта почти все Подолье снова отошло въ составъ Литовско-Русскаго княжества; въ городахъ и замкахъ сидѣли назначенные имъ намѣстники и старосты, съ литовско-русскими гарнизонами.

Не надѣясь на добровольную уступку Подолья и Волыни со стороны Свидригайла, Поляки вздумали захватить ихъ коварнымъ и внезапнымъ образомъ. Въ главномъ подольскомъ городѣ, Каменцѣ, начальствовалъ знатный литвинъ Довгердъ. Прежде нежели извѣстіе о смерти Витовта распространилось въ тѣхъ краяхъ, мѣстные польскіе шляхтичи, съ братьями Бучацкими во главѣ, явились подъ Каменецкимъ замкомъ, расположились таборомъ въ полѣ, и подъ предлогомъ какихъ-то дружескихъ совѣщаній вызвали къ себѣ Довгерда съ его дружиной. Тутъ Поляки сбросили съ себя маску, взяли въ плѣнъ русско-литовскаго старосту и его товарищей, и захватили замокъ. Въ то же время имъ удалось захватить Смотричъ, Скалу, Червоногродъ и такимъ образомъ завладѣть большею частію Подолья. Но на Волыни они потерпѣли неудачу, при покушеніи на Луцкъ и Владиміръ: русскіе воеводы уже знали о смерти Витовта и успѣли принять мѣры предосторожности.

Когда Свидригайло получилъ извѣстіе о вѣроломномъ захватѣ подольскихъ замковъ, Ягайло еще пребывалъ въ Литвѣ по кончинѣ Витовта, предаваясь своему любимому занятію, т.-е. охотѣ на звѣря въ литовскихъ пущахъ. Великій князь воспылалъ гнѣвомъ, осыпалъ короля рѣзкими упреками и объявилъ его своимъ плѣнникомъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ обратно Подолья. Вспыльчивости своего младшаго брата Ягайло противопоставилъ мягкое, вкрадчивое обращеніе и кроткія рѣчи. Однако тотъ не уступалъ. Польская свита, окружавшая короля, предлагала ему отчаянное рѣшеніе: убить Свидригайла, захватить Виленскій замокъ и защищаться въ немъ до прибытія помощи. Но Ягайло отклонилъ это предложеніе и заключилъ

съ братомъ договоръ, которымъ возвращалъ ему подольскіе замки. Король отправилъ на Подоль одного изъ своихъ дворянъ, Тарла Щекаревича, съ приказомъ Бучацкому передать Каменецъ русскому воеводѣ князю Михаилу Бабѣ. Обрадованный Свидригайло наградилъ Тарла цѣлою сотнею гривенъ; потомъ богато одарилъ короля и его свиту, и отпустилъ его въ Польшу. Несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, великій князь дался въ обманъ самымъ простодушнымъ образомъ. Нѣкоторые изъ польскихъ вельможъ, находившихся при королѣ, придумали (и можетъ быть не безъ его вѣдома) слѣдующую хитрость. Они написали Бучацкому особое письмо, въ которомъ совѣтовали не исполнять явнаго королевскаго приказа, а Тарла и Бабу заключить подъ стражу. Письмо это свернули въ трубку и облили воскомъ; сдѣланную такимъ образомъ свѣчу поручили одному изъ спутниковъ Тарла передать Бучацкому съ словами, чтобы тотъ поискалъ въ ней свѣта. Подобныя свѣчи, зажигаемыя передъ иконами, тогда нерѣдко посылались въ церкви и въ домашнія каплицы; а потому она не возбудила никакого подозрѣнія. Бучацкій сломалъ свѣчу, нашелъ письмо и буквально исполнилъ преподанный ему совѣтъ. Пылая мщеніемъ на вѣроломство Поляковъ, Свидригайло поспѣшилъ съ войскомъ на Подоль и попытался отнять замки силою; но только немногіе удалось ему отвоевать, а главные, каковы Каменецъ и Смотричъ, остались въ рукахъ Поляковъ. Съ своей стороны польскіе паны, собранные королемъ на сеймъ въ Судомірѣ, постановили требовать отъ великаго князя уступки не только Подоля, но и Луцка съ южною частью Волыни; потребовали также, чтобы онъ прибылъ въ Польшу и принесъ торжественную ленную присягу Польской коронѣ. Свидригайло отказалъ въ этихъ требованіяхъ и заключилъ противъ Польши союзъ съ орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, а также вошелъ въ сношенія съ императоромъ германскимъ Сигизмундомъ. Противодѣйствуя усиленію Польши, императоръ поощрялъ названные нѣмецкіе Ордена подать помощь великому князю Литовскому, и обѣщалъ вѣнчать его тою самою королевскою короной, которая назначалась для Витовта; но самъ онъ былъ слишкомъ занятъ еще продолжавшеюся борьбою съ чешскими Гусситами, чтобы оказать какую-либо дѣйствительную поддержку Свидригайлу. Отъ польскаго короля прибылъ въ Литву къ великому князю посолъ съ упреками за союзъ съ врагами отечества, т.-е. съ Нѣмцами; посолъ прибавилъ, что Свидригайло не есть еще великій князь въ дѣйствительности, пока не признанъ таковымъ отъ польскаго сейма. Тотъ, увлеченный обычною своею вспыль-

чивостію, далъ послу пощечину и велѣлъ заключить въ тюрьму. Послѣ такого нарушенія всякихъ международныхъ обычаевъ оставалось рѣшить споръ войною.

Собравъ большое войско, снабженное огнестрѣльнымъ снарядомъ, король въ іюлѣ 1431 года перешелъ пограничную рѣку Бугъ и вторгся на Волынь. Поляки отличались въ этой междоусобной войнѣ большою свирѣпостью, такъ что русское населеніе края при ихъ приближеніи бросало свои жилища и съ легкимъ имуществомъ спасалось въ лѣсныя или болотистыя дебри и другія недоступныя мѣста. Король, жалѣя родное ему Литовско-Русское княжество, старался сдерживать разрушительное рвеніе своего войска, и, говорятъ, даже тайно посылалъ предупреждать жителей о своемъ нашествіи, чѣмъ навлекъ на себя польскіе упреки въ потворствѣ своему мятежному брату. Владиміръ Волынскій и нѣкоторые другіе города были сожжены и разграблены. Свидригайло, между тѣмъ получившій помощь отъ Татаръ и Волоховъ, встрѣтилъ было королевское войско подъ Луцкомъ; но, видя его превосходныя силы, отступилъ. Городъ Луцкъ онъ выжегъ самъ, чтобы не оставлять его въ добычу Полякамъ; а начальникомъ Луцкаго замка поставилъ русскаго воеводу, по имени Юршу. Этотъ Юрша, имѣвшій также у себя пушки, оборонялся столь мужественно и упорно, что всѣ усилія Поляковъ взять замокъ остались тщетны. Впрочемъ, и тутъ они обвиняли своего короля въ умышленныхъ ошибкахъ, въ явномъ нежеланіи дѣйствовать быстро и энергично. Въ лагерѣ польскомъ открылись сильныя болѣзни, конскій падежъ и недостатокъ продовольствія. Въ то же время Тевтонскій орденъ, какъ союзникъ Свидригайла, объявилъ войну Польшѣ и напалъ на ея сѣверныя области. Тогда Поляки предложили миръ; великій князь согласился и заключилъ предварительное перемиріе, причемъ поступилъ вопреки совѣтамъ своего союзника, Тевтонскаго магистра, и даже безъ его вѣдома. По заключенному затѣмъ мирному договору онъ удержалъ за собою то, чѣмъ владѣлъ до начала войны, т.-е. восточную часть Подоліи и всю Волынскую землю, такъ что ближайшимъ слѣдствіемъ этой междоусобной войны было только взаимное и жестокое опустошеніе пограничныхъ областей. Но за то Свидригайло отстоялъ свою независимость отъ Польши. Въ отношеніи къ ней и къ другимъ сосѣдямъ онъ пошелъ дальше Витовта, ибо не имѣлъ его политической ловкости и предусмотрительности: дѣйствовалъ противъ Поляковъ весьма рѣзко и старался войти въ слишкомъ тѣсную дружбу съ Нѣмцами.

Польскіе историки того времени изображаютъ Свидригайла человѣкомъ буйнаго нрава и ограниченнаго ума, сильно преданнымъ пьянству и вообще ни къ чему неспособнымъ. Писатели новаго времени видятъ въ этомъ изображеніи явно пристрастное, несправедливое отношеніе и даже черную клевету на человѣка, который явился врагомъ уніи съ Польшею и усерднымъ поборникомъ Литовско-Русской самобытности; въ доказательство чего приводятъ ту особую преданность, которую постоянно оказывали ему русское боярство и русское населеніе вообще, несмотря на всѣ превратности его судьбы. Но мы не можемъ вполнѣ раздѣлить этотъ взглядъ, ибо факты его не подтверждаютъ. Хотя польскіе историки имѣли серьезныя побужденія чернить характеръ и дѣятельность Свидригайла и нѣсколько преувеличили его дурныя стороны, тѣмъ не менѣе въ ихъ изображеніи есть значительная доля правды. Если онъ дѣйствительно пользовался преданностью Русскихъ областей, то, конечно, главнымъ образомъ потому, что остался вѣренъ Русской народности, которую усвоилъ съ дѣтства; окружалъ себя по преимуществу русскими вельможами, былъ для нихъ очень щедръ на раздачу земель и подарковъ и обходился съ ними запросто; пилъ и бражничалъ съ ними подобно древнимъ русскимъ князьямъ. Сынъ тверской княжны, онъ самъ женился на княжнѣ изъ того же рода, именно на сестрѣ Тверского великаго князя Бориса, и вообще дружилъ съ князьями Сѣверовосточной Руси. Несмотря на свой переходъ въ католицизмъ, онъ не показывалъ наклонности къ его распространенію въ Западной Россіи, и не обнаружилъ никакой непріязни къ русскому духовенству; а польскіе прелаты прямо упрекали его въ явномъ сочувствіи *схизмѣ*, какъ они привыкли называть православную Церковь. Понятно, что Русскія области, которыя уже на примѣрѣ Галиціи могли познать, къ чему клонится пресловутая Польско-Литовская унія, съ радостью привѣтствовали вокняженіе Свидригайла и готовы были усердно поддержать его въ борьбѣ за свою политическую самобытность, за сохраненіе своей религіи и народности и за свои имущественныя права. Лишенная самостоятельныхъ прирожденныхъ князей, не имѣющая болѣе собственнаго политическаго средоточія, около котораго могла бы сплотиться (подобно тому, какъ Восточная Русь сплачивалась около Москвы), — Западная Русь по всѣмъ признакамъ находилась тогда въ состояніи сильнаго броженія и тяжелыхъ предчувствій, не зная, куда обратиться, къ кому примкнуть. Естественно, она съ радостью ухватилась за Свидригайла, какъ только увидала въ его рукахъ

нѣчто похожее на знамя Русской народности. Но она обманулась въ своихъ надеждахъ: этотъ человѣкъ скоро показалъ свою полную неспособность бороться съ противнымъ теченіемъ.

Если самъ Витовтъ съ трудомъ могъ защищаться отъ ухищреній польской королевской канцеляріи, то борьба съ нею была совсѣмъ не подъ силу для Свидригайла. Королевскіе канцлеры, подканцлеры и секретари состояли изъ лицъ духовныхъ; а высшее польско-католическое духовенство, получавшее свое образованіе большею частью въ Краковской Академіи и воспитанное на латинскихъ классикахъ, было искусно и опытно въ политикѣ, особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ католической церкви. Польская канцелярія пріобрѣла въ эту эпоху особую силу и вліяніе на государственныя дѣла, благодаря какъ слабости и малообразованности короля Владислава—Ягелла, такъ и тому обстоятельству, что во главѣ ея стоялъ извѣстный Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, имѣвшій санъ кардинала, человѣкъ весьма твердаго характера и высокихъ дарованій.

Когда руководители польской политики увидали неуспѣхъ своей попытки смирить Свидригайла открытою войной, то они нашли другое средство, чтобы устранить неудобнаго для нихъ великаго князя. Они выставили ему соперника, которому помогли всѣми своими средствами. Этимъ соперникомъ явился младшій братъ Витовта—Сигизмундъ Кейстутьевичъ, удѣльный князь Стародуба Сѣверскаго, дотолѣ ничѣмъ себя не заявившій и проводившій праздную, ничтожную жизнь. Поляки вошли съ нимъ въ тайныя сношенія и побудили его объявить свои притязанія на великокняжескій престолъ. Въ то же время подкупомъ, обѣщаніемъ наградъ и разными внушеніями они постарались склонить на его сторону собственно литовскихъ бояръ-католиковъ, и безъ того недовольныхъ вліяніемъ на великаго князя со стороны русскихъ православныхъ бояръ. Безпечный и недальновидный Свидригайло находился съ своимъ семействомъ и дворомъ въ Ошмянахъ, когда вспыхнуло внезапное возстаніе. Осенью 1432 года Сигизмундъ явился въ Литву во главѣ значительнаго вооруженнаго отряда и едва не захватилъ въ плѣнъ самого Свидригайла; послѣдній успѣлъ спастись бѣгствомъ, а супруга его попала въ руки непріятелей. Вильна, Троки и Гродна, съ помощью измѣны, сдались Сигизмунду; вскорѣ вся собственно Литовская часть великаго княжества признала его своимъ государемъ. Въ Виленскомъ каѳедральномъ соборѣ совершено торжественное его коронованіе, при чемъ прочтена была папская

булла, разрѣшавшая Литовцевъ отъ присяги Свидригайлу. Еще прежде того въ Гроднѣ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и Збигнѣва Олесницкаго, Сигизмундъ присягнулъ на вѣрность Польской коронѣ, которой при семъ отдавалъ земли Подольскую, Луцкую и уѣздъ Городенскій.

Между тѣмъ Свидригайло, удалившійся въ Витебскую область, нисколько не думалъ уступить великокняжескій престолъ своему сопернику. За нимъ оставалась еще большая часть русскихъ областей. Собравши значительныя силы въ земляхъ Бѣлорусскихъ и Сѣверскихъ и получивъ помощь отъ своего зятя великаго князя Тверского, онъ вторгся въ Литву; но дѣйствовалъ не совсѣмъ удачно, и принужденъ былъ отступить. Болѣе успѣха имѣли его русскіе воеводы, дѣйствовавшіе противъ Поляковъ на югѣ, именно какой-то Михаилъ, потомъ Александръ Носъ и князь Ѳедько Острожскій; первый оборонялъ землю Кіевскую, второй Волынскую, а третій Подольскую. Особенно отличался своими подвигами Ѳедько, получившій помощь отъ сосѣднихъ Волоховъ и Татаръ; онъ не только отразилъ вторженіе Поляковъ въ Подолію, но и завладѣлъ главною крѣпостью, т.-е. Каменцомъ, выманивъ изъ нея посредствомъ искусной тактики Бучацкаго, котораго разбилъ и взялъ въ плѣнъ.

Во время этой междоусобной войны скончался польскій король Владиславъ-Ягелло, достигши восьмидесяти-шестилѣтняго возраста. Въ маѣ 1434 года онъ отправился въ Галицію, чтобы принять торжественную ленную присягу отъ молдавскаго господаря Стефана, и дорогою остановился въ селеніи Медыкѣ, на берегахъ рѣки Сана. Сохраняя до глубокой старости литовскую страсть къ охотѣ и лѣсной природѣ, онъ здѣсь вечернею порой долго пробылъ въ рощѣ, чтобы послушать пѣніе соловья; ночь была холодная; король схватилъ жестокую простуду и умеръ въ мѣстечкѣ Гродекѣ, немного не доѣзжая до Львова. Тѣло его было отвезено въ Краковъ и погребено въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава, а сердце положено въ Францисканскомъ костелѣ того же Гродека. Такъ окончилъ свои дни этотъ достопамятный въ лѣтописяхъ Восточной Европы государь. Плодомъ его долголѣтняго царствованія являются съ одной стороны Польско-Литовская унія, съ другой—ослабленіе королевской власти въ Польшѣ. По своему положенію выборнаго короля, по безпечному, уклончивому характеру и по своей расточительности, онъ былъ такимъ именно государемъ, который требовался для польскаго дворянства и духовенства, чтобы они могли пріобрѣтать себѣ все большія и большія при-

вилегіи и расхищать государственныя имущества. Въ свою очередь столь желанная для Поляковъ унія съ обширными Литовско-Русскими областями сообщала политическое могущество Польскому государству; а польскому дворянству и духовенству представляла новыя средства для обогащенія и для дальнѣйшихъ успѣховъ католицизма въ Восточной Европѣ. Продолжительность Ягайлова царствованія въ Польшѣ (около 50 лѣтъ) много послужила въ пользу этой уніи; въ особенности ей помогло то обстоятельство, что король пережилъ столь сильнаго поборника Литовско-Русской самостоятельности, какимъ былъ Витовтъ.

Еще при жизни Владислава-Ягайла наслѣдникомъ его короны польскіе вельможи избрали его сына. Немедленно послѣ его смерти на сеймѣ въ Краковѣ это избраніе было подтверждено за старшимъ изъ двухъ сыновей покойнаго короля, десятилѣтнимъ Владиславомъ. Разумѣется, коронная рада, съ Збигнѣвомъ Олесницкимъ во главѣ, теперь окончательно захватила въ свои руки управленіе, пользуясь малолѣтствомъ новаго короля. Она еще дѣятельнѣе стала поддерживать въ Литвѣ Сигизмунда какъ войскомъ, такъ и другими средствами.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться своими русскими областями, сплотить ихъ тѣснѣе и организовать сильное войско, Свидригайло искалъ главной опоры во внѣшнихъ союзахъ, разсылалъ посольства и грамоты къ императору Сигизмунду, къ Тевтонскимъ и Ливонскимъ рыцарямъ, Татарскимъ ханамъ, воеводамъ Валахіи и Молдавіи; искалъ покровительства у папы, и ради его пріязни подавалъ ему надежду на церковную унію, т.-е. на подчиненіе русскаго духовенства папскому престолу. Эти сношенія съ папой и все болѣе и болѣе выступавшая наружу неспособность Свидригайла естественно охлаждали приверженность къ нему православнаго населенія, и тѣмъ болѣе, что по своему дѣйствительно буйному, необузданному нраву онъ иногда казнилъ жестокою смертію тѣхъ знатныхъ сторонниковъ Сигизмунда, которые попадали въ его руки. Напримѣръ, одного изъ князей Ольшанскихъ онъ велѣлъ въ Витебскѣ зашить въ мѣшокъ и утопить въ Двинѣ; мало того, не пощадилъ самого митрополита Герасима, котораго по смерти Фотія посадилъ на Всероссійскую митрополію. Неизвѣстно въ точности, за какую вину (полагають, за тайныя сношенія съ Сигизмундомъ), Свидригайло велѣлъ схватить Герасима и потомъ сжечь его живого; что и было исполнено въ томъ же Витебскѣ. Казнь не только ужасная, но и до того времени совсѣмъ неслыханная для подобныхъ высокихъ сановниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ перевѣсъ въ борьбѣ естественно склонился на сторону Сигизмунда. Рѣшительная битва произошла въ Жмуди на берегахъ рѣки Святой, гдѣ-то около Вилькоміра. У Свидригайла были полки Смоленскіе, Витебскіе, Полоцкіе и вспомогательный отрядъ Ливонскихъ рыцарей. Начальство надъ своимъ войскомъ онъ поручилъ племяннику Сигизмунду Корибутовичу, который отличался въ Гусситскихъ войнахъ и даже былъ избранъ Гусситами въ чешскіе короли. Войско Сигизмунда Кейстутьевича хотя было меньше числомъ, но лучше устроено; главную его силу составляли Поляки; а начальство надъ ними онъ вручилъ своему сыну Михаилу. Битва была упорная и очень кровопролитная. Сторона Сигизмунда побѣдила; разбитые полки Свидригайла разсѣялись, оставивъ своего храбраго, сильно израненнаго вождя въ рукахъ непріятеля. Множество русскихъ князей и бояръ, а также большая часть Ливонскихъ рыцарей полегли въ этомъ бою (1435). Самъ Свидригайло спасся бѣгствомъ и удалился въ Кіевскую землю. Области Витебская, Полоцкая и Смоленская вслѣдъ затѣмъ приняли Сигизмундовыхъ намѣстниковъ. Около того же времени Свидригайло лишился самаго храбраго и даровитаго изъ своихъ сторонниковъ мелкихъ удѣльныхъ князей Югозападной Руси, именно Ѳедора Даниловича Острожскаго. Говорятъ, оскорбленный самимъ великимъ княземъ и угрожаемый взятіемъ подъ стражу, онъ добровольно поддался польскому королю со всѣми замками и областями Подолья, которые находились подъ его начальствомъ; причемъ получилъ отъ него въ ленное владѣніе нѣкоторые изъ этихъ замковъ и земель. Впрочемъ очень возможно, что на отпаденіе Острожскаго повліяли новыя постановленія: во-первыхъ, приказъ, отданный Ягайломъ во время борьбы Свидригайла съ Сигизмундомъ, и состоявшій въ томъ, чтобы никто не смѣлъ разрушать или опустошать русскихъ церквей, а также приневоливать Русина къ принятію католической вѣры; во-вторыхъ, объявленное при вѣнчаніи Владислава III рѣшеніе короля и вельможнаго совѣта, по которому Русское дворянство сравнено въ своихъ правахъ съ Польскимъ. Эти обманчивыя постановленія, разсчитанныя на то, чтобы не только удержать въ повиновеніи королю Галицкую Русь, но и привлечь на свою сторону русское дворянство Подоліи и Волыни, очевидно произвели свое дѣйствіе, и пріобрѣли Полякамъ многихъ сторонниковъ въ сихъ земляхъ, недоумѣвавшихъ куда примкнуть посреди трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ того времени.

Въ рукахъ Свидригайла еще оставались часть Подоліи, значи-

тельная часть Волыни съ городами Луцкомъ и Кременцомъ и древній Кіевъ, гдѣ начальствовалъ храбрый его воевода Юрша, который отразилъ нападеніе Сигизмунда. Однако, будучи не въ силахъ болѣе продолжать борьбу за великокняжескій престолъ, Свидригайло въ 1437 г. отправился въ Краковъ, и предложилъ со всѣми своими землями быть ленникомъ Польской короны, умоляя своего племянника о заступничествѣ противъ Сигизмунда и дѣйствуя подкупомъ среди королевскихъ совѣтниковъ. Но соперникъ его также не жалѣлъ денегъ на подкупы и требовалъ для себя земли Кіевскую, Волынскую и Литовскую часть Подоліи. Когда его сторона въ польской радѣ превозмогла, Свидригайло, имѣвшій теперь резиденцію въ Луцкѣ, опасаясь попасть въ руки своего злѣйшаго врага, удалился изъ Руси, и пребывалъ нѣкоторое время то въ Валахіи, то въ Угріи. Преувеличенныя мнѣнія о его сиротствѣ и бѣдности въ ту пору даже породили ложный слухъ, подхваченный нѣкоторыми историками, будто Свидригайло нѣкоторое время находился въ службѣ одного богатаго Волоха и пасъ его овецъ.

Не только Кіевъ, но и земля Волынская (Володомирія) отдана Сигизмунду, однако съ условіемъ, чтобы послѣ его смерти эта земля перешла во владѣніе Польской короны (1439). Междоусобная война такимъ образомъ окончилась полною побѣдою Сигизмунда. Но недолго пришлось ему пользоваться ея плодами. Уже въ слѣдующемъ году онъ самъ сдѣлался жертвою тайнаго заговора.

Вассальныя, униженныя отношенія, въ которыхъ новый государь сталъ къ польскому правительству, возбуждали одинаковое неудовольствіе какъ между русскими, такъ и чисто литовскими князьями и боярами, поборниками своей политической самобытности; въ особенности потомки Ольгерда враждовали противъ Кейстутова сына, несправедливо, по ихъ мнѣнію, захватившаго престолъ. Это неудовольствіе еще болѣе увеличивала жестокость, съ которою великій князь преслѣдовалъ всѣхъ своихъ противниковъ, т.-е. бывшихъ сторонниковъ Свидригайла. Заключенію въ тюрьму, лишенію имущества и даже казнямъ подвергались члены самыхъ знатныхъ родовъ. Мало того, Сигизмундъ дѣлалъ попытки стѣснять феодальныя права князей и бояръ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, и оказывалъ покровительство земледѣльческому классу; не довѣряя вельможамъ, онъ сталъ приближать къ себѣ людей незнатнаго происхожденія, раздавая имъ земскіе уряды и помѣстья, отнятые у опальныхъ князей и бояръ. А когда Сигизмундъ разослалъ приказъ собраться на великій сеймъ,

то былъ пущенъ слухъ, будто этотъ сеймъ есть только западня, приготовляемая для окончательнаго истребленія князей и бояръ. Будучи не въ силахъ открыто свергнуть тирана, окруженнаго польскою стражею, недовольные составили тайный заговоръ. Во главѣ его стали одинъ изъ русскихъ удѣльныхъ князей Иванъ Чарторыйскій, Довгердъ воевода Виленскій и Лелюшъ воевода Трокскій. Къ участію въ заговорѣ они привлекли одного изъ собственныхъ слугъ тирана, его подконюшаго кіевлянина Скобейку. Для исполненія своего замысла заговорщики воспользовались сѣнною повинностью, т.-е. доставкою изъ волостей запасовъ сѣна въ княжескія конюшни.

Сигизмундъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ большомъ Трокскомъ замкѣ. Въ мартѣ 1440 года, въ ночь на Вербное воскресенье на дворъ замка въѣхало триста саней съ сѣномъ; но въ нихъ было спрятано по два или болѣе вооруженныхъ человѣка, да при каждомъ возѣ находился особый погонщикъ, всего слѣдовательно около тысячи или болѣе. Когда началась заутреня, сынъ Сигизмунда Михаилъ изъ замка отправился съ княжими дворянами въ городъ, въ каѳедральную церковь. Тогда скрытая въ возахъ дружина вышла наружу, заперла ворота замка, и, предводимая Чарторыйскимъ, вошла въ великокняжій теремъ. Престарѣлый Сигизмундъ, не выходя изъ своей ложницы, слушалъ богослуженіе, совершавшееся въ смежной дворцовой каплицѣ. При немъ былъ постоянно любимый ручной медвѣдь, игравшій роль вѣрнаго сторожа; когда онъ выходилъ на дворъ и потомъ возвращался къ ложницѣ, то обыкновенно лапою царапалъ дверь. Замѣтивъ, что медвѣдь въ ту пору ходилъ по двору, князь Чарторыйскій и Скобейко, подражая его царапанію, ввели въ заблужденіе Сигизмунда, и онъ отперъ дверь. Тотчасъ заговорщики ворвались въ покой, и осыпали великаго князя бранью за его поступки съ боярами; затѣмъ Скобейко схватилъ желѣзныя вилы, которыми поправляютъ дрова въ каминѣ, и съ такою силою ударилъ старика въ голову, что кровь и мозги забрызгали стѣну, на которой долго потомъ сохранялись ихъ слѣды. Любимецъ и приближенный великаго князя, какой-то Славко, пытавшійся закрыть своего господина отъ убійцъ, былъ выброшенъ въ окно и при паденіи разбился до смерти. Самое тѣло великаго князя въ саняхъ вывезли на озеро и тамъ оставили его на льду. (Послѣ оно было съ честью погребено въ Виленскомъ соборѣ рядомъ съ Витовтомъ).

Когда вѣсть о страшномъ событіи распространилась по городу и

произвела смятеніе между жителями, Михаилъ Сигизмундовичъ съ своей дружиной убѣжалъ въ Малый Трокскій замокъ, расположенный на островѣ посреди озера, и тамъ заперся. Лелюшъ занялъ Большой замокъ именемъ великаго князя Свидригайла и вывѣсилъ на главныхъ воротахъ его бѣлое знамя; то же сдѣлалъ Довгердъ въ Вильнѣ; но одинъ изъ двухъ виленскихъ замковъ, именно Верхній, былъ также захваченъ сторонниками Михаила. Межъ тѣмъ нарочные гонцы уже поскакали въ Молдавію и разыскали тамъ Свидригелла. Онъ поспѣшно отправился на Волынь и прибылъ въ Луцкъ, гдѣ радостно былъ встрѣченъ жителями. Множество заключенныхъ Сигизмундомъ въ разныхъ крѣпостяхъ Литвы и Руси, теперь выпущенныхъ на свободу, увеличивали общую радость по поводу избавленія отъ тирана. Только литовскіе простолюдины не раздѣляли этой радости и сожалѣли о смерти своего покровителя. Въ слѣдующемъ XVI вѣкѣ одинъ изъ польскихъ историковъ говоритъ, будто онъ самъ слышалъ жалобную пѣснь Литвиновъ, въ которой они оплакивали смерть своего Жигмонта, убитаго Русинами.

Вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Вильну и Троки и упрочить за собою вновь выпавшій ему великокняжескій престолъ, Свидригелло, удрученный преклоннымъ возрастомъ, медлилъ въ своемъ любимомъ Луцкѣ; а тѣмъ временемъ обстоятельства снова перемѣнились не въ его пользу.

Въ мѣстечкѣ Ольшанахъ (нынѣ Ошмян. уѣзда) у князя Юрія Семеновича собрались знатнѣйшіе литовскіе сановники, каковы Гаштольдъ, намѣстникъ Смоленскій, Кезгайло, намѣстникъ Жмудскій, Николай Немировичъ, староста Виленскій, Николай Радивилъ, маршалъ Литовскій, и нѣкоторые другіе. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили отстранить обоихъ соперниковъ, Свидригайла и Михаила, и призвать на Литовскій престолъ младшаго Ягайлова сына Казиміра, еще очень юнаго; литовскимъ вельможамъ представлялась надежда воспитать его въ обычаяхъ страны и пока самимъ управлять ею. А главное, этотъ выборъ упрочивалъ тѣсный союзъ съ Польшею и въ то же время давалъ Литвѣ, особаго отъ Польши, самостоятельнаго государя. Польскіе вельможи съ своей стороны полагали, что ближайшее наслѣдственное право на Литовскій престолъ принадлежало ихъ королю Владиславу III; но случилось такъ, что сей послѣдній незадолго передъ тѣмъ соединилъ на своей головѣ съ Польской короной и корону Угорскую. Дѣла Угорскаго королевства и начавшіяся войны съ Турками отвлекли его въ дру-

гую сторону, и онъ легко согласился передать Литовско-Русское княжество своему брату. Однако, по настоянію польскихъ пановъ, Казиміръ былъ отправленъ въ Литву не какъ самостоятельный государь, а какъ намѣстникъ польскаго короля, пользующійся титуломъ просто князя, т.-е. не великаго. Литовскимъ вельможамъ это условіе крайне не понравилось, и, если вѣрить лѣтописному разсказу, они прибѣгли къ слѣдующей хитрости. Юный Казиміръ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ польскихъ сенаторовъ и многочисленной блестящей свиты прибылъ въ Вильну. Литовскіе вельможи устроили роскошное пиршество и такъ усердно напоили своихъ гостей, польскихъ сенаторовъ, что тѣ все слѣдующее утро проспали глубокимъ сномъ. А въ это утро успѣло совершиться торжественное коронованіе Казиміра въ Виленскомъ каѳедральномъ соборѣ; его посадили на великокняжескій престолъ, надѣли на него шапку Гедимина, подали ему мечъ и покрыли великокняжескою мантіей (3 іюля 1440 г.). Поляки были разбужены громкими кликами, которыми народъ привѣтствовалъ своего новаго государя. Польскимъ сенаторамъ, получившимъ по этому случаю богатые подарки, не оставалось ничего болѣе, какъ скрыть свое неудовольствіе и также принести поздравленія великому князю.

Въ трудное время пришлось юному Казиміру начать свое княженіе въ Литовскорусскомъ государствѣ. Предыдущія смуты и междоусобія сопровождались разными физическими бѣдствіями: страшные морозы, повлекшіе за собой неурожай, сильные разливы рѣкъ, моровыя повѣтрія, голодъ попеременно или вмѣстѣ упоминаются у лѣтописцевъ того времени. Притомъ далеко не всѣ области съ самаго начала признали Казиміра великимъ княземъ; польскій король также не утвердилъ его въ этомъ достоинствѣ; а недовольные оборотомъ дѣла Поляки выказали готовность поддерживать соперниковъ Казиміра, чтобы раздробить великое княжество и тѣмъ легче потомъ привести его въ полную зависимость отъ польской короны. Такъ Болеславъ-Свидригайло получилъ находившуюся въ его рукахъ Волынскую землю и часть Подоліи въ ленъ отъ польскаго короля. Михаилъ Сигизмундовичъ соединился съ Мазовецкими князьями, отдавъ имъ землю Берестейскую; его сторону приняла Жмудь, которая возстала противъ Казиміра и изгнала своего старосту Кезгайла съ его намѣстниками. Русскій городъ Смоленскъ также поднялъ открытое возстаніе. Но во главѣ состоявшей при великомъ князѣ литовской рады или совѣта вельможъ сталъ умный, опытный Іоаннъ

Гаштольдъ, пѣстунъ или дядька юнаго Казиміра; онъ постепенно умиротворилъ великое княжество. Гаштольдъ лично отправился съ войскомъ на Западный Бугъ, гдѣ одними переговорами успѣлъ склонить Брестъ и другіе города къ возвращенію подъ власть великаго князя. Точно также онъ успокоилъ Жмудиновъ, которымъ назначилъ другого старосту, по ихъ желанію; а впослѣдствіи, когда тамъ упрочилась власть великаго князя, Кезгайло снова былъ туда возвращенъ. Михаилъ Сигизмундовичъ пріѣхалъ въ Вильну и помирился съ Казиміромъ, получивъ отъ него въ удѣлъ тѣ самые города, которыми прежде владѣлъ его отецъ Сигизмундъ, т.-е. Бѣльскъ, Брянскъ, Стародубъ и нѣкоторые другіе. Но это примиреніе было не искреннее. Питая зависть и злобу противъ своего счастливаго соперника, Михаилъ задумалъ овладѣть престоломъ помощью вѣроломнаго убійства.

Однажды, когда Казиміръ, подобно своему отцу скоро пристрастившійся къ охотѣ, занимался ловами въ литовскихъ пущахъ, вдругъ въ сосѣдствѣ показалось нѣсколько сотъ незнакомыхъ всадниковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Едва лѣсные сторожа дали знать о томъ придворному великокняжескому маршалку Андрею Гаштольдовичу, какъ тотъ, не медля ни минуты, схватилъ юнаго Казиміра и ускакалъ съ нимъ въ Троки. Отецъ его Янъ Гаштольдъ тотчасъ выслалъ въ погоню сильный конный отрядъ, который догналъ заговорщиковъ, частію ихъ побилъ, частію взялъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ ихъ предводителей, пять братьевъ русскихъ князей Воложинскихъ. Захваченные въ плѣнъ были казнены въ Трокахъ. Послѣ того Гаштольдъ лично отправился на Михаила къ городу Брянску; но тотъ, не дожидаясь его прихода, бѣжалъ за московскій рубежъ. Удѣлъ его былъ вновь присоединенъ къ великому княженію. Съ Свидригайломъ дѣло обошлось еще проще. Онъ вскорѣ отрекся отъ вассальныхъ отношеній къ своему племяннику, Польскому королю, и принесъ присягу на ленную зависимость отъ другого своего племянника, т.-е. великаго князя Литовскаго. Казиміръ оставилъ престарѣлому и бездѣтному дядѣ спокойное пожизненное владѣніе Волынскою землею. Въ то же время древній стольный Кіевъ съ его областью онъ отдалъ въ удѣлъ своему двоюродному брату Александру Олельку Владиміровичу, князю Копыльскому и Слуцкому, отецъ котораго Владиміръ Ольгердовичъ долгое время былъ княземъ Кіевскимъ.

Не такъ легко справилась великокняжеская рада съ мятежомъ Смольнянъ.

Когда Янъ Гаштольдъ, бывшій Смоленскимъ намѣстникомъ, отпра-

вился въ Троки на сеймъ, созывавшійся Сигизмундомъ, то въ отсутствіе свое поручилъ городъ Андрею Саковичу. Вслѣдъ затѣмъ пришла вѣсть объ убіеніи Сигизмунда. Саковичъ тотчасъ потребовалъ отъ Смольнянъ присяги въ томъ, что они признаютъ своимъ господаремъ того, кого выберутъ въ Вильнѣ князья и бояре Литовскіе, а его, Саковича, будутъ держать у себя на воеводствѣ впредь до новаго распоряженія изъ Вильны. Епископъ смоленскій Симеонъ, бояре и мѣстичи дали требуемую присягу. Но, очевидно, память о старой самобытности и нелюбовь къ Литовскому владычеству еще были сильны въ народѣ. Въ середу на Святой недѣлѣ черные люди, преимущественно разные ремесленники, кузнецы, кожемяки, мясники, котельники и пр., подняли мятежъ противъ воеводы; надѣвъ доспѣхи, вооружась сулицами, луками, косами, сѣкирами, они зазвонили въ колоколъ у Бориса и Глѣба и собрались тутъ на вѣче. Андрей Саковичъ обратился за совѣтомъ къ боярамъ, которые держали литовскую сторону. Послѣдніе не только посовѣтовали ему вооружить своихъ дворянъ, но и ополчились сами со своими слугами. На коняхъ съ копьями на перевѣсъ воеводская дружина внезапно ударила на черныхъ людей и многихъ побила; остальные разбѣжались. Но это былъ успѣхъ только временный; въ городѣ поднялся еще большій мятежъ, и весь городъ сталъ вооружаться. Тогда Саковичъ въ ту же ночь съ своей семьей и съ боярами уѣхалъ изъ города, поручивъ его маршалку Петрику. Смольняне схватили Петрика и утопили его въ Днѣпрѣ; воеводою же своимъ выбрали князя Андрея Дмитріевича Дорогобужскаго. А потомъ, когда узнали о литовскихъ приготовленіяхъ къ большому на нихъ походу, призвали на свой столъ одного изъ внуковъ Ольгерда, именно князя мстиславскаго Юрія Лугвеневича. Нѣкоторыхъ воротившихся въ Смоленскъ бояръ Юрій велѣлъ схватить и заковать, а имѣнья ихъ роздалъ своимъ собственнымъ боярамъ, и вообще началъ княжить самостоятельно и независимо. Литовская правительственная рада отправила сильное войско. Три недѣли стояло оно подъ Смоленскомъ, пожгло посады и монастыри и захватило большой полонъ; но города не могло взять и ушло назадъ. Тогда было собрано еще болѣе многочисленное войско, съ которымъ осенью 1442 года выступилъ самъ Казиміръ. Не видя ни откуда помощи, Юрій Лугвеневичъ покинулъ Смоленскъ и удалился въ Великій Новгородъ. Смольняне покорились Литовскому государю; Юрій потомъ также примирился съ своимъ двоюроднымъ братомъ и вновь получилъ Мстиславскій удѣлъ, при посредствѣ своего пріятеля

Гаштольда, у котораго прежде крестилъ дѣтей. Этотъ Гаштольдъ по смерти Довгерда назначенъ Виленскимъ воеводою.

Едва Казиміру или собственно его дядькѣ Гаштольду удалось устранить соперниковъ, умиротворить Литовскорусское княжество и охранить его самобытность отъ польскихъ притязаній, какъ возникли новыя затрудненія и новая опасность съ той же западной стороны, т.-е. отъ Польши. Польскоугорскій король Владиславъ III, совершенно отвлеченный отношеніями Угорскими и борьбою съ Турками, почти оставилъ въ покоѣ Литву и Русь. Въ ноябрѣ 1444 года этотъ неопытный юноша палъ въ битвѣ подъ Варною. Смерть его разорвала только что завязавшуюся унію Польши съ Венгріей. Угры выбрали себѣ особаго короля (Владислава Постума или посмертнаго Альбрехтова сына). Поляки также приступили къ избранію, и на сеймѣ въ Серадзѣ, въ апрѣлѣ 1445 года, выборъ вельможъ и духовенства палъ на Казиміра Ягайловича. Утративъ унію съ Венгріей, они тѣмъ усерднѣе заботились теперь объ укрѣпленіи своей уніи съ Литвою. Въ случаѣ вступленія на польскій престолъ короля изъ иного, не Ягайлова, дома всякая политическая связь Польши съ Литвою и Русью могла бы прекратиться; тогда какъ выборъ Казиміра представлялъ виды не только на поддержаніе ихъ связи, но и на полное сліяніе съ Польшею; слѣдовательно, такой выборъ самъ собою вытекалъ изъ обстоятельствъ. Но иначе отнеслись къ нему литовско-русскіе вельможи. Ярко обнаружившееся стремленіе польскихъ пановъ къ подчиненію себѣ великаго княжества и къ захвату въ немъ земель и должностей возбуждало здѣсь сильное неудовольствіе; литовскорусское дворянство теперь стало особенно дорожитъ отечественною самобытностью; а православное духовенство конечно опасалось католической пропаганды.

Юноша Казиміръ уже успѣлъ привыкнуть къ обычаямъ и языку какъ Литвы, такъ и Руси, и страстно полюбилъ охоту, для которой литовско-русскія пущи представляли такое приволье. Притомъ здѣсь еще сохранилась почти неограниченная власть государя; тогда какъ въ Польшѣ она уже была сильно стѣснена привилегіями вельможъ и духовенства. Поэтому сначала онъ подчинился внушеніямъ литовско-русскихъ бояръ и отвѣчалъ Полякамъ уклончиво, ссылаясь на то, что смерть его брата пока остается сомнительною, не вполнѣ подтвержденною. Цѣлыхъ два года длились переговоры между Литвою и Польшею, и Казиміръ продолжалъ уклоняться. Наконецъ Поляки прибѣгли къ рѣшительному средству: они выбираютъ на свой

престолъ одного изъ Пястовъ, именно Мазовецкаго князя Болеслава, и даже дѣлаютъ приготовленія къ его коронованію. Такое избраніе грозило Литвѣ, во-первыхъ, войною за землю Берестейскую, на которую Болеславъ имѣлъ притязанія; а во-вторыхъ, угрожало новымъ междоусобіемъ съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ, притязанія котораго на Литовскій престолъ Болеславъ несомнѣнно сталъ бы поддерживать. Эти причины и убѣжденія матери, вдовствующей королевы Софьи, заставили наконецъ Казиміра уступить и согласиться на свое избраніе. Въ іюнѣ 1447 года совершилось торжественное его коронованіе въ Краковскомъ соборѣ; на этомъ торжествѣ присутствовали члены Ольгердова дома, Свидригайло и Юрій Лугвеневичъ, а также и нѣкоторые западно-русскіе князья ([61]).

Время, послѣдующее за возведеніемъ Казиміра на польскій престолъ, отмѣчено цѣлымъ рядомъ бурныхъ сеймовъ, на которыхъ Поляки спорили съ Литвинами и Русскими о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Таковы были сеймы въ Петроковѣ, Люблинѣ, Парчовѣ, Серадзѣ, Корчинѣ и др. Поляки явно стремились къ обращенію Литовскорусскихъ областей въ провинціи Польскаго королевства, и прежде всего предъявили свои требованія на всю Подолію, Волынь, а также на область Западнаго Буга (Подляхія). Староста Польской части Подолья Θеодоръ Бучацкій успѣлъ захватить еще нѣсколько замковъ въ Литовской части и занять ихъ польскими гарнизонами. Литовскорусскіе вельможи сильно вознегодовали на этотъ своевольный поступокъ; на сеймахъ они горячо отстаивали цѣлость своего государства и требовали возвращенія тѣхъ подольскихъ и волынскихъ городовъ, которые были захвачены Поляками. Съ той и другой стороны выставлялись историческія основанія для своихъ притязаній. Литво-Руссы доказывали, что Подольская земля была отнята у Татаръ Ольгердомъ и отдана его племянникамъ Коріатовичамъ, которые построили тамъ новые города или возобновили старые (Смотричъ, Бакоту, Каменецъ и пр.), и, храбро обороняя этотъ благодатный край отъ Татаръ, привлекли туда христіанское населеніе изъ сосѣднихъ странъ. А Волынь они считали пріобрѣтеніемъ Гедимина и его сына Любарта, слѣдовательно прямымъ наслѣдіемъ великихъ князей литовскихъ. Поляки съ своей стороны, не совсѣмъ справедливо, ссылались на прежнія завоеванія этихъ земель королями Пястова дома, особенно Казиміромъ III; затѣмъ ссылались на Городельскую унію и другіе договоры съ Литовскими великими князьями, особенно на договоры съ Сигизмундомъ, который по смерти

своей уступалъ польскому королю едва не все Литовскорусское княжество. А Надбужанскую область они считали достояніемъ князей Мазовецкихъ, хотя эта область еще недавно входила въ удѣлъ Кейстута.

Поляки упрекали Литво-Руссовъ въ измѣнѣ клятвамъ, которыми была скрѣплена Городельская унія, и, ссылаясь на то, что теперь у нихъ одинъ и тотъ же государь, предлагали имъ отмѣнить самый титулъ особаго великаго княжества и замѣнить его общимъ именемъ Польши. Литовцы отвергали подобныя предложенія и съ своей стороны высказывали желаніе, чтобы изъ акта Городельской уніи были исключены слова о вѣчномъ присоединеніи Литвы къ Польшѣ; такъ какъ эти слова были тогда внесены безъ вѣдома Литвиновъ, плохо понимавшихъ латинскій текстъ означеннаго акта. Кромѣ того Литовцы требовали отъ Поляковъ возвращенія захваченныхъ ими западныхъ частей Подоліи и Волыни.

Незавидно было положеніе молодого короля между этими двумя враждебными сторонами, и онъ часто недоумѣвалъ, что ему дѣлать и какъ поступать. Въ началѣ очевидно онъ находился еще подъ вліяніемъ своей привязанности къ Литвѣ и совѣтовъ своего пѣстуна Гаштольда, такъ что противился требованіямъ Поляковъ относительно присоединенія Волыни и Подоліи; что могло бы повести не только къ неудовольствію, но и къ явнымъ мятежамъ въ Литовско-Русскихъ областяхъ. Но съ другой стороны онъ не имѣлъ достаточно власти, чтобы укрощать назойливыя притязанія польскихъ пановъ и духовенства, которые кромѣ присоединенія Русскихъ провинцій постоянно требовали отъ него клятвеннаго подтвержденія разныхъ для себя привилегій, полученныхъ отъ Ягайла, и дарованія новыхъ, клонившихся къ дальнѣйшему ограниченію королевской власти. Между самими членами польскихъ сеймовъ выступили тогда двѣ большія и несогласныя между собою партіи: Великополяне и Малополяне. Первые были вообще умѣреннѣе, и равнодушнѣе относились къ вопросу о присоединеніи Русскихъ земель, съ которыми они не находились въ сосѣдствѣ. Вторые наоборотъ отличались запальчивостію и неумѣренностію въ своихъ требованіяхъ. Они явно стремились къ захвату староствъ и всякихъ урядовъ, а также къ захвату поземельныхъ владѣній въ сосѣднихъ съ ними Русскихъ областяхъ. Главою Малопольской партіи являлся все тотъ же Краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій; надменный своимъ кардинальскимъ достоинствомъ, онъ не хотѣлъ уступать первое мѣсто на совѣщаніяхъ и торжествахъ

даже примасу королевства архіепископу Гнѣзненскому, за котораго стояли Великополяне. Первенствующее значеніе Олесницкаго поддерживалось еще самою королевою-матерью Софьей. Эта королева, по происхожденію русская и православная, теперь находилась подъ полнымъ его вліяніемъ, а злые языки утверждали, что она имѣла съ нимъ не одно только духовное общеніе.

Казиміръ IV нерѣдко долженъ былъ выносить гордый тонъ и суровые упреки со стороны Краковскаго епископа и дѣлать ему уступки. Въ одномъ только вопросѣ онъ оставался твердъ. Олесницкій, главный виновникъ возведенія на Литовскій престолъ Сигизмунда Кейстутьевича, теперь хлопоталъ за его сына Михаила, и требовалъ, чтобы король помирился съ нимъ и далъ бы ему удѣлъ въ Литовско-русскомъ княжествѣ. Но послѣ извѣстнаго покушенія на его жизнь Казиміръ не хотѣлъ и слышать о Михаилѣ. Послѣдній нѣкоторое время пребывалъ въ Московской землѣ. Съ помощью Татаръ онъ нападалъ на Сѣверскія области, которыя хотѣлъ оторвать отъ Литовскаго княжества. Великій князь Московскій Василій Темный поддерживалъ его притязанія. Съ своей стороны Казиміръ поддерживалъ соперниковъ Василія, Ивана Можайскаго и Димитрія Шемяку. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ предпріятіяхъ съ этой стороны, Михаилъ искалъ убѣжища въ Молдавіи, потомъ въ Силезіи, потомъ опять возвратился въ Московскія владѣнія. Но вслѣдствіе вновь заключеннаго съ Литвою мира Темный отказалъ ему въ дальнѣйшей поддержкѣ. Одно, впрочемъ не совсѣмъ достовѣрное, сказаніе сообщаетъ, что Михаилъ Сигизмундовичъ умеръ, отравленный какимъ-то игуменомъ; сей послѣдній будто бы далъ ему просфору съ столь сильнымъ ядомъ, что князь тутъ же упалъ и испустилъ духъ. Испуганный такою быстрою кончиной, игуменъ, опасаясь мести отъ двоюродной сестры Михаила, великой княгини Софьи Витовтовны, будто бы тотчасъ вкусилъ той же отравы и точно также умеръ (1452 г.).

Въ томъ же 1452 году скончался въ Луцкѣ и бывшій великій князь Литовскій, престарѣлый Свидригайло. Пока онъ жилъ и владѣлъ большею частію Волыни, какъ ленникъ Казиміра IV, споры объ этой области еще не имѣли рѣшительнаго оборота. Но вопросъ получилъ вполнѣ жгучій характеръ, когда приблизилась кончина Свидригайла, и съ одной стороны Поляки готовились захватить весь Волынскій край, а съ другой Литво-Руссы принимали мѣры, чтобы удержать его за собою. Всю жизнь гонимый Поляками и питавшій къ нимъ почти ненависть, окруженный волынскими боярами, Свидригай-

ло на смертномъ одрѣ принялъ всѣ мѣры, чтобы его удѣлъ остался за Литовскимъ княжествомъ. Онъ призвалъ своего старосту Нѣмира, князей Чарторыйскихъ, боярина Юршу съ другими вельможами, и заставилъ ихъ поклясться, что они по его смерти никому не отдадутъ Луцкую землю, какъ только посламъ великаго князя Литовскаго. Что и было исполнено, т.-е.: когда онъ скончался, Луцкъ и другіе важнѣйшіе города его были тотчасъ заняты литовско-русскими гарнизонами во имя великаго князя Литовскаго. Казиміръ въ то время пребывалъ въ Литвѣ. Обстоятельство это сильно раздражило малопольскихъ пановъ. Они взялись за оружіе и объявили походъ, чтобы силою отнять Луцкъ. Но съ одной стороны сопротивленіе короля, съ другой отказъ Великополянъ принять участіе въ войнѣ охладили рвеніе Малополянъ, и они принуждены были ограничиться дерзкими укорами, обращенными къ королю на сеймахъ, и горячими спорами съ литовско-русскими вельможами. Распри эти одно время дошли до такого ожесточенія, что подали поводъ лѣтописцу сообщить довольно странное извѣстіе. Польскіе паны будто бы уговорились между собою воспользоваться сеймомъ (созваннымъ или въ Петроковѣ, или въ Парчовѣ) и тутъ измѣннически перебить всѣхъ съѣхавшихся литовско-русскихъ вельможъ, чтобы тѣмъ легче завладѣть ихъ областями. Но сихъ послѣднихъ предупредилъ одинъ добрый полякъ; тогда они ночью тайно покинули свой станъ и уѣхали въ Литву. Отсюда знатнѣйшіе литовскіе вельможи, какъ Гаштольдъ, Кезгайло, Радивиллъ и нѣкоторые другіе, отослали польскимъ фамиліямъ заимствованные у нихъ гербы, и стали печатать грамоты своими старыми печатями. Послѣ того королю стоило большихъ усилій мало-по-малу успокоить взаимную ненависть и нѣсколько помирить обѣ враждующія стороны ([62]).

На слѣдующемъ Петроковскомъ сеймѣ 1453 года, гдѣ съѣхались одни Поляки, Казиміръ, послѣ долгихъ препирательствъ, долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ и не только подписалъ грамоту, подтверждавшую ихъ права и привилегіи, но и произнесъ присягу никогда не отчуждать отъ Польской короны принадлежащія ей земли, въ томъ числѣ Литву, Русь и Молдавію. Такая въ общихъ выраженіяхъ составленная клятва въ сущности ничего новаго не прибавляла. Важнѣе то, что король обязался имѣть при своей особѣ постоянную раду изъ четырехъ Поляковъ и удалить отъ себя непріязненныхъ Польшѣ Литвиновъ. Этотъ Петроковскій сеймъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что во время препирательствъ съ королемъ Поляки для

обсужденія вопросовъ раздѣлились на двѣ избы или палаты: *сенаторскую* и *рыцарскую* (верхнюю и нижнюю).

Всѣ подобные споры между Поляками и Литво-Русью имѣли самое вредное вліяніе на важнѣйшія дѣла обоихъ государствъ. Такъ, Молдавскіе господари, угрожаемые Турками, хотя и признали себя вассалами Польши, но нерѣдко отвергли свою зависимость, и, только благодаря смутамъ и междоусобіямъ за престолъ въ самой Молдавіи, Поляки получали возможность вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла и поддерживать тѣмъ свое вліяніе. Особенно гибельны были русско-польскія распри для южныхъ Русскихъ областей, страдавшихъ отъ татарскихъ набѣговъ. Татары не только безнаказанно опустошали и брали большой полонъ въ пограничныхъ земляхъ Кіевской и Подольской, но проникали иногда въ Земли Галицкую и Волынскую. Лѣтописи указываютъ на отдѣльные подвиги нѣкоторыхъ польскихъ и русскихъ пограничныхъ воеводъ, которымъ удавалось иногда собрать небольшую дружину и гдѣ-либо при переправѣ черезъ рѣки или въ лѣсныхъ мѣстахъ ударить внезапно на возвращавшіяся толпы грабителей и отнять у нихъ хотя часть полоненнаго народа. Но вообще въ этихъ войнахъ Литво-Русины и Поляки рѣдко помогали другъ другу; такъ далеко простиралась тогда ихъ взаимная непріязнь.

Въ 1455 году скончался краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій, мужъ замѣчательнаго ума и характера, ревностный поборникъ католицизма и полонизма по отношенію къ Литовско-Русскому государству; но чрезмѣрными притязаніями относительно своего государя (напоминавшими исторію Ѳомы Бекета и Генриха Плантагенета) онъ не мало способствовалъ гибельному для Польши ослабленію королевской власти. Олесницкій умеръ въ то время, когда Польша вступила съ своимъ безпокойнымъ сосѣдомъ, Тевтонско-Прусскимъ Орденомъ, въ новую и еще болѣе рѣшительную войну, чѣмъ то было при Ягайлѣ и Витовтѣ.

Въ Пруссіи уже давно шла глухая борьба нѣмецкихъ городовъ и свѣтскихъ рыцарей-землевладѣльцевъ противъ притязаній Ордена, т.-е. рыцарей-монаховъ, которые хотѣли удержать въ своихъ рукахъ всю власть надъ страною, обременяя ее податями и налогами и стѣсняя торговлю городовъ, участвовавшихъ въ Ганзейскомъ союзѣ. Въ концѣ XIV вѣка нѣкоторые свѣтскіе рыцари заключили между собою конфедерацію или такъ называемое „Товарищество Ящерицы“ (по отличительному его знаку) съ цѣлью отстаивать свои права противъ Ордена; къ этому товариществу присоединились по-

степенно почти всѣ большіе торговые города Пруссіи. Въ возникшемъ спорѣ его съ Орденскими властями римскій папа и германскій императоръ склонялись на сторону Ордена. Тогда прусская конфедерація обратилась къ Казиміру, и въ мартѣ 1454 года ея уполномоченные подписали актъ подданства Прусской земли Польскому королю, выговоривъ въ свою пользу разныя привилегіи относительно торговли, податей и управленія. Но добровольное подданство надобно было утвердить оружіемъ. Нѣмецкій Орденъ, несмотря на свой упадокъ, сохранялъ еще настолько силы и энергіи, что оказалъ упорное сопротивленіе, и даже нанесъ Казиміру большое пораженіе въ битвѣ подъ Хойницами въ томъ же 1454 году. Затѣмъ война длилась съ перемѣннымъ счастьемъ цѣлыя 12 лѣтъ; пока Нѣмецко-Прусскій Орденъ, истощивъ всѣ усилія къ сопротивленію, попросилъ мира, который и былъ заключенъ при посредствѣ папскаго легата въ Торунѣ въ октябрѣ 1466 года. По этому миру къ Польшѣ отошли земли Хельминская и Поморская, города Маріенбургъ, Гданскъ и Эльбингъ; а восточная часть Пруссіи съ своею столицею Кролевцемъ или Кенигсбергомъ осталась за Орденомъ, но въ нѣкоторой вассальной зависимости отъ Польскаго короля. Главная причина, почему война такъ затянулась и окончилась все-таки далеко неполнымъ покореніемъ Орденскихъ земель, заключалась въ помянутыхъ выше раздорахъ между Поляками и Литво-Руссами. Послѣдніе почти устранились отъ участія въ войнѣ, и вся тяжесть ея пала на Польшу. Такимъ образомъ, составляя политическую унію, имѣя теперь одного общаго государя, двѣ страны на этотъ разъ дѣйствовали съ меньшимъ единодушіемъ и энергіею, нежели въ эпоху Ягайла и Витовта, т.-е. въ эпоху битвы при Танненбергѣ. Одинъ польскій историкъ (Длугошъ) увѣряетъ, что въ Литовско-Русскомъ княжествѣ противники существовавшей тамъ польско-королевской партіи завязали даже тайныя сношенія съ Нѣмецкимъ Орденомъ.

Во главѣ польско-королевской партіи стоялъ бояринъ Монивидъ, воевода Трокскій; а руководителемъ литовской оппозиціи являлся тотъ самый Гаштольдъ, который былъ прежде дядькой Казиміра и главною опорою его при утвержденіи на Литовскомъ престолѣ. Партія же собственно русская и православная искала своего средоточія въ князѣ Кіевскомъ Симеонѣ Олельковичѣ.

Первымъ удѣльнымъ Кіевскимъ княземъ изъ дома Гедимина былъ внукъ его Владиміръ Ольгердовичъ. Въ его продолжительное трид-

цатилѣтнее княженіе (1362—1392) Кіевъ успѣлъ замѣтно отдохнуть, обстроиться и вообще оправиться отъ своего крайняго упадка и разоренія, причиненнаго Батыевымъ погромомъ. Усвоивши себѣ православіе и русскую народность, Владиміръ Ольгердовичъ усердно заботился о благосостояніи православной церкви въ своей области и стремился даже возстановить митрополичью каѳедру въ Кіевѣ; почему онъ поддерживалъ митрополита Кипріана въ то время, когда сей послѣдній не былъ принятъ въ Москвѣ Димитріемъ Донскимъ и проживалъ на митрополичьемъ дворѣ у Кіевской Софіи. Извѣстно, что Витовтъ, утвердясь на великокняжескомъ Литовскомъ престолѣ, изгналъ изъ Кіева Владиміра Ольгердовича и посадилъ его въ ничтожномъ Копыльскомъ удѣлѣ, а Кіевскій столъ отдалъ Скиргеллу Ольгердовичу (1392). Тщетно Владиміръ ѣздилъ въ Москву просить помощи у великаго князя Василія Дмитріевича; послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Копылѣ; но останки его были погребены въ Кіево-Печерской лаврѣ. Скиргелло былъ также вполнѣ русскій по своему воспитанію и привычкамъ и ревностный поборникъ православія; но его княженіе въ Кіевѣ продолжалось только четыре года. Однажды послѣ пира у митрополичьяго намѣстника онъ отправился на охоту за Днѣпръ, тутъ заболѣлъ и вскорѣ скончался. Молва приписала его смерть отравѣ.

Послѣ того Витовтъ, пользовавшійся всякимъ случаемъ подорвать удѣльную систему въ Литвѣ и Западной Руси и водворить въ нихъ свое единодержавіе, не отдалъ Кіевской области въ удѣлъ никому изъ литовскихъ или русскихъ князей, а держалъ ее посредствомъ своихъ намѣстниковъ или воеводъ; первымъ изъ нихъ былъ его довѣренный вельможа Іоаннъ Ольгимунтовичъ князь Ольшанскій. Въ началѣ великаго княженія Свидригайлова Кіевскимъ воеводою мы видимъ его храбраго сподвижника Юршу или Юрія. Изгнанный изъ Литвы и Сѣверозападной Руси Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, Свидригайло съ своими приверженцами нашелъ убѣжище въ Кіевѣ, и послѣдній вновь сдѣлался средоточіемъ довольно обширнаго русскаго удѣла. Этотъ князь, какъ извѣстно, несмотря на перемѣну вѣры, до конца остался преданнымъ и русской народности и православію, подобно своимъ старшимъ братьямъ Владиміру и Скиргеллу. Выше было сказано, что когда престолъ великокняжескій перешелъ къ Казиміру Ягайловичу, а Свидригайло получилъ удѣлъ Луцко-Волынскій, то руководитель юнаго Казиміра Янъ Гаштольдъ счелъ нужнымъ сдѣлать уступку русской княжеско-боярской партіи и отдать Кіевскую область

на правахъ вотчиннаго удѣльнаго княжества сыну Владиміра Ольгердовича Копыльскому князю Александру, прозваніемъ Олельку. Будучи внукомъ Ольгерда, Александръ и по женѣ своей занималъ высокое положеніе: онъ былъ женатъ на дочери Василія Дмитріевича Московскаго Анастасіи, которая по матери была внучкою Витовта. По смерти сего послѣдняго русская партія даже предлагала выбрать Олелька на Литовскій великокняжескій престолъ. Поэтому Сигизмундъ Кейстутьевичъ схватилъ его какъ своего опаснаго соперника и заключилъ въ темницу, вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлыя пять лѣтъ, т.-е. до самой смерти Сигизмунда.

Пятнадцать лѣтъ Олелько управлялъ Кіевскою областью въ духѣ своего отца Владиміра. Онъ скончался въ 1455 году, принявъ передъ смертію монашество, и былъ погребенъ въ той же Кіевопечерской лаврѣ. Два его сына, Симеонъ и Михаилъ, вздумали было раздѣлить между собою Кіевскую область на правахъ вотчины и дѣдины; но Казиміръ не призналъ этихъ правъ; онъ отвѣчалъ имъ: „дѣдъ вашъ, князь Владиміръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою Кіевъ". Однако великій князь отдалъ Кіевъ какъ пожизненный ленъ старшему, Симеону; а младшему, Михаилу, предоставилъ въ качествѣ вотчины Копыль и Слуцкъ. Симеонъ Олельковичъ также до самой своей смерти (до 1471 г.) оставался Кіевскимъ княземъ. Онъ былъ искусный, храбрый военачальникъ, и успѣшно отражалъ нападенія Крымской орды на Кіевскіе предѣлы. Вѣрный преданіямъ своей семьи, онъ много заботился о возстановленіи и украшеніи церквей, разрушенныхъ Татарами. Кіевъ особенно пострадалъ въ 1416 году, когда онъ былъ взятъ Эдигеемъ и вновь разоренъ; при чемъ Кіевопечерская лавра, уже претерпѣвшая погромъ Батыевъ, теперь была обращена въ развалины. Симеонъ Олельковичъ возстановилъ обитель, и почти заново выстроилъ ея знаменитый Успенскій храмъ, вновь украсилъ его иконнымъ расписаніемъ и снабдилъ церковною утварью. Въ этой же Кіевопечерской обители онъ нашелъ успокоеніе по смерти, подобно своему дѣду и отцу. Послѣ него права на Кіевское княженіе перешли къ его брату Михаилу и сыну Василію.

Но теперь Польсколитовскій король уже настолько чувствовалъ упроченною свою власть въ Западной Руси, что рѣшилъ нанести ударъ русской партіи и покончить существованіе особаго Кіевскаго удѣла. Казиміръ не забылъ того, что литовско-русское боярство не одинъ разъ требовало отъ него, чтобы онъ или жилъ постоянно въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, или назначилъ сюда особаго на-

мѣстника; при чемъ прямо указывало на Кіевскаго князя Симеона Олельковича. Казиміръ не только отказался вновь отдать Кіевъ кому-либо изъ Олельковичей, но назначилъ туда своимъ воеводою даже неправославнаго вельможу, а католика, сына Гаштольдова Мартына. Кіевляне попробовали было не пускать къ себѣ этого воеводу; но Мартынъ пришелъ съ литовскимъ войскомъ, взялъ Кіевъ приступомъ и водворился въ такъ называемомъ „Литовскомъ замкѣ“, который былъ выстроенъ между Верхнимъ Кіевомъ и Подоломъ на особомъ возвышеніи (гора Киселевка).

Михаилъ Олельковичъ въ то время находился въ Новгородѣ Великомъ, куда былъ призванъ въ качествѣ Казимірова намѣстника партіей Борецкихъ. Узнавъ о смерти брата Симеона, онъ покинулъ Новгородъ и отправился въ Кіевъ; но нашелъ его уже въ рукахъ Мартына Гаштольдовича, и принужденъ былъ довольствоваться своимъ Копыльскимъ удѣломъ. Однако лишеніе наслѣдственнаго Кіевскаго стола глубоко его оскорбило. Удѣльные князья Югозападной Руси ясно видѣли, какъ Казиміръ IV шелъ здѣсь по стопамъ Витовта, замѣняя этихъ князей своими намѣстниками и воеводами, и конечно не хотѣли безропотно уступать мѣсто единодержавному порядку. Составился какой-то заговоръ, во главѣ котораго стали тотъ же Михаилъ Олельковичъ, его двоюродный братъ Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій (также внукъ Владиміра Ольгердовича) и одинъ изъ князей Ольшанскихъ, родственникъ Казиміра по матери послѣдняго. Планы и намѣренія заговорщиковъ остались для насъ не вполнѣ разъясненными. По однимъ источникамъ они хотѣли захватить Казиміра въ свои руки, низложить его или даже убить и возвести на Литовскій великокняжескій престолъ Михаила Олельковича; а по другимъ извѣстіямъ они задумали овладѣть нѣкоторыми восточными областями и вмѣстѣ съ ними перейти подъ державу великаго князя Московскаго, о чемъ заранѣе вошли въ переговоры съ симъ послѣднимъ. Ѳедоръ Бѣльскій воспользовался своею свадьбою съ дочерью Александра Чарторыйскаго и пригласилъ короля на празднество. Король дѣйствительно прибылъ на свадьбу. Но тутъ заговоръ случайно былъ открытъ, и слуги Бѣльскаго подъ пыткою выдали тайну своихъ господъ. Бѣльскій узналъ о томъ ночью; онъ вскочилъ съ постели, полуодѣтый бросился на коня, ускакалъ за московскую границу, и вступилъ въ службу Ивана Васильевича. (Молодую жену его Казиміръ удержалъ въ Литвѣ, и Бѣльскій потомъ женился въ Москвѣ на другой). Товарищи его Михаилъ Олельковичъ и князь Ольшанскій

были схвачены и преданы суду, который приговорилъ ихъ къ смертной казни. Казиміръ утвердилъ приговоръ, и онъ былъ приведенъ въ исполненіе въ августѣ 1482 года въ Кіевѣ передъ воротами Литовскаго замка. Но, какъ мы сказали, суть этого дѣла пока покрыта какою-то таинственностью. Видимъ только, что удѣльной системѣ въ Литовской Руси нанесенъ тяжелый ударъ, отъ котораго она уже не оправилась.

Нѣкоторые русскіе князья продолжаютъ еще владѣть своими вотчинными областями, каковы: Слуцкіе, Пинскіе, Кобринскіе, Одоевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и пр. Но эти мелкіе владѣтели или „служебные князья" уже не опасны болѣе для политическаго единства Литовской Руси; они охотно принимаютъ достоинство великокняжескихъ намѣстниковъ въ большихъ городахъ и пользуются сопряженными съ нимъ доходами. Опасность представляли только удѣльные князья пограничные съ великимъ княжествомъ Московскимъ, имѣя возможность передаваться на его сторону вмѣстѣ съ своими землями. Поэтому великій князь Литовскій старается обезпечить ихъ вѣрность особыми договорами или „присяжными записями". Но подобные договоры оказались мало дѣйствительны, и подъ конецъ Казимірова правленія нѣкоторые русскіе удѣльные князья все-таки отложились отъ Литвы и поддались Москвѣ. Только важнѣйшая пограничная область, Смоленская, была совершенно лишена своего стараго княжаго рода и крѣпко держалась посредствомъ литовскихъ воеводъ; древній городъ Смоленскъ, снабженный сильнымъ гарнизономъ, служилъ надежнымъ оплотомъ Литовскорусскаго государства съ этой стороны ([63]).

Кромѣ совершеннаго ослабленія удѣльной системы въ Литовской Руси, въ княженіе Казиміра IV произошло, упомянутое выше, окончательное отдѣленіе Западнорусской церкви отъ Восточной въ отношеніи митрополіи. Видную роль въ этомъ отдѣленіи игралъ извѣстный митрополитъ-уніатъ Исидоръ, пребывавшій теперь въ Римѣ въ санѣ кардинала. По желанію папы Каллиста III, онъ уступилъ своему ученику, другу и преемнику по игуменству (въ монастырѣ св. Димитрія) Григорію свои права на часть Русской церкви, именно девять епархій, находившихся во владѣніяхъ Литвы и Польши (Черниговскую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимірскую, Полоцкую, Холмскую и Галицкую); а бывшій цареградскій патріархъ Григорій Мамма, подобно Исидору проживавшій въ Римѣ, рукоположилъ своего соименника въ митрополита „Кіевскаго, Литовскаго и всей нижней Россіи" (1458 г.). Король Казиміръ не

только не противорѣчилъ папскому рѣшенію, но и принялъ Григорія подъ свое покровительство. Однако неудовольствіе православныхъ епископовъ и вообще русской партіи на это назначеніе митрополита-уніата изъ Рима было такъ сильно, что Григорій не осмѣлился показаться въ Кіевѣ, а проживалъ болѣе при великокняжескомъ дворѣ, и умеръ въ Новогродкѣ Литовскомъ (1472). Преемникомъ его на Кіевской каѳедрѣ, спустя года два, избранъ былъ епископъ Смоленскій Мисаилъ; будучи противникомъ уніи, онъ испросилъ утвержденіе въ своемъ санѣ отъ Константинопольскаго патріарха и потому безпрепятственно былъ признанъ западно-русскими епархіями. Съ него собственно и начинается непрерывный рядъ Кіевскихъ митрополитовъ, отдѣльныхъ отъ Московскихъ. Эти Кіевскіе митрополиты становятся въ менѣе зависимыя отношенія къ свѣтской власти, нежели митрополиты Московскіе; чему не мало способствовало различіе вѣроисповѣданія великихъ князей литовскихъ отъ своихъ русскихъ подданныхъ. Казиміръ и его ближайшіе преемники цѣлымъ рядомъ грамотъ опредѣляютъ и подтверждаютъ независимость митрополичьяго суда и неприкосновенность церковныхъ имѣній, и почти не вмѣшиваются въ помѣстные церковные соборы.

Кіевъ въ сію эпоху вновь становится средоточіемъ религіозной жизни и просвѣщенія Югозападной Руси. Особенно важно для послѣдующей исторіи этой Руси то, что міряне, пользуясь болѣе свободными отношеніями церкви къ свѣтской власти, принимаютъ дѣятельное участіе въ церковныхъ вопросахъ, въ соборныхъ засѣданіяхъ и даже въ выборѣ іерарховъ. Ихъ близкое участіе въ интересахъ церкви выражается еще образованіемъ церковныхъ братствъ, имѣвшихъ задачею основаніе школъ и охраненіе чистоты православнаго ученія. Городъ Кіевъ, едва оправившійся отъ разореній Батыева и Эдигеева вновь подвергся погрому отъ крымскаго хана Менгли-Гирея, который сжегъ и страшно опустошилъ его (1482 г.); причемъ знаменитая Кіевопечерская лавра опять была разрушена. Но усердіемъ духовенства и всѣхъ Кіевлянъ она вновь поднимается изъ развалинъ; богатые люди отказываютъ ей имущества и земли; такимъ образомъ обитель эта получила въ свое владѣніе многія земли и угодья, разсѣянныя въ разныхъ областяхъ Югозападной Руси. Знатные люди нерѣдко поступаютъ въ число ея иноковъ или ищутъ въ ней послѣдняго успокоенія. Такъ, князь Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій, когда-то храбрый сподвижникъ Гусситовъ въ ихъ борьбѣ съ Нѣмцами и искусный полководецъ Свидригайла въ его войнѣ съ Ягайломъ, подъ

старость постригся въ Кіевопечерскомъ монастырѣ; впослѣдствіи западно-русская церковь причислила его къ лику святыхъ. Но самъ Кіевъ не скоро оправился послѣ Менгли-Гиреева погрома; особенно Верхній или Старый городъ долго лежалъ въ развалинахъ ([61]).

Казиміръ IV былъ женатъ на австрійской принцессѣ Елизаветѣ; онъ имѣлъ отъ нея шесть сыновей и семь дочерей. Сыновья его получили довольно тщательное воспитаніе: учителями ихъ были итальянскій выходецъ Филиппъ Бонакорси и краковскій каноникъ Янъ Длугошъ. Послѣдній извѣстенъ своимъ большимъ историческимъ трудомъ, именно „Польской исторіей", которую онъ довелъ почти до 1480 года и въ которой заключается много любопытныхъ данныхъ по исторіи Литовской Руси того времени. Старшій сынъ Казиміра Владиславъ по смерти Георгія Подибрада былъ призванъ на престолъ Чехіи, а по кончинѣ Матвѣя Корвина Венгры также выбрали его своимъ королемъ. Пятый изъ сыновей, по имени тоже Казиміръ, отличавшійся особою набожностію, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, погребенъ въ Виленскомъ соборѣ и причтенъ къ лику мѣстныхъ католическихъ святыхъ. Шестой сынъ Фридрихъ получилъ достоинство епископа Краковскаго, а потомъ кардинала и архіепископа Гнѣзненскаго. Казиміръ IV во многомъ напоминалъ своего отца Ягайла; онъ также не любилъ войны, былъ нерѣшительнаго, уклончиваго нрава и также страстно любилъ охоту. Лѣтомъ 1492 года онъ захворалъ въ бытность свою въ Литвѣ и поспѣшилъ въ Польшу; но дорогой скончался въ Гроднѣ. Въ предсмертномъ завѣщаніи онъ назначилъ своимъ преемникомъ на Польскомъ престолѣ второго сына Яна Альбрехта, а на Литовскомъ третьяго сына Александра. И Поляки и Литвины своимъ избраніемъ потомъ подтвердили волю Казиміра. Только четвертый его сынъ и самый умный изъ братьевъ, Сигизмундъ, оставался пока непристроеннымъ.

Такимъ образомъ еще разъ Литовско-Русское великое княжество, согласно своему желанію, получило особаго государя, и Польско-Литовской уніи повидимому вновь угрожала серьезная опасность. Но послѣдующія событія показали, что продолжительное царствованіе Казиміра IV, несмотря на разныя препятствія, значительно подвинуло впередъ дѣло этой уніи и подготовило ея окончательное торжество.

Къ эпохѣ Казиміра IV относится важный по своимъ послѣдствіямъ переворотъ въ южной Татарской степи: именно, возникновеніе особаго царства Крымскаго, почти одновременное съ началомъ царства Казанскаго. По мѣрѣ упадка и дробленія Золотой Орды все болѣе

и болѣе выступали на историческую сцену и обособлялись тѣ захваченныя Татарами области, которыя въ болѣе древнюю эпоху имѣли свое самостоятельное историческое существованіе. Какъ на берегахъ Камы и Средней Волги постепенно возродилось, хотя въ нѣсколько иномъ видѣ, древнее Болгарское царство, такъ въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ уже вскорѣ послѣ Татарскаго завоеванія вновь стала обозначаться преемственность ордъ Печенѣжской, Торкской и Половецкой. Уже въ XIII вѣкѣ мы видѣли здѣсь отдѣлившуюся орду извѣстнаго хана Ногая, имя котораго потомъ надолго сохранилось въ названіи Ногайскихъ Татаръ. Съ того времени при всякомъ удобномъ случаѣ выступала наружу наклонность Крымской или Азовско-Черноморской Орды къ обособленію отъ Сарайской или Нижневолжской. Спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, исторія Ногая повторилась въ лицѣ Тамерланова сподвижника Эдигея, который послѣ своего изгнанія изъ Сарая захватилъ власть надъ Крымскою ордою. Послѣ него эта орда на нѣкоторое время воротилась подъ верховную власть Сарайскаго властителя, но потомъ получила себѣ особую династію въ лицѣ Гиреевъ и окончательно отдѣлилась отъ Сарайской державы. Въ свою очередь и Сарайская или Нижневолжская Орда послѣ окончательнаго своего упадка нѣкоторое время продолжала еще существовать въ видѣ незначительнаго царства Астраханскаго, въ которомъ возродилась тѣнь древней Турко-Хазарской державы въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. той, которая имѣла своимъ средоточіемъ Волжскій Итиль. Яицкіе улусы, называемые въ русскихъ лѣтописяхъ обыкновенно Синею Ордою, также стремились къ обособленію, имѣя своимъ средоточіемъ городъ Сарайчикъ.

Но прежде нежели перейдемъ къ основанію Крымскаго царства, съ Гиреями во главѣ, приведемъ нѣкоторыя любопытныя свидѣтельства очевидцевъ конца XIV и первой половины XV вѣка о Татарскихъ ордахъ, кочевавшихъ въ Придонскихъ степяхъ, и политическомъ положеніи Тавриды въ то время.

Во-первыхъ, обратимся къ помянутому выше описанію путешествія Пимена митрополита въ Царьградъ въ 1389 году, и продолжимъ приведенную выписку о его плаваніи внизъ по Дону.

„Въ пятое воскресенье (послѣ Пасхи) миновали устье Медвѣдицы и рѣки Бѣлый Яръ; а во вторникъ городище Серклію (Саркелъ?) и татарскій перевозъ (черезъ Донъ); тутъ впервые увидали мы много Татаръ. Въ среду обогнули Великую луку (колѣно Дона) и миновали улусъ Сарыхозинъ. Отсюда мы были одержимы великимъ страхомъ;

такъ какъ вошли въ землю Татаръ, которыхъ по обѣимъ сторонамъ Дона виднѣлось множество, подобное песку. Въ четвергъ проплыли мимо улуса Бекбулатова, и видѣли огромныя татарскія стада, состоящія изъ овецъ, козъ, воловъ, верблюдовъ и коней. Въ пятницу плыли мимо Червленыхъ горъ. А въ шестое воскресенье миновали улусъ Акбугинъ, и тутъ опять видѣли множество Татаръ и всякаго ихъ скота. Но никто изъ нихъ насъ не обидѣлъ; только вездѣ насъ спрашивали (откуда и куда ѣдемъ); получивъ отвѣтъ, давали намъ молока и отпускали съ миромъ. Наканунѣ Вознесенья мы достигли города Азова, гдѣ живутъ Фряги и Нѣмцы; а въ слѣдующее воскресенье сѣли на корабль, вышли изъ Донского устья въ море и стали на ночь на якорь". Но въ эту ночь Фряги, т.-е. Генуэзцы, на лодкахъ подошли къ кораблю и схватили митрополита Пимена съ его свитою. Дѣло въ томъ, что Пименъ въ одно изъ своихъ прежнихъ путешествій въ Царьградъ занималъ тамъ у Генуэзцевъ деньги, которыхъ не уплатилъ. Этимъ объясняется, почему Пименъ спѣшилъ выдти въ море. Но кто-то донесъ о немъ Генуэзцамъ; они теперь взяли его и хотѣли заключить въ тюрьму со всѣми спутниками. Дѣло однако окончилось миромъ; митрополитъ и его свита дали Генуэзцамъ сколько могли денегъ и упросили отпустить ихъ на свободу. Послѣ того путешественники благополучно проплыли Азовское или Сурожское море съ его устьемъ (проливомъ) и вышли на „Великое море" (Черное); потомъ миновали „Кафинскій лименъ" (Ѳеодосійскую бухту) и Сурожъ.

Итакъ мы видимъ, что Татары кочевали отдѣльными ордами или улусами, которые назывались по имени своихъ начальниковъ, каковы Сарыхоза, Бекбулатъ и Акбуга; послѣдніе принадлежали вѣроятно къ ордынскимъ царевичамъ, т.-е. къ многочисленному потомству Чингизидовъ. А столкновеніе русскихъ путниковъ съ Фрягами или Генуэзцами напоминаетъ о томъ преобладаніи, которое эти дѣятельные, предпріимчивые торговцы получили въ восточной или Черноморской торговлѣ Европы послѣ того, какъ Палеологи одарили ихъ разными правами и льготами за помощь, оказанную при уничтоженіи Латинской имперіи и возстановленіи Византійской. Вмѣстѣ съ тѣмъ Генуэзцы съ успѣхомъ старались вытѣснить изъ тѣхъ странъ своихъ соперниковъ Венеціанъ, возобладавшихъ на Черномъ морѣ во времена Латинской имперіи.

Вскорѣ послѣ возстановленія Византійской имперіи Генуэзцы основали укрѣпленное торговое поселеніе Кафу на берегу обширной и прекрасной бухты на восточной сторонѣ Тавриды или *Газаріи* (какъ ее называли Итальянцы), на мѣстѣ древней греческой колоніи Ѳео-

досіи. Это поселеніе, управляемое присылавшимися изъ Генуи консулами, быстро процвѣло и сдѣлалось опорнымъ пунктомъ для распространенія генуэзскаго владычества на сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Въ слѣдующемъ XIV вѣкѣ, отсюда Генуэзцы завладѣли сосѣднимъ греческимъ городомъ Сугдеею (Сурожъ русскихъ лѣтописей) и такъ называемой Готіей, т.-е. гористымъ южнымъ побережьемъ полуострова, до отличной Балаклавской бухты включительно. Но у Кафы былъ безпокойный сосѣдъ, именно татарскій городъ Солкатъ, лежавшій отъ нея верстахъ въ 25 далѣе внутрь страны, извѣстный болѣе подъ именемъ Крыма. Тутъ утвердили свою резиденцію намѣстники Золотоордынскихъ властителей, управлявшіе кочевьями въ Азовско-Черноморскихъ степяхъ и въ сѣверной полосѣ полуострова. Городъ былъ украшенъ нѣсколькими мечетями и славился своими базарами, особенно невольничьимъ рынкомъ. Кромѣ Татаръ здѣсь обитали Евреи и Армяне. Сосѣдство такого богатаго торговаго города какъ Кафа представляло нѣкоторыя выгоды крымскимъ ханамъ, именно для полученій европейскихъ издѣлій и для обмѣна ихъ на собственныя сырыя произведенія, особенно же для сбыта многочисленныхъ плѣнниковъ, захваченныхъ во время набѣговъ. Ловкіе Генуэзцы пользовались обстоятельствами, то заключая съ ханами договоры и покупая себѣ земли и разныя привилегіи, то съ оружіемъ въ рукахъ отстаивая свои владѣнія отъ татарскихъ хищниковъ или вмѣшиваясь во внутреннія ихъ распри и междоусобія. Золотоордынскіе ханы, получая отъ Кафинскихъ Итальянцевъ постоянные подарки, считали ихъ въ числѣ своихъ данниковъ.

На Азовскомъ морѣ намъ извѣстны двѣ торговыя итальянскія колоніи: Тана на лѣвомъ устьѣ Дона, близъ развалинъ древняго Танаиса, и Портъ Пизанскій, основанный Пизанцами на мѣстѣ нынѣшняго Таганрога. Татары называли Тану Азакъ, откуда у Русскихъ она стала извѣстна подъ именемъ Азова. Въ хожденіи Пимена замѣчено, что тутъ (кромѣ Татаръ) жили Фряги и Нѣмцы, т.-е. Генуэзцы и другіе Итальянцы, преимущественно Венеціане. Послѣдніе являются здѣсь уже въ XII вѣкѣ; они-то собственно и основали Тану. Гэнуэзцы хотя и стремились совершенно преградить своимъ соперникамъ доступъ въ Азовское море и даже вели съ ними жестокія войны; но иногда, наоборотъ, въ виду обоюдной опасности отъ Татаръ вступали съ ними въ союзъ и оборонялись общими силами. Такъ во время золотоордынскаго хана Джанибека въ Танѣ одинъ генуэзецъ въ ссорѣ убилъ татарина. Джанибекъ изгналъ Итальянцевъ изъ этого города, отдавъ

ихъ дома и имущество на разграбленіе Татарамъ. Мало того, онъ осадилъ самую Кафу и хотѣлъ ее разорить. Тогда Генуэзцы и Венеціане (имѣвшіе въ Кафѣ свою часть города) соединились и не только отстояли городъ, но и нанесли пораженіе осаждавшему войску; такъ что Джанибекъ принужденъ былъ заключить съ ними миръ. Послѣ того итальянскіе купцы снова явились въ Танѣ. Въ 1395 году она была взята и сожжена Тамерланомъ, причемъ пощажены только мусульманскіе ея жители. Но торговыя выгоды этого мѣста были такъ велики, что, спустя нѣсколько лѣтъ, Тана усиліями Итальянцевъ возникаетъ изъ пепла и наполняется итальянскими колонистами, между которыми снова возобладали Венеціане, и въ городѣ начальствовалъ консулъ, назначаемый республикой св. Марка.

Къ первой половинѣ XV вѣка относятся любопытныя записки двухъ европейцевъ, именно уже разъ помянутаго нами бургундскаго рыцаря Жильбера де-Ланнуа, посѣтившаго Крымъ, и венеціанца Іосафата Барбаро, долго жившаго въ Танѣ.

Выше мы видѣли, что Ланнуа, въ 1421 году отправлявшійся въ Сирію и Египетъ, по политическимъ обстоятельствамъ изъ Южной Руси и Валахіи, не поѣхалъ на Балканскій полуостровъ, а повернулъ на востокъ и направился сѣвернымъ прибрежьемъ Чернаго моря на Крымъ и Кафу. Тутъ онъ посѣтилъ молдавскій городъ Монкастро (Аккерманъ), обитаемый Валахами, Армянами и Генуэзцами. Отсюда часть своихъ людей и вещей Ланнуа моремъ отправилъ въ Кафу, а самъ съ остальными поѣхалъ степью. На берегу Днѣпра онъ нашелъ большое татарское селеніе, принадлежавшее къ владѣніямъ Витовта. Начальникъ этихъ Татаръ угостилъ путниковъ осетрами, сваренными на кирпичахъ изъ сушенаго навоза (кизяки), и потомъ велѣлъ своимъ людямъ переправить посольство на другой берегъ Днѣпра на маленькихъ челнокахъ, сдѣланныхъ изъ одного древеснаго ствола. Во время пути по слѣдующей затѣмъ Черноморской пустынѣ однажды посольство расположилось на ночлегъ въ какомъ-то лѣсу; голодные волки напали на пасущихся его коней и угнали ихъ далеко; бывшіе при послѣ толмачи и татарскіе проводники бросились за ними въ погоню и воротились только на слѣдующій день съ пойманными лошадьми. Когда Ланнуа вступилъ въ Таврическія степи, то онъ подвергся нападенію толпы конныхъ Татаръ, устроившихъ засаду въ камышахъ. Къ счастію въ этотъ день посолъ и его свита имѣли на себѣ шляпы, подаренныя Витовтомъ, и какіе-то значки литовской службы; а Татары эти принадлежали къ ордѣ Солкатскаго хана, находившагося въ боль-

шой дружбѣ съ Витовтомъ. Они ограничились тѣмъ, что взяли съ посла разные подарки, состоявшіе въ золотѣ, серебрѣ, хлѣбѣ, винѣ и куньихъ мѣхахъ; затѣмъ проводили посольство до города Солката или Крыма окольными путями, чтобы избѣжать встрѣчи съ другими вооруженными шайками. Дѣло въ томъ, что означенный Солкатскій ханъ только что умеръ, и страна находилась въ большомъ смятеніи по причинѣ междоусобныхъ распрей: ханъ Золотой Орды хотѣлъ поставить здѣсь своего подручника, а нѣкоторые мѣстные вельможи желали имѣть своего особаго хана. По той же причинѣ Ланнуа только мимоѣздомъ заглянулъ въ Солкатъ и поспѣшилъ проѣхать въ Кафу. Этотъ городъ онъ нашелъ укрѣпленнымъ со стороны суши тройными стѣнами и цвѣтущимъ своею торговлею. Генуэзскія власти приняли путешественника съ честію, отвели ему особую квартиру въ городѣ и прислали въ подарокъ четыре корзинки съ конфектами, четыре факела, сто восковыхъ свѣчей, боченокъ мальвазіи и хлѣба. Посолъ началъ было собирать свѣдѣнія, отыскивать проводниковъ и толмачей, чтобы объѣхать Черное море и сухимъ путемъ достигнуть Іерусалима. Но, убѣдясь въ трудности и даже невозможности пробраться туда по великимъ пустынямъ, сквозь разные народы, онъ рѣшилъ ѣхать моремъ. Въ то время въ гавани Кафы находились четыре венеціанскія галеры, прибывшія изъ Таны и отправлявшіяся въ Средиземное море. Ланнуа воспользовался этими галерами, и они довезли его со свитою до Константинополя.

Современникъ Ланнуа, баварскій путешественникъ по Востоку Шильтбергеръ, также посѣтившій Кафу, сообщаетъ слѣдующее о ея разнообразномъ населеніи. Во внутреннемъ городѣ жители по преимуществу Итальянцы, кромѣ нихъ Греки и Армяне. Во внѣшнемъ городѣ, окруженномъ второю стѣною, кромѣ Итальянцевъ, Грековъ и Армянъ, обитали еще Татары, имѣвшіе свою мечеть, и Евреи двухъ толковъ, т.-е. талмудисты и караимы, а потому имѣвшіе двѣ синагоги ([65]).

Хотя Ланнуа не называетъ по имени Солкатскаго или Крымскаго хана, бывшаго пріятелемъ Витовта и умершаго передъ пріѣздомъ рыцаря, но по всей вѣроятности здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ Эдигеѣ, который подъ конецъ своей жизни дѣйствительно находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Литовскорусскимъ. Открывшимися между его сыновьями распрями за власть воспользовался Сарайскій дворъ, чтобы вновь подчинить себѣ Крымскій улусъ. Въ такомъ положеніи является этотъ улусъ въ извѣстіяхъ Іосафата Барбаро, относящихся къ тридцатымъ годамъ XV столѣтія.

Барбаро находился въ городѣ Танѣ или Азовѣ въ то время, когда въ Золотой Ордѣ вспыхнуло междоусобіе Кучукъ-Магомета съ Улу-Магометомъ, т.-е. Младшаго съ Старшимъ. Одинъ изъ сыновей Эдигея, по имени Наурусъ, поссорился съ Улу-Магометомъ и, возмутивъ часть орды, перешелъ на сторону его соперника Кучукъ-Магомета. Со своими полчищами они направились изъ Каспійскихъ степей къ нижнему Дону. Чтобы облегчить прокормленіе людямъ и многочисленнымъ ихъ стадамъ, Кучукъ и Наурусъ раздѣлили ихъ отряды, которые двигались на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Барбаро говоритъ, что еще за мѣсяцъ до прибытія хана начали появляться около Таны небольшія кучки молодыхъ Татаръ, по три и по четыре человѣка, верхами, съ запасными конями въ поводу; нѣкоторые изъ нихъ заѣзжали на часъ, на два въ городъ. По мѣрѣ приближенія хана эти кучки увеличивались. Обыкновенно передовые или развѣдочные всадники для своего продовольствія имѣли при себѣ кожаные мѣшки съ пшеничнымъ тѣстомъ, замѣшаннымъ на меду, и деревянную чашку; по мѣрѣ надобности они размѣшивали это тѣсто водою и ѣли. Кромѣ того, они изъ своихъ луковъ мѣтко стрѣляли дичь, которая водилась въ степи во множествѣ, въ особенности куропатки и драхвы; а въ случаѣ нужды питались кореньями, травами и всѣмъ, что попадалось подъ руку. Но теперь стояла зима, и самая рѣка Донъ покрыта была толстымъ льдомъ.

Наконецъ прибылъ самъ ханъ и остановился подлѣ Таны въ одной старой мечети. Консулъ или начальникъ колоніи отправилъ Барбаро для поднесенія хану, его матери и Наурусу даровъ, которые состояли изъ шелковыхъ тканей, хлѣба, вина, пива (*буза*) и другихъ вещей, *числомъ до девяти*, по обычаю страны. Барбаро и его товарищи нашли хана сидящимъ въ мечети на коврѣ вмѣстѣ съ Наурусомъ. Оба они показались ему еще молодыми людьми. Ханъ благосклонно принялъ подарки. Послѣ отъѣзда хана потянулся за нимъ весь его народъ со своими стадами; сначала явились конскіе табуны въ 60, 100, 200 и болѣе лошадей; за ними стада верблюдовъ и быковъ, наконецъ и мелкій скотъ. Это движеніе продолжалось ровно шесть дней, и въ теченіе ихъ все пространство снѣжной степи, какое только можно было окинуть глазомъ, было усѣяно какъ муравьями двигавшимися людьми и животными. Ворота Таны оставались заперты, и купцы итальянскіе цѣлый день стояли стражею на городскихъ стѣнахъ, такъ что утомлялись до изнеможенія. А между тѣмъ они видѣли только одно лѣвое крыло шедшей мимо Орды. Вся она двигалась лавой; что

въ огромныхъ размѣрахъ представляло подобіе того порядка, въ какомъ Татары производили охоту на дикихъ животныхъ (т.-е. подобіе облавы); діаметръ пространства, занятаго этою лавой, простирался болѣе чѣмъ на полтораста миль. Обозъ Орды состоялъ изъ безчисленнаго множества двухколесныхъ крытыхъ повозокъ (арбы), обитыхъ собачьими шкурами, войлокомъ или сукномъ, смотря по состоянію хозяевъ; въ нихъ помѣщались женщины, дѣти и всякое добро. Нѣкоторыя повозки нагружены были круглыми кибитками небольшого размѣра, которыя при остановкѣ ставились прямо на землю и тотчасъ готовы были для жилья.

Во время движенія Орды мимо Таны какой-то знатный татаринъ, родственникъ хана, по имени Эдельмугъ, заѣхалъ въ гости къ Барбаро, который угощалъ его въ теченіе двухъ дней; татарину особенно понравилось вино, и онъ пилъ его безъ мѣры. Уѣзжая гость пригласилъ хозяина поѣхать съ нимъ въ Орду; Барбаро принялъ приглашеніе. Переѣзжая черезъ устье Дона, пьяный татаринъ не разбиралъ дороги, и его неподкованная лошадь, попадая на гладкій ледъ, непокрытый снѣгомъ, безпрестанно скользила и спотыкалась, за что получала частые удары плетью. Вечеромъ они пристали къ одному отряду Татаръ, расположившемуся на ночлегъ; а на утро продолжали путь посреди этого двигавшагося муравейника. Когда они прибыли къ мѣсту, гдѣ стоялъ ханъ, то нашли его въ шатрѣ, окруженнаго большою толпою народа. Просители и вообще люди, ожидавшіе ханскаго пріема, стояли на колѣнахъ безъ оружія, которое лежало поодаль. По знаку хана, проситель вставалъ, приближался къ нему на разстояніе осьми шаговъ, снова падалъ на колѣна и въ такомъ положеніи выслушивалъ его рѣшеніе или приказаніе. Тамъ, гдѣ ханъ останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время, Орда тотчасъ располагала свои ставки въ извѣстномъ порядкѣ съ прямыми широкими улицами и переулками; причемъ оставлялись просторныя площади, на которыхъ устраивались базары ;дѣлались печи, въ которыхъ варили и жарили - мясо и приготовляли разныя кушанья изъ молока, масла и творогу; при Ордѣ всегда находились сукновалы, кузнецы, оружейники и всякаго рода мастеровые (набранные особенно изъ плѣнныхъ невольниковъ). Такимъ образомъ татарскій станъ представлялъ видъ открытаго города, т.-е. неукрѣпленнаго стѣнами. Зимою отъ множества скота такой городъ былъ нестерпимо грязенъ, а лѣтомъ наполненъ ужасною пылью.

Относительно хищности и прожорливости Татаръ Барбаро разска-

зываетъ слѣдующее. Когда, по вскрытіи рѣкъ, т.-е. весною, онъ поѣхалъ посмотрѣть на свою тоню или рыбный заводъ, находившійся верстахъ въ 50 или болѣе отъ Таны вверхъ по Дону, то узналъ отъ рыбаковъ, что въ теченіе зимы они наловили и насолили множество рыбы и икры; но проходившіе мимо татарскіе отряды все это забрали и сожрали какъ свѣжую рыбу, такъ и тухлую, совсѣмъ съ головками, а также истребили всю соль, заготовленную въ большомъ количествѣ. При этомъ они разломали суда и унесли съ собою доски (для починки своихъ повозокъ) и разрушили соляныя мельницы, чтобы добыть изъ нихъ небольшое количество желѣзныхъ связей. Еще болѣе пострадалъ другой итальянскій купецъ, также имѣвшій свою тоню. Изъ предосторожности онъ велѣлъ вырыть большую яму, спустить въ нее 30 бочекъ икры, и потомъ, засыпавъ сверху землею, сжечь на томъ мѣстѣ поболѣе дровъ, чтобы надежнѣе скрыть яму. Но Татары отыскали и все расхитили. По извѣстію Барбаро, Татары занимались посѣвомъ хлѣба; для чего въ мартѣ въ назначенное ханомъ время всѣ желающіе отправлялись съ рабочимъ скотомъ, женами и дѣтьми на извѣстное поле, вспахивали его, засѣвали пшеницею и просомъ, и потомъ возвращались въ Орду. Послѣ того ханъ съ этою ордою старался кочевать, не удаляясь отъ засѣяннаго поля. Когда хлѣбъ созрѣвалъ, всѣ желающіе опять отправлялись туда съ повозками, волами и верблюдами, и собирали жатву, которая по причинѣ плодородія почвы иногда бываетъ чрезвычайно обильна. Тотъ же Барбаро съ похвалою отзывается о храбрости и неустрашимости кочевниковъ, въ примѣръ чего разсказываетъ, какъ однажды пятеро Татаръ и сорокъ танскихъ горожанъ напали и уничтожили сотенную шайку Черкесъ, спрятавшихся въ сосѣднемъ лѣсу съ намѣреніемъ учинить набѣгъ на городъ. Барбаро самъ участвовалъ въ этомъ нападеніи и удивлялся отчаянной храбрости одного татарскаго купца.

Барбаро сообщаетъ и самый исходъ предпринятія Кучукъ-Магомета и Науруса. Услыхавъ о приближеніи ихъ, Улу-Магометъ (повидимому кочевавшій гдѣ-то на западной сторонѣ Дона) не рѣшился выступить навстрѣчу, и бѣжалъ изъ Орды со своими дѣтьми и приверженцами. (Мы уже знаемъ его дальнѣйшую судьбу). Послѣ того Кучукъ-Магометъ сдѣлался повелителемъ всей Орды, и въ іюнѣ мѣсяцѣ снова подошелъ къ Дону на своемъ обратномъ пути. Посланные впередъ люди заготовили много плотовъ изъ лѣсу, тогда еще въ большомъ количествѣ росшаго по берегамъ этой рѣки. Кромѣ плотовъ заготовленъ былъ фашинникъ изъ хворосту и тростнику. Этотъ фашинникъ под-

вязывали къ плотамъ и повозкамъ; къ нимъ же привязывали по нѣскольку лошадей, которыхъ пускали вплавь. Такимъ способомъ въ два дня вся Орда спокойно переправилась на другой берегъ. Когда Барбаро, спустя мѣсяцъ послѣ этой переправы, поѣхалъ водою на рыбную тоню, то онъ встрѣчалъ столько плавающихъ плотовъ и фашинъ, что мѣстами рѣка была ими почти запружена, и еще большее количество ихъ было разбросано по берегамъ. Во время этой переправы Татаръ черезъ Донъ, помянутый выше Эдельмугъ опять заѣхалъ въ Тану и прогостилъ два дня у Барбаро. Чтобы еще болѣе скрѣпить свою дружбу, татаринъ привелъ одного изъ своихъ сыновей и просилъ Барбаро считать этого юношу какъ бы собственнымъ сыномъ; причемъ плащъ послѣдняго надѣлъ на хозяина и подарилъ ему восемь русскихъ плѣнниковъ изъ своей добычи, захваченной въ Россіи.

Изъ воспоминаній Барбаро о Татарахъ можно заключить, что въ этотъ промежутокъ времени Крымская или Черноморская орда не имѣла своего особаго хана, независимаго отъ Золотой Орды. Но вскорѣ потомъ она получила такого хана въ лицѣ Ази или Хаджи Гирея.

Темны и сбивчивы извѣстія о происхожденіи Крымской династіи Гиреевъ. Есть преданіе, что Черноморскіе Татары, угнетаемые междоусобіями по смерти Эдигея, сами выбрали себя ханомъ нѣкоего Ази, юношу изъ потомства Чингизова, въ дѣтствѣ спасеннаго отъ смерти и потомъ воспитаннаго въ Литовскихъ владѣніяхъ какимъ-то простолюдиномъ, по имени Гиреемъ, и что въ благодарность къ нему Ази и весь родъ его стали называться Гиреями. По однимъ, водвореніе новаго хана произошло во времена Витовта и подъ его покровительствомъ, по другимъ во времена Казиміра IV. Но самое это преданіе баснословно. Достовѣрно то, что Ази-Гирей дѣйствительно жилъ въ Литвѣ и былъ изъ рода Тохтамыша, который, какъ извѣстно, нашелъ тамъ убѣжище со многими своими Татарами. Когда послѣ Эдигея усилились татарскіе набѣги на южно-русскіе предѣлы, Казиміръ IV или его главные совѣтники рѣшили посадить въ Крыму преданнаго себѣ хана и противупоставить его властителямъ Золотой Орды; причемъ воспользовались стремленіемъ крымскихъ мурзъ къ образованію самостоятельнаго ханства, и вошли съ ними въ соглашеніе. Въ 1446 году король отправилъ Ази-Гирея въ Крымъ въ сопровожденіи многихъ Татаръ и съ отрядомъ своего войска подъ начальствомъ маршалка Радивила. Крымскіе мурзы приняли его и посадили у себя ханомъ.

Ази-Гирей кромѣ Крымскихъ улусовъ соединилъ подъ своею властію также Ногайскіе улусы, кочевавшіе между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ; вообще онъ почитается настоящимъ основателемъ Крымскаго царства.

Это окончательное отдѣленіе Крыма и Черноморья отъ Золотой Орды сопровождалось жестокимъ междоусобіемъ, которое усиливалось еще родовою враждою между потомками Тохтамыша и Темиръ-Кутлуя; послѣдніе властвовали тогда въ Сараѣ (Кучукъ-Магометъ былъ внукомъ Темиръ-Кутлуя). Обязанный своимъ возвышеніемъ Казиміру, Ази или Хаджи-Гирей всю жизнь оставался вѣрнымъ его союзникомъ, и не разъ наказывалъ другихъ Татаръ за ихъ нападеніе на Литовско-Русскія земли. Такими хищными набѣгами въ то время въ особенности отличался ханъ Седи-Ахмедъ, повидимому властвовавшій въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ. Въ 1451 году посланный имъ царевичъ Мазовша дошелъ до самой Москвы и сжегъ ея посады. А въ слѣдующіе годы Седи-Ахметовы Татары сдѣлали нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ въ Сѣверію и Подолію. Хаджи-Гирей въ свою очередь внезапно напалъ на Седи-Ахмета, разбилъ его и заставилъ искать спасенія въ Литовскихъ владѣніяхъ (1455); но тамъ онъ былъ заключенъ подъ стражу, и потомъ водворенъ въ городѣ Ковнѣ, гдѣ и умеръ.

Усиленіе Крымскаго юрта почувствовали на себѣ и генуэзскія колоніи. Распространяя свое господство въ степяхъ на сѣверъ отъ Тавриды, Хаджи-Гирей старался завладѣть и юго-восточными побережьями полуострова, и такъ стѣснилъ Генуэзцевъ, что они принуждены были признать себя его данниками. Онъ и самую столицу своего ханства перенесъ изъ Солката или Крыма въ южную часть полуострова, именно въ Бахчисарай. Гробница его находится въ мечети этого города. Онъ умеръ въ 1467 году. Власть Крымскаго царя, подобно другимъ татарскимъ ханамъ, въ его собственномъ юртѣ была ограничена родовою аристократіей, т.-е. начальниками знатнѣйшихъ фамилій, которые имѣли свои особыя владѣнія и распоряжались ими на правахъ феодальныхъ. Изъ такихъ родовъ въ Крыму возвысились особенно пять (Ширынъ, Барынъ, Кулукъ, Сулешъ и Мансуръ), главы которыхъ собственно и распоряжались судьбами ханства. Въ особенности ихъ вліяніе сказывалось при выборѣ ханскаго преемника; такъ какъ многочисленность царскихъ сыновей и неопредѣленность престолонаслѣдія въ Крыму, какъ и въ другихъ ханствахъ, порождали иногда жестокія распри и междоусобія. Подобныя междоусобія

возникли и по смерти Хаджи-Гирея, оставившаго послѣ себя многихъ сыновей. Ему сначала наслѣдовалъ старшій сынъ Нордоулатъ; но потомъ престоломъ завладѣлъ одинъ изъ младшихъ, энергичный, предпріимчивый Менгли-Гирей. Этотъ знаменитый ханъ неоднократно испыталъ на себѣ превратности судьбы: онъ нѣсколько разъ достигалъ престола и былъ свергаемъ соперниками, и наконецъ утвердился на немъ съ помощью Турокъ.

Въ 1453 году, какъ извѣстно, пала окончательно Византійская имперія подъ ударами Османовъ. Генуэзцы оказывали ей дѣятельную помощь въ этой предсмертной борьбѣ, и потому должны были подвергнуться жестокой мести со стороны султана Магомета II. Первымъ его дѣломъ былъ разгромъ Галаты, генуэзскаго предмѣстья Константинополя. Тогда Генуэзская республика, въ виду предстоявшаго нападенія Турокъ на ея Черноморскія колоніи и своихъ разстроенныхъ финансовъ, поспѣшила передать городъ Кафу со всѣми его владѣніями въ вѣдѣніе Банка св. Георгія, который обладалъ достаточными денежными средствами для военныхъ издержекъ. Но эта мѣра не спасла колоніи. Въ 1475 г. сильный турецкій флотъ и войско осадили Кафу съ моря и суши. Внутреннія несогласія, измѣны и неспособность мѣстныхъ властей помогли Туркамъ овладѣть этимъ крѣпкимъ городомъ. Тутъ въ числѣ разныхъ пріѣзжихъ торговцевъ погибло и пограблено много гостей московскихъ (такъ наз. „сурожанъ"). Затѣмъ Турки покорили себѣ и другія итальянскія торговыя колоніи въ Крыму, а также и нѣкоторыя мелкія княжества въ южной части полуострова, напримѣръ Мангупское.

Въ точности неизвѣстно, какую роль Менгли-Гирей игралъ въ этихъ событіяхъ. Мы знаемъ только, что вскорѣ потомъ онъ призналъ надъ собою верховную власть турецкаго султана, и въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ полуострова водворились турецкіе гарнизоны. Такимъ образомъ, только что освободясь отъ подчиненія Золотоордынскимъ ханамъ, Крымскій юртъ попалъ въ болѣе крѣпкое подчиненіе Константинопольскихъ Османовъ. Но за то Менгли-Гирей, опираясь на Турокъ, окончательно утвердился на Бахчисарайскомъ престолѣ. Онъ продолжалъ политику своего отца по отношенію къ Золотой Ордѣ, т.-е. былъ ея злѣйшимъ врагомъ; но не послѣдовалъ ему въ отношеніяхъ къ Польско-Литовскому государству. Великій князь Московскій Іоаннъ III сумѣлъ сдѣлать его своимъ усерднымъ союзникомъ въ борьбѣ съ Волжскими ханами и съ Литовскими государями. Никогда Литовская Русь не испытывала такихъ страшныхъ опустошеній какъ

при Менгли-Гиреѣ, при которомъ Крымская орда и получила тотъ по преимуществу хищный, разбойничій характеръ, которому она слѣдовала потомъ въ теченіе трехъ столѣтій по отношенію къ своимъ христіанскимъ сосѣдямъ; въ особенности она истощала населеніе русскихъ областей захватами огромнаго количества плѣнниковъ, которые обращались въ неволю и составляли значительную часть живого товара на турецкихъ базарахъ.

Со времени Менгли-Гирея измѣнились и самые предѣлы Литовской Руси на югѣ, т.-е. со стороны Кіевщины и Подолья. При Ольгердѣ эти предѣлы далеко выдвинулись въ татарскія степи, а при Витовтѣ они достигли береговъ Чернаго моря. Онъ старался оградить свои южныя окраины отъ Татаръ построеніемъ новыхъ крѣпостей и обновленіемъ старыхъ. Такъ онъ вновь укрѣпилъ древній Каневъ, а ниже его по Днѣпру основалъ Черкасы и Кременчугъ; на островѣ Тавани, т.-е. на главномъ перевозѣ въ низовьяхъ Днѣпра, поставилъ таможню; при морѣ построилъ крѣпость на мѣстѣ позднѣйшаго Очакова и устроилъ гавань на Гаджибейской бухтѣ или на мѣстѣ нынѣшней Одессы. При устьѣ Днѣстра, противъ Монкастро или Аккермана, онъ поставилъ свой замокъ; а выше на Днѣстрѣ возникла крѣпость Тягинъ, названная впослѣдствіи Бендеры. Кромѣ того упоминаются въ сосѣдней степи и другіе крѣпости и замки. Но Литовскорусское государство потеряло эти южныя окраины въ царствованіе совсѣмъ неэнергичнаго Казиміра IV, гораздо болѣе занятаго частыми сеймами и помянутыми выше распрями Литво-Руссовъ съ Поляками, чѣмъ обороною своихъ границъ. Менгли-Гирей завоевалъ и уничтожилъ крѣпости, основанныя при морѣ и въ близкой къ нему степи, и распространилъ сюда кочевья своей Орды. Вслѣдствіе частыхъ татарскихъ набѣговъ и опустошеній, вскорѣ между этими кочевьями и населенною частію Кіевской области образовалась широкая пустынная полоса земли, долго потомъ служившая поприщемъ постоянной войны между русскими колонистами съ одной стороны и татарскими хищниками съ другой ([66]).

VIII.

ВѢЧЕВЫЯ ОБЩИНЫ НОВГОРОДЪ И ПСКОВЪ.

Стремленіе Пскова къ самобытности и борьба съ Нѣмцами.—Присоединеніе Эстоніи къ Ливонскому Ордену.—Пожары и вражда партій въ Новгородѣ.—Его борьба со Шведами.—Король Магнусъ.—Болотовскій договоръ и Псковъ младшій братъ Новгорода.—Владыка Василій и неудачныя попытки церковной самостоятельности въ Новгородѣ и Псковѣ.—Отпаденіе Заволочья и возвращеніе его.—Внутреннія новогородскія смуты.—Голодъ и моровая язва.—Владыка Евфимій II.—Походъ Василія Темнаго и Яжелбицкій договоръ.—Зависимыя отношенія Пскова къ Москвѣ.—Церковныя дѣла въ Псковѣ.—Политическій строй Новгорода и правительственный совѣтъ.—Пятины.—Община Псковская и ея устройство.—Замѣтки Ланнуа и любопытная икона.

Политическая исторія Великаго Новгорода въ XIV и XV вѣкахъ представляетъ постоянное колебаніе, сначала между Тверскимъ и Московскимъ вліяніемъ, а потомъ между Московскимъ и Литовскимъ, пока Москва постепенно не взяла верха надъ своими соперниками и не уничтожила Новгородской самобытности. Въ то же время Новгородцы продолжали исконную борьбу за прибрежья Финскаго залива съ своими заморскими сосѣдями Шведами; а Псковичи должны были попрежнему отстаивать русскіе предѣлы со стороны Ливонскихъ Нѣмцевъ. Исторія этой эпохи усложняется еще взаимными неладами этихъ двухъ вѣчевыхъ общинъ или собственно стремленіемъ Пскова къ своему обособленію, къ политическому и церковному отдѣленію отъ Новгорода—стремленіемъ, которое увѣнчалось успѣхомъ относительно отдѣленія политическаго, но не церковнаго.

Мы видѣли, что въ первый періодъ борьбы между Тверью и Москвою Новгородцы приняли сторону Московскаго князя противъ болѣе близкаго сосѣда, т.-е. Михаила Ярославича Тверского, отъ котораго они терпѣли разныя притѣсненія. Но когда усилилась Москва, то она въ свою очередь также стала тѣснить Новгородскую землю.

Начиная съ Ивана Калиты, почти всѣ великіе князья Московскіе стараются подчинить себѣ Великій Новгородъ, т.-е. держать въ немъ своихъ намѣстниковъ, стѣснять его вольности, собирать съ него какъ можно болѣе даней и присвоивать себѣ его волости. Но въ это время Западная Русь собиралась подъ властію великихъ князей Литовскихъ, и Новгородцы иногда ищутъ у сихъ послѣднихъ поддержки противъ притязаній Москвы. Такъ, во время ссоры съ Иваномъ Калитою, они вошли въ сношенія съ Гедиминомъ; призвали къ себѣ его сына Наримонта, крещенаго по православному обряду, и дали на содержаніе ему и его дружинѣ доходы съ городовъ Ладоги, Орѣхова, половины Копорья и съ Корельской земли, конечно съ условіемъ защищать сѣверо-западные Новгородскіе предѣлы отъ внѣшнихъ непріятелей, которыми въ то время были Шведы (1333). Но повидимому Наримонтъ, не отличавшійся дѣятельнымъ, предпріимчивымъ характеромъ, не долго оставался въ Новгородской землѣ.

Обращаясь къ Литвѣ за союзомъ, Новгородцы могли имѣть въ виду не одну опасность со стороны Москвы. Можетъ быть этимъ союзомъ они пытались противодѣйствовать политикѣ своего пригорода Пскова, который именно въ сосѣдней Литвѣ искалъ тогда поддержки для своихъ давнихъ стремленій къ отдѣленію отъ Новгорода. Продолжительное и славное княженіе литовскаго выходца Довмонта въ значительной степени подвинуло впередъ дѣло Псковской самобытности и связи съ Литвою. Послѣ него нѣкоторое время княжилъ во Псковѣ его сынъ Давидъ, который съ своею литовскою дружиною также не разъ помогалъ Псковичамъ обороняться отъ нападеній Ливонскихъ Нѣмцевъ. Далѣе извѣстно, что Александръ Михайловичъ Тверской во время своего изгнанія былъ принятъ Псковичами, и потомъ они посадили его у себя на княженіе изъ рукъ Гедимина. Десятилѣтнее княженіе Александра не мало способствовало дальнѣйшему развитію Псковской отдѣльности. Однако Псковъ все еще признавалъ себя новогородскимъ пригородомъ, иногда принималъ къ себѣ намѣстниковъ Новогородскаго князя, посылалъ свою рать на помощь Новгороду, и въ свою очередь требовалъ отъ него помощи противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ. Но такъ какъ эта помощь не всегда являлась въ случаѣ нужды, то поневолѣ приходилось обращаться за нею къ Литовскимъ князьямъ.

Въ 1341 году у Псковичей возобновилась война съ Ливонскими рыцарями изъ-за убійства псковскихъ пословъ, проѣзжавшихъ черезъ землю Летголы. Нѣмцы въ началѣ этой войны успѣли поста-

вить новый крѣпкій замокъ на пограничной псковской землѣ, на рѣкѣ Пивжѣ (Нейгаузенъ). Псковъ, на ту пору не имѣя у себя особаго князя, обратился въ Новгородъ съ просьбою прислать намѣстника и войско на помощь. По словамъ Новогородской лѣтописи, Новгородцы исполнили эту просьбу; но будто бы Псковичи вернули ихъ съ дороги, сказавъ, что болѣе въ помощи не нуждаются. Псковская лѣтопись наоборотъ говоритъ, что Новгородъ не далъ никакой помощи. Послѣднее ближе къ истинѣ, потому что Псковичи принуждены были обратиться къ другому своему сосѣду, Ольгерду Литовскому, тогда еще удѣльному князю Витебскому. Послѣдній воспользовался случаемъ вмѣшаться въ дѣла сѣверо-западной Руси, чтобы подчинить ее своему вліянію, и дѣйствительно явился вмѣстѣ съ братомъ Кейстутомъ и сыномъ Андреемъ. Нѣмцы осадили Изборскъ. Этотъ передовой оплотъ Псковской земли съ западной стороны не задолго передъ тѣмъ, по рѣшенію псковскаго вѣча, посадникомъ Селогою былъ перенесенъ на ближнюю, болѣе удобную для обороны, мѣстность, и укрѣпленъ каменными, плитяными стѣнами, которыя Нѣмцы теперь тщетно старались сокрушить своими стѣнобитными орудіями. Нѣмецкая рать однако оказалась такъ сильна, что Ольгердъ не рѣшился напасть на нее, и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи. Но и Нѣмцы съ своей стороны, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе и опасаясь нападенія Литвы, послѣ нѣсколькихъ дней осады сняли ее и отступили въ свою землю. Тогда и Ольгердъ ушелъ домой, несмотря на просьбы Псковичей остаться у нихъ на княженіи: вмѣсто себя онъ далъ имъ въ князья сына своего Андрея. Война съ Нѣмцами продолжалась еще около трехъ лѣтъ; Псковичи выдержали ее только однѣми собственными силами и окончили съ честью. Въ числѣ ихъ предводителей въ этихъ войнахъ съ Нѣмцами отличались литовскій намѣстникъ князь Юрій Витовтовичъ и служебный изборскій князь Евстафій. Впрочемъ Пскову не мало помогли событія въ самой Ливонской землѣ.

Около того времени Датское владычество въ Эстоніи почти прекратилось вслѣдствіе смутъ и споровъ за престолъ въ собственной Даніи; датско-нѣмецкое вассальное рыцарство Эстоніи стало управляться само собою, и не признавало надъ собой почти никакой зависимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось безправное положеніе покоренныхъ Эстовъ, которымъ некуда было обратиться для защиты отъ жестокихъ притѣсненій рыцарей — помѣщиковъ. Вообще тяжело было положеніе туземнаго крестьянскаго населенія въ Орден-

скихъ владѣніяхъ, но особенно невыносимо оно было въ Эстоніи. Современный нѣмецкій лѣтописецъ (Вигандъ Марбургскій) говоритъ, что рыцари и вассалы безчестили дочерей и женъ Эстовъ и Эзельцевъ, отнимали имущество, и „поступали съ ними какъ съ рабами“. „Наши собаки пользуются лучшимъ обращеніемъ, нежели эти люди“,— замѣтилъ другой нѣмецкій писатель (Кранцъ). Выведенное изъ терпѣнія, туземное населеніе наконецъ возмутилось и начало въ свою очередь разрушать замки и монастыри и предавать мучительной смерти попавшихъ въ ихъ руки Датчанъ и Нѣмцевъ (1343 г.). Но недаромъ завоеватели воздвигали въ тѣхъ краяхъ крѣпкіе замки; въ нихъ спаслись остатки мѣстнаго рыцарства. Крестьяне однако двумя большими скопищами осадили главный городъ провинціи Ревель и мѣстопребываніе эзельскаго епископа Гапсаль. Въ то же время они обратились за помощью къ Шведамъ, предлагая перейти въ ихъ подданство. Рыцарство, вмѣстѣ съ датскимъ намѣстникомъ Ревеля, съ своей стороны просило о помощи Ливонскій Орденъ. Магистръ Бурхардъ фонъ-Дрейлевенъ немедленно съ сильнымъ войскомъ явился на выручку Ревеля. Мятежники были побиты, и захваченные въ плѣнъ подверглись изысканнымъ казнямъ. Отсюда Дрейлевенъ двинулся къ Гапсалю; осаждавшіе его разбѣжались при одномъ извѣстіи о приближеніи Нѣмцевъ. Возстаніе было усмирено на островѣ Эзелѣ и въ цѣлой Эстоніи съ такою жестокостію, что вся страна обратилась почти въ пустыню. Положеніе уцѣлѣвшаго крестьянства послѣ того сдѣлалось еще тяжелѣе, закрѣпощеніе его за помѣщиками было почти полное. Датское владычество въ Эстоніи смѣнилось владычествомъ Нѣмцевъ, и этотъ порядокъ былъ подтвержденъ тѣмъ, что Король Вальдемаръ III отрекся отъ своихъ правъ на Эстонію въ пользу гохмейстера Тевтонскаго Ордена Генриха Дусмера за 19,000 марокъ серебра (1346); а гохмейстеръ потомъ переуступилъ эти права за 20,000 марокъ магистру и рыцарству Ливонскаго Ордена, который фактически уже владѣлъ Эстонской областью.

Въ то время, когда происходили эти событія въ сосѣдней землѣ, Великій Новгородъ обуреваемъ былъ разными бѣдствіями и смутами. Часто случались тамъ пожары; но особенно опустошителенъ былъ пожаръ въ іюнѣ 1340 года. Онъ начался съ улицы Розважи въ Неревскомъ концѣ и истребилъ значительную часть Софійской стороны; сильный вихрь перебросилъ пламя черезъ Волховъ на Торговую сторону; причемъ сгорѣлъ большой Волховскій мостъ; много домовъ и церквей погорѣло и въ Славянскомъ концѣ. Населеніе спѣшило

выносить свое имущество въ поле или на огороды, а также на лодки и учаны; но огонь перебрасывало такъ далеко, что не спаслось и это вынесенное имущество. А чего не пожрало пламя, то было разграблено злыми людьми, которые, пользуясь смятеніемъ, не только захватывали всякій товаръ и вещи, но и убивали тѣхъ, кто стерегъ эти вещи и сопротивлялся грабителямъ. Послѣдніе не щадили и самыхъ храмовъ; извѣстно, что богатые граждане имѣли тогда обыкновеніе ставить на сохраненіе лучшее свое имущество въ кладовыя при каменныхъ церквахъ. Злые люди грабили это имущество вмѣстѣ съ дорогою церковною утварью; причемъ убили нѣсколько церковныхъ сторожей. Едва городъ началъ потомъ оправляться и вновь обстраиваться, какъ лѣтомъ 1342 года произошелъ новый большой пожаръ. Напуганное населеніе послѣ того нѣкоторое время боялось оставаться въ городѣ; множество народа жило въ поляхъ или въ лодкахъ; а лихіе люди опять пользовались смятеніемъ и грабили. Только усиліямъ владыки Василія удалось возстановить спокойствіе; онъ собралъ игумновъ и священниковъ, учредилъ постъ, крестные ходы, молебны; мало-по-малу народъ воротился въ городъ и снова принялся возобновлять погорѣвшія жилища.

Но осенью того же года поднялась сильная смута, вызванная вѣчнымъ соперничествомъ богатыхъ семей изъ-за высокаго и прибыльнаго посадничьяго сана.

Въ октябрѣ умеръ посадникъ Варѳоломей Юрьевичъ; его погребли въ отцовскомъ гробѣ, въ церкви Сорока Мучениковъ, что въ Неревскомъ концѣ; погребеніе совершалъ самъ владыка Василій съ игумнами и священниками. Послѣ него остались сыновья Лука и Матвѣй. Боярская партія дала посадничество Ѳедору Даниловичу, очевидно члену другой знатной семьи, непріязненной Варѳоломеевичамъ. Тогда Лука собралъ толпу повольниковъ изъ разныхъ оборванцевъ и бѣглыхъ холоповъ, и, безъ согласія властей, безъ владычняго благословенія, отправился въ Заволочье, гдѣ вѣроятно его семья имѣла большія поземельныя владѣнія. Онъ поставилъ себѣ укрѣпленный городокъ Орелецъ на Двинѣ, около впаденія въ нее Емцы; усилилъ свою вольницу сосѣдними Емчанами, и началъ грабить Двинскіе погосты, повидимому, не разбирая новогородскія поселенія отъ туземной Чуди. А сынъ его Онцифоръ отсюда отправился воевать берега Ваги, большого лѣваго притока Двины. Заволочане, подвергшіеся грабежу и обидамъ отъ повольниковъ, воспользовались раздѣленіемъ ихъ силъ, и убили Луку, когда онъ однажды съ 200 человѣкъ выѣхалъ изъ

Орельца на грабежъ. Едва вѣсть о томъ дошла до Новгорода, какъ чернь, приверженная къ семьѣ Вареоломея, возстала на посадника, обвиняя его въ томъ, что онъ тайкомъ послалъ подговаривать Заволочанъ на убіеніе Луки. Чернь разграбила дома и подгородныя села, принадлежавшіе семьѣ посадника Ѳедора Даниловича; а самъ онъ съ братомъ Андреемъ успѣлъ спастись бѣгствомъ въ крѣпость Копорье. Сынъ Луки Онцифоръ, воротясь въ Новгородъ, билъ челомъ народному вѣчу на Ѳедора и Андрея, будто они дѣйствительно подослали людей на убіеніе его отца. Владыка послалъ юрьевскаго архимандрита Іосифа съ нѣкоторыми боярами въ Копорье за посадникомъ и его братомъ. Тѣ пріѣхали въ Новгородъ, и клялись, что не думали подсылать убійцъ. Народъ тотчасъ раздѣлился на двѣ стороны. Онцифоръ Лукиничъ и дядя его Матвѣй Вареоломеевичъ собрали своихъ сторонниковъ на мятежное вѣче у св. Софіи; а Ѳедоръ и Андрей Даниловичи созвали большое вѣче на Ярославлемъ дворѣ. Архіепископъ, очевидно мирволившій семьѣ Вареоломеевичей, отправился съ какими-то требованіями отъ нихъ на большое вѣче. Но мятежники, не дождавшись его возвращенія, ударили на Ярославовъ дворъ, однако были побиты; Матвѣя захватили и посадили въ церковь подъ стражу, а Онцифоръ успѣлъ убѣжать. Это было поутру; а по обѣдѣ уже весь городъ вооружился: Торговая сторона за Ѳедора, Софійская за Онцифора. Едва владыкѣ Василію и великокняжескому намѣстнику Борису удалось наконецъ помирить обѣ стороны и утишить возстаніе. Но борьба партій продолжалась; послѣ того мы видимъ въ Новгородѣ частую смѣну посадниковъ; въ ихъ числѣ встрѣчаемъ Остафія Дворянинцева, а потомъ помянутыхъ Матвѣя Вареоломеевича и Онцифора Лукинича и снова Ѳедора Даниловича.

Эта борьба Новгородскихъ партій несомнѣнно происходила въ связи съ усиливающимся Московскимъ вліяніемъ, которое имѣло своихъ противниковъ и сторонниковъ. Такое вліяніе естественно возбуждало неудовольствіе въ великихъ князьяхъ Литовскихъ. Въ 1346 году Симеонъ Гордый лично пріѣзжалъ въ Новгородъ; былъ здѣсь торжественно посаженъ на столъ и прожилъ три недѣли на Городищѣ. Но едва онъ уѣхалъ, какъ Ольгердъ, въ предыдущемъ году захватившій великое Литовское княженіе, съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ Новгородскую землю, повоевалъ берега Шелони и Луги, взялъ окупъ съ Порхова и Опочки, и ушелъ назадъ съ большою добычею и полономъ. Причину своего нападенія онъ объявилъ довольно странную: „Лаялъ меня посадникъ вашъ Остафій Дворянинцевъ, назвалъ

меня псомъ“,—велѣлъ онъ сказать Новгородцамъ. Послѣдніе выступили было противъ непріятеля, но съ дороги воротились; созвали вѣче, и на этомъ вѣчѣ убили Остафія Дворянинцева, говоря: „изъ-за тебя пропали наши волости!“ Новгородскіе раздоры очевидно стали иногда сопровождаться недостойными, малодушными дѣяніями ([67]).

Въ это время, когда въ Новгородѣ пребывали намѣстники великаго князя Московскаго, Псковъ, какъ мы видѣли, имѣлъ своимъ княземъ Ольгердова сына Андрея и все болѣе и болѣе обособлялся изъ общаго состава Новгородской земли. Великій Новгородъ наконецъ принужденъ былъ открыто признать Псковскую самостоятельность. Поводомъ къ тому послужили внѣшнія отношенія, именно возобновившееся наступательное движеніе Шведовъ на сѣверо-западные предѣлы.

Съ небольшими перерывами малая война со Шведами за обладаніе Корелою длилась почти всю первую половину XIV вѣка: Новгородцы ходили иногда Финскимъ заливомъ или Ладожскимъ озеромъ разорять шведскія поселенія въ Финляндіи и осаждали Выборгъ, но неудачно; а Шведы въ свою очередь дѣлали судовые набѣги на новгородскія земли и доходили до самой Ладоги. Чтобы запереть непріятелямъ доступъ въ Ладожское озеро, Новгородцы наконецъ догадались построить укрѣпленный городокъ на Орѣховомъ островѣ, на истокѣ Невы (1323 г.). Нѣсколько разъ обѣ стороны заключали миръ, и постоянно его нарушали; этому нарушенію не мало способствовали сами Корелы: въ своемъ стѣсненномъ положеніи между двумя сильными народами и между двумя исповѣданіями, православіемъ и католичествомъ, они то держались новгородскаго владычества и крестились по православному обряду, то переходили на сторону Шведовъ и принимали католичество; поэтому часто терпѣли разореніе отъ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ кромѣ борьбы за границы эти войны имѣли и религіозный характеръ, въ особенности со стороны Шведовъ, подстрекаемыхъ папскими буллами къ распространенію католической вѣры.

Король Магнусъ Эрихсонъ, соединившій въ своихъ рукахъ короны Швеціи и Норвегіи, желая загладить неудовольствіе, возбужденное его расточительностью и распущеннымъ образомъ жизни, вдругъ обнаружилъ чрезвычайную ревность къ апостольскимъ подвигамъ. Онъ затѣялъ крестовый походъ на Новгородцевъ, чтобы ихъ самихъ обратить въ католическую вѣру, и къ собственному войску присоединилъ еще много наемныхъ Нѣмцевъ.

Въ 1348 году въ Новгородъ явилось посланіе отъ Шведскаго короля съ слѣдующимъ неожиданнымъ предложеніемъ: „пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, я тоже пришлю своихъ; пусть поговорятъ о вѣрѣ; если ваша вѣра окажется лучше, то я иду въ нее, а если наша, то вы идите въ нашу вѣру; а не захотите быть въ единеніи, буду воевать васъ всѣми своими силами“. Новгородское вѣче, посовѣтовавшись съ владыкою, придумало ловкій отвѣтъ: „если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патріарху; ибо мы приняли свою вѣру отъ Грековъ; а съ тобой спорить о ней не будемъ; если же есть какое между нами (сосѣдское) неудовольствіе, то посылаемъ бояръ къ тебѣ на съѣздъ“. Тысяцкій Аврамъ, Кузьма Твердиславичъ и иные бояре пріѣхали въ Орѣховецъ; отсюда Кузьма Твердиславичъ отправился къ королю, который тогда съ своимъ флотомъ стоялъ у Березовыхъ острововъ, т.-е. противъ Выборга. Но Магнусъ отослалъ Кузьму назадъ уже съ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы Новгородцы приняли католичество. Затѣмъ онъ вступилъ въ Неву, и занялся осадою Орѣховца; а между тѣмъ посылалъ отряды, которые принялись силою крестить новгородскую Ижору въ католическую вѣру. Новгородцы начали собирать свое земское ополченіе, а впередъ послали небольшую дружину подъ начальствомъ помянутаго боярина Онцифора Лукинича; ему удалось побить 500 Нѣмцевъ изъ тѣхъ, которые крестили Ижору. Новгородское ополченіе съ посадникомъ Ѳедоромъ Даниловичемъ и великокняжими намѣстниками двинулось въ Ладогу; но не шло далѣе, поджидая помощи отъ великаго князя. Симеонъ Ивановичъ Гордый обѣщалъ эту помощь и даже пошелъ было самъ съ войскомъ; но, отвлекаемый другими дѣлами, съ дороги воротился, поручивъ войско брату Ивану; а послѣдній дошелъ только до Новгорода, и здѣсь остановился. Благодаря этой медленности и нерѣшительности какъ Новгородцевъ, такъ и Москвитянъ, король успѣлъ взять Орѣховецъ; причемъ попали въ плѣнъ тысяцкій Аврамъ, Кузьма Твердиславичъ и восемь иныхъ новгородскихъ бояръ; завоеванный городъ былъ занятъ шведскимъ гарнизономъ. Братъ великаго князя Иванъ Ивановичъ, извѣстный своимъ невоинственнымъ характеромъ, послѣ того ушелъ съ московскимъ войскомъ обратно въ Низовую землю.

Такимъ образомъ въ самый разгаръ войны съ сильнымъ непріятелемъ Новгородцы были предоставлены однимъ собственнымъ средствамъ. Они старались заручиться по крайней мѣрѣ помощью Псковичей, съ каковою цѣлью около того времени заключили съ ними до-

говоръ въ селѣ Болотовѣ. По сему договору Псковъ признавался младшимъ братомъ Великаго Новгорода. Новгородцы отказались отъ права назначать посадниковъ во Псковъ; владычнимъ намѣстникомъ на церковномъ судѣ во Псковѣ долженъ быть природный Псковичъ; а въ Новгородъ Псковичи не могли быть призываемы къ суду какъ свѣтскому чрезъ подвойскихъ, извѣтниковъ и биричей, такъ и церковному чрезъ Софьянъ или владычнихъ людей. Послѣ того въ новгородскомъ ополченіи мы дѣйствительно встрѣчаемъ псковскую дружину. Это ополченіе изъ Ладоги двинулось наконецъ далѣе и подступило къ Орѣховцу. Межъ тѣмъ болѣзни, недостатокъ продовольствія, ропотъ собственныхъ подданныхъ на поборы и военныя тягости, соперничество военачальниковъ шведскихъ съ наемными нѣмецкими, а также неудачи, постигшія флотъ,—все это охладило апостольское рвеніе Магнуса, и онъ съ главнымъ войскомъ ушелъ за море. Тѣмъ не менѣе шведскій гарнизонъ въ Орѣховцѣ, состоявшій изъ 800 человѣкъ, оборонялся мужественно, и осада затянулась. Вдругъ Псковичи получили извѣстіе, что Ливонскіе Нѣмцы нарушили миръ, и начали воевать Псковскую землю одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Псковичи конечно всполошились, и собрались уходить на защиту собственной земли. Тщетно Новгородцы упрашивали ихъ остаться, напоминая о братствѣ и только что заключенномъ договорѣ. Псковская дружина выступила изъ лагеря не тайкомъ, не ночью, а въ полдень, при звукѣ своихъ воинскихъ трубъ, бубновъ и „посвистѣлей". Шведы со стѣнъ смотрѣли на это отступленіе и смѣялись. Однако дѣло кончилось не въ ихъ пользу.

Новгородцы на сей разъ дѣйствовали мужественно и энергично: они стояли подъ городомъ всю осень и зиму, отъ Успеньева дня до 24 февраля 1349 года. Наконецъ имъ удалось своими приметами зажечь городъ, и потомъ ворваться въ него. Шведы думали спастись въ каменную башню; они были частію изрублены, частію взяты въ плѣнъ. Война продолжалась еще нѣкоторое время. Новгородцы вновь подступали къ Выборгу и пожгли его окрестности. Наконецъ въ самой Швеціи возникли смуты: недовольные вельможи объявили Магнуса лишеннымъ престола; въ Норвегіи посадили королемъ его младшаго сына Гакона, а въ Швеціи старшаго Эриха. Въ такихъ обстоятельствахъ Шведы при посредствѣ Ливонскаго Ордена въ городѣ Юрьевѣ или Дерптѣ заключили миръ съ Новгородцами, въ 1350 году. По этому миру Корелія была раздѣлена между Швеціей и Новгородомъ; граница проведена по рѣкѣ Сестрѣ, впадающей въ Фин-

скій заливъ. Съ обѣихъ сторонъ размѣнялись плѣнными. Этотъ миръ Новгорода со Шведами оказался довольно проченъ; ибо послѣ того мы только изрѣдка встрѣчаемъ нѣкоторыя мелкія пограничныя нападенія, неимѣвшія важныхъ послѣдствій.

Псковская община также однѣми собственными силами отстояла себя отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ въ войнѣ 1348—49 гг. Въ этой войнѣ былъ убитъ подъ Изборскомъ храбрый литовскій намѣстникъ Юрій Витовтовичъ. Послѣ того Псковичи, обманутые вообще надеждою на Литовскую помощь противъ Нѣмцевъ, послали въ Полоцкъ къ Андрею Ольгердовичу и велѣли сказать ему, что болѣе не признаютъ его своимъ княземъ; такъ какъ онъ вмѣсто того, чтобы самому сидѣть въ Псковѣ, держалъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Слѣдствіемъ чего былъ конечно гнѣвъ со стороны Ольгерда, который велѣлъ захватить находившихся въ Литвѣ псковскихъ купцовъ, отнять у нихъ товаръ и коней и самихъ засадить въ тюрьмы; но потомъ, взявши съ нихъ выкупъ, отпустилъ. А сынъ его Андрей съ Полочанами напалъ на сосѣднюю псковскую волость Ворначъ и повоевалъ ее (1350). Псковичи потомъ отомстили ему набѣгомъ на Полоцкую область подъ начальствомъ своего служилаго князя Евстафія Изборскаго.

Въ ту эпоху Россію, какъ извѣстно, посѣтила великая моровая язва или такъ называемая Черная Смерть. Съ особою силою она свирѣпствовала въ Псковѣ, гдѣ продолжалась все лѣто 1352 года. Всѣ кладбища при церквахъ такъ переполнились, что пришлось рыть могильныя ямы вдали отъ церквей. Многіе мужчины и женщины спѣшили удалиться въ монастыри и тамъ постричься, чтобы встрѣтить смерть въ „ангельскомъ чинѣ“. Плачь и отчаяніе господствовали въ городѣ. Въ это печальное время по просьбѣ псковскихъ властей явился владыка Василій, „не въ свою чреду“, т.-е. не въ обычное и опредѣленное время, когда происходилъ „епископскій подъѣздъ“, а для того, чтобы благословить паству и преподать ей духовное утѣшеніе. Онъ совершилъ крестный ходъ вокругъ города съ нѣкоторыми мощами святыхъ, со всѣмъ духовенствомъ и народомъ. Послѣ того владыка отбылъ изъ Пскова, но дорогою скончался; очевидно, онъ сдѣлался жертвою той же Черной Смерти ([68]).

Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ новгородкихъ владыкъ, болѣе 29 лѣтъ управлявшій Новгородскою церковью. Въ 1330 году владыка Моисей удалился въ Колмовскій монастырь, имъ самимъ основанный и расположенный верстахъ въ двухъ отъ Софійской стороны, на берегахъ Волхова. Тщетно Новгородцы просили его воротиться на

свой престолъ; Моисей принялъ схиму и благословилъ гражданъ избрать на его мѣсто достойнаго мужа. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ В. Новгородъ оставался безъ архипастыря. Наконецъ, послѣ многихъ совѣщаній гражданъ съ духовенствомъ, излюбили поставить архіепископомъ Григорія Калѣку, священника при церкви Козьмы и Демьяна на Холопьей улицѣ. Его постригли въ иноки, назвали Василіемъ и посадили на владычномъ дворѣ. А затѣмъ онъ ѣздилъ для своего поставленія во Владиміръ Волынскій, гдѣ тогда находился митрополитъ Ѳеогностъ. Василій оправдалъ свой выборъ и явился весьма дѣятельнымъ владыкою. Онъ былъ усердный строитель и, кромѣ нѣсколькихъ каменныхъ церквей, воздвигъ новыя каменныя стѣны вокругъ Софійскаго кремля; въ особенности усиливалась его строительная дѣятельность послѣ большихъ пожаровъ, опустошавшихъ Новгородъ. Василій, какъ и другіе лучшіе новгородскіе владыки, являлся ревностнымъ патріотомъ въ случаяхъ политической невзгоды, и не разъ самъ ѣздилъ во главѣ посольства къ Ивану Калитѣ и Симеону Гордому, чтобы утишать ихъ ссоры съ Новгородцами. Особенно любопытна его двойственная борьба съ одной стороны за церковную самостоятельность Новгорода, съ другой—противъ таковой же самостоятельности Пскова.

Вмѣстѣ съ своимъ политическимъ обособленіемъ отъ остальной Руси Новгородъ всегда стремился и въ церковномъ управленіи стать въ менѣе зависимыя отношенія къ Русскому митрополиту. Такое стремленіе усилилось, когда митрополитъ основалъ свое пребываніе въ Москвѣ и когда онъ сталъ оказывать явную помощь великимъ князьямъ Московскимъ на поприщѣ собиранія или политическаго объединенія Руси. Новгородскіе владыки старались ограничить свои отношенія къ митрополиту однимъ поставленіемъ въ свой санъ, и пытались устранить его право высшаго духовнаго суда.

Это право обыкновенно состояло въ томъ, что митрополитъ вызывалъ къ себѣ на судъ новгородскаго владыку, если случалась на него какая жалоба, или посылалъ довѣренныхъ лицъ въ Новгородъ для разбора тяжбъ, подлежащихъ церковному суду, а иногда лично посѣщалъ Новгородъ для того, чтобы творить тамъ духовный судъ, т.-е. рѣшать накопившіяся дѣла. Такія посѣщенія назывались „подъѣздомъ" и долженствовали продолжаться по цѣлому мѣсяцу почему и право на подъѣздъ носило еще названіе „мѣсячнаго суда". Эти подъѣзды совершались рѣдко и обставлялись возможною торжественностію.

Навстрѣчу митрополиту выходилъ владыка съ духовенствомъ, со крестами и народною толпою къ церкви св. Спаса на Ильинѣ улицѣ. Митрополитъ, сопровождаемый большою свитою, входилъ въ эту церковь, облачался, и отсюда соединенная процессія съ зажженными свѣтильниками впереди направлялась черезъ Торговище и Волховскій мостъ въ соборный храмъ св. Софіи. Тутъ митрополитъ соборнѣ совершалъ литургію и съ амвона говорилъ поученіе. Мѣстопребываніемъ митрополита служило подворье у церкви Іоанна Предтечи на Чудинцевѣ улицѣ. Подъѣздъ сопровождался пиршествами, которыя устраивали владыка и граждане, а также поднесеніемъ даровъ. Все это время содержаніе митрополита и его многочисленныхъ спутниковъ лежало на мѣстномъ духовенствѣ и монастыряхъ, которые доставляли съѣстные припасы и другія потребныя вещи. А такъ какъ и всѣ пошлины съ церковнаго суда въ это время шли въ митрополичью казну, то понятно, что такіе подъѣзды были довольно отяготительны для Новгорода, особенно для его владыки. Путешествія сего послѣдняго во Владиміръ или въ Москву также сопровождались большими расходами, преимущественно на подарки митрополиту и великому князю. Естественно поэтому стремленіе новгородскихъ владыкъ, по причинамъ политическимъ и экономическимъ, ограничиться только путешествіемъ туда для поставленія своего въ архіепископскій санъ и присвоить самимъ себѣ право высшаго церковнаго суда въ своей эпархіи. Но они встрѣтили энергическое сопротивленіе со стороны Москвы. Новгородъ обратился къ цареградскому патріарху, и помощію его авторитета думалъ поставить свое духовенство въ болѣе независимыя отношенія къ московскому митрополиту. Патріархія хотя благосклонно выслушивала новгородскія посольства и принимала отъ нихъ дары, но не рѣшалась нарушить древнее единство Русской церкви. Притомъ подобнымъ новгородскимъ проискамъ Москва противопоставляла свои внушенія въ Царьградѣ.

Все, чего успѣлъ добиться владыка Василій,—это получить нѣкоторые внѣшніе знаки почета; а именно, митрополитъ Ѳеогностъ далъ ему право носить кресчатыя ризы, т.-е. епископскую фелонь съ нашитыми четырьмя крестами. Кромѣ того, если вѣрить одному позднѣйшему сказанію, присвоенный новгородскимъ архіепископамъ бѣлый клобукъ начался именно съ Василія, который получилъ его отъ цареградскаго патріарха Филоѳея.

Какъ Новгородъ въ XIV вѣкѣ стремится подкрѣпить свою политическую самобытность освобожденіемъ собственной церкви отъ пол-

наго подчиненія общерусскому митрополиту, такъ и Псковъ въ то же самое время, вмѣстѣ съ политическимъ обособленіемъ отъ Новгорода, дѣлаетъ попытки къ церковной независимости отъ Новогородскаго владыки, т.-е. хлопочетъ имѣть своего особаго епископа. Сначала онъ думалъ добиться этого права съ помощью великаго князя Литовскаго Гедимина, изъ рукъ котораго принялъ къ себѣ на княженіе извѣстнаго изгнанника Александра Михайловича Тверского. Пользуясь помянутымъ выше удаленіемъ въ монастырь архіепископа Моисея и временнымъ сиротствомъ новогородской каѳедры, Псковичи выбрали себѣ епископомъ нѣкоего инока Арсенія, и послали на Волынь къ владыкѣ Ѳеогносту въ 1331 году съ просьбою о поставленіи. Эту просьбу поддержали великій князь Литовскій и нѣкоторые его подручники западнорусскіе князья. Но она встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны новаго владыки новгородскаго Василія, который почти одновременно съ Арсеніемъ прибылъ тогда къ Ѳеогносту для своего поставленія. Самъ митрополитъ вообще стоялъ за сохраненіе существовавшаго порядка въ Русской церкви; кромѣ того онъ и не рѣшился бы сдѣлать такой важный шагъ какъ учрежденіе новой русской епархіи безъ согласія великаго князя Московскаго. Арсеній получилъ отказъ, и псковское посольство воротилось со стыдомъ. Литовскій князь, недовольный этимъ отказомъ, хотѣлъ выместить свою досаду на новгородскомъ владыкѣ, такъ что Василій и сопровождавшіе его новогородскіе бояре съ трудомъ избѣжали плѣна, пробираясь изъ Волыни въ отечество окольнымъ путемъ черезъ Черниговъ и Брянскъ. Подъ Черниговомъ они попались было въ руки погнавшихся за ними какого-то удѣльнаго кіевскаго князя Ѳедора и татарскаго баскака съ шайкою въ 50 человѣкъ; но Новогородцы мужественно отразили нападеніе.

Послѣ неудачи съ Арсеніемъ Псковичи на время покорились рѣшенію митрополита, и въ 1333 году съ почестями приняли владыку Василія, когда онъ пріѣхалъ на свой подъѣздъ. Повидимому примиренію съ нимъ не мало способствовалъ княжившій тогда въ Псковѣ Александръ Михайловичъ Тверской, у котораго Василій въ этотъ пріѣздъ воспринималъ отъ купели новорожденнаго сына Михаила. (Впослѣдствіи, достигнувъ отроческихъ лѣтъ, будущій знаменитый князь Тверской Михаилъ Александровичъ отвезенъ въ Новгородъ къ владыкѣ Василію, чтобы подъ его руководствомъ учиться грамотѣ). Подъѣзды Новогородскихъ архіереевъ во Псковѣ въ эту эпоху стали окружаться такою торжественностію и сопровождались такими

большими расходами, которые напоминаютъ описанные выше митрополичьи подъѣзды въ Новгородѣ; только они происходили гораздо чаще сихъ послѣднихъ. Псковское духовенство со крестами, князь, посадники, бояре и народъ встрѣчали владыку у городскихъ воротъ и провожали его на подворье. Первымъ дѣломъ владыки было „соборованіе", т.-е. совершеніе торжественнаго богослуженія въ Троицкомъ соборѣ; причемъ онъ „читалъ синодикъ" или поминальную книгу. Это чтеніе сопровождалось пѣніемъ вѣчной памяти погребеннымъ здѣсь князьямъ и всѣмъ пролившимъ свою кровь за св. Троицу и св. Софью; затѣмъ слѣдовали провозглашеніе многолѣтія христіанамъ Пскова и Великаго Новгорода и проклятіе ихъ врагамъ (при русскихъ епископіяхъ подобное соборованіе совершалось обыкновенно въ первое Воскресенье великаго поста). Владычній подъѣздъ во Псковѣ продолжался также мѣсяцъ; главное его значеніе состояло въ отправленіи церковнаго суда, освященіи новыхъ церквей и сборѣ владычнихъ пошлинъ. Мѣстное духовенство въ это время должно было доставлять содержаніе или „кормъ" владыкѣ и его многочисленной свитѣ или „Софьянамъ". Кромѣ корма натурою оно должно было еще вносить ему денежный оброкъ, извѣстный подъ именемъ „поплѣшной пошлины", т.-е. съ каждой священнической головы или плѣши (тогда священники отличались выстриженною маковкою или гуменцемъ). Подъѣздъ также сопровождался дарами, пирами и угощеніемъ, которые предлагались отъ духовенства, городскихъ властей и простыхъ гражданъ; послѣдніе устраивали пиры въ складчину цѣлыми концами. Но не столько эти угощенія, сколько разныя пошлины были обременительны для Псковскаго духовенства и возбуждали съ его стороны жалобы. Обременительно было также право владыки назначать своимъ намѣстникомъ въ Псковѣ для церковнаго суда кого-либо изъ Софьянъ и требовать Псковичей на судъ къ себѣ въ Новгородъ.

Когда владыка Василій опять прибылъ во Псковъ въ 1337 году, по удаленіи оттуда Александра Михайловича Тверского, Псковичи не только приняли его холодно, но и не дали ему владычняго суда, и онъ уѣхалъ, изрекши на нихъ проклятіе. Послѣ того ихъ раздоръ съ владыкою и съ Новгородомъ продолжался цѣлыя десять лѣтъ, и окончился извѣстнымъ Болотовскимъ договоромъ 1347 — 8 года. Условія этого договора, какъ мы видѣли, болѣе всего касались ограниченія правъ владыки. Онъ обязался назначать своимъ намѣстникомъ кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, а также не звать болѣе псков-

ское духовенство на судъ въ Новгородъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повидимому были точнѣе опредѣлены владычныя пошлины и порядокъ подъѣзда; для послѣдняго окончательно установленъ четырехлѣтній срокъ. Такимъ образомъ Псковичи добились нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу своего церковнаго самоуправленія; но зато Новгородъ сохранилъ принадлежность Пскова къ своей эпархіи (69).

Когда скончался владыка Василій, Новгородцы упросили престарѣлаго Моисея вновь занять архіепископскій престолъ. Въ это время моръ или Черная смерть перешла въ Новгородъ, а отсюда распространилась далѣе по Сѣверовосточной Руси. Моисей еще семь лѣтъ правилъ Новгородской церковью, и, удручаемый тѣлесною немощью, опять ушелъ въ монастырь, только въ другой, на Сковородкѣ, точно также имъ самимъ основанный. Тогда Новгородъ прибѣгъ къ избранію владыки помощью жребія: въ Софійскомъ соборѣ на престолъ положили три жребія, и потомъ два взяли; а чей остался, тотъ считался избраннымъ Богомъ и св. Софьею. Такимъ способомъ выборъ палъ на чернеца и софійскаго ключника Алексѣя, котораго тотчасъ взяли на владычнія сѣни, т.-е. водворили въ архіепископскихъ покояхъ. Тверской епископъ Ѳедоръ посвятилъ его сначала въ дьяконы, потомъ въ попы; а въ слѣдующемъ году (1360) онъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ бояръ ѣздилъ во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ соименный ему митрополитъ Алексѣй поставилъ его архіепископомъ. Но еще прежде этой поѣздки владыка Алексѣй имѣлъ случай оказать услугу своей паствѣ дѣломъ умиротворенія. Вслѣдствіе обычной борьбы партій, сосредоточенной около посадничьяго сана, въ 1359 г. въ Новгородѣ произошелъ мятежъ. Славянскій конецъ возсталъ противъ посадника Андреяна Захарьинича, и поступилъ при этомъ коварнымъ образомъ. Славяне заняли свои мѣста на вѣчѣ, имѣя брони подъ платьемъ („въ доспѣсѣ подсѣли бяху"); тутъ затѣяли ссору, свергли Андреяна и объявили посадникомъ Сильвестра Лентѣевича. Произошла свалка; Славяне побили и разогнали Зарѣчанъ или мужей Софійской стороны, которые были безоружны. Вслѣдъ затѣмъ поднялась вся послѣдняя сторона, чтобы отомстить за свою братью; а Славяне разобрали Волховской мостъ. Три дня обѣ партіи стояли въ оружіи другъ противъ друга. Тогда оба владыки, старый Моисей и нареченный Алексѣй, съ Юрьевскимъ архимандритомъ и игумнами явились посреди враждующихъ и начали осѣнять ихъ крестнымъ знаменіемъ. „Дѣти!—сказалъ Алексѣй—не доспѣйте себѣ брани, поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и

мѣсту сему пустоты, не соступайтеся на бой". Граждане послушались духовнаго пастыря и разошлись по домамъ. Софійцы однако успѣли пограбить ближнія села Сильвестра и нѣкоторыхъ другихъ бояръ Славянскаго конца. Посадникомъ не оставили ни Андреяна, ни Сильвестра; а выбрали третьяго, Никиту Матвѣевича (м. б. двоюродный братъ извѣстнаго Онисифора Лукинича).

Владыка Алексѣй около тридцати лѣтъ управлялъ Новгородскою церковью; онъ былъ истый Новгородецъ по происхожденію и по характеру, и продолжалъ стремленіе своихъ предшественниковъ къ пріобрѣтенію возможно большей независимости отъ московскаго митрополита.

Большую часть княженія Димитрія Іоанновича Донского Новогородцы жили въ мирѣ съ нимъ и съ его намѣстниками. Сближенію Новгорода съ Москвою въ это время способствовали и отношенія къ Твери, которая вновь усилилась при Михаилѣ Александровичѣ; а послѣдній, дѣйствуя въ союзѣ съ Ольгердомъ Литовскимъ, не только возобновилъ соперничество съ Москвою изъ-за великаго стола, но и, подобно своему дѣду Михаилу Ярославичу, явился жестокимъ непріятелемъ Новгородцевъ, тѣснилъ ихъ предѣлы и отнималъ у нихъ волости, а однажды взялъ приступомъ Торжокъ и разорилъ его. Поэтому и Новогородцы съ своей стороны усердно помогали Димитрію противъ Михаила. Насколько они въ то время дѣйствовали самостоятельно въ своихъ дѣлахъ, видно изъ примѣра литовскаго князя Патрикія Наримонтовича. Лишенный удѣла въ собственномъ отечествѣ, этотъ князь пришелъ въ Новгородъ, и вѣче дало ему въ кормленіе почти тѣ же города, которые нѣкогда держалъ его отецъ Наримонтъ, именно: Орѣховъ, Корельскій и половину Копорья (1383). Но въ слѣдующемъ году Орѣховцы и Корельцы принесли жалобы на притѣсненія отъ князя. Вслѣдъ за ними явился самъ Патрикій и поднялъ за себя Славянскій конецъ. Цѣлыя двѣ недѣли продолжались шумныя вѣча. Три Софійскіе конца снова вооружились противъ Славянъ; а послѣдніе поспѣшили разобрать Волховской мостъ. Наконецъ помирились на томъ, что Патрикію вмѣсто прежнихъ городовъ дали Русу, Ладогу и берегъ Наровы.

Въ эпоху Димитрія Донского мы встрѣчаемъ нѣсколько большихъ походовъ, совершенныхъ новогородскими повольниками на Волгу; причемъ они грабили купеческія суда, не разбирая и московскихъ, и даже нападали на московскіе города и селенія. Такіе грабежи хотя и возбуждали неудовольствіе великаго князя, однако онъ долго

оставлялъ ихъ безъ наказанія, отвлекаемый иными болѣе важными дѣлами. Но къ этимъ неудовольствіямъ присоединились потомъ и другія.

Извѣстно, что послѣ митрополита Алексѣя въ русской іерархіи наступилъ довольно смутный періодъ, ознаменованный борьбою нѣсколькихъ соперниковъ за митрополичій престолъ. Одно время въ Россіи явились даже три митрополита: Діонисій, Пименъ и Кипріанъ. Новогородцы вздумали воспользоваться этими смутными обстоятельствами, и на вѣчѣ 1384 года порѣшили не давать митрополиту подъѣзда или мѣсячнаго суда въ Новгородѣ, не ѣздить къ нему на расправу по церковнымъ дѣламъ и предоставить своему владыкѣ, чтобы онъ самъ вершилъ всѣ духовныя дѣла на основаніи Номоканона; а посаднику и тысяцкому вѣдать свои суды, причемъ для каждой тяжущейся стороны на судѣ должны присутствовать по два боярина и по два житьихъ мужа. Въ такомъ смыслѣ написана была „докончальная грамота“, на соблюденіе которой вѣче присягнуло, и къ ней привѣсили городскую печать.

Съ этимъ рѣшеніемъ по времени совпала ссора съ Москвою изъ-за Чернаго бора, за которымъ пріѣзжали въ Новгородъ бояре великаго князя; но принуждены были уѣхать, не окончивъ сбора. Извѣстно, что Димитрій Ивановичъ, уладившій къ тому времени всѣ другія свои дѣла, припомнилъ Новгороду грабежи его повольниковъ, и въ 1386 году предпринялъ на него большой походъ. Извѣстно также, что походъ окончился мирнымъ договоромъ, по которому Новгородцы согласились на Черный боръ и обязались заплатить 8000 руб. за грабежи повольниковъ. О помянутой выше вѣчевой грамотѣ, относящейся къ митрополичьему суду, въ договорѣ пока ничего не говорится. Вопросъ о ней поднялся спустя еще пять лѣтъ, уже при слѣдующемъ великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ. Когда Кипріанъ окончательно утвердился въ Москвѣ и возстановилъ единство митрополіи, то обратилъ строгое вниманіе на новогородскія притязанія, и зимою 1391 года пріѣхалъ въ Новгородъ. Владыкою тамъ былъ Іоаннъ, преемникъ Алексѣя, который добровольно сложилъ санъ и удалился въ Деревяницкій монастырь (1388). Владыка, духовенство и народъ встрѣтили митрополита съ большими почестями и устроили для него обычные пиры; а онъ совершилъ торжественно литургію у св. Софіи и у св. Николая на Ярославлемъ дворѣ. Но когда Кипріанъ потребовалъ, чтобы Новгородцы уничтожили докончальную грамоту и дали ему верховный митрополичій судъ, то получилъ рѣшительный отказъ.

„Мы уже крестъ цѣловали стоять какъ одинъ человѣкъ, — отвѣчали Новгородцы,—и, запечатавъ грамоту, души свои запечатали".

„Дайте мнѣ грамоту,—говорилъ Кипріанъ,—я самъ сорву печать, а крестоцѣлованіе съ васъ снимаю и прощаю".

Граждане упорно стояли на своемъ. Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія митрополитъ съ гнѣвомъ уѣхалъ изъ Новгорода и наложилъ на него отлученіе. Новгородцы снарядили посольство въ Царьградъ къ патріарху Антонію съ жалобою на это отлученіе и съ просьбою утвердить ихъ рѣшеніе. Говорятъ, будто бы послы грозили патріарху, что въ случаѣ отказа съ его стороны Новгородцы перейдутъ въ латинство. Но Антоній и созванный имъ по сему случаю соборъ патріархата хорошо знали положеніе дѣла по извѣстіямъ изъ Москвы; знали, что подобная угроза, идущая отъ одной только боярской партіи, не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго въ виду народной преданности православію. А потому Новгородцы получили неблагопріятный отвѣтъ отъ патріарха, который не снялъ съ нихъ отлученія и совѣтовалъ имъ подчиниться требованіямъ митрополита. Когда такимъ образомъ рушился разсчетъ на поддержку высшей духовной власти, выступила на сцену свѣтская власть, т.-е. великій князь Московскій. Въ 1393 году въ Новгородъ явились послы Василія и вмѣстѣ съ Чернымъ боромъ потребовали выдать грамоту о церковномъ судѣ. Сначала Новгородцы продолжали упорствовать и открыли было войну съ Москвою. Но когда великокняжеское войско, захвативъ Торжокъ, стало опустошать новогородскія владѣнія, партія мира и дружбы съ Москвою взяла верхъ. Вѣче вновь согласилось на Черный боръ, отослало спорную грамоту митрополиту и заплатило ему еще 350 рублей за снятіе отлученія и благословеніе Новгорода. Послѣ такой неудачной попытки къ церковной самостоятельности, зависимость Новгородской епархіи отъ митрополита, повидимому, утвердилась еще болѣе чѣмъ прежде (70).

Успѣшный для Москвы исходъ этой церковной распри и обнаруженная при семъ военная слабость Новгорода подстрекнули Василія Дмитріевича предпринять на него наступательное движеніе и съ другой стороны, т.-е. захватить часть его обширныхъ владѣній на востокѣ и сѣверовостокѣ. Двинская земля или Заволочье издавна возбуждала притязанія великихъ князей Суздальскихъ и потомъ Московскихъ. Суздальская земля со стороны Бѣлаозера клиномъ врѣзывалась между Заволочьемъ и собственно Новогородскою областью, и нѣсколько нарушала ихъ географическую связь другъ съ дру-

гомъ. Въ случаяхъ размирья Новгорода съ Суздалемъ или Москвою, почти всегда страдали сношенія перваго съ его Двинскими колоніями; суздальскіе, а потомъ московскіе отряды перехватывали обыкновенно новгородскихъ даньщиковъ, ходившихъ въ Заволочье, разоряли и грабили Двинскіе погосты. Наконецъ и сами эти колоніи начали тяготиться новгородскимъ владычествомъ, т.-е. собиравшимися съ нихъ данями и оброками, судными пошлинами, притѣсненіями назначаемыхъ изъ Новгорода посадниковъ и старостъ. Здѣсь повторяется то же стремленіе какъ во Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ пригородахъ: часть разбогатѣвшихъ мѣстныхъ бояръ и купцовъ стала думать о Двинской самостоятельности, о сверженіи новгородскаго владычества. Борьба партій, кипѣвшая въ самомъ Новгородѣ, отражалась и въ его колоніяхъ: недовольные или притѣсняемые своими противниками граждане нерѣдко уходили изъ Новгорода въ Заволочье, и заводили тамъ новыя смуты. Московскій князь вздумалъ воспользоваться этими обстоятельствами и повторить тотъ же способъ, посредствомъ котораго ему только что удалось овладѣть Нижегородскимъ княженіемъ. Подкупами и обѣщаніями разныхъ льготъ нъ склонилъ многихъ богатыхъ Заволочанъ отложиться отъ Новгорода и поддаться Москвѣ. Въ 1397 году бояринъ Андрей Албердовъ пріѣхалъ съ московскимъ посольствомъ на Двину и убѣдилъ Двинянъ цѣловать крестъ великому князю. Главными пособниками Москвитянъ въ этомъ дѣлѣ были мѣстные двинскіе бояре Иванъ Никитинъ и его братья Анфалъ, Герасимъ и Родіонъ; сами новогородскіе посадники или воеводы, Иванъ и Кононъ, измѣнили Новгороду и перешли на сторону Москвы. Эти главные измѣнники захватили и раздѣлили между собою многія земли, принадлежавшія Новгороду и его боярамъ; при семъ они грабили и брали окупъ даже съ волостей самого владыки. Всей Двинской землѣ великій князь въ слѣдующемъ 1398 году далъ новую уставную грамоту, которою предоставлена была Двинянамъ почти безпошлинная торговля во всѣхъ его владѣніяхъ. Намѣстникомъ своимъ онъ прислалъ сюда князя Ѳедора Ростовскаго. Василій Дмитріевичъ не ограничился однимъ Заволочьемъ: въ то время московская рать захватила и другія сопредѣльныя мѣста, на которыя уже давно имѣли притязаніе великіе князья Владимірскіе и Московскіе, именно: Волокъ Ламскій, Торжокъ, Вологду и Бѣжецкій Верхъ. Повидимому, въ нихъ также существовала партія, желавшая отложиться отъ Новгорода. Только послѣ занятія этихъ пригородовъ великій князь послалъ въ Новго-

родъ разметныя грамоты или обновленіе войны, ссылаясь на какія-то маловажныя столкновенія по поводу „общаго“ или порубежнаго суда.

Захватъ столькихъ мѣстъ и отпаденіе цѣлой Двинской земли на время вывели Новгородцевъ изъ того политическаго усыпленія или разслабленія, въ которое они постепенно стали погружаться, по мѣрѣ того какъ желаніе покоя, забота о своихъ торговыхъ и частныхъ дѣлахъ и мелкія внутреннія распри отодвигали на второй планъ важные вопросы внѣшней политики. Сначала Новгородъ попыталъ вступить въ переговоры, и отправилъ въ Москву посольство съ владыкою Іоанномъ во главѣ, съ челобитьемъ и просьбою отложить нелюбье на Новгородъ, взять съ нимъ миръ и воротить ему назадъ волости. Когда же посольство это вернулось безъ успѣха, Новгородцы воспрянули и проявили сильное воинское одушевленіе, возбуждаемое вліятельнымъ боярствомъ, которому угрожала потеря огромныхъ поземельныхъ владѣній за Волокомъ. Они цѣловали на вѣчѣ крестъ быть всѣмъ „за единъ братъ“. Власти, бояре, дѣти боярскіе, житьи люди и „купецкіе дѣти“ обратились къ архіепископу со словами: „благослови, господине отче владыко, поискати пригородовъ и волостей; или воротимъ свою отчину къ святѣй Софіи и къ Великому Новгороду, или головы свои положимъ за святую Софію и за своего господина за Великій Новгородъ“. Архіепископъ Іоаннъ благословилъ воеводъ и рать новгородскую, которая выступила въ походъ на Москвичей и Двинскихъ измѣнниковъ. Прежде всего они напали на Бѣлозерскую область великаго князя; повоевали ее, сожгли старый Бѣлозерскъ, а съ Новаго городка взяли окупъ; потомъ повоевали Кубенскія волости, окрестности Вологды и осадили Устюгъ. Во время этой осады ихъ отряды разоряли Московскія земли почти до самаго Галича Мерскаго. Они взяли столько полону, что суда ихъ на Сухонѣ не могли поднять всѣхъ плѣнныхъ; поэтому часть ихъ отпустили за окупъ, а часть бросили дорогою. Отъ Устюга новгородская рать спустилась по Двинѣ къ Орельцу, гдѣ заперлись главные коноводы мятежа съ московскимъ намѣстникомъ. Четыре недѣли новгородская рать осаждала городъ, поставила пороки и начала ими разрушать стѣны. Тогда Двиняне стали просить пощады и получили ее; причемъ выдали своихъ предводителей. Московскаго намѣстника Князя Θедора Ростовскаго и его товарищей Новгородцы отпустили, отнявъ у него только всѣ пошлины, которыя онъ успѣлъ собрать съ Двинской земли; прежнихъ своихъ посадниковъ, Ивана и Конона, немедленно казнили, а Ивана

Никитина съ его тремя братьями заковали для отсылки на судъ въ Новгородъ. Съ московскихъ гостей они взяли 300 рублей окупа, а съ Орелецкихъ Двинянъ 2000 рублей и 3000 коней; ибо всей новгородской рати было налицо 3000 человѣкъ. Подъ Орельцомъ она потеряла убитыми всего одного человѣка; укрѣпленія этого городка раскопала. Зимою того же 1398 года рать благополучно воротилась въ Новгородъ. Здѣсь старшаго изъ братьевъ Никитиныхъ Ивана подвергли обычной новгородской казни, т.-е. свергли съ Волховскаго моста; Герасимъ и Родіонъ вымолили себѣ пощаду, обѣщаясь постричься въ монахи; Анфалъ успѣлъ бѣжать съ дороги.

Великій князь очевидно не ожидалъ встрѣтить такое энергичное сопротивленіе со стороны Новгородцевъ, и, слишкомъ полагаясь на средства самихъ Двинянъ, не отправилъ къ нимъ заранѣе значительной рати. Поэтому Василій вскорѣ согласился на миръ, возвратилъ Новгороду всѣ захваченные города и вывелъ изъ нихъ своихъ намѣстниковъ. Можетъ быть, встрѣтились еще и другія намъ неизвѣстныя политическія обстоятельства или соображенія, которыя склонили его къ уступчивости въ этомъ дѣлѣ.

Мятежи и смуты въ Заволочьѣ однако тѣмъ не окончились. Помянутый выше двинскій бояринъ Анфалъ, спасшійся бѣгствомъ въ Устюгъ, уже въ слѣдующемъ году вновь поднялъ мятежъ противъ Новгорода; съ нимъ соединился и его братъ Герасимъ, убѣжавшій изъ монастыря. Они грабили и разоряли имѣнія бояръ противной партіи, пользуясь поддержкою Устюжанъ и военною помощью Москвы. Однако на этотъ разъ сами двинскіе бояре, оставшіеся вѣрными Новгороду, вооружили колонистовъ и усмирили мятежъ Анфала. Подобный случай повторился въ 1417 году: два ушедшіе изъ Новгорода боярина, Семенъ Жадовскій и Михаилъ Разсохинъ, опять при поддержкѣ великаго князя, собрали вольницу на Вяткѣ и въ Устюгѣ, и, спустясь по Двинѣ, принялись грабить, плѣнить и жечь прирѣчныя волости. Но двинскіе бояре и на этотъ разъ, собравши значительную дружину, разбили и разсѣяли грабителей. Послѣ мятежной попытки 1398 года связи Новгорода съ Заволочьемъ, повидимому, сдѣлались крѣпче; Новгородцы дорожили этимъ краемъ, откуда они получали главный предметъ своей торговли — пушного звѣря, и конечно позаботились укрѣпить его за собою разными льготами, усиленіемъ колонизаціи и посылкою туда надежныхъ воеводъ съ достаточными дружинами; край сдѣлался настолько силенъ, что собственными средствами отражалъ нападавшихъ Шведовъ и Норвежцевъ, приплывавшихъ въ

Двину Бѣлымъ моремъ, напримѣръ въ 1419 и 1446 годахъ. Въ томъ же 1446 году двинскіе воеводы ходили на востокъ усмирять Югру, которая время отъ времени оказывала сопротивленіе новгородскимъ сборщикамъ дани. И на этотъ разъ (какъ въ концѣ XII вѣка) хитрая Югра мнимою покорностію усыпила бдительность воеводъ и раздѣлила ихъ силы; а потомъ внезапно ударила на ихъ острожекъ, избила до 80 дѣтей боярскихъ и разорила укрѣпленіе. Остатки дружины съ трудомъ воротились домой. Любопытно, что вслѣдъ затѣмъ встрѣчаемъ извѣстіе о путешествіи новгородскаго владыки Евфимія II на Двину для преподанія своего благословенія Заволочанамъ. О его предшественникахъ мы не имѣемъ такого извѣстія.

Хотя при Василіи Дмитріевичѣ Новгородъ держалъ у себя намѣстниковъ Московскаго князя, однако не затруднялся время отъ времени принимать разныхъ князей-изгнанниковъ и давать имъ свои пригороды въ кормленіе. Кромѣ Патрикія Наримонтовича Литовскаго встрѣчаемъ у нихъ Семена Лугвенія Ольгердовича, потомъ извѣстнаго Юрія Святославича, изгнаннаго изъ Смоленска Витовтомъ, потомъ его сына Ѳедора Юрьевича. Изъ-за послѣдняго Ягайло и Витовтъ грозили Новгородцамъ войною въ 1412 году; причемъ упрекали ихъ въ томъ, что они недавно отказались идти вмѣстѣ на Нѣмцевъ (въ эпоху Грюнвальдской битвы). Новгородъ отвѣтилъ, что онъ равно въ мирѣ и съ Литвою, и съ Нѣмцами. Конечно онъ дорожилъ своею торговлею съ Европою при посредствѣ Нѣмцевъ, и не желалъ терпѣть убытки ради усиленія Литвы и Польши. Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, услыхавъ объ угрозахъ Витовта и Ягайла, добровольно уѣхалъ изъ Новгорода, и на этотъ разъ война была отклонена. Но по смерти своего зятя Василія Дмитріевича Московскаго Витовтъ уже явно пытается подчинить Новгородъ Литовскому господству. Подобно дядѣ своему Ольгерду, онъ придрался къ тому, что его „назвали измѣнникомъ“, съ большою ратью пришелъ въ Новгородскую землю, осадилъ городъ Порховъ и началъ громить его изъ пушекъ, въ 1428 году. Порховскіе воеводы Григорій Посохно и Исаакъ Борецкій явились въ станъ Витовта и предложили окупъ. Видя крѣпость города, Витовтъ согласился на миръ, взявъ съ Порховцевъ 5000 рублей, а съ Новгородцевъ другія 5000, да еще владыка Евфимій далъ ему одну тысячу за освобожденіе плѣнниковъ. Тутъ ясно сказался начавшійся упадокъ мужества и энергіи со стороны разбогатѣвшей Новгородской республики; вмѣсто дружной, храброй обороны она начинаетъ просто откупаться отъ непріятелей деньгами, чѣмъ конечно еще болѣе при-

влекала ихъ жадность. Только вскорѣ послѣдовавшая смерть Витовта избавила Новгородскую землю отъ его дальнѣйшихъ попытокъ.

Наступившія затѣмъ княжескія междоусобія и смуты въ Москвѣ и въ Литвѣ на время освободили Новгородъ отъ давленія съ той и другой стороны; чѣмъ продлили его самобытное существованіе.

Великій Новгородъ однако мало воспользовался обстоятельствами для укрѣпленія этой самобытности. Обычныя явленія подобныхъ народоправленій, т.-е. притѣсненія бѣдныхъ людей богатыми и знатными и вражда первыхъ къ послѣднимъ или черни къ боярамъ, время отъ времени вызывали бурныя смятенія и глубоко нарушали мирное теченіе жизни. Новгородскія лѣтописи изображаютъ нѣсколько такихъ взрывовъ; но по обычаю ничего или очень мало говорятъ объ ихъ поводахъ и послѣдствіяхъ.

Въ апрѣлѣ 1418 г. какой-то Степанка, обыватель Торговой стороны, повстрѣчалъ на улицѣ чѣмъ-то его обидѣвшаго Данила Ивановича Божина внука, боярина Софійской стороны; схватилъ его и закричалъ: „друзи! пособите мнѣ на сего злодѣя". Сбѣжавшіеся люди приняли сторону Степанки и съ побоями потащили боярина на народное сборище или „людское сонмище". Тутъ выскочила изъ толпы какая-то женщина и стала осыпать боярина ударами, говоря, что и ее онъ тоже обидѣлъ. Избитаго до полусмерти Данила народная толпа осудила на казнь и сбросила съ Волховскаго моста. Но одинъ рыболовъ, по имени Личковъ сынъ, взялъ боярина въ свой челнъ и тѣмъ спасъ его отъ смерти. Видя это, народъ озлобился на рыболова и разорилъ его домъ. Тѣмъ дѣло могло и кончиться. Но Данило Божинъ хотѣлъ мстить своему врагу; онъ какъ-то успѣлъ захватить въ свои руки Степанку и началъ его мучить. Узнавъ о томъ, простонародье Торговой стороны созвало вѣче; потомъ, вооружась какъ на войну и поднявъ стягъ, пошло на Козмодемьянскую улицу, гдѣ былъ домъ Божина, и разграбило его; но, не нашедъ здѣсь Степанки, принялось грабить другіе боярскіе дома на этой улицѣ и по сосѣдству. Устрашенные Козьмодемьянцы сами отыскали Степанку и привели къ архіепископу съ мольбою отослать его возмутившейся черни. Владыка Симеонъ отправилъ его съ своимъ бояриномъ и священникомъ. Но это не утишило мятежа; вѣроятно жалобы Степанки еще болѣе подожгли чернь; она принялась грабить боярскіе дома на Чудинцевой улицѣ и на Людгощѣ, и даже Никольскій монастырь, разыскивая тамъ боярскія имущества; наконецъ пошла на Прусскую улицу; но тутъ

встрѣтила вооруженный отпоръ; послѣ чего побѣжала на свою сторону и стала созывать еще болѣе народу. Весь городъ пришелъ въ движеніе. Съ обѣихъ сторонъ вооруженныя толпы собрались къ Великому мосту. Въ это время разразилась сильная гроза; но толпы не расходились и готовились къ рукопашной схваткѣ. Тогда владыка Симеонъ собралъ часть духовенства, вошелъ въ Софійскій алтарь, облекся въ архіерейскія ризы, велѣлъ взять большой крестъ и образъ Богородицы, и всѣмъ соборомъ отправился на Волховскій мостъ, протѣснившись сквозь толпу. Онъ остановился посрединѣ моста и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны; а на Ярославовъ дворъ, т.е. на вѣче, послалъ юрьевскаго архимандрита Варлаама преподать благословеніе посаднику Василію Есиповичу, тысяцкому Кузьмѣ Терентьевичу и всему народу. Архимандритъ вмѣстѣ съ властями уговорилъ людей Торговой стороны разойтись по домамъ; владыка въ то же время убѣдилъ разойтись свою сторону.

Вражда меньшихъ людей противъ большихъ однако не утихла. Спустя три года, опять видимъ подобный же мятежъ: обитатели двухъ концовъ, Славянскаго и Неревскаго, возстали на посадника Андрея Ивановича за то, что онъ отнялъ землю у какого-то людина Климентія Артемьина; разграбили дворъ посадника и другихъ бояръ; въ происшедшей дракѣ пало 20 человѣкъ съ его стороны и два со стороны мятежниковъ. Смута кончилась смѣною посадника.

Въ эту эпоху мы читаемъ уже горькую жалобу новгородскаго лѣтописца на недостатокъ правды въ самомъ Новгородѣ, на притѣсненія бѣднымъ, особенно жителямъ волостей. „Поднялись ябедники, стали давать ложную присягу; начались грабежи по селамъ, волостямъ и по городу,—говоритъ онъ по поводу дороговизны хлѣба въ 1446 году — и обратились мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; по волостямъ нашимъ происходили частые поборы и великіе наѣзды; вездѣ слышались крикъ и рыданія, вопль и проклятія на нашихъ старѣйшинъ и нашъ градъ за то, что не было у насъ милости и суда праваго".

Въ связи съ этимъ недостаткомъ праваго суда не малую смуту произвели около того же времени перемѣны и злоупотребленія въ денежной системѣ.

Въ 1410 году Новгородцы почему-то рѣшили отмѣнить обращеніе своихъ старыхъ серебряныхъ денегъ или кунъ, а начали употреблять въ торговлѣ иноземную монету, именно литовскіе гроши и нѣмецкіе или шведскіе артуги. Но, спустя девять лѣтъ, нашли

употребленіе этой иноземной монеты для себя неудобнымъ, распродали артуги Нѣмцамъ, и стали вновь лить собственныя серебряныя деньги, т.-е. какъ крупную монету, гривны или рубли, такъ и размѣнную или куны. Повидимому, въ Новгородѣ каждый гражданинъ могъ переливать свое серебро въ монету, но не самъ лично, а принося его городскимъ денежникамъ „ливцамъ и вѣсцамъ“, которые получали за то плату, но обязаны были наблюдать при отливкѣ извѣстный вѣсъ; для чего при церкви св. Іоанна на Опокахъ существовали городскіе денежные вѣсы. Злоупотребленія состояли въ томъ, что богачи переливали свое серебро въ монету не настоящаго вѣса и за то давали денежникамъ посулы или взятки; а денежники въ свою очередь давали посулы тѣмъ властямъ, которыя обязаны были ихъ повѣрятъ. Какъ бы то ни было, только въ обращеніи появилось много легковѣсной монеты, особенно крупной, которую торговцы стали браковать, т.-е. не принимали отъ покупателей. Потерпѣли отъ такихъ злоупотребленій болѣе всего бѣдные люди. Въ народѣ начались ропотъ и волненіе по этому поводу. Въ 1447 году посадникъ Сокира, повидимому желая угодить народу или прекратить злоупотребленія, подпоилъ одного денежнаго ливца и вѣсца, по имени Ѳедора Жеребца, привелъ его на вѣче и началъ допрашивать: „на кого лилъ рубли?“ Тотъ оговорилъ 18 человѣкъ. Изъ нихъ нѣкоторыхъ народъ немедленно сбросилъ съ Волховскаго моста, а которые успѣли скрыться, у тѣхъ разграбилъ дома и даже ихъ имущество, хранившееся по церквамъ („а прежде того по церквамъ не искивали“, замѣчаетъ лѣтописецъ, но едва ли вѣрно). „Неправдивые бояре“ подъ угрозою смерти научали Ѳедора оговаривать и еще многихъ людей. Протрезвясь, онъ объявилъ, что съ своею братьею ливцами лилъ на всѣхъ и на всю землю. Оттого сдѣлалось большое смятеніе по всему городу. Ябедники и голодная чернь произвели открытый мятежъ, и едва кого называлъ Ѳедоръ Жеребецъ, тотчасъ его убивали, а имущество его грабили и дѣлили между собою, хотя бы оно и хранилось въ церкви. Городскія власти оказались безсильны противъ этого мятежа; ясно, что по мѣрѣ упадка ихъ нравственнаго авторитета возрастали своеволіе и необузданность народной толпы. Посадникъ Сокира, своимъ неблагоразумнымъ поступкомъ съ Жеребцомъ самъ вызвавшій буйство и грабежи черни, съ горя разболѣлся и умеръ.

Но эти внутренніе мятежи и смуты встрѣчаются не такъ часто въ новгородскихъ лѣтописяхъ, какъ разныя физическія бѣдствія,

посѣщавшія Новгородъ и его области, т.-е. пожары, голодные годы, наводненія и моровая язва.

Пожарнымъ бѣдствіемъ особенно отмѣченъ 1442 годъ. Въ маѣ этого года пожары возобновлялись три раза: огонь истребилъ часть Плотницкаго и Славянскаго концовъ и загородныя постройки до самаго Антоньева монастыря. Это бѣдствіе сопровождалось самоуправствомъ: разоренные жители кричали о поджогахъ, хватали подозрительныхъ и однихъ бросали въ огонь, другихъ свергали съ моста въ Волховъ. Но незамѣтно, чтобы принимались какія-либо мѣры предосторожности противъ огня; пожары считались такимъ же наказаніемъ Божьимъ за грѣхи людскіе, какъ и другія бѣдствія, для отвращенія которыхъ надобно было прибѣгать къ молитвѣ и покаянію. Точно также не принималось властями никакихъ мѣръ на случай голода; хотя Новгородская земля по своему суровому климату и малоплодородной почвѣ часто подвергалась неурожаямъ, а подвозъ изъ низовыхъ областей затруднялся иногда междоусобными войнами. Такъ въ XV вѣкѣ, однажды неурожаи продолжались цѣлыя десять лѣтъ сряду (1436—46 гг.). По словамъ лѣтописца, хлѣбъ такъ вздорожалъ, что двѣ коробьи стоили полтину или болѣе, да и то негдѣ было купить. Отъ голода люди падали и умирали по улицамъ и на торгу, вездѣ были плачъ и рыданіе. Произошло обычное при такомъ бѣдствіи явленіе: много народу разошлось по чужимъ землямъ, въ Литву и къ Нѣмцамъ; а иные изъ-за хлѣба отдавали себя и свои семьи въ рабство иноземнымъ гостямъ, даже бесерменамъ и жидамъ. Кромѣ раннихъ осеннихъ и позднихъ весеннихъ морозовъ, побивавшихъ озими и яровое, иногда хлѣбъ пропадалъ отъ излишней влаги, т.-е. отъ чрезвычайныхъ дождей и весеннихъ разливовъ. Самъ Новгородъ также нерѣдко страдалъ отъ разлитія Волхова. Особенно велико было наводненіе въ апрѣлѣ 1421 года; тогда Волховская вода не только снесла всѣ мосты, Великій, Нерѣдицкій и Желотугскій, но и разрушила до основанія многія хоромы; причемъ затопила нѣкоторыя церкви, такъ что служба въ это время отправлялась на палатяхъ или хорахъ. Вода обступила или залила около 20 окрестныхъ монастырей, гдѣ иноки только на лодкахъ или по мосткамъ могли ходить въ церковь на богослуженіе. „И въ прежніе годы бывали въ Новгородѣ большія наводненія, о которыхъ повѣствуютъ старые лѣтописцы, но такое едва ли когда случалось"—замѣтилъ современникъ его и очевидецъ.

Самымъ страшнымъ физическимъ бѣдствіемъ въ тѣ времена была конечно моровая язва. Такъ назыв. Черная Смерть 1352 года свирѣпствовала по всей Россіи, но въ особенности опустошила Новгородско-Псковскую землю. Въ этой землѣ кромѣ того существовала какая-то особая мѣстная язва, которую лѣтописи называютъ *желѣзою*. Вотъ какъ они описываютъ эту болѣзнь подъ 1417 годомъ: „прежде всего человѣка какъ будто рогатиной ударитъ — за лопатку или противъ сердца, подъ груди или промежъ плечъ; онъ разболится и начнетъ горѣть въ огнѣ и харкать кровью (слѣдовательно поражались легкія); потомъ выступитъ потъ, за нимъ дрожь начнетъ перебирать всѣ суставы; а желѣза (опухоль) бываетъ въ разныхъ мѣстахъ, у кого на шеѣ, у кого на стегнѣ, у иного подъ пазухой, или подъ скулой, или подъ лопаткой, или въ паху и въ другихъ мѣстахъ; поболѣетъ человѣкъ, полежитъ и умретъ". Въ этомъ году былъ особенно сильный моръ отъ желѣзы. Онъ свирѣпствовалъ въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, Твери, по волостямъ, погостамъ и монастырямъ. Умирало столько, что не успѣвали каждый день погребать (а въ древней Россіи умершихъ обыкновенно погребали въ тотъ же день); въ иномъ дворѣ осталось одинъ или двое живыхъ, а иные дворы совсѣмъ опустѣли. Набожные люди обыкновенно желали встрѣтить смерть въ „ангельскомъ чину", и спѣшили постригаться. Противъ такого страшнаго бѣдствія, кромѣ поста и молитвы, было еще въ обычаѣ прибѣгать къ постройкѣ церкви въ одинъ день; подобная церковь была конечно очень небольшая, и называлась „обыденка". Къ этому средству обратились и теперь. Владыка Симеонъ со всѣмъ соборомъ игумновъ и священниковъ и со крестами обошелъ вокругъ всего Новгорода, останавливаясь по разнымъ церквамъ и монастырямъ, поя молебны Богу, Богородицѣ и всѣмъ святымъ „о престаніи гнѣва Божія". Между тѣмъ граждане, кто на лошадяхъ, кто на рукахъ натаскали изъ лѣсу бревна, и въ одинъ день 29 октября поставили церковь во имя св. мученицы Анастасіи. Владыка въ тотъ же день освятилъ се и совершилъ въ ней литургію. Въ Торжкѣ также поставили тогда обыденку во имя св. Аѳанасія ([71]).

Несмотря однако на физическія бѣдствія и внутреннія смуты, которыя нерѣдко посѣщали Великій Новгородъ, матеріальное его благосостояніе возрастало. Та значительная доля гражданской свободы, которою пользовались граждане, поддерживала въ нихъ промышленный, предпріимчивый духъ; обширныя поземельныя владѣнія

и прибыльная торговля съ иноземцами способствовали накопленію въ Новгородѣ большихъ капиталовъ и массы всякаго рода произведеній промышленности. Накоплявшіяся здѣсь богатства въ свою очередь выражались дорогими каменными постройками и украшеніями. Въ древней Руси жилища даже и богатыхъ гражданъ еще были деревянныя, только просторомъ и количествомъ теремовъ, кладовыхъ и службъ отличавшіяся отъ простыхъ людей. Каменное зодчество обращалось почти исключительно на храмы, стѣны дѣтинца или кремля и крѣпостныя башни. И едва ли какой другой городъ на Руси въ эту эпоху могъ сравняться съ Великимъ Новгородомъ въ количествѣ такихъ построекъ. Всѣ эти постройки совершались съ благословенія новгородскихъ владыкъ или ихъ личными хлопотами и иждивеніемъ; для чего богатая Софійская казна и большіе доходы съ архіепископскихъ владѣній давали обильныя средства.

Изъ всѣхъ новгородскихъ владыкъ наибольшею строительною дѣятельностію отличался преемникъ Евфимія I *Бородатаго*, Евфимій II, бывшій игуменомъ монастыря на Лисьей горѣ, когда на него палъ жребій при выборѣ новаго владыки. Онъ управлялъ Новгородскою церковью около тридцати лѣтъ (1429 — 1458) и пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ народа, благодаря своему уму, книжному образованію, привѣтливости и щедрости, съ которою расточалъ свою казну на построеніе и иконное росписаніе церквей. Между прочимъ онъ соорудилъ владычныя каменныя палаты, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, съ каменными службами и поварнею; а въ саду у себя устроилъ каменную башню съ боевыми часами. Украсилъ онъ также новою каменною церковью и трапезою Вяжищенскую пустынь (верстахъ въ 12 отъ города), гдѣ когда-то постригся въ иноки и провелъ свою юность.

Евфимій II какъ новгородскій патріотъ имѣлъ большое вліяніе на политическія дѣла; онъ былъ очень преданъ самобытности Великаго Новгорода и также стремился поставить свою церковь въ болѣе независимыя отношенія къ Московскому митрополиту. Обстоятельства въ то время благопріятствовали этому стремленію; извѣстно, что Москва кромѣ княжескихъ междоусобій подверглась замѣшательствамъ и въ церковной іерархіи по смерти митрополита Фотія. Евфимій при жизни Фотія оставался почему-то непосвященнымъ; а потомъ принялъ посвященіе въ Смоленскѣ изъ рукъ Кіевскаго митрополита Герасима. Послѣдующій затѣмъ митрополитъ всея Руси, извѣстный грекъ Иси-

доръ, менѣе всего заботился о подчиненіи Новгорода московскому верховенству; чѣмъ также пользовался Евфимій. Но потомъ, когда миновали эти обстоятельства и Москва вновь усилилась, Евфимій долженъ былъ смириться передъ московскимъ митрополитомъ Іоною, и, готовясь къ смерти, послалъ просить у него для себя прощальной грамоты.

Во время двадцатилѣтняго Московскаго междоусобія въ Новгородѣ очевидно усилилась Литовская партія, которая желала противопоставить Московскимъ притязаніямъ покровительство и помощь великаго князя Литвы и Западной Руси. Новгородъ продолжалъ иногда принимать къ себѣ литовскихъ князей и давать имъ волости въ кормленіе. Около 1440 года онъ заключилъ съ Казиміромъ Литовскимъ договоръ, по которому послѣдній получилъ право собирать такъ наз. Черный боръ съ ближнихъ къ Литвѣ новгородскихъ волостей и держать своихъ тіуновъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ пригородахъ. Повидимому, въ то же время и соперникъ великаго князя Василія Васильевича Димитрій Шемяка нашелъ радушный пріемъ у Новгородцевъ. Василій Васильевичъ, по выраженію лѣтописца, „возвергъ нелюбье на Великій Новгородъ и прислалъ складную грамоту“; а вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ его владѣнія съ сильнымъ войскомъ, въ которомъ находились Псковичи и Тверитяне, и принялся опустошать волости. Новгородцы не были готовы къ оборонѣ и поспѣшили отправить посольство съ владыкой Евфиміемъ во главѣ. Онъ нашелъ великаго князя у города Демана и заключилъ съ нимъ миръ, по которому Новгородцы заплатили Василію 8000 рублей и признали его своимъ княземъ на прежнихъ условіяхъ. Когда же въ 1446 г. Димитрій Шемяка захватилъ Москву и ослѣпилъ Василія, Новгородцы объявили Шемяку своимъ княземъ; а послѣ его сверженія вновь признали Василія. Тѣмъ не менѣе, когда Шемяка былъ изгнанъ изъ своего удѣла, Новгородцы оказали ему гостепріимство, несмотря на неудовольствіе Москвы. Извѣстно, что только отравою Московскій князь успѣлъ освободиться отъ своего врага и соперника въ 1453 г. Тогда-то Василій Темный задумалъ нанести рѣшительный ударъ Новгородской самобытности, положить предѣлъ его измѣнамъ и союзамъ съ врагами Москвы, а также его постояннымъ спорамъ за Черный боръ и разнымъ пограничнымъ распрямъ.

Въ 1456 году великій князь прислалъ разметныя грамоты въ Великій Новгородъ; въ февралѣ выступилъ въ походъ, и по обычаю прежде всего занялъ Торжокъ съ его волостью. Передовая московская

рать, подъ начальствомъ князя Стриги-Оболенскаго и Өедора Басенка, дошла до Русы, захватила ее нечаяннымъ нападеніемъ и пограбила здѣсь много товаровъ и всякаго имущества. Воеводы отпустили обозъ съ этой добычей назадъ къ князю; а съ остальною дружиною выступили изъ Русы. Вдругъ недалеко отъ этого города нагнало ихъ конное ополченіе Новгородцевъ въ числѣ 5000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Василія Суздальскаго, одного изъ тѣхъ, которыхъ Москва лишила удѣловъ. Москвитянъ было гораздо менѣе числомъ. Но московскіе воеводы заняли мѣсто, огороженное плетнями и глубокими снѣгами, которые мѣшали движеніямъ новгородской конницы; кромѣ того, они отдали приказъ пускать стрѣлы не во всадниковъ, покрытыхъ крѣпкими доспѣхами, а въ ихъ коней. Когда кони новгородскіе начали метаться, становиться на дыбы и сбрасывать сѣдоковъ, неумѣвшихъ справиться ни съ конями, ни съ своими длинными копьями, то произошло у нихъ замѣшательство, которое скоро обратилось въ полное пораженіе. Многіе новгородскіе бояре, въ томъ числѣ посадникъ Михаилъ Туча, попали въ плѣнъ; а князь Василій Суздальскій только съ немногими людьми успѣлъ бѣжать съ поля битвы. Послѣ того Новгородцы отправили гонца во Псковъ съ просьбою о помощи; Псковичи на этотъ разъ дѣйствительно прислали имъ свою рать. Но Новгородцы уже упали духомъ и снарядили большое посольство, опять съ владыкою Евфиміемъ во главѣ, чтобы умолять великаго князя о мирѣ.

Владыка нашелъ Василія Темнаго въ Яжелбицахъ, за полтораста верстъ отъ Новгорода, и тутъ усильными просьбами склонилъ его къ миру. Надобно полагать, великій князь убѣдился, что окончательное подчиненіе Новгорода было бы на сей разъ сопряжено еще съ большими трудностями и многимъ кровопролитіемъ; а потому отложилъ это предпріятіе до болѣе удобнаго случая. Однако миръ обошелся дорого Великому Новгороду: во-первыхъ, онъ обязался заплатить 8500 рублей; а во-вторыхъ, мирный договоръ заключалъ въ себѣ новыя, небывалыя доселѣ условія; важнѣйшее изъ нихъ состояло въ томъ, чтобы не быть вѣчевымъ суднымъ грамотамъ и вѣче не могло перерѣшать судъ княжескій; потому въ судныхъ дѣлахъ отмѣнялась печать В. Новгорода и мѣсто ея заступала печать великаго князя. Кромѣ того Новгородцы обязались безъ спору давать Черный боръ, когда великіе князья того потребуютъ. Наконецъ они отказались отъ права давать убѣжище противникамъ великаго князя. Хотя по договору всѣ завоеванныя мѣста должны быть возвращены, слѣдовательно древніе предѣлы Новгорода какъ бы сохранялись: однако, судя по завѣща-

нію Василія Темнаго, онъ успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ спорные пограничные пригороды: Бѣжецкій Верхъ, Волокъ Ламскій, Ржеву и Вологду.

Такимъ образомъ Яжелбицкій договоръ по точному своему смыслу оставлялъ Великому Новгороду только тѣнь прежней самостоятельности. Понятно, какую злобу возбудилъ онъ во многихъ Новгородцахъ, особенно въ тѣхъ, которые и прежде принадлежали къ противумосковской партіи. Это враждебное настроеніе сильно обнаружилось въ 1460 году, когда самъ Василій Темный пріѣхалъ въ Новгородъ съ многочисленной свитою и шесть недѣль пробылъ въ обычной княжеской резиденціи, т.-е. на Городищѣ. Съ нимъ были два сына Юрій и Андрей, а въ числѣ сопровождавшихъ его бояръ находился Өедоръ Басенокъ, особенно непріятный Новгородцамъ за ихъ пораженіе подъ Русою. Хотя по наружности великому князю были оказаны знаки почета, но граждане держали себя на сторожѣ и свое оружіе на готовѣ, какъ бы опасаясь нападенія. Есть даже извѣстіе, что между ними составился заговоръ убить Василія вмѣстѣ съ его сыновьями и Өедоромъ Басенкомъ. Но уважаемый всѣми владыка Іона, узнавъ о томъ, убѣдилъ заговорщиковъ покинуть свое намѣреніе; ибо старшій сынъ Василія, Иванъ, оставшійся дома, тогда привелъ бы на Новгородъ всѣ московскія и татарскія рати ([72]).

Между тѣмъ какъ постепенное подчиненіе Великаго Новгорода Москвѣ сопровождалось съ его стороны долгою и упорною борьбою, младшій его братъ Псковъ, напротивъ, самъ пошелъ навстрѣчу этому подчиненію: онъ не былъ настолько силенъ, чтобы одними собственными средствами отстаивать свою самобытность посреди тѣснившихъ его сосѣдей. Въ особенности постоянная опасность грозила ему съ запада отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ; съ ними никогда не было прочнаго мира, а заключались только перемирія, которыя часто прерывались внезапными нападеніями. Нѣмцы стремились расширить свои владѣнія на востокъ и дѣлали попытки или подчинить себѣ Псковскую землю, или отвоевать хотя часть ея. Тщетны были просьбы Псковичей о помощи, обращенныя къ Новгородцамъ. Послѣдніе болѣе всего заботились объ интересахъ своей европейской торговли; а такъ какъ Ливонскіе города сдѣлались ближайшими посредниками въ этой торговлѣ, то Новгородъ дорожилъ миромъ съ Нѣмцами. Да и вообще по своему внутреннему строю онъ не могъ оказывать дѣятельной военной помощи; а потому обыкновенно отказывалъ въ ней Псковичамъ, и если иногда посылалъ ее, то большею частію слишкомъ поздно. Притомъ

во взаимныхъ отношеніяхъ старшаго брата съ младшимъ рѣдко господствовали дружба и согласіе. Несмотря на Болотовскій договоръ, пререканія Псковичей съ Новгородскимъ владыкою, особенно изъ-за его доходовъ и пошлинъ, время отъ времени возобновлялись и даже получали острый характеръ; а Новгородцы всегда принимали близко къ сердцу интересы своего владыки и естественно старались удержать Псковъ хотя въ церковной отъ себя зависимости. Ссоры Пскова съ Новгородомъ („рагозы") доходили иногда до враждебныхъ дѣйствій; такъ 1391 и 1394 гг. новгородская рать ходила даже на самый Псковъ; а во второмъ походѣ пушками громила псковскія стѣны, но тщетно: ибо Псковичи всегда тщательно укрѣпляли свои города, и въ особенности не жалѣли издержекъ на огражденіе самаго Пскова прочными каменными стѣнами и кострами или башнями.

Мы видѣли, что Псковичи стали было искать поддержки противъ Нѣмцевъ у ихъ постоянныхъ враговъ, т.-е. у сосѣднихъ государей Литовскихъ, и потому нерѣдко принимали на свой столъ или на свои пригороды князей изъ Литвы. Но по мѣрѣ усиленія сей послѣдней, она сама становилась опасною для самобытности Пскова. Особенно эта опасность обнаружилась во время Витовта. Тогда Псковичи начали обращаться за помощью къ великимъ князьямъ Московскимъ, которые казались менѣе опасными для Псковской независимости или для псковскихъ границъ, ибо ихъ владѣнія не были сосѣдними. Въ концѣ XIV вѣка, когда Витовтъ грозилъ войною Пскову и вывелъ оттуда своего племянника Ивана Андреевича, Ольгердова внука, Псковичи послали просить себѣ князя изъ рукъ Василія Дмитріевича Московскаго, котораго и получили. Пораженіе на Ворсклѣ на время отразило грозу со стороны Витовта; но, оправившись, онъ возобновилъ свои притязанія и даже враждебныя дѣйствія. Такъ въ 1406 г. онъ безъ объявленія войны напалъ на Псковскую землю, разорилъ пригородъ Коложе и осаждалъ другой пригородъ, Вороначъ на рѣкѣ Сороти. Опустошая окрестныя волости, Литвины однихъ мертвыхъ дѣтей наметали двѣ ладьи; о чемъ съ ужасомъ говоритъ псковскій лѣтописецъ. Спустя двадцать лѣтъ, т.-е. по смерти своего зятя Василія Московскаго, престарѣлый Витовтъ подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ объявилъ войну Пскову, и съ большою, состоявшею изъ разныхъ народностей, ратью осадилъ городокъ Опочку. Опочане употребили хитрость: они притаились за своими стѣнами, городокъ казался оставленнымъ жителями и мостъ черезъ ровъ былъ спущенъ. Татары, бывшіе въ войскѣ Витовта,

поскакали на мостъ; но вдругъ поддерживавшія его веревки были обрѣзаны, и непріятели со своими конями попадали въ ровъ на заранѣе вбитые тамъ острые колья. Осажденные воспользовались моментомъ смятенія, сдѣлали вылазку и захватили въ плѣнъ многихъ Литвиновъ, Татаръ, Ляховъ, Чеховъ и Волоховъ. Послѣ чего Опочане варварски мстили непріятелямъ за истязанія и убійства, производимыя ими по волостямъ. По словамъ русской лѣтописи, они отрѣзывали у Татаръ тайные уды и влагали имъ въ ротъ; а съ Ляховъ, Чеховъ и Волоховъ сдирали кожу. Не взявъ Опочки, Витовтъ двинулся подъ Вороначъ. Но Псковичи, не имѣя у себя большой рати, какъ замѣчено выше, особое вниманіе обращали на укрѣпленія своихъ городовъ, воздвигая около нихъ высокіе валы и толстыя (частію деревянныя, частію каменныя) стѣны съ башнями. Въ теченіе трехъ недѣль Витовтъ громилъ укрѣпленія Воронача стѣнобитными машинами и пушками; но городъ не сдавался. Вороночане успѣли дать знать во Псковъ о своемъ трудномъ положеніи. Псковичи пришли просить мира. Витовтъ сначала упорствовалъ, но потомъ смягчился; если вѣрить псковскому сказанію, его устрашила ужасная ночная буря и гроза. Громъ и молнія разразились съ такою силою, что старый князь схватился за шатерный столбъ и началъ вопить: „Господи помилуй!“ Вѣроятнѣе однако, что къ уступчивости его подвергли съ одной стороны неудачи нѣкоторыхъ отрядовъ, посланныхъ разорять Псковскую землю и побитыхъ Псковитянами, а съ другой посольство, присланное его внукомъ Васильемъ Васильевичемъ Московскимъ. Витовтъ согласился на миръ съ Псковичами, взявъ съ нихъ тысячу рублей, да еще 450 руб. за освобожденіе плѣнныхъ.

Во время этого нашествія Псковъ тщетно обращался за помощью къ своему старшему брату. Новгородъ отказалъ ему. Но спустя два года, какъ извѣстно, Витовтъ напалъ на Новогородскую землю, и Новогородцы въ свою очередь напрасно просили о помощи Псковичей. Такою эгоистичною близорукою политикой Сѣвернорусскихъ вѣчевыхъ общинъ конечно и пользовались ихъ внѣшніе враги. Тѣмъ же пользовалась и ловкая московская политика. Хотя Москва еще не оказывала Пскову военной помощи противъ его сосѣдей и ограничивалась пока дипломатическимъ заступничествомъ, однако, принимая къ себѣ князей изъ рукъ Москвы, Псковичи постепенно все болѣе и болѣе подпадали ея вліянію. Въ 1441 году, какъ мы видѣли, они послушно исполнили приказъ Василія Васильевича, и усердно воевали своихъ старшихъ братьевъ Новогородцевъ за одно

съ Москвитянами. Вскорѣ затѣмъ они приняли къ себѣ на княженіе присланнаго Василіемъ князя Александра Чарторыйскаго, одного изъ потомковъ Ольгерда, искавшаго убѣжища въ Москвѣ послѣ вокняженія въ Литвѣ Казиміра Ягайловича. Чарторыйскій былъ посаженъ на Псковскій столъ съ обычнымъ торжествомъ въ Троицкомъ соборѣ, въ присутствіи московскаго посла; причемъ далъ присягу не только Пскову, но и великому князю Московскому; слѣдовательно, призналъ себя намѣстникомъ сего послѣдняго. Этотъ воинственный князь-намѣстникъ мужественно сражался съ Нѣмцами, обороняя Псковскую землю; но потомъ Новгородцы переманили его на свою службу.

Въ Псковѣ между тѣмъ образовалась партія, съ опасеніемъ смотрѣвшая на возрастающее подчиненіе Москвѣ. Во время междоусобной войны Василія Темнаго съ Шемякою Псковичи попытались измѣнить свои отношенія къ Москвѣ и начали принимать къ себѣ князей, не испрашивая ея согласія. А въ 1456 году они по просьбѣ Новгородцевъ даже послали имъ помощь противъ Василія Темнаго; но извѣстно, что эта помощь опоздала и только способствовала заключенію Яжелбицкаго мира. Послѣ того они снова призвали на свой столъ Александра Чарторыйскаго. Но когда Василій, управившись со всѣми своими врагами, въ 1460 году лично пріѣхалъ въ Новгородъ, Псковичи, опять угрожаемые Нѣмцами, сами отправили къ нему посольство съ просьбою вновь признать своимъ намѣстникомъ князя Чарторыйскаго. Василій изъявилъ согласіе, только съ условіемъ, чтобы Чарторыйскій присягнулъ ему и его дѣтямъ. Но гордый Литвинъ на этотъ разъ не захотѣлъ дать подобную присягу, и, объявивъ, что онъ не слуга великому князю, отказался отъ Псковскаго стола. Онъ распрощался съ народомъ на вѣчѣ; причемъ замѣтилъ: „когда Псковичи начнутъ соколомъ воронъ ловить, тогда вспомяните и меня, Чарторыйскаго“. Напрасно граждане просили его остаться. Князь выѣхалъ изъ Пскова во главѣ своей довольно значительной дружины, въ которой было 300 всадниковъ, покрытыхъ желѣзными доспѣхами. Кромѣ личныхъ достоинствъ Псковичи цѣнили призываемыхъ ими князей именно по количеству и качеству ихъ собственной дружины. Вскорѣ затѣмъ, по челобитью Псковичей, Василій Темный назначилъ своимъ намѣстникомъ во Псковъ князя Ивана Стригу-Оболенскаго. А преемникъ Василія великій князь Иванъ Васильевичъ впервые прислалъ отрядъ московской рати на помощь Пскову противъ Нѣмцевъ въ 1468 году; послѣ чего зависимость Пскова отъ Москвы установилась окончательно.

Теряя политическую самобытность, Псковичи думали по крайней мѣрѣ съ помощью Москвы достигнуть своей давнишней цѣли: пріобрѣсти церковную независимость отъ Новгорода. При Василіи Темномъ они нашли было поддержку этому стремленію со стороны московскаго митрополита, извѣстнаго грека Исидора. Послѣдній однако не рѣшился учредить во Псковѣ особую епископію, а вздумалъ поставить во главѣ мѣстнаго псковскаго духовенства *архимандрита*, который, помимо новгородскаго архіепископа, былъ непосредственно подчиненъ митрополиту или являлся собственно его намѣстникомъ во Псковѣ. Но съ паденіемъ Исидора отмѣнено было это нововведеніе, и псковское духовенство снова подчинено новогородскому владыкѣ. Однако не скоро уладились вновь ихъ мирныя отношенія. Особенно усилился разладъ во время архіепископа Іоны, который былъ преемникомъ Евфимія II. Какъ новгородскій патріотъ и поборникъ новгородской самобытности, Іона былъ весьма чтимъ Новогородцами и даже прославленъ ими за святого мужа. Но Псковичи, наоборотъ, порицали его за сребролюбіе и мздоимство. Между прочимъ, вопреки установившемуся въ древней Русской церкви обычаю, онъ разрѣшалъ священнодѣйствовать вдовымъ попамъ безъ постриженія въ монашество, и выдавалъ имъ новыя ставленныя грамоты, взимая за нихъ по рублю или по полтора. Псковичи рѣшились прямо обратиться къ великому князю Московскому съ просьбою объ учрежденіи у нихъ отдѣльнаго епископа, въ 1464 г. Иванъ III сначала уклончиво отвѣтилъ, что онъ подумаетъ о томъ съ „своимъ отцомъ Ѳеодосіемъ митрополитомъ всея Русіи". Но вскорѣ послѣдовалъ рѣшительный отказъ, единственно на томъ основаніи, что этого никогда прежде не было („не мочно быти во Псковѣ владыкѣ, занеже искони не бывалъ, а не столъ во Псковѣ").

При первомъ взглядѣ на это дѣло, покажется не совсѣмъ понятнымъ, почему Москва препятствовала основанію особой Псковской епархіи и тѣмъ сама поддерживала связи Пскова съ Новгородомъ; тогда какъ, повидимому, въ ея интересѣ было еще болѣе ихъ разъединить, чтобы тѣмъ легче подчинить себѣ и тотъ, и другой. Но, кромѣ дѣйствительнаго опасенія нарушить церковную старину, къ которой Москва относилась съ большимъ уваженіемъ, тутъ могли участвовать и тонкіе политическіе разсчеты. Во-первыхъ, одновременно со стремленіемъ Пскова къ церковному обособленію отъ Новогородскаго владыки шло стремленіе Новгорода къ таковому же обособленію отъ Московскаго митрополита. Слѣдовательно, противо-

дѣйствуя послѣднему, Московское правительство считало неудобнымъ покровительствовать первому; чѣмъ могло бы возбудить еще большее ожесточеніе противъ себя въ Новгородѣ и побудить его къ болѣе рѣшительному сближенію съ Литвою (и пожалуй съ Кіево-литовскимъ митрополитомъ); тогда какъ поддерживая архіепископа въ этомъ дѣлѣ, оно, наоборотъ, парализовало его усердіе въ политической борьбѣ Новгорода съ Москвою. А во-вторыхъ, частыя распри Псковичей съ Новгородскимъ владыкою не мало мѣшали взаимной дружбѣ и согласію этихъ вѣчевыхъ общинъ; поэтому Москва не имѣла основаній опасаться тѣснаго политическаго союза между ними. Вообще она находила болѣе удобнымъ для себя и менѣе рискованнымъ оставить церковныя отношенія въ прежнемъ видѣ впредь до полнаго подчиненія себѣ и Новгорода, и Пскова. Кромѣ того, во время ходатайства Псковичей въ Москвѣ объ отдѣльномъ епископѣ, Новгородцы съ своей стороны хлопотали въ противномъ смыслѣ; они даже не хотѣли пропускать черезъ свою землю псковскихъ пословъ, отправлявшихся въ Москву; а владыка Іона прислалъ митрополиту грамоту съ жалобой на непокорство своей псковской паствы. Разумѣется, эти хлопоты сопровождались и приличными дарами.

Неимѣніе собственнаго епископа отразилось неустройствами въ средѣ псковскаго духовенства и наложило вообще на Псковскую церковь особую печать сравнительно съ другими русскими областями. Лишенное непосредственнаго епископскаго надзора, здѣсь духовенство усвоило себѣ нѣкоторыя мірскія привычки и менѣе строгіе нравы. Міряне съ своей стороны оказывали ему менѣе уваженія и все болѣе и болѣе стали вмѣшиваться въ церковныя дѣла, особенно захватывали въ свои руки хозяйственную сторону, т.-е. вѣдѣніе церковными имуществами; самъ владычній намѣстникъ былъ не только Псковитинъ, но и лицо гражданское, а не духовное. Вѣче Псковское также стало присвоивать себѣ высшее рѣшеніе разныхъ церковныхъ вопросовъ, и старалось подвергать духовенство повинностямъ и налогамъ наравнѣ съ другими сословіями. Рядомъ съ тѣмъ въ Псковскомъ обществѣ, мірскомъ и духовномъ, развилось большее свободомысліе, чѣмъ гдѣ-либо на Руси; что и не замедлило еще въ XIV вѣкѣ сказаться знаменитою ересью Стригольниковъ (о которой послѣ). Духовенство съ своей стороны, чтобы поставить нѣкоторую преграду вмѣшательству мірскихъ властей въ церковныя дѣла, пыталось нѣсколько тѣснѣе сплотиться, т.-е. образовать изъ себя лучше организованныя

общины или союзы, и обратилось къ учрежденію соборовъ. Для этого нѣсколько церквей и монастырей соединялись въ одну общину и примыкали къ какому-либо значительному храму, который получалъ названіе соборнаго. Древнѣйшій такой соборъ былъ Троицкій. Вскорѣ послѣ Болотовскаго договора учрежденъ второй соборъ при церкви св. Софіи; а потомъ въ теченіе XV вѣка одинъ за другимъ возникли еще четыре собора (Никольскій, Спасскій, Похвалы пресв. Богородицы и Входоіерусалимскій); итого шесть соборовъ, между которыми и было распредѣлено все духовенство какъ бѣлое, такъ и черное. Соборные храмы отличались отъ простыхъ тѣмъ, что служба въ нихъ совершалась повседневно. Внутренняя организація этихъ соборныхъ общинъ была подражаніемъ все тѣмъ же мірскимъ общинамъ, каковы концы, улицы и сотни; онѣ имѣли своихъ выборныхъ соборныхъ старостъ, которые завѣдывали ихъ текущими дѣлами, отстаивали ихъ интересы передъ мірскими властями, сносились за нихъ съ владычнимъ намѣстникомъ, наблюдали за исправнымъ взносомъ владычнихъ повинностей и т. д. Такимъ образомъ Псковская церковь все болѣе и болѣе получала демократическій характеръ, и притомъ съ оттѣнкомъ пресвитерьянскимъ.

Когда съ одной стороны неудалась послѣдняя попытка Псковичей добиться своего особаго епископа, съ помощью великаго князя Московскаго Ивана III, и снова поднялись распри съ Новгородскимъ владыкою изъ-за пошлинъ и поборовъ, которыми онъ облагалъ духовенство; а съ другой продолжались вмѣшательства мірскихъ властей и притязанія народнаго вѣча на подчиненіе себѣ церковныхъ дѣлъ,—тогда духовенство Псковское сдѣлало еще шагъ впередъ относительно своей организаціи въ демократическомъ духѣ. Такъ какъ соборныя общины были разрознены между собою, то оно рѣшило поставить ихъ во взаимную тѣсную связь выборомъ изъ своей среды двухъ представителей, которые должны были служить помощниками владычному намѣстнику, подобно тому какъ два степенные посадника считались помощниками великокняжескаго намѣстника. Въ 1469 году священноиноки и священники всѣхъ пяти соборовъ (шестой тогда еще не былъ учрежденъ) явились на вѣче и просили утвердить таковое ихъ рѣшеніе, чтобы имъ жить согласно съ Номоканономъ, и чтобы міръ въ церковныя дѣла не вступался и не нарушалъ правилъ свв. Апостолъ и свв. Отецъ. Вѣче изъявило согласіе; въ этомъ смыслѣ написана была грамота и положена въ ларь св. Троицы (вѣчевой архивъ).

Эта попытка особаго церковнаго устройства въ пресвитерьянскомъ

духѣ однако потерпѣла полную неудачу. Осенью того же года одинъ изъ двухъ священниковъ, выбранныхъ въ церковные просители, по имени Андрей Коза, по какимъ-то неудовольствіямъ бѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ, и самъ же постарался вооружить его противъ новаго постановленія. Владыка Іона поспѣшилъ во Псковъ на свой подъѣздъ, былъ встрѣченъ со всѣми почестями, и послѣ соборованія началъ требовать, чтобы помянутую вѣчевую грамоту вынули изъ ларя и разодрали. На это требованіе Псковичи почтительно, но твердо отвѣчали отказомъ. Владыка уѣхалъ, и обратился съ жалобой въ Москву. На слѣдующій годъ во Псковъ явились послы отъ великаго князя и митрополита, которые объявили свою волю, чтобы все церковное управленіе попрежнему оставалось за Новогородскимъ владыкою. Вѣче и духовенство не рѣшились противиться приказу двухъ высшихъ властей, вынули изъ ларя грамоту и разодрали. Послѣ чего опять все пошло по старому (73).

Итакъ, въ XIV вѣкѣ сѣвернорусскія вѣчевыя общины достигли полнаго своего развитія; а въ XV вѣкѣ онѣ уже явно стали клониться къ упадку и обнаружили недостатокъ средствъ для борьбы за свою самобытность съ собирателями Руси, какъ съ великими князьями Литовскими, такъ и въ особенности съ Московскими.

Что такое былъ собственно Господинъ Великій Новгородъ?

Въ политическомъ отношеніи онъ сложился такъ своеобразно, что не легко найти для него подобіе въ другихъ странахъ. По своему народоправленію и торговопромышленному характеру онъ конечно напоминаетъ и древнія греко-римскія республики, и средневѣковыя общины, какъ Итальянскія, такъ и Сѣверогерманскія. Въ немъ также можно прослѣдить внутреннюю борьбу двухъ главныхъ республиканскихъ партій или собственно теченій, т.-е. аристократіи и демократіи. Но что наиболѣе наложило на него печать своеобразности и что подчинило себѣ всѣ другіе интересы, это была его сравнительно огромная территорія. Обширныя поземельныя владѣнія составляли главное его богатство; изъ своихъ земель онъ извлекалъ и тѣ естественныя произведенія, которыя служили предметами его заграничнаго отпуска (мѣха, кожи, воскъ, ленъ, дерево и т. д.). Благодаря этимъ поземельнымъ владѣніямъ, высшее новгородское сословіе удержало за собой тотъ же характеръ, которымъ оно отличалось и въ другихъ областяхъ Руси, т.-е. оно осталось по преимуществу сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, хотя и могло принимать нѣ-

которое участіе въ торговыхъ оборотахъ, продавая произведенія своихъ земель или ссужая людей торговаго класса капиталами, конечно за порядочные проценты. Благодаря большимъ поземельнымъ владѣніямъ, въ которыхъ жили или крестьяне-земледѣльцы, или крестьяне-промышленники (звѣроловы и рыболовы), платившіе съ нихъ оброки, новогородское боярство могло окружать себя толпою домашней челяди и имѣть многочисленныхъ кліентовъ между черными людьми, т.-е. въ бѣднѣйшемъ населеніи В. Новгорода. Оно распоряжалось голосами этихъ людей какъ на большомъ или народномъ вѣчѣ, такъ и въ собраніяхъ по концамъ и улицамъ, и съ ихъ помощію проводило здѣсь свои интересы, особенно въ дѣлѣ выборовъ на высшія должности.

Хотя между купеческимъ классомъ встрѣчались лица, нажившія большіе денежные капиталы и кромѣ того пріобрѣтавшія крупную поземельную собственность, однако въ XIV и XV вѣкахъ очевидно грани между сословіями и права происхожденія уже настолько опредѣлились, что купецъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, повидимому не получалъ боярскаго званія; по крайней мѣрѣ источники не указываютъ намъ такихъ примѣровъ. Да и получить его было не отъ кого: народное вѣче не раздавало боярства, а княжеская власть была для того въ Новгородѣ слишкомъ слаба. Съ другой стороны не всѣ бояре могли играть видную роль въ такомъ городѣ; для того требовались прежде всего богатство, а потомъ уже даровитость и энергія. Поэтому здѣсь произошло обычное явленіе, которое исторія раскрываетъ намъ въ древнемъ Римѣ и средневѣковой Венеціи: мало-по-малу вліяніе на дѣла и мѣста высшихъ сановниковъ сосредоточились въ рукахъ важнѣйшихъ фамилій. Такъ, насколько это видно изъ лѣтописей, санъ тысяцкаго и въ особенности посадника постоянно вращался въ кругу извѣстныхъ боярскихъ семей, число которыхъ едва ли превышало два, три десятка. Слѣдовательно это была уже явная олигархія. Должности посадника и тысяцкаго въ свою очередь способствовали накопленію значительныхъ богатствъ въ рукахъ этой олигархіи. Такія должности были очень доходны: въ пользу ихъ шли многочисленныя судебныя пошлины; на содержаніе ихъ назначены были разные поборы съ крестьянъ нѣкоторыхъ волостей или погостовъ; кромѣ того, эти власти имѣли возможность вымогать большія денежныя суммы съ торговыхъ людей, въ томъ числѣ и съ иноземцевъ.

Въ предыдущей книгѣ мы уже указывали, что только взаимное соперничество такихъ фамилій и частые ихъ раздоры за посадниче-

ство, при неопредѣленности его срока, давали возможность остальнымъ сословіямъ въ свою очередь сдерживать дальнѣйшее усиленіе боярства, сохранять равновѣсіе между знатью и простыми гражданами, и даже по временамъ предоставляли полный просторъ бурнымъ проявленіямъ народной воли. Поэтому въ обычной, такъ сказать будничной, жизни Великаго Новгорода незамѣтно, чтобы богатая знать рѣзко выдѣлялась изъ народа какими-либо особыми привычками, особою роскошью и вообще образомъ жизни. По лѣтописямъ, она заявляетъ о себѣ преимущественно постройкою храмовъ и основаніемъ фамильныхъ монастырей.

Въ древнихъ Греческихъ и Средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ мы нерѣдко видимъ, что изъ борьбы демократіи съ аристократіей возникаетъ тираннія, т.-е. какой-либо смѣлый вождь народной партіи захватываетъ въ свои руки верховную власть. Подобнаго явленія не встрѣчается въ Великомъ Новгородѣ во все долгое существованіе его народоправленія. Во-первыхъ, при всемъ развитіи своей самобытности, Новгородъ никогда не былъ вполнѣ независимъ и никогда не выходилъ изъ состава Русскихъ земель, управляемыхъ княжескимъ родомъ Владиміра Великаго (и отчасти родомъ Гедимина) и всегда имѣлъ у себя или князя, или его намѣстника. Во-вторыхъ, само взаимное соперничество знатнѣйшихъ фамилій, ревниво слѣдившихъ другъ за другомъ, и легкость, съ которою возбуждалась вражда партій и свергались посадники, не допускали никакой возможности къ исключительному возвышенію и утвержденію во власти одного какого-либо лица или одной боярской фамиліи. Наконецъ и полное отсутствіе готовой военной силы, на которую могло бы опереться какое-либо личное честолюбіе, окончательно устраняло всякое проявленіе туземнаго монархическаго начала въ подобномъ народоправленіи. Постоянная военная сила въ самомъ Новгородѣ существовала въ видѣ небольшой дружины при князѣ или его намѣстникѣ, дружины, приходившей съ нимъ изъ другой области; а туземная земская рать набиралась только на время нужды. Начальство надъ этой ратью хотя принадлежало прежде всего посаднику и тысяцкому, однако народное вѣче рано присвоило себѣ право назначать воеводъ по своему усмотрѣнію.

При всемъ широкомъ развитіи вѣчевого начала въ Великомъ Новгородѣ, не должно преувеличивать значеніе его народнаго вѣча. Эта была высшая правительственная и судебная инстанція; но она произносила только окончательныя рѣшенія; а между тѣмъ должно

же было существовать какое-либо учрежденіе, которое обсуждало, изслѣдовало и выясняло всякое важное дѣло прежде, нежели оно поступало на рѣшеніе народнаго собранія. Посадникъ и тысяцкій были заняты текущими административными заботами и судебными разбирательствами. Хотя посадникъ предсѣдательствовалъ въ народномъ собраніи и предлагалъ вопросы на его разсмотрѣніе; но не могъ конечно онъ одинъ заранѣе обсудить ихъ и подготовить рѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ. Во всѣхъ народоправленіяхъ обыкновенно встрѣчаемъ мы постоянное коллегіальное учрежденіе, которое занималось высшими государственными вопросами и пользовалось большею или меньшею степенью власти, смотря по степени развитія самаго народоправленія. Въ Спартѣ оно *герузія*, въ Аѳинахъ совѣтъ или *вуле*, въ Римѣ *сенатъ*, въ Итальянскихъ республикахъ *сеньорія*, въ Нѣмецкихъ вольныхъ городахъ *ратъ* и т. д. По нѣкоторымъ признакамъ имѣемъ право заключить, что Великій Новгородъ также не былъ чуждъ подобнаго учрежденія или подобнаго совѣта. Но если и весь его политическій строй и самое народное вѣче не пріобрѣли опредѣленныхъ, строго выработанныхъ формъ, то еще менѣе выработалась здѣсь опредѣленная и постоянная форма высшаго правительственнаго совѣта. Поэтому въ лѣтописяхъ мы находимъ болѣе намеки на его существованіе, чѣмъ ясныя, положительныя указанія. Скорѣе такія указанія встрѣчаются въ иноземныхъ источникахъ, именно въ грамотахъ Ганзейскихъ городовъ, которымъ нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ названнымъ учрежденіемъ по своимъ торговымъ дѣламъ и привилегіямъ. Судя по новгородскимъ лѣтописямъ, этотъ совѣтъ или собственно его ядро, кромѣ состоявшихъ на должности высшихъ сановниковъ, т.-е. степеннаго посадника, степеннаго тысяцкаго и кончанскихъ старостъ, составляли такъ-называемые старые посадники и старые тысяцкіе, число которыхъ, при извѣстной частой смѣнѣ сановниковъ, могло простираться до нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. А если взять въ разсчетъ указанія ганзейскихъ грамотъ, то въ составъ совѣта, повидимому, входили главы всѣхъ боярскихъ фамилій; въ одномъ случаѣ число членовъ совѣта или думы опредѣлено (скорѣе преувеличено) въ 300 человѣкъ. Тѣ же указанія называютъ ихъ „золотыми поясами"; такіе украшенные или шитые золотомъ кушаки вѣроятно составляли отличительную внѣшнюю черту знатнаго и богатаго сословія. Слѣдовательно, этотъ совѣтъ въ сущности былъ ничто иное, какъ боярская дума, встрѣчающаяся во всѣхъ древнихъ Русскихъ княженіяхъ. Сначала

и собиралась она на Городищѣ, т.-е. подлѣ князя; а когда сами князья перестали тамъ жить и посылали туда своихъ намѣстниковъ, приблизительно съ XIV вѣка, то и боярская дума стала собираться на владычномъ дворѣ, который въ это время сдѣлался важнѣйшимъ средоточіемъ правительственной дѣятельности въ Вел. Новгородѣ. Каково бы ни было взаимное соперничество бояръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, все-таки они имѣли многіе общіе сословные интересы, которые заставляли ихъ нерѣдко сплачиваться и дружно отстаивать свое значеніе и свои привилегіи противъ народной толпы. Поэтому боярская дума не только ограничивала власть высшихъ сановниковъ, но и оказывала несомнѣнное вліяніе на народное вѣче, и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствовала дружно, склоняла его рѣшенія согласно съ своими видами. Какъ народное вѣче препятствовало развитію олигархіи, такъ боярская дума въ свою очередь мѣшала крайнему развитію самаго народнаго вѣча; она не давала утвердиться охлократіи или полному господству толпы, хотя изъ этой толпы часто выдвигались люди, отличавшіеся своимъ „кричаніемъ на вѣчѣ", или такъ-называемые „худые мужики вѣчники".

Что касается до областнаго подраздѣленія Новогородской земли, то въ эпоху Татарскую она усвоила себѣ дѣленіе на „пятины", т.-е. на пять частей, каковы: *Водская* или область чудскаго народца Води, простиравшаяся отъ Новгорода къ Финскому заливу, Ладожскому озеру и далѣе на сѣверъ отъ послѣдняго; *Обонежская*, длинною полосою тянувшаяся отъ Ильменя чрезъ Онежское озеро къ самому Бѣлому морю; *Бѣжецкая*, занимавшая юговосточную часть Новогородской земли; *Деревская*—между рѣками Мстою и Ловатью; *Шелонская* — между Ловатью и Лугою. Внѣ этихъ пятинъ лежало *Заволочье* или Двинская земля. Дѣленіе Новогородской земли на пятины находилось въ связи съ извѣстнымъ дѣленіемъ самаго Новгорода на пять концовъ: каждая пятина въ правительственномъ отношеніи была подчинена начальству соотвѣтственнаго ей конца. Пятины въ свою очередь подраздѣлялись на волости и погосты (74).

Псковская община естественно устроилась по образцу Великаго Новгорода, какъ бывшій его пригородъ. Но уже великая разница въ объемѣ и географическомъ положеніи ихъ земель должна была во многомъ отразиться на ихъ внѣшней исторіи и внутреннемъ складѣ.

Когда Псковская область выдѣлилась изъ общаго состава Новгородскихъ владѣній, то обнимала только юго-западную ихъ окраину. Она представляла довольно узкую полосу вдоль по теченію рѣки Великой съ ея притоками и по восточному прибрежью озеръ Псковскаго и Чудскаго. Въ длину эта полоса простиралась верстъ на 300, а въ ширину только мѣстами доходила до сотни верстъ. Межъ тѣмъ какъ Новгородскіе предѣлы терялись въ неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствахъ сѣвера и востока, откуда не угрожала имъ никакая внѣшняя опасность, Псковская область напротивъ была со всѣхъ сторонъ стѣснена болѣе или менѣе непріязненными сосѣдями и не имѣла возможности расширять свою территорію ни въ какую сторону. По своему положенію будучи предназначена служить передовымъ оплотомъ всей Русской земли противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ и Литвы, Псковская община по необходимости должна была прилагать особую заботу о сооруженіи военныхъ укрѣпленій. Поэтому пригороды ея не были такими же промышленными и торговыми пунктами, какъ Новгородскіе пригороды вообще; это былъ рядъ небольшихъ, но хорошо укрѣпленныхъ городовъ. Они располагались главнымъ образомъ по рѣкѣ Великой, каковы: Опочка, на верхнемъ ея теченіи, отстоявшая на 120 верстъ отъ главнаго города; потомъ внизъ по теченію Вороначъ, Островъ, Котельно и Володимерецъ; послѣдній при самомъ впаденіи Великой въ Псковское озеро. Вблизи Великой по ея притокамъ стояли Вревъ и Кошкинъ городокъ по правую сторону, Вышгородокъ и Велье по лѣвую. Въ сѣверномъ углу Псковскихъ владѣній на прибрежьѣ Чудскаго озера лежалъ Гдовъ. Все это были города, болѣе или менѣе построенные самими Псковичами для обороны своей земли. Но въ числѣ ихъ пригородовъ находился также Изборскъ, который былъ древнѣе самого Пскова. Расположенный на высокой горѣ, верстахъ въ 30 на юго-западъ отъ Пскова, почти на самой Ливонской границѣ, Изборскъ былъ укрѣпленъ плитяными стѣнами и много разъ съ успѣхомъ выдерживалъ осаду Нѣмцевъ.

Но главную военную опору Псковской земли составлялъ самъ городъ Псковъ; по своему положенію на высокомъ берегу Великой, въ углу, образуемомъ впаденіемъ въ нее Псковы, и въ особенности по своимъ массивнымъ каменнымъ стѣнамъ, онъ въ тѣ времена представлялъ едва ли не наилучше укрѣпленный городъ въ цѣлой Руси. Вершину помянутаго угла занималъ Кромъ или Дѣтинецъ, огороженный тремя стѣнами; изъ нихъ та, которая шла отъ

Псковы къ Великой, называлась *персями* или переднею; а на стрѣлкѣ этого треугольника возвышался *Кутный костеръ*, т.-е. угловая башня. Пространство между персями и параллельною съ нею Довмонтовою стѣною называлось *Охобнемъ*. А внѣ Крома и Охобня, опять между Псковой и Великой, помѣщался посадъ или собственно городъ Псковъ (называвшійся также *Застѣнье*), въ свою очередь огороженный каменною стѣною съ кострами или башнями; впослѣдствіи и часть города, лежавшая на другой сторонѣ Псковы или такъ наз. Запсковье, также обнесена была каменною стѣною. Подобно Новгороду, Псковъ раздѣлялся на концы. Въ XV вѣкѣ, когда онъ достигъ наибольшаго своего объема, въ немъ считалось шесть концовъ: Боловинскій, Торговскій, Городецкій, Опоченскій, Остролавецкій и Богоявленскій (Запсковье). Дѣтинецъ или Кромъ, съ его главною святыней, Троицкимъ соборомъ, также какъ и Новгородскій Кремль, составлялъ особую часть, т.-е. не входилъ въ составъ концовъ. Какъ въ Новгородѣ княжій дворъ или Ярославовъ находился подлѣ главнаго Торговища, такъ и во Псковѣ княжескій дворъ стоялъ неподалеку отъ Торга, въ Торговскомъ концѣ. Хотя здѣсь также былъ и загородный княжій дворъ, соотвѣтствовавшій новгородскому Городищу, но князь Псковскій обыкновенно жилъ въ самомъ городѣ. Городской княжій дворъ во Псковѣ, съ его *большою* или *судебною* избою, не сдѣлался мѣстомъ народныхъ вѣчевыхъ собраній, какъ Ярославовъ дворъ въ Новгородѣ. Псковское вѣче происходило въ Дѣтинцѣ, подлѣ Троицкаго собора, и созывалось звономъ одного изъ соборныхъ колоколовъ; а колокольня соборная помѣщалась на помянутыхъ выше персяхъ или на стѣнѣ, отдѣлявшей верхнюю часть дѣтинца отъ нижней или Довмонтовой. На вѣчевой площади стоялъ возвышенный деревянный помостъ или *степень*, на которой во время совѣщанія сидѣли князь, посадники и другія правительственныя лица и съ которой они обращались съ своею рѣчью къ народу. На соборныхъ *сѣняхъ*, въ одной изъ верхнихъ церковныхъ каморъ, помѣщался вѣчевой архивъ или *ларь*, т.-е. сундукъ съ вѣчевыми грамотами, храненіемъ котораго завѣдывалъ особый чиновникъ или *ларникъ*.

При своемъ небольшомъ объемѣ и при отсутствіи значительныхъ, богатыхъ пригородовъ, Псковская земля получила болѣе сплоченный (болѣе централизованный) характеръ, нежели земля Новгородская. Въ первой мы не видимъ такихъ мѣстныхъ стремленій къ обособленію, какія встрѣчаемъ во второй, въ родѣ Заволочья (и самаго Пскова).

Пригороды псковскіе, построенные самимъ Псковомъ какъ его военныя колоніи, пользуются гораздо меньшею самостоятельностью, нежели пригороды В. Новгорода. Какъ въ церковномъ отношеніи все духовенство Псковской земли было подѣлено между шестью псковскими соборами, такъ и въ отношеніи правительственномъ вся Псковская область подѣлена была между шестью концами городами Пскова, причемъ на каждый конецъ пришлось по два пригорода съ ихъ волостями; ибо во второй половинѣ XV вѣка число псковскихъ пригородовъ простиралось уже до 12. Псковская лѣтопись сообщаетъ, что раздѣлъ происходилъ по жребію (1468 г.). По всѣмъ признакамъ такое дѣленіе находилось въ связи съ распредѣленіемъ повинностей, и въ особенности въ связи съ отбываніемъ военной повинности. Эта повинность въ древней Россіи была двухъ видовъ: во-первыхъ, постройка и поддержаніе городскихъ укрѣпленій и, во-вторыхъ, наборъ и содержаніе земской рати. Такъ въ самомъ Псковѣ городскія стѣны (т.-е. ихъ постройка и поправка) были раздѣлены между концами, а эти большіе отдѣлы въ свою очередь подраздѣлены между улицами. Старосты и другія выборныя кончанскія власти завѣдывали въ приписанныхъ къ нимъ пригородахъ и волостяхъ какъ градостроительствомъ, такъ и вооруженіемъ земской рати, которая собиралась и снаряжалась по извѣстной разверсткѣ или „разрубу“; почему и называлась рать „рубленная“. Псковская лѣтопись иногда сообщаетъ намъ, что для какого-либо похода Псковичи „порубились съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублевъ конь и человѣкъ въ доспѣхѣ, а бобыли пѣшіе люди“. Если походъ предпринимался на судахъ, то по такой же разверсткѣ или раскладкѣ псковскіе концы и волости выставляли извѣстное число ладей или насадовъ. Псковскіе пригороды получали своихъ посадниковъ отъ главнаго города, а въ нѣкоторыхъ кромѣ того сидѣли княжіе намѣстники, вѣдавшіе судомъ и расправою. Но дѣла сколько-нибудь важныя пригорожане не смѣли рѣшать помимо старѣйшаго города. Такъ, однажды Опочане сами, не спросясь Псковичей, казнили смертію одного коневаго татя или конокрада; Псковъ „опалился“ (разгнѣвался) за такое самоуправство и *продалъ* Опочку (наложилъ пеню), взявъ съ нея сто рублей въ пользу Псковскаго князя (въ 1477 г.). Не всѣ Псковскіе волости или округи имѣли у себя городъ, т.-е. были приписаны къ какому-либо пригороду, особенно на восточной сторонѣ Псковской земли на пограничьи съ Новгородскою землею, гдѣ не было такой нужды въ укрѣпленныхъ пунктахъ какъ на югѣ и западѣ. Такія волости, иногда носившія какъ и въ Новгородѣ названіе *губъ,* вѣдались

своими выборными „губскими старостами", которые сносились прямо съ главнымъ городомъ земли.

Что касается до общаго характера Псковскаго народоправства сравнительно съ Новгородскимъ, то нельзя не замѣтить въ первомъ болѣе спокойнаго теченія дѣлъ и болѣе внутренняго мира въ продолженіе того періода, о которомъ идетъ рѣчь. Хотя и здѣсь во главѣ населенія стояло боярское сословіе, но малый объемъ Псковской земли не давалъ ему простора для образованія класса крупныхъ землевладѣльцевъ, и во Псковѣ мы не видимъ того олигархическаго начала, которое столь замѣтно въ В. Новгородѣ. Съ другой стороны не видимъ и той массы черни, которая то бурнымъ способомъ проявляетъ свою нелюбовь къ знати, то является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ боярскихъ партій. Это отсутствіе ожесточенной вражды партій и сословій сообщало Псковскому вѣчу болѣе силы и болѣе устойчивости его рѣшеніямъ; ему справедливо приписываютъ болѣе демократическій характеръ, нежели Новгородскому вѣчу—демократическій не въ смыслѣ простонароднаго, а скорѣе въ смыслѣ преобладанія средняго сословія, т.-е. людей небогатыхъ и незнатныхъ, но настолько зажиточныхъ, чтобы самостоятельно и умѣренно относиться къ вопросамъ общественнымъ.

Княжеская власть во Псковѣ получила еще меньшее значеніе, чѣмъ въ Новгородѣ. Псковскій князь еще болѣе имѣлъ характеръ кормленщика; онъ бралъ свои судебныя пошлины и другіе назначенные ему доходы, и только въ военное время являлся предводителемъ; однако не часто мы встрѣчаемъ его во главѣ земскаго ополченія въ эпоху Псковской самобытности. Затѣмъ во Псковѣ мы находимъ тѣхъ же выборныхъ сановниковъ, что и въ Новгородѣ, только съ однимъ существеннымъ отличіемъ. Въ послѣднемъ существовали двѣ высшія исполнительныя власти: посадникъ и тысяцкій; во Псковѣ же тысяцкаго не встрѣчаемъ; за то послѣ пріобрѣтенія самостоятельности, именно съ конца XIV вѣка и до самаго паденія Псковскаго народоправства, мы видимъ здѣсь двухъ степенныхъ посадниковъ. Какъ были распредѣлены между ними права и обязанности, на это нѣтъ указаній въ источникахъ. Только по аналогіи съ Новгородомъ можемъ предполагать, что одинъ степенный посадникъ былъ старшій, а другой его товарищъ, и этотъ другой вѣроятно соотвѣтствовалъ новогородскому степенному тысяцкому. Въ Новгородѣ мѣстомъ посадничьяго суда былъ владычній дворъ въ Софійскомъ кремлѣ; а тысяцкому принадлежало предсѣдательство въ судѣ торговомъ, который совершался при церкви

св. Іоанна на Опокахъ; при сей церкви, какъ извѣстно, съ XII вѣка учреждена была купеческая община или гильдія, заключавшая въ себѣ самое богатое новогородское купечество. Имѣлъ ли торговый судъ во Псковѣ такое же отношеніе ко второму посаднику, мы не знаемъ. Есть нѣкоторыя указанія на то, что псковское купечество имѣло связь съ храмомъ св. Софіи, воздвигнутымъ въ дѣтинцѣ близъ Довмонтовой стѣны. Впрочемъ судебная власть высшихъ сановниковъ во Псковѣ была еще болѣе чѣмъ въ Новгородѣ стѣснена вмѣшательствомъ народнаго вѣча, которое ревниво слѣдило за всѣми сторонами общественной жизни. Такъ въ 1458 году Псковичи, недовольные объемомъ установленной посадниками зобницы или хлѣбной мѣры, увеличили ее, и привѣсили палицу къ ея образцу; причемъ прибили на вѣчѣ старыхъ посадниковъ, виновныхъ въ ненадлежащемъ размѣрѣ зобницы. Это одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ кулачной расправы, которую позволяло себѣ псковское вѣче и на которую слишкомъ щедры были Новгородцы.

Меньшее значеніе псковскихъ посадниковъ сравнительно съ новгородскими выразилось и въ менѣе продолжительныхъ срокахъ ихъ дѣятельности; такъ что срокъ степеннаго посадничества рѣдко простирался на два года, и замѣтно стремленіе къ ихъ ежегодной смѣнѣ; хотя это не мѣшало старому посаднику впослѣдствіи быть вновь избраннымъ на степень. Отъ такой частой смѣны во Псковѣ еще скорѣе чѣмъ въ Новгородѣ умножался классъ *старыхъ посадниковъ*, которые также сохраняли нѣкоторое вліяніе на текущія дѣла, и, кажется, подобно тому какъ въ Новгородѣ, составляли родъ правительственнаго совѣта или боярской думы, которая предварительно обсуждала дѣла, долженствовавшія поступить на рѣшеніе народнаго вѣча. (Благодаря этой многочисленности старыхъ посадниковъ, изъ ихъ сыновей въ Новгородѣ и Псковѣ образовался цѣлый классъ такъ называемыхъ „дѣтей посадничьихъ“). При отбываніи повинностей старые посадники, какъ и прочіе бояре во Псковѣ, повидимому не пользовались особыми льготами и несли общественныя тяжести наравнѣ съ другими гражданами. Такъ въ 1471 г., когда по приказу Ивана III Псковичи стали готовиться къ походу на Новгородъ, то они, по словамъ лѣтописи, „начаша по всѣмъ концамъ рубитися искрѣпка; а посадниковъ и бояръ великихъ на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ начаша обрубати доспѣхи и и съ коньми“, т.-е. посадники и всѣ бояре должны были по разверсткѣ выставить опредѣленное количество конниковъ, покрытыхъ броней („кованая рать“). Относительно военныхъ расходовъ Псковское вѣче

дѣйствовало такъ строго, что даже вздумало принуждать къ участію въ нихъ самое духовенство. Именно, когда Иванъ велѣлъ Псковичамъ выступить въ походъ на Нѣмцевъ, вѣче рѣшило „срубить" или выставить коннаго воина съ каждыхъ десяти сохъ земли (новогородская соха обнимала такой участокъ, который могли въ день запахать трое человѣкъ на трехъ лошадяхъ); причемъ начали класть въ разрубъ священниковъ и дьяконовъ. Духовенство воспротивилось этому побору съ церковныхъ земель, ссылаясь на правила Номоканона и Св. Отецъ. Вѣчники схватили двухъ старшихъ священниковъ и хотѣли ихъ наказать кнутомъ. Между тѣмъ начали справляться въ старыхъ вѣчевыхъ грамотахъ; для чего неоднократно сановники и дьяки „лазили на сѣни" (т.-е. ходили въ вѣчевой архивъ въ Троицкомъ соборѣ). Убѣдясь въ незаконности своихъ требованій, вѣче наконецъ усовѣстилось, и отпустило помянутыхъ священниковъ, которые уже стояли раздѣтые въ однѣхъ рубахахъ въ ожиданіи наказанія. Впрочемъ такой грубый поступокъ вѣча относится къ послѣднему времени Псковской самобытности (1495).

Сословіе купеческое во Псковѣ не было такъ могущественно своими капиталами какъ въ Новгородѣ; но по всѣмъ признакамъ оно было многочисленно, достаточно, и своимъ вліяніемъ на общественныя дѣла составляло противовѣсъ сословію боярскому. Далѣе, рядомъ съ боярами какъ болѣе или менѣе крупными землевладѣльцами, въ Псковской области встрѣчается сословіе мелкихъ помѣщиковъ или *земцевъ*. Они получали свои участки отъ псковскаго правительства въ *кормлю*, т.-е. въ пользованіе, за что были обязаны ратною службою; слѣдовательно, они не были полными собственниками своихъ участковъ, а только помѣщиками. Повидимому, это военное сословіе было разселено преимущественно по западному рубежу Псковской земли, гдѣ грозила постоянная опасность отъ Нѣмцевъ.

Хотя въ Псковской исторіи также встрѣчаются военные отряды изъ „охочихъ людей", въ случаѣ нужды набиравшіеся, повидимому, изъ ремесленниковъ и вообще людей безземельныхъ, въ помощь земской „рубленой" рати; но они не вполнѣ соотвѣтствуютъ дружинамъ новгородскихъ невольниковъ. Эти дружины собирались и устраивались на началахъ артельнаго товарищества: подобно артелямъ или ватагамъ рыболововъ и звѣролововъ, онѣ отправлялись въ дальнія страны съ своими выборными ватаманами, чтобы потомъ раздѣлить между собою награбленную добычу или завоеванную землю. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ были проводниками новгородской

колонизаціи на сѣверовостокъ Европы. Псковскія вольныя дружины иногда также предпринимали походы, но не дальніе, преимущественно въ область сосѣдней Ливонской Чуди, гдѣ поддерживали мелкую войну съ Ливонскими Нѣмцами; но онѣ не имѣли простора ни для пріобрѣтенія Пскову новыхъ земель, ни для псковской колонизаціи (75).

Въ заключеніе обзора Новгородско-Псковской исторіи въ эпоху Татарскаго ига приведемъ извѣстіе помянутаго выше европейскаго путешественника на востокъ, именно фламандскаго рыцаря Гильберта де-Ланнуа. Въ 1413 году онъ пріѣхалъ въ Пруссію, а оттуда отправился въ Ливонію съ намѣреніемъ принять участіе въ какомъ-либо походѣ Нѣмцевъ на Литву или Русь. Но въ Ригѣ гермейстеръ Ливонскій Фитингофъ объявилъ ему, что въ ту зиму никакого похода не будетъ; за то далъ ему возможность съѣздить въ Новгородъ и Псковъ. Черезъ Венденъ, Вольмаръ и Вейсенштейнъ Ланнуа въ декабрѣ прибылъ въ Нарву (у Русскихъ *Ругодивъ*). Рѣка Нарова служила границею между Ливонскими и Новогородскими владѣніями. Зима была очень холодная съ глубокими снѣгами; а дорога до Новгорода представляла пустынную равнину, наполненную лѣсами, рѣками и озерами, и путешественникъ проѣхалъ ее закутанный въ свою шубу, не видавъ никакого жилья. Новгородъ произвелъ на него впечатлѣніе весьма обширнаго города; но укрѣпленія его были довольно слабы, за исключеніемъ нѣсколькихъ каменныхъ башенъ. Ланнуа провелъ здѣсь девять дней, посѣтилъ епископа, посадника и тысяцкаго. Владыка посылалъ ему ежедневно свѣжіе припасы; а посадникъ и тысяцкій приглашали его на обѣдъ; причемъ кушанья показались ему очень странными и нигдѣ имъ дотолѣ невиданными. Епископъ „какъ бы государь“ живетъ въ замкѣ на рѣкѣ, гдѣ соборъ св. Софіи; а тысяцкаго и посадника Ланнуа называетъ герцогомъ и бургграфомъ. Монета новогородская, по его словамъ, состоитъ въ слиткахъ серебра вѣсомъ около одиннадцати унцій, безъ штемпеля; золотой монеты не чеканятъ, а мелкой служатъ бѣличьи мордки. „Женщины распускаютъ двѣ косы на спинѣ, а мужчины носятъ одну косу“. Но вообще замѣтки рыцаря о Новгородѣ скудны содержаніемъ и не отличаются наблюдательностію. Причемъ онъ впадаетъ въ преувеличенія и даже явныя несообразности. Напримѣръ: „есть много большихъ господъ, которыхъ называютъ боярами, есть и простые граждане, у которыхъ земли до 200

миль въ длину, дивно богатые и сильные". Бояре Великаго Новгорода будто бы могутъ выставить до 40.000 коней, а пѣшихъ безъ счету. „Новгородцы по закону своему продаютъ и покупаютъ на рынкѣ другъ у друга женъ за одинъ или два слитка серебра, по уговору кто дастъ запросную цѣну". Послѣднее извѣстіе очевидно ложное и ни съ чѣмъ несообразное. Или кто либо изъ Нѣмцевъ, торговавшихъ въ Новгородѣ, подшутилъ надъ рыцаремъ, или онъ не понялъ то, что ему разсказывали о продажѣ холоповъ, а можетъ быть и о неестественныхъ случаяхъ, происходившихъ иногда во время страшнаго голода, когда по извѣстію самихъ русскихъ лѣтописей мужья (конечно черные люди) закладывали или продавали женъ, отцы дѣтей.

Изъ Новгорода Ланнуа подъ видомъ купца проѣхалъ въ Псковъ; разстояніе между ними 30 миль и дорога шла большими лѣсами. О Псковѣ онъ сообщаетъ еще менѣе, чѣмъ о Новгородѣ; повидимому, онъ даже не былъ въ Псковскомъ кремлѣ, куда, по его словамъ, „непускалась никакая франко-христіанская душа подъ опасеніемъ смертной казни". Очевидно, Псковичи, въ виду постоянной опасности отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, подозрительно относились къ иноземнымъ купцамъ и не всегда дозволяли имъ посѣщать внутренность своего дѣтинца. „Русскіе этого города носятъ длинные волосы, разстилающіеся по плечамъ, а женщины круглую діадему на задней части головы, подобно какъ на изображеніяхъ святыхъ". Изъ Пскова Ланнуа на саняхъ отправился по рѣкѣ Великой и озеру Пейпусъ обратно въ Ливонію.

Бѣглую замѣтку путешественника о томъ, какъ Новогородцы и Псковичи носили волосы, подтверждаетъ отчасти одна икона XV вѣка, находящаяся въ Новгородѣ, въ часовнѣ Варлаама Хутынскаго. Сія, единственная въ своемъ родѣ, икона раздѣлена на двѣ части: верхняя изображаетъ Деисусъ, т.-е. Спасителя на престолѣ, а по сторонамъ его Божію Матерь и Іоанна Крестителя; позади Божіей Матери изображены еще Архангелъ и Апостолъ Петръ, а позади Іоанна Предтечи Архангелъ и Апостолъ Павелъ. Это и есть собственно икона; въ нижней ея части представлено какое-то семейство, молящееся на эту икону, и тутъ мы видимъ Новгородцевъ въ ихъ одеждахъ XV вѣка. Волосы у нихъ не подстрижены и кудрями ниспадаютъ на шею. У стариковъ большія бороды, или окладистыя, или клинообразныя. Главную одежду ихъ составляютъ узкорукавые, не доходящіе до колѣнъ кафтаны, съ петлицами на груди, подпоясанные или кушаками, или широкими ремнями съ наборомъ и пряжка-

ми. Кафтаны эти разныхъ цвѣтовъ: темнаго, коричневаго и краснаго. Узкіе порты запущены въ красные, вѣроятно сафьянные, сапоги съ высокими голенищами. Поверхъ кафтановъ накинуты плащи съ широкими отложными воротниками, застегнутыми у горла, и узкими длинными рукавами; плащи эти тоже разнаго цвѣта съ тесьмою по подолу, иногда съ петлицами, а нѣкоторые воротники украшены вышитыми разводами. Рядомъ съ шестью фигурами мужчинъ стоитъ одна женская фигура; у нея пріятный круглоликій типъ; голова покрыта бѣлымъ платкомъ или убрусомъ; обшитые бахромою концы его свѣшены на плечи; на ней платье краснаго цвѣта съ весьма широкими рукавами, а сверхъ платья надѣтъ коричневый плащъ, у котораго рукава до того длинны, что доходятъ до подола ([76]).

IX.

РУССКАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ВЪ ТАТАРСКУЮ ЭПОХУ.

Главныя условія возвышенія Москвы.—Развитіе великокняжеской власти и сосредоточеніе боярскаго сословія.—Княжеско-боярская дума.—Бояре путные и введеные.—Начало мѣстничества.—Кормленія. —Помѣстья.—Дѣти боярскіе.—Слуги княжіе.—Тяглое населеніе.—Крестьянство.—Право перехода.—Уѣздъ и волость.—Подати и повинности.—Уставныя грамоты: Двинская и Бѣлозерская.—Новогородская судная грамота. — Псковская судная грамота.—Общія черты древнерусскаго судопроизводства.— Торговыя пошлины.— Торговый путь по Дону и Волгѣ.—Замѣтки Контарини.—Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ и торговля съ Ганзою.—Вѣсъ и мѣра.—Монета.—Печати.

Уже до Татарскаго ига, вмѣстѣ съ упадкомъ Кіева, исторія Русской политической жизни стала двоиться на Сѣверовостокъ и Югозападъ. Въ эпоху Татарскую, когда Кіевъ окончательно потерялъ свое значеніе политическаго средоточія всей Руси, это раздвоеніе рѣзко выступило на историческую сцену, и обѣ половины пошли различными путями въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Западная Русь гораздо ранѣе освободилась отъ варварскаго ига и объединилась въ государственномъ отношеніи; но при этомъ она не возвратила своей самостоятельности; ибо ея освобожденіе и объединеніе совершились подъ предводительствомъ иноплеменныхъ князей Литовскихъ; государственнымъ средоточіемъ ея сдѣлалась полурусская, полулитовская Вильна; а послѣдовавшія затѣмъ окатоличеніе собственной Литвы и унія съ Польшею окончательно обособили Западную Русь отъ Восточной. Вмѣстѣ съ политическимъ обособленіемъ начало выступать наружу замѣтнѣе чѣмъ прежде и раздѣленіе этнографическое, т.-е. болѣе рѣзкое распаденіе Русскаго пле-

мени на двѣ главныя вѣтви или народности: Великорусскую и Малорусскую.

Между тѣмъ въ Восточной Руси происходила долгая и трудная работа надъ государственнымъ объединеніемъ внутри и возстановленіемъ независимости извнѣ.

Въ данную эпоху Восточная или собственно Сѣверовосточная Русь состояла изъ трехъ крупныхъ земель княжескихъ, Московско-Суздальской, Тверской и Муромо-Рязанской, и двухъ земель общинно-вѣчевыхъ, Новогородской и Псковской. (Смоленская область, колебавшаяся нѣкоторое время между Восточною и Западною Русью, со времени Витовта примкнула пока къ послѣдней). Надъ всѣми этими землями постепенно возвысилась Москва, принявшая на себя дѣло государственнаго единства и національной независимости. Условія и обстоятельства, благопріятствовавшія возвышенію Москвы, болѣе или менѣе извѣстны. Это, во-первыхъ, выгодное географическое положеніе ея области, достаточно удаленное отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ и удобное въ промышленно-торговомъ отношеніи; далѣе, ловкая политика Московскихъ князей, сумѣвшая самихъ Татаръ обратить въ свое орудіе; распаденіе и неурядицы Золотой Орды со второй половины XIV вѣка; тѣсный союзъ Московскихъ князей съ духовной властію; установившееся въ Москвѣ наслѣдованіе по прямой линіи отъ отца къ сыну; слабость и неустройства другихъ княжествъ, а также вѣчевыхъ общинъ Сѣверовосточной Руси и пр. Но не должно забывать при семъ главнаго условія: умнаго, энергичнаго Великорусскаго племени, которое неудержимо потянуло къ Москвѣ, какъ скоро почувствовало въ ней надежное средоточіе для собранія своихъ силъ въ борьбѣ съ варварскимъ внѣшнимъ игомъ и внутренними неурядицами. Въ эту эпоху Великоруссы ясно доказали, что изъ всѣхъ Славянъ они составляютъ народъ наиболѣе государственный, наиболѣе способный къ единству и дисциплинѣ. У всѣхъ историческихъ народовъ опасности внѣшнія и давленіе со стороны иноплеменныхъ враговъ служили самымъ дѣйствительнымъ побужденіемъ къ государственному объединенію и т. наз. правительственной централизаціи. Однако этотъ историческій законъ довольно слабо отражался на другихъ Славянахъ.

Стародавняя и вполнѣ туземная на Руси, княжеская власть хотя въ общихъ чертахъ оставалась та же самая, однако она несомнѣнно усилилась подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ того же иноплеменнаго давленія, т.-е. Та-

тарскаго ига. Данная эпоха представляетъ постепенный переходъ отъ понятій вотчинныхъ къ понятіямъ государственнымъ. Такой переходъ относится собственно къ власти великихъ князей, стоявшихъ во главѣ каждой отдѣльной земли, Московской, Тверской и Рязанской, и яснѣе всего отразился на ихъ отношеніяхъ къ удѣльнымъ князьямъ. Въ каждомъ изъ этихъ мѣстныхъ княжескихъ родовъ мы видимъ стремленіе старшихъ князей сокращать въ свою пользу самостоятельность младшихъ или удѣльныхъ, подчинять ихъ себѣ, сдѣлать изъ нихъ простыхъ своихъ подручниковъ. Удѣльные князья еще распоряжаются въ своихъ волостяхъ на правахъ вотчинниковъ; но они по всякому призыву должны являться со своими дружинами на помощь старшему или великому князю и помимо его не могутъ вступать въ обязательства и союзы съ иноземными государями или съ великими князьями другихъ Русскихъ земель, что считается измѣною и подлежитъ наказанію. До насъ дошелъ цѣлый рядъ договорныхъ грамотъ, которыми князья стараются опредѣлить свои взаимныя отношенія. Въ этихъ грамотахъ повторяются прежнія выраженія, взятыя изъ родового и семейнаго быта: договоры вмѣняютъ удѣльнымъ князьямъ въ обязанность имѣть великаго князя себѣ отцомъ, а его сыновей считать себѣ братьями, старшими или младшими, смотря по обстоятельствамъ. Но подъ такими семейными выраженіями скрываются уже подручныя или вассальныя отношенія. Значительная часть удѣльныхъ князей между тѣмъ не могла сохранить и этихъ вассальныхъ отношеній, а прямо перешла въ служебныя. Многія княжескія вѣтви, обѣднѣвшія и измельчавшія вслѣдствіе постояннаго дробленія своихъ волостей или обремененія долгами, или почему-либо лишившіяся своихъ отчинъ, поступаютъ прямо на службу къ великимъ князьямъ, получаютъ за нее жалованье и земли, и становятся такимъ образомъ въ ряды боярскаго сословія. Хотя названныя явленія происходили и въ другихъ великихъ княженіяхъ; но главнымъ образомъ онѣ развились въ землѣ Московской, гдѣ власть и значеніе великаго князя неуклонно шли впередъ по пути абсолютизма или самодержавія.

Кромѣ умѣнья Московскихъ князей пользоваться татарскою помощью въ борьбѣ со своими соперниками, варварское иго способствовало ихъ усиленію и другой своей стороной, т.-е. данью или ордынскими „выходами“. Съ тѣхъ поръ, какъ Татары перестали непосредственно собирать на Руси дани посредствомъ своихъ баскаковъ и бесерменскихъ откупщиковъ и сборы эти перешли въ руки великихъ

князей, естественно сіи послѣдніе пользовались ими, чтобы увеличивать собственную казну; ибо они не всѣ собранныя деньги доставляли въ казну ханскую, и постоянно стремились уменьшать количество дани, а при удобномъ случаѣ, во время ордынскихъ смутъ и междоусобій, совсѣмъ уклонялись отъ платежа даней. Между тѣмъ съ удѣльныхъ князей они старались взыскивать сполна части, приходившіяся на ихъ долю по общей раскладкѣ; при чемъ эти князья нерѣдко оказывались несостоятельными плательщиками, должали великому князю, закладывали или продавали ему часть своихъ волостей. Великіе князья Рязанскіе и Тверскіе также сами вносили въ Орду дани со своихъ княженій; не видно однако, чтобы они воспользовались симъ обстоятельствомъ ради своего усиленія въ той же степени какъ Московскіе. Не одни денежные выходы разоряли удѣльныхъ князей; на ихъ владѣнія падало и ямское бремя, т.-е. обязанность давать подводы татарскимъ чиновникамъ и содержаніе проѣзжавшимъ татарскимъ посламъ съ ихъ большою хищною свитою; кромѣ того, дорого обходились имъ обычныя поѣздки на поклонъ въ Орду, гдѣ они должны были много тратиться на подарки не только хану, но его женамъ и вельможамъ; почему нерѣдко принуждены были входить въ долги и занимать деньги у своихъ Русскихъ или у Ордынско-бесерменскихъ купцовъ. Великіе князья иногда уплачивали за нихъ долги, разумѣется, приводя ихъ за то въ бо́льшую отъ себя зависимость или обязывая отказать себѣ ихъ волости по духовному завѣщанію (77).

Вмѣстѣ съ развитіемъ великокняжеской власти видоизмѣнялось и положеніе ближайшаго къ ней боярскаго сословія. По мѣрѣ того какъ нѣкоторыя вѣтви княжескаго дома пріобрѣтали характеръ прочно утвердившихся мѣстныхъ династій, ихъ бояре естественно все болѣе и болѣе становились сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, служебно-поземельной аристократіей, земельными вотчинниками. Въ награду за свою службу они получаютъ теперь почти исключительно пожалованія землями и селами. Въ междукняжескихъ договорныхъ грамотахъ еще попрежнему встрѣчается условіе о вольномъ переходѣ бояръ на службу къ другому князю или такъ наз. право *отъѣзда*; но на дѣлѣ это право отъѣзда примѣняется не часто. Хотя по тѣмъ же грамотамъ отъѣхавшій бояринъ и удерживалъ за собою владѣніе жалованными вотчинами или пріобрѣтенными куплею участками въ землѣ прежняго князя (только не въ Новогородской землѣ); но этотъ князь или его чиновники всегда имѣли возможность дѣлать разныя стѣсненія его владѣльческихъ правъ. А села и деревни, данныя въ „кормленіе“

или въ помѣстье, т.-е. пожизненное пользованіе, просто отнимались у отъѣхавшаго боярина. Слѣдовательно, прямой интересъ боярина заключался въ томъ, чтобы находиться на службѣ у сильнѣйшаго или великаго князя, который могъ бы не только жаловать помѣстьями, но и защищать его владѣльческія права, если у него находились отчины въ удѣльныхъ княжествахъ; а таковые случаи происходили нерѣдко при раздѣлѣ княженія между сыновьями. Естественно поэтому стремленіе русскаго боярства поступать преимущественно въ службу великаго князя Московскаго. И наоборотъ, рѣдко встрѣчаемъ примѣры перехода Московскихъ бояръ на службу къ инымъ князьямъ. Съ другой стороны сами Московскіе государи, несмотря на выраженія договорныхъ грамотъ, неблагосклонно смотрятъ на отъѣзды своихъ бояръ къ собственнымъ удѣльнымъ князьямъ; а на отъѣздъ къ другимъ великимъ князьямъ (Рязанскимъ и Тверскимъ) уже начинаютъ смотрѣть какъ на измѣну и при случаѣ наказывать отъѣзчика. Понятно отсюда, какое важное мѣсто занимало вообще русское боярство въ числѣ условій, способствовавшихъ возвышенію Москвы надъ другими княженіями, и какъ усердно служило оно этому возвышенію. По мѣрѣ расширенія Московскихъ предѣловъ упрочивалось землевладѣніе и умножались доходы Московскихъ бояръ.

Главное значеніе боярскаго сословія на Руси оставалось все то же какъ и въ древнѣйшую эпоху; бояре попрежнему служили князю помощниками въ дѣлѣ ратномъ и хозяйственномъ, въ управленіи землею, и были его ближайшими совѣтниками или думцами. Съ ранняго утра собирались они въ княжескій дворецъ для засѣданія въ боярской думѣ и для исполненія разнообразныхъ порученій. Какъ въ XI вѣкѣ, по извѣстію Житія Θеодосія Печерскаго, однажды святой мужъ, возвращаясь въ свой монастырь, на утренней зарѣ встрѣчалъ „вельможъ, ѣдущихъ“ во дворецъ великаго князя Кіевскаго; такъ и въ концѣ XIV вѣка, по словамъ лѣтописи, раннимъ утромъ собрались князья и бояре во дворецъ Тверского князя Михаила Александровича, „обычнаго градскаго ради управленія“ (но на сей разъ тщетно ожидали больного князя, который передъ смертію рѣшилъ удалиться въ монастырь на постриженіе). Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ устами умирающаго Димитрія Ивановича Московскаго опредѣляетъ взаимныя близкія отношенія князя со своими боярами. „Бояръ же своихъ любите и честь имъ достойную воздавайте противу дѣлу коего-либо, *безъ ихъ думы ничтоже творите*“—вну-

шалъ онъ своимъ сыновьямъ. А обращаясь къ боярамъ, между прочимъ говорилъ: „съ вами я царствовалъ и Божіею помощью враговъ своихъ низложилъ; съ вами великое княженіе вельми укрѣпилъ, миръ и тишину княженію своему сотворилъ и державу отчины своей соблюлъ; вами города державъ и великія волости, къ вамъ имѣлъ великую любовь и всѣхъ васъ чествовалъ, съ вами радовался и скорбѣлъ" и пр. Конечно въ этихъ словахъ выражаются собственно желательныя или идеальныя отношенія между княземъ и его боярами; но самые эти идеалы и показываютъ намъ, къ чему стремились или, по понятіямъ эпохи, должны были стремиться обѣ стороны для того, чтобы великое княженіе успѣвало въ дѣлахъ внутреннихъ и и внѣшнихъ. И мы видѣли, какъ въ трудныя времена Московское боярство дѣйствительно служило добрую службу и своему княжескому роду, и всей землѣ.

Источники не даютъ намъ возможности опредѣлить въ точности составъ и занятія княжеско-боярской думы въ данную эпоху. Но судя по нѣкоторымъ признакамъ, напримѣръ по количеству боярскихъ именъ на княжескихъ жалованныхъ и духовныхъ грамотахъ, далеко не всѣ члены боярскаго сословія участвовали въ княжеской думѣ, а только представители знатнѣйшихъ родовъ и бояре особенно чествуемые княземъ („старѣйшіе и нарочитые"). Занятія этой думы, повидимому, обнимали всѣ вопросы какъ чисто правительственные и хозяйственные, такъ и собственно политическіе (отношенія къ сосѣдямъ и инымъ землямъ или политика внѣшняя). Къ участію въ Московской княжеско-боярской думѣ приглашались иногда митрополитъ и другіе церковные іерархи. (Напомнимъ для примѣра участіе духовенства въ этой думѣ передъ походомъ Куликовскимъ). А въ случаяхъ особенно важныхъ призывались сюда удѣльные князья, епископы, намѣстники и воеводы изъ разныхъ областей Московской земли (какъ это увидимъ, напримѣръ передъ походомъ на Великій Новгородъ въ 1471 г. Изъ такого призыва областныхъ, духовныхъ и гражданскихъ, сановниковъ въ княжеско-боярскую думу развились впослѣдствіи такъ наз. земскіе соборы).

Боярская дума не могла конечно въ полномъ своемъ составѣ заниматься текущими, ежедневными дѣлами по всѣмъ отраслямъ княжескаго хозяйства, управленія и суда. Эти отдѣльныя отрасли великій князь обыкновенно поручалъ или приказывалъ кому-либо изъ бояръ; откуда впослѣдствіи развилась система Московскихъ *приказовъ*. Но въ данную эпоху они еще не сложились въ эту систему

и отчасти носили названіе *путей*. Въ ряду такихъ хозяйственно-правительственныхъ сановниковъ важное мѣсто занималъ *дворскій* или *дворецкій*, который вѣдалъ хозяйство княжаго двора, дворцовыхъ слугъ и дворцовыя села. Затѣмъ встрѣчаемъ въ грамотахъ того времени вѣдомства или пути: *сокольничій*, *конюшій*, *ловчій*, а нѣсколько позднѣе *стольничій* и *чашничій*, отъ которыхъ получились и титулы вѣдавшихъ ими бояръ. Такъ конюшій вѣдалъ великокняжескихъ конюховъ, коней и луга, на которыхъ они паслись; сокольничій путь управлялъ птичьею охотою великаго князя, ловчій псарями и бобровниками; чашникъ вѣдалъ питейное хозяйство и связанныхъ съ нимъ дворцовыхъ бортниковъ или пчеловодовъ, а стольникъ — дворцовые сады, огороды, рыбныя ловли и т. д. Въ числѣ придворныхъ сановниковъ является еще *окольничій*; но источники не указываютъ на его вѣдомство. Отъ помянутыхъ отраслей княжаго хозяйства или путей управлявшія ими лица получили названія бояръ *путныхъ*, нерѣдко встрѣчающееся въ актахъ и грамотахъ того времени. Рядомъ съ нимъ встрѣчается еще названіе бояръ *введеныхъ*; значеніе сихъ послѣднихъ не вполнѣ ясно; повидимому, это названіе присвоивалось преимущественно городовымъ и волостнымъ намѣстникамъ великаго князя и вообще высшему разряду бояръ; но иногда бояре введеные почти не различаются отъ путныхъ. Тѣ и другіе пользовались важною привилегіей: по княжескимъ договорнымъ грамотамъ всякій служилый человѣкъ обязанъ былъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія съ своими люцьми *сѣсть въ осаду* въ томъ городѣ, въ уѣздѣ котораго находилась его вотчина, хотя бы самъ онъ состоялъ въ то время на службѣ другого князя; но отъ этой повинности освобождались бояре введеные и путные.

Вмѣстѣ съ объединеніемъ Сѣверовосточной Руси, какъ извѣстно, въ Москву изъ всѣхъ русскихъ областей постоянно приливали бояре, переходившіе на службу великаго князя Московскаго; въ среду ихъ вступали разные знатные выходцы изъ другихъ земель, особенно изъ Золотой Орды. Поэтому къ концу даннаго періода объемъ боярскаго сословія въ Москвѣ весьма увеличился, причемъ масса пришельцевъ оттѣснила на второе мѣсто коренныхъ Московскихъ бояръ. По мѣрѣ присоединенія разныхъ удѣловъ, князья удѣльные также вступали въ московскую службу, и эти служилые князья заняли верхнюю ступень Московской боярской аристократіи. Но тѣ бывшіе удѣльные князья, которые или отцы которыхъ прежде пере-

хода въ Москву успѣли побывать на службѣ у другихъ великихъ князей (Рязанскаго, Тверского, Смоленскаго), уже теряли часть своихъ родовыхъ правъ и становились ниже нѣкоторыхъ собственно боярскихъ родовъ; только переходившіе непосредственно изъ службы великаго князя Литовскаго, повидимому, не теряли этихъ правъ. Затѣмъ изъ удѣльныхъ бояръ нѣкоторые знатные роды также успѣвали помѣститься въ Москвѣ на верхнихъ ступеняхъ боярской лѣстницы. Отсюда происходили неизбѣжныя столкновенія между пришельцами и старыми московскими боярами, которые съ неудовольствіемъ видѣли себя оттѣсненными на второстепенныя и даже третьестепенныя мѣста въ военномъ начальствованіи, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ чинахъ, въ боярской думѣ и т. п., ибо во всѣхъ такихъ случаяхъ знатность рода играла большую роль. Такимъ образомъ положено было начало тому явленію, которое въ послѣдующей исторіи Московскаго государства извѣстно подъ именемъ „мѣстничества". Эти споры за мѣста или взаимное соперничество боярскихъ фамилій, въ свою очередь, не мало способствовали возвышенію и усиленію власти и значенія Московскаго государя; ибо знатнѣйшіе роды вели соперничество о большей или меньшей къ нему близости. Въ то же время такое соперничество мѣшало пока внутреннему сплоченію самаго боярскаго сословія, и слѣдовательно, съ его стороны не могло явиться дружнаго отпора развивающемуся Московскому самодержавію. По всѣмъ признакамъ, сословныя грани на Руси уже успѣли установиться такъ прочно, что боярское достоинство вообще было званіемъ родовымъ или наслѣдственнымъ, и хотя можно найти примѣры пожалованія въ это достоинство со стороны княжеской власти, но такіе примѣры, повидимому, были рѣдки ([78]).

За свою службу князю, придворную, думную и ратную, бояре въ этотъ періодъ стали получать вознагражденіе въ трехъ видахъ: кормленіе, вотчины и помѣстья. Первый видъ былъ связанъ съ должностями намѣстниковъ и волостей. Назначая намѣстниковъ въ свои города, князь давалъ областямъ правителей и судей; въ то же время онъ давалъ своимъ боярамъ возможность кормиться на счетъ жителей, т.-е. воспользоваться какъ судебными пошлинами, такъ и разными поборами натурою, какъ то: мясомъ, хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и т. п. Такъ какъ бояръ было гораздо больше, чѣмъ намѣстничествъ, то вошло въ обычай давать сіи послѣднія на не большое количество времени, напримѣръ на три года, чтобы почти всѣ бояре могли по-

кормиться или нажить себѣ разное имущество. Съ тою же цѣлью въ значительные города иногда назначалось по два намѣстника. Кромѣ должностей намѣстниковъ и волостелей къ разряду кормленій принадлежали и такъ назыв. „пути" или помянутыя выше разныя отрасли княжескаго хозяйства, съ причисленными къ нимъ селами и деревнями; они раздавались въ завѣдываніе боярамъ съ правомъ пользоваться извѣстною частью доходовъ, которые собирались съ этихъ селъ и деревень въ казну княжескую. Главнымъ же образомъ въ данный періодъ окончательно установился землевладѣльческій характеръ боярства и вообще служилаго сословія. Жалованныя за службу земли оно обыкновенно получало на правахъ вотчины, т.-е. полнаго и потомственнаго владѣнія. Но кромѣ такихъ вотчинъ князья начали раздавать боярамъ и помѣстья или земельные участки, назначавшіеся во временное пользованіе. Эта помѣстная система должна была способствовать еще большему закрѣпленію служилаго сословія за Московскимъ княженіемъ; ибо, если отъѣхавшій къ другому князю служилый человѣкъ по междукняжимъ договорамъ не лишался вотчины, то помѣстье конечно у него отбиралось. Съ постепеннымъ расширеніемъ своихъ владѣній Московскій великій князь все болѣе получалъ возможность награждать служилыхъ людей помѣстьями. Впрочемъ, помѣстная система развилась собственно въ послѣдующій періодъ (79).

Межъ тѣмъ какъ званіе *бояринъ* осталось неизмѣнно за высшимъ слоемъ русскаго военно-служилаго сословія или за старшими княжескими дружинниками, размножившіеся потомки младшихъ дружинниковъ утратили прежнія названія *отроковъ*, *дѣтскихъ* и *гридей*. Они называются теперь отчасти *дворянами*, а главнымъ образомъ *дѣтьми боярскими*. Первое изъ этихъ названій, какъ мы знаемъ, появилось еще въ эпоху до-Татарскую, а второе, какъ надо полагать, въ началѣ дѣйствительно означало дѣтей бояръ. Обыкновенно сыновья знатныхъ людей въ юности начинали свою службу при особѣ князя въ числѣ его придворныхъ слугъ и тѣлохранителей. На это имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи. Въ 1298 году, въ Твери случился пожаръ; ночью загорѣлись сѣни во дворцѣ великаго князя Михаила Ярославича, и отъ нихъ сгорѣлъ весь его дворъ. Князь самъ почуялъ огонь и едва успѣлъ съ княгинею выпрыгнуть въ окно; а между тѣмъ въ сѣняхъ спали *княжата и боярченки*, кругомъ было много стражи, но никто не замѣтилъ пожара вовремя.

Съ теченіемъ времени названіе „дѣти боярскіе" распространилось

на все низшее служилое сословіе, и тѣмъ естественнѣе, что въ ряды его стали многіе обѣднѣвшіе и размножившіеся потомки боярскихъ фамилій. Это сословіе пользовалось такимъ же правомъ отъѣзда какъ и бояре. Оно исполняло второстепенныя должности при княжемъ дворѣ и въ земскомъ управленіи; но главною его обязанностію была военная служба, и притомъ конная. За эту службу боярскіе дѣти вмѣсто жалованья также получали кормленія, вотчины и помѣстья; они составили классъ среднихъ и мелкихъ замлевладѣльцевъ. По всѣмъ признакамъ, Московскіе князья особое вниманіе обращали на размноженіе и обезпеченіе землею этого военнослужилаго сословія; а оно въ свою очередь явилось важнѣйшею опорою возраставшей Московской силы.

Къ младшему служилому сословію должны быть отнесены и такъ наз. „вольные слуги" князя или „люди дворные", которые за свою службу также получали кормленія и судебныя пошлины въ качествѣ таможенниковъ, приставовъ, доводчиковъ, праветчиковъ и т. п.; по выраженію того времени, они бывали „въ кормленіи и въ доводѣ". По междукняжескимъ договорамъ они также пользовались правомъ отъѣзда („боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля"—обычное выраженіе договорныхъ грамотъ). Кромѣ того, у князя были еще слуги полусвободные, находившіеся подъ вѣдѣніемъ дворскихъ; въ грамотахъ они называются „слуги подъ дворскимъ"; они служили въ качествѣ княжихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, а также въ разныхъ низшихъ должностяхъ. Таковы: бортники, садовники, конюхи, псари, ловчіе, рыболовы, гончары, бобровники, ямщики, бараши (шатерничіе) и пр. За ними слѣдуютъ слуги не свободные или княжіе холопы. Изъ среды полусвободныхъ слугъ, а равно и холоповъ назначались люди не только въ помянутыя низшія должности, но также въ болѣе важныя по княжему хозяйству, домоправительству и письмоводству; таковы: тіуны, посельскіе, ключники, старосты, казначеи, дьяки и подъячіе ([80]).

Остальная масса населенія, т.-е. не принадлежавшая къ служилому сословію, можетъ быть названа „земствомъ" или населеніемъ „тяглымъ". Оно въ свою очередь подраздѣлялось на разныя степени. Собственно городской классъ состоялъ конечно изъ людей торговыхъ и промышленныхъ. Верхнюю ступень этого класса занимали наиболѣе крупные торговцы, извѣстные подъ именемъ *гостей*, за которыми слѣдовали собственно *купцы* или менѣе крупные торговцы. По нѣ-

которымъ даннымъ купеческій классъ дѣлился на сотни, *гостинныя* и *суконныя*. А остальной низшій слой горожанъ (мелкіе торговцы и ремесленники) сталъ извѣстенъ вообще подъ именемъ *черныхъ людей*. (Сіе послѣднее названіе замѣнило собою прежнихъ „смердовъ“). Это городское населеніе обложено было разными пошлинами и повинностями въ пользу князя и его намѣстниковъ; каждый классъ тянулъ свое тягло. Но вообще источники недостаточно разъясняютъ намъ характеръ и значеніе городского населенія въ данную эпоху.

Къ чернымъ людямъ относилось и все сельское населеніе древней Руси, которому въ эту эпоху усвоивается по преимуществу названіе „христіанъ“ или *крестьянъ*. (Въ Восточной Руси кромѣ того они называются иногда „сироты“, въ Псковской землѣ „изорники“). Земли, на которыхъ сидѣли крестьянскія общины, раздѣлялись на три главные разряда: черныя, владѣльческія и монастырскія. Черныя земли были собственно княжескія или волостныя; сидѣвшіе на нихъ крестьяне подчинены были непосредственно княжимъ волостелямъ и тіунамъ, платили подати въ княжую казну по сохамъ, и отбывали государственныя повинности по мірскимъ разрубамъ и разметамъ, т.-е. по разверсткамъ, постановленнымъ на общинномъ или мірскомъ сходѣ и приводившимся въ исполненіе выборными старостами. Сидѣвшіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, бояръ, дѣтей боярскихъ и гостей (имѣвшихъ также право пріобрѣтать села и деревни) платили имъ оброки и также отбывали государственныя повинности. Размѣры оброковъ зависѣли конечно отъ взаимнаго уговора; наиболѣе распространеннымъ обычаемъ было отдавать половину жатвы за пользованіе землею; такіе крестьяне назывались половники или *исполовники* (брать землю *исполу*); иногда платили только треть; кромѣ того, смотря по уговору, отправлялись и разныя работы на землевладѣльцевъ. Въ такихъ же почти отношеніяхъ находились и крестьяне, жившіе на земляхъ монастырскихъ или вообще церковныхъ. Наглядное понятіе о нихъ даетъ уставная грамота митрополита Кипріана, данная Константиновскому монастырю въ 1391 году. Крестьяне этого монастыря били челомъ митрополиту Кипріану на новаго игумена, который сталъ требовать съ нихъ разныя новыя пошлины. Митрополитъ послалъ спросить прежняго игумена, каковы были при немъ обязанности крестьянъ. Тотъ отвѣчалъ слѣдующее: „большимъ людямъ (болѣе зажиточнымъ) изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игуменовъ жеребей весь рольи изгономъ (всю игуменскую долю пашни барщиной) вспахать, посѣять, сжать и свез-

ти, сѣно косить десятинами и на дворъ привезти, *ъзъ* (рыбу въ заколахъ) бити, и вешній и зимній сады оплетать, съ неводомъ ходить, пруды прудить, бобровъ осенью ловить; на Великъ день (Свѣтлое воскресенье) и на Петровъ приходить къ игумену съ подарками; къ монастырскому празднику приводить яловицу; рожь молотить, хлѣбы печь, солодъ молоть, пиво варить; рожь на сѣмена молотить, ленъ прясть, невода снаряжать; а если игуменъ пріѣдетъ въ село на *братщину* (пиръ по складчинѣ въ храмовой праздникъ), то *сыпци* (участники братчины) даютъ игуменовымъ конямъ по зобнѣ овса". Митрополитъ подтвердилъ исполненіе всѣхъ этихъ повинностей.

Въ означенную эпоху крестьянское населеніе, хотя и не имѣло повидимому личной поземельной собственности, но сохраняло свою личную свободу, не было еще прикрѣплено къ землѣ, на которой жило, и могло по своей волѣ переходить на другую землю, т.-е. въ иную волость или къ иному владѣльцу. А землевладѣльцы сами поддерживали такіе переходы, стараясь разными льготами переманивать крестьянъ на свои земли изъ другихъ земель. Дробленіе Руси на удѣльныя княжества долго способствовало этой свободѣ перехода, ибо каждое княжество старалось привлекать населеніе изъ сосѣднихъ земель, и ни одно не имѣло достаточной силы, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ своей землѣ. Но къ концу данной эпохи, съ развитіемъ государственнаго порядка и единодержавія, а также съ бо́льшимъ развитіемъ сословныхъ граней, замѣтны явныя попытки властей стѣснять и ограничивать свободу крестьянскихъ переходовъ; чѣмъ пролагался путь будущему прикрѣпленію къ землѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ на пустоши (незаселенные участки) дозволяется перезывать людей для населенія, но только изъ иныхъ княженій. Главное же ограниченіе заключалось въ назначеніи срока для переходовъ. Въ Московской Руси такимъ срокомъ по княжескимъ грамотамъ установляется Юрьевъ день осенній, т.-е. по окончаніи полевыхъ работъ, и кто переходилъ ранѣе этого дня къ другому владѣльцу, того приказано было возвращать къ прежнему, чтобы доживать у него до срока. Въ Псковской землѣ срокъ для переходовъ назначенъ еще болѣе поздній, именно Филиппово заговѣнье. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Московское правительство уже прямо лишаетъ крестьянъ ихъ стараго права перехода. Напримѣръ, до насъ дошли двѣ грамоты, данныя Василіемъ Темнымъ Троицкому Сергіеву монастырю по челобитью игумена Вассіана съ братьею; первою грамотою великій князь велѣлъ въ Углицкомъ уѣздѣ воротить въ монастырскія села

крестьянъ, которые ушли изъ нихъ въ села великокняжескія и боярскія; а второю онъ запретилъ выпускать на другія земли крестьянъ изъ монастырскаго села Присѣкъ съ деревнями, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ ([81]).

Рядомъ съ свободнымъ сельскимъ населеніемъ попрежнему жило населеніе несвободное или холопы. Этотъ классъ въ эпоху Татарскаго ига значительно увеличился переходомъ въ него многихъ семей изъ свободнаго крестьянскаго сословія. Причиною такого перехода были, главнымъ образомъ, бѣдность и притѣсненія отъ сильныхъ людей. Неурожаи, падежи скота, грабительства нерѣдко разоряли крестьянина; онъ входилъ въ долги, и кончалъ тѣмъ, что со всей семьей закладывался или записывался въ холопы къ богатому землевладѣльцу на время или навсегда; чѣмъ надѣялся обезпечить себѣ защиту отъ притѣсненій тіуновъ и сборщиковъ податей, а также разнаго рода помощь отъ своего господина въ голодную и трудную пору.

Областное дѣленіе этого періода представляло еще старое дробленіе на великія и удѣльныя княжества. Въ административномъ подраздѣленіи княжествъ начинаетъ тогда выступать *уѣздъ*. Такъ назывался округъ, приписанный къ какому-либо городу, куда онъ тянулъ судомъ и данью. Названіе *волость* также получило болѣе опредѣленный смыслъ чѣмъ прежде: волости теперь стали обозначать части уѣзда. Во главѣ города съ уѣздомъ стоялъ княжій *намѣстникъ*, а волостью завѣдывалъ *волостель*. Но такое дѣленіе было весьма неравномѣрно; нѣкоторые уѣзды были незначительны и даже имѣли своимъ административнымъ центромъ не городъ, а село; другіе наоборотъ обнимали иногда цѣлыя земли или княжества, присоединенныя къ Москвѣ. Притомъ волостели, повидимому, не всегда были подчинены намѣстникамъ, и сносились прямо съ княземъ. Рядомъ съ дѣленіемъ уѣздовъ и земель на волости, встрѣчается дѣленіе на *станы*. Различіе между ними заключалось въ томъ, что въ центрѣ волости постоянно пребывалъ волостель; а станомъ первоначально назывались городъ или селеніе съ особымъ дворомъ, гдѣ останавливались волостели, тіуны и доводчики во время своихъ разъѣздовъ по округу. Таково было собственно административное дѣленіе Московской земли. Новгородская и Псковская земли, какъ указано выше, имѣли еще свое особое дѣленіе на пятины, погосты и губы ([82]).

Вмѣстѣ съ успѣхами объединенія Восточной Руси подъ властію Московскихъ князей, какъ мы замѣтили, усиливалась и самая эта власть по отношенію ко всѣмъ слоямъ населенія. Неизбѣжнымъ слѣд-

ствіемъ такого усиленія было паденіе древнихъ народно-вѣчевыхъ собраній; только Новгородъ и Псковъ хранили пока свое вѣчевое устройство. Въ княжескихъ земляхъ въ первую половину Татарскаго періода встрѣчаемъ иногда извѣстія о народныхъ вѣчахъ въ большихъ городахъ; а во вторую половину такія извѣстія прекращаются. Гнетъ Татарскаго ига не мало способствовалъ упадку вѣчевого начала и возвышенію княжеской власти, когда съ одной стороны, угрожаемый частыми татарскими разореніями, народъ прежде всего думалъ о внѣшней безопасности, привыкалъ ожидать ее только отъ своихъ князей и отвыкалъ отъ политическихъ совѣщаній; съ другой стороны въ случаяхъ неповиновенія или мятежа князья, какъ данники хана, имѣли возможность смирять непокорныхъ, опираясь на татарскую помощь. Къ концу означеннаго періода намѣстники, волостели и другіе княжіе чиновники распространяются по всѣмъ областямъ Московской Руси и забираютъ въ свои руки почти всѣ отрасли суда и управленія. Въ качествѣ выборныхъ чиновниковъ въ городскихъ и сельскихъ общинахъ встрѣчаемъ только низшіе органы власти, каковы старосты и соцкіе. А прежнія шумныя вѣча о политическихъ дѣлахъ обращаются теперь въ скромные мірскіе сходы (городскіе, волостные или сельскіе), имѣвшіе своею задачею главнымъ образомъ разметы и разрубы, т.-е. разверстку податей и повинностей. Наиболѣе извѣстныя статьи этихъ податей и повинностей слѣдующія. Во-первыхъ, разнаго рода *данъ* и *ямъ* въ казну княжескую или сборы съ дворовъ, съ произведеній земли и всякихъ промысловъ, натурою и деньгами; далѣе, *кормъ*, т.-е. доставка припасовъ княжимъ чиновникамъ или кормленщикамъ, ихъ слугамъ и конямъ, доставка подводъ, постоевъ и проводниковъ для княжихъ чиновниковъ и гонцовъ; „городовое дѣло“ или обязанность строить крѣпости, а также дворы для князя, намѣстника и волостеля; „мостовщина“ или постройка мостовъ и гатей; обязанности кормить княжихъ коней, косить сѣно на княжихъ лугахъ, устраивать ѣзы или заколы на княжихъ рыболовняхъ, выходить на княжую охоту, на медвѣдя, лося и другихъ звѣрей, и т. д. Подати и повинности земледѣльческаго класса обыкновенно раскладывались по количеству земельной единицы, называвшейся *обжею;* болѣе крупною единицею обложенія является *соха,* которая равнялась тремъ обжамъ. Подати съ разныхъ промысловъ приравнивались къ той же единицѣ. Такъ, равными сохѣ считались кожевенный чанъ, торговая лавка, рыболовный неводъ и саловаренный дренъ. Натуральныя повинности, смотря по обстоятельствамъ, иногда перекладываются на денежныя. Татар-

ская дань весьма усилила тяжесть поборовъ съ населенія Русскихъ княжествъ. Но любопытно, что съ ослабленіемъ ига ихъ тяжесть уменьшалась не въ той же степени; ибо князья большею частію сохраняли взиманіе этихъ даней, которыя обращали въ свое собственное пользованіе.

По мѣрѣ развитія княжеской власти, мало-по-малу выходитъ изъ употребленія древній обычай Русскихъ князей почти ежегодно ѣздить на полюдье, чтобы самимъ собирать дани и творить судъ на мѣстѣ. Хотя князья дѣятельные и заботливые возможно чаще старались посѣщать свои области, дабы лично надзирать за управленіемъ и судомъ; но вообще эти дѣла все болѣе и болѣе поручаются княжимъ намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ и пр. Судебныя пошлины составляли важную статью доходовъ какъ самого князя, такъ и его чиновниковъ или кормленщиковъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ заключать (подобно нѣкоторымъ изслѣдователямъ-юристамъ), чтобы на судопроизводство Русскіе князья смотрѣли только какъ на доходную статью и не заботились о самой сути дѣла, т.-е. о доставленіи народу правосудія; о чемъ свидѣтельствуютъ въ значительномъ количествѣ дошедшіе до насъ судебные акты того времени. По всѣмъ признакамъ, главнымъ руководствомъ для судей на Руси попрежнему служилъ все тотъ же сводъ древнихъ обычаевъ или законовъ, который извѣстенъ подъ именемъ Русской Правды. Этотъ сводъ, по мѣрѣ надобности, постоянно пополнялся и видоизмѣнялся новыми статьями, но имѣющими большею частію мѣстное, а не общерусское значеніе. Такого пересмотра, какому онъ былъ подвергаемъ великими князьями Кіевскими, напримѣръ Владиміромъ Мономахомъ, мы уже не встрѣчаемъ въ эпоху окончательнаго раздробленія Руси на отдѣльныя княженія, а тѣмъ болѣе въ эпоху ея зависимости отъ татарскихъ хановъ. Изъ этой эпохи отъ Сѣверовосточной Руси до насъ дошелъ рядъ мѣстныхъ законодательныхъ актовъ, такъ называемыхъ *уставныхъ* и *судныхъ* грамотъ. Наиболѣе извѣстными и важными изъ нихъ представляются двѣ уставныя грамоты Московскихъ князей, „Двинская" и „Бѣлозерская", и двѣ судныя грамоты вѣчевыхъ общинъ, Новогородская и Псковская.

Уставная Двинская грамота была дана великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ Двинской землѣ въ 1398 году, т.-е. въ то время, когда населеніе Заволочья отложилось отъ Новгорода и признало надъ собою власть Москвы (но, какъ извѣстно, на сей разъ не надолго). Эта грамота есть не что иное, какъ наказъ великаго князя своимъ

намѣстникамъ на Двинѣ, наказъ, касающійся только нѣкоторыхъ сторонъ суда и намѣстничьихъ доходовъ. А именно: въ случаѣ убійства, если убійца не будетъ розысканъ, то мѣстная община платитъ намѣстникамъ виру (дикую) въ десять рублей; въ случаѣ драки, за кровавую рану 30 бѣлокъ, а за синякъ 15; причемъ боярину, смотря по его *отечеству* (знатности рода), виновный платитъ безчестье не только за побои, но и за словесную брань. Если драка случится на пиру и помирятся, не выходя съ пиру, то намѣстникамъ и дворянамъ ничего не платятъ; но если помирятся послѣ, то платятъ намѣстникамъ по куньему мѣху. Кто у сосѣда перепашетъ или перекоситъ въ полѣ межу, съ того взимается пени по одному барану; если межа обозначаетъ полевую границу разныхъ селъ, то 30 бѣлокъ, а за княжую межу (т.-е. на княжей землѣ) по три сорока бѣлокъ. Если кто найдетъ у кого свою украденную вещь, а тотъ укажетъ, гдѣ пріобрѣлъ ее, и такъ повторится до десяти сводовъ (пока найдутъ вора), то намѣстники и дворяне не берутъ никакой пени съ лица, у котораго найдена украденная вещь. Татя, пойманнаго съ поличнымъ впервые, штрафуютъ смотря по стоимости украденнаго; во второй разъ подвергаютъ взысканію въ большей мѣрѣ, а въ третій разъ его должно вѣшать. Всякаго уличеннаго вора нужно пятнать (клеймить). За самосудъ 4 рубля пени; а самосудомъ называется когда кто поймаетъ татя съ поличнымъ и, взявъ съ него посулъ, отпуститъ его, т.-е. не представитъ на судъ. Съ каждаго тяжебнаго рубля намѣстникамъ идетъ полтина штрафу. Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе, сколько судебныхъ пошлинъ получаютъ дворяне, исполнявшіе должности подвойскихъ и доводчиковъ или судебныхъ чиновниковъ, за ѣзду и позывъ на судъ. Такъ, если нужно призвать кого въ самомъ мѣстопребываніи намѣстниковъ, въ городѣ Орельцѣ, они получали по бѣлкѣ *хоженаго* (за ходьбу), за *ѣзду* отъ Орельца до Матигоръ и Холмогоръ двѣ бѣлки, до Княжъ-острова четыре бѣлки и т. д., смотря по разстоянію и удобству ѣзды. Если кого нужно заковать въ желѣзо, то дворянамъ полагается четыре бѣлки *желѣзнаго;* но если его возьметъ кто на поруки, то въ желѣзо не ковать. Если господинъ нечаянно убьетъ своего холопа или рабу, то намѣстники его не судятъ. Если позванный дворянами на судъ не явится, то на него намѣстники выдаютъ „правую безсудную грамоту“ (т.-е. рѣшаютъ дѣло безъ него). Отъ привѣшенія своей печати къ судной грамотѣ намѣстникъ беретъ три бѣлки, а дьяку за письмо двѣ бѣлки. Съ иногородныхъ гостей сотскій и подвойскій получаютъ на Двинѣ по *пузу* ржи. Двинскіе же

гости въ Устюгѣ платятъ намѣстникамъ по два пуза соли съ ладьи, а съ воза по двѣ бѣлки; почти то же платятъ и въ Вологдѣ; въ отчинахъ великаго князя они не платятъ другихъ пошлинъ, каковы: тамга, мытъ, костки, гостиное, явка и пр. Двинскимъ людямъ еще дается та льгота, что въ другихъ областяхъ ихъ не судятъ, а въ случаѣ какого на нихъ иска, они судятся или передъ великимъ княземъ, или на Двинѣ его намѣстниками. Слѣдовательно, сія уставная грамота есть въ то же время жалованная или льготная.

Спустя 90 лѣтъ (въ 1488 г.), внукъ Василія Дмитріевича великій князь Иванъ Васильевичъ даетъ подобную же уставную грамоту жителямъ Бѣлозерской области, т.-е. наказъ своимъ намѣстникамъ на Бѣлоозерѣ.

Эта грамота въ точности повторяетъ нѣкоторыя статьи предыдущей, но излагаетъ ихъ съ большими подробностями и вообще полнѣе опредѣляетъ какъ самое судопроизводство, такъ разные поборы и пошлины съ населенія. А именно: упоминается о присутствіи на судѣ нѣсколькихъ выборныхъ обывателей или такъ называемыхъ „судныхъ мужей" („а намѣстникамъ нашимъ и ихъ тіунамъ безъ соцкаго и безъ добрыхъ людей судъ не судити"). Упоминается о *полѣ* или судебномъ поединкѣ между истцомъ и отвѣтчикомъ; причемъ побѣжденный, кромѣ иска, платитъ пошлины намѣстнику или его тіуну и доводчикамъ. *Поличнымъ* называется только украденное изъ клѣти, запертой замкомъ („а найдутъ что на дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное"). Опредѣляется число тіуновъ и доводчиковъ у бѣлозерскихъ намѣстниковъ, первыхъ два, вторыхъ десять; изъ нихъ въ городѣ полагается два доводчика, а въ станахъ или въ уѣздѣ восемь. Каждый доводчикъ знаетъ только свой станъ или „раздѣлъ", а въ чужой не ѣздитъ. „Гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдать, а гдѣ обѣдаетъ, тамъ ему не ночевать", конечно для того, чтобы не отягощать жителей доставкою кормовъ. Во избѣжаніе того же отягощенія запрещается доводчику ѣздить съ „паробкомъ" и „простой" лошадью, т.-е. имѣть при себѣ слугу и порожнюю лошадь для вымогаемыхъ съ жителей припасовъ и вещей. Кормы и поборы, назначенные съ жителей въ пользу намѣстниковъ, тіуновъ и доводчиковъ, очевидно были опредѣлены; собирать ихъ должны не сами эти чиновники, а земскіе старосты или *соцкіе*, и доставлять въ городъ два раза въ годъ: о Рождествѣ Христовѣ и о Петровѣ днѣ (кормъ „Рождественскій" и „Петровскій"). Съ сельскихъ жителей кормъ собирался по сохамъ или по опредѣленному количеству земли со всѣхъ крестьянъ, княжихъ,

боярскихъ, монастырскихъ и черныхъ. Прежніе кормы натурою теперь большею частью уже переложены на деньги. А именно: намѣстникамъ съ каждой сохи полагается полоть мяса или два алтына деньгами, десять хлѣбовъ или десять денегъ, бочка овса или также десять денегъ, возъ сѣна или два алтына. Это Рождественскій кормъ; а Петровскій опредѣленъ съ сохи по барану или по восьми денегъ и по десяти хлѣбовъ или десяти денегъ. Тіунамъ полагается корму въ половину намѣстничьяго. А доводчикамъ еще меньше; причемъ видимъ слѣдующую оцѣнку: *коврига* хлѣба равна деньгѣ, *часть мяса* и сыръ также стоили по деньгѣ, *зобня* овса двѣ деньги. Кромѣ того, горожане и становые (сельскіе) люди даютъ кто сколько хочетъ *взоѣжжаго корму* (вновь прибывшимъ) намѣстникамъ. Далѣе въ пользу намѣстниковъ назначены торговыя пошлины въ городѣ Бѣлозерскѣ, именно *явка* съ гостей, приходившихъ водою изъ земли Московской, Тверской и Новогородской, по одной деньгѣ съ каждой головы, т.-е. съ каждаго человѣка, сколько бы ни было людей въ суднѣ; причемъ въ большихъ судахъ еще взимается гривна съ *ватамана* или начальника. Бѣлозерскіе намѣстники держатъ своихъ пошлинниковъ и въ Волочкѣ, которые взимаютъ въ ихъ пользу ту же самую пошлину съ пріѣзжихъ купцовъ, и гость, заплатившій пошлину въ Волочкѣ, уже не платилъ ее въ Бѣлозерскѣ. Иногороднимъ купцамъ запрещается торговать по бѣлозерскимъ монастырямъ и волостямъ, т.-е. въ селахъ, а также ѣздить съ товаромъ за Бѣлое озеро: въ противномъ случаѣ взимается пени два рубля, изъ нихъ одинъ рубль шелъ намѣстникамъ и одинъ таможенникамъ (великокняжимъ); а товаръ отбирался на великаго князя. Ѣздить за озеро и тамъ торговать составляетъ привилегію посадскихъ людей изъ Бѣлозерска. Другая льгота мѣстныхъ жителей состоитъ въ томъ, что тіуны и намѣстничьи люди не могутъ незваные приходить на пиры и братчины, т.-е. на тѣ пиры и попойки, которые устраивались городскими или сельскими общинами на складчину въ извѣстные праздники; незванаго гостя, хотя бы и чиновника, жители могли безпенно (безнаказанно) выпроводить вонъ. Великокняжескіе бояре и дѣти боярскіе, проѣзжая по области, не могутъ требовать отъ жителей кормовъ, подводъ, проводниковъ и сторожей; а гонцы должны для сего предъявлять свои грамоты. Если пріѣдетъ великокняжескій приставъ звать на судъ какого бѣлозерца, горожанина или сельчанина, то для этого вызова въ Москву назначается только одинъ срокъ въ году, на великое заговѣніе. На обиды отъ намѣстниковъ и волостелей жители могутъ жаловаться великому князю.

Довольно подробно переданное нами содержаніе Двинской и Бѣлозерской грамотъ даетъ наглядное понятіе о формахъ суда и управленія въ древнерусскихъ княжескихъ областяхъ. По тому же образцу выдавались князьями и другія уставныя грамоты. Эти обычныя формы выработаны, конечно, всею предыдущею исторіей дружинно-княжеской Руси. При отправленіи суда въ областяхъ, представителями княжеской власти являются намѣстники или волостели съ тіунами и разными низшими чиновниками, а представителями мѣстнаго земства сотскіе и судные мужи или выборные „добрые люди".

Теперь посмотримъ на законодательные памятники и судоустройство сѣвернорусскихъ вѣчевыхъ общинъ Новгорода и Пскова.

Въ этихъ общинахъ законодательная власть принадлежала народному вѣчу, которое въ то же время было и высшею судебною инстанціей. Нерѣдкія казни бояръ въ Новгородѣ, сверженіе ихъ съ Волховскаго моста, разграбленіе ихъ дворовъ и селъ въ сущности являются актомъ верховнаго суда на основаніяхъ Русской Правды; только мѣсто князя въ этихъ случаяхъ заступало народное вѣче. Однако, въ законодательныхъ актахъ, относящихся къ судопроизводству, мы видимъ совмѣстныя постановленія вѣчевой и великокняжеской власти. Дошедшая до насъ Новогородская судная грамота 1471 года, какъ сказано въ ея началѣ, поставлена всѣмъ Великимъ Новгородомъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, „доложа господы великихъ князей всея Руси Ивана Васильевича и сына его Ивана Ивановича, по благословенію нареченнаго на архіепископство священноинока Θеофила". Эта грамота, слѣдовательно, относится уже ко времени зависимости Новгорода отъ Москвы и является почти наканунѣ его присоединенія къ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе она есть вѣрное отраженіе болѣе или менѣе старыхъ судебныхъ обычаевъ и порядковъ.

Судъ въ Новгородѣ, какъ показываетъ и названная грамота, распадался на три отдѣла: святительскій, посадничій и судъ тысяцкаго. Первый, т.-е. святительскій, судъ (по примѣру остальной Руси) долженъ производиться на основаніи греческаго Номоканона или Кормчей книги и долженъ быть для всѣхъ равенъ, „какъ для бояръ, такъ для житьихъ и младшихъ (черныхъ) людей". Изъ грамоты видно, что новгородскій владыка производилъ судъ не лично, а чрезъ своего намѣстника и ключника, въ пользу которыхъ шла часть судебныхъ пошлинъ. Къ суду епископскому, конечно, относились всѣ дѣла и лица, подчиненныя церковной власти. Суду тысяцкаго, по нѣкоторымъ даннымъ, подлежали преимущественно дѣла торговыя и иски о хо-

лопствѣ. Судъ посадничій, повидимому, главнымъ образомъ обнималъ дѣла уголовныя и поземельные иски, въ особенности связанные съ насиліемъ и тому подобными преступленіями. А такъ какъ уголовныя дѣла вездѣ на Руси подлежали непосредственному вѣдѣнію суда княжескаго, и пени съ этихъ дѣлъ шли преимущественно въ казну княжескую, то вѣроятно отсюда и произошло непремѣнное условіе, что посадникъ новогородскій не могъ судить безъ великокняжескаго намѣстника. Впрочемъ, самъ намѣстникъ, кажется, рѣдко присутствовалъ на этомъ судѣ, а участвовалъ въ немъ чрезъ своихъ тіуновъ.

Важную принадлежность новогородскаго судоустройства составлялъ такъ называемый *докладъ* или вторая ступень судебнаго разбирательства (послѣ начатія дѣла низшею ступенью суда), происходившая съ участіемъ сословныхъ представителей. Этотъ докладъ производился въ одной изъ комнатъ владычнихъ палатъ; для него назначались отъ каждаго конца по боярину и по житьему, и еще два пристава, по одному для каждой тяжущейся стороны; всего докладчиковъ было 12 человѣкъ, которые также какъ и сами судьи присягали на судной грамотѣ въ томъ, что они будутъ наблюдать правду и не брать посуловъ. Слѣдовательно, это родъ присяжныхъ или то, что въ другихъ русскихъ областяхъ называлось „судные мужи". Но ихъ обязанностью было не одно только присутствіе на судѣ, а и близкое участіе въ разбирательствѣ дѣла, которое они подготовляли для судей, и послѣдніе уже на основаніи ихъ доклада постановляли рѣшеніе. Докладчики должны были засѣдать три раза въ недѣлю, въ понедѣльникъ, середу и пятницу, и кто изъ нихъ не являлся въ засѣданіе, платилъ довольно высокую пеню, бояринъ по два рубля, а житій по рублю. Неизвѣстно, на какой срокъ они назначались; судная грамота требуетъ только, чтобы при какихъ судьяхъ и докладчикахъ дѣло начато, при тѣхъ же оно и кончалось, въ противномъ случаѣ съ нихъ взимается пеня. Вообще же судная Новгородская грамота назначаетъ мѣсячный срокъ для всякаго суда, т.-е. владычняго, посадничьяго и тысяцкаго; „а далѣ того дѣла не волочить". Только тяжбы о землѣ позволяется вести до двухъ мѣсяцевъ, и дается еще два мѣсяца на разборку межевыхъ доказательствъ. При подобныхъ тяжбахъ дѣло замедлялось, конечно, большими разстояніями, которыя должны были проѣзжать низшіе судебные чиновники, т.-е. шестники, подвойскіе, биричи, извѣтники (и „софьяне" или владычніе слуги), отправлявшіеся собирать свѣдѣнія и вызывать послуховъ по разнымъ

искамъ на мѣстѣ. Для поставки послуха грамота опредѣляетъ срокъ по такому разсчету, чтобы на сто верстъ приходилось три недѣли; а помянутымъ судебнымъ чиновникамъ полагается пошлины за каждыя сто верстъ по четыре гривны. Какъ истецъ такъ и отвѣтчикъ должны поцѣловать крестъ на этой грамотѣ, а кто не присягнетъ, тотъ и виноватъ. При семъ дѣлается слѣдующее исключеніе для вдовы боярина или житьяго человѣка: за нее на судѣ присягаетъ ея сынъ; а если нѣтъ такого сына, то она присягаетъ у себя на дому въ присутствіи пристава и другой тяжущейся стороны. Въ исковыхъ дѣлахъ судьямъ полагается пошлины на владычнемъ судѣ при выдачѣ судной грамоты, съ каждаго рубля по гривнѣ, а при выдачѣ безсудной грамоты съ рубля по три деньги; на судѣ посадника и тысяцкаго въ первомъ случаѣ по семи денегъ, во второмъ по три. Безсудная грамота выдавалась истцу въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ въ установленный срокъ не являлся на судъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ отъ судной грамоты судьямъ назначено пошлины четыре гривны, а отъ безсудной двѣ.

Новогородская судная грамота 1471 года имѣетъ по преимуществу уголовный характеръ. Очевидно она была вызвана тѣмъ недостаткомъ правосудія и тѣмъ самоуправствомъ, на которыя жалуются лѣтописцы Великаго Новгорода въ эпоху его упадка, когда бѣдные и слабые не находили управы на богатыхъ и сильныхъ, и потому съ сочувствіемъ обращали свои взоры на великаго князя Московскаго. Насильственное отнятіе земли у сосѣда или открытые наѣзды и грабежи, повидимому, сдѣлались частымъ явленіемъ въ Новогородскихъ областяхъ, а когда дѣло доходило до судебнаго разбирательства, тутъ нерѣдко является такъ называемая *наводка* или насильственные поступки на самомъ судѣ. Это явленіе, вѣроятно, развилось изъ древняго обычая, по которому на помощь или на „пособье" тяжущимся сторонамъ добровольно приходили въ судъ ихъ товарищи по концу, улицѣ, сотнѣ или ряду и свидѣтельствовали въ ихъ пользу. Теперь же какой-нибудь богатый, сильный отвѣтчикъ набиралъ пріятелей или просто подкупленныхъ сорванцовъ, которые являлись цѣлою толпою, шумѣли, кричали, мѣшали судебному разбирательству, а иногда заводили драку и разгоняли самый судъ („сбивали судей съ суда") или силою не допускали стороны до поля, т.-е до судебнаго поединка. Новогородская судная грамота въ особенности вооружается противъ такихъ насилій и назначаетъ самыя большія пени какъ за „наѣздъ" или „грабежъ" спорной земли, такъ и за „навод-

ку". Въ обоихъ этихъ случаяхъ установлена пеня съ боярина по 50 рублей, съ житьяго человѣка по 20, а съ молодшаго по 10. Грамота однако не отмѣняетъ вполнѣ помянутый древній обычай, а старается его ограничить, установляя, чтобы для каждой тяжущейся стороны „на пособье" къ суду и разсказу (или докладу) могли приходить „ятцы" (пособники) не болѣе какъ два человѣка отъ конца, улицы, сотни или ряду.

Наиболѣе полнымъ и развитымъ актомъ законодательства въ данную эпоху является судная грамота Псковская. Она возникла около половины XIV вѣка, когда Псковъ окончательно отдѣлился отъ Новгорода и образовалъ самостоятельную общину. Первая уставная грамота для Пскова, повидимому, была написана въ то время, когда здѣсь княжилъ Александръ Михайловичъ Тверской. Второй подобный уставъ данъ Псковичамъ братомъ Василія Дмитріевича Московскаго Константиномъ, который княжилъ здѣсь въ началѣ XV вѣка. Эти два устава, сведенные вмѣстѣ и дополненные позднѣйшими приписками, и составили такъ называемую Псковскую судную грамоту, утвержденную вѣчемъ въ 1467 году, т.-е. уже въ эпоху Московской зависимости. Сія грамота не только опредѣляетъ устройство и порядокъ суда, но въ то же время заключаетъ въ себѣ довольно подробный сводъ гражданскихъ законовъ въ отношеніи правъ семейныхъ и имущественныхъ, возникающихъ какъ изъ наслѣдства и купли, такъ и изъ разнаго рода договоровъ и обязательствъ. Имѣя въ основѣ своей древнюю Русскую Правду, Псковская судная грамота представляетъ дальнѣйшее ея развитіе, сообразное съ историческимъ теченіемъ народной жизни. Она даетъ наглядное понятіе о той высшей степени гражданственности, на которой стояла Псковская община сравнительно съ другими современными ей Русскими землями.

Судъ въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, производился совмѣстно посадникомъ и княземъ. Мѣстомъ суда былъ княжескій дворъ. Но князь обыкновенно участвовалъ въ судѣ чрезъ своихъ намѣстниковъ и тіуновъ; а посадниковъ также иногда замѣняли, особенно въ областяхъ, сотскіе, волостели и старосты, губскіе и пригородскіе. Какъ въ Новгородѣ, тѣ же судьи, которые начали судъ, должны его и кончать. Низшіе судебные чиновники, развозившіе призывъ къ суду и приводившіе въ исполненіе приговоры, тѣ же что и въ Новгородѣ, т.-е. княжіе дворяне, подвойскіе и разные приставы, какъ княжіе, такъ и псковскіе, которые постоянно должны дѣйствовать совмѣстно.

При разъѣздахъ имъ полагается пошлинъ или прогоновъ по одной деньгѣ съ 10 верстъ. (Тутъ сказывается небольшой объемъ земли сравнительно съ Новгородской, гдѣ прогоны разсчитывались по сотнѣ верстъ). Упоминается также особый судъ церковный или владычняго намѣстника, съ точнымъ опредѣленіемъ, что ему подлежатъ попы, дьяконы, монахи, монахини и просвирни. Въ случаѣ тяжбы міряниня съ церковнымъ человѣкомъ, судъ имъ долженъ быть общій, т.-е. князь и посадникъ (или ихъ замѣстители) судятъ вмѣстѣ съ владычнимъ намѣстникомъ. Грамота запрещаетъ постороннимъ лицамъ приходить въ судебню и помогать тяжущимся сторонамъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, глухихъ, монаховъ и женщинъ, которые могли имѣть пособниковъ. Если же кто силою ворвется въ судебню или ударитъ кого изъ „подверниковъ“ (сторожей), того должно посадить въ „дыбу“ (колодку) и взять съ него пени въ пользу князя рубль, а въ пользу подверниковъ 10 денегъ. Слѣдовательно, и во Псковѣ мы находимъ подобіе новогородской „наводки“, но очевидно не въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ.

Въ тяжбахъ, за неимѣніемъ письменныхъ доказательствъ, допускаются свидѣтели изъ „стороннихъ людей“. Особенность псковскаго судоустройства составляетъ *послухъ* или очевидецъ, свидѣтельство котораго требовалось въ дѣлахъ о грабежѣ и дракѣ. Онъ долженъ былъ подтвердить свое показаніе или присягою или полемъ (судебнымъ поединкомъ). Въ послѣднемъ случаѣ послуху не дозволяется выставить за себя наймита, тогда какъ противникъ его, если былъ попъ, монахъ, или старикъ, или увѣчный человѣкъ, то могъ на поединокъ выставить за себя наемнаго бойца. Поле допускается еще въ спорахъ о землѣ, о закладѣ (при займахъ), въ спорахъ съ *сябрами*. (Такъ назывались сосѣди, владѣвшіе землей сообща, или члены какой-либо артели). Поле дозволялось даже женщинѣ, но только противъ женщины. За проступки, слѣдуя древней Русской Правдѣ, назначаются денежныя пени, даже за такіе, какъ „разбой“ и „находъ“ (соотвѣтствующій новгородскому „наѣзду“). Но были и преступленія, которыя наказывались смертію; таковы: татьба коневая и кромская (кража въ Крому или псковскомъ Кремлѣ), поджогъ и перевѣтъ (государственная измѣна); кража на посадѣ, учиненная въ третій разъ, также наказывается смертію.

Довольно подробная обработка разнаго рода займовъ по „доскамъ“ и записямъ, съ закладомъ движимаго или недвижимаго имущества, съ поручительствомъ и безъ онаго, указываетъ на значительно разви-

тыя денежныя и торговыя сдѣлки. Грамота не назначаетъ высшаго размѣра процентовъ или, какъ она выражается, „гостинца". Вообще въ противуположность Русской Правдѣ, которая узаконяла весьма высокіе проценты, Псковская грамота стѣсняетъ ихъ разными условіями и требуетъ, чтобы они были точно обозначены въ записи. Она позволяетъ давать въ займы безъ заклада и безъ записи не свыше рубля; а кто будетъ искать судомъ долгъ болѣе рубля только по однѣмъ доскамъ, т.-е. по отмѣткамъ, вырѣзаннымъ на деревянныхъ дощечкахъ, тому въ искѣ отказывается. Грамота также довольно полно опредѣляетъ имущественныя и денежныя отношенія съемщиковъ или арендаторовъ земель и угодій къ своему хозяину или, какъ она выражается, „государю". Эти съемщики назывались: „изорникъ", арендаторъ пахатной земли, „огородникъ"—огородной и „кочетникъ", содержатель „исада", т.-е. рыбной ловли. Какъ для отказа хозяина арендатору, такъ и для отказа послѣдняго хозяину назначенъ одинъ срокъ въ году, о Филипповѣ заговѣньи, слѣдовательно, по совершенномъ окончаніи работъ. Значительно развитое понятіе о собственности выразилось особенно въ статьяхъ о наслѣдствѣ. Собственникъ могъ даже помимо родственниковъ кому угодно отказать свое имущество въ духовномъ завѣщаніи или—какъ оно здѣсь называется—„рукописаніи". Наиболѣе дѣйствительнымъ считалось то завѣщаніе, копія съ котораго вносилась въ „ларь" Троицкаго собора. Если умершій не оставилъ духовнаго завѣщанія, то наслѣдство его переходило къ законнымъ наслѣдникамъ или родственникамъ (къ его „племени"), изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ нисходящіе, а потомъ восходящіе и даже боковые. Любопытно однако то, что сынъ, который выдѣлился изъ семьи при жизни родителей и не кормилъ ихъ до ихъ смерти, не участвуетъ въ раздѣлѣ. Дѣти, не отдѣленные прежде, по смерти отца владѣли имуществомъ вмѣстѣ съ матерью. Но вообще Псковская судная грамота не покровительствуетъ совмѣстному владѣнію имуществомъ, и при всякомъ спорѣ между братьями предписываетъ произвести раздѣлъ. Относительно имущественныхъ правъ женщины, эта грамота представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ Русскою Правдою. Право дочерей наслѣдовать родителямъ, если не осталось сына, это право во Псковѣ распространено уже на всѣ свободные классы населенія, а не составляетъ привилегіи одного дружиннаго сословія. Изъ движимаго имущества женщина, даже при мужескихъ наслѣдникахъ, могла получать нѣкоторую часть, напримѣръ, приданое своей умершей родственницы, состоявшее изъ платьевъ и

разныхъ женскихъ уборовъ. Наконецъ, супруги наслѣдуютъ другъ другу, если не вступятъ въ новый бракъ.

Какъ приведенные нами, такъ и всѣ другіе дошедшіе до насъ законодательные и судебные памятники Руси того времени показываютъ, что самое отправленіе суда еще мало измѣнилось сравнительно съ эпохою Русской Правды. Судопроизводство попрежнему остается устное и гласное. На судѣ присутствуютъ „добрые“ или „лучшіе“ мужи, извѣстные также подъ именемъ „судныхъ мужей“ (родъ присяжныхъ засѣдателей). Судебныя доказательства, при отсутствіи письменныхъ актовъ, являются тѣ же, что и прежде, т.-е. свидѣтели и присяга. Объ испытаніи раскаленнымъ желѣзомъ и водою болѣе не упоминается. За то почти во всѣхъ краяхъ Руси продолжали употреблять судебные поединки или *поле*. Законодательство старается по возможности ограничить и смягчить этотъ видъ Божьяго суда, какъ то замѣтно особенно изъ Псковской судной грамоты. Для сего точнѣе опредѣляются случаи, когда дозволяется поле; допускаются наймиты или наемные бойцы для людей слабыхъ или неспособныхъ къ бою; вообще видно стараніе уравновѣсить силы противниковъ и притомъ избѣгать смертныхъ случаевъ. Противники должны имѣть на себѣ доспѣхи, т.-е. желѣзные латы и шишаки, и сражаться одинаковымъ оружіемъ (большею частію ослопами или дубинами). Если кто былъ убитъ на поединкѣ, то его противникъ получалъ только доспѣхъ убитаго и лишался всякаго другого удовлетворенія; слѣдовательно, въ искахъ, т.-е. въ большей части случаевъ, было прямое побужденіе щадить жизнь своего противника. Далѣе обычное наказаніе осужденнаго попрежнему заключается въ платежѣ пени и разныхъ судебныхъ пошлинъ *(продажа)*. Только въ немногихъ случаяхъ допускается смертная казнь. По произнесеніи приговора оправданной сторонѣ выдавалась *судная* или *правая* грамота, въ которой обыкновенно излагался весь ходъ дѣла и происходившее при его разбирательствѣ судоговореніе. Въ княжескихъ областяхъ того времени можно различить собственно двѣ судебныя инстанціи: если дѣло не разсматривалось прямо самимъ княземъ, то оно послѣ намѣстничьяго или тіунскаго суда могло восходить, какъ тогда называлось, на *докладъ* князю, который и рѣшалъ его окончательно, въ качествѣ верховной власти. О судебныхъ пыткахъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ (кнутомъ) свободныхъ людей на Руси законодательные памятники еще не упоминаютъ. Однако, по нѣкоторымъ даннымъ, несомнѣнно, что тѣ и другія уже употреблялись, по крайней мѣрѣ къ концу этого періода.

Вмѣстѣ съ установленіемъ смертной казни и клейменія воровъ онѣ свидѣтельствуютъ съ одной стороны о продолжавшемся вліяніи византійскаго законодательства, съ другой о начавшемся воздѣйствіи татарскихъ нравовъ ([83]).

Сельское хозяйство, т.-е. земледѣліе, скотоводство, рыболовство, бортничество и т. п., продолжало существовать на Руси въ XIV и XV вв. почти въ томъ же видѣ какъ и въ эпоху предыдущую. Но погромы татарскіе, конечно, принесли ему огромный ущербъ. Многіе прежде довольно цвѣтущія южнорусскія области и окраины запустѣли и обратились въ бѣдныя, малонаселенныя пространства или въ голыя степи. Изъ мѣстъ, подверженныхъ татарскимъ набѣгамъ, земледѣльческое населеніе отливало въ болѣе удаленныя сѣверныя области, гдѣ ему приходилось въ потѣ лица трудиться надъ обработкою малоплодородной почвы или снискивать себѣ пропитаніе другими промыслами. Дѣятельный, предпріимчивый характеръ Сѣверовосточной Руси или Великорусскаго племени въ ту эпоху сказался именно въ развитіи разныхъ промысловъ, особенно торговаго. Не только городъ, но и ни одно значительное селеніе было не мыслимо безъ торгу или торговой площади. На этой площади, кромѣ торговли, сосредоточивались и разныя дѣла, требующія гласности; напримѣръ, биричи и другіе низшіе чиновники здѣсь „кликали кличъ", когда нужно было объявить народу какое-либо распоряженіе властей, извѣстить о кражѣ для розысканія украденной вещи, и т. п. Здѣсь же начало совершаться наказаніе кнутомъ, которое поэтому получило названіе „торговой казни". Торговая площадь играла важную роль въ народной жизни; вмѣстѣ съ обмѣномъ товаровъ, съ куплею и продажею, здѣсь шелъ и обмѣнъ свѣдѣній и мыслей; это былъ главный источникъ и распространитель всякаго рода слуховъ, народной молвы вообще.

Великимъ обремененіемъ для внутренней торговли служили взимаемые съ товаровъ разнообразные пошлины и поборы, число которыхъ въ теченіе даннаго періода значительно возросло, вслѣдствіе постояннаго стремленія областныхъ князей увеличивать свои доходы. Одно только перечисленіе нѣкоторыхъ торговыхъ пошлинъ даетъ приблизительное понятіе объ этомъ бремени. Таковы: *мытъ* или пошлина на заставахъ, перевозахъ, мостахъ, взимаемая и съ воза, и съ ладьи; *побережное*, пошлина съ приставшихъ къ берегу судовъ; *костки*—съ торговыхъ людей, а не съ товаровъ; *явка*—съ людей и товаровъ, при-

бывшихъ на торгъ; *гостиное*— за помѣщеніе товара въ гостинномъ дворѣ; *тамга*, введенная Татарами, пошлина при продажѣ товара; *осмничее*, дополнительная къ тамгѣ плата также при сбытѣ товара; *помѣрное*—при отмѣриваніи товара, *вѣсчее*—при взвѣшиваніи, *пятно*—за наложеніе тавра на проданную или вымѣненную лошадь, и пр. Кто объѣзжалъ заставу, чтобы не заплатить пошлину, или уклонялся отъ платежа другимъ способомъ, съ того взыскивалась еще пеня, называемая *промытъ* или *протаможье*. Хотя отдѣльно взятыя эти пошлины были не высоки; но обременяли торговлю своею многочисленностію, а главное придирками и вымогательствами со стороны мытниковъ и таможенниковъ. Поэтому лучшіе пастыри церкви возставали иногда противъ мытовъ наравнѣ съ лихоиманіемъ или ростовщичествомъ, и лѣтописцы прославляютъ нѣкоторыхъ князей, напримѣръ Михаила Александровича Тверского, за то, что при немъ „истребились разбойники, тати, корчемники, *мытари* и *торговыя злыя тамги*".

Нѣкоторою сдержкою противъ умноженій торговыхъ пошлинъ служили и княжескіе договоры; при чемъ князья и вѣчевыя общины стараются своимъ купцамъ доставить вездѣ свободный проѣздъ и оградить ихъ отъ излишнихъ поборовъ въ другихъ княженіяхъ; а потому въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Тверью, Москвой и Литвой или Москвы съ Тверью и Рязанью почти постоянно встрѣчаемъ условія: „а мыты намъ держати старые пошлые, а новыхъ мытовъ намъ не замышлять, ни пошлинъ"; „а гостю гостити съ обѣихъ сторонъ, путь чистъ безъ рубежа".

Съ разореніемъ Кіева и опустошеніемъ Южной Руси, торговые центры и пути Восточной Европы нѣсколько измѣнились. Прекратилось движеніе большихъ русскихъ каравановъ по Днѣпру въ Черное море и Византію. За то нѣсколько оживился путь по Дону и нижней Волгѣ, по которому направилось движеніе европейско-азіатской торговли. Приазовская Тана сдѣлалась важнымъ складочнымъ мѣстомъ этой торговли. Выше, въ описаніи „хожденія митрополита Пимена въ Царьградъ", мы видѣли, что путешественники отъ Переславля Рязанскаго, т.-е. отъ средней Оки, ѣхали на югъ сухопутьемъ по Рязанской землѣ до верхняго Дона, и здѣсь они снова сѣли въ лодки (которыя везли за ними на колесахъ). Другое нѣсколько позднѣйшее извѣстіе (Герберштейна) указываетъ на городъ Данковъ, гдѣ купцы, отправляющіеся изъ Сѣверной Руси въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда: „что обыкновенно дѣлаютъ осенью въ дождливое время года, потому что въ другое время Танаисъ въ этихъ

мѣстахъ по мелководію не можетъ поднимать нагруженныхъ судовъ". Для мелкихъ судовъ былъ еще путь изъ Оки въ Донъ по системѣ ихъ притоковъ, Прони и Воронежа, съ небольшимъ волокомъ по Рясскому полю. Была также сухопутная торговая дорога отъ средней Оки до самаго Азова или Таны; при чемъ путники (по извѣстію того же Герберштейна) переправлялись черезъ Донъ у стариннаго и разореннаго города Данкова, и отсюда направлялись немного къ востоку. Но прямая дорога въ Азовъ и Кафу представляла большія опасности отъ степныхъ варваровъ; поэтому купцы дѣлали иногда объѣздъ на западъ по Литовскимъ владѣніямъ. Русскіе купцы, которые вели эту торговлю съ южными странами, назывались у насъ „сурожанами", по имени моря Сурожскаго (Азовскаго); они вывозили изъ Россіи дорогіе мѣха, а привозили шолковыя и бумажныя ткани итальянской и греческой работы.

Съ упадкомъ древнихъ торговыхъ городовъ Камской Болгаріи, главною посредницею между русскою и азіатскою торговлею въ эту эпоху была Золотая Орда; что влекло за собою значительное оживленіе судового Волжскаго пути. Русскіе князья съ своими боярами должны были часто ѣздить въ Орду и по долгу тамъ проживать; они привозили сюда свои дани, а увозили ханскіе ярлыки. Вслѣдъ за ними отправлялись и Русскіе купцы съ своими товарами для обмѣна ихъ на произведенія Средней Азіи; поэтому русскихъ торговцевъ всегда можно было встрѣтить какъ въ самомъ Сараѣ, такъ и въ другихъ прикаспійскихъ городахъ Золотой Орды (или собственно древней Хазаріи), каковы Астрахань, Маджары, Бездѣжъ. Кромѣ судового пути между этимъ краемъ и средней Россіей существовало также и сухопутное движеніе торговыхъ каравановъ, которые изъ Персіи, Бухаріи и Золотой Орды направлялись въ Москву. Постоянная опасность отъ кочевыхъ хищниковъ при переѣздѣ черезъ степи заставляла русскихъ и татарскихъ купцовъ не иначе отваживаться на это долгое путешествіе, какъ присоединяясь къ свитѣ какого-нибудь знатнаго посольства.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ пути сообщаетъ намъ венеціанецъ Амвросій Контарини, который въ семидесятыхъ годахъ XV вѣка ѣздилъ посломъ отъ Венеціанской республики къ персидскому шаху Узунъ-Гассану для заключенія союза противъ Оттоманскихъ Турокъ, въ видахъ спасенія отъ нихъ Кафы и вообще итальянскихъ колоній въ Крыму. Но на обратномъ пути изъ Персіи Контарини узналъ, что Кафа уже взята Турками. Тогда онъ не поѣхалъ Чернымъ моремъ на Крымъ; а изъ Грузіи направился въ Шемаху и Дербентъ, откуда

Каспійскимъ моремъ прибылъ въ Астрахань, намѣреваясь воротиться въ отечество черезъ Россію и Польшу. Въ то время изъ Персіи возвращался посолъ великаго князя Ивана III въ сопровожденіи персидскаго посла. Контарини присоединился къ свитѣ московскаго посла, котораго онъ называетъ Марко Россо. Въ Астрахани всѣ они дождались случая, когда могли отправиться въ Москву вмѣстѣ съ Татарскимъ посольствомъ и купеческимъ караваномъ. „Ежегодно государь Цитраканскій, именуемый Касимомъ,—пишетъ Контарини—отправляетъ посла своего въ Великому князю не столько для дѣлъ, сколько для полученія подарковъ. Этому послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ татарскихъ купцовъ съ Джедскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они промѣниваютъ на мѣха, сѣдла, мечи и иныя необходимыя для нихъ вещи“. Караванъ, съ которымъ путешествовалъ Венеціанецъ, состоялъ изъ 300 человѣкъ Русскихъ и Татаръ; послѣдніе имѣли при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей для прокормленія своего на пути и для продажи въ Россіи. На сей разъ путешествіе вдоль береговъ нижней Волги было особенно опасно по той причинѣ, что Касимъ-ханъ находился въ войнѣ съ своимъ дядею, ханомъ Золотой Орды. Переправясь на правый берегъ Волги, пройдя узкое мѣсто между этой рѣкой и Дономъ и вступивъ въ широкое степное пространство, караванъ уже менѣе опасался татарскихъ хищниковъ.

Съ большими лишеніями и трудностями путники достигли Рязанской земли, гдѣ могли вздохнуть свободнѣе. Они миновали Переяславль Рязанскій, Коломну и наконецъ прибыли въ Москву. Кромѣ восточныхъ купцовъ, въ этотъ городъ, по замѣчанію Контарини, зимою съѣзжается много купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки мѣховъ. Онъ говоритъ о чрезвычайной дешевизнѣ въ Москвѣ хлѣба, мяса, куръ, гусей, зайцевъ, рыбы и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Особенно любопытнымъ показался ему зимній рынокъ, который устраивался на льду Москвы-рѣки, гдѣ между разными сельскими произведеніями, привозимыми изъ окрестной области, бросалось въ глаза огромное количество битыхъ, замороженныхъ свиней и рогатаго скота. На томъ же льду происходили конскіе бѣги и другія увеселенія; но въ этихъ игрищахъ участники нерѣдко ломаютъ себѣ шеи (конечно, рѣчь идетъ о кулачныхъ бояхъ). Москвитяне, мужчины и женщины, по замѣчанію того же путешественника, вообще красивы, но грубы и невѣжественны. Ему понравился также мѣстный напитокъ, приготовляемый изъ хмѣля и меду; жители къ нему очень пристрастны. Объ

ихъ нравахъ онъ говоритъ: „Утро до полудня проводятъ они на рынкѣ; а потомъ отправляются въ харчевню ѣсть и пить, такъ что вечеромъ никакой уже услуги ожидать отъ нихъ нельзя“. Конечно подобныя фразы отзываются слишкомъ поверхностнымъ наблюденіемъ и относятся къ его случайной прислугѣ. Вообще же изъ записокъ Венеціанскаго путешественника можно заключить, что коренной Русскій народъ представляется ему даровитымъ, крѣпкимъ племенемъ и что Москва уже тогда отличалась своимъ торговымъ, промышленнымъ характеромъ. По его же словамъ, она сбывала татарскимъ народамъ сѣдла и оружіе собственнаго издѣлія. А извѣстія иныхъ источниковъ о такъ наз. „суконникахъ“ или Московской суконной сотнѣ указываютъ на издавна существовавшую здѣсь выдѣлку шерстяныхъ тканей.

Другимъ торговымъ средоточіемъ Сѣверной Руси оставался въ тѣ времена Великій Новгородъ.

Важное значеніе сего послѣдняго въ русской внѣшней торговлѣ основывалось на его посредничествѣ между Восточной Европой и Западной, преимущественно на его торговыхъ связяхъ съ знаменитымъ Ганзейскимъ Союзомъ. Съ XIII вѣка, т.-е. съ самаго своего возникновенія, нѣмецкая Ганза имѣла здѣсь одну изъ главныхъ своихъ конторъ. Это было время дѣятельнаго распространенія нѣмецкой колонизаціи на Славяно-Балтійскомъ поморьѣ и замѣчательнаго развитія нѣмецкой торговли во всѣхъ Прибалтійскихъ странахъ. Въ самомъ городѣ Визби на островѣ Готландѣ нѣмецкіе колонисты и торговцы пріобрѣли положеніе, преобладающее надъ туземнымъ или скандинавскимъ элементомъ. А потомъ и въ Новгородѣ Великомъ Нѣмцы не только распространили и упрочили свой торговый дворъ, но и захватили въ свои руки сосѣдній дворъ Готскій или Варяжскій: около половины XIV вѣка этотъ дворъ ратманы Визби отдали внаймы Ганзѣ, и съ того времени онъ постоянно оставался во владѣніи Нѣмцевъ. Оба двора они соединили общею оградою; кромѣ того купили у Новгородцевъ еще нѣсколько кусковъ сосѣдней земли, и также застроили ее своими зданіями, гдѣ останавливалась часть нѣмецкихъ гостей, не помѣщавшихся внутри двора. Высшее управленіе Новогородско-Нѣмецкимъ дворомъ сосредоточивалось въ Любекѣ, который былъ главою Ганзейскаго союза; кромѣ того, сей дворъ получилъ свой особый уставъ или такъ наз. *скру*. По этой скрѣ, нѣмецкіе гости не имѣли права постояннаго пребыванія въ Новгородѣ, а раздѣлялись на зимнихъ и лѣтнихъ, кромѣ того на сухопутныхъ и морскихъ (смотря потому, какимъ путемъ прибыли въ Новгородъ). Скра опредѣляетъ

взаимныя отношенія хозяевъ товара, ихъ приказчиковъ и прислуги, опредѣляетъ количество товара, которое могъ привести одинъ купецъ (не болѣе какъ на 1000 марокъ). Для завѣдыванія дворомъ (и храмомъ св. Петра) назначался особый старшина или ольдерманъ. Торговля двора съ Русскими обставлена разными ограниченіями, основанными на началахъ недовѣрія; напримѣръ, запрещалось Нѣмцу торговать съ Русскимъ въ кредитъ, вступать съ нимъ въ компанію, брать его товаръ на комиссію или для доставки въ какой-нибудь нѣмецкій городъ. Внутри двора гости обязаны были соблюдать тишину и порядокъ, и держать по очереди стражу. Ольдерманъ двора былъ облеченъ такою властію, что могъ его обитателя, совершившаго важное преступленіе, даже наказывать смертію. Противъ мѣстнаго населенія принимались всѣ мѣры предосторожности; такъ что, окруженный высокимъ заборомъ, охраняемый постоянно стражею, а ночью кромѣ того спущенными съ цѣпи собаками, Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ походилъ на укрѣпленный лагерь или маленькую крѣпостцу посреди непріятелей.

Въ этой торговлѣ Новгородцевъ съ Ганзейцами не мало было жалобъ съ той и другой стороны на недобросовѣстность, порчу и подделку товаровъ. Напримѣръ, главный предметъ привоза составляли сукна, фландрскія, англійскія, нѣмецкія и польскія; особенно въ модѣ были цвѣтныя сукна ипскія (собственно ипрскія) разныхъ сортовъ; ганзейцы иногда привозили не настоящіе сорта, а поддѣльные подъ нихъ, или въ кусокъ закладывали сукно другого, худшаго, качества и даже другого цвѣта, или кусокъ оказывался слишкомъ коротокъ. Вина, преимущественно красныя, составляли другую важную статью нѣмецкаго привоза; Новогородцы жаловались также на случавшіяся поддѣлки вина и разбавку его водою; жаловались еще, что мѣшки съ привозною солью не имѣли иногда узаконеннаго вѣса, серебряные слитки внутри заключали фальшивое серебро, и пр. Съ своей стороны Ганзейцы поднимали жалобы на покупаемый ими въ Новгородѣ воскъ, къ которому иногда подмѣшивались сало, смола, мука, песокъ и тому подобныя вещества, а также на поддѣлку мѣховъ и кожъ подъ высшіе сорта и пр. Иногда съ той или съ другой стороны происходили разныя обиды, драки, грабежи и даже убійства, доводившіе до открытаго разрыва Новгородъ (и Псковъ) съ Ганзейскими городами, т.-е. до ареста гостей и временнаго прекращенія торговыхъ сношеній. Такой перерывъ обыкновенно кончался составленіемъ новыхъ договорныхъ грамотъ и новою обоюдною присягою на ихъ сохраненіи. Въ подоб-

ныхъ случаяхъ роль миротворца нерѣдко принималъ на себя новгородскій владыка; оба архіепископа Евфимія, I-й и II-й, болѣе другихъ стяжали себѣ между Нѣмцами извѣстность ихъ покровителей и защитниковъ. Нужно замѣтить, что владыки новгородскіе, надзирая за торговыми вѣсами и мѣрами и сбывая Нѣмцамъ сырыя произведенія своихъ волостей, получали значительную выгоду отъ этой торговли, и казна ихъ была богата нѣмецкими сукнами и золотыми монетами.

Кромѣ Новгорода въ торговлѣ съ Ганзою, и преимущественно съ ближайшими ея членами, съ Ливонскими городами Ригой, Дерптомъ, Ревелемъ и пр., дѣятельное участіе принимали Псковъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ. Вообще торговля Сѣверозападной Россіи съ Нѣмцами имѣла значительные размѣры и велась въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Казалось бы, эта торговля могла служить широкимъ проводникомъ европейской образованности въ древнюю Русь и отразиться на многихъ сторонахъ ея жизни. Въ дѣйствительности ея вліяніе на наше развитіе было довольно слабое. Нѣмецкіе купцы хлопотали только о наживѣ и старались захватить въ свои руки всю внѣшнюю торговлю Сѣверозападной Россіи съ Европою. Дѣйствуя сильнымъ организованнымъ союзомъ противъ разъединенныхъ русскихъ городовъ, они легко достигали своихъ цѣлей. Они недружелюбно относились къ поѣздкамъ самихъ русскихъ купцовъ за море, и старались имъ препятствовать. Это обстоятельство было одною изъ причинъ, почему Новгородъ не развилъ своего собственнаго торговаго флота.

Съ своей стороны и Новгородцы, чувствуя эгоистичныя стремленія Нѣмцевъ, относились къ нимъ недовѣрчиво; позволяя имъ вести только оптовую торговлю и устраняя отъ розничной, они поддерживали то отчужденіе, въ которомъ находились нѣмецкіе гости посреди туземнаго населенія. Наконецъ, стараніе Нѣмцевъ при всякомъ удобномъ случаѣ дѣйствовать подкупомъ на мѣстныя власти и боярство Великаго Новгорода имѣло свою долю неблагопріятнаго вліянія на политическіе нравы этой общины. Культурное же вліяніе нѣмецкое въ Новгородѣ, конечно, отразилось на домашей утвари, каменныхъ постройкахъ, на торговыхъ пріемахъ, на орудіяхъ вѣса и мѣры, т.-е. на монетной системѣ, и т. п.

Относительно вѣса и мѣры, употребляемыхъ въ русской торговлѣ, укажемъ на слѣдующія единицы. Самою употребительною единицею вѣса на Руси издревле былъ *пудъ*, который заключалъ въ себѣ прибли-

зительно сорокъ *гривенъ*. (Гривна впослѣдствіи стала называться нѣмецкимъ словомъ *фунтъ*). Впрочемъ, въ торговлѣ по разнымъ областямъ различались „большой пудъ“ и просто пудъ, гривна и „гривенка“. Высшею единицею вѣса былъ *берковецъ,* заключавшій въ себѣ десять пудовъ. Упоминаются еще *контаръ*, приблизительно два съ половиною пуда, *безмѣнъ*, въ Западной Россіи составлявшій около 10 фунтовъ, и *капь*—приблизительно четыре пуда, напримѣръ, „капь воску“.

Наиболѣе употребительною единицею мѣры въ данную эпоху была *зобня* или *зобница;* она составляла „осьмину“ или осьмую часть „бочки“ (иначе „кади“ или „окова“). А такъ наз. *четверть* составляла четвертую часть бочки, слѣдовательно равнялась двумъ зобницамъ; другимъ названіемъ четверти повидимому была *коробья*. Ползобницы называлась „кадка“, а полкадки „четвертка“ (т.-е. четвертая часть зобницы). Для сыпучихъ тѣлъ упоминается еще въ Сѣверной Россіи *пузо*, напримѣръ пузо ржи, соли и т. п.

Хотя мѣха попрежнему продолжали служить средствомъ для купли и заработной платы, однако развитіе русской торговли вело за собою и развитіе монетной системы. Въ этотъ періодъ крупною единицею звонкой монеты выступаетъ серебряный *рубль*. Какъ и самое названіе его показываетъ, онъ произошелъ изъ серебрянаго слитка или изъ прежней гривны, разрубленной пополамъ; слѣдовательно, первоначально онъ составлялъ полгривны и представлялъ кусокъ серебра вѣсомъ приблизительно въ 24 золотника. Впрочемъ, вѣсъ его разнообразился по времени и различнымъ областямъ. Въ свою очередь, рубль, разсѣченный вдоль, давалъ двѣ *полтины*. Мелкая или размѣнная серебряная монета получила татарское названіе *деньга*; а потомъ слово „деньги“ сдѣлалось общимъ названіемъ для всѣхъ монетъ. Другое, заимствованное у Татаръ названіе, было *алтынъ*, которое означало впрочемъ не столько монету, сколько извѣстный денежный счетъ; онъ собственно равнялся тремъ деньгамъ. Обыкновенно сто серебряныхъ денегъ должно было по цѣнности составлять одинъ рубль. Но по недобросовѣстности серебрениковъ (приготовлявшихъ монету) или по другимъ обстоятельствамъ, она дѣлалась иногда очень легковѣсною; такъ что въ Москвѣ въ XV вѣкѣ на рубль приходилось 200 и болѣе *денежекъ*. Вотъ почему „новогородки“ (т.-е. новогородскія серебряныя деньги) въ концѣ этого періода стоили вдвое болѣе „московокъ“. Мѣдная размѣнная монета называлась вообще *пуло*.

Каждое самостоятельное княженіе било свою размѣнную монету, серебряную и мѣдную. Въ значительномъ количествѣ дошедшія до насъ деньги этого времени обыкновенно представляютъ маленькіе, тонкіе, неправильные кружки и овалы съ грубо оттиснутыми надписями и весьма различными изображеніями. Деньги московскія, наиболѣе распространенныя, имѣемъ начиная съ великаго князя Ивана II Ивановича. На нихъ оттиснуты изображенія вооруженныхъ людей пѣшихъ и конныхъ, драконовъ, грифоновъ, животныхъ, птицъ и пр. На этихъ московскихъ монетахъ находимъ надписи съ обозначеніемъ имени великаго князя, иногда съ прибавленіемъ „всея Руси“, иногда еще слова „деньга московская“ (или „пуло московское“). Кромѣ того, на многихъ серебряныхъ деньгахъ встрѣчаются еще изображеніе татарской тамги и арабская надпись съ именемъ золотоордынскаго хана; такія надписи дѣлались, вѣроятно, по требованію хановъ въ знакъ данническихъ отношеній. Онѣ попадаются особенно часто во время Тохтамыша на монетахъ Димитрія Ивановича и Василія Дмитріевича; но потомъ эти арабско-татарскія надписи постепенно исчезаютъ. Деньги и пулы князей Рязанскихъ и Тверскихъ, подобно Московскимъ, также имѣютъ различныя изображенія и надписи съ именами князей.

Что касается до Новгорода Великаго и Пскова, то отъ нихъ за время самобытности дошло до насъ не мало серебряныхъ слитковъ или рублей, но довольно незначительное количество денегъ и пулъ. Дѣло въ томъ, что въ эти города, благодаря постоянной внѣшней торговлѣ, въ большомъ количествѣ приливала монета иностранная, какъ серебряная, такъ и золотая, каковы шведскіе артиги, любскіе шиллинги, нѣмецкія серебряныя марки, золотые корабленики (англійскіе, съ изображеніемъ корабля) и золотые угорскіе. При посѣщеніи Новгорода Иваномъ III въ 1475 году владыка и бояре подносили ему въ подарокъ по сотнѣ и по нѣскольку сотъ золотыхъ корабрениковъ; изъ чего видно, въ какомъ количествѣ накоплялись они въ сундукахъ новогородскихъ богачей.

Различныя изображенія на русскихъ деньгахъ и пулахъ, надобно полагать, суть не что иное какъ печати; въ древней Руси не только князья имѣли каждый особое изображеніе на своей печати, но также бояре, лица духовныя и лица незнатныя. Эти печати въ большомъ количествѣ дошли до насъ, привѣшенныя къ грамотамъ и актамъ того времени, иногда металлическія (серебряныя и особенно свинцовыя), но большею частію восковыя. Князья, подобно епископамъ, иногда

для печати употребляли изображеніе святого ихъ имени, а иногда помянутыя выше различныя фигуры людей и животныхъ. Между прочимъ, во время Василія Темнаго на московскихъ монетахъ и печатяхъ чаще стало появляться изображеніе всадника, поражающаго копьемъ змія. Этотъ всадникъ съ копьемъ почитается за Георгія Побѣдоносца и вмѣстѣ съ тѣмъ за гербъ великаго княженія Московскаго. Тогда какъ всадникъ съ поднятымъ мечомъ по премуществу усвоивается гербу великаго княженія Литовскаго. Гербомъ Новгорода и Пскова, судя по монетамъ и печатямъ при грамотахъ, служило изображеніе бѣгущаго въ полѣ барса ([85]).

X.

ЦЕРКОВЬ И КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ТУ ЖЕ ЭПОХУ.

Русскіе іерархи.—Кормчая книга.—Ханскіе ярлыки.—Церковное землевладѣніе.—Размноженіе монастырей.—Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ.—Кириллъ Бѣлозерскій.—Бытъ и характеръ монастырей.—Сказанія о Щиловой и Колоцкой обители.—Стефанъ Пермскій.—Легенда о земномъ раѣ.—Ересь Стригольниковъ и борьба съ нею.—Сугубая аллилуія.—Суевѣрія и грубость нравовъ.—Упадокъ просвѣщенія и малограмотность священниковъ.—Выдающіеся церковные писатели.—Кипріанъ и вліяніе югославянское.—Житія Святыхъ.—Епифаній и Пахомій Сербъ.—Умильныя повѣсти и Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ.—Новогородскія легенды.—Записки Русскихъ путешественниковъ. — Литература переводная.—Рукописные сборники.—Апокрифы.—Заговоры и гаданія.—Лѣтописи.—Ихъ государственное значеніе.—Миньятюры.—Иконопись.—Андрей Рублевъ.—Храмовое зодчество.—Саккосъ митроп. Фотія.

Изъ всѣхъ сторонъ древней Русской гражданственности въ тяжкую эпоху Татарскаго ига наибольшую твердость и устойчивость оказала Православная церковь, вѣрно хранившая главные уставы и преданія прежнихъ временъ. Число русскихъ епархій умножилось (до восемнадцати) какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ раздѣленій, такъ и вслѣдствіе распространенія самого христіанства; являются новыя епархіи: Холмская, Луцкая, Тверская, Коломенская, Сарайская, Пермская и нѣкоторыя другія. Постепенное политическое распаденіе Руси на Сѣверовосточную или Московскую и Югозападную или Литовскую, какъ извѣстно, сопровождалось со стороны послѣдней рядомъ попытокъ къ раздѣленію Русской митрополіи также на двѣ отдѣльныя каѳедры, и эти попытки наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Относительно самихъ митрополитовъ совершается важная перемѣна: съ переселеніемъ ихъ изъ Кіева во Владиміръ и Москву, вмѣсто Грековъ или южныхъ Сла

вянъ, чаще и чаще восходятъ на митрополичью каѳедру іерархи изъ природныхъ Русскихъ. На епархіальныхъ или епископскихъ каѳедрахъ Греки встрѣчаются уже довольно рѣдко. Такая перемѣна не мало способствовала тому, что православіе все болѣе и болѣе входило въ плоть и кровь Русскаго народа и получало характеръ церкви вполнѣ національной. А въ концѣ этого періода, съ паденіемъ Византіи и водвореніемъ на ея мѣстѣ Турецкой державы, устраняются прежнія подчиненныя отношенія Русской іерархіи къ Цареградскому патріархату; прекратились поѣздки туда митрополитовъ для своего поставленія; наша іерархія пріобрѣтаетъ почти полную внѣшнюю независимость, сохраняя однако неразрывныя каноническія связи съ церквами Греческаго Востока. Вообще эта внѣшняя независимость пришла въ то время, когда Русская церковь уже настолько проникласъ уставами и преданіями Греческаго православія, что никакіе политическіе перевороты и бури не могли поколебать ея основъ.

Вмѣстѣ съ внѣшнею независимостію нашей іерархіи однако усиливаются въ эту эпоху ея подчиненныя отношенія къ власти государственной или великокняжеской, и только архіереи, отличавшіеся особыми дарованіями и твердымъ характеромъ, умѣли отстаивать достоинство своего сана отъ излишнихъ притязаній со стороны князей или говорить рѣзкую правду прямо имъ въ лицо.

По сему поводу приведемъ разсказъ о нѣкоемъ епископѣ Симеонѣ, относящійся впрочемъ къ первому періоду Татарскаго ига.

Однажды полоцкій князь Константинъ, прозваніемъ Безрукій, у себя на пиру, желая укорить своего тіуна, при всѣхъ спросилъ епископа: „владыко, гдѣ быть тіуну на томъ свѣтѣ?“ „Тамъ же гдѣ и князю“, — отвѣчалъ епископъ Симеонъ. Князь съ неудовольствіемъ возразилъ: „тіунъ судитъ неправо, беретъ мзду, продаетъ и мучитъ людей, дѣлаетъ всякое лихо, а я что дѣлаю?“ „Если князь добръ и богобоязненъ, жалѣетъ людей и любитъ правду,—сказалъ епископъ,— то онъ избираетъ тіуномъ или волостелемъ также мужа добраго и богобоязненнаго, исполненнаго страха Божія, разумнаго, правдиваго, творящаго судъ и все по закону Божію; тогда и князь будетъ въ раю, и тіунъ въ раю. Если же князь не имѣетъ страха Божія, христіанъ не жалѣетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовицахъ не заботится, то онъ поставляетъ тіуномъ или волостелемъ человѣка злого, Бога небоящагося, закона Божія невѣдующаго и суда неразумѣющаго: только бы князю доходы промышлялъ, а людей бы не щадилъ; точно бѣшеному человѣку дать мечь и пустить на людей, такъ и волость давать та-

кому человѣку на людскую пагубу; тогда и князь будетъ въ аду, и тіунъ съ нимъ тамъ же".

Во внутреннихъ своихъ дѣлахъ Русская церковь пользовалась установленнымъ издревле самоуправленіемъ и имѣла свой особый судъ на основаніи греческаго Номоканона или Кормчей книги. Конечно, не всѣ относящіеся къ церковному суду уставы византійскихъ императоровъ могли быть примѣняемы на Русской почвѣ. Поэтому, преимущественно съ XIV вѣка, появляются у насъ, подъ именемъ „Мѣрила праведнаго", церковно-юридическіе сборники, имѣвшіе практическое значеніе; въ нихъ вмѣстѣ съ русскими уставами помѣщались нѣкоторыя извлеченія изъ правилъ Отцовъ церкви и Византійскихъ законовъ. Въ русскихъ спискахъ Кормчей книги обыкновенно встрѣчается статья изъ греческаго гражданскаго законодательства, извѣстная подъ именемъ „Закона суднаго людямъ" или „Судебника царя Константина". Но статья эта несправедливо приписывалась Константину Великому; она есть извлеченіе („эклога" или „прохиронъ") изъ постановленій болѣе позднихъ императоровъ, преимущественно Василія Македонянина и его сына Льва Философа. Такія извлеченія изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи представляютъ несомнѣнную важность: они ясно указываютъ, что византійское право не только руководило русскимъ церковнымъ судомъ, но посредствомъ церкви вліяло также на наше гражданское судопроизводство и юридическія понятія вообще.

Привилегированное положеніе русскаго духовенства постоянно подтверждалось не только русскими князьями, но и самими поработителями Руси, золотоордынскими ханами. Такъ, до насъ дошло семь ханскихъ ярлыковъ или льготныхъ грамотъ, данныхъ русскимъ митрополитамъ отъ Кирилла II до св. Алексѣя включительно. Въ сущности эти ярлыки подтверждаютъ всѣ тѣ права и льготы, которыми духовенство издавна пользовалось, т.-е. право самоуправленія, своего собственнаго суда и свободы отъ разныхъ податей, повинностей и пошлинъ. Хотя наши іерархи выхлопатывали въ Ордѣ эти ярлыки съ помощію денежныхъ подарковъ и хотя, въ смутныя времена или при татарскихъ нашествіяхъ, духовенство и его имущество подвергались насилію и разоренію отъ варваровъ наравнѣ съ прочими жителями; но важно было то, что татарскіе ханы, неутратившіе своей вѣротерпимости даже послѣ принятія мусульманства, признавали за русскимъ духовенствомъ его высшее назначеніе и требовали его молитвъ за себя и за свое „племя".

Какъ древнерусскія области дѣлились на уѣзды и волости, такъ и епархіи въ свою очередь дѣлились на десятины, и начальники ихъ или „десятильники" помогали епископамъ въ дѣлахъ церковнаго управленія и суда. Въ каждой десятинѣ находился особый десятильный дворъ для ихъ жительства, для производства судныхъ дѣлъ и для пріѣзда епископовъ. Вообще внѣшняя обстановка церковной іерархіи на Руси во многомъ устроилась по образцу свѣтской. У епископовъ есть свои бояре и дѣти боярскіе, свои дворецкіе, стольники и чашники, свои волостели, посельскіе и тіуны; со своихъ судовъ они взимаютъ такія же пошлины, со своихъ населенныхъ земель такіе же оброки и повинности. Эта свѣтская обстановка главнымъ образомъ обусловилась тѣмъ, что духовенство древней Руси въ имущественномъ отношеніи сдѣлалось сословіемъ вполнѣ землевладѣльческимъ, благодаря постояннымъ и щедрымъ пожертвованіямъ земель и всякихъ угодій на поминъ души какъ отъ богатыхъ людей вообще, такъ въ особенности отъ князей и княгинь. Тѣ особыя льготы, которыя при пожалованіи земель боярамъ и вообще частнымъ лицамъ давались въ видѣ исключеній, для духовенства мало-по-малу сдѣлались почти общимъ правиломъ. Такъ, крестьяне, которыхъ перезоветъ на свои земли духовенство отъ другихъ владѣльцевъ, освобождались отъ всякихъ податей на нѣсколько лѣтъ; гражданскіе волостели, даньщики и другіе княжіе люди не имѣли права въѣзжать со своими требованіями въ околицу владычнихъ или монастырскихъ селъ; эти села обыкновенно избавлялись отъ всѣхъ княжихъ поборовъ и повинностей, за исключеніемъ ордынскаго выхода, подводной повинности и „городового дѣла", т.-е. постройки и поддержки городскихъ укрѣпленій. Наконецъ, духовенство получало право суда въ своихъ населенныхъ земляхъ, только за исключеніемъ самыхъ важныхъ преступленій, каковы душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ давалось право судить и эти преступленія. Вообще отъ древней Руси до насъ дошло огромное количество относящихся къ духовенству всякаго рода грамотъ, жалованныхъ, несудимыхъ, вкладныхъ, тарханныхъ и т. п.

Что наиболѣе характеризуетъ эпоху Татарскаго ига, особенно вторую ея половину, по отношенію къ Русской церкви—это замѣчательное распространеніе монастырской жизни въ Сѣверовосточной Россіи. Татарскіе погромы нанесли сокрушительные удары развитію матеріальнаго благосостоянія въ народѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раз-

витію мірской или свѣтской образованности. Усилились стремленія къ аскетизму и къ подвигамъ благочестія. Съ одной стороны энергичные характеры и пытливые умы, ища уединенія и полной свободы своимъ религіознымъ наклонностямъ, уходили въ глухія, лѣсныя мѣста (пустыни), и тамъ полагали начало новымъ обителямъ; съ другой люди, испытавшіе какія-либо несчастія, гонимые судьбою, искали тихаго пріюта за монастырскими стѣнами. Почитаніе и прославленіе нѣкоторыхъ монаховъ-подвижниковъ, въ свою очередь, возбуждали соревнованіе, и многихъ направляли на тотъ же путь. Князья, княгини, вообще знатные и богатые люди нерѣдко соревновали другъ другу въ основаніи новыхъ обителей или награжденіи ихъ селами и разными угодьями; что въ особенности способствовало распространенію и обезпеченію монастырскаго быта въ древней Россіи.

Въ Московскихъ областяхъ развитію пустынножительства болѣе всѣхъ содѣйствовалъ преподобный Сергій Радонежскій какъ личною своею дѣятельностью, такъ и посредствомъ своихъ учениковъ и послѣдователей. Выше мы указали нѣсколько монастырей, устроенныхъ или имъ самимъ, или его учениками. Укажемъ и еще нѣкоторые. Въ концѣ XIV вѣка близъ Звенигорода на горѣ Сторожѣ ученикомъ Сергія Саввою основанъ монастырь *Сторожевскій*, по желанію и при помощи удѣльнаго князя Звенигородскаго Юрія Дмитріевича (одного изъ сыновей Донского), который надѣлилъ обитель селами и угодьями. Современникъ и послѣдователь Сергія, Димитрій Прилуцкій основалъ близъ города Вологды при лукѣ или колѣнѣ рѣки Вологды монастырь, названный *Спасо-Прилуцкимъ*. Ученикъ Сергія Авраамій Галицкій или Чухломскій основалъ нѣсколько монастырей въ области сѣвернаго Галича; изъ нихъ *Успенскій* на берегу Галицкаго озера и *Покровскій* на берегу озера Чухломскаго въ одномъ чудскомъ городкѣ, языческихъ жителей котораго онъ при семъ обратилъ въ христіанство. Другой ученикъ Сергія Іаковъ въ той же Галицкой области близъ селенія Желѣзный Борокъ учредилъ монастырь *Предтеченскій Желѣзноборскій*, надѣленный землями и угодьями отъ великаго князя Василія Дмитріевича. Въ Бѣлозерскомъ краю возникли монастыри *Ѳерапонтовъ и Кирилловъ*, основанные постриженниками московской Симоновой обители, Ѳерапонтомъ и Кирилломъ.

Кириллъ Бѣлозерскій, послѣ Сергія Радонежскаго, занимаетъ самое видное мѣсто въ ряду подвижниковъ того времени.

Онъ назывался въ міру Козьма, былъ родственникъ извѣстной

боярской семьи Вельяминовыхъ и въ юности жилъ нѣкоторое время у окольничьяго Тимофея Васильевича Вельяминова. Онъ ушелъ въ Симоновскую обитель, здѣсь постригся и сталъ отличаться своимъ смиреніемъ и послушничествомъ; сначала трудился въ монастырской хлѣбопекарнѣ, потомъ въ поварнѣ. Преподобный Сергій, посѣщавшій своего племянника, Симоновскаго архимандрита Ѳеодора, любилъ бесѣдовать съ Кирилломъ, въ которомъ провидѣлъ будущаго славнаго подвижника. Когда Ѳеодоръ былъ поставленъ епископомъ въ Ростовъ, на его мѣсто братія выбрала Кирилла архимандритомъ (1390). Но близость столицы, посѣщенія князей и вельможъ были не по душѣ Кириллу, искавшему уединенія и безмолвія. Онъ покинулъ Симоново, и вмѣстѣ съ своимъ другомъ Ѳерапонтомъ удалился въ Бѣлозерскую область. Они отыскали одно пустынное мѣсто на берегу Сиверскаго озера, и выкопали себѣ землянку. Вскорѣ Ѳерапонтъ ушелъ на другое мѣсто, лежавшее верстъ за 15, между озерами, гдѣ основалъ свой монастырь. Межъ тѣмъ, нѣкоторые иноки Симонова монастыря, узнавъ, куда удалился Кириллъ, пришли къ нему; стали приходить и многіе изъ окрестной страны съ просьбою о постриженіи. Тогда Кириллъ построилъ храмъ въ честь Успенія Богоматери, и положилъ начало новой обители. Онъ далъ своимъ инокамъ весьма строгій общежительный уставъ, и самъ служилъ постояннымъ примѣромъ его точнаго исполненія. Житіе его говоритъ, что во время продожительныхъ богослуженій, онъ никогда не только не садился, но и къ стѣнѣ церковной не прислонялся, и ноги его были „подобно столпамъ". За общею монастырскою трапезою наблюдалось совершенное молчаніе, и слышался голосъ только одного чтеца. Послѣ умѣренной трапезы братія также молча расходилась по келліямъ, избѣгая всякихъ бесѣдъ; посѣщать другъ друга дозволялось только въ крайней нуждѣ. Въ кельѣ у себя никто не могъ держать ни особыхъ вещей, ни припасовъ; даже пить воду ходили въ трапезу. Кириллъ по тому времени былъ человѣкъ образованный; онъ много занимался чтеніемъ книгъ и списываніемъ ихъ, сочинялъ монастырскія правила, писалъ наставительныя посланія.

Слава о подвигахъ Кирилла была такъ велика, что князья и бояре обращались къ нему за совѣтами и просили его молитвъ, надѣляя его обитель дарами и вкладами. Преподобный благодарилъ за приношенія; но при этомъ твердымъ и даже строгимъ тономъ самихъ князей наставлялъ въ правилахъ добродѣтели. Такъ въ одномъ своемъ посланіи къ великому князю Василію Дмитріевичу онъ

поучаетъ его смиренію и справедливости. „Какъ на корабляхъ,—пишетъ Кириллъ—если ошибется наемный гребецъ, отъ того не большой вредъ плавателямъ; если самъ кормчій ошибется, то цѣлому кораблю грозитъ гибелью. Такъ и съ князьями: когда кто изъ бояръ согрѣшаетъ, то не всѣмъ людямъ творитъ напасть, а только себѣ; если же самъ князь грѣшитъ, то причиняетъ вредъ всѣмъ ему подвластнымъ“. При семъ преподобный увѣщеваетъ Великаго князя помириться съ князьями Суздальскими и оказать имъ справедливость, чтобы прекратить кровопролитіе. Въ другомъ посланіи, обращенномъ къ брату великаго князя Андрею Дмитріевичу Можайскому, въ удѣлѣ котораго находился и самый Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, преподобный распространяется особенно о праведномъ судѣ. „Ты властелинъ въ своей отчинѣ и поставленъ отъ Бога унимать людей отъ лихого обычая. Судъ бы, господине, творили праведно какъ предъ Богомъ; поклеповъ и подметовъ бы не было; судьи бы посуловъ неимали, а были бы довольны своими уроками“. „Чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было: отъ нея великая пагуба душамъ; христіане пропиваются, а души ихъ гибнутъ. Также, господине, и мытовъ бы у тебя не было; понеже то куны неправедныя; а гдѣ перевозъ, тамъ пусть взимаютъ за трудъ. Также разбоя и татьбы въ твоей бы отчинѣ не было; а не уймутся отъ своего злого дѣла, и ты вели ихъ наказывать“. Въ третьемъ посланіи, къ другому брату великаго князя, Юрію Дмитріевичу Звенигородскому, Кириллъ утѣшаетъ князя по случаю болѣзни его супруги и обѣщаетъ молиться за нее. „А что господине, князь Юрій, писалъ мнѣ грѣшному, что издавна жаждешь видѣться со мною, то ради Бога не дѣлай сего и не пріѣзжай къ намъ“. Преподобный боится въ такомъ случаѣ искушенія и лишней молвы въ людяхъ; онъ грозитъ уйти изъ монастыря, если князь вздумаетъ пріѣхать. Кириллъ управлялъ своимъ монастыремъ въ теченіе тридцати лѣтъ, и скончался, достигнувъ девяностолѣтняго возраста (въ 1427 г.).

Изъ другихъ замѣчательныхъ монастырей Сѣверной Руси, возникшихъ въ ту же эпоху, упомянемъ слѣдующіе:

Около Костромы въ первой половинѣ XIV вѣка основалась обитель *Ипатьевская*, строителемъ которой былъ ордынскій выходецъ мурза Четъ, принявшій крещеніе. Въ то же время въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода явился монастырь *Печерскій*, основанный Діонисіемъ, впослѣдствіи архіепископомъ Суздальскимъ. Изъ этого монастыря въ XIV вѣкѣ вышли иноки: Евфимій, устроитель *Спасъ-Евфиміевскаго*

монастыря въ Суздалѣ, и преподобный Макарій Унженскій. Макарій сначала устроилъ монастырь на правомъ берегу Волги въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Но, тяготясь почетомъ и похвалами себѣ отъ окрестныхъ жителей, онъ ушелъ далѣе на востокъ, и поселился на лѣвомъ берегу Волги, на такъ называемыхъ Желтыхъ водахъ, въ странѣ Черемисовъ, и здѣсь основалъ монастырь *Желтоводскій.* Сей послѣдній и возникшія около него селенія сдѣлались разсадниками христіанства и русской гражданственности посреди языческихъ инородцевъ. Но Желтоводская обитель разорена была въ конецъ Татарами Улу-Махмета во время ихъ набѣга (въ 1439 г.), и долгое время потомъ находилась въ запустѣніи. А преподобный Макарій, отпущенный изъ татарскаго плѣна, ушелъ на Унжу, и здѣсь въ глухомъ лѣсномъ краю основалъ другой монастырь, *Унженскій.* Въ Твери знаменитъ *Отрочъ* монастырь, возникшій въ XIII вѣкѣ. Съ его основаніемъ связалась слѣдующая романтическая легенда. Одинъ изъ отроковъ или дружинниковъ Тверского князя Ярослава Ярославича, по имени Григорій, помолвилъ за себя Ксенію, дочь сельскаго церковнослужителя. Женихъ и невѣста въ брачныхъ одеждахъ готовились уже идти въ храмъ для вѣнчанія, когда въ село пріѣхалъ князь Ярославъ. Увидя Ксенію, князь такъ плѣнился ею, что вмѣсто отрока самъ повелъ ее къ вѣнцу. Опечаленный Григорій удалился отъ міра, сдѣлался инокомъ, и въ окрестностяхъ Твери построилъ монастырь Успенскій, который будто бы по его прежнему званію и получилъ свое наименованіе „Отроча“. (Извѣстно однако, что вторая супруга Ярослава, Ксенія, была дочерью Новогородскаго боярина).

Особенно распространеніемъ монастырскаго строительства въ эту эпоху какъ и въ предыдущую отличалась земля Новогородская, гдѣ архіепископы, бояре и вообще богатые люди соревновали другъ другу въ основаніи новыхъ обителей. Изъ появившихся въ окрестностяхъ самого Новгорода назовемъ: *Деревяницкій* — Воскресенскій, *Волотовъ* — Успенскій и *Сковородскій* — Михайловскій, основанные архіепископомъ Моисеемъ въ XIV вѣкѣ. Въ числѣ окрестныхъ монастырей былъ и *Покровскій Щиловъ,* лежавшій на правомъ берегу Волхова, противъ знаменитой Юрьевой обители, основанный въ началѣ XIV вѣка монахомъ Олоніемъ (Леонтіемъ), по прозванію Щиломъ. Этотъ монастырь, самъ по себѣ ничѣмъ незамѣчательный, извѣстенъ собственно по слѣдующей легендѣ, связанной съ его основаніемъ. Былъ въ Великомъ Новѣгородѣ посадникъ Щилъ, который сильно разбогатѣлъ тѣмъ, что отдавалъ свои деньги въ ростъ. Въ старости онъ задумалъ

построить церковь и при ней монастырь; для чего взялъ благословеніе у новогородскаго владыки. Когда храмъ былъ уже готовъ и Щилъ просилъ архіепископа совершить освященіе, владыка, въ виду недоброй молвы о немъ, спросилъ, на какія деньги онъ построилъ церковь. Щилъ сознался, что на собранныя лихвою или ростовщичествомъ. Такое занятіе считалось въ древней Руси великимъ грѣхомъ и преслѣдовалось духовными пастырями. Хотя Щилъ бралъ очень умѣренные проценты, владыка тѣмъ не менѣе отказался освятить церковь. Такъ какъ въ стѣнѣ ея, по обычаю того времени, была заранѣе приготовлена ниша съ каменнымъ гробомъ для основателя, то архіепископъ посовѣтовалъ Щилу исповѣдаться, одѣться въ саванъ и лечь въ этотъ гробъ, а затѣмъ велѣлъ соборнѣ отпѣть надъ нимъ погребальныя молитвы. Едва это было исполнено, какъ Щилъ умеръ, гробъ его закрылся и провалился въ землю; а на мѣстѣ его явилась пропасть. Тогда по приказу владыки, на стѣнѣ надъ этой пропастью красками изображенъ былъ Щилъ въ аду; послѣ чего неосвященная церковь заперта и запечатана. Но у Щила остался сынъ, наслѣдникъ его богатствъ; онъ обратился къ святителю за совѣтомъ, какъ избавить отца изъ адскихъ мукъ. Владыка приказалъ ему нанять священниковъ сорока церквей, чтобы въ теченіе сорока дней они совершали панихиду, въ то же время поститься, молиться и раздавать щедрую милостыню. По истеченіи этихъ сорока дней онъ послалъ своего архидіакона распечатать церковь и посмотрѣть. Оказалось, что въ настѣнномъ писаніи голова Щила была уже внѣ ада, а въ пропасти показался край его гроба. Архіепископъ велѣлъ сыну повторить такіе же сорокоусты во второй и потомъ въ третій разъ, и только тогда все настѣнное изображеніе Щила очутилось внѣ ада, а гробъ его явился на своемъ мѣстѣ. Послѣ того владыка освятилъ церковь.

Въ 20 верстахъ отъ Новгорода на берегу рѣки Веряжи возникъ монастырь Троицкій, извѣстный болѣе подъ именемъ *Клопскаго*, потому что здѣсь въ первой половинѣ XV вѣка подвизался преподобный и вмѣстѣ юродивый Михаилъ Клопскій, котораго житіе называетъ родственникомъ Московскаго княжаго дома. На Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Валаамѣ, въ XIV вѣкѣ стала процвѣтать обитель *Валаамская*. Самымъ же знаменитымъ монастыремъ изъ основанныхъ въ эту эпоху въ Новогородской землѣ является потомъ *Соловецкій*. Въ 1429 году инокъ Германъ и постриженникъ Кирилло-Бѣлозерской обители Савватій поселились на одномъ изъ пустынныхъ Соловецкихъ

островов, посреди угрюмой безпріютной природы Бѣлаго моря. Главным же устроителем Соловецкаго монастыря был инок Зосима, уроженец Прионежскаго селенія Толвуя. Он собрал братію, построил деревянный храм во имя Спаса Преображенія с придѣлом св. Николая и обнес его оградою; послѣ чего устроил монастырь, по благословенію архіепископа Іоны. Потом, вмѣстѣ с Германом, (Савватій меж тѣм скончался) он выхлопотал монастырю у новогородских властей грамоту на владѣніе всею группою Соловецких островов. Преподобный Зосима долгое время был игумном этой обители и много потрудился для ея процвѣтанія.

Всѣх монастырей, основанных в эпоху Татарскаго ига, насчитывается до 180. Разумѣется объем и значеніе их были весьма неодинаковы. Между тѣм как знаменитые и богатые монастыри имѣли иногда по нѣскольку сот иноков, были и такія обители, в которых жило только по три, по пяти монахов. Отношенія их к церковным властям были также довольно разнообразны. Нѣкоторые большіе монастыри были почти изъяты из вѣдѣнія епархіальных архіереев; князья в основанных ими монастырях распоряжались сами, и назначали игумнов; были монастыри, принадлежавшіе митрополитам и непосредственно от них зависѣвшіе. Многія малыя обители были приписаны к большим и находились у них в подчиненіи. Наконец встрѣчались монастыри общіе, т.-е. мужскіе и женскіе вмѣстѣ, подобно тому, как это было в Греціи; но против таких монастырей возставали архипастыри. Так митрополит Фотій в посланіи к Новогородцам (1410 г.) говорит: „а в котором монастырѣ чернецы, тут бы черницы не были, а жили бы онѣ в опришном монастырѣ". По внутреннему своему быту монастыри дѣлились на общежительные и необщежительные. К первым принадлежали почти всѣ большія обители, а ко вторым преимущественно мелкія и особенно в Новогородской области. В послѣдних каждый заботился о себѣ, своей кельѣ, пищѣ и одеждѣ, и каждый в своей кельѣ жил болѣе или менѣе самостоятельно.

Рядом со свѣтлыми сторонами в монашеской жизни того времени были и нѣкоторыя темныя. Многіе русскіе подвижники, в особенности основатели новых обителей, прославились своею строгою аскетическою жизнію, своим чрезвычайным постничеством и умерщвленіем плоти; одним из главных орудій этого умерщвленія считались желѣзныя вериги, носимыя под одеждою прямо на тѣлѣ, и доселѣ в нѣкоторых монастырях сохраняются вериги таких под-

вижниковъ. Но потомъ, когда монастырь расширялся и богатѣлъ отъ щедрыхъ вкладовъ, преемники святыхъ основателей нерѣдко отступали отъ ихъ строгихъ примѣровъ и правилъ, и тогда въ обители водворялись разные безпорядки, недостатокъ благочинія, пьянство и другія нарушенія монашескихъ обѣтовъ. Многіе иноки притомъ имѣли обычай самовольно, безъ благословенія игумена, переходить изъ обители въ обитель; отчего развивалось между ними бродяжничество. Митрополитъ Кипріанъ въ своемъ посланіи (къ игумну Аѳанасію) возстаетъ противъ этого обычая, запрещаетъ принимать таковыхъ монаховъ и даже считаетъ ихъ недостойными св. причастія. Въ томъ же посланіи Кипріанъ неодобрительно относится къ обычаю князей дарить монастырямъ села и притомъ съ правомъ суда надъ ними. „Держать инокамъ села и людей — писалъ онъ — не предано св. Отцами: какъ можно отрекшемуся однажды отъ міра вновь связывать себя мірскими дѣлами?“ „Когда чернецы начнутъ властвовать надъ селами, творить судъ надъ мужчинами и женщинами, часто къ нимъ ходить и о нихъ хлопотать, тогда чѣмъ же они будутъ различаться отъ мірянъ? Чернецамъ входить въ общеніе съ женщинами и вести съ ними бесѣды — опасно“. Тѣмъ не менѣе обычай, вмѣсто денежнаго содержанія, надѣлять монастыри населенными землями продолжался и распространялся; тутъ конечно вліяли болѣе всего недостатокъ денежныхъ доходовъ у самихъ князей и обиліе земель, которыя поэтому и стали служить главнымъ обезпеченіемъ для существованія и процвѣтанія монастырей.

Кромѣ множества жалованныхъ грамотъ монастырямъ на земли и села, до насъ дошло значительное количество судныхъ грамотъ, въ которыхъ излагаются тяжбы монаховъ и вообще духовенства съ сосѣдними землевладѣльцами или съ крестьянскими общинами, по поводу поземельныхъ участковъ и разныхъ угодій. Любопытно, что исходъ такихъ тяжбъ почти всегда является въ пользу монастырей и церквей. Отсюда понятна черта, которую иногда встрѣчаемъ въ житіи нашихъ подвижниковъ, — это недружелюбное отношеніе мѣстнаго населенія ко вновь возникающему монастырю. Такъ, когда Димитрій Прилуцкій поселился въ Вологодскомъ краѣ близъ селенія Авнежскаго и построилъ тамъ церковь, то сосѣдніе крестьяне принудили его удалиться: они боялись, что ихъ съ землею припишутъ къ будущему монастырю. Отсюда Димитрій ушелъ ближе къ городу Вологдѣ. Макарій Унженскій въ началѣ своего подвижничества поселился было на рѣкѣ Лухѣ (притокъ Клязьмы) вмѣстѣ съ преподобнымъ Тихономъ

Луховскимъ; но окрестные поселяне прогнали ихъ отсюда вслѣдствіе той же самой боязни.

Происхожденіе нѣкоторыхъ монастырей связано еще съ легендами о явленныхъ и чудотворныхъ иконахъ. Въ этомъ отношеніи имѣемъ любопытный по своимъ подробностямъ лѣтописный разсказъ о началѣ Колоцкаго монастыря (въ 1413 г.).

Въ удѣлѣ помянутаго выше Можайскаго князя Андрея Дмитріевича, въ селеніи Колочѣ жилъ простой крестьянинъ Лука. Однажды онъ въ глухомъ мѣстѣ нашелъ стоящую на деревѣ складную икону; въ срединѣ ея былъ образъ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, а по бокамъ Николай чудотворецъ и Илья пророкъ. Онъ взялъ икону и принесъ въ свой домъ. Вслѣдъ затѣмъ началась молва объ исцѣленіяхъ; со всѣхъ сторонъ стали приносить къ иконѣ болящихъ и недужныхъ. Лука вошелъ въ великую честь и славу. Онъ отправился съ иконою въ городъ Можайскъ. Князь Андрей Дмитріевичъ съ боярами и всѣ граждане вышли къ ней навстрѣчу. Отсюда Лука направился въ самую Москву. Тамъ икону встрѣтили митрополитъ со крестами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а также князья, княгини, бояре и множество народа. Потомъ Лука съ иконою ходилъ изъ города въ городъ; всѣ его честили какъ нѣкоего апостола или пророка и щедро одѣляли всякими дарами; такъ что онъ собралъ многое богатство. Воротясь на родину, Лука построилъ особую церковь для иконы, а для себя воздвигъ свѣтлые и большіе хоромы, наполненные разною дорогою утварью. Онъ сталъ жить на подобіе князя, окружилъ себя многочисленными слугами и отроками; трапеза его обиловала тучными брашнами и благовонными питіями; плясуны и пѣсельники стали увеселять его; онъ началъ забавляться также охотою, выѣзжая съ ястребами, соколами и кречетами, держалъ большую псарню и ручныхъ медвѣдей. Его гордость и наглость возросли до того, что онъ запрещалъ въ окрестностяхъ охотиться кому-либо другому; даже княжихъ сокольниковъ и ловчихъ приказывалъ бить и отнимать у нихъ соколовъ и медвѣдей. Князь Андрей Дмитріевичъ терпѣливо переносилъ такія оскорбленія. Но одинъ изъ его ловчихъ придумалъ слѣдующее. Онъ взялъ наиболѣе лютаго медвѣдя и повелъ мимо Лукина двора. Увидавъ его, Лука самъ вышелъ изъ хоромъ и велѣлъ вести медвѣдя къ себѣ на дворъ. Ловчій повиновался, но выпустилъ на свободу звѣря, прежде нежели хозяинъ успѣлъ отойти. Звѣрь тотчасъ бросился на Луку, и послѣдняго вырвали изъ его лапъ едва дышащаго. Тутъ пріѣхалъ самъ князь Андрей и сталъ укорять

Луку за его поведеніе, которымъ онъ оскорбилъ прославившую его чудотворную икону, за что и получилъ достойное наказаніе. Лука раскаялся и просилъ обратить его имѣніе на что-либо доброе. Тогда князь употребилъ его на построеніе обители въ честь той же Колоцкой Богородничной иконы. Лука окончилъ жизнь инокомъ этой обители.

Немалое количество православныхъ монастырей, возникшихъ въ глубинѣ сѣвера и востока Россіи, имѣло важное колонизаціонное значеніе, т.-е. послужило дѣлу обрусенія этихъ окраинъ и водворенію сѣмянъ христіанской гражданственности на дикой языческой почвѣ. Иноки вносили жизнь въ глухія пустыни, расчищали лѣсныя дебри и заводили въ нихъ сельское хозяйство. Многія льготы, въ особенности освобожденіе на нѣсколько лѣтъ отъ всякихъ повинностей и податей, привлекали на монастырскія земли русскихъ крестьянъ изъ другихъ областей; около монастыря возникали промышленныя слободы, земледѣльческія села и деревни. Инородческое населеніе неизбѣжно подвергалось вліянію этихъ колоній, освоивалось съ русскою религіей и перенимало русскіе обычаи. Изъ монастырской среды выходили проповѣдники христіанства, распространявшіе его посреди языческихъ народцевъ, преимущественно Финскаго племени.

Изъ такихъ русскихъ миссіонеровъ наибольшее значеніе получилъ св. Стефанъ Пермскій.

Онъ былъ сынъ соборнаго причетника въ Великомъ Устюгѣ; а этотъ городъ считался пригородомъ Великаго Ростова. Мальчикъ рано научился грамотѣ, любилъ читать книги Ветхаго и Новаго завѣта, и былъ уже канонархомъ въ соборной церкви. Стремясь къ иночеству и книжному просвѣщенію, Стефанъ, прозваніемъ *Храпъ*, ушелъ въ Ростовъ, который издавна служилъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія въ Сѣверовосточной Руси. Здѣсь близъ княжескаго терема и епископскаго двора помѣщался монастырь Григорія Богослова, называемый „Затворъ", имѣвшій „книги многи", т.-е. большую по тому времени духовную библіотеку. Въ этомъ-то монастырѣ Стефанъ Храпъ постригся, и ревностно предался книжнымъ занятіямъ. Тутъ укрѣпилось въ немъ желаніе идти въ сосѣднюю съ его родиной землю Пермскую, чтобы проповѣдывать евангеліе языческимъ Зырянамъ. Онъ сталъ усердно готовиться къ сему подвигу; кромѣ языка Греческаго изучилъ и Зырянскій, съ которымъ могъ познакомиться уже на своей родинѣ. Затѣмъ онъ составилъ Зырянскую или Пермскую азбуку, пользуясь для того отчасти буквами греко-славянскими, а отчасти и

тѣми начертаніями, которыя были въ употребленіи у Зырянъ для разныхъ замѣтокъ. По изобрѣтеніи этой азбуки, онъ принялся переводить на Зырянскій языкъ необходимыя богослужебныя книги. Чувствуя себя достаточно приготовленнымъ, Стефанъ прежде отправился въ Москву за митрополичьимъ благословеніемъ. Митрополитъ въ то время (послѣ кончины Алексѣя) еще не былъ поставленъ: замѣститель его епископъ Коломенскій Герасимъ благословилъ Стефана, снабдилъ его антиминсами и другими священными предметами.

Стефанъ избралъ мѣстомъ своей проповѣди ближайшій къ его родинѣ Зырянскій край, именно берега Вычегды. Край этотъ въ прежнее время платилъ дани Новгороду, а теперь переходилъ уже въ Московскую зависимость. Мѣстопребываніе свое Стефанъ утвердилъ въ главномъ и притомъ довольно торговомъ селеніи Усть-Выми, т.-е. при впаденіи Выми (съ правой стороны) въ Вычегду. Проповѣдь его здѣсь была успѣшна, и онъ вскорѣ для новообращенной паствы построилъ церковь во имя Благовѣщенія. Эта церковь своею красотою не мало привлекала туземцевъ, которые невольно предпочитали ее языческимъ кумирнямъ съ ихъ безобразными идолами. А богослуженіе, чтеніе священныхъ книгъ и пѣніе псалмовъ на понятномъ имъ народномъ языкѣ еще болѣе располагали ихъ въ пользу новой вѣры. Стефанъ со своими учениками обходилъ лѣса и распутія и ревностно истреблялъ попадавшихся ему многочисленныхъ идоловъ. Кромѣ многихъ мелкихъ кумировъ, въ сей странѣ встрѣчались и нѣкоторые большіе деревянные истуканы, къ которымъ на поклоненіе приходили язычники издалека и приносили имъ въ даръ шкуры соболей, куницъ, горностаевъ, бобровъ, медвѣдей, лисицъ и бѣлокъ; все это развѣшивали они на самого идола или вокругъ него. Стефанъ обыкновенно ударялъ идола сначала обухомъ въ лобъ и повергалъ на землю, а потомъ раскалывалъ его топоромъ на малыя полѣнья, и бросалъ въ зажженный костеръ; туда же бросалъ и всѣ найденныя при немъ шкуры. Пермяне съ удивленіемъ смотрѣли на проповѣдника, который не соблазнялся дорогими мѣхами и не бралъ ихъ себѣ, а сожигалъ въ огнѣ.

Распространеніе крещенія однако сильно замедлялось противодѣйствіемъ языческихъ волхвовъ или шамановъ, которые возбуждали народъ противъ Стефана, и не разъ покушались его убить. Главный изъ нихъ, престарѣлый *Памъ*, въ особенности ратовалъ за старыхъ боговъ, и смущалъ народъ такими словами: „не слушайте этого пришельца-москвитянина. Можетъ ли быть для насъ что-нибудь доброе

изъ Москвы? Развѣ не оттуда пришли на насъ тяжкія дани, насильства, тіуны, доводчики и приставники?“ По разсказу Стефанова житія, однажды онъ и Памъ согласились было испытать достоинство ихъ религій посредствомъ огня и воды, т.-е. пройти вмѣстѣ сначала сквозь пылающій костеръ, а потомъ спуститься въ одну прорубь рѣки Вычегды и выйти въ другую. Но когда огонь былъ разведенъ, волхвъ отказался отъ испытанія, и тѣмъ посрамилъ себя передъ народомъ. Послѣ того онъ съ наиболѣе ревностными язычниками удалился за Уральскій хребетъ на рѣку Обь, и дѣло обращенія Зырянъ пошло успѣшнѣе. Хотя большинство Зырянъ оставалось еще въ язычествѣ, однако новокрещенная паства настолько умножилась, что Стефанъ просилъ поставить для нея особаго епископа. Митрополитъ Пименъ одобрилъ его просьбу и, съ согласія великаго князя Димитрія, поставилъ первымъ епископомъ Пермскимъ самого Стефана (1383 г.). Каѳедру свою онъ утвердилъ тамъ же, т.-е. въ Усть-Вымѣ при церкви Благовѣщенія, при которой устроилъ и монастырь. Кромѣ постоянныхъ трудовъ по переводу и перепискѣ священныхъ книгъ, Стефанъ много заботился и о другихъ нуждахъ своей паствы. Онъ ѣздилъ въ Москву просить великаго князя о разныхъ льготахъ для народа, облегченіи его даней и повинностей; путешествовалъ въ Новгородъ съ мольбою, чтобы его вольница не нападала на Пермскую землю и не разоряла ее; въ неурожайные годы привозилъ на ладьяхъ хлѣбъ изъ Русскихъ областей и раздавалъ его неимущимъ. Пріѣхавъ однажды въ Москву по дѣламъ церковнымъ, Стефанъ здѣсь заболѣлъ и скончался (1396), послѣ осьмнадцатилѣтнихъ своихъ апостольскихъ трудовъ. Его погребли въ придворномъ Спасопреображенскомъ монастырѣ (у Спаса на Бору).

Изъ преемниковъ св. Стефана особенно извѣстенъ епископъ Питиримъ, продолжавшій его апостольскіе труды. Не ограничивая свою дѣятельность Зырянами, онъ распространилъ христіанскую проповѣдь и между ихъ сосѣдями, дикими Вогулами. Злобившійся за то, одинъ изъ Вогульскихъ князей, по имени Асыка, заключилъ союзъ съ одичавшими полухристіанскими обитателями Вятки и вмѣстѣ съ ними сдѣлалъ набѣгъ на Пермскую землю. Онъ скрытно приблизился на плотахъ къ Усть Выму въ тотъ день, когда епископъ съ духовенствомъ и жителями совершалъ крестный ходъ въ одно загородное мѣсто для молебствія. Тутъ при внезапномъ нападеніи дикарей безоружные жители искали спасенія въ бѣгствѣ, а святитель былъ схваченъ и преданъ мученической смерти (1455 г.) ([86]).

Эпоха Татарскаго ига—эпоха очевиднаго упадка просвѣщенія—ознаменовала себя въ исторіи Русской церкви появленіемъ нѣкоторыхъ ересей, возбудившихъ немалое волненіе. Если въ XII вѣкѣ іерархія придавала важность вопросу о томъ, можно ли ѣсть мясо въ Господскіе праздники по средамъ и пятницамъ, то въ XIV вѣкѣ эта іерархія должна была вступить въ жаркую борьбу уже съ ученіями гораздо важнѣйшими и также выходившими изъ среды самого духовенства. Ученія эти явились въ томъ русскомъ краѣ, въ которомъ особый политическій строй неизбѣжно долженъ былъ способствовать большему свободомыслію нежели въ другихъ частяхъ Руси, т.-е. въ землѣ Новогородско-Псковской. Выше, при описаніи дѣятельности митрополита Петра, мы видѣли, что на церковномъ Переяславскомъ соборѣ (1311 года) осуждена была ересь какого-то новогородскаго протопопа, который отрицалъ монашество и между прочимъ считалъ земной рай погибшимъ, и который нашелъ сочувствіе себѣ даже у епископа тверского Андрея. Впрочемъ это сочувствіе вѣроятно относилось собственно къ его ученію о раѣ, а не къ отрицанію монаховъ. Ибо толки о мысленномъ и земномъ раѣ продолжались и послѣ того, и возбуждали споры именно въ тверскомъ духовенствѣ. По поводу этихъ споровъ новогородскій архіепископъ Василій (спустя лѣтъ двадцать пять или тридцать послѣ Переяславскаго собора) написалъ посланіе къ тверскому владыкѣ Ѳеодору. Въ своемъ посланіи онъ хотя не отрицаетъ мысленнаго (духовнаго) рая, но также разными ссылками на Священное писаніе и Отцовъ церкви старается доказать, что Адамовъ земной или саженный (насажденный) рай не погибъ. Этотъ рай существуетъ на востокѣ, тогда какъ адскія муки приготовлены на западѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Василій ссылается на разсказъ новогородца Моислава и сына его Якова, которые будто бы однажды во время своего плаванія по морю подходили къ мѣсту земного рая. Буря принесла два ихъ судна къ высокой горѣ, на которой лазоревою краскою и необыкновенной величины написанъ Деисусъ; солнца тамъ не было, а свѣтъ сіялъ неописанный, за горою слышалось ликованіе. Мореходы послали одного товарища ближе посмотрѣть на чудо; но тотъ, взобравшись на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и побѣжалъ далѣе. То же сдѣлалъ и другой. Третьяго привязали веревкою за ногу, и, когда онъ хотѣлъ убѣжать, сдернули его назадъ, но онъ оказался мертвымъ.

Это посланіе ясно показываетъ намъ, какъ легко народныя суевѣрія и легенды примѣшивались тогда къ ученію и преданіямъ цер-

ковнымъ. Ибо Василій былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ новгородскихъ владыкъ, слывшій у современниковъ человѣкомъ книжнымъ и начитаннымъ и самъ много странствовавшій на Греческомъ востокѣ. Впрочемъ, въ средневѣковой Европѣ вообще была довольно распространена легенда о земномъ раѣ, сохранявшемся гдѣ-то на восточной оконечности земли.

Ересь о монашествѣ, поднятая помянутымъ выше новогородскимъ протопопомъ, очевидно не заглохла въ Новогородско-Псковскомъ краю. Послѣ приведеннаго посланія Василія прошло еще лѣтъ тридцать, и вдругъ она обнаружилась съ новою силою, направленная уже противъ всего священства и церковной іерархіи вообще. Эта новая смута извѣстна въ исторіи подъ именемъ *ереси Стригольниковъ*. Первоначально она появилась во Псковѣ, гдѣ ея успѣху много способствовали неустройства мѣстной церкви, лишенной непосредственнаго архіерейскаго надзора и управленія. Извѣстно, что Псковичи тщетно домогались отдѣлиться отъ Новогородской епархіи и получить для себя особаго епископа. Межъ тѣмъ отношенія псковскаго духовенства къ новогородскому владыкѣ съ теченіемъ времени пріобрѣли едва ли не главнымъ образомъ характеръ финансовый, т.-е. вращались по преимуществу около судебныхъ и подъѣздныхъ пошлинъ, платы за ставленіе и другихъ владычныхъ поборовъ съ духовенства. При развившемся во Псковѣ вмѣшательствѣ мірянъ въ церковныя дѣла и часто встрѣчавшейся непорядочной жизни самого духовенства, естественно противуцерковное движеніе нашло здѣсь удобную для себя почву.

Уже въ Греческой церкви, т.-е. въ ея Номоканонѣ или Кормчей книгѣ, осуждалось посвященіе въ церковный санъ за деньги. Мы видѣли, что на Владимірскомъ соборѣ русскихъ іерарховъ въ 1274 году запрещалось епископамъ брать мзду за ставленіе и рукополагать во священники лица недостойныя. Тѣмъ не менѣе зло симоніи продолжалось въ широкихъ размѣрахъ; чему подавала примѣръ сама Византія; тамъ взимали большія суммы при поставленіи русскихъ митрополитовъ; митрополиты требовали приношеній отъ епископовъ; а эти въ свою очередь обременяли поборами и пошлинами низшее духовенство. Ближайшимъ поводомъ для ереси Стригольниковъ послужила именно мзда за поставленіе священниковъ. Но еретики не остановились на одномъ этомъ пунктѣ; а, съ свойственными русскому уму безпощадной критикой и переходомъ въ крайности, стали на томъ же основаніи отвергать не только священниковъ, но и высшую іерархію, какъ

тоже поставленную на мздѣ и слѣдовательно недостойную. Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали отрицать исполненіе церковныхъ требъ, въ особенности тѣхъ, за которыя взималась плата, напримѣръ, службу надъ усопшими и поминовеніе; а отсюда перешли къ отрицанію таинствъ крещенія, покаянія и причащенія. Вмѣсто покаянія передъ священникомъ еретики совѣтовали припадать къ землѣ и ей исповѣдывать свои грѣхи; въ чемъ уже явно сказывается примѣсь къ ихъ ученію старыхъ языческихъ суевѣрій. Въ своихъ религіозныхъ умствованіяхъ они, на подобіе саддукеевъ, дошли до отрицанія будущей жизни. Такимъ образомъ въ ихъ ученіи отразилась примѣсь разныхъ греко-восточныхъ сектъ, въ томъ числѣ вѣроятно и Болгарскаго богумильства.

Отцомъ этой ереси считается дьяконъ Карпъ, отлученный отъ службы, „художествомъ стригольникъ" (занимавшійся, какъ думаютъ, стрижкою сукна, а можетъ быть и стрижкою волосъ); отчего и самая ересь получила свое названіе. Но начальная ея исторія намъ неизвѣстна. Лѣтописи упоминаютъ только, что въ 1375 году въ Новгородѣ главные ересіархи Карпъ, дьяконъ Никита и третій неизвѣстный по имени (конечно осужденные владыкою), по приговору народнаго вѣча, были казнены сверженіемъ съ Волховскаго моста. Въ Евангеліи написано: „если кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, лучше ему да обвѣсится камень жерновой на выѣ его и вверженъ будетъ въ море"—говорили при семъ Новогородцы.

Однако послѣ этой казни ересь не прекратилась и повидимому продолжала распространяться. Тогда въ борьбѣ съ нею приняли участіе не только митрополитъ и другіе русскіе іерархи, но и сама Цареградская патріархія. Спустя шесть лѣтъ, въ Новгородъ и Псковъ пріѣхалъ суздальскій архіепископъ Діонисій, извѣстный соискатель митрополичьяго престола, съ увѣщательными грамотами отъ патріарха Нила къ мѣстной паствѣ и съ порученіемъ принять мѣры противъ ереси. Діонисій попытался при этомъ точнѣе опредѣлить отношенія псковскаго духовенства къ новгородскому владыкѣ и водворить болѣе порядка въ бытѣ псковскаго монашества; такъ онъ далъ общежительный уставъ Псковскому Снѣтогорскому монастырю. Несмотря на успѣшныя дѣйствія Діонисія, ересь продолжалась. Многіе изгнанные изъ Пскова стригольники разсѣялись по другимъ мѣстамъ и тамъ проповѣдывали свое ученіе. Изъ всѣхъ пастырскихъ посланій, направленныхъ противъ стригольниковъ, наиболѣе краснорѣчивое и энергичное есть то, которое считается произведеніемъ св. Стефана, епископа Пермскаго, иногда по дѣламъ своей паствы посѣщавшаго

Великій Новгородъ. Такая ересь, которая затрогивала все духовенство и нападала на все зданіе церкви, естественно вызвала противъ себя самое энергичное противодѣйствіе со стороны цѣлаго русскаго клира, а вмѣстѣ съ нимъ и свѣтской власти. Іерархи увѣщевали мірянъ не сообщаться съ еретиками ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, и убѣждали гражданскія власти Новгорода и Пскова дѣятельно отыскивать стригольниковъ и казнить тѣлесно или заточеніемъ, но не смертію. Въ такомъ смыслѣ написаны два посланія къ Псковичамъ митрополита Фотія. Послѣднее его посланіе относится къ 1427 году; слѣдовательно, со времени казни Карпа борьба съ ересью продолжалась уже болѣе 50 лѣтъ. Псковичи послушались совѣта князей и епископовъ, схватили всѣхъ извѣстныхъ стригольниковъ и заточили ихъ въ темницы. Послѣ того объ этой ереси не слышно, хотя окончательно она все-таки не была искоренена. Стригольничество укрылось въ Новгородскую область. Упадку его впрочемъ помогли и собственныя несогласія еретиковъ, которые раздѣлились на разные толки. А самая слабая сторона ихъ ученія заключалась въ томъ, что имѣла чисто отрицательный характеръ: отвергая всю церковную іерархію, стригольники ничего не давали взамѣнъ ея.

Около того же времени и въ той же Псковской области является одинъ богослужебный, обрядовый обычай, возбудившій нѣкоторыя пререканія среди мѣстнаго духовенства, именно сугубая или двойная аллилуія вмѣсто трегубой или троекратной. Митрополитъ Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій Псковичамъ указалъ держаться троекратной. Но впослѣдствіи вопросъ о ней обострился, когда за сугубую аллилуію сталъ преподобный игуменъ Евфросинъ. Онъ былъ постриженникъ Снѣтогорскаго монастыря (на Снятной горѣ въ окрестностяхъ Пскова), и основалъ свою собственную обитель на рѣчкѣ Толвѣ, верстахъ въ 20 отъ Пскова. Противъ Евфросина вооружились нѣкоторые псковскіе книжники и назвали его еретикомъ; онъ пытался защищать себя ссылкою на данное ему лично разрѣшеніе отъ Цареградскаго патріарха, и между прочимъ обращался съ жалобой на своихъ хулителей къ новгородскому владыкѣ Евфимію. Но послѣдній не былъ склоненъ къ богословскимъ спорамъ и далъ уклончивый отвѣтъ. Защитники троекратной аллилуіи взяли верхъ, говоря, что Евфросинъ сугубой аллилуіей умаляетъ славу Божію. Они такъ настроили Псковичей, что тѣ вмѣсто прежняго уваженія стали недружелюбно относиться къ преподобному и его инокамъ, и, проѣзжая мимо его монастыря, не снимали шапокъ, говоря: „здѣсь жи-

ветъ еретикъ; не слѣдуетъ кланяться его церкви, ибо онъ двоитъ аллилуію" ([87]).

Борьба церкви съ ученіями или ересями, подобными Стригольничей, была временная. Гораздо труднѣйшею и постоянною представлялась борьба со множествомъ старыхъ народныхъ суевѣрій и предразсудковъ и со многими обычаями, сохранявшимися отъ временъ язычества. Здѣсь на первомъ мѣстѣ является упорная вѣра въ волшебство или колдовство, въ разнаго рода чары и ворожбу. Это суевѣріе иногда имѣло весьма печальныя послѣдствія для лицъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ; приписывая имъ разныя бѣдствія, народъ жестоко съ ними расправлялся. Еще во второй половинѣ XIII вѣка Владимірскій епископъ Серапіонъ въ своихъ поученіяхъ возставалъ противъ сожиганія мнимыхъ волшебниковъ. Но въ первой половинѣ XV вѣка (подъ 1411 г.) Псковская лѣтопись сообщаетъ, что во Псковѣ во время моровой язвы сожгли двѣнадцать вѣдьмъ или, какъ она выражается, „вѣщихъ женокъ". Около того же времени митрополитъ Фотій пишетъ Новгородцамъ поучительное посланіе, въ которомъ увѣщеваетъ ихъ не обращаться къ ворожеямъ („лихимъ бабамъ"), не принимать отъ нихъ заклинаній и наговореннаго питья („зелія"), воздерживаться отъ пьянства и сквернословія („что лаютъ отцовымъ и матернымъ именемъ"); кромѣ того, убѣждаетъ не вступать въ четвертые браки и не жить съ женщиной безъ церковнаго благословенія; запрещаетъ священникамъ вѣнчать дѣвушекъ ранѣе двѣнадцати лѣтъ, хоронить убитаго на „полѣ", т.-е. на судебномъ поединкѣ, а убійцу приказываетъ отлучать отъ церкви на 18 лѣтъ. Такое рѣзкое отрицаніе „поля" со стороны греко-русской іерархіи яснѣе всего указываетъ на его древнее, языческое происхожденіе. Борьба съ этимъ обычаемъ пока была малоуспѣшна.

Еще менѣе успѣха имѣли поученія, направленныя противъ народныхъ празднествъ и игрищъ, также наслѣдованныхъ отъ язычества. На нихъ возставалъ, какъ мы знаемъ, во второй половинѣ XIII вѣка соборъ Владимірскій, запрещавшій хоронить убитыхъ на игрищѣ. Но игрища, сопровождавшіяся (кулачнымъ и дрекольнымъ боемъ, слишкомъ тѣсно были связаны съ привычками и воинственными наклонностями Русскаго племени, и нисколько не поддавались подобнымъ запрещеніямъ. Люди высшихъ сословій, сами бояре не чуждались этой забавы. Такъ, подъ 1390 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что зимой на третій день Рождества Христова Осей, „кормиличичъ" (вѣроятно сынъ пѣстуна) великаго князя (Василія Дмитріевича), „бысть поколотъ на

Коломнѣ въ игрушкѣ". Судя по выраженію лѣтописца, въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ, можетъ быть, не о простомъ кулачномъ или дрекольномъ боѣ, а о копьѣ или мечѣ. (По крайней мѣрѣ изъ войны Даніила Романовича Галицкаго съ его соперникомъ Ростиславомъ Михайловичемъ мы уже знаемъ, что военныя игры не были чужды русскимъ витязямъ). Обычай забавляться дрекольнымъ или палочнымъ боемъ существовалъ преимущественно у Новгородцевъ. Кромѣ того у нихъ было еще въ обычаѣ бить бочки во время празднествъ, сопровождавшихся разными играми, плясками и пьянствомъ. По убѣжденію духовенства, Новгородцы однажды (въ 1357 г.) поцѣловали другъ другу крестъ на томъ, „чтобы имъ играніе бѣсовское не любити и бочекъ не бити". Но едва ли они долго сохраняли эту клятву относительно бѣсовскаго игранія. По крайней мѣрѣ объ ихъ сосѣдяхъ и младшихъ братьяхъ Псковичахъ мы имѣемъ позднѣйшее обличительное посланіе, которое возстаетъ противъ необузданныхъ игрищъ. Въ особенности такими игрищами сопровождалось Рождество Ивана Предтечи, когда совершалось старое языческое празднество такъ наз. Ивана Купалы. Наканунѣ этого весенняго праздника мужчины и женщины ходятъ по лугамъ, болотамъ и дубравамъ, отыскивая коренья и травы, которымъ приписывали волшебную силу. А въ самую ночь передъ праздникомъ народъ предавался не только шумному пѣнію и пляскамъ подъ звуки бубнъ, сопѣлей и гудковъ, но и крайнему безпутству (88).

Если въ Новгородѣ и Псковѣ, не испытавшихъ непосредственнаго вліянія Татарскаго ига, мы находимъ значительную грубость нравовъ и господство суевѣрій, то понятно, какъ сильны были эти черты въ Средней и Юговосточной Россіи и какъ долженъ былъ испортиться и огрубѣть здѣсь народный характеръ, подъ гнетомъ постоянныхъ разореній и частаго непосредственнаго общенія съ варварами. Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій этого гнета и этого общенія является удаленіе женщины изъ мужскаго общества, ея затворничество въ теремѣ. Такой обычай былъ усвоенъ собственно высшими классами, а не простымъ бѣднымъ людомъ, гдѣ женщина служила рабочею силою и гдѣ молодые люди обоего пола продолжали сходиться на игрища, столь осуждаемыя церковными пастырями. Не утрачивая вполнѣ такихъ основныхъ чертъ своего славянскаго характера, каковы добродушіе и веселость, Русскій народъ въ это тяжелое время всякаго гнета и насилія невольно усвоилъ себѣ нѣкоторые внѣшніе оттѣнки другого рода, каковы: скрытность, подозрительность и подчасъ раболѣпіе. Послѣдняя черта развилась въ непосредственной связи съ огрубѣніемъ

нравовъ, которое особенно наглядно выражалось въ жестокомъ обращенiи высшаго съ низшимъ, старшаго съ младшимъ, сильнаго съ слабымъ.

*

Вредное влiянiе Татарскаго ига, наряду съ огрубѣнiемъ нравовъ, неизбѣжно выразилось упадкомъ образованности вообще и книжнаго просвѣщенiя въ особенности. Мы видѣли въ эпоху до-Татарскую многiе начатки школьнаго дѣла на Руси и относительно не малое развитiе грамотности. Послѣдняя не ограничивалась духовнымъ классомъ, но проникала и въ другiе слои общества. Татарское иго нанесло сильный ударъ этимъ начаткамъ. Мы уже почти не встрѣчаемъ церковно-городскихъ публичныхъ школъ. Обученiе грамотѣ сохраняетъ преимущественно частный характеръ; иногда впрочемъ количество мальчиковъ, учащихся у какого-либо церковнослужителя, было настолько велико, что получало видъ школы. Существовали, повидимому, еще школы и при нѣкоторыхъ монастыряхъ и епископiяхъ. Вообще книжное просвѣщенiе въ эту эпоху получило почти исключительно церковный характеръ, т.-е. сосредоточилось только въ средѣ духовенства. Какъ мало распространена была теперь грамотность въ свѣтскомъ классѣ, наглядно показываютъ примѣры бояръ и князей, изъ которыхъ немногiе владѣли искусствомъ чтенiя и письма. Такъ изъ цѣлаго ряда великихъ князей Московскихъ, знаменитыхъ своею практическою, государственною дѣятельностiю, сколько извѣстно, ни одинъ не отличался книжною начитанностiю.

Упадокъ книжнаго образованiя ближе всего отразился и на томъ самомъ сословiи, которое было тогда главнымъ и почти единственнымъ представителемъ этого образованiя, т.-е. на духовенствѣ, и именно на священникахъ. Сословiе это еще не успѣло вполнѣ выдѣлиться изъ народной среды и замкнуться въ особую наслѣдственную касту. Хотя по естественному порядку вещей сыновья священно и церковно-служителей нерѣдко наслѣдовали занятiе своихъ отцовъ; тѣмъ не менѣе въ санъ священника и дьякона могъ быть поставленъ всякiй грамотный человѣкъ, излюбленный прихожанами и сколько нибудь научившiйся церковнымъ книгамъ у такъ называемаго „мастера“. По этому поводу въ концѣ XV вѣка новгородскiй архiепископъ Геннадiй, хлопотавшiй о заведенiи училищъ, въ своемъ посланiи къ митрополиту такими чертами изображаетъ невѣжество ищущихъ iерейскаго сана. „Приведутъ ко мнѣ мужика; я велю ему дать Апостолъ читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю ему дать

Псалтырь, и онъ по немъ едва бредетъ. Я его отреку (откажу въ поставленіи); а они (прихожане) говорятъ: „земля, господине, такова, не можемъ добыть кто былъ бы гораздъ грамотѣ“, и бьютъ мнѣ челомъ: „пожалуй, господине, вели учить“. Я прикажу учить эктеньи, и онъ къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; велю учить азбуку, а онъ, поучився немного, просится прочь“. Далѣе изъ словъ Геннадія видно, что мастера, не научивъ какъ слѣдуетъ азбукѣ и чтенію, прямо переходили къ церковнымъ службамъ. „Мужикъ невѣжа учитъ робятъ, да рѣчь имъ испортитъ, сперва научитъ вечернѣ, и за то мастеру надобно принести кашу да гривну денегъ, за заутреню тоже или свыше того, а за часы особо, и эти поминки опрочъ могорца, что рядилъ отъ него (т.-е. кромѣ условленной платы); а отъ мастера отойдетъ и онъ ничего неумѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ“. Незабудемъ, что книгопечатаніе еще не было извѣстно на Руси; книги были рукописныя, слѣдовательно болѣе трудныя для чтенія, и трудность эта увеличивалась распространеннымъ тогда обычаемъ сокращеннаго или подтительнаго способа письма, на которое указываетъ и Геннадій въ означенномъ посланіи.

Понятно, что священники по своей малограмотности не могли оказывать значительнаго просвѣтительнаго вліянія на свою паству и многіе изъ нихъ не отличались отъ нея обычаями и суевѣріями. Митрополитъ Кипріанъ, перечисляя ложныя или отреченныя книги, указываетъ на сельскіе рукописные сборники, которые „невѣжи-попы и дьяконы“ наполняли разными баснями и суевѣрными разсказами. О самихъ епископахъ русскихъ того времени митрополитъ Исидоръ на соборѣ Флорентійскомъ отзывался папѣ Евгенію, что они „люди не книжные“.

Однако и при столь печальномъ состояніи образованности все-таки на Руси сохранились нѣкоторыя средоточія духовнаго просвѣщенія, и данная эпоха оставила намъ довольно большое количество словесныхъ произведеній, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ. Словесность эта имѣетъ конечно церковный характеръ, а во главѣ писателей стоятъ знаменитѣйшіе іерархи и подвижники Русской церкви. Таковы: митрополиты *Петръ*, *Алексѣй*, *Кипріанъ*, *Фотій*, *Іона*, *Самвлакъ Кіевскій;* епископы *Діонисій Суздальскій* и *Стефанъ Пермскій*, игуменъ *Кириллъ Бѣлозерскій* и нѣкоторые другіе. Дошедшія до насъ ихъ произведенія имѣютъ вообще характеръ поученій и наставительныхъ посланій, написанныхъ по тому или другому поводу. Содер-

жаніемъ этихъ поученій большею частію служатъ наставленія и объясненія духовенству относительно уставовъ и обрядовъ церковныхъ, опровержение разныхъ заблужденій, а также нравственные совѣты князьямъ и боярамъ. Такъ отъ Петра митрополита сохранились два окружныхъ посланія къ духовенству, въ которыхъ онъ убѣждаетъ строго соблюдать воздержаніе и трезвость во время поста, учить свою паству, чтобы не уклонялась отъ посѣщенія божественной службы и причащенія св. даровъ, наблюдать въ церкви благочиніе, совершать крещеніе чрезъ погруженіе, а не обливаніе; запрещаетъ духовнымъ лицамъ заниматься торговлею и ростовщичествомъ, и т. п. Въ такомъ же духѣ написано дошедшее до насъ поученіе Алексѣя митрополита, обращенное ко всѣмъ сословіямъ; здѣсь между прочимъ князьямъ и боярамъ дѣлается наставленіе о правосудіи, а народу о покорности властямъ, какъ гражданскимъ, такъ и духовнымъ. Что касается довольно многочисленныхъ посланій Кипріана, Фотія, Іоны, то о нихъ было упомянуто нами прежде. Въ особенности заслуживаетъ вниманія литературная дѣятельность Кипріана.

Въ XIV вѣкѣ, какъ извѣстно, Балканскіе Славяне, т.-е. Сербы и Болгаре, подверглись жестокому политическому перевороту. Едва Сербское царство при Душанѣ Сильномъ достигло высшей степени своего могущества и процвѣтанія, какъ вслѣдъ затѣмъ потерпѣло разгромъ на Коссовомъ полѣ, и потеряло свою самобытность почти въ то время, когда Русь, наоборотъ, на Куликовомъ полѣ открыла зарю своего освобожденія. Болгаре также какъ и Сербы подпали варварскому Турецкому игу. Византія, тѣснимая тѣми же Турками, близилась къ окончательному паденію. Уже тогда, т.-е. въ XIV вѣкѣ, подъ вліяніемъ печальныхъ политическихъ обстоятельствъ началось переселеніе ученыхъ и художниковъ изъ Византійской имперіи въ другія страны Европы, преимущественно въ Италію, гдѣ они мало по малу открыли такъ назыв. „Эпоху Возрожденія наукъ и искусствъ“. Часть этого движенія направилась въ единовѣрную Грекамъ Россію, гдѣ оно въ нѣкоторой степени также способствовало постепенному возрожденію образованности, подавленной Монгольскимъ игомъ. Но въ началѣ сего движенія главное участіе принадлежало не столько собственнымъ Грекамъ, сколько единоплеменнымъ Балканскимъ Славянамъ, у которыхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи (а у Сербовъ и Италіи) письменность, художества и вообще образованность достигли въ первой половинѣ XIV вѣка значительной степени процвѣтанія, но только для того, чтобы подвергнуться глубокому

упадку послѣ уничтоженія политической самобытности. Не мало владѣвшихъ книжнымъ образованіемъ духовныхъ лицъ изъ Сербіи, Болгаріи и Византіи нашло убѣжище въ Россіи, принося съ собою свои познанія вмѣстѣ съ греко-славянскими рукописями. Такіе ученые люди, какъ славянинъ Кипріанъ и грекъ Фотій, занимая высокій санъ русскаго митрополита, конечно покровительствовали означенному движенію и помогали начинавшемуся на Руси возрожденію образованности при участіи Балканскихъ Славянъ и Грековъ. Греко-славянское вліяніе на нашу церковную письменность преимущественно исходило изъ славянскихъ монастырей Аѳонской горы. Тамъ нѣкоторое время пребывалъ и оттуда вывезъ въ Россію большое количество сербскихъ рукописей Кипріанъ, который былъ собственно осербившійся Болгаринъ. Онъ отличался преданностію книжному дѣлу и оставилъ послѣ себя много переводовъ и собственныхъ сочиненій. Подъ его руководствомъ и вліяніемъ развилась даже цѣлая литературная школа въ Восточной Руси; а въ Западной на томъ же поприщѣ дѣйствовалъ вызванный имъ въ Россію его родственникъ Григорій Самвлакъ, бывшій послѣ него, хотя и короткое время, митрополитомъ Кіевскимъ и написавшій значительное число наставительныхъ словъ и поученій. Самвлакъ также подвизался въ Аѳонскихъ монастыряхъ, изучая тамъ произведенія греческой словесности и занимаясь славянскою письменностію. Одно время онъ былъ игумномъ въ сербскомъ Дечанскомъ монастырѣ. Его слова или поученія отличаются ораторскими достоинствами. Вліяніе Кипріана и Самвлака на нашу книжную словесность отразилось болѣе всего витіеватымъ, украшеннымъ слогомъ ея послѣдующихъ произведеній. Это вліяніе подкрѣплено было еще трудами серба Пахомія, автора нѣкоторыхъ житій русскихъ святыхъ.

Житія святыхъ составляли наиболѣе любимое чтеніе нашихъ предковъ, и этотъ отдѣлъ является самымъ распространеннымъ въ Древнерусской литературѣ, а потому заслуживаетъ особаго вниманія.

По примѣру Кіевопечерскаго Патерика или Сборника Житій, которому начало положено было знаменитымъ Несторомъ, обычай прославленія святыхъ мѣстночтимыхъ постепенно распространился и на другіе края Русскіе. Въ періодъ дробленія Руси на удѣлы, каждая область, жившая самостоятельной политической жизнію, имѣвшая свое особое гражданское управленіе, естественно стремилась также имѣть и свои собственныя святыни (прославленные храмы, чудотворныя иконы, мощи); старалась прославлять тѣхъ святыхъ мужей, которые въ ней подвизались и которые почитались ея заступниками и покрови-

телями (патронами). Отсюда къ концу Удѣльновѣчевого періода, кромѣ немногочисленныхъ общерусскихъ святыхъ (Владиміра, Ольги, Бориса и Глѣба, Θеодосія Печерскаго и нѣкоторыхъ другихъ), мы видимъ довольно большое число областныхъ, мѣстночтимыхъ угодниковъ, для прославленія которыхъ сочиняются похвалы и житія. Впослѣдствіи авторъ одного изъ такихъ житій (св. Прокопія Устюжскаго) простодушно замѣтилъ, что „каждая страна или градъ блажитъ и славитъ, и похваляетъ своихъ чудотворцевъ". „Великій Новгородъ *блажитъ* архіепископовъ Іоанна и Евфимія, Никиту и Іону, преп. Варлаама, Савву и Михаила Клопскаго. Псковъ же градъ блажитъ благовѣрныхъ князей Всеволода и Довмонта. Московское же царство блажитъ и славитъ преосвященныхъ митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іону... Ростовъ же блажитъ и славитъ епископовъ Леонтія и Исаію, и Авраамія... Смоленскій же градъ и Ярославль блажитъ и славитъ великаго князя Θеодора и чадъ его Давида и Константина". И т. д. Съ теченіемъ времени похвалы и житія этихъ мѣстночтимыхъ святыхъ составили цѣлые областные отдѣлы русской агіографіи.

Изъ такихъ областныхъ цикловъ въ Сѣверной Россіи извѣстны житія Ростовскія, Муромскія, Новогородскія и Смоленскія, а съ XIV вѣка Московскія, Тверскія и Суздальско-Нижегородскія. Но эти житія, хотя заключали въ себѣ не мало чудеснаго и легендарнаго и успѣли выработать нѣкоторые общіе пріемы и общія выраженія, однако ихъ разсказъ былъ простъ, незатѣйливъ, кратокъ и довольно близко передавалъ разныя обстоятельства времени и жизни святого, мѣстныя черты быта и природы. Въ такомъ видѣ существовало и житіе перваго Московскаго митрополита Петра, написанное его младшимъ современникомъ, Ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Кипріанъ очевидно не хотѣлъ удовольствоваться этимъ сухимъ, безыскусственнымъ произведеніемъ, а предпринялъ собственный трудъ, чтобы возможно болѣе прославить своего знаменитаго предшественника и описать его подвиги соотвѣтственнымъ его значенію высокимъ литературнымъ стилемъ. Онъ прибавилъ разныя подробности, которыхъ не было у Прохора, и опустилъ то, что находилъ не подобающимъ своей главной цѣли, т. е. прославленію святого. Свой разсказъ онъ начинаетъ реторическимъ предисловіемъ, вставляетъ въ него многія разсужденія и заканчиваетъ краснорѣчивою похвалою святому. Прославляя Петра митрополита и возвышая его значеніе, Кипріанъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвеличивалъ Москву съ ея княжескимъ родомъ надъ

всѣми другими частями Россіи, стараясь такимъ образомъ оправдать и упрочить перенесеніе сюда общерусской митрополіи. Этотъ украшенный реторическими пріемами трудъ Кипріана сдѣлался образцомъ, которому старались подражать послѣдующіе писатели, трудившіеся на поприщѣ сѣвернорусской агіографіи.

Къ Московской литературной школѣ, во главѣ которой сталъ Кипріанъ, примкнула и письменность собственно Троицко-Сергіевская. Вѣрная преданіямъ своего основателя, весьма любившаго книжное дѣло, знаменитая Лавра скоро сдѣлалась новымъ и важнымъ средоточіемъ Сѣвернорусскаго духовнаго просвѣщенія, собирая отовсюду многія книги въ свою библіотеку и поощряя своихъ иноковъ къ литературнымъ занятіямъ. Еще Кипріанъ не сошелъ въ могилу, когда изъ среды троицкихъ монаховъ и даже непосредственныхъ учениковъ Сергія выступилъ біографъ сего послѣдняго, *Епифаній*. Этотъ даровитый русскій монахъ воспользовался всѣми средствами того времени для своего книжнаго образованія. Судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ о самомъ себѣ, онъ много путешествовалъ, побывалъ въ Царьградѣ, на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова. А мы знаемъ, что этотъ монастырь, устроенный при Ростовской епископіи и названный „Затворомъ“, имѣлъ по тому времени богатыя собранія греческихъ и славянскихъ рукописей и служилъ важнымъ средоточіемъ книжной образованности въ Сѣверной Руси. Епифаній пребывалъ здѣсь въ одно время съ Стефаномъ, послѣ просвѣтителемъ Пермскимъ, сдружился съ нимъ, вмѣстѣ занимался изученіемъ духовной словесности и вскорѣ послѣ его смерти написалъ его житіе. Итакъ, литературная извѣстность Епифанія основана главнымъ образомъ на двухъ его агіобіографическихъ трудахъ: на жизнеописаніи Стефана Пермскаго и Сергія Радонежскаго. Труды эти, относящіеся къ началу XV вѣка, обнаруживаютъ, во-первыхъ, большую начитанность въ авторѣ, а во-вторыхъ, значительный литературный талантъ. На ихъ витіеватомъ, краснорѣчивомъ языкѣ, испещренномъ многими искусственными оборотами и выраженіями, ясно отразилось вліяніе греческой и югославянской письменности. Уваженіе, которымъ пользовались сочиненія Епифанія въ древней Руси, выразилось въ данномъ ему прозваніи „Премудраго“. Кромѣ Сергіева житія онъ написалъ еще „Похвальное слово“ этому святому. Но его жизнеописаніе Сергія болѣе извѣстно не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ той передѣлкѣ и сокращеніи, которымъ оно подверглось подъ перомъ *Пахомія Серба*.

Этотъ ученый инокъ Аѳонской горы, искусный въ книжномъ дѣлѣ, въ княженіе Василія Темнаго прибылъ въ Москву; здѣсь главнымъ образомъ занялся составленіемъ житій святыхъ и писалъ имъ каноны, по порученію высшихъ властей. Такъ, кромѣ названной біографіи Сергія, по желанію митрополита Іоны и всего освященнаго собора, Пахомій описалъ житіе, подвиги и чудеса московскаго митрополита Алексѣя; а по кончинѣ Іоны и открытіи его мощей написалъ канонъ этому святителю. По порученію великаго князя Василія, онъ ѣздилъ въ Кирилловъ монастырь собирать свѣдѣнія о святомъ основателѣ его, и написалъ житіе Кирилла Бѣлозерскаго. Между прочимъ, архіепископъ новгородскій Іона вызвалъ Пахомія въ Новгородъ, и тамъ по порученію владыки онъ отчасти передѣлалъ и украсилъ, отчасти вновь написалъ житія и каноны для нѣкоторыхъ новогородскихъ святыхъ, каковы Варлаамъ Хутынскій, архіепископы Моисей и Евфимій, преподобный Савва Вишерскій и пр.; за что владыка одарилъ его „многимъ серебромъ, кунами и соболями". Вообще это былъ писатель, хотя не столь талантливый какъ Епифаній, но очень плодовитый, котораго произведенія много читались въ древней Руси и служили образцами для послѣдующихъ русскихъ агіобіографовъ. Онъ главнымъ образомъ установилъ тѣ однообразные пріемы и выраженія для жизнеописанія и прославленія святыхъ мужей, тотъ нѣсколько холодный, реторическій стиль, которымъ слѣдовали потомъ наши составители житій. Такая печать однообразія и обиліе общихъ мѣстъ сдѣлались главною причиною, почему эти житія какъ историческій источникъ много уступаютъ болѣе простымъ и безыскусственнымъ произведеніямъ русской агіографіи въ эпоху, предшествовавшую Кипріану и Пахомію, а также и тѣмъ произведеніямъ XV вѣка, на которыхъ еще не отразилось вліяніе этихъ писателей. Для примѣра, укажемъ на новгородское житіе преподобнаго Михаила Клопскаго; сохранившіеся до нашего времени отрывки этого житія въ первоначальномъ ихъ видѣ представляютъ нѣкоторыя любопытныя историческія черты сравнительно съ позднѣйшею его передѣлкою и искусственною обработкою, гдѣ эти черты изгладились и гдѣ вмѣсто нихъ являются разныя прибавки, очевидно уже подъ московскимъ вліяніемъ. Такъ Михаилъ здѣсь называется родственникомъ Московскихъ князей и, по поводу рожденія Ивана III, пророчествуетъ о близости паденія Великаго Новгорода.

Къ богатому отдѣлу русскихъ житій, украшенныхъ легендами о чудесахъ и благочестивыми размышленіями, примыкаетъ оригинальная и довольно обильная литература историческихъ сказаній или такъ наз.

„умильныхъ повѣстей“ о русскихъ князьяхъ, замѣчательныхъ лицахъ и знаменитыхъ событіяхъ,—также сохраняющая свои областные или мѣстные оттѣнки, Владимірскіе, Ростовскіе, Новгородскіе, Псковскіе, Смоленскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Ярославскіе, Московскіе. Таковы сказанія: новогородское—объ Александрѣ Невскомъ или собственно о побѣдѣ надъ Шведами, псковское—о князѣ Довмонтѣ, рязанское—о нашествіи Батыя и Евпатіи Коловратѣ, тверское—о убіеніи въ Ордѣ Михаила Тверскаго, ростовское—о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ, ярославское—о князѣ Ѳедорѣ Черномъ, муромское—о князѣ Петрѣ и супругѣ его Ѳевроніи, московскія—о началѣ Москвы, о разореніи ея Тохтамышемъ, о нашествіи Тамерлана и принесеніи Владимірской иконы, о житіи и кончинѣ Димитрія Донского и пр. Въ циклѣ московскихъ повѣстей самое видное мѣсто занимаетъ реторическое „Сказаніе“ или „Повѣданіе“ о Мамаевомъ побоищѣ. Сочинителемъ этого сказанія считался какой-то рязанецъ Софоній, который написалъ его вскорѣ послѣ самой битвы въ похвалу князьямъ Димитрію Донскому и Владиміру Храброму. Сочинитель явно подражалъ извѣстному Слову о Полку Игоревѣ, такъ что заимствовалъ изъ него цѣлые обороты и выраженія. Хотя онъ далеко уступалъ автору этого Слова въ поэтическомъ талантѣ и, будучи вѣроятно лицомъ духовнымъ, усвоилъ себѣ витіеватый книжный стиль своего времени; тѣмъ не менѣе произведеніе его не лишено нѣкоторыхъ поэтическихъ картинъ.

Къ сожалѣнію это произведеніе не дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Составляя одно изъ любимѣйшихъ чтеній въ древней Руси, оно подвергалось разнымъ вставкамъ и передѣлкамъ, вызывало подражанія и заимствованія; такъ что получилось нѣсколько сказаній (собственно разныхъ редакцій или варіантовъ), и теперь трудно отдѣлить то, что принадлежало первоначальному сочинителю. Во всякомъ случаѣ, если сравнимъ это Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ съ Словомъ о полку Игоревѣ, то ясно увидимъ, насколько русское литературное и поэтическое творчество Татарской эпохи стоитъ ниже эпохи до-Татарской; слѣдовательно, варварское иго и въ этой области неизбѣжно наложило свою тяжелую печать и отодвинуло назадъ болѣе разностороннее и болѣе свободное развитіе образованности и народнаго генія.

Къ отдѣлу повѣстей и сказаній относятся и многія областныя легенды, проникнутыя элементомъ чудеснаго. Эти легенды обыкновенно связаны или съ основаніемъ какого-либо храма, или съ прославленіемъ какой-либо мѣстной святыни. Подобными сказаніями осо-

бенно богата новгородская письменность. Таковы, напримѣръ, легенды: о посадникѣ Добрынѣ и построеніи Варяжской божницы, о путешествіи архіепископа Іоанна въ Іерусалимъ въ одну ночь, о посадникѣ Щилѣ, о побѣдѣ Новогородцевъ надъ Суздальцами или о чудѣ отъ иконы Богородицы, о чудесномъ принесеніи бѣлаго святительскаго клобука изъ Рима въ Новгородъ, о видѣніи понамаря Тарасія и т. д. Послѣдняя легенда, т.-е. видѣніе Тарасія, принадлежитъ къ циклу легендъ объ одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Новгородѣ святыхъ, о Варлаамѣ Хутынскомъ. Содержаніе ея слѣдующее: однажды ночью въ Спасскомъ храмѣ Хутынскаго монастыря понамарь его Тарасій увидалъ всѣ свѣчи зажженными и преподобнаго Варлаама, исходящаго изъ своей гробницы. Преподобный возвѣщаетъ Тарасію близкую гибель Великаго Новгорода и посылаетъ его на церковный верхъ. Въ первый разъ Тарасій увидалъ озеро Ильмень высоко поднявшимся надъ городомъ и готовымъ его поглотить. Варлаамъ усердно молится и посылаетъ понамаря вторично на верхъ. Тотъ видитъ множество ангеловъ, огненными стрѣлами поражающихъ новгородскихъ мужей и женъ. Святой опять молится и посылаетъ Тарасія въ третій разъ; тотъ видитъ надъ городомъ огненную тучу. Варлаамъ объясняетъ, что молитвами Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ Господь помилуетъ Новгородъ отъ страшнаго потопа, грозившаго потопить весь городъ за его беззаконія и неправды; но пошлетъ на него сначала трехлѣтнюю моровую язву, а потомъ сильный пожаръ, который истребитъ Торговую сторону. Что и сбылось согласно съ словами Преподобнаго.

Къ области историческихъ произведеній въ древней Руси слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя записки русскихъ людей объ ихъ путешествіяхъ или хожденіяхъ въ чужія страны. При большомъ количествѣ русскихъ паломниковъ, ходившихъ на поклоненіе святынямъ въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ, естественно нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе книжные, потомъ въ назиданіе другимъ описывали видѣнное и слышанное, по примѣру извѣстнаго „хожденія“ Даніила игумена въ началѣ XII вѣка. Въ половинѣ XIV в. описалъ свое путешествіе въ Царьградъ новогородскій инокъ *Стефанъ*. Здѣсь съ особеннымъ удивленіемъ онъ говоритъ о великолѣпіи Цареградской Софіи и распространяется о конной статуѣ Юстиніана Великаго. Любопытно его извѣстіе о томъ, что Цареградскій Студійскій монастырь попрежнему служитъ пріютомъ для русскихъ паломниковъ и книжниковъ. Стефанъ встрѣтилъ тамъ двухъ своихъ земляковъ Новгородцевъ, которые занимались списываніемъ книгъ. Отъ конца того же столѣтія имѣемъ

„хожденіе“ митрополита Пимена въ Царьградъ, написанное однимъ изъ его спутниковъ, именно смоленскимъ іеродіакономъ *Игнатіемъ*. Отрывки изъ этого путешествія, относящіеся къ странамъ Рязанскимъ и Подонскимъ, мы привели выше. Затѣмъ онъ также описываетъ Цареградскія святыни, а послѣ того вкратцѣ говоритъ о посѣщеніи Іерусалима, куда ѣздилъ уже одинъ. Въ его описаніе вставлены два любопытные разсказа о совершившихся въ то время событіяхъ: первый о турецкомъ султанѣ Амуратѣ и его смерти (на Коссовомъ полѣ), второй о вѣнчаніи на царство византійскаго императора Мануила.

Отъ XV вѣка имѣемъ путешествіе іеродіакона Троицкой Лавры *Зосимы*, посѣтившаго Царьградъ, Аѳонъ и Іерусалимъ, и записи суздальскаго іеромонаха *Симеона*, одного изъ спутниковъ митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ. Эти любопытныя записки проникнуты постояннымъ удивленіемъ автора къ видѣннымъ имъ нѣмецкимъ и итальянскимъ городамъ, къ ихъ прекраснымъ каменнымъ зданіямъ, фонтанамъ, статуямъ, часозвонамъ съ хитрымъ механизмомъ и другимъ чертамъ западно-европейской гражданственности, въ то время уже далеко ушедшей впередъ сравнительно съ нашею Русью. Тому же Симеону, повидимому, принадлежитъ и любопытная „повѣсть“ объ осьмомъ или Флорентійскомъ соборѣ. А главному спутнику Исидора суздальскому епископу *Авраамію* приписываютъ разсказъ о видѣнномъ имъ въ одномъ Флорентійскомъ монастырѣ представленіи божественной мистеріи „Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы“. Самое же дальнее и самое необычное путешествіе совершено было въ этомъ вѣкѣ тверскимъ купцомъ *Аѳанасіемъ Никитинымъ*. Увлекаемый торговою предпріимчивостью и жаждою видѣть новыя страны, онъ Волгою и Каспійскимъ моремъ отправился въ Персію, а оттуда моремъ же пробрался въ Индію, гдѣ пробылъ три года. Послѣ многихъ приключеній и опасностей онъ вернулся на Русь въ 1472 году. Свое путешествіе и видѣнныя имъ разныя диковинки Никитинъ описалъ подъ именемъ „Хожденія за три моря“. Въ этомъ описаніи вездѣ сказывается горячая преданность автора православію и родинѣ. Никитинъ постоянно скорбитъ о томъ, что посреди басурманъ не могъ строго соблюдать православные посты и праздники; а изъ всѣхъ странъ міра самая прекрасная, по его мнѣнію, это Русская земля.

По всей вѣроятности, кѣмъ-либо изъ русскихъ паломниковъ, посѣщавшихъ святыя мѣста на Греческомъ востокѣ и наблюдавшихъ совершавшіяся тамъ событія, написана довольно пространная повѣсть „о созданіи Царьграда и взятіи его Турками“, возбуждавшая, оче-

видно, большой интересъ у нашихъ предковъ. Несомнѣнно историческія подробности здѣсь, по обычаю того времени, перемѣшаны съ нѣкоторыми легендарными чертами. Но любопытно, во-первыхъ, то, что авторъ по части правосудія и крѣпости нравовъ отдаетъ предпочтеніе Туркамъ передъ Греками; чѣмъ и объясняетъ паденіе царства сихъ послѣднихъ. А, во-вторыхъ, уже въ тѣ времена, какъ видно изъ той же повѣсти, сложилось предсказаніе, что Русскій народъ нѣкогда низвергнетъ Турецкую державу и водворится въ Седмихолмномъ городѣ.

Но всѣ произведенія собственно Русской словесности составляли только часть того, что находилось въ обращеніи или что списывалось и читалось нашими предками. У нихъ была довольно обширная литература переводная или собственно Византійская, преимущественно духовнаго содержанія, т.-е. заключающая въ себѣ книги Священнаго писанія и толкованія на нихъ, творенія Отцовъ церкви, книги богослужебныя, житія святыхъ, церковныя поученія и пр., а также и содержанія свѣтскаго, съ заимствованіями изъ литературы Персидской, Арабской и даже Индійской. Переводы этихъ книгъ отчасти переходили къ намъ отъ южныхъ Славянъ, но многіе были исполнены прямо Русскими или для Россіи. Вся сія книжная словесность того времени дошла до насъ по преимуществу въ видѣ многочисленныхъ рукописныхъ сборниковъ. Составленіе подобныхъ сборниковъ, очевидно, соотвѣтствовало вкусамъ и потребностямъ времени; ибо они представляли разнообразный матеріалъ для чтенія. По господствующему содержанію нѣкоторые сборники, какъ и прежде, носили особыя заглавія; напримѣръ: „палея", если заключали въ себѣ преимущественно сказанія ветхозавѣтныя; „хронографъ", если представляли собраніе разсказовъ изъ Всеобщей исторіи, иногда съ примѣсью Русской; „прологъ" и „патерикъ" — сборники житій; далѣе, „златоструй", „измарагдъ", „златая цѣпь", а также „каноники", „трефолои" (сборники каноническіе и богослужебные) и пр. Но большая часть дошедшихъ до насъ рукописныхъ сборниковъ не имѣла никакихъ заглавій и названій и заключала въ себѣ статьи самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ рядомъ съ житіемъ святого, или съ нравственнымъ поученіемъ, или съ сочиненіемъ противъ Латинъ и т. п. встрѣчаются: сказки о Соломонѣ, о Троянской войнѣ, объ Акирѣ Премудромъ, повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ, Александрія (сказанія объ Александрѣ Македонскомъ), фантастическое сказаніе объ Индійскомъ

царствѣ, *Стефанитъ* и *Ихнилатъ* (заимствованное изъ Индіи собраніе басенъ и нравоучительныхъ притчей), сказаніе „о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ“ (жившемъ въ первой половинѣ XV вѣка и отличавшемся своею жестокостію) и пр. Посреди переводныхъ статей здѣсь нерѣдко видимъ и чисто русскія произведенія. Впрочемъ произведенія литературы переводной и югославянской очень часто при переписываніи подвергались сокращеніямъ или дополненіямъ, и вообще передѣлывались согласно съ понятіями и вкусомъ русскихъ книжниковъ, и такимъ образомъ получали русскую редакцію.

Въ составѣ этой переводной и югославянской литературы видное мѣсто занимали книги „отреченныя“ или „апокрифическія“, т.-е. разныя легенды о событіяхъ и лицахъ Священной и Церковной исторіи, признаваемыя церковью ложными. Высшая іерархія обыкновенно вооружалась противъ такихъ произведеній, запрещала ихъ чтеніе и составляла индексы, т.-е. перечни отреченныхъ или ложныхъ книгъ. Такъ, митрополитъ Кипріанъ въ своемъ Молитвенникѣ помѣстилъ цѣлую статью „о книгахъ запрещенныхъ“. Въ числѣ ихъ упоминаются: сказанія объ Адамѣ, Энохѣ, патріархахъ, о лѣствицѣ Іаковлѣ, о Китоврасѣ или Асмодеѣ (изъ цикла легендъ о Соломонѣ), о крестномъ древѣ Спасителя, хожденіе Богородицы по мукамъ и пр. Содержаніе послѣдней легенды заключается въ томъ, что Богородица въ сопровожденіи архангела Михаила входитъ въ адъ, чтобы видѣть муки грѣшниковъ: на одномъ мѣстѣ томятся во тьмѣ невѣрные или язычники, на другомъ грѣшники мучаются въ волнахъ огненной рѣки, на третьемъ въ огненномъ облакѣ, на четвертомъ въ кипящей смолѣ (іудеи), на пятомъ въ огненномъ озерѣ. Богородица молитъ Бога Отца избавить грѣшниковъ отъ мученій, но тщетно. Она созываетъ пророковъ и апостоловъ, наконецъ приглашаетъ всѣ силы небесныя, чтобы молились съ нею, павши ницъ передъ престоломъ Господа. Тогда Богъ послалъ своего Единороднаго Сына, и Сынъ Божій далъ мучающимся въ аду покой отъ мученій съ Великаго четверга до святой Пятидесятницы.

Подобныя апокрифическія легенды были весьма распространены въ Средніе вѣка во всемъ христіанскомъ мірѣ. Первоначально онѣ не возбуждали противодѣйствія, такъ какъ имѣли вообще благочестивый, поучительный характеръ. Но потомъ ими стали пользоваться разныя еретическія секты. Такъ, въ Россіи онѣ распространялись преимущественно изъ Болгаріи, гдѣ получили примѣсь Богумильской ереси. А у насъ подвергались еще новымъ передѣлкамъ и примѣси

разныхъ народныхъ суевѣрій. Но напрасно церковная іерархія вооружалась противъ этихъ произведеній. Они удовлетворяли незатѣйливому вкусу нашихъ предковъ и потребности въ чудесныхъ и вмѣстѣ благочестивыхъ разсказахъ; а потому количество подобныхъ книгъ постепенно умножалось, и онѣ часто встрѣчаются въ сборникахъ той эпохи, особенно въ такъ называемыхъ палеяхъ. Сами пастыри церкви не были иногда чужды тѣмъ вѣрованіямъ, которыя распространялись отреченными книгами; примѣръ чему мы видѣли у архіепископа новогородскаго Василія въ его посланіи о сохранившемся земномъ раѣ. Нѣкоторыя ложныя сказанія изъ палеи проникли и въ наши лѣтописи.

Къ отдѣлу той же отреченной литературы надобно отнести ложныя молитвы, употреблявшіяся при заговорахъ противъ болѣзней и разныхъ бѣдствій, и суевѣрныя гадательныя записи. Заговорныя молитвы обращались обыкновенно къ какому-либо святому; напримѣръ: отъ зубной боли къ священномученику Антонію, отъ оспы къ мучен. Конону, отъ пожаровъ къ св. епископу Никитѣ, лихорадки къ св. Сисинію и т. д. Подобныя молитвы очевидно проникнуты языческими суевѣріями, и обыкновенно связаны были съ какимъ-либо апокрифическимъ сказаніемъ или миѳомъ. Такъ, заговоры противъ лихорадокъ или трясовицъ излагаются въ видѣ цѣлой поэмы, гдѣ сіи послѣднія, въ количествѣ то семи, то двѣнадцати, называются дочерями Ирода, но въ сущности являются какими-то демоническими существами. На вопросы св. Сисинія эти трясавицы отвѣчаютъ, что онѣ назначены мучить родъ человѣческій, и каждая имѣетъ свое особое имя: одна называется *Трясея,* другая *Огнея,* третья *Ледея*, четвертая *Гнетея* и т. д. По молитвѣ Сисинія Господь посылаетъ ему на помощь святыхъ Сихайла и Аноса и четырехъ Евангелистовъ, которые и начали жестоко бить трясавицъ желѣзными дубцами. Заговоръ противъ лихорадокъ поэтому и состоитъ въ заклинаніи ихъ именами Сисинія, Сихайла, Аноса и Евангелистовъ удалиться отъ раба Божія (имя рекъ), угрожая въ противномъ случаѣ призвать на окаянныхъ трясавицъ помянутыхъ святыхъ съ ихъ желѣзнымъ дубьемъ. Суевѣрныя гадательныя книги назывались вообще „волховники“, „колядники“ (отъ латин. calendae, откуда *календарь),* „рафли“ и т. п. Нѣкоторыя носили особыя имена; таковы: „Громовникъ“, въ которомъ объясняются предзнаменованія по громовымъ ударамъ; „Вороноградъ“ заключаетъ примѣты и гаданія по крику вороновъ; „Сонникъ“—по сновидѣніямъ, и т. п. Къ этимъ гаданіямъ нерѣдко примѣшиваются имена

изъ Ветхаго и Новаго завѣта, а также имена языческихъ боговъ и разныя миѳическія повѣрья ([89]).

Весьма видное мѣсто въ Русской книжной словесности данной эпохи занимаетъ отдѣлъ лѣтописный или собственно историческій. Иначе не могло и быть уже въ силу общихъ причинъ: историческій народъ всегда болѣе или менѣе дорожитъ своимъ прошедшимъ и заботится о передачѣ своихъ дѣяній потомкамъ. Притомъ лѣтописное дѣло, какъ мы видѣли выше, рано пріобрѣло на Руси значеніе почти государственное (полуофиціальное): оно развилось подъ покровительствомъ княжескимъ, при непосредственномъ участіи церковныхъ властей. Такъ какъ это дѣло не было плодомъ личнаго творчества, а велось преемственно и, по всѣмъ признакамъ, поручалось людямъ избраннымъ, для того подходящимъ, преимущественно монахамъ, поэтому наши лѣтописи и отличаются такимъ безличнымъ характеромъ: онѣ почти не сообщаютъ намъ именъ своихъ составителей. Только изрѣдка и случайно лѣтописецъ или списатель успѣвалъ гдѣ-нибудь вставить свое имя. Составители нашихъ лѣтописей пользовались разными находящимися у нихъ подъ руками источниками, какъ-то историческими сказаніями и повѣстями, житіями святыхъ, хронографами, правительственными грамотами, синодиками или церковными поминальниками, разсказами очевидцевъ и современниковъ, народными преданіями и слухами, и т. п.

Сообразно съ дробленіемъ Руси на отдѣльныя области, лѣтописные своды, какъ извѣстно, еще въ до-Татарскую эпоху раздѣлялись по нѣсколькимъ средоточіямъ, сохраняя однако въ основѣ своей трудъ начальнаго Кіевскаго лѣтописца (Сильвестра Выдубецкаго). Только въ самомъ Кіевѣ, со времени Батыева погрома, съ потерею политической самобытности прекратилось, повидимому, лѣтописное дѣло. Непосредственнымъ продолженіемъ Кіевскаго свода является лѣтопись Галицко-Волынская, составленная по всѣмъ признакамъ въ концѣ XIII вѣка при дворѣ Мстислава Львовича. Эта лѣтопись посвящена дѣяніямъ Даніила Романовича Галицкаго и его ближайшихъ преемниковъ; она написана живымъ, образнымъ, мѣстами даже поэтическимъ языкомъ, и обилуетъ любопытными подробностями и описаніями. Въ ней сказывается еще та сравнительно высокая степень развитія, которой достигла русская книжная словесность въ эпоху предъ-Татарскую. Эта Южная или Галицко-Волынская лѣтопись, вмѣстѣ съ предпосланнымъ ей Кіевскимъ сводомъ, сохранилась въ такъ называемомъ Ипатьевскомъ спискѣ XV вѣка (принадлежавшемъ Ипатьевскому

монастырю). Весьма замѣтное различіе съ ней представляетъ Сѣверный или Суздальскій сводъ (по Лаврентьевскому списку), прекращающійся почти на томъ же времени, именно на началѣ XIV вѣка, но составленный нѣсколько позднѣе и уже на другой почвѣ. Этотъ сводъ, какъ и предыдущій, заключаетъ въ себѣ начальную Кіевскую лѣтопись Сильвестра Выдубецкаго, послѣ которой идутъ извѣстія преимущественно о суздальскихъ князьяхъ. Вторая или собственно Суздальская часть свода очевидно составлена по мѣстнымъ записямъ, Ростовскимъ, Владимірскимъ, Переяславскимъ и Тверскимъ. Разсказъ ея сухъ, при своемъ многословіи даетъ мало подробностей, и обилуетъ благочестивыми размышленіями и сравненіями. Въ концѣ свода находится любопытная приписка, изъ которой мы узнаемъ, что книга была написана въ 1377 году монахомъ Лаврентіемъ по порученію великаго князя Димитрія Константиновича Нижегородскаго (тесть Димитрія Донского) и по благословенію Суздальскаго епископа Діонисія (извѣстнаго соискателя митрополичьяго престола). „Радуется купецъ прикупъ сотворивъ—говорится въ той же припискѣ,—и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; тако же радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, тако же и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентій мнихъ“. „И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените; занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ“. Слѣдовательно монахъ Лаврентій самъ называетъ себя только *списателемъ*, т.-е. переписчикомъ, а не сочинителемъ лѣтописи. Но его слова о томъ, что передъ нимъ были книги (собственно рукописи) уже старыя, ветхія и что онъ могъ надѣлать погрѣшностей, указываютъ пожалуй не на одну буквальную переписку, а вмѣстѣ на выборку и сводку извѣстій. Вообще большое разнообразіе дошедшихъ до насъ списковъ, хотя бы относящихся къ одному и тому же лѣтописному своду, ясно свидѣтельствуетъ, насколько списатели вносили въ свое дѣло личнаго умѣнья или усмотрѣнья.

Что касается до событій Сѣверовосточной Руси XIV и XV вѣковъ, онѣ несомнѣнно вносились въ лѣтописи Ростовскія, Тверскія, Московскія и нѣкоторыя другія. Но эти мѣстныя лѣтописи въ своемъ первоначальномъ видѣ не сохранились; онѣ дошли до насъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, принадлежавшихъ уже времени Московскаго единодержавія и составленныхъ подъ вліяніемъ и надзоромъ Московскаго правительства (Софійскій, Воскресенскій, Никоновскій,

Степенная Книга и др.). Сюда, на ряду съ подобными записками о событіяхъ, вносились многія изъ тѣхъ историческихъ сказаній и умильныхъ повѣстей, о которыхъ мы говорили выше (объ Александрѣ Невскомъ, Михаилѣ Тверскомъ, Димитріи Донскомъ и пр.), вносились житія святыхъ, выписки изъ хронографовъ, записки путешественниковъ, судебные уставы, посланія, завѣщанія и т. п. Такимъ образомъ эти своды можно назвать собственно лѣтописными сборниками. Не легко теперь выдѣлить изъ нихъ то, что принадлежало непосредственно тѣмъ безыменнымъ лѣтописцамъ, которые вели погодныя записки по порученію князей или епископовъ. На государственный характеръ этихъ записокъ указываетъ, напримѣръ, слѣдующая замѣтка одного московскаго лѣтописца подъ 1409 годомъ (сохранившаяся въ Никоновскомъ сводѣ). Описавъ бѣдственное нашествіе на Москву Эдигеевой рати, онъ какъ бы въ оправданіе себя ссылается на образецъ „начальнаго лѣтословца Кіевскаго", когда „первые наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати; яко же при Володимірѣ Мономахѣ онаго великаго Сильвестра Выдобыжскаго неукрашая пишущаго да аще хощеши прочти тамо прилежно". Въ концѣ XIII вѣка, какъ мы видѣли, Мстиславъ Львовичъ Волынскій въ наказаніе Берестьянамъ за ихъ крамолу велѣлъ извѣстіе о ней внести въ Волынскую лѣтопись. Въ XV вѣкѣ, во время спора Юрія Дмитріевича съ племянникомъ Василіемъ въ Ордѣ первый старался подкрѣпить свои притязанія ссылкою на лѣтописи. А сынъ Василія Иванъ III, какъ увидимъ, доказывалъ Новогородцамъ ихъ неправды, также ссылаясь на лѣтописи. Слѣдовательно, лѣтописи не только служили чтеніемъ для людей любознательныхъ, но имѣли и прямое приложеніе въ дѣлахъ политическихъ или правительственныхъ. При составленіи сводовъ нерѣдко къ событію, записанному подъ извѣстнымъ годомъ, прибавлялись извѣстія или разсказы, сложившіеся объ этомъ событіи гораздо позднѣе, и только иногда случайная замѣтка даетъ намъ понятіе о такой вставкѣ.

Напримѣръ, въ позднѣйшихъ, т.-е. Московскихъ, сводахъ подъ 1415 годомъ при извѣстіи о рожденіи Василію Дмитріевичу сына Василія разсказывается слѣдующее. Роды были трудные: Софья Витовтовна долго мучилась и казалась близкою къ смерти. Въ то время за Москвой рѣкой въ монастырѣ Іоанна Предтечи „подъ боромъ" жилъ нѣкій святой старецъ. Великій князь посылаетъ къ нему, чтобы помолился о его княгинѣ. Старецъ отвѣчалъ посланному: „поди и скажи Великому князю, чтобы помолился Господу Богу, Пречистой

Его Матери и великому мученику Логину Сотнику, понеже онъ данъ отъ Бога помощникомъ всему роду вашему; а о княгинѣ своей не скорби, здрава будетъ и въ сей вечеръ родитъ сына, наслѣдника тебѣ"; еже и бысть. Въ часъ этого рожденія къ духовнику Великаго князя, сидѣвшему въ своей кельѣ въ Спасскомъ (придворномъ) монастырѣ, кто-то постучался въ дверь и сказалъ: „иди, нареки имя великому князю Василій". Духовникъ вышелъ изъ келіи, но у дверей никого не было; однако онъ пошелъ во дворецъ, и дорогою повстрѣчалъ посланнаго, который шелъ звать его за тѣмъ, чтобы наречь имя новорожденному сыну великаго князя. Духовникъ нарекъ его Василіемъ, и потомъ тщетно разыскивалъ того, кто стучался къ нему въ дверь. Этотъ разсказъ въ лѣтописяхъ приводится безъ всякихъ поясненій о томъ, изъ какого источника онъ заимствованъ. Но въ одномъ сводѣ (Воскресенскомъ) сохранилась въ концѣ разсказа такая замѣтка: „мнѣ же о семъ Стефанъ дьякъ сказа, а о прежнемъ прореченіи старца Дементій печатникъ, а сему повѣда великая княгиня Марія". Эта великая княгиня конечно есть никто иная какъ Марія Ярославна, супруга Василія Темнаго, пережившая его многими годами. Отсюда мы заключаемъ, что легенда, связанная съ рожденіемъ Василія Васильевича, вставлена въ лѣтопись не ранѣе послѣдней четверти XV вѣка, и принадлежитъ къ тѣмъ благочестивымъ сказаніямъ, которыя имѣли цѣлью прославленіе рода великихъ князей Московскихъ.

Мѣстный или областный характеръ лѣтописей неизбѣжно выражался какъ въ явномъ пристрастіи къ своимъ князьямъ или іерархамъ, такъ и въ непріязненномъ тонѣ по отношенію къ другимъ областямъ, съ которыми случались столкновенія. Суздальско-Московскіе лѣтописцы, напримѣръ, иногда недружелюбно относятся къ Рязанцамъ и Новгородцамъ; а Новгородскіе къ Тверичамъ и Москвичамъ. Такія взаимныя отношенія лѣтописцевъ необходимо поэтому брать въ разсчетъ при оцѣнкѣ ихъ извѣстій. Новогородскія лѣтописи въ эту эпоху, какъ и прежде, составляли особую группу; онѣ велись конечно подъ надзоромъ владычнимъ, въ духѣ Новгородской самобытности и слѣдили преимущественно за событіями своей земли. Съ XIV вѣка, когда Псковъ пріобрѣлъ политическую самостоятельность, появляются особыя лѣтописи Псковскія.

Въ Западной или Литовской Руси въ XIV и XV вѣкѣ продолжали вестись лѣтописи на Русскомъ языкѣ; онѣ повѣствуютъ собственно о дѣяніяхъ князей Литовскихъ и преимущественно о родѣ Гедимина. Извѣстія этихъ лѣтописей находимъ въ нѣсколькихъ позд-

нѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ и у нѣкоторыхъ польскихъ хронистовъ, напримѣръ, у извѣстнаго Длугоша, писавшаго во второй половинѣ XV вѣка (30).

Относительно самаго вещества, на которомъ писали въ древней Руси, въ XIV вѣкѣ происходитъ важная перемѣна: вмѣсто прежнихъ харатейныхъ или пергаменныхъ, встрѣчаемъ рукописи, писанныя на бумагѣ хлопчатой и тряпичной. А въ концѣ этого столѣтія въ Сѣверовосточной Руси, судя по лѣтописямъ, вмѣсто марта новый годъ начинается съ сентября; но лѣтосчисленіе попрежнему ведется отъ сотворенія міра. Что касается до самаго письма, то въ рукописяхъ XIV и XV вѣковъ преобладаетъ такъ называемый полууставъ.

Многія рукописи данной эпохи, такъ же какъ предыдущей, обильно украшены миніатюрами, т.-е. рисунками заглавныхъ буквъ и заставокъ. Въ обозрѣніи предыдущаго періода мы замѣтили, что древніе русскіе живописцы въ этой отрасли искусства (въ орнаментѣ) проявили не мало самобытнаго художественнаго творчества, на основѣ византійскихъ и югославянскихъ образцовъ. Любопытно, что дальнѣйшіе успѣхи миніатюрной живописи продолжались у насъ и въ эпоху Татарскаго ига: прихотливое сочетаніе человѣческихъ фигуръ и разныхъ звѣриныхъ чудовищъ, грифоновъ и драконовъ, переплетенныхъ ремнями и змѣиными хвостами, изображенныхъ яркими и вмѣстѣ нѣжными красками—это ласкающее глазъ *узорочье* достигаетъ замѣчательной степени своеобразнаго развитія именно въ рукописяхъ XIV вѣка. Впрочемъ, подобныя рукописи большею частію относятся къ письменности Новогородской, слѣдовательно къ тому краю, который менѣе другихъ испытывалъ на себѣ непосредственный гнетъ отъ варваровъ. Въ рукописныхъ орнаментахъ XV вѣка замѣтенъ уже явный упадокъ этого самобытно развившагося русскаго стиля (такъ назыв. „тератологическаго", т.-е. звѣринаго); слѣдовательно, общій упадокъ просвѣщенія и болѣе свободнаго развитія и тутъ оказалъ свое дѣйствіе. Въ этихъ орнаментахъ вновь является близкое подражаніе рукописямъ византійскимъ и болгаро-сербскимъ, преимущественно исполненнымъ въ Аѳонскихъ монастыряхъ; что соотвѣтствуетъ, указанному выше, усилившемуся съ конца XIV вѣка византійско-славянскому вліянію на нашу письменность вообще. На мѣсто затѣйливыхъ звѣриныхъ и человѣческихъ фигуръ въ рукописныхъ орнаментахъ теперь преобладаютъ вплетающіеся другъ въ друга кружки и рѣшетчатыя сплетенія изъ ремней.

Въ отдѣлѣ иконописанія Русское искусство этой эпохи продолжало строго держаться византійскихъ образцовъ, и учителями нашими попрежнему являлись Греки, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ лѣтописи. Въ наибольшей чистотѣ греческая или корсунская иконопись процвѣтала въ Новгородѣ. Такъ, въ первой половинѣ XIV вѣка здѣсь упоминается о работахъ иконниковъ подъ руководствомъ Гречина Исаіи, а во второй Гречина Ѳеофана. Нѣсколько болѣе самостоятельности проявляетъ въ эту эпоху Московская иконопись; она начала развиваться со времени Петра митрополита, уроженца Югозападной Руси, который самъ владѣлъ иконописнымъ художествомъ. Любопытно, что его преемникъ Грекъ Ѳеогностъ поручилъ расписывать соборный Успенскій храмъ своимъ греческимъ мастерамъ; а въ это же время великій князь Симеонъ Гордый отдалъ росписаніе Архангельскаго собора „дружинѣ" русскихъ иконниковъ. Точно также и росписаніе придворнаго (монастырскаго) храма Спасо-Преображенскаго великая княгиня Анастасія Гедиминовна поручила дружинѣ русскихъ иконниковъ, во главѣ которой стояли мастера Гойтанъ, Иванъ и Семенъ; о нихъ лѣтопись прямо замѣтила, что они были родомъ Русскіе, но учились у Грековъ. Затѣмъ точно также встрѣчаемъ въ Московско-Суздальскомъ краю имена иконныхъ мастеровъ то Грековъ, то Русскихъ. Изъ среды послѣднихъ особенно выдвигается *Андрей Рублевъ*, въ первой половинѣ XV вѣка. Его имя главнымъ образомъ связано съ Троицко-Сергіевой Лаврою; слѣдуя завѣтамъ своего основателя, эта Лавра на ряду съ литературною дѣятельностію заявляетъ себя и собственною иконописною школою. Уже племянникъ Сергія Ѳеодоръ, впослѣдствіи архимандритъ Симонова монастыря и архіепископъ Ростовскій, живя въ обители своего дяди, научился иконописному искусству. Изъ той же Троицкой школы повидимому вышелъ и Андрей Рублевъ, хотя потомъ онъ былъ монахомъ одного изъ монастырей, основанныхъ по благословенію того же св. Сергія, именно подмосковнаго Спасо-Андроникова, гдѣ и скончался около 1427 года. Онъ участвовалъ въ росписаніи Троицкаго собора Сергіевой Лавры, и главнымъ его памятникомъ здѣсь служитъ мѣстная икона Св. Троицы. Далѣе по лѣтописямъ извѣстно, что онъ въ 1405 году вмѣстѣ съ инокомъ Прохоромъ и Ѳеофаномъ Гречинымъ росписывалъ въ Москвѣ придворный Благовѣщенскій соборъ, построенный Василіемъ Дмитріевичемъ; а спустя два или три года, по порученію того же великаго князя, вмѣстѣ съ иконнымъ мастеромъ Даниломъ, поновлялъ иконное письмо во Владимірскомъ Успенскомъ со-

борѣ. Иконы Рублевскаго письма отличаются строгимъ рисункомъ и нѣсколько дымчатою раскраскою (отъ преобладанія вохры). Съ этой эпохи иконописное искусство въ Москвѣ настолько упрочилось и развилось, что послѣ Рублева встрѣчаемъ только чисто русскія имена мастеровъ.

Что касается до храмового зодчества, то мы не можемъ указать въ Московской Руси ни одного дѣйствительно замѣчательнаго памятника Татарской эпохи. Здѣсь господствовалъ вообще тотъ же Владиміро-Суздальскій стиль, который развился въ предыдущую эпоху, но уже безъ его изящества и безъ тѣхъ роскошныхъ обронныхъ украшеній, которыми мы доселѣ любуемся на соборахъ Дмитріевскомъ во Владимірѣ и Георгіевскомъ въ Юрьевѣ. Наиболѣе сохранившимся въ первоначальномъ своемъ видѣ храмомъ данной эпохи является Успенскій соборъ въ Звенигородѣ. Такъ же какъ и Суздальскія церкви, онъ сложенъ изъ тесаннаго бѣлаго камня и по тому же архитектурному плану; на половинѣ своей высоты онъ снаружи также украшенъ поясомъ; но этотъ поясъ состоитъ только изъ нѣсколькихъ узорчатыхъ полосокъ, высѣченныхъ на камнѣ. Въ томъ же стилѣ имѣемъ: соборъ въ Савиномъ монастырѣ, расположенномъ въ окрестностяхъ Звенигорода, Троицкій соборъ въ Сергіевской Лаврѣ, церковь на Старомъ Симоновѣ (т.-е. у Симонова монастыря подъ Москвою); а также церковь Ризъ-Положенія и придворный Благовѣщенскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ. Эти храмы, отчасти передѣланные, отчасти вновь построенные, относятся собственно къ концу XV вѣка и даже къ началу XVI; но они сохранили Суздальскій стиль.

Хотя Новогородскій край и не подвергался такому разгрому какъ Суздальскій, однако и тамъ храмовое зодчество этой эпохи не представляетъ ничего выдающагося по своей художественности. А внѣшнія или обронныя украшенія къ нему совсѣмъ не привились. Изъ многихъ новогородскихъ построекъ Татарской эпохи, сохранившихся до нашего времени только съ нѣкоторыми передѣлками, заслуживаютъ вниманія въ самомъ Новгородѣ: церковь Покровская, подлѣ Софійскаго собора; колокольня этого собора съ пятью пролетами, воздвигнутая владыкою Евфиміемъ, и имъ же построенная часть архіерейскаго дома; церкви Ѳеодора Стратилата и Іоанна Предтечи на Опокахъ; а въ окрестностяхъ Новгорода: Благовѣщенскій храмъ на Городищѣ, вновь построенный по порученію Симеона Гордаго, церковь Николы на Липнѣ, Успенія на Волотовѣ и пр.

Относительно внутренняго устройства храмовъ на Руси, въ ту же эпоху, именно съ XIV вѣка, совершается одна важная перемѣна:

прежнія низкія алтарныя преграды, покрытыя фресковою иконописью, стали замѣняться высокимъ деревяннымъ иконостасомъ, раздѣляющимся на ярусы или „тябла". Этотъ переходъ съ особою наглядностію представляется при ближайшемъ знакомствѣ съ древними новогородскими храмами.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Великій Новгородъ и Псковъ въ данную эпоху, при своемъ народоправленіи, при своихъ богатствахъ и постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Западною Европою, не только не достигли высокой степени развитія въ области искусствъ и ремеслъ, но уже въ XV вѣкѣ еще до паденія своей самобытности начали уступать Москвѣ на этомъ поприщѣ. Напримѣръ, владыка Евфимій II извѣстенъ любовью къ постройкамъ и между прочимъ устроилъ въ своемъ саду каменную башню съ боевыми часами; но это было, повидимому, только подражаніе Москвѣ. Здѣсь ранѣе того, именно въ 1405 году, великій князь Василій Дмитріевичъ, воздвигнувъ придворный Благовѣщенскій соборъ, поставилъ подлѣ него боевые часы, по словамъ лѣтописи, „чудны вельми и съ луною"; устроилъ ихъ мастеръ-монахъ Лазарь Сербинъ, и стоили они болѣе полутораста рублевъ"—по тому времени цѣна очень значительная. Особенно въ томъ же отношеніи любопытно слѣдующее извѣстіе Псковской лѣтописи. Въ 1420 году Псковичи наняли какого-то Өедора съ его дружиною обить кровлю Троицкаго собора новыми свинцовыми досками за 44 рубля; но ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ не нашлось такого мастера, который бы умѣлъ отливать эти доски. Послали къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ; тѣ не дали мастера. Тогда изъ Москвы отъ митрополита Фотія пріѣхалъ мастеръ; онъ научилъ Өедора лить доски, и уѣхалъ назадъ. Очевидно Москва, рядомъ съ политическимъ объединеніемъ Руси, старалась также привлекать на свою службу хорошихъ мастеровъ и ремесленниковъ, какъ русскихъ, такъ и югославянскихъ. Между прочимъ, здѣсь процвѣтало искусство приготовлять украшенія для иконъ изъ дорогихъ металловъ и камней, жемчугу и финифти. Еще въ XIV вѣкѣ славились въ Москвѣ издѣлія нѣкоего *Парамши*, золотыхъ дѣлъ мастера. Въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ великихъ князей (съ Ивана II) не однажды упоминаются золотые иконные оклады и кресты работы этого мастера.

Съ именемъ митрополита Фотія связанъ одинъ любопытный памятникъ: его саккосъ, который хранится въ Московской Патріаршей ризницѣ, посреди другихъ древнихъ святительскихъ облаченій.

Этотъ саккосъ самой простой формы, т.-е. состоитъ изъ двухъ четвероугольныхъ полотнищъ съ вырѣзкою для головы и съ очень короткими зарукавьями. Главная его драгоцѣнность заключается въ тѣхъ священныхъ изображеніяхъ (праздниковъ и святыхъ), которыми онъ сплошь покрытъ съ обѣихъ сторонъ и которыя вышиты по голубому атласу золотомъ, серебромъ, цвѣтнымъ шелкомъ и, кромѣ того, обнизаны жемчугомъ. Но что особенно для насъ любопытно, это портретныя изображенія, помѣщенныя на передней сторонѣ саккоса въ самомъ подолѣ. Направо отъ зрителя представлены Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ и его супруга Софья Витовтовна, а налѣво греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга Анна (дочь Василія и Софьи); рядомъ съ императоромъ изображенъ и самъ митрополитъ Фотій. Три послѣднія лица обозначены греческими подписями, а великій князь и княгиня славянскими. Вѣроятно изображенія сдѣланы въ Константинополѣ греческими мастерами, но назначались для Россіи. Василій Дмитріевичъ на этомъ портретѣ имѣетъ мужественное лицо съ черными усами и умѣренной бородой, раздвоившейся на концѣ. На немъ низко подпоясанный кафтанъ краснаго цвѣта съ клѣтками и узкіе зеленые порты, запрятанные въ высокіе сапоги изъ краснаго сафьяна, въ трехъ мѣстахъ перехваченные застежками; сверху накинутъ довольно короткій плащъ или „приволока“ зеленаго цвѣта съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ. На правой рукѣ видно золотое запястье; этою рукою онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ, вверху съ крестами и съ красной бархатной тульей. На великой княгинѣ Софьѣ родъ сарафана изъ серебряной парчи съ красными клѣтками въ золотыхъ рамахъ; сарафанъ украшенъ золотымъ ожерельемъ съ такимъ же передникомъ и поясомъ. Сверхъ сарафана шубка или длинный плащъ, золотой съ серебряными кругами и въ нихъ синими и красными крестами. На княгинѣ вѣнецъ почти такой же формы, какъ на ея супругѣ. Іоаннъ Палеологъ и его супруга изображены въ византійскомъ императорскомъ облаченіи съ нимбомъ или вѣнцомъ святости вокругъ головы. А митрополитъ Фотій представленъ въ золотомъ саккосѣ съ крестами въ красныхъ кругахъ; сверхъ саккоса серебряный омофоръ съ золотыми крестами. Голова Фотія не покрыта, видны густые черные волосы и окладистая борода, вокругъ головы такой же нимбъ, какъ и у другихъ изображенныхъ здѣсь святителей ([91]).

XI.

ТОРЖЕСТВО ОБЪЕДИНЕНІЯ И НЕЗАВИСИМОСТИ ПРИ ИВАНѢ III.

Ранняя опытность Ивана III Великаго.—Партія Борецкихъ въ Новгородѣ и союзъ съ Казиміромъ.—Знаменія.—Приготовленія къ войнѣ и походъ Московской рати.—Шелонская битва.—Коростынскій договоръ.—Палеологи. — Сватовство и бракъ Ивана съ Софьею.—Смуты въ Новгородѣ и поѣздка туда Великаго князя.—Вопросъ о наименованіи его государемъ.—Второй походъ на Новгородъ.—Осада.—Переговоры объ условіяхъ сдачи.—Конецъ вѣчу и присяга на подданство.—Неудачное возстаніе.—Невольное переселеніе Новгородцевъ.—Союзъ Казиміра съ Ахматомъ.—Москвитяне и Татары на берегахъ Угры.—Нерѣшительность Ивана III.—Народный ропотъ и посланіе архіепископа Вассіана.—Конецъ игу.—Его слѣды.—Присоединеніе Твери и части Рязанской земли.—Ссора Ивана съ двумя братьями.—Покореніе Вятки и Перми.—Отношенія Псковскія и Казанскія.

Сынъ и преемникъ Василія Темнаго Тимоѳей—Иванъ родился въ 1440 году (22 января). Позднѣйшее сказаніе украсило его рожденіе пророчествомъ извѣстнаго юродиваго Михаила Клопскаго въ Новгородѣ: Михаилъ будто бы началъ звонить въ колокола и сошедшемуся народу, въ томъ числѣ владыкѣ Евфимію II, объявилъ, что у великаго князя Василія родился сынъ, который страшенъ будетъ всѣмъ окрестнымъ странамъ и разрушитъ вольность Новогородскую.

Будущій великій собиратель Руси провелъ свое дѣтство подъ тяжелыми впечатлѣніями московскихъ междоусобій, воздвигнутыхъ Димитріемъ Шемякою на Василія Васильевича, сопровождавшихся плѣненіемъ и ослѣпленіемъ сего послѣдняго. Утвердясь окончательно на Московскомъ престолѣ, Темный поспѣшилъ упрочить престолонаслѣдіе за своимъ старшимъ сыномъ, сдѣлавъ его своимъ соправителемъ съ титуломъ великаго князя. По всѣмъ признакамъ, Іоаннъ еще въ отроческихъ лѣтахъ принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ и былъ усерднымъ помощникомъ своему слѣпому отцу.

Между прочимъ онъ неоднократно совершалъ походы противъ Татаръ, сначала подъ руководствомъ опытныхъ воеводъ; а въ 1459 году, начальствуя большою ратью, онъ на берегахъ Оки отбилъ нашествіе Сеидъ-Ахметовой орды. Эта побѣда считалась современниками настолько важной, что въ память ея митрополитъ Іона соорудилъ у соборнаго Успенскаго храма на южной сторонѣ придѣлъ во имя Похвалы Богородицы.

Такимъ образомъ, наслѣдуя послѣ своего отца великое княженіе, двадцатидвухлѣтній Іоаннъ обладалъ уже значительною гражданскою и воинскою опытностію. Его замѣчательный государственный умъ и необычайная сила воли немедленно дали себя знать во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Политика Ивана III строго слѣдовала по пути, намѣченному предыдущею исторіей; онъ неуклонно двигалъ далѣе или приводилъ къ концу важнѣйшія начинанія своихъ предшественниковъ. Поэтому государственная исторія Россіи въ его время попрежнему сосредоточивается на трехъ главныхъ сторонахъ, каковы: собираніе Сѣверовосточной Руси подъ верховенствомъ Москвы, борьба съ Татарами и отношенія къ Литвѣ.

Относительно собиранія Руси самымъ важнымъ дѣяніемъ Ивана Васильевича было присоединеніе Великаго Новгорода со всѣми его обширными владѣніями.

Мы видѣли, что новгородское народоправленіе ко второй половинѣ XV вѣка, по всѣмъ признакамъ, находилось уже въ періодѣ упадка, такъ что въ 1456 году походъ Василія Темнаго ясно указалъ на близкій конецъ Новогородской самобытности. Жалобы на недостатокъ праваго суда и обиды отъ богатыхъ бѣднымъ, вражда простого народа къ боярству, партіи, раздиравшія вѣче, замѣтная вялость правительственныхъ лицъ, явное ослабленіе воинскаго духа, вытѣсняемаго духомъ торгашества,—всѣ эти внутреннія причины не мало способствовали наступившему паденію самобытности; не должно однако забывать, что важнѣйшая его причина заключалась въ усиленіи Москвы, которое достигло той степени, когда борьба съ нею одними собственными средствами сдѣлалась невозможною для Новгорода. Поэтому, въ виду все болѣе надвигающейся тучи, естественно здѣсь явилась многочисленная партія, которая вздумала искать союза и поддержки у главнаго соперника Москвы, т.-е. у великаго князя Литовско-Русскаго Казиміра IV; а такъ какъ онъ въ то же время былъ королемъ Польскимъ, то новогородскіе его сторонники надѣялись найти

въ немъ могущественнаго союзника и покровителя. Но король былъ католикъ, и это обстоятельство отвращало отъ Литовскаго союза сердца многихъ Новогородцевъ, а особенно духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ архіепископа Іоны, который пользовался народнымъ уваженіемъ. Поэтому только послѣ кончины сего владыки (въ 1470 г.) Литовская партія выступила открыто и начала дѣйствовать рѣшительно.

Ничто такъ не свидѣтельствуетъ о внутреннемъ упадкѣ Великаго Новгорода, какъ полный недостатокъ мужей, которые бы выдвинулись въ эту эпоху своими талантами и гражданскими доблестями. Весьма любопытно для насъ явленіе, что въ самое критическое время его исторіи на переднемъ планѣ является женщина, которая своею энергіей и усердіемъ къ дѣлу Новогородской самобытности затмѣваетъ всѣхъ современныхъ ей Новогородцевъ. То была Марѳа, богатая вдова посадника Исаака Борецкаго, мать двухъ сыновей, Димитрія и Ѳедора, изъ которыхъ старшій также одно время занималъ должность посадника. Хотя знатныя женщины вообще, а въ особенности богатыя вдовы, пользовались въ Новгородѣ бо́льшимъ почетомъ и вліяніемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Руси, однако, повторяю, нельзя не обратить должнаго вниманія на то, что въ эту знаменательную эпоху здѣсь во главѣ патріотической партіи является именно женщина. Большой боярскій дворъ Борецкихъ находился въ Неревскомъ концѣ на Волховскомъ побережьѣ; здѣсь часто собирались сторонники Литовскаго союза, чтобы бражничать и обсуждать средства для борьбы съ Москвою. Подъ вліяніемъ этой партіи, вслѣдъ за кончиною архіепископа Іоны, изъ Литовской Руси былъ призванъ правнукъ Ольгерда Михаилъ Олельковичъ, братъ кіевскаго князя Симеона Олельковича, со своею дружиною. Въ то же время Литовская партія выставила своего кандидата на архіепископскій столъ, именно монаха Пимена, бывшаго владычнымъ ключникомъ. Завѣдуя Софійскою казною, онъ еще при жизни Іоны похищалъ деньги и передавалъ ихъ Марѳѣ для подкуповъ на вѣчѣ. Ея единомышленники, желая разрыва съ Москвою, хотѣли, чтобы преемникъ Іоны принялъ поставленіе не отъ московскаго митрополита Филиппа, а отъ кіевскаго Григорія, который былъ ученикомъ извѣстнаго приверженца уніи Исидора. Пименъ заранѣе соглашался на это желаніе. Однако Литовской партіи не удалось провести его помимо обычнаго избранія; она успѣла только помѣстить его въ число трехъ кандидатовъ. Но на Софійскомъ престолѣ остался жребій не его, а инока Ѳеофила, владычняго протодьякона. Когда поднялся споръ о томъ, куда ѣхать на поставленіе,

къ Московскому или Литовскому митрополиту, духовенство и сторонники Москвы одержали верхъ, и къ великому князю отправили посла просить „опасной“ (охранной) грамоты для пріѣзда нареченнаго владыки на поставленіе въ Москву. Партія Борецкихъ на этотъ разъ потерпѣла пораженіе.

Межъ тѣмъ еще прежде начались разныя неудовольствія и пререканія новогородскаго вѣча и властей какъ съ великокняжескими намѣстниками, пребывавшими на Городищѣ, такъ и съ самимъ Великимъ княземъ. Новогородцы явно стали нарушать условія Яжелбицкаго договора. Иванъ уже замыслилъ походъ для смиренія строптивыхъ вѣчниковъ, и послалъ во Псковъ объявить, чтобы тамъ готовились идти на Новгородъ, если сей послѣдній не будетъ „бить челомъ и не исправится“. Однако онъ благосклонно принялъ новогородскаго посла и далъ опасную грамоту на проѣздъ въ Москву для нареченнаго владыки со свитою. Но когда этотъ посолъ воротился въ Новгородъ, здѣсь обстоятельства успѣли уже совсѣмъ перемѣниться.

Партія Борецкихъ усердно принялась возбуждать чернь съ помощью подкуповъ, вина и разныхъ убѣжденій. Особенно помогла ей пришедшая изъ Пскова вѣсть о томъ, что Великій князь уже готовится къ походу и поднимаетъ Псковичей на Новгородцевъ. Начались шумныя народныя сборища и бурныя вѣча. „Худые мужики вѣчники“ звонили въ колокола и кричали: „Не хотимъ великаго князя Московскаго! Хотимъ за короля!“ Московская сторона, состоявшая большею частію изъ людей степенныхъ и зажиточныхъ, въ свою очередь говорила, что нельзя имъ, православнымъ людямъ, отдаться за короля латинянина. Отъ криковъ дѣло стало доходить до дракъ; легкомысленная боярская молодежь и буйная пьяная чернь бросали каменьями въ своихъ противниковъ и успѣли такъ ихъ застращать, что многіе степенные люди боялись показаться на вѣчѣ. Такимъ образомъ, увлеченное партіей Борецкихъ, вѣче рѣшило признать своимъ княземъ короля Казиміра и отправило къ нему посольство, во главѣ котораго поставлены были два старыхъ посадника, Димитрій Борецкій и Аѳанасій Астафьевичъ. Это посольство заключило съ королемъ договорную грамоту почти на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ были основаны договоры съ великими князьями Московскими. Только прибавлена была статья относительно неприкосновенности православной вѣры: королевскій намѣстникъ на Городищѣ долженъ быть вѣры греческой, а не латинской; при немъ по обычаю состояли бы тіунъ, дворецкій и дружина, но послѣдняя не болѣе какъ изъ 50 человѣкъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ договорѣ, Иванъ III поступилъ съ свойственными ему разсчетомъ и осмотрительностію. Прежде нежели предпринять походъ, онъ не однажды отправлялъ къ Новогородцамъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ говорилъ, что они всегда были за родомъ Владиміра Св. и никогда за великими князьями Литовскими, призывалъ ихъ къ исправленію и обѣщалъ ихъ жаловать. Въ то же время и митрополитъ Филиппъ писалъ въ Новгородъ посланія: онъ увѣщевалъ Новогородцевъ не измѣнять православію и не отступать къ латинскому государю; указывалъ на примѣръ Византіи, которая стояла до тѣхъ поръ, пока сохраняла благочестіе, и какъ заключила унію съ Латиною, такъ и впала въ руки поганыхъ Турокъ. Митрополитъ обращался также къ нареченному владыкѣ Ѳеофилу, къ духовенству, къ боярамъ и купцамъ, и убѣждалъ ихъ стоять за православіе и удерживать народъ отъ злыхъ начинаній.—Такимъ образомъ Московское правительство, гражданское и духовное, искусно затрогивало чувствительную струну въ Русскомъ народѣ и въ самомъ началѣ давало союзу Новгорода съ Литвою видъ измѣны православію и отступленія въ латинство (92).

Увѣщанія эти подѣйствовали на значительную часть Новогородцевъ; но партія Борецкихъ заглушила ихъ голоса на вѣчахъ криками: „Мы не отчина Московскаго князя. Мы вольные люди. Хотимъ за короля!“ Московскіе послы возвращались безъ успѣха.

Война сдѣлалась неизбѣжна.

Великія бѣдствія, по народнымъ преданіямъ, обыкновенно сопровождаются или предваряются разными знаменіями и чудесными явленіями. Паденіе Новгорода, если вѣрить новогородскимъ лѣтописцамъ, также имѣло свои предзнаменованія. Напримѣръ, великая буря сломала крестъ на Св. Софіи; въ притворѣ того же храма на гробахъ двухъ архіепископовъ, Симеона и Мартирія, показалась кровь; у Св. Спаса въ Хутынскомъ монастырѣ, колокола, называемые Корсунскими, звонили сами собою; а въ одномъ женскомъ монастырѣ (св. Евфиміи) отъ иконы Богородицы изъ очей не разъ истекали слезы и пр. Кромѣ того въ житіи Зосимы Соловецкаго разсказывается слѣдующее преданіе. Преподобный отшельникъ прибылъ въ Новгородъ хлопотать объ отдачѣ острова во владѣніе его монастырю, и дѣйствительно получилъ отъ вѣча грамоту на это владѣніе. Тутъ однажды онъ былъ въ числѣ гостей, приглашенныхъ Марѳою Борецкою. Во время пира, сидя за столомъ, старецъ вдругъ ужаснулся и сдѣлался печаленъ, но ничего не сказалъ. Послѣ онъ открылъ другому соло-

вецкому старцу, что въ числѣ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ, онъ увидалъ нѣкоторыхъ безъ головъ. Впослѣдствіи этимъ боярамъ дѣйствительно были отрублены головы по приказу великаго князя.

Неторопясь, обдуманно, разсчитывая каждый шагъ, приступилъ Іоаннъ Васильевичъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Новгорода. Сначала онъ совѣщался съ матерью своей Маріей, митрополитомъ Филиппомъ и ближними боярами; они дали ему совѣтъ, возложивъ упованіе на Бога, идти на Новогородцевъ за ихъ отступленіе и неисправленіе. Послѣ этой какъ бы малой или предварительной думы, Великій князь созвалъ великую думу, на которую съѣхались его братья, епископы, подручные и служебные князья, бояре, воеводы и дворяне. Тутъ онъ объявилъ о непокорствѣ и измѣнѣ Новгорода, и спрашивалъ: идти ли на нихъ немедленно? Ибо начиналось лѣтнее время, а извѣстно, что земля Новогородская обилуетъ рѣками, озерами, болотами и топями; прежніе великіе князья лѣтомъ въ нее не хаживали, а кто ходилъ, много людей терялъ. Послѣ долгихъ разсужденій, великая дума пришла къ тому же рѣшенію какъ и малая: возложить упованіе на Господа и Богородицу, идти немедля и наказать измѣнниковъ. Тутъ, какъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, явно сказались старое соперничество Суздальскаго края съ Новогородскимъ и полное сочувствіе Московскаго населенія къ собиранію Руси подъ своимъ верховенствомъ. Къ этому сочувствію еще присоединилось негодованіе на Новогородцевъ, выставленныхъ какъ бы отступающими отъ православія. Опираясь на это общественное сочувствіе и даже одушевленіе, Иванъ III повсюду разослалъ приказъ вооружаться и выступать въ походъ. Въ Новгородъ отправлены были „разметныя грамоты“; въ то же время Московскій князь потребовалъ вспомогательныхъ войскъ отъ своего шурина Михаила Борисовича Тверского и Псковичей.

Иванъ III распредѣлилъ походъ слѣдующимъ образомъ. Боярина Бориса Слѣпца отправилъ въ Вятку, чтобы съ Вятчанами идти на Двинскую землю; къ нему долженъ былъ присоединиться устюжскій воевода Василій Образецъ съ Устюжанами. Собственно въ Новогородскую область онъ послалъ двѣ передовыя рати: одна подъ главнымъ начальствомъ князя Даніила Холмскаго должна была идти къ Русѣ, и потомъ, соединясь съ Псковичами, напасть на Новгородъ съ запада; другая подъ начальствомъ князя Ивана Оболенскаго-Стриги пошла на Волочекъ и на Мсту, чтобы ударить съ востока. Межъ тѣмъ Великій князь велѣлъ служить молебны и раздавать милостыни церквамъ, мо-

настырямъ и нищимъ. Самъ онъ усердно молился въ Успенскомъ соборѣ передъ Владимірскою иконою Богородицы и надъ гробами митрополитовъ: Петра, Θеогноста, Кипріана, Фотія, Іоны, а также въ Чудовомъ монастырѣ у гробницы Алексѣя митрополита, потомъ въ Архангельскомъ соборѣ надъ гробами предковъ своихъ, начиная съ Ивана Калиты. Наконецъ, взявъ благословеніе у Филиппа митрополита, онъ торжественно выступилъ изъ Москвы 20 іюня съ главною ратью. Иванъ III не забылъ взять съ собой дьяка Степана Бородатаго, который былъ весьма начитанъ въ русскихъ лѣтописяхъ и потому могъ припомнить Новогородцамъ всѣ ихъ прежнія измѣны великимъ князьямъ. Столицу онъ поручилъ сыну своему Іоанну Молодому и брату Андрею Меньшому. Прочіе его братья, Юрій, Андрей Большой и Борисъ, съ своими дружинами участвовали въ походѣ; а въ Торжкѣ присоединилась къ нему Тверская рать. Вступивъ въ землю Новогородскую, войска великокняжескія принялись ее жестоко опустошать, т.-е. жечь, плѣнить и грабить; особымъ усердіемъ къ опустошенію отличались конечно служилые татарскіе отряды; въ ихъ числѣ были и Касимовцы съ своимъ царевичемъ Даньяромъ. Великій князь однако запретилъ Татарамъ брать въ плѣнъ христіанское населеніе.

Сама природа какъ бы благопріятствовала этому губительному походу; лѣто случилось необычайно сухое и знойное, такъ что многія болота и топи пересохли, и войска съ своими обозами безпрепятственно двигались по такимъ мѣстамъ, которыя въ другое время были почти непроходимы.

Что же выставилъ Великій Новгородъ противъ этихъ ратей, надвигавшихся на него съ разныхъ сторонъ?

Надежда на Литовскую помощь уже съ самаго начала оказалась обманутою. Отвлекаемый другими дѣлами, вялый и нерѣшительный, Казиміръ не принималъ никакого участія въ войнѣ Новгорода съ Москвою. Мало того, какъ разъ передъ началомъ войны князь Михаилъ Олельковичъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ брата Симеона, съ своею западнорусскою дружиной покинулъ Новгородъ и поспѣшилъ въ Кіевъ, надѣясь наслѣдовать тамъ брату; причемъ дорогою шелъ какъ непріятель, въ Русѣ насильно собралъ оброки, а по селамъ грабилъ до самаго рубежа. Въ Новгородѣ оставался еще служилый князь Василій Шуйскій Гребенка, потомокъ Суздальскихъ князей, лишенныхъ удѣла, и потому непріязненный Москвѣ. Новогородцы отправили его на Двину, чтобы оборонять Заволочье. Посольство во Псковъ съ приглашеніемъ соединиться противъ Москвы не имѣло успѣха. Псковичи

наоборотъ склонились на требованіе великаго князя и начали „рубить“ (собирать) войско на Новогородцевъ. Предоставленные однѣмъ собственнымъ силамъ, Новогородцы первое время не теряли бодрости и успѣли вооружить довольно многочисленную рать. Отъ вожаковъ воинственной Новогородской партіи, повидимому, не укрылась стратегическая ошибка Ивана III. Его полки хотя были многочисленны, но раздѣлены на разные отряды, которые шли разными дорогами и, занимаясь грабежомъ беззащитныхъ селъ, вѣроятно не наблюдали воинскихъ предосторожностей. Новогородское ополченіе могло бить ихъ по частямъ, если бы дѣйствовало быстро и дружно. И дѣйствительно, это ополченіе прежде всего пошло на отрядъ Даніила Холмскаго, который, взявъ и предавъ пламени городъ Русу, медленно двигался далѣе по направленію къ Шелони, поджидая вспомогательное войско Псковичей. Новогородцы разсчитывали внезапно ударить на Холмскаго и уничтожить его отрядъ прежде, нежели онъ успѣетъ соединиться съ Псковичами, а потомъ обратиться на сихъ послѣднихъ. Межъ тѣмъ какъ новогородская конница обходила западный берегъ Ильменя, часть пѣхоты высадилась на его южномъ берегу около селенія Коростыно. Но московская стража, поставленная на берегу озера, вовремя замѣтила непріятелей и дала знать Холмскому. Тотъ успѣлъ собрать свою рать и самъ ударилъ на новогородскую пѣхоту; она сражалась довольно мужественно, но была разбита, потому что находившійся по близости конный полкъ не поспѣшилъ къ ней на помощь. Этотъ полкъ, выставленный архіепископомъ Ѳеофиломъ, отозвался тѣмъ, что владыка послалъ его противъ Псковичей, а не противъ великаго князя. Новый владыка вообще обнаружилъ нерѣшительность и склонялся болѣе на сторону Москвы.

Ожесточеніе Москвитянъ противъ Новогородцевъ сказалось въ томъ, что побѣдители многимъ плѣннымъ отрѣзывали носы, уши, губы и въ такомъ видѣ отпускали ихъ домой; а снятые съ плѣнныхъ доспѣхи бросали въ воду или въ огонь, не желая пользоваться оружіемъ измѣнниковъ. Вслѣдъ затѣмъ побѣдители узнали, что другая часть пѣшей новгородской рати на судахъ вошла въ устье Полы и поднялась до Русы. Москвитяне быстро воротились къ этому городу и разбили высадившихся здѣсь непріятелей. Вѣроятно, новогородскій планъ состоялъ въ томъ, чтобы ударить на отрядъ Холмскаго съ разныхъ сторонъ: одна часть пѣхоты отъ Коростына въ бокъ, другая часть отъ Русы въ тылъ, а конное ополченіе отъ Шелони въ лицо. Но оплошность и неумѣлость новогородскихъ предводителей

доставили Холмскому и товарищу его Өедору Давидовичу случай ихъ самихъ разбить по частямъ, такъ какъ они вступали въ дѣло безъ всякой взаимной связи.

Итакъ, новгородская пѣхота была разбита и разсѣяна. Но оставалось еще цѣлымъ конное ополченіе, простиравшееся, если вѣрить московскимъ извѣстіямъ, до 40,000 человѣкъ; тогда какъ отрядъ Холмскаго и Өедора Давидовича заключалъ въ себѣ не болѣе десяти тысячъ. Московскіе воеводы осадили было ближайшій къ Русѣ городъ Деманъ, не желая оставлять его у себя въ тылу. Но Великій князь, извѣщенный о побѣдахъ, велѣлъ имъ идти къ Шелони на соединеніе съ Псковичами; а подъ Деманъ послалъ князя Михаила Андреевича Верейскаго. Холмскій съ товарищемъ двинулся къ Шелони, и тутъ встрѣтилъ новгородскую конницу, шедшую по другому берегу рѣки и, повидимому, имѣвшую теперь намѣреніе обрушиться на Псковичей, которые послѣ медленныхъ сборовъ наконецъ вступили въ землю Новгородскую и также принялись ее опустошать. Москвичи пошли по своему берегу въ томъ же направленіи. Видя большое превосходство въ числѣ на своей сторонѣ, Новгородцы ободрились и даже начали по старому обыкновенію похваляться и перебраниваться съ противниками черезъ рѣку. Видъ этой бодрой, хорошо вооруженной и многочисленной рати сначала нѣсколько смущалъ Москвичей. Но ихъ воеводы сумѣли вновь одушевить своихъ людей, творя приличныя случаю молитвы и напоминая имъ объ измѣнахъ Новгородцевъ и ихъ намѣреніи отступить отъ православія. Относительно качества обѣихъ ратей все превосходство было на сторонѣ Москвитянъ: ихъ полки, закаленные въ походахъ и битвахъ, были предводительствуемы опытными, искусными воеводами. Новогородское ополченіе, наоборотъ, преимущественно состояло изъ разныхъ ремесленниковъ, каковы плотники, гончары, кожевники и т. п., которые большею частію были набраны силою или угрозами разграбить ихъ домы, а самихъ побросать въ Волховъ; если они и были опытны, то развѣ только въ своемъ любимомъ кулачномъ или дрекольномъ бою, а не въ умѣньѣ владѣть конемъ и оружіемъ. Притомъ въ ихъ средѣ не было единодушія: бо́льшіе люди посылали впередъ меньшихъ; а меньшіе ждали примѣра отъ большихъ; изъ предводителей никто не выдался своимъ талантомъ и энергіей.

Наконецъ московскіе воеводы, дошедши до устья рѣчки Дряни, впадающей въ Шелонь, остановили свой полкъ.

„Господіе и братія наши! лучше намъ положить здѣсь головы за го-

сударя нашего великаго князя, нежели воротиться со срамомъ", —сказали воеводы, и съ высокаго берега первые погнали своихъ коней въ воду.

За ними бросилось все войско, переплыло и перебродило рѣку, и, поднявшись на другой берегъ, ударило на противниковъ съ кликомъ: Москва! Новогородцы кликнули: Святая Софья и великій Новгородъ! и бодро вступили въ битву. Сначала Москвичамъ пришлось плохо; противники тѣснили ихъ своимъ числомъ. Тогда московскіе воеводы повторили тактику Ѳедора Басенка и Стриги-Оболенскаго, т.-е. велѣли бить преимущественно по непріятельскимъ конямъ стрѣлами и сулицами. Новгородскіе кони стали метаться и становиться на дыбы, многіе неумѣлые всадники падали на земь. Наконецъ ударъ татарскаго отряда, зашедшаго Новгородцамъ въ тылъ, рѣшилъ побѣду въ пользу Москвы. Большое число Новгородцевъ пало или взято въ плѣнъ; остальные въ дикомъ бѣгствѣ разсѣялись по сосѣднимъ лѣсамъ, и только небольшая часть проскакала въ Новгородъ. Въ плѣнъ попали многіе бояре и старые посадники, въ томъ числѣ Василій Казиміръ и Димитрій Борецкій, а также значительное количество житьихъ людей. Говорятъ, будто въ новогородскомъ обозѣ московскіе воеводы нашли и договорную грамоту съ Казиміромъ IV, которую отправили къ Великому князю вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Шелонскій бой совершился 14 іюля 1471 года, спустя недѣлю послѣ Коростынскаго.

Иванъ съ своими братьями и главною ратью стоялъ въ Яжелбицахъ, когда къ нему прискакалъ гонецъ Замятня съ вѣстью о большой побѣдѣ. Московскій станъ наполнился радостью и веселіемъ. Великій князь далъ обѣтъ построить въ Москвѣ храмъ во имя апостола Акилы, въ праздникъ котораго происходила Шелонская битва. Изъ Яжелбицъ онъ двинулся въ Русу. Тутъ предстали передъ нимъ новгородскіе плѣнники. Великій князь обошелся съ ними сурово. Нѣкоторымъ вожакамъ Литовской партіи онъ велѣлъ отрубить головы, именно Димитрію Борецкому, Василію Селезневу, Еремѣю Сухощеку и Кипріану Арбузьеву; затѣмъ нѣсколько знатныхъ людей, въ томъ числѣ Василія Казиміра и Матвѣя Селезнева, велѣлъ отвезти въ Коломну и тамъ держать въ оковахъ; многихъ другихъ послалъ въ московскія тюрьмы, а мелкихъ людей отпустилъ въ Новгородъ. Изъ Русы Иванъ двинулся къ устью Шелони, и остановился лагеремъ около Коростына. Межъ тѣмъ Холмскій повоевалъ западныя новогородскія волости до самаго нѣмецкаго рубежа, т.-е. до Наровы.

Теперь московскія рати съ разныхъ сторонъ приблизились къ Нов-

городу. Здѣсь господствовало великое смятеніе, и раздавались вопли вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ погибшихъ на Шелони. Партія Борецкихъ однако пыталась ободрить народъ и возбудить его къ отчаянной защитѣ. На городскихъ стѣнахъ и башняхъ день и ночь смѣнялась стража; готовясь къ осадѣ, начали жечь загородные дома и монастыри. Послали гонца къ Казиміру IV съ просьбою о немедленной помощи. Но этотъ гонецъ скоро воротился: Ливонскій магистръ не пустилъ его черезъ свою землю. Къ довершенію бѣдствій въ Заволочьѣ дѣла новгородскія шли также плохо: московскіе воеводы Борисъ Слѣпецъ и Василій Образецъ на Двинѣ разбили новгородскую рать; предводитель послѣдней князь Василій Шуйскій, тяжело раненый, едва спасся въ Холмогоры. Послѣ того жителей Двинской земли Москвичи привели къ присягѣ на вѣрность великому князю. Въ самомъ Новгородѣ открылась измѣна. Какой-то Упадышъ въ одну ночь заколотилъ нѣсколько пушекъ, долженствовавшихъ защищать стѣны. Упадыша казнили. Такъ какъ въ городѣ собралось еще много людей изъ окрестныхъ селеній, то при великой тѣснотѣ открылись болѣзни, а съ прекращеніемъ подвозовъ угрожалъ близкій голодъ. Тогда партія мира и союза съ Москвою взяла верхъ, и теперь свободно укоряла своихъ противниковъ въ томъ, что они послушались бабъ и накликали тяжкія бѣды на Великій Новгородъ. Вѣче рѣшило отправить къ Великому князю съ челобитьемъ посольство изъ пяти старыхъ посадниковъ и пяти житьихъ людей, съ каждаго конца по одному. Во главѣ ихъ поставили владыку Ѳеофила.

Посольство переплыло Ильмень, и явилось въ московскомъ станѣ у Коростына. Не вдругъ оно было допущено къ Великому князю; а сначала умоляло о ходатайствѣ братьевъ его и ближнихъ бояръ, поднося имъ щедрые дары. По ихъ печалованію Великій князь наконецъ смягчился и велѣлъ посламъ предстать предъ свои очи. Смиренно вошли они въ шатеръ Великаго князя; тутъ владыко слезно молилъ его отпустить Новгородцамъ ихъ вины и прекратить плѣненіе ихъ волостей. Иванъ III, милостиво выслушавъ владыку, согласился немедля остановить кровопролитіе и разореніе Новгородской земли. Переговоры съ посольствомъ объ условіяхъ мира онъ поручилъ вести своимъ боярамъ. Нѣсколько дней тянулись эти переговоры. Наконецъ 9 и 11 августа 1471 года подписаны были договорныя грамоты, которыя по буквальному своему смыслу востановляли старину и пошлину, и почти повторяли статьи Яжелбицкаго мира при Василіи Темномъ. Въ нихъ прибавлено только обязательство Новгородцевъ „ни которою хитростію“ не

отдаваться за Литовскаго короля и посвящать владыку непремѣнно въ Москвѣ у гроба Петра митрополита. Великій князь возвращалъ Новгороду завоеванные города и волости; съ своей стороны Новгородъ обязался уплатить окупъ или *копейное* (контрибуцію) 15,500 рублей, „деньгами въ отчетъ", а „серебромъ въ отвѣсъ" въ четыре срока. Отпустивъ посольство, Иванъ отправилъ въ Новгородъ воеводу Ѳедора Давидовича, чтобы привести къ присягѣ жителей на соблюденіе мирнаго договора. По совершеніи присяги онъ двинулся въ обратный походъ.

Такимъ образомъ Иванъ III на первый разъ пощадилъ побѣжденныхъ Новгородцевъ, и не лишилъ ихъ вполнѣ самобытности, или древняго народоправленія. Съ обычною своею осторожностію онъ теперь не хотѣлъ доводить ихъ до отчаянія, и отложилъ окончательный ударъ до другого случая. Нетрудно было предвидѣть, что таковые случаи не замедлятъ, и Московскій князь имѣлъ полную возможность выбирать удобный моментъ. Какъ была пріятна или популярна въ Москвѣ побѣда надъ Новгородомъ—показали торжественныя встрѣчи, устроенныя побѣдителю. Ликующая народная толпа вышла къ нему за нѣсколько верстъ изъ города; затѣмъ встрѣтилъ его митрополитъ съ духовенствомъ, съ крестами и хоругвями. А сынъ его Иванъ Мо-молодой съ боярами и лучшими людьми ожидалъ его на послѣднемъ ночлегѣ. Въ то время какъ Москвичи ликовали, надъ бѣдными Новгородцами продолжалъ тяготѣть какой-то злой рокъ. Послѣ жестокаго плѣненія и разоренія ихъ земли случилось еще новое бѣдствіе. Въ числѣ иногородныхъ и сельскихъ жителей, искавшихъ убѣжища въ Новгородѣ отъ непріятельскаго нашествія, было очень много семей, бѣжавшихъ изъ сожженной Русы. По окончаніи войны они сѣли на лодки и поплыли озеромъ къ своему родному пепелищу. Вдругъ на Ильменѣ поднялась страшная буря съ вихремъ, разметала лодки и потопила большую часть народа; говорятъ, тогда погибло до 7000 человѣкъ. Въ самомъ Новгородѣ затѣмъ произошло нѣсколько пожаровъ, которые свирѣпствовали съ особою силою и произвели страшныя опустошенія.

Въ слѣдующемъ 1472 году Ѳеофилъ пріѣхалъ въ Москву, былъ здѣсь поставленъ во архіепископа, и упросилъ Великаго князя отпустить плѣнныхъ новгородскихъ бояръ ([93]).

Въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго совершилось въ Москвѣ важное по своимъ послѣдствіямъ событіе: бракъ Великаго князя съ Софьею Палеологъ.

Первая супруга Іоанна, Марія Борисовна Тверская, скончалась еще въ молодости (въ 1467 году), причемъ прошла темная молва объ отравленіи ея одной приближенной женщиной. Спустя около двухъ лѣтъ послѣ того, началось сватовство великаго князя за греческую царевну.

Послѣ завоеванія Константинополя Турками младшіе братья послѣдняго византійскаго императора, деспоты Димитрій и Ѳома, еще нѣкоторое время держались въ Мореѣ; но, вмѣсто взаимной поддержки, они истощали остатокъ своихъ силъ въ междоусобной борьбѣ, и потому владѣнія ихъ скоро сдѣлались добычею Турецкихъ завоевателей (1460 г.). Димитрій покорился султану Магомету, отдалъ ему въ жены свою дочь и жилъ потомъ его милостями. А деспотъ Ѳома, оставивъ свою семью на островѣ Корфу, удалился въ Римъ, мечтая найти здѣсь не только убѣжище, но и помощь для обратнаго завоеванія своихъ бывшихъ владѣній. Папскій престолъ въ то время занималъ извѣстный гуманистъ Пій II (Эней Сильвій Пикколомини). Онъ радушно принялъ Палеолога, остававшагося вѣрнымъ Флорентійской уніи, и опредѣлилъ ему значительную пенсію. Ѳома съ своей стороны принесъ Риму въ даръ драгоцѣнную святыню, именно главу св. Андрея, увезенную имъ изъ Патраса, которую Римское духовенство встрѣтило съ великимъ торжествомъ и положило въ базиликѣ св. Петра. Къ этой святынѣ деспотъ потомъ прибавилъ еще другую: руку св. Іоанна Крестителя. Ѳома Палеологъ производилъ на Римлянъ симпатичное впечатлѣніе величавою, красивою наружностію и оттѣнкомъ печали на своемъ челѣ. Его окружалъ небольшой греческій дворъ, во главѣ котораго стоялъ вельможа Траханіотъ. Извѣстные кардиналы изъ Грековъ, Исидоръ и Виссаріонъ, своимъ участіемъ облегчали ему горечь изгнанія и чужбины. Пій II усердно проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Турокъ и даже хотѣлъ лично принять въ немъ участіе; но онъ вскорѣ умеръ (1464). А въ слѣдующемъ году скончался и Ѳома Палеологъ, въ то самое время, когда онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ къ себѣ свою семью, которая по его приказу оставила Корфу и высадилась въ Анконѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ, дочери одного изъ Морейскихъ владѣтелей, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Екатерина скончалась во время пребыванія на Корфу. Старшая дочь Елена, бывшая въ супружествѣ за сербскимъ господаремъ Лазаремъ II, овдовѣвъ, ушла въ монастырь. Оставались два сына, Андрей и Мануилъ, и младшая дочь Зоя. Они поселились въ Римѣ подъ покровитель-

ствомъ папы (Павла II) и на его иждивенiи. Здѣсь по завѣщанiю отца, ихъ опекуномъ и покровителемъ, сдѣлался кардиналъ Виссарiонъ, который, по смерти своего друга Исидора, назначенъ былъ такимъ же титулярнымъ патрiархомъ Константинопольскимъ. Онъ позаботился дать юнымъ принцамъ и принцессѣ тщательное воспитанiе; причемъ старался внушить имъ привязанность не только къ церковной унiи, но и къ самой Латинской церкви.

Принцесса Зоя еще не вышла изъ отроческихъ лѣтъ, когда покровители ея папа и Виссарiонъ уже начали отыскивать ей достойнаго жениха. По этому поводу поперемѣнно велись переговоры съ нѣкоторыми владѣтельными итальянскими и внѣитальянскими фамилiями (Гонзага, Карачьола, Лузиньянъ Кипрскiй); но переговоры эти оканчивались безъ успѣха, отчасти, по неимѣнiю приданаго у невѣсты, отчасти вслѣдствiе интригъ (со стороны Венецiанской республики, имѣвшей виды на островъ Кипръ). Между тѣмъ вниманiе Виссарiона остановилось на женихѣ гораздо болѣе могущественномъ: на великомъ князѣ Московскомъ. Нетрудно было расположить папу Павла II въ пользу брака Iоанна съ Зоей: извѣстно, что Римская курiя при всякомъ удобномъ случаѣ возобновляла попытки подчинить Русь своему духовному господству. Того, что не удалось митрополиту Исидору, т.-е. соединенiя Русской церкви съ Латинскою, папа надѣялся достигнуть посредствомъ будущей супруги великаго князя, воспитанной въ идеяхъ унiи и латинства. Этимъ бракомъ полагали достигнуть и другой цѣли: возникавшее могущество Москвы начинало обращать на себя вниманiе при Европейскихъ дворахъ, и она казалась весьма желательной союзницей въ новыхъ крестовыхъ походахъ, замышляемыхъ противъ Турокъ. Iоаннъ съ своей стороны былъ польщенъ предложенiемъ ему невѣсты изъ такой знаменитой царственной фамилiи, съ которою притомъ онъ уже состоялъ въ дальнемъ родствѣ: такъ какъ его тетка Анна Васильевна была супругою старшаго брата Ѳомы, императора Iоанна Палеолога.

Сношенiя Москвы съ Римомъ по этому вопросу возникли при посредствѣ съ одной стороны выѣзжихъ въ Италiю Грековъ, съ другой Итальянцевъ, перешедшихъ въ Московскую службу (вѣроятно не прямо изъ Италiи, а изъ Крыма, угнетаемаго Татарами и Турками). Главная роль въ этихъ сношенiяхъ досталась на долю Джанъ Батиста Вольпе, родомъ изъ города Виченцы, занимавшаго на московской службѣ должность „денежника“, т.-е. монетнаго мастера и извѣстнаго здѣсь подъ именемъ Ивана Фрязина (Фрягами назывались у насъ

по преимуществу Итальянцы). Въ отвѣтъ на римское предложеніе, Иванъ Фрязинъ, конечно съ соизволенія великаго князя, отрядилъ въ Римъ одного Итальянца и одного Грека, которые и вступили въ переговоры о невѣстѣ съ кардиналомъ Виссаріономъ (1468). Въ Москву они воротились уже въ сопровожденіи посланцевъ сего послѣдняго и нѣкоторыхъ родственниковъ Ивана Фрязина. Прежде нежели сдѣлать рѣшительный шагъ, Великій князь по обычаю совѣтовался съ боярами, съ своею матерью Маріей и митрополитомъ Филиппомъ, и получилъ ихъ одобреніе на сватовство. Затѣмъ самъ Иванъ Фрязинъ двукратно отправляется въ Римъ посломъ отъ великаго князя. Въ первый разъ онъ ѣздилъ, чтобы посмотрѣть невѣсту и привезти ея портретъ. Зоя или, какъ ее стали называть, *Софья* Палеологъ, судя по отзывамъ современниковъ, была красивой наружности, средняго или небольшого роста; бѣлизна кожи, большіе глаза, брови дугой, круглыя плечи и полная фигура отличали ее отъ смуглыхъ, худощавыхъ итальянскихъ красавицъ — обстоятельство, отмѣченное нѣкоторыми извѣстіями и пришедшееся, конечно, по вкусу великому князю Московскому. Царевнѣ въ это время было за 20 лѣтъ. Во второй разъ Иванъ Фрязинъ поѣхалъ въ Римъ въ январѣ 1472 года, во главѣ цѣлаго посольства, чтобы совершить тамъ обручальный обрядъ и привезти невѣсту въ Москву. Въ Болоньѣ онъ встрѣтился съ главнымъ руководителемъ всего этого дѣла, т.-е. съ Виссаріономъ, который отправлялся во Францію папскимъ посломъ къ королю Людовику XI. Виссаріонъ радостно привѣтствовалъ Московское посольство; но самому ему не пришлось болѣе участвовать въ этомъ дѣлѣ: онъ умеръ въ томъ же году во время своего возвращенія изъ Франціи.

На папскомъ престолѣ возсѣдалъ тогда преемникъ Павла II,Никстъ IV. Онъ милостиво принялъ московское посольство, которое поднесло ему подарки, состоявшіе главнымъ образомъ изъ собольихъ мѣховъ, и, если вѣрить итальянскимъ свидѣтельствамъ,—изъявило отъ имени великаго князя чувства глубокой преданности (едва ли не покорности) римскому первосвященнику. Папа и Священная коллегія (кардиналовъ) съ своей стороны держали съ послами такой тонъ, какъ будто вся Русская церковь, т.-е. и Кіевская, и Московская митрополія, приступила къ Флорентійской уніи. Сикстъ IV, подобно своимъ предшественникамъ, носился съ проповѣдью крестоваго похода противъ Турокъ, и съ этою цѣлью въ то время заключалъ лигу съ Неаполемъ и Венеціей. Въ концѣ мая онъ въ базиликѣ Св. Петра благословилъ знамена, назначавшіяся для крестоносцевъ, а, спустя дня три,

въ той же базиликѣ происходило торжественное обрученіе царевны Софьи съ замѣстителемъ великаго князя Московскаго, т.-е. съ Иваномъ Фрязинымъ, въ присутствіи многочисленной римской знати и греческой свиты царевны. Но когда надлежало обмѣняться кольцами, Джанъ Батиста Вольпе или Иванъ Фрязинъ долженъ былъ признаться, что онъ не привезъ кольца для невѣсты, такъ какъ подобнаго обычая будто бы не существовало въ Москвѣ. Такое объясненіе показалось маловѣроятнымъ, и въ Римской куріи невольно возникли нѣкоторыя сомнѣнія въ искренности посла и въ его полномочіяхъ; по крайней мѣрѣ на другой день папа самъ высказалъ это членамъ своей консисторіи. Тѣмъ не менѣе онъ отпустилъ въ Москву царевну Софью съ ея свитою, въ сопровожденіи своего легата, нѣкоего католическаго епископа Антонія (Бонумбре), которому, повидимому, поручено было ни болѣе ни менѣе какъ утвержденіе Флорентійской уніи въ Россіи, конечно съ помощью той же царевны Софьи. На путевыя издержки была выдана значительная сумма (6.000 дукатовъ) изъ папской казны.

Царевна отправилась изъ Рима съ большою свитою, состоявшею изъ Итальянцевъ и Грековъ; среди послѣднихъ находились Юрій Трахоніотъ, уже вступившій въ московскую службу и принимавшій дѣятельное участіе въ переговорахъ о бракѣ, и Димитрій Ралли, ѣхавшій главнымъ представителемъ отъ двухъ братьевъ Софьи, изъ которыхъ старшій, Андрей, принялъ послѣ отца титулъ деспота Морейскаго. Поѣздъ направился сухимъ путемъ чрезъ Италію и Германію; въ попутныхъ городахъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, царевнѣ оказаны были торжественные встрѣчи и пріемы (напримѣръ, въ Сіенѣ, Болоньѣ, Виченцѣ, Нюренбергѣ). Въ сентябрѣ она достигла Любека; здѣсь сѣла на корабль; одиннадцать дней плыла по Балтійскому морю, и пристала въ Колывани или Ревелѣ. Отсюда 1 октября прискакалъ во Псковъ гонецъ, который съ тѣмъ же извѣстіемъ поѣхалъ далѣе въ Новгородъ и въ Москву. Псковичи немедленно начали сытить медъ и собирать кормъ для свиты царевны. Посадники псковскіе и выбранные отъ каждаго конца отправились къ ней навстрѣчу сначала въ Изборскъ, а когда узнали, что изъ Ливоніи она пріѣдетъ озеромъ, то въ насадахъ поплыли къ устью Эмбаха. Здѣсь они вышли на берегъ и привѣтствовали великокняжескую невѣсту, наливъ вина и меду въ кубки и позолоченные рога; потомъ посадили ее со свитою въ свои насады и привезли въ Псковъ, гдѣ учинена была торжественная встрѣча; священники со крестами, власти и большая толпа народа

проводили ее сначала въ Троицкій соборъ. Почти недѣля, прожитая Софьей во Псковѣ, прошла въ пирахъ и угощеніяхъ. При отъѣздѣ Псковичи поднесли ей въ даръ 50 рублей деньгами, а Ивану Фрязину 10 рублей; затѣмъ съ такими же почестями проводили ее до Новгородскаго рубежа. Софья была такъ восхищена пріемомъ Псковичей, что обѣщала всегда въ случаѣ нужды ходатайствовать за нихъ передъ великимъ княземъ. Въ Новгородѣ владыка Ѳеофилъ, посадники и бояре въ свою очередь приняли и проводили ее съ честью и съ дарами. Только въ началѣ зимы, 12 ноября, добралась она до Москвы, гдѣ также приготовлена была ей торжественная встрѣча, всякія почести и пиры.

Но тутъ возникло слѣдующее недоразумѣніе.

Въ свитѣ царевны, какъ извѣстно, находился папскій легатъ Антоній, одѣтый въ красный кафтанъ съ краснымъ капюшономъ на головѣ и въ такихъ же перчаткахъ, которыхъ никогда не снималъ; передъ нимъ на высокомъ древкѣ носили литое распятіе. Въ православныхъ церквахъ онъ не крестился и не подходилъ прикладываться къ иконамъ, какъ это дѣлали Софья и ея греческая свита. Такое поведеніе тотчасъ возбудило въ народѣ толки и соблазнъ; вспомнили Исидора и его отступленіе къ латинству. Слухи о томъ достигли до Москвы, и, когда приближался къ ней поѣздъ царевны, въ совѣтѣ великаго князя шли оживленныя пренія по вопросу, какъ поступить съ легатомъ. Онъ послалъ спросить митрополита Филиппа. Сей послѣдній отвѣтилъ, что если легатъ со своимъ крестомъ въѣдетъ въ городъ въ одни ворота, то онъ, митрополитъ, выѣдетъ въ другія, и что, если кто оказываетъ почести чужой вѣрѣ, тѣмъ самымъ унижаетъ свою собственную. Иванъ Васильевичъ послалъ боярина, который отобралъ у легата крестъ и спряталъ его въ сани. Антоній уступилъ послѣ нѣкотораго сопротивленія. Болѣе сопротивлялся тому Иванъ Фрязинъ, который въ Москвѣ принялъ православіе, но скрылъ это обстоятельство въ Римѣ, гдѣ выдавалъ себя за католика и удостоился разныхъ почестей; онъ хлопоталъ, чтобы и папскому послу была оказана въ Москвѣ возможно большая честь.

Торжественное бракосочетаніе исполнено въ самый день пріѣзда въ томъ деревянномъ храмѣ, который былъ временно поставленъ во вновь начатомъ Успенскомъ соборѣ. Обрядъ вѣнчанія совершалъ коломенскій протопопъ Осія, въ присутствіи братьевъ великаго князя, бояръ и пріѣзжихъ съ царевною Грековъ.

Иванъ Фрязинъ, несмотря на свои услуги, вскорѣ подвергся опалѣ.

Въ прежнюю свою посылку въ Италію, онъ привезъ съ собою венеціанскаго посла Тревизана, отправленнаго къ Татарамъ, чтобы возбуждать ихъ противъ Турокъ, причемъ въ Москвѣ скрылъ его званіе и выдалъ его за простого купца. Но теперь обманъ его открылся. Иванъ III велѣлъ Фрязина заключить въ оковы и заточить въ Коломну, жену и дѣтей его взять, имущество разграбить. А Тревизана едва не велѣлъ казнить; только легатъ Антоній и бывшіе съ нимъ Итальянцы упросили помиловать его и снестись съ Венеціанскимъ правительствомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что великій князь отпустилъ Тревизана въ Орду. Но надобно было чѣмъ-нибудь рѣшить съ посольствомъ самого Антонія, имѣвшаго своею задачею присоединеніе Москвитянъ къ Флорентійской уніи. Для виду устроили преніе о вѣрѣ между нимъ и митрополитомъ. При семъ Филиппъ взялъ себѣ на помощь одного книжника или начетчика, по имени Никиту. По словамъ нашихъ лѣтописей, сей послѣдній будто бы такъ искусно повелъ споръ, что легатъ замолчалъ, сославшись на то, что съ нимъ нѣтъ нужныхъ для пренія книгъ. Какъ бы то ни было, но онъ долженъ былъ скоро убѣдиться въ обманутыхъ надеждахъ на привлеченіе Москвы къ уніи, одни намеки на которую уже возбуждали неудовольствіе среди населенія. Разсчеты Римской куріи на Софью Палеологъ не оправдались. Повидимому, царевна-сирота увезла изъ Италіи не одну только признательность за папскія благодѣянія, но и много горькихъ воспоминаній о претерпѣнныхъ ею вѣроисповѣдныхъ внушеніяхъ и принужденіяхъ, а также о разныхъ униженіяхъ по поводу недостаточнаго содержанія и неоднократнаго сватовства, разстроеннаго за неимѣніемъ приданаго. Уже во время долгаго пути въ Москву она имѣла возможность на свободѣ обдумать свое новое положеніе и уяснить себѣ истинное отношеніе двухъ церквей, можетъ быть, не безъ участія такихъ свѣдущихъ и дальновидныхъ Грековъ, какимъ былъ, напримѣръ, ея спутникъ Юрій Траханіотъ. Да и самъ Иванъ Фрязинъ, зная крутой нравъ великаго князя, могъ раскрыть ей глаза на всю безнадежность вопроса объ уніи. Какъ бы то ни было, въ Москвѣ Софья не только отказалась отъ уніи, въ которой была воспитана, но и явилась усердною сторонницею восточнаго православія. Папскій легатъ прожилъ въ Москвѣ одиннадцать недѣль; послѣ чего великій князь отпустилъ его съ честію; вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Италію и Греки, пріѣзжавшіе съ царевною послами отъ ея братьевъ. Иванъ препроводилъ папѣ и своимъ шурьямъ богатые дары (94).

Бракъ Ивана съ Софьею Палеологъ имѣлъ разнообразныя и важ-

ныя послѣдствія для Московскаго государства. Но о нихъ скажемъ послѣ, а теперь вновь обратимся къ Новгороду Великому.

Неудачная война съ Иваномъ III и Коростынскій миръ повели за собою еще горшія внутреннія смуты и еще болѣе ожесточенную вражду партій въ Новгородѣ, какъ это обыкновенно бываетъ при упадкѣ и разложеніи какого-либо общественнаго строя. Народоправленіе, процвѣтавшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, теперь очевидно отживало свой вѣкъ. Каково бы ни было неравенство силъ въ борьбѣ Новгородцевъ съ Москвою за свою самобытность, во всякомъ случаѣ только надорванный и расшатанный организмъ могъ оказать такое слабое сопротивлиніе, какое оказалъ тогда Новгородъ Великій.

Новогородскіе бояре, воротившіеся изъ московскаго плѣна, снова подкрѣпили партію Борецкихъ, которая свою ненависть къ Москвѣ стала изливать на сторонникахъ послѣдней. Борьба не ограничилась шумными вѣчами; начались открытыя нападенія и грабежи цѣлыхъ улицъ. Однажды нѣсколько бояръ, съ самимъ степеннымъ посадникомъ Васильемъ Ананьинымъ во главѣ, собрали толпу черни, напали на двѣ улицы, Славкову и Никитину, избили жившихъ тамъ своихъ противниковъ и ограбили ихъ. Въ другой разъ староста Ѳедоровской улицы Панфилъ, съ нѣсколькими боярами и съ подобною же толпою черни, напалъ на домъ бояръ Аполинарьиныхъ, побилъ ихъ людей и разграбилъ часть ихъ имущества. Когда такія дѣянія совершаютъ сами власти, обязанныя охранять внутренній миръ и общественный порядокъ, то ясно, что въ Новгородѣ началась уже анархія. Избитые, ограбленные сторонники Москвы не могли найти здѣсь суда и управы противъ своихъ обидчиковъ. Тогда они обратились къ великому князю, какъ къ высшей судебной инстанціи. Иванъ Васильевичъ не замедлилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ. Осенью 1475 года онъ съ большою вооруженною свитою отправился въ путь, пославъ напередъ гонца съ извѣстіемъ, что ѣдетъ навѣстить свою отчину Великій Новгородъ. Едва онъ вступилъ въ Новгородскіе предѣлы, какъ его начали встрѣчать разные люди съ жалобами на притѣсненія властей. Затѣмъ выѣзжали навстрѣчу бояре и житьи люди съ подарками; самъ владыка, князь Василій Шуйскій, степенный посадникъ и тысяцкій, старосты и другія власти съ знатнѣйшими боярами также встрѣчали его на дорогѣ и подносили дары. 21 ноября великій князь прибылъ на Городище и отслушалъ здѣсь обѣдню въ храмѣ Благовѣщенія, а 23 торжественно вступилъ въ

Новгородъ, молился въ Софійскомъ соборѣ и обѣдалъ у владыки; послѣ чего воротился къ себѣ на Городище. Пришедшая съ нимъ военная сила расположилась по сосѣднимъ монастырямъ.

Неожиданный пріѣздъ великаго князя смутилъ Литовскую партію; она притихла и старалась не отстать отъ своихъ противниковъ въ угощеніи и поднесеніи даровъ Московскому гостю. Одинъ разъ Иванъ Васильевичъ пировалъ у князя Василія Шуйскаго; у владыки пировалъ три раза; кромѣ того былъ на пирахъ: у стараго посадника Василія Казиміра, у Захарія Григорьева, у степеннаго тысяцкаго Василія Есипова, у знатныхъ бояръ Якова Коробова, Луки Ѳедорова, стараго посадника Ѳеофилакта, Якова Ѳедорова, у братьевъ Аполинарьиныхъ, у степеннаго посадника Ѳомы, у боярыни Настасьи, вдовы Ивана Григорьева, и у сына ея Юрія, жившихъ на Городищѣ, и т. д. Каждый такой пиръ сопровождался поднесеніемъ даровъ и поминковъ высокому гостю. Эти дары состояли изъ слѣдующихъ предметовъ: бочки заморскихъ винъ, краснаго и бѣлаго, бочки меду, нѣсколько поставовъ ипскаго сукна, нѣсколько десятковъ и даже сотенъ кораблениковъ или золотыхъ иноземныхъ монетъ, рыбьи зубы (моржовые клыки), кречеты, сорока соболей, дорогіе кони, золотые ковши, наполненные жемчугомъ, окованные серебромъ рога, серебряныя мисы и проч. Очевидно, новогородское боярство и купечество при семъ случаѣ другъ передъ другомъ соперничало широкимъ русскимъ хлѣбосольствомъ и своею богатою казною. Только Марѳа Борецкая, повидимому, не смирилась передъ великимъ княземъ, не предложила ему угощенія и даровъ. Тѣ старые посадники и тысяцкіе, купцы и житьи люди, которые не успѣли устроить своихъ пировъ, просто приходили къ великому князю съ челобитьемъ и дарами. Въ дополненіе къ нимъ степенные посадникъ и тысяцкій ударили ему челомъ и поднесли отъ всего Великаго Новгорода 1000 рублей. Іоаннъ также устроилъ у себя на Городищѣ пиръ, на который были приглашены владыка, князь Шуйскій, посадники, тысяцкіе, житьи люди и многіе купцы; тутъ хозяинъ пилъ съ гостями до поздняго вечера, по замѣчанію лѣтописца. Съ своей стороны онъ отдаривалъ бояръ, купцовъ и житьихъ людей дорогими портами (платьемъ), камками, кубками, серебряными ковшами, сороками соболей, конями и пр.

Но пиры не отвлекли великаго князя отъ главной цѣли его поѣздки. Онъ продолжалъ принимать новгородскихъ жалобниковъ, которые приходили къ нему на Городище искать управы на разныя неправды. По наиболѣе важнымъ дѣламъ, именно упомянутымъ выше

нападеніямъ на двѣ улицы и на бояръ Аполинарьиныхъ, Іоаннъ велѣлъ взять за приставы, т.-е. подъ стражу, главныхъ насильниковъ: посадника Василія Ананьина, бояръ Богдана Осипова, Ѳедора Борецкаго, прозваннаго „Дурнемъ", и Ивана Лошинскаго. Согласно съ Новгородскою судною грамотою, онъ потребовалъ, чтобы кромѣ великокняжихъ приставовъ вѣче назначило и своихъ новогородскихъ приставовъ къ отвѣтчикамъ. А товарищей этихъ насильниковъ, бояръ Селезневыхъ, Афанасьевыхъ, Никифорова, Тучина, Квашнина, Тютрюма, Бабкина и другихъ, великій князь отдалъ на поруки архіепископу, который поручился за нихъ въ 1500 рубляхъ. Разсмотрѣвъ дѣло, онъ истцовъ оправилъ, а насильниковъ осудилъ. Затѣмъ по челобитью владыки, бояръ, отданныхъ на поруки, освободилъ отъ княжей казни, а велѣлъ взыскать съ нихъ полторы тысячи рублей въ пользу истцовъ и еще княжую пеню. Но главныхъ четырехъ насильниковъ, несмотря ни на какія челобитья, отправилъ скованными подъ стражею въ Москву, куда и самъ воротился 8 февраля, послѣ девятинедѣльнаго пребыванія въ Новгородѣ. Кромѣ этихъ четырехъ бояръ онъ велѣлъ схватить еще Ивана Афонасова съ сыномъ Олферіемъ за то, что они „мыслили отдать Великій Новгородъ за короля (Казиміра IV)", какъ сказано въ лѣтописи; изъ Москвы осужденныхъ новгородскихъ бояръ разослали по тюрьмамъ въ Коломну и въ Муромъ. Такимъ образомъ Іоаннъ ловко воспользовался случаемъ, чтобы захватить въ свои руки главныхъ вожаковъ Литовской партіи и въ то же время явить Новгородцамъ примѣръ своего великокняжескаго суда, который, не взирая на знатность и богатство обидчиковъ, строго ихъ наказалъ и далъ на нихъ управу обиженнымъ. Слѣдствія такой политики не замедлили обнаружиться. Новогородцы, не надѣясь на собственныхъ судей, стали ѣздить въ Москву съ своими исками на богатыхъ и сильныхъ обидчиковъ; а великій князь началъ давать имъ приставовъ и требовать отвѣтчиковъ для суда уже въ свою столицу, чего никогда прежде не бывало. Въ числѣ истцовъ и отвѣтчиковъ встрѣчаемъ въ Москвѣ знатныхъ Новгородцевъ, напримѣръ, стараго посадника Захарія Овина и боярина Василія Никифорова. Послѣдній даже принесъ какую-то присягу великому князю, хотя выше мы видѣли его въ числѣ вожаковъ Литовской партіи. Очевидно, многіе члены этой партіи считали ея дѣло уже на всегда проиграннымъ и стали переходить на противную сторону.

Московская партія, имѣя въ своей главѣ владыку Ѳеофила, на столько усилилась въ Новгородѣ, что рѣшилась на слѣдующій смѣ-

лый шагъ. Зимою 1477 года къ Ивану Васильевичу прибыли съ челобитьемъ по какому-то дѣлу отъ архіепископа и всего Новгорода подвойскій Назаръ и вѣчевой дьякъ Захарія. Отправляя свое челобитье, они называли великаго князя „государемъ", а не „господиномъ", какъ было прежде. Тогда Иванъ съ своей стороны отправилъ послами въ Новгородъ двухъ бояръ, Ѳедора Давыдовича и Ивана Борисовича, съ дьякомъ Василіемъ Далматовымъ и велѣлъ спросить: „какого государства хотятъ Новгородцы"?

Московскіе послы, окруженные большою свитою, остановились по обычаю на Городищѣ. Прибывъ на вѣче, они объявили народу причину своего посольства, и спрашивали, согласны ли Новгородцы, назвавъ великаго князя своимъ государемъ, отдать ему Ярославле дворище, посадить его тіуновъ по всѣмъ улицамъ и не вступаться въ его суды?

Народъ былъ ошеломленъ такими вопросами. Множество голосовъ закричало, что все это ложь, что вѣче не называло Іоанна государемъ и съ такимъ словомъ къ нему грамоту не посылало. Литовская партія поспѣшила воспользоваться удобнымъ моментомъ и возможно болѣе разжечь народное негодованіе противъ вѣроломства Москвы и ея сторонниковъ. Поднялся мятежъ. Вспомнили о тѣхъ боярахъ, которые ѣздили судиться къ великому князю; схватили Захарія Овина и Василія Никифорова, привели на вѣче и начали допрашивать. Первый, чтобы выгородить себя, оговорилъ второго.

„Перевѣтникъ!—закричали Никифорову—ты былъ у великаго князя и цѣловалъ ему на насъ крестъ".

„Я цѣловалъ крестъ служить ему правдою и добра хотѣть, но не на государя своего Великій Новгородъ, ни на васъ свою братію и господу".

Его безъ пощады изрубили топорами. Не спасся и Захарій Овинъ. Его также убили потомъ вмѣстѣ съ братомъ Кузьмою на владычнемъ дворѣ. Нѣкоторые другіе бояре, страшась той же участи, бѣжали къ великому князю; ихъ имущество и дворы подверглись разграбленію. Разнузданная чернь предавалась разнымъ неистовствамъ; снова послышались клики: „за короля хотимъ"! Однако, никто не осмѣлился тронуть московскихъ пословъ, и когда волненіе поуспокоилось, ихъ отправили обратно къ великимъ князьямъ (Іоанну и его сыну) съ такимъ отвѣтомъ: „Вамъ своимъ господинамъ челомъ бьемъ, а государями васъ не зовемъ, судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и дворища Ярославля

вамъ не даемъ; на чемъ мы цѣловали крестъ въ Коростынѣ, на томъ докончаньи хотимъ съ вами жить. А кто безъ нашего вѣдома чинили (называя государемъ), тѣхъ казни какъ знаешь; мы тоже будемъ казнить кого поймаемъ".

Такимъ образомъ дѣло о названіи великаго князя „государемъ" осталось не разъясненнымъ. Лѣтописцы говорятъ о немъ глухо, и не отвѣчаютъ на вопросъ: была ли дѣйствительно составлена вѣчевая грамота въ такомъ смыслѣ или это выраженіе было употреблено помимо вѣча архіепископомъ и нѣкоторыми боярами. Послѣднее вѣроятнѣе. Но Иванъ Васильевичъ не счелъ нужнымъ доискиваться истины; ему важенъ былъ удобный предлогъ. Онъ началъ слезно жаловаться митрополиту Геронтію, матери своей, братьямъ и боярамъ на то, что Новгородцы отпираются отъ своихъ словъ, выставляютъ его лжецомъ, убиваютъ и грабятъ вѣрныхъ людей. Обсудивъ дѣло съ помощью думы, созванной изъ высшаго духовенства и бояръ, великій князь рѣшилъ новый походъ на Новгородъ; послѣ чего разослалъ гонцовъ собирать земскія дружины; послалъ также за помощью въ Тверь и Псковъ. Начались молебны во всѣхъ главныхъ храмахъ столицы, особенно у гробовъ святителей и въ Троицесергіевой лаврѣ; щедрыя милостыни разосланы по церквамъ и монастырямъ. Въ концѣ сентября 1478 года Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ одного подьячаго со складною грамотою, т.-е. съ объявленіемъ войны; а 9 декабря выступилъ въ походъ, направясь на Волокъ Ламскій, удѣлъ брата своего Бориса; потомъ, пройдя Тверскими владѣніями, черезъ десять дней онъ прибылъ въ Торжокъ, гдѣ уже сидѣлъ московскій намѣстникъ Василій Китай, и гдѣ уже дожидались два новгородскихъ *опасчика*, староста Калитинъ и житій Марковъ, пріѣхавшіе за опасомъ или пропускною грамотою для великаго посольства, посредствомъ котораго Новгородъ желалъ вступить въ переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ. Здѣсь же подъ Торжкомъ собрались нѣкоторые вспомогательные отряды, въ томъ числѣ и тверская дружина. Тутъ великій князь распредѣлилъ дальнѣйшій походъ своимъ войскамъ. Самъ онъ пошелъ на Вышній Волочокъ и вдоль рѣки Мсты; по правой и по лѣвой сторонѣ отъ себя велѣлъ идти другимъ полкамъ, которые раздѣлялись на многіе отряды и двигались разными дорогами. Какъ только вступили Московскіе полки въ Новгородскую землю, такъ начали жестоко разорять ее, т.-е. жечь, плѣнить, грабить. По мѣрѣ движенія впередъ къ великому князю пріѣзжали изъ Новгорода разные бояре, купцы и житьи люди, которые били челомъ о принятіи ихъ въ его

службу. Они сознавали безнадежность дальнѣйшей борьбы съ Москвою, и заранѣе переходили на сторону побѣдителя.

Приблизясь къ Ильменю, великій князь распредѣлилъ отряды на четыре обычные въ то время полка: въ передовомъ полку велѣлъ быть брату своему Андрею Меньшому, воеводѣ Ѳедору Давидовичу, князьямъ Данилу Холмскому и Ивану Стригѣ-Оболенскому; въ правой рукѣ брату своему Андрею Большому и тверскому воеводѣ князю Михаилу Микулинскому; въ лѣвой рукѣ брату своему Борису и удѣльному князю Верейскому; а у себя въ большомъ полку оставилъ воеводъ Ивана Юрьевича Патрикѣева, Василія Образца, князя Семена Ряполовскаго, царевича Даньяра съ Касимовскими Татарами и другихъ. Затѣмъ часть войскъ онъ немедленно отправилъ подъ самый Новгородъ, чтобы захватить Городище и окрестные монастыри прежде, нежели Новогородцы успѣютъ ихъ сжечь; какъ это обыкновенно дѣлалось въ случаѣ большой осады, чтобы монастыри не служили пристанищемъ непріятелю. Передовые полки удачно исполнили эту задачу. Затѣмъ стали подходить другія войска, которыя постепенно обложили Новгородъ со всѣхъ сторонъ. Въ первый походъ Ивану Васильевичу помогло необыкновенно сухое лѣто; а теперь походъ былъ зимній, и войска свободно проходили, благодаря замерзшимъ рѣкамъ и болотамъ. Такъ самъ великій князь съ своимъ полкомъ прошелъ черезъ Ильмень озеро по льду, и 27 ноября остановился у Волховскаго истока на Паозерьѣ противъ Юрьева монастыря, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ боярина Лошинскаго. Воеводы его расположились по окрестнымъ селамъ и монастырямъ, каковы: Юрьевскій, Аркажій, Благовѣщенскій, Пантелеймоновъ, Никола на Мостищахъ, Деревяницкій, Кирилловъ, Спасъ на Волотовѣ и пр. 30 ноября великій князь приказалъ воеводамъ отпустить половину людей для собранія всякихъ съѣстныхъ запасовъ въ сосѣднихъ волостяхъ; а черезъ десять дней всѣ они должны были воротиться и быть на своихъ мѣстахъ. Неоднократно великій князь посылалъ торопить Псковичей, чтобъ они спѣшили къ Новгороду съ пушками, пищалями и самострѣлами. Псковичи сначала отговаривались большимъ пожаромъ, который въ то время опустошилъ ихъ городъ; однако, понуждаемые московскими гонцами, 5 декабря они наконецъ прибыли, и получили приказъ расположиться въ монастыряхъ Троицкомъ, Клопскомъ, на Веряжи и въ селѣ боярыни Авдотьи Аполинарьиной. Не полагаясь на морозы, Иванъ велѣлъ сопровождавшему его итальянскому мастеру Аристотелю Фіоравенти построить мостъ черезъ Волховъ, чтобы обезпечить сообщеніе между своими войсками.

Что могъ сдѣлать Великій Новгородъ противъ этой грозной со всѣхъ сторонъ облегавшей его силы? Въ первую войну съ Иваномъ онъ еще успѣлъ собрать значительное войско и вывести его въ поле; а теперь мы не видимъ даже никакой попытки сразиться съ непріятелемъ въ открытомъ бою. Вся энергія гражданъ сосредоточилась на оборонѣ своихъ валовъ и стѣнъ. Въ началѣ они ревностно принялись усиливать свои укрѣпленія и даже выстроили новую деревянную стѣну черезъ Волховъ противъ Аристотелева моста. Если бы великій князь немедленно началъ дѣлать приступы, то вѣроятно встрѣтилъ бы жаркое сопротивленіе и потерялъ бы много людей. Но, согласно съ своимъ характеромъ, онъ наоборотъ не спѣшилъ нападеніемъ и разсчитывалъ, сколько времени городъ можетъ выдерживать свое тяжелое осадное положеніе. Недаромъ онъ постарался во время первой войны и послѣ нея захватить самыхъ дѣятельныхъ и наиболѣе способныхъ вожаковъ противной ему партіи. Теперь въ Великомъ Новгородѣ окончательно не выдвинулась ни одна сколько-нибудь крупная личность между военными начальниками. Да и трудно было кому-нибудь выдвинуться посреди той анархіи, которая господствовала тогда въ осажденномъ городѣ. А такое учрежденіе какъ временная диктатура, могущая спасать республики въ минуты опасности, было неизвѣстно въ сѣвернорусскихъ народоправленіяхъ, и совсѣмъ не было въ ихъ нравахъ. Внѣшняя помощь ни откуда не приходила, и надежда на польско-литовскаго короля Казиміра IV вновь оказалась напрасною. Для растерявшихся новгородскихъ властей и купечества оставался одинъ путь непосредственныхъ переговоровъ съ побѣдителемъ; была только возможность сначала торговаться объ условіяхъ сдачи, а потомъ ужъ просто молить о пощадѣ.

И дѣйствительно, повѣствованіе лѣтописцевъ о второмъ походѣ великаго князя на Новгородъ главнымъ образомъ сосредоточивается на этой сторонѣ событія.

При первыхъ извѣстіяхъ о военныхъ сборахъ Ивана Васильевича, Новгородцы послали просить у него опаса или разрѣшенія пріѣхать своему владыкѣ съ боярами для переговоровъ. Но Иванъ уже рѣшилъ покончить съ Новгородомъ. Онъ велѣлъ задержать опасчика въ Торжкѣ; послѣ того послали изъ Новгорода другого опасчика, наконецъ третьяго, который встрѣтилъ великаго князя уже въ Новгородской землѣ. Только 8 ноября онъ отпустилъ первыхъ опасчиковъ съ дозволеніемъ прибыть торжественному новгородскому посольству. 23 ноября, когда Московскій князь стоялъ въ селѣ Сытинѣ, въ 30 вер-

стахъ отъ Новгорода, явилось къ нему это посольство съ архіепископомъ Ѳеофиломъ во главѣ. Оно состояло изъ десяти членовъ: пять старыхъ посадниковъ (Яковъ Коробъ, Ѳеофилактъ Захарьинъ, Лука и Яковъ Ѳедоровы, Лука Исаковъ Аполинарьинъ) и пять человѣкъ отъ житьихъ людей, вѣроятно по одному отъ каждаго конца (Клементьевъ, Медвѣдниковъ, Арбузьевъ, Кильской и купецъ Царевищевъ). Владыка билъ челомъ Ивану Васильевичу, называя его *государемъ* и великимъ княземъ всея Руси, отъ игумновъ и священниковъ всѣхъ семи соборовъ Великаго Новгорода; онъ молилъ смиловаться надъ своею отчиною, унять свой мечь и огонь, ходившіе по землѣ Новогородской, и кромѣ того отпустить въ Новгородъ тѣхъ бояръ, которые были сведены въ Москву въ прежній пріѣздъ великаго князя. За владыкою били челомъ о томъ же самомъ остальные послы, отъ имени степеннаго посадника Ѳомы Андреевича и степеннаго тысяцкаго Василія Максимова, а также отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, бояръ и купцовъ, житьихъ и черныхъ людей. Просьба о возвращеніи нѣсколькихъ отосланныхъ въ Москву бояръ мало соотвѣтствовала обстоятельствамъ, когда дѣло шло уже о существованіи самой Новгородской общины. Лука Ѳедоровъ прибавилъ просьбу, чтобы государь велѣлъ поговорить съ ними своимъ боярамъ. Великій князь ничего не отвѣтилъ, и позвалъ пословъ къ себѣ на обѣдъ. А на слѣдующій день назначилъ на *говорку* съ ними князя Ивана Юрьевича Патрикѣева и двухъ братьевъ-бояръ Василія и Ивана Борисовичей.

Согласно съ дипломатическими обычаями того времени, новогородскіе послы раздѣлили между собою статьи переговоровъ: Яковъ Коробъ просилъ вообще, чтобы великій князь „пожаловалъ свою отчину Великій Новгородъ *вольныхъ мужей*, нелюбье отдалъ, а мечъ унялъ“. Ѳеофилактъ Захарьинъ ходатайствовалъ объ освобожденіи задержанныхъ бояръ. Лука Ѳедоровъ предложилъ, чтобы государь ѣздилъ въ Новгородъ не болѣе однаго раза въ четыре года, бралъ въ каждый пріѣздъ по 1000 рублей, и чего его намѣстникъ съ посадникомъ не могутъ управить, онъ бы самъ рѣшалъ въ этотъ свой пріѣздъ, а къ себѣ въ Москву Новогородцевъ къ суду бы не вызывалъ. (Очевидно, Новгородцы желали устроить великокняжескій судъ на подобіе митрополичьихъ подъѣздовъ въ Новгородѣ или владычнихъ во Псковѣ). Братъ Луки Яковъ Ѳедоровъ говорилъ, чтобы великокняжескіе намѣстники не вмѣшивались въ суды владыки и посадника. А послы отъ житьихъ людей просили, чтобы „мукобряне“ великаго князя (Городищенскіе его служилые люди) судились не на Городищѣ, а въ городѣ.

Въ заключеніе Яковъ Коробъ просилъ, чтобы государь указалъ своей отчинѣ Великому Новгороду, какъ и въ чемъ ему челомъ бить.

Бояре все сказанное доложили великому князю; а на слѣдующій день по его указу держали отвѣтъ посламъ, точно также раздѣливши его между собою. Князь Иванъ Юрьевичъ сдѣлалъ общее вступленіе. Затѣмъ продолжалъ Василій Борисовичъ, который распространился объ извѣстной посылкѣ въ Москву подвойскаго Назара и дьяка вѣчнаго Захара, или о томъ, какъ Новгородцы заперлись въ названіи великаго князя государемъ, чѣмъ положили на него ложь и нанесли ему оскорбленіе. Иванъ Борисовичъ высказалъ удивленіе великаго князя тому, что владыка и послы ходатайствуютъ о задержанныхъ боярахъ, на грабежи и насилія которыхъ сами прежде жаловались. Въ заключеніе Иванъ Юрьевичъ прибавилъ: „захочетъ своимъ государямъ великимъ князьямъ отчина ихъ Великій Новгородъ бити челомъ, и онъ знаетъ какъ имъ бить челомъ". Съ такимъ отвѣтомъ посольство было отпущено. 4 и 5 декабря владыка съ тѣмъ же самымъ посольствомъ снова являлся къ великому князю уже въ его стоянку на Паозерьѣ. Для отвѣтовъ великій князь къ тремъ помянутымъ боярамъ присоединилъ еще двухъ: Өедора Давидовича и князя Ивана Стригу-Оболенскаго. Послы принесли повинную отъ Новгородцевъ въ томъ, что они отпирались отъ словъ Назара подвойскаго и Захара дьяка.

На это послѣдовалъ отвѣтъ.

„Если винитесь и спрашиваете, какому нашему государству быть въ нашей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, то мы хотимъ въ немъ такого же государства, какое у насъ на Москвѣ.

Въ слѣдующій разъ, 7 декабря, владыка пріѣхалъ съ тѣмъ же посольствомъ, увеличеннымъ еще пятью представителями отъ черныхъ людей по одному отъ каждаго конца (отъ Неревскаго Аврамъ Ладожанинъ, Гончарскаго—Кривой, Славенскаго—Захаръ Брехъ, Загородскаго—Харитонъ, Плотничья—Өедоръ Лытка). Говорили опять посадники, раздѣливъ между собою статьи. Просили, чтобы великокняжій намѣстникъ судилъ вмѣстѣ съ посадникомъ; предлагали ежегодной дани съ сохи по полугривны новогородской и чтобы великій князь держалъ новогородскіе пригороды своими намѣстниками; но били челомъ, чтобы онъ не выводилъ людей изъ Новогородской земли, не вступался бы въ боярскія вотчины, не звалъ бы Новгородцевъ на судъ въ Москву и не требовалъ бы ихъ на службу въ Низовскую землю.

Великій князь черезъ бояръ грозно отвѣтилъ:

„Я сказалъ, что хочу такого же государства въ Новгородѣ Великомъ, какъ на Москвѣ въ Низовской землѣ; а вы теперь указываете, какъ мнѣ поступать, то какое же это государство“?

Послы смиренно просили яснѣе „явить“ имъ государеву волю, ибо они не знаютъ, какъ великіе князья держатъ Низовскую землю. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы Новогородскіе бояре дѣйствительно не знали Московскаго самодержавія; они конечно понимали, къ чему идетъ дѣло; но страшились послѣдняго слова и прикидывались непонимающими. Наконецъ это слово было произнесено.

Черезъ бояръ великій князь отвѣчалъ:

„Наше государство таково: вѣчу и посадникамъ въ Новгородѣ не быть; все государство намъ держать, а волостямъ и селамъ быть какъ у насъ въ Низовской землѣ“.

Этотъ громовый отвѣтъ нѣсколько смягченъ былъ обѣщаніемъ не дѣлать вывода изъ Новогородской земли, не вступаться въ боярскія отчины и суду оставаться по старинѣ.

Цѣлую недѣлю Новогородцы думали надъ словами великаго князя и спорили на шумныхъ вѣчахъ. Наконецъ партія людей умѣренныхъ и сторонниковъ Москвы взяла верхъ; отправили то же посольство сказать, что вѣче и посадника отлагаютъ; только повторяли свое челобитье о вотчинахъ, выводѣ, судебныхъ позвахъ въ Москву и низовской службѣ. Ясно, что новогородское боярство, жертвуя народоправленіемъ, хлопотало теперь единственно о своихъ сословныхъ интересахъ. Великій князь далъ согласіе на эти условія. Но когда посольство попросило его присягнуть на нихъ, онъ рѣзко отказалъ. Послы били челомъ, чтобы присягнули его бояре; но также получили отказъ. Они просили, чтобы присягнулъ будущій его намѣстникъ. И въ этомъ отказано. Мало того, Иванъ Васильевичъ при семъ задержалъ пословъ въ станѣ на цѣлыя двѣ недѣли. Очевидно онъ хотѣлъ еще потомить Новогородцевъ и довести ихъ до совершенной покорности и полнаго смиренія; ибо онъ зналъ, что между ними еще велика была партія ему противная, которая продолжала кричать на вѣчахъ, что надобно биться противъ Москвы до послѣдняго человѣка.

Между тѣмъ въ осажденномъ городѣ уже истощались запасы; наступалъ голодъ, а такъ какъ въ немъ искали убѣжища многіе жители окрестныхъ волостей, то отъ великой тѣсноты уже началась моровая язва. Тогда какъ въ Московскомъ станѣ было довольство; не ограничиваясь сборомъ всевозможныхъ запасовъ изъ ближайшихъ областей, великій князь велѣлъ Псковскимъ купцамъ пригнать въ свой

станъ большіе обозы съ пшеничною мукою, калачами, рыбою и съ другими товарами и открыть здѣсь вольную торговлю.

Смятенія и споры отчаянныхъ противниковъ Москвы съ ея сторонниками не утихали; однако послѣдніе уже рѣшительно преобладали и находили дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ главный воевода новогородскій *кормленый* князь Василій Васильевичъ Шуйскій торжественно на вѣчѣ, 28 декабря, сложилъ съ себя присягу Новгороду; а спустя два дня, безпрепятственно выѣхалъ въ Московскій станъ и вступилъ въ службу великаго князя. 29-го Иванъ позвалъ новогородскихъ пословъ къ себѣ, лично подтвердилъ помянутыя условія и отпустилъ ихъ въ городъ. Но едва владыка и послы вышли отъ него, какъ ихъ нагнали бояре и объявили, что государь требуетъ еще волостей и селъ, „понеже великимъ князьямъ нельзя безъ того держать свое государство на отчинѣ своей Великомъ Новгородѣ". По поводу этого требованія послы еще нѣсколько разъ ѣздили въ Новгородъ и возвращались въ Московскій станъ. Новогородцы предлагали то пограничныя съ Литвою Великія Луки и Ржеву Пустую съ волостями, то десять волостей владычнихъ и монастырскихъ; но великій князь не принималъ ихъ предложенія. Когда же его попросили самому назначить, то онъ потребовалъ половину всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ и всѣ волости Торжковскія, кому бы онѣ ни принадлежали, т.-е. владыкѣ, монастырямъ, боярамъ или другимъ Новогородцамъ. Вѣче согласилось и на это; только просило отобрать половину земель у шести главныхъ монастырей (Юрьевскаго, Благовѣщенскаго, Аркажа, Антоньева, Никольскаго въ Неревскомъ концѣ, Михайловскаго на Сковородкѣ), а иные монастыри не трогать, ибо они бѣдны и мало имѣютъ земель. Великій князь соизволилъ на эту просьбу, а когда по его приказу составили подробный списокъ требуемыхъ волостей, то онъ оказалъ милость владыкѣ и не взялъ у него половины земель, а отобралъ изъ нихъ десять лучшихъ волостей.

Когда рѣшенъ былъ вопросъ о волостяхъ, владыка съ послами билъ челомъ Ивану Васильевичу смиловаться надъ городомъ и облегчить осаду, въ которой гибло много людей. Но великій князь не спѣшилъ исполненіемъ этого челобитья и велѣлъ еще своимъ боярамъ говорить съ посольствомъ о ежегодной дани, которую оно предложило со всѣхъ волостей новгородскихъ по полугривнѣ или по семи денегъ съ сохи. Московскіе бояре спросили, какъ велика новогородская соха и получили въ отвѣтъ: „три обжи составляютъ соху; а

обжа, когда одинъ человѣкъ оретъ на одной лошади, кто оретъ на трехъ лошадяхъ и самъ третей, то выходитъ соха". Великій князь потребовалъ было по полугривнѣ съ обжи; однако потомъ смиловался и положилъ по полугривнѣ съ сохи „со всѣхъ волостей Новгородскихъ, также на Двинѣ и въ Заволочьѣ, со всѣхъ, кто пашетъ землю, равно съ ключниковъ, старостъ и одерноватыхъ". При семъ по челобитью владыки онъ согласился не посылать собственныхъ писцовъ и даньщиковъ, отъ которыхъ была бы тягота крестьянамъ, а положиться на вѣру и совѣсть Новгородцевъ, которые сами соберутъ дань и отдадутъ кому будетъ приказано.

По окончаніи всѣхъ этихъ переговоровъ Иванъ Васильевичъ велѣлъ очистить для себя Ярославовъ дворъ и составить цѣловальную или присяжную запись для Новгородцевъ. На ней подписался владыка и приложилъ свою печать, вмѣстѣ съ печатями отъ всѣхъ пяти концовъ. По этой записи приносили присягу великому князю тѣ новгородскіе бояре, житьи и купцы, которые пріѣзжали съ челобитьемъ въ станъ на Паозерье. А 15 января пятеро московскихъ бояръ, ведшихъ переговоры, отправлены въ городъ, чтобы по той же цѣловальной грамотѣ привести къ присягѣ весь Новгородъ. Съ сего дня вѣче уже перестало существовать; поэтому высшіе классы, т.-е. бояре, житьи и купцы, присягали на владычнемъ дворѣ; а по концамъ были посланы отъ великаго князя его дѣти боярскіе, которые приводили къ присягѣ черныхъ людей. Потребовали также присяги отъ людей боярскихъ и отъ вдовыхъ боярынь, такъ какъ въ Новгородѣ онѣ пользовались значительными правами и распоряжались имуществомъ своихъ дѣтей. Затѣмъ Новгородскіе бояре, дѣти боярскіе и житьи били еще челомъ великому князю о принятіи ихъ въ свою службу; на что конечно получили его соизволеніе, съ обязательствомъ доносить о всякомъ добрѣ и лихѣ, замышляемомъ кѣмъ-либо изъ Новгородцевъ на великаго князя. Только 18 января Иванъ Васильевичъ разрѣшилъ скопившимся въ городѣ крестьянамъ разойтись по своимъ волостямъ и селамъ, и только 29-го въ четвергъ на масляной недѣлѣ онъ съ братьями и боярами пріѣхалъ въ Новгородъ, чтобы отслушать обѣдню у св. Софьи; но опять воротился къ себѣ на Паозерье; такъ какъ городъ зараженъ былъ моровою язвою. Еще около трехъ недѣль онъ оставался здѣсь, занимаясь устройствомъ Новгородскихъ дѣлъ.

На Ярославовомъ дворѣ вмѣсто вѣча теперь помѣщены были два великокняжескихъ намѣстника, князь Иванъ Стрига-Оболенскій съ братомъ Ярославомъ; на Софійскую сторону великій князь также на-

значилъ двухъ бояръ (Василія Китая и Ивана Зиновьева). Эти четыре намѣстника должны были теперь вѣдать управленіе и судъ вмѣсто прежнихъ посадниковъ и тысяцкихъ. Затѣмъ, нестѣсняясь только что даннымъ помилованьемъ покорившимся Новогородцамъ, великій князь велѣлъ схватить еще нѣсколькихъ вожаковъ противной ему партіи изъ числа бояръ и житьихъ людей и отправить ихъ въ московское заточенье, а имѣнья ихъ отписать на себя. Въ числѣ схваченныхъ находилась и знаменитая Марѳа Борецкая съ ея внукомъ Василіемъ, сыномъ Ѳедора Дурня, который умеръ въ заключеніи въ городѣ Муромѣ, принявъ монашеское постриженіе. Владыка Ѳеофилъ богатыми „поминками" старался задобрить самодержавнаго теперь государя Новогородской земли, и нѣсколько разъ подносилъ ему золотыя цѣпи, чары, ковши, серебряныя кружки, кубки, миски, цѣлыя сотни корабленниковъ и прочія дорогія вещи. Наконецъ 17 февраля Иванъ Васильевичъ выѣхалъ въ обратный путь, и 5 марта въ четвергъ на пятой недѣлѣ великаго поста прибылъ въ Москву. Еще прежде прислалъ онъ боярина Слыха къ матери, сыну и митрополиту съ извѣстіемъ, „что отчину свою Великій Новгородъ привелъ въ свою волю и учинился на немъ государемъ какъ и на Москвѣ". Вслѣдъ за великимъ княземъ привезли изъ Новгорода и вѣчевой колоколъ, повѣсили его на Кремлевской площади на колокольню, и сталъ онъ звонить „на равнѣ" съ прочими колоколами.

Печальную картину представлялъ Великій Новгородъ и вся его область послѣ этого похода. Повсюду остались глубокіе слѣды разоренія и опустошенія. Народу погибло гораздо болѣе чѣмъ въ первый походъ; ибо тогда было теплое время и сельскіе жители укрывались въ лѣсахъ; а теперь при зимнихъ снѣгахъ и морозахъ укрыться было некуда, и множество людей погибло отъ меча, болѣзней, голода и холода.

Несмотря на такое истощеніе силъ, вольнолюбивые Новогородцы не могли скоро помириться съ потерею самобытности и съ тяжкимъ для нихъ московскимъ владычествомъ. Уже въ слѣдующемъ 1479 году доброхоты донесли великому князю, что Новгородъ тайно сносится съ Казиміромъ Литовскимъ, который готовится къ войнѣ съ Москвою и поднимаетъ на него хана Золотой Орды; около того же времени возникло неудовольствіе между Іоанномъ и его братьями, такъ что время показалось очень удобное для Новогородскаго возстанія. Іоаннъ оцѣнилъ важность минуты, и на этотъ разъ, вопреки своей обычной медлительности и осторожности, 26 октября поспѣшилъ въ Новгородъ

только съ одной тысячью военныхъ людей, поручивъ сыну собирать большую рать и идти за собою. Несмотря на поставленныя по пути заставы, долженствовавшіе не пропускать въ Новгородъ извѣстій о походѣ великаго князя, граждане узнали о немъ; они немедленно подняли знамя возстанія и принялись укрѣплять городъ; причемъ вновь избрали степенныхъ посадника и тысяцкаго, и возобновили свое вѣчевое устройство. Услыхавъ о томъ, великій князь остановился въ Бронницахъ, и двѣ недѣли ждалъ, пока подошла Московская рать. Тогда онъ вновь осадилъ Новгородъ. На этотъ разъ осада продолжалась не долго: внутри города пошли опять раздоры партій и постоянныя измѣны; многіе граждане уходили въ станъ къ великому князю. Межъ тѣмъ московскія пушки, направляемыя Аристотелемъ, громили стѣны; а внѣшняя помощь ни откуда не являлась. Новогородцы опять попытались было вступить въ переговоры чрезъ своего архіепископа, и послали просить опасной грамоты. Но Іоаннъ отвѣчалъ: „я самъ опасъ для невинныхъ и государь вамъ; отворите ворота; когда войду въ городъ, то невинныхъ ничѣмъ не оскорблю“. Отворили ворота. Архіепископъ съ духовенствомъ и со крестами, выборныя власти, бояре и весь народъ вышли навстрѣчу великому князю, пали ницъ и просили прощенія. Онъ взялъ благословеніе у владыки; сказалъ, что невиннымъ приноситъ миръ, и отправился помолиться у св. Софіи. Затѣмъ остановился въ домѣ новаго посадника Ефима Медвѣдева, и началась суровая расправа.

Легкомысленно начавъ возстаніе, Новогородцы не сообразили того, что въ случаѣ неудачи они лишаются и тѣхъ немногихъ льготныхъ условій, на которыхъ сдались Іоанну нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. И дѣйствительно, великій князь послѣ усмиреннаго возстанія обошелся съ ними уже какъ самодержавный государь съ своими мятежными подданными. Во-первыхъ, онъ велѣлъ схватить главныхъ крамольниковъ и подвергнуть ихъ пыткѣ. На этой пыткѣ они оговорили архіепископа какъ участника мятежа. Тогда Ѳеофилъ былъ взятъ подъ стражу и отосланъ въ Москву, гдѣ заключенъ въ Чудовъ монастырь; а великія владычнія сокровища, состоявшія въ золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, отобраны въ казну государеву. На мѣсто Ѳеофила былъ присланъ потомъ изъ Москвы Сергій, посвященный въ новгородскаго архіепископа изъ монаховъ Троицкой Лавры. Во-вторыхъ, болѣе сотни важнѣйшихъ мятежниковъ казнены; ихъ имѣнія также отобраны на государя. Въ-третьихъ, онъ теперь уже не считалъ обязательнымъ для себя обѣщаніе не выводить Новго-

родцевъ въ Низовскую землю, и широко воспользовался этимъ выводомъ, чтобы предупредить возможность будущихъ возстаній и окончательно сломить старую новгородскую гордыню. Такъ въ томъ же году до тысячи семействъ купеческихъ и дѣтей боярскихъ онъ разослалъ изъ Новгорода по Низовымъ городамъ, гдѣ роздалъ имъ помѣстья; до 7000 семействъ черныхъ людей также размѣстилъ по московскимъ городамъ и посадамъ. На мѣсто же выселенныхъ людей прислалъ изъ своихъ городовъ дѣтей боярскихъ и купцовъ. Затѣмъ въ послѣдующіе годы подобные выводы и переселенія возобновлялись нѣсколько разъ. Поводъ къ нимъ подавали нѣкоторыя волненія, происходившія отъ притѣсненій московскихъ намѣстниковъ, причемъ сами Новгородцы доносили на своихъ сограждань. Въ 1484 году по такому поводу были схвачены многіе бояре, боярыни и житьи люди, и частью разосланы по городамъ, частью заключены въ московскія тюрьмы; а ихъ села и имущества отобраны на государя. Въ это время была взята и та богатая боярыня-вдова Настасья, у которой когда-то Іоаннъ пировалъ на Городищѣ. Еще прежде того были схвачены извѣстные изъ предыдущихъ событій бояре и старые посадники Василій Казиміръ съ братомъ своимъ Яковомъ Коробомъ и Лука Ѳедоровъ. Въ 1488 г. опять множество житьихъ людей переселено въ Московскую землю по жалобѣ намѣстника (Якова Захаровича), будто Новгородцы хотѣли его убить, и многіе по этому обвиненію были казнены. Дома и земли выселенцевъ раздавались переведеннымъ на ихъ мѣсто московскимъ служилымъ и торговымъ людямъ. Отъ такихъ перемѣщеній измѣнился самый составъ новгородскаго землевладѣльческаго и торговаго классовъ. Попавъ въ среду низовскаго населенія, выселенныя новгородскія семьи не долго сохраняли тамъ свои привычки и свой духъ и скоро слились съ коренными жителями; а многочисленные московскіе колонисты въ Новгородѣ и его областяхъ принесли сюда свои понятія и обычаи; они способствовали здѣсь забвенію старыхъ новгородскихъ порядковъ, служили важною опорою властямъ для водворенія московскаго самодержавія и помогли постепенному втутреннему объединенію Новгородской земли съ Московскою. Всѣ эти обоюдныя переселенія жителей конечно сопровождались разореніемъ ихъ хозяйствъ и вообще огромными экономическими потерями. Дорого обошлось древней Руси это объединеніе Новгорода съ Москвою ([95]).

Такъ прекратились самобытность и народоправленіе Великаго Новгорода, продолжавшіяся на глазахъ исторіи болѣе четырехъ вѣковъ

съ половиною (считая со времени Ярослава I). Подобно республикамъ древняго міра и средневѣковымъ западноевропейскимъ, сіе народоправленіе прошло всѣ ступени развитія, и, переживъ эпоху своего процвѣтанія, достигло періода упадка и разложенія. Въ этомъ періодѣ особенно выступило наружу несоотвѣтствіе его вѣчевого устройства съ огромною территоріей и съ ея внѣшней обороной. Неизмѣримыя пространства его земли, удаленныя на сѣверъ и востокъ, представлялись почти недоступными великимъ князьямъ Южной Руси; отношенія измѣнились съ развитіемъ сосѣдней Новгороду Суздальско-Московской государственности. Теперь, когда древняя Русь почти собралась около двухъ средоточій, Москвы и Литвы, Новгороду пришлось выбирать между ними; ибо онъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы сохранить свое отдѣльное существованіе между такими сильными сосѣдями. Онъ попытался было противопоставить Москвѣ государя Литовскаго, наслѣдника южнорусскихъ князей, но безуспѣшно. При разнородности и малой сплоченности своихъ земель, только такія личности какъ Ольгердъ и Витовтъ могли вести удачную борьбу съ возникавшею Московскою государственностію, опиравшеюся на большую часть могучаго Великорусскаго племени. Казиміру IV такая борьба была не подъ силу, несмотря на то, что онъ стоялъ во главѣ не только Литвы и Западной Руси, но и Польши. Предоставленные собственнымъ средствамъ, Новгородцы могли только дорого продать свою политическую самобытность; но тутъ, какъ мы видѣли, обнаружился у нихъ полный упадокъ военныхъ доблестей и гражданскаго чувства вмѣстѣ съ отсутствіемъ единодушія и правительственной безурядицей. Его вѣчевое устройство такъ и не выработало строго опредѣленныхъ, устойчивыхъ формъ. Притомъ же, какъ бы ни былъ различенъ политическій строй Новгорода и Москвы, все же эти двѣ части Великорусскаго племени имѣли такъ много общаго, что неудержимо тянули другъ къ другу.

Объясняя причины сравнительно легкой побѣды, которая въ семъ случаѣ досталась Москвѣ, и становясь на сторону ея великой объединительной задачи, исторія однако не можетъ отказать въ своемъ сочувствіи многимъ сторонамъ Новгородской самобытной старины, а также тѣмъ страданіямъ и великимъ жертвамъ, съ которыми сопряжено было выполненіе этой задачи.

Не рѣшаясь выступить открытою войною противъ Москвы на помощь Новгороду, Казиміръ IV старался возбудить противъ нея хана

Золотой Орды Ахмата, который былъ сыномъ извѣстнаго Кучукъ Магомета. Старанія польско-литовскаго короля не остались безплодными въ обоихъ случаяхъ Новгородско-Московскаго столкновенія; но оба раза ханъ приходилъ слишкомъ поздно, т.-е. когда Іоаннъ успѣвалъ покончить съ Новгородцами, и эти нашествія повели только къ уничтоженію остававшейся дотолѣ тѣни Татарскаго ига. Уже при Василіи Темномъ прекратились поѣздки великаго князя Московскаго въ Золотую Орду, служившія главнымъ выраженіемъ его зависимости. Иванъ III, занявъ престолъ, ни разу не посѣтилъ Орды. Однако данническія отношенія, повидимому, продолжались, хотя и въ незначительной степени. Великій князь все еще собиралъ установленные взносы на ордынскіе выходы; но посылалъ въ Орду, очевидно, небольшую часть прежнихъ выходовъ, въ видѣ скорѣе подарковъ чѣмъ дани, и дѣлалъ это не постоянно, а тогда, когда по обстоятельствамъ нужно было отклонить Татаръ отъ большихъ вторженій. Такъ во время перваго Новогородскаго похода, несмотря на посольство отъ Казиміра IV, Ахматъ медлилъ, и собрался на Московскую Русь только лѣтомъ 1472 года. Іоаннъ двинулъ къ берегамъ Оки многочисленныя войска, и ханъ ушелъ назадъ; Татары однако имѣли время разорить и сжечь Алексинъ, причемъ погибла большая часть его жителей. Послѣ того видимъ взаимный обмѣнъ посольствами между ханомъ и великимъ княземъ; вѣроятно послѣдній успѣлъ на время помириться съ Ахматомъ и задобрить его поминками.

Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, то на рѣшимость Ивана III уничтожить самую тѣнь татарской зависимости, т.-е. платежъ дани, болѣе всего повліяла его супруга Софья. Гордую византійскую царевну оскорбляли эти данническія отношенія къ варварамъ - магометанамъ, и она постоянно внушала мужу намѣреніе съ ними покончить. Особенно оскорбляли ее унизительные обряды, съ которыми старые великіе князья встрѣчали ханскаго посла. Иностранные писатели говорятъ, будто бы великій князь долженъ былъ при этомъ стоя привѣтствовать Татарина, сидѣвшаго на лошади, подавать ему кубокъ съ кумысомъ, кланяться басмѣ или ханскому изображенію и на колѣняхъ слушать чтеніе его грамоты. Если и существовали когда такіе обряды, то, конечно, во времена самаго жестокаго татарскаго гнета, а не во второй половинѣ XV вѣка. Въ Московскомъ кремлѣ было татарское подворье, гдѣ останавливались послы и постоянно жили Татары, надзиравшіе за всѣмъ происходившимъ въ Москвѣ. Софья, съ помощью богатыхъ подарковъ, упросила ханшу отдать ей этотъ домъ, подъ

предлогомъ, что она имѣла какое-то видѣніе и дала обѣтъ построить на томъ мѣстѣ храмъ; а Татарамъ обѣщала отвести другой домъ. Такимъ образомъ, татарское подворье было сломано, на его мѣстѣ выстроенъ потомъ храмъ Николы Гостунскаго; но другого дома Татары не получили. По ея же внушенію Іоаннъ, чтобы избѣжать помянутыхъ унизительныхъ обрядовъ, обыкновенно сказывался больнымъ, когда приходили ханскіе послы. А наконецъ, когда прибыло посольство съ угрозами за то, что Іоаннъ самъ не ѣдетъ въ Орду и дани не присылаетъ, то онъ будто бы взялъ изъ рукъ посла басму и бросилъ ее на землю, грамоту ханскую разорвалъ и плюнулъ на нее; все посольство велѣлъ избить, а оставилъ только одного, котораго отправилъ назадъ съ подобающимъ отвѣтомъ. Но характеръ и вообще образъ дѣйствій великаго князя, насколько они извѣстны, мало соотвѣтствуютъ подобнымъ разсказамъ. Кромѣ внушеній Софьи на рѣшимость Іоанна прекратить данническія отношенія къ Золотой Ордѣ, по всѣмъ признакамъ, повліяло и общественное мнѣніе Московскаго населенія: ненависть къ татарскому ярму, сознаніе его унизительности и презрѣніе къ варварамъ-мусульманамъ, которыхъ православные люди называли „поганью“, все болѣе и болѣе выступали наружу по мѣрѣ внѣшнихъ успѣховъ и политическаго усиленія Московскаго государства. Иванъ Васильевичъ не только не опережалъ въ этомъ случаѣ общественныя стремленія, а напротивъ долженъ былъ почти бороться съ нетерпѣніемъ значительной части своего народа.

Когда совершалось покореніе Новгорода, Казиміръ IV, опять неоказавшій ему прямой помощи, снова принялся подстрекать Ахмата, обѣщая соединиться съ нимъ и идти вмѣстѣ на Москву. Но союзники вновь пропустили удобное время. Новгородское возстаніе и ссора Іоанна съ братьями еще разъ представили благопріятный моментъ для нападенія на Москву. Но, повидимому, московская политика и богатые подарки, раздаваемые въ Ордѣ нашими посланцами, настолько замедлили сборы хана въ походъ, что Іоаннъ успѣлъ уладить внутреннія затрудненія и двинуть многочисленныя рати навстрѣчу Татарамъ. Мало того, онъ воспользовался родовою враждою крымскаго Менгли Гирея къ Золотоордынскимъ ханамъ и заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ противъ Ахмата и Казиміра.

Въ іюлѣ 1480 года Иванъ Васильевичъ лично отправился въ Коломну къ войску, между тѣмъ какъ сынъ его Иванъ Молодой съ другимъ войскомъ стоялъ подъ Серпуховымъ, а братъ Андрей Меньшой въ Тарусѣ. Видя, что главныя переправы на Окѣ защищены

Московскими полками, ханъ направился къ западу, и черезъ литовскія владѣнія приблизился къ рѣкѣ Угрѣ, составлявшей границу Московской земли. Великій князь вовремя узналъ объ этомъ движеніи; по его приказу сынъ и братъ успѣли придти къ Угрѣ прежде Татаръ и также занять здѣсь главные броды и переправы. Татары въ теченіе нѣсколькихъ дней возобновляли попытки перейти рѣку; Москвитяне стрѣлами и пищалями отбивали ихъ отъ берега.

Межъ тѣмъ великій князь изъ Коломны поѣхалъ въ Москву, которая готовилась къ осадѣ на случай вторженія Татаръ. Во главѣ населенія оставались здѣсь мать великаго князя, не задолго передъ тѣмъ постригшаяся въ инокини подъ именемъ Маѳы, двоюродный дядя Михаилъ Андреевичъ Верейскій, митрополитъ Геронтій, духовный отецъ Іоанна Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, и намѣстникъ великокняжій Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ; а супругу Софью онъ заранѣе отправилъ съ своею казною и многочисленною свитою на Бѣлоозеро, давши приказъ везти ее далѣе къ морю—океану, если Москва будетъ взята Татарами. Народъ былъ недоволенъ этимъ бѣгствомъ Софьи и тѣмъ болѣе, что ея вооруженная свита, гдѣ проходила, тамъ разоряла жителей пуще Татаръ, если вѣрить лѣтописцу. Когда Иванъ подъѣхалъ къ столицѣ, жители посадовъ перебирались въ городъ, обрекая ихъ на сожженіе, какъ это обыкновенно дѣлалось въ случаѣ осады. Увидавъ великаго князя, покинувшаго войско, народъ началъ громко роптать; а нѣкоторые кричали ему въ глаза: „когда, государь, ты княжишь надъ нами въ мирное, тихое время, тогда много насъ въ безлѣпицѣ продаешь (т.-е. за малые проступки взыскиваешь тяжкія пени); а нынѣ, разгнѣвивъ царя отказомъ въ дани, выдаешь насъ ему и Татарамъ“. Въ городѣ встрѣтили его митрополитъ и архіепископъ Вассіанъ. Послѣдній сурово обошелся съ своимъ государемъ и духовнымъ сыномъ, и смѣло обличалъ его въ робости и боязни смерти, называя „бѣгуномъ“. Вообще въ эту критическую пору народное негодованіе противъ великаго князя за недостатокъ воинскаго мужества выразилось съ такою силою, что онъ не отважился остаться въ своихъ кремлевскихъ палатахъ, а поселился въ подгородномъ Красномъ сельцѣ. Лѣтопись главную вину его робости относитъ внушеніямъ двухъ совѣтниковъ, бояръ Ощеры и Мамона, которые болѣе помышляли о спасеніи своихъ великихъ богатствъ, своихъ женъ и дѣтей, нежели объ отечествѣ. Они приводили ему примѣры прадѣда его Димитрія Донского, который бѣжалъ передъ Тохтамышемъ въ Кострому, и отца Василія Темнаго, отва-

жившагося на битву съ Татарами подъ Суздалемъ и попавшаго въ плѣнъ. Опасаясь за сына, великій князь посылалъ ему грамоты съ приказомъ пріѣхать въ Москву; но Иванъ Молодой напротивъ горѣлъ желаніемъ сразиться съ врагами, и предпочелъ лучше подвергнуться отцовской опалѣ, чѣмъ бросить войско. Руководителемъ молодого князя былъ тогда опытный воевода Даніилъ Холмскій; Иванъ Васильевичъ велѣлъ ему силою схватить сына и привезти въ Москву; Даніилъ не рѣшился буквально исполнить такой приказъ, а только посовѣтовалъ Ивану Молодому уѣхать; но получилъ въ отвѣтъ: „лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели уѣхать къ отцу".

Великій князь уступилъ напору общественнаго мнѣнія и увѣщаніямъ высшаго духовенства; послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Красномъ сельцѣ, онъ уѣхалъ къ войску; но вмѣсто береговъ Угры остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, въ селѣ Кременцѣ. Отсюда онъ послалъ къ Ахмату нѣкоего Товаркова съ челобитьемъ и съ дарами, смиренно прося: „отступить прочь и улусу своего не воевать". Ханъ сначала потребовалъ, чтобы великій князь по обычаю отцовъ самъ пріѣхалъ къ нему; потомъ приказывалъ ему прислать сына или брата; наконецъ соглашался на присылку только боярина Никифора Басенкова, который бывалъ прежде въ Ордѣ, возилъ туда подарки и пользовался тамъ пріязнію. Однако великій князь не послалъ и Басенкова. Узнавъ о его переговорахъ съ ханомъ, пылкій Вассіанъ Ростовскій прислалъ Ивану обширное увѣщательное посланіе. Архіепископъ краснорѣчиво убѣждалъ его крѣпко стать на брань противу „окаянному оному, мысленному волку поганому и бесерменину Ахмату"; напоминалъ ему примѣры мужества древнихъ русскихъ князей и главнымъ образомъ его прародителя Димитрія, бившагося на Дону впереди, не щадя своего живота „ради избавленія христіанскаго"; приводилъ примѣры библейскіе. Но великій князь оставался глухъ къ этимъ увѣщаніямъ; попрежнему болѣе слушалъ совѣты богатыхъ и тучныхъ сребролюбцевъ (Ощеры и Мамона), нежели храбрыхъ воеводъ, и уклонялся отъ рѣшительной битвы, не выказывая никакой охоты на сей разъ подражать Димитрію Донскому. Вѣроятно онъ разсчитывалъ, что выжидательное положеніе въ концѣ концовъ разстроитъ непріятеля; а можетъ быть ждалъ вѣстей о томъ, что сдѣлаетъ его союзникъ Менгли-Гирей.

Ахматъ съ своей стороны также не обнаруживалъ большой отваги въ виду многочисленныхъ и хорошо вооруженныхъ Московскихъ полковъ, и не спѣшилъ рѣшительнымъ нападеніемъ. Онъ похвалялся,

что ждетъ, когда замерзнутъ рѣки; тогда ему открыты будутъ всѣ пути на Москву. Но въ дѣйствительности онъ поджидалъ на соединеніе къ себѣ Казиміра Литовскаго, какъ нѣкогда Мамай ждалъ на Дону Казимірова отца Ягайла. Однако и на сей разъ тщетно было ожиданіе, хотя и по другой причинѣ. Менгли-Гирей въ это самое время напалъ на Кіево-Волынскую Русь, и тѣмъ отвлекъ силы Казиміра на югъ. Была уже глубокая осень, наступили морозы. 29 октября рѣка Угра стала; пути черезъ нея были открыты. Рать Іоанна въ это время усилилась еще прибытіемъ его братьевъ Андрея Большого и Бориса съ ихъ полками; братья, бывшіе дотолѣ съ нимъ въ ссорѣ, помирились стараніями ихъ матери, старицы Мароы. Однако великій князь далъ приказъ войску отъ береговъ Угры идти къ нему въ Кременецъ; недовольствуясь этимъ отступленіемъ, онъ двинулъ рать еще далѣе къ Боровску, обѣщая сразиться съ Татарами на поляхъ Боровскихъ. Но и ханъ Ахматъ съ своей стороны не думалъ воспользоваться ни свободными путями, ни отступленіемъ. Можетъ быть, его смущали съ одной стороны примиреніе Ивана съ братьями, а съ другой обманутая надежда на Казиміра и вѣсти о предпріятіяхъ его врага Менгли-Гирея. Между тѣмъ плохо одѣтые Татары стали сильно терпѣть отъ лютыхъ морозовъ и мятелей. Постоявъ до 11 ноября, ханъ наконецъ покинулъ берега Угры и ушелъ назадъ. Такимъ образомъ обѣ непріятельскія рати, послѣ долгаго стоянія другъ противъ друга, разошлись безъ битвы. Хотя и недовольное поведеніемъ великаго князя, Московское населеніе однако торжественно привѣтствовало его возвращеніе, понимая, что вопросъ о Татарскомъ игѣ теперь рѣшенъ навсегда. Послѣдующія затѣмъ событія какъ бы оправдали излишнюю осторожность Іоанна, обративъ ее въ предусмотрительность. Ибо Золотая Орда, успѣвшая еще разъ выставить большія силы, самая побѣда надъ которыми на берегахъ Угры стоила бы намъ очень дорого, эта Орда вскорѣ была уничтожена самими Татарами, безъ всякихъ жертвъ съ Русской стороны.

Возвращаясь въ степи, Ахматъ, въ отместку Казиміру за его бездѣятельность, пограбилъ Литовскія владѣнія, и, обремененный большой добычею, остановился для зимовки на устьяхъ Донца. Но литовская добыча возбудила жадность въ ханѣ Шибанской орды Ивакѣ; послѣдній соединился съ нѣсколькими ногайскими мурзами, внезапно напалъ на Ахмата и убилъ его. Самъ же Ивакъ прислалъ къ Ивану посла съ этимъ извѣстіемъ; за что получилъ отъ него дары. Послѣдній ударъ Золотой Ордѣ нанесъ союзникъ Іоанна Менгли-

Гирей, смертельную вражду съ которымъ продолжали сыновья Ахмата. Крымскій ханъ однажды напалъ на Сарайскую Орду, и окончательно ее разорилъ. Золотоордынскій ханъ Шигъ-Ахметъ, одинъ изъ Ахматовыхъ сыновей, искалъ убѣжища у Ногаевъ, потомъ у Турецкаго султана, наконецъ отправился къ прежнему своему союзнику Польскому королю; но послѣдній заключилъ его подъ стражу, чтобы пугать имъ своего безпокойнаго сосѣда Менгли-Гирея. Ближайшимъ наслѣдникомъ Золотой или Сарайской Орды сдѣлалось царство Астраханское, дотолѣ одно изъ мелкихъ вассальныхъ ханствъ Батыева юрта ([96]).

Около двухъ столѣтій съ половиною тяготѣло надъ Россіей варварское иго, и не могло не оставить глубокихъ слѣдовъ въ нравахъ, государственномъ складѣ и вообще въ гражданственности Русской земли, особенно въ ея восточной или Московской половинѣ. Своимъ давленіемъ оно не мало способствовало ея объединенію, ибо заставляло народъ сознательно и безсознательно тянуть къ одному средоточію и сплачиваться около него ради возстановленія своей полной самобытности и независимости; какъ это обыкновенно бываетъ у народовъ историческихъ, одаренныхъ чувствомъ самосохраненія и наклонностью къ государственной жизни. Но возстановляя свое политическое могущество, Русскій народъ во время долгой и тяжкой борьбы невольно усвоилъ себѣ многія варварскія черты отъ своихъ бывшихъ завоевателей. То не были испанскіе Мавры, оставившіе въ наслѣдіе своимъ бывшимъ христіанскимъ подданнымъ довольно высоко развитую арабскую культуру; это были азіатскіе кочевники, во всей неприкосновенности сохранившіе свое полудикое состояніе. Жестокія пытки и кнутъ, затворничество женщинъ, грубое отношеніе высшихъ къ низшимъ, рабское низшихъ къ высшимъ и тому подобныя черты, усилившіяся у насъ съ того времени, суть несомнѣнныя черты татарскаго вліянія. Многіе слѣды этого вліянія остались въ народномъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Изъ великихъ удѣловъ Сѣверовосточной Руси оставались еще два самостоятельныхъ княженія, Тверское и Рязанское: оба они уже находились въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ Москвы, и наступало время окончательнаго сліянія. Первый чередъ выпалъ на долю Твери.

Съ своимъ шуриномъ, юнымъ великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ, Иванъ III долгое время жилъ въ мирѣ и

дружбѣ. Между ними заключались новыя договорныя грамоты, которыя подтверждали какъ бы прежнія отношенія, основанныя на началахъ братства, и прежнюю самобытность Тверского княженія; причемъ оба они обязывались взаимною помощью противъ Татаръ, Литвы, Нѣмцевъ и другихъ внѣшнихъ враговъ. Но въ дѣйствительности эту помощь пришлось оказывать только Москвѣ; такъ по требованію Іоанна, тверскіе полки участвовали и въ двухъ его новогородскихъ походахъ, и въ ополченіи, стоявшемъ на берегахъ Угры. Въ самомъ Тверскомъ княженіи наступила внутренняя тишина; удѣльные князья уже не заводятъ споровъ за старшинство или за волости съ своимъ великимъ княземъ, ибо онъ находился подъ покровительствомъ могущественной Москвы. Но за то эти удѣльные князья сознаютъ близкій конецъ Тверской самостоятельности, и заблаговременно ищутъ себѣ убѣжища и милостей у Московскаго государя. Однимъ изъ первыхъ выѣхалъ къ нему на службу князь Холмскій Даніилъ Дмитріевичъ, знаменитый московскій воевода, побѣдитель Новогородцевъ на берегахъ Шелони. За удѣльными князьями стали переходить на московскую службу тверскіе бояре, пользуясь своимъ старымъ правомъ отъѣзда; за боярами потянули и дѣти боярскіе, военное или служилое сословіе по преимуществу. Лѣтописецъ объясняетъ это движеніе очень просто: между тверскими и московскими служилыми людьми на границахъ часто возникали порубежные споры и причинялись взаимныя обиды; причемъ если обижены бывали Тверичи, то они не могли добиться никакой управы на Москвичей, а если жаловались Москвичи, то ихъ великій князь посылаетъ къ Тверскому съ угрозами и съ требованіемъ всякаго удовлетворенія. Очевидно, сильные сосѣди тѣснятъ слабыхъ, и послѣдніе сами стараются примкнуть къ сильнѣйшей сторонѣ. А порубежныя столкновенія сдѣлались еще чаще, когда Новогородская земля была присоединена къ Москвѣ, и Тверское княжество теперь со всѣхъ сторонъ было охвачено Московскими владѣніями; только на западѣ оно еще граничило съ Литовско-Русскимъ государствомъ. Ближайшія сношенія Москвы съ Новгородомъ производились черезъ Тверскую землю: слѣдовательно, уже самое географическое положеніе дѣлало почти невозможнымъ ея дальнѣйшее самостоятельное существованіе.

Михаилъ Борисовичъ Тверской межъ тѣмъ возмужалъ, и, сознавая свое стѣсненное положеніе, попытался было, по примѣру предшественниковъ, противопоставить Москвѣ союзъ съ Литвою; онъ заключилъ съ Казиміромъ IV договоръ на условіяхъ взаимной помощи.

Около того же времени онъ лишился своей первой супруги, дочери кіевскаго князя Семена Олельковича, и началъ сватать за себя внучку Казиміра. Но въ Москвѣ зорко слѣдили за сосѣдями. Иванъ III немедленно объявилъ войну и двинулъ рать, которая начала разорять Тверскую землю. Казиміръ, по обыкновенію, не оказалъ никакой помощи. Михаилъ попросилъ мира, и получилъ его, но уже на условіяхъ младшаго брата и подручника (1483 г.). Переходъ тверскихъ бояръ въ московскую службу усилился. Михаилъ Борисовичъ попытался снова войти въ тайныя сношенія съ Казиміромъ. Но его гонецъ съ грамотами былъ перехваченъ. Тогда Иванъ Васильевичъ счелъ возможнымъ нанести послѣдній ударъ. Онъ самъ выступилъ въ походъ; при его войскѣ находился извѣстный Аристотель, управлявшій пушками и пищалями. 8 сентября 1485 года Москвичи стали подъ Тверью; 10-го зажгли посады, а 11-го тверскіе князья и бояре пріѣхали въ станъ Московскаго государя, и били челомъ о принятіи въ его службу. Михаилъ Борисовичъ, видя вокругъ себя измѣну и опасаясь плѣна, въ ту же ночь съ небольшою дружиною бѣжалъ въ Литву. На слѣдующій день городъ отворилъ ворота, и жители принесли присягу на вѣрность великому князю Московскому. Тверскіе бояре и дѣти боярскіе получили отъ него грамоты на свои вотчины. Мать Михаила Борисовича была отправлена въ заточеніе въ Переяславль-Залѣсскій за то, что пыталась припрятать сыновнюю казну, т.-е. золото, серебро и дорогіе камни, и тайкомъ отправить все это въ Литву къ сыну. Самъ Михаилъ провелъ остатокъ жизни въ Литвѣ, получивъ отъ короля нѣсколько селъ на свое содержаніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, Иванъ III велѣлъ расписать Тверскую землю *по московски въ сохи*, для чего послалъ своихъ писцовъ въ города: Тверь, Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новый Городокъ и Кашинъ ([97]).

Такъ тихо, почти безъ кровопролитія, совершилось присоединеніе Тверской земли къ Московскому государству. Да при умной политикѣ Іоанна едва ли и могло быть иначе. Военно-служилое сословіе, какъ мы видѣли, само тянуло къ Москвѣ; а масса населенія, по своимъ преданіямъ, религіи, народности и по своему политическому быту не отличаясь отъ коренного Московскаго населенія, не имѣла никакихъ серьезныхъ поводовъ стоять за свою самобытность. Сліяніе съ Москвою представляло такъ мало затрудненій, что Иванъ III, повидимому, ограничился только незначительнымъ выводомъ или взаимнымъ перемѣщеніемъ тверскихъ землевладѣльцевъ въ Москву, а московскихъ въ Тверь.

Тверская самобытность не успѣла пустить такихъ корней и развить такія областныя отличія, какія мы встрѣчаемъ въ другомъ большомъ русскомъ княженіи, т.-е. въ Рязанской землѣ, самостоятельное существованіе которой насчитывало болѣе четырехъ столѣтій своей древности. Поэтому понятна постепенность и осторожность, съ какими Иванъ III дѣйствовалъ по отношенію къ этой землѣ.

Мы видѣли, что въ 1456 г. малолѣтній рязанскій князь Василій Ивановичъ былъ взятъ Василіемъ Темнымъ на воспитаніе въ Москву, а въ рязанскіе города посланы московскіе намѣстники. Казалось бы, Рязанская самобытность могла легко быть уничтожена въ это время. Однако Иванъ III вскорѣ послѣ своего вокняженія отпустилъ Василія Ивановича въ его наслѣдственный удѣлъ и затѣмъ женилъ его на своей сестрѣ Аннѣ. Этимъ поступкомъ онъ избавлялъ себя отъ возможныхъ мятежей и разныхъ движеній со стороны Рязанскаго населенія, все еще дорожившаго своею самобытностью и преданнаго своему княжескому роду; Татарское иго еще не было уничтожено, и ханъ Золотой Орды легко могъ бы подать руку всякому рязанскому движенію. Вмѣсто того, Иванъ III въ лицѣ своего шурина Василія Ивановича пріобрѣлъ себѣ вѣрнаго подручника, оставивъ ему внѣшнюю тѣнь самостоятельности. Преданность послѣдняго еще увеличилась, когда съ согласія Московскаго государя онъ присоединилъ къ Рязани и древній Пронскій удѣлъ, а князья Пронскіе вступили въ московскую службу. Впрочемъ это единство Рязанской земли вскорѣ нарушилось. Василій Ивановичъ скончался въ 1483 г., раздѣливъ свои земли между двумя сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ; младшій получилъ себѣ нѣкоторыя области по Окѣ, именно: Перевитскъ и Старую Рязань, т.-е. древнее ядро Рязанской земли. Оба они княжили подъ опекою своей матери Анны, которая поддерживала неуклонное согласіе съ Москвою, оказывала полное послушаніе своему брату Ивану III, и подолгу гостила у него на Москвѣ. Вообще Рязанскіе князья послѣдняго періода ихъ самобытности отличаются миролюбивымъ характеромъ, явною недолговѣчностью и малосемейностью. Старшій братъ Иванъ Васильевичъ умеръ съ небольшимъ 30 лѣтъ отъ роду (въ 1500 году), оставивъ маленькаго сына Ивана. Спустя три года, умеръ и младшій братъ Ѳедоръ; будучи бездѣтнымъ, онъ отказалъ свой удѣлъ не малолѣтнему племяннику, а своему дядѣ по матери, т.-е. самому великому князю Московскому. Такимъ образомъ, уже въ концѣ своего царствованія Иванъ III мирно и безпрепятственно присоединилъ къ Москвѣ приблизительно третью часть

Рязанской земли, предоставляя своему сыну покончить съ ея остальною частію ([98]).

Кромѣ такихъ крупныхъ пріобрѣтеній, какъ Новгородъ, Тверь и часть Рязанской земли, Иванъ III далеко подвинулъ дѣло государственнаго единства и многими другими возсоединеніями и примыслами. Такъ онъ окончательно соединилъ съ Москвою княжества Ярославское (въ 1463 г.) и Ростовское (1474 г.) помощію денежныхъ сдѣлокъ. Двоюродный дядя Ивана, престарѣлый князь Верейскій Михаилъ Андреевичъ передъ смертью (1485) вынужденъ былъ завѣщать Ивану свой удѣлъ помимо собственнаго сына, который убѣжалъ въ Литву.

Любопытны отношенія великаго князя къ его роднымъ братьямъ. Старшій изъ нихъ Юрій умеръ бездѣтнымъ (1472), и великій князь взялъ себѣ его удѣлъ, т.-е. Дмитровъ, Можайскъ и Серпуховъ. Около десяти лѣтъ спустя, умеръ также бездѣтнымъ другой братъ Андрей Меньшой, отказавъ свой удѣлъ (Вологду и Тарусу) Ивану III, которому онъ задолжалъ до 30,000 рублей ордынскихъ даней. Но два остальные брата, не столь покорные великому князю, причинили ему не мало безпокойствъ: это были Борисъ Волоцкой и особенно Андрей Большой Углицкій. Напрасно Иванъ старался связать братьевъ договорными грамотами, которыя точно опредѣляли ихъ подчиненныя къ нему отношенія; при чемъ они обязывались признать старшинство и своего племянника Ивана Молодого. Эти братья считали себя обдѣленными, не получивъ части ни въ удѣлѣ умершаго Юрія, ни въ волостяхъ Великаго Новгорода. Открытая непріязнь вспыхнула по слѣдующему поводу. Князь Иванъ Оболенскій-Лыко, назначенный московскимъ намѣстникомъ въ Великія Луки, отличался грабительствомъ; по жалобѣ населенія Иванъ III нарядилъ надъ нимъ судъ и велѣлъ ему возвратить жителямъ награбленное (въ 1479 г.). Тогда Оболенскій-Лыко отъѣхалъ отъ него на службу къ его брату Борису Волоцкому. Но отъѣздъ отъ великаго князя къ удѣльному не былъ уже такъ свободенъ, какъ наоборотъ, отъ удѣльнаго къ великому. Не обращая вниманія на древнее право отъѣзда, Иванъ потребовалъ у брата выдачи отъѣхавшаго; однако получилъ отказъ. У Оболенскаго было село въ Боровской волости, и, когда онъ пріѣхалъ въ это село, боровскій намѣстникъ Образецъ, по тайному приказу великаго князя, схватилъ Лыка и въ оковахъ отвезъ въ Москву.

Услыхавъ о такомъ насиліи, Борисъ Волоцкой и Андрей Углицкій соединились вмѣстѣ и рѣшили оружіемъ защищать свои права. Около нихъ собралось около 20,000 ратной силы, и они двинулись въ

Новогородскую землю, гдѣ тогда также готовился мятежъ. Великій князь прибѣгъ къ переговорамъ, для которыхъ употребилъ архіепископа Вассіана Ростовскаго. Братья перемѣнили направленіе и двинулись къ Литовскимъ границамъ, а потомъ вошли въ Псковскую землю. Между тѣмъ произошло нашествіе хана Ахмата. Іоаннъ употреблялъ всѣ усилія потушить междоусобную войну въ самомъ началѣ и обѣщалъ братьямъ исполнить ихъ требованія. Наконецъ мать ихъ, инокиня Мараа, митрополитъ Геронтій и архіепископъ Вассіанъ успѣли помирить братьевъ, и они явились на берега Угры на помощь великому князю противъ Татаръ. Когда миновала опасность, Іоаннъ весьма скупо наградилъ братьевъ землями; при чемъ постарался обязать ихъ новыми договорами и клятвами.

Въ 1484 году скончалась супруга Василія Темнаго старица Мараа, которая изъ всѣхъ своихъ сыновей особенно любила Андрея Большого и всегда была его защитницею передъ великимъ княземъ. Однажды до Андрея дошелъ слухъ, что великій князь намѣренъ его схватить. Андрей самъ сообщилъ о томъ Ивану Васильевичу; послѣдній клятвенно отвергъ такое намѣреніе и велѣлъ наказать кнутомъ того боярскаго сына (Татищева), который въ шутку пустилъ ложный слухъ (1488). Однако, спустя года три, слухъ оправдался. Андрей ослушался старшаго брата и при одномъ походѣ Московской рати не прислалъ своего полка на помощь; когда послѣ того онъ пріѣхалъ въ Москву въ гости къ великому князю, то былъ взятъ подъ стражу и потомъ умеръ въ заключеніи (1494). Сыновья его также подверглись заточенію, а удѣлъ взятъ великимъ княземъ. На просьбы митрополита объ освобожденіи Андрея Иванъ отвѣчалъ, что ему жаль брата, но что освободить его не можетъ во избѣжаніе будущихъ смутъ. Очевидно своимъ характеромъ и своими притязаніями Андрей Большой болѣе другихъ братьевъ казался опасенъ для внутренняго спокойствія въ Московскомъ государствѣ. Борисъ Волоцкой мирно владѣлъ своимъ удѣломъ до смерти (1497) ([99]).

Далѣе, при Иванѣ III совершилось окончательное присоединеніе къ Москвѣ земель Вятской и Пермской, т.-е. обширнаго бассейна рѣкъ Камы, Вятки и Вычегды. Вятчане уже при Василіи Темномъ приведены были въ зависимость отъ великаго князя Московскаго; но буйная вятская вольница продолжала время отъ времени дѣлать судовые грабительскіе набѣги не только на татарскія земли, но и на сосѣднія московскія владѣнія, особенно на волость Устюжскую. Между прочимъ, въ 1471 году вятскіе ушкуйники спустились по Волгѣ до

самаго Сарая и жестоко его разграбили, пользуясь отсутствіемъ золотоордынскаго хана Ахмата. Съ сосѣдними Казанскими Татарами Вятчане то воевали, то мирились, не справляясь съ волею великаго князя, которому иногда отказывали въ поставкѣ вспомогательной рати. По желанію Ивана III, митрополитъ Геронтій писалъ увѣщательныя грамоты Вятчанамъ, убѣждая ихъ оставить грабительства христіанскихъ городовъ и селеній, возвратить захваченный полонъ и смириться передъ великимъ княземъ; при чемъ грозилъ затворить у нихъ храмы и прекратить богослуженіе. Но эти увѣщанія не дѣйствовали на людей, отличавшихся особою загрубѣлостію своихъ нравовъ и пренебреженіемъ церковныхъ правилъ; отъ московскихъ же воеводъ, приходившихъ ихъ усмирять, они не одинъ разъ отдѣлывались помощію подкупа. Иванъ III рѣшилъ наконецъ прибѣгнуть къ самой сильной мѣрѣ. Въ 1489 году онъ послалъ на Вятку рать въ 64,000 человѣкъ подъ начальствомъ надежныхъ воеводъ, князя Даніила Щени и Григорія Морозова. 16 августа они явились подъ Хлыновымъ. Вятчане попробовали опять прибѣгнуть къ поминкамъ и къ изъявленію мнимой покорности. Воеводы подарки приняли, а на изъявленіе покорности отвѣчали требованіемъ выдать главныхъ крамольниковъ и отворить городъ. Вятчане выпросили два дня сроку на размышленіе; но по истеченіи ихъ отвѣчали отказомъ. Тогда воеводы начали готовиться къ приступу; каждому ратнику велѣно было принести сколько можетъ смолы и бересты, а каждымъ 50 человѣкамъ изготовить по двѣ сажени плетня, чтобы приставить его къ городскимъ стѣнамъ и зажечь. Въ виду грозившей гибели граждане наконецъ сдались, и выдали трехъ своихъ коноводовъ, Аникѣева, Лазарева и Богадайщикова. Вслѣдъ за Хлыновымъ на вѣрность Московскому государю присягнули и другіе города Вятской земли: Котельничъ, Орловъ, Слободской и Шестаковъ. Іоаннъ трехъ помянутыхъ коноводовъ велѣлъ бить кнутомъ и повѣсить; а съ Вятчанами поступилъ также какъ съ Новогородцами: значительная часть ихъ была выведена въ московскіе города; торговые люди поселены преимущественно въ Дмитровѣ. Захваченные при этомъ въ плѣнъ и привезенные въ Москву союзники Вятчанъ, нѣкоторые вотякскіе или арскіе князьки, были отпущены Иваномъ обратно на родину; а поселившіеся на Вяткѣ Татары также присягнули на московское подданство, и за ними оставлены ихъ земли на помѣстномъ правѣ.

Такъ называемая Малая Пермь или Зыряне Вычегодскіе окончательно вошли въ составъ Московскаго государства вмѣстѣ съ поко-

реніемъ земли Новогородской. Великая Пермь или Зыряне верхней Камы, имѣя своего туземнаго князя, считались московскими данниками; но, повидимому, не всегда признавали эту зависимость. Въ 1472 году Иванъ III послалъ воеводу князя Өедора Пестраго для покоренія Пермской земли. Онъ разбилъ Пермяковъ, взялъ ихъ города, въ томъ числѣ Чердынь на Камѣ, Искоръ на Колвѣ; привелъ всю землю въ московское подданство; а ея князя Михаила плѣнникомъ отправилъ въ Москву съ частью добычи, состоявшей преимущественно изъ соболей. Впрочемъ Іоаннъ на первое время оставилъ въ Перми туземныхъ князей, и только въ концѣ своего царствованія водворилъ тамъ своего намѣстника. Покореніе Пермской земли повело за собою походы на ея восточныхъ сосѣдей, Югру и Вогуловъ, которыхъ князьки дѣлали набѣги на эту землю. А такіе походы распространили московское владычество до самаго Уральскаго хребта или Каменнаго пояса и даже заставили перейти на другую его сторону. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ походъ 1499 года. По приказу великаго князя Устюжане, Двиняне и Вятчане въ числѣ 5000 человѣкъ выступили на Самоѣдовъ, Югру и Вогуловъ подъ начальствомъ трехъ воеводъ: князя Симеона Курбскаго, Петра Ушатаго и Заболоцкаго-Бражника. Достигнувъ рѣки Печоры, они заложили на ея берегу крѣпость. Отсюда на лыжахъ двинулись къ Уральскимъ горамъ; перешли ихъ съ великимъ трудомъ и, спустясь въ равнину Обдорскую, побрали многіе укрѣпленные городки югорскіе и вогульскіе съ ихъ жителями и князьками, которыхъ заставляли присягать на вѣрность Московскому государю ([100]).

Присоединивъ вѣчевыя общины Новгородскую и Вятскую, Иванъ III оказалъ пощаду младшему брату Великаго Новгорода, Пскову, и пока оставилъ за нимъ его вѣчевое устройство. Но за все время его княженія псковскія отношенія къ Москвѣ представляютъ постепенный и неуклонный переходъ отъ прежней самобытности къ полному подчиненію. Отношенія эти главнымъ образомъ вращались около назначенія князя-намѣстника. Уже Василій Темный началъ стѣснять псковскій обычай выбирать себѣ князя цѣлымъ вѣчемъ, и прямо назначилъ сюда одного изъ своихъ служебныхъ князей, Владиміра Андреевича. Псковичи думали воспользоваться кончиною Темнаго, и возстали на князя Владиміра; при чемъ столкнули его съ вѣчевой степени и съ безчестьемъ выпроводили изъ Пскова. Владиміръ поѣхалъ жаловаться на нихъ въ Москву; но вслѣдъ за нимъ прибыло псковское посольство

и било челомъ новому государю, чтобы онъ держалъ Псковъ по старинѣ и не нарушалъ его вольностей. Иванъ III показалъ сначала гнѣвъ; однако смягчился и далъ Псковичамъ такого князя, какого они сами просили. Но московскіе князья-намѣстники обыкновенно пользовались богатою Псковскою землею для своей наживы, и утѣсняли населеніе поборами и судебными продажами (пенями); поэтому рѣдко уживались въ мирѣ съ псковскимъ вѣчемъ. Псковичи часто жалуются великому князю и просятъ дать другого князя. Иванъ III, смотря по обстоятельствамъ, иногда удовлетворялъ этимъ жалобамъ, особенно во время своей борьбы съ Новгородомъ, противъ котораго Псковичи должны были посылать вспомогательныя войска; а иногда упорно отказывалъ имъ въ перемѣнѣ намѣстника. Послѣ первой Новогородской войны, Псковичи просили у Ивана III себѣ княземъ Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго; но великій князь отвѣчалъ, что Стрига ему самому нуженъ, и прислалъ брата его Ярослава Васильевича (1472 г.). Сей послѣдній оказался человѣкомъ жаднымъ и буйнымъ. Онъ потребовалъ отъ вѣча увеличенія судебныхъ пошлинъ и пеней какъ для себя, такъ и для своихъ намѣстниковъ по пригородамъ. Вѣче обратилось съ жалобами въ Москву; но великій князь принялъ сторону своего намѣстника, и Псковичи принуждены были заплатить князю Ярославу 130 рублей за тѣ недоимки, на которыя онъ изъявлялъ притязанія. Тщетно добивались они смѣны этого князя, пока не произошло открытаго столкновенія.

Разъ (въ 1476 г.) какой-то псковитинъ ѣхалъ съ возомъ капусты черезъ торговую площадь мимо княжаго двора; одинъ изъ княжихъ шестниковъ (слугъ или дружинниковъ) взялъ съ воза кочанъ капусты и далъ его княжему барану. Отсюда началась брань горожанъ съ шестниками; отъ брани скоро дѣло дошло до драки. Шестники пошли на горожанъ съ ножами и стрѣлами; а безоружный народъ оборонялся камнями и палками. Самъ Ярославъ, бывшій тогда во хмѣлю, вышелъ въ панцырѣ и сталъ стрѣлять въ толпу. Но вѣсть о дракѣ разнеслась по городу, и народъ началъ сбѣгаться уже съ оружіемъ въ рукахъ. Только пользуясь наступившими сумерками, посадники, бояре и житьи люди успѣли прекратить драку и увести Ярослава на сѣни. Всю ночь Псковичи держали стражу вокругъ княжаго двора, потому что шестники грозили зажечь городъ и во время пожара бить горожанъ. На утро собралось вѣче и рѣшило отказать Ярославу въ княженіи. Но Ярославъ, не обращая на то вниманія, продолжалъ оставаться во Псковѣ и ожидалъ, чѣмъ

рѣшитъ великій князь. А послѣдній, несмотря на всѣ жалобы и челобитья Псковичей, еще цѣлые полгода оставлялъ у нихъ намѣстникомъ Ярослава, и только въ февралѣ 1477 года, въ виду новой войны съ Новогородцами, приказалъ ему выѣхать со всѣмъ своимъ дворомъ въ Москву и на его мѣсто назначилъ князя Василія Васильевича Шуйскаго. Послѣдній оказался не лучше своего предшественника, и также отличался пьянствомъ и грабительствами. А спустя пять лѣтъ, мы снова встрѣчаемъ во Псковѣ Ярослава Васильевича Оболенскаго. Вторичное его намѣстничество ознаменовалось въ особенности волненіями по вопросу о смердахъ.

Псковскіе смерды или свободное сельское населеніе жило на земляхъ, принадлежавшихъ не частнымъ владѣльцамъ, а самому господину Пскову, и за пользованіе своими участками обложено было данями въ пользу псковскаго князя и господина Пскова, а также разными натуральными повинностями, напримѣръ, работами по городскимъ укрѣпленіямъ и т. п. Московская политика, очевидно, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ смердовъ, старалась расположить ихъ въ свою пользу. Намѣстникъ великаго князя началъ хлопотать о томъ, чтобы освободить смердовъ отъ даней государю Пскову и сохранить только дани псковскому князю. Но такъ какъ невозможно было провести это намѣреніе съ помощію самого вѣча, то намѣстникъ прибѣгъ къ грубому обману. При содѣйствіи нѣкоторыхъ московскихъ сторонниковъ изъ бояръ и съ помощью подкупленнаго ларника Есифа, вѣдавшаго вѣчевой архивъ, хранившійся въ Троицкомъ соборѣ, Ярославъ Васильевичъ тайкомъ вынулъ изъ ларя грамоту, опредѣлявшую положеніе смердовъ, и подмѣнилъ ее новою; о чемъ подъ рукой сообщено было и самимъ смердамъ. Послѣдніе вдругъ отказались отъ исполненія нѣкоторыхъ повинностей и даней; когда же ихъ хотѣли уличить на основаніи смердьей грамоты, то вмѣсто нея въ архивѣ оказалась совершенно другая, подложная. Тогда во Псковѣ произошло сильное волненіе. Народъ съ вѣча бросился грабить дома нѣкоторыхъ старыхъ посадниковъ, заподозрѣнныхъ въ составленіи подложныхъ грамотъ. Одного изъ нихъ, по имени Гаврила, казнили на вѣчѣ; трое другихъ, Степанъ Максимовичъ, Леонтій Тимоѳеевичъ и Василій Коростовой, успѣли бѣжать въ Москву; ихъ заочно приговорили къ смертной казни, и этотъ приговоръ скрѣпили такъ наз. „мертвою грамотой“, а имѣнье ихъ опечатали. Осужденный на казнь, ларникъ Есифъ также успѣлъ убѣжать. Вожаки непокорныхъ смердовъ были наказаны и брошены въ тюрьму. Самому же главному

виновнику подлога, т.-е. князю Ярославу, Псковичи не осмѣлились причинить никакой обиды. Вѣче отправило посольство въ Москву съ объясненіями дѣла и съ просьбою не гнѣваться на Псковичей за учиненную расправу. Но великій князь изъявилъ неудовольствіе на ихъ самоуправство, и потребовалъ немедленнаго освобожденія смердовъ, отпечатанія имущества посадниковъ и уничтоженія мертвой грамоты. По этому поводу во Псковѣ обнаружилась рознь между богатыми и бѣдными гражданами: бояре и житьи люди склонялись къ покорности, имѣя въ виду недавній примѣръ Новгорода и спасая свой вѣчевой бытъ; а меньшіе люди, нежелавшіе отказаться отъ даней и повинностей смердовъ въ пользу города, не соглашались исполнить московское требованіе, и настаивали на новыхъ челобитныхъ посольствахъ въ Москву. Цѣлые два года (1483—1485) тянулось это дѣло; Псковъ отправилъ къ великому князю пять посольствъ, стоивщихъ до тысячи рублей, и все-таки долженъ былъ уступить его требованіямъ: заключенные смерды выпущены на свободу, мертвая грамота уничтожена, и три опальные посадника спокойно воротились на родину.

Вскорѣ потомъ дѣло это опять возобновилось. Одинъ священникъ нашелъ у Наровскихъ смердовъ (въ области рѣки Наровы) уцѣлѣвшій списокъ со старой смердьей грамоты, и началъ читать ее вслухъ; но какой-то смердъ вырвалъ у него грамоту изъ рукъ; смерда схватили и засадили въ тюрьму. Псковичи были настолько наивны, что немедленно снарядили новое посольство въ Москву съ извѣстіемъ объ отысканной старой грамотѣ и съ жалобами на князя Ярослава и его пригородскихъ намѣстниковъ. Но тутъ оказалось, что въ Москвѣ менѣе всего заботились о подлинности подобныхъ грамотъ.

Великій князь далъ посольству гнѣвный отвѣтъ.

„Давно ли я простилъ вамъ вашу вину; а вы опять пристаете со смердами!"

Относительно жалобъ на Ярослава Иванъ III сказалъ, что для разбора ихъ пришлетъ во Псковъ своихъ бояръ. Разборъ этотъ, повидимому, не привелъ ни къ чему: Ярославъ Васильевичъ остался намѣстникомъ во Псковѣ, гдѣ умеръ въ 1497 году, и погребенъ въ Троицкомъ соборѣ.

Благодаря своей покорности, Псковичи дѣйствительно успѣли все время Ивана III сохранить свой вѣчевой бытъ. Весьма возможно также, что великая княгиня Софья Ѳоминишна исполнила когда-то данное ею обѣщаніе и была вѣрною ходатайницею за Псковичей передъ своимъ супругомъ ([101]).

Данническія отношенія къ Золотой Ордѣ кончились. Но двѣ главныя ея вѣтви, Казань и въ особенности Крымъ, долго еще не давали покоя Московскому государству и заставляли его тратить много силъ на борьбу съ ними. Крымская Орда пока ограничивала свои разорительные набѣги Югозападною и Литовскою Русью, благодаря дружественнымъ отношеніямъ Ивана III къ Менгли-Гирею и ихъ общей борьбѣ съ Золотоордынскими ханами. Относительно Казани Иванъ III держался энергической политики, мстя Казанцамъ за ихъ набѣги и опустошенія и стараясь поставить ихъ въ вассальныя отношенія къ Москвѣ; для чего пользовался внутренними казанскими смутами, въ особенности спорами разныхъ царевичей за престолъ. Отсюда видимъ цѣлый рядъ русскихъ походовъ въ ту сторону. Московскіе походы были преимущественно судовые и напоминали прежніе походы великихъ князей Владимірскихъ на Камскихъ Болгаръ. Обыкновенно отряды изъ разныхъ областей спускались по Волгѣ и ея притокамъ къ Нижнему Новгороду, и отъ этого сборнаго пункта уже соединенной ратью двигались на Казань. А конница по прежнему ходила берегомъ — сквозь земли Мордвы и Черемисовъ. Вообще эти далекіе походы были сопряжены съ большими трудностями и потерями.

Въ Казани царствовалъ сынъ Махмутека Ибрагимъ. Недовольные имъ казанскіе вельможи вступили въ тайныя сношенія съ его дядею Касимомъ, извѣстнымъ московскимъ служилымъ царевичемъ. Иванъ III далъ ему войско и послалъ на Казань. Но казанскіе вельможи обманули Касима и не соединились съ нимъ. Русское войско должно было возвращаться домой въ холодную дождливую осень; при чемъ оказался такой недостатокъ въ продовольствіи, что, по замѣчанію лѣтописца, ратники принуждены были ѣсть мясо въ постные дни (въ 1467 г.). Походы возобновлялись и въ слѣдующіе годы, а въ 1469 году ихъ было два: одинъ весною, другой лѣтомъ. Весенній походъ разсказанъ въ лѣтописяхъ съ разными подробностями о мужествѣ русскихъ отрядовъ, доходившихъ до самыхъ стѣнъ Казани и разорившихъ ея посады, но дѣйствовавшихъ безъ должнаго единства и потому воротившихся безъ рѣшительнаго успѣха. Болѣе удаченъ лѣтній походъ, совершенный подъ начальствомъ Іоанновыхъ братьевъ, Юрія и Андрея Большого; осажденный ими Ибрагимъ смирился, и выдалъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ его Татарами въ теченіе сорока лѣтъ. По смерти Ибрагима за престолъ спорили два его сына, отъ разныхъ матерей, Алегамъ (собственно Ильгамъ) и Магометъ-Аминь. Послѣдній убѣжалъ въ Москву и отдался подъ покро-

вительство Ивана III; притомъ же мать его Нуръ-Салтанъ, вдова Ибрагима, вышла замужъ за московскаго союзника Менгли-Гирея. Великій князь послалъ большую рать; главными воеводами были князья Данило Холмскій и Семенъ Ряполовскій (1487 г.). Нѣсколько недѣль они осаждали Казань; наконецъ Алегамъ сдался и отосланъ на заточеніе въ Вологду. На его мѣсто посаженъ Магометъ-Аминь въ качествѣ московскаго подручника и на Казанскую область наложены дани, которыя собирались московскими чиновниками.

Около десяти лѣтъ царствовалъ Магометъ-Аминь; но за свои насилія и грабительства былъ изгнанъ возмутившимися казанскими мурзами, съ которыми соединились князья Ногайскіе. Иванъ III вновь смирилъ Казанцевъ, и по ихъ просьбѣ вмѣсто Магометъ-Аминя посадилъ у нихъ младшаго его брата отъ Нуръ-Салтанъ, Абдулъ-Летифа; а первому далъ въ кормленіе доходы съ городовъ Каширы и Серпухова, гдѣ онъ также отличился насиліями и алчностью. По доносамъ и жалобамъ недовольныхъ казанскихъ вельможъ, Летифъ потомъ по приказу Ивана былъ схваченъ и заточенъ на Бѣлоозеро (1502 г.); а въ Казани снова посаженъ Магометъ-Аминь. Но онъ обманулъ разсчеты Ивана III. Очевидно, въ Казани была сильная партія, никакъ нехотѣвшая помириться съ подчиненіемъ Москвѣ. Ханъ послѣдовалъ ея внушеніямъ и внезапно отложился. Когда русскіе купцы пріѣхали на казанскую ярмарку въ іюлѣ 1505 года, они вмѣстѣ съ великокняжескимъ посломъ были схвачены, частію убиты, частію ограблены и выданы Ногаямъ. Пользуясь болѣзненнымъ состояніемъ приближавшагося къ гробу Ивана Васильевича и происшедшимъ отсюда замедленіемъ въ дѣлахъ, Магометъ-Аминь подступилъ даже къ Нижнему Новгороду; но былъ отбитъ, благодаря мужеству великокняжескаго намѣстника Хабара-Симскаго, которому помогли содержавшіеся здѣсь литовско-русскіе плѣнники, искусные въ стрѣльбѣ изъ пушекъ. Вслѣдъ затѣмъ Иванъ III скончался; возстаніе и нападенія Казанцевъ остались пока безнаказанными ([102]).

XII.

ЛИТОВСКІЯ ОТНОШЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА ПРИ ИВАНѢ III.

Отношенія къ Казиміру IV.— Александръ Казиміровичъ и бракъ его съ Еленою Ивановной.—Неудовольствія между тестемъ и зятемъ.—Отложеніе Сѣверскихъ князей отъ Литвы.— Московско-Литовская война.—Захватъ ганзейскихъ купцовъ.— Магистръ Плеттенбергъ и война Московско-Ливонская.—Перемиріе съ Орденомъ и Литвою.—Сношенія съ Габсбургами и другими государями.—Аристотель Фіоравенти.— Успенскій соборъ и прочія сооруженія.—Иноземные мастера—Вопросъ о бракахъ.— Перемѣна обхожденія съ боярами и вліяніе Софьи.—Кончина Ивана Молодого.— Придворныя партіи.—Вѣнчаніе внука Димитрія и его опала.—Новгородская ересь Жидовствующихъ.—Переходъ ея въ Москву.—Архіеп. Геннадій. — Соборъ 1490 года.—Іосифъ Волоцкій и его Просвѣтитель.—Колебанія великаго князя.—Соборъ 1503 г. Вопросы о вдовыхъ священникахъ и монастырскомъ землевладѣніи. — Казни еретиковъ.—Судебникъ 1497 г.—Характеръ и завѣщаніе Ивана III Великаго.

Мы видѣли, какъ Литва при Ольгердѣ и Витовтѣ, овладѣвъ землями Чернигово-Сѣверскою и Смоленскою, вошла въ непосредственное сосѣдство съ Московскою, и тогда же начались военныя столкновенія между двумя собирательницами Руси. Литва, пользуясь внѣшнею независимостію, опередила Москву въ дѣлѣ этого собиранія, и при первыхъ столкновеніяхъ имѣла надъ нею нѣкоторый перевѣсъ. Но мало по малу Московская Русь съ торжествомъ вышла изъ труднаго періода всякаго рода внѣшней и внутренней борьбы, и вслѣдъ затѣмъ съ ея стороны немедленно начинается наступательное движеніе на Русь Литовскую, т.-е. стремленіе распространить свою объединительную дѣятельность на ближайшія къ себѣ области этой Руси.

Уже паденіе Великаго Новгорода ясно показало, насколько государь Литвы и Польши Казиміръ IV уступалъ Московскому госу-

дарю Ивану III въ личной энергіи и государственной политикѣ. Нѣкоторые историки ссылаются на то, что король въ своихъ денежныхъ и военныхъ средствахъ зависѣлъ отъ польскихъ сеймовъ и что вниманіе его было постоянно отвлекаемо на западъ отношеніями Прусскими, Чешскими, Венгерскими, Молдавскими. Но ослабленіе королевской власти въ Польшѣ отчасти обусловливалось тѣмъ же недостаткомъ энергіи и государственныхъ способностей; а силами Литовскаго великаго княжества Казиміръ, если бы умѣлъ, могъ бы располагать также полновластно какъ его предшественникъ Витовтъ или какъ Иванъ III располагалъ средствами своего Московскаго государства. Что касается до отвлеченія разными внѣшними отношеніями, то Иванъ былъ занятъ ими все свое царствованіе. Кромѣ личныхъ качествъ, перевѣсъ на сторонѣ послѣдняго скорѣе обусловливался тѣмъ, что собираніе областей Восточной и Сѣверной Руси сопровождалось тѣснымъ ихъ сплоченіемъ въ одно государственное тѣло; ибо это были области однородныя, т.-е. единоплеменныя и единовѣрныя, и политика Московская прямо стала на строго національную почву, безъ всякихъ колебаній и сдѣлокъ. Тогда какъ Литовское великое княжество уже само по себѣ представляло внутренній религіозный разладъ между православною Русью и католическою Литвою; а унія съ католическою, сеймовою Польшею, при ея стремленіи къ захвату Русскихъ земель, еще болѣе увеличивала этотъ внутренній разладъ, который неизбѣжно отражался въ колебательной и выжидательной политикѣ Казиміра IV, и безъ того не отличавшагося дѣятельнымъ, твердымъ характеромъ.

Послѣ присоединенія Великаго Новгорода главнымъ предметомъ столкновеній служили мелкіе князья Черниговo-Сѣверскіе, которые мало по малу начали переходить изъ Литовскаго подданства въ Московское вмѣстѣ съ своими „дольницами", т.-е. удѣлами. Такъ поступали князья Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе. Перешедшіе тянули за собою родичей, оставшихся подъ Литвою, и, въ случаѣ ихъ упорства, иногда дѣлали вооруженныя нападенія на ихъ волости, грабили ихъ и частію отнимали. Отсюда возникли многія жалобы и частыя пересылки Казиміра съ Іоанномъ. Любопытно слѣдить за отвѣтами сего послѣдняго, которые, смотря по обстоятельствамъ, то были уклончивые и неопредѣленные, то прямые и откровенные. Напримѣръ, на жалобу короля по поводу перехода помянутыхъ князей въ Московское подданство, Иванъ III между прочимъ пишетъ: „Вѣдомо королю самому, что нашимъ предкамъ великимъ князьямъ, да и Литовскимъ

великимъ князьямъ князья Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши слуги старые къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами, такъ они наши слуги“. Далѣе, Казиміръ жаловался на обиды и нападенія пограничныхъ московскихъ людей, на то, что Димитрій Воротынскій, отъѣзжая въ Москву, захватилъ нѣкоторыя литовскія волости, и пр. „Свои шкоды (убытки) поминаешь — отвѣтилъ ему Іоаннъ, — а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили. Ѣздили наши люди на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; изъ Мценска же наѣзжики перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей алексинскихъ, сторожей на Шати, изъ Любутска нападали на Алексинъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ отложенію Сѣверскихъ князей отъ Литвы и переходу на сторону Москвы, кромѣ единовѣрія и единоплеменности съ послѣднею, склоняли какъ разныя неудовольствія противъ Литовскаго правительства, такъ и искусные подговоры и убѣжденія, шедшіе отъ Московскаго великаго князя. Хорошо изучивъ характеръ своего западнаго сосѣда и его нерасположеніе къ рѣшительной политикѣ, Іоаннъ неуклонно продолжалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ, несмотря на явно враждебныя отношенія и пограничныя драки, до открытой войны дѣло не доходило. Казиміръ ограничивался тѣмъ, что возбуждалъ противъ Москвы Татаръ Золотоордынскихъ, а Іоаннъ поднималъ на Литву Крымскихъ, и мы знаемъ, какія великія опустошенія въ тѣ времена претерпѣла Литовская Русь отъ его союзника Менгли-Гирея.

По смерти Казиміра IV Иванъ III, пользуясь раздѣленіемъ Литвы отъ Польши и зная невоинственный характеръ новаго Литовскаго государя Александра Казиміровича, сталъ дѣйствовать еще рѣшительнѣй, и прямо открылъ военныя дѣйствія; при чемъ его воеводы отчасти опустошили, отчасти заняли нѣсколько пограничныхъ мѣстъ. Угрожаемая съ одной стороны Москвою, съ другой Крымцами, Литва искала средства къ прочному міру. Совѣтники Александра думали найти это средство въ брачномъ союзѣ съ Москвою. Началось сватовство великаго князя Литовскаго за Елену, старшую дочь Іоанна отъ Софьи Ѳоминишны. Въ Москвѣ отнеслись къ этому сватовству благосклонно; но объявили, что прежде долженъ быть заключенъ миръ съ уступкою всего пріобрѣтеннаго Московскимъ великимъ княземъ; а между тѣмъ военныхъ дѣйствій не прекращали. Мало того, въ посольскихъ грамотахъ, отправляемыхъ въ Литву, Московскій государь, вмѣсто преж-

няго простаго титула „великій князь“, началъ писать такъ: „Іоаннъ Божію милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Югорскій, Болгарскій и иныхъ великому князю Александру Литовскому“. Нововведеніе по отношеніямъ и понятіямъ того времени весьма важное. Однако на первое время воздержались отъ спора. Послѣ разныхъ пересылокъ, въ январѣ 1494 году въ Москву прибыло изъ Литвы большое посольство, съ Петромъ Бѣлымъ воеводой Трокскимъ и Станиславомъ Гаштольдовичемъ старостой Жмудскимъ во главѣ. Оно заключило миръ, по которому было уступлено Москвѣ нѣсколько пограничныхъ волостей и признаны въ ея подданствѣ отошедшіе къ ней съ своими вотчинами князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и Бѣлевскіе. Затѣмъ оконченъ и вопросъ о сватовствѣ. Іоаннъ согласился выдать свою дочь за Александра, предварительно взявъ съ него грамоту, по которой тотъ обязался отнюдь не принуждать Елену къ перемѣнѣ Греческой вѣры на Римскую.

Въ январѣ слѣдующаго 1495 года новое литовское посольство пріѣхало въ Москву за невѣстою. Отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ торжественно, въ присутствіи своего семейства и бояръ, передалъ дочь Елену литовскимъ посламъ. На дорогу онъ снабдилъ ее подробнымъ наказомъ, какъ она должна вести себя въ чужой землѣ; при чемъ особая забота опять посвящалась вопросу вѣроисповѣдному. „Въ латинскую божницу не ходить—подтверждалъ наказъ,—а ходить въ свою церковь; захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь, то можетъ посмотрѣть одинъ разъ или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александрова, ея свекровь и если пойдетъ въ свою божницу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить“. Условлено было, чтобы вѣнчаніе происходило тотчасъ по прибытіи невѣсты въ Вильну. Но, по пріѣздѣ сюда, сопровождавшіе Елену московскіе бояре, съ княземъ Семеномъ Ряполовскимъ и Михайломъ Русалкой во главѣ, тщетно настаивали, чтобы это вѣнчаніе совершилось въ православной церкви и русскимъ владыкою. Великая княжна направилась сначала въ церковь Рождества Пречистой, гдѣ ее встрѣтилъ архимандритъ Макарій, возведенный въ санъ западнорусскаго митрополита, и отслужилъ молебенъ. Княгиня Марья, жена Семена Ряполовскаго, и жена Русалки, по московскому обычаю, расплели ей косу, причесали голову, возложили на нее кику и покрывало, и осыпали ее хмѣлемъ; сопровождавшій Елену священникъ Ѳома прочелъ

молитвы и благословилъ ее крестомъ. Отсюда она отправилась въ католическій соборъ св. Станислава, гдѣ ее ожидалъ великій князь Александръ. Подъ ноги великой княжны подослали кусокъ бархата и сорочекъ соболей. Вѣнчальный обрядъ совершалъ латинскій епископъ. Тутъ дѣло не обошлось безъ столкновенія. Священникъ Ѳома, стоя около невѣсты, началъ вполголоса говорить ей молитвы; княжна Марья Ряполовская держала надъ ней вѣнецъ, а дьякъ Кулешинъ имѣлъ наготовѣ сткляницу съ виномъ. Епископъ пытался ихъ отстранить, но князь Семенъ настоялъ на выполненіи приказа Іоаннова. Ѳома далъ Еленѣ выпить вина; послѣ чего сткляницу бросили на землю и растоптали, по русскому обычаю. Радѣя объ исполненіи своихъ обычаевъ, московскіе бояре потомъ поставили на видъ Александу и то обстоятельство, что на слѣдующій день послѣ вѣнчанія у него „не было мыльни".

Этотъ брачный союзъ не только не скрѣпилъ заключеннаго передъ тѣмъ мира, но скоро послужилъ источникомъ новыхъ неудовольствій. Обѣ стороны увидали свои надежды обманутыми: Александръ думалъ съ помощью жены обезпечить свои земли отъ всякихъ притязаній со стороны тестя; а Іоаннъ разсчитывалъ посредствомъ дочери и ея будущихъ дѣтей имѣть вліяніе на Литовскую Русь.

Первымъ поводомъ къ неудовольствію и жалобамъ послужилъ все тотъ же вѣроисповѣдный вопросъ, въ которомъ московская ревность къ православію натолкнулась на такую же ревность католическую. Іоаннъ изъявилъ желаніе, чтобы для дочери его была построена особая „церковь Греческаго закону на переходѣхъ подлѣ ея хоромъ", т.-е. при Виленскомъ дворѣ. Александръ отвѣчалъ, что по привилегіямъ, даннымъ землѣ его, онъ обязался не прибавлять въ ней греческихъ церквей, и что въ городѣ есть близко греческая церковь, куда его княгиня можетъ ходить свободно. Іоаннъ хотѣлъ, чтобы при Еленѣ оставалось нѣсколько московскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, пока она привыкнетъ къ чужой сторонѣ; Александръ вскорѣ отослалъ ихъ обратно; при чемъ писалъ тестю: „у насъ, слава Богу, слугъ много; есть кому служить нашей великой княгинѣ". Іоаннъ оскорблялся подобными отвѣтами, и продолжалъ настаивать на построеніи особой придворной церкви, но безуспѣшно. Этого мало: до великаго князя Московскаго доходитъ слухъ, что его зять, подчиняясь внушеніямъ папы Александра VI, началъ понуждать свою супругу къ переходу въ католичество. Іоаннъ посылаетъ сказать дочери, что пусть лучше она пострадаетъ и приметъ смерть, чѣмъ измѣнитъ православію.

Къ симъ неудовольствіямъ присоединились пререканія о титулѣ; такъ какъ Александръ въ посольскихъ грамотахъ не хотѣлъ писать тестя государемъ всея Руси. А Іоаннъ не исполнялъ просьбы зятя помирить его съ Менгли-Гиреемъ Крымскимъ и Стефаномъ Молдавскимъ. На границахъ продолжались враждебныя столкновенія между жителями обѣихъ странъ, продолжались переходы людей изъ литовскаго подданства въ московское и захваты Литовскихъ владѣній. Александръ, очевидно, въ государственной политикѣ былъ еще ниже своего отца, и далъ волю проискамъ католическаго духовенства для разныхъ притѣсненій православной церкви. По крайней мѣрѣ одинъ изъ князей Бѣльскихъ, остававшихся въ литовскомъ подданствѣ, Семенъ Ивановичъ (братъ помянутаго выше Ѳедора Бѣльскаго), въ 1499 г. перешелъ въ московскую службу, ссылаясь прямо на притѣсненія православію и понужденія къ перемѣнѣ вѣры. Его примѣру послѣдовали потомки извѣстныхъ московскихъ перебѣжчиковъ временъ Темнаго, именно внукъ Шемяки Василій и сынъ Ивана Андреевича Можайскаго Семенъ. Они поддались государю Московскому съ городами Черниговымъ, Гомелемъ, Любичемъ, Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскимъ. Такимъ образомъ большая часть Черниговско-Сѣверской земли возсоединялась съ Восточною Русью. Подобное пріобрѣтеніе, конечно, не могло обойтись безъ войны. Іоаннъ послалъ воеводъ, которые заняли ближайшіе сѣверскіе города, Мценскъ, Серпейскъ, Масальскъ, Брянскъ, Путивль, и также смоленскій городъ Дорогобужъ. И уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій онъ послалъ зятю объявленіе войны. Литовскорусское войско, предводимое своимъ гетманомъ, княземъ Константиномъ Острожскимъ, на берегахъ Ведроши около Дорогобужа, встрѣтилось съ большой Московской ратью, въ которой главнымъ воеводою былъ князь Даніилъ Щеня. Битва произошла 14 іюля 1499 года, и окончилась полнымъ пораженіемъ Литовцевъ. Самъ Острожскій и нѣкоторые другіе ихъ предводители попали въ плѣнъ. Московскія войска имѣли еще нѣсколько успѣшныхъ дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ. Но попытка взять Смоленскъ не удалась. Затѣмъ война между Москвою и Литвою тянулась еще четыре года, но безъ рѣшительныхъ дѣйствій съ той или другой стороны.

Въ этой войнѣ союзниками Іоанна были Молдавскій господарь Стефанъ и Крымскій ханъ Менгли-Гирей, а сторону Литвы держали незначительные Золотоордынскіе ханы, сыновья Ахмата. За то Александру удалось пріобрѣсти важнаго и дѣятельнаго союзника противъ Москвы, въ лицѣ Ливонскаго магистра.

Съ тѣхъ поръ какъ Псковъ сталъ въ подчиненныя отношенія къ Москвѣ, послѣдняя неизбѣжно должна была присылать свои войска для его обороны отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, съ которыми у Псковичей никогда не было прочнаго мира. Въ 1492 году, при истеченіи заключеннаго между ними десятилѣтняго перемирія, Иванъ III воздвигъ каменную крѣпость на пограничной рѣкѣ Наровѣ, противъ эстонскаго города Ругодина или Нарвы. Эта крѣпость, снабженная массивными стѣнами, высокими башнями и названная по имени своего основателя Ивангородомъ, должна была въ случаѣ войны служить опорнымъ пунктомъ и противъ Нѣмцевъ, и противъ Шведовъ. Въ слѣдующемъ году нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ, и съ намѣстниками великаго князя заключили договоръ о продленіи перемирія еще на десять лѣтъ. Но оно было нарушено гораздо ранѣе срока.

Въ 1494 году въ Ревелѣ, не снесясь съ русскимъ правительствомъ, казнили двухъ русскихъ купцовъ; одного за поддѣлку монеты сварили въ котлѣ, а другого за содомскій грѣхъ сожгли живого. На жалобы другихъ Русскихъ противъ такихъ жестокостей, кто-то изъ Ревельцевъ отвѣчалъ: „мы бы сожгли и вашего князя, если бы онъ у насъ сдѣлалъ то же“. Узнавъ о томъ, Іоаннъ III сильно разгнѣвался; по словамъ нѣмецкаго лѣтописца, онъ будто бы бросилъ свой посохъ на землю и, поднявъ руки къ нему, воскликнулъ: „Отомсти, Господи, и разсуди мое дѣло!“ Какъ бы то ни было, великій князь потребовалъ выдачи ревельскихъ судей и, получивъ отказъ, велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ ганзейскихъ купцовъ, числомъ 49, и посадить въ тюрьмы, а ихъ гостинные дворы, лавки и церкви запереть, всѣ товары отобрать на себя. Три года нѣмецкіе купцы томились въ тюрьмахъ, пока ходатайству ганзейскихъ и ливонскихъ пословъ удалось освободить ихъ; но товары имъ не были возвращены. Этотъ жестокій поступокъ нанесъ ударъ торговлѣ Великаго Новгорода съ Ганзою (впрочемъ эта торговля въ то время находилась уже въ упадкѣ); ея контора тамъ не была потомъ возстановлена въ прежнемъ видѣ. Не надобно однако усматривать въ этомъ событіи одно случайное проявленіе личнаго самовластія. Помянутый поступокъ Ревельскихъ властей могъ послужить только поводомъ, а причины были иныя. Во-первыхъ, Иванъ давно уже гнѣвался на высокомѣріе Ливонскихъ Нѣмцевъ, на ихъ обиды великокняжескимъ посламъ, ѣздившимъ чрезъ ихъ земли въ Германію и Италію, на разныя притѣсненія новогородскимъ купцамъ и грабежи, чинимые имъ на морѣ отъ морскихъ разбойниковъ. Во-вторыхъ, въ это именно время Іоаннъ

заключилъ союзъ съ Датскимъ королемъ противъ Швеціи; а Ганзейскій союзъ былъ врагомъ Даніи и держалъ сторону Шведовъ. Наконецъ, Іоаннъ не думалъ собственно о прекращеніи торговли Россіи съ Нѣмцами; но онъ хотѣлъ уничтожить монополію Ганзы и завести сношенія Россіи съ Германіей и Западной Европой на болѣе широкихъ основаніяхъ. Послѣднее имѣемъ право заключать изъ всего образа дѣйствій Ивана III, привыкшаго поступать въ политикѣ обдуманно и осторожно.

Во главѣ Ливонскаго Ордена около того времени сталъ новый ландмейстеръ, молодой, энергичный и даровитый Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ. Онъ сумѣлъ водворить внутренній миръ въ Ливоніи, утишивъ вражду между Орденскимъ рыцарствомъ съ одной стороны, духовенствомъ и городомъ Ригою—съ другой, и вновь оживилъ упадающій воинственный духъ своего Ордена. Онъ ясно понималъ великую опасность, грозившую самостоятельности послѣдняго со стороны все болѣе усиливающагося Московскаго государства, которое послѣ присоединенія Новгорода сдѣлалось уже непосредственнымъ сосѣдомъ Ливоніи. Между тѣмъ какъ Иванъ въ союзѣ съ Датскимъ королемъ воевалъ Шведовъ и его полки опустошали Финляндію, Плеттенбергъ тщетно просилъ помощи противъ Москвы у Прусскаго Ордена, у Германскаго императора и Ганзейскаго союза. Онъ долженъ былъ ожидать удобнаго случая, чтобы отомстить Ивану III за помянутое насиліе, учиненное надъ Нѣмецкими купцами. Этотъ случай представился, когда открылась Московско-Литовская война. Ливонскій магистръ заключилъ союзъ съ Александромъ Литовскимъ и началъ враждебныя дѣйствія тѣмъ, что велѣлъ схватить и пограбить многихъ псковскихъ купцовъ въ Юрьевѣ. Великій князь прислалъ войско на помощь Псковичамъ. Встрѣча ихъ съ Плеттенбергомъ произошла недалеко отъ Изборска въ августѣ 1501 года. Нѣмцы были малочисленнѣе, но, благодаря своимъ пушкамъ и искусству своего вождя, они одержали полную побѣду. Отбитые затѣмъ отъ Изборска, побѣдители ограничились взятіемъ и разореніемъ города Острова, опустошеніемъ ближнихъ волостей, и отступили вслѣдствіе открывшагося между ними смертельнаго кроваваго поноса. Русскіе въ свою очередь вторглись въ Ливонію и страшно опустошили страну почти до самаго Ревеля, обходя крѣпкіе замки, въ которыхъ заперлись рыцари.

Въ слѣдующемъ году Плеттенбергъ снова вступилъ въ псковскіе предѣлы и осадилъ самый городъ Псковъ. На помощь Псковичамъ явились московскіе воеводы Даніилъ Щеня и князь Василій Шуйскій.

Нѣмцы отступили; недалеко отъ Пскова Русскіе ихъ настигли и окружили; но опять искусство и энергія Плеттенберга, съ помощію пушекъ, одержали верхъ надъ болѣе многочисленными, но нестройными полками московскими. Однако этими двумя побѣдами, подъ Изборскомъ и подъ Псковомъ, онъ успѣлъ только отстоять пока существованіе Ордена и, когда союзникъ его Александръ склонился къ миру, то и магистръ, истощенный неравною борьбою, поспѣшилъ вступить въ переговоры и отпустить на свободу задержанныхъ псковскихъ купцовъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ. Заключенный въ 1503 году миръ съ Москвою, повидимому, былъ не особенно выгоденъ для Ливоніи: между прочимъ по этому миру Юрьевскій или Дерптскій епископъ вновь обязался платить старую дань русскимъ князьямъ и сохранять православныя церкви въ Юрьевѣ. Здѣсь было еще много русскихъ жителей, такъ что часть города носила названіе „Русскаго конца“.

Александръ Литовскій по смерти своего брата Яна Альбрехта былъ выбранъ на Польскій престолъ (1501). Такимъ образомъ снова Литва и Польша соединились подъ одною короною; ибо Поляки пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ возстановить и укрѣпить Польско-Литовскую унію. Однако и теперь Польша не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ съ Москвою, и Александръ, несмотря на успѣхи своего союзника, Ливонскаго ордена, вступилъ въ переговоры съ тестемъ. Послѣ многихъ взаимныхъ препирательствъ, почти одновременно съ Орденомъ, Литва заключила шестилѣтнее перемиріе съ Москвою. За послѣднею осталась большая часть завоеванныхъ ею областей и до 20 городовъ, каковы: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Новгородъ Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Трубчевскъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Дорогобужъ и пр. При заключеніи договора Іоаннъ снова и настоятельно требовалъ отъ зятя, чтобы тотъ не принуждалъ его дочери къ перемѣнѣ вѣры, построилъ бы ей особую придворную церковь и приставилъ къ ней слугъ и служанокъ православныхъ. Тяжело было положеніе Елены во время войны между ея отцомъ и мужемъ. Отецъ посылалъ тайные наказы, совѣты, запросы. Елена не разъ отвѣчала, что она не терпитъ никакихъ притѣсненій въ своей вѣрѣ, умоляла отца ради нея помириться скорѣе съ Александромъ, и очевидно заступалась за мужа. Іоаннъ упрекаетъ свою дочь въ скрытности отъ него, и пишетъ, что ему очень хорошо извѣстно, какъ ее стараются склонить къ переходу въ латинство. Съ другой стороны при дворѣ ея мужа подозрительно и недружелюбно смотрѣ-

ли на эту Московскую княгиню, которая, вопреки разсчетамъ, не принесла съ собою прочнаго мира и обезпеченія отъ захватовъ безпокойнаго сосѣда, и притомъ упорно держалась своего греческаго обряда, слывшаго въ устахъ латинскаго духовенства схизмою ([103]).

Свергнувъ постыдное Татарское иго и объединивъ большую часть Руси въ одно сильное государство, естественно Московскій великій князь постарался занять подобающее ему мѣсто въ семьѣ европейскихъ государей. Онъ вошелъ въ дѣятельныя дипломатическія или посольскія сношенія не съ одними своими сосѣдями, но и съ другими монархами, въ особенности съ тѣми, у которыхъ оказывался съ нимъ какой-либо общій интересъ. Сношенія эти устроились тѣмъ легче, что усиливающееся Московское государство въ то время невольно стало обращать на себя вниманіе Европы и нѣкоторые государи сами искали съ нимъ дружбы и союза. Такъ знаменитый венгерскій король Матвѣй Корвинъ, имѣя съ Москвою общаго непріятеля въ польско-литовскомъ королѣ Казимірѣ IV, обмѣнялся по этому поводу съ Іоанномъ посольствами, грамотами и подарками. Съ Даніей Москву сближала въ то время общая непріязнь противъ Шведовъ; Иванъ III, заключивъ формальный договоръ съ Іоанномъ, королемъ Датскимъ, велъ войну со Шведами въ Финляндіи, впрочемъ безъ важныхъ послѣдствій. Такъ какъ московскіе послы иногда не могли ѣздить въ Данію чрезъ враждебную Ливонскую землю и Балтійское море, находившееся въ рукахъ враждебной Ганзы и Шведовъ, то они отправлялись окольнымъ морскимъ путемъ изъ устьевъ Сѣверной Двины мимо береговъ Лапландіи и Норвегіи. Путь этотъ былъ очень трудный и медленный; одинъ иностранецъ, посѣтившій Россію во время Иванова преемника (Герберштейнъ), оставилъ любопытное описаніе названнаго пути, по разсказамъ московскихъ пословъ, Григорія Истомы, Власія и Димитрія Герасимова, ѣздившихъ въ Данію при Иванѣ III. По этимъ разсказамъ у мыса Святого Носа путники миновали водоворотную пучину, поглощавшую корабли на подобіе классической Сциллы и Харибды; а далѣе у Скалы Семиостровской, гдѣ ихъ нѣсколько дней задерживалъ противный вѣтеръ, суевѣрный кормчій тайкомъ принесъ ей умилостивительную жертву, состоявшую изъ овсяной каши, смѣшанной съ масломъ.

Въ противуположномъ, южномъ углу Восточной Европы, Иванъ III нашелъ себѣ союзника противъ Польши въ лицѣ Молдавскаго господаря Стефана, который прославился воинскими подвигами въ борь-

бѣ съ Турками и сумѣлъ возвысить свою дотолѣ незначительную страну на степень почти независимой державы. Иванъ III заключилъ съ нимъ не только политическій, но и родственный союзъ, женивъ старшаго сына Ивана на дочери Стефана, Еленѣ. Еще болѣе усерднымъ союзникомъ Московскаго государя противъ Литвы и Польши былъ сосѣдъ Молдавіи, Менгли-Гирей Крымскій, съ которымъ великій князь поддерживалъ дѣятельныя и частыя сношенія, сопровождавшіяся щедрыми подарками хану и его совѣтникамъ. Дошедшія до насъ грамоты, отправляемыя къ этому хану, представляютъ образцы дипломатической ловкости и дальновидности со стороны Ивана III и его умѣнья направлять дѣйствія своего союзника сообразно съ видами Московской политики. Но другъ Москвы Крымскій ханъ былъ вассаломъ Турецкаго султана, и Московскій государь воспользовался первымъ удобнымъ предлогомъ, чтобы отправить къ сему послѣднему дружественную грамоту. Предлогомъ этимъ послужили обиды и притѣсненія, которыя терпѣли русскіе торговцы въ Азовѣ и Кафѣ и вслѣдствіе которыхъ они почти перестали туда ѣздить. Изъ помянутаго выше путешествія Контарини мы видѣли, что Иванъ III обмѣнялся посольствомъ и съ персидскимъ шахомъ Узунъ-Гассаномъ, съ которымъ имѣлъ общими непріятелями Золотоордынскихъ хановъ.

Въ особенности любопытны завязавшіяся при Иванѣ III сношенія съ Габсбургскимъ домомъ, возсѣдавшимъ тогда на императорскомъ Германскомъ престолѣ. Починъ этихъ сношеній принадлежалъ самимъ Габсбургамъ, которые ради собственныхъ политическихъ интересовъ обратили вниманіе на возраставшую Московскую державу. Сначала пріѣхалъ въ Москву рыцарь Николай Поппель подъ видомъ простого путешественника, но съ рекомендательною грамотою отъ императора Фридриха III (въ 1486 г.). Въ Москвѣ приняли его холодно, опасаясь какого - либо шпіонства со стороны польскаго правительства. Года черезъ три тотъ же Поппель вновь прибылъ въ Москву, но уже въ качествѣ императорскаго посла. Тутъ онъ сообщилъ, будто въ Германіи до перваго его путешествія считали Московскаго князя подвластнымъ Польскому королю, не зная того, что онъ сильнѣе и богаче сего послѣдняго и располагаетъ владѣніями гораздо болѣе обширными. Выходило такъ, что только онъ, Поппель, раскрылъ глаза Нѣмцамъ на Россію. Затѣмъ посолъ пожелалъ говорить съ великимъ княземъ наединѣ, но получилъ отказъ, и на первой аудіенціи долженъ былъ вести свои рѣчи передъ боярами, а на второй Іоаннъ слушалъ его, нѣсколько отступя отъ бояръ; при семъ дьякъ

Ѳедоръ Курицынъ записывалъ посольскія рѣчи. Рѣчи эти заключались, во-первыхъ, въ сватовствѣ племянника императора маркграфа Баденскаго за одну изъ дочерей великаго князя, а, во-вторыхъ, въ предложеніи хлопотать передъ императоромъ о королевскомъ титулѣ для Ивана. Свое предложеніе посолъ особенно просилъ сохранить въ тайнѣ, въ виду того противодѣйствія, какое это дѣло можетъ встрѣтить со стороны польскаго короля. Великій князь прямо отклонилъ всякіе переговоры о титулѣ, отвѣтивъ, что онъ государь на своей землѣ Божіей милостію отъ своихъ прародителей и поставленія ни отъ кого имѣть не хочетъ. На просьбу посла показать ему великую княжну также отвѣчалъ отказомъ, говоря: „у насъ нѣтъ такого обычая, чтобы ранѣе дѣла показывать дочерей". Вскорѣ Иванъ отправилъ къ императору Фридриху и сыну его Максимильяну, королю Римскому, собственнаго посла, именно грека Юрія Траханьота. Послѣдній имѣлъ порученіе отклонить сватовство маркграфа Баденскаго, ссылаясь на то, что онъ слишкомъ незначительный владѣтель въ сравненіи съ такимъ великимъ государемъ, каковъ Московскій, находившійся въ родствѣ съ послѣдними Византійскими императорами. Вмѣсто того Траханьотъ долженъ былъ завязать переговоры о бракѣ самого Максимильяна на дочери великаго князя, но съ непремѣннымъ условіемъ, что она останется въ греческомъ законѣ, будетъ имѣть при себѣ православную церковь и своихъ священниковъ. Австрійскій дворъ какъ будто бы очень охотно встрѣтилъ мысль объ этомъ бракѣ. Онъ еще нѣсколько разъ обмѣнялся посольствами съ Московскимъ дворомъ. Но вскорѣ Максимильянъ обручился съ миланскою принцессою Бланкою Сфорца. Тогда же выяснилось, что онъ желаетъ только имѣть отъ Іоанна помощь, противъ ихъ общаго недруга Польскаго короля, въ достиженіи Венгерской короны послѣ Матвѣя Корвина; а такъ какъ эта корона перешла въ руки Казимірова сына Владислава, то сношенія Московскаго двора съ Австрійскимъ на нѣкоторое время прекратились. Въ концѣ Іоаннова княженія императоръ Максимильянъ прислалъ къ нему просить бѣлыхъ кречетовъ, которыхъ и получилъ ([104]).

Въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими державами Иванъ III пользовался нѣкоторыми греко-итальянскими выходцами, состоявшими въ русской службѣ, знакомыми съ языкомъ и обычаями иноземными, каковы въ особенности помянутые выше греки Юрій Траханьотъ и Димитрій Ралевъ, а также Иванъ и Антоній Фрязины (Джанъ Батиста делла Вольпе и Антоніо Джислярди), ѣздившіе послами въ Римъ

и Венецію. Съ помощью этихъ выходцевъ подъ руководствомъ великаго князя скоро образовалась и собственная русская школа дипломатовъ въ средѣ московскихъ бояръ и дьяковъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны Семенъ Толбузинъ и дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, ѣздившій посломъ въ Венгрію. Повидимому, въ это время начала вырабатываться та дипломатическая система, которая потомъ долго сохранялась въ Московскомъ государствѣ. Она состояла въ томъ, что московскіе послы получали точно составленные наказы или наставленія какъ держать себя и заранѣе сочиненные отвѣты на предполагавшіеся вопросы; внѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ не допускались для нихъ никакіе политическіе разговоры; на все другое они отзывались невѣдѣніемъ. Они должны были тщательно наблюдать титулъ и вообще охранять честь и достоинство своего государя. Иноземныя посольства въ Москвѣ, въ свою очередь, подъ предлогомъ почета и попеченія, окружались приставами и стражею, и подвергались иногда такому строгому надзору, который походилъ на лишеніе свободы.

Кромѣ политическихъ цѣлей, Иванъ III въ сношеніяхъ съ европейскими государствами преслѣдовалъ и цѣли чисто практическія: онъ постоянно хлопоталъ о вызовѣ въ Россію разнаго рода мастеровъ и ремесленниковъ, съ помощію которыхъ воздвигалъ крѣпости, храмы и дворцовыя зданія, лилъ пушки, чеканилъ монету и т. п. Со времени брака съ Софьею Палеологъ мастера эти вызывались по преимуществу изъ той страны, которая славилась ими и въ которой тогда происходило возрожденіе наукъ и искусствъ. Наибольшую извѣстность получилъ Аристотель Фіоравенти, строитель главной московской святыни, т.-е. Успенскаго собора.

Заботы монарховъ объ украшеніи и распространеніи своей столицы суть общее явленіе въ исторіи. Усиливая и возвышая Московскую державу, Иванъ III естественно хлопоталъ о возведеніи прочныхъ красивыхъ зданій въ своемъ стольномъ городѣ и объ его лучшемъ украшеніи. Начали съ соборнаго храма. Построенный Калитою, Успенскій соборъ сдѣлался уже тѣсенъ для такого города какъ Москва; притомъ онъ такъ успѣлъ обветшать, что грозилъ разрушеніемъ и своды его пришлось подпирать толстыми деревянными столбами. Митрополитъ Филиппъ въ 1472 году призвалъ двухъ московскихъ мастеровъ, Кривцова и Мышкина, и поручилъ имъ, разрушивъ старый храмъ, на его мѣсто соорудить новый, болѣе обширный и совершенно подобный Владимірскому Успенскому собору, который продолжалъ составлять красу и удивленіе Сѣверной Руси. На постро-

еніе новой церкви митрополитъ учредилъ обязательный денежный сборъ съ московскихъ священниковъ и монастырей, а бояре и купцы давали по своему усердію. Соборъ заложили еще бо́льшихъ размѣровъ чѣмъ Владимірскій; а посреди его построили временную деревянную церковь, въ которой совершалось богослуженіе; въ ней же происходило брачное вѣнчаніе Ивана III съ Софьей Палеологъ. Спустя два года, при новомъ митрополитѣ Геронтіи, когда зданіе уже доведено было до сводовъ, вдругъ часть его обрушилась. Причиною этого несчастія было неискусство каменныхъ мастеровъ: внутрь стѣнъ они сыпали мелкій камень и заливали его известью, но послѣднюю растворяли съ пескомъ жидко, не клеевито; отчего и стѣны не получили надлежащей прочности. Тогда великій князь призвалъ было псковскихъ каменьщиковъ, которые учились своему дѣлу у сосѣднихъ Нѣмцевъ. Однако онъ не ограничился тѣмъ, и, отправляя въ Венецію своего посла Семена Толбузина, поручилъ ему достать тамъ хорошаго зодчаго и механика. Толбузинъ удачно исполнилъ порученіе и привезъ съ собою нѣкоего болонскаго уроженца Аристотеля Фіоравенти, „мастера муроля, кой ставитъ церкви и палаты“, какъ выражается русская лѣтопись. Лѣтописцы наши не преминули при семъ случаѣ восхвалить его какъ знаменитаго художника, которому самое имя Аристотеля дано было за его искусство и котораго тщетно звалъ къ себѣ на службу турецкій султанъ. Хотя похвалы эти нѣсколько преувеличены, тѣмъ не менѣе Аристотель пользовался почетною извѣстностію въ своемъ отечествѣ. (Между прочимъ онъ отличился тѣмъ, что въ Римѣ и въ родной Болоньѣ передвинулъ цѣльныя колонны и даже монументальную башню съ одного мѣста на другое). Онъ подрядился на московскую службу за десять рублей въ мѣсяцъ—цѣна по тому времени высокая. Аристотель прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ и еще однимъ ученикомъ, по имени Петромъ. Великій князь послалъ его предварительно посмотрѣть Успенскій соборъ во Владимірѣ, чтобы строить по его образцу. Итальянецъ похвалилъ этотъ соборъ, замѣтивъ: „нѣкіихъ нашихъ мастеровъ дѣло“. Прежде всего онъ за Андроньевымъ монастыремъ устроилъ печь для обжиганія кирпича, приготовляемаго по своему способу: этотъ кирпичъ былъ уже и продолговатѣе прежняго русскаго, а также тверже. Разбивъ дубовымъ тараномъ остатки обвалившагося храма, онъ заложилъ его вновь и началъ строить, употребляя густую клеевитую известь. Спустя четыре года храмъ былъ оконченъ; новогородскіе мастера покрыли его сначала деревомъ, а по дереву „нѣмецкимъ желѣзомъ“.

12 августа 1479 года митрополитъ Геронтій съ нѣсколькими епископами, съ московскими архимандритами, игумнами и протоіереями соборнѣ освятилъ Успенскій храмъ. А великій князь раздалъ при этомъ щедрую милостыню инокамъ и нищимъ, и устроилъ большой пиръ для духовенства и бояръ. Послѣ того въ новый соборъ торжественно перенесли мощи митрополитовъ, сохранявшіяся во время стройки въ ближней церкви „св. Ивана подъ колоколы“.

Хотя образцомъ для него долженъ былъ служить Владимірскій соборъ, однако сооруженіе Аристотеля получило нѣкоторыя существенныя отличія. Во-первыхъ, Владимірскій храмъ почти квадратный, а Московскій, по выраженію лѣтописи, продолговатъ и заложенъ „палатнымъ образомъ“ (т.-е. подобно дому); длина его почти на четверть болѣе его ширины. Во Владимірскомъ четыре основныхъ столпа, два алтарныхъ и два посреди церкви; а въ Московскомъ по его длинѣ понадобилось шесть столповъ; изъ нихъ два алтарныхъ сохранили свою четырехгранную форму; а четыре остальные получили форму круглую, дотолѣ въ русскихъ храмахъ необычную. Число главъ тоже пять какъ и во Владимірѣ; но тамъ три алтарныхъ выступа, а въ Москвѣ пять. Въ алтарѣ за престоломъ, надъ митрополичьимъ мѣстомъ, Аристотель высѣкъ на камнѣ крестъ продолговатой латинской формы; но митрополитъ потомъ велѣлъ его стесать. Наружныя украшенія Московскаго собора оказались гораздо проще и бѣднѣе Владимірскаго (сохранились только слѣды пояса изъ небольшихъ колонокъ съ арками). Очевидно Аристотель умѣлъ хорошо и прочно строить, но не былъ искусенъ въ орнаментаціи. О прочной постройкѣ храма свидѣтельствуетъ его болѣе чѣмъ четырехсотлѣтнее незыблемое существованіе. И онъ не даромъ получилъ значеніе московскаго палладіума или главной святыни. Это значеніе укрѣплено нѣсколькими знаменитыми иконами, собранными сюда изъ разныхъ частей Руси. Между ними главное мѣсто занимаютъ: икона Всемилостиваго Спаса, по преданію написанная императоромъ Мануиломъ, перенесенная изъ Новгорода Иваномъ III и помѣщенная по правую сторону Царскихъ вратъ, а по лѣвую сторону извѣстная икона Владимірской Богоматери, перенесенная изъ Владиміра во время Тамерланова нашествія при Василіи Дмитріевичѣ.

Кромѣ Успенскаго собора, Иванъ III заново передѣлалъ придворный Благовѣщенскій соборъ; а въ концѣ своего княженія велѣлъ разобрать и вновь построить въ большемъ размѣрѣ Архангельскій, служившій усыпальницею Московскихъ князей и сдѣлавшійся для того уже тѣснымъ.

Рядомъ съ этими соборами великій князь, по примѣру другихъ европейскихъ государей, озаботился и для собственнаго пребыванія воздвигнуть красивый каменный теремъ или дворецъ; онъ былъ заложенъ послѣ страшнаго пожара, испепелившаго большую часть Москвы (въ 1493 г.). Еще прежде того на своемъ княжемъ дворѣ онъ построилъ обширную, свѣтлую каменную палату, которая впослѣдствіи отъ своихъ граненыхъ снаружи стѣнъ получила названіе Грановитой. Она назначалась для торжественныхъ пріемовъ, особенно иноземныхъ пословъ, и сохранилась до нашего времени. Подражая государю, митрополитъ, нѣкоторые бояре и богатые люди построили себѣ также каменные дома, напримѣръ, бояре Василій Ѳедоровичъ Образецъ и ближній государевъ слуга Ховринъ. Далѣе, великій князь, вмѣсто старыхъ дубовыхъ стѣнъ Московскаго кремля, построилъ каменныя зубчатыя съ башнями или стрѣльницами; подъ нѣкоторыми башнями проведены изъ Кремля подземные ходы или тайники къ Москвѣ рѣкѣ для снабженія водою на случай осады. При постройкѣ этихъ стѣнъ старый Кремль былъ расширенъ со стороны Неглинной; здѣсь великій князь приказалъ снести дворы и даже церкви, чтобы оставить свободное пространство между Посадомъ и Кремлемъ; на этомъ пространствѣ былъ разведенъ садъ. Такое распоряженіе великаго князя однако не обошлось безъ ропота: нѣкоторыя духовныя лица были недовольны тѣмъ, что переставляли церкви и потревожили прахъ погребенныхъ при нихъ покойниковъ, которыхъ кости вынесены были за городъ на Дорогомиловское кладбище. Не ограничиваясь столицею, Иванъ воздвигалъ каменныя крѣпости и въ другихъ городахъ; между прочимъ онъ построилъ новыя каменныя стѣны въ Новогородскомъ кремлѣ на старой основѣ.

Всѣ важнѣйшія каменныя сооруженія исполнены были подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ, особенно итальянскихъ, каковы, кромѣ Аристотеля: Пьетро Антоніо Соляри, зодчій кремлевскихъ стѣнъ; Алевизъ, вмѣстѣ съ Соляри передѣлавшій Благовѣщенскій соборъ, потомъ строитель Архангельскаго собора и Кремлевскаго дворца, и др. Съ подобными художниками проникъ тогда въ Россію и самый стиль Возрожденія; въ храмовомъ зодчествѣ онъ явился здѣсь въ соединеніи съ прежнимъ Византійско-русскимъ стилемъ. Что же касается до церковной живописи, то она всецѣло оставалась въ рукахъ русскихъ иконныхъ мастеровъ; между послѣдними славились въ эту эпоху Діонисій *иконникъ* и его товарищи попъ Тимоѳей, Ярецъ и Коня. Ими вѣроятно начато было внутреннее расписаніе Успенскаго

собора; по крайней мѣрѣ извѣстно, что они написали на алтарной преградѣ „Деисусъ съ праздники и пророки". Окончено было это внутреннее росписаніе уже при сынѣ и преемникѣ Ивана III.

Кромѣ каменныхъ сооруженій, наемные итальянскіе мастера исполняли тогда и разныя другія работы, въ особенности лили пушки и чеканили монету. Такъ, Фрязинъ Паоло Дебосисъ слилъ большую пушку, о которой лѣтописецъ русскій счелъ нужнымъ замѣтить (подъ 1488 г.). А упомянутый выше Иванъ Фрязинъ прямо названъ въ лѣтописи „денежникъ", т.-е. чеканщикъ монеты. Извѣстный Аристотель былъ не только зодчій и инженеръ, но также лилъ пушки, колокола и чеканилъ монету. Мы видѣли, что онъ во время походовъ Ивана III на Новгородъ и Тверь строилъ мостъ на судахъ и управлялъ осадной артиллеріей. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ серебряныхъ деньгахъ того времени встрѣчается подпись съ именемъ Aristoteles. Дотолѣ драгоцѣнные металлы не разрабатывались въ Россіи и получались путемъ торговли; а серебро добывалось или въ видѣ дани, или посредствомъ мѣны съ Пріуральскихъ инородцевъ. Иванъ Васильевичъ, желая имѣть собственное золото и серебро, вызвалъ для того изъ Германіи двухъ свѣдущихъ Нѣмцевъ, и они нашли серебряныя и мѣдныя руды въ Печерскомъ краю на рѣкѣ Цыльмѣ (въ 1491 г.). Кажется, съ того времени стали въ Москвѣ чеканить монету изъ собственнаго серебра.

Хотя наиболѣе извѣстные художники, приглашенные Иваномъ на московскую службу, были Итальянцы; однако числомъ ихъ далеко превышали жившіе въ Москвѣ нѣмецкіе мастера, которые отчасти были вызваны изъ Германіи, а отчасти могли выѣзжать сюда изъ Ливоніи, Пруссіи и западнорусскихъ городовъ, гдѣ издавна встрѣчается много Нѣмцевъ. Любопытно слѣдующее извѣстіе. Когда въ 1494 году въ Москву прибыло посольство отъ Ганзейскихъ городовъ съ жалобами на притѣсненія, чинимыя ихъ купцамъ въ Новгородѣ, то Греки, ѣздившіе отъ великаго князя послами за море, предъявили искъ съ Ревельскаго посла за насильственное задержаніе и убытки, причиненные имъ въ Ревелѣ, на сумму 360 золотыхъ. Нѣмецкіе мастера, жившіе въ Москвѣ, сначала поручились за Ревелскаго посла, а потомъ ссудили ему эту сумму, чтобы избавить его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Грековъ. Ясно, что уже тогда въ Москвѣ существовала значительная нѣмецкая колонія; въ ея средѣ кромѣ ремесленниковъ были и лѣкаря.

Призываемые въ Москву мастера конечно помогли развитію здѣсь

разнаго рода художественныхъ и ремесленныхъ издѣлій, къ которымъ такъ способно Великорусское племя. Очевидно въ эту эпоху еще болѣе стало развиваться въ Москвѣ искусство выдѣлывать вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, особенно изъ серебра подъ чернію. Контарини, между прочимъ, встрѣтилъ здѣсь одного золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Трифона, Катарскаго уроженца, который работалъ прекрасные сосуды для великаго князя. Чары и сосуды московскаго чекана уже славились у сосѣднихъ владѣтелей татарскихъ; о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая просьба Менгли-Гирея, изложенная имъ въ одной посольской грамотѣ къ Ивану Васильевичу: „Мисюрскій султанъ прислалъ шатеръ писаный и шитый, узорчатый; дастъ Богъ въ великіе дни буду въ немъ ѣсть и пить, такъ надобны серебряныя чары въ два ведра хорошей работы, да наливки серебряныя; прошу ихъ у тебя. Чтобы наливка не мала была, смотря по чарѣ, доброй бы работы наливка была; твоя, брата моего, любовь ночью и днемъ съ сердца не сойдетъ; серебряную чару меду за твою брата моего любовь всегда полную пьемъ; у насъ такой чары сдѣлать мастера добраго не добудешь, а у тебя мастера есть“. ([103]).

Пользуясь начатыми сношеніями съ Европою для вызова въ Россію разныхъ мастеровъ, которые своими произведеніями могли бы возвысить блескъ Московской державы, Иванъ Васильевичъ пытался съ тою же цѣлью извлечь изъ этихъ сношеній и другую пользу: онъ желалъ вступить въ родственныя связи съ европейскими государями. Пока существовали на Руси самостоятельныя княжества, Московскій дворъ не встрѣчалъ затрудненія въ выборѣ невѣстъ и жениховъ для членовъ своего великокняжескаго дома. Но теперь большіе удѣлы почти прекратились. Послѣдніе ихъ владѣтели уже находились съ нимъ въ близкомъ родствѣ; самъ Іоаннъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на Тверской княжнѣ, а сестру свою онъ выдалъ за князя Рязанскаго. Остальные русскіе князья постепенно переходили въ составъ служилаго боярскаго сословія. Въ другой, Западной, половинѣ Руси также прекращалось существованіе удѣльныхъ князей; а домъ Гедимина, нѣкоторое время охотно роднившійся съ домомъ Владиміра Великаго, окатоличился и сталъ во враждебныя отношенія къ Москвѣ. Прекратилось также существованіе православныхъ государствъ Сербскаго, Болгарскаго и самой Византійской имперіи; послѣдняя представительница династіи Палеологовъ сдѣлалась женою самого Ивана III. Ему удалось еще женить старшаго своего сына на дочери православнаго государя, именно молдавскаго господаря Стефана. А затѣмъ онъ уже

встрѣчалъ явныя затрудненія въ пріисканіи приличныхъ партій членамъ своей семьи. Мы видѣли, что Иванъ Васильевичъ потерпѣлъ неудачу въ вопросѣ о бракѣ своей дочери Елены съ наслѣдникомъ Германской императорской короны Максимильяномъ; а родниться съ какимъ-либо мелкимъ нѣмецкимъ княземъ онъ считалъ ниже своего достоинства. Ту же старшую дочь отъ Софьи Елену онъ потомъ пристроилъ за великаго князя Литовскаго Александра; но, какъ извѣстно, этотъ бракъ не былъ счастливъ по различію вѣроисповѣданія. Послѣ того Иванъ Васильевичъ поручалъ Еленѣ развѣдать о разныхъ нѣмецкихъ принцессахъ, желая найти невѣстъ для своихъ сыновей. Но эти развѣдки окончились ничѣмъ. Ясно, что вѣроисповѣданіе послужило главнымъ препятствіемъ для брачныхъ союзовъ съ Европою. Протестантскихъ династій еще не было, а католическія относились къ перемѣнѣ религіи съ такою же строгостью, съ какою и самъ Московскій дворъ. Мы знаемъ, что въ болѣе древнія времена русскія княжны выходили за европейскихъ принцевъ, и дѣлались при этомъ католичками, а европейскія принцессы, выходя за русскихъ князей, становились православными. Съ того времени отношенія исповѣданій замѣтно обострились; для перехода католическихъ княженъ въ православіе требовалось папское разрѣшеніе, на которое разсчитывать было очень трудно; Московскій же дворъ успѣлъ проникнуться такою ревностію къ греческому обряду и такъ высоко ставилъ свое достоинство, что не только требовалъ перехода въ православіе отъ иноземной невѣсты, но теперь уже не дозволялъ своимъ княжнамъ при выходѣ замужъ покидать православіе. Поэтому пришлось прибѣгнуть къ брачнымъ союзамъ съ собственными подданными. Для второй своей дочери Ѳеодосіи Иванъ III нашелъ жениха между служилыми князьями, именно Василія Даниловича Холмскаго, который былъ сыномъ знаменитаго побѣдителя Новогородцевъ на р. Шелони и потомкомъ Тверского княжаго рода. А для выбора невѣсты сыну своему отъ Софьи, Василію Ивановичу, великій князь велѣлъ собрать въ Москву до 1500 лучшихъ дѣвицъ изъ Московскаго государства (1505 г.). Выборъ палъ на Соломонію Юрьевну Сабурову, отецъ которой былъ потомокъ татарскаго выходца мурзы Чета. И этотъ (основанный на примѣрѣ Византіи) способъ выбора невѣсты государю или наслѣднику престола сдѣлался потомъ обычаемъ при Московскомъ дворѣ ([106]).

Съ водвореніемъ единодержавія въ Сѣверовосточной Руси и съ усиленіемъ власти великаго князя Московскаго естественно должны были измѣниться его отношенія къ боярскому сословію. По мѣрѣ того какъ владѣтельный родъ небольшой земли становится главою обширнаго государства, естественно возрастаетъ его власть, обстановка его дѣлается величественнѣе, отношенія къ подданнымъ повелительнѣе, не исключая и ближайшаго къ нему класса. Такое явленіе повторялось всегда и всюду. Поэтому нисколько не удивительно, что Иванъ III не держалъ себя съ боярами такъ же запросто, какъ первые князья Московскіе; онъ былъ уже гораздо менѣе доступенъ, нежели отецъ его Василій Темный, большую часть своего княженія боровшійся за великій столъ и много обязанный именно боярскому сословію. Обладая вообще нравомъ строгимъ, любящимъ порядокъ и повиновеніе, Иванъ III естественно повысилъ тонъ съ боярами, и началъ обходиться съ ними какъ съ подданными. Несомнѣнно, вторая его супруга Софья Ѳоминишна принесла съ собой въ Москву многія преданія и понятія Византійскаго двора; ея вліяніе еще болѣе подняло и безъ того высокія представленія Ивана Васильевича о своей власти и своей державѣ. Очень возможно, что, благодаря ея внушеніямъ, онъ пришелъ къ намѣренію покончить съ самою тѣнью постыднаго Татарскаго ига и что подъ ея вліяніемъ старался окружить свой дворъ возможною пышностью и блескомъ и усилить сторону обрядовую или церемоніальную. Но такое вліяніе не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что впослѣдствіи при сынѣ и внукѣ Ивана Васильевича нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровость и высокомѣрное обращеніе съ ними Московскихъ государей, приписывали эту перемѣну въ обращеніи именно Софьѣ Ѳоминишнѣ и пріѣхавшимъ съ нею Грекамъ. Обвинять въ какомъ-либо непріятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо — это слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ; бояре того времени конечно не смотрѣли на событія съ исторической точки зрѣнія, которая обязательна для историка. Повторяемъ, гордый, повелительный тонъ, принятый Иваномъ III по отношенію къ своимъ боярамъ, и казни, которыми онъ иногда каралъ ихъ наравнѣ съ другими своими подданными, прямо вытекали изъ предыдущей исторіи, нравовъ той эпохи и личнаго его характера.

Если въ чемъ особенно ясно выразилось вліяніе Софьи, женщины несомнѣнно гордой, умной и энергичной, такъ это въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

Отъ первой супруги своей Марьи Борисовны Тверской великій князь имѣлъ сына, по имени также Ивана, прозваннаго Молодымъ въ отличіе отъ отца. Подобно тому, какъ самъ Иванъ III еще при жизни своего отца Василія Темнаго былъ его соправителемъ и объявленнымъ ему наслѣдникомъ, такъ и теперь Иванъ Молодой считался соправителемъ; въ грамотахъ нерѣдко онъ упоминается рядомъ съ отцомъ и точно также именуется великимъ княземъ. Очевидно въ Москвѣ сознательно вводили перемѣну старшинства въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и старались упрочить порядокъ престолонаслѣдія въ прямой линіи торжественнымъ объявленіемъ государева наслѣдника, который при этомъ получалъ великокняжескій титулъ. Вѣроятно и тутъ Москва руководствовалась примѣромъ Византіи, гдѣ иногда императоръ имѣлъ соправителя въ лицѣ брата или сына, пользовавшагося одинаковымъ титуломъ. Иванъ Молодой уже принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и воинскихъ походахъ. Впрочемъ помянутый Контарини замѣчаетъ, будто Иванъ Васильевичъ не особенно жаловалъ сына за какія-то дурныя наклонности. Ему было 32 года отъ роду, когда онъ занемогъ ломотою въ ногахъ (которую лѣтописецъ называетъ *камчугомъ*). Въ службѣ великаго князя находился нѣкто Леонъ, родомъ Жидовинъ изъ Венеціи. Онъ началъ лѣчить Ивана Ивановича, и за его выздоровленіе поручился собственною головою. Больному онъ давалъ пить какое-то зелье (траву) и прикладывалъ ему стклянки съ горячею водою. Но очевидно самоувѣренность его не соотвѣтствовала его искусству. Ивану Молодому отъ этого лѣченія сдѣлалось хуже, и онъ умеръ (1490 г.). Великій князь велѣлъ посадить Леона подъ стражу, и, когда окончились сорочины или шестинедѣльный срокъ по смерти сына, приказалъ казнить несчастнаго лѣкаря. Ему отрубили голову на Болвановкѣ.

Замѣчательно, что это былъ не первый иноземный лѣкарь, поплатившійся тогда своею головою вслѣдствіе неудачнаго лѣченія. За пять лѣтъ до означеннаго случая, въ Москвѣ захворалъ служилый татарскій царевичъ Каракачъ. Его взялся лѣчить нѣмецкій врачъ Антонъ; но не вылѣчилъ. Врача обвинили, будто онъ намѣренно уморилъ больного. Великій князь выдалъ лѣкаря сыну Каракачеву. Татаринъ хотѣлъ было отпустить его за денежный выкупъ; но Иванъ Васильевичъ не дозволилъ. Тогда Татары подъ Москворѣцкимъ мостомъ на льду рѣки зарѣзали Антона ножомъ „какъ овцу“, по выраженію лѣтописца. Такая варварская расправа напугала другихъ иноземцевъ; между прочимъ Аристотель Фіоравенти хотѣлъ было уѣхать изъ Москвы. И

тутъ Иванъ III поступилъ какъ настоящій деспотъ; онъ приказалъ посадить Аристотеля подъ стражу, и такимъ образомъ насильно удержалъ его въ своей службѣ.

Иванъ Молодой оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Димитрія отъ своей супруги Елены, дочери Молдавскаго господаря. Но Иванъ Васильевичъ имѣлъ отъ Софьи сына Василія (родившагося въ 1479 г.). Естественно возникъ вопросъ: кому изъ нихъ быть наслѣдникомъ великаго князя? Софья конечно хлопотала о назначеніи Василія. На его сторонѣ находились и древнія понятія о старшинствѣ. Казалось бы, что высшее боярство, стоявшее за старину, должно было также принять сторону Василія. Однако, наоборотъ, оно стало поддерживать Димитрія и его мать Елену; очевидно, тутъ дѣйствовало нерасположеніе къ Софьѣ, которой, какъ было сказано, приписывали тогда перемѣну въ обращеніи великаго князя съ своими боярами. Нерасположеніе къ ней простиралось до того, что ее даже обвиняли въ отравленіи Ивана Молодого. На сторонѣ Софьи и Василія мы видимъ людей менѣе знатныхъ, а именно часть дѣтей боярскихъ и нѣсколько дьяковъ. Иванъ III колебался между внукомъ и сыномъ. Вдругъ ему донесли, будто приверженцы Василія подговариваютъ его бѣжать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и Бѣлозерскѣ и погубить своего соперника Димитрія. Донесли также на Софью, будто къ ней тайкомъ приходятъ какіе-то лихія бабы съ зельемъ. Иванъ III сильно разгнѣвался, и возложилъ опалу на сына и жену. Послѣдней онъ сталъ остерегаться („съ нею нача жити въ береженіи"), а Василія велѣлъ держать подъ стражею. Шестеро изъ его оговоренныхъ приверженцевъ были казнены (дьякъ Стромиловъ, Яропкинъ, Поярковъ и пр.); многіе дѣти боярскіе брошены въ тюрьму; помянутыя лихія бабы обысканы и ночью утоплены въ Москвѣ-рѣкѣ. Послѣ того наслѣдникомъ своимъ великій князь объявилъ внука Димитрія.

Чтобы подкрѣпить свой выборъ всенароднымъ актомъ, Иванъ Васильевичъ велѣлъ торжественно вѣнчать внука. Обычай торжественнаго княжескаго вѣнчанія или „посаженія на столъ" существовалъ на Руси издревле; съ теченіемъ времени, при несомнѣнномъ вліяніи Византіи, выработались сопровождавшіе его обряды, пышность которыхъ конечно увеличивалась въ Москвѣ по мѣрѣ ея усиленія. Въ данномъ случаѣ мы впервые имѣемъ лѣтописное извѣстіе о вѣнчаніи не самого великаго князя, а его соправителя или собственно наслѣдника. Лѣтописи сохранили намъ любопытныя подробности этого обряда, подробности, которыя въ главныхъ чертахъ сдѣлались какъ бы обяза-

тельными для всѣхъ послѣдующихъ русскихъ коронацій. Торжество происходило 4 февраля 1498 года въ новомъ Успенскомъ соборѣ. Среди церкви на высокомъ помостѣ поставили три стула: для великаго князя, его внука Димитрія и митрополита Симона; великій князь и митрополитъ сѣли на свои мѣста, а Димитрій сталъ передъ ними у верхней ступени помоста.

„Отче митрополитъ!—сказалъ великій князь—Божіимъ повелѣніемъ отъ нашихъ прародитель великихъ князей старина наша, оттолѣ и до сихъ мѣстъ отци великіе князи сыномъ своимъ первымъ давали великое княженіе, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася, сына моего Ивана въ животѣ не стало, и у него остася сынъ первой, Димитрій, и азъ его нынѣ благословляю при собѣ и послѣ себе великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Московскимъ и Новогородскимъ, и ты бы его отче на великое княженіе благословилъ“.

Димитрій приблизился и преклонилъ голову. Осѣнивъ его крестомъ, митрополитъ положилъ руку на его голову, и произнесъ благословенную молитву. Потомъ великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха, при чтеніи соотвѣтствующихъ молитвъ. Затѣмъ архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе „великому князю“ Димитрію. Обоимъ великимъ князьямъ приносили поздравленія іерархи, родственники, князья, бояре и прочіе люди. Въ заключеніе митрополитъ и Иванъ Васильевичъ говорили Димитрію приличное поученіе. Потомъ совершена была литургія. Послѣ чего Димитрій вышелъ изъ церкви въ бармахъ и шапкѣ. Въ дверяхъ Успенскаго собора сынъ Ивана Васильевича Юрій трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторилъ онъ передъ соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ.

Все это пышное вѣнчаніе юнаго внука послужило какъ бы для того только, чтобы рѣзче оттѣнить его печальную судьбу. Дѣло, основанное на подозрѣніяхъ и сочиненныхъ доносахъ, не могло быт прочно. Вѣроятно хитрая Софья Ѳоминишна не дремала и скоро сумѣла обнаружитъ козни своихъ недоброжелателей. Ужъ въ слѣдующемъ году обрушилась жестокая опала на старую боярскую партію. Во главѣ этой партіи стояли двѣ знатныхъ породнившихся между собою семьи, Патрикѣевы и Ряполовскіе; первые происходили изъ рода Гедиминовичей, а вторые изъ рода Суздальскихъ великихъ князей. Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ занималъ первое мѣсто между московскими боярами при Василіи Темномъ и при Иванѣ III. Тѣмъ не менѣе его вмѣстѣ съ двумя сыновьями и съ зятемъ Семеномъ Ряполовскимъ великій князь ве-

лѣлъ заключить подъ стражу. Они были уличены въ какихъ-то крамолахъ и обвинены въ измѣнѣ. Иванъ III осудилъ ихъ на смерть; но, по ходатайству духовенства, Патрикѣевыхъ, отца и старшаго сына, помиловалъ отъ казни, позволивъ имъ постричься въ монахи; младшаго сына оставилъ подъ стражею; а Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ рѣкѣ (дѣло было въ февралѣ мѣсяцѣ). Спустя еще три года, Иванъ Васильевичъ возложилъ опалу на внука своего Димитрія и мать его Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и запретилъ поминать на ектеніяхъ Димитрія великимъ княземъ. А вслѣдъ затѣмъ благословилъ на великое княженіе сына своего Василія, и его имя послѣ того въ грамотахъ пишется рядомъ съ именемъ отцовскимъ. Стефанъ, воевода Молдавскій, узнавъ объ опалѣ своей дочери Елены и внука, разссорился съ Иваномъ III и въ отместку ему задержалъ его посла Димитрія Ралева со многими мастерами, которыхъ тотъ навербовалъ въ Италіи по порученію великаго князя и направился съ ними въ Москву южнымъ путемъ, а не сѣвернымъ, по причинѣ войны Москвы съ Литвою и Ливоніей. Только съ большими хлопотами, издержками и проволочками Иванъ III выручилъ ихъ при посредствѣ своего союзника Менгли Гирея Крымскаго, почти въ концѣ своего царствованія (1504 г.).

Любопытна судьба двухъ свояковъ Ивана III, братьевъ Софьи Ѳоминишны. Младшій, Мануилъ, скучая праздной жизнію въ Римѣ, отправился въ Константинополь ко двору Магомета II. Султанъ принялъ его милостиво, назначилъ ему содержаніе, но не далъ никакой высокой должности; а сынъ его уже является мусульманиномъ на военной султанской службѣ. Старшій, Андрей, титулярный деспотъ Морейскій, остался въ Римѣ со своимъ маленькимъ дворомъ на папскомъ иждивеніи; недовольствуясь имъ, онъ пытался умножить свои доходы тѣмъ, что продавалъ разнымъ лицамъ придворные византійскіе титулы и давалъ на нихъ свои хризовулы. Наконецъ, онъ продалъ свои права на Византійскій престолъ Французскому королю Карлу VIII, который носился съ планомъ обратнаго завоеванія Византіи у Турокъ и предпринялъ свой извѣстный походъ въ южную Италію, какъ первый шагъ къ этому завоеванію. Андрей два раза пріѣзжалъ въ Москву, очевидно не столько для свиданія съ сестрою и зятемъ, сколько за щедрымъ денежнымъ вспоможеніемъ. Во второй разъ онъ пріѣхалъ (въ 1490 г.) вмѣстѣ съ послами великаго князя Димитріемъ и Мануиломъ Ралевыми (сыновья вступившаго въ московскую службу знатнаго греческаго выходца Іоанна Ралопалеолога). Они тогда привели изъ Италіи мно-

гихъ мастеровъ, „стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ и серебряныхъ" (въ томъ числѣ лѣкаря Леона). Андрей умеръ въ началѣ XVI столѣтія (1502). Его сынъ Константинъ, хотя и принялъ титулъ Морейскаго деспота, былъ простымъ капитаномъ въ папской гвардіи, и немногимъ пережилъ отца. Такимъ образомъ ближайшія права на Византійское наслѣдство перешли къ Софьѣ Ѳоминишнѣ или собственно къ ея потомству, т.-е. къ великимъ князьямъ Московскимъ ([107]).

Помянутыя выше семейныя событія и придворныя перемѣны, повидимому, происходили не безъ нѣкоторой связи съ важнымъ церковнымъ явленіемъ того времени, извѣстнымъ подъ именемъ Ереси Жидовствующихъ. Она возникла почти тамъ же, гдѣ сто лѣтъ назадъ появилось ученіе Стригольниковъ, т.-е. въ Новгородской епархіи, но на сей разъ не въ Псковѣ, а въ самомъ Великомъ Новгородѣ.

Темны и сбивчивы извѣстія о происхожденіи этой ереси. Если вѣрить разсказу главнаго ея обличителя и гонителя (Іосифа Волоцкаго), то начало ей положилъ будто бы жидъ и чернокнижникъ Схарія, который въ 1471 году пріѣзжалъ въ Новгородъ въ свитѣ литовскаго князя Михаила Олельковича, занимавшаго Новогородскій столъ. Схарія обратилъ въ ересь двухъ новогородскихъ священниковъ, Алексѣя и Діонисія, а тѣ въ свою очередь совратили значительное количество поповъ, дьяконовъ и мірянъ; такимъ образомъ ересь начала распространяться. Въ числѣ совращенныхъ встрѣчаемъ софійскаго протопопа Гавріила и знатнаго боярина Григорія Тучина. Трудно съ точностію опредѣлить ученіе этихъ еретиковъ. Судя по дошедшимъ до насъ обличительнымъ противъ нихъ сочиненіямъ, еретики главнымъ образомъ не признавали Христа за Сына Божія и отрицали Пресв. Троицу, а учили, что Богъ есть единъ; далѣе ихъ обвиняли въ томъ, что они отрицали будущую жизнь, почитаніе иконъ, святыхъ, таинства, посты, церковные обряды, монашество и пр. Слѣдовательно, находимъ почти полное отступничество отъ Христіанской церкви. Но въ то же время не видимъ тутъ ясно и религіи Іудейской. Отрицая Троицу и воплощеніе Сына Божія и проповѣдуя единаго Бога, конечно еретики приближались къ Ветхозавѣтному ученію; но такія отрицанія по частямъ указывались ихъ противниками и въ прежнихъ ересяхъ, іудейскихъ и христіанскихъ, каковы особенно Маркіане, Мессальяне и Саддукеи. Не видно, чтобы новогородскіе еретики исполняли какіе-либо жидовскіе обряды; достовѣрно извѣстно, что они не подвергали себя обрѣзанію и не почитали субботы. По всѣмъ признакамъ, эта

ересь является плодомъ того же религiознаго броженiя, которое поднято было въ Новгородѣ и Псковѣ ученiемъ Стригольниковъ, т.-е. плодомъ собственнаго вольнодумства или собственной пытливости по отношенiю къ высшимъ вопросамъ вѣры и разумѣнiя. Какъ и въ предшествовавшемъ ученiи, здѣсь мы находимъ то же свойство русскаго ума: разъ вступивъ на путь сомнѣнiя или отрицанiя, быстро доходить до самыхъ крайныхъ предѣловъ; если только дѣйствительно новая ересь учила всему тому, въ чемъ ее обвиняли.

Единственный пунктъ соприкосновенiя новыхъ еретиковъ съ жидовствомъ представляетъ, повидимому, столь распространенное въ Европѣ въ тѣ времена увлеченiе астрологiей. Заѣзжiе въ Новгородъ еврейскiе торговцы сбывали здѣсь между прочимъ астрологическiя сочиненiя. Въ особенности имѣла успѣхъ книга „Шестокрылъ", заключавшая въ себѣ астрономическiя таблицы, составленныя однимъ еврейскимъ ученымъ. Еретики усвоили себѣ отсюда еврейское лѣтосчисленiе, по которому насчитывалось гораздо меньшее количество лѣтъ отъ сотворенiя мiра, нежели по лѣтосчисленiю христiанскому. На этомъ пути они встрѣтились съ тѣмъ средневѣковымъ суевѣрiемъ, которое состояло въ ожиданiи близкой кончины мiра и второго пришествiя, долженствовавшихъ совершиться будто бы въ извѣстный, заранѣе предсказанный срокъ. На западѣ этой кончины тщетно ожидали съ исполненiемъ тысячи лѣтъ отъ Рождества Христова. У народовъ восточнаго обряда подобное ожиданiе перенесено было на семитысячный годъ отъ сотворенiя мiра. Истеченiе семи тысячъ лѣтъ падало на 1492 годъ отъ Р. Х. Сообразно съ этимъ вѣрованiемъ и пасхальное разсчисленiе, т.-е. празднованiе пасхи, заранѣе сдѣлано было не на весь пасхальный кругъ, а только доведено до этого года. Съ приближенiемъ его многiе умы вѣрующихъ приходили въ тревожное состоянiе. Оно выражалось и въ разныхъ замѣткахъ, которыми переписчики пасхалiи сопровождали 7000 годъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна Русская лѣтопись (подъ 1459 годомъ) въ слѣдующихъ выраженiяхъ: „писано въ пасхалiи: братiя! здѣсь страхъ, здѣсь бѣда великая, здѣсь скорбь не малая; какъ и въ распятiе Христово, сей кругъ солнца будетъ 13, луны 23, и сiе лѣто будетъ послѣднее, въ оное чаемъ всемiрнаго пришествiя Христова". Когда же седьмая тысяча лѣтъ была на исходѣ, сомнѣнiя и толки усилились; призракъ близкой кончины мiра вызывалъ мрачное настроенiе умовъ. И вдругъ посреди этого тревожнаго ожиданiя выступаютъ люди, повидимому православные и даже носящiе священническiй санъ, которые называютъ

такое ожиданіе заблужденіемъ и прямо говорятъ, что до кончины міра еще очень далеко. Такимъ смѣлымъ предсказаніемъ еретики естественно обратили на себя вниманіе, и въ свою очередь сдѣлались предметомъ соблазна. Очевидно, вопросъ о кончинѣ міра послужилъ только поводомъ къ открытію новогородской ереси и къ ея столкновенію съ высшей церковной іерархіей. А самая ересь существовала помимо этого вопроса, помимо астрологіи и еврейскаго лѣтосчисленія. Но обличители ея ухватились за пасхалію, и наименовали еретиковъ „жидовствующими"; ибо хорошо знали, что одно это наименованіе уже должно было возбуждать отвращеніе къ подобной ереси у Русскаго православнаго люда.

Распространяя въ тайнѣ свое ученіе, новогородскіе еретики по наружности не только оставались православными, но и казались благочестивыми; будучи людьми книжно образованными, они пользовались уваженіемъ. Между прочимъ ихъ руководители, Алексѣй и Діонисій, такъ сумѣли понравиться самому великому князю, когда онъ въ 1480 году посѣтилъ Новгородъ, что Иванъ III перевелъ ихъ въ Москву: Алексѣя опредѣлилъ протоіереемъ въ Успенскій соборъ, а Діонисія священникомъ въ Архангельскій. Вмѣстѣ съ ними перешло въ Москву ихъ ученіе, которое они также успѣшно начали здѣсь распространять. Не мало помогло имъ то обстоятельство, что митрополитъ Геронтій въ это время мало прилежалъ церковнымъ дѣламъ, находясь въ распрѣ съ великимъ княземъ. Сему послѣднему донесли, что при освященіи Успенскаго собора (въ 1479 г.) митрополитъ будто бы неправильно ходилъ съ крестами не по солнцу (не *посолонь*). Иванъ III разгнѣвался; возникъ споръ; на сторонѣ митрополита оказалось почти все духовенство. Только Ростовскій владыка Вассіанъ Рыло и Чудовскій архимандритъ Геннадій были противъ него. Геронтій оставилъ каѳедру и удалился въ Симоновъ монастырь. Распря длилась нѣсколько лѣтъ; наконецъ великій князь уступилъ, призналъ себя неправымъ и упросилъ митрополита воротиться на свою каѳедру. Вскорѣ потомъ архимандритъ Геннадій испыталъ на себѣ слѣдствіе этого примиренія. Онъ въ навечеріе Крещенія Господня, которое случилось въ Воскресный день, позволилъ своей братіи пить богоявленскую воду, поѣвши. Митрополитъ за это велѣлъ его привести къ себѣ. Архимандритъ убѣжалъ было къ великому князю; но тотъ выдалъ его митрополиту; послѣдній велѣлъ его сковать и посадить въ ледникъ подъ своею палатою. Однако по просьбѣ великаго князя и бояръ скоро его отпустилъ.

Этотъ самый Геннадій, очевидно угодившій великому князю, былъ поставленъ архіепископомъ въ Новгородъ (1484 г.). Тутъ онъ скоро открылъ существованіе ереси; при чемъ узналъ, что еретики эти люди начитанные, что у нихъ есть книги, которыхъ нѣтъ у него самого; въ числѣ такихъ книгъ встрѣчаются: Слово Козьмы пресвитера на Богомильскую ересь, посланіе Фотія патріарха къ князю Болгарскому Борису, Менандръ, Логика, Діонисій Ареопагитъ и пр. Геннадій началъ производить розыскъ. Тогда нѣкоторые изъ обвиненныхъ убѣжали въ Москву. Архіепископъ посылалъ подробныя извѣстія о своихъ открытіяхъ великому князю и митрополиту. Иванъ III велѣлъ наказать виновныхъ и продолжать розыскъ. Но затѣмъ въ Москвѣ мало обращали вниманія на дальнѣйшія донесенія и представленія Геннадія. Митрополитъ Геронтій не былъ къ нему расположенъ; а московскіе еретики успѣли вовлечь въ свое ученіе любимаго великокняжескаго дьяка Ѳедора Курицына и дѣйствовали подъ его покровительствомъ. Новогородскіе еретики, гонимые Геннадіемъ, продолжали спасаться въ Москву. Въ 1489 году Геронтій скончался; митрополичья каѳедра послѣ него цѣлые полтора года оставалась праздною, и ересь распространялась безъ помѣхи. Наконецъ соборомъ русскихъ епископовъ выбрали новаго митрополита; выборъ палъ на того, кого указалъ великій князь. Говорятъ, помянутый протопопъ Алексѣй до того пользовался расположеніемъ Ивана Васильевича, что передъ смертію своею успѣлъ склонить его выборъ на одного изъ своихъ тайныхъ послѣдователей, именно на Симоновскаго архимандрита Зосиму (1490 г.). А Геннадій въ это время находился какъ бы въ опалѣ; его не пригласили на соборъ. Новогородскій владыка сталъ дѣйствовать на Москву посланіями; онъ писалъ къ новому митрополиту, убѣждая его принять строгія мѣры противъ ереси, подробно раскрывая имена и дѣйствія московскихъ еретиковъ; писалъ также и къ другимъ епископамъ, пребывавшимъ на Московскомъ соборѣ 1490 года, и увѣщевалъ ихъ постоять за православіе. Соборъ, въ присутствіи митрополита и великаго князя, дѣйствительно приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла о еретикахъ; указанные Геннадіемъ священники, дьяконы, дьячки и нѣкоторые другіе ихъ единомышленники были призваны на соборъ, обвинены въ отступничествѣ отъ православія и богохульствѣ. Они ни въ чемъ не сознались; тѣмъ не менѣе соборъ предалъ ихъ проклятію, и осудилъ на заточеніе. Нѣкоторыхъ еретиковъ великій князь отослалъ въ Новгородъ. Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней лицомъ къ хвосту и надѣть на головы бе-

рестяные, остроконечные шлемы съ мочальными кистями и вѣнцами изъ соломы и сѣна, снабженные надписью: „се есть сатанино воинство". Въ такомъ видѣ ихъ водили по городу; встрѣчающимся велѣно было плевать на нихъ и поносить бранными словами. Въ заключеніе шлемы были сожжены на ихъ головахъ. Подобное наказаніе явилось нѣкоторымъ подражаніемъ ауто-да-фе испанской инквизиціи. Геннадій слышалъ разсказы цесарскаго посла о томъ, „какъ Испанскій король очистилъ свою землю" (отъ ересей), и желалъ такихъ же строгихъ мѣръ для Россіи. Онъ очевидно находилъ приговоръ собора недостаточно строгимъ и рѣшительнымъ. (Есть извѣстіе, что осужденіе еретиковъ на смертную казнь отклонилъ именно митрополитъ Зосима). Дѣйствительно, ересь послѣ того не только не ослабѣла, а еще усилилась, въ особенности когда 1492 годъ прошелъ благополучно, и предсказаніе еретиковъ оправдалось. Главный ихъ покровитель дьякъ Курицынъ попрежнему оставался въ милости у великаго князя; ихъ ученіе нашло доступъ въ самую семью послѣдняго: его невѣстка Елена, вдова Ивана Молодого, заразилась тою же ересью. Съ ужасомъ узналъ Геннадій, что ею зараженъ и самъ митрополитъ. Тогда для борьбы съ этимъ зломъ онъ призвалъ себѣ на помощь знаменитаго игумна Іосифа Волоцкаго.

Житіе преподобнаго Іосифа Санина изображаетъ намъ начало его подвижничества почти тѣми же общими чертами, которыя мы видѣли у другихъ подвижниковъ, основавшихъ знаменитые русскіе монастыри. Онъ въ ранней юности почувствовалъ влеченіе къ иночеству; побывалъ въ разныхъ обителяхъ, и принялъ постриженіе въ Боровскѣ у преподобнаго Пафнутія. Его благочестивая ревность и даръ убѣждать другихъ скоро выразились въ томъ, что онъ уговорилъ постричься и своихъ родителей, и двухъ своихъ братьевъ. Послѣ кончины Пафнутія и по его указанію братія выбрала Іосифа игумномъ. Его идеаломъ было самое строгое монастырское общежитіе, которое какъ-то мало прививалось къ русскимъ монастырямъ и которое онъ пытался теперь вполнѣ водворить въ Пафнутьевой обители. Не встрѣтивъ здѣсь сочувствія со стороны многихъ старцевъ, Іосифъ удалился на свою родину, въ окрестности Волоколамска, и тамъ основалъ собственную обитель подъ покровительствомъ мѣстнаго князя Бориса Васильевича Волоцкаго (брата Ивана III); благодаря пожертвованіямъ этого князя и другихъ знатныхъ людей, обитель скоро процвѣла и украсились каменнымъ храмомъ Успенія Богородицы. Число ея иноковъ возрасло до ста человѣкъ.

Іосифъ служилъ для всѣхъ примѣромъ строгаго исполненія монашескихъ правилъ, постничества, трудолюбія, непрестанной молитвы. Неуклонное соблюденіе монастырскаго устава онъ простеръ до того, что отказалъ въ свиданіи собственной матери, которая передъ смертію желала съ нимъ проститься. Для сохраненія порядка и послушанія между братіей Іосифъ прибѣгалъ иногда къ суровымъ мѣрамъ; всякое непокорство, по его мнѣнію, слѣдовало смирять жезломъ. Въ то же время назначеніе инока онъ отнюдь не полагалъ въ созерцательномъ житіи или въ страдательномъ отношеніи къ міру. Желая упрочить благосостояніе своего монастыря, Іосифъ установилъ извѣстную плату за панихиды и другія службы, совершавшіяся по заказу мірянъ; а особенно важную статью дохода составляло поминовеніе. За простое годовое поминовеніе взималось, смотря по уговору, нѣкоторое количество денегъ, или хлѣба, или земли; а за „вѣчную память" надобно внести отъ 100 до 500 рублей, если она соединялась съ ежегоднымъ устройствомъ „корма" для братіи, т.-е. поминальнаго обѣда; а безъ корма стоила вдвое менѣе. Зато монастырь охотно помогалъ нуждающимся и неимущимъ; а во время голода открывалъ свои житницы для поддержки окрестнаго населенія. Неограничиваясь тѣмъ, въ подобные тяжкіе годы Іосифъ обращался къ князьямъ и правителямъ и убѣждалъ ихъ облегчать народное бѣдствіе, напримѣръ, установленіемъ цѣны на хлѣбъ. Свое усердное служеніе дѣлу христіанской любви и милосердія онъ доказывалъ частымъ ходатайствомъ за несчастныхъ и угнетенныхъ, и между прочимъ старался облегчать участь рабовъ. Дошедшія до насъ его посланія и другія сочиненія свидѣтельствуютъ, что онъ былъ по тому времени человѣкъ книжно образованный, весьма начитанный въ Священномъ писаніи, обладавшій необыкновенною памятью и даромъ убѣдительнаго краснорѣчія.

Вообще Іосифъ Санинъ является передъ нами замѣчательнымъ выразителемъ Великорусскаго племени, даровитаго, дѣятельнаго и практическаго, того племени, которое своими разнообразными способностями къ общинной жизни и единоправленію, къ терпѣнію и энергическому дѣйствію, къ повиновенію и начальствованію, къ мягкосердечію и суровой твердости сумѣло въ тѣ времена воротить себѣ народную самобытность и заложить прочный фундаментъ своему государственному величію.

Геннадій давно зналъ и уважалъ Іосифа, такъ какъ Волоколамскій монастырь принадлежалъ къ Новгородской епархіи. Онъ зналъ, къ кому обращался за помощью, и не ошибся. Іосифъ немедленно и

ревностно принялся за борьбу съ ересью; онъ написалъ цѣлый рядъ увѣщательныхъ посланій и обличительныхъ словъ. Въ своихъ посланіяхъ, обращенныхъ преимущественно къ тому или другому епископу, начиная съ Нифонта Суздальскаго, онъ умолялъ постоять крѣпко за православную вѣру противъ еретиковъ и особенно противъ ихъ главнаго сообщника митрополита Зосимы. А въ своихъ обличительныхъ словахъ Іосифъ съ большою живостью и съ силою убѣжденія нападаетъ на ту или другую сторону еретическаго ученія; при чемъ постоянно подкрѣпляетъ свою рѣчь примѣрами и выраженіями изъ Св. Писанія и Отцовъ церкви, пользуясь своею обширною начитанностью и своею памятью. Впослѣдствіи эти обличительныя слова или бесѣды, обращенныя ко всѣмъ вѣрующимъ, были собраны въ одно сочиненіе, которое получило названіе *Просвѣтителя*. Іосифу дѣйствительно удалось подвинуть епископовъ и вообще духовенство къ болѣе дружной и усердной борьбѣ съ Новогородской ересью. Ближайшимъ слѣдствіемъ его посланій и обличеній было сверженіе митрополита Зосимы. Разсказываютъ, будто сей послѣдній наружнымъ образомъ исполняя должность архипастыря, въ тайныхъ бесѣдахъ со своими единомышленниками являлъ самое крайнее невѣріе и кощунство. Напримѣръ, вотъ какъ отзывался онъ о безсмертіи души, если вѣрить извѣстію Просвѣтителя: „а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть, умерлъ кто инъ, то умеръ, по та мѣста и былъ!“ Рѣшено было безъ шуму удалить его въ монастырь подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ страдалъ порокомъ пьянства и не радѣлъ о церкви. Во избѣжаніе соблазна однако устроили дѣло такъ, что Зосима какъ бы самъ отказался отъ митрополіи „ради своей немощи“; при чемъ всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ того прошло болѣе года, прежде нежели состоялось соборное избраніе новаго архипастыря. Выбранъ былъ игуменъ Троицкаго монастыря Симонъ, конечно, опять по указанію великаго князя. При посвященіи новаго митрополита (въ сентябрѣ 1496 г.) Иванъ Васильевичъ (по обычаю, заимствованному изъ Византіи) въ Успенскомъ соборѣ всенародно обратился къ нему съ слѣдующими словами:

„Всемогущая и животворящая Святая Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси руковозложеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Русскаго царства, и жезлъ пастырства, отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства

во имя Господа Іисуса и Пречистыя Его Матери взыди, и моли Бога и Пречистую его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи и подастъ ти Богъ здравіе и долголѣтство въ вѣкъ вѣка".

Митрополитъ на сіе отвѣтилъ:

„Всемогущая и вседержащая десница Вышняго, да сохранитъ Богъ поставленное твое царство, самодержавный государь и владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство и побѣдно со всѣми повинующимися тебѣ и съ христолюбивыми воинствами, да пребываетъ во вѣки и въ вѣкъ вѣка, во вся дни живота твоего здравъ, здравъ, здравъ, добро творя животоносенъ, владыко самодержецъ, многолѣтенъ".

Однако успѣхи ревнителей православія пока ограничились сверженіемъ Зосимы, и они тщетно ожидали энергической помощи отъ новаго митрополита. Умный и также книжно-образованный дьякъ Ѳедоръ Курицынъ продолжалъ пользоваться расположеніемъ великаго князя и покровительствовать еретикамъ. Вдругъ въ старѣйшій новогородскій монастырь, т.-е. въ Юрьевскій, былъ назначенъ архимандритомъ нѣкто Касьянъ, сторонникъ ереси; онъ сталъ собирать у себя единомышленниковъ, и значительно оживилъ въ Новгородѣ ихъ ученіе. Затѣмъ и въ самой Москвѣ это ученіе усилилось, когда Иванъ III объявилъ своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, мать котораго Елена также покровительствовала Новогородской ереси. Іоаннъ хорошо зналъ о принадлежности къ этой ереси и своей невѣстки, и дьяка Курицына, однако оставлялъ ихъ въ покоѣ. Едва ли этотъ государь, столь ревностный къ церкви, неравнодушный даже къ такимъ вопросамъ, какъ хожденіе посолонь, могъ бы терпѣть подлѣ себя еретическое ученіе, если бы оно дѣйствительно было такъ крайне, какъ его изображали, и если оно въ самомъ дѣлѣ походило на жидовство.

Но когда внукъ Димитрій и его мать подверглись опалѣ, а наслѣдникомъ объявленъ Василій и вновь возымѣла силу и вліяніе Софья Ѳоминишна, благопріятныя для Новогородской ереси обстоятельства кончились. Эта перемѣна, повидимому, совпала со смертію главной опоры еретиковъ, дьяка Ѳедора Курицына. Теперь Иванъ III сдѣлался болѣе доступенъ внушеніямъ ревнителей православія. Къ тому же наступившая старость съ ея немощами и болѣзнями и мысли о смерти направляли его умъ къ покаянію и къ заботамъ о спасеніи своей души. Іосифъ Волоцкій добился личныхъ бесѣдъ съ великимъ княземъ, чтобы подвигнуть его къ принятію рѣшительныхъ и строгихъ мѣръ противъ ереси. Иванъ III во время этихъ бесѣдъ уми-

лялся; сознавался, что зналъ, какую ересь держалъ протопопъ Алексѣй и какую Курицынъ съ Еленою; просилъ прощенія у Іосифа, говоря: „а митрополитъ и владыки меня въ томъ простили". Но тутъ же вдругъ впадалъ въ сомнѣніе: „не грѣхъ ли казнить еретиковъ?" Іосифъ примѣрами изъ Ветхаго завѣта и Византійской исторіи доказывалъ, что слѣдуетъ казнить. Иванъ Васильевичъ какъ будто убѣждался и обѣщалъ принять строгія мѣры. Но время проходило, а обѣщанныя мѣры откладывались.

Между тѣмъ борьба съ ересью заставила само высшее духовенство обратить вниманіе на нѣкоторые безпорядки въ Русской церкви. Для обсужденія ихъ созывалось нѣсколько духовныхъ соборовъ. Изъ послѣднихъ особую извѣстность и важность получилъ Московскій соборъ 1503 года. На немъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона, засѣдали архіепископъ Геннадій, шесть епископовъ, многіе игумны и старцы, въ числѣ которыхъ находился Іосифъ Волоцкій. На засѣданіяхъ присутствовали Иванъ III и сынъ его Василій. Здѣсь было разсмотрѣно нѣсколько вопросовъ, и прежде поднимавшихся въ Русской церкви. Во-первыхъ, обсуждался старый вопросъ о မздѣ или пошлинахъ, взимавшихся за поставленіе въ духовный санъ; эта мзда, какъ извѣстно, послужила поводомъ къ ереси Стригольниковъ. Настоящій соборъ строго подтвердилъ, чтобы впредь никакихъ пошлинъ и поминковъ или даровъ не брать ни епископомъ за самое ставленіе, ни ихъ печатникамъ и дьякамъ за ставленныя грамоты. При семъ возобновили и другое постановленіе Владимірскаго собора 1274 года, согласное съ правилами Вселенскихъ соборовъ, чтобы поставляемый во священника имѣлъ не менѣе 30 лѣтъ, а во дьякона не менѣе 25 лѣтъ. Затѣмъ выступилъ также старый вопросъ о вдовыхъ священникахъ. Русское общество тѣхъ временъ во многихъ мѣстахъ еще не усвоило себѣ строгаго взгляда на брачный союзъ, что отражалось и на самихъ священникахъ: многіе изъ нихъ, овдовѣвъ, брали себѣ наложницъ и продолжали священнодѣйствовать. Нѣкоторые митрополиты (напримѣръ, Петръ и Фотій) поэтому установили правило, чтобы вдовые священники слагали съ себя санъ или поступали бы въ монахи, если желали сохранить свое право священнодѣйствія. Но правило это часто не соблюдалось. Московскій соборъ теперь вновь его подтвердилъ; однако сдѣлалъ ту уступку, что позволилъ вдовцамъ, не вступившимъ въ монашество и не уличеннымъ въ дурной жизни, во время обѣдни стоять на клиросѣ и, кромѣ того, отправлять нѣкоторыя службы, за

исключеніемъ обѣдни, и опредѣлилъ выдавать на ихъ содержаніе четвертую часть церковныхъ доходовъ. Вопросъ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ, позволявшихъ себѣ зазорное сожитіе, возникъ собственно въ Новогородско-Псковской землѣ, гдѣ вообще духовенство отличалось менѣе строгою жизнію сравнительно съ другими русскими областями. Поэтому означенное соборное постановленіе, распространенное на всю Сѣверовосточную Русь, возбудило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильный ропотъ. До насъ дошло написанное по сему случаю къ отцамъ собора рѣзкое и краснорѣчивое посланіе Георгія Скрипицы, одного вдоваго священника въ городѣ Ростовѣ, въ томъ городѣ, гдѣ духовенство выдавалось своимъ книжнымъ образованіемъ.

„Вы осудили—писалъ Скрипица—всѣхъ іереевъ и дьяконовъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ, но въ смерти они неповинны; смерть наводитъ Богъ. И за такую вину, за посѣщеніе Божіе, вы какъ злодѣевъ отлучили отъ священства братію свою, не испытавъ грѣховъ. Вы положили въ церкви вѣчную вражду между собою и священниками: какъ же дерзаете входить въ св. алтарь?... Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ со злыми и, не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, чтобы священнодѣйствовать?... И вашему собору кто не подивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что іереямъ и дьяконамъ, по смерти женъ, запрещено служить?... Вы говорите: мы совершили то ради благочестія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого зло сталось въ нашей землѣ: не отъ вашего ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Вы ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ не наблюдаете за священниками и не посылаете въ города и села испытывать, кто какъ пасетъ Церковь Божію; но надзираете за священниками, по царскому чину, черезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ... Зачѣмъ вы положили вражду не только со священниками, но и со вселенскими соборами? Чего они не учинили, то учинили вы своимъ произволеніемъ".

Въ заключеніе своего посланія Скрипица молилъ архіереевъ установить отлученіе отъ священства только уличенныхъ въ нечистомъ житіи. Въ этомъ посланіи самымъ дѣйствительнымъ укоромъ Московскому собору являлось то, что онъ выдалъ постановленіе, котораго не было въ правилахъ Апостоловъ и Отцовъ древнихъ соборовъ, на что указывало и соборное меньшинство, возражавшее противъ излишней строгости означеннаго постановленія. Поэтому Іосифъ Волоцкій,

одинъ изъ руководителей соборнаго большинства, написалъ отвѣтное слово, въ которомъ прежними примѣрами доказывалъ право помѣстныхъ соборовъ дѣлать дополненія или измѣненія въ церковныхъ постановленіяхъ, не касающихся догматовъ вѣры и ея ученія.

Соборъ уже оканчивалъ свои занятія и началъ разъѣзжаться, когда нѣкоторые его члены вдругъ подняли вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи. И прежде нѣкоторые пастыри церкви несочувственно относились къ тому, что монахи, владѣя селами и деревнями, отвлекались мірскими заботами отъ своихъ обѣтовъ. Съ другой стороны, это землевладѣніе часто возбуждало неудовольствіе и въ обществѣ. Законные наслѣдники тѣхъ, которые жертвовали свое имущество монастырямъ, конечно, роптали и иногда заводили съ ними тяжбы. Государство также начало тяготиться переходомъ цѣлой массы земель въ руки духовенства, которое старалось освободить ихъ отъ налоговъ и нѣкоторыхъ повинностей. Вопросъ этотъ теперь былъ поднятъ такъ называемыми Заволжскими старцами или Бѣлозерскими пустынниками, во главѣ которыхъ явился всѣми уважаемый Нилъ Сорскій. Онъ происходилъ изъ боярской фамиліи Майковыхъ, постригся въ Кирилловомъ монастырѣ, путешествовалъ по востоку и, воротясь въ отечество, устроилъ небольшую обитель на рѣкѣ Сорѣ. Онъ стоялъ за отшельническое или *скитское* житіе, и проповѣдывалъ, чтобы монахи помышляли о спасеніи своей души, а не объ имѣніяхъ своихъ, и чтобы они кормились трудами своихъ рукъ. Иванъ Васильевичъ, озабоченный возраставшими государственными нуждами, особенно необходимостью содержать большую военную силу, едва ли не самъ содѣйствовалъ возбужденію помянутаго вопроса: очевидно, онъ былъ не прочь отобрать монастырскія земли, чтобы раздавать ихъ потомъ военнослужилому сословію или дѣтямъ боярскимъ. Опытъ такой секуляризаціи церковныхъ земель и ихъ раздачи былъ имъ уже сдѣланъ послѣ взятія Новгорода. Во всякомъ случаѣ, по повелѣнію великаго князя, Московскій соборъ 1503 года вновь открылъ засѣданія и занялся разсмотрѣніемъ вопроса о томъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами?

Въ числѣ ранѣе уѣхавшихъ членовъ собора былъ Іосифъ Волоцкій. Повидимому, противники монастырскаго землевладѣнія именно разсчитывали на его отсутствіе, когда подняли данный вопросъ. Но епископы немедленно послали за Іосифомъ; онъ поспѣшилъ воротиться на соборъ, и явился тутъ самымъ энергичнымъ, самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ монастырскаго замлевладѣнія. Онъ указывалъ на

то, что земля принадлежитъ не лично монахамъ, а монастырю, и она не только не вредитъ чистотѣ монашеской жизни, а, напротивъ, даетъ возможность монастырю оказывать благодѣянія бѣдному люду въ трудные годы, созидать храмы, поддерживать церковныя службы и приготовлять достойныхъ пастырей для народа. „Если у монастырей отнять имѣнія—говорилъ онъ,—и всѣ монахи должны содержаться собственными трудами и рукодѣліемъ, какъ тогда честному и благородному человѣку постричься? И если не будетъ честныхъ старцевъ, откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А когда не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда будетъ колебаніе вѣры". Это мнѣніе одержало верхъ; соборное большинство постановило сохранить монастырскія имѣнія, и въ этомъ смыслѣ подало докладъ великому князю. Между прочимъ оно ссылалось на порядокъ, установленный русскими и византійскими государями, который не осмѣлились нарушить даже невѣрные, нечестивые монгольскіе ханы, а, напротивъ, подтвердили его въ своихъ ярлыкахъ, данныхъ святителямъ Петру и Алексѣю. Иванъ III не рѣшился идти противу соборнаго постановленія, выраженнаго съ такою настойчивостью, и дѣло монастырскаго землевладѣнія осталось въ прежнемъ видѣ. Впрочемъ, едва ли можно было ожидать другого исхода этому дѣлу: отобравъ земли, государство не въ состояніи было бы принять на себя содержаніе большихъ русскихъ монастырей въ то время, когда и за военную службу оно стало расплачиваться почти исключительно земельными имуществами.

Съ своей стороны епископы, чтобы и на будущее время предупредить попытки къ отобранію церковныхъ земель, послѣдовали примѣру Новогородскаго чина православія, которое возглашалось на первой недѣлѣ великаго поста и состояло въ слѣдующей анаѳемѣ: „Вси начальствующіи и обидящіи святыя Божія церкве и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляти".

Въ томъ же 1503 году скончалась Софья Ѳоминишна, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, какъ сказано выше, женщина хитрая и имѣвшая значительное вліяніе на своего супруга. Нѣтъ сомнѣнія, что она вмѣстѣ съ сыномъ Василіемъ поддерживала партію строго православную въ борьбѣ съ новогородскими еретиками, и въ свою очередь находила опору въ этой партіи по извѣстному вопросу о престолонаслѣдіи. Только въ слѣдующемъ году, уже послѣ кончины Софьи, рѣшилась судьба этихъ еретиковъ.

Іосифъ Волоцкій, тщетно ожидавшій отъ великаго князя обѣщанныхъ имъ строгихъ мѣръ противъ ереси, вновь и энергически принялся за это дѣло. Онъ написалъ посланіе духовнику Ивана III, архимандриту Андроникова монастыря Митрофану; разсказалъ ему о прежнихъ бесѣдахъ съ государемъ и его обѣщаніяхъ и убѣдительно просилъ Митрофана, чтобы тотъ неотступно напоминалъ государю объ исполненіи этихъ обѣщаній, ибо время уходитъ, а ересь умножается и производитъ великій соблазнъ въ народѣ. На сей разъ общія усилія Іосифа и Митрофана увѣнчались успѣхомъ. Великій князь, уже удручаемый болѣзнями, готовясь къ близкой смерти, склонился на ихъ убѣжденія, и въ декабрѣ 1504 года созвалъ въ Москвѣ новый церковный соборъ на новогородскихъ еретиковъ. Іосифъ явился здѣсь главнымъ и ревностнымъ ихъ обличителемъ. Еретики были не только преданы церковному проклятію, но главные изъ нихъ осуждены на смертную казнь. Сія послѣдняя напомнила испанскія ауто да фе того времени. Въ Москвѣ сожгли въ клѣткѣ дьяка Волка Курицына (братъ Ѳедора), Митю Коноплева, Ивашка Максимова, а въ Новгородѣ сожгли Некраса Рукавова, юрьевскаго архимандрита Касьяна съ братомъ Иваномъ и нѣкоторыхъ другихъ. Прочихъ уличенныхъ въ ереси заточили по темницамъ и монастырямъ. Вслѣдъ затѣмъ скончалась въ заключеніи и невѣстка великаго князя Елена. Эти казни хотя не прекратили совершенно ереси, тѣмъ не менѣе навели страхъ и нанесли ей рѣшительный ударъ. Іосифъ простеръ свою ревность до того, что возсталъ противъ помилованія тѣхъ еретиковъ, которые изъявляли раскаяніе; противодѣйствуя ходатайству за нихъ Заволжскихъ старцевъ, онъ называлъ это раскаяніе притворнымъ и убѣждалъ великаго князя не вѣрить имъ. Впрочемъ, съ такими убѣжденіями ему пришлось обращаться уже къ сыну и преемнику Ивана III, Василію.

Іосифъ Волоцкій въ данномъ случаѣ является такимъ же крайнимъ представителемъ русскаго ума, какими были новгородскія еретики въ противуположномъ, т.-е. отрицательномъ, направленіи. Онъ хотѣлъ вырвать ихъ ученіе съ корнемъ и не соглашался ни на какія сдѣлки, ни на какія уступки, ради сохраненія церковнаго зданія въ полной цѣлости и неприкосновенности. Не скоро потомъ въ русскихъ умахъ улеглось броженіе, поднятое Мниможидовскою ересью, которая и доселѣ остается не вполнѣ разъясненною. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ писаній, гдѣ бы сами еретики излагали свое ученіе. Во всякомъ случаѣ это броженіе и энергическій отпоръ, встрѣ-

ченный еретиками, внесли не мало оживленія въ область русскаго религіознаго мышленія, которому угрожалъ застой при полномъ его подчиненіи внѣшней церковной обрядности; слѣдовательно, имѣли свои добрыя послѣдствія.

Любопытна судьба самого начальнаго борца съ этой ересью, архіепископа Геннадія. Ему не пришлось участвовать въ торжествѣ своего дѣла; онъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ 1504 года. Едва окончился предыдущій соборъ, строго запретившій брать какую-либо плату за поставленіе священниковъ, и едва Геннадій воротился въ Новгородъ, какъ первый нарушилъ соборное постановленіе 1503 года и сталъ взимать мзду съ новоставленныхъ пуще прежняго. Впрочемъ, лѣтопись главную вину въ этомъ случаѣ приписываетъ его любимому дьяку Михаилу Алексѣеву, злоупотреблявшему довѣріемъ владыки. По доносу недоброжелателей Геннадія, великій князь и митрополитъ немедленно велѣли „обыскать", т.-е. изслѣдовать дѣло; послѣ чего Геннадій былъ „сведенъ" съ архіепископскаго престола и водворенъ въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ и скончался, спустя два съ половиною года. Кромѣ борьбы съ ересью, его несомнѣнную заслугу составляетъ попытка поднять образованіе низшаго духовенства заведеніемъ публичныхъ школъ. (Выше приведено было его посланіе митрополиту Симону о невѣжествѣ сельскихъ священниковъ и необходимости завести училища). Мы упоминали о томъ, что прежде составленная пасхалія прекращалась въ 1492 году отъ Р. Х. съ истеченіемъ 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра. Тогда же соборнѣ рѣшено было въ Москвѣ приступить къ составленію пасхальныхъ таблицъ на осьмую тысячу лѣтъ. Геннадій принималъ дѣятельное участіе въ написаніи этой пасхалии и успѣлъ составить таблицы на 70 лѣтъ [108]).

Когда почти всѣ земли Сѣверовосточной Руси соединились въ одно Московское государство, естественно явилась для нихъ потребность въ устройствѣ однообразнаго суда, а для московскихъ судей въ общемъ сборникѣ законовъ, которымъ они могли бы руководствоваться при отправленіи своихъ обязанностей въ разныхъ областяхъ. Объединеніе правительственное необходимо было закрѣпить единствомъ судебныхъ формъ и уставовъ. На эту потребность отчасти отвѣтилъ *Судебникъ* Ивана III. Онъ былъ составленъ, по его порученію, дьякомъ Гусевымъ, и въ 1497 году утвержденъ великимъ княземъ и боярскою думою для руководства, „какъ судить боярамъ и окольничимъ". Въ основу этого законодательнаго сборника положена все та же древняя

Русская Правда; кромѣ того, онъ заимствовалъ разныя статьи изъ областныхъ уставныхъ и судныхъ грамотъ; особенно отразилось на немъ вліяніе Псковской Судной грамоты. Но Судебникъ далеко не обнимаетъ всей юридической стороны современнаго ему русскаго быта, а преимущественно касается самыхъ формъ суда и связанныхъ съ нимъ судебныхъ пошлинъ.

Извѣстно, что древнерусское судопроизводство, кромѣ своей прямой цѣли, т.-е. правосудія, имѣло еще значеніе кормленія для служилаго сословія. Эта послѣдняя сторона на практикѣ иногда отодвигала на задній планъ главное назначеніе суда и тяжело ложилась на народъ. Судьи и ихъ чиновники старались взимать какъ можно болѣе судебныхъ пошлинъ и кромѣ того вымогали „посулы" или взятки; въ такомъ случаѣ, кто болѣе давалъ, тотъ и былъ правъ. Судебникъ Ивана III строго запрещаетъ брать посулы боярамъ, окольничимъ, дьякамъ, и „всякому судіѣ", и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ количество законныхъ пошлинъ. Пошлины эти вообще значительно понижены сравнительно съ прежними уставными грамотами, напримѣръ Двинскою и Бѣлозерскою (общее правило Судебника брать боярину съ виноватаго отъ каждаго исковаго рубля два алтына, т.-е. двѣнадцать денегъ по московскому счету, а его дьяку или тіуну восемь денегъ). Для областей существуетъ судъ *намѣстничій* и *волостельскій;* но при этомъ различаются намѣстники и волостели, за которыми кормленія *съ судомъ боярскимъ,* и такіе, „которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда". Первые имѣли болѣе власти, и нѣкоторыя дѣла могли рѣшать окончательно, даже присуждать къ смертной казни. Но такія права были связаны только съ намѣстничествомъ въ немногихъ наиболѣе важныхъ городахъ, каковы Новгородъ, Тверь, Нижній и нѣкоторые другіе. На судѣ намѣстника и волостеля должны присутствовать „дворскій", „староста" и „лучшіе люди", то же что выше помянутые „судные мужи"—представители земства на судѣ. Участіе общественное или земское на судѣ выражается еще статьею, по которой достаточно было показанія пяти или шести „добрыхъ людей", что впервые обвиненный въ воровствѣ есть дѣйствительный тать, и его наказывали безъ суда; а если эти добрые люди покажутъ, что онъ и прежде не разъ кралъ, то его велѣно казнить смертію (въ этомъ показаніи нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей видимъ начало „повальнаго обыска"). Кромѣ вторичной татьбы, смертная казнь назначается за убійство своего господина, крамолу (государственную измѣну), церковную татьбу, душегубство, разбой, поджегъ и подмётъ

(когда вещь подмётывали нарочно кому-нибудь, чтобы обвинить его въ воровствѣ). Судебникъ впервые узаконяетъ битье кнутомъ на торгу или „торговую казнь" за первую кражу и другія менѣе важныя преступленія, между прочимъ за перепахиваніе межи или уничтоженіе граничныхъ знаковъ. Слѣдовательно мы видимъ здѣсь и умноженіе случаевъ смертной казни, и тѣлесное наказаніе вмѣсто судебныхъ виръ и продажъ болѣе древняго періода. Любопытно слѣдующее: если у вора нѣтъ имущества, чтобы заплатить искъ, то послѣ наказанія кнутомъ онъ выдавался головою истцу (въ работу); а судья не получалъ съ него никакой пени. Тутъ уже ясно сказывается переходъ къ болѣе государственнымъ понятіямъ, при которыхъ судья только караетъ преступника, а не пользуется его имуществомъ. Впервые упоминается здѣсь и о пыткѣ обвиненнаго въ кражѣ. Судебникъ выражается такъ: „а которому (приставу) дадутъ татя, а велятъ ему пытати, и ему пытати татя безхитростно". Полагаемъ, что тутъ разумѣется не одинъ допросъ, но и съ истязаніемъ. Вообще же судебныя доказательства при разнаго рода искахъ остаются тѣ же, что и прежде, т.-е. письменные акты, показанія свидѣтелей, присяга и поле или судебный поединокъ. Относительно послѣдняго видно стараніе Судебника точнѣе опредѣлить его формы и взимаемыя при семъ пошлины. Поле состояло въ вѣдѣніи окольничаго съ его дьякомъ и устраивалось недѣльщиками (пристава, отбывавшіе службу по очереди, по недѣлямъ). Судебникъ допускаетъ во время поля присутствіе только родственниковъ, друзей и поручителей и притомъ безъ брони, дубинъ и ослоповъ; а остальныхъ постороннихъ людей окольничій и дьякъ должны были отсылать прочь. Изъ другого источника (Герберштейна) мы знаемъ, что эти предосторожности были далеко не лишнія, и поле иногда переходило въ общую свалку присутствующихъ съ той и другой стороны. Затѣмъ, заимствованное изъ Псковской Судной грамоты и еще болѣе расширенное, право выставлять за себя наемныхъ бойцовъ развивало только классъ сихъ послѣднихъ, естественно подрывая значеніе поля, какъ суда Божія, и представляя уже прямой переходъ къ его отмѣнѣ.

Судебникъ Ивана III окончательно и точно устанавливаетъ двухнедѣльный срокъ для крестьянскихъ переходовъ, именно за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя. Въ искахъ о поземельной собственности онъ назначаетъ трехлѣтнюю давность (вѣроятно въ связи съ трехпольнымъ хозяйствомъ); но искъ о землѣ великаго князя имѣлъ удвоенный срокъ, т.-е. требовалось шестилѣтнее безспор-

ное владѣніе, чтобы не подвергаться иску. По примѣру Псковской судной грамоты, Судебникъ узаконяетъ наслѣдственное право женщины въ такомъ видѣ: если кто умретъ безъ духовнаго завѣщанія и не оставитъ сына, то все его имущество достается дочери, и только если нѣтъ дочери, наслѣдуютъ другіе родственники. Замѣтно въ немъ и желаніе ограничить судъ святительскій въ пользу суда гражданскаго. Именно, первому подлежатъ попъ, дьяконъ, чернецъ, черница и старая вдова, которая питается отъ Церкви Божіей (просвирня?). Но если эта вдова „живетъ своимъ домомъ, то судъ не святительскій". Случаи обращенія въ рабство опредѣляются почти тѣ же, что и въ Русской Правдѣ, т.-е. кто женится на рабѣ или кто выдетъ замужъ за холопа, кто дастъ на себя грамоту (кабальную?) или пойдетъ къ кому въ тіуны и ключники; исключеніе на сей разъ составляли городскіе ключники, которые оставались свободны; а также дѣти, живущія отдѣльно отъ отца, не раздѣляли его рабства. Любопытна слѣдующая статья: если холопъ попадетъ въ плѣнъ къ Татарамъ и убѣжитъ, то онъ становится свободенъ. Тутъ очевидно вліяніе церкви, которая на татарскій или мусульманскій плѣнъ (всегда болѣе или менѣе жестокій) смотрѣла какъ на страданіе за вѣру Христову.

Въ заключеніе Судебникъ предписываетъ „прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли и по всѣмъ волостямъ заповѣдать", чтобы ни истецъ, ни отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула не сулили, а послухи, не видавъ дѣла собственными глазами, не свидѣтельствовали ([109]).

Къ правительственнымъ мѣрамъ Ивана III относятъ важную перемѣну касательно крѣпкихъ напитковъ. Прежде приготовленіе ихъ и продажа были вольныя, что называлось *корчмою*. Мы видѣли, что лѣтописцы прославляли Михаила Александровича Тверского, истребившаго въ своей землѣ корчемниковъ, наравнѣ съ разбойниками, что Кириллъ Бѣлозерскій проситъ удѣльнаго Можайскаго князя уничтожить у себя корчму, которая заставляетъ многихъ пропиваться до совершенной пагубы. По извѣстію помянутаго выше венеціанца Іосафата Барбаро, Иванъ III, чтобы уменьшить народное пьянство, запретилъ частнымъ людямъ варить пиво и медъ и вообще употреблять хмѣль. Такимъ образомъ приготовленіе и продажа хмѣльныхъ напитковъ сдѣлались исключительнымъ правомъ великаго князя. Вѣроятно, кромѣ уменьшенія пьянства, такая мѣра имѣла цѣлью и увеличеніе его доходовъ.

Другой помянутый выше венеціанскій путешественникъ Амвросій Контарини, видѣвшій Ивана Васильевича въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и мужества, говоритъ, что онъ былъ красивой наружности, высокъ ростомъ и худощавъ. Тотъ же путешественникъ свидѣтельствуетъ, что сей великій князь имѣлъ обыкновеніе ежегодно дѣлать поѣздки въ разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщалъ одного Татарина, котораго содержалъ на своемъ жалованьѣ съ 500 всадниковъ въ пограничномъ съ Татарами краѣ, для защиты Русской земли отъ ихъ нападеній. Слѣдовательно Иванъ III, при своемъ дѣятельномъ и попечительномъ характерѣ, въ этотъ періодъ своего княженія усердно держался обычая древнерусскихъ князей лично наблюдать за собираніемъ даней и отправленіемъ правосудія въ своихъ областяхъ. А подъ Татариномъ, котораго онъ посѣщалъ, вѣроятно разумѣется тутъ царевичъ Даньяръ, стоявшій тогда во главѣ Касимовскаго ханства и сторожившій Русскіе предѣлы отъ набѣговъ своихъ единоплеменниковъ. Иванъ Васильевичъ, по всѣмъ признакамъ, не щадилъ издержекъ на дѣйствительныя государственныя нужды, на дорогія сооруженія, на призывъ въ свою службу иноземныхъ мастеровъ, угощеніе иностранныхъ пословъ и т. п. Тотъ же Контарини, задолжавшій и Русскимъ, и Татарамъ, сообщаетъ, что великій князь, заплативъ за него долги, выручилъ его изъ рукъ заимодавцевъ и далъ ему возможность уѣхать въ отечество. Весьма щедро одарилъ онъ въ 1490 г. Максимильянова посла Юрія Делатора, сдѣлавъ его „золотоносцемъ“; именно далъ ему цѣпь золотую съ крестомъ, шубу атласную съ золотомъ, подбитую горностаями, и серебряныя вызолоченныя остроги (шпоры). Но въ другихъ случаяхъ и въ обыденной своей жизни Иванъ III является передъ нами разсчетливымъ хозяиномъ и такимъ же скопидомомъ, какимъ былъ его предокъ Иванъ Калита. Напримѣръ, отправляя въ томъ же 1490 г. въ Германію своихъ пословъ Юрія Траханьота и Василія Кулешина, онъ въ наказѣ новогородскимъ намѣстникамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ подробно обозначаетъ, сколько слѣдуетъ посламъ и ихъ свитѣ давать подводъ отъ стану до стану вплоть до Ливонской границы и сколько припасовъ отпускать на ихъ кормъ въ каждомъ стану; тутъ кромѣ куръ и хлѣбовъ полагается на нихъ два барана, но съ тѣмъ, чтобы „овчина назадъ“. Государь въ то время уже обширной державы заботится, чтобы и бараньи овчины не пропали даромъ! Черта почтенная и достойная вниманія. Также заслуживаетъ похвалы и его заботливость о народномъ здравіи. Въ 1499 году, посылая

гонца въ Литву, Иванъ Васильевичъ между прочимъ поручаетъ ему въ Вязьмѣ развѣдать, не пріѣзжалъ кто изъ Смоленска „съ тою болѣстью, что болячки мечутся, а словетъ Французскою". Извѣстно, что эта язва, послѣ открытія Америки, тогда быстро распространялась по Европѣ.

Герберштейнъ, посолъ императора Максимильяна къ преемнику Ивана III, лично не видавшій сего послѣдняго, но много о немъ слышавшій при Московскомъ дворѣ, сообщаетъ, что Иванъ Васильевичъ имѣлъ такой грозный взглядъ, отъ котораго женщины падали въ обморокъ; что къ нему не было доступа бѣднымъ людямъ, обиженнымъ сильными; что онъ за обѣдомъ часто напивался и засыпалъ; тогда присутствующіе бояре отъ страху сидѣли молча, пока хозяинъ, проснувшись и протеревъ глаза, развеселялся и начиналъ шутить съ гостями. Въ военныхъ походахъ будто бы онъ участвовалъ только однажды, при завоеваніи Новгорода и Твери; поэтому его сватъ молдавскій господарь Стефанъ говаривалъ: „Іоаннъ, сидя дома въ покоѣ, увеличиваетъ свое царство, а я, ежедневно сражаясь, едва могу оборонить свои границы". Подобные отзывы, передаваемые Герберштейномъ со словъ недовольныхъ бояръ, очевидно преувеличены и пристрастны. Они относятся конечно къ послѣднему времени жизни Ивана III, когда разныя огорченія, борьба съ придворными и церковными партіями, старость и недуги сдѣлали его болѣе суровымъ и болѣе домосѣдомъ. Мы хорошо знаемъ, что въ первую половину своего княженія, напротивъ, онъ участвовалъ во многихъ походахъ и вообще велъ очень подвижную жизнь, о которой только что привели свидѣтельство очевидца. Между прочимъ любопытны извѣстія лѣтописей о томъ, что Иванъ Васильевичъ самъ участвовалъ въ тушеніи пожаровъ, этомъ обычномъ бѣдствіи того времени. Такъ на большомъ Московскомъ пожарѣ 1472 года „самъ великій князь много пристоялъ на всѣхъ мѣстехъ ганяючи съ многими дѣтьми боярскими, гасяща и разметывающи". Спустя восемь лѣтъ, опять читаемъ по поводу пожара въ Московскомъ кремлѣ: „едва самъ князь великій со многими людьми переметали и угасили".

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Иванъ III отказалъ великое княженіе сыну Гавріилу — Василію со всѣми наиболѣе значительными городами. По старому обычаю и остальные четыре сына его (Юрій, Димитрій, Симеонъ и Андрей) также получили разные города и волости въ удѣльное владѣніе; но всѣ ихъ удѣлы, вмѣстѣ взятые, не равнялись и половинѣ земель великаго князя. Они обязываются по-

виновеніемъ старшему брату, а въ ихъ удѣльныхъ правахъ видимъ дальнѣйшія ограниченія; напримѣръ: они лишены права бить монету, которое принадлежитъ исключительно великому князю; судъ надъ душегубствомъ и нѣкоторыми другими важнѣйшими преступленіями, случившимися въ ихъ удѣлахъ, идетъ на докладъ къ намѣстникамъ великаго князя; если удѣльный князь не оставитъ послѣ себя мужского потомства, то весь его удѣлъ переходитъ къ великому князю. Мало того, еще при жизни Ивана III сынъ его Юрій, слѣдующій за Василіемъ, заключилъ съ послѣднимъ договоръ, по которому обязался держать его великое княженіе „честно и грозно безъ обиды", въ случаѣ же его смерти признать великимъ княземъ и братомъ старшимъ его будущаго сына, а своего племянника. Такими духовными и договорными грамотами очевидно Иванъ III старался предупредить всякое нарушеніе прямого престолонаслѣдія и всякую возможность будущихъ междоусобій въ своемъ семействѣ. Но уже совершившіеся при немъ успѣхи Московскаго самодержавія и вся сила сложившихся обстоятельствъ дѣлали эти старанія почти излишними.

На одной договорной грамотѣ Ивана III, относящейся къ послѣднему десятилѣтію его княженія, находимъ привѣшенную большую печать: на передней сторонѣ ея видимъ впервые изображеніе двухглаваго орла съ распростертыми крыльями и коронами на головахъ, а на другой сторонѣ всадника, копьемъ поражающаго дракона; кругомъ подпись: „Іоаннъ Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій и Новогородскій и Псковскій и Тверской и Угорскій и Вятскій и Пермьскій и Болгарскій".

Въ 1505 году 27 октября скончался Иванъ (по другому имени Тимоѳей) Васильевичъ, 66 лѣтъ отъ роду, бывъ на великомъ княженіи послѣ отца около 44 лѣтъ. Передъ смертью онъ собралъ дѣтей и бояръ и велѣлъ громко читать свою духовную; въ то же время велѣлъ освободить многихъ заключенныхъ въ темницахъ и между ними должниковъ выкупить на счетъ своей казны. Принявъ таинства причащенія и соборованія елеемъ, онъ однако отказался отъ обычнаго тогда передъ смертію иноческаго постриженія, къ которому склонялъ его митрополитъ Симонъ. Вѣроятно онъ желалъ умереть государемъ, а не монахомъ. Его погребли въ Архангельскомъ соборѣ, который только что начали перестраивать.

Иванъ III является самымъ крупнымъ изъ собирателей Восточной Руси и почти завершителемъ ея собиранія. Только часть Рязанской земли еще сохраняла своего особаго князя, но уже вполнѣ зависи-

маго отъ Москвы. Во Псковѣ хотя продолжалось народное вѣче, но этотъ городъ съ своею областью находился въ рукахъ московскихъ намѣстниковъ, и вѣче ничего важнаго не могло рѣшить безъ согласія Москвы. Иванъ III уже въ своемъ титулѣ именовалъ себя „Псковскимъ", а въ духовной грамотѣ назначилъ сыну Василію Псковъ наряду съ Новгородомъ, Тверью, Владиміромъ и пр. Его объединительная политика простиралась не на одну Сѣверовосточную Россію, но также и Югозападную. Онъ успѣлъ отвоевать Сѣверскій край и часть Смоленскаго. А изъ Литовскихъ сношеній узнаемъ, что, древнее средоточіе Руси, Кіевская область была также близка его сердцу и онъ со вниманіемъ слѣдилъ за ея судьбами. Имъ, такъ сказать, уже была намѣчена политика его преемниковъ съ этой стороны. Въ то же время Иванъ III представляется намъ начинателемъ слѣдующаго Московско-Царскаго періода Русской исторіи, основателемъ того истинно государственнаго строя, которому отнынѣ подчинилась вся Русская земля и которому она обязана своимъ послѣдующимъ величіемъ (въ сношеніяхъ съ иностранцами онъ уже нерѣдко пользуется титуломъ *царскимъ*). Суровый, деспотичный, крайне осторожный и вообще мало привлекательный характеръ этого перваго Московскаго царя, сложившійся еще подъ тяжелыми впечатлѣніями потерявшихъ смыслъ княжескихъ междоусобій и постыднаго варварскаго ига, не можетъ умалить его необычайнаго государственнаго ума и великихъ заслугъ въ глазахъ историка. И если, отъ Владиміра Св. до Петра I, кто изъ русскихъ государей достоинъ наименованія *Великаго*, то это именно Иванъ III (110).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

1. Всѣ помянутыя сказанія съ ихъ варіантами приведены Карамзинымъ (къ т. II, прим. 301), преимущественно по рукописямъ Синодальной библіотеки. О любовной связи Юрія съ женою Кучки говоритъ Татищевъ на основаніи какой-то раскольничей рукописи. (Истор. Росс. II, 300 и прим. 418). Имя Москва, по его толкованію, значитъ *крутящаяся*, *искривленная*. По другимъ толкованіямъ рѣка Москва прежде называлась *Смородиною*. Буслаева—„Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія“ (Лѣтоп. Русс. Литературы.—Изд. Тихонравова, т. IV). Далѣе: „Сказаніе о началѣ Москвы“ во Времен. Об. И. и Др. кн. II. Смѣсь. Это сказаніе (о помянутомъ убіеніи Даніила Александровича Кучковичами и построеніи Москвы братомъ его Андреемъ) сообщено Чертковымъ изъ одной поздней Новогородской лѣтописи. Бѣляевъ, на такомъ основаніи, въ примѣчаніи высказываетъ догадку о Москвѣ какъ Новогородской колоніи. Сію неосновательную догадку онъ потомъ развилъ въ особой статьѣ („Сказанія о началѣ Москвы“. Рус. Вѣстн. 1868 г. Мартъ), гдѣ Степанъ Кучка является уже Новогородскимъ земскимъ бояриномъ, поборникомъ старыхъ владѣльческихъ притязаній противъ усиливающейся княжей власти. Ту же догадку принялъ и Снѣгиревъ въ „Историч. и археологич. описаніи Москвы“. (Изданіе Мартынова. Т. I.). Разборъ сего изданія сдѣланъ Забѣлинымъ („Древности Москвы и ихъ изслѣдованія“. Вѣстн. Европы. 1867. Мартъ и іюнь). Въ Тверской лѣт. подъ 1156 г. находимъ такое извѣстіе: „князь великій Юрій Володимеровичъ заложи градъ Москву на устьи же Неглинны, выше рѣки Аузы“. Такъ какъ выше подъ 1147 г. лѣтопись уже упомянула о Москвѣ, то послѣднее извѣстіе можетъ быть истолковано въ смыслѣ расширенія или обновленія городскихъ стѣнъ. О Московской котловинѣ и положеніи Москвы, которой самою природою указано быть центромъ Руси, Рулье рѣчь „О животныхъ Московской губерніи“ (А. П. Богданова „Карлъ Францевичъ Рулье“. М. 1895. 113).

2. По извѣстію житія Даніила Александровича, помѣщенному въ Степенной книгѣ, онъ принялъ иноческій санъ и былъ погребенъ въ основанномъ имъ Даниловѣ монастырѣ и притомъ по собственному желанію не въ самой церкви, какъ обыкновенно погребались князья, а ради смиренія внѣ храма, посреди прочей усопшей монастырской братіи. Въ 1330 г. сынъ его Калита, построивъ каменный храмъ Спаса Преображенія на княжемъ дворѣ въ Московскомъ Кремлѣ и устроивъ при немъ монастырь, перевелъ сюда архи-

мандрита съ братіей изъ загородной Даниловой обители, и поручилъ ему вѣдать оба монастыря. Впослѣдствіи, по нерадѣнію Спасскихъ архимандритовъ, Данилова обитель запустѣла и отъ нея остался только храмъ Даніила Столпника; мѣсто его прозвалось сельцо Даниловское. Великій князь Иванъ III въ свою очередь перевелъ придворный монастырь за городъ на Крутицкую гору (Новоспасскій монастырь); а Спасъ Преображенія (т.-е. Спасъ на Бору) обратилъ въ мірской соборный храмъ и поручилъ его придворнымъ протоіереямъ. По сказанію того же житія, однажды Иванъ III, забавляясь охотою, проѣзжалъ мимо Даниловскаго. Подъ однимъ изъ его молодыхъ бояръ споткнулся конь, и онъ принужденъ былъ остановиться. Тутъ явился ему незнакомый мужъ и сказалъ, что онъ князь Даніилъ Московскій, погребенный на семъ мѣстѣ. Незнакомецъ велѣлъ передать великому князю Ивану: „ты всячески забавляешься, а меня предалъ забвенію“. Великій князь приказалъ пѣть панихиды и раздавать милостыни въ память о своемъ предкѣ. Но только послѣ еще нѣсколькихъ чудесныхъ знаменій, уже царь Иванъ Грозный велѣлъ соорудить здѣсь каменную церковь, поставить келліи, собрать братію, и такимъ образомъ возобновилъ Даниловскій общежительный монастырь. (Степ. кн. 380—383 стр.). А при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ въ 1652 г. гробъ князя Даніила перенесенъ внутрь храма.

Никонов. сводъ подъ 1303 г., говоря о кончинѣ Даніила Александровича, прибавилъ, будто онъ погребенъ на Москвѣ у Михаила Архангела. Карамзинъ (т. IV, пр. 189) повторяетъ это извѣстіе, ссылаясь еще на Троицкую лѣтопись. Доказательства противъ сего мнѣнія и ссылка на рукописн. источники приведены въ брошюрѣ архимандрита Амфилохія о князѣ Даніилѣ Александровичѣ и Даниловскомъ монастырѣ. М. 1866 г.

3. П. С. Р. Лѣт. Своды Лаврент. Ипат. Воскресен. Новогород. Четвертый, Троицкій (Карамз. IV, прим. 189 и 191). Никонов. Степен. кн. Татищевъ. Прекраснымъ пособіемъ для данной эпохи является добросовѣстный трудъ Борзаковскаго „Исторія Тверского княжества“. Спб. 1876.

4. Степен. Никонов. Татищевъ. Кипріаново распространенное житіе Петра въ Степен. книгѣ. А Прохорово краткое помѣщено въ Истор. Р. Церкви Макарія. Т. IV, приложеніе 3. Въ Никонов. заимствовано изъ Степен. книги. Объ игумнѣ Геронтіи и Переяславскомъ Соборѣ у Борзаковскаго въ Исторіи Твер. княжества. Приложеніе 2. Хотя извѣстіе о Соборѣ у Татищева занесено подъ 1313 г. (въ житіи безъ года), но и преосв. Макарій, и Борзаковкій основательно доказываютъ, что онъ не могъ быть позднѣе 1311 года: въ этомъ году игуменъ Прохоръ посвященъ Петромъ въ Ростовскаго епископа; а на соборѣ онъ участвовалъ какъ игуменъ (онъ же авторъ житія Петрова). Преосв. Филаретъ относитъ этотъ соборъ ко второй половинѣ 1310 года. („Русс. святые“. III. 578). Татищевъ говоритъ, будто къ ереси новогородскаго протопопа присталъ епископъ Андрей и что самый соборъ былъ собранъ

для обличенія этой ереси. Онъ же указываетъ на дѣятельное участіе въ немъ князя Ивана Даниловича въ пользу митрополита Петра. См. также Карпова „Св. Петръ митрополитъ" (Очерки изъ Исторіи Рос. церковной іерархіи въ Чт. Об. И. и Др. 1864. Кн. 3) и Григоровича „Историч. Изслѣд. о Соборахъ, бывшихъ въ Россіи". Лѣтопись Археографич. Комиссіи. Вып. 2-й. Спб. 1869. Далѣе, проф. Павлова о началѣ Галицкой и Литовской митрополіи. („Рус. Обозрѣніе. 1894. Май) и церковно-историческое изслѣдованіе Тихомірова „Галицкая митрополія". (Рус. Бесѣда. 1895. Май—Октябрь).

По поводу объѣздовъ русскихъ областей Петромъ митрополитомъ лѣтописи приводятъ слѣдующее любопытное извѣстіе о междоусобіи въ Брянской области, въ которой около того времени водворился родъ князей Смоленскихъ. Святославъ Глѣбовичъ (вѣроятно тотъ самый, у котораго Юрій Даниловичъ Московскій отнялъ Можайскъ) выгналъ племянника своего Василія Александровича изъ Брянска и сѣлъ на его мѣсто (1309). Въ слѣдующемъ году Василій пришелъ на дядю съ татарскою ратью. Въ Брянскѣ поднялось большое народное волненіе. Въ это время въ городѣ случился Петръ митрополитъ. Онъ совѣтовалъ Святославу подѣлиться волостью съ племянникомъ или совсѣмъ оставить городъ и не вступать въ битву. Но князь, надѣясь на преданность къ себѣ гражданъ, не послушалъ совѣта, и выступилъ изъ города противъ племянника. Въ происшедшей битвѣ Брянцы измѣнили Святославу и, побросавъ стяги, обратили тылъ передъ Татарами. Мужественный Святославъ продолжалъ сражаться только съ однимъ своимъ *дворомъ*, т.-е. съ собственною небольшою дружиною, и палъ въ этой битвѣ. Татары ворвались въ городъ и по обычаю предались грабежу. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви, и пробылъ тамъ, пока миновала опасность. Кн. Василій Брянскій не ограничился тѣмъ; въ томъ же 1310 году онъ со своими союзниками Татарами ходилъ на сосѣдній Карачевъ, и убилъ его князя Святослава Мстиславича (внукъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго). Въ 1314 году Василій Брянскій умеръ. Ему наслѣдовалъ братъ его Димитрій. А потомъ встрѣчается въ Брянскѣ княземъ Глѣбъ Святославичъ, вѣроятно двоюродный его братъ, сынъ помянутаго Святослава Глѣбовича. (Воскресен. Никонов. Татищевъ).

5. Хаммеръ Пургсталя Geschichte der Goldenen Horde. Григорьева „О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ русскому духовенству". М. 1842. Ярлыкъ Узбека митрополиту Петру см. въ С. Г. Г. и Д. П. № 7. Русскій всадникъ, думавшій получить награду отъ хана Тохты, принесши ему голову его врага Ногая, былъ казненъ по приказу хана за то, что, будучи простолюдиномъ, осмѣлился убить такого знатнаго человѣка (Тизенгаузена „Сборникъ къ исторіи Золотой Орды". 114,160).

6. Лѣт. Новогород. Софійск. Тверск. Воскресен. Никонов. Степен. Татищевъ. Вошедшее въ лѣтописные своды сказаніе о пребываніи Михаила Тверского въ Ордѣ и его мученической кончинѣ сочинено повидимому современникомъ событія со словъ одного изъ священниковъ, сопровождавшихъ

князя въ Орду. См. о томъ же: Соколова „Св. князь Михаилъ Тверской". Тверь. 1864. Борзаковскаго „Исторія Тверского Княжества". Ключевскаго „Древне-русскія житія святыхъ". М. 1871 (71 стр.). Литература вопроса о причисленіи къ святымъ и мощахъ Анны Кашинской приведена у Борзаков. въ прим. 523.

О развалинахъ города Маджаръ см. въ Бишинговомъ магазинѣ V. 533. Въ путешествіяхъ Гильденштеда (II, 27) и Палласа (I. 264). Положеніе Бездежа доселѣ въ точности неизвѣстно. Карамзинъ полагалъ его на рукавѣ Волги близъ Енотаевска (къ т. IV прим. 238). Г. Милюковъ сближаетъ его съ Биштагомъ Ибнъ-Батуты или съ Пятигорскомъ (Его рефератъ, читанный въ Моск. Археологич. Общ.). Это названіе не единичное: *Бездежъ* какъ названіе села (нынѣ мѣстечка Кобрин. уѣзда) встрѣчается въ XVI вѣкѣ («Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ» (Вильна. 1884. 122—124. Бобровскаго «Гродне. губ.» II. 1056).

Городъ Тверь, значительно распространенный и обстроенный Михаиломъ, неоднократно опустошенъ былъ въ его время пожарами. Любопытно лѣтописное извѣстіе о пожарѣ 1298 года. „На святой недѣлѣ въ субботу, на ночь свитающи недѣли Ѳоминѣ въ городѣ (т.-е. въ кремлѣ) на Твери, зажжеся дворъ княжь. Сеже чудо бысть како заступи Богъ князя: колико людей въ сѣнехъ спяще не очутили, ни сторожеве, но самъ князь съ княгинею, очутивъ огнь, изиде вонъ со княгинею, и не успѣ ничего вымчати; и тако погорѣ не мало имѣнія, золота и серебра, оружія, портъ". (Лавр. Воскрес. Никон. 1).

Отъ княженія Михаила Ярославича дошелъ до насъ цѣлый рядъ его договорныхъ грамотъ съ Новгородомъ Великимъ, числомъ до десяти. См. Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I. №№ 4—14.

7. Соф. Воскр. Никон. Твер. Новогород. Псков. Татищ. Относительно избіенія Шевкала съ Татарами поводъ къ мятежу (т.-е. случай съ кобылою) сообщаетъ Тверская лѣтопись; тогда какъ другія разсказываютъ, будто самъ Александръ поднялъ и повелъ народъ на Татаръ; что не совсѣмъ вѣроятно. Наиболѣе обстоятельное извѣстіе объ убіеніи Александра въ Ордѣ также находимъ въ Тверск. лѣтописи.

8. Соф. Воскр. Никон. Степен. Татищевъ. Двѣ духовныя Калиты въ Соб. Г. Г. и Д. I. №№ 21 и 22. Г. Полежаевъ время второй грамоты относитъ къ 1331 году. („Московское княжество въ первой половинѣ XIV в." Спб. 1878). Отъ Ивана Калиты дошли до насъ еще двѣ маловажныя грамоты: одна, данная вмѣстѣ съ Новогородскими посадникомъ и тысяцкимъ на Двину, предоставляетъ „Печерскую сторону" въ вѣдѣніе какого то Михаила, а другая освобождаетъ печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей. (Акты Ар. Экс. I №№ 2 и 3). Во второй грамотѣ Иванъ Даниловичъ называетъ себя „князь великій всея Руси". О покупкѣ Калитою городовъ Углича, Бѣлозерска и Галича упоминается въ завѣщаніи Димитрія Донского;

если мы и послѣ того встрѣчаемъ въ тѣхъ городахъ туземныхъ князей, то Соловьевъ съ вѣроятностью объясняетъ это тѣмъ, что Калита при покупкѣ оставилъ имъ часть владѣтельныхъ правъ (Ист. Рос. III, прим. 417). „Събрателемъ Русской земли" Калита названъ въ Словѣ о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго (Воскр. лѣт.). О прозваніи Ивана *Калитою* см. у Карамз. къ т. IV прим. 321. Бестужевъ-Рюминъ справедливо сомнѣвается въ толкованіи Карамзина, что Иванъ носилъ при себѣ мѣшокъ съ деньгами для раздачи бѣднымъ; скорѣе прозваніе Калитой употреблено въ переносномъ смыслѣ, т.-е. означаетъ, что онъ копилъ деньги. Рус. Ист. I. 393. Однако древнерус. книжное сказаніе принимаетъ это прозваніе въ благотворит. смыслѣ: „бѣ бо милостивъ зѣло и ношаше при поясѣ калиту всегда насыпану сребреницъ и кудѣ шествуя даяше нищимъ сколько выметсяˮ (Веселовскаго „Разысканія въ области рус. духовнаго стиха". Сборн. Акад. Наукъ. XLVI. 104). Что „калитой" назывался большой кошелекъ, носимый на поясѣ, на это ясно указываетъ также и Духовная грамота Димитрія Донского, въ которой упоминается „поясъ золотъ съ калитою, да съ тузлуки".

Сбивчивое извѣстіе о пріѣздѣ къ Ивану боярина Родіона Нестеровича у Карамзина т. IV, прим. 324. По этому сказанію бояринъ Акинфъ изображается мѣстникомъ Родіона, отъѣхавшимъ изъ Москвы въ Тверь. Но по Никонов. лѣтописи онъ былъ во главѣ тѣхъ бояръ великаго князя Андрея Александровича Городецкаго, которые послѣ его смерти отъѣхали прямо въ Тверь, желая конечно служить его преемнику на великомъ княженіи Михаилу Ярославичу. Неправдоподобное столкновеніе Акинѳа съ Родіономъ см. у Маркевича «О мѣстничествѣ». Кіевъ. 1879. Ч. I, стр. 175—178. Объ утѣсненіи Ростова Василіемъ Кочевою и Миняемъ говорится въ житіи св. Сергія. (Никон. лѣт.). Объ основаніи Успенскаго собора въ житіи св. Петра. Изъ пособій для исторіи главныхъ кремлевскихъ храмовъ Москвы укажу: «Путеводитель къ святынѣ и достопамятностямъ Москвы»—архимандрита Іосифа. Изданіе пятое. М. 1878. «Историч. Описаніе Москов. Успенскаго собора». М. 1880. «Московскій Архангельскій соборъ» — протоіерея Лебедева. М. 1880 г. Сей послѣдній въ концѣ своей книги отстаиваетъ извѣстія о первоначальномъ погребеніи въ Архангельскомъ соборѣ Московскихъ князей Даніила Александровича и сына его Юрія. Относительно перваго выше мы замѣтили о несостоятельности такого мнѣнія. Но относительно втораго князя едва ли можетъ быть сомнѣніе: извѣстіе о его погребеніи въ лѣтописяхъ (Никонов. и Воскресен.) отличается такою точностію и такими подробностями, которыя не могли быть выдуманы. «Положили его въ церкви Архангела Михаила на десной странѣ: бѣ же на погребеніи его митрополитъ Петръ и архіепископъ новгородскій Моисей и ростовскій владыка Прохоръ, и рязанскій владыка Григорей, и тверской владыка Варсунофій; погребенъ же бысть въ первую суботу святаго поста». Заслуживаетъ вниманія еще извѣ-

стіе этихъ лѣтописей о томъ, что тѣло замученнаго въ Ордѣ Михаила Ярославича Тверскаго, будучи привезено въ Москву, въ 1319 г. погребено было «въ церкви Святаго Спаса *въ монастырѣ*». Это противорѣчитъ извѣстію тѣхъ же лѣтописей и Степенной книги, по которому, какъ мы видѣли, устроеніе придворнаго Спасопреображенскаго монастыря принадлежало Ивану Калитѣ, въ 1330 году. Такое противорѣчіе стараются объяснить тѣмъ, что Калита построилъ каменную церковь Спаса и только перевелъ сюда изъ Данилова архимандрію, а что монастырь существовалъ и прежде при Спасскомъ деревянномъ храмѣ (см. «Новоспасскій монастырь» архим. Аполлоса. М. 1843).

Очень можетъ быть, что Смоленскій походъ 1340 года находился въ связи съ враждебными отношеніями Брянскихъ князей къ своимъ родичамъ князьямъ Смоленскимъ. Вражда, конечно, происходила изъ-за волостей, и Брянскіе князья вмѣшивали въ нее Татаръ. Такъ, въ 1333 году Брянскій князь Димитрій вмѣстѣ съ Татарами ходилъ на того же Смоленскаго князя Ивана Александровича, своего родного или двоюроднаго брата, и послѣ нѣсколькихъ битвъ заключилъ съ нимъ миръ (Никон.). Во время Смоленскаго похода 1340 года княземъ Брянскимъ является двоюродный братъ Ивана Александровича Глѣбъ Святославичъ. Вслѣдъ за этимъ неудачнымъ походомъ, 6 декабря того же года, т.-е. въ самый Николинъ день, Брянцы («злые крамольники» по выраженію лѣтописи) сошлись вѣчемъ; вывели своего князя Глѣба изъ церкви св. Николы и убили. (Воскр. Никон. Новгород. IV-я, Тверск.). Во время этого событія въ Брянскѣ случился митрополитъ Ѳеогностъ, но не могъ укротить мятежниковъ (какъ тридцать лѣтъ назадъ митрополитъ Петръ въ подобномъ же случаѣ). Къ мятежу вѣроятно возбуждалъ Брянцевъ кто-либо изъ родственниковъ Глѣба, домогавшійся его удѣла. Ожесточенная борьба изъ-за волостей между князьями Восточной Руси и огрубѣніе нравовъ подъ варварскимъ игомъ проявились въ ту эпоху неоднократными убійствами родственниковъ. Такъ, въ предыдущемъ году Козельскій князь Андрей Мстиславичъ былъ убитъ своимъ племянникомъ Василіемъ Пантелеевичемъ. А въ томъ же 1340 году Рязанскій князь Иванъ Коротополъ, возвращаясь изъ Орды, встрѣтилъ дорогою своего двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскаго, который отправлялся съ выходомъ въ Орду. Коротополъ схватилъ его, ограбилъ, привелъ плѣнникомъ въ свою столицу, и тамъ велѣлъ убить. Этотъ случай сверхъ того представляетъ намъ обычный въ тѣ времена примѣръ перехватыванія на дорогѣ князей, отправлявшихся въ Орду, ихъ соперниками. Лѣтописи нерѣдко сообщаютъ извѣстія о подобныхъ случаяхъ. Такъ, въ 1304 г., когда Юрій Московскій и Михаилъ Тверской спѣшили въ Орду хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе по смерти Андрея Городецкаго, то Юрія Тверичи хотѣли перехватить на дорогѣ въ Суздалѣ; но онъ успѣлъ пройти въ Орду другимъ путемъ. Затѣмъ, когда въ 1324 году тотъ же Юрій Московскій изъ Новгорода от-

правился въ Золотую Орду, и повидимому съ выходомъ, то на рѣкѣ Урдомѣ (Ярослав. области) его перехватилъ Александръ Михайловичъ, братъ Димитрія Тверского, получившаго тогда ярлыкъ на великое княженіе; у Юрія была отнята его казна, и самъ онъ едва спасся бѣгствомъ (въ Псковъ). Калита посылалъ однажды перехватить на дорогѣ въ Орду своего непокорнаго зятя Василія Давыдовича Грозныя Очи; но Ярославскій князь отбился отъ московскаго отряда, состоявшаго изъ 500 человѣкъ, и благополучно съѣздилъ къ хану Узбеку. Соловьевъ правдоподобно объясняетъ такіе случаи тѣмъ, что старшіе князья «хотѣли одни знать Орду, т.-е. собирать дань и отвозить ее къ хану» (Ист. Рос. Ш. 296. Трет. изд.). Кромѣ того не пустить въ Орду соперника значило помѣшать ему повернуть милость хана на свою сторону и получить ярлыкъ на какой-либо старшій столъ. Но любопытно, что Узбекъ, повидимому, сквозь пальцы смотрѣлъ на подобные случаи. Великіе князья старались также мѣшать непосредственнымъ политическимъ сношеніямъ Новгорода съ Золотой Ордой; такъ, Михаилъ Ярославичъ Тверской, въ то время великій князь Владимірскій, въ 1316 г. перехватилъ на дорогѣ новгородское посольство, отправлявшееся къ Узбеку.

9. Geschichte der Goldenen Horde — von Hammer. Карамзинъ къ т. IV, прим. 334. Письма папы Венедикта XII къ Узбеку, его женѣ Тайдулѣ и сыну Джанибеку въ 1340 г. (Записки Одес. Об. Ист. и Др. V). Извлеченіе изъ Ибнъ Батуты сдѣлано мною по англійскому переводу краткой редакціи: The Travels of Ibn Batuta. By Samuel Lee. London. 1829. Русскій переводъ путешествія Ибнъ Батуты въ Золотую Орду, сдѣланный г. Тизенгаузеномъ по Парижскому полному изданію Дефремери, вышелъ въ 1884 г. («Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды»). По Ибнъ Батуту старшая и самая любимая жена Узбека называлась Тайтуглы (Тайдула), отличавшаяся скупостью. По замѣчанію Эломари, жены золотоордынскихъ хановъ участвуютъ въ управленіи (Ibid., т.-е. у Тизенгаузена, 229). Этимъ и объясняется участіе ханшъ въ судьбѣ русскихъ князей и русскаго духовенства. См. также о средневѣковыхъ путешествіяхъ изъ Кюльба въ переводѣ Шемякина (Чт. О. И. и Д. 1864. III).

Упоминаемый Ибнъ Батутою городъ Укакъ или Укекъ, по изысканіямъ Френа, лежалъ на правомъ берегу Волги къ югу отъ Саратова, гдѣ теперь селеніе Увѣкъ. Опредѣленіе у Ибнъ Батуты разстоянія отъ Увѣка до Судака (слѣдовательно и до горъ Русскихъ) онъ считаетъ ошибочнымъ («О бывшемъ Монгольскомъ городѣ Укекѣ» въ Трудахъ Рос. Академіи. Ч. Ш. Спб. 1840). См. также у Ламанскаго „Славяне въ Азіи, Африкѣ и Испаніи“. Примѣчанія, стр. 89. О мѣстоположеніи, находкахъ монетъ и посуды въ развалинахъ Укека см. путевыя замѣтки П. А. Пономарева (Древ. и Нов. Россія. 1879. № 4). «Съ. юговостока». (Моск. Вѣд. 1888, № 137). Кн. Л. Л. Голицына и С. С. Краснодубровскаго «Доклады и нзслѣд. по археологіи и исторіи Укека». Саратовъ. 1891. Сообщеніе Духовникова, произво-

дившаго наблюденія на Увѣкѣ въ 1893 г. при проведеніи желѣзнаго полотна. (Археологическія Извѣстія и Замѣтки. Москва. 1894. № 5). Гордище *Увѣшино*, около Саратова, упоминается въ Книгѣ Большого Чертежа. стр. 51. А на стр. 55, около р. Манычa, упоминаются «*люди каменные болваны*, противъ тое соли, что емлютъ Азовцы». (Очевидно, это каменныя бабы). Относительно Сарая любопытна статья Кобеко «Къ вопросу о мѣстоположеніи Сарая» (Зап. Восточ. Отд. Археол. Общества. Т. IV. Вып. 3 и 4. Спб. 1890). На основаніи русскихъ источниковъ, онъ различаетъ два Сарая: Старый (Акъ-Сарай) въ Селитряномъ городкѣ въ 80 верстахъ отъ Астрахани, и Новый (Сараи Большіе) близъ Царева въ 400 верстахъ отъ Астрахани.

10. Лѣт. Воскресен. Никонов. Новогор. Псков. Софійск. Татищевъ. О странной причинѣ развода Симеона съ Евпраксіей и ея бракѣ съ княземъ Ѳоминскимъ упоминаетъ «Родословн. книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ». М. 1787. II. 207. Договорную грамоту Симеона съ братьями и его духовную см. въ С. Г. Г. и Д. №№ 23 и 24. Ярлыкъ царицы Тайдулы митрополиту Ѳеогносту о льготахъ русскому духовенству въ С. Г. Г. и Д. № 9. О запустѣніи Глухова и Бѣлозерска отъ Черной смерти говоритъ Никон. лѣт. О Черной смерти см. у Тизенгаузена въ помянутомъ «Сборникѣ» отрывки изъ Эйлани и ссылку на Кремера Ueber die grossen Seuchen des Orients nach arabischen Quellen. Wien. 1880 (стр. 529—531 Сборника).

11. «Исторія Рязанскаго княжества». Д. Иловайскаго. М. 1858. Тамъ же см. доказательства, что Олегъ Ивановичъ былъ сынъ не Ивана Коротопола, а Ивана Александровича.

12. «Исторія Тверского Княжества». В. Борзаковскаго. Спб. 1876. «Исторія Нижняго Новгорода до 1350 года» и «Нижегородское Великое Княжество». П. Мельникова въ Нижегород. губерн. Вѣд. 1847. №№ 2, 3, 4. Родоначальникомъ Суздальско-нижегородскихъ князей въ большей части родословныхъ названъ не сынъ, а братъ Александра Невскаго Андрей Суздальскій. Но ошибочность этого родословія удовлетворительно доказана въ Исторіи Соловьева. Ш. Стр. 283—284 (второго изданія). Только Василія, вопреки Никонов. лѣтописи, на основаніи родословныхъ, мы считаемъ не сыномъ Михаила Андреевича, а его братомъ, т.-е. не внукомъ Андрея Городецкаго, а его сыномъ. Слѣдовательно, Константинъ Васильевичъ приходился не правнукъ Андрею, а внукъ, что болѣе согласно и съ хронологіей.

13. Житіе Алексѣя митрополита, краткое въ П. С. Р. Л. (VIII. 26—28), и пространное въ Степен. книгѣ (I. 444); того же содержанія «Повѣсть о Алексѣѣ митрополитѣ всея Русіи» въ Никонов. лѣтоп. (IV. 55). Авторами перваго считается епископъ пермскій Питиримъ, а второго Пахомій Логоѳетъ; оба писали въ XV в. О другихъ житіяхъ Алексѣя, существующихъ въ рукописяхъ, см. Макарія «Исторія Рус. Церк.» т. IV. 33. Критическій разборъ Алексѣева житія, составленнаго Пахоміемъ, см. у Ключевскаго «Древнерусск. житія Святыхъ», 132 и далѣе. Въ названной сейчасъ книгѣ

преосв. Макарія приведены относящіяся къ этому времени константинопольскія патріаршія грамоты по изданію Миклошича и Миллера Acta Patriarchatus Constantinop. Vindob. 1860 — 1862. Изъ того же изданія эти акты проф. Павловымъ перепечатаны въ «Русской Историч. Библіотекѣ», изд. Археограф. коммиссіей. Т. VI. Спб. 1880 г. Ярлыкъ Алексѣю отъ царицы Тайдулы на свободный проѣздъ въ Царьградъ черезъ земли Ордынскія и ярлыкъ ему же отъ царя Бердибека въ подтвержденіе льготъ русскому духовенству, 1357 г. см. въ С. Г. Г. и Д. II. №№ 10 11. См. также Карпова «Св. Алексѣй Митрополитъ» (Очерки изъ ист. Рос. церк. іерархіи. Чт. Об. И. и Д. 1864 кн. 3). Проф. Васильевскаго «Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митр. Ѳеогностѣ въ Ватиканскомъ греч. сборникѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1888. 11). Выше упомянутыя монографіи проф. Павлова «О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи» и Тихомірова «Галицкая митрополія». Византійскій историкъ Никифоръ Григора (Lib. XXVIII) сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ: великій князь Семенъ Ивановичъ и другіе русскіе князья пожертвовали большую сумму на возстановленіе упавшей въ 1345 г. апсиды съ восточной стороны храма св. Софіи Цареградской. Профессоръ Голубинскій полагаетъ, что съ этимъ пожертвованіемъ находилось въ связи греческое соборное постановленіе объ отмѣнѣ особой Галицкой митрополіи. («Митрополитъ Ѳеогностъ». Богослов. Вѣстникъ. 1893. Февраль). Въ текстѣ настоящаго тома я исправляю ошибку перваго изданія относительно Тайдулы, которую наши историки, церковные и свѣтскіе, называли супругой Джанибека. Въ источникахъ, изданныхъ г. Тизенгаузеномъ, она вездѣ называется женою Узбека, матерью Джанибека. Да и помянутые ярлыки прямо не выдаютъ ее за жену Джанибека.

14. Двѣ духовныя грамоты Ивана Ивановича, относящіяся къ 1356 году и почти тождественныя по содержанію, см. въ С. Г. и Д. №№ 25 и 26. Къ грамотамъ этимъ привѣшена серебряная позолоченая печать. На одной ея сторонѣ подпись: «печать князя великаго Ивана Ивановича», а на другой сторонѣ, по обычаю того времени, оттиснуто изображеніе святого, котораго имя носилъ князь, съ надписью: «агіосъ іоанъ». Вопросу о возвышеніи Москвы и началѣ единодержавія кромѣ разсужденій, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Полевого, Погодина, Соловьева, Бѣляева, Костомарова и др., посвящены были особыя статьи: Станкевича «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы» (Учен. Зап. Моск. Универс. 1834) и Вешнякова «О причинахъ возвышенія Моск. княж.». Спб. 1851. Не совсѣмъ справедливо оспаривая мнѣнія Карамзина, Погодина, Соловьева и Станкевича, Вешняковъ сосредоточиваетъ причины этого возвышенія главнымъ образомъ на личности Московскихъ князей. О томъ же вопросѣ трактуютъ Полежаевъ въ гл. VII помянутой выше монографіи и Забѣлинъ въ Историч. Вѣстникѣ за 1881 г. №№ 2, 3 и 4. Въ сочиненіи Дьяконова «Власть Московскихъ государей» (Спб. 1889) XIV вѣкъ почти обойденъ.

15. Что новый княжескій домъ вышелъ изъ Айраголы, о томъ говоритъ лѣтопись Быховца, которая, не упоминая о Лютуверѣ, прямо переходитъ къ Витену, и заставляетъ послѣдняго возвыситься службою при дворѣ Тройдена (13—14 стр.). О Лютуверѣ какъ Литовскомъ князѣ упоминаетъ Прусская Хроника Дюсбурга, подъ 1291 г. (Ш. 323 стр. Франкфуртскаго изданія); это извѣстіе повторяютъ другіе прусско-нѣмецкіе лѣтописцы (Scriptores rer. Prussiar. I. 532 и III. 682) и Стрыйковскій (I. 267 изданіе 1846 г.). О Витенѣ какъ сынѣ Литовскаго князя говоритъ Дюсбургъ подъ 1292 г., а подъ 1296 называетъ Литовскимъ княземъ (rex) самого Витена. Но еще ранѣе Витенъ встрѣчается княземъ въ Полоцкѣ, судя по одной грамотѣ, гдѣ полоцкій епископъ Яковъ называетъ его своимъ «сыномъ», конечно, въ переносномъ смыслѣ. (Русско-Ливон. акты, 20 стр.). Можетъ-быть тотъ же Витенъ разумѣется въ ливонской грамотѣ 1290 года подъ именемъ Литовско-жмудскаго князя Бутегейда (ibid. 21 стр.). Что касается до Гедимина, то о его отношеніяхъ къ Витену существуетъ большое разногласіе у хронистовъ и позднѣйшихъ писателей. Лѣтопись Быховца (14) называетъ Гедимина сыномъ и преемникомъ Витена, который умеръ отъ громового удара; то же повторяютъ Стрыйковскій (I. 354) и Кояловичъ (Historia Lituaniae I. 244). Но у нѣмецко-прусскихъ хронистовъ XV вѣка явилось сказаніе о томъ, будто Гедиминъ былъ сначала конюшимъ у великаго князя, а потомъ въ заговорѣ съ его молодою женою убилъ великаго князя, Витена, и завладѣлъ его престоломъ (Annales Olivienses). Эта легенда перешла потомъ къ Длугошу (I. Lib. X. 60), Кромеру, Мѣховію, Бѣльскому, Гвагнини, Нарушевичу (Historia narodu Polskiego VIII. 138) и Фойгту (Geschichte Preussens IV. 314). Отъ польскихъ лѣтописцевъ то же сказаніе, но съ варіантами зашло въ нѣкоторые русскіе хронографы; на нихъ указываетъ Карамзинъ, который принялъ это сказаніе за фактъ (т. IV. 127, прим. 266. Изданіе 1842 г.). Къ тому же мнѣнію склонился Соловьевъ (Ш, изд. 2, 306, прим. 420—422). Но Нарбутъ и нѣкоторые другіе польскіе писатели (Ярошевичъ Obraz Litwy и Лелевель Histoire de la Lithuanie et de la Ruthenie) отвергли такое сказаніе какъ басню, и приняли извѣстіе Быховца. Нарбутъ справедливо указываетъ на то, что нѣмецко-прусскій хронистъ писалъ о Гедиминовой династіи подъ вліяніемъ вражды къ ней Прусско-Тевтонскаго ордена съ явнымъ желаніемъ унизить происхожденіе литовскихъ государей (Dzieje Narodu Litewskiego. IV. 456). Онъ ссылается при семъ на грамоту Гедимина къ папѣ Іоанну XXII, гдѣ Гедиминъ говоритъ о предшествующихъ литовскихъ князьяхъ какъ о своихъ предкахъ—progenitores nostri—; при чемъ о Витенѣ однако выражается просто: predecessor noster. (ibid. Dodatki, стр. 51). Этотъ вопросъ о происхожденіи Гедимина рѣшаетъ одна изъ грамотъ, изданныхъ Наперскимъ въ 1868 г. (Русско-Ливонскіе акты. N. LIII, стр. 31). Здѣсь магистратъ города Риги въ своей грамотѣ, писанной Гедимину въ 1323 г.,

называетъ Витена его *братомъ* и предшественникомъ: quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut Vithene bonae mimoriae frater vester et antecessor nobiscum habuit. На эту грамоту, какъ на рѣшающую вопросъ, указалъ профес. Никитскій («Кто такой былъ Гедиминъ» — Русс. Старина. 1871. Августъ). То же мнѣніе повторяетъ Антоновичъ въ своемъ первомъ выпускѣ «Очерка Исторіи Великаго княжества Литовскаго» (стр. 40, прим. 3). Такимъ образомъ извѣстіе хроники Быховца оказалось приблизительно вѣрно. Оно будетъ совершенно вѣрно, если окажется, что въ данномъ спискѣ помянутой грамоты не могла вкрасться описка: frater вм. pater. Пока мы имѣетъ для рѣшенія вопроса только одно это документальное свидѣтельство. Русскіе лѣтописные своды очевидно выражаются о Гедиминѣ не какъ объ узурпаторѣ, а какъ о законномъ литовскомъ государѣ. См. наприм. слова Воскресен. свода объ Ольгердѣ, гдѣ онъ сравнивается со своими предшественниками, отцомъ и дѣдомъ (П. С. Р. л. VII стр. 207). А выше та же лѣтопись (стр. 25 въ главѣ «Начало государей литовскихъ») прямо называетъ Гедимина сыномъ Витена. Поводомъ къ помянутой легендѣ о простомъ происхожденіи Гедимина могло послужить то же преданіе, которое Лѣтопись Быховца разсказываетъ о Витенесѣ, какъ о коморникѣ и маршалкѣ (конюшемъ) великаго князя Тройдена, только съ прибавленіемъ дальнѣйшаго романтическаго вымысла.

16. О бракахъ см. Никонов. III. 181. Тверская. 414. Latopisiec Litwy, изданн. Даниловичемъ. 27. Древняя Рус. Вивліоѳика. Изд. втор. XVI, стр. 168. Длугошъ, lib. X. Родословье Витебскихъ князей у Быховца, стр. 81. О Воинѣ какъ Полоцкомъ князѣ говорится въ рус. лѣтописяхъ: «Приходиша изъ Литвы къ Новгородъ послы: братъ великаго князя Гедымина Воиній полоцкій князь и князь Василій Минскій и Ѳедоръ Святославичъ (Воскресен. 199. Софійск. Перв. 217). Что касается до извѣстія Стрыйковскаго, будто Литва овладѣла Полоцкомъ въ 1307 году (I. 349) и будто дотолѣ онъ находился въ зависимости отъ Ливоніи, а только съ этого года Витенъ владѣлъ этимъ городомъ (Нарушевичъ VIII. 137), тому противорѣчитъ помянутая выше грамота (Рус.-Ливон. акты. 20 стр.).

Разсказъ о завоеваніи Кіева и Волыни Гедиминомъ и о великой битвѣ его съ соединеннымъ ополченіемъ южно-русскихъ князей на Ирпени въ 1320 г., приводимый такъ наз. Лѣтописью Быховца, составленною неранѣе XVI вѣка, и повторенный съ ея словъ Стрыйковскимъ и Густынскою лѣтописью, — этотъ разсказъ отсутствуетъ въ болѣе раннихъ источникахъ и оказывается однимъ изъ позднихъ и недостовѣрныхъ вымысловъ, какъ на это указывалъ еще Карамзинъ (IV. 129), а за нимъ повторили Стадницкій (Synowie Gedymina, II. 20), Зубрицкій — Исторія Галицко-Рус. княжества III, стр. 262 и далѣе; наконецъ подробно и основательно доказалъ проф. Антоновичъ въ своемъ «Очеркѣ Исторіи великаго княжества Литовскаго» стр. 52—65 (1878 г.). Но съ другой стороны, если Волынь безспорно въ

это время имѣла еще собственнаго князя изъ потомковъ Даніила Романовича, то относительно Кіева остается нѣкоторое сомнѣніе въ его полной независимости отъ Гедимина. Приведенный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1331 годомъ случай съ владыкою Новгородскимъ Василіемъ, котораго на пути изъ Волыни подъ Черниговымъ нагналъ кіевскій князь Ѳедоръ съ татарскимъ баскакомъ и хотѣлъ ограбить,— этотъ случай недостаточно объясняетъ дѣло. Правда, мы видимъ въ Кіевѣ удѣльнаго князя Ѳедора, дѣйствовавшаго въ товариществѣ съ татарскимъ баскакомъ; но въ то же время онъ вѣроятно дѣлалъ угодное Гедимину, преслѣдуя владыку Новгородскаго, который именно не поѣхалъ на Литву, чтобы не попасть въ руки враждебнаго ему великаго князя Литовскаго. (Кромѣ того, въ числѣ помянутыхъ выше Гедиминовыхъ пословъ, приходившихъ въ Новгородъ въ 1325 году, названъ Ѳедоръ Святославичъ на ряду съ князьями Полоцкимъ и Минскимъ. Не одно ли это лицо съ Ѳедоромъ, княземъ Кіевскимъ?). Кіевскій князь въ то время, повидимому, находился именно въ такомъ положеніи, что, признавая свою зависимость отъ Узбека, старался угождать и Гедимину, пока Кіевская земля не была окончательно отвоевана преемникомъ Гедимина у Татаръ. Соображенія о князѣ Ѳедорѣ и разборъ легенды о завоеваніи Кіева Гедиминомъ еще см. Грушевскаго «Очеркъ исторіи Кіевской земли» (Кіевъ. 1891. 467—484).

17. Относящіяся къ Ливонскимъ дѣламъ грамоты у Наперскаго «Русско-Ливонскіе акты» стр. 30—50. Отчетъ пословъ о помянутой аудіенціи у Гедимина, ibid. стр. 42. Затѣмъ Даниловича Skarbiec, стр. 139—140. 147, 153—165. Длугошъ, Дюсбургъ, Вигандъ, Германа де Вартберга Chronicon Livoniae. См. также Васильевскаго «Обращеніе Гедимина въ католичество» (Жур. М. Н. Пр. 1872. Февраль) и Антоновича «Очеркъ Исторіи в. кн. Лит.»

18. Преданіе объ основаніи Вильны въ хроникѣ Быховца 16—17; оно повторяется съ нѣкоторыми украшеніями у Стрыйковскаго I. 369—373 и Кояловича I. 262—65. «Очеркъ Исторіи города Вильны» — Васильевскаго (Памятники Рус. Старины. Изд. Батюшковымъ. Вып. V). Что Гедиминъ не самъ видѣлъ извѣстный сонъ, а слышалъ его отъ Лиздейка, о томъ сообщаетъ загадочный дневникъ посольства графа Кибурга (Зап. Новорос. Универ. Т. II, стр. 13). О Маргерѣ и замкѣ Пиллене см. у Фойгта. Geschichte Preussens IV. 535. Годъ Гедиминовой смерти невѣрно отнесенъ у Длугоша къ 1337 г., у Стрыйковскаго и Кояловича къ 1328, у Виганда къ 1337. Въ 1338 г. Гедиминъ заключилъ новый договоръ съ Ригою и Ливон. Орденомъ (Русско-Ливон. акты. 68). Мы принимаемъ указаніе Русскихъ лѣтописей, Никоновской (III. 174) и Воскресенской (207), и Лѣтописи, изданной Даниловичемъ (164), изъ которыхъ первая относитъ смерть Гедимина къ 1340 году, а вторая и третья еще съ большею достовѣрностію къ 1341 г.

19. О переворотѣ въ пользу Ольгерда и посаженіи его въ Вильнѣ см.

Лѣтопись издан. Даниловичемъ стр. 29. Густын. лѣт. 350. Кояловичъ I 282. (Иначе въ Воскр. лѣт. П. С. Р. Л. VII. 254). О характерѣ и подробностяхъ борьбы Кейстута съ Нѣмцами у Крашевскаго во второй части его Litwy, у Стадницкаго Olgierd i Kjestut (Lwów. 1870), Oddzial Ш. и Антоновича Оч. ист. Вел. кн. Лит. стр. 112—125. Два послѣдніе со ссылками преимущественно на орденскихъ лѣтописцевъ Германа Вартберга, Виганда Марбургскаго, Іоанна Посильге, Hochmeisterchronik и пр. (Script. rer. Prussic). О Бирутѣ у Быховца, 17—18, и Стрыйковскаго, II. 44. Крашевскаго Litwa. II. 282. Въ разсказѣ о плѣнѣ и бѣгствѣ Кейстута изъ Маріенбурга я слѣдую преимущественно Виганду (Scriptores rerum Prussikarum. T. II). См. также Нарбута Dzieje narodu Litewskiego. T. V.

20. Объ отношеніяхъ новгородскихъ, псковскихъ, смоленскихъ и сѣверскихъ см. лѣтописи Новгородскія, Псковскія, Воскресен. Софійск. Никоновскую. О распредѣленіи Чернигово-сѣверскихъ удѣловъ между сыновьями Ольгерда см. Антоновича стр. 135, со ссылкою на помянникъ Антоніева Любечскаго монастыря. Только переходъ большинства мелкихъ удѣловъ земли Вятичей подъ владычество Литвы (стр. 134) мнѣ кажется слишкомъ рано относить ко времени Ольгерда. Изслѣд. *Р. Зотова*: „О Черниговскихъ князьяхъ по Любецк. синодику и Черниговскомъ княжествѣ въ Татарское время". 1892. Любец. Синодикъ издан. въ Чт. О. И. и Д. 1871. кн. 2. Голубовского „Исторія Смоленской земли до начала XV ст." Кіевъ. 1895.

21. Лѣтописи издан. Быховцемъ и Даниловичемъ, Густынская, Никоновская, Стрыйковскій. Важное пособіе представляетъ сочиненіе Стадницкаго Synowie Gedymina. Monwid-Narumunt, Jewnuta и Koriat (Львовъ. 1881), гдѣ разсмотрѣны свидѣтельства о завоеваніи Подолья и о князьяхъ Коріатовичахъ. Грушевскаго „Очеркъ ист. Кіев. земли" (соображенія о присоединеніи Кіева стр. 485—497). Вольфа—Ród Gedimina. Kraków. 1886. Далѣе, Молчановскаго „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года". Кіевъ. 1885. Въ главѣ XII онъ разбираетъ извѣстія о завоеваніи Подолья Ольгердомъ и сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о четырехъ братьяхъ: Юріи, Константинѣ, Александрѣ и Өедорѣ. Но напрасно онъ настаиваетъ на полной при нихъ самостоятельности Подольской земли, и отрицаетъ притязанія польскаго короля Казиміра на Подолье, какъ часть завоеванной имъ Волыни. Имъ же приводимые факты доказываютъ, что земля эта уже тогда была спорною между Польшею и Литвою и признавала то ту, то другую зависимость, смотря по ходу ихъ борьбы за Галицко-Волынск. наслѣдство. О томъ же предметѣ, т.-е. о Подольѣ, см. Дашкевича „Замѣтки по Исторіи Литовско-Русскаго государства" 74—89.

22. Извѣстіе о смерти Андрея и Льва Георгіевичей заключается въ письмѣ Владислава Локетка 1324 года къ папѣ Іоанну XXII, помѣщенномъ въ Annal. Eccles. у Райнальда, у Нарушевича т. VI, и въ извлеченіи у Карамзина къ т. IV прим. 275. Дружественная грамота этихъ двухъ князей къ

прусскому магистру Карлу Бефорту отъ 1306 года, писанная во Владимірѣ, хранится въ Кенигсбергскомъ архивѣ. Она напечатана у Карамз. въ прим. 268 къ IV т. Льготная грамота Андрея Георгіевича, данная во Владимірѣ Волынскомъ Торунскимъ купцамъ въ 1320 г., помѣщена въ Supplem. ad. historica Russiae monumenta, стр. 126. Четыре дружественныя грамоты Юрія II къ прусскимъ магистрамъ, съ привѣшенными къ нимъ княжескою и боярскими восковыми печатями, хранились также въ Кенигсберг. архивѣ. Онѣ въ извлеченіи, а четвертая (отъ 1335 г., въ которой Юрій называетъ себя Die gratia dux totius Russiae Minoris) вполнѣ приведены Карамзинымъ въ прим. 276 къ т. IV; что повторено и у Зубрицкаго въ „Исторіи Галицко-Русскаго княжества“ III, стр. 249—254. У Фойгта Codex dipl. Pruss. III. См. также содержаніе грамотъ у Даниловича Scarbiec diplomatów (Wilno. 1860) I. стр. 145, 162, 163, 168, 173, 174. О насильственной смерти Болеслава Тройденовича повѣствуютъ Длугошъ и швейцарская Chronica Vitodurana; о послѣдней см. у Стадницкаго Synowie Gedymina. Т. II. Lwów. 1855, стр. 11 и 13, прим. 27. Пособія для этой эпохи, кромѣ Стадницкаго, это: Зубрицкаго „Исторія Галицк.-Русс. княжества“. Львовъ. 1852— 1855 гг. Т. III, и его же „Критико-Историческая повѣсть Червонной Руси“, а также Шараневича „Исторія Галицко-Володимірской Руси“. Львовъ. 1863. Смирнова „Судьбы Червонной или Галицкой Руси“. 1860. Каро-Geschichte Polens. II.

По отношенію къ Юрію II и Болеславу Тройденовичу въ первомъ изданіи второго тома *Исторіи Россіи* я еще держался прежняго, Карамзинскаго, мнѣнія объ ихъ раздѣльности. Но почти одновременно съ этимъ томомъ (немного ранѣе) появилось изслѣдованіе чешскаго ученаго Ржежабека „Юрій II, послѣдній князь всей Малой Руси“ (Časopis Musea Královstvi Českého. 1883. I—III), гдѣ онъ доказываетъ тожество Юрія II и Болеслава Тройденовича. И прежде высказывалась эта мысль, наприм. польскимъ ученымъ Бѣлевскимъ („Monum. Pol. II“. 620) и потомъ Рейфенкугелемъ въ его „Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien Halicz und Wladimir“ (Archiv für Oester. Gesch. 1875. 52. Bd.). Но всего полнѣе и основательнѣе доказано означенное тожество Ржежабекомъ. Мнѣніе его немедленно нашло послѣдователей между русскими учеными. Таковы: Линниченко—„Замѣчанія на статьи Ржежабека“ (Учен. Зап. Акад. Наукъ 1885 года. Тамъ же помѣщенъ и его переводъ изслѣдованія Ржежабека. Но любопытно, что ни переводъ, ни рецензія доселѣ не вышли въ свѣтъ, и послѣдняя обязательно сообщена мнѣ авторомъ въ оттискѣ. Онъ, между прочимъ, указалъ на статью Рейфенкугеля, повидимому, оставшуюся неизвѣстною Ржежабеку), Дашкевичъ—„Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства“ (Кіевъ. 1884), Лонгиновъ—„Грамоты малорусскаго князя Юрія II и вкладная запись кн. Юрія Холмскаго“ (Чт. Об. И. и Д. 1887. II) и Филевичъ—„Борьба Польши и Литвы-Руси за Галиц.-Влад. наслѣдіе“. Прежняго мнѣнія объ отдѣльности Юрія и Болеслава держатся: Андріяшевъ—

„Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія" (Кіевъ. 1887), Любавскій—„Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства" (Чт. Об. И. и Д. 1892. III), Ивановъ—„Историческія судьбы Волынской земли до конца XIV вѣка" (Одесса. 1895) и нѣкоторые другіе (наприм., Купчанко—„Die Schicksale der Rutenen". Leipzig. 1887). По нашему крайнему разумѣнію, доказательства Ржежабека въ пользу тожества не только остаются никѣмъ неопровергнутыми, но они подкрѣпляются и нѣкоторыми другими фактами, на которые онъ не указывалъ; напримѣръ, ему осталась неизвѣстна грамота Юрія II на введеніе Магдебургскаго права въ городѣ Санокѣ, отъ 20 января 1339 года (Codex dipl. Pol. III. № 88); тогда какъ, по прежнему мнѣнію, Юрій II умеръ около 1336 года. Эту грамоту, между прочимъ, приводитъ Владимірскій Будановъ (Ж. Мин. Н. Пр. 1868. Августъ).

23. Лѣтопись, изд. Даниловичемъ. Хроника Яна изъ Чарнкова и Rocznik Traski (въ Monum. Белевскаго т. II). Витодуранъ, Длугошъ, Кромеръ, Стрыйковскій, Хроника Быховца, Мѣховій, Кояловичъ. Тейнера Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. 1860. I. Фейера Codex diplomaticus Hungariae. IX. Договорная грамота о перемиріи Литовскихъ князей (Явнута, Кейстута, Любарта и пр.) съ королемъ Казиміромъ и Мазовецкими князьями помѣщена въ Актахъ Запад. Россіи. N. I. Безъ даты. Пособія: Нарбутъ, Зубрицкій, Стадницкій (т. II. Lubart xiąże wołyński), Шараневичъ и Антоновичъ. Зубрицкій указываетъ еще на одинъ южно-русскій памятникъ той эпохи, колоколъ при соборной церкви св. Юрія во Львовѣ съ надписью: „въ лѣто 6849 (1341) сольянъ бѣ колоколъ сій святому Юрью при князѣ Димитріе игуменомъ Евфиміемъ". (Историко-крит. повѣсть, стр. 78 и далѣе). При этомъ онъ теряется въ догадкахъ: кто такой былъ этотъ князь Димитрій, княжившій во Львовѣ въ 1341 году, когда Львовъ былъ уже подъ властью Казиміра Польскаго? Мы полагаемъ, что тутъ можно разумѣть воеводу и пѣстуна Юрія II, извѣстнаго Димитрія Дѣдко, который вслѣдствіе помянутаго выше возстанія завоевалъ на нѣкоторое время тѣнь самостоятельности для Львовской земли и сталъ во главѣ ея управленія. Въ помянутой грамотѣ торунскимъ гражданамъ онъ именуетъ себя: Demetrius Detko provisor seu capitaneus terrae Russiae. (Voigt. Codex diplom. Prussicus. III. p. 83. Datum in Lemburga). По всей вѣроятности, онъ происходилъ изъ русскихъ удѣльныхъ князей; а потому и самъ носилъ княжескій титулъ, подобно своему товарищу князю Данилу, владѣтелю Острога.

Изъ новыхъ трудовъ по даннымъ событіямъ, которыя въ источникахъ представляются весьма запутанно, сбивчиво и противорѣчиво, укажу, кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ Андріяшева, Иванова и Лонгинова, на монографіи: Горжицкаго—„Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kasimerza Wielkiego" Lwów. 1889), Вейтера—„Władysław książe Opolski (Lwów. 1889), Мильковича—„Студія критични надъ исторіею русско-польскою", часть I (Львовъ. 1893), А.

Чоловскаго—„Lwów za ruskich czasów. We Lwowie. 1891) и любопытное изслѣдованіе профессора И. П. Филевича „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе“. Спб. 1890 (Сначала помѣщено въ Ж. М. Н. Пр.). Онъ особенно критично отнесся къ повѣствованію Длугоша и отрицаетъ его разсказъ о двухъ походахъ Казиміра въ Галицію въ 1340 году, т.-е. признаетъ только одинъ походъ, и притомъ неудачный. Но такъ какъ положительная сторона вопроса остается пока недостаточно разъясненною, то мы оставляемъ въ текстѣ (основанное на Длугошѣ и Траскомъ) почти прежнее изложеніе, съ нѣкоторою оговоркою, только отбросивъ явныя преувеличенія Длугоша, и тѣмъ болѣе, что въ общихъ чертахъ оно не противорѣчитъ ссылкамъ г. Филевича на документы папской канцеляріи, помѣщенные у Тейнера (стр. 56—57 Изслѣдованія). Названныя сейчасъ монографіи вызвали со стороны профес. И. А. Линиченка рядъ очерковъ, озаглавленныхъ: „Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси“ (Ж. М. Н. Пр. 1891. Май, Іюнь, Іюль). Именно онъ возражаетъ противъ нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ Лонгинова (наприм., противъ толкованія его о Дмитріи Дѣтко служебнымъ званіемъ дѣтскій); отрицаетъ главный выводъ Горжицкаго, будто Казиміръ имѣлъ всѣ законныя права на Червонную Русь, былъ прямымъ наслѣдникомъ Юрія II, будто онъ уже предпринималъ мѣры къ скорѣйшему объединенію ея съ Польшею посредствомъ введенія церковной уніи и польскаго гражданскаго права. Въ то же время онъ полемизуетъ и съ профес. Филевичемъ по нѣкоторымъ сторонамъ его монографіи; а далѣе возражаетъ Вейтеру главнымъ образомъ по поводу его мнѣнія, что Владиславъ Опольскій пытался водворять въ Червонной Руси чисто венгерскіе порядки; скорѣе онъ вводилъ нѣмецкіе порядки, наприм. Магдебургское право. Впрочемъ, на монетахъ Владислава, битыхъ на Руси, находимъ букву „L“ съ короной и надпись „Ludovicus rex Ungariæ“ (на другой сторонѣ изображеніе льва, стоящаго на заднихъ лапахъ,—гербъ Червонной Руси,—и надпись: „Vladislaus Dux“). Въ концѣ „Обзора“ профес. Линниченко помѣщаетъ свои соображенія о „Червонорусскомъ судоустройствѣ XIV—XV вѣковъ“, по поводу брошюры извѣстнаго польскаго ученаго Ромуальда Губе о томъ же предметѣ, и критики на Губе профессора Лиске, издателя актовъ Червонной Руси. Но изслѣдованію почти всего внутренняго строя г. Линниченко посвятилъ потомъ цѣлую диссертацію подъ заглавіемъ: „Черты изъ исторіи сословій въ Галицкой Руси XIV—XV вв.“ М. 1894 г. Въ эту диссертацію вошла его статья: „Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древне-русскаго боярства въ юго-западной Руси XIV—XV в.“ („Юридич. Вѣстн.“ 1892 г. №№ 6—7). Профес. Филевичъ напечаталъ статью: „Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе“ (Ж. М. Н. Пр. 1891. Декабрь). Здѣсь онъ отвѣчаетъ своимъ критикамъ: Чучинскому („Kwartalnik Histor“. 1891. I), Лисевичу („Przewodn. nauk i liter.“ 1891. I и II) и профес. Линниченку (помянутый „Критич.

обзорѣ"), и поправляетъ нѣкоторыя стороны своего вышеназваннаго изслѣдованія, наприм. относительно вѣроисповѣданія Юрія II, событій 1340 года, договора, помѣщаннаго въ Ак. Зап. Р. № 1, безъ даты (г. Линниченко относитъ его къ 1351 г., а Филевичъ настаиваетъ на 1352). Договоръ 1366 года, ограничивающій Любарта только Луцкою землею. Этотъ двойной договоръ Казиміра (отдѣльный съ Любартомъ и общій съ братьями Гедиминовичами) представляетъ также спорный пунктъ (Archiwum Lubartowiczow Sanguszkow. T. I. We Lwowie, 1887. № 1 и Нарушевича Historya. XI. 246. Пр. 2. Приводимый Нарушевичемъ второй договоръ г. Филевичъ считаетъ поддѣлкой). Чтобы дополнить перечень сочиненій о Червонной Руси въ данную эпоху, укажемъ еще на Матіова—„Der polnisch-ungarische Streit um Galizien und Lodomerien" (Lemberg. 1886) и на цитованную въ диссертаціи г. Линниченка статью Прохаски „W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego". Сей послѣдній указываетъ на генеалогію Мазовецкихъ князей, заимствованную Нарбутомъ изъ латинской рукописи XVI в. и напечатанную имъ по-польски въ „Pomniejscze pisma histor." (Wilno. 1865. p. 206). Онъ сообщаетъ, что „Болеславъ, сынъ Тройдена, получившій княженіе въ Червонной Руси какъ наслѣдство матери, отравленный Русскими въ 1340 г., имѣлъ женою Офку, въ христіанствѣ Марію, дочь в. кн. лит. Гедимина, сброшенную подъ ледъ въ Вислу у Завихоста 5 февраля 1342 г." Г. Прохаска полагаетъ, что она погибла за свою преданность католицизму; но сіе заключеніе необосновано; да и самый фактъ такой гибели еще ждетъ подтвержденія.

Въ помянутомъ выше „Критическомъ обзорѣ" г. Линниченко приводитъ любопытный эпизодъ изъ борьбы Польши съ Литвою за Галицко-Волынское наслѣдство—эпизодъ, заимствованный изъ одной угро-латинской лѣтописи, собственно изъ ея отрывка, который былъ издаваемъ Губеромъ (Ludwig von Ungarn und die ungarischen Vassallenländer), Флоріаномъ (Historiæ Hungariæ fontes Domestici) и Левицкимъ (Kwartalnik Historyczny. 1889 г.).

Въ 1351 г. угорскій король Людовикъ прибылъ въ Польшу на помощь своему дядѣ, королю Казиміру, противъ Литовскихъ князей, изъ которыхъ Любартъ незадолго передъ тѣмъ былъ захваченъ въ плѣнъ Поляками. Дошедши отъ Кракова до Люблина, Казиміръ опасно заболѣлъ, и тутъ остался; Людовикъ одинъ продолжалъ походъ съ польско-угорскимъ войскомъ. Пробираясь лѣсами, черезъ 15 дней онъ достигъ до Литовской границы и послалъ нѣсколько знатныхъ людей къ Кейстуту. Они остались заложниками, а Кейстутъ отправился къ королю и заключилъ съ нимъ миръ на такихъ главныхъ условіяхъ: во-первыхъ, принять съ своими братьями и всѣмъ народомъ крещеніе, если папа даруетъ ему королевскую корону; во-вторыхъ, давать Угорскому королю военную помощь, а отъ него и Казиміра получать ее противъ Крестоносцевъ и Татаръ. Для своего крещенія Кейстутъ долженъ былъ вмѣстѣ съ королемъ отправиться въ Буду. Въ день Успенія Богородицы онъ явился въ палатку Людовика и скрѣпилъ

мирный договоръ клятвою по литовскому обычаю. Для сего привели быка рыжей масти и привязали его къ двумъ столбамъ; послѣ чего Литовскій князь вонзилъ ножъ въ серединную жилу быка, откуда широкимъ потокомъ брызнула кровь. Въ этой крови Кейстутъ и его свита омочили руки и лицо, призывая своего верховнаго бога въ свидѣтели своей клятвы. Потомъ онъ отрубилъ быку голову и вмѣстѣ съ своими Литовцами три раза прошелъ пространство между головой и шеей. Король, съ своей стороны, присягнулъ соблюдать договоръ, и затѣмъ освободилъ изъ заключенія Любарта. Всѣ вмѣстѣ они направились въ Венгрію; но черезъ три дня обратнаго похода Кейстутъ, ввѣренный польской стражѣ, внезапно ночью убѣжалъ вмѣстѣ съ своими домой и отпустилъ польско-угорскихъ заложниковъ. Опечаленные Людовикъ и Казиміръ прибыли въ Краковъ, откуда первый вернулся къ себѣ въ Буду. Такимъ образомъ, Кейстутъ съ помощію вѣроломства освободилъ изъ плѣна брата Любарта и отвратилъ на этотъ разъ нашествіе на свою землю Угровъ и Поляковъ. Но если вспомнимъ трагическую судьбу Литовскаго князя, то увидимъ, что подобное вѣроломство не осталось безнаказаннымъ.

24. О крещеніи Ольгерда въ православную вѣру, въ молодости, говорятъ лѣтописи: Быховца (20 стр.), Густынская (349) и Никонов. (III. 178). Первыя двѣ указываютъ, что онъ принялъ православіе именно при своемъ бракѣ съ Витебскою княжною. О посхимленіи его передъ смертью изъ лѣтописи, приведенной Карамзинымъ въ прим. 50 къ т. V (при чемъ, очевидно, невѣрно прибавляется о крещеніи его тоже передъ смертію). Православное исповѣданіе Ольгерда ясно свидѣтельствуетъ и такъ наз. Дневникъ графа Кибурга. (Записки Новорос. Универс. Т. II. Од. 1868. „Ягелло-Яковъ Владиславъ" Смирнова. Приложеніе, стр. 30. Но этотъ источникъ спорный). Отрывокъ о наружности Ольгерда и богослуженіи въ придворномъ храмѣ извлеченъ Нарбутомъ изъ рукописи, о которой, къ сожалѣнію, онъ не даетъ подробныхъ свѣдѣній. (Dzieje narodu Litewskiego. T. V. 236—237). О трехъ мученикахъ православія въ Литвѣ повѣствуетъ Минея Макарія, откуда разсказъ заимствованъ въ Четь-минеи Димитрія Ростовскаго. О нихъ же упоминаетъ Софійская перв. лѣтопись подъ 1341 г. О Петрѣ Гаштольдѣ и избіеніи францисканскихъ монаховъ извѣстно только изъ Лѣтописи Быховца. См. также Васильевскаго „Очеркъ Исторіи города Вильны" стр. 13—16. Елагина «Первые христіанскіе мученики въ Литвѣ». Ж. М. Н. Пр. 1843. № 6.

25. Воскресен. Никон. Татищ. Hammer-Purgstall. Мельниковъ („Нижегород. Велик. княжество" въ Нижег. Губ. Вѣд. 1847 г.).

26. Лѣт. Тверская, Воскресен. Новогор. Софійск. Никонов. Татищевъ, Договорныя грамоты великаго князя Димитрія Ивановича съ Михаиломъ Тверскимъ и съ Ольгердомъ Литовскимъ въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 28 и 31. (Договорная грамота 1375 года съ Тверскимъ княземъ здѣсь ошибочно отнесена къ 1368 г.). Бѣляева—„Михаилъ Александровичъ, великій князь Тверской"

(въ Чт. Об. И. и Др. 1861. кн. 3). Борзаковскаго („Исторія Тверского княжества". Спб. 1876). Въ борьбѣ Димитрія Московскаго съ Михаиломъ Тверскимъ и Ольгердомъ Литовскимъ духовная власть усердно помогала первому. Такъ митрополитъ Алексѣй отлучилъ отъ церкви Смоленскаго князя Святослава Ивановича за его измѣну Димитрію и переходъ на сторону Ольгерда. Цареградскій патріархъ Филоѳей подтвердилъ это отлученіе. Оно распространялось и на другихъ русскихъ князей, поступившихъ подобно Смоленскому. (Рус. Ист. Библ. VI. Приложенія №№ 20 и 21). Послѣ того Смоленскій князь отсталъ отъ союза съ Ольгердомъ.

27. Воскрес. Никонов. и Татищевъ. Иловайскаго—„Исторія Рязанскаго княжества". 161—165.

28. Просьба Казиміра патріарху Филоѳею о поставленіи Антонія митрополитомъ въ Галичъ, акты Константинопольскаго патріархата, относящіеся къ митрополиту Алексѣю, и жалобы на него Ольгерда см. въ Рус. Историч. Библіот. Т. VI, въ приложеніяхъ. О коварномъ поведеніи въ отношеніи къ нему Кипріана ibid. №. 30. Въ той же грамотѣ упоминается о претерпѣнномъ отъ Ольгерда въ югозападной Руси митрополитомъ Алексѣемъ задержаніи и ограбленіи. Затѣмъ Степен. кн. Ник. Лѣт. Житіе Сергія въ Никонов. лѣт. IV. 203—239. О немъ въ Исторіи Рус. Церкви Макарія. IV 177—189 и въ приложеніяхъ №№ XIX и XX. О редакціяхъ Житія Сергія Епифаніевой и Пахоміевой у Ключевскаго: „Древнерусскія Житія Святыхъ" гл. III и IV. Лицевое, т.-е. украшенное рисунками, Житіе Сергія, составленное Епифаніемъ и дополненное Пахоміемъ—рукопись Троицкой Лавры, изданная литографнымъ способомъ въ 1853 г. См. также въ Макарьевскихъ Минеяхъ. Сентябрь. Изд. Археогр. ком. Спб. 1883 г. Житіе преп. Сергія, написанное Екатериной Второй, изд. Об. Древ. письменности. Спб. 1887. Житіе преп. Сергія. Составилъ Іеромонахъ Никонъ. Изд. 2-е М. 1891. „Житіе преп. Сергія и похвальное ему слово, написанное Епифаніемъ Премудрымъ въ XV в.". Сообщилъ Архим. Леонидъ („Памятники" Древ. Письменности. Спб. 1885). Голубинскаго „Препод. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра". Сергіевъ п. 1892.

29. „Повѣсть о Митяи" въ Ник. IV. Отчасти въ Степен. кн. Грамота митр. Кипріана къ игумнамъ Сергію и Ѳеодору въ Рус. Истор. Библіот. VI. №. 20. Соборное опредѣленіе патріарха Нила 1380 г. о Кипріанѣ и Пименѣ ibid. № 30 Приложеній. Любопытно, что въ этомъ византійскомъ документѣ уже ясно Сѣверовосточная Русь называется „Великою Россіей" въ противоположность Малой или Югозападной. О Митяѣ и обманномъ поведеніи Пимена въ соборномъ опредѣленіи 1389 года, ibid № 33 Приложеній. А еще прежде переводъ этого акта, сдѣланный проф. Григоровичемъ, помѣщенъ Калачовымъ въ 3-й книгѣ Архива Историко-юридич. свѣдѣній о Россіи. См. также Карпова „Церковная Смута" (Очерки изъ ист. Рос. церк. іерархіи въ Чт. Об. И. и Др. 1864 кн. 4). А. Л. (архимандрита Ле-

онида?) „Кипріанъ до восшествія на Московскую митрополію“ (ibid. 1867 кн. 2).

30. П. Соб. Р. Л. Особенно лѣтописи Воскресенская и Никоновская, также Татищевъ. Арабшахъ происходилъ отъ Шейбана, одного изъ сыновей Джучи. Савельевъ полагаетъ, что онъ не пришелъ служить Мамаю, а дѣйствовалъ „за свой счетъ“, и послѣ разоренія Нижняго провозгласилъ себя ханомъ Золотой Орды; по крайней мѣрѣ, въ Тетюшскомъ кладѣ, найденномъ въ 1856 году, оказалось двѣ монеты 1377 — 78 гг. съ именемъ Арабшаха. Онъ полагаетъ также что болгарскій царь Гасанъ 1370 года и казанскій ханъ Асанъ 1376 года есть одно и то же лицо. („Монеты джучидскія, джагатайскія, и пр. въ эпоху Тохтамыша“—П. С. Савельева въ Запискахъ Археол. Общества. Т. XII. 1865 г.).

31. Источникомъ для изображенія даннаго событія служатъ главнымъ образомъ Русскіе лѣтописные своды. Именно: *Новогородскій* (такъ наз. Четвертая Нов. лѣтопись. Пол. Соб. Р. Л. IV. Тоже и въ Первой Новогородской, но очень кратко). *Софійскій* (прибавленія къ Первой Софійской лѣтописи. П. С. Р. Л. Т. VI.). *Воскресенскій* (П. С. Р. Л. Т. VIII). Такъ наз. *Лѣтопись Аврамка* (П. С. Р. Л. Т. XVI). Въ этихъ четырехъ сводахъ повѣствованіе о „Побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ“ представляетъ одну и ту же редакцію, и разнится немногими, незначительными варіантами. (Только Лѣтопись Аврамка имѣетъ болѣе сокращеній и отличій). Далѣе, *Никоновскій* сводъ. Онъ заключаетъ наиболѣе подробное и обстоятельное изложеніе изъ всѣхъ сказаній о Куликовскомъ походѣ. Между прочимъ тутъ передаются: путешествіе Димитрія къ Сергію Радонежскому, гаданіе на Куликовомъ полѣ, благочестивыя видѣнія, единоборство Пересвѣта, дѣйствіе засаднаго полка, нахожденіе Димитрія подъ срубленнымъ деревомъ, обратный походъ и встрѣча. Этихъ эпизодовъ совсѣмъ нѣтъ въ предыдущихъ сводахъ.

Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго, изданное Снѣгиревымъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. III. 1838 г. По своему содерженію и подробностямъ оно очень близко къ разсказу Никоновской лѣтописи; отличается же отъ нея главнымъ образомъ по языку, который иногда переходитъ въ піитическій складъ и отзывается нѣкоторымъ подражаніемъ Слову о Полку Игоревѣ. Это сказаніе сохранилось во многихъ спискахъ, которые заключаютъ много варіантовъ, а также разнствуютъ между собою нѣкоторыми вставками и пропусками. Судя по одному изъ списковъ, сочинителемъ его считался какой-то Софоній Рязанецъ (вѣроятно выходецъ изъ Рязанской области въ Москву). Нѣкоторые анахронизмы, напримѣръ, Ольгердъ, поставленный вмѣсто Ягайла, или явныя прибавки, напримѣръ, участіе Новогородцевъ въ Куликовской битвѣ, ясно указываютъ на позднѣйшія передѣлки и неточную передачу первоначальнаго текста въ Сказаніи.

Слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая (т. наз. *Задонщина*). Оно найдено въ одномъ старинномъ сборникѣ Ундольскимъ и издано съ предисловіемъ Бѣляева во Временникѣ того же Общества Исторіи и Древн. кн. XIV. М. 1852 г. (Кромѣ того издано Срезневскимъ въ Извѣст. 2-го Отд. Акад. Наукъ. Т. VI, вып. V, и Архим. Варлаамомъ въ Учен. Зап. того же Отд. V). Это слово не заключаетъ собственно никакихъ подробностей о походѣ и самой битвѣ; оно представляетъ нѣсколько поэтическихъ картинъ, явно составленныхъ по образцу Слова о Полку Игоревѣ. Напримѣръ, плачъ Евдокіи и боярскихъ женъ на Москвѣ есть подражаніе плачу Ярославны въ Путивлѣ; а изображеніе Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича во время битвы напоминаетъ Игоря и его брата Буйтура Всеволода. Неизвѣстный авторъ Слова въ началѣ своемъ прямо ссылается на Софонія Рязанца, у котораго онъ, кажется, и заимствовалъ содержаніе своего произведенія. Что Софоній Рязанецъ, повидимому, существовалъ и въ древней Руси считался авторомъ Сказанія о Донскомъ побоищѣ, на это есть третье свидѣтельство, именно въ Тверской лѣтописи, гдѣ онъ названъ „брянскимъ бояриномъ." Тамъ впрочемъ приведенъ только небольшой отрывокъ изъ его „писанія на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу".

Кромѣ помянутыхъ источниковъ имѣемъ еще „Слово о житіи и преставленіи Димитрія Ивановича *царя Русскаго*". (Издано въ П. С. Р. Лѣт. IV, VI и VIII и въ Историч Сбор. Общества И. и Др. III.) Въ этомъ Словѣ помѣщено краткое описаніе войны Димитрія съ Мамаемъ, очевидно основанное на тѣхъ же источникахъ.

Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что такое великое событіе, какъ Донской походъ Димитрія Ивановича, имѣлъ своего современнаго пѣвца или сказателя — панегириста, подобно многимъ другимъ важнымъ событіямъ древней Руси. Обычай сочинять похвальное слово или пѣснь въ честь князей тотчасъ послѣ совершенія ими какого-либо подвига — этотъ обычай идетъ на Руси изъ глубокой древности. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ самаго похода сочинена была похвальная пѣснь о немъ, въ честь Димитрія Ивановича и двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, и притомъ сочинена не только грамотнымъ, но и начитаннымъ авторомъ, котораго наши источники называютъ Софоніемъ Рязанцемъ. Сочиненіе это въ числѣ своихъ образцовъ имѣло поэтическое Слово о Полку Игоревѣ, и вообще исполнено риторическихъ украшеній. Авторъ его едва ли былъ бояриномъ; скорѣе это сочиненіе духовнаго лица. Похвальная повѣсть Софонія не дошла до насъ въ цѣломъ и настоящемъ своемъ видѣ. Но она послужила главнымъ источникомъ для всѣхъ помянутыхъ выше Сказаній и Словъ. Ею воспользовался и тотъ лѣтописный разсказъ, который вошелъ въ своды Новгородскій, Софійскій и Воскресенскій. Ею вдохновился и изъ нея заимствовалъ свои картины ав-

торъ Слова о Задонщинѣ. Наконецъ та же самая повѣсть является въ Никоновскомъ сводѣ и въ указанномъ выше „Повѣданіи о Побоищѣ“, но только съ большими передѣлками, пропусками и вставками. Разсказъ Никоновскаго свода по языку болѣе примѣненъ къ лѣтописному повѣствованію, а Повѣданіе несомнѣнно сохранило по большей части и самый языкъ Софоніева „писанія“, риторическій или украшенный. Сказаніе Софонія очевидно получило большое распространеніе въ древней Руси, и часто списывалось. Но позднѣйшіе списатели или переписчики много его искажали или по невѣжеству и недосмотру, или намѣренными передѣлками. Каждой области лестно было заявить о своемъ участіи въ великой Куликовской битвѣ. И вотъ явились, напримѣръ, списки Сказанія съ длинной вставкой объ участіи Новгородцевъ въ походѣ Димитрія, хоть это совершенная басня. Тверскіе писатели вставили участіе въ походѣ Тверичей съ племянникомъ своего великаго князя Михаила Александровича, хотя это тоже сомнительно. Присутствіе митрополита Кипріана въ Москвѣ во время событія есть также позднѣйшая вставка. Можетъ быть, имя его послѣ поставили на мѣсто того епископа, который занималъ въ эту минуту главное мѣсто въ московскомъ духовенствѣ (едва ли не Герасимъ Коломенскій). Точно также если не всѣ, то нѣкоторыя благочестивыя легенды, приводимыя особенно Никоновской лѣтописью, вѣроятно сложились или умножились уже впослѣдствіи, на основаніи какихъ-либо краткихъ намековъ первоначальной Повѣсти. Эта первоначальная повѣсть была написана вскорѣ послѣ событія и притомъ лицомъ, если и не участвовавшимъ въ походѣ, то по крайней мѣрѣ получившимъ вѣрныя свѣдѣнія отъ участниковъ и очевидцевъ; на что существуютъ прямыя указанія въ Повѣданіи и лѣтописныхъ сказаніяхъ. Напримѣръ, имена убитыхъ князей и воеводъ повторяются вездѣ почти одинаковыя и почти въ одномъ порядкѣ (исключая явныя описки) не только во всѣхъ спискахъ Повѣданія и въ Никоновскомъ сводѣ, но и въ другихъ указанныхъ нами лѣтописныхъ сводахъ. Имена десяти гостей-сурожанъ повторяются одинаково и въ Повѣданіи, и въ Никоновской лѣтописи; то же можно сказать и относительно именъ высылавшихся впередъ развѣдчиковъ. Дѣти Димитрія упоминаются только тѣ, которыя были у него во время похода. Такія точныя данныя могли быть записаны только современникомъ.

Кромѣ приведенныхъ указаній на Снѣгирева, Бѣляева и Срезневскаго, см. разнообразныя мнѣнія о Софоніи, Сказаніяхъ и ихъ редакціяхъ Карамзина (къ Т. Ѵ прим. 65), Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834), Шевырева (Исторія Рус. Слов.), Соловьева (Ист. Рос. IѴ. гл. 3). Преосв. Филарета (Обзоръ Духовн. Лит.), Бестужева-Рюмина (Рус. Ист. Введеніе 40), и Хрущова — „О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву“ (Труды Третьяго Археологич. Съѣзда. II. и Чтенія въ Общ. Нестора кн. I. Ѵ. 1879). Изъ отдѣльныхъ монографій о Куликовской битвѣ упомяну: Савельева — Ростиславича („Димитрій Донской первоначальникъ Русской славы“.

М. 1837), который полемизуетъ по поводу Димитрія съ Полевымъ, т.-е. „съ Исторіей Русскаго народа". Афремова („Куликово поле". М. 1849) и Костомарова (въ Академич. Мѣсяцесловѣ на 1864 годъ). Довольно обширное изложеніе этого событія въ Кіевскомъ Синопсисѣ (К. 1768 г.) есть то же Сказаніе или Повѣданіе, только передѣланное на литературную повѣсть XVII вѣка. Брошюрка Макарова („Село Монастырщина и Поле Куликово". М. 1826) заключаетъ въ себѣ нѣсколько свѣдѣній о сельской Монастырщинской церкви Рождества Богородицы, основанной, какъ полагаютъ, на мѣстѣ погребенія русскихъ воиновъ. Но онъ сообщаетъ мало топографическихъ данныхъ о самомъ Куликовомъ полѣ.

При своемъ изложеніи я старался принимать въ соображеніе совокупность извѣстій; а въ случаѣ ихъ взаимныхъ противорѣчій, выбиралъ наиболѣе достовѣрныя. Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ и особенно во время битвы. Затѣмъ очеркъ самой битвы во всѣхъ извѣстныхъ намъ редакціяхъ сказаній представляетъ замѣчательную темноту и полное отсутствіе подробностей. Сказанія эти, столь переполненныя благочестивыми размышленіями, посланіями и бесѣдами главныхъ лицъ, легендарными видѣніями и знаменіями, вообще очень бѣдны фактической стороной; что, по моему мнѣнію, и обличаетъ въ авторѣ первоначальной Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, во-первыхъ, духовное лицо, а во-вторыхъ, не самоличнаго участника и очевидца битвы (хотя бы и современника ея).

По указаннымъ источникамъ, о самой битвѣ (за исключеніемъ начала сѣчи) извѣстны только два момента: пораженіе русскаго войска и побѣдоносный ударъ засаднаго полка. А между тѣмъ по этимъ же источникамъ битва длилась не менѣе трехъ часовъ. Сколько же должно было совершиться разныхъ ея оборотовъ, различныхъ движеній и усилій съ той и другой стороны въ теченіе этихъ трехъ часовъ! Едва ли дѣло было такъ просто, что вся масса русской рати одновременно обратилась въ бѣгство, а затѣмъ явился одинъ запасный полкъ и мгновенно перевернулъ все въ обратную сторону. Отчего же татарскіе наѣздники, вопреки своему обыкновенію, не обошли Русскихъ и не замѣтили ранѣе засаднаго полка, или почему же Татары не имѣли никакого резерва? Татарскіе темники и самъ Мамай были люди много воевавшіе и опытные въ ратномъ дѣлѣ. Но конечно въ дѣйствительности битва была не такъ несложна, чтобы заключать только два момента, рѣзко противоположные другъ другу. Несомнѣнно, что съ обѣихъ сторонъ было выказано все имѣющееся на лицо военное искусство и употреблены въ дѣло всѣ извѣстные тогда пріемы и всѣ наличныя средства. Татары несомнѣнно превосходили насъ числомъ; но это все-таки не было такое подавляющее превосходство, которое могло разомъ одолѣть всю русскую рать. Не даромъ же Мамай медлилъ и все ждалъ на помощь Ягайла.

По сказаніямъ даже выходитъ, что только вслѣдствіе противнаго вѣтра. Волынецъ Боброкъ долго удерживалъ засадный полкъ отъ помощи своимъ, уже погибавшимъ. Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ своевременная помощь можетъ зависѣть отъ вѣтра.

Я полагаю, что если и болѣе подробныя сказанія почти всю битву сосредоточиваютъ около засаднаго полка и не говорятъ о другихъ частяхъ, то причиною тому, во-первыхъ, дѣйствительно важная роль, которая пришлась на долю этого полка. Во-вторыхъ, самая первоначальная повѣсть Софонія Рязанца имѣла своею задачею собственно похвалу Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу. Поэтому, восхваливъ подвиги Димитрія Ивановича, лично сражавшагося съ непріятелемъ, она почти прямо переходитъ къ засадному полку Владиміра Андреевича, рѣшившаго побѣду; а дѣйствія иныхъ полковъ, иныхъ воеводъ оставляетъ совершенно въ тѣни. Но къ счастію сохранились нѣкоторыя другія свѣдѣнія о ходѣ Куликовской битвы, именно въ Исторіи Татищева (IV. 280—281). Сколько намъ извѣстно, доселѣ историками не было обращаемо должное вниманіе на эти свѣдѣнія, при описаніи Куликовскаго боя. А между тѣмъ, несмотря на свою краткость, они удовлетворительно объясняютъ намъ ходъ битвы, во второй ея половинѣ, и даютъ настоящее мѣсто дѣйствію засаднаго полка. Ими я воспользовался при своей попыткѣ очертить взаимное положеніе ратей и постепенный ходъ боя, а также указать, кто въ Русскомъ войскѣ начальствовалъ середнею и передовою ратью, правымъ и лѣвымъ крыломъ. Съ достовѣрностью можно полагать, что послѣднимъ, т.-е. лѣвымъ крыломъ, начальствовали именно князья Бѣлозерскіе и что въ предпослѣдній моментъ боя усилія Татаръ устремились именно на это крыло. Потому-то тутъ и было самое большое число убитыхъ (въ томъ числѣ и всѣ князья Бѣлозерскіе). Послѣ передовой рати, неудачѣ подверглось только лѣвое крыло, а не все войско бѣжало, какъ обыкновенно изображается. Въ связи съ этимъ моментомъ боя находится вопросъ, гдѣ былъ помѣщенъ засадный полкъ: за правымъ или лѣвымъ крыломъ?

Сказанія не отвѣчаютъ прямо на этотъ вопросъ. Они говорятъ только, что великій князь отпустилъ брата своего Владиміра *вверхъ по Дону*, въ дуброву. Но тутъ явная ошибка: надобно читать «внизъ», а не «вверхъ» по Дону; ибо, принимая исходнымъ пунктомъ нашей переправы и расположенія за Дономъ устье Непрядвы, верхъ Дона приходится на другой сторонѣ Непрядвы, гдѣ не было сраженія. По разсказу же Татищева выходитъ, что засадный полкъ ударилъ въ тылъ и бокъ Татарамъ, когда они погнали передъ собою лѣвый полкъ и поровнялись съ дубровою. Слѣдовательно, засадный полкъ стоялъ за лѣвой рукой. Если отъ извѣстій Татищева мы обратимся къ обозрѣнію самаго Куликова поля и его окрестностей, то убѣдимся, что нигдѣ въ иномъ пунктѣ онъ и не могъ быть поставленъ, какъ на лѣвой сторонѣ, надъ лѣсистымъ оврагомъ рѣчки Смолки, который мѣшалъ татарской конницѣ охва-

тить русское крыло съ этой стороны и заранѣе открыть присутствіе засаднаго полка. Въ помѣщеніи послѣдняго видна замѣчательная предусмотрительность Димитрія и его совѣтниковъ. Этотъ полкъ былъ поставленъ такъ умно, что въ одно время служилъ и резервомъ, и прикрытіемъ какъ обоза, такъ и единственнаго пути отступленія вмѣстѣ съ наведенными на Дону мостами. Авторъ „Историческаго обозрѣнія Тульской губерніи“ Афремовъ въ своемъ планѣ Куликовской битвы (приложенномъ къ помянутому его сочиненію „Куликово поле“), по нашему мнѣнію, приблизительно вѣрно обозначилъ мѣсто засаднаго полка. Князь же Голицынъ въ своемъ спеціально военномъ сочиненіи („Русская военная исторія“. Часть 1-я. Спб. 1877) и въ приложенномъ къ нему планѣ, неизвѣстно на какомъ основаніи, помѣщаетъ засадный полкъ за правымъ крыломъ, на берегу Непрядвы, куда Татарамъ стремиться не было и большаго разсчета. Затѣмъ, по извѣстію того же Татищева, когда Русская рать, подкрѣпленная засаднымъ полкомъ, сбила и погнала Татаръ, то Мамай также ввелъ въ дѣло подкрѣпленія (конечно, послѣднія); Татары около своихъ таборовъ остановились и возобновили сраженіе; но тутъ были уже окончательно разбиты. Такой ходъ дѣла очень вѣроятенъ и ничему не противорѣчитъ. Такъ какъ Татищевъ пользовался и тѣми списками лѣтописей, которые до насъ не дошли, то очень возможно, что относительно Куликовской битвы онъ, кромѣ помянутыхъ сказаній, имѣлъ подъ руками и еще источникъ, который остался намъ неизвѣстенъ.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о поведеніи Димитрія Ивановича Московскаго въ день битвы. Павшій въ его одеждѣ бояринъ Бренкъ и вѣтви срубленнаго дерева, подъ которыми нашли великаго князя, нисколько не могутъ уменьшить славу его личнаго геройства въ этотъ день. Возлагая свою одежду на любимца, Димитрій никоимъ образомъ не могъ предвидѣть всѣ случайности предстоявшаго боя, предвидѣть, что боярина непремѣнно убьютъ вмѣсто него самого. Если бы Димитрій остался на своемъ мѣстѣ, то и отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ непремѣнно убитъ. Очень можетъ быть, что самое замѣшательство, временно случившееся въ большомъ полку, произошло именно вслѣдствіе того, что Димитрія не было на великокняжескомъ мѣстѣ, а Бренкъ не могъ вполнѣ его замѣнить. Никто не ставитъ въ упрекъ прадѣду Фридриха II, великому курфирсту Бранденбургскому, то обстоятельство, что онъ во время Фербелинскаго сраженія, 1675 года, въ виду направленныхъ на него выстрѣловъ, помѣнялся своимъ бѣлымъ конемъ со шталмейстеромъ; послѣ чего тотъ дѣйствительно былъ убитъ. Если бы великій князь искалъ безопасности, то онъ не поѣхалъ бы въ передніе ряды, чтобы самому рубиться съ непріятелемъ; а наоборотъ помѣстился бы за войскомъ, какъ совѣтовали ему бояре и какъ поступилъ его противникъ Мамай. Или онъ могъ бы остаться при засадномъ полку, который хотя и покрылся наибольшею славою, но пострадалъ менѣе всѣхъ прочихъ частей войска. Нѣтъ сомнѣнія, что Димитрій, какъ еще молодой

человѣкъ, исполненный силъ и энергіи, увлекся въ Куликовской битвѣ личною отвагою (а, можетъ быть, желалъ своимъ примѣромъ поощрить воиновъ), и дѣйствительно подвергъ себя такимъ опасностямъ, посреди которыхъ уцѣлѣлъ почти чудеснымъ образомъ. Если до изнеможенія утомленный битвою (не забудемъ о его тучности), лишившійся коня, окруженный врагами, отрѣзанный во время свалки отъ всякой помощи, онъ сумѣлъ еще добраться до закрытія и спастись, то это опять-таки свидѣтельствуетъ о его энергіи и находчивости. Надобно замѣтить, что тогда средствомъ спасенія въ случаѣ ранъ и крайней опасности во время боя употреблялся, повидимому, такой способъ: упасть среди труповъ и пролежать до минованія опасности. И этотъ способъ не считался унизительнымъ для храбрецовъ. Примѣръ тому представляетъ князь Стефанъ Новосильскій. Когда Владиміръ Андреевичъ разспрашивалъ, кто видѣлъ въ бою великаго князя, то Новосильскій, не безъ нѣкотораго хвастовства, сообщилъ, что видѣлъ, какъ Димитрія обступили четыре Татарина; что онъ (Новосильскій) напалъ на этихъ Татаръ и троихъ убилъ, а четвертый убѣжалъ, когда же онъ погнался за этимъ четвертымъ, то на него самого напали другіе Татары и нанесли многія раны, и онъ спасся только тѣмъ, что остальное время битвы пролежалъ между трупами („Повѣданіе". Истор. Сбор. Ш. 62). Димитрій однако не прибѣгъ къ этому именно способу. Источники согласно свидѣтельствуютъ, что Великій князь былъ осыпанъ ударами по головѣ, плечамъ и животу, и что доспѣхи его были всѣ изсѣчены. Если же на тѣлѣ его не оказалось глубокихъ ранъ, то этимъ онъ конечно былъ обязанъ превосходному качеству своей брони и своего шлема. Припомнимъ, что нѣчто подобное случилось съ французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ, въ сраженіи при Бовинѣ 1214 года. И въ Русскихъ лѣтописяхъ находимъ другой подобный примѣръ. Въ 1317 году, какъ мы видѣли, тверской князь Михаилъ Ярославичъ сразился съ Юріемъ Московскимъ и татарскимъ воеводою Кавгадыемъ, и побѣдилъ ихъ. „Самому же князю Михаилу видѣти доспѣхъ свой весь язвенъ, на тѣлѣ же не бысть никоея раны". (П. С. Р. Лѣт. V. 209. VII. 190). Впрочемъ въ Ростов. лѣтоп. о Димитріи говорится: „найдоша великаго князя вельми язвена лежаща". И если далѣе сказано: „доспѣхъ его весь бяше избитъ, но на тѣлѣ его не бысть язвы", то это конечно означаетъ отсутствіе именно глубокихъ или опасныхъ ранъ.

Если Димитрій Ивановичъ въ данномъ случаѣ заслуживаетъ легкаго упрека, то именно за его излишнюю отвагу и увлеченіе воинскимъ пыломъ. Но на это можно отвѣчать тѣмъ, что побѣдителя не судятъ. А унижать его за то, что онъ не явился сказочнымъ богатыремъ въ родѣ Ильи Муромца, не только неисторично, но и просто грѣшно (со стороны нѣкоторыхъ писателей). Лично выигравшій двѣ такія битвы, какъ Вожинская и Куликовская и собственноручно рубившійся съ врагами до полнаго изнеможенія, Димитрій вполнѣ заслужилъ славу князя-героя. На основаніи моего повѣство-

ванія и сихъ соображеній (въ отдѣльной брошюрѣ, изданной ко дню 500-лѣтняго юбилея Кулик. битвы), Д. Ѳ. Масловскій, нашъ военный историкъ, помѣстилъ (въ Воен. Сборникѣ 1881 г. №№ 8 и 9) „Опытъ критич. разбора похода Димитрія и Куликовской битвы".

32. С. Г. Г. и Д. I. № 32. Разборъ источниковъ и соображенія о поведеніи Олега Рязанскаго въ эпоху Куликов. битвы см. въ моей Исторіи Рязан. княжества, 168—177.

33. О Тохтамышѣ, его нашествіи и дальнѣйшихъ его отношеніяхъ къ Руси лѣтописи Воскресен. Никонов. Новогородская Четвертая. Прибав. къ Софійск. (т. VI), Супрасльская рукопись (М. 1856), лѣтопись Авраамки, Татищевъ, Geschichte der Gold. Horde—Хаммера. О личности князя Остея помянутыя лѣтописи свидѣтельствуютъ только, что онъ былъ князь Литовскій, внукъ Ольгерда. Но подъ 1385 г. лѣтописи Воскресен. и Никонов. (послѣдняя уходитъ впередъ на годъ) упоминаютъ Александра Андреевича „нарицаемаго Остѣя" московскимъ намѣстникомъ въ Коломнѣ, а также Михаила Андреевича Полоцкаго, внука Ольгердова, отряженнаго въ числѣ московскихъ воеводъ на Рязань и тамъ погибшаго. Не былъ ли онъ братомъ Александра Андреевича Остея? А сей послѣдній и князь Остей, начальствовавшій въ Москвѣ въ Тохтамышево нашествіе, не есть ли одно и то же лицо? Въ такомъ случаѣ повѣсть объ этомъ нашествіи ошибочно упоминаетъ его въ числѣ убитыхъ Татарами; можетъ-быть, онъ только былъ захваченъ ими въ плѣнъ.

34. О войнѣ и мирѣ съ Олегомъ см. мою Исторію Рязан. княжества. О ссорѣ съ Новгородомъ лѣтописи Новгород. Воскресен. Никонов. Договоръ съ Владиміромъ Андреевичемъ съ С. Г. Г. и Д. № 33.

35. О кончинѣ Димитрія повѣствуютъ помянутое въ прим. 31 „Слово о житіи и преставленіи Димитрія Ивановича царя Русскаго" (П. С. Р. Л. IV и VIII; Историч. Сбор. О. И. и Др. III). См. также Ник. лѣт. и Татищева. Двѣ духовныя его въ Соб. Г. Г. и Д. I. №№ 30 и 34. Приводимыя мною прозванія нѣкоторыхъ бояръ, записанныхъ свидѣтелями въ духовной 1389 года, Квашня, Кошка, Свиблъ, Остей, въ этой духовной грамотѣ не упоминаются, а взяты изъ лѣтописей и родословныхъ книгъ.

36. Лѣтописи, изданныя Быховцемъ и Даниловичемъ. Хроника Виганда. Длугошъ, Стрыйковскій, Кояловичъ, Scarbiec Даниловича. Kodex dyplomatyczny Litwy — Рачинскаго. Archivum Lubartowiczów — Sanguzków. I и II. Фойгтъ—Geschichte Preussens. V. Нарбутъ, т. V. Крашевскаго—Litwa. II. Warsch. 1850. Шайнохи—Jadwiga i Jagiello I и II т. Lwów. 1861. Каро—Geschichte Polens. II. Gotha. 1863. Смирнова—„Ягелло и первое соединеніе Литвы съ Польшею" (Зап. Новорос. Университета. Одесса. 1868). См. у послѣдняго прим. 87 и 91, гдѣ разбираются старанія оправдать Ягелла въ вѣроломномъ захватѣ и удушеніи Кейстута со стороны Шайнохи, писа-

теля талантливаго, но пристрастнаго. Согласно съ Смирновымъ высказался объ этомъ событіи и Стадницкій (Olgierd i Kiejstut. Lw. 1870).

37. Длугошъ, Стрыйковскій, Нарбутъ, Шайноха, Морачевскій (Dzieje Rzeczy pospolitej. I. Poznań. 1851). Каро, Стадницкій (Synowe Gedymina и Bracia Wladyslawa-Jagella), Смирновъ. Вопросъ объ отношеніяхъ Ядвиги къ Вильгельму Австрійскому и указанія разныхъ источниковъ на ихъ дѣйствительное супружество (вопреки увѣреніямъ Шайнохи), вслѣдъ за Морачевскимъ, удовлетворительно разъяснены и сгруппированы у Смирнова въ примѣч. 208. Рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣетъ свидѣтельство Длугоша, у котораго прямо говорится о двухнедѣльномъ супружескомъ сожительствѣ Вильгельма съ Ядвигою въ Краковскомъ замкѣ и о томъ, что Ядвига на бракъ съ Ягелломъ смотрѣла какъ на любодѣяніе (facinus quoque adulterii exhorrens. Lib. X. p. 105). Каро съ своей стороны указываетъ на нѣкоторыя противорѣчія въ свидѣтельствахъ и сначала какъ бы беретъ отчасти сторону Шайнохи. (Gesch. Polens. II. 505), но потомъ полемизуетъ съ нимъ (ibid. III. 39). Точно также Смирновъ, полемизуя противъ Шайнохи, разобралъ вопросъ о мнимомъ язычествѣ Ягеллы и подтвердилъ, что его крещеніе въ Краковѣ было только переходомъ изъ православія въ католичество, и что восточная церковь въ католическихъ извѣстіяхъ того времени не только называлась *схизмою*, но иногда приравнивалась къ язычеству (idolatria). См. стр. 158—174 и соотвѣтств. примѣчанія. См. также Нарбута Pomniejsze pisma historyczne. 89—100. О наружности и нравахъ Ягелла см. у Длугоша. (Lib. X. 103). О переходахъ Витовта изъ католичества въ православіе и обратно см. у Барбашева „Витовтъ и его политика до Гринвальдской битвы". Приложеніе № 2. О степени распространенія православія среди Литвы и Жмуди и продолжительности его существованія—у Дашкевича „Замѣтки по Ист. Лит. Рус. Государства". 105—108. Г. Юргевичъ въ своемъ „Опытѣ объясненія именъ князей литовскихъ" (Чт. Об. И. и Д. 1883. Ш) объясняетъ имена Ягайла, Скиргайла, Свидригайла и др. изъ именъ христіанскихъ.

38. Длугошъ, Стрыйковскій, Кояловичъ, Scarbiec, Лѣтопись, изд. Даниловичемъ, Лѣт. Быховца, Вигандъ, Archivum Sanguszków. (Тутъ любопытны: во первыхъ, договоръ 1386 г., по которому Юрій Смоленскій признаетъ *себя* ленникомъ короля Владислава и в. князя Скиргайла; во-вторыхъ, поручная грамота 1393 г. Олега Ивановича Рязанскаго Ягайлу-Владиславу за своего зятя, князя Корибута, въ его послушаніи королю. Т. I. №№ 4 и 17). Договоръ 1387 г. Ягайла со Скиргайломъ въ Mon. med. aevi. VI. N. XI. Голенбёвскаго—Panowanie Wladyslawa Jagella. W. 1846, Пшездзѣцкаго—Życie domowe Jadwigi и Jagella. W. 1854, Нарбутъ, Фойгтъ, Морачевскій, Шайноха, Шараневичъ, Стадницкій, Смирновъ, Каро (Dritter Theil. Gotha. 1869). Ярошевича—Obraz Litwy. II. Wilno. 1844. Крашевскаго—Litwa za Witolda. W. 1850. О Зничѣ и Криве см. изслѣд. Мержинскаго въ Трудахъ IX Археол. съѣзда. М. 1895. Барбашева „Витовтъ и его политика". Спб. 1885.

39. Лѣт. Воскресен., Софійск., Никонов., Татищевъ. Мухлинскаго „Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи Литовскихъ Татаръ" (Торж. Актъ Спб. Универс. 1857 г.).

40. Русскій переводъ дневника Кибурга, составленный М. Смирновымъ, см. въ приложеніи къ названной выше его диссертаціи „Ягелло-Яковъ-Владиславъ". Онъ сдѣланъ не прямо съ оригинала, а съ польскаго перевода, сообщеннаго Нарбуту Онацевичемъ. Переводъ этотъ впервые изданъ Нарбутомъ въ собраніи разныхъ статей и выписокъ изъ рукописей (Pomniejsze pisma historyczne, szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno. 1856). Но такъ какъ оригиналъ, которымъ пользовался польскій переводъ, доселѣ остается въ неизвѣстности, то многіе заподозрили его подлинность. Смирновъ однако вѣрилъ въ эту подлинность. Что дневникъ не выдуманъ — съ этимъ надобно согласиться, судя по нѣкоторымъ характернымъ подробностямъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ тому времени; но едва ли польскій переводъ не внесъ въ него нѣкоторыхъ неточностей и прибавокъ. Напримѣръ, костюмъ Витовта и его драбантовъ что-то слишкомъ напоминаетъ польскихъ королей XVI столѣтія. Точно также и нѣкоторыя черты празднества Купалы въ окрестностяхъ Вильны отзываются позднѣйшимъ временемъ. Это мое мнѣніе, высказанное въ первомъ изданіи, я позволяю себѣ въ нѣкоторой степени поддерживать и теперь послѣ того, какъ мнѣ указали на статью достоуважаемаго В. Г. Васильевскаго о данномъ вопросѣ, озаглавленную: „Ученый подлогъ, либо забавная ошибка". Статья эта, затерянная на страницахъ одного провинціальнаго изданія (*Виленскій Вѣстникъ*, 1869 г. № 56), ускользнула отъ моего вниманія при первомъ изданіи настоящаго тома. Авторъ статьи совершенно отрицаетъ подлинность дневника графа Кибурга и самое его посольство въ Вильну на слѣдующихъ основаніяхъ: графъ Кибургъ, по свидѣтельству хроники Іоанна Посильге, былъ посланъ во Франкфуртъ на Майнѣ на собраніе курфирстовъ, которое разошлось не ранѣе 23 мая, слѣдовательно не могъ 4 іюня выѣхать изъ Рагниты (на Нѣманѣ) въ Вильну, какъ о томъ говоритъ дневникъ. 12 іюля 1397 года, по словамъ дневника, онъ воротился въ Рагниту; а того же 12 и 13 іюля графъ Кибургъ подписался на двухъ документахъ въ городѣ Гданскѣ. (Эти два документа изданы Бунге въ въ его Liv-Esth-und Kurländ. Urkundenb.). Отсюда авторъ статьи выводитъ alibi гр. Кибурга. Далѣе онъ разными фактическими сопоставленіями доказываетъ, что дневникъ не можетъ быть относимъ ни къ какому другому году, кромѣ 1397. Потомъ указываетъ на умолчаніе въ дневникѣ о цѣли посольства, нѣкоторую спеціально литовскую тенденцію въ разговорѣ епископа виленскаго Андрея съ графомъ Кибургомъ и т. д. Но въ своемъ скептицизмѣ г. Васильевскій заходитъ слишкомъ далеко. Напримѣръ, онъ ставитъ на видъ дневнику то, что тотъ полагаетъ существованіе поселенія Вильны ранѣе 1322 года, какъ бы заранѣе опровергая тѣмъ показаніе Стрыйковскаго, и подтверждаетъ православіе Ольгерда, тоже какъ бы

заранѣе рѣшая вопросъ о его вѣроисповѣданіи, спорный для ученыхъ нашего вѣка. По моему разумѣнію, тутъ является не только натяжка со стороны автора статьи, но и косвенное подтвержденіе подлинности данныхъ извѣстій. Ибо, если Ольгердъ исповѣдывалъ свое православіе въ тайнѣ, то сообщеніе дневника совсѣмъ не было излишнимъ для его современниковъ. При томъ какая же могла быть задняя мысль при подтвержденіи Ольгердова православія у католика Онацевича, котораго г. Васильевскій считаетъ авторомъ этого подложнаго дневника? А затѣмъ дѣйствительно могли быть ошибки въ числахъ, если не въ самомъ годѣ, и тогда предполагаемое alibi подвергается сомнѣнію. Мы не думаемъ, чтобы это въ самомъ дѣлѣ были поденныя замѣтки, которыя велись во время пути; скорѣе можно предположить, что посолъ составилъ свою записку по возвращеніи домой, при чемъ легко могъ описаться въ числахъ и дняхъ. А такъ какъ, повидимому, у насъ недостаетъ начала записки, то и нѣтъ въ ней указанія на задачу посольства; если же она предназначалась для великаго магистра, то и не было нужды напоминать ему объ этой задачѣ. Возможно также, что записка эта въ дѣйствительности принадлежала не графу Конраду Кибургу, а брату его графу Рудольфу Кибургу или даже лицу иной фамиліи. Но въ общихъ частяхъ содержаніе дневника осталось невполнѣ опровергнутымъ и послѣ статьи г. Васильевскаго. При первомъ изданіи сего тома мы имѣли въ виду сравненіе дневника съ нѣсколько позднѣйшимъ путешествіемъ рыцаря Жильберта де-Ланнуа. Если бы кто вздумалъ обработать и распространить это путешествіе, то получилась бы полная аналогія съ Дневникомъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь имѣемъ. Отдавая справедливость критикѣ г. Васильевскаго, мы однако продолжаемъ думать, что въ основу Дневника, изданнаго Нарбутомъ, положена какая-либо дѣйствительная записка объ Орденскомъ посольствѣ въ Вильну. А потому, оставляя вопросъ открытымъ, позволяемъ себѣ пока сохранить въ своемъ текстѣ сдѣланное при первомъ изданіи извлеченіе изъ Дневника.

41. Фойгта—Geschichte Preussens. IV. 99—101. Каро—Gesch. Polens. Ш. 168—179. Scarbiec Даниловича. I. №№ 694—700.

42. Воскрес., Никон., Тверск., Татищевъ. О бракѣ Василія съ Софьею Витовтовной: Никон. IV. 151. Script. rer. Prus. III. 167. Bunge Liv-Esth- und Curl. Urkundenbuch. III. 571. До какой степени Нижній-Новгородъ былъ еще спорнымъ, пока длилась борьба съ Суздальскими князьями, видно изъ духовныхъ грамотъ Василія Дмитріевича. Въ первой грамотѣ (1406 года) онъ выражается: „а дастъ Богъ сыну моему держати Новгородъ Нижній да Муромъ“ (С. Г. Г. и Д. I. № 39). Во второй (1423 г.): „а еже ми дастъ Богъ Новгородъ Нижній“ (ibid. № 41). Только въ третьей грамотѣ (1424 г.) Василій благословляетъ сына своими *примыслами*: Новгородомъ Нижнимъ и Муромомъ (ibid. № 42). О Тарусѣ, какъ примыслѣ, въ духовныхъ пока не упоминается. Любопытно, что Василій при самомъ началѣ своего кня-

женія уже намѣтилъ присоединеніе Мурома и Тарусы, что видно изъ его договорной грамоты съ дядей Владиміромъ Андреевичемъ въ 1389 году: «а найду себѣ Муромъ или Тарусу или иныя мѣста» (ibid. № 35). Въ договорной грамотѣ Московъ. князя съ Рязанскимъ въ 1402 г. упоминаются князья Тарусскіе наравнѣ съ Новосильскимъ, какъ подручники Москвы; «тѣ князи со мною одинъ человѣкъ» (ibid. № 36). Слѣдовательно, великій князь довольствовался ихъ вѣрною службою и пока не замѣнялъ ихъ своими намѣстниками. Что же касается до Мещеры или области *Мещерскаго городка*, лежащаго на Окѣ, то онъ былъ купленъ еще отцомъ Василія Димитріемъ Донскимъ у мѣстнаго владѣтеля Александра Уковича; о чемъ говорится въ договорныхъ грамотахъ Москвы съ Олегомъ Рязанскимъ 1381 г. и съ сыномъ его Ѳедоромъ 1402 года (ibid. №№ 32 и 36). Мещерскій городокъ, разоренный Татарами, около того времени возобновленъ подъ именемъ Новаго Низоваго Городка, а послѣ онъ названъ Касимовымъ по имени Татарскаго царевича, которому былъ пожалованъ Иваномъ III. Любопытно, что покупкою Мещерской волости, лежавшей между землями Рязанскою и Муромскою, Димитрій Донской отдѣлилъ одну отъ другой эти земли, которыхъ князья принадлежали къ одной вѣтви и которыя въ церковномъ отношеніи составляли одну епархію. По поводу сношеній съ Византіей, см. письмо патріарха Константиноп. Антонія IV къ Василію Дмитріевичу въ Рус. Ист. Библ. VI. Приложенія. Онъ упрекаетъ Василія за непозволеніе поминать Византійскаго царя въ диптихахъ. О томъ см. проф. Сокольскаго: «О характерѣ и значеніи эпанагоги». (Византійскій Временникъ. Т. I. Вып. I).

43. *Cheref-eddin-Aly* Histoire de Timur-bec. Trad. par Petis de Lacroix. P. 1792. *Charmoy*-Expédition de Timur-i-lenk ou Tamerlan contre Togtamiche, 1391. (Mem. de l'acad. des sciences. VI série. St. Prsb. 1835). *Хаммеръ Пургсталь* - Geschichte der Goldenen Horde. *Иванина* „О военномъ искусствѣ и завоеванія Монгло-Татаръ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ“. С.-Пб. 1875. «Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана». Соч. Клавихо. Днев. путешествія въ Самаркандъ. Текстъ съ переводомъ и примѣч. И. И. Срезневскаго». (Сборникъ Акад. Н. XXVIII. Спб. 1881). „Автобіографія Тамерлана“. Переводъ съ Тюркскаго Н. Лыкошина. Ташкентъ. 1894. Строгую замѣтку Н. И. Веселовскаго на этотъ переводъ см. въ Ж. М. Н. Пр. 1896. Январь. По сказанію мусульманскаго писателя Ибнарабшаха, главнымъ виновникомъ войны Тимура съ Тохтамышемъ будто бы явился эмиръ Идику (Эдигей). Онъ у Тохтамыша былъ въ числѣ начальниковъ лѣваго крыла, но потерялъ его расположеніе и, угрожаемый смертію, обманулъ его и бѣжалъ къ Тимуру, котораго подстрекнулъ къ походу на Дештъ-Кипчакскаго хана. Послѣ пораженія Тохтамыша Идику обманулъ Тимура и ушелъ отъ него съ своими Татарами въ Золотую Орду, судьбами которой распоряжался въ теченіе 20 лѣтъ. (Тизенгаузена—«Сборникъ»

457—474). По извѣстію Эддзехеби, Идики (Эдигей) былъ только вторымъ эмиромъ, т.-е. начальникомъ лѣваго крыла, а первомъ или начальникомъ праваго крыла былъ Текини (Тегиня); тѣмъ не менѣе Идики пользовался наибольшемъ вліяніемъ на султана (Ibid. 553). Но извѣстный мурза Тягиня принадлежитъ позднѣйшему времени.

Въ Русскихъ лѣтописяхъ Тимуръ Аксакъ или Желѣзный Хромецъ (буквальный переводъ татарскаго Тимуръ-Ленкъ) сдѣлался предметомъ двухъ особыхъ легендъ или сказаній. Во-первыхъ, сложилось сказаніе о томъ, какъ онъ былъ сначала атаманомъ разбойниковъ, постепенно сдѣлался могучимъ государемъ, и какъ побѣдилъ Баязета, султана Турецкаго. Во-вторыхъ, сказаніе о его войнѣ съ Тохтамышемъ и нашествіи на Русь, связанное съ легендою о чутворной Боголюбской иконѣ, перенесенной изъ Владиміра въ Москву. Содержаніе этой легенды слѣдующее: въ тотъ самый день, когда чудотворную икону принесли въ Москву, Темиръ Аксакъ, двѣ недѣли стоявшій станомъ на берегахъ Дона, увидалъ во снѣ высокую гору, съ которой шли къ нему святители съ золотыми жезлами въ рукахъ, и вдругъ въ воздухѣ надъ ними явилась жена въ багряныхъ ризахъ, окруженная множествомъ свѣтлыхъ воиновъ, которые грозно устремили на него свое оружіе. Ханъ въ испугѣ проснулся, и вскорѣ велѣлъ своей рати идти назадъ. По этой легендѣ Русь обязана своимъ избавленіемъ отъ Тимура заступничеству Богоматери и молитвамъ московскаго святителя Петра митрополита. См. лѣтописи: Софійскую 2-ю, Воскресенскую, Тверскую, Никоновскую (въ которой эти сказанія повторяются дважды, по двумъ редакціямъ, почти то же у Татищева) и Степен. книгу.

44. Длугошъ, Стрыйковскій, Лѣтопись Быховца, Хроника Даниловича. Софійская, Воскресенская, Никоновская. Татищевъ почти буквально повторяетъ Никоновскую.

45. Лѣт.: Софійская, Воскресен., Тверск. и Никонов. О поступкѣ Юрія съ Юліаніей кратко въ Софійской и Воскресенской. См. ссылки Карамзина на лѣт. Архангельскую и Троицкую (къ т. V. прим. 196).

46. Объ Эдигеевомъ нашествіи см. лѣтописи: Воскресенскую, Тверскую и Никоновскую. Грамота Эдигея въ Соб. Г. Г. и Д. П. № 15, а также въ Никонов. лѣт. и у Татищева.

47. Главные источники: Длугошъ, Іоаннъ фонъ-Посильге или Линденблатъ. Пособія: Фойгтъ Geschichte Preussens; Нарбута Dzieje N. Lit. T. VI. Шайноха. Рутенбергъ Geschichte der Ostseeprovinzen T. II. и Каро Geschichte Polens. T. III. Нельзя не упомянуть при этомъ о явномъ пристрастіи послѣдняго писателя, хотя довольно обстоятельнаго: въ его изложеніи едва ли не главная честь Грюнвальдской побѣды достается татарскому вспомогательному войску значеніе и число котораго сильно преувеличены. Далѣе: изданный Прохаскою, Codex epistolaris Vitoldi. (Monumenta medii aevi historica res gestes Poloniae illustrantia. Tomus VI). Kraków. 1882. Барбашева изслѣд.

о Таненбергской битвѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1887. Декабрь. (Вошло въ его книгу „Витовтъ—послѣднія 20 лѣтъ княженія". Спб. 1891).

48. Актъ Городельской уніи см. у Даниловича Skarbiec. Т. П. №№ 1025 и 1026. Codex ep. Vitoldi. О крещеніи Жмуди Длугошъ и Кояловичъ. Пособія тѣ же, т.-е. Нарбутъ и Каро.

49. П. С. Р. Л. III. V. VIII. Никон., Степен., Лѣтоп. Даниловича, Акты. Истор. I. №№ 19. 40. Акты Зап. Р. №№ 23. 24. 25. 35. Нѣкоторыя грамоты перепечатаны въ Русс. Историч. Библіот. изд. Археогр. ком. Т. VI. Сочч. Самвлака см. Опис. Славян. рукоп. Моск. Синод. Библ. От. П. ч. 3. и въ Ист. Рус. Церкви Макарія. Т. V. Прилож. № X. О митрополитѣ Фотіи см. Горскаго въ „Прибавл. къ Творен. От. Церк." М. 1852. Лѣтопись Археогр. Комиссіи. Вып. 3. (Посланіе Конст. патріарха къ митр. Фотію о Григоріи Цамвлахѣ). Сырку—„Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Гр. Цамблака" (Ж. М. Н. Пр. 1884. Ноябрь). Тутъ передается изслѣдованіе румын. епископа Мельхиседека о жизни и сочиненіяхъ Цамблака (Букурештъ. 1884). По увѣренію сего автора, Самблакъ былъ родомъ изъ Тернова изъ семьи Влашской, по удаленіи изъ Россіи былъ митрополитомъ въ Молдавіи и игумномъ Дечанскаго монастыря. См. также Н. Д. „Григорій Цамблакъ митрополитъ Кіевскій" (Рус. Бесѣда. 1895. Январь). Вообще по увѣренію румынскихъ писателей, онъ былъ ни Сербъ, ни Болгаринъ, а Валахъ, пребывалъ митрополитомъ въ Сочавѣ и умеръ будто бы въ 1452 г.

50. Длугошъ. Лѣтописи Соф. и Воскресен. Коцебу—«Свидригайло».

51. Лѣтописи Быховца, Даниловича, Длугоша, Стрыйковскаго. Guillebert de Lannoy et ses voyages. Par I. Lelewel. Poznań. 1844. Это, снабженный польскимъ переводомъ, отрывокъ изъ путешествій Ланнуа, изданныхъ въ 1840 г. въ Монсѣ. Русскій переводъ отрывка, относящагося къ Южной Руси, и примѣчанія Бруна къ этому путешествію см. въ III томѣ Записокъ Одес. Общества Ист. и Древ. Письма и грамоты, относящіяся до вопроса о королевскомъ достоинствѣ, см. въ Skarbiec diplomato'w etc. Т. П. и Codex epist. Vitoldi. Пособія: Нарбутъ, Крашевскій, Шараневичъ, Каро, новѣйшія сочиненія Антонія Прохаски—„Ostatnie lata Witolda" (Warszawa 1882) и Барбашева—„Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія" (Спб. 1891).

52. Три духовныя грамоты Василія Димитріевича въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 39, 41, 42. Герберштейнъ (Rerum. Moskov.) сообщаетъ, будто Василій Дмитріевичъ, подозрѣвая жену свою въ невѣрности, завѣщалъ великое княженіе не сыну Василію, а брату Юрію. Соловьевъ (Ист. Рос. IV. прим. 49) основательно замѣтилъ, что эта сказка выдумана была людьми, враждебными потомству Василія. Договорныя грамоты Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ ibid. №№ 43 и 44. Междоусобіе, судъ въ Ордѣ, бракъ в. князя и случай съ поясомъ см. лѣт. Воскресен. и Никонов. Тутъ нельзя не

замѣтить нѣкоторыхъ неточностей. Во-первыхъ, едва ли Всеволожскій предлагалъ Василію свою дочь; если онъ женился до Куликовской битвы, то ему самому было теперь неменѣе 70 лѣтъ. Можетъ быть рѣчь шла не о дочери его, а именно о той внучкѣ, которую онъ послѣ своего отъѣзда изъ Москвы обручилъ за Василія Косого. Во-вторыхъ, въ другихъ лѣтописяхъ (Софійская и Архангел). говорится, что бояринъ Захарій Ивановичъ Кошкинъ (предокъ Романовыхъ) на свадьбѣ великаго князя схватился за поясь Косого, и сказалъ: „этотъ поясъ пропалъ у меня, когда крали мою казну».

53. Собр. Г. Г. и Д. I. №№ 49—60. Акты Историч. I. № 40. Акты Археограф. Эксп. I. № 29. Лѣт. Воскресен., Софійская и Никонов. Объ ослѣпленіи боярина Всеволожскаго говоритъ Тверская лѣт. А эпизодъ о князѣ Брюхатомъ разсказанъ въ Арханг. лѣт. Карамз. къ т. V прим. 281.

54. Лѣтописи Соф., Воскр., Никон., Степен. кн., Акты Историч. I. №№ 39, 41, 47, 262. Нѣкоторыя грамоты перепечатаны въ Историч. Библіот. VI. №№ 61 и 62. Посланіе Аѳонскихъ старцевъ въ Россію объ измѣнникѣ Исидорѣ и впаденіи греческаго царя въ „латинскую прелесть“ и отвѣтъ великаго князя Василія, см. Лѣтоп. занятій Археогр. Комиссіи, вып. III, прилож. стр. 29—34. Пособія на русскомъ языкѣ: „Исторія Флорентійскаго собора“. Свящ. Смирновъ. Спб. 1805. „Исторія Флорентійскаго собора“. М. 1845. Делекторскаго „Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей древней Руси“. (Странникъ. 1893. Сентябрь—Ноябрь). Любопытно изданіе отца Пирлинга La Russie et le Saint-Siège. Paris. 1896. Первая глава: Les Russes au Concile de Florence. Кромѣ печатныхъ трудовъ о. Пирлингъ пользовался многими итальянскими архивами, особенно Ватиканскимъ, а также нѣкоторыми въ другихъ странахъ. Судя по ссылкѣ его на сообщеніе Миланези въ одномъ Флорент. историч. журналѣ, 1857 г., въ числѣ лицъ, подписавшихъ декретъ объ уніи, находится и русскій епископъ Авраамій (стр. 42).

55. Лѣтописи: Софійская, Воскресенская, Никоновская, Тверская и Архангельская. Исчисленіе разныхъ винъ, сказанное Василію при его ослѣпленіи, въ Новогород. Четвертой. Посланіе духовенства къ Шемякѣ см. въ Акт. Истор. I. № 40. Объ отравленіи Шемяки въ житіи Пафнутія Боровскаго (Макар. Минеи). По Львов. лѣт. отравившій Шемяку былъ его бояринъ и любимецъ Иванъ Котовъ. Относящіяся къ этой эпохѣ междукняжескія договорныя грамоты см. въ С. Г. Гр. и Д. I. №№ 61—81, 84, 85.

56. О поставленіи Іоны на митрополію Лѣтописи Соф., Никон., Степен. кн., Акты Истор. I. № 262 и 263. Окружное посл. Іоны о своемъ поставленіи съ порицаніемъ Шемяки, ibid. № 43. Его посланія въ Кіевъ, Литву, Смоленскъ, Новгородъ, Вятку и пр., ibid. №№ 45, 47, 53, 56, 62, 63, 66, 261, 272, 273. Карпова „Св. Іона, послѣдній митрополитъ Кіевскій и всея Руси“ (Очерки изъ ист. Рос. Церк. іерархіи. Чт. Об. II и Др. 1864. Кн. 4).

57. О поставленіи Ѳеодосія Акты Истор. I. № 69. О болѣзни и кончинѣ Темнаго лѣт. Соф., Воскр., Никон. Духовная его въ С. Г. Г. и Д. I. № 86—87. Ее писалъ дьякъ Василій Бѣда—тотъ, который привезъ извѣстіе о смерти Шемяки. Въ этой духовной Василій Темный „приказываетъ" жену и сыновей своему „брату" королю Польскому и вел. князю Литовскому Казиміру по ихъ договорнымъ грамотамъ. Но это „приказываніе" очевидно тутъ простая любезность сосѣду.

58. Лѣтописи Соф., Воскресен., Никонов., Тверская. Сказаніе о кончинѣ Михаила Тверскаго см. П. С. Р. Л. IV, прибавленіе, а болѣе подробное въ Никон. Договорныя грамоты Бориса съ Казиміромъ въ Актахъ Зап. Рос. I. №№ 50, 51, а съ Василіемъ Темнымъ въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 76, 77. Борзаковскаго—Исторія Тверскаго княжества.

59. Лѣтописи, преимущественно Никоновская. Договорныя грамоты, сюда относящіяся, см. въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 36, 48, 65 и Акт. Арх. I. №№ 25, 26. Акты Запад. Рос. I. № 50. Иловайскаго—„Исторія Рязанскаго княжества". Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Рязанскихъ казаковъ, т.-е. о сторожевой или военной колонизаціи на юго-восточной Рязанской украйнѣ, находится вопросъ о принадлежности къ Рязанской землѣ степного пространства на лѣвой сторонѣ Дона между его притоками Воронежомъ и Хопромъ. Въ XIV вѣкѣ это пространство носило по преимуществу названіе „Червленаго Яра"; о чемъ въ особенности свидѣтельствуютъ грамоты митрополитовъ Ѳеогноста и Алексѣя, которыя утверждали означенное пространство за Рязанской епархіей, вопреки притязаніямъ на него епископовъ Сарайскихъ. См. моей „Исторіи Рязан. княж." стр. 141—144. О „Червленомъ Ярѣ" см. также Вейнберга „Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи". Воронежъ. 1891. 29 стр. По поводу „бѣлыхъ каменныхъ столбовъ, подобныхъ стогамъ", упоминаемыхъ въ путешествіи митр. Пимена, около устья Тихой Сосны, укажу на извѣстіе Книги Большого Чертежа. стр. 45: „а ниже устья Сосны на Дону Донская бесѣда, каменный столбъ и каменныя суды". Но это извѣстіе относится къ Быстрой Соснѣ, а не Тихой. Нѣтъ ли тутъ ошибки въ описаніи „Путешествія"? О Донской бесѣдѣ какъ рядѣ причудливыхъ скалъ на правомъ берегу Дона см. въ назван. сейчасъ изслѣдованіи Вейнберга стр. 21.

60. Лѣтописи: Арханг., Воскр., Никонов., Гваньинъ—Sarmatiae Europeae descriptio. „Опытъ Казанской исторіи"—Рычкова. С.-Пб. 1767. Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія". С.-Пб. 1791. „Скиеская исторія Лызлова", изданная Новиковымъ. М. 1787. Эти три сочиненія, изданныя въ прошломъ столѣтіи, представляютъ смѣсь разныхъ извѣстій и преданій, достовѣрныхъ и недостовѣрныхъ. Къ сожалѣнію, мы еще не имѣемъ исторіи Казанскаго царства въ такой же научной обработкѣ, которую представляетъ обширный трудъ В. В. Вельяминова-Зернова „Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ". Критическій сводъ всѣхъ

извѣстій, относящихся къ возникновенію Касимовскаго ханства, въ связи съ началомъ царства Казанскаго, см. въ I томѣ этого труда (С.-Пб. 1863 г.), въ первой главѣ.

61. Главный источникъ для исторіи Литовской Руси того времени есть *Длугошъ*, современникъ событій и переворотовъ, совершившихся въ ней по смерти Витовта. (Historiae Polonicae Lib. XI—XIII). Далѣе слѣдуютъ: *Бѣльскій* (Kronika Polska). *Кромеръ* (De orig. et rebus gest. Polonorum. Lib. XX—XXII). *Мѣховій* (Chron. Reg. Polon. L. IV). *Кояловичъ* (Historiae Lituan). *Стрыйковскій* (Kronika. T. II. Кн. XVI—XVIII). Pomniki do dziejôw Litew. изд. *Быховца*. Lietopisiec Welik. kniazei Litow. изд. *Даниловича*. (Эти два лѣтописца сообщаютъ подробности о убіеніи Сигизмунда и Смоленскомъ бунтѣ 1441 года). Scarbiec diplomatów—Даниловича. T. II. См. также Акты, относ. къ исторіи Запад. Рос. Т. I. №№ 37 и 38, и Акты, отн. къ ист. Южной и Зап. Р. I. №№ 19 и 20. Эти акты, вопреки разсказамъ польскихъ историковъ, также показываютъ, что до самаго 1438 года включительно Свидригайло владѣлъ Волынскою и Кіевскою землею. Онъ продолжаетъ именовать себя великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ и раздаетъ жалованныя грамоты, подписанныя то въ Луцкѣ, то въ Острогѣ или Кіевѣ. Archivum Sanguszkôw. Тутъ любопытна грамота 1432 года папы Евгенія IV, разрѣшающая Литвиновъ отъ присяги Свидригайлу какъ ихъ в. князю (Т. I. № XXXII). Пособія: Нарбутъ Dziejè Narodu Litewskiego. T. VII и VIII. *Коцебу* „Свитригайло великій князь Литовскій“ (перев. съ нѣмец. Спб. 1835). *Стадницкій* Bracia Władysława-Jagiełły. (§ XI. Swidrygiełło-Bolesław). *Зубрицкій* «Критико-историческая повѣсть Червонной или Галицкой Руси». (Переводъ съ Польскаго Бодянскимъ. М. 1845). *Шараневича* «Исторія Галицко-Володимірской Руси до року 1453». Львовъ. 1868. *Каро* Geschichte Polens. IV. B. Gotha. 1875. О покушеніи Михаила Сигизмундовича посредствомъ своихъ клевретовъ убить Казиміра IV на охотѣ, сообщаетъ собственно лѣтопись Быховца (стр. 55); при чемъ она постоянно называетъ его *Михайлушка* Жигимонтовичъ; а за ней тоже и Стрыйковскій (II. 204).

62. Разсказъ о заговорѣ Поляковъ на жизнь Литвиновъ находится въ лѣтописи Быховца стр. 57 — 58 и у Стрыйковскаго кн. XVIII. Первая относитъ его ко времени тотчасъ послѣдовавшему за коронаціей Казиміра, а вторая къ 1451 г. Но Шараневичъ въ своей Исторіи Гал.-Влад. Руси пріурочиваетъ его къ Парчовскому сейму 1463 года (442 — 444 стр.); его доводы были бы основательны, если бы весь этотъ разсказъ можно было считать достовѣрнымъ. По договорной грамотѣ Василія Темнаго съ Казиміромъ IV въ 1449 г. первый обязался не принимать къ себѣ князя «Михайлушка», а второй—Димитрія Шемяку. Грамота эта, заимствованная изъ Литов. метрики, издана сначала въ Сборникѣ Муханова (М. 1836) подъ № 7, а потомъ въ Актахъ Зап. Рос. I. № 50. Мухановъ, еще незнавшій

лѣтописи Быховца (изданной 1846 г.), объяснилъ Михайлушку княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ (см. Примѣчанія). Въ Актахъ З. Рос. его ошибка исправлена. Разсказъ объ отравленіи Михаила Сигизмундовича см. въ той же лѣтописи Быховца, стр. 56.

63. Разнообразныя извѣстія о заговорѣ Бѣльскаго и Олельковича и его исходѣ встрѣчаются у нѣмецкаго хрониста въ XVI вѣкѣ Альберта Кранца (Vandalia. I. XIII) и въ «Русской Хроникѣ» издан. Даниловичемъ. См. также Нарбута. Т. VIII. Dodat. № X. Герберштейна. Посланіе кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго къ Сигизмунду Августу въ 1567 г.—«Вивліоѳика» Новикова т. XV. изд. втор. Перепечатано въ Скарбцѣ Даниловича т. II. Образчики договорныхъ и присяжныхъ грамотъ Казиміра съ удѣльными русскими князьями см. въ Актахъ Зап. Россіи I. №№ 41, 48, 63. Отрывочные обзоры судьбы удѣльныхъ княжествъ Литовско-Русскаго государства можно найти въ обширномъ изслѣдованіи Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства». Очеркъ I. (Чт. Об. И. и Д. 1892. кн. 3). Только авторъ несовсѣмъ вѣрно придаетъ Литовско-Русскому государству «федеральный характеръ». Точнѣе это была смѣсь удѣльной системы съ феодальною. Самый переходъ этой системы къ государственному единству остался недостаточно обслѣдованнымъ и выясненнымъ.

64. Относительно Григорія Болгарина см. подтвердительную буллу на его поставленіе папы Пія II отъ 8 августа 1458 г. въ Прибавленіяхъ къ т. VI. Полн. Соб. Р. Лѣт.; а грамоты митрополита Іоны къ Западнорусскимъ епископамъ о непризнаніи Григорія митрополитомъ въ Актахъ Историч. I. №№ 62 и 63, и его же нѣкоторыя другія посланія о томъ же предметѣ см. въ Историч. Библіотекѣ т. VI. О Григоріи Болгаринѣ и его преемникѣ Мисаилѣ см. Макарія «Исторія Рус. Церкви», т. IX. А о Кіевѣ въ XIV вѣкѣ проф. Антоновича «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе» (Кіевская старина. 1882. Январь).

65. Хожденіе митрополита Пимена въ Царьградъ, составленное смоленскимъ іеродіакономъ Игнатіемъ, въ Никон. Лѣт. т. IV. «Сказанія русскихъ людей» Сахарова. 97—107. Отрывокъ изъ Ланнуа, относящійся къ его посѣщенію Западной Руси и Татаръ, въ указанномъ выше Познанскомъ изданіи Лелевеля и въ III томѣ Записокъ Од. Об. Ист. и Др. съ примѣчаніями Бруна. Записки Шильтбергера изданы въ Запискахъ Новор. Университета, т. I, 1867 г. въ русскомъ переводѣ и со многими примѣчаніями того же проф. Бруна. Относительно генуезскихъ колоній на Черномъ морѣ главное пособіе: *Мурзакевича* «Исторія Генуезскихъ поселеній въ Крыму». Одесса. 1837. Его же «Генуезскіе консулы города Кафы» (Зап. Од. Об. Ист. и Др. т. III). Его же «Донесеніе объ осмотрѣ архива банка св. Георгія» (ibid. т. V). *Волкова* «О соперничествѣ Венеціи съ Генуею въ XIV вѣкѣ» и «Сборникъ венеціано—генуезскихъ грамотъ 1342—1491 гг.» (ibid. т. IV). Его же «Четыре года города Кафы» (ibid. VIII). *Юргевича* «Уставъ

для Генуезскихъ колоній на Черномъ морѣ 1449 года», «Генуезскія надписи въ Крыму» и «Донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ въ 1861 г.» (ibid. т. V). Его же «О могилахъ генуезскихъ, находимыхъ въ Россіи» (ibid. т. VIII) и «Новыя генуезскія надписи» (ibid. т. VII). Вообще о Таврич. полуостровѣ той эпохи *Сестренцевичъ-Бугушъ* Histoire de la Tauride. Brunswich. 1800. (Русскій переводъ изданъ въ 1806 г.). Кеппена «О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ». Спб. 1837. Архимандрита Антонина—«Замѣтки XII—XV вѣка на греч. Синаксарѣ, относящіяся къ городу Сугдеѣ» (Зап. Од. Об. т. V).

66. «Путешествіе Іосафата Барбаро въ Тану» издано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ и комментаріями В. Семеновымъ въ его «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи» т. I. Спб. 1836. О городѣ Танѣ см. Леонтьева «Розысканіе на устьяхъ Дона» (Пропилеи, кн. IV). Что касается окончательнаго отдѣленія Крымской Орды отъ Золотой и въ особенности происхожденія династіи Гиреевъ, въ этомъ отношеніи господствуетъ порядочная темнота и сбивчивость въ исторіографіи вообще, а въ особенности у Хаммера въ его Geschichte der Goldenen Horde и Geschichte der Chane der Krim (Wien. 1856). По его «Исторіи Золотой Орды» (стр. 384) Эдигей погибъ въ сраженіи на берегахъ Яксарта только въ 1431 году. Болѣе сообразно съ обстоятельствами предположеніе проф. Бруна, высказанное въ помянутыхъ выше коментаріяхъ къ Ланнуа, что Солкатскій ханъ, умершій передъ его пріѣздомъ, «вѣроятно былъ Эдигей». Разсказы прежнихъ историковъ (Дегиня, Сестренцевича, Нарушевича, Карамзина и пр.), основанные на сочиненіяхъ Хивинскаго хана Абульгази, Литвина Михалона, жившаго въ XVI в. (De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum. См. Архивъ Историко-юрид. свѣд. М. 1854) и нѣкотор. др., о томъ, какъ царевичъ Ази былъ воспитанъ Гиреемъ и какъ Татары Крымскіе получили его себѣ на царство изъ рукъ Витовта,—эти разсказы не выдерживаютъ критики. Мы видѣли, что въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка, т.-е. по смерти Витовта, Барбаро не упоминаетъ ни о какомъ особомъ крымскомъ царѣ. Съ этимъ обстоятельствомъ совпадаетъ извѣстіе нашихъ лѣтописей о томъ, какъ Василій Васильевичъ тягался въ Сараѣ со своимъ дядею Юріемъ о великомъ княженіи передъ Улу-Махметомъ; при чемъ сторонникъ Юрія мурза Ширинъ-Тягиня ѣздилъ съ нимъ на зимовку въ Крымъ въ 1432 году; этотъ мурза конечно былъ главою одного изъ пяти знатнѣйшихъ крымскихъ родовъ (Ширинскаго), а Крымская Орда очевидно находилась тогда въ подчиненіи у Сарайскаго хана. Поэтому гораздо болѣе достовѣрно извѣстіе такъ наз. Хроники Быховца подъ 1446 г., гдѣ говорится, что пришли къ великому князю Казиміру князья, уланы и всѣ мурзы Ширинскіе и Бахрынскіе и отъ всей орды Перекопской, и просили у него себѣ на царство Ачгирея, который выѣхалъ изъ орды при Сигизмундѣ и получилъ отъ него городъ Лиду; Казиміръ отпустилъ его съ честію въ сопровожденіи земскаго маршалка Ра-

дивила, который и посадилъ его на Перекопскомъ царствѣ. Нарбутъ ссылается еще на одну рукопись съ выписками изъ Лидскихъ актовъ, которые подтверждаютъ, что Хаджи Гирей дѣйствительно держалъ Лидское староство (VIII. 56). Это извѣстіе въ общихъ чертахъ подтверждается грамотою в. кн. Александра Казиміровича къ Менгли-Гирею въ 1492 г., гдѣ говорится «также и тебѣ вѣдомо, ижъ и отецъ твой царь Гаджи-Кгирей у отца нашего хлѣбъ соль ѣлъ и оттоль и столца царскаго досталъ» (Акты Запад. Рос. I. № 102).

Еще матеріалы и пособія для начальной исторіи Крымской орды: *Негри* «Извлеченія изъ Турецкой рукописи, содержащей исторію Крымскихъ хановъ». (Зап. Од. Об. Ист. и Др. т. I). *Григорьева* «Монеты Джучидовъ, Генуезцевъ и Гиреевъ, битыя на Таврич. полуостровѣ» (ibid. т. I). *Броневскаго* Tartariae Descriptio въ переводѣ Шершеневича и съ примѣчаніями Мурзакевича (ibid. т. VI). Кромѣ того нѣсколько свѣдѣній о Крымской исторіи той эпохи у Длугоша, Кромера, Мѣховія и Гвагнина. *Березина* «Тарханные ярлыки Крымскихъ хановъ» (Зап. Од. Об. VIII). *Спасскаго* «Старый Крымъ» (ibid. IV). *Хартахая* «Историч. судьба Крымскихъ Татаръ» (Вѣст. Европы. 1866 іюнь и 1867 іюнь). *Сестренцевича* Histoire du Royaume de la Chersonèse Taurique. 2 edit. St. Prsb. 1824. *Абульгази* Historia Mongolorum et Tatarorum. Casani. MDCCCXXV. *Мухамеда-Разы* Исторія Крымскихъ хановъ (Ассебъ-оссейяръ или семь планетъ. Издана подъ наблюд. Казембека. Казань. 1832). *Вельяминова-Зернова* «Матеріалы для Исторіи Крыма». Въ его же «Изслѣд. о Касимов. царяхъ и царевичахъ» приведены выписки изъ Родословной царей Крымскихъ и Астраханскихъ, по рукописному Синопсису Сторожев. монастыря; по этой Родословной Ази-Гирей является сыномъ Дулатъ-Бердея, внукомъ Тохтамыша (I. 44). Точно также по Родослов. книгѣ, изданной во Времен. Моск. Об. Ист. и Др. кн. 10, стр. 129 и 222. По этой Родословной отецъ Ази-Гирея Дулатъ-Бердей жилъ въ Литвѣ у Витовта. Въ томъ же изслѣдованіи Вельяминовъ-Зерновъ, по поводу брата Менгли Гиреева Нуръ-Доулета, бывшаго потомъ Касимовскимъ ханомъ, приводитъ любопытную выписку изъ Дженнаби, восточнаго писателя XVI вѣка, о Менгли-Гиреѣ. Взятый Турками въ плѣнъ при завоеваніи Манкупа и отвезенный въ Константинополь, онъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками осужденъ былъ Магометомъ II на казнь; но помилованъ въ минуту исполненія приговора, осыпанъ почестями и отправленъ въ Крымъ въ качествѣ султанскаго намѣстника (I. 101). Эти разсказы Дженнаби впрочемъ не вполнѣ достовѣрны въ своихъ подробностяхъ. Недостовѣрно также сообщеніе Эль-Дженнаби о происхожденіи Крымскихъ хановъ отъ Кучукъ Магомета, Тохтамышева сына (?). (Тизенгаузена «Сборникъ». 538).

67. Лѣтописи Новгородскія, Псковскія и Софійскія. О войнѣ Пскова съ Нѣмцами и событіяхъ въ Эстоніи см. Scriptores Rer. Livonic. II. Бунге Livl.

Urkundenbuch. II. Пособія: Рутенбергъ (Gesch. der Ostseeprov.) и Боннель (Russ.-Livländ. Chronographie).

68. Лѣтописи тѣ же. Пособія: *Далинъ* Geschichte des Reiches Schweden и *Гейеръ* Geschichte Schwedens. О Болотовскомъ договорѣ Новгорода съ Псковомъ сообщаютъ Новогородская Четвертая, подъ 1348 г. Новогородская Третья и Софійская Первая подъ 1347 г. Названіе Пскова младшимъ братомъ Новгороду приводится въ Новогородской Третьей. О моровой язвѣ въ Псковѣ и кончинѣ владыки Василія см. Новогородскую Четвертую лѣтопись и Псковскую Первую.

69. Лѣтописи Новогородскія. Acta Patriarch. Constant. I. Бѣляева «Церковь и духовенство въ древнемъ Псковѣ» (Чтенія въ Москов. Общ. Любителей Духовн. просв. 1863). Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Спб. 1873. Его же «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ». Спб. 1879. Памятники Старин. Рус. Литературы. I. («Повѣсть о Новогородскомъ бѣломъ клобукѣ»).

70. Лѣтописи Новогородская Первая и Четвертая, Софійская Первая. Acta Patriar. Conts. II. Отсюда перепечатаны съ рус. переводомъ двѣ грамоты патріарха Антонія въ Новгородъ въ Рус. Историч. Библіотекѣ VI. Приложенія №№ 37 и 38.

71. Лѣтописи Новогородскія и Никоновская.

72. Новогород. IV. Псков. Софійск. Воскресен. Никон. Акты Арх. Эксп. I. №№ 32, 57, 59, 372. Карамз. V, прим. 361. (Тутъ договор. грамота Яжелбицкая). Подробности битвы подъ Русою см. въ Воскресен. и Никон. О заговорѣ Новогородцевъ противъ Василія сообщаетъ Софійская лѣт.

73. О нашествіи Витовта Псковская I. Воскресен. Никон. О князѣ Александрѣ Чарторыйскомъ, временномъ учрежденіи архимандріи, мздоимствѣ Іоны и ходатайствѣ у вел. князя объ отдѣльн. епископѣ въ Псков. Первой. А жалоба Іоны митрополиту см. въ Акт. Истор. I. № 277. О неудачной попыткѣ поставить двухъ собственныхъ церковныхъ правителей Псков. Первая. Пособія: помянутыя выше соч. Бѣляева и Никитскаго.

74. Вопросъ о Новогородской боярской думѣ поставленъ и отчасти разработанъ проф. Никитскимъ въ его статьѣ *Правительственный Совѣтъ* («Очерки изъ Жизни В. Новгорода». Журн. М. Нар. Просв. 1869. Октябрь), гдѣ и указаны подходящія мѣста изъ Рус. лѣтописей, грамотъ и актовъ, а также изъ Сборника Бунге Urkundenbuch и Русско-Ливонскихъ актовъ, собранныхъ Наперскимъ. Относительно того, что новогородское боярство было сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а не торговцевъ (какъ нѣкоторые думали), прямыя указанія мы имѣемъ въ Новогородскихъ грамотахъ, купчихъ, рядныхъ и особенно духовныхъ (*Акты Юридическіе*). Кромѣ того см. Ланнуа. Бѣляевъ въ своей «Исторіи Новгорода Великаго» (57 стр.) приводитъ одну неизданную грамоту начала XV вѣка о пожертвованіи Богородицкому

монастырю нѣкоторыхъ земель въ Толвойскомъ краю, на Онѣжскомъ озерѣ. Жертвователи крупные мѣстные землевладѣльцы названы здѣсь «*скотники* и *помужники* Толвойской земли». Въ числѣ ихъ поминаются новогородскій посадникъ и два тысяцкихъ. На существованіе особыхъ поборовъ съ Новогородскихъ волостей въ пользу посадника и тысяцкаго указываетъ Жалованная вѣчевая грамота 1411 года на взиманіе *поралья* посаднича и тысяцкаго съ «сиротъ» (крестьянъ) Терпилова погоста (сосѣдняго съ Двинскою слободою), по старинѣ; именно: «по сороку бѣлъ, да по четыре сѣва муки и по десяти хлѣбовъ». (Акты Истор. I. № 17).

75. Источники: Новогородскія и Псковскія лѣтописи. Пособія: «Исторія княжества Псковскаго». Кіевъ. 1831. (митроп. Евгенія). Костомарова «Сѣвернорусскія народоправства“, Бѣляева—„Исторія города Пскова и Псковской земли“, Никитскаго—„Очеркъ внутренней исторіи Пскова“. Его же: „Военный бытъ В. Новгорода“ (Рус. Старина. 1870), „Областной бытъ В. Новгорода“ (1872) и „Экономич. бытъ В. Новгорода“ (чт. О. И. Д. 1893 Кн. 2-я).

76. Ланнуа. См. также въ *Географ. Извѣст.* (Русскаго Географич. Общества. 1850 г. Выпускъ первый) статью Савельева о путешествіи Гильберта-де-Ланноа въ Великій Новгородъ и Псковъ. О новгородской иконѣ съ изображеніемъ молящагося семейства см. изслѣдованіе Филимонова въ Вѣстникѣ Общества Древнерусскаго искусства. № 6—10. М. 1875.

77. Договорныя и духовныя грамоты Москов. князей въ Собр. Г. Гр. Дог. I. №№ 21, 24, 33, 34, 35, 39, 40, 43, 45, 71, 127—128. Татарскую эпоху характеризовали господствомъ вотчиннаго начала на Руси въ особенности Соловьевъ (въ своей „Исторіи Россіи“ IV), Кавелинъ (см. его „Сочиненія“) и Чичеринъ („Опыты по Исторіи Рус. права“). Сюда же примыкаетъ сочиненіе Хлѣбникова („О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ Русской исторіи“. С-Пб. 1869). Тоже господство вотчиннаго или частнаго права въ Сѣверовосточной Руси въ данную эпоху развиваетъ Ключевскій („Боярская Дума древней Руси“); не въ такой степени допускаетъ его Бестужевъ-Рюминъ („Русская Исторія“. I); а Костомаровъ отличаетъ эту эпоху на Руси борьбою монархизма съ феодализмомъ („Начало единодержавія въ древней Руси“. Вѣстн. Евр. 1870. Ноябрь и декабрь). Дьяконовъ („Власть Москов. государей“. Спб. 1889) по отношенію къ XV вѣку касается только церковной стороны, наприм., воззрѣнія нашихъ книжниковъ на в. князя Московскаго, какъ на защитника православія, по поводу Флорент. уніи и паденія Византіи.

78. Главными источниками для изученія боярскаго и вообще служилаго сословія въ эту эпоху, кромѣ лѣтописей, служатъ договорныя и духовныя грамоты князей, жалованныя и судныя грамоты. См. Собр. Г. Г. и Д. Акты Историч., Акты Юридич., Акты Археогр. Экспед. и т. п. Вмѣстѣ

съ сочиненіями проф. Загоскина „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія“ (Каз. 1876) и „Исторія права Московск. Государства“. II. (*Дума Боярская*. Каз. 1879), лучшее пособіе по сему предмету это проф. Ключевскаго „Боярская Дума древней Руси“. М. 1881. Тутъ же находимъ наиболѣе удовлетворительныя объясненія вопросовъ, что такое бояре путные и введенные (см. главы V и VI), и какъ складывалась іерархическая боярская лѣстница съ ея послѣдствіемъ или мѣстничествомъ. „Первый разрядъ, который тонкимъ слоемъ легъ на поверхности московскаго боярства, составили высшіе служилые князья, предки которыхъ пріѣхали въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ русскихъ столовъ: таковы были потомки Литовскаго князя Юрія Патрикѣевича, также князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пенковы, Ростовскіе, Шуйскіе и др.; изъ простого (т.-е. нетитулованнаго) московскаго боярства одни Кошкины съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались среди этой высшей знати. Затѣмъ слѣдуютъ князья, предки которыхъ до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ Тверскомъ, Ярославскомъ и другихъ, князья Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе; къ нимъ присоединилось и все первостепенное нетитулованное боярство Москвы, Воронцовы, Челяднины и др. Въ составъ третьяго разряда вмѣстѣ со второстепеннымъ московскимъ боярствомъ, съ Колычевыми, Сабуровыми, Салтыковыми, вошли потомки мелкихъ князей удѣльныхъ или оставшихся безъ удѣловъ еще прежде, чѣмъ ихъ бывшія вотчины были присоединены къ Москвѣ, князья Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и многіе др. Этотъ іерархическій распорядокъ былъ основанъ на происхожденіи, мало поддавался дѣйствію личныхъ заслугъ, какъ и произвола московскихъ государей, и дѣлалъ большіе успѣхи къ стремленію стать наслѣдственнымъ. На этомъ распорядкѣ держалось и мѣстническое боярское *отечество*, т.-е. созданное предками и переходившее по наслѣдству къ потомкамъ служебное отношеніе лица и фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ“. (Стр. 237). По поводу того, что въ Москвѣ около половины XV в. встрѣчаются боярскія фамиліи, вышедшія изъ всѣхъ концовъ Руси, тотъ же авторъ приводитъ слѣдующіе примѣры: „Съ Волыни шли Волынскіе, изъ Кіева Квашнины, Разладины, изъ Чернигова Плещеевы, Ѳомины, Игнатьевы, изъ Смоленска Ѳоминскіе, Всеволожскіе, изъ Мурома Овцины, изъ Твери Олферьевы, Безнины, Шетневы, изъ Орды Сабуровы, Годуновы, Старковы, изъ Крыма Ховрины-Головины, изъ Литвы князья Патрикѣевы съ позднѣйшими отраслями Голицыными и Куракиными, изъ Прусіи Кошкины сь отраслями своими Захарьиными, Беззубцевыми и съ родичами Колычевыми и друг. Фамиліи различнаго происхожденія, первыя поколѣнія которыхъ нѣкоторое время кружились по Сѣверной Руси, пока не усѣлись въ Москвѣ въ половинѣ XV вѣка: Морозовы, Скрябины, Поклевины, Бутурлины, Челяднины и многіе др.“ (стр. 183—184). Критическія замѣтки на сочиненія о Бо-

ярской Думѣ гг. Загоскина и Ключевскаго, во-первыхъ, проф. Владимірскаго-Буданова въ Сборникѣ Государст. знаній. Т. VIII. Спб. 1880, а во-вторыхъ, проф. Сергѣевича въ его «Рус. Юридич. древности». Т. II. Вып. 2. Спб. 1896. Послѣдній особенно строго разбираетъ трудъ Ключевскаго, впрочемъ, не съ фактической, а съ теоретической стороны.

Къ данной эпохѣ относится любопытный документъ, найденный проф. Соловьевымъ въ дѣлѣ объ извѣстномъ вельможѣ XVIII вѣка А. П. Волынскомъ (въ Госуд. Архивѣ) и помѣщенный въ приложеніяхъ къ XX тому „Исторія Россіи" (стр. 484). Это *Списокъ съ грамоты мѣстные*. Содержаніе его слѣдующее: Димитрій Константиновичъ, великій князь Нижегородскій (тесть Димитрія Донского), *по челобитью и печалованію* своего духовнаго отца архимандрита Нижегородскаго Печерскаго монастыря Іоны и по благословенію Серапіона, владыки Нижегородскаго, Городецкаго Сарскаго и Курмышскаго, пожаловалъ своихъ бояръ и князей, далъ имъ мѣстную грамоту съ указаніемъ: „кому съ кѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть". Ближайшее къ великому князю мѣсто назначилъ онъ своему тысяцкому Димитрію Алибуртовичу (т.-е. Любартовичу, сыну Любарта Гедиминовича) князю Волынскому: „А подъ Димитріемъ садиться князю Ивану Васильевичу Городецкому; да противъ его въ скамьѣ садиться Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ Иваномъ князю Ѳедору Полскому Андреевичу, да садиться боярину его Василію Петровичу Новосильцеву. А пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ изъ полону государя своего дважды великаго князя Димитрія Константиновича, а втретье окупилъ великую княгиню Марѳу. Да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Димитрію Ѳедоровичу Курмышскому. А къ мѣсной грамотѣ князь великій велѣлъ боярамъ своимъ и дьяку руки прикладывать, а мѣстную грамоту писалъ великаго князя дьякъ Петръ Давыдовъ, сынъ Русинъ". Грамота эта любопытна во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что показываетъ составъ княжеско-боярской думы въ одномъ изъ наиболѣе крупныхъ удѣловъ второй половины XIV вѣка, и порядокъ думныхъ мѣстъ. Составъ не многочисленъ: всего восемь членовъ и большая часть ихъ суть служилые потомки удѣльныхъ князей; причемъ двоимъ изъ такихъ князей назначены мѣста ниже двухъ простыхъ (нетитулованныхъ) бояръ, братьевъ Новосильцевыхъ. А эти два брата представляютъ примѣръ богатыхъ купцовъ, пожалованныхъ въ бояре за денежныя услуги великому князю и великой княгинѣ, именно за уплату ихъ долговъ, (вѣроятно ордынскихъ). Замѣчаніе о той же грамотѣ см. еще въ V приложеніи къ названному выше сочиненію Ключевскаго, по соображеніямъ котораго она относится къ 1380—81 г.

Относительно *окольничаго*, одного изъ придворныхъ сановниковъ, вслѣдъ за Соловьевымъ („Исторія Россіи", т. IV, глава III) и Калугинымъ (Окольничій" въ Архивѣ Истор. Юрид. Свѣд. Калачова, т. II, кн. 1-я) обыкно-

венно повторяется мнѣніе, что этотъ санъ мы встрѣчаемъ только въ XIV в., именно со временъ Симеона Гордаго. Но окольничій упоминается уже въ XIII вѣкѣ. Такъ мы находимъ его въ числѣ бояръ Смоленскаго князя Федора Ростиславича въ одной судной грамотѣ 1284 года. (Русско-Ливонскіе акты. № XXXVII). Изъ позднѣйшихъ источниковъ видно, что окольничій при походахъ и разъѣздахъ царскихъ посылался впередъ и приготовлялъ станы или мѣста царскихъ остановокъ. А изъ Судебника видно, что вѣдѣнію окольничьяго подлежитъ „поле" или судебный поединокъ.

79. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что въ древней Россіи не существовало частной поземельной собственности, что помѣстье есть древнѣйшая форма землевладѣнія и что изъ помѣстій развились вотчины (*Лакьера* „Помѣстья и Вотчины". Спб. 1848). Другіе какъ бы смѣшиваютъ помѣстья съ кормленіями (*Неволина* „Исторія Росс. гражданскихъ законовъ" т. II). См. о томъ же предметѣ критику *Погодина* на Лакьера (Москвитянинъ. 1848 г. ч. 3-я) и *Кавелина* (Сочиненія т. III). Существованіе частной поземельной собственности въ древней Россіи отстаиваетъ Гладковъ въ своей диссертаціи („О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной собственности по началамъ древн. Рос. законод." М. 1855). О томъ же вопросѣ см. въ диссертаціи Градовскаго („Исторія Мѣстнаго Управленія въ Россіи". Спб. 1868 г. Глава I) и въ изслѣдованіи Н. Загоскина („Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ Допетровской Руси". Казань. 1876).

80. Акты историч. I. №№ 13, 36, 71. Акты Археогр. Эксп. I. № 9. С. Г. Г. и Д. I. №№ 1, 3, 21, 23, 25, 27, 33, 40, 61, 76, 83, 87. Мнѣнія о происхожденіи сословія дѣтей боярскихъ довольно разнообразныя. См. Соловьева (Ист. Рос. IV. Глава III), Павлова („Объ историч. значеніи царствованія Бориса Годунова"), Бѣляева („О дружинѣ и земщинѣ въ Моск. государствѣ" — Временникъ Общ. И. и Др. 1849. № 2. „О служилыхъ людяхъ въ Моск. госуд., собственно о боярахъ".—Ibid. № 3. „Служилые люди въ Москов. госуд., слуги или дворяне, а впослѣдствіи дѣти боярскія"—Московскій Сборникъ. Т. I. М. 1852). Сводъ разныхъ мнѣній см. въ соч. Горбунова „О льготныхъ грамотахъ монастырямъ и церквамъ" (Архивъ Историч. и практич. свѣдѣн. изд. Калачова. Т. VI); причемъ значительная ихъ часть склоняется къ тому, что сословіе боярскихъ дѣтей, главнымъ образомъ, произошло изъ обѣднѣвшихъ отраслей размножившихся боярскихъ родовъ.

О количествѣ боярскихъ дѣтей въ ту эпоху приблизительно можемъ судить по извѣстію итальянца Кампензе, относящемуся къ первой половинѣ XVI вѣка. (Переведенъ въ „Библіот. Иностран. писателей" Семенова). По его словамъ, въ Рязанскомъ княжествѣ считалось до 15,000 конницы, въ Московскомъ 30,000, а въ Тверскомъ 40,000. Но мы полагаемъ, что въ этомъ извѣстіи цифры едва ли не перепутаны; принимая въ разсчетъ всѣ

обстоятельства, вѣроятнѣе расположить ихъ такимъ образомъ: въ Московскомъ княжествѣ 40,000, въ Рязанскомъ 30,000 и въ Тверскомъ 15,000.

81. Грамота митрополита Кипріана 1390 г. въ Актахъ Арх. Эксп. Т. I. № 11. Грамоты, относящіяся до крестьянскихъ переходовъ и Юрьева дня, см. Акты Арх. Эксп. I. №№ 17, 23, 46, 48, 73, 64, 83. Грамота Василія Темнаго о селѣ Присѣкахъ въ Ак. Ист. I. № 59. Главное пособіе И. Бѣляева—*Крестьяне на Руси*. М. 1860. Сочиненія и статьи по вопросу о сельской общинѣ въ древней Россіи указаны въ 40 примѣчаніи ко Второй части I тома моей Исторіи Россіи. Прибавимъ указаніе на монографію Градовскаго („Общественные классы въ Россіи до Петра I". Жур. «Мин. Нар. Пр. 1868), на упомянутую выше книгу Хлѣбникова („О вліяніи общества на организацію государства") и сочиненіе Тумасова „Крестьянство до конца XVI вѣка". Кіевъ. 1872. Въ вопросѣ о Сельской общинѣ эти писатели примыкаютъ къ мнѣнію Бѣляева, т.-е. считаютъ ея происхожденіе болѣе древнимъ и самостоятельнымъ. Блюменфельда.—„О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи". Одесса. 1884. Онъ въ своихъ выводахъ является сторонникомъ теоріи задружно-семейной общины.

Межъ тѣмъ какъ въ Московскомъ великомъ княженіи уже начались попытки къ прикрѣпленію крестьянъ, въ Рязанской землѣ наоборотъ свободный переходъ крестьянъ подтверждается междукняжескими договорами даже въ концѣ XV вѣка. Именно въ договорѣ великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ своимъ удѣльнымъ княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ въ 1496 г. находится такое выраженіе: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ и *христіаномъ* межъ насъ вольнымъ воля". (С. Г. Г. и Д. №№ 127 и 128). Впрочемъ, это право признается тутъ только въ предѣлахъ той же Рязанской земли.

82. Пособія: Сергѣевича *Вѣче и князь* (Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей). М. 1867. Градовскаго *Уѣздъ Московскаго государства* (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Т. I). Проф. Ключевскій указываетъ на «связь становъ со старинным городскимъ дѣленіемъ на сотни». (Отчетъ о 15-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 1873 г. Разборъ сочиненія Горчакова «О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода». Спб. 1868). Неволина—*О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ* (Записки Рус. Географ. Общ. VIII. 1853 г.). Забѣлина—библіографическій отчетъ объ этомъ изслѣдованіи („Опытъ изученія Рус. древностей" ч. I. М. 1872). Какъ извѣстно, Неволинъ относитъ дѣленіе Новогородской земли на пятины ко времени уже Московскаго владычества. Его мнѣнію слѣдовали: Костомаровъ („Сѣверно-русск. Народоправства». II. 63), Чичеринъ („Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.". 68 стр.). Еще прежде Неволина того же мнѣнія держался Ходаковскій (Рус. Историч. Сборникъ. Т. I, кн. 3, стр. 100. 1837 г.). Неволинъ ссылается на то, что названіе пятинъ не встрѣчается въ источникахъ ранѣе Московскаго завоеванія. Противъ

такого доказательства основательно возразилъ Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи (Т. IV, прим. 224). Онъ говоритъ, что въ лѣтописяхъ нѣтъ этого названія и послѣ завоеванія, и нельзя смѣшивать лѣтописей по точности данныхъ съ актами и писцовыми книгами. Въ особенности убѣдительна его ссылка на слѣдующее свидѣтельство Герберштейна о Новгородѣ: Civitas latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat; quarum quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat, или: „Городъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей, изъ которыхъ каждая часть тянула къ начальству своей части" (т.-е. своего конца). Впрочемъ, названіе „пятины" встрѣчалось и въ другихъ мѣстахъ, какъ указалъ тотъ же Ходаковскій. Въ нѣкоторыхъ актахъ новогородскіе погосты называются — *потуги*. „А купецъ поѣдетъ во сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ" — говорится въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Москвою 1456 и 1471 гг. (Акты Арх. Эксп. I. № 57 и С. Г. Г. и Д. I. № 20). „Кто купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ пойдетъ въ свой погостъ" — въ договорахъ Новгорода съ Тверью въ первой половинѣ XIV вѣка. (С. Г. Г. и Д. I. № 9 и 15).

83. Уставныя грамоты: Двинская, Бѣлозерская и Новогородская Судная изданы въ Актахъ Археогр. Эксп. Т. I. №№ 13, 92 и 123. А Псковская Судная грамота, извѣстная прежде по отрывку у Карамзина (Т. V, пр. 404), издана вполнѣ Мурзакевичемъ въ Одессѣ, въ 1847 г.; второе изданіе въ 1868. Всѣ эти грамоты вполнѣ перепечатаны и снабжены прекрасными комментаріями у *Владимірскаго-Буданова* въ его „Христоматіи по Исторіи Русскаго права". Ярославль 1871—1873 гг. Спеціальныя изслѣдованія, заслуживающія вниманія: *Ѳ. Панова* „Изслѣдованіе о Новогородской Судной грамотѣ" (Сборникъ изд. студентами Петерб. Университета Вып. I-й. 1857 г.); *Калачова* „О Псковской Судной грамотѣ" (въ Москвитянинѣ 1848 г. кн. I); *Ѳ. Устрялова* „Изслѣдованіе Псковской Судной грамоты 1467 г.". Спб. 1855, и прекрасное изслѣдованіе *И. Энгельмана* „Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты". Спб. 1855. Нѣсколько дѣльныхъ соображеній о той же грамотѣ см. въ соч.: проф. *Никитскаго* „Очеркъ внутренней Исторіи Пскова". Спб. 1873, проф. *Загоскина* „Уставныя грамоты XIV—XVI вв." Два выпуска. Казань. 1875—76. Общія пособія по судопроизводству и судоустройству данной эпохи: *Тобина* Die älteste Gerichts-Ordnungen Russlands. Dorp. 1846. *А. Куницына* „Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. Спб. 1843. *Чеглокова* „Объ органахъ судебной власти въ Россіи до Алексѣя Михайловича". (Казань, 1855). *Демченка* „О показаніяхъ свидѣтелей по Рус. праву до Петра Великаго". Кіевъ. 1869. *Дювернуа* „Источники права и судъ въ древней Россіи". М. 1869, и изслѣдованіе *Мейчика* „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива Министерства юстиціи". М. 1883. Въ этомъ любопытномъ изслѣдованіи между прочимъ отрицаются крайности нѣ-

которыхъ теорій о господствѣ вотчиннаго суда въ древней Руси по частному праву и доказывается, что источникомъ всякаго суда была верховная или княжеская власть, т.-е. начало государственное. (Это подтверждается и замѣтками Михалона „О нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ". Архивъ Юрид. Свѣд. Калачова. II. Полов. 2-я. 37). *Бѣляева* „Лекціи по Исторіи Рус. законодательства". М. 1879. Его же „Собраніе историко-юридическихъ актовъ", поступившее въ Румянц. музей, описано Д. Лебедевымъ. (М. 1881 г.). *Сергѣевича* „Лекціи и изслѣдованія по Исторіи Рус. права". Спб. 1883. О полѣ см. *Каченовскаго* „Разсужденіе о судебныхъ поединкахъ" (Труды Общ. И. и Др. Р. I. М. 1825 г.). *Калайдовича* „Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ" (Рус. Историч. Сборн. Общества И. и Д. Р. М. 1838. кн. III), также въ соч. *Пахмана* „О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому праву". М. 1851. О судебныхъ поединкахъ въ Россіи упоминаютъ Михалонъ и Герберштейнъ. Подобіе Новогородской *наводки* находимъ въ польскомъ Вислицкомъ статутѣ 1347 года, въ статьѣ 19-й. (Акты Зап. Рос. I. № 2).

Относительно тѣлесныхъ наказаній имѣемъ извѣстіе Никонов. свода подъ 1442 г.: „тогда же Колударова и Режскаго кнутомъ били". Это наказаніе происходило въ Москвѣ, и, повидимому, за измѣну во время междоусобія Василія Васильевича съ Димитріемъ Шемякою. Въ 1462 г. Василій Темный, какъ извѣстно, велѣлъ бить кнутомъ, рѣзать носы, отсѣкать руки, а нѣкоторымъ головы, дружинникамъ Василія Ярославича Серпуховского, которые хотѣли освободить своего князя (Воскр. лѣт.). А въ концѣ XV вѣка даже въ Псковѣ, гдѣ нравы несомнѣнно были мягче, нежели въ Московской Руси, какъ мы видѣли, вѣче однажды хотѣло публично наказать кнутомъ священниковъ (см. Псков. лѣт. подъ 1495 г.). Кромѣ того, въ латинской договорной грамотѣ Ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ въ XIII вѣкѣ упоминается о наказаніи вора розгами вмѣстѣ съ его клейменіемъ въ щеку. Впрочемъ эта грамота спорная; нѣкоторые считаютъ ее только проектомъ договора (см. прим. 59 ко 2-й части моей „Исторіи Россіи").

84. Источники: лѣтописи, акты и грамоты, преимущественно договорныя. «Русско-Ливонскіе акты». Спб. 1868. Пособія: Аристова «Промышленность древней Руси». Спб. 1866. Бережкова «О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV вѣка». Спб. 1879. См. также на это сочиненіе рецензію проф. Никитскаго. Спб. 1880 г. Важнѣйшія сочиненія и изданія матеріаловъ для исторіи этой торговли см. въ 59 примѣч. ко второй части моей Исторіи Россіи. Для знакомства съ Ганзейскимъ дворомъ въ Новгородѣ и его отношеніями къ туземцамъ любопытныя подробности представляетъ дѣло объ убійствѣ Нѣмцами новогородскаго человѣка въ ночной дракѣ, которая случилась въ ноябрѣ 1331 года. Нѣмцы уладили дѣло помощію подкуповъ. Отчетъ объ этомъ случаѣ на старомъ нижненѣмецкомъ нарѣчіи сохранился въ Рижскомъ архивѣ. Онъ изданъ у Бунге Liv.-Esth.-Kurländ.

Urkundenbuch. VI. № 3077 и въ Русско-Ливонскихъ актахъ. N. LXXV. Русскій переводъ этого отчета Чумиковымъ въ Чт. О. И. и Д. 1893. I. Смѣсь. (Въ этомъ отчетѣ или донесеніи упоминается о 300 золотыхъ поясахъ.) Далѣе любопытна для отношеній нѣмецкихъ гостей въ Сѣверозападной Руси грамота Рижанъ къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу, написанная около 1300 года. Въ ней рижскіе ратманы перечисляютъ разныя обиды гостямъ и лишніе поборы съ нихъ, понесенные отъ князя Михаила. (Извѣстія Акад. Н. X. 633—636). Никитскаго «Отношенія Новогородскаго владыки къ нѣмецкому купечеству по новымъ даннымъ». (Ж. М. Н. Пр. 1883. Іюль). Его же «Очерки экономической жизни Вел. Новгорода» въ Чт. О. И. и Д. 1893. I и II. (Тутъ особенно о Нѣмецкомъ дворѣ и Ганзейской торговлѣ. Замѣтки его о вліяніи нѣмецкой культуры на Новгородъ на стр. 298). Записки Контарини съ переводомъ Семенова на Русскій языкъ изданы въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи». Т. I. Спб. 1836.

85. *Шодуара* Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères, qui ont eu cours en Russie». 1836. *Черткова* «Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ». М. 1834, и три «Прибавленія». *Сахарова* «Лѣтопись русской нумизматики». Спб. 1842. *Кн. Гагарина* «О поддѣлкѣ русскихъ монетъ» въ Записк. Археолого-Нумизм. Общества. Т. I. 1849. *Кн. Долгорукова* «Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ». Зап. Археолого-Нумизм. Общ. Т. III. *Заблоцкаго* «О цѣнностяхъ въ древней Руси». Спб. 1854. Его же «Что такое выраженія: рубль, рубль Московскій, рубль Новогородскій?» Ж. М. Н. Пр. 1857. № 7. *П. С. Савельева* «Монеты Джучидскія, Джагатайскія и пр.». Записки Археолог. Общ. Т. XII. 1865. (Здѣсь о «русско-татарскихъ монетахъ» на стр. 139 — 150). *Д. Н. Прозоровскаго* «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія». Зап. Археол. Общ. Т. XII. Разборъ этого сочиненія А. Ѳ. Бычковымъ въ отчетѣ о 9-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб. 1867. *Солнцева* «Деньги и пулы древней Руси». М. 1860. Его же «Нумизматическія изслѣдованія Славянскихъ монетъ». М. 1865—66. Проф. *Мрочекъ-Дроздовскаго* «Опытъ изслѣдованія по вопросу о деньгахъ Русской правды». М. 1881.

Изображенія на печатяхъ XIV и XV вв. см. въ особенности въ Собр. Гос. Гр. и Дог. Какъ п особія: *Иванова* «Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей въ Моск. Архивѣ Минист. Юстиціи». М. 1858. «Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ и пр.». Изданіе Комиссіи при Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Вып. 1-й М. 1882. Вмѣстѣ съ исторіей титула Московск. государей проф. Загоскинъ разсматриваетъ исторію Герба Московск. Государей («Исторія права Москов. государства». Т. I. Казань. 1877. Внутрен. исторія права. Гл. 2-я. Тамъ и указаніе на литературу предмета).

86. Главные источники: лѣтописи, акты, Макарьевскія минеи, отчасти уже изданные. Главныя пособія: Амвросія «Исторія Россійской іерархіи».

I—VI. М. 1807—1815. Ратшина «Историческія свѣд. о монастыряхъ и церквахъ». М. 1852. «Мѣсяцесловъ Святыхъ» — Прибавленіе къ Тамбовскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ. Выпуски I—IV. Тамбовъ 1878—1882. Н. Барсукова «Источники Русской агіографіи». Спб. 1882. Филарета, архіеп. Черниг. «Исторія Русской церкви». Періодъ второй. Изд. 4-е. Черниговъ. 1862. Его же «Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно». Три тома. Третье изданіе. Спб. 1882. Макарія. архіеп. Харьков. «Исторія Русской церкви». IV и V. Спб. 1866. Историческому обзору нашихъ церковныхъ отношеній къ Константинопольскому патріархату посвящено сочиненіе Т. Барсова «Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою церковію. Спб. 1878. «Записка (греческая) о поставленіи русскихъ епископовъ» (при митр. Ѳеогностѣ)—проф. Васильевскаго. Ж. М. Н. Пр. 1888. Февраль. Разсказъ о епископѣ Симеонѣ см. у бар. Розенкампфа «Обозрѣніе Кормчей книги». 2-е изд. Спб. 1839. Стр. 139. Карамз. къ т. IV. прим. 178. Этого Симеона считаютъ первымъ Тверскимъ епископомъ. О немъ упоминаетъ Никонов. лѣт. подъ 1287 г. Относительно церковно-юридич. сборниковъ кромѣ «Обозрѣнія Кормчей книги» см. *Калачова* о «Мѣрилѣ Праведномъ» въ Архивѣ Историко-юридич. свѣд. о Россіи. I. Отдѣл. 3-е. Его же «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Рус. Права». Чт. Об. И. и Др. 1847 № 3. «Законъ Судный людямъ» въ Русск. Достоп. II. и въ П. Соб. Р. Лѣт. VI. «Книги законныя. въ древнерусск. переводѣ вмѣстѣ съ греч. подлинникомъ и съ историко-юридическимъ введеніемъ». Издалъ проф. Павловъ (Сборн. Акад. Н. XXXVIII. Спб. 1886. Рецензія проф. Васильевскаго на это сочиненіе въ Ж. М. Н. Пр.). «О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи». И. С. (Чт. О. И. и Д. 1865. I.). Ханскіе ярлыки Рус. духовенству изданы въ Древн. Рус. Вивліоѳикѣ. 1787. Т. IV., въ Собр. Г. Гр. и Дог. II №№ 2, 7, 9, 10, 11, 12, и у *Григорьева* «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ». М. 1842. О монастыряхъ Московской земли *Кудрявцева* «Исторія Православ. монашества со времени преп. Сергія». М. 1881. О Кириллѣ Бѣлозерскомъ у *Шевырева* «Поѣздка въ Кирил.-Бѣлоз. монастырь». М. 1850. Посланія его въ Актахъ Историч. I. №№ 12, 16, 27. Завѣщаніе его подъ № 32. Отрывки изъ его житія у Макарія. Исторія Русск. Церкви. IV. Приложеніе. № XXI. О колонизаціонной дѣятельности Макарія Унженскаго нѣсколько замѣчаній у *Перетятковича* «Поволжье въ XV и XVI вв.». М. 1877. Глава 2-я. Критическій обзоръ легенды объ основаніи Тверского Отроча монастыря у *Борзаковскаго* «Исторія Тверского княжества». Спб. 1876. Глава 2-я. Легенда о началѣ Щилова монастыря издана въ «Памят. Старин. Рус. Литературы». Вып. I. Спб. 1870. Архимандрита *Макарія*—«Описаніе Соловецкаго монастыря». М. 1825. *А. А. Титова* «Житіе и подвиги препод. Зосима и Савватія». Изд. Вахрамѣева. М. 1889. Арх. Досиѳея — «Описаніе Соловецкаго монастыря». М. 1836. Проф. Ключевскаго — «Хозяйственная

дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ». (Москов. Университет. Извѣстія. 1867. № 7). *Смирнова* — «Историческ. Описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря». М. 1860. Посланіе митрополита Фотія къ Новогородцамъ въ 1410 г. въ Актахъ Археогр. Эксп. I. № 369. Посланіе митроп. Кипріана къ игумену Аѳанасію въ Акахъ Историч. I. № 255. Разсказъ о началѣ Колоцскаго монастыря въ Никон. лѣт. V. 48—51. и Степен. кн. I. 566—68

Житіе Стефана Пермскаго, написанное Епифаніемъ, въ Памят. Стар. Рус. Лит. IV. Отрывки изъ него у Макарія: Исторія Рус. Церкви. IV. Приложеніе. № XVIII. «Историч. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи». Вологда. 1880 года. *Шестакова* о Стефанѣ Пермскомъ въ Учен. Запис. Казан. Униве̂р. 1868. IV. («Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій») и въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1877. Январь («Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи»). *Саваитова* «О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и пермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ». (Труды Перв. Археолог. съѣзда. М. 1869. II. 408). Въ прошломъ столѣтіи академикъ Лепехинъ нашелъ остатки зырянскаго перевода литургіи, написаннаго русскими буквами (см. его путешествіе. III. стр. 242). См. также «Сказаніе о жизни и трудахъ Стефана Пермскаго». А. М. Спб. 1856. Позднѣйшая монографія о томъ же предметѣ принадлежитъ *Лыткину* «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края». (Журн. Мин. Н. Пр. 1883. Декабрь). Будучи родомъ Зырянинъ, г. Лыткинъ указываетъ нѣкоторыя погрѣшности предыдущихъ трудовъ, напр. смѣшеніе Вычегодскихъ Пермянъ съ Великою или Камскою Пермью, толкованіе слова *пермъ* (которое онъ объясняетъ зырянскимъ *парма*—высокая лѣсистая земля) и пр. Но настаивая слишкомъ на принадлежности Вычегодскаго края въ то время Новгороду, авторъ упустилъ изъ виду то мѣсто самого житія, гдѣ языческій волхвъ говоритъ, что изъ Москвы пришли къ нимъ тажкія дани, тіуны и пр. Слѣдовательно уже до Стефана въ этомъ краѣ Москва собирала дани. Приложенія у г. Лыткина заключаютъ въ себѣ памятники древне-зырянской письменности. Профессоръ Некрасовъ къ вопросу о Зырянской письменности дѣлаетъ поправку, указывая, что палочки или бирки съ замѣтками принадлежали не Зырянамъ собственно, а Новгородцамъ (см. Бюллетени Шест. Археол. съѣзда. 1884 г.). Потомъ профессоръ Некрасовъ издалъ отдѣльную брошюру „Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка“. (Одесса. 1890). Тутъ онъ утверждаетъ, что пермское письмо въ XV вѣкѣ употреблялось нашими книжниками для криптографіи или тайнописи. А самое изобрѣтеніе этого письма онъ пытается объяснить стараніемъ измѣнить Славянскую азбуку до неузнаваемости; такъ какъ Зыряне „возставали противъ всего, что шло изъ Москвы“. Во всякомъ случаѣ это письмо не привилось; изъ чего заключаемъ, что насущной потребности въ немъ не было. Шумова «Стефанъ Пермскій» (Русская Бесѣда—Благовѣстъ. 1896. Апрѣль). О кончинѣ епископа Пермскаго Питирима см. въ соч. Васильева и Бехтерева „Исторія Вятскаго Края“. Вятка. 1870.

87. Пособія суть тѣ же сочиненія Филарета и Макарія. *Руднева* „О ересяхъ и расколахъ въ Русской Церкви". М. 1838. Упоминанія о ереси неизвѣстнаго новогородскаго протопопа у Татищева IV. 92 и въ Степен. кн. I. 418. Въ послѣдней сказано: „въ то же время и Сеитъ еретикъ явися". Архіеп. Макарій правдоподобно считаетъ это имя просто ошибкою переписчика вмѣсто „и се инъ еретикъ явися", какъ сказано въ Никон. III. 135, или вмѣсто „и се тако еретика препрѣ", какъ сказано въ краткомъ Житіи Петра митрополита („Истор. Рус. Церкви". IV. 310—313). Посланіе архіеп. Василія къ влад. Ѳеодору напечатано въ П. С. Р. Л. IV. 87—89.

О казни Стригольниковъ упоминаютъ: Новогород. Третья подъ 1376, и тутъ Карпъ названъ „простецомъ"; Новогород. Четвертая подъ 1375. Здѣсь Карпъ названъ „дьякономъ". То же въ Супрасльской (стр. 94). Никонов. IV. подъ 1374 г. О посольствѣ архіепископа Діонисія во Псковъ отъ патріарха Нила по поводу ереси упоминаютъ Новогород. Первая и Четвертая подъ 1382. Никонов. IV подъ 1381. Послѣдняя подъ 1394 упоминаетъ еще о посольствѣ въ Новгородъ Михаила, владыки Виѳлеемскаго, отъ патріарха Антонія съ двумя грамотами о томъ же предметѣ. Грамоты патріарха Нила и епископа Стефана помѣщены въ Актахъ Историч. I. №№ 4 и 6. (Греческій подлинникъ первой изданъ Миклошичемъ и Мюллеромъ въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani. t. II). Обѣ эти грамоты вновь изданны въ Русс. Историч. Библіотекѣ. Т. VI. №№ 22 и 25. Вторая изъ нихъ доселѣ несправедливо приписывалась Константиноп. патріарху Антонію. Та ея рукопись, которая находится въ Москов. Синодал. Библіотекѣ, имѣетъ въ заглавіи Стефана „владыки Перемыскаго". Архіеп. Макарій защищаетъ принадлежность этой грамоты патріарху Антонію, а владыка Перемыскій читаетъ „Перемышльскій". (Истор. Рус. Церк. V. Приложеніе № IX). Но профессоръ Павловъ, подъ редакціей котораго изданъ VI т. Историч. Библіотеки, отстаиваетъ болѣе правдоподобное чтеніе: владыка „Перьмьскый" или Пермскій, и тѣмъ болѣе что Стефанъ въ то время дѣйствительно былъ Пермскимъ епископомъ, тогде какъ Перемышльскій съ этимъ именемъ нигдѣ не упоминается. Изъ грамоты Стефана узнаемъ, что Карпъ дѣйствительно былъ дьякономъ, отлученнымъ отъ церкви. А что „онъ былъ художествомъ стригольникъ", о томъ говорится въ „Просвѣтителѣ" Іосифа Волоцкаго. (Казань. 1855). Посланія Фотія къ Псковичамъ о Стригольникахъ въ 1416 и 1427 гг. въ Актахъ Истор. №№ 21, 33 и 34, а также въ Историч. Библіотекѣ. Т. VI. №№ 42, 55 и 56. О строгихъ мѣрахъ Псковичей противъ Стригольниковъ упоминаютъ какъ послѣдняя изъ трехъ грамотъ Фотія, такъ и Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго. Уставную грамоту, данную Суздальскимъ архіепископомъ Діонисіемъ Псковскому Снѣтогорскому монастырю, впослѣдствіи митрополитъ Фотій отмѣнилъ особою грамотою на томъ основаніи, что Діонисій учинилъ сіе не въ своей епископіи (Акты Историч. I. №№ 5 и 26). О препод. Евфросинѣ и сугубой аллилуіи см. неизданное посланіе Фотія къ Псковичамъ

1419 года (Востокова Опис. Румянц. музея. Стр. 512). Филарета «Обзоръ Духов., Литер.» стр. 87 и «Рус. Святые». II — стр. 101. Житіе или „Повѣсть о Ефросинѣ Псковскомъ“ издана въ Память Стар. Рус. Литер. IV. См. „Примѣчаніе“ къ этой Повѣсти отъ редакціи. См. также Ключевскаго „Псковскіе споры“ въ Правосл Обозрѣніи. 1872.

88. Посланіе Фотія къ Новогородцамъ въ Акт. Арх. Эксп. I. № 369. Объ Осеѣ Кормиличицѣ и Новогородской клятвѣ въ Никонов. Объ игрищахъ на Рождество Ивана Предтечи говорится въ посланіи Памфила, игумена Елеазарова монастыря. Дополн. къ А. Ист. I. 29. Псков. Перв. Лѣт. подъ 1505 г. Вотъ что между прочимъ говоритъ игуменъ Памфилъ: „Егда бо приходитъ велій праздникъ день Рождества Предтечева, и тогда во святую ту нощь, мало не весь градъ взмятется и взбѣсится, бубны и сопѣли и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ покиванія, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе, ѓако же и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе, та же и дѣвамъ растлѣніе“. „Въ той святый день Рождества Предтечи исходятъ обавницы, мужи и жены чаровницы, по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы, ищуще смертныя травы и приворота чревоотравнаго зеліа, на пагубу человѣчеству и скотомъ, ту же и дивїа копаютъ коренія на потвореніе и на безуміе мужемъ; сія вся творятъ съ приговоры сотанинскими“. Въ Никонов. сводѣ сохранились, по поводу Эдигеева разоренія подъ 1409 г. слѣдующія обличительныя слова лѣтописца противъ современныхъ ему нравовъ: „Не явѣ ли есть, яко за грѣхи наша попущаетъ ихъ (Агарянъ) на насъ Господь Богъ, да обратимся и покаемся, много бо суть въ насъ неправды, зависти, ненависти, гордость, *разбои*, *татьбы*, *грабленія*, *насилованія*, *блуды*, *пьянство*, объяденіе, лихоиманіе, ложъ, клевета, осужденіе, смѣхъ, *плясаніе*, *позорища бѣсовскія* и всяко возвышеніе возвысящеся на разумъ Божій“. О языческихъ суевѣріяхъ и обличеніи ихъ см. также „Историч. очеркъ Русскаго проповѣдничества“. Спб. 1879.

89. Посланіе Геннадія къ митрополиту въ Акт. Истор. I. № 104 и въ Древ. Рос. Вивліоѳ. 2-е изд. Т. XIV. На обвиненіе противъ митрополита Кипріана (сдѣланное еще въ XVI вѣкѣ) въ томъ, что онъ недостаточно зналъ Русскій языкъ и въ свои переводы вносилъ слишкомъ много словъ сербскихъ и болгарскихъ, отвѣтилъ архим. Амфилохій въ статьѣ: „Что внесъ м. Кипріанъ изъ своего родного нарѣчія въ наши Богослужебныя книги“. При тщательной ихъ провѣркѣ оказывается, что онъ внесъ не такъ много, чтобы подвергаться какимъ-либо нареканіямъ. (Труды третьяго Археолог. Съѣзда. Кіевъ 1878. Т. II). Пособія для знакомства съ образованностью и литературой этой эпохи: Н. Лавровскаго „О древне-русскихъ училищахъ“. Харьковъ 1854. Преосвященнаго Филарета Харьковскаго „Обзоръ

Русской духовной литературы" въ Учен. Запискахъ Акад. Н. Кн. Ш. Спб. 1857. Преосв. Макарія „Исторія Русской Церкви". Т. Ѵ. Спб. 1866. Шевырева „Исторія Рус. Словесности". Ш и IѴ М. 1858—1860. Буслаева „Лекціи изъ курса исторіи Рус. Литературы": „Смоленская легенда о Св. Меркуріѣ"; „Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новогородскія"— въ Лѣтописяхъ Русской Литературы, изданныхъ Тихонравовымъ. М. 1859—1863. Его же „Новгородъ и Москва" въ Очеркахъ Рус. Словесности и Искусства. Т. П. Его же „Историч. Христоматіи Церковно-славян. и древне-русскаго языковъ". М. 1861. Ключевскаго „Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ". М. 1871. Васильева „Исторія канонизаціи рус. святыхъ". Чт. Об. И. и Др. 1893. Ш. И. Некрасова „Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси". Одесса 1870. Его же „Пахомій Сербъ". Од. 1871. Что касается до историческихъ сказаній и умильныхъ повѣстей, большая часть ихъ вошла въ лѣтописные своды и литература ихъ указана въ свое время. Прибавлю: „Муромская легенда о кн. Петрѣ и княгини Февроніи"—Буслаева въ журн. Атеней. 1858. № 30. О нашествіи Батыя на Рязан. землю—Срезневскаго въ „Свѣд. и замѣтк. о малоизвѣст. и неизвѣст. памятникахъ. XXXIX. О. Миллера—„О древнерусской литературѣ по отношенію къ Татарскому игу", въ жур. Древ. и Новая Россія. 1876. № 5. Литературу Сказаній о Мамаев. Поб. см. выше въ прим. 31. Новогородскія легенды въ Памят. Стар. Рус. литературы, изд. Кушелева-Безбородко, редакція Костомарова. Вып. I и П. Спб. 1860. Шляпкина—«Шестодневъ Георгія Пизида въ слав.-рус. переводѣ 1385 года". Спб. 1882.

Путешествія Стефана Новогородца, Пимена, Зосимы и Аѳанасія Никитина у Сахарова—„Сказанія Русскаго народа". Т. П. Хожденіе Пимена кромѣ того въ Никонов. лѣт. подъ 1389 г., а Никитина въ П. С. Р. Л. Т. ѴI. 330 — 358. О вставкахъ въ хожденіе митр. Пимена см. Попова „Обзоръ рус. хронографовъ". Вып. П. 50. Хожденіе инока Зосимы переиздано г. Лопаревымъ въ „Палестинскомъ Сборникѣ". Вып. 24. 1889 г. Особыя изслѣдованія о путешествіи Никитина см. Срезневскаго въ Учен. Зап. Втор. Отд. Ак. Н. кн. П. Спб. 1856 и санскритолога Минаева въ Журн. М. Н. Пр. 1881 іюнь - іюль. „Хожденіе гостя Василія". Изд. Палестин. Общества, подъ редакціей архим. Леонида. Спб. 1884. „Два хожденія въ Іерусалимъ іеромонаха Варсонофія", относящіяся ко второй половинѣ XѴ вѣка. О нихъ замѣтка проф. Тихонравова. (Сборн. Ак. Н. LѴ. Спб. 1893). Записки іеромонаха Симеона о путешествіи во Флоренцію и Осьмомъ Соборѣ въ Древн. Рос. Вивліоѳикѣ — Новикова, втор. изд. т. ѴI и въ П. С. Р. Лѣт. ѴI и ѴШ подъ 1437--8 гг. „Исторія о Листрійскомъ соборѣ". Напечатано въ 1598 г. при Апокрисисѣ въ Острогѣ. Делекторскаго—„Флорентійская унія и вопросъ о соединеніи церквей въ древ. Руси". Странникъ. 1893. Сентябрь—ноябрь. Его же: „Критико-библіографическій обзоръ древнерус. сказаній о Флорентійской уніи". Ж. М. Н. Пр.

1895. Іюль. Онъ говоритъ, что въ изданіи Новикова „Путевыя записки неизвѣстнаго суздальца“ смѣшаны вмѣстѣ съ повѣстью объ Осьмомъ Соборѣ суздальскаго іеромонаха Симеона. О мистеріи Благовѣщенія у Новикова т. XVII и у А. Попова „Историко-литературный обзоръ древне-рус. полемич. сочиненій противъ латинъ“ стр. 400—406. Въ той же книгѣ Попова и Повѣсть Симеона объ Осьмомъ Соборѣ. 344—359. Сказаніе о созданіи и взятіи Царьграда въ Никонов. Лѣтописи; Срезневскаго въ Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н. кн. I., у А. Попова въ „Изборникѣ статей, внесенныхъ въ Рус. Хронографію“, и др. Пыпинъ считалъ это сказаніе переводнымъ съ византійскаго подлинника (стр. 213). Въ Памятникахъ Древ. письм. оно сообщено арх. Леонидомъ, подъ заглавіемъ: „Повѣсть о Царьградѣ Нестера-Искиндера“ XV вѣка“. Спб. 1886. О ней см. Дестуниса въ Ж. М. Н. Пр. 1887. Февраль, и П. Погодина Ibid. 1889. Августъ. Авторъ ея оказывается Искиндеръ, русскій плѣнникъ, служившій въ турецкомъ войскѣ и описавшій осаду Царьграда эпическимъ слогомъ съ преувеличеніями о подвигахъ императора Константина, но во многомъ вѣрно воспроизводящій событія. Далѣе, Арх. Леонида—„Обозрѣніе цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по русскимъ паломникамъ“. М. 1870. Л. Н. Майкова „Бесѣда о Царьградѣ“. Съ текстомъ Бесѣды, сочиненіе которой онъ относитъ къ началу XV вѣка. (Сборн. Ак. Н. LI. Спб. 1890). Относительно предсказанія о низверженіи Турецкой державы Русскими, любопытны соображенія, какъ *родъ русыхъ*, долженствующій, по Меѳодію Патарскому, побѣдить измаильтянъ, обратился въ *народъ Русскій*. См. проф. Веселовскаго „Опыты по исторіи христ. легенды“ (Ж. М. Н. Пр. 1875) и Дьяконова „Власть Моск. Государей“. 60—64. В. Семенова—„Древнерус. Пчела по пергаментному списку“. Съ примѣчаніями и греческимъ текстомъ. (Сборн. Ак. Н. LIV. Спб. 1893). Повѣсти „Александрія“, о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ и пр. см. у Пыпина въ „Очеркѣ старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Спб. 1857. Его же изслѣдованіе „Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ“ въ Лѣтописи занятій Археографич. Комиссіи. Спб. 1862. А также см. Отреченныя или апокрифическія легенды въ Памят. Стар. Рус. Литературы. Вып. III подъ редакціей Пыпина. „Памятники Отреченной Рус. литературы“—изд. Тихонравовымъ. Т. I и II. М. 1863. Веселовскаго—„Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“. Спб. 1872. Басня о трясавицахъ въ Архивѣ Калачова. 2-й книг. половина 2-я и въ Очеркахъ Буслаева. II. стр. 46—48. Перечень ложныхъ книгъ изданъ Калайдовичемъ въ его „Іоаннъ екзархъ Болгарскій“. М. 1824, стр. 203—212. Порфирьева „Апокрифич. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (Сборн. Ак. Н. XVII). Его же „Апокрифич. сказ. о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“ (Ibid. LII). Е. В. Барсова „О воздѣйствіи апокрифовъ на обрядъ и иконопись“ (Ж. М. Н. Пр. 1885. Декабрь).

Что касается до рукописей и особенно рукописныхъ сборниковъ XIV и XV вв., находящихся въ нашихъ публичныхъ и частныхъ книгохранили-

щахъ, то свѣдѣнія о нихъ разсѣяны въ многочисленныхъ описаніяхъ, каковы: *Востокова* классическое „Описаніе Рукописей Румянцевскаго музеума". Спб. 1842. *Горскаго и Невоструева* „Описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки". Отдѣлъ 1-й. М. 1855 и отдѣлъ 2-й. М. 1859. Архим. *Саввы* „Указатель для патріаршей ризницы и библіотеки". М. 1858 (изд. 3-е). *Калайдовича* и *П. Строева* „Описаніе рукописей графа Толстаго". М. 1825. *П. Строева* „Рукописи Царскаго". Это собраніе перешло къ графу А. С. Уварову и значительно имъ умножено. Превосходное описаніе его сдѣлано архим. *Леонидомъ*, въ четырехъ томахъ. М. 1893—1894. *Ф. Смирнова* „Описаніе рукопис. сборниковъ Новгор. Софійск. библ. (нынѣ въ Спб. Духов. Академіи"). Спб. 1865. Тутъ въ приложеніяхъ: посланіе Конст. патріарха къ митр. Фотію о Григоріѣ Цамвлахѣ, посланіе аѳонскихъ иноковъ къ Василію Темному и посланіе Василія Т. къ аѳон. инокамъ о митроп. Исидорѣ. М. 1848. *Архим. Варлаама* „Обозрѣніе рукописей препод. Кирилла Бѣлоз." (Чт. О. И. и Д. 1860 кн. 2). *Артемьева* „Историч. рукописи Казан. Университета". Ж. М. Н. Пр. Ч. LXXV, LXXXIII, XC. Его же „Описаніе" этихъ рукописей издано въ Лѣтописяхъ занятій Археогр. ком. Вып. VII. Спб. 1884. *П. Гильтебрандта* „Рукописное отдѣленіе Виленской публичной библіотеки". Вильно. 1871. „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры". Чт. Об. и Др. 1878, кн. 2 и 4; 1879, кн. 2. „Описаніе рукоп. Соловец. монастыря, находящихся въ Казан. Духов. Академіи". (Православ. Собесѣд. 1877—1878 гг.). *А. Ѳ. Бычкова* „Описаніе рукописныхъ сборниковъ Импер. Публич. Библіотеки" Ч. I. Спб. 1882. *Викторова* „Собраніе рукописей В. М. Ундольскаго". М. 1870. Его же „Собраніе рукописей Бѣляева и Севастьянова" М. 1881. *Андрея Попова* „Описаніе рукописей А. И. Хлудова" М. 1872, и къ нему „Первое прибавленіе". М. 1875. *Н. Петрова* „Описаніе рукописей церк. археол. музея при Кіевск. Духовн. Акад." К. 1875. *Д. Прозоровскаго* „Опись рукописей Археолог. Общ." С.-Пб. 1879. О сборникѣ, называемомъ „Толковая Палея", см. изслѣдованіе *В. Успенскаго*. Казань. 1876. *Шляпкина* „Описаніе рукописей Сузд. Спасо-Ефиміева монастыря". (Памятники Древ. письменност. Спб. 1880). *О. Истомина* „О рукописныхъ находкахъ въ Арханг. и Олонец. губ. лѣтомъ 1886 г." (Извѣстія Географ. Об. 1886. XXII). Изъ частныхъ, еще неописанныхъ, собраній рукописей укажемъ на важное и любопытное собраніе *Е. В. Барсова* въ Москвѣ.

90. Свѣдѣнія о спискахъ и сборникахъ лѣтописныхъ см. *Н. Иванова* „Краткій обзоръ Русскихъ временниковъ". Казань. 1843, и въ предисловіяхъ къ Полн. Собр. Рус. Лѣтописей, изданіе Археограф. Комиссіи. IX томовъ. Спб. 1846—1862. Изданіе остановилось пока на началѣ Никоновскаго Сборника. Первые три тома изданы вновь и кромѣ того, что особенно важно, Повѣсть временныхъ лѣтъ издана фотографически по обоимъ спи-

скамъ Лаврентьевскому и Ипатскому въ 1871—1872 гг. А списки эти относятся именно къ XIV—XV вв. Вышелъ еще XV томъ или „Лѣтописный Сборникъ, именуемый Тверской Лѣтописью". Спб. 1863. Затѣмъ начатъ печатаніемъ XVI томъ или „Лѣтописный Сборникъ, именуемый Лѣтописью Абрамки" (западно-русской редакціи). Отдѣльно изданъ кн. Оболенскимъ „Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго". М. 1851. См. изслѣдованія И. Тихомірова „Сборникъ, именуемый Тверской лѣтописью" (Ж. М. Н. Пр. 1876. Декабрь). Его же о первой Псковской лѣтописи (Ibid. 1883. Октябрь). Относительно западно-русскихъ лѣтописей см. Даниловича „О Литовскихъ Лѣтописяхъ" въ Ж. М. Н. Пр. 1840. Ноябрь. Тотъ же Даниловичъ издалъ „Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ" и „Хронику Русскую" латинскимъ шрифтомъ. Вильно. 1827. Тотъ же лѣтописецъ вновь изданъ А. Н. Поповымъ въ Ученыхъ Зап. Ак. Н. кн. I. Спб. 1854 съ его же предисловіемъ. Точно также западно-русскій лѣтописный сборникъ, извѣстный подъ именемъ его владѣтеля *Быховца*, изданъ Нарбутомъ латинскимъ шрифтомъ подъ заглавіемъ Kronika Litewska. Вильно. 1846. Исидора Шараневича O Latopisiach i Kronikach ruskich XVI и XVII wieku, a zwlaszcza o latopisie welikogo Kniaztwa Litowskogo i Żomojtskogo (Rosprawy i sprawozdania z posiedzen Wydzialu historyczno-filosoficznego Akademii Umiejętnosci. T. XV. 351—413. Kraków. 1882). Станислава Смольки Naidawnejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Rozbiór krytyczny. (Pamiętniki Wydzialu того же. Т. VIII. Краковъ. 1889). Объ этихъ трудахъ см. библіографич. замѣтки Тихомірова въ Ж. М. Н. Пр. 1891. Февраль. Къ числу трудовъ о Рус. лѣтописяхъ, указанныхъ въ 59 примѣч. къ Первой части, прибавимъ Маркевича „О лѣтописяхъ". Одесса. 1883.

91. Пособія: Буслаева „Общія понятія о Русской иконописи" (Сборникъ Общества Древне-рус. искусства на 1866 г.). Его же „Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго" (Критич. Обозрѣніе. 1879 №№ 2 и 5. По поводу сочиненія Вьёлеледюка о Русскомъ искусствѣ). Равинскаго „Исторія Русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка" (Записки Археол. Общ. т. VIII). Іеромонаха Арсенія „Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ" (Сборникъ Общества Древне-рус. искусства на 1873 г.). Н. В. Покровскаго „Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства". (Одесса 1887. Тутъ преимущественно о фрескахъ Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ во Владимірѣ на Клязьмѣ). Л. Даля „Звенигородскій Успенскій Соборъ" (Вѣстникъ Общ. Древне-рус. искус. № 1—3. М. 1874). А. А. Мартынова „Церковь Рождества Богородицы, что на Старомъ Симоновѣ" (Рус. Стар. въ памятн. Зодчества. Годъ второй. М. 1850). Гр. Михаила Толстого „Святыни и древности Великаго Новгорода". М. 1862. Его же „Святыни и древности Пскова". М. 1861. Г. Д. Филимонова „Церковь Николая Чудотворца на Липнѣ" и „Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ Русскихъ церквахъ". М. 1859. О

построеніи въ Москвѣ боевыхъ часовъ въ Воскресен. лѣт. П. С. Р. Л. VIII. О литьѣ свинцовыхъ досокъ во Псковѣ въ Псковской Второй. П. С. Р. Л. V. О саккосѣ митрополита Фотія въ „Указателѣ для Патріаршей ризницы и библіотеки"—Архим. Саввы. Литографированныя изображенія Василія Дмитріевича и Софьи Витовтовны изданы И. Снегиревымъ въ „Памятникахъ Московскихъ Древностей". М. 1842—45. Г. Д. Филимонова „Иконные портреты Русскихъ государей" (Вѣст. Общ. Др. Рус. Искус. № 6—10. М. 1875). Относительно брака дочери Василія Дмитріевича съ Іоанномъ Палеологомъ (соправителемъ своего отца Мануила), кромѣ Никонов. лѣтописи и Софійской, есть извѣстіе у византійскаго историка Дуки (въ гл. XX): „Она перемѣнила свое имя на Анну. Ей было только 11 лѣтъ, и черезъ три года она умерла отъ моровой язвы". Краткое извѣстіе объ этомъ бракѣ еще у Халкокондилы въ главѣ IV и у Франтза гл. I. Упоминаетъ о томъ же бракѣ и *Ксеносъ* или хожденіе инока Зосимы, который находился въ числѣ сопровождавшихъ юную невѣсту въ Константинополь.

92. Лѣтописи Новогор. IV-я, Псковскія, Софійскія, Воскресен. Никонов. Степ. кн. Договорную грамоту Новгорода съ Казиміромъ см. въ Акт. Археогр. Эксп. I. № 87. А посланія митрополита Филиппа въ Акт. Истор. I. №№ 280, 281. Въ Новгород. Синод. лѣт. по поводу пожара 21 сентября 1478 г. говорится: „погоре побережье все и до Великой улицы и Марѳѣ Посадницы чюдный дворъ". См. Карамзина къ т. VI прим. 36. Въ томъ же примѣчаніи указана недостовѣрная грамота (напечатаная въ Исторіи Рос. Іерархіи. IV), данная Марѳою въ 1471 году на села, земли и рыбную ловлю Карельскому Николаевскому монастырю, будто бы ею основанному на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены ея сыновья, утонувшіе въ морѣ. Что Марѳа Борецкая и ея сторонники Овиновы, Селезневы, Губины и пр. были самыми богатыми землевладѣльцами въ Новогородской землѣ, о томъ свидѣтельствуетъ Переписная Окладная книга Вотской пятины въ 1500 г. (Временникъ Об. И. и др. кн. 11. О ней тутъ же статья Бѣляева. См. стр. 79). „Марѳѣ по рѣкамъ Сумѣ и Выгу принадлежало 19 деревень, которыя въ писцовыхъ книгахъ 1496 г. обозначаются еще именемъ Марѳинскихъ Исаковыхъ". „На Поморскомъ берегу она подарила монастырю (Соловецкому) нѣсколько страдомыхъ (распаханныхъ) деревень и угодій по рѣкѣ Сумѣ, у часовни и рѣчной пристани". „Въ 1470 году Марѳа Посадница подарила Зосимѣ свою вотчину между тѣми же рѣками (Умбою и Варзугою) у Кашкаранскаго ручья и на Кашкаранскомъ Наволокѣ". (Помянутая въ 86 примѣчаніи статья проф. Ключевскаго. Стр. 5 и 12). Грамота Марѳы 1470 года приведена у архим. Досиѳея въ описаніи Соловецкаго монастыря, стр. 57. Ее писалъ сынъ Марѳы Ѳедоръ, а свидѣтелями руку приложили ея духовникъ софійскій попъ Іосифъ и Алексѣй Бархатовъ. Относительно личности Марѳы Борецкой надобно сознаться, что лѣтописи, держащія сторону Москвы, все-таки говорятъ о ней

довольно темно и сбивчиво. Нѣкоторые даже приписываютъ ей намѣреніе выдти замужъ за Михаила Олельковича или вообще за какого-то знатнаго Литовскаго пана; тогда какъ она была въ это время уже очень преклонныхъ лѣтъ; у нея были не только зрѣлые сыновья, но и внуки. Исаакъ Борецкій, какъ посадникъ и притомъ уже не степенный, упоминается подъ 1428 г. по поводу нашествія Витовта на Новогородскую землю. Отсюда до 1470 года, когда является въ лѣтописяхъ Марѳа, прошло 42 года. Къ сожалѣнію, въ Русской исторической литературѣ доселѣ нѣтъ никакого изслѣдованія, посвященнаго этой замѣчательной личности.

93. Лѣтописи Новогород. IV. Псковскія, Софійскія, Воскресен. Никоновская. Степен. кн. С. Г. Г. и Д. I. 26. 30. Акты Арх. Экспед. I. №№ 90, 91, 93, 94. Карамзинъ. Къ т. VI, прим. 66.

94. Лѣтоп. Псковскія, Воскресен. Никонов. *Райнальда* Annales Eccles. an. 1470—1471. *Кранца* Vandalia. 397. Продолженіе древн. Рос. Вивліофики. Ч. III. Спб. 1788, стр. 48—66. („Пріѣздъ Софьи Ѳоминишны и бракосочетаніе ея съ в. к. Ив. Вас.“). Волатеррана Diarium Romanum (у Муратори въ Scriptores rerum Italicarum). Главное пособіе: Изслѣдованіе о. Пирлинга, основанное отчасти на итальянскихъ архивныхъ документахъ, Le mariage d'un Tsar au Vatican (вошло въ его собраніе La Russie et le Saint-Siege. Paris. 1896). Отчетъ объ этомъ изслѣдованіи проф. Успенскаго въ Истор. Вѣст. 1887. Декабрь. Русскій переводъ его „Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софья Палеологъ“. Спб. 1892. Изданіе Суворина. О Ѳомѣ Палеологѣ и его семьѣ извѣстія см. у византійскихъ историковъ: Георгія Франтза и Лаоника Халкокондила. У Франтза приведена инструкція кардинала Виссаріона о воспитаніи дѣтей Ѳомы (416—423 Бонскаго изданія. Подписался кардиналомъ и патріархомъ Константинополя). Тутъ же о бракѣ Ѳомы въ 1430 г. съ Екатериною, дочерью Ахайскаго князя Асана Захаріи Кентиріона (148 и 154). То же подтверждаетъ Халкокондила (стр. 242). Поэтому невѣрными являются слова Максима Грека о томъ, что Софья Ѳоминишна по матери происходила отъ дукса Феррарскаго (слѣдств. дѣло о немъ и Берсенѣ въ Актахъ Археогр. Эксп. I. № 172). Не смѣшалъ ли онъ въ этомъ случаѣ деспота Ѳому съ его старшимъ братомъ импер. Іоанномъ VI, который по кончинѣ русской княжны Анны Васильевны былъ женатъ на Софьѣ, дочери Монферратскаго герцога? По изысканіямъ отца Пирлинга, въ сношеніяхъ и переговорахъ Московскаго двора съ Римскимъ по вопросу о бракѣ съ Зоей или Софьей Палеологъ, вмѣстѣ съ Джанъ Батистомъ Вольпе принимали участіе его братъ Карло Вольпе, родственники Тревизано Вольпе, Антоніо и Николо Джислярди. По русскимъ источникамъ, починъ въ этомъ вопросѣ о бракѣ Ивана съ Софьей принадлежалъ Римскому двору, именно кардиналу Виссаріону, который прислалъ для того въ Москву грека Юрія. (Прод. Др. Рос. Вивл. III. 49). О. Пирлингъ въ помянутомъ выше сочиненіи утверждаетъ, что наоборотъ грекъ

Юрій былъ присланъ изъ Москвы въ Римъ. Но если этотъ грекъ Юрій есть Юрій Траханьотъ, одинъ изъ сыновей того Траханьота, который состоялъ въ Римѣ при дѣтяхъ Ѳомы Палеолога, то едва ли онъ не былъ первымъ агентомъ кардинала Виссаріона въ данныхъ переговорахъ. По русскимъ родословнымъ книгамъ къ Ивану III вмѣстѣ съ Софьею Ѳоминишною пріѣхали на службу Димитрій и Юрій, сыновья Мануила Траханьота, бывшаго „бояриномъ" у Ѳомы деспота Морейскаго. Димитрій умеръ бездѣтнымъ, а Юрій имѣлъ потомство. (Родос. кн. изд. 1787 г. II. 276). Этотъ Юрій, повидимому, побывалъ въ Москвѣ еще прежде пріѣзда туда Софьи, именно въ качествѣ агента кардинала Виссаріона.

Въ числѣ знатныхъ людей, пріѣхавшихъ съ Софьей въ Москву, называютъ также Константина князя Мангупскаго (изъ Южнаго Крыма), который потомъ постригся подъ именемъ Кассьяна, основалъ монастырь близъ Углича на рѣкѣ Учмѣ и причисленъ къ русскимъ святымъ. О. Пирлингъ также повторяетъ это извѣстіе о Кассьянѣ, какъ спутникѣ Софьи; но оно сомнительно и основано только на сбивчивомъ показаніи проложнаго житія. См. Филарета „Русскіе святые". III. 184—185. Къ этому Кассьяну, какъ полагаютъ, Нилъ Сорскій писалъ свое посланіе. См. Архангельскаго—„Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикеевъ". (Памятники Древ. Письменности. XVI. Спб. 1881. 55—56). Авторъ между прочимъ ссылается на имѣющееся въ Импер. Публич. Библіот. рукописное „Житіе и подвиги преп. отца нашего кн. Константина Мавкупскаго Римлянина-Грека, нареченнаго во иноцѣхъ Кассьяна".

95. Лѣтописи Псковскія, Софійскія, Воскресенская, Никоновская, Татищевъ. О Новогородскомъ мятежѣ 1480 года и послѣдующихъ затѣмъ переселеніяхъ подробнѣе другихъ сообщаетъ Татищевъ (Чтен. Об. И. и Др. 1847 г. № 4). О сокровищахъ архіепископа Ѳеофила, увезенныхъ въ Москву будто бы на *трехъ стахъ возахъ*, говоритъ Длугошъ. Historiae Polonicae. II. 588. За нимъ повторяетъ то же Герберштейнъ. Rer. Moscov. Commentarii. О судьбѣ Марѳы Посадницы архим. Досиѳей, неуказывая источника, замѣчаетъ слѣдующее: она «отвезена съ семействомъ въ Нижній Новгородъ, съ постриженіемъ въ монахини наименована Маріею, и заключена въ тамошній дѣвичій монастырь». (Опис. Соловец. мон. 60). По книгѣ Помѣстнаго Приказа Илья Квашнинъ былъ «первымъ владѣльцемъ бывшихъ Марѳиныхъ деревень, отписанныхъ на государя въ 1478 году». (Карамз. къ т. VI прим. 600).

96. Лѣтописи Софійская, Воскресен. Никонов. Степенная. Татищевъ (въ Чтен. Об. И. и Др. 1847. № 4). Архангельскій лѣтописецъ. Изъ иноземныхъ писателей Герберштейнъ, Длугошъ и Кромеръ. Кромѣ того дѣла Крымскія и Ногайскія въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Есть еще извѣстіе, будто главною причиною, заставившею хана Ахмата поспѣшно уйти назадъ отъ береговъ Угры, было слѣдующее обстоятельство: Иванъ Васильевичъ за-

благовременно отправилъ на Золотую Орду отрядъ воиновъ подъ начальствомъ московскаго воеводы князя Ноздроватаго и служилаго татарскаго царевича Нордоулата (братъ Менгли-Гирея); они напали на беззащитный Сарай, гдѣ оставались только старики, женщины и дѣти, и совершенно его разгромили; вѣсть о томъ и смутила хана Ахмата. Карамзинъ принялъ это извѣстіе за правду. Но Соловьевъ справедливо отвергъ его какъ недостовѣрное. (Т. V. Прим. 123), указавъ на его мутный источникъ: оно приводится въ *Скиөской исторіи*—Лызлова (М. 1787. Стр. 71) и въ *Исторіи о Казанскомъ царствѣ*—неизвѣстнаго сочинителя (Спб. 1791. Стр. 38). Ахматъ не думалъ бѣжать съ Угры; а напротивъ пошелъ оттуда послѣ Ивана Васильевича и занялся грабежомъ Литовской украйны; послѣ чего направился на Донъ, а не на Волгу. О ханѣ Ивакѣ или Бреимѣ (Ибрагимѣ) см. Сборн. Рус. Ист. Общ. XLI. 80—87 и 198—199. Онъ кочевалъ на Тюмени въ Шибанскихъ улусахъ.

Нарбутъ сообщаетъ, что басмою назывался оттискъ ханской ступни на воскѣ, который возился въ богато украшенномъ ящикѣ на особомъ роскошно убранномъ верблюдѣ, окруженномъ ханскими уланами. (Dz. nar. Lit. VIII. Dodatek XI). Если отъ того же слова происходитъ «башмакъ», то это сообщеніе вѣроятно. Унизительные обряды пріема ханскихъ пословъ въ Москвѣ современникъ Ивана III Длугошъ описываетъ такимъ образомъ (Lib. XIII): «Князь пѣшій встрѣчаетъ пріѣзжающихъ въ его резиденцію пословъ татарскаго хана, даже незнатныхъ, приходящихъ за данью или по другой надобности; подаетъ имъ сосудъ съ кобыльимъ молокомъ и капли его, падающіе на гриву коня, слизываетъ губами. Татарину, читающему ханское письмо въ русскомъ переводѣ, онъ подстилаетъ подъ ноги наилучшую шубу, подбитую соболями, и самъ со всѣми младшими князьми, боярами и ближними своими долженъ на колѣнахъ слушать чтеніе». Описаніе едва ли не преувеличенное и относящееся къ прежнимъ временамъ ига. Нѣсколько позднѣйшій сравнительно съ Длугошемъ источникъ, Литвинъ Михалонъ повторяетъ почти то же, но съ нѣкоторыми варіантами: «Прежде Москвитяне были въ такомъ рабствѣ у Татаръ Заволжскихъ, что между прочимъ ихъ князь выходилъ за городъ навстрѣчу всякому ханскому послу и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадь подъ уздцы до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство». (Архивъ Истор.-юридич. Свѣд. Калачова. II. Полов. 2-я. М. 1854, стр. 33). Герберштейнъ говоритъ только, что Иванъ III выслушивалъ пословъ стоя, когда они сидѣли. Онъ же сообщаетъ, какъ Софья удалила Татаръ изъ ихъ Кремлевскаго подворья. Любопытенъ ярлыкъ Ахмата Ивану III въ 1476 г. (Извѣстія Археол. Общ. Т. X. 1884 г. стр. 270): ханъ приказываетъ заплатить себѣ дань «60.000 алтынъ вешнею, да 60.000 алтынъ осеннею». «А на себѣ бы еси носилъ *Батыево знаменіе* у колпака верхъ вогнувъ ходилъ». По объясненію эр-

химандрита Леонида, сообщившаго сію грамоту, будто бы это Батыево знаменіе и была пресловутая ханская басма.

Вопреки фактамъ и очевидности, С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» или обходитъ молченіемъ, или явно преуменьшаетъ то вліяніе которое имѣло Татарское иго на русскіе нравы и учрежденія. По поводу этого вопроса между прочимъ обращаю вниманіе на помянутый выше дневникъ Клавихо, испанскаго посла въ Азію къ Тамерлану (Сборн. Ак. Н. XXVIII). Тутъ любопытны татарскіе обычаи, наблюдавшіеся при встрѣчахъ, пріемахъ и содержаніи иноземныхъ посольствъ; напримѣръ, посыланіе имъ корма, стараніе скрыть невыгодные факты, подозрительность, доходившая до лишенія ихъ свободы, и т. п. черты, которыми отличаются московскіе дипломатическіе порядки со временъ Ивана III.

97. Лѣтописи: Софійскія, Воскресен., Никонов. Татищевъ. Соб. Г. Г. и Д. I. №№ 88—89 и 119—120. Акты, относящ. къ Исторіи Западн. Россіи. №№ 79 и 89. Въ «Путешествіи по Полѣсью» Шпилевскаго (Современ. 1853. № 8) сообщается, что въ Несвижскомъ замкѣ показываютъ портретъ молодой женщины въ русскомъ платьѣ и что, по преданію, это дочь послѣдняго Тверского князя, вышедшая замужъ за одного изъ Радивиловъ. А. К. Жизневскій обращался къ владѣтелю Несвижскаго замка кн. Радзивилу; но тамъ никакого портрета тверской княжны не нашли; а нашли портретъ будто бы самого князя Михаила Борисовича, и прислали фотографическій снимокъ («Портретъ Твер. в. князя Мих. Борисовича». Изд. Тверской ученой Архивн. комиссіи. Тверь. 1889). Годъ присоединенія Твери показанъ различно: по Софійской лѣтописи оно совершилось въ 1485, а по Воскресен. Никонов. и Татищеву въ 1486. Карамзинъ и Соловьевъ держались перваго года, Борзаковскій въ своей «Исторіи Тверского княжества» (стр. 202) принимаетъ послѣдній годъ, впрочемъ не представляя своихъ основаній. Если вѣрна дата, означенная на посольскихъ рѣчахъ отъ Казиміра IV къ Ивану III 1486 годомъ 25 сентябремъ (Акты Зап. Росс. I. № 89), то упомянутое здѣсь бѣгство Михаила въ Литву надобно отнести къ предыдущему, т.-е. 1485 году.

98. Источники и подробности см. въ моей «Исторіи Рязанскаго княжества».

99. Лѣтописи: Архангельская, Софійская, Татищевъ. С. Г. Г. и Д. I. №№ 90, 92, 93, 96, 97, 99, 113, 118, 121, 122. II. № 22. Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи. I. № 71. Продолж. Древ. Рос. Вивл. III и IV.

100. Софійск., Никонов., Архангел. Акты Историч. I. №№ 97 и 98. Карамзинъ къ т. VI, прим. 462. «Исторія Вятскаго края», составленная Васильевымъ и Бехтеревымъ. Вятка. 1870. Оксенова «Политич. отношенія Москов. государства къ Югорской землѣ въ 1455—1499 гг.» (Ж. М. Н. Пр. 1891. Февраль).

101. Лѣтописи Псковскія. Дѣло о Смердьей грамотѣ, весьма отрывочно и неясно разсказанное въ лѣтописи, лучше всего разъяснено въ помянутомъ выше трудѣ проф. Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова», гл. IV.

102. Лѣтописи: Софійск., Архангел., Воскресен., Никонов., Татищевъ. Разрядныя книги въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. № I. Крымскія и Ногайскія дѣла (ibid). Исторія о Казанскомъ царствѣ. Прекрасный сводъ относящихся сюда источниковъ см. также въ изслѣдов. о Касимов. царяхъ—Вельяминова-Зернова. Ч. I-я. Изслѣдованіе Перетятковича—«Поволожье въ XV и XVI вв.». М. 1877 года.

103. Дѣла Польскія въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. № I. Дѣла Крымскія. Ibid. №№ 1 и 2. Сборникъ Муханова М. 1836. (См. грамоты времени Ивана Ш). Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Рос. I. №№ 105, 109, 110, 112, 113, 114, 116, 122, 123, 179, 183, 188, 192, 200. Примѣч. 115. Собр. Г. Г. и Д. V. №№ 29, 110. Акты Археогр. Эксп. I. № 138. Supplementum ad Hist. Russ. Monum. №№ CXXI—CXXXIII. II. С. Р. Лѣт. IV, VI, VIII. Никонов. Лѣт. Balthasar Russow—Livl. Chron. (Scriptor. Rer. Livon. II). Willebrandt-Hanseat. Chronik. Памятники Дипломат. снош. древней Россіи. I. Герберштейнъ, Стрыйковскій, Гадебушъ, Сарторій. «Переписка между Россіей и Польшей»—Составл. по Архиву Иностр. Дѣлъ Бантышъ-Каменскимъ (Чт. О. И. и Др. 1860. Кн. IV.). Карпова — «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ» (Чт. О. И. Др. 1866. Кн. 3 и 4). О бракѣ Елены Ивановны съ Александромъ Литовскимъ въ Древ. Рос. Вивліоѳ. XVI. №№ 1 и 2. Вообще же для Московско-Литовскихъ сношеній наиболѣе полное собраніе актовъ издано въ Сборникѣ Рус. Ист. Общ. XXXV. Второе изданіе. Спб. 1892. Уляницкаго «Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV — XVI вв.». Чт. О. И. и Д. 1887. Ш.). Рефератъ Бережкова о бракѣ Елены, читанный на IX Археологич. съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 г. О захватѣ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ у Никитскаго. Чт. О. И. и Д. 1893. II. 287.

104. «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными». Спб. 1851. Т. I. Отд. I. О сношеніяхъ съ Даніей см. Щербачева «Датскій Архивъ», въ Чт. О. И. и Д. 1893. I. О сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ см. въ Запискахъ Одес. Об. И. и Др. т. V: «Историческое и Дипломатическое собраніе дѣлъ происходившихъ между Рос. великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими царями съ 1462 по 1532 годъ». Особенно важны приложенія, т.-е. посольскія грамоты. Нѣкоторое количество грамотъ изъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ напечатано кн. Щербатовымъ («Истор. Росс.». Т. IV. ч. 3). Самая «Книга Крымскихъ Посольскихъ дѣлъ» (1474 — 1505 гг.), хранящаяся въ семъ Архивѣ, издана Им. Рос. Ист. Обществомъ: Сборникъ № XLI. Сюда вошли

и многіе документы, относящ. до сношеній съ Ногаями, Казанью, Молдавіей, Кафой и Царьградомъ. Замѣтки объ этомъ изданіи Бережкова въ Извѣст. Таврич. Учен. Архивн. Ком. № 21. Симферополь. 1894. Бантышъ-Каменскаго—«Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи». Ч. I. М. 1894.

105. О постройкахъ, объ Аристотелѣ Фіоравенти и другихъ художникахъ см. подъ соотвѣтствующими годами лѣтописи: Софійскія, Воскресенскую, Никоновскую. Памятн. диплом. снош. I. Упоминаніе о нѣмецкихъ мастерахъ, поручившихся за ревельск. посла, см. въ статьѣ Гильдебрандта. Baltische Monatschrift. Neue Folge. B. 2, и Бережкова «О торговлѣ Руси съ Ганзой» стр. 261. Просьба Менгли Гирея о серебряныхъ чарахъ въ Крымск. дѣлахъ. № 1. (См. Исторію Соловьева т. VI, стр. 153.) Контарини въ Библіотекѣ Иностр. пис. о Россіи. По словамъ Михалона, у Москвитянъ много разныхъ мастеровъ, такъ что въ Литву отъ нихъ идутъ чаши, трости, сѣдла, копья, украшенія и разное оружіе. Онъ же сообщаетъ, что Иванъ III украсилъ свой дворецъ каменными изваяніями на подобіе Фидіевыхъ, позолотивъ нѣкоторые верхи его часовней (33). I. О кремлевскихъ соборныхъ храмахъ см. монографіи: «Истор. Описаніе Москов. Успен. собора». М. 1880. «Московскій Архангельскій соборъ». Протоіерея Лебедева. М. 1880. «Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ». И. С. (Снѣгирева). М. 1854. Въ 1882 году, по случаю передѣлки иконостаса въ Моск. Успен. соборѣ, за этимъ иконостасомъ открыта каменная стѣнка съ фресками. Эта стѣнка представляетъ алтарную преграду въ ея первоначальномъ видѣ, когда въ соборѣ еще не было высокаго деревяннаго иконостаса. Относительно этихъ фресокъ см. брошюры: проф. Усова «Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора». М. 1882, и профес. Мансветова «По поводу недавно открытой стѣнописи въ Москов. и Владимір. Успенскихъ соборахъ». М. 1883. Затѣмъ см. К. Быковскаго «Докладъ о реставраціи Московскаго Успенскаго Собора» въ 1895 г. Вообще объ итальянскихъ мастерахъ см. у о. Пирлинга (La Russie et le Saint-Siége, кн. II. гл. 2) La Renaissance à Moscou, съ нѣкоторыми новыми архивными данными.

106. До насъ дошло подробное описаніе свадьбы великой княжны Ѳедосьи Ивановны съ Василіемъ Даниловичемъ Холмскимъ, съ тѣми старинными обрядами и церемоніями, которыми она сопровождалась. См. Древн. Рос. Вивліоѳика. Т. XIII. О выборѣ Саломоніи Сабуровой между 1500 дѣвицами сообщаетъ Герберштейнъ—Comment. По изд. Старчевскаго стр. 18. О нашемъ сватовствѣ въ Даніи см. у Щербачева (Чт. О. И. и Д. 1893. I.)

107. О смерти Ивана Молодого и лекарѣ Леонѣ П. С. Р. Л. Т. VI. 239. и Ник. Л. VI. 125. О лекарѣ Антонѣ у Карамз. къ т. VI. прим. 318, ссылка на лѣтопись Львова. О казни приверженцевъ Василія и Софьи П. С. Р. Л. Т. VI. 279. Вѣнчаніе внука Димитрія въ Софійск. Воскресн. Никон. и въ С. Г. Г. и Д. II. № 25. Герберштейнъ. «Чинъ поставленія на в. княжество Димитрія, внука Ивана III». (Лѣтоп. Занятій Археогр. Ком. Вып. 3. 1864.) «Историческое Описаніе Коронацій» М. 1856. См. также *Е. В.*

Барсова «Древнерусскіе памятники свящ. вѣнчанія царей въ связи съ греческими ихъ оригиналами». М. 1883. *Георгіевскаго* «Коронованіе русскихъ государей». (Рус. Обозрѣніе. 1895). Ноябрь. Напрасно нѣкоторые приписывали торжественный обрядъ вѣнчанія на царство вліянію Софьи. Данный случай, т. е. вѣнчаніе внука прямо противъ нея направленное, доказываетъ, что этотъ обрядъ выработался у насъ прежде ея прибытія. Опала Патрикѣевыхъ и казнь Ряполовскаго въ Софійск. Воскресен. Степен. кн. О благословеніи Василія великимъ княземъ въ Никонов. О путешествіи Карачарова и Ралева въ Италію для найма мастеровъ и задержкѣ ихъ Стефаномъ въ Молдавіи см. Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. XLI. О томъ же предметѣ и о судьбѣ братьевъ Софьи о. Пирлингъ. 209—210 и 229—236. О двукратномъ пріѣздѣ Андрея Палеолога въ Москву. Никон. IV. 110 и 125. П. С. Р. Л. № VIII, 205—219. Русскій лѣтописецъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что великая княгиня *Римлянка* „много истеряла казны в. князя, давала бо брату". (П. С. Р. Л. VI. 235). Тутъ выразилось такое же нерасположеніе къ Софьѣ какъ и по поводу ея бѣгства изъ Москвы во время Ахматова нашествія (Ibid. 232). О выѣздѣ въ Москву Ралопалеолога съ семьей въ Ник. подъ 1484 г.

108. Источники: П. С. Р. Л. III, IV, VI, VIII. Никонов. Степен. кн. Татищевъ (въ Чтен. Об. И. Др. 1847 г. IV). Русскій хронографъ 2-й редакціи. (Изб. Анд. Попова. 172. и слѣд.). Посланіе *Геннадія* къ архіеп. Ростовскому Іоасафу въ Чт. Об. И. и Д. 1847. VIII. Его же посланіе митроп. Зосимѣ въ Акт. Арх. Эксп. I. № 380. Его же повольная грамота на избр. митроп. Симона въ Допол. къ Ак. Ист. I. № 19. Его же посланіе къ митроп. Симону въ Акт. Истор. I. № 104. Грамота великаго князя и митроп. Геронтія Геннадію въ Акт. Ист. I. № 285. *Іосифа Волоцкаго* посланія къ Никифору еп. Суздальскому и архим. Митрофану въ Чт. Об. И. и Др. 1847. I. Его же Просвѣтитель въ Православ. Собесѣдникѣ. Казань, 1855—56 гг. См. также въ Древн. Рос. Вивліоѳикѣ. XIV. (Грамоты Геронтія митрополита къ архіеп. Геннадію о ересяхъ и Геннадія къ митр. Симону). Соборныя опредѣленія 1503 года въ Акт. Ар. Эксп. I. №№ 382 и 383. Отреченная грамота Геннадія. Ibid. № 384. „Житіе препод. Іосифа Волоколамскаго", составленное Савою, еписк. Крутицкимъ. М. 1865 (Также напечатано въ Велик. Мин. Чет. митроп. Макарія. Спб. 1868). Житіе того же преподобнаго, составленное неизвѣстнымъ. М. 1865. „Надгробное слово" преподобному Досиѳея Топоркова. М. 1865. Посланіе Георгія Скрипицы въ Чт. Об. И. и Др. 1848. VI. Соборное опредѣленіе о церковныхъ имуществахъ напечатано въ изслѣд. *Калачова* „О Кормчей книгѣ". Чт. Об. Ист. и Др. 1847. III. Пособія: Изслѣдованіе *Руднева* „О ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви". М. 1838. *Сервицкаго* „Опытъ изслѣдованія ереси Новогород. еретиковъ" въ Православн. Обозр. 1862. VIII. *Казанскаго* „Іосифъ Волоколамскій" и „Писанія Іосифа Волок." въ Прибавленіяхъ къ Твор.

Св. Отцевъ. 1847 г. *Булгакова* „Преподобный Іосифъ Волоцкій" — церковно историч. изслѣд. Спб. 1865. *Хрущова* „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго". Спб. 1868. (Въ приложеніяхъ напечатаны нѣкоторые источники, извѣстные только по рукописямъ). Взыскательная рецензія на эту книгу *Невоструева* въ Отчетѣ о двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. (Еще рецензія проф. О. Миллера въ Ж. М. Н. Пр. 1868. Февраль.) *В. Милютина* „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи". Чт. Об. И. и Др. 1859. IV. „Препод. Нила Сорскаго преданія ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ". М. 1849. „Препод. Нилъ Сорскій, первооснователь скитскаго житія въ Россіи". Спб. 1864. *Архангельскаго* „Нилъ Сорскій" въ Памятникахъ Общ. Древ. Письменности. XVI. Спб. 1882. Рецензія Д. К. (Д. А. Корсакова?) на это сочиненіе въ Ж. М. Н. Пр. 1882. Сентябрь. Архіеп. Литов. *Макарія* „Исторія Русской церкви". Т. VI. *Панова* — „Ересь жидовствующихъ". Жур. М. Н. Пр. 1877. Январь, Февраль и Мартъ. Въ своихъ выводахъ онъ склоняется къ тому, что эта ересь главнымъ образомъ была направлена противъ церковно-обрядовой внѣшности; причемъ все-таки слишкомъ много вліянія на нее даетъ іудейству. Г. Пановъ (вслѣдъ за Карамзинымъ, Соловьевымъ и др.) смѣшиваетъ жида Схарію съ таманскимъ владѣтелемъ Захаріемъ Скарою, которому Иванъ III писалъ грамоты въ 1487—88 гг. (Зап. Одес. Об. Ист. и Др. Т. V. 272 и 274. Въ этихъ грамотахъ Иванъ называетъ себя «Царь всея Руссіи»). Брунъ доказалъ, что этотъ Скара совсѣмъ не былъ еврей. (Труды Перв. археол. съѣзда. 385). Объ этомъ таманскомъ князѣ Захаріи „Черкашенинѣ" или „Фрязинѣ" (онъ былъ итальянскаго происхожденія)-упоминается въ Сбор. Рус. Ист. Общ. XLI. 114 и 309. Иванъ III тщетно звалъ его на свою службу. Въ указателѣ къ этой книгѣ также смѣшиваютъ его съ евреемъ Схаріей. (О томъ у Бережкова въ замѣткахъ помянутыхъ въ прим. 104). О новгородскихъ еретикахъ и жидѣ Схаріи см. еще въ Рус. Хронографѣ второй редакціи (Изборн. А. Попова. 172 и слѣд.) *Никитскаго* „Очеркъ внутренней Исторіи церкви въ В. Новгородѣ". Спб. 1879. Приложеніе 6-е. Здѣсь разборъ существующихъ воззрѣній на ересь Жидовствующихъ. Авторъ вполнѣ основательно отдаетъ предпочтеніе мнѣнію Сервицкаго передъ взглядомъ Руднева на ересь эту и доказываетъ, что еврейству придано въ ней преувеличенное значеніе. *Павлова* — „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи". (Записки Новорос. универс. Т. VII. Од. 1871). Объ анаѳемѣ на „обидящіе церкве", взятой изъ Новгород. Чина православія, см. у него на стр. 51 примѣчаніе.

Нѣкоторыя изъ помянутыхъ выше посланій, относящихся къ Ереси Жидовствующихъ, вновь изданы въ VI томѣ *Русской Исторической библіотеки*, подъ редакціей того же проф. Павлова. Именно, №№ 114, 115, 120 и 121. Подъ № 115 издана вполнѣ грамота Геннадія Собору 1490 года, извѣстная прежде только по отрывку. Кромѣ того здѣсь впервые появляется

„Поученіе митрополита Зосимы“ противъ еретиковъ. № 116. Это собственно только начало поученія, а конецъ утраченъ. Сей отрывокъ даетъ редактору поводъ утверждать въ примѣчаніи, будто Зосима не былъ въ числѣ еретиковъ: ибо онъ написалъ противъ нихъ посланіе. Такое мнѣніе не выдерживаетъ критики. Посланіе это написано не отъ одного Зосимы, а отъ всего Собора епископовъ, на которомъ была осуждена ересь. Подпись митрополита подъ симъ офиціальнымъ актомъ нисколько не противорѣчитъ извѣстію о томъ, что онъ въ тайнѣ раздѣлялъ ученіе еретиковъ. Не противорѣчитъ тому и другой офиціальный актъ съ именемъ Зосимы: *Списокъ отреченныхъ книгъ,* напечатаный подъ № 117. На таковомъ основаніи еще нельзя отрицать положительныхъ свидѣтельствъ Іосифа Волоцкаго и другихъ современниковъ о тайныхъ связяхъ Зосимы съ еретиками, которые по наружности оставались православными; а изъ нихъ принадлежавшіе къ духовному чину продолжали точно также священнодѣйствовать. Что на Соборѣ 1490 года Зосима ратовалъ противъ казни еретиковъ, о томъ см. у Татищева (стр. 110). О сверженіи его нѣкоторыя лѣтописи прямо говорятъ: „митрополитъ Зосима остави митрополію не своею волею, но непомѣрно питія держашася и о церкви Божіи не радяша“. (Новогород. Четвертая и Воскрес. подъ 1494 г.). Степен. книга (I. 477) выражается, что Зосима лишенъ престола за нѣкое *преткновеніе.* О всенародномъ сложеніи съ себя сана „ради немощи“ сказано въ названной выше Повольной грамотѣ Геннадія на избраніе митроп. Симона. На астрономическій или собственно-астрологическій элементъ Новгородской ереси указываетъ и самъ Іосифъ Волоцкій въ своемъ Просвѣтителѣ. (См. полемику мою. съ проф. Павловымъ, во втор. выпускѣ моихъ „Мелкихъ Соч.“. М. 1896 г.).

Борьба съ Ересью мниможидовствующихъ дала толчекъ нашей духовной письменности. Тотъ же архіепископъ Геннадій, въ виду начитанности еретиковъ, озаботился собрать во едино всѣ книги Св. Писанія въ славянскихъ переводахъ. Любопытно, что тѣ книги Ветхаго Завѣта, которыхъ онъ не находилъ въ переводѣ съ греческаго или еврейскаго языка, онъ поручалъ переводить изъ латинской Библіи или Вульгаты. Полный Геннадіевскій списокъ Библіи хранится въ Московск. Синод. Библіотекѣ. См. о немъ у Горскаго и Невоструева въ „Опис. Синодальн. Рукописей“. Введеніе и Отдѣлъ I. Рецензіи на этотъ трудъ П. А. Безсонова въ Рус. Бесѣдѣ 1857 г., а также И. И. Срезневскаго и А. Ѳ. Бычкова въ Сборникѣ статей по Отд. Рус. яз. и Словесн. Т. VII. Тамъ же и отвѣтъ Невоструева рецензентамъ, направленный преимущественно въ защиту дѣятельности Геннадія по составленію полной славянской Библіи. О литературной дѣятельности Геннадія см. у архіеп. Филарета „Обзоръ духов. литературы“ и архіеп. Макарія „Истор. Рус. церкви“. Т. VII. Относительно обряда посвященія новаго митрополита, по обычаямъ Византіи, см. Г. Георгіевскаго въ Моск. Вѣд. 1893. № 242. („Вступленіе на паству Московскихъ Святителей“).

109. П. С. Р. Л. VI и VIII. Объ участіи Гусева говорится въ лѣтописцѣ, который служитъ продолженіемъ Нестора. Судебникъ 1497 года былъ изданъ нѣсколько разъ; напр. вмѣстѣ съ Судебникомъ 1550 года Калайдовичемъ и Строевымъ. М. 1819. Самое исправное изданіе въ Акт. Истор. I. № 105. Отрывки изъ него въ латинскомъ переводѣ были приведены Герберштейномъ въ его Rerum Moscoviticarum Commentarii. Здѣсь особенно подробное извлеченіе о полѣ или судебн. поединкѣ. Проф. Ключевскій утверждаетъ, будто неполное или кабальное холопство явилось только въ XVI вѣкѣ и въ Судебникѣ 1497 года нѣтъ на него никакихъ намековъ („О происхожденіи крѣпост. права". Рус. Мысль. 1885. Августъ). Но онъ не отрицаетъ того, что къ концу XV в. этотъ видъ холопства уже существовалъ.

110. Библіот. Иностр. Пис. о Россіи. I. 59, 106, 112—114. Памятники диплом. сношеній. I. Дѣла польскія въ Арх. Мин. И. и Д. Порученіе развѣдать о французской болѣзни, данное боярскому сыну Ивану Мамонову, см. въ „Перепискѣ между Россіею и Польшей". (Чт. Об. И. и Др. 1860. IV. стр. 33). Заботливость Ивана III по сему поводу вполнѣ оправдывается извѣстіемъ лѣтописи Быховца, которая подъ тѣмъ же 1499 годомъ отмѣтила: „тогожъ году былъ голодъ великій въ земли Литовской и нѣмоцы французскіе на люды почалися множити". (стр. 67). Объ этой болѣзни см. любопытную монографію Эно̀ Le mal français à l'epoque de l'expedition de Charles VIII en Italie. Paris. MDCCCLXXXVI. Почти то же, что венеціанецъ Барбаро, говоритъ и литвинъ Михалонъ, но болѣе преувеличиваетъ: Иванъ III запретилъ кабаки и обратилъ свой народъ къ трезвости; а за корчемство опредѣлилъ строгія наказанія (стр. 31 и 33). Герберштейнъ — въ переводѣ Анонимова стр. 21—22. у Старчев. стр. 10. Духовная Ивана III въ Собр. Г. Г. и Д. I. № 144. Любопытно, что на ордынскіе выходы, въ Крымъ, Астрахань, Казань и Царевичевъ городокъ (Касимовъ) по этой духовной грамотѣ назначена тысяча рублей, которая и распредѣляется между братьями; причемъ на долю великаго князя приходится около 718 рублей. Свидѣтелями завѣщанія названы только духовникъ Ивана Андрониковскій архимандритъ Митрофанъ, четыре боярина: Василій Даниловичъ (Холмскій), Данило Васильевичъ (Щеня) и Яковъ Захарьичъ (Кошкинъ), да *казначей* Димитрій Володимеровичъ (Ховринъ). Грамоту писалъ *дьякъ* Данило Мамыревъ. Кромѣ нихъ въ грамотѣ упомянуты: *дворецкій* Петръ Васильевъ *Великій*, *печатникъ* Юрій Дмитріевъ Грекъ, дьяки Тишка Моклоковъ и Семенъ Башенинъ—все это хранители великокняжихъ ларцовъ съ казною; въ нихъ заключались деньги, золотые или осыпанные жемчугомъ и дорогими каменьями кресты, иконы, сосуды, цѣпи, пояса, соболя, шелковыя платья и иная *рухлядь*. Договорныя грамоты между сыновьями Ивана III, Василіемъ и Юріемъ. Ibid. №№ 133 и 134. Печать съ двуглавымъ орломъ и всадникомъ см. при Договорной грамотѣ Ивана Васильевича съ его двумя племянниками, князьями

Волоцкими о промѣнѣ и размежеваніи волостей. Ibid. № 129. П. С. Р. Л. VI, VII. Никонов. Татищевъ (въ Чт. Об. И. и Др. 1847. № 4). Относительно Кіевской области Иванъ Ш въ одномъ письмѣ къ дочери Еленѣ съ неудовольствіемъ говоритъ, что по слухамъ супругъ ея Александръ хочетъ отдать эту область своему младшему брату Сигизмунду. (Крым. дѣла № I). Наименованіе Ивана Ш *Великимъ* уже встрѣчается у писателей, напримѣръ въ XVI вѣкѣ у Герберштейна (стр. 22 перевода, у Старчев. стр. 10), въ XVШ у Татищева (стр. 152). Кромѣ того у нѣкоторыхъ старыхъ авторовъ онъ названъ *Грознымъ*. Chronica Петрея. Ядро Рос. Исторіи. См. у Карамз. къ т. VI. прим. 588. Михалонъ говоритъ, что Иванъ III причтенъ своими къ лику св. подвижниковъ какъ освободитель отечества (33). Ко времени Ивана III конечно относится начало извѣстной московской теоріи, по которой Москва есть прямая наслѣдница Византіи и называется «Третьимъ Римомъ». «Два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть»— какъ выражались наши книжники въ XVI вѣкѣ. Вотъ какъ говоритъ митрополитъ Зосима въ своемъ «извѣщеніи о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ»: «иже въ православіи просіавшаго, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина граду Константину-Москвѣ». (Рус. Ист. Библ. VI. 799). Тутъ очевидное начало указанной сейчасъ теоріи.

ЗАМѢТКИ:

Настоящее, второе, изданіе моей *Исторіи Россіи* я назвалъ «пересмотрѣннымъ и дополненнымъ». Укажу наиболѣе крупные пересмотры: вопросъ о послѣднемъ Галицкомъ князѣ Юріи II и Галицкомъ наслѣдствѣ, о т. наз. Дневникѣ графа Кибурга, о Флорентійской уніи и бракѣ Ивана III съ Софіей Палеологъ. Въ связи съ этимъ пересмотромъ очень расширены относящіяся сюда примѣчанія: 22, 23, 40, 54, 94. Вообще въ примѣчаніяхъ по возможности пополнена литература источниковъ и монографій, которая выросла въ теченіе времени, протекшаго послѣ перваго изданія. Пополнены и нѣкоторые прежніе пропуски. Для образца сошлюсь на примѣчанія: 9 (городъ Укекъ), 13 (Галицкая митрополія), 43 (Тамерланъ, Тохтамышъ и Эдигей), 49 (Самвлакъ), 59 (Червленый Яръ), 86 (Стефанъ Пермскій), 89 (Литература хожденій и повѣстей), 90 (лѣтописи), 92 (Мареа Посадница), 96 (басма и Татарское иго), 108 (жидъ Схарія), 107 и 110.

На стр. 51 сказано: «Супругѣ своей Александрѣ (дочери Дмитрія Брянскаго)». Дочь Д. Брянскаго Федосья была первою супругою в. князя Ивана II; а вторая его супруга, Александра Ивановна, неизвѣстно чья была дочь.

Къ прим. 103. Негодованіе противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ возбуждали и притѣсненія, вопреки старымъ договорамъ чинимыя въ Юрьевѣ (Дерптѣ) Русскому концу и его двумъ православнымъ храмамъ. А въ 1472 г. бискупъ и городскія власти за отказъ принять унію утопили въ р. Амовжѣ (Эмбахѣ) священника Исидора съ нѣсколькими десятками Русскихъ. (Филар. «Рус. Свят.» I. 15—17).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Собраніе историческихъ сочиненій. Томъ I-й. (Исторія Рязанскаго княжества. Екатерина Романовна Дашкова. Графъ Яковъ Сиверсъ). 3 р. 50 к.

Мелкія сочиненія. Выпускъ первый. (О преподаваніи исторіи. Путевыя замѣтки и воспоминанія. О Восточномъ вопросѣ и по внутреннимъ дѣламъ). 2 р. 60 к. Выпускъ второй. (По вопросамъ національной политики, экономіи, культуры и полемика съ противниками). 2 р. Оба выпуска, переплетенные вмѣстѣ, 4 р.

Разысканія о началѣ Руси, дополненныя вопросами о Болгарахъ и Гуннахъ. 3 р. 50 к.

Исторія Россіи. Томъ I-й. Періоды Кіевскій и Владимірскій. 4 р.

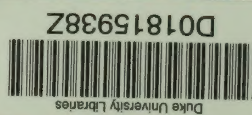
Исторія Россіи. Томъ III-й. Московско-Царскій періодъ. Первая половина. 3 р. 50 к.

Смутное время Московскаго государства. 2 руб.

Очерки и разсказы изъ Древней исторіи. 2 р. 50 к.

Очерки и разсказы изъ Средней исторіи. 1 р. 50 к.

Гродненскій сеймъ 1793 года. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. 1 р.


D01815938Z
Duke University Libraries